

Стивен Пинкус

ИСТОРИЯ

1688. The First Modern Revolution



1688. ПЕРВАЯ СОВРЕМЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

И С Т О Р И Я В О Д Н О М Т О М Е

1688 THE FIRST MODERN REVOLUTION

Steven
PINKUS

1688 год. ПЕРВАЯ СОВРЕМЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Стивен
ПИНКУС



Издательство АСТ
Москва

УДК 94(410)"1688"
ББК 63.3(4Вел)
П32

Steven Pincus
1688. THE FIRST MODERN REVOLUTION

*Перевод с английского Н.Я. Тартаковской
Компьютерный дизайн В.А. Воронина*

Печатается с разрешения издательства
Yale University Press.

Пинкус, Стивен

П32 1688 г. Первая современная революция : научно-популярное издание / Стивен Пинкус ; [пер. с англ. Н.Я. Тартаковская]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 928 с.

ISBN 978-5-17-093349-5 (Страницы истории)

ISBN 978-5-17-101157-4 (История в одном томе)

Английскую «Славную революцию» 1688 года, в результате которой был свергнут последний из королей династии Стюартов Яков II, принято считать не только мирной и бескровной, но и почти патриархальной, — ведь ее поддерживали, в равной степени, все наиболее консервативные слои тогдашнего английского общества, — от высшей аристократии до крестьянства.

Стивен Пинкус, анализируя перемены, которые принесла «Славная революция» не только Великобритании, ее заокеанским колониям, но и всей Европе, приходит к неожиданному выводу: именно эта первая современная революция положила начало обществу либерализма, терпимости, торжества закона, экономической и политической свободы.

УДК 94(410)"1688"
ББК 63.3(4Вел)

ISBN 978-5-17-093349-5 (Страницы истории)

ISBN 978-5-17-101157-4 (История в одном томе)

© Yale University, 2009

© Перевод. В.Л. Гончаров, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Содержание

От редакции	7
Благодарности	10

Часть I ПРЕЛЮДИЯ

Введение	14
<i>Глава первая.</i> Уничтожение революции	26
<i>Глава вторая.</i> Переосмысление революции	54

Часть II ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННАЯ АНГЛИЯ

<i>Глава третья.</i> По голландскому пути: английское общество в 1685 году	80
<i>Глава четвертая.</i> Английская политика времен коронации Якова II	135
<i>Глава пятая.</i> Идеология католической модернизации	171
<i>Глава шестая.</i> Практика католической модернизации	207
<i>Глава седьмая.</i> Сопrotивление католической модернизации	253
<i>Глава восьмая.</i> Народная революция	305
<i>Глава девятая.</i> Насильственная революция	346
<i>Глава десятая.</i> Разделяющая революция	376

Часть III РЕВОЛЮЦИОННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

<i>Глава одиннадцатая.</i> Революция во внешней политике . . .	413
--	-----

<i>Глава двенадцатая. Революция в политической экономике .</i>	<i>503</i>
<i>Глава тринадцатая. Революция в церкви</i>	<i>554</i>

Часть IV ЗАКЛЮЧЕНИЕ

<i>Глава четырнадцатая. Заговор, ассоциация и консолидация революции.</i>	<i>607</i>
<i>Глава пятнадцатая. Заключение: первая современная революция.</i>	<i>662</i>
ПРИМЕЧАНИЯ	683

От редакции

— Вы хотите сказать, что английский народ восстал и сверг этого негодяя Якова?

— У него очень правильный политический взгляд!..

(Рафаэль Сабатини,
«Одиссея капитана Блада»)

До сих пор эта фраза из знаменитого пиратского романа практически исчерпывает все, что мы знаем об английской «Славной революции» 1688 года. Причем подтекстом этого знания идет: понятно, что никакой английский народ не восставал, а революция была лишь верхушечным переворотом, и сам Блад относился бы к ней равнодушно — как поначалу относился к мятежу Монмута, — если бы не пострадал от бессмысленной жестокости режима после его подавления.

Как ни странно, эта трактовка событий 1688 года мало у кого вызывает возражения. Только если советские учебники истории как бы равнодушно пожимали плечами: «Ну какая же это революция?», то английские произносили ту же фразу с гордостью: не было у нас никакой революции, и в этом величайшее достижение английской цивилизации!

Книга Стива Пинкуса — монументальное исследование, ставящее своей целью дать ответ на вопрос: так была ли в Англии революция, и если была, то в чем она заключалась? Он применяет к событиям 1688–1689 годов теорию модернизации, и весьма успешно. Выясняется, что в Англии конкурировали два проекта

модернизации: католической, проводимой Яковом II по образцу Людовика XIV — и «англиканской», либеральной, демократической, проводимой не в интересах сильного государства и его элиты, а в интересах «среднего класса». И путь к последней проложили именно реформы Якова II. Ведь очень часто дорогу к революции мостят именно власти — осознавая необходимость модернизации государства и сами начиная эту модернизацию, но не сумев удержаться на гребне инициированного ими же неизбежного кризиса.

Интересно обратить внимание, что во всех приведенных автором дебатах английских революционеров, посвященных праву и законности смены власти, речь идет о *нормах*, но не о *правах* — и тем более не о свободах. Права и свободы, пусть даже декларированные в качестве закона (тем же Биллем о правах), раз за разом с легкостью нарушаются — и никого это особо не беспокоит, никто не использует это в качестве аргумента для доказательства незаконности режима Вильгельма Оранского. А вот нарушение легитимности наследования признается весомым аргументом всеми политическими силами — не исключая и либералов-вигов. Здесь уже именно якобиты, противники революции, апеллируют к «конституции» и к «старым законам Англии» — а их оппоненты не находят, чем возразить. Более того, парламент, поддерживающий Вильгельма и Марию, официально вынужден признать, что Яков II формально все еще является королем, а Вильгельм — всего лишь «исполняет его обязанности».

В итоге мы видим расширение политического поля, вступление на него новых сил — но ни самой революции (как кардинальной смены элит), ни реального (а не декларативного) утверждения принципов прав и свобод мы тоже не видим. Даже расширение прав протестантских диссентеров в начале XVIII века не выходит за пределы того, что уже дал им Яков II — а позднее опять отобразала революция. Зато мы видим, как англичане начинают ощущать себя единой нацией, как центром их самоидентификации становится не класс, не партия, а национальная англиканская церковь — в противовес католицизму Якова II и в противовес Франции, воспринимающейся едва ли не как абсолютное зло.

Автор уделяет достаточно много внимания идеологическим дебатам тори и вигов, а также борьбе двух концепций политической экономии, основанной на земельной собственности и осно-

ванной на производстве. Но при этом очевидно, что это была лишь дискуссия о путях развития революции — самой революции она уже не касалась. Ибо Славная революция 1688–1689 годов была в первую очередь не социальной, а национальной. Именно она создала ту Британию, которой на протяжении следующих двух с половиной столетий предстояло править морями...

Благодарности

Как и сама революция 1688–1689 годов, эта книга созревала очень долго. Более десяти лет, которые я работал над ней, я накапливал долги, большинство из которых никогда не смогу отдать.

Я начинал этот проект с весьма скромными намерениями. Я надеялся написать развернутое эссе, показывающее, что международное значение революции 1688–1689 годов было недооценено. Ряд бесед, которые я провел, став членом Гарвардского общества научных работников (Harvard's Society of Fellows), убедил меня, что есть смысл сделать кое-что большее. Бернард Бейлин был одним из первых, кто подвиг меня к более широкому взгляду. Уоллейс Маккефри, руководитель моей диссертации, как всегда неустанно поддерживал и помогал. Блэйр Уорден не только подталкивал меня, но и постоянно задавал трудные вопросы. После ленча в Черчилль-колледже Марк Голди предложил мне глубже заглянуть в коммерческую и торговую обстановку 1680-х. Когда мы с Тимом Харрисом узнали, что мы пишем параллельные книги, мы провели множество обсуждений, чтобы быть уверенными, что не дублируем наши усилия.

Многие идеи, возникшие в этой книге, несут след моего пребывания в Чикагском университете. Мои тамошние коллеги не только с исторического факультета, но и с факультета социологии как на политической, так и на английской кафедрах, задавали великолепные вопросы и помогали задумываться о новых путях, на которых я мог найти новые ответы. Уайлдер-Хауз, Чикагский Гуманитарный центр и Семинар по ранней истории современности предложили для обсуждения темы с пересекающимися дисципли-

нами для споров и проверки идей. Некоторым моим друзьям и коллегам пришлось выпить необычайно много чашечек кофе со мной в «Классикс-кафе» и в других местах. Они заслуживают особой благодарности. Билл Новак всегда имел наготове открытую дверь и слово поддержки. Энди Эббот держал наготове прекрасные советы и желание подставить знающее и критическое ухо. Ричард Стриер, несмотря на пылкое желание, чтобы я занялся позднеелизаветинским периодом или эпохой короля Якова, задавал важные вопросы и предлагал провокационные советы. Клаудио Ломниц охотно исполнял роль партнера по теннису и прекрасного читателя моей работы. Линн Сандерс не только весело обсуждала идеи и концепции, но также бесстрашно заостряла внимание на ключевых моментах. Корнелл Флейшер, Джулес Киршнер и Тамар Херцог помогали создавать живое ранне-современное общество.

В последние годы моего пребывания в Чикаго Николсон-центр обучения британских студентов создавал новую обстановку для обдумывания моего проекта. Дженел Мюллер не только способствовала созданию этого центра, но также стала мне другом и коллегой. Обсуждения на совете с Дипешом Чакраборти, Джейкобом Леви, Энди Эбботом, Дженел и другими людьми рождали новые типы вопросов. Ева Уилхем была не только потрясающим администратором, но также и интеллектуальной силой и дорогим другом.

С момента своего переезда в Йель я извлекаю пользу от общения с широким кругом коллег в лице Кейт Райтсон, Стюарта Шварца, Джулии Адамс, Фила Горски, Дэвида Адердауна, Франчески Тривеллато, Дэвида Куинта, Аннабель Паттерсон, Каруны Мантены, Джима Уитмена и Брайана Гарстена. Участники курса «Переход к современности в британских исторических исследованиях» и коллоквиума по сравнительной социологии не раз оказывались для меня дружеской и критической аудиторией.

Этот проект по необходимости оказался трансатлантическим. Многие ученые и друзья как в Великобритании, так и на континенте предоставляли мне поддержку, постель по случаю, а чаще — просто терпеливое ухо во время долгого созревания этого проекта. Адам и Каролина Фокс часто принимали меня в своем доме, по необходимости обеспечивая мне хорошую пищу и отличное настроение. Адам гораздо чаще, чем хотел бы, обсуждал со мной

английскую политическую историю и поднимал важные вопросы. Марк Найтс разделял идеи и свою страсть к той же области. Блэр Уорден всегда охотно подставлял критическое ухо и поставлял полезные источники. Жан-Фредрик Шауб приглашал меня провести время в EHSS и обеспечивал возможность изложить мои идеи перед французской аудиторией.

Я многим обязан своим студентам, как уже закончившим учебу, так и еще обучающимся, и в Чикаго, и в Йеле. Я не только докладывал им мои сумасшедшие идеи — которые они имели мужество терпеливо выслушивать лишь с редкими ухмылками и покачиванием головами, — но, что более важно, они помогали формировать себя на семинарах, во время бесчисленных чашек кофе и редких встреч на ленче или за обеденным столом. Некоторые работали со мной в качестве лаборантов: Эбби Свинген (теперь из университета Обурн), Райен Фрейс (теперь колледж Уэллсли), Брент Сирота (теперь в государственном университете Северной Каролины), Джерри Сиарни и Элис Вулфрем. Другие читали отдельные готовые главы, обсуждали темы и проявляли неоценимую интуицию: это были Аманда Бем, Лиза Диллер, Эми Дунагин, Джастин Дю Риваж, Арвинд Элангован, Джессика Хансер, Элизабет Герман, Сара Кинкель, Фредерик Джонсон, Меган Линдсей, Лесли Зейберт, Джеймс Вон и Хизер Уэлланд. Я не смог бы довести рукописи до завершения без невероятной помощи Элис Вулфрем. Элис читала каждую главу несколько раз, помогала поймать образы и терпеливо ждала, пока я промахивался мимо каждого намеченного мною самому себе крайнего срока.

Много, много друзей и ученых читали и комментировали разделы рукописи. В особенности Питер Лейк, Джим Ливси, Френк Трентман, Алан Хустон, Дон Герцог и Адам Фокс наметили достоверно звучащие границы проекта. Мег Якобс внес много полезных предложений и всегда был готов при малейшей необходимости взглянуть на особенно распухшие куски моей прозы. На более поздних стадиях проекта Крис Роджерс, мой редактор в издательстве Йельского университета, подталкивал меня к работе, и эти толчки, как я очень надеюсь, сделали книгу лучше и более читабельной.

Но моя самая большая благодарность, конечно же, должна быть высказана моей многострадальной семье. Сэм жил с этой книгой столько же лет, сколько жил со мной. Я хотел бы только,

чтобы эта книга развивалась так же, как он развивался физически, как студент и как личность. Энди имел лишь самые смутные понятия о том, что эта книга писалась. Тем не менее его пробуждение и крики в 5 утра оказали на меня огромное влияние. Для Дэвида «ухожу в офис» являлось моральным эквивалентом «ухожу на спортивную площадку» — с той только разницей, что я оставался в своем офисе дольше, чем кто-либо позволил бы Дай-Даю оставаться на площадке для игр. Но Дай-Дай был прав, когда считал, что написание этой книги было сплошным развлечением.

Больше же всего я хочу поблагодарить свою супругу Сью, которая была для меня академическим образцом, строгим критиком и любящим другом. Без ее поддержки, подбадривания, критики и сочувствия эта книга никогда не была бы написана. Без нее эта книга (вероятно) и моя жизнь (наверняка) были бы куда менее богатыми.

Стивен Пинкус

Часть I

ПРЕЛЮДИЯ

Введение

Английская Славная революция 1688–1689 годов занимает особое место в нашем понимании современного мира и революций, которые оказали влияние на его формирование. Большую часть времени в течение трех веков ученые, общественные деятели и интеллектуалы идентифицировали английскую революцию 1688–1689 годов как определяющий момент в истории Англии. Политические философы ассоциировали ее с зарождением либерализма. Социологи сравнивают ее с французской, русской и китайской революциями. Историки указывают на революцию как на подтверждение необычной природы английского государства. Специалисты по литературе и культуре придают большое значение революции 1688–1689 годов как важному моменту в формировании английского здравого смысла и сдержанности.

Все эти интерпретации происходят из глубоко укоренившегося и часто повторяемого изложения английской революции 1688–1689 годов. К несчастью, это изложение неверно. А замена традиционного исторического рассказа на новый, в свою очередь, неизбежно заставит нас изменить многое в базовых исторических, политических, моральных и социологических категориях, которые мы используем для определения современного мира.

Эта книга намерена объяснить и пути, на которых этот традиционный взгляд оказался ошибочен, и почему этот взгляд так широко принимался столь долгое время. Старое изложение описывает революцию 1688–1689 годов как великий момент, в который англичане *защитили* свой уникальный образ жизни. Довод,

который я выдвигаю в этой книге, заключается в том, что английские революционеры *создали* новый тип современного государства. И именно новое государство оказало такое влияние на формирование современного мира.

Мужчины и женщины во всем англоязычном мире сразу же поняли, что произошло во время английской революции 1688–1689 годов. В 1685 году католический король Яков II унаследовал корону Англии. В 1689 году англичане решили заменить его на протестантского короля Вильгельма III и королеву Марию II. В годы своего правления Яков II постепенно близоруко отталкивал от себя умеренных и разумных англичан. Он делал это, совершая несколько хорошо известных ошибок. В конце 1685 года он чрезмерно резко отреагировал на романтическое, но безнадежное восстание своего племянника, протестанта герцога Монмута, устроив после подавления восстания «кровавые ассизы» (Bloody assizes) и казнив сотни скромных жителей Западной Англии. Намереваясь укрепить социальный и политический статус своих католических единоверцев, Яков деспотично обошелся с английским законом. Он настаивал на своем праве игнорировать статут парламента и отдать католикам военные и морские полномочия. В 1687 году он воспользовался своими вновь объявленными (и незаконными) духовными полномочиями, чтобы заставить англиканские протестантские университеты принимать представителей римско-католической веры. Когда студенты Оксфордского колледжа Магдалены стали сопротивляться требованиям короля, он изгнал преподавателей колледжа, превратив учебное заведение в католическую семинарию.

Хорошо известно, что после того как Яков II не смог уговорить ни палату общин, ни палату лордов аннулировать английские законы, направленные против римско-католической церкви, он решил ослабить парламент. Сначала он заявил свое право на аннулирование Акта о присяге (*Test Act*)* и Карательных законов (*Penal Laws*). Эти права парламента — требующие в случае присяги, чтобы все политические или военные чиновники давали клятву по ритуалу Английской церкви, а в случае Законов о наказании

* Принят по требованию парламента в 1679 году; согласно ему, любой занимающий государственную или общественную должность обязан был заявить о том, что признает главой церкви английского короля и отвергает пресуществование — главное таинство католической мессы. (*Прим. ред.*)

карающие тех, кто исполнял обязанности перед неанглийскими церквями или посещал в них службу — успешно избавляли англичан от католической практики континента.

Затем Яков решился ратифицировать свой королевский указ в парламенте — уверенный, что депутаты исполнят его волю. Когда в июне 1688 года семь епископов Церкви Англии оказали открытое неповиновение Якову II, отказавшись принять его Декларацию об индульгенции (*Declaration of Indulgence*), аннулирующую Карательные законы и Присягу*, заявив с англиканских кафедр о том, что она незаконна, Яков привлек этих семь прелатов к суду для проведения показательного процесса. То, что даже тщательно отобранные английские присяжные оправдали епископов, продемонстрировало степень, до какой Англия демонстрировала нелояльность своему королю. Вскоре после суда англичане пригласили в Англию голландца Вильгельма III, принца Оранского, дабы тот отстаивал их религиозные и политические свободы.

Англичане с энтузиазмом приветствовали Вильгельма по прибытии на запад Англии в 1688 году. Армия Якова быстро растаяла после серии эффектных дезертирств, в том числе и будущего герцога Мальборо. Яков с женой и новорожденным сыном бежали во Францию. В феврале 1689 года англичане согласились заменить Якова Вильгельмом и Марией, и это поныне считается замечательным моментом политического единения нации. Коронация новых монархов была подтверждена опубликованием Декларации прав (*Declaration of Right*), где указывались пункты, по которым Яков II преступил английский закон. Тем самым была ограничена власть английских королей.

В традиционном изложении событий Славной революции англичане под предводительством своих народных лидеров в обеих палатах парламента, в 1688–1689 годах лишь чуть-чуть изменили английскую политику. Они ввели несколько иной порядок престолонаследия, сделав невозможным наследование престола католиком, а также провозгласили Акт о веротерпимости (*Toleration Act*), позволив протестантам-диссентерам свободно проводить свои службы. Безусловно, возникли некоторые важные неожиданные последствия этой бескровной революции. Но эти результаты

* Формально обе декларации о веротерпимости (1687 и 1688 годов) предоставляли равные права диссентерам обоих направлений — и католикам, и радикальным протестантам. (*Прим. ред.*) *

следовало воспринимать скорее не как прямые следствия событий, а как естественный продукт английского национального характера — того характера, который католические монархи дома Стюартов так стремились изменить.

Это та история, которую прекрасно знал каждый английский школьник и многие в Северной Америке. То была история, которую великий викторианский историк Томас Бабингтон Маколей изложил в своей магистерской диссертации «История Англии», впервые опубликованной в середине XIX века. Эта «История» немедленно и неизбежно стала бестселлером и с тех пор заслуженно сохраняет свое влияние. Маколей облек свою историю в красивую и доступную прозу. Он построил рассказ на исчерпывающем исследовании. Любой ученый, интересующийся концом XVII века, должен начать свое исследование с изучения штудий Маколей, представленных теперь в Британской Библиотеке. Очень немногие из ученых, работавших после того, как Маколей описал эти события, достигли его уровня архивного мастерства. Во многих аспектах последующие ученые отклоняются от изложения Маколей лишь в деталях, принимая, тем не менее, его общий тезис.

Тезис Маколей стал *классическим* утверждением либеральной интерпретации революции 1688–1689 годов. Он имеет ряд отчетливых положений. Первое: революция была нереволуционной. В отличие от других последующих революций английская революция была бескровной, согласованной, аристократической и, кроме того, разумной. У англичан не было желания преобразовать свое государственное устройство, свое общество и свою культуру. Наоборот, они беспокоились, что Яков II как раз и намеревается сделать это. Второе: революция была протестантской. Яков II попытался восстановить в Англии католицизм. Революцию совершили, чтобы Англия осталась протестантским государством. Третье: революция продемонстрировала фундаментальную особенность английского национального характера. Жители континентальной Европы постоянно колебались между диким экстремизмом республиканского и народного правительства с одной стороны и тираническим королевским абсолютизмом — с другой. Англичане, наоборот, доверялись ограниченной монархии, допустив лишь разумное количество сдержанных народных свобод. Так же как англиканская церковь стала разумной серединой между крайностями римского католицизма и радикальным протестант-

ским сектантством, так и английское государственное устройство, поддерживая свою древнюю конституцию, было разумным и умеренным. В этом контексте англичане оставались приверженцами своей иерархической социальной структуры именно потому, что она не навязывала непреодолимого разрыва между аристократией и народом. Четвертое: не существовало социальных обид, пронизывающих революцию 1688–1689 годов, потому что английское общество мало изменялось в период до бегства Якова II. Только после того как английские права на собственность были закреплены революцией, лишь после того как абсолютизм стал больше невозможен в Англии, английская экономика действительно смогла расцвести.

Эта книга бросает вызов каждому положению сложившегося представления. Я утверждаю, что Английская революция 1688–1689 годов была первой современной революцией. Я пришел к этому заключению после более чем десяти лет поисков в архивах Великобритании, Северной Америки и Европы. Маколей построил свой рассказ на огромном количестве свидетельств; но еще больше нового материала стало доступно за прошедшие полтора века, а новые библиографические технологии облегчили нахождение этого материала. Маколей, считал, что знает, чего должен был хотеть католический король, чтобы достичь желаемого, — а я решил попытаться вскрыть цели, идеи и подоплеку, которые двигали Яковом II и его католическими советниками. Маколей считал, что европейские дела мало интересовали англичан; я, наоборот, решил серьезно отнестись к массе злободневных публикаций того времени, обсуждавших политику континентальных властей. Маколей считал, что экономические конфликты сделались центральными политическими вопросами только в его время; я решил вместо этого исследовать связи между стремлениями и достижениями сообществ английских купцов и политикой конца XVII века.

Я извлек огромную пользу из исследований ученых XX века в области социальной и экономической истории Англии. Эти новые исторические работы, как мне кажется, позволяют поведать радикально отличную историю о революции 1688–1689 годов. В этом рассказе английский опыт предстает не исключительным, а абсолютно типичным для государств, испытавших современные революции, и его отличие только в приоритете. Революция 1688–1689 годов важна не потому, что она подтвердила исключитель-

ность английского национального характера, а потому, что она стала поворотным моментом в возникновении современного государства.

Англия в конце XVII века быстро становилась современным обществом. Ее экономика была на подъеме. Ее города росли и становились более удобными. Ее торговля расширялась. Эти элементы развития создавали возможности для английских государственных деятелей обеспечить более активную роль английскому правительству. Но социальные и экономические перемены не позволили избежать революции 1688–1689 годов. Яков II, находящийся под сильным влиянием католицизма, который он исповедовал, и под влиянием успехов политической модели своего кузена, Людовика XIV во Франции, решил создать современное абсолютистское государство. Яков и его сторонники создали централизованную бюрократическую систему, профессиональную постоянную армию и флот мирового класса. В то же самое время Яков создавал современное католическое государство. Он, как и его кузен Людовик XIV, хотел иметь подданных католиками, но не иметь папу своим сюзереном. Яков настаивал на абсолютном господстве внутри собственных владений, но в то же время стремился сделать католической свою протестантскую страну. Он успешно содействовал распространению католической примирительной литературы, увеличению количества католических школ и колледжей, открытию католических церквей.

Никто из живущих в Англии в 1680-е годы не мог не сталкиваться с новыми проявлениями католицизма в повседневной жизни Англии. Яков с советниками понимали, что его современное государство нуждается в широком наборе ресурсов, чтобы поддерживать свою внешнюю экспансию. Они быстро осознали, что централизованная империя с заморскими территориями, с базами в Индии, Северной Америке и Вест-Индии обеспечит необходимую поддержку реформам. Яков, таким образом, получил бы новые возможные ресурсы дальнейшего расширения империи, создавая современное католическое государство.

Противники Якова были в целом революционерами, а не реакционерами. Они признавали, что только модернизированное английское государство может соревноваться с современной Европой. Однако в отличие от Якова революционеры ориентировались скорее на Нидерландскую республику, чем на французскую

монархию, ища себе политический образец для подражания. Они тоже хотели иметь государство, которое может содержать мощную армию и первоклассный флот. Они тоже понимали, что такое государство должно быть централизованным, и тоже являлись сторонниками экспансии. Но в отличие от Якова и его советников революционеры считали, что Англия станет более могущественной, если будет ориентироваться на политическое сотрудничество, а не на абсолютизм, если проявит религиозную терпимость, а не станет католической, и если займется продвижением английского производства, а не поддержанием земельных собственников. Революционеры хорошо понимали, что эти политические предпочтения ставят их в идеологические противоречия с современной католической монархией Людовика XIV. Поэтому они были полностью готовы к тотальной войне против Франции — не только чтобы защитить Британские острова от потенциальной реставрации якобитов при поддержке Франции, но чтобы также быть уверенными, что европейские рынки будут доступны для английских производителей и что европейские свободы будут сохранены вопреки абсолютизму французского образца.

Яков II и его противники не только радикально отстаивали различные программы модернизации — они в одинаковой степени были способны использовать современный арсенал политических орудий. Яков преуспел в создании, сохранении и развертывании дееспособной и дисциплинированной армии. Он контролировал процесс слияния большинства муниципальных корпораций по всей Англии и Уэльсу в лояльный инструмент местной политики. Яков использовал прессу и различные политические институты для пропаганды ценностей своего режима и замалчивания альтернативных точек зрения. Режим Якова может выглядеть недолгим и слабым в ретроспективе — но в реальности конца XVII века он создал мощную систему. Именно потому, что Яков смог создать такое мощное государство, многие его противники понимали, что предстоит яростная борьба и что лишь революционные преобразования могут не дать будущей английской монархии воссоздать современное абсолютистское государство. Те, кто сверг Якова II в 1688 году и сформировал в течение следующих десяти лет новый режим, безусловно, были революционерами.

Хотя господствует мнение, что Славная революция была бескровной, аристократической и пользовалась поддержкой всех

слоев населения, в действительности все проходило по-другому. Революция 1688–1689 годов была, конечно, менее кровавой, чем революции XX столетия, но англичане стойко перенесли насилие против собственности и личностей в масштабах, вполне похожих на масштабы Французской революции конца XVIII века¹. Английские мужчины и женщины по всей стране угрожали друг другу, разрушали имущество друг у друга, убивали и калечили друг друга в течение всего периода революции. Англичане и англичанки, от Лондона до Ньюкастла, от Плимута до Норвича, пользовались насилием или угрозой насилия, либо существовали под вселяющим ужас страхом насилия. Революционные события не были спокойными и мирными. Не представляли они и уравновешенных переговоров, ведущихся элитой. Люди всех социальных категорий вышли на улицы, шагали, взявшись за руки, по проселочным дорогам и центральным шоссе, жертвовали огромные деньги — некоторые очень маленькие суммы, — чтобы поддержать революцию. Когда члены палаты лордов попытались неторопливо установить принципы наследования после побега Якова II из страны, рассерженная толпа в несколько десятков тысяч человек пресекла обсуждения лордов и заставила их действовать немедленно.

Неудивительно, что те, кто обладал властью, свободой действий и идеологической сплоченностью при новом режиме Якова II, с большим энтузиазмом поддерживали своего короля в 1688 году и даже позднее. Так как многие революционеры хотели заменить французский тип модернизационной программы Якова II на программу, основанную на нидерландской модели, то неудивительно, что многие другие поддерживали уничтожение нового государственного здания Якова II, делая при этом все возможное, чтобы предотвратить возникновение альтернативы в лице Вильгельма. Все 1680-е, 1690-е годы и даже позднее среди англичан сохранялось политическое и идеологическое разделение. Не было такого периода в конце XVII века, в котором разумный народ Англии дружно сотрудничал бы против неразумного монарха, дабы избавиться от него. Революция 1688–1689 годов, как и все другие революции, была дикой, народной и разделяющей.

Центральной мыслью этой книги является то, что англичане в конце XVII века выковали первую современную революцию. Эта революция имела долгосрочные причины и долгосрочные последствия. Англичане не смогли бы переделать свое государство

и общество так, как они сделали это в 1680-х и 1690-х, если бы события предыдущего века — и особенно кризис 1640-х и 1650-х годов — не запустили серию идеологических дебатов, которые одушевили и трансформировали концепции государства, религии и общества. Английские политики, поддерживали ли они Якова II или Вильгельма и Марию, не могли бы изменить институты английского государства, если бы английская экономика не отошла от общеевропейского спада XVII века.

Так как существовали долгосрочные причины Славной революции, последствия этой революции также не являлись случайными. Создание Английского Банка, война против Франции и религиозная терпимость — все это было явными последствиями революционных событий. Именно из-за того, что споры на эти темы имели долгую родословную, было бы неверно понимать 1688 или 1689 год как фундаментальный перелом в английской истории. Изменения в этих направлениях продолжались и далее, пусть и в другой форме, подталкиваемые новыми реалиями. Раннесовременная Англия не закончилась в 1688 году, и вовсе не тогда началась современная Англия. Было бы, однако, справедливо сказать, что характер английского государства и общественных взаимоотношений фундаментально изменились именно вследствие этих событий.

После 1689 года революционеры создали новый тип английского государства. Они отвергли традиционную для того времени бюрократическую государственную модель, созданную Людовиком XIV во Франции. Но они не отвергли само государство. Вместо этого революционеры создали государство, которое использовало другие механизмы подавления и контроля. Их государство искало способ трансформировать Англию из аграрного в производственное общество, провести масштабную военную подготовку, чтобы противостоять величайшей военной мощи, какую видела до того Европа, а также способствовать религиозной терпимости общества. Джон Локк, которого часто описывают как одного из самых ранних и наиболее влиятельных либеральных мыслителей, был одним из этих революционеров. Если Славная революция являлась критическим моментом в развитии современного либерализма, этот либерализм не был бы противником государства. Либерализм, рожденный в 1688–1689 годах, был скорее революционным и склонным к экспансии, нежели умеренным и аккуратным.

Славная революция, по моему убеждению, не была триумфом группы преобразователей над защитниками традиционного общества. Вместо этого революция противопоставила друг другу две разные группы преобразователей. Обе группы пытались вопреки долгим разногласиям обратиться к сердцам и умам реакционеров. Это, как я думаю, явилось типичным образцом всех современных революций. Революционные ситуации в огромном большинстве случаев создавались, когда режим, находящийся у власти, по какой-то причине решал, что нужна модернизация. Делая так, режим запускает руки государства глубже и более широко в общество, чем делал ранее, неизбежно вызывая возмущение. В то же самое время, объявляя разрыв с прошлым, режим снижает свою сопротивляемость оппозиционным движениям. Потенциальным революционерам больше не нужно уговаривать своих сторонников порывать с традиционным и привычным образом жизни. Им остается только убедить людей, что у них есть лучшая модель для перемены. Режим, находящийся у власти, не может больше полагаться на привычную лояльность элиты. Именно революционеры конца XVII века в Англии создали модель такого, столь типичного ныне политического рисунка.

Что я подразумеваю под современностью, преобразователями и модернизацией? Эти термины стали объектами яростных споров в публичных обсуждениях современников. Многие ученые, которых я предельно уважаю, предпочитают, чтобы мы работали вообще без них или по крайней мере резко ограничились бы ссылки на них². Эти ученые, как и многие другие, не любят семейство терминов вокруг слова «современность» по двум причинам. Во-первых, утверждается, что термин *современный* или *современность* никогда не был точно определен. Это термин, который означает все — и ничего. Во-вторых, заявляется, что рассказы о модернизации всегда прочитывают историю задом наперед, от перспективы современных развитых демократий. Все трактовки модернизации отсчитываются от образца современной капиталистической (читай негосударственной экспансионистской) демократии. И это серьезные аргументы. Когда я использую по ходу этой книги термины *модернизация*, *современность* или *новый*, я использую их очень специфическим образом. Я не понимаю современность как последовательное и единое целое. Не считаю я также, что модернизация подразумевает одну узкую и единственную тропу. Вместо этого

имеет смысл обсудить эпохальный разлом в устройстве государства — и может быть, только государства в конце XVII века, по Европе в целом и в Англии в особенности. Хотя перемены в государстве, как я верю, имели глубокие последствия для международной политики, природы имперских стремлений, английской экономики и английского общества, я не утверждаю, что именно модернизация определила эти результаты. На деле именно это является моим центральным утверждением: что различные концепции современного государства делают возможными различные политические и социальные последствия. Кроме того, я не утверждаю, что модернизация государства обязательно подразумевает полный и общий разрыв с прошлым в интеллектуальной, религиозной и социальной жизни.

Что же я тогда подразумеваю под появлением современного государства? Я имею в виду два взаимосвязанных набора перемен. Первое — это набор социальных инноваций в искусстве управления государством. Преобразователи государства обычно пытаются централизовать и бюрократизировать политическую власть. Они стараются трансформировать армию и сделать ее профессиональной. Они используют инструменты государства для ускорения экономического роста и формирования контуров общества. Они стараются собирать напрямую детальную информацию и время от времени подавляют социальную и политическую активность, возникающую в ряде географических мест и в разных социальных слоях внутри государства.

Второе — современное государство предполагает идеологический разрыв с прошлым. Государственные преобразователи настаивают на своем собственном обновлении, на уверенности, что они осуществляют проект, который абсолютно нов. Яков II часто говорил, что он основывает свое государство на «Новой Великой хартии вольностей». Один из деятелей 1688 года на другой стороне, Джон Эвелин, надеялся, что следствием революции будет устройство нового государства, чтобы «произвести некое новое образование среди нас»³. Но модернизация государства предполагает не просто единовременный перелом. Современное государство — это такое образование, которое воображает себя постоянно меняющимся и самонастраивающимся. И Яков II, и его революционные оппоненты понимали, что закладывают новые основания, создавая не новые, а достраивая старые здания⁴.

В этой книге я пересказываю историю Славной революции — но делаю это в значительной степени новым образом. Вместо рассказа о триумфальной английской исключительности, с особым акцентом на в высшей степени предусмотрительные действия нескольких человек, я рассказываю историю о широком ряде участников, действовавших не только во имя развития английской высокой политики и английской церкви, но и во имя изменений в обществе, в экономике — и в том числе на более широкой европейской сцене.

Чтобы сделать эту историю правильной, дающей понимание, почему так много людей предприняли решительные и опасные шаги революционных действий, мы должны серьезно рассмотреть направления, в которых Яков II и его советники преобразовывали английскую политику и общество. В то время как авторитарный рассказ Маколея фокусируется на английских событиях, реакции протестантского общества и деятелей элиты, моя история добавляет к этой смеси европейский контекст, католическую идеологическую перспективу Якова II и его окружения, политическую жизнь народа и вопросы политической экономии. Эти дополнительные элементы делают возможным увидеть, что революция 1688–1689 годов имела глубокие причины и долговременные последствия для Англии и более широкого мира. Фактически она была первой современной революцией.

Эта книга сочетает три уровня: повествовательный, историографический и концептуальный. Все три тесно переплетены. Но читатели с определенными интересами могут отыскивать различные точки подхода к книге по своему вкусу. Те, кто в основном интересуется повествовательной историей революции 1688–1689 годов, могут начать с третьей главы. Читатели, которые в первую очередь интересуются тем, как моя история соотносится с другими рассказами о революции, но менее заинтересованные более широкими сопутствующими теоретическими вопросами, могут начать с первой главы, а затем перескочить вторую главу. А те, кто в основном интересуется революцией как общим предметом исследования, могут начать со второй главы по своему вкусу.

Глава первая

Уничтожение революции

30 ноября 1789 года, вскоре после того, как вспыхнула Французская революция, некий господин Навьер встал, чтобы обратиться к Патриотическому обществу Дижона, главного города Бургундии. «Почему мы должны стыдиться, джентльмены, — спросил он аудиторию, — признать, что революция, которая разворачивается в нашей стране, обязана примеру, данному Англией век тому назад? С того времени мы познакомились с политической конституцией этого острова и с процветанием, которое она принесла; именно с того времени наша ненависть к деспотизму получила свою энергию. Оберегая свое счастье, англичане подготовили путь для человечества. Пока тираны со всех сторон пытались погасить священное пламя свободы, наши соседи с неустрашимой бдительностью и заботой лелеяли ее у себя в груди. Мы переняли эту благотворную вспышку, и теперь огонь, воспламенивший каждый ум, распространяется по всей Европе, чтобы навсегда превратить в пепел оковы, которыми деспотизм связывал человечество»¹.

То, что революционеры конца XVIII века обратились за вдохновением к революции 1688–1689 годов, едва ли удивительно. Революция 1688–1689 годов была событием, радикально трансформировавшим общество. Английские революционеры переориентировали международную политику своей страны — от злобной враждебности по отношению к Нидерландской республике к войне против Франции сразу же после революции. Они также полностью преобразовали направление английской экономической политики. Постреволюционный режим создал первый националь-

ный банк — Английский банк, чтобы продемонстрировать промышленности вновь обретенный экономический энтузиазм. Новые английские правители также изменили религиозный характер нации. Предреволюционная церковь Англии была нетерпима, настаивая на том, что принадлежность к английской нации и общность вероисповедания в Английской церкви* — это одно и то же. Постреволюционные церковные лидеры потребовали более широкой церкви — такой, которая могла бы допускать религиозные практики вне себя. Революция и Акт о веротерпимости 1689 года отделили церковь от нации. Все три эти трансформации были тесно связаны с новой английской формой правления. Революционеры отвергли навязываемый французский образец в пользу нидерландской модели государства.

Весь XVIII век многие британцы заявляли, что их революция представляет фундаментальный разрыв с британским и европейским прошлым. Они видели революцию как торжественное открытие нового века свободы. «Революция образует новую эпоху в мироустройстве», — объявил Дэвид Хьюм в своей широко прославленной «Истории». С этого периода, как заявлял великий шотландский философ, англичане пользовались «самой полной системой свобод, которая была когда-либо известна человечеству». «С эры революции, — соглашался товарищ Хьюма, шотландское светило Джон Миллер, — мы можем проследить ... новый порядок вещей». Это не было просто мнение шотландца. «Со времени революции в восемьдесят восьмом, — заявил бывший посол Роберт Моулсуорт в 1711 году, — мы стоим на другом

* Английская церковь или Церковь Англии (*Church of England*) — государственная христианская церковь Англии. С 1534 года (за исключением ряда кратких периодов) не подчиняется Римскому престолу, главой церкви официально считается английский монарх. На рубеже XVI и XVII веков испытывала сильное влияние континентального протестантизма, затем постепенно оформилась как «средний путь» (*via media*) между этими двумя направлениями. В законодательных документах парламента официально именуется «протестантской епископальной церковью» (ныне чаще используется более мягкое «реформированная епископальная церковь»), но при этом сама определяет себя «частью единой, святой, кафолической и апостольской церкви». Используемые нами далее более традиционные термины «англиканство» и «англиканская церковь» вошли в обиход лишь в XIX веке и обычно используются за пределами Соединенного Королевства. (Прим. ред.)

и лучшем основании». В середине века самый пламенный из английских политиков, Джон Уилкс, утверждал, что «революция — это великая эра английской свободы». «С этого самого благоприятного периода, — объяснял Уилкс, — свобода получила непрерывное местожительство на нашем счастливом острове». Великий либеральный политик-виг Чарльз Джеймс Фокс относил «самую яркую эру свободы, известную в анналах нашей страны», к революции 1688–1689 годов. «На Революцию со всех сторон смотрят как на новую эру, — соглашался лидер тори ви-конт Болингброк, чьи принципы, однако, весьма отличались от принципов Фокса, — отсюда мы должны вести исчисление и короля, и народа»².

Многие британцы XVIII века не только верили, что революция 1688–1689 годов отмечала фундаментальную поворотную точку в их истории, они также видели в ней яркий пример для остального мира. В начале века Моулсуорт считал, что «ни один человек не может быть искренним обожателем революции», никто не может быть искренней экспонентой революционных принципов, если он не стоит «за разрастание и распространение этого благословения на всех людей». Ко второй половине века многие идейные принципы революции действительно распространились далеко и широко. Англичане, считал Джон Уилкс, с момента революции стали «покровителями всеобщей свободы, грозой тиранов, убежищем угнетенных». Славная революция, заявлял в 1788 году министр, пресвитерианец и выдающийся переводчик Генри Хантер, объявила новую эру не только Британским островам, «но и всей Европе; мало того, человечеству на период в сотню лет». Польза от революции, соглашался Эндрю Киппис, «не ограничивалась только нашей страной, но распространилась на Европу в целом». Великий защитник свободы Ричард Прайс не был одинок, веря, что в 1688 году «перед нами предстала эра света и свободы, из которой мы сотворили пример для других монархий, она стала учителем для мира»³.

Потому, что революция 1688–1689 годов отметила фундаментальный перелом в истории Британского государства, потому, что революцию считали предвестницей эры свободы не только в Британии, но и во всей Европе, годовщину революции широко праздновали по всем Британским островам. «Революция 1688 года в глазах каждого была событием выдающейся и невыразимой

важности», — отметило революционное общество в 1789 году. И церковь, и другие религиозные сообщества также праздновали столетие революции. «Социальные митинги и фестивали» отмечали это событие ежегодно. «Различные институты», посвященные исключительно памяти 1688 года, «существовали в различных частях королевства и в различных странах метрополии». Хотя письменная история революционного общества прослеживается только с 1788 года, его члены были уверены, что оно было «создано вскоре после революции, и оно собиралось ежегодно без перерывов с этого времени до настоящего момента». Бристольский баптист, министр и друг Американской революции Калед Эванс заявлял, что «даже папистские священники признавали и открыто одобряли принципы Революции».

Революция 1688–1689 годов, хотя и толкуемая различными группами различным образом, была понята британцами всех социальных классов во всех географических точках как *решительное событие в британской истории. «Не быть знакомым с великим событием, которое отмечает этот знаменательный день мятежного года, — сказал Генри Хантер в официальную годовщину революции в ноябре, — это для граждан Великобритании доказательство самого позорного игнорирования и самой преступной холодности и равнодушия»*⁴.

Однако народная осведомленность о революции 1688–1689 годов печальным образом погасла ко времени ее трехсотлетия. К 1980-м годам, отметил Барри Прайс, автор официального отчета о праздновании ее трехсотлетия, революция стала «относительно неизвестным периодом в нашей истории, который сегодня занимает совсем немного места в нашей школьной программе по истории». Прайс вспоминал из своих школьных дней, что «1688 год был черной дырой в нашей программе по истории». Бывший директор Вестминстерской школы* Джон Рей сомневался, «может ли хоть один наш выпускник из тысячи рассказать о 1688 годе — не говоря уже о том, чтобы объяснить, почему именно он стал поворотной точкой в нашей истории». Неудивительно, что лидер палаты лордов виконт Уайтлой мог конфиденциально утверждать, что не было «большого желания» устраивать чрезмерного празд-

* Одна из самых престижных английских частных школ закрытого типа, существует с 1179 года, с 1560 года имеет статус королевской. Официальное наименование — Королевский колледж Святого Петра. (Прим. ред.)

нования революции 1688–1689 годов. Славная революция, полагала Патриция Моррисон в «Дейли телеграф», была «малопривлекательной для театральных касс». Музей Виктории и Альберта был настолько «лишен энтузиазма» по поводу планов сделать памятную выставку об этом событии, что «залег на дно». В конце концов трехсотлетие революции 1688–1689 годов «прошло почти незамеченным»⁵.

Почему революция 1688–1689 годов утратила значение в народном сознании? Почему событие, которое когда-то почти повсеместно понималось как критерий Британской индивидуальности, стало непонятным происшествием, знакомым только изучающим старые времена? Ответ, соглашается большинство комментаторов, в том, что события 1688–1689 годов больше не считаются преобразующими. «Британская история, — замечает политолог Чарльз Тили, — теперь дает подходящее руководство, как избежать революции». Образ английской стабильности, неизбежно контрастирующий с французской изменчивостью, существует уже долго. *«Англичане последний век, и даже больше, настаивают, что их революция 1688–1689 годов была уникальной — настолько уникальной, что практически вовсе и не была революцией»*, — пишет специалист по сравнительному изучению революций Крейн Бринтон⁶.

Как революция 1688–1689 годов перестала быть событием? Многие приняли за факт, что исчезновение Славной революции шло рука об руку с кончиной наивной, прогрессивной истории вигов, но дело не в этом. Суть «неоконсервативного толкования» на деле не представляет собой ничего нового. Как считали внешние наблюдатели вроде Тили и Бринтона, британские историки долго настаивали на нереволлюционной природе событий 1688–1689 годов. На деле это случилось после того, как виги к 1720-м годам создали свою интерпретацию революции, и стало фактически всеобщим мнением к повороту на XIX век. Разумность и умеренность британской революции все более контрастировали с революционными эксцессами сначала у европейцев, а потом и у неевропейцев.

Революция 1688–1689 годов, которая когда-то являлась моделью для революционеров всего мира, в итоге стала символом британской исключительности. Английская радикальная революция была преобразована в уникальный нереволлюционный переворот.

Она стала скорее уроком реставрации, чем символом инноваций. Англия в XVII веке и Британия в XIX и XX веках предложила абсолютную и очевидно успешную историческую антитезу континентальному образцу развития. Этот процесс аннулирования революции, как я предполагаю, в меньшей степени имеет дело с исторической наукой, и в куда большей — с политическим позиционированием и историографической модой⁷.

* * *

Британцы XVIII века были окрылены Славной революцией. Революцию не только отмечали и помнили, она обуславливала все дискуссии о современной политике, обществе и культуре. *«Весь XVIII век, — пишет историк Гарри Дикинсон, — не проходило крупных дебатов, включающих дискуссии о фундаментальных политических принципах, без использования событий 1688–1689 годов в качестве источника вдохновения или руководящего ориентира»*⁸.

Политическое развитие страны гарантировало, что фанатичные интерпретации революции требуют некоторого времени для застывания. Непосредственно после побега Якова II в 1688 году, и особенно в начале 1690-х, многие радикалы оказались разочарованы ограниченными достижениями нового режима. По их мнению, революция была неполной и таким образом оказалась ответственной и за ниспровержение изнутри, и за вторжение из-за границы⁹. Радикалы-виги боялись, что из-за того, что Вильгельм и Мария желали укрепить свою власть, сотрудничая с тори*, возможность фундаментальной реформы оказалась потерянной.

К середине 1690-х виги начали в один голос говорить о революции. Понятно, что к первому десятилетию XVIII века они объединились в радикальной интерпретации революции. Эту интерпретацию при режиме вигов полностью выставил напоказ политически гибельный, но идеологически весьма показательный процесс 1710 года над консервативным клириком Генри Сачевереллом. Сачеверелл долго был ярким критиком вигов и послереволюционного режима, но он привлек внимание правительства

* Напомним, что «тори» и «виги» — традиционные в Англии (и поначалу оскорбительные) прозвища консерваторов и либералов соответственно. (Прим. ред.)

своей пламенной проповедью «Опасности лжебратьев»*, произнесенной перед лорд-мэром Лондона в соборе Святого Павла 5 ноября 1709 года. В этой проповеди Сачеверелл убедительно доказывал, что политическое сопротивление Якову II в 1688 году было незаконным. Виги повсюду были возмущены¹⁰.

В 1710 году представители парламента на совершенно открытом суде над Сачевереллом тщательно сформулировали то, что тогда было главной линией интерпретации революции 1688–1689 годов. Проще говоря, возражая против утверждений Сачеверелла, политики-виги доказывали, что в 1688–1689 годах англичане по всей стране поднялись, чтобы сбросить деспотичного короля, и что они были правы, сделав так. Революционеры, утверждали они, не только скинули с трона тирана — они совершили фундаментальное преобразование английского государства.

Революция, настаивали перед палатой лордов представители вигов и их союзники, выступая как судьи, создала принцип общедоступного суверенитета. В 1688 году, единодушно заявляли виги, люди законно восстали против тирана короля. «Блестящая смелость по освобождению нашего королевства от папства и деспотичной власти», о которой писали сторонники парламента в статьях, направленных против Сачеверелла, была проявлена «разными подданными этого королевства, преданными своей стране». «То, что было сопротивление, весьма очевидно», — объяснил сэр Джон Холланд, указывая на факты, когда англичане взяли «оружие в Йоркшире, Ноттингемшире, Чешире и почти во всех графствах Англии. «Нет нужды доказывать факт сопротивления в революцию», — утверждал на суде будущий премьер-министр Роберт Уолпол, который затем стал ярким защитником радикальной интерпретации революции. «Мне следует ожидать, что Ваша честь желала бы от меня ради проформы доказать, что солнце сияет в полдень», — саркастически добавил он. «Самооборона и сопротивление» законны в случае «крайней необходимости», — заявил

* Полное название — «Опасности лжебратьев в Церкви и в государстве» (*The Perils of False Brethren, in Church, and State*). За эту проповедь 36-летний клирик был осужден на два года тюремного заключения, а сам текст проповеди подлежал сожжению. Суд над Сачевереллом (не поддержанный значительной частью вигов) вкупе с повышением налогов вызвал массовые беспорядки в Лондоне, в итоге приведшие к падению правительства либералов. (Прим. ред.)

Гилберт Бёрнет, епископ Сэйлсбери, — и «это был как раз случай революции». «Мы обязаны последней революцией людям всех рангов и сословий, от самых высокопоставленных и святейших до людей самых низких и мирских занятий», — добавил лондонский клирик и виг, полемист Бенджамин Хоудли в заявлении, которое стало затем официальным выражением позиции вигов. Для Хоудли, как для вига и представителя правящей элиты 1710 года, существовала близкая «связь между текущим урегулированием и тем сопротивлением, которое его вызвало»¹¹.

Идеологические позиции вигов были наиболее ясно определены другим парламентским обвинителем в деле против Сачеверелла, Николасом Лешмиром. Лешмир был выдающимся юристом, тесно сотрудничавшим с могущественными политиками-вигами. Формулируя дело против Сачеверелла, Лешмир заявил в палате лордов, что «подданные имеют не только власть и право оказывать сопротивление, но находятся под исключительным обязательством делать это». Потому что существовал «исходный контракт между короной и людьми». Когда «исполнительная часть пытается свергнуть и вообще разрушить правительство», что, как утверждал Лешмир, явно произошло в 1688 году, «исходный контракт разрывается». Этот контракт обуславливал наличие у народа не просто прав, но и обязанностей. *«Природа такого исходного контракта правительства подтверждает, — объяснял Лешмир, — что у людей, которые унаследовали свою свободу, существует не только право отстаивать собственные права — они связаны долгом передать те же права и своему потомству»*¹².

В то время как организация и проведение суда над Сачевереллом неизбежно сфокусировали внимание представителей вигов на вопросах сопротивления и суверенитета народа, некоторые виги так же четко сформулировали религиозные и политико-экономические последствия революции. «Терпимость протестантских диссидентов, — утверждал Лешмир, — была одним из самых ранних и самых счастливых результатов последней революции». Виги не только верили, что произошло преобразование религиозных систем, — они верили также, что события 1688–1689 годов осуществили радикальную трансформацию социальной политики. Роберт Моулсуорт, который оказывал сильную поддержку крылу вигов в первой декаде века, четко заявил о своей позиции. Так как защитники революции верили вместе с Джоном Локком, что ос-

новой всех богатств был труд, а не земля, Моулсуорт доказывал, что правительство, согласно революционным принципам, будет иметь широкий ряд социальных полномочий. *«Поддержка народного доверия, развитие всех общественных строек зданий и дорог, превращение всех подходящих рек в судоходные, наем на работу бедных, забитых безработных, восстановление монополии на торговлю, установление свободы прессы, оплата и поддержка всех, находящихся на государственной службе»*, — все это и многое другое, утверждал Моулсуорт, и было следствием революции¹³.

В 1710 году виги в один голос заявляли, что революция была фундаментальным преобразованием. Парламентские представители вигов и их союзники видели революцию событием, возмещающим новый век гражданской и религиозной свободы, поддержанным новыми социальными факторами. Этой свободе, предупреждали они, угрожают не только объединенные силы французов и якобитов, но также князья церкви и тори — такие как Генри Сачеверелл.

* * *

Суд над Сачевереллом и ставший его следствием электоральный триумф тори не только положили конец кабинету министров вигов, но также в конце концов разорвали тесные связи между истеблишментом вигов и радикальной интерпретацией революции. Когда Роберт Уолпол, один из самых красноречивых защитников радикального прочтения революции, пришел в 1720 году к власти в качестве английского премьер-министра, он уже принес с собой перемену сути. Уолпол и его политические соратники теперь заявляли, что революция подтвердила парламентарный, а не народный суверенитет и что она создала конституцию, а не проект для дальнейшей реформы. Проще говоря, теперь Уолпол настаивал, что революция была необходимой и краткой. Эра революционной трансформации пришла и ушла. Так как сам Уолпол оставался во главе правительства два десятилетия, а его политические наследники быстро вернулись к власти после его падения, все приверженцы радикальной интерпретации революции вынуждены были стать оппозиционерами. Партия вигов раскололась на тех, кто понимал революцию как краткую и необходимую корректировку английского конституционного устройства (то был истеблишмент вигов) — и оппозиционных вигов, которые настаивали, что собы-

тия 1688–1689 годов положили начало периоду революционных преобразований в политике, религии и обществе¹⁴.

С начала 1720-х годов Уолпол в качестве премьер-министра модифицировал многие политические аспекты, связываемые с революцией. Он установил мир с Францией, он больше не искал облегчения для религиозных раскольников, и он изменил прогрессивные схемы налогообложения, введенные после революции. В результате представители элиты вигов и сторонники Уолпола начали склоняться к узкой и консервативной оценке революции. «Принципиальным, великим, единственным финалом революции, — доказывал один типичный проуолполовский памфлетист, — стало возвращение правительства к древним и естественным основам, которые были почти полностью разрушены действиями сумасшедшего фанатика». Не стоит предполагать, настаивал памфлетист, что революционеры намеревались усилить власть народа или на деле изменить каким-либо образом систему управления. Именно Яков был экстремистом; революционеры являлись консервативными и добродетельными защитниками древней конституции.

Теперь элита вигов не просто отмежеввалась от потенциально реформистского смысла революции: она настаивала, что революция не имела ничего общего с суверенитетом народа. Тот, «кто говорит, что наше правительство основано на сопротивлении, — писал приверженец Уолпола Джон Харви, — является таким же страшным врагом конституции, по крайней мере ее порядка, как и тот, кто посоветовал бы Короне вместо защиты своих легальных прерогатив искать каждой удобной возможности усилить свою власть». Уолпол и его сторонники все еще приписывали революции важную роль, но она заключалась скорее в возвращении прежних свобод, нежели в инициировании века новых улучшений. Революция не начала процесс реформ — она навсегда закончила попытки создать абсолютизм в Британии. Уолполисты подчеркивали тиранические действия Якова II, а не созидательный потенциал революционеров¹⁵.

С 1720-х годов только оппозиционные виги утверждали, что революция драматически и фундаментально перестроила не просто британскую политику, но и само британское общество, как и его культуру. Именно оппозиционные виги продолжали доказывать, что революция знаменовала начало новой эры в британ-

ской и в конечном счете в мировой истории. Они заявляли, что революция действительно базировалась на народном сопротивлении, что она изменила моральные устои правительства, что она открыла новую эру, которая ввела принцип религиозной свободы, радикально изменила направление английской (а затем британской) внешней политики и преобразовала социально-экономические основы государства.

В памфлетах, научных трудах и популярных тостах оппозиционные виги с 1720-х и вплоть до 1790-х годов настаивали, что в 1688 году имело место широко распространенное народное сопротивление. Они таким образом доказывали, что революция создала народный, а не парламентский суверенитет. Неистовство, о котором говорил Уильям Палтни, ярый противник Уолпола, «сплошь и рядом доказывало излишек здоровья и сохраняло свободу народных государств». «Когда ошибавшийся брат короля Карла попытался подчинить нацию, — рассуждал великий правовед-теоретик сэр Уильям Блэкстон, — он обнаружил, что это вне его власти: люди могли сопротивляться и оказывали ему сопротивление, и в результате такого сопротивления обязали его отказаться от своих попыток, а заодно от трона». Революция, соглашался автор оппозиционного памфлета «Член гильдии» в 1740 году, «была привнесена не парламентом, фрихольдерами или каким-либо отдельным человеком, а людьми Великобритании; и их делом потом стало создание нашей настоящей конституции». Под «людьми», пояснял этот автор, он подразумевал «и сына крестьянина, и сына пэра». Генри Хантер просто повторял хорошо известное кредо оппозиционных вигов, когда утверждал в ноябре 1788 года, что «оскорбленный дух обиженных людей наконец-то проснулся к справедливому мщению в ноябре 1688 года»¹⁶.

Для оппозиционных вигов народное сопротивление 1688–1689 годов было законным, так как они глубоко верили в принцип народного суверенитета. Уильям Палтни отсылал читателей к «Двум трактатам» Джона Локка* и его подтверждению справедливости народного сопротивления для защиты «истинных принципов свободы; принципов Революции». Полувеком позднее бристольский баптист и виг Калеб Эванс доказывал, что революция

* Имеются в виду «Два трактата о правлении» (1689–1690). См. например: Джон Локк. Сочинения в трех томах. Т. 3. М.: Мысль, 1988 (Философское наследие, том 103). С. 135–406. (Прим. ред.)

знаменовала триумф «бессмертного Локка, поборника свободы» над защитником патриархальных принципов королевской власти Робертом Филмером. *«Едва ли можно встретить человека, — заявлял Элмер, — который не был бы знаком с работами [Локка] о таком интересном предмете, как правительство, от которых душа деспотизма в Великобритании получила смертельную рану».* Поэтому существует так много созвучия между историческими взглядами оппозиционных вигов и тем, что Революционное общество объявляло первым принципом, «подтвержденным революцией», а именно: «вся гражданская и политическая власть исходит от народа»¹⁷.

Оппозиционные виги уделяли гораздо меньше внимания реставрации древней конституции, чем трансформации моральных и практических основ политики, вызванной революцией. Эндрю Киппис не был одинок, возражая, что революция не только остановила посягательства Якова II на привилегии, даваемые древней конституцией, но *«принесла новые, предельно важные элементы. Она даровала дополнительные права подданным, закрепленные дополнительные ограничения короне, и обеспечила дополнительную безопасность продления нашего счастья».* В особенности же оппозиционные виги настаивали, что с революцией «был нанесен решительный удар по доктрине несопротивления и пассивного послушания». Радикалы и оппозиционные виги также настаивали, что перемены в «отношении национального годового дохода» во время революции создали «необходимость ежегодного созыва парламента».

Оппозиционные виги и радикалы уделяли меньше внимания формальным институтам, нежели самой смене политической культуры. В то время как «понятие общей свободы наполняло собой и оживляло всю конституцию» до 1688 года, доказывал сэр Уильям Блэкстон, только при революции «особая свобода, природное равенство и личная независимость индивидов» были широко «одобрены». Джон Уилкс принял определение Блэкстона, когда настаивал, что «свобода была прямо признаваемым принципом англичан во время Революции». Именно с периода революции, как считал Генри Хантер, *«страна стала обладать духом, мудростью и силой, чтобы отстаивать свои права, формировать и создавать систему правительства, подходящего для общей свободы и счастья, начала наслаждаться их сладостью».* Еще в 1712 году

политический журналист тори Деларивьер Манли правильно отметил, что виги понимали революцию не как простую «перестройку», а как начало «Великих Перемен», когда «изменения законов, свобод и религии пришли как единственно правильные принципы Революции»¹⁸.

В 1710 году оппозиционные виги в парламенте настаивали, что революция открыла эру религиозной свободы. *«Редкой эпохе как в древней, так и в современной истории, — гордо заявлял пресвитерианский министр и лютый антиуолполлист Роберт Уоллис, — была отпущена такая долгая продолжительность, как периоду в 66 лет после начала революции, когда любой человек обладал такими чистыми и прочными благами»*, главными из которых являлись *«полная свобода от всевозможных гонений; [и] прекрасная свобода поклонения Богу в соответствии с собственным убеждением»*. После революции, доказывал автор книги «Преимущества Революции», «наши умы счастливо освободились от унижительной зависимости церковного и государственного рабства, горящие клейма фанатизма почти совсем погашены». «Вскоре после революции, — соглашался Джон Уилкс, — англичане по большей степени приняли нидерландскую систему правительства как наиболее терпимую к религиозным партиям». Многие диссиденты и оппозиционные виги верили, что принципы религиозной свободы появились как следствие нужды революции в дальнейшем законном распространении и развитии. Революция была началом, а не концом. Но, настаивали они, революция знаменовала фундаментальную поворотную точку. Диссидент Эндрю Киппис признавал, что религиозная свобода, возникшая в революцию, была намного уже расширенных и философски обоснованных принципов конца XVIII века. «Тем не менее, — объяснял он своей аудитории, — если мы рассмотрим характер предшествующего века, то увидим великолепные преимущества, полученные в интересах истины и совести, а также естественных прав человека». И на основе подобных же рассуждений Революционное общество настаивало, что именно Славная революция 1688 года породила «гражданские и религиозные свободы людей этой страны»¹⁹.

Оппозиционные виги часто отмечали, что революционеры 1688–1689 годов также изменили и английскую международную политику. В 1720-х и 1730-х годах оппоненты сэра Роберта Уолпола подчеркивали, что его мирная международная политика яв-

ляется предательством революционных принципов. В 1742 году один виг-оппозиционер спросил уже смещенного тогда Уолпола: «Как, по вашему мнению, возвышение дома Бурбонов за счет Австрии согласовывается с принципами революции?» Политические стычки с Европой, и в особенности противостояние французским имперским планам, продолжали быть центральной темой в течение всего восемнадцатого столетия. Блакстон напомнил, что революционеры 1688–1689 годов «ввели новую систему ведения международной политики». «Со времени революции, — одобрительно прокомментировал Джон Уилкс, — Англия регулярно и устойчиво продолжает противостоять амбициям Франции». Исключениями, по Уилксу, были «два коротких, переломных, судорожных интервала» — последствия мира тори 1713 года и срок пребывания у власти Уолпола — во время которых «национальные интересы» приносились в жертву «во имя ряда частных»²⁰.

И наконец, радикалы и оппозиционные виги делали ударение на том, что революция преобразовала политическую экономику Британии. «Великие перемены в состоянии общества, — доказывал шотландский философ Джон Миллар, сторонник оппозиционного вига Чарльза Джеймса Фокса, — могут датироваться началом революции». В особенности в конце XVII столетия «феодальные институты, свойственные невежественным нациям, были по большей части уничтожены и забыты». «Полное учреждение нормальной и свободной конституции», обеспечивающей «безопасное владение и пользование собственностью», было, по мнению Миллара, «обеспечено памятной революцией 1688 года», гарантирующей, что «торговля и производство предполагают новые аспекты политики». «Феодальная конституция была далека от расположения к торговле», — указывал историк коммерции и друг масонов Адам Андерсон в 1760-х годах. Поэтому создание этой свободной конституции в 1689 году, заключал он, «определенно внесло огромный вклад в последующий (что естественно было предположить и ожидать) рост и успех нашей собственной коммерции»²¹.

Оппозиционные виги не верили, что революционеры 1688–1689 годов без посторонней помощи разрушили феодальную систему; скорее, они считали, что ряд факторов уже начали драматически менять английское государство и общество. Обязательно существовали предпосылки революции. Революция нанесла смер-

тельный удар по феодальной системе. Давид Хьюм, например, обращает внимание, что «торговля и богатство Англии никогда, ни в один период, не росли так быстро, как в период от реставрации до революции». Андерсон осветил роль, которую «открытие Ост-Индии и Бразилии португальцами, а также освоение Вест-Индии» имело в преобразовании английского торгового мира. Блакстон указывал на развитие почты, расширение использования подготовленных наемных рабочих, «открытие Индий» и прогресс в обучении как на способы прокладывания пути для великого критического момента 1688 года. *«Великие революции, которые происходили с манерами и собственностью, — заметил он, — прокладывали путь для громадной перестройки в системе управления: существенно, но до какого-то момента совсем незаметно».* И все-таки, особо отмечал Блакстон, «пока эта революция назревала, корона стала более деспотической, чем когда-либо именно из-за прогресса тех самых сил, которые позднее ослабили ее власть»²².

Революция, согласно оппозиционным вигам, оказала примечательное воздействие на британскую производительность и коммерцию. Это произошло в большой степени из-за действий постреволюционного государства. В 1730-х годах оппозиция вигов особо настаивала, что революционеры приняли экономические принципы Локка. Они развивали свою экономическую политику на предположении, «что земля Великобритании становится ценной благодаря количеству людей, занятых в международной и местной торговле, а также в шерстяном и других производствах королевства». Теория, основанная на «авторитете мистера Локка», проявлялась политикой прогрессивного налогообложения. После революции режим в полном соответствии с теорией Локка «рекомендовал земельный налог как предпочтительный любым налогам с товаров, не важно, импортируемыми или собственного производства». Другие обращали внимание на поддержку постреволюционным режимом «исключительно торговых компаний». А третьи указывали на повальное увлечение общественным законодательством, «полезными законами для благополучия народа», что стало возможным только после революции²³.

Оппозиционные виги придавали особое значение политическим и экономическим последствиям революции. Джон Миллар удивлялся «быстрым улучшениям в области искусств и производств и соответствующему расширению коммерции, которое

явно и четко сопровождало ограничение привилегий». Они, в свою очередь, «создали уровень богатства и изобилия, которые распространили чувство независимости и высокого духа свободы в великом теле народа». «Еще один несомненный пример преимущества, которое нарастало в нации благодаря революции, — доказывал полемист в середине века, — заключается в огромном росте и расцвете состояния нашей промышленности». «Значительное последствие» революции 1688–1689 годов, — соглашался Адам Андерсон, — заключалось в том, что наблюдался огромный рост коммерции, мореплавания, производства и количества колоний, а также богатства людей в этот счастливый период». Ни в какой другой период в истории британское сельское хозяйство, промышленность и коммерция «не процветали до такой степени, — изливал свои чувства Эндрю Киппис, — как с момента революции»²⁴.

Тогда оппозиционные виги создали интерпретацию революции, которая резко отличалась от предложенной истеблишментом вигов Уолпола. Там, где правящая элита вигов в своей интерпретации Славной революции толковала это событие как реставрацию, занявшую короткий период времени, оппозиционные виги видели революционную трансформацию, совершавшуюся на протяжении длительного времени. Истеблишмент вигов спорил, закончилась революция в 1689 году или 1690 году; оппозиционные виги настаивали, что принципы революции продолжали требовать дальнейших реформ. Словом, к 1720-м годам истеблишмент вигов уделял основное внимание прямым *причинам* событий 1688–1689 годов (тирания Якова II), в то время как оппозиционные виги выдвигали на первый план *долговременные* структурные причины революции и *последствия* событий 1688–1689 годов.

* * *

Столетие революции, праздновавшееся в 1788 году, как оказалось, стало самым дискуссионным событием, касающимся Славной революции. В 1788 году состоялись не только повсеместные празднования — они были широкими и многозначными. Клирики, журналисты, памфлетисты и поэты — все высказали свои интерпретации великого события. Никто в Англии, Шотландии или Ирландии и очень мало кто в британских колониях не остался неосведомленным о столетии 1688 года. Однако события на континенте вскоре затмили эти дискуссии и дебаты. Интерпретация

революции истеблишментом вигов быстро приобрела статус основной.

В ноябре 1789 года, через несколько месяцев после того, как разразилась Французская революция, Ричард Прайс, самый знаменитый английский клирик-диссентер XVIII века и выдающийся сторонник Американской революции, произнес в молитвенном доме Олд-Джеври, прямо рядом с лондонской Ратушей, проповедь, которая закончилась историографической полемикой по поводу Славной революции. Его проповедь, которая немедленно стала бестселлером в Британии и на континенте, развивала то толкование, которое уже стало интерпретацией принципов революции оппозиционными вигами. *«Бескровной победой были разбиты кандалы, которые деспотизм подготовил для нас надолго, — напоминал Прайс. — Права людей были утверждены, тиран изгнан, и правитель по нашему собственному выбору назначен на его место. Собственности была обеспечена безопасность, а наше сознание стало свободным. Границы свободных вопросов были расширены; текст, в котором содержатся слова о вечной жизни, стал более открытым для нашего изучения; и эра света и свободы настала среди нас, мы стали примером для других королевств, стали лидерами мира. Если бы не это избавление, мы были бы сейчас простолюдинами, стонущими от позора и нищеты, папизма и рабства»*. Революция 1688–1689 годов была актом народного сопротивления, позволившим британцам «сформировать для себя правительство»²⁵.

Оптимистичное, реформистское и радикальное толкование Прайсом значения революции 1688–1689 годов вызвало ряд критических ответов. Но нет более известного, распространившегося шире и оказавшего большее политическое влияние ответа на «Рассуждения о любви к нашей стране» Ричарда Прайса, чем интерпретация революции, предложенная Эдмундом Берком. В контексте тревожных событий по ту сторону Канала, Берк почувствовал необходимость написать «Размышления о революции во Франции», чтобы указать на опасность принципов, декларированных доктором Прайсом. Берк писал, что «нелюбовь, которую я чувствую по отношению к революциям, — это сигналы, которые так часто подавались проповедниками». Он напомнил своим читателям, что Прайс прославлял принципы 1688–1689 годов из диссентерского молельного дома в Олд-Джеври. Берк, как и его противник Прайс, находил много причин отмечать 1688–1689 годы. Но

в отличие от Прайса Берк утверждал, что на деле не было никаких инноваций, не было самой революции — состоялась просто рациональная, с оглядкой назад реставрация старого порядка. Революция 1688–1689 годов не вдохновлялась ни одной новой идеей. Именно Яков II был радикальным революционером, в то время как англичане в 1688–1689 годах просто восстановили привычное состояние. *«Революция была совершена, чтобы сохранить наши древние неоспоримые законы и свободы и ту древнюю форму правления, которая является нашей единственной хранилищем законов и свобод, — объяснял Берк. — Самой идеи образования нового правительства довольно, чтобы наполнить нас отвращением и ужасом. Мы хотели в период революции и хотим теперь получить все, чем мы владеем, как наследство от наших предков. По поводу этого наследия мы заботимся не о том, чтобы прививать чужие ветви к нашему природному стволу. Во всех реформах, которые мы до сих пор проводили, господствовал принцип бережного отношения к старине; и я надеюсь, даже если меня будут переубеждать, что все то, что можно будет сделать в будущем, будет тщательно анализироваться с учетом аналогичных прецедентов, имеющих полномочий и существующих примеров».* Хотя Берк мог вообразить будущее, сопряженное с британской конституцией, в отличие от Прайса он верил, что в будущем реформация никогда больше не потребуется. Берк заявлял, что англичане «смотрят на основы своего государства, такого, как оно есть, как на бесценное сокровище»²⁶.

Риторически блестящее изложение Берка позиции элиты вигов вызвало возмущение оппозиционных вигов, находившихся уже при последнем издыхании. Известный радикал Джон Хорн Тук, например, обвинил «Размышления» в «клевете на конституцию». Но после объявления Францией войны Великобритании в феврале 1793 года стало непатриотичным заявлять, что Британия продемонстрировала модель для французского политического развития. Теперь британцы критиковали революционный радикализм и критиковали неизбежные эксцессы, вызываемые народными политическими мятежами. В итоге призывы Революционного общества 1789 и 1790 годов к единению с французами дискредитировали их интерпретацию революции 1688 года²⁷.

Радикалы в 1790-х умолкли не совсем — но они отказались от идеи о том, что Британия в 1688 году начала новый всемирный

век свободы. Впрочем, изменение позиции радикалов относительно революции началось намного раньше. После вступления на престол Георга III многие почувствовали, что принципы революции были отставлены. Джон Уилкс в 1762 году с тревогой заметил, что «почти все друзья свободы и революционных принципов ушли в отставку или уволены». Радикальный памфлетист, журналист и издатель Джозеф Тауэрс оплакивал «недавнюю необычайную перемену в политических делах», когда тех, кто оставался верным «старым принципам вигов», начали клеймить как фракционеров, бунтарей, нелояльных и даже мятежников». Уилкс и Ричард Прайс заявили, что такое развитие показывает незавершенность самой революции. Блакстон указывал, что в то время как «нормальная» власть короны во время революции ослабляется, «реальная власть» остается. «Строгая иерархия привилегий перекрывает более слабый голос извне», — объяснял он²⁸.

В контексте поворота Георга III к новым советникам, идеологически сочувствующим тори и неотори, вспыхнувшей революции в Америке и создания новой, более авторитарной империи в Индии, некоторые радикалы начали смотреть на революцию 1688–1689 годов скорее как на беду, а не просто как на незавершенное дело. Революция, восклицали некоторые, создала скорее не век свободы, а век олигархии. Вместо «допуска простонародья к полному владению свободой согласно их национальным правам», — жаловался политический реформатор Джон Картрайт, — те, кто осуществил революцию, «стараясь изо всех сил создать аристократическую тиранию на руинах королевской тирании, и они преуспели слишком хорошо». Кэтрин Маколей так же, если еще и не с большей горечью, писала, что революция 1688–1689 годов создала «беспримерную модель тирании» и дала повод для «всеобщей развращенности манер». Причина заключалась в том, что во время революции «путем особого вида демократических привилегий люди в реальности оказались полностью подчинены малой части общества»²⁹.

Конец американской Войны за независимость и проведение экономических реформ, без сомнения, притупили недовольство среди радикалов, сделав возможным энтузиазм празднования в 1788 году. Однако британское противостояние Французской революции подкрепляло позиции тех, кто отказывался признавать события 1688–1689 годов революцией. Томас Пейн задал тон бу-

дущих радикальных толкований 1688 года. Он ответил атаке Берка на интерпретацию оппозиционных вигов не энергичной защитой, а тактичной капитуляцией. «Революцию 1688 года, — заявил он в «Правах человека», — превозносили не соответственно ее значению». Теперь она «затмевается разрастанием сферы аргументов и блестящими революциями в Америке и Франции». Это произошло потому, что, по мнению Пейна, революция 1688–1689 годов была не более чем придворным переворотом, в котором нации не оставили выбора между «двумя дьяволами, Яковом и Вильгельмом». Возможности радикальной реформы не существовало. Итак, начиная с 1790-х годов радикалы отказались от революции 1688–1689 годов. Они прекратили, по словам одного историка, «исследовать события 1688–1689 годов в плане того, чем они были, в угоду тому, как им хотелось их представлять»³⁰.

Со времен Французской революции революция 1688–1689 годов отмечалась скорее не как поворотная точка в британской истории, а как событие, которое отличало Британию от континента и всего остального мира. После Французской революции история элиты вигов стала *историческим* изложением вигов. «История Англии» авторитетного вига Томаса Бабингтона Маколей, опубликованная в 1849 году, косвенным образом оказалась образцом сравнительной истории. Маколей разделял с Берком и истеблишментом вигов убеждение, что произошедшее в 1688–1689 годах было воплощением консерватизма. Бедствия континентальных революций были отвращены в Англии, потому что революция в Англии «была революцией чисто защитной и имела на своей стороне порядок и законность». Ни действия революционеров, ни их идеи не были в 1688–1689 годах чем-то новым в Английской революции. «*Ни один зубец короны не был тронут*, — уверенно говорил Маколей, — *ни одно новое право не было дано народу. Все английские законы, независимые и дополнительные, остались, по суждениям всех крупнейших юристов... теми же самыми после революции, какие были до нее*». И сами актеры вовсе не вели себя так, будто делают что-то новое. «*Так как наша революция была оправданием древних прав, она проводилась со строгим вниманием к древним формальностям. Почти в каждом слове и действии можно распознать глубокую почтительность к прошлому*, — писал Маколей, повторяя Берка. — *Обе английские партии соглашались оказывать формальное уважение древним конституционным тра-*

дициям государства. Оставался единственный вопрос, в каком смысле эти традиции следует понимать». Маколей также разделял презрение Берка к современным революциям, заявляя, что «именно потому, что мы произвели щадящую революцию в XVII веке, мы не имели разрушительной революции в веке XIX». Действительно, Маколей верил, и это станет мантрой для будущих его комментаторов, что события в Англии в 1688–1689 годах концептуально стоят наособицу от современных революций. *«Для нас, тех, кто живет в году 1848-м, — доказывал Маколей, — может показаться почти оскорбительным термином называть действие, проводимое с таким обдумыванием, с такой трезвостью и с такой мелочной внимательностью к предписанному этикету, ужасным именем „революция“»*³¹.

Внучатый племянник Маколея, Джордж Маколей Тревельян, сделал подобное же заключение в истории истеблишмента вигов революции 1688–1689 годов. В то время как Маколей писал в тени якобинцев и их жестокостей, Тревельян поднял свое перо в конце 1930-х годов, испытывая ненависть к фашистам, которых сравнивал с французскими якобинцами. Подобно Маколею, Тревельян настаивал, что в 1688–1689 годах «не было новых идей». Как и Маколей, Тревельян видел революцию как «победу умеренности». Тревельян также не видел в действиях тех, кто изгнал Якова II, особой революционности. «Заслуга революции, — настаивал он, — лежит не в криках и суматохе, а в слабом пока голосе благоразумия и мудрости, которые пробиваются сквозь весь грохот». Неудивительно, когда подобно Берку и Маколею, Тревельян считал, что «дух этой странной революции противоположен революционному»³².

Работы Берка, Маколея и Тревельяна подтверждали интерпретацию революции истеблишментом вигов. Для этих троих — все они писали, надеясь, что в Британии не повторится жестокостей и экстремизма революций, которые охватили континент в их дни, — великая умеренность событий 1688–1689 годов была именно тем, из-за чего они не считали произошедшее в Британии реальной революцией. Их интерпретация стала главенствующей не потому, что они открыли новое, неопровержимое историческое свидетельство, а потому, что перед лицом современных политических событий их оппоненты по интерпретации оставили поле. При архивном усердии Маколея, при риторической яркости Берка

и Тревельяна они решили, что их задача — рассказать о сопротивлении тирании Якова II, а не объяснять в деталях революционные последствия 1688–1689 годов. Берк, Маколей и Тревельян не столько опровергали аргументы оппозиционных вигов, сколько постулировали, что в современном политическом климате их утверждения неуместны.

* * *

Рассказы о революции 1688–1689 годов конца двадцатого столетия подробно разработали и укрепили интерпретацию истеблишмента вигов. Снова и снова ученые фокусировали свое внимание на правлении Якова II и последующем периоде. Снова и снова ученые обсуждали революцию узко, в терминах проблем внутренней высокой политики и антикатолицизма. Неудивительно, что исследователи последнего времени приходили к тому же выводу, что и истеблишмент вигов: революция была скорее реставрацией, чем инновацией. Славная революция в отличие от более современных революций не наметила решительной поворотной точки³³.

Аналитики идеологического и методологического характера вступили в общую дискуссию с тем же голосом. Революция 1688 года, заявили они, была скорее актом восстановления и сохранения, чем внесением нового. Цель революции 1688–1689 годов, по высказыванию Дж. Р. Джонса, «была реставрационная и охранительская». Революционеры в Англии, утверждает он, «не имели цели, как революционные лидеры во Франции веком позднее, трансформировать власть, законы, общество и изменить статус всех индивидов, которые составляли нацию». В эссе, явно защищающем мысль Тревельяна, Джон Моррилл заявляет, что «Разумная революция 1688–1689 годов была консервативной революцией». Революция 1688–1689 годов «была «славной революцией» — в смысле этого слова в XVII веке, — говорит Джонатан Скотт, — потому что она наконец восстановила и закрепила после века трудностей то, что осталось спасенным от елизаветинских церкви и государства». Хью Тревор-Рупер отмечает, что с тех пор как революция «стала по существу защитной, продуктом осознанного сопротивления инновациям, она также стала неизбежно консервативной»³⁴.

События 1688–1689 годов в этих изложениях никак не похожи на современные революции. Славная революция не была соци-

альной революцией ни в том, что касалось ее участников, ни в ее последствиях. Дейл Хоук ушел от обсуждения революции 1688–1689 годов как «династического путча». «Революция была успешным государственным переворотом, — доказывал Дэвид Хосфорд. — То, что случилось в Англии за этот период, не было революцией, разве что в самом узком смысле этого слова». События 1688–1689 годов не могли быть следствием народного радикализма, — доказывал Джон Поуккок, — потому что «в них были задействованы пэры». «Славная революция была удивительно консервативной в своих направляющих иллюзиях, — комментирует Марк Голди, — в массе охранительных слов разговоры о народной революции были малочисленными»³⁵.

Так как те, кто принимал участие в событиях 1688–1689 годов, пришли из узкого слоя политической элиты и не имели ни революционной программы, ни социальной повестки дня, они, безусловно, не были современными революционерами. «Славная революция 1688 года, отмечает Джон Вестерн, была названа очень точно, потому что так многое в ней не являлось в современном понятии революционным. Роберт Беддарт настаивает на «особо несовременном характере революции 1688 года». Уильям Спек поясняет, что революция 1688–1689 годов была не социальной революцией»³⁶.

К концу XX века научные дебаты о революции 1688–1689 годов были весьма неширокими. Для большинства обозревателей вообще не существовало никаких дебатов. «В целом было принято, — пишет Говард Неннер, — что происходившее в 1688–1689 годах было, по сути, консервативным». Гарри Дикинсон замечает, что «самые последние работы о Славной революции соглашались с тем, что это было консервативное урегулирование». «Большинство ученых пришло к соглашению, — повторяет Кэтлин Уилсон, — что революция в основном была эпизодом в политике аристократов, жестко «консервативных» в идеологической, политической и социальной сферах». Трактовка революции 1688–1689 годов, созданная истеблишментом вигов, достигла полного господства³⁷.

Трехсотлетие революции 1688–1689 годов прошло незаметно, так как мало что осталось для празднования. Два века исторического изучения в итоге обесценили то, что когда-то считалось фундаментальным поворотом в истории человечества, до аристократической салонной игры. Английская (или британская) иден-

тичность не изменила форму — она была лишь вновь подтверждена. Британская конституция была переделана; ее древняя конституция была подправлена. И кроме того, ученые в один голос заявили, что на жизнь большинства британцев эти события повлияли удивительно слабо. Революция 1688–1689 годов оказала воздействие в первую очередь на высокую политику.

И на публике, и в частном порядке историки и политики всех идеологических направлений соглашались, что произошло небольшое. Консервативный католик Оберон Во осуждал революцию как «последнее успешное вторжение и завоевание Англии иностранной силой». Бывший долгое время членом парламента лейборист Тони Бенн, разделявший ряд политических принципов Во, заявил в палате общин, что «произошедшее в 1688 году не было Славной революцией. Это был заговор нескольких лиц». «Конечно, Славная революция не сделала ничего, чтобы изменить социальный порядок, — соглашался член парламента от консерваторов сэр Бернард Брейн, — она ничего не сделала немедленно для массы простых людей»³⁸.

Быть может, в результате событий 1688–1689 годов произошли некие политические изменения, соглашались все, но они не составляли революцию. На вопрос, можно ли считать события, начавшиеся в ноябре 1688 года, революцией, Чарльз Уилсон, глава исторического комитета, участвовавшего в подготовке празднования трехсотлетия событий, отвечал, что *«если под революцией вы понимаете переворот, сравнимый с Французской революцией, Русской революцией, даже Американской революцией... конечно, нет. Магнаты, которые пригласили Вильгельма в Англию, не имели намерения изменять политический или социальный порядок»*. Ноэль Аннан считал справедливым сделать следующее заключение: независимо от их значимости, события 1688–1689 годов не были «истинной революцией». «Это действительно была революция, — настаивал сэр Уэрнард Брейн перед лицом атак лейбористов, — но более в смысле поворота колеса назад, к нормальному ходу вещей». В 1988 году политики слева и справа смогли согласиться, что революции в 1688–1689 годах не было. Лорду Хейлшему досталась незавидная задача открывать банкетный зал с выставкой, посвященной трехсотлетию революции. Он заявил собравшейся аудитории, что революцию 1688–1689 годов следует отмечать за то, чем она не была и от чего она нас предохранила. «Наша Слав-

ная революция, — объяснил он, — придя, когда пришла, пощадила нас от судорог, сравнимых с Французской революцией 1789 года, или даже с Русской революцией 1917 года, или с падением Веймарской республики в 1933 году». Важность революции 1688–1689 годов, оспоренная премьер-министром Маргарет Тэтчер, состояла в том, что она показала неуместность народного радикализма. *«Политическая перемена должна осмысляться и доводиться до конца через парламент, — заявила она, — именно это спасло нас от диких революций, которые потрясли наших соседей на континенте»*³⁹. После таких замечательных соглашений, после руководящего представления интерпретации принципов революции истеблишментом вигов едва ли удивительно, что трехсотлетие событий было делом спокойным и скучным. Народным торжествам следовало бы быть прямо противоположными духу революции.

* * *

Революция 1688–1689 годов не оказалась революцией в массовом представлении и поэтому перестала быть интересным событием. Ученые, политики и журналисты пришли к соглашению, что она просто восстановила древнюю английскую конституцию. Она скорее подтвердила, нежели создала британскую исключительность. Это был лучший героический момент для нескольких британских аристократов, поднявшихся за свою честь против монарха — новатора и тирана. Народ едва был вовлечен в нее. Революция не привела к новым прецедентам в будущих политических действиях — она лишь подтвердила парламентский суверенитет. Революция не принесла новой модели, за которой последовали бы другие модели. Если что-либо и нужно было праздновать, так это вернувшуюся сдержанность британцев. Мы все стали истеблишментом вигов⁴⁰.

Однако эта интерпретация всегда была единственно возможной интерпретацией революции 1688–1689 годов. На всем протяжении XVIII века ряд британцев, европейцев и североамериканцев понимали революцию как событие, преобразовавшее мир политически, морально и социально. То, что этот взгляд, отстаивавшийся весь XVIII век, вдруг исчез, вряд ли было следствием исторических исследований. Историки изучали природу правления Якова, а не содержание и природу революционных последствий

1688–1689 годов. Эта ошибка происходила из-за представления британцев о себе самих с 1790-х как о противниках революционных перемен на континенте и как о мишени антиколониальных революций в других местах. Политический климат в гораздо большей степени, нежели научные исследования, сузил ряд трактовок и ограничил набор вопросов, которые задавались о революции 1688–1689 годов. Теперь пришло время найти ответы на вопросы, которые оппозиционные виги поднимали в восемнадцатом веке.

Эта книга являет собой такую попытку. Вдохновленная дебатами XVIII века о революции, она отличается от большинства научных работ по Славной революции по двум фундаментальным пунктам. Во-первых, вместо простой констатации, что Славная революция стала большим политическим событием, имевшим место между 1688 и 1690 годами, корни которого следовало искать в правлении Якова II, я расширил рамки своего исследования. Я задался вопросом: а существовали ли более глубокие и давние причины для революции — социально-экономические, политические, религиозные или явно идеологические? И я спрашиваю: существовали ли дальние последствия революции, которые могли быть упущены при урезанном изучении битвы при Бойне (1690) или Лимерикского договора (1691) — событий, которые, можно сказать, закончили военный конфликт на Британских островах между королем Яковом и королем Вильгельмом.

Во-вторых, я предпочел рассмотреть развитие Англии в более широком европейском и внеевропейском контексте. Вместо того чтобы согласиться, что английские мужчины и женщины мыслили исключительно изолированными понятиями, я изучал экономические, религиозные и политические взаимодействия англичан с Европой и с более широким миром. Например, я попытался интерпретировать католицизм Якова II в терминах европейских католических споров и попытался понять, что думали англичане о Европе и возможностях экстраевропейской империи. Из-за того, что я применил радикально отличный от большинства ученых метод, я пришел к совершенно иным заключениям о причинах, природе и последствиях революции 1688–1689 годов.

Вместо того чтобы спрашивать, почему Яков II был сброшен с трона в 1688–1689 годах — недопустимый вопрос для большинства ученых, — я спросил: а почему английское государство и об-

щество были преобразованы в 1680-х и 1690-х? Во второй части этой книги я расхожусь с традиционной интерпретацией Славной революции истеблишментом вигов, настаивая, что английская экономическая жизнь и место Англии в европейской экономике драматически менялись во второй половине века. Яков II, по моему мнению, попытался использовать эти силы для создания одного из возможных вариантов современного английского государства. Но его усилия смоделировать французский вариант современного католического государства породили широкую и жаркую оппозицию.

В третьей части я показываю, что революционные силы, вступившие в действие с 1687 года, вовсе не обеспечили подъем умеренной и разумной революции, прославленной в историографии и современной науке истеблишментом вигов. Далекий от аристократизма, миролюбия и склонности к соглашательству, я показываю, что революция 1688–1689 годов, как и большинство современных революций, была народной, жестокой и чрезвычайно раздираемой разногласиями.

Четвертая часть отслеживает длительные причины и последствия революции в трех важнейших областях: революция в политической экономике, революция в церкви и революция в международной политике. Далее я освещаю радикально преобразующее действие революции в двух совершенно различных направлениях. В главе 14 я использую заговор с попыткой убийства 1696 года*, чтобы показать, как драматично революция преобразовала контуры политической дискуссии в Англии конца XVII века.

В заключение я спрашиваю: так когда же состоялась Английская революция? Тут я проясняю, что хотя революция 1688–1689 годов и ее радикальные последствия были бы невозможны без гражданской войны и междоусарствия в середине века, сам переворот середины века не сделал 1688–1689 годы и их последствия неизбежными. Абсолютизм французского типа был реально возможным путем для Англии в конце XVII века. Только радикальная революция не дала Англии следовать по совершенно другой тропе развития.

* Якобитский заговор с целью убийства Вильгельма Оранского, легитимность которого как английского короля после смерти Марии в 1694 году оказалась под сильным сомнением. (*Прим. ред.*)

Однако до возвращения к своему рассказу об Англии конца XVII века важно установить мое понимание революции. Поэтому глава вторая дает теорию революции, которая сильно противоречит обширной литературе о революциях, пониманию революции в социальных науках и представлениях о ней в гуманизме. Основываясь на этой литературе, я выдвигаю новую программу дня для изучения революций в их сравнительной форме. Хотя я надеюсь, что теория и повестка дня подтолкнут к дальнейшим исследованиям в областях вне английской истории, эта глава проясняет, почему я считаю, что революция 1688–1689 годов должна считаться первой современной революцией.

Глава вторая

Переосмысление революции

«**В** истории нет лучше принимаемых рассказов, чем истории о великих переменах и переворотах в государствах и правительствах», — написал английский клерк и будущий революционер Гилберт Бернет в середине XVII века. Это так, заявлял он, потому что «разнообразие инцидентов и событий питает читателя и развивает его». Другой автор, один из первых комментаторов революций, обращал особое внимание на то, что революции не только занимательны, но и трудны для толкования. «Когда великие революции успешны, их причины перестают существовать, — объяснял Алексис де Токвиль. — Сам факт их успешности делает их непостижимыми».

Мало что изменилось за полтора века, отделяющих нас от Токвиля. Революции продолжают зачаровывать и ставить в тупик. В конце 1970-х Теда Скокпол заметила, что «за последние два десятилетия в американской социологии стремительно возникают теории революции»¹. Темп изучения предмета революции лишь возрос с тех пор, как Скокпол написала эти слова.

Революции продолжают очаровывать и поражать, потому что каждая новая революция, похоже, вновь поднимает сомнения и тонкости теоретизирований предыдущего поколения. К несчастью, каждая новая революция вдохновляет ученых на создание еще более изощренных объяснений, с новыми вариациями и новыми наборами возможных выводов. Каждый новый рассказ о революциях более сложен, чем предыдущий. Вместе с новыми причинами возникают новые отличительные особенности в типологии

революций. Мы теперь слышим о политических революциях, социальных революциях, великих революциях, малых революциях, революциях третьего мира и революциях XX века. Эта глава предлагает более экономное и *короткое* объяснение причин революций, а также предлагает некоторые новые направления в объяснении их последствий. Общая модель, данная тут, проясняет, почему революция 1688–1689 годов в Англии должна пониматься как первая современная революция.

* * *

Революции — относительно редкие и выдающиеся события. Они фундаментально преобразуют государства и общества. *«Революция, — предлагает определение политолог Самуэль Хантингтон, — это быстрое, фундаментальное и интенсивное внутреннее изменение национальных ценностей и мифов общества, его политических институтов, социальной структуры, руководства, действий и политики правительства»*. Таким образом, революции отличаются от просто смены сильных лидеров, когда социальные и политические структуры остаются теми же, какие были. Они также отличаются от войн за независимость, в которых прежние социальные и политические структуры колоний остаются, но сдвигается положение верховной власти.

Хотя определение Хантингтона и полезно, оно нуждается в квалификации и расширении. Продолжительность революций должна измеряться годами, а не месяцами. *«Революции, — указывает один из комментаторов недавнего времени, — лучше всего определить не как события, а как процессы, которые обычно измеряются многими годами или даже десятилетиями»*. Революции также обладают общим идеологическим элементом: самосознание подвергается кардинальной перемене. Революционные деятели всегда настаивают, что их достижения или их стремления представляют собой фундаментальное разрушение прошлого. *«Настоящая революция, — пишет политолог Айзек Крамник, — ищет новое начало»*. Так для Ричарда Прайса американская революция *«открывает новые перспективы в поступках человека и начинает новую эру в истории человечества»*. Почти веком раньше швейцарский исследователь английского общества Ги Мьеж описал английскую Славную революцию как событие, породившее *«новое лицо вещей»*². Это, по сути, та самая концепция разрушения связи

времен, которую выдвигали французские якобинцы при создании нового календаря в 1793 году.

Таким образом, революции продолжают структурное и идеологическое разрушение предыдущего режима. Они вызывают перемены и в политической, и в социально-экономической структуре государства. Они часто включают яростное народное движение, направленное на свержение предыдущего режима. Революции изменяют политических лидеров и политическую ориентацию государства. И революционные режимы приносят с собой новую концепцию времени — декларируя, что они являются началом новой эпохи в истории государства и общества.

Классовый конфликт в этом случае является лишь побочным для революций явлением. Несмотря на центральную роль, которую придают классовой борьбе некоторые влиятельные труды о революциях, а также значение, которое классовые противоречия явно имели в некоторых революциях, настаивать, что классовая борьба есть существенная часть революции, — значит излишне сужать поле анализа. Французская революция конца XVIII века когда-то считалась классическим примером классовой социальной революции, но ныне больше не утверждается, что классовый конфликт был единственным ее механизмом. Среди других это признали Джордж Лефебр и Альберт Собуль³. Некоторые революции XX века, такие как Иранская революция, также являются исключением из того определения революции, которое ставит в центр классовую борьбу. Классовый конфликт может определить форму некоторых революционных движений, а может быть и результатом революционных трансформаций и в некоторых случаях может смешивать политические цели революционеров и их противников. Но не все революции происходили из-за классового конфликта. Такое узкое определение революции обладает малой социальной научной ценностью. Революции должны включать народные движения. Эти народные движения необязательно основываются на классовом принципе.

И не стоит делать различие между социальной и политической революциями. События, которые «изменяют государственные, но не социальные структуры», — это гражданские войны, мятежи или государственные перевороты; это не революции. Революции должны включать смену и социально-экономической ориентации, и политических структур. Эта трансформация должна происхо-

дить посредством народного движения и непременно включать самоосознание того, что началась новая эра.

В литературе обычно проводится разделение между социальной и политической революциями, и мне это кажется столь же нормативным, как и аналитическим⁴. Некоторые исследователи проводят смелое разграничение между социальной и политической революциями, потому что уважают некоторые результаты революций и пренебрегают другими. Аналитический же язык используется, чтобы обмануть политические предпочтения.

* * *

Но почему же происходят революции? Социологи и историки не обошли это объяснение, но с увеличением числа книг и статей размножается и число мнений исследователей о причинах революций. Несмотря на обилие литературы, можно выделить два типа объяснений, которые доминируют в современных дискуссиях, оба они ассоциируются с выдающимися социологами. Первое объяснение революции заключается в том, что старый режим опрокидывается модернизаторами. Второе постулирует, что старый режим побеждается новой социальной группой, классом, который захватывает власть и свержает структуры государства и общества. При всех их различиях оба объяснения революции — это истории модернизации.

«Революция, — заявляет Хантингтон, — характерна для модернизации. Это один из путей модернизации традиционного общества». Особенно сильно Хантингтон настаивает на том, что революция «наиболее вероятно имеет место в обществах, которые приобрели определенный опыт социального и экономического развития и где процессы политической модернизации и политического развития отстают от процессов социальных и экономических перемен». Хотя Хантингтон проводит различие между западным и европейским образцами революции, в обоих случаях, как охотно подхватывает Чарльз Тили, *«непосредственной причиной революции предполагается разногласие между действиями режима и требованиями, предъявляемыми к нему... Что, в свою очередь, проявляется в стремлении отыскать более или менее прямой путь к быстрейшим социальным и экономическим переменам»*⁵.

Объяснение революции классовой борьбой отличается от классического анализа модернизации двумя фундаментальными

путями. В то время как рассказ о классической модернизации фокусируется на обобщенном переходе от традиционного к современному обществу, модель классовой борьбы выдвигает на первый план переход от одной модели производства к другой. «Концепция социальной революции, использованная тут, — обращает внимание Теда Скокпол, — прочно опирается на марксистские акценты социальных структурных перемен и классовый конфликт».

И в то время как классическая история модернизации фокусируется исключительно на внутренних, «домашних» переходах, Скокпол обращает особое внимание на международный контекст. «Современные социальные революции случаются только в странах, находящихся в невыгодном положении на международной арене, — указывает она. — Реалии военных поражений или политической зависимости оказывают решающее воздействие на возникновение и ход социальных революций». Эта ситуация сравнительной отсталости сама по себе однозначно привязывает анализ к способам производства. «Все современные социальные революции, — говорит Скокпол, — должны рассматриваться как тесно связанные в своих причинах и достижениях с международным неравномерным распространением капиталистического экономического развития и национальных государственных формаций по мировой шкале». Именно в этом ракурсе Скокпол доказывает, что революционные кризисы обостряются, когда «старые государственные режимы оказываются неспособны ответить вызову развивающейся международной ситуации»⁶. Для защитников парадигмы классовой борьбы революции происходят, когда представители определенного класса свержают старый режим, потому что старая социально-политическая структура сделала государство неспособным к успешному соревнованию на международной сцене.

Несмотря на столь важные описательные, аналитические и (подозреваю) нормативные различия, эти два доминирующих объяснения революции во многом частичны. Оба они в основе своей являются анализом модернизации. Оба настаивают, что революция имеет место в обществах, в которых социальная и экономическая модернизация заставили государство выглядеть устаревшим. Несмотря на различия в подходах, Скокпол разделяет с Хантингтоном представление о том, что именно «динамика эпихальной модернизации частично вызывает и формирует революционные преобразования»⁷.

По контрасту с обоими подходами, и с классической теорией модернизации, и с теорией классовой борьбы, я считаю, что революции происходят лишь тогда, когда государства начинают амбициозные государственные программы модернизации. Революции не сталкивают модернизаторов и защитников старого режима. Наоборот, революции случаются, когда государственная нация убеждена в необходимости политической модернизации — но существуют глубокие расхождения в вопросе о правильном курсе обновления государства. При всем том акценте, который подходы Хантингтона и Скокпол делают на «политические и общественные факторы», я предполагаю, что им не хватает этого важнейшего пункта⁸. Модернизация государства как политическая цель и как политический процесс — вот необходимая *предпосылка* для революции. Мера и природа модернизирующих социальных движений может поддержать государственную модернизацию. Эти социальные движения могут помочь сформировать природу революционного процесса. Но социальные движения не зажигают революцию, если модернизация государства уже не происходит.

* * *

Прежде чем я перейду к доказательству того, что модернизация государства есть необходимая предпосылка для революции, следует рассмотреть один глубокий анализ проблем революции, который не делает ударения на модернизации. Джек Голдстон в своей широко обсуждавшейся работе «Революция и мятеж в раннесовременном мире» выдвигает совершенно другой тезис. *«Революции, — настаивает Голдстон, — не провоцируются битвой между прошлым и будущим или между добром и злом; они провоцируются дисбалансом между человеческими институтами и их окружением»*. Ключевой фактор в способствовании разрушению государства по Голдстону не имеет ничего общего с социальной и экономической модернизацией. *«Мотивация для перемены, — настаивает он, — [приходит] из экологических изменений во взаимоотношениях размера населения и сельскохозяйственного выхода, продукт которого вызывает конфликты между элитой и государством, между группировками элиты, среди народных групп и властей»*⁹. В захватывающем дух анализе Голдстона, рассматривающем весь мир ранней современности от Европы до Восточной Азии, традиционный мальтузианский кризис, а вовсе не модер-

низация экономики способствует революции и разрушению государства.

Демографическое объяснение революций и падения государств опирается на важное эмпирическое утверждение. Голдстон предполагает, что *«падение государств не только в Европе, но и во всем мире происходило двумя заметными „волнами“: первая имела пик в середине XVII века, вторая — в середине XIX, и разделялись они примерно столетием стабильности с 1660 по 1760 год»*. Периоды нестабильности были периодами демографического роста; период стабильности был периодом стагнации численности населения. «Если падение населения восстановит традиционный баланс населения и ресурсов, — объясняет Голдстон, — традиционные институты могут ожить вновь»¹⁰.

Хотя это объяснение является и новаторским, и просто захватывающим, анализ Голдстона не подкрепляется историей ранне-современного мира, который в нем рассматривается. Крупнейшие революции и крушения государств имели место и во время «века стабильности» с 1660 по 1760 год. Голдстон не считает английскую Славную революцию конца XVII века «настоящей революцией». Этот взгляд контрастирует как со мнением классических толкователей, так и с нашей интерпретацией. Карл Маркс считал, что Славная революция отметила «первую решительную победу буржуазии над феодальной аристократией». Великий юрист сэр Уильям Блэкстон соглашался, что именно Славная революция, «счастливая революция», отметила падение феодализма в Англии и окончательное утверждение английских «гражданских и политических свобод»¹¹. Славная революция, как я покажу ниже, была народным и яростным событием, в котором и природа английского управления, и социально-экономические основы режима были радикально трансформированы. Новый режим изменил не только свою международную, имперскую, экономическую и религиозную политику: все последующие комментаторы — как сторонники, так и противники революции — почти одинаково описывали эту революцию как нечто совершенно новое в английской истории.

Англия была не единственным европейским государством, пережившим разрушение государственной структуры, ее трансформацию и революцию в век так называемой стабильности. Соединенные провинции Нидерландов то и дело трясли яростные

и захватывающие государственные перевороты. Перед лицом военных перемен от рук французов летом 1672 года волна народных протестов и беспорядков расползлась по самому богатому государству в Европе. Беспорядки в конце концов заставили великого республиканского лидера Джона де Витта отказаться в начале августа от своего поста. А затем 20 августа де Витт и его брат Корнелиус были разорваны на части, конечность за конечностью, на улицах Гааги. В результате в июле 1672 года губернатором Соединенных провинций стал Вильгельм Оранский, «преобразовав структуру власти». Народная политическая ярость превратила Нидерланды из республики в страну с квазимонархическим режимом¹².

Скандинавия тоже страдала от распадов государств между 1660 и 1760 годами. Между 1660 и 1683 годами Фридрих III и Кристиан V преобразовали Данию из выборной монархии в одно из самых абсолютистских государств в Европе. После тяжелого военного поражения Дании от шведов в 1657–1660 годах Фридрих III в 1660 году «осуществил удачный ход», чтобы обеспечить возможность монархии стать наследственной. В следующие десятилетия «старый олигархический социальный порядок» был заменен «властью профессионалов, при которой талант мог достичь верха независимо от социального происхождения». Датский закон от 1683 года обеспечил порядок и прозрачность во всех аспектах жизни». Политические и социальные устои Дании постоянно трансформировались¹³.

Несмотря на победу над Данией, шведское государство после 1680 года тоже драматически трансформировалось. В шведском случае на деле не было так уж много поражений и сравнительной отсталости — но отсутствие достаточных ресурсов для взлета до трудно завоевываемого статуса великой мощи также спровоцировало трансформацию от выборной к абсолютной монархии. В 1680 году Карл XI формально достиг статуса абсолютного монарха. По словам одного исследователя, Карл XI «произвел революцию в монархической власти». Шведский парламент утратил полномочия ограничивать его власть. Затем он смог радикально перестроить шведскую армию, шведский флот и шведские финансы. Важно, что перестройка шведского государства, которую некоторые интерпретируют как королевский переворот, использовала массовую передачу ресурсов из «частных рук в общественное

владение». По существу, шведская знать была ослаблена¹⁴. Шведское государство и общество были трансформированы.

Северная Европа была не единственным регионом, который перенес распад государств в так называемую эру стабильности. Испания была эффектно преобразована во время общеевропейского конфликта, Войны за испанское наследство. Всю Европу от Лондона до Вены и дальше потрясло падение в начале XVIII века испанской Габсбургской династии. Испания втянулась в гражданскую войну. Династия Бурбонов, которая вынырнула из этой войны, изменила саму природу Испании. Новое государство породило новую «бюрократическую элиту» и «переложило власть на центральное правительство». После 1714 года новая испанская королевская линия предпринимала и дальнейшие реформы государства¹⁵.

Географическая экспансия цепи революций и крушений государственных систем в целом показывает, что государства действительно находятся под риском переворотов в периоды, когда рост населения опережает рост экономических ресурсов. В периоды стабильности населения обычно сохраняется и стабильность государства. И все-таки даже период стабильности населения с 1660 по 1760 год был эрой частых и драматических падений государств и революций по всей Европе. Поэтому нам следует поискать еще какие-то причины революций.

* * *

Ключевым фактором для объяснения революций не является ни давление населения, ни необходимость социально-экономических реформ. В некоторых случаях оба фактора могли играть роль, но ключевым фактором была именно сама модернизация государства. Во всех революциях старый режим заканчивал свое существование до революции. Поэтому не революции закладывали основы элементов модернизации против воли защитников традиционного порядка. Наоборот — революции имели место только после того, как правящий режим сам выходил на курс модернизации.

Модернизация государства не может происходить сама по себе, без предварительных социально-экономических реформ. Однако эти реформы являются пусть необходимым, но не достаточным мотивом для модернизации государства¹⁶. Именно по этой

причине революции часто происходят из яростной конкуренции разных программ государственной модернизации.

Ученые долго воспринимали эмпирические проблемы в согласии с двумя теориями модернизации — классической теории и теории классовой борьбы. Что касается Чарльза Тилли, то он указывал, что исторический анализ показывает «отсутствие прямого взаимодействия [между] скоростью структурных перемен» и революцией. Тилли замечает, что очевидно предполагать отрицательное взаимодействие: быстрая переменна ведет к снижению политического конфликта. *«Полномасштабные структурные изменения, пусть и не напрямую, влияют на возможности революции, — заключает Тилли, — но нет полного и систематического ощущения, что именно модернизация сеет революцию»*¹⁷. Социальная и экономическая трансформация — то есть социальная модернизация — может вести к политическим переменам, но не к падению государства. Скорее, государственная модернизация делает режим созревшим для революции.

Под «государственной модернизацией» я понимаю здесь сознательные действия режима с целью преобразовать себя фундаментальным образом. Модернизация государства обычно включает попытку централизовать и обюрократить политическую власть, стремление изменить военную систему с использованием самой современной техники, ускорить рост экономики и сформировать контуры общества, используя государственные рычаги. Одновременно разворачиваются технологии, позволяющие государству собирать информацию и быть готовым подавлять опасную социальную и политическую активность, имеющую место на разных социальных уровнях и в разных географических точках внутри государства. Модернизация государства почти всегда разворачивает одинаковую риторику о создании новых начал, которую мы обычно ассоциируем с революциями. Официально заявляется, что закладывается начало фундаментальному разрыву с прошлыми формами управления.

Франция Людовика XVI, как давным-давно отмечал Токвиль, была классическим случаем, в котором попытки модернизировать государство сделали режим созревшим для революции. «Опыт учит нас, — пишет Токвиль, — что самым опасным моментом для плохого правительства является такой, когда оно ищет, как бы исправить свои пути». Токвиль обобщал исходя из своего знания

французского варианта. Там уже за десятилетия до революции «современные институты» появились «внутри потрепанного каркаса феодальной системы». Программы государственной модернизации были настолько интенсивны, что «вся нация, похоже, находилась в агонии перерождения». Далеко не реакционер, Людовик XVI был решительным реформатором. «Во время своего полновластного правления Людовик XIV постоянно говорил о реформе, — пишет Токвиль, — и мало осталось институтов, чье уничтожение он не обдумывал». Позднее, в XVIII веке, Франция стала быстро централизоваться, стала «более систематизированной в своих методах и более умелой». В 1787 году Людовик XVI начал «полную переделку всей администрации». В следующем году, 1788-м, король «издал эдикт, капитально перестраивающий всю судебную систему». В ответ на деморализующее и разрушительное поражение в Семилетней войне (1757–1763) «правительство стало более энергичным [и] с жаром бросилось в кучу дел, о которых раньше оно не задумывалось».

Суть не в том, что режим Людовика XVI предвидел все перемены, привнесенные позднее революционерами, и не в том, что Людовик XVI был непонятым радикалом, а в том, что Людовик XVI был модернизатором¹⁸. Его деятельность изменила область политических дискуссий и действий. Французская революция стала лишь иным, более хаотичным осуществлением одной из конкурирующих программ модернизации.

Французская революция была не первым примером такого явления. Веком ранее Англия содрогнулась в революции подобного же рода. Яков II и английская политическая нация тоже были озабочены тем, что недавние военные неудачи, на этот раз в войне против Нидерландов, передали королевство второсортной власти. Яков II также извлекал пользу из расширения английской международной торговли, что помогало ему модернизировать и увеличить английскую армию, резко увеличить государственный бюрократический аппарат и установить контроль центра над местными властями. Яков также создал широкую и действенную систему надзора, развернул обширную сеть информаторов в английских кофейнях, тавернах и церквях. Он использовал только что созданную почтовую службу для перлюстрации писем и, таким образом, держал руку на политическом пульсе. Он также использовал обширные политические отчеты для оценки политических

настроений, чтобы легче было убирать политических инакомыслящих и заменять их лояльными людьми.

Революционеры, которые изгнали Якова, всего лишь выполнили альтернативную программу модернизации. Постреволюционный режим тоже был намерен модернизировать, централизовать и расширить государство. Но этот режим осуществлял все с совсем другой экономической стратегией — путем развития английского производственного сектора, а не поиском путей расширения сектора аграрного за счет территориальных приобретений — с другой международной политикой и с мудрым обязательством религиозной терпимости¹⁹.

Революции XX века следовали тому же рисунку, что и революции XVII и XVIII веков. Модернизация государства везде становилась необходимой предпосылкой к революции. Мексиканской революции предшествовал период обширной государственной модернизации, когда президент Порфирио Диас начал серию реформ, которую историк Фридрих Кац окрестил «порфировой дорогой к модернизации». Диас модернизировал мексиканскую армию по прусскому образцу*, сделав карьеру в ней открытой для талантов. Министр финансов Диаса Жозе Лимантур «сбалансировал бюджет, реформировал казну, упразднил внутренние тарифы и реконструировал банковские институты». В результате количество государственной бюрократии «сильно возросло». Диас также использовал свою власть, чтобы поставить под контроль мексиканскую оппозиционную прессу. Достижением Диаса стало создание «национального правящего класса», что привело к «сильному, централизованному режиму»²⁰.

Русская и турецкая революции начала XX века — обе последовали за попытками модернизировать государство, хотя в обоих случаях модернизация частично была вынужденной для старого режима. В России царь уже предпринимал шаги к освобождению крепостных в XIX веке. Но лишь государственные реформы начала XX века «смогли повернуть государственную администрацию к единообразному и современному обществу»²¹. Поражение в Рус-

* Например, при Диасе Мексика стала первой в мире страной, принявшей на вооружение армии автоматическую винтовку, причем отечественного образца — системы Мондрагона обр. 1907 года. Эта модель оказалась настолько удачной, что еще полвека состояла на вооружении многих стран, в том числе Германии. (Прим. ред.)

ско-японской войне и последующая революция 1905 года ускорили модернизацию государства. Царь Николай создал Думу — избираемый народом парламент, легализовал политические партии и профсоюзы. Он имел под своим командованием самую большую постоянную армию в Европе. И перед революцией, которая началась в октябре 1917 года, Николай запустил «основную программу социальных реформ»²².*

Султан Абдул-Гамид II таким же образом начал серию государственных реформ перед Младотурецкой революцией 1908 года. Зная, что европейские власти с нетерпением ждут возможности расчленить грозную когда-то Османскую империю, султан без желания, но активно занимался модернизацией. Он значительно расширил государственную школьную систему и сеть железных дорог. Он начал широкомасштабную программу модернизации

* Это утверждение абсолютно не соответствует действительности. Никакой «программы социальных реформ» у царского правительства после 1905 года не существовало (если не считать достаточно конструктивного проекта развития школьного образования). Более того, начиная с 1907-го правящий режим последовательно сворачивал объявленные манифестом 25 октября 1905 года либеральные реформы и отменял уже сделанные нововведения. В 1907 году правительством Столыпина была разогнана Первая Государственная дума, а при выборах последующих использовалось все более элитарное избирательное законодательство. Лишь в ходе Первой мировой войны были сделаны некоторые технические уступки земским органам власти — в первую очередь в плане расширения их экономических полномочий; но в реальности это лишь усилило коррупцию на местном уровне. Именно практически всеобщее недовольство земских деятелей урезанием их прав и полномочий, торжественно декларированных царем в 1905 году, вкупе с открывшимися в годы мировой войны экономическими возможностями, привело к Февральской революции 1917 года. Но тот же процесс заложил и основу дальнейшего конфликта — теперь между цензовыми и внецензовыми сословиями, не допущенными даже до земской власти и не получавшими от ее усиления никаких экономических или политических преференций. А этот конфликт уже носил ярко выраженный классовый характер — просто новая линия раздела пролегла не между «старым режимом» и «революционными силами», а *внутри* самих сил, стремящихся к революционной модернизации государства. В целом автор упускает из виду, что общество, как правило, состоит не из двух, а из гораздо большего числа классов, у которых уровень политического развития и осознания своих интересов зачастую весьма сильно различается — и в результате видимый фронт противостояния действующих сил может не совпадать с формальной классовой структурой общества. В данном случае автор дает ссылку на труды Шейлы Фицпатрик, видного американского советолога 1980-х, и мы можем оценить уровень ее компетентности в изучаемом предмете. (Прим. ред.)

турецкой армии по немецкому образцу. До революции 1908 года султан *«смог создать основные модернизированные сектора внутри османской армии и бюрократии — сектора, которые начали работать на основе разумных правовых норм»*²³.

Государственная модернизация была также предшественницей Китайской революции. В этом случае поражение Китая от японцев (1895) с последующим Боксерским восстанием (1899–1901) вызвало серию активных и далеко идущих реформ. Значительная часть армии была реформирована в западном стиле*. В 1905 году классическая конфуцианская экзаменационная система была отменена, что сделало возможным проведение широких образовательных реформ. Согласно работам историка-китаиста Джонатана Спенса, *«правительственный контроль над экономикой также был усилен, теперь она в большей степени направлялась государством, но одновременно создавались новые торговые компании, а сеть железных дорог постепенно расширялась»*. В сентябре 1906 года правительство заявило, что подготавливается конституция и дальнейшие административные реформы. В Китае начала XX века все партии «стали защитниками политической модернизации». Конфликт, который вскоре поднялся до уровня революции, *«касался форм, которые следует иметь современному правительству Китая, и методов, которыми современное правительство должно вводиться»*²⁴.

Иранская революция 1979 года, столь проблематичная для исследователей, которые понимают революцию как триумф модернизации или окончательную победу класса крестьянства, стала еще одним примером амбициозного государственного модернизатора, мостившего дорогу к революции. Шах Мохаммед Реза Пехлеви был архитектором радикальной программы модернизации. Его армия, насчитывавшая более четырехсот тысяч человек, была оснащена современным оружием, советниками и технологиями. Его громадный *«бюрократический аппарат мог руководить такими разнообразными функциями и предприятиями, как нефтяная индустрия, стальная индустрия, порты, железные дороги и даже атомная энергетика»*. Шах, конечно, имел и тщательно отлаженные секретные полицейские службы, которых повсюду

* В действительности эти реформы (в первую очередь военные) были начаты могущественным наместником Северо-Западного Китая Ли Хун Чжаном еще до Японо-китайской войны. (Прим. ред.)

боялись и ненавидели. Согласно одному комментатору, Иранская революция была «политической борьбой, приведенной в движение централизацией и модернизацией государства». Революционеры не были реакционерами. Они имели отличное видение современного Ирана. Это видение отражало взгляды широкой базы оппозиции шахскому режиму, включавшей помимо духовенства «базарных торговцев, племена, интеллектуалов, технократов, студентов, промышленных рабочих, обычно робких вышколенных слуг и в конце даже некоторую часть вооруженных сил»²⁵. В конце концов, можно утверждать, что даже торжествующие исламисты имели свое видение современной Исламской республики*.

* Жесткое противостояние между Ираном и ведущими странами Запада подталкивает западных исследователей использовать в оценке Ирана расхожие штампы журналистской пропаганды, стремящейся представить современный Иран как вотчину диких аятолл, погрузивших когда-то цивилизованную и европейски ориентированную страну в пучину средневекового религиозного фанатизма. В качестве главных доказательств такой картины зачастую приводятся признаки *реальной* модернизации — когда рушится пирамида жестко стратифицированного общества, прежняя элита исчезает либо размывается, а социальные лифты неизбежно выносят наверх слои населения, еще не демонстрирующие высот европеизированной культуры. В результате сторонний наблюдатель, особенно ассоциирующий себя с высшими, «культурными» слоями общества, оказывается шокирован, увидев на привычном месте «европейской» элиты выходцев из простонародной массы совсем с другой культурой. С его точки зрения, это выглядит как распад культуры — но в данном случае это признак именно *развития*, а не регресса; налицо повышение *общего* уровня общественной и политической культуры, а вовсе не ее упадок в масштабах страны.

Точно такая же аберрация часто происходит и в оценке других масштабных революционных преобразований, особенно если они делаются через призму наблюдателей, ассоциирующих себя (вольно или невольно) с элитой старого режима. В итоге чем сильнее эта элита была отделена от остального общества, тем большую «деградацию» будут видеть эти наблюдатели после революции — ведь, как отмечает ниже сам автор, *«модернизация государства неизбежно приводит огромный слой людей в контакт с государственной машиной»*. Одновременно для такого наблюдателя будет очевидным рост бюрократического аппарата, который тоже принято ассоциировать с ухудшением государственного управления — хотя ниже автор сам указывает, что это совсем не так.

Применительно к Ирану необходимо также заметить, что революционные события в нем происходили на фоне вполне реального подъема религиозности, начавшегося с 1980-х годов во всем исламском мире — это явление, насколько нам известно, до сих пор еще никем серьезно не исследовано. (Прим. ред.)

Кубинская революция 1959 года с первого взгляда может показаться имеющей самое большое количество трудностей с объяснениями. Большинство комментаторов предполагает, что уязвимость Фульхенсио Батисты по большей части стала следствием от его желания сделать армию непрофессиональной. И все-таки даже Батиста был активным, хоть и странным модернизатором. Рецепт политического выживания Батисты включал предложение быстрого экономического роста, который он частично поощрял «развитием государственных банков». Он, с точки зрения другого комментатора, «поставил на программу индустриализации». Батиста, который появился как кубинская ведущая политическая фигура в 1933 году, создал огромный штат государственной бюрократии, при которой один из девяти кубинцев был государственным служащим. Конечно, одним из элементов модернизации государства Батистой — как во всех других примерах государственной модернизации — являлась власть политических репрессий. Вероятно, не менее двадцати тысяч кубинцев было убито государством между 1952 и 1959 годами²⁶. Фидель Кастро поднялся к власти, предложив альтернативное видение кубинской модернизации.

Почему государственная модернизация является необходимым шагом на дороге к революции? Причина здесь будет и структурной — в социальных результатах ослабления бюрократического государства, и идеологической. Модернизация государства неизбежно приводит огромный слой людей в контакт с государственной машиной. Модернизируемое государство стремится создать громадное количество централизованной бюрократии. Собиратели налогов, местные управленцы, почтмейстеры и секретная полиция появляются там, где не появлялись никогда прежде. Этот новый контакт с государством в ежедневной жизни поддерживает тех, для кого национальная политика прежде была далекой и в основном не настолько важной, чтобы глубоко задумываться о государственном идеологическом и политическом направлении. Созданием потребности в информации и средствах ее поставки модернизируемое государство формирует новых политизированных людей.

Институты модернизируемого государства также нанимают большие новые слои населения²⁷. Модернизируемые армии и бюрократические структуры не только составляют большие группы

государственных служащих, но и обучают этих новых служащих новым методам и новому видению мира, и во многих случаях учат их принимать национальную идентичность ближе, чем региональную или местную. По этой причине как минимум часть революционеров оказывается радикальными кадрами из модернизируемых институтов — такими как младотурки в Турции начала XX века* или армейские дезертиры, ведомые будущим графом Мальборо в Англии конца XVII века. Модернизируемые государства создают новых людей, которые вдруг начинают заботиться о национальной политике.

Объявляя о разрыве с прошлым, модернизирующиеся режимы создают идеологическую трещину. Чтобы объяснить и оправдать экспансию государства, структурную трансформацию и потребность в новых институтах на уровне каждодневной жизни, модернизаторы должны объявить и объяснить свои цели. Делая так, они вынуждены одновременно декларировать необходимость радикальных перемен. Поэтому следующие за ними революционеры уже не обязаны объяснять потенциальным скептикам или консервативному населению, почему эти перемены необходимы. Перед ними стоит гораздо менее внушительная задача — объяснить, почему выбранный государством путь модернизации обречен на провал или вредоносен. Модернизирующийся режим обязательно начинает широкие дебаты о средствах и об окончательных результатах модернизации — одновременно создавая идеологическое пространство для оппозиции модернизации.

Модернизация старого режима на один шаг неотвратимо продвигается к революции. Государства необязательно модернизируются в ответ на революционное давление. Русские Романовы и цинская императрица пытались модернизировать свои государства, но неудачными попытками лишь вызвали революцию. В других случаях режим вынужден был отвечать на давление извне. Яков II модернизировал английский государственный аппарат на вершине своей популярности дома. Великие государственные реформы, предложенные Людовиком XVI, были ответом не только на внутреннее недовольство, но и на неудачи в соперничестве с британским могуществом. Амбициозные программы государственного развития, принятые Диасом в Мексике и Пехлави

* Младотурки (и не только они) совершили свою революцию, опираясь на широкие армейские слои — солдат и младших офицеров. (*Прим. ред.*)

в Иране, тоже не были контрреволюционными программами. Во всех случаях новая повестка дня появляется, чтобы поднять международный статус государства, а не затем, чтобы заставить замолчать революционную оппозицию. Государственные деятели редко начинают модернизацию лишь для предотвращения революции. Однако лидеры, начавшие путь амбициозных и кардинальных реформ, в какой-то момент абсолютно против своей воли порождают революционную оппозицию.

Каковы различия между моим изложением и предыдущими? Большинство теоретиков революции делают упор на возникновении социальных движений, имеющих целью сбросить старый режим. Я же, напротив, доказываю, что происхождение революций нужно искать в государственной модернизации, которая начинается внутри самого старого режима, в модернизирующей программе, которая превращает старый режим в современное государство. Это изложение контрастирует с рассуждениями Хантингтона, который заявляет, что *«революции не похожи в политических системах, которые могут распространять свою власть и расширять участие внутри системы»*. Именно способность государства расширять контакты с обществом создает новые политические группы.

Хотя я разделяю со Скокпол тот взгляд, что международное развитие может оказывать сильнейшее давление на старые режимы, я не согласен с ее предположением, что «репрессивные государственные организации предреволюционного режима должны быть ослаблены, прежде чем массовые революционные действия будут успешны». В английском, кубинском или иранском случаях репрессивные элементы государства на момент революции были скорее усилены, чем ослаблены. На деле расширение власти государства часто порождает отчаяние, возникающее еще до того, как сопротивление в самом деле становится тщетным.

С другой стороны, я не согласен с Джеффом Гудвином, что революционные движения зависят от периферии государств, которые «организационно малозначимы и слабы в военном отношении, особенно в удаленных областях общества»²⁸. Именно действия модернизируемого государства по проникновению глубже в общество политизируют и мобилизуют людей на периферии. Модернизация государства, а не его развал, нарастающая сила, а не роковая слабость — вот что является предзнаменованием революции.

Конечно, не все государственные программы модернизации вызывают всплеск народных революций. Амбициозные и обширные реформы государственных систем в Швеции и Дании порождали скорее более стабильные, а вовсе не неустойчивые режимы. Людовик XIV развернул великолепную программу модернизации государства, которая централизовала его власть, ограничивала возможности судебной оппозиции, создавала ряд новых государственных институтов и модернизировала как армию, так и флот. Результат был вовсе не революционным, а стал золотым веком французского правительства²⁹. Таким же образом реставрация Мэйдзи в Японии (1868 год) *«создала систему всеобщего образования, сформировала современные армию и флот и набрала квалифицированную административную бюрократию, и государственную, и на местах»*³⁰. В этом случае новое государство тоже было свергнуто не революционным движением, а скорее созданной эффективной военной машиной.

Почему тогда некоторые модернизации государства вели прямую к революции, в то время как другие порождали стабильные и эффективные государства? Пытаясь ответить на этот вопрос, я вступаю на зыбкую почву. Увы, большинство ученых фокусируются на социальных предпосылках революции, а не на модернизации государства, поэтому существует относительно немного источников, из которых можно черпать сведения. Работа историков из-за того, что не всегда содержит сравнительный материал, в основном малополезна в этом смысле.

Лучшее объяснение того, почему некоторые модернизации режимов завершаются революцией, а другие стабильны и политически успешны, предложено Карлесом Бойксом. *«При существовании неопределенности в технологии репрессий со стороны богатых, — постулирует Бойкс, — с некоторой позитивной вероятностью будут возникать революции и прочие формы вооруженного конфликта»*³¹. Это предполагает, что революции больше схожи в тех ситуациях, в которых модернизируемый режим нечетко осознается имеющими монополию на насилие. Это может случиться, когда программа модернизации была слишком быстрой и создавала впечатление слабости администрации, как в случае Франции конца XVIII века или Англии конца XVII века. Или же это может случиться, когда режим показал неспособность пода-

вить уже оперившееся оппозиционное движение, как было на Кубе и в Китае. Когда модернизируемое государство быстро демонстрирует наличие контроля за ресурсами и разоружает оппозицию, как Дания и Швеция в XVII веке или Япония в конце XIX века, революции не происходят.

Идеология также должна играть определенную роль. Оппозиционные группы можно заставить молчать или путем физических репрессий, или высоким уровнем идеологического единодушия. Людовика XIV почти наверняка помогла в его масштабном проекте модернизации успешная самореклама как лидера, который позволит Франции достигнуть превосходства над всеми прочими державами³². В общем случае, когда режимы могут выстроить патриотическую риторику так, чтобы успешно изобразить своих политических противников в виде врагов нации, они гораздо более вероятно избегнут революции. Естественно, если патриотический язык станет причиной или следствием международного конфликта, чтобы остаться у власти, будет необходима военная победа. Произошла бы Русская революция, если бы царские армии победили в Первой мировой войне?

* * *

Почему после некоторых революций устанавливаются относительно открытые режимы, в то время как другие приводят к более репрессивным, закрытым сообществам? Почему некоторые революции вроде Славной революции и Американской революции создают более соревновательные политические культуры, в то время как Русская и Китайская революции создали менее плюралистические режимы?

Это, конечно, модификация классического вопроса, поставленного Баррингтоном Муром в «Социальном происхождении диктаторства и демократии». Почему, спрашивает Мур, некоторые государства становятся демократическими, другие государства — фашистскими, а третьи — коммунистическими? Его ответ богат историческими подробностями и аналитическими тонкостями. Но он может быть приблизительно суммирован так: Мур предполагает, что в Англии, Франции и Соединенных Штатах «капитализм и демократия» были достигнуты лишь «после серии революций». Эти революции, заключает Мур, были «буржуазными революциями». Потому что «сильный и независимый класс городских жите-

лей был необходимым элементом для роста парламентской демократии». «Нет буржуазии — нет демократии», — четко определяет Мур.

В Германии и Японии по контрасту Мур видит развитие капитализма без демократии. Экономическая модернизация происходит в таких странах без «большой революционной волны», достигая кульминации в «фашизме». В этих случаях по контрасту с Англией, Францией и Соединенными Штатами модернизация была проведена сильным «высшим классом землевладельцев». Хотя Мур относится к этой модели как к «революции сверху», он поясняет, что это революции без революционной деятельности. Модернизация произошла без «переворота, совершенного революционным народом». Случаи, которые Мур описывает в этой категории, относятся к таким, которые я назвал проектами государственной модернизации, за которыми не последовала революция. Наконец, коммунистические революции, произошедшие в Китае и России, были революциями, которые имели «основное, но не исключительное происхождение от крестьянства»³³.

Но для всего спектра исторических тонкостей и аналитических выводов Мура его оценка в конечном счете не убедительна. И за Французской революцией, и за Английской гражданской войной следовали периоды, которые едва ли можно назвать демократическими. Наполеон действительно прославил образ француза, и он так привнес в систему французские законы — но преследование Наполеоном старой французской цели установления всемирного владычества не было основано на политической базе демократического режима. Английская гражданская война, за которой последовала казнь Карла I в 1649 году, не вела — как я докажу в следующей главе — безусловно к парламентской демократии. Карл II, и в особенности Яков II (1685–1688), создали сильное абсолютистское государство, которое пришлось разрушать яростной народной революции в 1688 году. Если бы Наполеон не был побежден, если бы Яков II разбил революционеров в 1688 году, путь парламентской демократии был бы гораздо менее гладким в обеих странах.

Сильная буржуазия не неизбежно устанавливает парламентскую демократию — как и перестройка государства сверх необходимого не обязательно ведет к фашизму. И Дания, и Швеция прошли через государственную модернизацию, проведенную коро-

дем-абсолютистом, и все-таки обе эти страны более тесно ассоциируются с социальной демократией, чем с фашизмом. В анализе Мура есть базисная истина, но в данном случае аргументы сильно зависят от искусства жонглирования фактами³⁴.

Альтернативный ответ на вопрос — почему некоторые революции приводят к более демократическим режимам, в то время как другие порождают более авторитарные — был дан Ханной Арендт. Для Арендт причина, почему Французская революция в конце концов последовала «гибельным курсом», в то время как Американская революция создала демократическое общество, связана с целями революций³⁵. От *«последней стадии Французской революции до революций нашего времени*, — сетует Арендт, — *революционерам представлялось более важным изменить ткань общества... чем изменять структуру политической сферы*». Революции фокусировались на социальных, а не на политических вопросах, неизбежно производя авторитарные режимы. Это происходило потому, что, как в случае Французской революции, революционная энергия была отвлечена от направленности на свободу. *«Направление Французской революции было отклонено почти с самого начала от этого основного курса [на свободу] из-за неизбежности существовавших страданий»*, — утверждает Арендт. Соответственно *«это было определено крайней нуждой либерализации не от тирании, а от неизбежности»*. Эта логика, согласно Арендт, «помогла в высвобождении потока беспредельной жестокости»³⁶.

Объяснение Арендт различных политических результатов революции еще более пессимистично, чем у Мура. Как и Мур, Арендт относит свои выводы к «историческим периодам». В то время как Мур предполагает, что демократические и фашистские стадии уже прошли, Арендт утверждает, что еще с Французской революции революционеры предпочитали исправлять социальные, а не политические проблемы. Тем не менее в анализе Арендт существуют значительные противоречия. Социальные вопросы действительно были неотъемлемой частью и узлом английской Славной революции — революции, которая проложила путь парламентской демократии. Этот социальный вопрос, сыгравший выдающуюся роль в английской революции конца XVII века, едва ли является неожиданностью, так как именно Джон Локк (1632–1704), с точки зрения Арендт, придумал основную идею социальных революций: понятие, что «работа и тяжелый труд» —

не деятельность, «на которую бедность осуждает неимущих», а, «наоборот, источник всего богатства». Понимание Локка, что труд создает собственность, делает ее потенциально безграничной. Именно эта идеология мотивировала многих революционеров 1688–1689 годов на преобразование Англии из аграрного в индустриальное сообщество, из общества, связанного ограниченными природными ресурсами, в общество, питаемое безграничными возможностями созидательной деятельности.

Еще более разрушающим для аргумента Арендт является тот факт, что даже Американская революция, которая является для нее квинтэссенцией политической революции, имела социальное измерение. Свежая работа Тима Брина поставила «потребительский бойкот» в центр своего анализа Американской революции. *«Американская революция, — доказывает Брин, — была первым крупномасштабным политическим движением для самоорганизации вокруг отношений простых людей к произведенным товарам потребления»*³⁷. Колониальные подданные в Северной Америке превратились в революционеров, когда британские налоги лишили их потребительских товаров, что заставило их почувствовать себя гражданами. Социальные вопросы были в сердце забот американских революционеров.

Тогда почему некоторые революции создали демократические государства, в то время как другие породили авторитарные общества? Ответ в большой степени связан со структурами обществ, в которых революции имели место. Французская революция, как и все другие революции, по замечанию Токвиля, «создала атмосферу миссионерского пыла и действительно приняла все аспекты религиозного возрождения»³⁸. Революционеры всегда уверены в собственной позиции. Они по своей воле не терпят компромиссов. Перед лицом политического сопротивления революционеры, предоставленные собственным идеям, желают заставить людей быть свободными. Однако когда революционные государства зависят от международной торговли для экономического выживания, они сразу же попадают в зависимость от торговых компаний. Торговые компании требуют свободных потоков информации, чтобы вести торговлю, и, таким образом, они автоматически враждебны авторитарным режимам, которые монополизируют информацию.

Именно экономическое и политическое влияние международных торговых компаний, как я подозреваю, не дало Англии после

1688 года и Соединенным Штатам в ранний период существования принять форму однопартийного правления. В обоих случаях ресурсы торговых компаний были жизненно необходимы для национальной обороны. В сравнительно самодостаточных государствах — таких как Франция времен Наполеона, Китай и Советский Союз — восторжествовали относительно авторитарные режимы с одной доминирующей партией. Иран имел возможность оставаться закрытым обществом из-за государственного контроля за громадными нефтяными доходами. Куба, хотя экономически и не самодостаточная, представляет собой особый случай. В годы формирования режим Кастро смог зависеть от единственного торгового партнера — Советского Союза.

Я предлагаю здесь в некотором роде обработку тезиса Баррингтона Мура. Совсем не обязательно отсутствие буржуазии означает отсутствие демократии. Иран имел сильную буржуазию, Куба — значительную. Скорее, демократия не возникает, если выживание государства не зависит от экономической деятельности буржуазии — особенно вовлеченной в международную торговлю. Так как революционные государства имеют склонность к миссионерству, они с трудом принимают существование идеологического противника. Демократия же возникает, только когда у государства недостаточно ресурсов, чтобы выжить без международной торговли с вовлечением буржуазных и международных экономических интересов. Значение здесь имеет не количество или качество буржуазии, а именно ее экономическая мощь. Объяснить политические результаты революций было бы гораздо проще, если бы фокус анализа был меньше направлен на классовый состав революционного общества и больше — на финансовую структуру государства внутри этого общества.

* * *

Методологические и толковательные моменты в проводимом мной анализе играют ключевую роль. Если модернизация государства является предпосылкой революции, тогда ученые задают неверные вопросы. Вместо предложения сбивающего с толку набора вопросов о случайных факторах, которые запускают революции (или, как в старой литературе, изложения широкого спектра предварительных условий и опрометчивых действий), ученые должны разделять изучение революций на три вопроса³⁹. Во-пер-

вых, почему государства модернизируются? Тут, как мне кажется, тип анализа с международным контекстом, предложенный Скокпол, наиболее полезен. Во-вторых, почему лишь часть модернизирующихся государств подвергается революциям? Исчерпывающего ответа на этот вопрос все еще не дано. В-третьих, почему революции, которые проводят похожие модели модернизации, имеют разный политический выход? И опять-таки ответы на этот важный вопрос невнятны и противоречивы. Совокупность случайных факторов, обычно предлагаемых в качестве версии, убедительным ответом считаться не может.

Я подозреваю, что ответ на первый вопрос сильно зависит от международного политического контекста, второй связан с идеологическими и экономическими ресурсами государства, а на третий лучше всего ответит понимание уровня, при котором изучаемая страна может достичь экономической самодостаточности.

Каковы бы ни были ответы на эти вопросы, традиционные модели для объяснения революций ошибочно принимают за данность, что революции имеют место, когда старый режим неспособен приспособиться к изменившимся обстоятельствам. Однако революции как раз случаются именно тогда, когда старый режим сам осуществляет модернизацию государства. *«Одним из самых очевидных совпадений, которые мы можем отметить, — предлагает Крейн Бринтон в качестве заключительного слова в проведенной дискуссии, — является попытка, делавшаяся в каждом из рассмотренных нами сообществах, реформировать устройство правительства».* Таким же образом в своем анализе Русской революции Шейла Фицпатрик заключает, что «до 1917 года наблюдался прогресс» в политической сфере. Но, предполагает она, этот прогресс *«сочетался с большой нестабильностью общества и вероятностью политического переворота: чем быстрее общество изменяется (независимо от того, осознается эта перемена как прогрессивная или регрессивная), тем менее вероятно, что оно будет стабильно»*⁴⁰.

Это историческое понимание должно подсказать пути, какими нам следует рассуждать о революциях. Революции — это не борьба с целью свергнуть традиционные государства. Они имеют место только после того, как режимы решились (по любой причине) начать масштабные программы модернизации. То есть революции сталкивают различные группы модернизаторов друг против друга.

Остальная часть этой книги посвящена изложению картины развития двух конкурирующих программ модернизации в Англии конца XVII века. В 1688–1689 годах эти две программы модернизации вошли в прямой конфликт, но их сторонники оттачивали свои аргументы гораздо дольше. И хотя 1688–1689 годы были поворотной точкой, полная победа одной программы модернизации над другой не проявилась вплоть до 1690-х. Ясно, что обе программы модернизации, и якобитов, и вильгельмистов, сделали возможным выдающееся социальное и экономическое отклонение линии развития Англии от линии развития на континенте — в великой идеологической, геополитической и военной конфронтации между Францией и Объединенными провинциями Нидерландов в конце XVII века.

Часть II

ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННАЯ АНГЛИЯ

Глава третья

По голландскому пути: английское общество в 1685 году

К концу XVII века английские мужчины и женщины были очарованы своей страной. Рассказы о путешествиях, топографические описания и городские истории захлестнули книжный рынок. Современники писали, что великие работы прошлого века — «Британия» (1586) Уильяма Кэмдена, «Обзор Лондона» (1598) Джона Стоу, *Respublica Anglorum* (1565) сэра Томаса Смита — безнадежно устарели. Хотя некоторые жаловались, что их елизаветинские предки полагались скорее на слухи, чем на опыт, большинство чувствовало, что страна изменилась настолько наглядно, что новое ее описание просто необходимо.

Будущий епископ Лондона, Эдмунд Гибсон, взялся в годы сразу же после ухода от власти Якова II за самый амбициозный и обширный проект — осовременить «Британию» Кэмдена. Проект был достаточно обещающим, лондонский издатель Оншэм Черчилль смог заплатить Гибсону больше двух тысяч фунтов, чтобы тот взялся за эту работу. Гибсон подобрал различные заметки старых экспертов и ценителей искусств, а также местных специалистов, чтобы «сравнить повествование Кэмдена с настоящими условиями и представить нам некое краткое описание изменений». Исправленное Гибсоном издание «Британии» оказалось элегантным, впечатляющим и популярным. Оно создало впечатление, что Англия с дней Кэмдена изменилась быстро и глубоко. «В течение шестидесяти-восемидесяти лет, — заключил Гибсон, —

перед лицом событий начались странные изменения». Он отметил, что «выросшая торговля, увеличение строительства, рост числа жителей — все сделало страну совершенно другой»¹.

Это представление, что Англия являлась быстро меняющимся обществом, плохо соотносится с большинством научных работ о Славной революции. Томас Бабингтон Маколей почти два века спустя предложил детальное и запоминающееся описание английского общества конца XVII века, но признавал, что отсутствие социального контекста «приведет к последующему неразборчивому или невразумительному повествованию». Маколей сравнивал Англию конца 1600-х годов с Англией своих дней — и нашел ее кардинально изменившейся. Если вернуться назад, к 1685 году, считал Маколей, *«мы увидели бы беспорядочно разбросанные хижины, построенные из дерева и крытые соломой — там, где теперь видны промышленные города и морские порты, откуда ходят суда в самые удаленные концы земли»*.

«Большая часть страны за Трентом, — утверждал Маколей, — была варварским государством». Сухопутные и морские пути были ужасны и для пассажиров, и для товаров. Лондон, хоть и намного более развитый, чем остальная страна, был «убогим». Жизнь британского джентльмена, не говоря уже о его социальных подчиненных, была отмечена «его невежеством и грубостью», а также его ограниченностью. «Очень редко джентльмен страны ловил взгляды большого мира, — писал Маколей, — и то, что он видел в этих взглядах, скорее смущало, чем проясняло его понимание»². К концу XVII века Англия была более варварской, чем цивилизованной, более отсталой, чем современной. Англия не могла, по мнению Маколея, иметь современную революцию в 1688 году, потому что общество было не современным, а традиционным.

Более поздние историки о Славной революции мало что сделали, чтобы изменить это мнение об обществе, которое описывали. Ученые выбирали один из двух традиционных взглядов на английское общество. Первый рассматривал английскую политическую историю безотносительно к обществу, в котором она складывалась. Несмотря на возросший интерес к общей политике, проявляемый многими историками этого направления, социальная и экономическая организация жизни людей не отражалась в их работах³. Второе направление разделяло взгляды на английское общество Маколея, классического вига. Джонатан Кларк предположил, «что

Англия от революции до реформы обладала экономикой, которая не была связана с индустриальным производством, но иной социальный порядок уже содержался внутри аристократического господства». Джонатан Скотт настаивал, что «события, структуры и результаты в правлении Карла II явились... почти ксерокопией событий, структур и результатов более раннего периода правления Стюартов»⁴. Но быстрые и кардинальные перемены в обществе не отражены ни в одной из этих концепций.

Историкам Славной революции стоило бы более серьезно воспринимать современное понимание быстрых и радикальных социально-экономических перемен до 1688–1689 годов. Экономический скачок стал причиной, а не следствием революции. Англия в конце XVII века быстро становилась более урбанистской, более экономически разнообразной и более сосредоточенной на производстве. Эти направления развития поддерживались все более усложняющейся экономической структурой. Столь быстрый экономический рост был замечателен тем, что он резко отклонялся от основных направлений развития континента. Источником английского динамизма было не прямое воздействие колониальной торговли с Восточной и Западной Индиями и с Северной Америкой.

Англия вполне соответствовала стандартам, которые специалисты по экономической истории установили для современной экономики. Англия развивала рынки земли, труда и капитала. Англия стала крупным экспортером сельскохозяйственных товаров, что обеспечивало ей возможность поддерживать «глубокое разделение труда». Политическое государство прекрасно осознавало, что экономическая эффективность необходима для процветания королевства. И в отличие от большинства других европейских стран Англия достигла «уровня технологии и организации, способного поддерживать дальнейшее развитие». Словом, английское общество к концу XVII века все больше выглядело как его сосед за Северным морем. Если, как совсем недавно предположили ученые, Нидерландские Объединенные Провинции стали «первой современной экономикой» в 1600-х годах, то можно сказать, что англичане быстро учились у нидерландского успеха⁵.

* * *

В отличие от современных ученых, изучающих британскую социальную и экономическую историю, комментаторы в Англии

конца XVII века были захвачены быстрым экономическим развитием. Они пытались рассматривать его в сравнении с экономическим упадком Венеции, удивительным подъемом Генуи и торговым успехом могущественных свободных городов. Симпатизирующий тори писатель и экономист Джон Хотон пообещал, что его экономический журнал будет давать «наиболее хорошие описания, насколько это возможно, торговли, силы и политики других государств»⁶.

Комментаторы конца XVII века спорили, и весьма резко, о причинах и последствиях быстрого экономического развития, которое они наблюдали. Но они мало обращали внимания на два выдающихся явления в современной им Европе. Испания, недавно, вероятно, самая могучая держава в Европе, теперь находилась в серьезном экономическом упадке. Теперь она была страной с плохо развитой (или вообще неразвитой) отечественной промышленностью, отчаянно цепляющейся за свои разрозненные заморские владения. Ее единственной целью, считал один из советников Якова II, было «предотвратить или отсрочить приближающийся крах».

Упадок Испании явно контрастировал с примечательным экономическим расцветом Северных Нидерландов. Хотя существовало мало согласия во мнениях относительно причин нидерландского экономического чуда, все комментаторы были уверены, что оно не имеет ничего общего с сельским хозяйством. Объединенные Провинции Нидерландов *«не производили ни зерно, ни вино, ни масло, ни лесоматериалы, ни металл, ни камень, ни шерсть, ни коноплю, ни деготь, ни почти никакие другие товары общего потребления; и все-таки мы находим, что едва ли есть какой-то другой народ в мире, который пользуется всеми этими товарами в большем изобилии»*⁷. Задача Англии заключалась в том, соглашались английские комментаторы, чтобы сделать свою экономику похожей на нидерландскую, а не на испанскую.

На деле общество Якова II, унаследованное им в 1685 году, уже шло по нидерландскому пути. Путешественники отмечали необычайно красивые пейзажи Кента, однозначное сосредоточение на сельском хозяйстве в Нортхэмптоншире и пасторальный характер Дорсетшира — но, кроме всего, они сообщали о росте и разнообразии английской промышленности. «В большинстве частей Англии, — рассказывал много путешествовавший Эндрю

Ярнтон, — уже существуют постоянные фабрики, которые в больших количествах набирают на работу бедняков»⁸.

Хотя Англия в XVI веке была почти целиком сельскохозяйственным обществом, она уже перестала быть таковой к концу следующего века. Осушение болот и огораживания были спорными темами в XVII веке, как и сейчас, но их воздействие на социально-экономическую ситуацию в сельской местности уже становилось очевидным. В то время как в начале XVI века более 80% населения было занято в основном в сельском хозяйстве, к концу XVII века там было занято уже менее 60%. Число сельских рабочих зависело от рынка, удвоившегося между второй четвертью XVI века и последней четвертью XVII века. К концу 1600-х процент английского населения, занятого в первую очередь в сельском хозяйстве, дошел до уровня, достигнутого развитой Нидерландской республикой в середине века, явно изменившись относительно остальной Европы. Чтобы проиллюстрировать это в еще более широкой перспективе, можно добавить, что процент английских мужчин и женщин, занятых в основном сельским хозяйством в Англии в конце XVII века, был примерно таким же, как в Соединенных Штатах накануне Гражданской войны⁹.

В начале 1500-х годов по сравнению с остальной Европой Англия была экономически отстающей. Это определялось по всем параметрам — и по производству промышленных товаров, и по проценту наемных рабочих. Но к концу 1600-х все кардинально изменилось. К 1700 году промышленность и торговля давали уже треть английского национального продукта. Это сравнило Англию с Объединенными Провинциями и вывело далеко вперед всех других королевств и стран Европы.

Хотя экономической статистики в те времена не существовало и нельзя охарактеризовать относительное развитие в процентах, имеющиеся свидетельства позволяют предположить, что преобразование Англии не было ровным и постепенным. «Последние декады XVII века, — отмечает историк-экономист Д. К. Коулман, — были отмечены сильным индустриальным рывком» и «необыкновенно быстрым ходом внутренних перемен»¹⁰.

Рост производства и относительное снижение доли наемного сельскохозяйственного труда резко изменили экономическую географию Англии. Возникали новые города, завязанные на определенные промышленные производства; старые города умирали.

Бурно развивалась региональная экономическая специализация, и в то же самое время внутри каждого отдельного сектора росло разнообразие производств. В конце 1600-х годов наблюдатели все больше осознавали глубину различия между сельскохозяйственными и индустриальными регионами¹¹.

Как и в XVI веке, ведущее место в английской промышленности к концу XVII века занимало производство тканей. «Английская шерсть славится во всем мире и за тонкость, и за качество, — писал уроженец Лозанны Ги Мьеж, — англичане теперь лучшие производители тканей в мире». Однако на деле это замечание скрывает быстрые и существенные трансформации в английской ткацкой промышленности. Хотя английские шерстяные ткани сохраняли свою высокую репутацию и дома, и за рубежом, англичане сокращали производство самой шерсти. К 1700 году четверть английской исходной шерсти импортировалась из Ирландии, Испании и из других мест. Производство непосредственно ткани стало теперь важнее, чем производство шерсти. Экспорт английских ткацких мануфактур между 1650 и 1700 годами почти удвоился, хотя они больше и не доминировали в английском производстве¹².

Англичане не только резко увеличили экспорт готовых тканей, но начали завоевывать новые рынки. В то время как в XVI и начале XVII века Англия экспортировала в Северную Европу в основном тяжелое шерстяное черное сукно, к концу XVII века она стала продавать новые более легкие ткани в Южную Европу, в Восточное Средиземноморье и дальше. Средиземноморский купец Джон Джолифф заявил в палате общин в 1670 году, что «наша торговля шерстью начинает процветать». Экспорт английского текстиля стал настолько важен для Испании и Португалии, что англичанам советовали увеличить потребление иберийского вина, чтобы не подвергать риску эту торговлю. В великом герцогстве Тосканском, несмотря на то что законы запрещали продажу английского текстиля, «вся знать и дворянство [во Флоренции] не носили ничего другого или же почти ничего, кроме английских тканей». Новая одежда была не только легче, она производилась и продавалась по более низким ценам. Между концом XVI и концом XVII веков цены на английские товары упали более чем на 50 процентов¹³. Теперь англичане производили текстиль для массового потребления.

Появление новых сортов ткани и относительное сужение рынка для тяжелых английских шерстяных тканей резко изменило картину английского производства в XVII веке. После 1614 года английский экспорт тяжелых тканей начал неумолимое, хоть и неровное падение. Города и регионы, которые зависели от старого производства, испытали заметный спад. Владельцы мануфактур в Ковентри в 1680-х годах жаловались, что несколько последних лет они «работали при явном спаде торговли вплоть до обнищания и полного разорения нескольких сотен семей, которые от нее зависели». Солсбери, по-видимому, разделил ту же судьбу. Нидгем, как и множество других производящих ткани городов и деревень Саффолка, продавал «меньше, чем раньше». Рединг, испытывавший такой же спад, как и Уилд в Кенте, где находилось старое производство черного сукна, был «в значительной степени заброшен»¹⁴.

По контрасту появлялись новые центры производства новых тканей. Саржа и грубая шерстяная ткань теперь изготавливались на западе страны, превратив Таунтон в «опрятный и многолюдный город», а Тивертон в Девоншире — в крупный промышленный центр. Великий герцог Тосканский наблюдал за тридцатью тысячами людей, изготавливающих «различные сорта легких тканей» в Девоншире в 1660-х годах. Эксетер вырос из городка с восьмью тысячами жителей, каким он был в конце XVI века, в тридцатитысячный город к концу XVII века; он был «сильно населен и посещаем купцами и торговцами», покупающими и продающими саржу и шерстяные ткани и дома, и за границей. Норидж поднялся от населения в двадцать тысяч в 1620-х годах до тридцати тысяч к 1700-му из-за переноса сюда производства других видов тканей. Еще одна новая легкая смешанная ткань, получавшая все большее распространение, производилась в Эссексе. Тут, несмотря на разорение Колчестера во время гражданской войны, сразу пятьдесят-шестьдесят тысяч семей были заняты на «шерстяном производстве». Ральф Торсби восхищался «ростом торговли тканями» в Вест-Райдинге в Йоркшире, которая была «незначительной» в середине XVI века, «но теперь стала самой жизнью этих мест»¹⁵.

«Варварский север» Маколея тоже извлек значительную пользу из новых видов текстиля. Манчестер, «справедливо прославившийся изготавливаемыми там товарами, называемыми по месту манчестерскими изделиями», стал много больше, чем был в дни Кэмдена. Эти «манчестерские товары», или «манчестерский хло-

пок», производились и вокруг Манчестера с конца XVII века. Болтон примерно с начала 1600-х стал «местом для широкой торговли бархатом» — смешанной хлопчато-шерстяной тканью, которую «в старые времена в Англии носили, вероятно, самые важные персоны», но теперь она стала достаточно недорогой для более массового потребления. Даже самые отсталые графства из всех регионов Англии, Камберленд и Уэстморленд, испытывали подъем деловой активности. Кендал и окружающий его район были одними из многих мест, которые в конце XVII века начали разнообразить свой производственный «портфолио». Появился не только кендалский хлопок, «знаменитый по всей Англии», но теперь местные жители производили «ткань для половиков, саржу, шляпы и чулки из чесаной шерсти». Кендал, чьи «люди раньше были вообще не созданы для торговли», заработал похвалу сэра Даниэля Флеминга как «место прекрасных товаров, место вежливости, мастерства и производства». Даже гарнизонный город Карлайл стал «местом хорошей торговли — в основном бархатом»¹⁶.

Возникновение производства новых тканей произошло достаточно быстро и не было связано с постепенной эволюцией местной английской индустрии. Решающую роль в появлении новых легких сортов материи сыграли иммигранты, в особенности из Нидерландов. «Нидерландцы в основном заправляли новой торговлей тканями Эссекса», — сообщал Наркисс Латтрелл в конце 1670-х. Томас Баскервилль заявлял, что производители ниток в Мейдстоне обучились своему делу у говорящих по-фламандски иммигрантов. «Бум торговли в Норидже, — сообщал Ги Мьеж, — обязан нидерландцам, которые пришли и поселились тут». Новая волна гугенотов-иммигрантов в конце XVII века научила англичан еще многим сторонам производственного мастерства, с неудовольствием отмечал французский посланник Бонрепо¹⁷.

Производство Англией тканей претерпело существенные изменения, а их экспорт удвоился к концу 1600-х. И все-таки даже ткань на протяжении XVII века становилась все менее важным товаром, потому что англичане развивали новые производства — в некоторых случаях крайне быстро. К 1685 году уже проявились региональные специализации, столь хорошо известные ученым XIX века.

Добывающие отрасли — добыча угля, свинца, железа и олова — конечно, не были чем-то новым в конце XVII века. Однако общее развитие этих производств с середины 1500-х до конца

1600-х годов решающим образом изменило промышленный профиль Англии.

В середине XVII века Уильям Грей из Ньюкастла отмечал, «что за один год добыто больше угля, чем добывали за семь лет сорок лет назад». Последние исследования подтвердили и уточнили впечатления географа XVII века. Самый полный анализ производства угля показывает, что между 1560 и 1700 годами добыча угля в Англии выросла в двенадцать раз. Добыча только на северо-востоке более чем удвоилась с начала 1600-х до 1685 года. Цифра впечатляющая, она показывает, что на возросшую потребность в топливе ответили производители за пределами северо-востока Англии, куда распространялись угольные шахты. Добыча угля быстро росла в Дербишире, Камберленде и Уэстморленде, Мендип-Хиллз, Южном Уэльсе и Кингсвуд-Чейзе. Но самым большим центром по добыче угля, без сомнения, оставался северо-восток, где, как говорят, «многие тысячи людей» были заняты на работе в шахтах, перевозке и погрузке угля на суда. Северо-восточные угольные шахты, считал Ги Мьеж (который, скорее всего, сам был вовлечен в торговлю углем), «поставляют уголь не только в эту землю (где это топливо всегда покупалось по очень низким ценам), но и в значительных количествах в страны вне Англии». Области вокруг Дурбана и Нортумберленда жирели от бума в отправке угля на суда. Ипсвич, быстро теряя доходы от торговли тканями, например, добился высокого уровня процветания, отправляя по морю «ньюкаслский уголь»¹⁸.

Современники хорошо понимали, что потребление угля сильно отличает Англию от континента. Джон Эвелин жаловался, что в Лондоне «такое облако угольной пыли, будто это ад на Земле». Континентальные комментаторы тоже знали о действии угольного загрязнения, но куда больше ценили экономические выгоды. Один из промышленных шпионов маркиза де Сеньелэ восхищался в угольных доках Бристоля именно тем, что «все пользовались углем и он необычайно широко используется». Генри Миссон указал, что новая технология каминов дает «ужасно густую» угольную копоть, но что это очень хорошо, так как уголь теперь «обычное топливо» в Англии.

«Дешевизна» угля, частично установленная правительственным регулированием, создала громадное расхождение в жизни более низких слоев общества, как считал Ги Мьеж. «Что бы ни

говорили парижане, хваля свой дровяной огонь, — указывал он, — смею сказать, что простолюдины были бы рады, если бы смогли в зимнее время поменяться топливом с лондонцами»¹⁹.

Хотя уголь держал в тепле множество народа по всей Англии, к концу XVII века он начал играть также коммерческую роль. Развитие металлургического производства в Бирмингеме и вокруг него было связано с развитием угольной отрасли в каждом пункте. Уголь стал настолько важным в промышленном производстве конца XVII века, что современные историки угольной индустрии особо указывают на «поворотные точки, [которые] имели место в деле промышленного использования угля»²⁰.

Свинцовые шахты в Англии XVII века также испытывали индустриальный бум. Свинец и без того широко использовался в местном строительстве, а также для военных целей, поэтому можно было ожидать некоторого увеличения его добычи. Но на деле вывоз английского свинца в 1600-х годах вырос более чем в два раза, с «большим ростом» в 1660-х и 1670-х годах. Новые потребности вызвали быстрые перемены в промышленности, ведущие к «росту власти крупномасштабного капитализма». Современники хорошо осознавали важность добычи свинца. Мендип-Хиллз был знаменит свинцовыми рудниками, многие горняки здесь погибли во время злосчастного мятежа герцога Монмута 1685 года. Север также имел свою долю рудников. Лучшие свинцовые рудники «не только в Англии, но во всей Европе по качеству и количеству» находились в дербиширском районе Пик. Эти копи «в большом количестве» опоясывали лесистые холмы и делили Уирксворт «богатым... и густонаселенным»²¹.

Оловянные рудники Корниша были гораздо более старым производством. Но в то время как выход руды с этих шахт с 1500 по 1660 год практически не увеличился, между 1660-м и 1680-м годами он более чем удвоился. Вот почему Наркисс Латтрелл смог отметить, что корнишское олово продавалось «во все концы мира». Олово, как и свинец, добывалось в основном наемными рабочими, трудившимися на крупных владельцев, таких как сэра Уильям Страуд, который водил по своим оловянным рудникам Козимо де Медичи. Вероятно, все более крепнущая капиталистическая природа предприятий позволяла горнякам на некоторых работах увеличить производительность так, что с некоторого времени здесь «добывалась тысяча фунтов в день»²².

Железоделательное производство в 1600-х годах также значительно возросло. И добыча руды, и выплавка самого железа заметно увеличились. Путешественники рассказывали о впечатляющих чугунолитейных заводах в Шервуд-Форесте, Херфордшире и Понтипуле, а также на железных шахтах в Камберленде. Даже Сассекс, чье железнорудное производство находилось на спаде, все еще имел чугуноплавильные заводы в «нескольких местах». Самый быстрый рост этой отрасли наблюдался в Форест-оф-Дин в Глостершире. Там в шахтах и у печей работало не менее шестидесяти тысяч человек. В 1680-х годах два эксперта сделали вывод, что Англия располагает по крайней мере восемью сотнями печей для выплавки чугуна. Многие говорили о вредном воздействии бума в торговле железом на английскую сельскую местность. Ги Мьеж и Томас Ньюсем обвиняли черную металлургию в вырубке лесов Глостершира и Уорвикшира. «Было бы хорошо, если бы в Англии не было работы с железом; и еще лучше, если бы железо вообще не производилось в Англии», — жаловались многие в конце XVII века, поскольку чугуноплавильные заводы извели все леса²³.

Благодаря развитию чугуноделательной индустрии с 1600-х годов Англия стала крупнейшим экспортером железа. К 1680-м годам англичане вывозили почти половину своего железа в слитках. Внутреннее производство могло просто не удовлетворять ненасытный аппетит растущей английской торговли металлическими изделиями. Шеффилд, старый центр металлургии, в конце XVII века преобразовался в многофункциональный индустриальный район. Компания по производству ножей в Халламшире заявила, что в 1680 году вокруг Шеффилда и в нем самом было произведено «около тысячи ножей, клещей и кусачек». Район Шеффилда и Халламшира в конце XVII века также стал родным домом для производителей пуговиц, напильников и прочих стальных изделий. В 1672 году в Шеффилде и вокруг него существовало около шестисот кузниц. Он уже обеспечил Англии репутацию производителя лучших в мире ножей.

В годы, следовавшие за гражданской войной, торговля разнообразными металлическими изделиями также развивалась, в центрально-западных графствах. «В Стаурбридже, Дадли, Уолверхэмптоне, Седжли, Уолсолле, Бирмингеме и близ этих мест» железо было «ковким и превращалось в любые мелкие предметы,

которые распространялись по всей Англии, а также рассылались в большинство частей света». К концу XVII века торговля, которой суждено было прославить Бирмингем в середине Викторианской эпохи, уже утвердила себя. Эндрю Яррантон, сам бывший фабрикант железных изделий, считал, что заводы центральных графств нанимали к 1677 году более ста тысяч рабочих. Между 1600 и 1700 годами торговля металлоизделиями центральных графств заметно изменилась. В то время как в 1600 году их кузнечные изделия едва проникали на лондонский рынок, к Реставрации эти заводы уже захватили контроль над большинством морских контрактов королевства, а их товары продавались по всему миру²⁴.

После XVII века англичане создали еще ряд новых производств. Между началом века и 1670-ми годами Англия перешла от импорта стекла к его производству. Замечательный успех Англии в этой отрасли индустрии, как и развитие производства новых тканей, зависел от умения, позаимствованного у иностранных ремесленников — в данном случае у венецианцев и изгнанников-гугенотов. К концу XVII века стекло в Англии выпускали более шестидесяти домов — почти в три раза больше, чем в 1630-х годах. Они плотно концентрировались в Лондоне и вокруг него, а также в Стаурбридже, Ньюкастле и Глостере. В Херфордшире производители бутылок в конце XVII века установили взаимоотношения с производителями сидра, изготавливая достаточное количество сидра с красной полоской, чтобы «снабдить весь Лондон и другие части Англии». Хотя стекольная индустрия не достигла такого же масштаба, как железное производство центральных графств, она обеспечила наем «нескольких тысяч бедняков» и к 1690-м годам создала собственный лоббирующий картель. Результаты ее развития производили сильное впечатление. Венецианский посланник в Лондоне считал, что англичане скоро приведут знаменитую торговлю венецианским стеклом к «полному упадку». «В нашем королевстве весьма велики достижения в искусстве и волшебстве при производстве стекла», — соглашался один из работников стекольного производства. Импорт стекла в Англию фактически прекратился. Джон Хаутон считал, что английское стекло стало «лучшим в мире». Поэтому неудивительно, что в конце XVII века «люди уже не обходились» без английских предметов из стекла²⁵.

Английская керамика начала развиваться позднее, чем стекольное производство. Джон Дуайт из Оксфордской церкви Христа был в конце 1600-х одним из тех многих, кто придумывал способы имитации гончарных изделий, импортируемых из Китая, Германии и Нидерландов. Стаффордшир быстро стал центром этой новой индустрии, которая, как и стекольное производство, сильно зависела от дешевизны угля для обжига. Между 1660-ми и 1700-ми годами в Стаффордшире имел место особенно быстрый рост производства керамики: число гончарных изделий удвоилось, и размер каждой отдельной компании тоже вырос. По одному отчету, к 1690-м годам «более 3000 семей целиком зависят от производства камня и керамики». Горшечники считали, что вскоре они легко смогут удовлетворять нужды «всего народа»²⁶.

Рафинирование и производство сахара тоже испытало в Англии в конце XVII века взрывной рост, поднявшись вместе с развитием английских вест-индских колоний. В 1650-х годах «в Англии насчитывалось четыре-пять домов, занимавшихся рафинированием», но к 1690 году их число уже достигло полусотни. Импорт сахара между 1660 и 1700 годами удвоился, причем считается, что увеличившийся процент сахара, приходящего из Вест-Индии, был нерафинированным. Большинство рифайнеров сахара находилось в Лондоне и Бристоле, куда в Англию приходила большая часть сахара из Вест-Индии, но изготовители сахара имели свои склады в Ньюкастле, Йорке, Честере, Ливерпуле, Вустере, Плимуте и Эксетере. К концу XVII века рифайнеры заявляли (вероятно, несколько преувеличивая), что они нанимают «несколько тысяч работников». Важно отметить, что английская сахарная революция, как и многие другие промышленные достижения Англии, не являлась результатом естественного развития национального производства — она оттолкнулась от нидерландского опыта, полученного из Бразилии через английских поселенцев на островах Карибского моря²⁷.

В конце XVII века в Англии произошел подъем судостроительной индустрии. Современники обращали внимание на большое количество вновь построенных торговых судов, а в Лондоне и Бристоле английское судостроение претерпевало едва ли не самую впечатляющую трансформацию в своей истории. Когда Самюэль Пепис услышал, что Эдмунд Гибсон планирует отредактированное издание «Британии» Кэмдена, то настоял, чтобы он

дал новую историческую оценку морского развития Англии, которое со времен Кэмдена оказалось очень значительным. Собранная Пеписом статистика просто поражает. Пепис подсчитал, что Королевский флот имел теперь в пять раз больше кораблей и почти в шесть раз больший суммарный тоннаж, а также вшестеро большую численность личного состава, чем во времена Кэмдена. В мирное время расходы на флот стали в среднем в двадцать раз больше, чем были в дни Кэмдена.

Неудивительно, что в конце XVII века английские доки и верфи «переживали свое самое быстрое расширение». Портсмут, замечает Пепис, «очень сильно изменился со времен Кэмдена, как и со времени реставрации Карла II». Он затмил Саутгемптон, своего многолетнего конкурента и соседа, в роли одной из «основных верфей королевства, расположив у себя Королевский флот». Его сухие доки и достроечные бассейны, склады и многие ярды канатов делали его идеальным *«для строительства кораблей, их починки, оснастки, вооружения, снабжения продовольствием и полным морским снаряжением, причем все это — с высочайшей скоростью»*.

Дептфорд был старым центром морского судостроения, но его судостроительные мощности «увеличились больше чем вдвое после вступления на престол Карла II». Чатэм и Ширнесс также заметно выросли в конце XVII века. Роберт Плот хвастал, что «базу королевского морского флота значительно развили короли Карл и Яков II». Последние короли династии Стюартов возвели новые доки, склады, слипы, сараи для мачт и судов, «превосходящие все, что прежде было известно во флоте Англии».

Вулвич и быстро развивающиеся доки в Плимуте в конце 1600-х также стали крупными центрами судостроения. Гарвич, уже в дни Кэмдена являвшийся современным торговым городом, стал в конце XVII века основной королевской морской базой, идеальной для «быстрой очистки и подготовки военных кораблей». Карл II построил в Гарвиче королевскую верфь, которая быстро стала крупным центром кораблестроения. Поразительный рост судостроительной промышленности в Англии привлек внимание иностранных гостей, один из которых через две недели после коронации Якова II заявил, что английские боевые фрегаты «вселяют страх и ужас по всей Европе»²⁸.

Между 1580-ми и 1680-ми годами Англия стала нацией фабрикантов. Ранее современная английская социальная историогра-

фия более всего обращала внимание на период до 1640-х годов. Но теперь ясно, что английская промышленность испытала особенно бурное развитие именно после того, как разразилась гражданская война. Шерсть все еще оставалась самой важной продукцией, но ее относительная роль упала. Угольные шахты, обработка металла и строительство морских судов стали играть значительную роль в экономике в веке, отделяющем «Британию» Кэмдена от вступления на престол Якова II.

Хотя многие производства того времени находились в сельской местности, было бы ошибочным описывать это развитие как исключительно сельский прогресс. Обработка металла базировалась в Шеффилде, Бирмингеме и других городах центральных графств. Судостроительная промышленность имела центры в Лондоне, Портсмуте и Гарвиче. Сахар производился в Бристоле, Ньюкастле и Лондоне. На деле Лондон конца XVII века *«был величайшим промышленным городом в Европе, и за все время своего существования находился на пике в роли промышленного центра относительно остальной страны»*²⁹. Англия в 1685 году была не аграрно-капиталистическим, а полноценным капиталистическим обществом.

* * *

В XVII веке Англия стала не только более коммерческим обществом, она становилась обществом все более урбанистическим. Процент английских мужчин и женщин, живущих в городах, резко возрос. В то время как в начале века в городах жило 10–12% англичан, самые последние оценки предполагают, что к 1700 году в городах жило уже до 40% жителей страны. Это чуть меньше 45% урбанизации на 1675 год в Объединенных Провинциях — самом урбанизированном государстве в Европе после Венеции. Соединенные Штаты смогли достичь английского уровня урбанизации 1700 года в 40% лишь к 1870 году. Важно, что в конце XVII века по развитию городов Англия сильно обгоняла континентальных соседей. В то время как большинство европейских стран испытывали с конца XVII века застой в урбанизации или даже деурбанизацию, английские города переживали устойчивый рост³⁰. Англия урбанизировалась быстрее, чем любое другое место в Европе.

В большой степени эта урбанизация была результатом выдающегося роста столицы. Лондон в 1550 году был довольно скромным городом — он с его населением в семьдесят пять тысяч чело-

век располагался в ряду таких городов, как Лион, Милан и Палермо, и был гораздо меньше Лиссабона, Антверпена, Парижа, Венеции и Неаполя. К 1700 году положение изменилось. Путешественники-французы, обычно не сдержанные в своих оценках лишь когда дело касалось их родины, отмечали, что «можно уверенно считать Лондон, включая Вестминстер, самым большим городом в Европе». Современная наука подтверждает эту оценку. Лондон имел население примерно 575 000 человек — на 65 тысяч больше, чем Париж. Это было в два раза больше, чем в Амстердаме, Лиссабоне или Неаполе, и примерно в пять раз больше, чем в Вене и Мадриде³¹.

Лондон не только был более крупным городом, чем большинство его континентальных конкурентов, он также был городом другого типа. Только Амстердам разделял примечательные лондонские буржуазные черты. В Лондоне, как отмечали и жители, и гости, отсутствовали огромные дворцы знати с их внутренними дворами, подобно раскиданному по Парижу. Вместо них Лондон имел купеческие дома, магазины и таверны. Лондон конца XVII века был раем для покупателей. «Для удобства и приятности тут все под рукой, — изумлялся много путешествовавший Ги Мьеж, — и мало что из желаемого нельзя купить». «Я считаю, нет таких, кто не знает, что в Лондоне такая же богатая и обширная торговля, как в любом городе мира, — фонтанировал беглый гугенот Генри Миссон. — Река, которая протекает через Лондон, несет на себе огромный плавучий город, и его улицы вечно прекрасны». Это мало расходится с заявлением Уильяма Пети, «что Лондон имеет лучшие дома, лучшее население и является самым богатым городом в известном мире»³².

Хотя Лондон продолжал расти, не он один давал рост урбанизации в Англии. Помимо Лондона особенно сильно развивались два типа городов: новые промышленные центры и порты, ориентированные на открытые моря и на растущую торговлю в Атлантике.

Бирмингем, Манчестер, Лидс, Галифакс и Шеффилд превратились к 1700 году в крупнейшие городские центры страны. Бирмингем, который один историк в XVI веке описывал как «не более чем группа деревушек», в 1700 году имел население по меньшей мере в восемь тысяч человек. Эта статистика не совсем надежна, но ясно, что большая часть роста Бирмингема приходится на период после 1660 года. *«Древнее и современное состояние Бирмин-*

гема разделяется реставрацией Карла II, — писал местный историк XVIII века Уильям Хартон. — Именно в этот период здесь начали прорасти любопытные искусства, культивировавшиеся руками гениев». Манчестер в XVII веке испытал такой же взлет. Он также в XVI веке имел население менее пяти тысяч человек, а в 1700 году, по различным оценкам, насчитывал от восьми до девяти тысяч. Манчестер был уже известен «превосходством над другими городами, лежащими вокруг него», и «огромным количеством товаров и предметов потребления, изготавливаемых там». Его рост был необычайно важен, так как «из всех островных городов он имел наилучшую торговлю на севере Англии».

Хотя Шеффилд не был таким крупным, как Бирмингем или Манчестер, его рост оказался еще более замечательным. Между 1672 и 1736 годами население Шеффилда выросло в тридцать пять раз, рост, который отразил его растущее значение в качестве промышленного центра. Население Галифакса, «известного своим производством тканей и другой мануфактуры», тоже значительно увеличилось между серединой XVI и концом XVII века. Оно оценивалось по-разному, но никто не сомневался в огромном росте этого города. К западу от Галифакса соседний Лидс также заметно вырос в XVII веке. К 1700 году он превратился из скромного, хоть и древнего, поселения в город с населением от семи до восьми тысяч. Ги Мьеж отметил, что в недавнем прошлом Лидс разросся и стал «значительным, сделавшись одним из лучших городов Йоркшира». Джон Коньерз тоже выразил удивление, что Лидс, до того относительно незаметное место, стал и «местом хорошей торговли», и процветающим городом³³.

В 1600-х быстро росли и два более старых промышленных города. Уголь обеспечил превращение Ньюкастла из «бедного скромняги» в «город значительный благодаря многочисленному, занимающемуся торговлей, богатому населению». Население Ньюкастла выросло более чем на 50% с 1600 по 1700 год, от первоначальных 10 тысяч до примерно 16 тысяч. Ньюкастл стал «самым богатым» и «самым торговым местом на всем Севере». «Богатство и торговля Ньюкастла потрясаяще выросли со времени Кэмдена», — соглашался северный антиквар и будущий епископ Карлайла Уильям Николсон. Хваля его растущее значение как большого торгового центра на севере, Николсон отмечал, что Ньюкастл добился известности благодаря «невероятной торговле углем».

Всплеск появления новых тканей в XVII веке вызвал процветание Нориджа, вырос он и в размерах. Нидерландский путешественник и художник Уильям Шеллинкс был прав, написав о Норидже в 1662 году, что это «знаменитый старый город». Он и до того являлся вторым по величине английским городом с начала шестнадцатого века. Но население Нориджа «умножилось за семнадцатый век в два с половиной раза», достигнув к 1700 году тридцати тысяч. Особенно сильный рост имел место после 1650 года. Когда Томас Баскервилль посетил Норидж после Реставрации, он похвалил его как «большой город, полный людей»³⁴. Новые производства становились ключом к процветанию одинаково и для новых, и для старых городов.

Порты всегда были важны для Англии. Но между 1600 и 1700 годами их важность еще более возросла и оказалась в фокусе множества интересов. Лондон и юго-восток сохранили свое значение, но появились новые порты, повернув ориентацию Англии к Атлантике и к колониальной торговле. В 1660 году Ливерпуль «был незначительным морским портом», но к 1700 году он «вдруг стал одним из ведущих портов Англии». К 1700 году его население составляло от пяти до семи тысяч. Это уже был город, чья удача напрямую зависела от торговли с Вест-Индией. Эта торговля, как и торговля с Ирландией, была настолько важна, что доход ливерпульских таможен увеличился «за последние 28 лет в восемь-десять раз». Современники отмечали ливерпульские новые и красивые здания, включавшие новую Ратушу с конторой менялы на первом этаже.

Рост Уайтхейвена в конце XVII века был еще более впечатляющим. Между 1660 и 1685 годами Уайтхейвен под руководством сэра Джона Лаудера утроился в размерах, его население к 1700 году достигло трех тысяч человек. Возникновение фактически нового и процветающего города не избежало внимания современников. Все замечали, что Уайтхейвен был, «без сомнения, самым процветающим городом в этих местах», и хвалили его «сильно улучшившиеся строения». Рост Уайтхейвена зависел от разработки местных угольных залежей и от заморской торговли. Уголь в больших количествах отправлялся из Уайтхейвена в Дублин. Из Дании и Норвегии сюда импортировались деготь, смола и тросы, и все в больших количествах «из Вест-Индий табак и сахар». настолько значимой стала торговля с Вест-Индией к концу

XVII века, что сам сэр Джон Лаудер отмечал, что «на Ямайке продаются товары из Уайтхейвена»³⁵.

Юго-запад, так же как и северо-запад, получил выгоду от новой ориентации на Атлантику. Плимут вырос из «бедной деревушки, населенной рыбаками», каким был в конце XVI века, в крупный порт. После 1600 года город рос умеренно, достигнув к 1700 году населения в девять тысяч человек. Однако относительно небольшой рост населения маскировал переориентацию торговли Плимута. Несмотря на страстное желание Карла II «внушить благоговейный страх городу», который был столь склонен к мятежу во время правления его отца, Плимут оставался «очень густонаселенным, богатым и процветающим местом». Это происходило потому, что Плимут поменял свою торговую направленность. Он продолжал торговать с Францией и Испанией, но к этому добавились оживленные контакты с Канарскими островами, Барбадосом и Северной Америкой.

Фалмут в Корнуолле получил известность только в 1660-х годах. Город все еще был относительно мал к 1700 году, но через несколько лет стал основным торговым центром. Посетив Фалмут в 1677 году, Наркисс Латтрелл встретил людей, «которые помнили времена, когда во всем городе было всего лишь два или три дома; но теперь город был очень большим, имел несколько прекрасных домов и гостиниц для приемов». Фалмут стал «самым часто посещаемым моряками местом в этом краю», потому что через него корнуоллское олово вывозилось в Испанию и Португалию, он казался раем для возвращающихся ньюфаундлендских рыбаков.

Другой порт, Эксетер, также процветал в XVII веке. Он уже был большим поселением в начале XVI века, и хотя после этого долгое время не рос, весь последующий век сохранял неизменную численность населения — порядка восьми тысяч человек. Но за XVII век он тоже почти удвоился в размерах. Граф Бата был, вероятно, прав, когда заявил, что «Эксетер — город настолько значительный по богатству и по торговле, что заслуженно назван одним из величайших после Лондона». Непрерывному росту все 1600-е годы Эксетер обязан частично развитию производства новых тканей в Вест-Кантри, а частично — росту своего участия в трансатлантической торговле с Новой Англией, Ньюфаундлендом и Вест-Индиями³⁶.

Рост Бристоля имел те же причины, что и рост Эксетера. Население Бристоля почти удвоилось между 1600 и 1700 годами, достигнув двадцати одной тысячи человек. Его богатство в конце XVII века заставило одного посетителя заявить, что Бристоль — это «второй Лондон». Бристоль, считал Наркисс Латтрелл, был «местом великой торговли и множества товаров, и человек может приобрести тут буквально все». Бристоль более чем Эксетер зависел от трансатлантического импорта в своем экономическом взлете в конце XVII века. Рейсы кораблей между Бристолем и Вест-Индией в основном с грузом сахара между 1670 и 1700 годами почти утроились, в то же время удвоилось количество рейсов с грузом табака из Чесапика. В 1670 году сэр Джон Найт заявил, что в торговле с Северной Америкой и Вест-Индией «задействована половина кораблей Бристоля». Французский промышленный шпион М. Роберт считал, что в 1685 году «самая масштабная торговля бристольских купцов шла с Вест-Индией и Северной Америкой», откуда они импортировали «табак, индиго, хлопок и сахар, который рафинировали в том же городе». Когда Роберт Норт посетил Бристоль в 1680 году, он обнаружил, что тот «замечательный» и что *«все мужчины, даже приказчики из магазинов, бросаются за приключениями на море, отправляясь в основном на плантации в Вест-Индии и в Испанию»*³⁷.

Прочие приморские порты тоже росли, но не так дружно. Сан-дерленд, как и Ньюкастл, зависящий от торговли углем, вырос в XVII веке в важный город с пятью-семью тысячами жителей. Среди портов восточного побережья быстрее остальных расширялся Грейт-Ярмут, численность его жителей между 1600 и 1700 годами выросла с пяти до десяти тысяч. Ярмут определенно извлекал выгоду из экспорта нориджских камвольных тканей, но современники склонялись к мнению, что главным предметом его торговли оставалась копченая сельдь³⁸.

К концу XVII века три североамериканских порта также выросли в значительные города. Филадельфия на реке Делавер была основана только в 1680-х, но через десятилетие «в ней было уже более тысячи обжитых домов». К 1700 году она имела население пять тысяч человек. Развитие Бостона и Нью-Йорка было менее впечатляющим — но к концу века они тоже имели как минимум по пять тысяч населения³⁹.

Рост благосостояния неизбежно означал рост объема свободных денег. Результатом стало появление в Англии конца XVII века «курортных городов». Это был период, когда места с целебными водами трансформировались в туристические центры. Бат, известный своими целебными источниками с римских времен, в конце XVII века оставил усилия по производству тканей и начал расширять свой портфолио развлечений. Когда Уильям Шеллингс посетил его в 1662 году, город был местом, куда «доктора посылали людей для принятия ванн». К 1670-м и 1680-м годам он уже стал почти исключительно курортом. С мая по август «не только... знать и дворянство, но... и простые люди со всех концов страны» съезжались в Сомерсет. «Тысячи приезжают туда, — заметил Генри Миссон, — не столько из-за медицинских достоинств горячих ванн, но и с целью развлечься в хорошей компании». Важность такого общения быстро росла. Когда Наркисс Латтрелл в конце 1670-х приехал в Сомерсет, он нашел множество отдыхающих, играющих, танцующих на балах, соревнующихся на лужайках для игры в шары и просто «гуляющих в лугах». Бат, как и нынешние фешенебельные курорты, не был дешевым. Он «очень хорошо снабжается продуктами питания, — предупреждал Латтрелл, — но необычайно дорого жить тут, местные люди чрезвычайно требовательны»⁴⁰.

После 1660 года с Батом начал соперничать Танбридж-Уэллс. Роберт Плот подробно описал медицинские аспекты его «знаменитых железистых источников». Но большинство приезжало в Танбридж из-за разнообразных развлечений. Курорт стал настолько популярен, что Джеймс Фрейзер жаловался летом 1687 года, что «Лондон опустел по причине отъезда людей на курорт в Танбридж». К 1680-м годам в Танбридж-Уэллсе возникло несколько прогулочных троп, гуляя по которым приезжие проходили мимо зданий и магазинчиков, чтобы полнее наслаждаться природой в сочетании с городским комфортом. И что более важно, город стал торговым центром всех направлений, преобразовавшись, по мнению Джона Эвелина, из места «природного философского уединения» в «ярмарку тщеславия». Деревни вокруг превратились в жилье для знати, дворянства и горожан, которые приезжали на местные воды. Хорошее вино, высококачественное мясо, свежие фрукты и отличная птица были всегда наготове. Туристов хорошо кормили, их хорошо принима-

ли. К 1680 году здесь был уже учрежден «Трубочный кабинет», нечто вроде курительного клуба. Летом в Танбриджской приходской церкви можно было послушать самых модных проповедников. Для тех, кто больше склонялся к мамоне, чем к богу, в десять утра каждый день открывалось игорное заведение «Королевский дуб». В сезон отдыха каждый вечер различные деревни приглашали к себе на музыку и танцы. Многочисленные аукционы заманивали любителей разных типов риска. Вероятно, самым популярным развлечением в Танбридж-Уэллсе были беседы. Кэтрин Седли, любовница Якова II, предупредила Джастиса Джорджа Джеффриза, что любое ограничение свободной беседы, любой запрет, «не дающий персонам осуществлять любые свои фантазии и пользоваться свободой в разговоре и в рассуждениях... разрушат Танбридж-Уэллс»⁴¹.

Менее модные, но тоже весьма популярные минеральные источники возникли и в других местах страны. Эпсом-Уэллс, описанный Джоном Обри, был обнаружен в конце 1630-х, и вскоре в городе появились различные возможности для развлечений. Один шутник говорил, что к 1680-м годам «всех маменькиных сынков» летом можно найти в Эпсеме. Бакстон в Дербишире, Хэрроугейт в Йоркшире, Эстроп-Уэллс в Нортхэмптоншире, Бурнэ в Линкольншире, Лейнеркост в Камберленде и Барнет в Хертфордшире — все они возникли в конце XVII века как региональные или общеанглийские курорты. Даже Ислингтон изначально развился вокруг минеральных источников. К 1680-м годам он стал известен как «Новый Танбридж-Уэллс», каждый день в сезон здесь пребывало более тысячи посетителей, пьющих воду, а также играющих, гуляющих и танцующих⁴².

Однако туристический рынок не ограничивался лишь минеральными источниками. Любовь Карла II к конным скачкам подтолкнула развитие Ньюмаркета в качестве туристского объекта. После Реставрации дома Ньюмаркета «начали улучшаться по виду и увеличиваться в количестве». Здесь не было местной промышленности, и «горожане жили в основном за счет приезжих». Берфорд в Оксфордшире и Личфилд в Стаффордшире к концу XVII века также сделали центрами регулярных конных соревнований. Годы после 1680 года описываются многими как период «бума» в регулярных организованных скачках. Хотя курорты морского побережья развивались в основном позднее, Солтфлит

в Линкольншире уже во время Реставрации «очень часто посещался дворянством в летний сезон»⁴³.

Англия не только стала более урбанистической страной, в ней не только появились курортные места, но и само качество повседневной жизни в английских крупных и мелких городах к концу XVII века значительно улучшилось. Дома, и городские, и сельские, стали намного более удобными. Джон Хотон считал, что дома «строились как дворцы по сравнению с тем, какими они были в предшествующие годы». Это частично было вызвано новыми строительными материалами. *«Стеклянные окна были очень редким явлением, они использовались только в церквях и в лучших комнатах дома джентльмена, — отмечал Джон Обри, — даже на моей памяти, до гражданской войны копихольдеры* и обычные люди их не имели... Теперь же, — заключал он, — даже самые бедные, живущие на милостыню, имеют в окнах стекло».* После 1650 года самым модным строительным материалом стал кирпич, подстегнув различные местные его производства. Результатом стало более прочное и постоянное жилье почти у всех бедняков.

Несмотря на то что Англия была в самом деле перестроена в десятилетия, предшествовавшие гражданской войне, недавнее исследование показало нам, что *«период 1660–1739 годов был гораздо более важным, в это время каждое десятилетие производило больше домов современных, чем строилось даже в самые успешные десятилетия предвоенного периода».* Трансформация стала очевидной к последней декаде века. «Когда я сравниваю современную английскую манеру строительства со старым способом, — свидетельствует Ги Мьеж, — я удивляюсь духу старых времен». Старые дома были такими тесными и темными, «что можно было подумать, будто люди прошлых лет боялись света и свежего воздуха». По контрасту «дух нашего времени — [это] светлые лестницы, прекрасные подъемные окна и высокие потолки»⁴⁴.

Частное свидетельство подтверждает ощущение, что деревни Маколея с соломенными крышами уже полностью исчезли к середине XIX столетия. До Великого пожара 1666 года Джон Эвелин считал Лондон уродливым городом, с полным отсутствием современной архитектуры. После пожара Лондон поднялся из пепла.

* Копихольдеры — пожизненные или наследственные арендаторы, лично свободные, но приносившие присягу лендлорду и обязанные выполнять ряд феодальных повинностей. (Прим. ред.)

но уже совсем другим. Француз М. де Сен-Мари, который прибыл, чтобы присутствовать на коронации Якова II, был поражен изменениями с момента его первого визита. *«Я захвачен! — воскликнул он. — Я нашел другой город, заново отстроенный из кирпича на месте того деревянного и плохо построенного города, который я покинул в 1660 году»*. Теперь уже широко использовалось стекло, комнаты были больше и лучше вентилировались. С 1656 по 1677 год лондонцы построили около десяти тысяч новых зданий, убедив итальянского путешественника, что они способны создать более современный город⁴⁵.

Столица, вероятно, лидировала в процессе замены бревенчатых домов на более современные каменные и кирпичные здания, но она была в этом не одинока. Нортхэмптон, который тоже оказался уничтожен огнем в конце XVII века, заново отстроил свои дома «из кирпича либо из камня». В 1670-х Ральф Торсби восстановил свой дом в Лидсе из кирпича, «который был еще едва известен во времена юности моего деда». Шеффилд вскоре в полной мере последовал этому примеру. Дерби и Ньюкастл обрели в конце XVII века ряд новых кирпичных зданий. Ярмут в 1679 году имел «много очень красивых кирпичных зданий». Престон в Ланкашире уже в 1680-х тоже был в основном городом из кирпича. Соседний с ним торговый Манчестер также строился из кирпича. Лонсестон в Корнуолле был заново отстроен в камне, а в Норидже в конце XVII века были просто запрещены соломенные крыши⁴⁶.

В конце XVII века все больше и больше городов и городков мостили свои улицы. Джон Эвелин и сэр Джон Денэм приняли участие в процессе мощения лондонских улиц после 1660 года. За тридцать лет их основные улицы все были «замощены на удобную ширину, с гладко обтесанными каменными поребриками по обеим сторонам для удобства пешеходов». Доркинг в Суррее замостил свои улицы еще в 1640 году. К 1670-м годам Престон был ровно замощен, как и Барнстэпл. Шрусбери начал мостить свои улицы в 1670-х. Морпет и Уэйкфилд в Нортумверленде имели улицы, «замощенные посередине, но с гравием по сторонам, по типу нового мощения улиц в Лондоне». Улицы Бридлингтона в Йоркшире, которые «прежде были трудными для пользования из-за грязи», были замощены в конце XVII века. Плимут тоже замостил свои улицы, хотя Латтрелл считал их «очень скользкими»⁴⁷.

Уличное освещение, так же как и новые ткани, было новинкой из Нидерландов, оно пришло в английские города в 1680-х. Эдмунд Хемминг в начале 1680-х начал установку выпуклых газовых ламп на улицах Лондона. Новые лампы, бывшие редкостью вне Амстердама, оказались так эффективны, что «выглядели ярким солнечным светом». Вскоре в Лондоне новые лампы уже были расставлены возле всех общественных зданий. Кентерберри и Йорк устроили у себя новые уличные фонари во время правления Якова II, а Эксетер и Норидж установили их вскоре после того⁴⁸. Смысл этого нововведения, без сомнения, заключался в том, чтобы сделать города безопаснее и оживить вечернюю торговую и культурную активность.

Города конца XVII века имели различные культурные черты. Считается, что массовые публичные библиотеки появились в XVIII веке. Но библиотеки, доступные для публичного пользования, уже существовали в XVII веке. В конце этого столетия Лидс имел новую городскую библиотеку, такие же имелись в Стейнборо в Йоркшире, Ипсвиче, Манчестере, Колчестере, Норидже, Бристоле, Глостере, Лестере и Дарэме, все они имели доступные для публики собрания. Библиотека собора Петерборо была открыта в 1670-х годах. До создания лондонской библиотеки Теннисона жители столицы могли обратиться к книгам во дворце Ламберт или к общественным записям в лондонском Тауэре. Пешеходные маршруты и сады развлечений также стали отличительными чертами английских городов именно в конце XVII века. Новые Весенние Сады в Воксхолле дали людям место встречи для курения, прогулок и посещения представлений, приуроченных к разным событиям. Променады, пешеходные маршруты или сады развлечений были устроены также в Бате, Танбридж-Уэллсе, Престоне и Шрусбери⁴⁹.

Рост новых промышленных городов, портовых городов, городов для отдыха, а также самого Лондона произвел впечатляющее действие на природу английского общества. Новые городские удобства в сочетании с привлекательностью старых пивных и таверн создавали большую тягу к культуре. В прежние годы «дворяне и знать Англии жили за городом», но теперь они проводили больше времени в городах и городках, и «их образ жизни полностью отличался от того, каким он был раньше»⁵⁰. Хотя эта трансформация, без сомнения, излишне подчеркивалась защитниками

сельской культуры, существовала несомненная общая тенденция. В конце XVII века англичане в своих культурных наклонностях все больше склонялись к образу жизни городского и коммерческого общества.

* * *

Быстрое развитие и улучшение английской инфраструктуры в конце XVII века сыграли огромную роль в стимулировании роста городского общества и городской культуры. Коммуникации и на земле, и на море, которые, по словам Маколея, до того были фактически не существующими, в этот период резко улучшились. Этот рост был обеспечен расширившейся сетью гостиниц и прочих удобств для путешественников. Вероятно, еще важнее оказалось появление в конце 1600-х общедоступной государственной почтовой системы, которая облегчила купцам ведение дел, так как торговая сеть разворачивалась все шире, а новости распространялись все быстрее. Торговцы и потребители в одинаковой степени выигрывали от массового внедрения двух типичных ныне удобств: страхования и банковских вкладов. Все эти достижения облегчали постепенную трансформацию англичан от нации потребителей, сильно зависящих от ритма торговых рынков, в нацию покупателей.

Хотя многие английские реки в начале XVII века были судоходны, множество других стали таковыми к 1700 году. Между 1660 и 1700 годами усилия британских инженеров, финансистов и проектировщиков почти удвоили общую протяженность судоходных водных артерий. Темза и Эйвон в Уорвикшире были расчищены в 1630-х, Уэй в Суррее — в 1650-х, Эйвон в Уилтшире и Стаур в Вустершире — после 1660 года, а река Уэй в Вест-Мидленде — в 1690-х годах. Северн, старая судоходная река, пережила резкое увеличение движения во второй половине века. Например, количество коммерческих рейсов, ежегодно проходящих через Глостер, между 1637 и 1700 годами более чем удвоилось. Баржи перевозили по Северну все большее количество угля в Шрусбери, Глостер и Бристоль и забирали «ходовые товары назад, вверх по течению». Мейденхэд в Беркшире в конце XVII века посылал два пассажирских судна в неделю вверх по Темзе в Лондон. Баржи регулярно доставляли в Лондон свинец из Дербишира, олово из Корнуолла и уголь из Ньюкастла⁵¹.

Иностранные путешественники неизменно оставались под впечатлением от разнообразия, эффективности и быстроты различных форм транспортировки по воде, существовавших внутри Лондона и вокруг него к концу XVII века. Темза была «вся покрыта маленькими лодочками», заметил один французский гость в 1685 году. Ги Мьеж соглашался, что «постоянное движение яликов и мелких лодок», которых, вероятно, существовало около двух тысяч, поддерживалось более чем тремя тысячами лодочников. В отличие от Франции, пояснял Генри Миссон, здесь не наблюдалось никаких финансовых конфликтов, так как тарифы на перевозку были зафиксированы властями⁵².

Прибрежное морское плавание, использовавшее преимущества длинной английской береговой линии, также значительно возросло после Реставрации. Между 1660 годом и началом XVIII столетия произошел рост более чем на 27% числа судов, усердно работающих вдоль английских берегов. С 1628 по 1683 год число судов, ходящих от Лондона до других английских портов, увеличилось в три раза. Например, ко времени восшествия на престол Якова можно было нанять ялик, регулярно по графику ходящий от Ипсвича до Гарвича, от Нориджа до Ярмута и от Лондона до Грейвсэнда. Уильям Шеллинкс обнаружил, что легко нанять «почтовую лодку», чтобы доставить своего раненого друга Тьерри из Лондона в Дувр⁵³.

Наземный транспорт столь же впечатляюще изменился. Хотя его стоимость пока была существенно выше, чем морского, сэр Джон Лаудер оценил «удобный наземный экипаж» как высочайший приоритет в своих «принципах для подъема торговли». Его товарищи по палате общин действовали в том же духе. В 1663 году парламент провел первый акт о подорожных сборах, что эффективно перенесло бремя содержания дорог с местных церковных приходов на тех, кто использовал эти дороги. По этому акту было создано лишь по одному пункту сбора на Новой Великой Северной дороге в Хертфордшире, Хантингдоне и Кембриджшире, и следующий акт о подорожном сборе не принимался до волнений 1690-х годов и первого десятилетия XVIII века. Однако сам этот первый акт был знаком того, что английские политики осознали быстро растущее значение дорожного транспорта⁵⁴.

К концу XVII века улучшенные дороги, удвоившиеся из-за растущей потребности в них, породили подъем и наземного транс-

порта. Один современный эксперт заявил, что «конец XVII века знаменовал решающую фазу в развитии индустрии сухопутных перевозок». Например, к 1715 году вне Лондона число наземных экипажей по сравнению с 1637 годом выросло на 127%. Хотя современники замечали, что в Сомерсете и Корнуолле некоторые дороги весьма плохие и что в отличие от Франции далеко не везде они замощены, в основном качество английских дорог к концу XVII века было достаточно высоким. Ги Мьеж полагал, что «английский народ лучше всего обеспечен для наземного путешествия», поясняя, что ни один город в Европе не имеет лучшей связности, чем Лондон. Регулярные экипажи привозили товары из Кендала и Уайтхевена меньше чем за две недели, если пользовались прямой дорогой. На практике даже север Англии, который до английской гражданской войны не имел регулярного экипажного сообщения с Лондоном, к началу XVIII века имел шесть еженедельных рейсов в столицу. Повозки и экипажи регулярно курсировали по дорогам из Нориджа и Ярмута в Лондон. Дорогами к Ньюкастлу и из него пользовались так же часто, как «почти любыми другими в королевстве». Даже «абсолютно упадочный» город Бодмин в Корнуолле имел дороги, по которым поддерживалось регулярное сообщение с Труро и Эксетером⁵⁵.

В 1630-х годах англичане начали использовать дилижансы. К концу XVII века они распространились уже по всей стране. Йорк, Честер и Эксетер имели регулярное сообщение дилижансами с Лондоном, как и Глостер, Херфорд, Рединг, Гарвич, Портсмут, Саутгемптон, Винчестер, Бристоль, Бат, Солсбери, Рединг, Кентербери и множество других мест. Несколько дилижансов, «особенно в летнее время», обслуживали Танбридж-Уэллс. «Летающие экипажи» совершали путешествия между Лондоном и Кембриджем или Оксфордом менее чем за день. К 1680-м годам дилижансы ходили «почти в любой город в двадцати–двадцати пяти милях от Лондона». Местные линии соединяли маленькие города с большими — как служба, которая соединяла Бридпорт в Дорсете с Эксетером. Дилижансы стали столь популярны, что Джон Обри жаловался, что дворяне забывают, как ездили верхом на охоте. Другие стонали, что дилижансы уменьшили потребность в верховых лошадях на три четверти. «Англия превосходит все другие нации» в развитии перевозок дилижансами, считал Ги Мьеж. Эта новая форма транспорта, удивлялся он, дешева, ком-

фортабельна и быстра, и она может доставить заинтересованного путешественника «в большинство известных мест Англии»⁵⁶.

Внутри самого Лондона конные экипажи стали широко использоваться для перевозки пассажиров из одного конца города в другой. Они обнаруживаются *«в любом квартале этого города, — писал французский посетитель Лондона во время коронации Якова II, — в любом месте на улице, всегда готовыми отправиться в путь, и всегда с неизменно огромной скоростью»*. Эти городские экипажи уже существовали в Лондоне к 1660 году, задолго до того, как они появились в Париже. Все соглашались, что к 1660-м годам как минимум восемьсот конных экипажей усердно трудились на лондонских улицах, обслуживая все социальные классы. Сэр Ричард Темпл был лишь одним из первых, кто пожаловался, что из-за быстрого роста числа конных экипажей с кучерами стало невозможно пересечь улицу в Лондоне и Вестминстере «без затруднений и риска»⁵⁷.

В конце XVII века английское государство использовало новую, улучшенную и расширившуюся систему дорог для развития государственной почтовой системы. Руководители этой службы, начиная с Джона Терло в 1657 году, превратили ее из системы доставки королевских посланий и писем избранной элиты в государственную структуру, которая перевозила корреспонденцию для тысяч англичан. Карл I создал почтовое министерство в 1635 году, и к 1639 году в нем уже служило сорок восемь человек, получавших жалованье в 1536 фунтов. Для сравнения: в 1686 году в почтовой службе работало более четырехсот человек — включая дорожных чиновников, сортировщиков, приемщиков и доставщиков писем, грузчиков и возчиков, на оплату которых ушло почти 100 000 фунтов. К 1696 году почта содержала почти семьсот работников. «В дни наших предков число писем, посылаемых в Англии, вовсе не было таким значительным», — замечал один наблюдатель в 1680-х годах, но объем корреспонденции стал «столь удивительно большим» — отчасти из-за того, что даже «самые низкие люди в основном научились читать»⁵⁸.

После Реставрации английский министр почт, Роджер Уитли, занялся активным расширением сети английской почтовой службы. Уитли постоянно наставлял местных почтмейстеров изыскивать возможности открыть новую почту или новый маршрут. Новым почтмейстерам обещалось, что они будут «независимы от всех

государственных учреждений и солдатских постоев, будут бесплатно получать „Лондон газетт” и помощь «в общественной торговле — продаже напитков». К 1680-м годам было организовано шесть почтовых дорог, достигавших Плимута на западе и Эдинбурга на севере, а также создано 182 места заместителей почтмейстеров. «Не существовало серьезного торгового города, — писал Ги Мьеж, — где нельзя было найти легкого и надежного способа отправки писем». Филипп Фруд, сменивший Уитли на посту министра почт, разработал целую стратегию, дающую уверенность, что все города и деревни в округе шестидесяти миль вокруг Лондона ежедневно обслуживаются почтой и «получают торговые услуги».

Уитли также стремился увеличивать число пишущих письма и использующих услуги почты. Он обещал сохранять расценки на ее услуги невысокими, настаивая на «необходимости удерживать цены на том уровне, какой есть сейчас». Кроме того, Уитли прилагал усилия, чтобы сохранять быстроту и надежность доставки почты. Он говорил своим почтмейстерам, что «почта, доставляемая с запозданием, протянет недолго». По его мнению, она должна передвигаться со скоростью как минимум пять миль в час, делая по 120 миль в день. Благодаря упорному контролю Уитли письма из Лондона до Эдинбурга доходили за пять дней, а от Лондона до Плимута — за три дня. В 1690 году сэр Уилоби Эстон заметил, что только сильный снегопад может задержать своевременную доставку ему почты в Уоррентон, Чешир. Уитли был наверняка прав, когда еще в 1670-х годах утверждал, что «вся торговля государства поддерживается при помощи этой службы». Так как торговля разрасталась, и международная, и внутренняя, едва ли стоит удивляться, что почта принимала и отправляла громадное количество зарубежных посланий. В 1673 году Уитли заявлял, что за один день его контора обрабатывает чуть более четырех тысяч писем, прибывающих в Плимут из-за моря. В 1686 году почтовое ведомство переправило более шестидесяти тысяч писем, «доставленных из Новой Англии, с Ямайки, Барбадоса, из Лиссабона, Кадиса и других иностранных портов»⁵⁹.

Неудивительно, что почта становилась все более важной не только для торговли, но и для распространения политических новостей и мнений, а также для политической пропаганды. Почтмейстеры становились важными политическими фигурами. Некий

мистер Каслтон, например, в 1689 году потерял работу почтмейстера частично потому, что «очень часто посещал клубы... которые обычно назывались тори-клубами». Вильгельм и Мария выбрали в качестве своего первого управляющего почтами Джона Уайлдмэна — давнего радикального деятеля и бывшего служащего в протестантском почтовом отделении в Терлоу, потерявшего свою должность, когда маркиз Кармантен из тори сосредоточил власть в своих руках⁶⁰. Трансформация английской экономики и создание новой инфраструктуры сильно расширили как охват, так и социальную глубину политики.

Новая лондонская почта «Пенни-Пост» скоро стала еще более быстрой, более эффективной, более дешевой и политизированной, чем государственная почта. В 1680 году два виги, Уильям Докура и Роберт Марри, основали в Лондоне контору, которая обещала «дешевую и частую перевозку писем в Лондоне и вокруг него». Контора быстро стала успешной. Письма собирались каждые два часа в более чем четырехстах местах в городе, и раз в день — в полутора сотнях городков и деревень в радиусе десяти миль от Лондона. Докура хвастал, что «Пенни-Пост» вскоре «введет тысячи вещей, которые никогда не делались» до того. Но графа Йоркского, будущего Якова II, убедили, что некоторые из этих вещей — это политические проекты вигов. Поэтому в 1682 году Яков закрепил решение Королевского суда, убрав Докура из «Пенни-Пост». Тем не менее служба «Пенни-Пост» выжила, хотя и под контролем центральной почты. К 1688 году «Пенни-Пост» отправляла более семисот тысяч писем в год. Француз Анри Миссон был необычайно впечатлен ею и счел весьма удивительным, что никакой другой город в Европе не ввел такой системы. Джон Эвелин позднее лоббировал выпуск медали в память об Уильяме Докура, *«который довел до совершенства столь распространенный теперь, удобный, дешевый, надежный и быстрый оборот писем в „Пенни-Пост”»*⁶¹.

В 1680-х годах лондонцы осуществили еще один инновационный проект. Хотя система страховки от пожаров была впервые создана в Гамбурге в 1590-х годах, Лондон, безусловно, стал европейским лидером в этой области. Вероятно, под влиянием экономических последствий Великого пожара 1666 года, некоторые лондонцы в 1670-х годах начали выдвигать предложения об организации конторы по страховке от пожара. Страховка от пожара, как и «Пенни-Пост», вызывала много дискуссий, которые частич-

но имели политическую подоплеку. В 1680 году тори Николас Барбон открыл свою контору по страхованию от пожаров. На следующий год лондонский Совет Общин, состоящий в основном из виггов, торжественно открыл собственный аналогичный проект. Хотя эта страховая компания в конце концов разорилась, Уильям Хейл и Генри Спелман в 1683 году создали «Общество Друзей», чтобы конкурировать с Барбоном. Говорят, что соревнующиеся компании застраховали более семи тысяч домов и помогли создать пожарный департамент, чтобы защищать свои капиталы⁶².

Во второй половине XVII века в Лондоне впервые была организована система банковских депозитов. До середины века английских банков просто не существовало, но к 1690-м годам в одном Лондоне их уже возникло более сорока. Старый роялист Уильям Бланделл в 1659 году составил проект улучшения кредитной системы, а к 1683-му он понял, что новая организация необыкновенно «удобна и для заемщиков, и для кредиторов». Тори сэр Эдвард Сеймур в 1670 году жаловался, что рост числа банкиров подстегивает англичан «везти все свои деньги в Лондон».

Лондон в самом деле быстро становился новым центром интереса для международных финансистов. Теперь именно лондонские банкиры вроде Эдварда Баквелла встали в центре европейской финансовой паутины, а другие лондонские банкиры обеспечивали финансовые услуги клиентам по всей Англии. С 1680-х Френсис Чайлд, обосновавшийся на Флит-Стрит, оказывал услуги более чем восьмистам клиентам. Начав свою деятельность с 1670-х годов, Ричард Хор в Чипсайде организовал общегосударственную сеть клиентов, которая к 1700 году включала клиентов из Шропшира, Ланкашира, Лестершира, Пембрукшира, Сомерсета, Йоркшира, Линкольншира и Нортхэмптоншира, а также из всех окружающих Лондон графств⁶³.

Улучшившиеся дороги, более удобный водный транспорт, широкая сеть почт, страхование и новое финансовое обслуживание не только облегчили оптовую торговлю, но и преобразовали природу розничных продаж в Англии конца XVII века. Англичане быстро становились нацией покупателей и владельцев магазинов. Если еще в конце XVI и начале XVII веков розничные торговцы считались людьми сомнительной морали, к концу 1600-х магазины и их владельцы воспринимались как необходимая часть внутренней экономики. Неудивительно, что этот поворот в восприя-

тии сопровождался ростом количества магазинов и их владельцев по всей стране. По оценке современника Джона Хотона, «теперь у нас в шесть раз больше торговцев, и большинство их магазинов и складов лучше оснащены, чем в предыдущие годы». И это подтверждено недавними исследованиями. Гораздо больше торговых городов и деревень имели магазины, нежели до гражданской войны, и эти магазины имели куда лучший ассортимент товаров. По контрасту с тем, что было привычным ранее, сообщает один памфлетист, *«теперь в каждой удаленной деревне, где имеется не более десятка домов, есть владелец магазина... и многие из них не такие, что торгуют лишь булавками или подобной мелочью — они имеют дело с существенными товарами, как любой из находящихся в городах или крупных торговых центрах»*. На изломе века один экономист и писатель предположил, что в Лондоне существовало 8000 магазинов и более 1,2 миллиона по всей Англии. Эти числа были ошеломляющими по европейским стандартам. Один наблюдатель считал, что «в Лондоне владельцев розничных точек торговли на десять тысяч больше, чем в Амстердаме», самом коммерческом городе в Европе. «Число магазинов и в Сити, и в пригородах так велико и настолько больше, чем в любом иностранном городе, — писал другой, — что у иностранцев это вызывает удивление»⁶⁴.

По всей Англии, хотя и неравномерно по регионам, розничная торговля уходила с открытых рынков в стационарные магазины. Естественно, Лондон здесь был впереди. Гости столицы неизменно расточали похвалы Новой Бирже — комплексу из более чем двух сотен магазинов, где «хорошо одетые женщины» торговали «богатейшим набором предметов». Но тех, кто знакомился с городом, быть может, еще больше впечатлял тот факт, что «каждая узкая улочка, поворот, улица и угол» были «заполнены магазинами с товарами всех возможных видов».

К концу XVII века даже гораздо более мелкие городки предлагали жаждущим покупателям широкий ассортимент товаров. Ноттингем был городом, «полным магазинов». Улицы Ипсвича в Саффолке, давнем торговом центре, также были «полны магазинов». Возле захоронения святого Эдмундса, когда Томас Баскервилль посещал его в конце XVII века, имелось «много богатых магазинов и торговцев». Тонтон в Вест-Кантри, крупный ткацкий центр, имел «длинные, широкие улицы, полные магазинов». Глостер был «достаточно большим городом» с «несколькими прекрас-

ными улицами и магазинами». Главные улицы Честера имели «галереи (или ряды, как там их называли) с магазинами по одной стороне; через эти галереи можно было проходить, не опасаясь дождя даже в самые сильные бури». Кафедральные города Кентербери и Винчестер были «полны симпатичных магазинчиков». Рыночная деревня Биллерикай в Эссексе, которая отправила пять человек в Новую Англию на «Мэйфлауэре», имела «широкую улицу с красивыми домами и магазинами». Наркисс Латтрелл обнаружил, что уже в 1670-х в городке оловянных шахт Труро в Корнуэлле «человек мог приобрести почти все»⁶⁵.

К концу XVII века Англия уже была страной множества столь хорошо знакомых нам современных институтов. Дилижансы, платные дороги, «Пенни-Пост», страхование от пожара, банковский депозит, рост розничной торговли — все это подкрепляло дальнейшее развитие рыночного общества. Новые институты и быстро развивавшаяся экономическая инфраструктура помогли смягчить шок из-за перехода Англии от сельскохозяйственной к урбанистической культуре. Гораздо легче было покинуть деревню, чтобы работать в городе или переехать из сельского дома в городской, если товары, люди и идеи еще легче перемещались между ними. А поскольку такое перемещение создавало множество новых социальных и культурных связей, у англичан появилось больше возможностей вести действительно общенародные политические дискуссии. В конце XVII века своими интересами, тревогами и стремлениями люди обменивались гораздо быстрее, чем это происходило в ранние периоды. И столь же важно, что эти идеи теперь можно было передавать другим людям, занимавшим те же социальные и культурные позиции.

* * *

Возникновение кофеен в Англии в конце XVII века, вероятно, стало более значимым явлением английской национальной культуры, нежели появление каких-либо иных общественных учреждений. Кофе и кофейни буквально захватили Англию на исходе 1600-х годов. Хотя кофе был доступен как экзотическая новинка еще в начале того века, первые кофейни открылись в Англии лишь в 1650-х годах. К 1670 году кофе уже распространился так широко, что один современник лишь с легким преувеличением мог отметить, что «кофе настолько превалирует повсюду, что даже

хлеб, так привычно признаваемый у нас опорой жизни, едва ли теперь потребляется так широко». Кофе, заметил Джон Эвелин в 1650-х годах, «универсально одурманил нацию»⁶⁶.

Лондон стал эпицентром английской культуры кофеен. Уже в ноябре 1659 года лондонец Томас Рагт отмечал, что «в это время турецкий напиток, что назывался кофе, продавался почти на каждой улице». Другие лондонцы, такие как натурфилософ Роберт Гук и гражданский служащий Сэмюэль Пепис, работали, беседовали и отдыхали в дюжине различных кофеен в 1660, 1670, 1680 и 1690-х годах. В начале XVIII века Дадли Райдер из Хакни регулярно посещал дюжину кофеен в Лондоне и вокруг него, где обсуждал политику, болтал о законах и совершенствовался в риторике. Когда швейцарский путешественник Антуан Мюральт в начале XVIII века посетил английскую столицу, он сообщил об «огромном числе кофеен в Лондоне». По оценкам одного лондонского землемера, в первом десятилетии XVIII века в Лондоне и Вестминстере существовало около трех тысяч кофеен⁶⁷.

Кофейни в Англии не были просто символом метрополии. Один памфлетист правильно отметил, что кофейни существовали «в обоих университетах и в большинстве городов и знаменитых городков по всей стране». Первая английская кофейня открылась в Оксфорде в 1650-х, и вскоре в университетском городке возникло несколько других. Роджер Норт жаловался, что в 1660-х годах в Кембридже уже существовала кофейня. К началу XVIII века стало еще хуже, так как возникли различные кофейные заведения, «где в беседах и куда менее осмысленном чтении газет проводились многие часы». Вскоре большинство промышленных городов Англии имело собственные кофейни. Томас Баскервилль обнаружил кофейню в текстильном Глочестере еще в 1670-х годах. Эксетер, Ковентри и Кендал в Уэстморленде — все эти города производили в XVII веке в основном текстиль — завели кофейни в 1680-х — 1690-х годах. Шеффилд, уже знаменитый своим железнодорожным производством, и Ньюкастл, прославленный своим углем, имели кофейни в конце XVII века.

Английские порты также славились своими кофейнями. Бристоль, центр торговли с Вест-Индией, имел в 1670-х годах три или четыре кофейни. Плимут и Дорчестер также имели в конце XVII века собственные кофейные заведения. Рыбачий город Грейт-Ярмут завел кофейню к концу 1660-х годов. Чтобы не быть обой-

денными, старые провинциальные городки, такие как Пенрит в Уэстморленде, Престон в Ланкашире, Честер, Стэмфорд, Букингем, Ноттингем и Йорк, вскоре открыли свои кофейни. Ко времени Славной революции даже Бостон в Новой Англии имел кофейню⁶⁸. Английские кофейни в конце XVII века не принадлежали уже только Лондону, и их распространение не ограничивалось элитными центрами, очагами респектабельности или ученой культуры.

На континенте кофейни распространялись медленнее. Наблюдение космополита Ги Мьежа, что кофейни были «более обычным явлением [в Англии], чем где-либо в другом месте», подтверждено совсем недавними исследованиями. В Священной Римской империи кофе «был относительно дорогим и экзотическим напитком вплоть до 1720-х годов». Вена, которая обычно считается центром культуры кофеен, не имела собственных кафе до 1683 года. Торговый город Гамбург (что неудивительно) завел первую кофейню раньше, в 1671 году. Амстердам обрел кофейные декорации лишь к концу XVII века. Но даже его тридцать две кофейни смотрелись жалко на фоне сотен или даже тысяч кофеен Лондона. Первое парижское кафе открылось в 1670-х годах, но реально кофейный бум у французского истеблишмента наступил лишь в XVIII веке⁶⁹.

В Англии не только имелось много больше кофеен, чем в континентальных городах. Английские кофейни физически были совершенно другими. Образец французского кафе, кафе «Проккоп», было открыто сицилийцем Франческо Прокопио Колтелли на улице Фоссе-Сен-Жермен в 1686 году. Кафе «Проккоп» было сначала элегантным заведением, по словам одного историка, «очень роскошным местом». Успех Колтелли оживил его конкурентов. К 1690 году «сердце элегантного Парижа — от перекрестка Бусси до Сен-Жермен-Фаир и до реки Сены» было занято кофейнями. Парижское кафе демонстрировало элегантность и роскошь городского аристократического дома. В Лондоне, напротив, кофейни были «сердцем лондонской купеческой жизни». Они могли быть какими угодно, только не аристократическими. Один франкоязычный посетитель жаловался, что английские кофейни «отвратительны, полны дыма, как солдатская караулка, и так же забиты народом». Нед Уорд, по общему признанию весьма недоброжелательный комментатор, сравнивал кофейни и их клиентуру с «ящиком перепутанных навозных червей, занятых, будто стая крыс

в старом хранилище сыра. Кто-то уходит, кто-то приходит, кто-то что-то пишет, кто-то разговаривает, кто-то пьет, другие кричат; и вся комната воняет табаком, как голландская баржа». Маленькие элегантные мраморные столики парижских кофейен в Лондоне заменяли длинные общие деревянные столы. Типичная кофейня, описанная одним комментатором, имела «три-четыре тесно поставленных стола, на которых разбросаны маленькие свечи, курительные трубки и ежедневные газеты». Французский визитер М. де Сен-Мари, без сомнения, знакомый с изяществом французских городских кафе, сравнивал длинные деревянные столы в английских кофейнях со столами монастырских трапезных⁷⁰. В то время как парижские кафе были приспособлены для интимных и частных бесед, лондонские кофейни были идеальны для групповых дискуссий.

Физическая обстановка английских кофейен прекрасно подходила их клиентам. Первоначально кофейни продавали свой товар весьма дешево. Чашку кофе по всей Англии можно было получить за пенни. Вечер в кофейне обходился относительно недорого, в то время как «счет в таверне быстро приводит кошелек к опустошению». Противники и сторонники нового социального явления соглашались, что таким образом кофейни способны принимать весьма разнообразную клиентуру из самых разных социальных слоев. В кофейне, пишет Самуэль Батлер, «встречаются люди всех сословий и состояний». Сам большой любитель кофе, Батлер утверждал, что «не позволяется делать различий между людьми; тут и джентльмен, и механик, и лорд, и негодяй, все вперемешку, и все мирно, будто соблюдая собственные принципы». В кофейне не заботятся о звании или социальном положении, утверждал один памфлетист: *«тут можно встретить глупого щеголя и почтенного судью, хапугу-шулера и серьезного горожанина, слоняющегося вора-карманника, преподобного нонконформиста и лицемерного шарлатана»*. «Опасная чаровница-турчанка, — жаловался другой памфлетист, — привлекает и богатых, и бедных». Третий более спокойно замечал, что кофейни «посещают люди всех достоинств из всех областей». Иностранные наблюдатели с этим соглашались. В английских кофейнях «лодочник и лорд курят за одним столом», — заметил один французский визитер. Швейцарский путешественник начала XVIII века Антуан Мюральт подытожил, что англичане лишены четких социальных различий, так

распространенных на континенте. Кофейни же в особенности «являются местом постоянных встреч как для людей бизнеса, так и для бездельников, так что человека скорее спросят о его кофейне, чем о месте его проживания»⁷¹.

Первые английские кофейни ассоциировались с торговлей. Кофе не только нужно было импортировать со Среднего Востока, сами кофейни тоже имели левантинское происхождение. Кофейни существовали в Дамаске, Каире, Алеппо и Багдаде по крайней мере с XVI века. В 1560-х годах считалось, что в Стамбуле имеется более шести сотен кофеев. Конечно же, именно купцы, торговавшие с Османской империей, первыми вступили в контакт с этим новым учреждением. И неудивительно, писал Джон Хотон, что первая кофейня в Лондоне — в Сент-Майкл-Корнхилле — была устроена двумя английскими купцами, Рэстоллом и Эдвардсом, которые ездили изучать османский обычай потребления кофе в Смирну и Ливорно. Еврей по имени Якоб, почти наверняка левантинского происхождения, двумя годами раньше открыл первую английскую кофейню в Оксфорде. В начале 1660-х Джордж Давенпорт сообщил Уильяму Санкрофту, будущему архиепископу Кентерберийскому, что два крещеных еврея собираются открыть новые кофейни в Лондоне. Можно предположить, что первое французское кофейное заведение, открытое в 1671 году в средиземноморском портовом городе Марсель, а не в Париже, имело такое же происхождение⁷².

Английская кофейня быстро превратилась в место, где можно было вести дела. Лондонская кофейня «Ямайка» обеспечивала удобное место сбора для вест-индских купцов, там они могли обмениваться последними новостями и уговариваться о поставках сахара, индиго или рабов. Управляющий совет Московитской компании встречался в кофейне Джонатана. Лондонцы могли «каждый полдень или вечер рабочей недели отправиться в кофейню Гарроуэя и выяснить нынешние цены на акции большинства компаний, торгующихся в акционерных обществах». В 1690-х «Сборник для облегчения торговли и экономики» Джона Хогтона, публиковавший цены на товары, а также политические и коммерческие новости, можно «было найти во всех кофейнях и прочитать абсолютно бесплатно». В 1670-х Эндрю Яррантон рассуждал «в публичных кофейнях» о необходимости народного банка и о скором появлении банкиров с золотым запасом. В начале 1680-х не-

долговечный лондонский Кредитный банк приглашал потенциальных клиентов посетить любую из восьми кофеен, чтобы стать его подписчиками.

К концу XVII века стало типичным, что прожектеры излагали публике свои торговые схемы в какой-либо из кофеен. Один правительственный меморандум 1680-х годов предупреждал, что в стране появилось новое пристрастие «торговать», которое «является причиной вечного шума и дикой манеры разговора в кофейнях Сити». «Никакая сделка не может быть проведена и не может состояться бизнес между людьми, — замечал один памфлетист, — если их процедура не перенесена в какое-либо общественное заведение» и гораздо чаще, чем в иное место, в «кофейню». В этом смысле гугенот-эмигрант Генри Миссон был абсолютно прав, когда предполагал, что кофейни были необычайно удобны местным жителям для «встреч с друзьями, для ведения бизнеса, и все это лишь за один пенни»⁷³.

Купцам, владельцам магазинов и бизнесменам в XVII веке было необходимо иметь самую свежую информацию не только о ценах на товары, но также о мировых событиях, которые могли бы повлиять на эти цены. Вполне предсказуемо, что кофейни быстро превращались в центры новостей и распространения информации. Как только человек входил в кофейню, он слышал «этот традиционный вопрос: „Что нового, хозяин?“» либо же «Джентльмены, есть свежие новости!» Флорентинец Лоренцо Магалотти обнаружил, что в кофейнях *«присутствуют самые различные персонажи или группы журналистов и можно услышать новости о том, что происходит или, по мнению публики, будет происходить, правдивые или ложные»*. Через два десятилетия Генри Миссон, описывая живую английскую культуру кофеен, сообщал, что *«Англия — это страна, изобилующая печатными изданиями, которые они называют памфлетами, где авторы осмеливаются свободно говорить о делах государства и публиковать всевозможные новости»*. В кофейнях, соглашался Антуан Мюральт в начале XVIII века, англичане *«курят, играют и читают газеты, а иногда и делают их там. Тут они обсуждают государственные дела, интересы государей, честь мужей и так далее»*.

Англичане не возражали против такой оценки их новой культурной привязанности. Как написал один второстепенный поэт в 1670-х годах:

*Нет ничего из происходящего в мире,
В действиях любого, от монарха до мыши,
Что не выплескивалось бы денно и ночью
В кофейню, причем открыто и мощно.*

«Каждая кофейня кажется теперь, как было и раньше, группой государственных заговорщиков», — заметил другой памфлетист⁷⁴.

Хотя кофейни, без сомнения, продуцировали множество местных сплетен, они также являлись ближайшим местом, куда городской житель мог пойти и узнать о последних событиях за морем и в мире. Томас Шеридан обнаружил, что в кофейнях можно «узнать о государственных делах всех известных наций». Француз М. де Сен-Мари удивлялся, что в английских кофейнях можно найти «все газеты, печатающиеся в Англии, Франции и Голландии, [а также] рукописные новости». Именно в кофейнях «сомневающиеся политики» обсуждали болезнь Людовика XIV и прикидывали важность его состояния для дел англичан. Десятью годами позднее Джеймс Брайджес отправился в экипаже в кофейню Тома, чтобы узнать последние известия о Девятилетней войне (1689–1697)⁷⁵.

Политики XVII века быстро осознали политический потенциал кофеен. Нарождающаяся партия вигов с самого начала использовала кофейни, чтобы пропагандировать свои идеи. Поэт и пропагандист Эндрю Марвелл использовал кофейню как сцену, с которой предлагал свое толкование ежедневной «Лондон газетт». Поэтому едва ли удивительно, что его самый влиятельный политический памфлет, «Рассказ о развитии папизма и о деспотическом правительстве», Роберт Норт посчитал «преднамеренно придуманным для использования в клубах и кофейнях». Лидер вигов и патрон Джона Локка, граф Шафтсбери, публично излагал «все свои мысли и идеи в кофейне Джона». Ко времени Кризиса Отстранения (1679–1681)* в списке кофеен вигов состояли «Яр-

* Так в английской историографии именуется кризис, возникший вокруг Билля об отстранении (Exclusion Bill), внесенного в палату общин 15 мая 1679 года группой активных сторонников англиканской церкви. Согласно этому биллю, британский трон не мог занять католик герцог Йоркский, брат короля Карла II. Поскольку законных детей у короля не было, единственным наследником престола в таком случае оказывался его незаконнорожденный сын Джеймс Скотт, герцог Монмутский. Дабы предотвратить принятие билля, Карл II вынужден был распустить этот парла-

марочная», «Радуга», кофейни Проктера, Мэна, Гаррауэя, Форда, Джонатана и Комбе.

Не только виги использовали возможности кофейен. Во время второй англо-голландской войны (1665–1667) правительство стремилось запустить истории о жестокостях голландцев через кофейни, где, как оно надеялось, эти рассказы «распространятся, как проказа». Во время Кризиса Отстранения графиня Повис, близкая знакомая будущего короля Якова II, «отправляла огромное количество памфлетов», защищавших позицию правительства, в «маленькую незаметную кофейню недалеко от города». Кофейня Уилла в Ковент-Гардене создала себе репутацию центра политической активности тори. Неудивительно, что любой начинающий политик первым делом засылал своих агентов в кофейни собирать политические сплетни⁷⁶.

Некоторые кофейни стали также центрами приобщения к культуре. Джон Драйден, Самюэль Батлер и «все мозги города» с 1660-х годов зачастили в кофейню Уилла. Когда Нед Уорд посетил кофейню Уилла в 1690-х, он еще обнаружил там мудрецов, «передающих друг другу самые последние творения своих мозгов». Драматурги приходили читать в кофейнях сцены из своих пьес. Критики тоже использовали кофейни, чтобы сообщать свои взгляды на последние литературные произведения. Частыми посетителями кофейен стали деятели Королевского общества, создав в начале 1660-х свой постоянный «кофейный клуб». К концу 1670-х группа купцов организовала серию вечерних религиозных лекций «в большом помещении, принадлежащем кофейне в Эксчендж-Элли». Это, вероятно, побудило драматурга Афру Бина к написанию сатиры о том, что кофейни ныне привечают диспуты о «таких вещах, которым следовало бы оставаться величайшими тайнами в религии». Джеймс Брайджес искал (и нашел) в лондонских кофейнях товарищей, жаждущих обсуждать книги, редкие манускрипты и живопись. Джон Хотон был, безусловно, прав, заявив, что «кофейни сделали людей общительными; они развивали искусства и торговлю, как и другие области знаний»⁷⁷.

мент, а также последующие два, также приступившие к обсуждению билля. Именно в процессе этого кризиса сторонники билля (эксклюзиверы) оформились в партию либералов, или вигов, а их противники — в партию консерваторов, или тори. (*Прим. ред.*)

Только в этом последнем смысле — как место обучения культуре вежливости — английские и континентальные кофейни были сравнимы. Французское кафе всегда являлось также и «литературным кафе». Французские кафе не набивались купцами и торговцами, обдeldывающими свои гешефты. В то время как завсегда-таи английской кофейни могли с начала 1680-х годов внимательно изучать конкурирующие финансовые публикации, нигде во Франции до третьей четверти XVIII века не существовало регулярных прайс-листов на французском языке. В то время как иностранные гости в Англии изумлялись «вольности, принятой в нации при обсуждении политических событий», в Париже «не возникало шума... от крикливого обсуждения публикой продаваемых товаров или какого-либо беспокойства от памфлетов и разносчиков газет». К новостям проявлялся сравнительно малый интерес. Доктор Мартин Листер был удивлен, что в Париже «„Газетт” выходит раз в неделю и очень мало людей покупают ее». Когда маркиз де Сеньеле в 1680-х годах выразил беспокойство по поводу одной политической сплетни в парижских кофейнях, он приписал опасный слух «иностранцам».

Различие заключалось отнюдь не во вкусах. Французы, считал Мартин Листер, тоже ежедневно пьют кофе, чай и шоколад — но в отличие от англичан в основном «в частных домах». Это впечатление подтверждается журналистами начала XVIII века Джозефом Эддисоном и Ричардом Стилом. «Что касается политиков, — рассказали они читателям «Татлера», — у французов немного такого типа людей, как мы». Французы, считали они, специализируются на литературных мемуарах, тогда как англичане известны «импровизированными трактатами в кофейнях». Авторы «Татлера» пояснили свою точку зрения следующим сравнением. Проходя мимо кофейни Уилла, теперь печально известной твердыни тори и якобитов, они слышали *«очень громкий голос, клянущийся с некоторым налетом предательства, что гражданин во Франции так же свободен, как и в Англии. Его волнение не позволяло ему понять, что именно это рассуждение было свидетельством противоположного»*⁷⁸. Только в кофейнях Англии возникла живая политическая и экономическая культура.

Английские кофейни для конца XVII века были совершенно новым общественным институтом. За какие-то десятилетия каждая английская деревушка или торговый городок со сколь-нибудь

серьезными претензиями завели хотя бы одну собственную кофейню. Хотя каждая кофейня должна была иметь собственный особый стиль, большинство кофеен соответствовали одним и тем же культурным характеристикам. Они были местами сбора, куда местные жители могли прийти обменяться новостями, прочитать большинство свежих газет или памфлетов, а также устроить какие-то свои торговые дела. Кофейня оказалась институтом, идеально устраивающим общество, переживающее быструю урбанизацию и коммерциализацию. Она питала современную политику, в которой растущая амбициозная деятельность государства стала предметом тщательного внимания политически развивающейся нации.

* * *

Почему Англия так быстро изменилась в XVII веке? Что стимулировало развитие английских мануфактур? Почему производство и портовые города росли столь быстро? Почему улучшились английские дороги, возникали магазины? Почему Англия развивала почту, страховые общества, новые экономические методы? Почему интеллектуальные и культурные горизонты англичан, хотя и относительно скромно, но все же заметно расширились в течение этого периода?

На эти вопросы лучше всего можно ответить, рассматривая Англию в сравнении с остальной Европой. Социальные перемены и экономический рост, которые переживала Англия в XVI и начале XVII веков, отражали развитие всей Европы. Историки экономики соглашаются, что в течение всего XVI века объем торговли рос повсеместно, что в Западной Европе «соотношение абсолютных и относительных цен и роста населения было повсюду одинаковым». И только в середине XVII века первыми Нидерландами, а затем Англия отошли от общеевропейского образца.

Для большей части Европы этот век был веком кризиса. В Нидерландах же он оказался золотым веком. В Англии, особенно в конце XVII века, экономика развивалась быстро, несмотря на стагнацию численности населения. Житель Венеции Альберти сообщал в 1670-х годах, «что город Лондон никогда не имел такой широкой торговли, как теперь». С 1665 года «мы выросли в торговле гораздо больше, — заявлял Джон Хаутон в своей новой экономической прессе, — чем, возможно, любая другая нация когда-

либо в подобной ситуации». Это впечатление существенного английского экономического роста XVII века подтверждается как статистикой того времени, так и более поздними исследователями⁷⁹. Но в таком случае вопрос должен стоять по-другому: не почему Англия испытала экономический рост, а почему английская экономика выросла в то время, когда остальная Европа (кроме Нидерландов) находилась в относительном, если не в абсолютном застое?

Совсем недавняя работа по социальной и экономической истории Британских островов не смогла разрешить этот вопрос, потому что он оказался ограниченным в двух смыслах. Первое, как предположил Джекоб Прайс, «историки экономики Британии всегда выказывали малый интерес к месту эволюции национальной экономики в мировом контексте». Второе — роль английской зарубежной торговли сильно принижалась. *«Объем национального дохода, — утверждал Джон Чартрес, — зависел от торговли и услуг внутри страны... Большая часть ВВП (валового национального продукта) производилась внутри, и большая часть внутренней продукции была предназначена для внутреннего рынка»*. В частности, *«было преувеличено влияние колониального торгового резкспорта до 1690 года»*. Естественно, что чем больше кораблей везли товары, предназначенные для внутреннего рынка, тем этот рынок был важнее для английской экономики. Ведущей силой в английской экономической истории, как и в ее политической истории, как утверждает большинство ученых, была исключительно национальная, а не внешняя и международная⁸⁰.

Недавняя работа по сравнительному экономическому развитию окончательно продемонстрировала неправдоподобность этой концепции внутреннего развития. Используя индексы производства и демографических перемен, ученые показали теперь, что *«разница в экономическом росте Западной Европы в XVI, XVII, XVIII и начале XIX века практически целиком зависела от роста наций с доступом к Атлантическому океану»*, где люди *«были напрямую вовлечены в торговлю с Новым Светом и Азией и в их колонизацию»*. Другими словами, ключевой причиной разницы в экономическом развитии, ключевым фактором в оценке причин процветания Англии и Нидерландов перед лицом кризиса в остальной Европе являются рост дальней торговли и развитие заморских колоний.

На практике эти исследователи показали, что до открытия трансатлантических торговых путей регионы, которые позднее расцветут, были очень похожи на соседние регионы, не имевшие выхода в Атлантику. Рассказы о решающих социальных переменах и бурном экономическом росте в конце XVI и начале XVII века не ошибочны. Англия действительно активно развивалась в этот период, который ныне стал фокусом пристального внимания специалистов по социальной и экономической истории. Однако ее развитие в этот период не слишком отличалось от развития в большинстве иных областей Европы. На деле именно динамизм, который сравнительный подход приписывает заморской торговле, объясняет эту странность: французские атлантические владения были необычайно экономически чувствительны во время французского «века трудностей»⁸¹.

Именно иностранная торговля, и особенно дальняя торговля, обеспечила Англии экономический толчок. Тоннаж английского торгового флота более чем удвоился с 1640 по 1686 год. Большая часть этого роста обеспечивалась зарубежной торговлей. Импорт между 1660 и 1700 годами вырос в шесть раз, а экспорт — на 650 процентов. К 1700 году торговля с Северной Америкой, Вест-Индией и Ост-Индией давала 30% английского импорта и 15% экспорта. А ведь в начале века эти цифры были совсем незначительными. Действительная цифра экспорта была бы много выше, если бы включала масштабный реэкспорт колониальных и вест-индских товаров дальше в Европу.

Такое изменение масштабов английской зарубежной торговли сопровождалось и качественными ее изменениями. В то время как 80–90% английского экспорта в 1640 году составляли шерстяные ткани, к 1700 году текстиль составлял уже менее половины всего экспорта. Зарубежная и особенно заморская торговля создали то, что один историк экономики назвал «новым контекстом», а другой «революцией в торговле»⁸².

Современники хорошо знали о значении заморской торговли в преобразовании Англии. Один широко распространенный справочник для торговцев напоминал своим читателям, что английские ежегодные таможенные сборы возросли со времен правления Генриха VIII более чем в десять раз. Грегори Кинг приписывал английский экономический бум в конце XVII века «в основном росту зарубежной торговли». Современники особо указывали на

важность новой внеевропейской торговли. *«Невзирая на противоречивые и ошибочные понятия легкомысленных людей, — писал один памфлетист конца XVII века, — можно с уверенностью утверждать, что именно основателям наших поселений в Америке Англия обязана основным своим богатством и имуществом»*. Когда Уильям Блатвейт в 1685 году исследовал английскую морскую политику, он заключил, что «те владения, на которые прежде смотрели лишь как на бессмысленные приключения, теперь стали необходимыми и важными частями основного тела страны». Два года спустя Ричард Блум подтвердил, что завоевания Якова I в Новом Свете так же важны для народного хозяйства, как и тамошние владения для испанского короля. Сэр Роберт Саутвелл напомнил графу Ноттингему, что Северная Америка и Вест-Индия составляют «добрую треть от всей торговли и мореплавания Англии». Почти все комментаторы соглашались, что богатство Англии зависит от торговли с Ост- и Вест-Индиями. «Именно зарубежная торговля является главной и единственной надеждой для нас, островитян», — отмечал один эксперт по коммерции. «Никто не сомневается, что зарубежная торговля и коммерция представляют основную заботу и интерес для каждого народа», — утверждал другой. Это было особенно справедливо для Англии. «Богатство, сила и слава короля и королевства в значительной степени зависят от навигации и зарубежной торговли»⁸³.

В конце XVII века импорт иностранных товаров в Англию также сильно вырос. Ввоз табака резко увеличился с 1615 по 1700 год. Между 1615 и 1700 годами английский импорт поднялся с 50 000 фунтов в год до 13 миллионов фунтов в год, увеличившись в 26 раз. Кроме того, в 1700 году Англия реэкспортировала на континент товаров еще на 25 миллионов фунтов за год. К концу XVII века потребление табака в Англии стало повсеместным. «Простые люди любят табак», — подтверждает сэр Джордж Даунинг. «Значительная часть торговых фирм в Англии значительную долю доходов получает от торговли табаком как в пивных, так и в магазинах целебных вод», — докладывал один член парламента палате общин в 1670 году. Когда Уильям Шеллинкс в 1662 году посетил Пензанс, он обнаружил, что *«все, и мужчины, и женщины, молодые и старые... дымят табаком, и это тут настолько обычное дело, что малые дети получают его по утрам вместо завтрака*

и почти предпочитают его хлебу». К 1670 году, как было доказано недавно, англичане потребляли по фунту табака на человека ежегодно⁸⁴.

Потребление кофе и чая в XVII веке также основательно возросло. Оба эти горячих напитка были необыкновенной экзотикой еще в начале века, но с появлением после 1650 года все большего числа кофеен они стали необычайно популярными напитками. Использование кофе и чая стало таким распространенным, что, как с некоторым преувеличением утверждал один наблюдатель, они «в значительной степени отвлекли людей от потребления крепких напитков». Английский импорт кофе со Среднего Востока и из Ост-Индии с 1664 по 1685 год увеличился более чем в два раза. Хотя трудно подсчитать это точно, но похоже, что к концу века около трех процентов населения Англии потребляло по чашке кофе в день. Не существует точных данных об изменении цен на кофе и чай, но по отдельным свидетельствам из нескольких источников можно судить, что цена на кофе в конце XVII века резко снизилась, делая напиток более приемлемым для скромных середняков⁸⁵. У кофе в конце века не было столь массового рынка, как у табака, но тем не менее он был очень популярен в числе прочих видов относительно новых и не являющихся необходимыми пищевых продуктов.

Роль сахара к концу XVII века также сильно изменилась. Из редкого роскошного деликатеса он превратился в неотъемлемую часть английского стола. Вскоре сахар стали добавлять к различным фруктовым сокам, чтобы создать «множество превосходных бодрящих напитков», вплоть до «благородного напитка из ореха, называвшегося какао», который без сахара «использовался очень мало». И это не говоря уже о новых изделиях, разработанных английскими кондитерами. К 1700 году сахар, как утверждалось, «распространил свое щедрое и сладкое влияние на всю нацию». Впечатления Томаса Триона, такие яркие, возникли не без оснований. Между 1660 и 1690 годами импорт сахара более чем удвоился, а цены на него соответственно упали. Подробная картина Айзека Сэйлмейкера наглядно отразила новую экономическую реальность для одного из английских «сахарных» островов в конце XVII века. Один только Барбадос, остров, изображенный Сэйлмейкером, между 1650 и 1700 годами более чем утроил количество сахара, отсылаемого в Англию. К концу века в страну ввозилось

достаточно сахара, чтобы средний англичанин мог потреблять около четырех фунтов этого продукта в год⁸⁶.

Заморская торговля не была односторонним предприятием. Вест-Индия и Северная Америка гораздо больше, чем Ост-Индия, развивали аппетиты английских производителей. Сэр Джордж Даунинг еще в 1670 году заявил, что «колонии не только производят для дома и посылают за границу, но и распродают ваши товары». Уголь, ткани, носки, перчатки, стекло, экипажи, обувь и шляпы — все это регулярно посылалось в Вест-Индию и в Северную Америку. Выдающийся квакер, производитель металлоизделий Томас Фелл, в конце XVII века уже продавал свою продукцию на Ямайке. Сыр из Саффолка, «не ценящийся в Англии», считался подходящим для долгого путешествия в Новый Свет. «Наиболее вероятно, — уверенно заявлял один памфлетист, — что наши американские колонии потребляют больше английской мануфактуры, чем любая другая зарубежная страна». На деле экспорт английских товаров в страны вне Европы между 1600 и 1690 годами более чем утроился. К концу XVII века колонии Нового Света создали «для английских производителей настоящий новый рынок»⁸⁷.

Хотя считалось, что торговля вне Европы к 1700 году все еще составляла лишь около 20% от общеанглийской торговли, ее влияние было много шире, чем предполагает эта цифра. Современники хорошо знали, как знают и историки экономики, что наиболее сильное воздействие заморской торговли не являлось прямым, оно ощущалось в ее «неисчислимом множителе, обратной связи и в развитии». Сэр Джон Лаудер из Уайтхэйвена особо отмечал, что «иностранная торговля имеет многие побочные преимущества». Именно эти непрямые результаты позволили Томасу Томкинсу заявить, что *«едва ли найдется такой самый низкий человек, который в той или иной степени не получил бы какой-либо выгоды от нашей торговли с другими народами»*⁸⁸.

Можно выделить некоторые из этих непрямых стимулирующих воздействий иностранной торговли. Кофе, чай, сахар и табак — все эти товары расходуются постоянно, но в малых количествах, их возросшая популярность привела к появлению множества местных магазинчиков, где множество покупателей могли закупаться ими понемногу, но часто.

Современники постоянно отмечали, что после 1640 года англичане по вечерам стали есть более легкую пищу. В конце

XVII века английские мужчины и женщины стремились дополнять свой легкий ужин курением и сладким, горячим кофейным напитком. В совокупности изменение вкусов и практики потребления, обязанные «созидательному воздействию заморской торговли», помогают объяснить быстрый рост числа магазинов в городах и деревнях конца XVII века. Такие заведения, как магазин Бенджамина Парамора в Шеффилде, который торговал корицей из Ост-Индии, табаком, сахаром и черной патокой из Вест-Индии, а также североамериканской сарсапарелью, стали к концу века совсем обычными. Конечно, новые горячие напитки нельзя было пить дома или в кофейнях из высоких оловянных кружек, использовавшихся для пива и эля. Потребность в глиняной посуде для этих новых горячих напитков вполне могла стимулировать быстрое развитие керамики⁸⁹.

Иными словами, заморская торговля являлась также «оранжереей британской экономики». Опасности, связанные с подобной торговлей, вероятно, подталкивали к созданию крупных фирм, позволяющих распределить финансовые риски. Более тонкие финансовые инструменты позволяли осуществлять многостороннюю систему оплаты, основанную на подписи плательщика, а не на передаче наличности из рук в руки⁹⁰. Необходимость загрузки крупных кораблей большими объемами товаров вызвала увеличение количества складов для хранения этих товаров. Таким образом, в английских портовых городах появлялся смысл строить новые верфи, склады, доки и развивать погрузочное оборудование. И конечно, заморская торговля делала необходимым строительство более крупных судов, чем требовались для прибрежной торговли или даже сообщений с Европой.

Заморская торговля в XVII веке становилась все более важной как для политических, так и для экономических взаимоотношений. Европейские рынки, особенно те, на которые напрямую или косвенно влияла французская политика, все больше закрывались для англичан. Протекционизм XVII века становился все более утонченным и широко распространенным. Жан-Батист Кольбер, министр финансов Людовика XIV в конце XVII века, не смог окончательно преуспеть в стимулировании французской индустрии и в уничтожении внутрифранцузских пошлин и торговых барьеров, но зато сумел возвести мощные барьеры против английского и голландского импорта. С конца 1660-х годов англичане

все больше осознавали, что французские пошлины уничтожают рынки для английских производителей. Даже после смерти Кольбера французы использовали «любые искусные ходы, какие только могли найти... чтобы выстроить преграды и не пустить к себе английских производителей шерсти». Купцы Лондона и Эксетера, как и других мест, прекрасно знали, что французская политика разрушает их доходную торговлю новыми тканями на континенте⁹¹. Растущая мощь Франции и усиление ее дипломатического давления, без сомнения, постепенно выдавливали англичан с континентальных рынков.

Английская заморская торговля с колониями, защищаемая британским экономическим законодательством, обеспечивала производителям гарантированный рынок для их продукции. Потребление колониями английских товаров в конце XVII века было еще небольшим, но оно быстро росло. А растущие требования колоний означали, что Англии не стоит реорганизовывать свое производство.

Неспособность подстроиться под протекционистский мир в конце концов уничтожила голландское экономическое чудо. Несмотря на начальный успех Нидерландов в борьбе с французскими протекционистскими мерами, голландская экономика «была готова распасться, как только политика протекционизма была принята более широко». Нидерландские колонии, как и колонии Испании и Португалии, в отличие от колоний Англии экономически были сравнительно самодостаточными. Для голландских производителей не оказалось приемлемого выхода. Так англичане получили неожиданную выгоду от жесткой тарифной борьбы конца XVII века. Из-за растущих потребностей английских колоний трансатлантическая торговля оказалась даже выгодней торговли с Востоком. Последний поставлял в Европу дорогие специи и редкие ткани — но английские и европейские изделия требовались ему в очень ограниченном количестве. Развитие колоний в Вест-Индии и Северной Америке, как верно заметил один исследователь, обеспечило *«эксклюзивные рынки для английского промышленного производства, особенно когда внутриевропейская торговля находилась в депрессии, а конкуренция усиливалась»*⁹². Иностранная, и в особенности колониальная, торговля обеспечила толчок, который позволил английской экономике вырасти на фоне общеевропейского экономического кризиса. Трансатлантическая торговля дает

единственное убедительное объяснение отличию английской линии развития от общеевропейских тенденций XVII века.

* * *

Быстрое экономическое развитие Англии в конце XVII века неизбежно изменило политическую обстановку в стране. Англия стала совсем другой страной, нежели была веком ранее. Она создала новые производства, хвалилась новыми городами, обрела новых торговых партнеров, развила новую инфраструктуру и создала новые социальные институты. Все это породило новые политические возможности, новые ресурсы для государства и новую политическую бюрократию для управления этими новыми ресурсами.

Социальные и экономические перемены создали новый тип политической жизни. Маколей и те историки, которые почти целиком следовали в его кильватере, ошибочно решили, что, если английская экономическая трансформация была следствием революции 1688–1689 годов, нет нужды исследовать взаимоотношения между социально-экономической и политической историей, и сочли возможным благополучно разделить эти две сферы научного рассмотрения. Но это допущение больше нельзя поддерживать.

Неправомерность отделения социальной и экономической истории от истории политической наглядно подтверждается историческими фактами. Процент членов парламента, вовлеченных в торговлю, оставался неизменным со времени Елизаветы до конца XVII века и составлял примерно 10%. Парламент Якова II 1685 года, бесспорно, был «земельным парламентом» — большинство его членов были завязаны на землевладение и политику, которая «покровительствовала своим землям». Самуэль Пепис и Джон Хаутон жаловались, что джентри, приходя в торговлю, «руководствуются чаще вульгарными ошибками и фальшивыми поучениями, чем велениями собственных соображений»⁹³.

Эта очевидная преемственность, явно демонстрировавшая отсутствие у политической части нации интереса к торговле, на самом деле была преувеличенной. В начале 1680-х годов Джон Хаутон выпускал целое периодическое издание, посвященное торговле и промышленности, потому что *«торговля — это предмет, который не только занимает мысли и время обычного человека, но*

в последние годы особо сделался одной из главных забот самых крупных людей страны». Все большее число людей, имевших земельные поместья, проявляли интерес к коммерции. Герцог Букингем, например, всерьез занялся производством стекла в Лондоне. Граф Танет устроил текстильную фабрику в Эпплби. Сэр Джон Лаудер лично контролировал строительство процветающего порта в Уайтхэйвене и был сторонником государственной поддержки новых мануфактур. Сэр Дэниел Флеминг создавал свинцовые и медные шахты в своих владениях в Ланкашире и Уэстморленде. Граф Рочестер, обычно считающийся лишь исключительно защитником англиканской церкви, был «очень хорошо информирован о тонкостях коммерции, сделав ее принципиальной темой своих штудий».

И конечно же, самые крупные землевладельцы, Карл II и Яков II, стали наглядным примером коммерческих деяний. Карл II, всегда испытывавший «особый интерес к экспериментам, касающимся навигации», организовал штурманскую школу для мальчиков, чтобы способствовать «безопасности и развитию нашей торговли». «Огромным и чуть ли не единственным удовольствием, которое он испытывал, было плавание на кораблях и морское дело», — комментировал один близкий к Карлу II человек вскоре после смерти монарха. Яков II, как считал французский посланник по особым делам Бонрепо, особо интересовался финансовыми и коммерческими делами. Маркиз Эйлсбери, вероятно, знавший Якова II еще лучше, считал, что он приютил торговлю «в своем сердце». В 1660-х и в начале 1670-х годов именно благодаря Якову произошло оживление деятельности Королевской Африканской компании, в которую король вложил огромное количество времени и средств. После восшествия на престол Яков создал торговый комитет при Тайном Совете и организовал обсуждения по ряду коммерческих проектов⁹⁴.

Торговля все больше становилась предметом интереса для политизированной части нации. Карл II создал несколько парламентских и внепарламентских комитетов и советов, чтобы собирать факты и разрабатывать предложения относительно торговли. Королевское Общество создало «Георгиевский комитет» (Georgic Committee) для исследования аграрных вопросов и их отношений с торговлей. Современники были уверены, что торговля проникает в культуру многими путями. Ральф Торсби считал, что вырос-

шая важность торговли требует написания биографий, «которые касаются торгующей части нации и лиц, вовлеченных в бизнес». *«Хотя дотоле считалось нормальным пренебрежение к купцам и к женитьбе на дочери купца, — писал сэр Дэниел Флеминг из Ланкашира, — теперь граждане стали умнее и несколько джентльменов очень высокого положения стали купцами, сделавшись иска-телями приключений».* Сэр Френсис Брюстер отмечал, насколько лучше его современники понимают издания по коммерции, чем «наши предки». В последнее время, соглашался Джон Кэрри, многие члены парламента «влюбилились в торговлю и весьма печалются о том, насколько смутные представления о ней существуют в палате общин». Венецианский посланник, сам не чуждый культуре торговли, описал палату общин в 1670-х как заполненную «персонами, весьма грамотными в экономике и знакомыми с наилучшими путями получения быстрых денег от населения»⁹⁵.

Современники отлично знали, что английская политическая культура весьма разошлась с политической культурой континента. Ведущий купец Ньюкастла Амброз Барнс, который сам провел значительное время на континенте, заметил, что и в Дании, и в Швеции «торговля считается ниже достоинства джентльмена». Однако более всего заметен был контраст с Францией. Француз М. де Сен-Мари удивлялся той степени, до которой торговля проникла в английскую культуру. Англия в отличие от Франции была местом, где «король, лорды, джентльмены и буржуазия — все живут вместе». *«А во Франции, — прокомментировал Ги Мьеж из своей Лозанны, — если рожденный джентльменом обращается к торговле, он теряет свое благородство. Аристократизм здесь так сильно опирается на честь, что очень редко можно увидеть французского джентльмена, повернувшегося лицом к торговле»*⁹⁶.

Англичане конца XVII века хорошо видели социальные перемены, происходившие в государственной элите. Эти перемены шли поперек партийных линий и социальных слоев. Тори Джон Хаутон признавал, что «многие дети наших бедных крестьян стали купцами и состоятельными торговцами». *«Так как Англия является одной из самых торговых стран в Европе, — соглашался сочувствовавший вигам Ги Мьеж, — самое большое количество ее населения составляют торговцы или люди, которые живут куплей и продажей».* Большинство комментаторов считали, что если Англия стала нацией торговцев и владельцев магазинов, то положе-

ние политической власти изменилось. Джон Обри был уверен, что «равновесие в правительстве полностью сменилось и переместилось в руки выходцев из простонародья». Доктор Чарльз Олдуорт из несчастного колледжа Магдалены признавался в своем дневнике, что недавние простолюдины «благодаря торговле получили в свои руки богатства нации» и, таким образом, стали «под стать и королю, и лордам». Друг Якова II, лоялист сэр Эдвард Хейлз, указывал, что в результате «громадного роста торговли со времени Генриха VIII» англичане «достигли равенства в богатстве», а значит, и во власти. Сэр Генри Кэйпел заявлял в парламенте, что политическое доверие сосредоточилось там, где «находится большая часть собственности», и ему было ясно, что «собственность Англии находится у простого народа». Гораздо существеннее, что это было и заключением меморандума, широко циркулирующего при дворе Якова II в 1685 году. *«Торговля и коммерческие отношения заразили все королевство, и ни один человек не презирает теперь общения с торговцами или брака с их отпрысками, — заключает автор меморандума. — В результате изменился сам дух народа, и в конце концов в интересах короны сделать устои своей власти удобными для этой новой природы, возникшей среди нас».* Различные арифметические расчеты определенно доказывали, что «торговля сильно влияет на баланс богатства нации, то есть должна влиять и на власть, на пользу или во зло»⁹⁷.

Снова и снова англичане описывали себя в конце XVII века как торгующую нацию. «Торговля — истинный и свойственный интерес Британии, без которого она не может существовать», — писал один популярный памфлетист. «Англия, собственно, есть нация торговли, и она очень хорошо расположена к коммерции», — соглашался другой. «Вся программа нации, — полагал писатель и экономист Кэйрью Рейнелл, — это торговля». «Ошибкой было бы думать, — предупреждал сэр Джон Коттон, — что торговля не касается нашего бытия, только нашего благополучного бытия». «Торговля есть истинный и естественный интерес Англии», — афористично подытоживал Слингсби Бетелл. По его мнению, так случилось потому, что «от торговли не только растет богатство подданных, сплавливая нацию воедино, но также увеличивается ежегодный доход, то есть усиливается власть и мощь монарха». В этом, как и в нескольких других моментах, Бетелл соглашался с гражданским юристом, тори Чарльзом Моллоем.

В Англии, соглашался с ним Моллой, «навигация и коммерция никогда не были... в большем почете, нежели сейчас»⁹⁸.

В 1685 году Англия стала радикально другим местом, чем была в 1600-м. Она стала более городской, более торговой, более индустриальной и более процветающей. Стали значительно лучше пути сообщения — как по морю, так и на суше. Англия сильно развила внутренний рынок с отдельными региональными особенностями. Страхование сделало торговлю менее рискованной, а почта позволила легче организовывать ее. Кофейня обеспечила новое место встреч, где можно было вести общение ради бизнеса. Но вероятно, еще важнее было то, что Англия отошла от общеевропейского экономического стандарта. Хотя ее население в конце XVII века практически не росло, экономика страны оставалась динамичной, в то время как остальная Европа в основном переживала стагнацию. «В торговле и мореплавании, — метко заметил один комментатор, — никакие люди не могут сравниться с [англичанами], кроме голландцев»⁹⁹. Англия действительно в своей модернизации следовала по голландскому экономическому пути. Как и в Голландии, зарубежная торговля обеспечивала здесь стимулы и для английской экономической модернизации.

Англичане хорошо понимали, что трансформация их общества и экономики требует новой политики. И Яков II, и его критики были зачарованы торговлей. Они были убеждены, что политическое будущее Англии — это коммерческое общество. Томас Бабингтон Маколей понимал, что невозможно описать политику Англии, не ухватив сначала ее социальную ситуацию. Так как Маколей считал, будто английское общество XVII века разделяет некоторые черты Англии его дней, он заключил, что английская политика во время правления Якова II была какой угодно, только не современной.

В этой оценке Маколей капитально ошибался. По большинству оценок Англия, на трон которой в феврале 1685 года воссел Яков II, была модернизирующимся коммерческим обществом. В конце XVII века англичане стали людьми, в жизни которых пресса, торговля и иностранные дела играли такую же роль, как религия или полемика о законах или о конституции. Лишь осознав этот факт и только путем расширения политической базы исследования, мы можем надеяться понять революцию, которая имела место в 1688 году.

Глава четвертая

Английская политика времен коронации Якова II

Несмотря на преждевременные отчеты о его выздоровлении после сильного инсульта, утром 6 февраля 1685 года король Карл II «испустил дух». Вскоре вся Англия была охвачена неконтролируемым горем. Герцог Ньюкастл «настолько заболел от горя», что «едва мог выходить из [своих] покоев». Новость о смерти короля «выбила слезы» даже у Колли Киббера, который в 1688 году примет участие в действиях против Якова II. «Да что же это за мир! Чего стоит вся его слава! — воскликнул ценитель искусства Джон Эвелин, услышав о смерти короля. — Я не могу говорить об этом, не расстраиваясь». «Теперь вся нация в печали из-за смерти нашего любимого короля Карла», — заявил лондонский купец Генри Хантер одному из своих торговых партнеров.

Выражение лондонцами национального чувства не сильно отличалось от общего. Джон Коттон, клирик из Линкольншира, вспоминал, что, когда новость о смерти Карла II разошлась по стране, *«мы все казались полумертвыми и стояли, уставившись друг на друга, как помешанные: все глаза готовы были пустить слезу и каждое сердце издать вздох. Я думаю, что могу искренне сказать это — никогда в Англии так всеобщее и так сердечно не оплакивали короля»*¹.

Без сомнения, оплакивание смерти Карла II имело ряд причин. Одних привлекала общительная и неформальная манера поведения Карла II. Его недавняя решительная поддержка англиканской церкви и прав его брата герцога Йоркского привлекли симпатии других. Но вероятно, более чем что-то еще двадцатипятилетнее

правление Карла символизировало политическую и социальную стабильность после бурных 1640-х и 1650-х годов.

Младший брат Карла, Яков, по контрасту с ним был совершенно иной фигурой. После своего примирения с римской католической церковью Яков стал фокусом интенсивного политического внимания. Его хорошо известный темперамент абсолютиста пугал многих. Политическая партия вигов сплотилась в конце 1670-х в неудачной кампании с целью лишить Якова трона. В то время как виги надеялись на парламент, акт по наследованию престола был быстро проведен ловкими политическими действиями их противников-тори, а политический престиж вигов покачнулся из-за провалившегося плана убить Карла II и Якова возле Рай-Хауса* весной 1683 года. Но никто не мог быть уверен, как англичане воспримут Якова II. Граф Берлингтон показательно рекомендовал лорду Фэйрфаксу *«особо заботиться о предотвращении всех беспорядков или нарушений, которые могут произойти из-за любых ложных сообщений или мятежных действий по этому поводу»*². Слезы, которые появились при известии о смерти короля, были в такой же мере слезами беспокойства, как и слезами скорби.

Тем не менее момент тревоги оказался быстротечным. Огромное большинство политической нации приветствовало восшествие на престол Якова II в феврале 1685 года, хотя тем летом на западе Англии некоторое количество людей присоединилось к вооруженному мятежу под предводительством харизматического противника Якова, графа Монмута, действительного сына Карла II. Почему так многие в Англии с энтузиазмом приветствовали Якова в 1685 году? Почему Яков смог так быстро подавить восстание своего племянника?

Ответ может поведать нам многое о природе английской политической культуры в конце XVII века и в конечном счете — о причине революции 1688–1689 годов. Эти вопросы дают возможность тщательного исследования тех версий английской политической культуры, которые лежали в основе интерпретации

* Рай-Хаус (то есть Ржаная биржа) — ферма недалеко от Ньюмаркета, рядом с которой заговорщики-виги (в числе участников этого заговора были и Монмут с Аргайлом) планировали организовать нападение на кортеж короля. Этот заговор обычно носит название Заговора Ржаной биржи или Амбарного заговора. (Прим. ред.)

революции истеблишментом вигов как фундаментально консервативного события.

Ныне многие ученые настаивают, что английский народ замечил католика Якова II на протестантов Вильгельма и Марию по непреодолимым религиозным причинам — подразумевая, что религия Якова с самого начала предопределяла стиль его правления. Согласно Уильяму Спеку, автору научной монографии, написанной к трехсотлетней годовщине революции, «не столь абсолютизм Якова II... сколь его католицизм отвратил от него подданных». «Религия, — заключает Спек, — лежала, таким образом, в сердце Революции». *«Внутренние проблемы Англии сконцентрировались в религиозной поляризации, которая разделила всю Европу в начале Нового времени: в противостоянии между силами реформации и контрреформации, — доказывал Джонатан Скотт. — Все основные кризисы Британии этого века — три кризиса папства и капризного правительства 1637–1642, 1678–1683 и 1687–1690 годов — произошли в основном на почве религии. Именно религии, не политики или экономики, касалось то, что подвигло англичан XVII века отступить от традиционной политической лояльности и запачкаться в крови друг друга».*

Специалист по политической культуре XVIII века Джонатан Кларк приходит к такому же заключению: «Сквозь все превратности английской политики с 1530-х до 1830-х годов и далее самой стойкой темой народного отношения и идеологических толкований был антикатолицизм. Народный политический словарь выражался в основном в делении на папистов и антипапистов. Апофеозом этой традиции в Англии стала Славная революция»³.

Вторая группа ученых вместо принятия за основу факта, что англичане **в целом** всегда были едины против католика Якова, считает ключевой роль, сыгранную маленькой группой вигов, оппонентов Якова II. Эти историки выдвигают на первый план то, что они называют героической и в конечном счете триумфальной «радикальной» традицией. То, что определял этот радикализм с их точки зрения, не содержало новых идеологических идей — оппозиционные виги не являлись современными революционерами. Нет, оно было лишь стремлением использовать имеющийся ресурс для продвижения своих религиозных идей. Мелинда Зук определяет радикалов как тех, кто хочет «использовать и оправдать жестокость для достижения своих конечных целей».

Этой конечной целью «между 1679 и 1685 годами» было «скинуть католика с трона».

Когда Зук определяет территорию радикализма как политическую, она поясняет, что «для английского сознания католицизм и абсолютизм были неразличимы». По Ричарду Гривзу никакой вопрос не вызывал большего беспокойства в британской политике в период 1673–1688 годов, чем католицизм Якова. «Религиозные темы, — заключает Гривз, — были основой радикального мотива»⁴. С этой точки зрения виги прибегли к радикальной практике, чтобы защититься от наступающей консервативной идеологии.

Там, где первая группа ученых сделала ударение на английском политическом единодушии, эта вторая традиция делает упор на триумфе сторонников вигов в 1688 году. Революция 1688–1689 годов была победой вигов, потому что они являлись единственной политической группой в Англии, которая хотела и могла действовать, защищая свои принципы. Мелинда Зук предполагает, что *«Кризис Отстранения, заговор Ржаной биржи [1683 года] и революция 1688 года — эпизоды, которые многие историки часто рассматривают отдельно, — были [для вигов] частями одной долгой борьбы, в ходе которой многие их собратья потеряли свои жизни»*. Немедленно после смерти Карла II, по мнению Зук, скомпрометированные виги «обратили свое внимание и надежды на незаконного сына Карла, герцога Монмута». Неудача мятежа 1685 года стала прологом триумфа вигов в 1688 году.

Ричард Гривз, автор скучной трилогии, исследующий радикальный андеграунд от реставрации 1660 года до революции 1688–1689 годов, приходит к тому же заключению. *«Революция 1688–1689 годов, — утверждает он, — воплотила многие надежды радикалов, и в этом смысле Монмут, Аргайл и их товарищи подготовили путь для Вильгельма, хотя бы сердцевина их программы стала ядром политической нации»*⁵. Эта вторая группа доказывает, что маленькая группа вигов, которая не допустила Якова до трона в 1679–1681 годах, а затем не смогла отстранить его в 1685 году, наконец-то преуспела в изгнании Якова в 1688 году, потому что в отличие от других религиозно-мотивированных англичан они решились прибегнуть к жестокости для достижения своих целей. Виги сделали революцию 1688–1689 годов не потому, что они имели радикальные политические стремления, а потому, что они

смогли использовать радикальные политические средства для достижения консервативных целей.

Трудно уловимое различие между этими двумя традиционными версиями не должно обманывать нас в оценке природы английской политической культуры. Обе группы историков утверждают, что оппозиция Якову в основном имела религиозную природу. Обе группы отрицают, что революционеры имели какие-либо политические или социальные цели. К тому же обе школы описывают 1688–1689 годы как консервативную революцию, революцию по защите протестантизма от католического короля. Английские мужчины и женщины в конечном счете перестали поддерживать своего короля из-за его обязательств перед Римско-католической церковью. Англичане в 1688–1689 годах боролись против католицизма, так же как их предки сражались против католической Армады Филиппа II в 1588 году и по тем же причинам, по которым их возмутил «Пороховой заговор» 1605 года. Они восстали против политики внедрения католицизма Карлом I — и точно так же попытались предотвратить наследование трона Яковом в 1678–1681 годах. С этой точки зрения, революция была основана не на новых принципах, события 1688–1689 годов были всего лишь возвратом к привычному протестантизму после экспериментов католического монарха.

Однако внимательное рассмотрение первых месяцев правления Якова II показывает, как такая интерпретация английской политической культуры трещит по швам. Парламентские выборы 1685 года, ставшие первым ответом англичан на коронацию Якова II, еще далеким от демонстрации религиозных предпочтений, вкупе с провалом мятежа герцога Монмута летом 1685 года, открывают глубину поддержки католического монарха при его восшествии на престол. Нет сомнений, что частично эта поддержка Якова II отражала рост популярности тори после неумелой попытки вигов убить Карла II и его брата Якова возле Рай-Хауса в 1683 году.

Как объяснял Томас Бабингтон Маколей, в значительной мере эта поддержка была вызвана тонкостями оценки ситуации, когда англичанам пришлось выбирать, от чего они теряют больше — от режима протестантских религиозных экстремистов или от католического правителя, который обещал защиту религии и свобод англичан. Не только жесткие, но и умеренные тори, и да-

же умеренные политики вигов поддерживали Якова II в 1685 году. Лишь некоторые английские политические радикалы присоединились к религиозному выступлению герцога Монмута. Подобно тому как англичане в конце XVII века радикально трансформировали свое социальное и экономическое окружение, так же они поменяли и свои политические позиции. Религия оставалась важным элементом английской политической жизни, но она перестала в ней доминировать. К 1685 году англичане начали руководствоваться соображениями, стоявшими выше личных политических убеждений⁶.

* * *

Англичане приветствовали Якова II на троне открытым сердцем и восторженными тостами, а вовсе не антикатолическими заявлениями. «Божий ковчег не был потрясен, он был лишь сильно напуган смертью нашего последнего милостивого господина Карла Второго, но остался устойчивым без малейшего волнения, — вспоминал на следующий год декан Рипен-холла* Томас Картрайт. — Никакого плача в городах, никаких жалоб на улицах, никаких слез, лишь любовь и лояльность». Молодой пресвитерианин Эдмунд Калами соглашался, что знаки одобрения по восшествии на престол Якова II «были всеобщими». «По всей Англии провозглашение короля прошло под бурные, всеобщие аплодисменты», — восторгался граф Берлингтон. «Его величество начинает свое правление под знаки шумного одобрения со всех сторон», — подтверждал сэр Роберт Саутвелл, который в 1688 году проявит уже значительно меньше энтузиазма по поводу Якова. «Каждый человек верит, что он принимает к сердцу славу нации: что он накажет наглость порока и на собственном примере создаст репутацию морали; что он встанет во главе всех дел и будет в высшей степени экономным при каждой трате; что он будет мягким и общительным с теми, кто проявляет послушание, и грозным с теми, кто непослушен. В этих надеждах, кажется, сходятся все»⁷.

Реляции со всей Англии и Уэльса подтверждали впечатление широкой поддержки нового католического короля. В Лондоне коронацию приветствовали «громовыми радостными возгласами». В Йорке новость вызвала «громкие, многократные выкрики горожан», которые провели «остаток дня и часть ночи... звоня в коло-

* Духовная академия в Оксфорде. (Прим. авт.)

кола, разводя костры, и в других проявлениях величайшего удовлетворения». Сэр Роберт Саутвелл сообщал, что «в Бристоле и во всех других местах» — которые вскоре станут углями в костре мятежа герцога Монмута и испытают все его последствия, — «его величество был провозглашен с торжественностью и радостью, какие только можно пожелать».

Даже в Лайм-Регис, где в июне 1685 года герцог Монмут высадился, чтобы начать мятеж против Якова, «раздавались бесконечные восклицания восторга». «Огромные массы демонстрировали свою радость» в Дареме, в то время как в Ньюкастле «удовлетворение проявлялось в спокойствии каждого человека». «Дружные возгласы людей», звон колоколов и торжественные костры отмечали провозглашение Якова II в Рединге, Колчестере и Винчестере. Сэр Джон Лаутер, который позднее стал государственным секретарем Вильгельма III, с энтузиазмом приветствовал коронацию нового короля в Эпплби в Уэстморленде. «Ни одно графство в Англии не смогло провозгласить [Якова II] с большим единодушием и радостью и выразить более полно решительность служить ему всей своей жизнью и судьбой», — хвастал шериф Нортумберленда.

В Мидлендсе испытывали не меньший энтузиазм и отнюдь не были напуганы при восшествии Якова II. Прошли пышные празднества в Бостоне (Линкольншир), в то время как в Стэмфорде выказывалось «всеобщее удовлетворение». Локборо, считал сэр Генри Бомон, «превзошел всех в своем рвении при провозглашении короля». «Сколь единодушное и радостное одобрение и дружная решимость» служить новому королю, Бенджамен Кенфилд ощутил в Лестере⁸.

Два университета Англии, которые в итоге оказались проблемными для Якова II, в феврале 1685 года увлеклись демонстрацией лояльности. В Оксфорде в честь провозглашения Якова II королем были организованы бурные празднования. В Ратуше подавали пиво, «чтобы напоить всех приходящих». Бочки были до краев наполнены кларетом. Во всех *«дворах и перед воротами колледжа горели костры, где достойные члены общества коленопреклоненно выпивали за здоровье короля Якова II, его королевы, принцессы Оранской и принцессы Датской, оставив в итоге завершение этой церемонии молодежи, с вином и пивом, позволив стрелять из ружей и шутить»*. В Кембридже состоялся «общественный праздник со

звоном колоколов в течение всего дня. Все закончилось ночью кострами в нескольких колледжах и другими рьяными проявлениями любви и лояльности к его священному величеству». Оба университета подарили Якову II замечательные книги поэзии, предсказывая великие достижения во время его правления. Оксфордская книга включала стихи Кристофера Уэйса, который позднее с энтузиазмом поддерживал Вильгельма III, Ричарда Райта из колледжа Магдалены, который примет участие в праздновании окончания борьбы против Якова, а также Филиппа Берти, который поддерживает принца Оранского в ноябре 1688 года. Том, изданный в Кембридже, включал работы будущего вига, поэта и дипломата Мэтью Приора, долго служившего Вильгельму другого дипломата, Джорджа Степни, а также Чарльза Монтегю, который сыграет ведущую роль при создании Английского банка⁹.

Не может быть сомнений, что большинство людей в Англии, Уэльсе и колониях приветствовали приход на трон короля-католика Якова II. Однако он определенно не испытывал радости от всеобщей поддержки. Ведь в трех последующих составах палаты общин большинство поддерживало отказ Якову в троне. Джон Уайтинг, квакер из Вест-Кантри, вспоминал, что в феврале 1685 года «многие испытывали ужасные предчувствия того, что последует далее». «Мрачные перспективы папизма» пугали Ральфа Торсби, конформиста из Западного Йоркшира, который праздновал свою свадьбу, когда Яков II взойшел на трон. Эдмунд Калами, который находился в Лондоне во время смерти Карла II, считал, что многие «испытывали опасения относительно того, чего можно ожидать от короля-католика». В Ланкастере Уильям Стаут был уверен, что «трезвый, сознательный и наблюдательный народ всех протестантских вероисповеданий» разделял его предчувствия по поводу католика Якова II. Раз Яков публично начал посещать мессу в Уайтхолле, беспокойство по поводу католицизма озвучивалось «значительными личностями и из тори, и из вигов» в кофейнях страны.

Тем не менее эти тревоги о католицизме короля проявлялись относительно редко и, вероятно, были значительно усилены при ретроспективном рассмотрении. Сэр Джон Лаутер, едва ли большой сторонник короля, признавал, что хотя те, кто «был рьяно предан своей религии» и «боязлив по природе», действительно питали некоторые страхи из-за религиозных предпочтений коро-

ля, «все-таки гораздо большее число людей не имело таких предчувствий»¹⁰.

Те, кто испытывал страхи, были успокоены действиями короля по восшествии на престол. Как только Карл II умер, новый король «отправился в Тайный Совет и еще до вступления в какие-либо дела» произнес страстную и политически удачную речь.

«Мне сообщили, что я считаюсь человеком, склонным к деспотической власти, — признал Яков II. — Но я буду стремиться сохранить правление и в церкви, и в государстве таким, каково оно сейчас, согласно установленным законам. Я знаю, что принципы англиканской церкви приемлемы для монархии, и ее члены выказали себя добрыми и лояльными подданными, поэтому я всегда буду заботиться о ее защите и поддержке. Я также знаю, что законы Англии достаточно хороши, чтобы сделать короля столь великим монархом, каким я могу только желать быть. Я никогда не отойду от справедливых прав и прерогатив короны, и я никогда не захвачу чью-либо собственность»¹¹.

Яков не мог сделать более успокаивающего заявления. А то, что он произнес эту речь импровизированно, придя прямо от тела своего умершего брата, сделало ее еще более острой и сильной.

Заявление Якова II Тайному Совету, которое немедленно было напечатано в официальной газете и прочитано в каждом городе и деревне, произвело немедленное и решительное воздействие на английское общественное мнение. Доверие народа в столице было почти сразу восстановлено. *«Эта любезная речь, — сообщил цензор прессы Уайтхолла Джеймс Фрейзер сэру Роберту Саутвеллу, — уже в значительной мере исцелила раны из-за смерти последнего короля, нанесенные умам многих людей, которые необычайно рады, что страхи из-за такой внезапной перемены исчезли».* Граф Берлингтон считал, что декларация «в итоге принесла удовлетворение всем, кто слышал ее». *«Высказывания его величества о великой заботе и нежности к людям оказали столь глубокое воздействие, что подозрения даже самых боязливых немедленно исчезли»*, — вспоминал ректор колледжа Святого Андрея Роберт Грейв. Яков II *«дал такие заверения о безопасности нашей религии и собственности, — сообщал обосновавшийся в Лондоне вестиндский купец Кристофер Джефферсон, — что весь страх и рев-*

ность ушли, мы надеемся на счастливое и процветающее правительствo». Один лондонский ученый муж был даже уверен, что декларация короля в Совете превратит «вигов и оппортунистов» в «верноподданных»¹².

Политические наблюдатели по всей стране были освобождены от сообщения этой информации, так как новость о декларации Якова II была объявлена в каждом городе и в каждой деревне. Из Уорминстера в Уилтшире сэр Генри Кокер сообщал, что королевские *«благородные и любезные слова о поддержании законов и религии лордам своего Совета, которые приняли их действительно с бурной радостью и оживили дух каждого настолько, что они кричали: „Боже, храни короля Якова II!”»*. После прочтения декларации Якова II и рассылки его по рыночным площадям всего Уорвикшира сэр Эндрю Хакет обнаружил, что *«она вызвала глубокое удовлетворение среди народа и сильно укрепила любовь к его величеству»*. В Йорке и по всему Йоркширу королевское *«обещание сохранять свободы, собственность и религию своих подданных так, как они обеспечивались нынешним законом... произвело немалое впечатление на людей всех уровней, и вскоре оно было уже на устах у каждого, повторяясь с такими громкими восклицаниями, которые, нужно признать, не превосходились никогда и ни при каких других событиях»*. Действительно, сэр Уильям Трамбалл заметил, что *«все людские сердца были тронуты радостью, посчитав себя в достаточной безопасности благодаря королевскому слову»*. Поэт Джон Бэйбер верно ухватил народное настроение, созданное широко опубликованной речью Якова II, когда написал в стихотворении, что *«Его декларация видится / Златыми буквами начертанной»*¹³.

Вскоре англичане по всей стране стали в письменной форме выражать свое отношение к декларации нового короля о защите религии и свобод, установленной законом. «Бесчисленные адреса» благодарности прибывали «со всех частей его королевств», «от всех графств, корпораций и обществ всех доминионов короля». Эти адреса не только выражали согласие тысяч англичан не замечать католицизма короля и принимать его как своего законного и легитимного монарха; адреса также подчеркивали роль, которую сыграла речь короля в Совете, успокоив их страхи. При этом лишь очень немногие адреса, как адрес Оксфордского университета, утверждали, что «никакие соображения не смогут по-

трясти стойкую лояльность и преданность», испытываемые к королю. Огромное большинство адресов этого не делало¹⁴. Адреса показывают англичан не только людьми, способными преодолеть традиционные антикатолические предубеждения, но и людьми, преданными своим свободам и религии, данным законом. Ни неистовый антикатолицизм, ни восторженный абсолютизм не определяли английскую политическую культуру при воцарении Якова II.

Большой Лондон, который столь недавно был сценой крайнего, исключительного радикализма вигов, прислал впечатляющее количество адресов, и все они отмечали важность декларации, сделанной новым королем. Епископ и духовник Лондона, который окажет такое большое влияние при повороте общественного мнения против Якова II в грядущие годы, поблагодарил своего нового монарха *«за то, что сделал таким легким и приятным исполнение нашего долга своим любезным заверением о защите нашей религии, установленной законом, которая для нас дороже наших жизней»*. Свободные корабельные мастера Лондона выразили свое «бесконечное удовлетворение» за обещание короля защищать «права как церкви, так и государства по установленному теперешнему закону». Для обитателей Вестминстера декларация Якова II выразила то, «в чем ни один честный человек даже не сомневается»¹⁵.

Мелкие городишки и муниципалитеты по всей стране вскоре уже повторяли лондонские адреса с собственными подтверждениями и неизменными замечаниями, что они отмечают важность обещаний Якова II защищать законы и англиканскую церковь. Муниципалитет Кентербери поблагодарил Якова за его «королевское слово», которое, муниципалитет уверен в этом, убедит его «врагов в их недомыслии и несправедливости», а также добавит «счастья всем тем, кто ценит Ваши огромные достоинства». «Любезная декларация» дала «нам новую жизнь», — утверждал город Чичестер в Сассексе. *«Хотя ваше величество по праву многовекового наследования имеет несомненное право на корону этого королевства, — заявили члены муниципалитета маленького городка в Уорвике, — все-таки именно своей любезной декларацией ваше величество вновь короновало себя в сердцах своих лояльных подданных»*. Другие места, такие как Портсмут, Херефорд, Уэстбери в Уилтшире и Бракли в Нортхэмптоншире, выразили такие же чувства. Город Ноттингем, который в ноябре 1688 года станет ме-

стом одного из самых известных и привлекавших наибольшее внимание выступлений в поддержку принца Оранского, также прислал адрес Якову II, чтобы поблагодарить его за «последнюю любезную декларацию»¹⁶.

Графства также были полны энтузиазма в своей поддержке короля и его декларации в защиту законов и церкви. Подтверждение того, что жители Девона поверили декларации короля, «слово которого ему было дороже собственной жизни», было все-таки отравлено тем, что этот адрес был отправлен вигом сэром Джоном Ролле. После декларации короля в защиту «наших жизней, свобод и религии» люди Хертфордшира не могли испытывать «ничего, кроме опасений, которые возникают из-за бесконечной ценности персоны вашего величества». Декларация Якова II стала тем, на чем жители Беркшира могли «строить [свое] доверие, как на скале». Декларация дала сердцам жителей Сассекса «прекрасный покой», в то время как большое жюри Эссекса считало, что она «обязательно заставит самых худших людей раскаяться в их прошлых ошибках и вынудит их удвоить старания в исполнении своих обязанностей в будущем»¹⁷.

Уэльс приветствовал обещания Якова II по защите законов и церкви с таким же энтузиазмом. Джентри Карнарвона сообщали Якову, что они «уже испытали счастье от уверенности, которую ваша последняя декларация вписала в сердца ваших подданных». Жители Англии пришли в восторг от того, что королевское «решение поддержать настоящее правительство по закону, установленному и в церкви, и в государстве... делает нас самыми счастливыми подданными в мире». *«Счастливые плоды этого бесценного благословения, которое мы находим в вашей любезнейшей декларации, должны наполнять сердца ваших людей радостью и восхищением, — заявляло послание из Кармартена, — но среди всех ваших подданных нет других таких, в ком действие благосклонности и доброты может вызвать более глубокий отзыв... чем они вызвали в нас»*¹⁸.

Хотя католицизм Якова II при восшествии на престол первоначально вызывал некоторую тревогу, она у английского населения была ограниченной. Большинство в Англии, включая многих из тех, кто имел опасения по поводу короля-католика, были в основном успокоены обещанием Якова править в законных рамках, уважая интересы церкви и государства. Более того, внимательное

прочтение огромной массы адресов, которые хлынули со всей страны вскоре после того, как Яков стал королем, показывает, что Якова чествовали с таким энтузиазмом именно потому, что англичане считали: он будет править как английский монарх, скованный законом.

Опыт предыдущих полутора веков явно убавил религиозные предубеждения англичан и в то же время обострил внимание к исполнению законов в церкви и в государстве. Ко времени восшествия Якова II партийная принадлежность играла лишь ограниченную роль в формировании английской политической культуры. В 1685 году Якова II приветствовали с таким энтузиазмом, так как большинство людей считало, что риск, вызванный отстранением от трона законного наследника, несет гораздо больше опасностей, чем допущение его до власти.

* * *

Яков II не только пообещал защищать английскую церковь и государство при помощи законов, существовавших при его воцарении — он также немедленно издал предписание для парламента собраться в апреле. Это объявление подкрепило его обязательство править по закону. Оно также создало возможность проверить общественное мнение. Если бы антикатолические настроения доминировали в английской политической культуре, это естественно проявилось бы в выборных кампаниях, имевших место по всей Англии и Уэльсу.

Еще до того, как был погребен Карл II, новый король и его советники начали подготовку к парламентским выборам. Граф Сандерленд поспешил оказать давление на всех сторонников короля, чтобы они повлияли на местное население. Он побуждал каждого *«воспользоваться своими возможностями, чтобы выбрать такого человека, который будет действовать в поддержку и во славу короны и мира, спокойствия и благополучия народа»*. Это означало поддержку кандидатов, которые *«будут скорее залечивать, чем пробивать брешь между королем и его подданными, чего нельзя ожидать от тех, кто открыто заявлял протест против наследования короны по законной линии или с нечистым сердцем заявлял о защите такого наследования»*¹⁹. Яков II очень хотел, чтобы в парламент не попали виги, которые уже пытались отстранить его от наследования трона.

Организационные усилия короны были встречены с великим энтузиазмом. Граф Плимут лоббировал среди выборщиков Халла, «чтобы противостоять выбору любого, кто был бы за билль об отстранении». Граф Ньюкастл, который находился в такой депрессии после сообщения о смерти Карла II, что не покидал дома, пообещал «принять в этом графстве все меры, какие только возможны, чтобы хороший человек мог быть выбран для работы в следующем парламенте». Хенидж Финч, граф Уинчелси, которого Яков позднее уволил с должности генерал-губернатора Кента, заверил, что «сделает все возможное, чтобы в собирающийся парламент были выбраны хорошие члены». Граф Дерби, который в 1688 году связал свой жребий с революционерами, заявил, что он проедет всю страну, пытаясь провести «сколько сможет выборов и заботясь, чтобы не избирали никого другого, лишь только людей, известных своей лояльностью». Многие из представителей знати и благородных лиц по всей стране выражали подобные же чувства²⁰. «Я делаю, что могу, чтобы обеспечить избрание лояльных и подходящих персон для работы в парламенте», — сообщал Чарльз Поулер, маркиз Винчестера, чей сын позднее присоединился к принцу Оранскому в Нидерландах.

Духовные лица были равно активны в этой придворной компании. «Я просто изнуряю себя трудом с тех пор, как отправился по стране, стараясь отобрать людей для парламента», — признавался епископ Чичестера Джон Лейк (который позднее станет известен как один из семи епископов, осужденных Яковом II за неисполнение его приказов) своему митрополиту Уильяму Санкрофту²¹.

Несмотря на организационные усилия правительства, некоторое количество бывших вигов все-таки решило избираться. «Мой лорд Брендон употребляет большие старания, чтобы быть избранным в Ланкастере, где община очень расколота», — сообщал один сплетник из Уайтхолла сэру Ричарду Балстроду. Джордж Джеффрис, никогда не отличавшийся выдержанностью*, возмущался тем, что сэр Роберт Хилл, «ужасный виг», проводит активную кампанию в Букингемшире. В Гарвиче «противная партия» была замечена в проявлении «большого интереса». Мэр Чичестера беспо-

* Этот не слишком приятный исторический персонаж знаком ответственному читателю в первую очередь как судья Джеффрис из «Одиссеи капитана Блада». (Прим. ред.)

коился, что местный «ложный дух» может «способствовать избранию старых мятежных деятелей». Таким же образом Томас Пенн, мэр Бриджуотера, перепугался, что «ярые фанатики» организуют «большие приготовления в пользу своей партии»²².

Пока эту активность вигов можно было интерпретировать как свидетельство глубокого антикатолического предубеждения, но в риторике действительно оппозиционно настроенных вигов не использовалась воспламеняющая религиозная риторика. *«Сторонники отстранения везде очень заняты, делая вид, что стыдятся своих поступков в последних парламентах и поэтому хотят попасть в этот, чтобы иметь возможность засвидетельствовать королю и миру свое раскаяние»*, — заметил сэр Чарльз Холт из Уорвикшира. Виг сэр Эдвард Эбни, который имел поддержку «плохой партии» и «не считался лояльной персоной», горячо отрицал перед графом Хантингдоном, что он испытывает «чувство нелояльности или фанатичные принципы». Таким же образом сэр Ричард Ньюдигейт, бывший членом Оксфордского парламента 1681 года, уверял графа Сандерленда, что он «ревностно старался уговорить людей стать преданными нашему настоящему королю (которого молю бога хранить)»; он даже зашел настолько далеко, что отказал арендатору, который выражал прономмутовские симпатии²³. Понятно, что эти виги, агитировавшие за парламент в 1685 году, делали это не на платформе антикатолицизма.

Как оказалось, выборы вернули подавляющее большинство в парламенте тори и давним сторонникам нового короля. В Бедфордшире позиции вига Рассела были решительно разгромлены, продемонстрировав, по словам тори лорда Брюса, что «глаза нации широко открыты». В Дербишире «лучшие джентльмены графства (помимо прочих свободных землевладельцев)» «сердечно согласились» вернуть в парламент тори сэра Роберта Кока и сэра Гилберта Кларка. И в Эссексе виги тоже нашли «мало возможностей для себя». «Все графство восстало против [вига] сэра Скрупа Хоува», — сообщил Джон Меллингтон маркизу Галифаксу. В день выборов группа людей, руководимая лордом Лексингтоном, принесла на рынок Ньюарка длинный шест, «на конце которого находился черный ящик и огромный кусок пергамента в виде флага, где крупными буквами было написано: „Нет черному ящику, нет биллю об отстранении, нет ассоциации“». Выборы в Лестершире оказались «фатальными для фанатиков и их креатур»,

которые испытали «полный разгром». «Фанатики и оппортунисты» были разбиты в Корнуолле, хвастал граф Бата, и вместо прежних членов парламента отсюда в Лондон были направлены «люди, целиком преданные службе его величеству». В Лондоне список кандидатов из радикальных вигов 1681 года был заменен *«сэрм Джоном Муром, сэрм Уильямом Притчардом, сэрм Сэмюелем Дэшвудом и сэрм Питером Ричем, все эти джентльмены явно выказали свою лояльность в последнее время испытаний»*²⁴.

Современники были убеждены, что выборы 1685 года представляли собой убедительную победу тори, Якова II и его правительства. Новый лорд-казначей Якова II, граф Рочестер, хвалился принцу Оранскому, что *«выборы парламентариев настолько благополучны, что есть все основания верить, что между королем и ними произойдет самая счастливая встреча, и это наилучший вариант из всего, что могло произойти для тех и других»*. Сэр Ричард Балстрод слышал, что «лояльные и хорошие люди... выбраны повсюду». «Мы не услышим и о трех плохим людях, которые выбраны», — радостно сообщил Эдвард Деринг сэру Джону Персивалю. Известный в Ост-Индии и Африке купец и видный тори сэр Бенджамин Батерст считал «почти всех избранных членов вполне лояльными и хорошими людьми». «Радость и внутри, и вне» английского народа по поводу воцарения Якова II, вспоминал лорд Эйлсбери, подтверждалась «великим и мудрым выбором, который королевство сделало при выборах в парламент, начавшихся в апреле 1685 года»²⁵.

Хотя усилия Карла II по урезанию городских прав гарантировали, что многие города будут избирать кандидатов, подходящих для правительства, есть четкие свидетельства, что общественное мнение политической части нации твердо стояло за нового короля. Анализ выборов в графствах, где Карл и Яков были бессильны изменить характер голосования, показывает знаменательный поворот в настроениях выборщиков²⁶. Потенциальный электорат в английских графствах составлял примерно 140 000 голосов. На последних выборах в эпоху правления Карла II, выборах 1681 года в Оксфордский парламент, графства избрали 65 вигов, 13 тори и двух умеренных. К 1685 году, несмотря на умеренность риторики вигов по всей стране, симпатии народа резко переменялись. На этих выборах английские графства выбрали лишь 7 вигов, 70 тори, двух умеренных и одного члена парламента, политическую пози-

цию которого невозможно определить из-за недостатка свидетельств. После этих выборов трудно поверить, что тревоги относительно католицизма нового короля определяли поведение англичан при голосовании. Сомнительно, чтобы антикатолицизм все еще доминировал в английской политической культуре.

В то время как эти выборы обеспечили радикальный поворот в политической позиции по отношению к Якову, рост поддержки королю оставался ограниченным и обуславливался прагматическими причинами. Близкое рассмотрение сохранившихся свидетельств дает основания предполагать, что англичан уговорили, будто Якову II можно верить в том, что он будет защищать конституцию в вопросах церковной независимости и государственной власти. Английский политический истеблишмент не повернулся от восторженных вигов к яростному торизму. Вместо этого политическая теплица кризиса отстранения и сами последствия этого кризиса заставили английскую политическую нацию настоятельно относиться к дестабилизирующим акциям вигов. В 1685 году англичане почувствовали, что поддержка приверженца конституции Якова II дает лучшую гарантию политической стабильности²⁷.

Существовала убедительная причина верить, что неприятие электоратом радикальных сторонников отстранения не означает поддержки идеи королевского абсолютизма. Многие тори, прошедшие в парламент от графств, были людьми умеренных взглядов — вроде Ричарда Саутби из Беркшира, Джона Эгертона из Бэкингемшира, Эдварда Монтегю из Нортхэмптоншира, сэра Уильяма Клифтона из Ноттингемшира или Алана Беллингема из Уэстморленда. Интересно, что лишь несколько избранных в парламент тори станут в будущем твердыми якобитами. Впечатляющим моментом, иллюстрирующим позицию членов парламента, стало то, что Яков II получил у них самый восторженный прием, когда повторил свое обещание «поддерживать правительство в вопросах церкви и государства, как велит закон». Равно важно, что Джон Эвелин, давний сторонник монархии Стюартов, теперь перешедший на службу к Якову II, осуждал позицию «Обсерватора» Роджера Л'Эстранджа, «который более сохранял враждебность, чем умиротворение — даже теперь, когда никто не давал для того ни малейшего повода». Сэр Джон Рересби оценил политическую ситуацию с тонкостью, упускаемой ныне многими историками.

Парламент, заметил он, «состоял из огромного числа лояльных джентльменов, однако в основном они были хорошими патриотами и добрыми протестантами»²⁸.

Сохранившиеся памфлеты, написанные в ожидании сбора парламента 1685 года, также демонстрируют замечательную степень умеренности. Хотя памфлетисты являлись противниками манифеста вигов, они также подчеркивали свою преданность английской конституции в тонах, напоминающих классическое утверждение маркиза Галифакса об умеренных принципах в «Способах, приводящих к порядку». *«Пусть другие нации называют себя свободными, пусть сильные короли принимают любые титулы, какие им нравятся, ни одна нация не может похвастаться большей свободой, чем англичане, — заявлял Роберт Гроув в своих «Подходящих советах горожанам, членам парламента и свободным землевладельцам». — Нет более неограниченного и действительно великого монарха, чем король Великобритании, возведенный на трон в сердцах и любви его народа».*

Гроув делал вполне ясными для своих читателей пределы этой неограниченности. Он сетовал, что «парламентский путь совещания для блага народа» исчезает в Европе, но радовался тому факту, что «свобода и чувство собственного достоинства этих благородных ассамблей нигде больше не сохранились настолько, насколько они сохраняются» в Англии. Свобода высказываний и безопасность собственности, считал Гроув, были самыми яркими примерами английских свобод. *«Там, где дело касается отдельного человека, ему позволяет высказывать собственное суждение; но, не соглашаясь там, где он считает это нужным, человек должен делать это скромно и с должным уважением, — настаивал Гроув. — Угроза и страх лишения этой невинной свободы есть наиболее нетерпимый вид рабства».* Англия стала местом, где должным образом поддерживалась промышленность именно потому, что каждый здесь был *«уверен, что все им приобретенное является его личной собственностью и что ни один фартинг не будет у него отобран без согласия благоразумных и достойных личностей, свободно избранных в доверенные лица нации».* Гроув признавал, что некоторые все еще боятся, что Яков II изменит конституцию. Но эти страхи представлялись неразумными после королевской декларации в Совете, так как *«Якова никогда не замечали в нарушении своего слова».*

«Свобода и собственность — это слова, которые звучат весьма согласованно», — замечал Гроув. Он был уверен, что опыт англичан убедит их, что они не находятся в опасности. Чтобы доказать свою точку зрения, он предложил англичанам простой тест — который, как он считал, режим с легкостью пройдет в 1685 году: *«Был ли он когда-либо незаконно арестован? Была ли когда-либо часть его собственности грубо вырвана у него? Обстреливали ли его дом? Были ли ограблены его амбары? Был ли уведен с его земли его скот? Страдал ли он от власти так, что существующие законы не могли защитить его?»*²⁹

Другие писатели, хотя и менее убедительные в своей пропаганде политической умеренности, вполне очевидно противостояли абсолютизму. Автор памфлета «Зло интриг» балансировал на грани язвительной нелюбви к экстремизму вигов, неискренне хваля английскую конституцию. После указания на декларацию Якова в Совете, которая должна удовлетворить «самых щепетильных среди нас», этот полемист настаивал, что не может вообразить большей конституционной защиты английских свобод, так как «ранее составленные законы настолько полны и всеобъемлющи, как будто собраны заново». По представлениям этого автора, для Якова нет никакого смысла желать для себя большей власти.

«Рациональный человек не может вообразить, — полагал автор «Зла интриг», — что какого-либо короля Англии придется подозревать в желании рискнуть потерять все сердца своего народа, единственную поддержку и гарантию безопасности правителя, попытавшись сделать себя более неограниченным во власти — в то время как просто по законам земли он является столь великим монархом, сколь только может желать любой добрый христианин; а частые встречи и советы короля с парламентом проводятся лишь затем, чтобы сделать счастливыми и правителя, и людей».

Тогда же Эдвард Чемберлен в памфлете, «делающем подходящие заявления и предположения к приближающемуся заседанию парламента», хвалил эффективность сбалансированной английской конституции. Англия по Чемберлену отличалась системой правления, при которой и король, и подданные имеют важные обязанности и права³⁰. Ясно, что весной 1685 года антивиговское

настроение в нации вне Уайтхолла было также во многом проконституционным настроем.

Когда в апреле этого года собрался парламент, члены нижней палаты совершенно четко очертили границы своего роялизма. Двор быстро выступил с широкой законодательной программой, которая так же быстро встретила сопротивление. Двор надеялся на «аннулирование закона *Хабеас Корпус*»*, поэтому сэр Джон Рересби определил королевское окружение как собрание «великих людей, находящихся в оппозиции к своим личным заявлениям». Также циркулировали слухи, что король собирается изменить акт о свободе совести. *«Если он станет всеобщим, некоторые, похоже, готовы это допустить — но в то же время они ни при каких обстоятельствах не согласны дать папистам возможность занимать какие-либо государственные должности или получить работу в правительстве»*. Интересно, что ряд членов парламента, включая тори сэра Эдварда Сеймура и умеренного депутата сэра Джона Лаудера из Уайтхевена, жаловался, что правительство «своей новой политикой изменило старый путь и избрало представителями себя». Вероятно, многие члены парламента чувствовали себя обязанными одновременно исполнять свой «долг перед короной, но в то же время оставаться с чистой совестью перед своей религией и страной»³¹.

Несмотря на умеренный консерватизм парламента образца 1685 года, не было сомнений в знаменательной трансформации, которая произошла в Англии. После многих годов беспокойства о «папистском заговоре» англичане оказались готовы принять и даже отпраздновать приход католического короля. Современники хорошо осознавали эту огромную перемену в английском общественном мнении. Сэр Джон Рересби считал странным, что *«столь сильная партия, которая совсем недавно появилась в парламенте, чтобы отстранить графа Йорка от короны его предков, должна подчиниться его приходу к ней с великой почтительностью и покорностью»*. Но ведь пятью годами ранее «против Якова выступал каждый писака; поносил, и оскорблял, и злословил; выступали против него и самые умные люди, которые до того казались вполне лояльными», — изумлялся оксфордский антикварий Энтони Вуд, — и все-таки «теперь его провозгласили повсюду с бур-

* Закон о неприкосновенности личности. (Прим. ред.)

ными аплодисментами и возведением на трон без кровотокающего носа. Такова мировая карьера».

Для Вуда неудачная попытка вигов убить короля и графа Йорка возле Рай-Хауса в 1683 году объясняла эту перемену. «Если бы отвратительный заговор против короля был полностью раскрыт и разрушен, — предсказал епископ Оксфорда Джон Фелл, как только услышал об этом покушении, — это бы произвело глубокий поворот в умах людей³²». Экстремизм вигов в сочетании с явной сдержанностью Якова II при восхождении на трон в совокупности убедили большинство жителей Англии, что величайшая угроза политической и социальной стабильности идет от врагов короны, а не ее сторонников. Не произошло резкого поворота в крайний консерватизм, подобного столь же внезапному повороту против антиконституционного либерализма. К апрелю 1685 года стало ясно, что огромное большинство англичан согласны принять католического короля, если он готов править внутри пределов, установленных английской конституцией в церкви и в государстве.

* * *

11 июня 1685 года, после нескольких месяцев подготовки, Джеймс, герцог Монмут, побочный сын Карла II, прибыл в Лайм-Регис в Дорсете и поднял знамя мятежа против Якова II. Монмут доставил с собой горстку людей — включая радикального памфлетиста Роберта Фергюсона, шотландского политического писателя Эндрю Флетчера из Солтаута и участника заговора Ржаной биржи Форда, лорда Грея, — а также большое количество оружия.

Несколько дней люди со всех западных территорий собирались под его знамя. Спустя чуть более недели, 20 июня 1685 года, Монмут объявил себя королем. Хотя Яков II быстро отреагировал на угрозу, вскоре стало ясно, что местная милиция недостаточно надежна, чтобы рискнуть выступить против мятежников. Регулярные войска под командованием графа Февершема были готовы к бою только в начале июля. 6 июля они наконец сразились с армией герцога Монмута, добившись убедительной победы при Седжморе. Войска Монмута были разбиты и полностью уничтожены. Роялисты взяли в плен огромное количество людей, а еще больше бежало с поля боя, включая самого Монмута. Двумя дня-

ми позднее Монмут и лорд Грей были схвачены, когда прятались в полях.

Несмотря на жалобные мольбы сохранить ему жизнь, Монмут был казнен в лондонском Тауэре 15 июля 1685 года. В то время как некоторые скорбели о смерти короля Монмута, а другие упорно хотели верить, что он все-таки выжил, большинство англичан торжественно отпраздновали весть о поражении и пленении Монмута. Разгром Монмута, как написал один поэт,

*Делает наше блаженство полным,
Ведь королевство стало счастливым, а монарх — великим³³.*

Восстание Монмута подняло ряд важных вопросов о правлении Якова II и революции 1688–1689 годов. Почему Монмут был оглушительно разбит на западе Англии в 1685 году, а Вильгельм III тремя годами позднее, высадившись на том же западе, смог свергнуть Якова II? Почему Монмут все-таки добился некоторой поддержки мятежа населением в стране, которая только что выказала такую поддержку новому режиму при выборах в парламент и в сотнях верноподданных адресов? Неужели восстание продемонстрировало лишь упорство радикальных вигов, как предполагают некоторые ученые? Что мятеж говорит нам о религиозной составляющей английской политической культуры в 1685 году?

Герцог Монмут поднял знамя восстания под предлогом защиты принципов вигов. Однако историки, которые обращали внимание только на интеллектуальное содержание опубликованных прокламаций Монмута, игнорируя степень их распространения, были введены в заблуждение. «Декларация» герцога Монмута плохо описывает идеологию его мятежа. Монмут поднял мятеж под флагом защиты протестантизма от католического короля. Для большинства его сторонников это была религиозная война. Они рисковали своими жизнями не за революционные принципы, а за то, чтобы короновать протестантского короля вместо католического.

Сразу же после высадки в Лайм-Регисе 11 июня 1685 года герцог Монмут «явил свою декларацию». Сторонники режима быстро опорочили и преуменьшили значение этого документа. Граф Рочестер назвал «Декларацию» «самой подлой и отвратительной по языку из всех когда-либо выпускавшихся». Граф Эйлс-

бери, который очень хорошо относился к Монмуту лично, считал, что «Декларация» могла быть только работой «сумасшедшего»³⁴. Следуя за этой традицией в интерпретации заявлений Монмута, виг и историк Томас Бабингтон Маколей позднее отбросил эту «Декларацию» как «клевету самого низкого пошиба и по чувствам, и по языку»³⁵.

Эти отрицательные оценки «Декларации» Монмута уж слишком критичны. Сама по себе она была сильным и тонким изложением радикальных политических стремлений. Она провозглашала «славу Англии, сияющую над большинством других наций», — заявляли авторы «Декларации», а мощь короля, по их мнению, всегда «ограничивалась и сдерживалась фундаментальными положениями конституции». К несчастью, «все связи правительства с народом в последнее время разрушены, и не осталось никаких препятствий для превращения нашей ограниченной монархии в абсолютную тиранию»³⁶.

Критика в адрес правительства в «Декларации» Монмута удивительно похожа на формулировки в «Декларации» принца Оранского, выпущенной три года спустя. «Вопреки всем законам и статусам королевства», жаловалась «Декларация» Монмута, Яков II «призвал множество священников и иезуитов», позволяя им публично исполнять свои религиозные обряды. Режим препятствует справедливости, «продвигая на места в парламенте тех, кому место на позорной скамье». Яков угрожал имуществу, собирая налоги без парламентского согласия. Собирая парламент, Яков и его брат исказили свободные и справедливые выборы, преобразовав этот институт, «который должен был служить людям гарантией от тирании и знаком их свобод», в «средство разрушения всех наших законов и установления его произвола и подтверждения нашего рабства». «Декларация» Монмута также жаловалась на незаконное «размещение военных сил» новым королем³⁷.

Монмут в своей декларации призывал к религиозной терпимости и осуждал религиозную войну. «Наша религия, — упорно настаивала его «Декларация», — самое ценное благословение, на которое мы претендуем». Монмут «принял решение пролить кровь за ее сохранение для нас и наших потомков». Но это означало защиту религии, утвержденной законом, а не навязывание ее другим. «Декларация» не объявляла священной войны против католиков, религиозной войны, такой, к какой призывали ранние адеп-

ты Реформации. «Мы заявляем, — утверждал документ четко и смело, — что не навязываем войну и не разрушаем ничего из-за религии, какой бы фальшивой и ошибочной она ни была». Католики в ней упоминались особо:

«Даже паписты исключаются из наших врагов и не будут обвиняться в тайном сговоре о нашем уничтожении или подстрекательстве к нему; им нечего бояться нас, кроме тех случаев, если они будут вмешиваться, стремясь изменить наши законы и угрожая нашим людям в исповедании нашей доктрины и проведении нашего христианского богослужения»³⁸.

Хотя историки считают, что «Декларация» отражала идеологическую суть мятежа Монмута, это заявление кажется необоснованным. Сам Монмут настаивал, что Роберт «Фергюсон написал [«Декларацию»] и заставил меня подписать ее еще до того, как я прочитал ее». Какова бы ни была искренность этого утверждения, нет сомнения, что сам Монмут вскоре отрекся от одного из центральных заявлений «Декларации». 20 июня в Тонтоне он объявил себя королем, несмотря на обещание «Декларации», что лишь парламент решит, кто будет королем³⁹.

Монмут не только сам проявил себя не связанным с «Декларацией», — он и его сторонники оказались удивительно неудачливы в распространении этого документа в Англии. Хотя «Декларация» немедленно была переведена на голландский язык и имела широкое хождение в Нидерландах и в Северной Германии, она никогда не была хорошо известна в Англии. В отличие от «Декларации» Вильгельма, которая массово циркулировала до того, как принц Оранский прибыл на остров в ноябре 1688 года, в Англии существовало лишь несколько копий декларации Монмута — так мало, что Маколей позднее изумлялся ее редкости.

Вероятно, «Декларация» была опубликована наиболее широко и детально, лишь когда была представлена в палате лордов во время объявления приговора 15 июня. Если бы «Декларацию» не прочитали там, считал лорд Деламер, которого подозревали в соучастии в мятеже, «осталось бы неизвестным и им, и всему миру, что существовала такая вещь; потому что, раз уж о ней впервые услышали тут, не существовало копий, публично ушедших за границу, и даже один человек из миллиона не видел и не слышал содер-

жания этого документа». Без сомнения, отчасти причиной такого положения дел было то, что издатель Монмута, Уильям Дисней, был арестован и казнен Яковом II и его правительством⁴⁰.

Но куда важнее, что решительно Монмут и его последователи пренебрегли первичным смыслом «Декларации». Не только Роберт Фергюсон, вероятный ее автор, советовал Монмуту брать корону вопреки «Декларации» — лорд Грей даже не упомянул этот документ в своем мучительно детальном рассказе о мятеже. Какой бы тонкой и радикальной в действительности ни была «Декларация», итоговым результатом стал провал в обеспечении идеологической основы для мятежа. Яков II был прав, заявляя, что «этот горький и фальшивый выпад произвел [очень] слабое впечатление на здравомыслящую часть нации». Если двойной агент Эдмунд Эверард был прав, что «пресса использовалась и раньше, и теперь как основной инструмент подстрекательства в церкви и в государстве», Монмут и его последователи потерпели провал в развертывании этого могучего оружия⁴¹.

Неудивительно, что мятежники мало или вовсе не ссылались на «Декларацию» как во время самого мятежа, так и в ретроспективных рассказах о роли, которую они играли в нем. Большинство понимало мятеж или как религиозную войну — которую «Декларация» особо отрицала, — или как борьбу за возведение на трон законного короля Англии. Другими словами, восставшие видели себя скорее вовлеченными в консервативную, чем в радикальную деятельность.

Сначала многие сторонники Монмута заявляли, что они сражались в великой религиозной войне. Набирая людей в Роттердаме, они прямо заявляли, что прибыли сюда, «призывая на Священную войну». Прямой свидетель высадки Монмута и его людей в Лайм-Регисе 11 июня записал, что «видел врага, прошедшего в полном составе пол-улицы, и видел, как многие горожане веселились и присоединялись к врагу, выкрикивая: „Монмут, Монмут, протестантизм!“» Один из солдат, сопровождавший Монмута в этот день, хвастал, что «мы пришли сражаться с папистами». Когда двадцать шесть девушек Тонтон подарили Монмуту Библию, он поцеловал книгу и заявил, что «пришел защитить правду, заключенную в ней, или заплатить за нее своей кровью». На «знаменах восставших была нарисована Библия», вспоминал сэр Хью Чомли, и они выкрикивали, что пришли «сражаться против па-

пистского короля и распутного Вавилона». Эндрю Пасхолл обнаружил, что, когда войска Монмута покидали Гластонберри, они «заявляли с глубокой уверенностью, почерпнутой из внезапного роста в количестве, что Бог с ними». С такими чувствами едва ли удивительно, что, когда люди Монмута достигли Уэльса, они обстреляли собор. Известно, что те несколько мятежников, которые успели бежать в Нидерланды после поражения, говорили, будто «герцог Монмут был мучеником за свою веру»⁴².

Современные сторонники Якова II также считали мятеж религиозной войной. *«То, что было основанием (или, по крайней мере, претензией) для последнего мятежа, — считал капеллан герцога Сомерсетского священник Эдвард Пеллинг из Вестминстерского аббатства, — стало следствием неразумного опасения, что питают некоторые слабые люди. Они считают, что раз ковчег Господа, построенный (слава богу) в этом королевстве и такой великолепный со времени Реформации, шатается сейчас, чуть ли не падает, то ничто, кроме сильной руки с оружием, не может поддержать его».*

«Взгляните на самый последний мятеж и скажите мне, что вы об этом думаете: не является ли он следствием чистого фанатизма?» — спрашивал капеллан графа Эйлсбери Шейдрах Кук, в будущем отказавшийся присягать Вильгельму. Корнуоллский клирик Чарльз Хаттон поносил «наглость» мятежников, осмелившихся «обратиться к небесам за подтверждением справедливости их оружия и потребовать у Господа принять за них решение в день битвы». Войскам Джона Черчилля перед тем, как они отправились встать перед силами Монмута, было сказано, что они будут сражаться с людьми, которые «вынули меч мятежа» под предлогом «страха и ревности к папизму» и реформации религии, а также чтобы сражаться за протестантскую религию. «Зря оправдываете вы свой мятеж, / Говоря, что он ради чистоты религии», — упрекал сторонников Монмута один поэт-современник⁴³.

Самое важное, что многие мятежники сами заявляли, будто присоединились к Монмуту только по религиозной причине. «Я принимаю мученическую смерть за протестантскую религию, просто исполняя свой долг и протестуя против наплыва католиков, которые, похоже, затопили церковь и интересы Христа у этих народов», — писал осужденный мятежник Уильям Дженкин своей матери перед казнью. Роджер Сатчел на вопрос о том, как он

присоединился к мятежу, ответил, что «он всегда ненавидел папистов и в данном случае лишь выступил против католицизма». Констебль Крукхауза Джон Мэдден заявил, что он присоединился к Монмуту, когда уверился, что сражается «за поддержание протестантской религии». Уильям и Бенджамин Хьюлинги присоединились к людям Монмута, вспоминал их дядя Уильям Киффин, потому что они и их друзья «были ужасно недовольны, видя усиление папизма, а религию и свободу пораженными».

Услышав известие о высадке Монмута, «сердца людей возмущались», — писал один из авторов «Священнослужения Аксминстера», коллективного сборника воспоминаний соборной церкви в Аксминстере. Это общество диссентеров, которое послало нескольких человек сражаться и умирать за Монмута, надеялось, что *«он сможет стать освободителем народа и защитником интересов Христа, его тревожат трудности и преследования, он раздавлен тяжестью притеснений, под которыми они все давно стеноют. Пришел день, в который доброе старое дело бога и религии, надолго отложенное как мертвое и закопанное, снова оживет: раздастся звук труб и тревоги войн впереди»*.

«Моей единственной целью, с которой я взял в руки оружие под водительством герцога Монмута, было бороться за протестантскую религию, это мне диктовала моя совесть, и это объявил нам герцог», — объяснил Джозеф Спид из Каллетона «нескольким грубым солдатам», находясь на эшафоте. Майор Абрахам Холмс, бывший офицер Кромвеля и участник заговора Ржаной биржи, рисковал своей жизнью, потому что он «верил, что протестантская религия истекает кровью и находится в шаге от уничтожения». В Шерборне осужденный мятежник Джон Спрейг объяснил, что «он верил, что ни один христианин не должен сопротивляться законной власти; но ситуация с папизмом и протестантизмом меняет дело. Когда вера в опасности, требуется делать то, что было сделано». Как писал Джозеф Тайлер незадолго до своей казни:

*Да поразит Господь жестокого врага,
Пусть рухнет Вавилон!
И ежели король пребудет среди них —
Так обратится в прах и он!⁴*

В то время как многие подчеркивали, что поддерживали Монмута, потому что не могли терпеть католического короля, другие выдвигали на первый план веру в то, что Монмут действительно являлся законным королем Англии. Эти две позиции вовсе не были несовместимыми. Действительно, те, чей антикатолицизм был особенно силен, имели больше стимула верить, что мать Монмута, Люси Уолтерс, являлась законной супругой Карла II.

Таким образом, в отличие от идеологической позиции, изложенной в «Декларации» Монмута, реальные мотивы его адептов базировались на чисто консервативном фундаменте. Они не предлагали радикального изменения существующей церковной и государственной системы. Просто Яков II в глазах сторонников Монмута был узурпатором.

Заявление, что Монмут являлся законным сыном Карла II, не было новым в 1685 году. Такие слухи широко циркулировали еще во время Кризиса Отстранения. Менее чем через неделю после смерти Карла II два солдата в таверне «Черный Парень» в Тауэрском рву кричали, что «герцог Монмут является законным принцем Уэльским и должен взойти на трон». Пресвитерианский священник Джон Хикс заявил на эшафоте, что он разделяет не религиозные убеждения, но политические принципы своего англиканского брата Георга. «Я одобряю как древнюю, так и настоящую форму гражданского правительства, английскую монархию, которой я полностью удовлетворен», — настаивал Хикс. Он также доказывал, «что недопустимо для подданного поднимать оружие и противиться своим законным суверенам и справедливым правителям». Хикс присоединился к Монмуту, потому что был «убежден по несколькими вещам, которые я читал и слышал... что последний герцог Монмут являлся законным сыном своего отца Карла Второго».

Баптист Бенджамин Кич, писавший о сдаче Джона Хикса без сопротивления, считал, что «остальные мятежники в основном считали так же». Генри Бодди, моряк из Лайм-Региса, заявил, что, если бы он верил, что Яков II «мой законный правитель», он никогда бы не поднял оружие. Анабаптист Самсон Ларк из Хонитона также под интенсивным давлением отказался «признавать, что герцог Монмут мятежник». Англиканский священник Кристофер Хейрик из Маркет Харборо был убежден, что мятеж «в Западной Англии вспыхнул за монархию». Лондонец сэр Джон Фрайер, чьи симпатии явно находились на стороне мятежников, позднее вспо-

минал, что борьба шла за то, кто имеет «право на корону». Диссентеры во многих частях страны защищали легитимность Монмута. Натаниэль Годен в Эссексе, например, предупредил сэра Джона Брамстона, что необходимо внимание при принятии королевской присяги, «так как фанатики будут давать ее, адресуя Монмуту, уклоняясь, таким образом, от клятвы». Таким же образом в Стокпорте в Ланкашире «некто Роберт Гибсон и Абигайль, его жена, оправдывали мятеж герцога Монмута, говоря, что они не знали, что он не король»⁴⁵.

Далеко не все, кто сражался за Монмута, делали это только по консервативным причинам. Однако самые ярые английские радикалы — большинство из них с энтузиазмом поддержат в 1688—1689 годах Вильгельма Оранского — не захотели иметь ничего общего с герцогом и его мятежниками. Примечательно, что даже община английских изгнанников в Нидерландах, люди, которые бежали из родной страны в основном по политическим причинам, не была единодушна в поддержке герцога Монмута. Изгнанники, обосновавшиеся в Утрехте, отделяли себя от сторонников Монмута и географически, и идеологически. Виг сэр Томас Папиллон, бывший ост-индский купец и шериф Лондона, отказался даже одолжить деньги на Монмута и его дело. Другой виг, бывший мэр Лондона, сэр Пэтиенс Уард, отказался двинуться из Утрехта. Шпионы Якова II в этих местах рапортовали, что он «никогда не связывался с мятежниками» и что они с Папиллоном публично обвиняли Монмута и его друзей «в построении воздушных замков». Джон Старки, радикальный издатель и друг Джона Локка, был охарактеризован английским послом как «большой мошенник» — но ни один из правительственных шпионов не смог привести никаких свидетельств, связывающих его с мятежниками⁴⁶. Действительно, во время восстания английский дипломат Бевил Скелтон отрапортовал, что «вся партия» в Утрехте «выразила огромное неудовольствие, когда Монмут на сборище мятежников предложил объявить себя королем»⁴⁷.

Великий виг, полемист и политический агитатор Джон Локк не имел ничего общего с мятежом Монмута. Нет сомнения, что Локк знал и общался со многими сторонниками Монмута. Однако имеющиеся свидетельства предполагают, что он, как и Папиллон, зная о планах заговора, не одобрял их. Как раз перед самым отплытием Монмута один из хорошо информированных шпионов

Скелтона сообщил, что Локк думает отбыть на восток, утверждая, что «когда бы люди такого сорта ни начинали говорить о делах в Англии в его присутствии, он оставляет их неудовлетворенными». Кажется, нет причины не верить рассказу близкого друга Локка и его биографа Жана Ле Клерка, писавшего, когда вроде бы не было причины не признавать роль Локка в мятеже, если бы она у него и была. *«Я считаю, можно успокоиться, — заключал Ле Клерк, — [на том, что Локк] не переписывался с герцогом Монмут, о котором был не особо высокого мнения, как можно было ожидать из его дел»*⁴⁸.

Другие выдающиеся радикалы также держались на расстоянии от Монмута и его консервативного предприятия. Сэр Роберт Пейтон, лондонский виг, известный в амстердамских кофейнях высказываниями о том, что «монархи стараются [только] для себя и государств не ради благополучия людей», отказался поддерживать Монмута, называя его сторонников «трусливыми и болтливими дураками». Бывший виг шериф Лондона Слингсби Бетел торжественно заявил о своей непричастности к мятежу, указав, что он «не был обвинен ни в каких показаниях под присягой, и не было никакой информации» о его соучастии в мятеже Монмута. Государственный деятель и будущий почтмейстер Вильгельма Джон Уайлдмен делал все от него зависящее, чтобы смягчить рвение мятежников, и ничего — чтобы поддержать их из Лондона. Он послал сообщение Монмуту, что «сильно расстроен упорным решением герцога [о вторжении] вопреки мнению всех друзей, которые на его стороне». План, который он наметил, не станет популярным и не найдет финансовой поддержки, «потому что выглядит необдуманным и, без сомнения, докажет это».

Допрошенный позднее Натаниэль Уэйд, сам человек крайних убеждений, не дал Монмуту «денег, за что, как он слышал, Монмут ругал его». Джон Тренчард, радикал и член парламента от Тонтона, ставший после революции государственным секретарем, «уехал из Англии за четыре дня до того», как Монмут высадился на острове — столь «плохим» было его мнение о герцоге и его деле.

Другие виги из западных земель, такие как сэр Вальтер Янг и сэр Джон Томпсон, сын радикального купца Мориса Томпсона, «в числе первых подписавшихся за приглашение принца Оранского в 1688 году», оказались теми же, кто в июне 1685 года выступил за обвинение герцога Монмута в палате общин согласно

был о смертной казни. Гилберт Бернет, который в 1688 году сыграл такую выдающуюся роль как прекрасный пропагандист, «уехал в Париж, где жил в полном уединении, чтобы избежать привлечения к участию в какой-либо конспиративной деятельности, которую друзья герцога Монмута готовили для него». Крупный государственный деятель Эдмунд Ладлоу, который временно вернулся в Англию в 1689 году после трех десятилетий ссылки, «никоим образом» не поддерживал Монмута в 1685 году. Другой выдающийся виг-радикал, Ричард Хэмпден, который будет играть гораздо более крупную роль в английской политике после 1689 года, «не стал говорить» с Робертом Крагом, когда тот решил передать ему послание от Монмута⁴⁹.

Политический радикализм и политические радикалы имели мало общего с восстанием Монмута. Когда Монмут «принял по совету Фергюсона титул короля» в Тонтоне, некоторые были обескуражены. Натаниэль Уэйд, бывший одним из членов крохотной группки, что выступала «за благосостояние» в лагере Монмута, позднее сокрушался, что «эта партия была самой маленькой в нации». Леди Рэйчел Расселл, чей муж был казнен в 1683 году за упорство при отстаивании права на мятеж против тиранов, хорошо понимала, что «дикая попытка» Монмута имеет мало общего с идеей, за которую отдал жизнь Уильям Расселл. Проект Монмута, настаивала она, был «новым, независимым планом, лишь формально привязанным к прошлому проекту»⁵⁰. Словом, мятеж Монмута не был выступлением политических радикалов. Если бы он оказался успешным, мятежники бы всего лишь короновали нового короля; они не собирались совершать революцию.

Несмотря на более поздние обвинения в адрес Якова II, есть свидетельства, что сам принц Оранский сильно противился вторжению и мятежу Монмута. Хотя между Яковом и Вильгельмом существовала напряженность почти с того момента, когда Вильгельм в 1677 году женился на старшей дочери герцога Йоркского, это напряжение быстро испарилось в начале 1685 года. Яков, подзревавший, что глубокие антифранцузские чувства Вильгельма вызовут у принца симпатии по отношению к английским политическим противникам, потребовал, «чтобы принц абсолютно отказался от поддержки герцога Монмута и командовал только тем, от чего зависят или полезно» Объединенным Провинциям. К удивлению короля, Вильгельм «полностью покорился к радости

его величества». По крайней мере внешне между принцем Оранским и новым королем Англии существовало «замечательное примирение». Если Яков по-прежнему и «ревновал» принца, нет сомнения в отвращении Вильгельма к мятежу Монмута. *«Я никогда не видел принца Оранского настолько озабоченным, каким он стал при беспорядках, происходящих сейчас в Англии, — рапортовал Бевил Скелтон лорду Миддлтону. — „Декларация” Монмута вызвала у него вспышку раздражения, его высочество разразился против него бранью, как самый вероломно обманутый человек на земле».* Неудивительно, что, дав выход ярости, Вильгельм послал своего близкого друга Ганса Уиллема Бентинка в Англию, «предлагая услуги своего высочества против герцога Монмута и чтобы дать знать его величеству, что есть полки, я забыл, сколько, и корабли, готовые перебросить их после часового предупреждения, если его величество этого пожелает»⁵¹. Нет сомнения, что в 1685 году Вильгельм не хотел видеть Якова сброшенным с трона.

Мятеж Монмута не был радикальным. Хотя политический манифест, написанный Робертом Фергюсоном, педалировал радикальную идею, этот документ не отражал идеологических контуров мятежа. Монмут и другие лидеры, включая самого Фергюсона, никогда не были полностью преданы «Декларации». Вероятно, именно поэтому «Декларация» никогда широко не циркулировала в Англии. Она также не вызвала отзова у людей, которые рисковали своими жизнями и судьбами, поддерживая популярного герцога. Вместо борьбы за выборную монархию и популярную верховную власть они видели свою цель в возведении на престол законного наследника и в борьбе с католицизмом. В глазах мятежников именно Монмут стоял за традицию, а Яков — за опасные инновации.

Хотя мятеж Монмута был явно консервативным по природе, тем не менее в XVIII веке именно он нес на себе определенный романтический флер в отличие от якобитской деятельности. И все-таки, несмотря на страхи тогдашних сторонников режима и ретроспективное хвастовство разбитых мятежников, у мятежа никогда не было особых шансов на успех. В отличие от 1688 года, когда англичане всех социальных слоев толпами присоединялись к Вильгельму и разносили свое возмущение по всей стране, весной 1685 года восстание не получило поддержки ни от кого, кроме религиозных экстремистов. Оппозиционный политик сэр Ричард

Темпл вспоминал, что «откровенные фанатики хвалили Монмута из-за его вторжения, но их было очень мало». «Последователи Монмута — это обычный сброд, — писал сэр Роберт Саутвелл, — ни один джентльмен не пошел к нему». Духовник из западной Англии Эндрю Паскалл позднее вспоминал, что Монмут и его совет выказали бешенство и ярость, когда стало ясно, что очень мало оппозиционного духовенства и никто из «более заметных личностей» не хочет поддержать их дело⁵². Каковы бы ни были страхи англиканских священников, обещание Якова II защищать законы в церкви и в государстве потенциально предполагали социальную и политическую стабильность. Их опыт жизни при режиме Якова II первые несколько месяцев показал им в крайнем случае тиранию. Монмут предлагал взамен лишь перспективу разрушительной гражданской войны.

Конечно, Монмут привлек на свою сторону несколько тысяч людей попроще — людей, которые считали его законным королем Англии и боялись, что Яков II вернет страну в лоно Римско-католической церкви. Но не следует переоценивать количество и качество этой поддержки. Самый тщательный аналитик со стороны Монмута подсчитал, что у Монмута «не было большой армии». Современники предполагали, что силы Монмута были сильно преувеличены. Вероятно, Монмут имел в своем распоряжении около трех тысяч человек. Те, кто пришел к Монмуту, не были профессиональными военными, они были «недисциплинированы и безоружны».

Те, кто обладал широким набором информации и мог ее просеивать, а также непредвзято анализировать дикие слухи, циркулировавшие по Вест-Кантри, похоже, никогда не сомневались в конечном результате восстания. Режим был хорошо подготовлен к «такой сумасшедшей попытке глупого мятежа», — записал Уильям Ллойд, епископ Сент-Асафа. «Так что работа может быть окажется завершена прежде, чем я допишу это письмо», — несколько поспешно добавлял он. «Ни один человек не сомневается, что это восстание приведет к очень быстрому и фатальному исходу для его участников», — написал сэр Роберт Саутвелл, услышав известие о высадке Монмута и собранных им войсках. Лорд-казначей Рочестер, который имел причины паниковать, если бы это было оправданно, написал принцу Оранскому: «Я считаю, тут мало чего можно опасаться, последний герцог из Монмутов упустит

свое время, как он того и заслуживает». Действительно, сэр Уильям Трамбулл, который успешно служил Якову в качестве посла во Франции и в Османской империи, выступал в парламенте в 1685 году против создания большой постоянной армии именно на основании того, что Яков и его силы и так легко победили мятежников⁵³.

В то время как в 1688 году Вильгельм Оранский приобретал людей, деньги и влияние с каждым шагом, который он делал на встречу Якову II, у Монмута, чем ближе он со своими людьми подходил к месту боя, тем сильнее его люди, похоже, стремились от него сбежать. К 23 июня, через неполные две недели после высадки Монмута, герцогиня Боуфорт сказала своему мужу, что «восставшие начинают покидать своего лжекороля». После того как Яков II издал прокламацию, предлагая прощение всем, кто сбежит в течение четырех дней, «огромное количество мятежников» убежало. Граф Кларендона подтвердил графу Абиндона, что к началу июля «число мятежников уменьшалось ежедневно». В это число входили Джон Спик, чьи усилия по пропаганде так сильно помогут в случае с Вильгельмом в 1688 году, а также многие члены религиозного братства Эксминстера, которые искали «средства вернуться в свои жилища»⁵⁴.

Конечно, невозможно знать, что бы случилось, если бы Монмут победил при Седжмуре. Однако все свидетельства предполагают, что поражение Монмута не было исторической случайностью. Консерватизм в его случае обозначал, что совсем мало политических радикалов — те, кто был активными в Кризис Отстранения и снова воспрял в бурные дни 1688–1689 годов, — хотели бы рискнуть всем ради него. Большинство жителей Англии, судя по всему, считали, что Яков предложил гарантии не для того, чтобы менять конституцию в церкви и государстве, и в действительности собрал парламент. Он не сделал ничего или почти ничего, чего бы Карл II не делал несколько лет, чтобы оправдать начало непредсказуемой гражданской войны.

Монмут не предлагал никакой приемлемой альтернативы. Никто не был уверен, по словам Джона Уайлдмена, «что же он намерен учредить или заявить»⁵⁵. Единственные согласующиеся с обстановкой и достаточно широко поддерживаемые тезисы — это желание Монмута стать королем и ненависть, которую многие мятежники испытывали к католицизму и католическому королю.

В 1685 году было ясно, что мятеж основывается почти исключительно на антикатолицизме и имеет мало шансов на успех. Политическая нация, хотя все еще и глубоко религиозная, не желала свергать монарха исключительно за его религиозные убеждения.

* * *

Поражение Монмута и его сторонников в начале июля 1685 года оставили Якова II в необычайно удачном положении. Его не только приветствовали на троне с неожиданным и беспрецедентным энтузиазмом, он и его сторонники этой весной не только пользовались подавляющей поддержкой электората — вдобавок он успешно подавил мятеж, возглавлявшийся самым популярным из его личных врагов.

Английские мужчины и женщины самых разных политических убеждений были настроены оптимистично по поводу нового короля. «Общее мнение» принимало Якова II «как государя, более остальных придерживающегося своего слова», — писал сэр Джон Лаутер, и это «сделало его в то время самым популярным государем из всех известных в Англии за долгое время». Вскоре граф Берлингтон заключил, что его новый король — «самый неутомимый государь в своем деле из всех, когда-либо носивших корону». Сэр Ричард Балстрод считал, что «все люди обожают и уважают [Якова II], иностранные министры глубоко удовлетворены им, и ему на деле нравится быть самым блестящим государем, который когда-либо сидел на троне».

«Когда король известен как твердый и постоянный в своих решениях по тем вопросам, которые он считает полезными для своих людей и правительства, — писал купец из Ост-Индии и Африки сэр Бенджамин Берхерст перед самым прибытием Монмута в Англию, — тогда его люди кажутся полностью удовлетворенными и готовыми к послушному исполнению его законов и воли»⁵⁶.

После того как Яков подавил мятеж Монмута, подданные короля возвысили хвалу ему до еще более высокого уровня. Политический экономист Уильям Петти теперь считал, что Яков будет «делать такие вещи для благосостояния, чего ни один король со времени Завоевания, помимо теперешнего Величества, не мог столь легко осуществлять». «Никогда король более прямо не был озабочен истинными интересами Англии, — приходил в восторг бывший виг сэр Эдмунд Уоркап, — и если Бог благословит его

долгой жизнью, он сделает нацию более блестящей, чем мы когда-либо были». Понятно, не одни только льстивые поэты верили, что с восшествием Якова II «вновь начался золотой век»⁵⁷.

Никак не демонстрируя своему новому королю глубокие антикатолические предубеждения, англичане приветствовали Якова II с огромными ожиданиями. Хотя некоторые явно хотели присоединиться к религиозному мятежу против своего монарха, свидетельства показывают, сколь ограниченно было в 1685 году стремление к эсхатологической борьбе. Большинство людей — и практически все, кому было что терять, — хотели думать и надеяться, что новый король проявит наилучшие качества. Обещание Якова II своему Тайному Совету сразу после смерти брата убедило многих, что боязнь капризного правительства и католической тирании, проявившиеся во время Кризиса Отстранения, были сильно преувеличены.

Не стоит считать адреса с выражением лояльности и парламентские выборы 1685 года свидетельствами полной народной поддержки абсолютизма. Кое-кто продолжал считать, что действия вигов в Кризис Отстранения и козни заговорщиков Рай-Хауса в 1683 году были направлены на справедливое ограничение власти короля, но все они явно находились в меньшинстве. Большинство людей в Англии желали короля, который сделает страну великой, при этом соблюдая конституцию в церкви и в государстве. Летом 1685 года огромное большинство англичан считало, что Яков II будет вести себя именно так.

Глава пятая

Идеология католической модернизации

Летом 1685 года Яков II имел огромный запас политического капитала. Он мирно унаследовал трон, провел весьма успешный сбор нового парламента и легко подавил религиозный мятеж в Англии (а также и в Шотландии). Эти мятежи, хотя и не представляли собой значительной военной угрозы, зато продемонстрировали, что политические противники Якова — фанатики, желающие разрушить гражданское общество для продвижения своих радикальных религиозных идей. Если политическая нация оказалась весной 1685 года поддержку Якову, приходится мало сомневаться, что после лета Яков мог рассчитывать на политическое низкопоклонство. Для этого Яков казался прекрасным королем. Он имел большой политический и военный опыт и в отличие от своего брата не колебался перед лицом бедствий. И все-таки к зиме 1688–1689 года Яков, по-видимому, растратил весь этот политический капитал. Многие поднялись в ружье против него, много больше народа прибыло на военных кораблях его племянника Вильгельма, принца Оранского, и очень немногие хотели защитить своего законного короля, который менее четырех лет назад был объектом народного обожания. Почему Яков II потерял поддержку своего народа?

Современники хорошо понимали проблемы, встававшие перед ними при объяснении причин падения режима Якова II. В декабре 1688 года один лондонец записал, что «история [английского] непостоянства — это проблема, с которой ни один из известных мне авторов еще не сталкивался». Джон Эвелин, широко образованный человек и историк с великолепной репутацией, сомневал-

ся, *«можно ли отыскать в любом веке или месте этого обитаемого мира более яркие свидетельства переменчивости и непостоянства человеческой натуры, чем в этом маленьком фрагменте»*. Конец Якова II, признавал он, представлял реальный вызов для толкователей. «Я не беру на себя смелость определять причины таких поступков», — скромно заявил Эвелин, ибо их объяснение составило бы целый том, потребовав экспертизы не только со стороны «политических деятелей, но и богословов, историков, врачей и натурфилософов также»¹.

В итоге возникли две основные линии интерпретации: одна — связанная с великими историками-вигами XIX и XX веков, другая — рожденная более молодой школой историков-ревизионистов. Обе школы основывали свои интерпретации на широком изучении источников, и обе старались объяснить не столько причины революции — так как обе школы настаивали, что это событие было абсолютно консервативным и реставрационным, — а более узкое событие, потерю королем Яковом власти.

Томас Бабингтон Маколей в своем классическом изложении делал акцент на ошибках политики Якова. По его мнению, причиной падения режима стала «подчиненность одному великому замыслу, на который была напряжена вся душа короля: реставрация римского католицизма на Британских островах». Чтобы достичь этой цели, Яков осуществлял политику, которая в глазах Маколея могла быть описана только как «тирания, что приближается к безумию», или в лучшем случае как «глупая и упрямая». Правнук Маколея, Джордж Маколей Тревельян, более спокойно отмечает, что Яков «посчитал необходимым стать абсолютным монархом, как другие государи в Европе».

По мнению Маколея, Яков обладал определенным интеллектуальным ресурсом для проведения такой политики. Яков полагался на совет «нескольких католических искателей приключений со сломанной судьбой и испорченной репутацией, отвергнутых Францией и иезуитами». Существовал «маленький союз римских католиков, чьи сердца были изъедены старыми ранами, чьи мозги были перевернуты недавним возвышением» — «и которые, не имея, что терять, не волновались и мыслями о дне расплаты».

Старые английские католические роды не могли здесь помочь. Они проживали «унаследованную судьбу честно, но без особого энтузиазма», отличаясь от своих соседей только «тем, что были

проще и грубее, чем те». Не мог Яков опереться и на искушенную католическую апологетику, чтобы помочь своему предприятию. Римские католики не могли производить «ничего, имеющего хоть малейшую ценность», ничего, что современные им протестанты оценили бы выше, чем «третий сорт»².

Результат такой ошибочно направляемой, реакционной и грубой политики был предсказуем: весь народ отвернулся от своего короля. Якова заставили отказаться от естественных союзников-тори и от англиканской церкви, и через Декларацию об индульгенции (1687–1688 годы) сделать отчаянное предложение о союзе диссидентам и вигам. Предложенную свободу свести в обмен на их поддержку «диссиденты сначала отвергли». Многие с радостью воспользовались свободой публичного отправления обрядов после многих лет жестких репрессий. Но в итоге «огромная масса протестантских неконформистов» отвернулась от Якова. Они отходили от Якова постепенно в течение 1687 и 1688 годов, причем некоторые из тех, кто первоначально поддержал предложенную королем свободу, заключали, что «их духовные привилегии скорее были ограничены, чем расширены этой индульгенцией». Опыт правления Якова II привел их к заключению, что свобода вероисповедания при Якове требует «пожертвовать религиозной свободой».

Тори, давние сторонники сильной монархии и защитники идеи, что королям нельзя противиться, тоже медленно стали отворачиваться от Якова. В 1686 и 1687 годах, как пишет Маколей, тори и «церковь еще не были спровоцированы и оскорблены» до такой степени, чтобы «забыть доктрину пассивного послушания»; это время придет позднее. Опыт правления Якова II к 1687 и 1688 годам отвратил тори и лириков от своего монарха. Несмотря на их риторику, указывает Маколей, «огромная масса тори... сердцем ненавидела деспотизм. Английское правительство, по их мнению, должно было являться ограниченной монархией». И к лету 1688 года политика Якова оттолкнула всю политическую нацию. *«Принадлежность к вигам и тори была на время забыта, — пишет Маколей. — Приверженцы епископальной церкви, пресвитериане, независимые, баптисты забыли свои долгие междоусобицы и помнили только о своем общем протестантизме и общей опасности»*. В то время как «фанатичные и невежественные» люди презирали Якова из-за своего «предубеждения» против римского

католицизма, к 1688 году доминировал авторитет «самых здравомыслящих и терпимых государственных деятелей», которые «очень разными дорогами» пришли к одинаковым заключениям³.

Яков, по мнению Маколея, был обречен на провал вовсе не из-за своих религиозных убеждений. Католический король вполне мог преуспеть в управлении Англией конца XVII века. Если бы Яков «тщательно воздерживался от нарушения гражданского или духовного устройства государства», предполагает Маколей, он «успокоил бы народные опасения». Если бы Яков проводил «умеренную и конституционную политику, то вполне вероятно, что великая революция, которая за короткое время изменила состояние всех европейских дел, никогда бы не произошла»⁴. Здесь анализ Маколея апеллирует к английской исключительности. Яков потерпел неудачу, потому что осуществлял неверную и нерациональную политику, которая не могла быть принята англичанами.

Исследователи-ревизионисты, которые сознательно дистанцируются от историографической традиции вигов, доказывают, что Яков являлся не религиозным фанатиком, осуществляющим раздражающую политику, а политически умеренным деятелем, проводящим политику религиозной терпимости, и не был заинтересован в получении беспрецедентной власти. С их точки зрения, Яков имел скромных и прагматичных подданных. Каким бы убежденным католиком он ни был, пишет Роберт Беддар, Яков «хотел только быть уверенным в сохранении [католицизма], уравнивая его в правах с англиканской церковью».

Яков, пишет его современный биограф Джон Миллер, просто хотел позволить католикам «свободно поклоняться и исполнять публичные функции». Он имел глубокое и давнее уважение к принципам свободы совести и никогда не мечтал, «что католицизм в Англии может вырасти в нечто большее, чем уважаемое меньшинство». Скромные цели Якова для его единомышленников дополнялись его умеренными идеями в строительстве государства. Он не был абсолютистом. Яков, как настаивает Миллер, не желал «ниспровергнуть законы и конституцию, чтобы создать абсолютизм по типу Людовика XIV»⁵.

После данных Яковом II обязательств, с точки зрения ревизионистов, едва ли удивительно, что он получил политическую поддержку вигов и религиозных диссентеров. Ревизионисты, разделяя точку зрения тори XVII и XVIII веков, представляют вигов

как партию, объединенную вокруг единственной идеи религиозной терпимости и куда меньше озабоченную другими, политическими и экономическими, вопросами. Яков II, с их точки зрения, был не столько католическим королем, сколько королем, придерживающимся принципа религиозной свободы. «Поддерживающие Якова виги, — замечает Марк Голди, — совершенно не являлись эксцентричной кучкой людей». В особенности кружок вокруг Джона Локка, мыслителя, наиболее близко связанного с партией вигов, «достиг осторожного соглашения с режимом Якова». Друг Локка Джеймс Тирелл представлял собой типичного вига и именно поэтому из-за склонности короля к веротерпимости был «готов позволить себе прекратить возражения против приостановки королем законов»⁶.

В ревизионистском изложении именно тори и представители англиканской церкви первыми повернулись против Якова в 1687 и 1688 годах, и сделали это исключительно по религиозным соображениям. Тори были недовольны обязательствами Якова относительно религиозной терпимости. Яков, как заметил Тим Харрис, сам «спровоцировал широко разросшуюся оппозицию со стороны своих протестантских подданных, и в особенности со стороны тори с англиканскими интересами». Именно тори, доказывал Марк Голди в своем самом широко распространенном ревизионистском анализе, «поднялись, чтобы обуздать приверженность Якова папе и вигам», поднялись «в ужасе от призрака появления баптистских полковников и лицемерных квакеров-торгашей, выступающих в Уайтхолле и в Ратуше, так же как и от отвращения к папизму и иезуитству».

Тори и клирики, разумеется, не прибегли к политическому сопротивлению — они остановили свой выбор на пассивной лояльности. «Англиканская политическая теология» сводилась к «признанию законной идеологии сопротивления короне» не путем открытого политического сопротивления, а путем подчеркивания «обязанности духовных пастырей воспитывать своего правителя в правильной религии». Этих людей подвигло к действию в основном «отвращение» к политике терпимости Якова. «Не абсолютизм Якова провоцировал гнев тори, — утверждал Голди, — а дела, к которым он прилагался». Оппоненты Якова защищали «скорее божественные законы, чем законы земные»⁷. Яков в ревизионистском толковании проиграл не потому, что смог

спровоцировать либеральную в основе своей английскую политическую нацию, а потому, что, проводя либеральную политику, разозлил небольшую, но фанатичную политическую элиту.

В интерпретации вигов Яков II проводил иррациональную прокатолическую политику, которая объединила против него английскую политическую элиту. В ревизионистской трактовке Яков II проводил политику умеренности и терпимости, которая раздражала нетерпимую и предубежденную англиканскую церковь. По моему же мнению, Яков внедрял агрессивную и очень современную идеологическую идею — современную не потому, что она была особо терпимой, а потому, что она впитала самые современные понятия о построении государства.

Политическая программа Якова вызывала различные реакции, многие из которых сами по себе были революционными. Я считаю, что и изложения вигов, и изложения ревизионистов несправедливы к идеологии Якова. Никто из исследователей не поставил устремления Якова в сложную европейскую интеллектуальную обстановку, в которой они развивались. Яков не был простым римским католиком. Он глубоко проникся современными взглядами и убеждениями, развившимися при дворе Людовика XIV. Поклонник галликанства Людовика XIV, активно поддерживаемый иезуитами и резко критикуемый Иннокентием XI и остальной католической Европой, возвышал власть государя и настаивал на уничтожении религиозного плюрализма. Яков не стремился стать таким, как другие монархи континента, — он активно искал свою модель правления в успешных и целиком новых стратегиях, характерных для Людовика XIV. Одновременно Яков искал способы, как обратить в католичество свою страну и модернизировать свое правительство. Именно эти практики куда скорее, чем отвращение к самой религии Якова, могли вызвать сопротивление.

Хотя ревизионисты не ошиблись, утверждая, что часть англичан противостояла Якову по чисто религиозным соображениям, и многие из них считали, что Якова можно остановить только гражданским неповиновением, это лишь малая часть причин. Некоторые тори пришли к заключению, что политика Якова заслуживает сопротивления. А часть адептов англиканской церкви, более склонная к точке зрения вигов, пришла к заключению, что Яков нарушил конституцию и ему нужно противиться. Действительно, в то время как довольно много вигов охотно приняли

Декларацию об Индульгенции 1687 года, огромное большинство их к середине 1688 года уже решило предпочесть гражданскую свободу религиозной. На деле даже многие римские католики — те, чьи верования были созвучнее с Иннокентием XI, чем с Людовиком XIV, — тоже повернулись против Якова.

Тем не менее политика Якова не была ни глупой, ни иррациональной. Именно по этой причине некоторые англичане чувствовали необходимость составлять планы революционной трансформации. Политика модернизации Якова II требовала столь же современного ответа.

Историки не поняли идеологической концепции Якова II, потому что настаивали на изучении его действий в узкобританском контексте, в то время как король и его современники воспринимали свой мир в европейских терминах. Яков II был галликанским римским католиком конца XVII века. Его превращение было глубоко прочувствовано и хорошо аргументировано. Но европейский католицизм в конце XVII века не был единообразным. Внутри церкви существовали глубокие теологические и политические разногласия. Примкнув к церкви, Яков поневоле был вынужден принять какую-то позицию в этих спорах. И только серьезно учитывая природу и характер католицизма Якова, становится возможным понять его действия как короля.

* * *

Европейцы к концу 1680-х годов были прекрасно осведомлены, что нет любви между его христианским величеством Людовиком XIV и папой Иннокентием XI. «То, что вызывает столько шума теперь, — это спор между Францией и Римским престолом», — написал английский посланник и писатель Джордж Этередж о европейской политической сцене. К концу 1687 года напряжение между дворами Версаля и Рима вышло из-под контроля. Папа отказался принять нового французского посла, маркиза де Лавардина. В январе 1688 года английский посол в Париже Бевил Скелтон услышал, что «два курьера, выехавшие из Рима», докладывают, будто «папа отлучил от церкви монсеньора де Лавардина».

Людовик XIV, как и следовало ожидать, был в ярости. Он публично заявил, что примет меры, которые, «вероятно, будут не

особо приятны папе». Распространились слухи, что эти меры включали в себя французское вторжение на папские территории и что французский король намерен «сбросить папскую власть». Со своей стороны Иннокентий XI известил, что он «спокойно ждет самого худшего из того, что способен сделать для него Его X[ристианское] B[еличество], и что он встретит войска, посланные против него, с распятием».

Хотя никакие французские войска не пришли грабить Рим и Людовик XIV никогда не отвергал авторитета папы, отношения между Парижем и Римом оставались холодными. «Нам следует дожидаться другого папы, прежде чем мы увидим конец этого дела», — верно заметил Джордж Этередж⁸.

Напряжение между папством и французским королем не успокоили и события судьбоносного 1688 года. Людовик взбесил папу, организовав выборы своего кандидата, Уильяма фон Ферстенберга, епископом-выборщиком в Кёльне. Иннокентий XI заявил, что это назначение было «навязанным, узурпаторским и продажным». К августу 1688 года европейские наблюдатели соглашались, что борьба за Кёльн создает «некое подобие войны». Людовик XIV еще больше задел папу, вторгшись в сентябре в папский город Авиньон. Папский двор *«теперь находится на пике негодования из-за Авиньона и епископа, взятого в плен, — рапортовал английский посланник в Риме Джон Литкотт. — Папа не может ничего сделать, только злится все больше и больше, и раз не способен сопротивляться мирским оружием в схватке, он применяет духовное»*. Папа и его пропагандисты осуждали Людовика XIV перед всеми, кто соглашался их слушать. Сам Иннокентий назвал французского короля «главным врагом Европы». Его пропагандисты обвинили Людовика в стремлении стать «всеобщим монархом Европы». Неудивительно, что нидерландский дипломат Эверард ван дер Вееде хеер ван Дийквельдт держал портрет Иннокентия XI в своей спальне, окрестив его «протестантским папой»⁹.

Иннокентий XI не только боялся и ненавидел Людовика XIV — он также все больше ненавидел франкофильское Общество Иисуса. И шотландский католик Уильям Лесли, и шотландский протестант Гилберт Бернет утверждали, что в Риме иезуиты «рассматриваются скорее как противники, нежели как друзья этого двора». В особенности папа боялся, что иезуиты «настроят правителей против его двора, а особенно же утвердят Францию

в их теперешних взаимоотношениях, в чем Рим видит оскорбление себе»¹⁰.

В центре конфликта между Людовиком XIV и Иннокентием XI лежал спор о значимости авторитета суверена. Их борьба началась со спора о праве на *регалии* — праве пользоваться подомходным налогом с вакантных епархий и назначать духовных лиц в приходы, зависимые от этих епархий. Настаивая на своих правах на *регалии*, сторонники папского престола призывали Людовика XIV «не выхватывать из [папских] рук права Церкви». В 1682 году епископ Мёза Жак-Бенье Боссье и архиепископ Парижа Франсуа де Эрле де Шампваллон сыграли центральную роль в составлении галликанской «Декларации священнослужителя Франции», защищавшей позицию Людовика XIV и отрицающей как светскую власть папы, так и его непогрешимость. В 1687 году Людовик XIV также предпринял усилия, чтобы ограничить папскую власть в его собственных владениях. Посол Людовика XIV отказался дать так называемые дипломатические привилегии, которые в результате распространяли дипломатическую неприкосновенность на весь квартал, где располагалось французское посольство. Людовик XIV помешал папе утвердить власть внутри его собственного города¹¹.

Иннокентий XI также не одобрил жесткие меры, предпринятые Людовиком XIV, чтобы примирить гугенотов с римским католицизмом. Несмотря на все усилия французского двора при явном участии папского секретаря кардинала Сибо, державшего Иннокентия XI в неведении о насильственном обращении гугенотов, папа в конце концов узнал о проведении *драгонад**. В 1686 году он ответил повышением одного из самых красноречивых французских противников *драгонад* епископа Ле Камуса из Гренобля до звания кардинала. Автор франкофобского памфлета «Дух Франции» был прав, предполагая, что Иннокентий XI считал, будто обращение гугенотов «следовало проводить аргументами и хорошими примерами, а не силой и жестокостью»¹².

Современники в Британии хорошо понимали, что это франко-папистское напряжение и антипатия папы к иезуитам имели потенциально важные последствия на Британских островах. «*Последние наши газеты и недельные обозрения были настолько запол-*

* Так именовалась практика отправки на постой в недовольные районы драгунских войск. (Прим. ред.)

нены спорами между папой и французским королем, что они стали немалой частью разговоров в городе», — докладывал Гилберт Бернет в 1681 году. Собственный трактат Бернета давал английской аудитории детальный рассказ о превратностях в отношениях иезуитов с верховной властью и ненависти папы Иннокентия XI к Обществу Иисуса. Ко времени правления Якова II английская аудитория хорошо разбиралась в этих идеологических спорах. «Можете представить, как нам не терпится услышать, как же это великое дело между папой и французским монархом будет разрешено», — писал Джеймс Фрейзер из Лондона сэру Роберту Саутвеллу.

Земли Якова II были не единственными, где с напряжением следили за постоянно ухудшающимися отношениями между французским монархом и папой. «Я сердцем переживаю за слишком, слишком глубокое проявление прискорбного разрыва [между папой и Людовиком XIV]», — писал шотландский католик Александр Данбар из Эдинбурга, потому что этот разрыв приносил много «вреда Церкви Господней... от него мы на нашем острове начали испытывать печальные последствия, которые, боюсь, только начинаются».

«Папа хорошо известен как член группы противников иезуитов, он оклеветан ими, и, следовательно, придерживается противоположной политики по отношению к французскому королю, который теперь является истинным генерал-капитаном иезуитов, как формально им является король Испании», — отмечал в предисловии к своей книге лондонский пресвитерианец Роджер Моррис¹³.

Политическая и идеологическая напряженность между королем Франции и папой в конце XVII века создавала определенный фон, без которого невозможно понять отношение к католикам и католицизму, существовавшее при дворе Якова II. По мере того как Людовик XIV и Иннокентий XI занимали все более непримиримые позиции, современники все более осознавали, что спор идет в основном о королевском суверенитете и об отношении к религиозным меньшинствам. Обе эти проблемы, конечно, были центральными и на Британских островах.

* * *

Яков II оставлял мало сомнений о своих идеологических симпатиях в борьбе между Иннокентием XI и Людовиком XIV. Он

все больше окружал себя советниками из числа иезуитов и франкофилов.

Яков находился под глубоким влиянием французского католицизма. Яков отрекся от англиканства в 1669 году перед живущим во Франции иезуитом отцом Эдвардом Симеоном. Всю жизнь Яков проявлял «большую любовь» к иезуитам. Один католический историк XVIII века, живо интересовавшийся идеологическими различиями внутри европейского католицизма, описал Якова как «трагически преданного иезуитам». Современный ученый предположил, что иезуиты были «направляющей духовной силой в обращении и благочестивой жизни Якова». Он поддерживал теплую и задушевную переписку с иезуитом духовником Людовика XIV, отцом де Ла Шезом. В 1680-х годах Яков проявлял серьезный интерес к работам Боссюэ, харизматического проповедника и, вероятно, самого влиятельного галликанского теолога этого поколения. Заключение для заинтересованных современников было неизбежным. «Иезуитская партия имеет очень большое влияние при дворе, их много, король Франции имеет там свои уши почти постоянно, — замечал Роджер Моррис, — и благодаря им доминирует во власти и влиянии»¹⁴.

С момента обращения Яков никогда не колебался в своих обязательствах. Старому другу и порученцу англичанину графу Дартмутскому он признавался в своих надеждах, что «Бог оказывает мне свою милость, давая возможность принять смерть за истинную католическую религию». Политические преимущества для него не играли роли — даже если, поменяв веру, можно было предотвратить попытки врагов лишить его трона. Яков настаивал, что никогда не «будет притворяться и не изменит своего мнения относительно религии, которую разделяет сейчас».

Эта религия с самого начала имела профранцузскую ориентацию. Когда Яков в начале 1669 года впервые рассказал своему брату Карлу II, что он перешел в лоно католической церкви, братья обсудили «пути и методы, пригодные для продвижения католической религии в их владениях», заключив, «что нет лучшего пути для осуществления этой громадной работы, чем делать ее совместно с Францией». Хотя этот ранний проект внедрения католицизма в Англию так и не дал плодов, Яков сохранил свое влечение к католицизму французского типа. Будучи королем, он никогда не упускал возможности похвалить «величие духа, доб-

родетельность и набожность» Людовика XIV. Поэтому никто не удивился, когда испанский посол дон Педро де Ронквилло рассказывал своим наперсникам, что Людовик XIV и Яков II находились «в полном согласии» и «равно противостояли претензиям папы». Яков был хорошо известен своей «твердостью в любом решении, которое когда-либо принимал»¹⁵.

Вскоре после восшествия на престол политические интересы Якова оказались в противоречии с его религиозными симпатиями. В течение нескольких недель после смерти Карла II Яков создал отдельный католический кабинет министров, который включал его старых друзей — Ричарда Тэлбота (будущего графа Тирконнеля) и Генри Джермина, лорда Дуврского. Эта группа сначала была дополнена вторым кабинетом министров, который включал зятя Якова II, влиятельного графа Рочестера. Однако Яков оказывал растущее давление на Рочестера, чтобы обратить его в католицизм. Отказ Рочестера и его последующее отстранение Яковом преобразовали католический кабинет в реальное правительство Англии. Эта современная, гибкая и идеологически спаянная группа заменила традиционный и громоздкий Тайный Совет — традиционную группу королевских советников — в роли ключевого органа политической власти. В этом кабинете обсуждались «принципиальные дела» и принимались решения. Религиозно плюралистический Тайный Совет превратился в почетный орган, просто ратифицирующий решения исключительно католического кабинета министров. Тайный Совет, отмечал доверенный человек Якова, католик и военный сэр Эдвард Хейлз, существовал «больше ради имени, чем для дела», просто чтобы «объявлять королевские резолюции» после того, как они были обсуждены и выработаны в современном «кабинете»¹⁶.

Однако вскоре стало ясно, что «среди католиков нет полного согласия». Французский посол Поль Барильон охарактеризовал раскол как вражду между «самой талантливой» партией, которая располагала ухом короля, с одной стороны, и «богатыми и авторитетными католиками» — с другой. Во всех своих донесениях Барильон пояснял, что иезуиты действуют в согласии с предложениями «самого умного» совета. Хорошо информированный Роджер Моррис знал, что при дворе идет борьба между «иезуитскими интересами под здешней рукой короля Франции», включавшей вновь прибывших отца Уорнера и отца Моргана, и «пап-

скими интересами, то есть антииезуитской партией». К 1687 году Моррис понял, что иезуиты, поддерживаемые отцом де Ла Шезом и Людовиком XIV, «полностью одолели у нас и сломили силы папы и итальянские интересы». Августинский аббат Ратисбона, Пласидус Флеминг, который провел много времени при дворе Якова II, заключил, что иезуиты «там всемогущи и смыывают все перед собой, как ливень, не считаясь с духовенством или с нами». Католический историк XVIII века Чарльз Додд, который имел доступ к ряду католических манускриптов, ныне утраченных, соглашался, что «делами целиком управлял кабинет министров», который состоял из недавно обращенных «католиков с горячими головами»¹⁷.

К 1687 году, как соглашались все комментаторы, Яков II принимал советы исключительно от французской партии в среде католиков. Уильям Лесли горько жаловался из Рима, что Яков II «одержим страстью, склоняет ухо только к иезуитам и не слышит других». Посол Барильон с триумфом докладывал своему хозяину, что «*католическая группировка* [под которой он подразумевал профранцузскую фракцию] *здесь полностью доминирует, пользуется особым доверием и вся власть находится в их руках или руках тех, кто открыто им благоволит*». В Германии Якова II считали «прекрасным французом». «*Все, даже самые убежденные протестанты в Уайтхолле, — в отчаянии признавался Роджер Моррис своему дневнику, — ухаживают только за отцом Питерсом, Уорнером, Морганом, Уайтом или другими иезуитами, так как ни один другой человек не представляет никакого интереса*». Нидерландский посол Арноуд ван Циттерс соглашался, что иезуиты «ежедневно приобретают все большее доверие при дворе».

Хотя все это так, но, как заметили многие ученые, иезуиты не имели абсолютного монопольного влияния при дворе, все советники Якова работали в одном направлении. «Иезуиты и все его сторонники, даже бенедиктинцы, хотя они и считаются врагами иезуитов, испытывают французское влияние», — заключал шотландский шпион Джеймс Джонстон¹⁸.

Яков II окружил себя советниками, которые без колебаний выбирали связь с французским двором и французским католицизмом. Одним из самых выдающихся и наиболее неоднозначных советников Якова II был отец Эдвард Питр, иезуит. Питр происходил из старой католической аристократической семьи, но мно-

го лет до воцарения Якова II прожил во Франции. Его любовь к Франции и французскому католицизму не подлежала сомнению. И посол Берильон, и особый посланник Уссон де Бонрепо были уверены в «благоговении» Питра перед Людовиком XIV. А члены папской партии, наоборот, жаловались, что Питр «слишком привязан к интересам» Людовика XIV. Когда отец Питр был допущен в ноябре 1687 года в Тайный Совет Якова II, Роджер Моррис увидел в этом сигнал папе, «что его направили иезуиты, а не папская группировка, чтобы полно осведомлять короля Франции, который будет этим чрезвычайно удовлетворен». Нет также и особых сомнений о степени влияния Питра на Якова. И протестант граф Эйлсбери, и автор иезуитских провинциальных писем соглашались, что отец Питр был королевским наперсником с самого начала правления. Вскоре Питр вытеснил явно аполитичного отца Мансье в качестве духовника Якова и был награжден элегантными покоем в Уайтхолле. В результате придворные Якова II «считали, что никто не пользуется большим доверием короля». Действительно, многократные просьбы Якова к папе даровать отцу Питру кардинальскую шапку подтверждают особые отношения иезуита с королем¹⁹.

Роберт Спенсер, граф Сандерленд, вместе с отцом Питром был одним из «двух ведущих министров» во время правления Якова II. Все комментаторы соглашались, что с момента восшествия Якова на престол Сандерленд пользовался полным доверием короля. Хотя Сандерленд до июня 1688 года номинально оставался протестантом, и католики, и протестанты знали, что это лишь вопрос времени, когда он признает свои религиозные предпочтения публично. Сандерленд, как считал сын архиепископа Йоркского Гилберт Долбен, «ближе к сердцу короля, чем любой из прочих советников, как самый продвинутый из всех на пути к папизму».

Хотя мы мало знаем о личных религиозных симпатиях Сандерленда, его политические склонности имеют решительную профранцузскую ориентацию. Сандерленд был «близким другом» посла Берильона. И испанский посол, и Роджер Моррис дружно описывали Сандерленда как «голову» франкофильской группировки при английском дворе. Сандерленд был настолько близко связан с галликанской группой, что в начале 1688 года считал возможным принимать значительные взятки от Берильона ради дальнейшего продвижения французских интересов²⁰.

В 1687–1688 годах сэр Николас Батлер также присоединился к отцу Питру и графу Сандерленду в Совете министров Якова II. Роджер Моррис считал, что Батлер «был в таком фаворе» у Якова II, «как никакой другой подданный, конфиденциально участвуя во всех планах и оказывая большое влияние на них». Прошлое Батлера остается темным — но известно, что в качестве специального таможенного чиновника он долго был «секретным советником» для обоих, — и для Якова, и для его брата Карла II. Ранее Батлер был пресвитерианцем и членом анабаптистской общины, он обратился в католицизм в апреле 1687 года. Хотя мало известно о его католических деяниях, то, что он «близко сотрудничал с лордом Сандерлендом и отцом Питром», а также был любимцем Берильона, намекает на его франкофильство²¹.

Почти столь же всецело, как на Питра и Сандерленда, Яков полагался на шотландцев братьев Драммондов. Джеймс Драммонд, граф Перт, был лорд-канцлером Якова в Шотландии и получил широкую известность как главный министр короля севернее Туида*. Его брат Джон, граф Мельфор, служил Якову II секретарем по делам Шотландии и все более набирал влияние в качестве советника. Мельфор, как соглашается большинство комментаторов, был примечательно талантливым человеком. Роджер Моррис считал его *«личностью огромных способностей и в политике, и в ловкости... настойчивым при внедрении и продвижении последних методов процесса распределения власти и всего от нее зависящего и в Шотландии, и в Англии»*. Уильям Фуллер, который в качестве секретаря маркиза Поуиса имел возможность присутствовать при множестве частных дебатов Якова II, соглашался, что Мельфор был «человеком чрезвычайно проницательного ума, трезвым, честным и усердным в службе своему королевскому хозяину». Он добавлял, что «ни одна знатная персона при дворе не находилась чаще у уха короля и королевы, чем мой лорд Мельфор». Оба брата Драммонд обратились в католицизм при Якове II, и оба частично были обязаны своим обращением епископу Боссье. «Прекрасная книга епископа Мёза, объясняющая доктрину церкви, — писал Перт Анне Хантли о своем обращении, — была мне такой великой помощью, что я бы ежедневно целовал ноги этого почтенного епископа». «Надо закрывать глаза

* Река на границе Англии и Шотландии. (Прим. ред.)

на свет, чтобы избежать правды, — писал он самому Боссье, — столь ясно все изложено вашим превосходным пером». Преклонение Перта перед Боссье привело к переписке этих двух людей в течение всей их жизни. Мельфор, который обратился в католицизм через несколько месяцев после брата, также установил близкие контакты с Францией. Он вел регулярную и секретную переписку с маркизом де Сеньелэ, одним из государственных секретарей Людовика XIV. Мельфор тоже тесно работал с отцом де Ла Шезом. Использование Яковом II братьев Драммонд показало его способность полагаться на умных и компетентных администраторов и его идеологическую принадлежность к французскому католицизму²².

Яков не только выбирал советников с франко-католической ориентацией — он постарался, чтобы его сыновья разделили галликанскую ориентацию. Незаконный сын Якова, Джеймс Фицджереймс, герцог Бервик, вспоминал, что *«как только мне исполнилось семь лет, меня послали во Францию, чтобы я получил там католическое образование, приобщился к апостольской и папистской религии»*. В 1684 году он вернулся во Францию «и по совету отца Питра» был помещен в иезуитскую школу в Ла-Флеше. Яков немедленно назначил собственного французского капеллана, иезуита Луи Сабрана, чтобы секретно крестил и служил как капеллан его законному сыну и наследнику — Джеймсу Френсису Эдуарду²³.

Яков делал все от него зависящее, чтобы французские католические книги были доступны повсюду. Он рекомендовал в Уайтхолле работы Боссье вместо гугенотских всем, кто готов был слушать. Печатник короля, недавно обращенный католик Генри Хиллз, печатал множество переведенных французских работ, включая и труды Боссье. Берильон считал, что английское издание Хиллзом работы Боссье *«Изложение доктрины католической церкви»* оказало «очень хорошее действие». Особый посланник Бонрепо явно по приказу маркиза де Сеньелэ также организовал перевод на английский язык ряда галликанских полемических работ. Для этой цели Бонрепо обратился к энергичному и опытному переводчику при Сент-Джеймском дворце Генри Джозефу Джонстону, одному из шестнадцати бенедиктинских монахов, поселенных Яковом в Сент-Джеймсе.

Воспитанный как монах в Лотарингии, в 1675 году Джонстон близко познакомился с французской католической апологетикой.

После своего обращения в 1685 году Перт нанял Джонстона переводить и защищать труды своего любимого католического комментатора Боссье. Френсис Тернер, епископ Эли, верно отметил, что «аргументы, используемые последнее время во Франции», чтобы «привлечь массу новообращенных» в католическую церковь, создаются именно в Англии. Боссье, «известный основатель этой новой волны новообращенных» в католическую веру, как соглашались все, создал образец и большую часть текстов католических публикаций в 1680-х годах²⁴. Подготовка и производство католических пропагандистских материалов в Англии во время правления Якова II имеет явный французский уклон.

Как раз когда французская католическая группировка побеждала в борьбе за контроль над идеями Якова дома, то есть к осени 1686 года, она достигла доминирования и в британском ведомстве иностранных дел. Яков задал тон в сентябре 1685 года, когда назначил Роджера Палмера, графа Каслмейна, своим послом в Риме. Каслмейн долгое время был «почетным и сердечным другом» иезуитов. Берильон считал, что в Риме глава иезуитов «направляет его поведение». Но современники хорошо понимали, что такой человек едва ли мог добиться расположения Иннокентия XI. Его инструкции, полученные от Якова, настаивали на одинаковых правах назначения духовных лиц от короля — а ведь именно это и вызывало гнев Иннокентия по отношению к Людовику XIV. Собственный взгляд Каслмейна на европейскую политику не мог быть ближе к мнению французского короля и дальше от мнения папы. В Риме он заявил кардиналу Сибо, что расхождения Иннокентия с Людовиком XIV — «пустяк» и что католический мир должен объединиться в войне против Объединенных Провинций, которые являются не чем иным, как «раем для мятежников, пиратов и еретиков»²⁵.

Решение Якова поддержать Игнатия Уайта д'Альбевилля, чтобы заменить Бевила Скелтона на посту посла в Объединенных Провинциях, стало еще одной громадной победой профранцузской группировки. Д'Альбевилль был не только старым и доверенным слугой дела Стюартов, но являлся также доверенным агентом посла Берильона. Д'Альбевилль принял деньги от Франции перед самой отправкой в Нидерланды, имея «все возможные договоренности» с Берильоном. Испанский посол Ронкуилло имел основательную причину быть «в ярости» из-за назначения

д'Альбевилля, очень хорошо зная, что тот «на стороне интересов Франции».

Оказавшись в Объединенных Провинциях, д'Альбевилль встречался «по ночам» с французским послом д'Аво, координируя общие усилия. Они явно разделяли мнение об Объединенных Провинциях. Д'Альбевилль считал, что Яков II постоянно «нуждался в предлоге под рукой, чтобы объявить войну Нидерландам, как только возникнет okazия», д'Альбевилль сделал обоим, и Якову II, и Франции, хорошую услугу, когда обеспечил «возвращение в лоно католической церкви» посланника Якова в Гамбурге Питера Виши. Неудивительно, что при такой идеологической ориентации растущего дипломатического корпуса Якова Виши посещал службы в церкви французской резиденции в Гамбурге²⁶.

Назначение Бевила Склтона вместо сэра Уильяма Трамбулла послом во Францию стало лишь видимым проявлением противоречивой новой политики Якова с наймом на службу в министерство иностранных дел исключительно католиков. Патологическая ненависть Склтона к Нидерландам была легендарной, делая его врагом папского нунция и «провинциальной» католической группы. Почти так же важно, что он вел себя во Франции как католик. Аббат Пласид Флеминг заверял Чарльза Уайтфорда, заместителя ректора шотландского колледжа в Париже, что «вы наверняка найдете его своим очень добрым другом», хотя он даже не в состоянии подтвердить слухи о том, что Склтон «сделал из католической веры публичную профессию»²⁷.

Яков II окружил себя не только католическими советниками, которые имели особую ориентацию в европейских католических спорах. По мере того как разрастающийся конфликт между Людовиком XIV и Иннокентием XI заставлял европейских католиков принимать какую-либо сторону, Яков II был вынужден выбирать между папой и французским королем. Хотя Яков консультировался с широким рядом британских и европейских католиков, эти католики были неизменно на французской стороне данного грандиозного спора. Неудивительно, что Людовик XIV утверждал, что «хотя и нет договора», связывающего его с Яковом, «тем не менее нити согласия с момента его восшествия на трон образовали более устойчивое соглашение, чем может обусловливать формальный договор»²⁸.

Было ли это единение с французским католицизмом простым личным влечением? Наличествовало ли идеологическое содержание у католицизма французского стиля при дворе Якова II? Была ли поддержка католицизма Яковом и его офранцузенными последователями действительно столь необратимой, как заявляют историки?

Убедительное свидетельство указывает, что Яков и его двор были так же сильно захвачены идеологическим наполнением французского католицизма, как и его религиозными наставлениями. Боссье, который так сильно влиял на двор Якова II, был хорошо известен не только защитой католицизма от его протестантских хулителей, но также деятельной поддержкой королевского абсолютизма. Роль Боссье в создании абсолютистской галликанской «Декларации духовенства» 1682 года и его радость от результатов отмены Нантского эдикта о веротерпимости были хорошо известны в Уайтхолле. Равно абсолютистское «Политическое завещание» кардинала Ришелье было известно как «самая обожаемая книга, которую наш великий человек увидел тут за долгое время».

Другим популярным автором при дворе Якова II был бывший иезуит Луи Меймбург, которого, по словам увенчанного лавровым венком поэта и королевского историографа Джона Драйдена, тоже новообращенного католика, «заставили оставить свой орден», потому что он «поддержал светскую власть государей» против «узурпации и вторжения папства». Два трактата Меймбурга были переведены и опубликованы в Англии в 1680-х годах. В обеих работах он оказался более чем достойным характеристики Драйдена. Он с энтузиазмом осудил теоретизирования Роберта Беллармина и Франциска Суаре, потому что «они необычайно опасно следуют по пути еретиков», позволяя сопротивляться королям. «Ни папа, ни Церковный Собор не могут свергать королей, — говорит Меймбург, — потому что «Иисус Христос и апостолы» были «первыми, кто учил нас, что церковь и папы не имеют власти над мирскими делами». Искренняя лояльность первых христиан римским императорам недвусмысленно доказывала, рассуждал Меймбург, что это было «указанием господя, переданным нам через Священное Писание — слушаться наших государей, кто бы они ни были»²⁹.

Английские публикации католиков, к которым благоволил Яков II, формулировали ту же самую идеологическую установку, которую продвигала галликанская традиция. Памфлет за памфлетом и проповедь за проповедью католические сторонники Якова превозносили власть королей. Бенедикт Джеймс Морис Коркер, который жил при Сент-Джеймском дворце в конце 1680-х годов, отрицал, что *«католики (как католики) должны верить, будто папа имеет какую-то прямую или косвенную власть над светской властью и юрисдикцией правителей»*. Римско-католический хроникер Глочестера Чарльз Триндер соглашался, что Англия должна быть «монархией, где король имеет всю власть». Джон Уилсон, чья работа была опубликована католическим королевским печатником Генри Хиллзом, настаивал, что «короли Англии являются абсолютными монархами». Католический автор трактата «Закон Короны» объяснял, что король *«получает свою корону непосредственно от Бога, перед которым единственным он и подотчетен за свои действия в правлении, а вовсе не перед людьми»*. На деле два трактата, опубликованные новой английской римско-католической прессой, определенно поддерживали понятие о «королевской прерогативе», выдвинутое галликанской церковью³⁰.

Поворот в католических публикациях объяснял, что иезуиты отвернулись от своих старых доктрин и теперь являются самыми ярыми защитниками королевской власти. Автор одного католического трактата напоминал английской аудитории, что иезуитский орден публично сжег знаменитый трактат Хуана де Марьяны «De Rege» («Правитель») за прагматический подход к вопросу «умаления королей». Теперь, уверял автор читателей, иезуиты *«на всех католических территориях, где они действуют, полностью отрекаются от этой доктрины, столь фатальной для мирской власти»*. Тетрадь для заметок иезуитского автора 1680-х годов содержит копию трактата, который настаивал, что *«папа не имеет власти и авторитета прямого или непрямого»*, даже в случае *«вероотступничества, ереси, раскола или любого другого предлога, по любому делу и в любом случае, для свержения его Священного Величества»*. Никто не высказался более ясно, чем получивший образование во Франции иезуит и королевский духовник Эдвард Скарсбрик. Абсолютная власть правителей, проповедовал он, *«оговорена для всех королей, всех держателей власти в любой форме»*.

и это справедливо для всех людей, в любом месте, во все времена и навсегда; без какого-либо типа условий, оговорок или ограничений, при уважении к обычаям, званиям и любым политическим мерам воздействия или условиям»³¹.

Католические сторонники Якова настаивали, что не существует обстоятельств, при которых королю могут сопротивляться — активно или пассивно. Джон Драйден настаивал, что «люди не могут судить, хорошо или плохо правление их короля», поскольку «это несовместимо с природой верховной власти, и они обязаны быть таковыми». Король, по мнению Драйдена, «может быть наказан единственно королем королей». *«Суверенный властитель или абсолютный монарх, — соглашался Джон Уилсон, — если он оскорбляет [позитивные] законы, не объясняется перед людьми, так как в его владениях нет никого выше, один лишь Бог».*

«Давит ли его правительство тяжело на нас несправедливостями, любыми притеснениями? — спрашивал Скарсбрик. — Хороший и плохой правители существа одной и той же власти, созданы тем же штемпелем и неприкосновенно священны, как тот, так и другой»³².

Современники понимали, что галлицизм при Людовике XIV был более лоялен королевской власти, чем все предыдущие теории абсолютизма. То же имело место и с католицизмом при дворе Якова II. Во-первых, католические защитники Якова прежде всего настаивали на активном послушании королю. Филип Майкл Эллис, бенедиктинец, живший в Сент-Джеймсе, проповедовал перед королем и королевой, что тот, кто «ведет себя просто пассивно», является «чудовищным членом общества и обязан возместить, то есть исправить и искупить свою прежнюю холодность и индифферентность». Скарсбрик утверждал, что когда доходит до лояльности, «грехи недеяния являются грехами деяния». *«Желание любви и привязанности — это огромный провал в обязанности, — гремел он с кафедры. — Все, кто остается нейтральным, в итоге оказываются потерянны для службы правительству; люди же становятся холоднее, видя подобный пример».* Вновь возведенные английские католические епископы определили эту обязанность в 1688 году. *«Вы находитесь не только под [обязательством] пассивного послушания порядкам Его Величества, установленными правительством, — сообщали епископы английским католикам*

в своих первых письмах-обращениях, — *но также в активном и радостном согласии с ним в этом*»³³.

Второе, двор католиков под французским влиянием Якова II отрицал, что подданные имеют право спрашивать (или подавать петиции протеста) о политике короля. *«Мы заклинаем вас всех воздерживаться от разговоров или действий, которые могли бы иметь малейшее неподобающее воздействие на правительство»*, — писал католический епископ в своем послании. Люди не имели права на вопрос или сомнение. *«Их обязанность, — продолжал епископ, — не упрекать людей [короля], а относиться с уважением, не рассуждать о Советах, а подчиняться»*.

Скарсбрик был не менее предусмотрителен. «Где бы вы ни обнаружили личное вмешательство в политику, комментируя прерогативы короля или разглажаясь с людьми на тему плохого управления; знайте, это будет бунтарская позиция и практика, они ведут вас к подрыву короны».

«Дискредитировать облик ваших светских или духовных начальников, — соглашался Филипп Эллис, — гораздо хуже, чем хулить церковь или грабить алтарь»³⁴.

Галликанский католицизм явно пошел гораздо дальше в возвышении королевской власти, чем большинство высокопоставленных клириков хотело идти. Даже после заговора Ржаной биржи и мятежа Монмута англиканские защитники королевских полномочий требовали только пассивного послушания королям. Высокопоставленный клирик Джон Кеттлуэлл предупреждал, что, когда правителю *«случается ошибиться в религии»*, его подданные *«не должны поддерживать его заблуждения и соглашаться с мнениями и практиками в религии, которые окажутся отличными от того, чему учит Священное Писание»*. В этом случае подданные должны воспользоваться своими законными правами для собственной защиты», если же им это не удастся, «они могут обратиться к молитвам и слезам или же любым другим мирным демонстрациям, дабы умиротворить гнев правителя». А декан Бристоля Ричард Томпсон, проповедовавший во время мятежа Монмута, позволял христианам, раз распоряжения короля «греховны», «приостанавливать свое активное послушание». Совсем немного в англиканской церкви было таких, как Томас Картрайт, епископ Честерский, и Самюэль Паркер, епископ Оксфордский — и, вероятно, некоторые другие, — кто «убеждал, что англиканская

церковь учит безусловному и неограниченному послушанию». Это явно была новая доктрина, «в которую никогда не верили в прошлые века», немногими защищаемая в Англии во времена «французских богословов»³⁵.

Католические советники Якова II не просто обсуждали теоретические prerogatives королевской власти. Они намеревались использовать эту власть на практике. Оба декрета, и Шотландская прокламация, и английская Декларация об Индальгенции, устанавливая в 1687 году свободу совести через схожие королевские указы в каждом королевстве, серьезно влияли на язык, развивавшийся в галликанских католических традициях. Современники прекрасно понимали, что упор Шотландской прокламации на то, что «все наши подданные обязаны слушаться без оговорок», был идеологической инновацией. Гилберт Бернер быстро идентифицировал источник нового языка. *«Все правители до времени Людовика Великого, даже самые ярые сторонники абсолютной власти, считали, что довольно обязать подданных подчиняться их власти и переносить все, что они считают полезным навязать им, — заметил Бернер, — но до дней последних принуждений было не более чем условностью то, что подданные были обязаны слушаться своих правителей безоговорочно»*³⁶. Галликанское настойчивое требование скорее активного, чем просто пассивного послушания создавало идеологическое препятствие для шотландской прокламации.

На отношение Якова к парламенту и в Англии, и в Шотландии глубоко влияли его галликанские связи. *«Католические владыки вполне осознают неудобства от парламента, — информировал Берильон своего хозяина в сентябре 1686 года. — Им понятно, что нельзя надеяться на хорошее до тех пор, пока двор расколот»*. Таким же образом братья Драммонд считали, что лучшей надеждой на «безопасность католиков» в Шотландии является возможность избегать сбора парламента и действовать по исключительному праву короля. Стратегии, преследуемые в двух королевствах, росли из одних и тех же идеологических корней. Едва ли удивительно, что в Англии недавний католический прозелит сэр Николас Батлер стремился переделать английские корпорации путем применения специальных уполномоченных «с властью, не похожей на власть интендантов провинций Франции». Один из самых близких советников Якова, тоже недавно обратившийся в католичество и явно надеявшийся на дальнейшую карьеру при

короле, сэр Эдвард Хейлз, являвшийся одним из лордов Адмиралтейства, заместителем губернатора объединения пяти портовых городов Англии и комендантом Тауэра в Лондоне, составил детальный план усиления королевской власти. Хейлз посоветовал Якову «отменить» парламенты, потому что «эти народные ассамблеи несовместимы с монархией, а также с правосудием». Он хотел заменить английскую милицию графств «драгунами». Хейлз надеялся также на значительный рост осведомительных средств государства. *«Генерал-губернаторы должны иметь осведомителя в каждой подозреваемой семье, чтобы тот отсылал докладные о происходящем там»*, губернатору следует иметь досье *«на каждого человека любого положения в своем графстве: какого он сословия, какой партии, какие интересы, какие взаимоотношения, для чего годится»*. Идеально, пояснял Хейлз, было бы *«уменьшить управления наших графств примерно до их размеров в провинциях Франции и, соответственно, необычайно усилить власть короля»*³⁷.

Английский придворный католицизм удивительно походил на французский католицизм. Как раз в тот момент, когда папские проповедники призывали к ограничению власти короля, католические службы и памфлетисты, поддерживаемые Яковом II и его придворными, твердили о необходимости признания безусловной, абсолютной власти своего короля. Придворные католики времен правления Якова II не стеснялись в восхвалениях королевского абсолютизма или демонстрации идеологической близости с двором Людовика XIV. Яков и его придворные не были столь политически умеренными, как заявляют исследователи-ревизионисты. Они строили громадные планы преобразования английской политики по модели современной им Франции. Яков очень много сделал для того, чтобы воплотить свою католическую идеологию на практике. Но даже эти достижения бледнеют в сравнении с тем, что намеревались сделать некоторые из его близких советников.

* * *

Французский католицизм повлиял также и на отношение Якова и его придворных к понятию религиозной терпимости. Галлицисты не были просто абсолютистами — они также верили, что сила зачастую необходима, чтобы сломать волю упрямых раскольников и еретиков. Так как Яков и его ближайшие советники являлись крайними галлицистами, ревизионистские исследователи

ошибаются, описывая их как религиозных умеренных, согласных терпеть плюрализм в религиозной сфере. Яков сам часто и публично заявлял, что верит, будто «никто не имеет и не может иметь никакой власти над совестью, кроме Господа». Накануне прибытия Вильгельма в Англию в 1688 году Яков жаловался шотландскому квакеру Роберту Баркли, что сделал бы любую уступку, чтобы успокоить свой народ — «кроме лишения свободы совести, чего не сделал бы никогда до конца жизни». Яков говорил Уильяму Пенну: *«Моим принципом всегда было то, что нельзя ломать совесть, а моим суждением, что люди должны иметь свободу совести»*³⁸. Также правда и то, что многие протестантские диссиденты публиковали тонкие оправдания веротерпимости, совмещая их по времени с политическими заявлениями Якова. Однако обязательства Якова перед католицизмом французского стиля накладывали ограничения на его принципы веротерпимости.

Французские католические трактаты не несли такой толерантности. Они выставляли целый арсенал принадлежащих Августину аргументов, доказывая, что протестанты — это еретики и раскольники, и делая ударение, по свидетельству одного из современных ученых, «на понятии „обращения“ через принуждение». Боссье, который имел весьма большое влияние в придворных католических кругах, надеялся скоро услышать, что ни один из прошлых гугенотов «не уклоняется» от католической службы. Луи Меймбург хвалил Людовика XIV за «уменьшение количества оставшихся протестантов». Джону Эвелину, который служил у Якова II, показали речь епископа Валенсии об «избрании французского короля (будто самим Господом) для преследования протестантов».

Конечно, ни Боссье, ни Меймбург не признавались, что сверхъестественное обращение было основано на силе. Их осуждение драгонад не подразумевало осуждения насильственного обращения вообще. Сила, полагали они, была лишь последней надеждой, которая, к счастью, не потребовалась в данном случае. Язык, которым французские католики обсуждали гугенотов, оставлял мало сомнений о границах их терпимости. Боссье называл протестантскую Реформацию «прискорбным отступничеством, которое оторвало от церкви целые народы и гонит их в царство Антихриста». Французский иезуит Доминик Бохор был не меньше озабочен сложностями, связанными с протестантизмом.

Протестанты, напоминал Бохор, *«выброшенные из упряжи духовного послушания и верности своим правителям... ввергли себя во все те беспорядки, на какие только способны люди, когда ими управляет дух лжи»*. И это происходит неизбежно, потому что *«манеры людей портятся обычно до той же степени, до какой они теряют свою веру; и эти новые еретики следуют по обычному пути безнравственности»*³⁹. Эти ужасные последствия едва ли можно предотвратить, исповедуя терпимость и даруя поблажки религиозному меньшинству.

Католическая литература, поддерживаемая Яковом и его двором, была не намного более снисходительна к идее религиозной терпимости. Джошуа Бассет, новообращенный католик и глава Сидней-Сассекского колледжа в Кембридже, в тексте, опубликованном королевским печатником Генри Хиллсом, с издевкой рассказывает, как в веротерпимой Голландии он «видел такую мешанину верований, что для меня это выглядело как Вавилон, где Господь смешал все языки». Английский иезуит Уильям Даррелл описывал протестантскую Реформацию как «болезнь». Частично это происходило потому, что для английских католиков, как и для католиков французских, протестантизм и политическая оппозиция были неотвратимо связаны воедино. Джон Драйден замечал, что «и французские, и английские пресвитерианцы в основе своей практически мятежники». *«Столь великое ухудшение нравов по сравнению с древними законами нашего правительства и такое огромное количество трудностей, в которые мы в последнее время оказались столь глубоко вовлечены, возникло в основном, если не целиком, из религиозного курса»*, — констатировал католический хронист из Глочестера Чарльз Триндер. Так как он отсчитывал ухудшение нравов от смерти Генриха VIII из-за его «разожженного аппетита», Триндер оставил своих слушателей и читателей в некотором сомнении, что религиозные проблемы действительно начались с Реформации.

Конечно, такую опасную религию далее терпеть было невозможно. Джон Бетем, который был доктором в Сорбонне и будущим наставником принца Уэльского, предсказывал, что Господь не потерпит тех, кто отказывается принять благословение единственной истинной веры. *«У Господа не хватит терпения ожидать их естественной смерти, — предупреждал доктор, — и Он поторопит их без малейшего предупреждения»*⁴⁰. Едва ли существовало

такое же количество высказываний, провозглашавших религиозную терпимость.

Действия и утверждения католиков, близких к Якову, были ничуть не более лояльны. Посол Якова при папском престоле граф Каслмейн публично выставил в Риме «картину Его Величества с Жаном Кальвином у его ног». Лорд-канцлер Шотландии при Якове, граф Перт, горячо надеялся, что в Шотландии не произойдет распространения протестантских молелен, так как «они вредны для правительства». Полномочный генерал ирландских капуцинов Лоуренс Даудалл описал новорожденного принца Уэльского как «мессию Великобритании, чья колыбель стоит в гробнице ереси и раскола». Сэр Эдвард Хейлз, хотя и не делал особых комментариев относительно веротерпимости среди основной массы населения, не сомневался, что государство не может допускать религиозного плюрализма. Тайный Совет, который Хейлз считал единственным коллегиальным органом, допустимым в государственной политике, *«должен быть мирным, объединившимся в интересах короля, его членам надлежит любить друг друга, как братья, поэтому все они должны быть католиками»*. Таким же образом *«крупные должности все должны находиться в руках католиков, потому что они единственный тип людей, на которых король может положиться во все времена»*. Сын Хейлза, тоже Эдуард, описал миссию университетского колледжа Оксфорда теперь с католическим главой и двумя иезуитскими капелланами как заведение *«для начала восстановления той религии»*, которая положит конец *«прискорбной бреши»* в единстве истинной церкви. Эти настроения придали определенное правдоподобие заявлению Гилберта Бернета о том, что он видел в Риме ряд писем от английских католиков, утверждающих, будто у них *«не осталось сомнений в том, что они преуспели в покорении Англии»* римско-католической вере¹¹.

Существует убедительная причина предполагать, что Яков разделял эту точку зрения. Хотя Яков долго заявлял о своей приверженности принципам свободы совести, ясно, что для него эта свобода была средством достижения цели, а не глубоко прочувствованным принципом. Яков глубоко верил, что при должном религиозном наставлении все его подданные перейдут в католицизм. Снова и снова он сообщал французскому послу Берильону, что *«делает все возможное, чтобы развивать католическую рели-*

гию», что «его принципиальной целью является утверждение католической религии» и что «концом всех его деяний будет единство и утверждение католической религии в Англии». К счастью, заявлял Яков, протестанты сохранили ему духовную силу — силу, не очень далекую от той, о которой заявлял Людовику XIV во время борьбы с Иннокентием XI, — «больше, чем у католических королей в других странах». Яков явно был целиком захвачен аргументами, выдвигавшимися в одном французском трактате, основанном на послании Августина по вопросу жертвы, в котором он оправдывал императорскую власть, помогающую добиться религиозного единообразия. Один иезуит докладывал, будто Яков рассказал ему в личной беседе, «что он обратит Англию или умрет мучеником». Неудивительно, что хорошо информированный французский наблюдатель считал, что Яков следует «тому примеру, который он наблюдал во Франции, служившей ему образцом»⁴².

Реакция Якова на отмену Людовиком XIV Нантского эдикта вряд ли была ожидаема от человека, придерживавшегося принципа свободы совести. Далекий от возмущения из-за изменения французским королем вековой политики религиозной терпимости, Берильон доложил, что Яков «не может выразить большей радости» при виде того, что сделал Людовик XIV, «чтобы уничтожить ересь в своем королевстве». Он заявил испанскому послу Ронквилло, что эта отмена «очень похвальна и что со времени предков [то есть Людовика XIV] терпимость» ставила протестантские свободы «против законов, но теперь гораздо больше причин, чтобы отказаться от нее».

Яков радовался каждому известию о массовом обращении французских гугенотов. Французский наставник, которого Яков выбрал для родного сына, не делал секрета из своей уверенности, *«что французский король правильно сделал, обязав своих подданных придерживаться одной религии, поскольку [гугеноты] разделяют антимонархические принципы... они не должны ждать защиты и в Англии»*. Следуя за Боссье, Яков решительно отрицал распространение жестокостей, совершаемых драгунами Людовика XIV. Он публично сжег «Изложение о преследовании и притеснениях протестантов во Франции» Жана Клода как никчемную клевету. Не однажды Яков говорил французскому послу, что успехи Людовика XIV разжигают его собственные «усердие и пыл» в деле «распространения католической религии в Англии»⁴³.

Утверждения Якова о религиозных меньшинствах никак не означали утверждения о соблюдении терпимости. Когда Яков говорил об Ирландии, он вполне ясно демонстрировал, что надеется не только на позволение католическому большинству «свободно исповедовать свою религию», но также на допущение их на «военную службу, в судейство и полицию». Король не демонстрировал религиозного плюрализма и тогда, когда прибыл с обращением на север королевства. Яков говорил пренебрежительно о шотландских «фанатиках», которые посещают сектантские молельни. Он испытывал «сильное желание, чтобы только католики имели право управлять своей религией» в Шотландии, лишь неохотно признавая политическую недалекость такой политики.

Яков так страстно говорил об обращении в католицизм Шотландии, что католический священник Луис Иннес воскликнул: «Никогда в жизни не слышал так много страстных выражений для обращения нашей бедной страны, как сейчас от его Величества». Когда английский посланник в Лиссабоне пожаловался, что английским купцам не позволяют свободно исповедовать свою религию, португальский государственный секретарь ответил, что, как он знает, Яков «не будет недоволен таким поведением в этом деле». Общаясь с французским послом, Яков «часто имел оказию... осудить кальвинистов, которых он объединял с пресвитерианцами и другими диссентерами», заявляя, что они «все исповедуют республиканские принципы и являются ярыми противниками монархии»⁴⁴.

Яков выражал свое мнение о протестантизме, которое было близко к мнению галликанцев. В сборнике его трудов, опубликованных посмертно его исповедником, иезуитом Франциском Сандерсом, есть объяснение короля, что протестантская реформация обязана своему появлению и успеху самым худшим мотивам. «Гордость была причиной, по которой Лютер и Кальвин восстали против своей церкви, своей матери», — писал он. *«Жадность заставила мирян последовать за этими ложными поводырями и воспринять их доктрину, чтобы обогатить себя путем ограбления такого большого числа церквей, что они разорили, имущество которых они отобрали силой»*, — горестно сетовал Яков. Последствия такого пагубного социального движения были для него совершенно предсказуемы. *«Так как то, что они называли реформацией, было проведено среди нас, — писал Яков о появлении про-*

тестантизма в Англии, — *весь мир знает, какие это тут вызвало беспорядки и как наш остров пострадал от множества сект в церкви и нескольких мятежей в государстве*». Хотя Яков удержался от призыва к искоренению протестантизма в Британии, он сделал свои пристрастия предельно ясными. *«Когда мы заболеваем, — предостерегал он, касаясь конфессиональной преданности, — и не предпринимаем правильных действий, мы не должны удивляться, если все больше и больше сбиваемся с пути»*⁴⁵.

Яков не был защитником религиозного плюрализма, как считают ревизионистские историки. Яков и его галликанские сторонники явно не избегали антипротестантской полемики. Наоборот, они принимали галликанскую теологию и политическую идеологию Меймбурга и Боссье. Несмотря на публичное отстаивание Яковом свободы совести перед его протестантскими политическими союзниками, он не потрудился поднять голос за такую же идеологию среди своих единоверцев. Утверждения внутреннего круга Якова и тех католиков, которых он поддерживал, не имели схожести с иллюзиями терпимости квакера Уильяма Пенна, или диссентера-журналиста Генри Кэра, или даже натурфилософа из Вест-Кантри Ричарда Бертогга. Яков понимал, что он мог получить стратегическое преимущество, обеспечив поддержку религиозной терпимости. Но среди своих самых доверенных друзей и самых близких наперсников он открывал свои реальные чувства. Двор Якова не наполняла аура религиозной терпимости. Яков, как показывают факты, хотел утвердить католическую церковь, подобную галликанской церкви Людовика XIV.

* * *

Однако стиль французского католического мышления не достиг высшего статуса за время правления Якова II. Многие католики не принимали политику Якова. Проводимая людьми, далеко не самыми осторожными, но не желающая рисковать порядком в своих спокойных провинциях, оппозиция воспользовалась намеком итальянского папского нунция и испанского посла. И Яков, и его католические противники придерживались космополитической идеологической позиции. Католическая оппозиция Якову была неотъемлемой частью папской борьбы против политики и практики Людовика XIV. Резкое идеологическое расхождение разделило английские и европейские католические сообщества.

превращая политику эпохи Славной революции конца XVII века в прямую конфессиональную борьбу.

Папа Иннокентий XI был ярким критиком Якова и его политики. Граф Эйлсбери вспоминал, что «Иннокентий одиннадцатый не одобрял все, что тут делалось». Это происходило потому, что Иннокентий знал о симпатиях Якова к галликанской группировке. Джеймс Веллвуд вспоминал, что Иннокентий XI «не испытывал особой любви» к Якову, потому что питал природное отвращение к «компании, в которую, как он знал, входил король Яков». Оба француза, Эстаж Ле Нобль и друг короля Эйлсбери, соглашались, что «малая индульгенция, которую его Святейшество может даровать королю Якову, покрывается близким союзом с королем Франции»⁴⁶.

Папа обращался с послом от первого откровенно католического монарха Англии за период более чем век с демонстративным неуважением. По всем рассказам, графу Каслмейну приходилось пережидать бесчисленные отсрочки, чтобы получить аудиенцию у папы, и когда его в конце концов принимали, «папу обязательно мучил сезонный приступ кашля, который то и дело прерывал речь посла». Действия папы отлично показывали его политические симпатии. Вскоре Берильон отрапортовал своему хозяину, что *«люди тут недовольны грубостью, с которой папа отказывает во всем, что граф Каслмейн просит у него для Его Британского величества»*. В частности, Иннокентий XI сначала отказался сделать отца Питра епископом, а затем кардиналом, несмотря на личные повторные просьбы Якова. Наблюдатели были единодушны в уверенности, что Иннокентий никогда добровольно не предпочтет иезуита или члена профранцузской группировки. По контрасту было известно, что Иннокентий в 1687 году давал «частые личные аудиенции» Генри Сиднею, известному как «человек принца Оранского»⁴⁷.

Папский нунций в Лондоне вскоре начал критиковать политику Якова и его галликанских сторонников. Как только папский представитель (он формально стал нунцием в 1687 году) Фердинанд д'Адда прибыл в Лондон в ноябре 1685 года, Берильон предупредил, что «министры папы и люди, целиком принадлежащие Римскому двору, не особенно расположены к Франции». Между д'Аддой, с одной стороны, и отцом Питром и иезуитами — с другой, не возникла любовь. Питр сообщил Якову II, что «д'Адда —

виг». Ему же было ясно, что неприязнь д'Адды к Питру носит более идеологический, нежели личный характер. Шотландский католик Ричард Хэй жаловался, что д'Адда часто публично «обзывает французов еретиками».

В общем, д'Адда нашел много недостатков в политике обращения в католицизм Якова. Он «горестным тоном» обсуждал действия Якова и Эйлсбери, с которым Яков был очень дружен. Джеймс Веллвуд также докладывал, что у папского нунция «слишком много здравого смысла, чтобы одобрить все меры, которые принимались [Яковом]». Берильон тоже отмечал сопротивление д'Адды различным политическим инициативам Якова⁴⁸. В частности, д'Адда был чрезвычайно критичен по отношению к процедуре переобращения колледжа Мадлен в 1687 году и использованию Яковом права отправлять правосудие⁴⁹.

Идеологические симпатии папского нунция разделялись послом Его Католического величества короля Испании. Ронквелло и д'Адда вместе действовали против доминирования французской католической группировки при дворе. На первой аудиенции с новым королем Ронквелло предупредил Якова, чтобы тот не учитывал мнения «о нем некоторых священников». Уже к концу 1685 года Ронквелло публично осуждал обращение английского короля с парламентом. Он зашел так далеко, что заявил, будто «безопасность монархии зависит от парламента» — утверждение абсолютно и радикально противоположное позиции галликанцев по поводу верховной власти. Ронквелло жаловался всем, кто желал его слушать, «что король Англии целиком предан королю Франции и заключил личный союз или контракт с ним для поражения Германии, Фландрии и Голландии». Едва ли стоит удивляться, что испанский посол в конце 1688 года делал копии «Декларации причин» Уильяма для «любого, кто ее хотел»⁵⁰.

Папский нунций и испанский посол имели поддержку со стороны некоторой части английского католического сообщества. Многие английские католики давно питали отвращение к иезуитам и всему монашескому духовенству. Недавние исследования показали, что с начала семнадцатого века среди английских католиков шли оживленные и глубокие дебаты между сторонниками ожившего католического епископата и защитниками трактовки Англии «как миссионерской территории, больше похожей на Новый Свет, чем на европейское христианское государство». Белое

духовенство, противники иезуитов, доказывали, что «католический епископат в Англии поможет обуздать политический экстремизм в Англии». Теперь известно, что эти идеи «не потеряли своей силы и интенсивности после 1660-х годов». То есть существовала длительная традиция космополитических и антииезуитских, хотя и не оформленных настроений даже среди английских католиков.

Этот раскол, без сомнения, стал еще глубже, когда французские иезуиты полностью солидаризовались с абсолютистскими принципами, поддержав идеологию галликанства. Во время Кризиса Отстранения многие английские католики «начали хулить иезуитов, утверждая, что истребляли бы их огнем и мечом». Отец Хаммертон вспоминал, что «большинство католиков» в это время бранило иезуитские «принципы как пагубные для правительства и ведущие к мятежу». Мало что изменилось и при правлении Якова. Пресвитерианец Роджер Моррис знал, что «большинство наших английских папистов тайно сочувствуют и благоволят антииезуитской группе». Во вновь освященной католической церкви в Холливудхаузе священник произнес проповедь, тема которой была направлена против иезуитов. После революции граф Тирконнел, сам не критикуя иезуитов, признавал, что даже среди католиков «этот век не питает слишком большой любви к иезуитам»⁵¹.

Глубоко укоренившаяся антипатия английских католиков к иезуитам создала благодатную почву для развития идеологической оппозиции к католицизму французского типа, поддерживаемому двором Якова II. *«Все те, кто недоволен добрым взаимопониманием с Францией, считают, что король движется слишком быстро в сторону уважения католицизма»*, — докладывал Берильон. Иезуитский информатор отмечал, что *«несколько католиков лордов сообщили королю, будто его величество движется слишком быстро и работает слишком усердно для утверждения своей веры»*.

«Большинство умеренных католиков всегда и до сих пор безрезультатно пытались убедить его величество», — замечал нидерландский посол ван Ситтерс. Протестантские комментаторы Даниэль Дефо и Джеймс Веллвуд оба отмечали, что Якова поддерживало меньшинство католиков, к этому меньшинству Веллвуд относил «в основном фанатиков некоторых религиозных орденов и новообращенных». «Богатые паписты стали испытывать приступы дурноты, — отмечал маркиз Галифакс, который всегда был

хорошо информирован о политических течениях, — и хотели бы остановить карьеру, которая может в итоге оказаться для них столь опасна». Многие католики следовали за Иннокентием XI в своем недовольстве назначением отца Питра в Тайный Совет. Роджер Моррис был в числе отмечавших, что Питр *«встречает гораздо большую оппозицию не только в виде антипатии английской нации, но также и со стороны графа Дада и всех антииезуитски настроенных папистов, чем можно было предвидеть»*⁵².

Многие отдельные католики желали осведомить о своей оппозиции галликанской политике Якова. Католик и джентльмен сэр Уильям Горинг из Сассекса «упрекал своих друзей той же религии за их недомыслие и суету, добавляя, что «вы погубите этим нас всех». Оба, и лорд Балтимор, и граф Гордон, давали понять, что они «принадлежат к антииезуитской и антифранцузской группе, поддерживают папу, и поэтому с ними плохо обращались несколько последних лет». Это хорошо объясняет, почему Яков II вовлек сэра Роберта Сойера в разговор о грамоте на Мэриленд, пожалованной «предкам лорда Балтимора». И маркиз Поуис, и граф Миддлтон имели мало влияния при дворе до революции, потому что являлись противниками галликанской группы. Оппозиция Поуиса была так хорошо известна, что когда в 1688 году возбужденная антикатолическая толпа приблизилась к его лондонскому дому в Линкольн-Инн-Филдз, то обошла его, так как кто-то в толпе закричал: «Оставьте его, лорд Поуис был против епископов, пробравшихся в Тауэр». Папский викарий Джон Лейбурн, поддерживавший тесные связи с могущественной группой католического белого духовенства перед гражданской войной, а позднее служивший главой антииезуитского английского колледжа в Дуэ, обвинялся иезуитами в трусливой умеренности. Кардинал Филипп Говард, бывший наниматель Лейбурна, также был противником «дикого курса», избранного в Англии, советуя взамен «медленный, спокойный и умеренный курс». Это, вероятно, объясняет, почему его так ненавидели иезуиты, которые «заправляли курятником» при дворе Якова II⁵³.

Как раз когда католики французского уклона, окружавшие Якова, сформулировали ясную идеологическую позицию, католики, стоявшие ближе к папе и Габсбургам, развивали альтернативную идеологию. В 1685 году было ясно, что те католики, «которые ближе всех ко двору Рима», советуют королю *«присоеди-*

ниться к интересам, противоположным интересам Франции, чтобы заполучить сердца людей и огромную поддержку от парламента». Эти католики хотели «согласия с принцем Оранским и парламентом», считали себя «добрыми англичанами», которые возражают против передачи королю «слишком большой абсолютной власти» за счет «привилегий и свобод» нации.

Ноябрьская речь Якова 1685 года перед парламентом, в которой он объявил о своих намерениях незаконно оставить в армии офицеров-католиков, вызвала волну критики от этой группы католиков. Лорд Белласис спросил графа Эйлсбери: «Кто мог быть автором этой речи? Я отмечаю эту дату как день краха всех моих убеждений». Еще больше католиков, таких как влиятельный маркиз Поуис, возражали против назначения франкофила графа Тирконнела генерал-губернатором Ирландии. Католическая оппозиция плану Якова по аннулированию Акта о присяге и полномочий парламента была известна более широко. Джон Лейбурн находился среди тех, кто был чрезвычайно пессимистичен по поводу шансов Якова на успех. В то время как некоторые католики соглашались служить своему королю в качестве генерал-губернаторов и мировых судей, многие другие не соглашались. После внимательного рассмотрения ряда личных рукописных собраний, католический историк Чарльз Додд сообщил: «Я не обнаружил, чтобы все католики были единодушны в отношении к Присяге»⁵⁴.

Такая перспектива получить католиков, настроенных против Франции и критичных по отношению к иезуитам, демонстрировала, что линия поведения Якова II являлась не только политически ошибочной, но и идеологически порочной. Католики, чья точка зрения совпадала с чувствами итальянского папского нунция и испанского посла, ненавидели абсолютистскую политику французского стиля, защищаемую Яковом и его профранцузскими советниками. Отец Конн жаловался в Лондоне в ноябре 1688 года, что «беда обрушилась на нас из-за [наших] собственных ошибок» — имея в виду советы, данные избранными Яковом католическими советниками. Аббат Пласидус Флеминг приписывал «все несчастья последнего короля плохому совету, который он принял от иезуитов», и в особенности от отца Питра, которого он считал «одной из главных причин всех неприятностей»⁵⁵. Давно известно, что протестанты, расположенные дружески к Якову, винили в его отречении именно французских и иезуитских совет-

ников. Такие же заявления делались и осведомленными католиками. Ясно, что к концу 1680-х годов значительная часть римско-католической общины в Англии (и более широко во всей Британии) разделяла беспокойство Иннокентия XI по поводу королевского абсолютизма и насильственного обращения.

* * *

Яков II был идеологически предан радикальному французскому католицизму. Яков имел давние связи с иезуитами и галликанскими идеологами — связи, которые он поддерживал и питал до самой смерти. Кроме повышенной набожности, галликанский католицизм подразумевал расширенные обязательства по отношению к королевской персоне и августианскую враждебность к религиозному плюрализму. Эти двойные обязательства определяли идеологическую программу двора Якова II. Хотя историки склонны недооценивать влияние галликанского католицизма, сосредоточиваясь на внутрибританских факторах, было бы неверным считать религиозный стиль Якова чисто иностранным поветрием. Широкое общеевропейское противостояние Людовика XIV и Иннокентия XI, галликанского и римского католицизма, прекрасно накладывается на более давнюю борьбу в Англии между черным и белым духовенством. Обе стороны одновременно апеллировали и к тонким космополитическим аргументам, и к основательной местной поддержке внутри католической общины.

Масштабный идеологический раскол внутри католической общины и в Англии, и на континенте сделал невозможным понимание правления Якова II как части великой борьбы между протестантской и католической Реформациями. Тот факт, что терпимость англичанина Гилберта Бернета, так глубоко презируемая высшими английскими клириками, могла вызвать сочувствие в Риме у кардинала Филиппа Говарда, демонстрирует нам трансформацию религиозного дискурса с начала XVII века.

Глава шестая

Практика католической модернизации

Яков II не только принял католицизм французского стиля как религиозный и идеологический ориентир — он активно искал пути провести в жизнь свои идеи. С момента восшествия на трон он делал все, что мог, чтобы создать современное, рациональное, централизованное католическое государство. Хотя не все подданные Якова сразу оценили намерения своего короля, большинство вскоре поняло чудовищность проекта Якова. Они поняли это, потому что Яков и его новый государственный аппарат с удивительной скоростью трансформировали повседневную жизнь англичан из всех социальных классов по всей Англии.

Однако согласованность и тонкость современного стиля управления Якова часто не осознавались историками, стремившимися написать историю правления Якова в период, определяемый его выбором союза с протестантами. В этом прочтении правление Якова делится на раннюю фазу тори и более позднюю фазу вигов. В первой фазе Яков зависел в основном от представителей англиканской церкви, которые защищали его кандидатуру во время попытки отстранить его от наследования (1679–1681). В лидеры тори среди советников Якова были намечены два его зятя, графы Рочестер и Кларендон. Фаза вигов, которая началась с падения Рочестера, была временем, когда Яков повернулся к своим прежним политическим противникам, многие из которых критиковали англиканскую церковь. Некоторые предполагали, что в этой второй фазе Яков смог сформулировать свое обязательство свободы совести. Для других эта фаза была отмечена непоследовательностью. Как комментирует Дж. Р. Кенъон, трудно сказать

кто, Сандерленд или Яков, владел политической ситуацией все эти годы¹.

На деле Яков придерживался согласованной, настойчивой и тонкой политической идеологии, демонстрирующей удивительное сходство с идеологией его соседа Людовика XIV, и много делал, чтобы внедрить ее на практике во все время своего правления. Яков настойчиво преследовал две цели: усиление собственной королевской власти и обращение Англии в католицизм.

Яков, который провел большую часть молодости во французской, а затем испанской армии, давно уверился, что Англия нуждается в более дееспособной и мощной армии. Из ссылки в Шотландию во время Кризиса Отстранения он убеждал своего старого друга графа Дартмута, что гарнизонами в Честере и Бервике нельзя пренебрегать, их нужно усилить. Честер можно использовать, чтобы «держат эту страну в страхе», в то время как Бервик является *«крупным узлом для южных частей королевства [Шотландии], которые сильно отравлены фанатиками; в случае каких-либо событий в Англии может быть очень важно иметь там силы, чтобы отдать в руки лояльной партии, которая очень многочисленна в четырех северных графствах»*². Ясно, что Яков видел армию одновременно инструментом и международной, и внутренней политики.

Вскоре после его восшествия на трон в 1685 году Яков начал осуществлять свое давнее желание создать вооруженные силы, которые могли бы соперничать с континентальными армиями. Яков воплощал свою глубокую веру в авторитет королей на своей политической практике. Провалившийся мятеж племянника, герцога Монмута, как открыто заявлял Яков, «сслужил великую службу», продемонстрировав, что традиционная милиция не заслуживает никакого доверия. Мятежи, «таким образом, требуют набора и привлечения армии». Современникам сразу было ясно, что здесь имелся в виду мятеж Монмута. «У нас теперь создана регулярная армия, от чего давно береглась нация», — писал Хэмфри Прайдокс из Оксфорда в июле 1685 года. Многие члены парламента громко жаловались на парламентской сессии той осенью, что Англия теперь имеет армию, и это угрожает «исчезновением всех наших свобод сразу»³.

Яков II преобразовал английскую милицию и этим радикально изменил баланс между государством и обществом в Англии

конца XVII века. Яков, словами одного историка, «создал современную армию». Размах военных реформ Якова II показывает, что его политические амбиции шли гораздо дальше, чем стремление просто обеспечить своим единоверцам свободное отправление веры. Армия, которую Яков унаследовал от брата в феврале 1685 года, была «необычайно маленькой», насчитывая меньше, чем девять тысяч солдат. К ноябрю 1688 года Яков более чем учетверил свою армию в Англии и имел в своем распоряжении около сорока тысяч солдат. Хотя расходы на армию постоянно росли в последние годы правления Карла II, Яков более чем утроил эти ежегодно увеличивающиеся издержки⁴. Резкий рост размера армии не отражает воздействия регулярной армии Якова на английское общество. Яков преобразовал двадцать семь из почти заброшенных мест дислокации английских гарнизонов в солидные военные укрепления. Честер на западе, Карлайл на северо-западе, Бервик на северо-востоке и Ярмут на востоке соединили Гулль, Портсмут и Лондон в цепь значительных и сильных крепостей⁵.

Английские гарнизонные пункты не были достаточно велики, чтобы вместить регулярную армию Якова, поэтому новый король реквизирует под постой войск дома, гостиницы, таверны и кофейни. Билль о правах от 1628 года юридически запрещал Якову селить солдат у гражданского населения. Тем не менее многих домохозяев вынуждали расквартировывать у себя солдат. Диссентер из Лидса Ральф Торсби вспоминал, что «одним из первых испытаний, павших на нас» во время правления Якова II, был «постой солдат в домах джентльменов и в частных семьях», и с сожалением отмечал, что «на мою долю пришлось двое». Англиканец из Престона Лоуренс Росторн подобным же образом отмечает, что «у него разместили двух офицеров». В Карлайле землевладельцы утверждали, что «их погубило размещение солдат». Жители Эйлсбери в Бакингемшире и Честере «ворчали», когда военный, ирландский католик Джон Имз, расквартировал у них своих солдат⁶.

Но Яков нашел гораздо более эффективный способ расквартирования своих войск. В конце лета 1685 года он постановил, что всем гостиницам, тавернам, пивным и кофейням должен быть дан выбор: или взять на постой солдат, или потерять лицензию. Чиновники Якова разъехались по всей стране, чтобы проинспектировать все возможные для постоя места по всему королевству. Итоговый документ, составленный в 1686 году, смотрится заме-

чательным и по деталям, и по охвату. Инспекторы подсчитали, что в общественных заведениях существует чуть меньше сорока трех тысяч коек, разбросанных по 284 городам и деревням. Некоторые населенные пункты, такие как Бристоль, Ньюкастл, Солсбери и Оксфорд, могут содержать в своих общественных заведениях более пятисот солдат каждый. Другие, более мелкие города, такие как Тадкастер в Йоркшире, Тробрэдж в Уилтире, Доркинг в Суррее, Тэмворт в Стаффордшире или Пенрин в Корнуолле, могли предоставить постели примерно пятидесяти военным или чуть больше.

И это исследование не было лишь бюрократическими упражнениями. К примеру, расквартирование войск «в общественных зданиях» Гулля «город воспринял как повод для недовольства». Хозяин кофейни и цирюльник из Йорка Мармедьюк Аскоу жаловался, что когда к нему поселили четырех солдат, он больше не мог прокормить жену и маленьких детей. Людей вынуждали принимать участие в расквартировании солдат от «Солсбери и других мест на западе» до Ланкашира и Чешира. В Лондоне, писал один памфлетист, «король действительно превысил размах своих прерогатив в размещении солдат». На деле за зиму 1686–1687 годов регулярная армия Якова была размещена в более чем сотне городов и деревень по всей Англии⁷. Во время правления Якова II армия обитала повсеместно.

Но армия Якова II стала не только более многочисленной и шире расквартированной, нежели все предыдущие английские армии, — она стала также и более профессиональной. Яков прилагал все усилия, чтобы выделить свою армию из общества и изолировать ее от граждан. В июле 1686 года он постановил вопреки своим предыдущим заявлениям, что «солдаты подчиняются лишь военным законам» — то есть что «ни один солдат с этого момента не подпадает под общий закон или статутное право». Армия Якова больше не подчинялась тем же правилам, что и остальное английское общество⁸.

Так как Яков II находился под влиянием французского католицизма, то он обратился к опыту Франции, когда выбирал путь модернизации английской военной системы. Яков приложил все усилия, чтобы внедрить в своей армии новую дисциплину, новый дух и новые умения. Чтобы добиться этого, Яков сознательно

копировал самую современную армию в Европе, которую построили во Франции Людовик XIV и его военный министр маркиз де Луво. Яков признавался французскому послу Берильону, что он научился «всему, что он знает об армии», от Людовика XIV. Результатом стало его убеждение, будто только французские военные методы хороши «для воспитания солдат и офицеров» в английской армии. Неудивительно, что в начале 1686 года военный министр Якова Уильям Блэтвейт срочно написал сэру Уильяму Трамбуллу в Париж, чтобы тот «собрал все французские военные эдикты, указы и правила», чтобы использовать их для составления инструкций английским войскам, собираемым на следующее лето в Онслоу-Хит. Блэтвейт пояснял, что французской модели желательно следовать «в тех частях, где искусство войны практиковалось так мало». Желания Блэтвейта вскоре осуществились. Ричард Ли из Ланкашира узнал, что его сын «начал изучать упражнения с оружием по новому методу, как принято теперь у караула и за границей, во французской армии». Сам Блэтвейт напомнил сэру Джону Рересби обучать свои войска согласно приказу, «который отличается от прежней практики в Англии, но соответствует зарубежным уставам»⁹.

Яков демонстрировал свою новую современную армию всей нации. Каждое лето он организовывал эффектный военный смотр Онслоу-Хит. «Весь двор и почти весь город Лондон» собирались, чтобы присутствовать на этом военном представлении. Войска воспитывали не только уставами, но и примером великой победы армии над мятежниками Монмута. Шотландец Уильям Хэй, который был, вероятно, регулярным свидетелем этих смотров, считал, что новая армия Якова — «это самые лучшие войска из всех армий Европы и лучше всего обученные».

И сторонники, и критики Якова прекрасно осознавали, что смысл создания подобной армии заключался в стремлении «удерживать нацию в благоговейном страхе». Неудивительно, что автор одной пародии на католический молебен заявлял:

*Мы скромно молим Господа о чем?
Чтоб нами могли управлять мечом*¹⁰.

Новая армия была не только чуждым и непонятным явлением, силком навязанным английскому обществу. Она была также яв-

лением необычайно разрушительным. Быть может, армия Якова была хорошо вымуштрована для войны, но она не проявляла такой же дисциплины, когда дело доходило до взаимодействия с гражданским населением. Почти с самого момента создания армии в 1685 году люди по всей стране жаловались на злоупотребления со стороны солдат. Вест-Кантри, где герцог Монмут поднял свое знамя мятежа, стали первой областью, опустошенной солдатами. Жители начали мечтать об избавлении от королевской армии почти сразу же после ее прибытия, объяснял Генри Ширез, потому что «мы до сих пор гораздо большие их враги, чем мятежники».

Поражение Монмута и суд над мятежниками не положили конец тяжелым взаимоотношениям между солдатами и жителями Сомерсета, Уилтшира, Девона и Корнуолла. Более трех последующих лет опыт Вест-Кантри повторялся снова и снова по всей Англии. Где бы ни размещали солдат, они входили в конфликт с гражданским населением. Горожане, и мужчины, и женщины, жаловались на жестокость военных в Карлайле у шотландской границы, в Гулле на северо-востоке, в Уигане в Ланкашире, в Личестере в Мидленде, в Честере, в Норвиче, в Йорке и в Лондоне. В Лондоне и в Норидже женщин насиловали и убивали. В Йорке бондарю некоего Эдварда Томпсона «мечом съездили по носу». Джордж Мосон, бывший канцлер Гулля, был «выволочен из собственного дома... двумя солдатами» и надолго оставлен «немилосердно стянутым по рукам и ногам», так что «кровь хлынула из рта и ушей», пока он «не умер ужасной смертью»¹¹.

Хотя Яков заявлял об обязательной свободе совести и обещал диссентерам облегчить строгости законов против религиозных конфессий, эти идеи, очевидно, совсем не проникли в его новую регулярную армию. От Вест-Кантри до пригородов Лондона солдаты разгоняли религиозные собрания и заставляли диссентеров идти позорным маршем на виду у публики. Пресвитерианец Даниэль Дефо горько вспоминал *«невывразимые издевательства солдат, при расселении которых по прихоти властей ни семьи, ни отдельные люди не были в безопасности от любой жестокости»*¹².

Яков в противоположность мнению большинства историков, изучающих его режим, не фокусировался на развитии лишь внутри Британских островов. Он хотел иметь современную военную машину, которая заставила бы считаться с ним на европейской

и мировой сцене. Его регулярная армия была много больше, чем требовалось для поддержания мира в Англии. Кроме того, Яков, который долго являлся высшим адмиралом Англии, был просто обречен на создание современных морских учреждений.

В мае 1685 года Яков объявил обеим палатам парламента, что флот есть «сила и слава нации» и что он твердо намерен «поднять его репутацию в мире выше, чем когда-либо во времена его предков». В этом Яков также стремился следовать модели, созданной Людовиком XIV. Хотя мы склонны считать французский флот флотом второго сорта, вспоминая о его поражениях от британского флота в Семилетней войне и в Наполеоновских войнах, во второй половине XVII века военно-морские силы Франции считались самыми современными и самыми могущественными в Европе. Жан Батист Кольбер и его преемники преобразовали Францию «в мощную морскую силу», — как заключает один исследователь. Кольбер сделал это не только путем строительства самого флота, но и путем улучшения и увеличения верфей, роста административной ответственности и введя принцип списания устаревших кораблей лишь с заменой их на «самые современные» военные корабли. В частых разговорах с Берильоном и с французским морским экспертом Юссоном де Бонрепо Яков выражал восхищение французским флотом и свое желание «повторить его». Он в недвусмысленных выражениях говорил Бонрепо, что французский флот «лучший в Европе», подчеркивая дисциплину, «хорошую конструкцию кораблей» и «опыт офицеров»¹³.

Современники соглашались, что флот, который Яков унаследовал от брата, пребывал в ужасающем состоянии. В 1684 году Сэмюэль Пепис, служивший секретарем Адмиралтейства в последний год жизни Карла II и во время всего правления Якова, жаловался на «слабость» верфей, «недостойную дисциплину» и «бедность капитанов». Несколькими годами позднее Пепис вспоминал, что в 1685 году лучшие корабли во флоте «с трудом держались на плаву». Мало улучшил положение и следующий год, когда французские шпионы сообщали, что английский флот пребывает «в большом разорении и ужасно жалком состоянии». Именно в этой ситуации Яков по просьбе Пеписа предпринял «экстраординарные меры», чтобы привести флот в «состояние могущества и дисциплины». Под влиянием того, что было сделано во Франции, Яков создал особую комиссию, которая объеди-

нила Адмиралтейство и Морской Совет, пытаясь сделать флот более рациональным, эффективным и современным¹⁴.

Реформы 1686 года шли по французской модели. Хотя Яков II в пропорции тратил на флот меньшую часть бюджета, чем его брат, это происходило только потому, что и размер государства Якова был намного больше. Яков тратил на флот одну треть годового бюджета, как делал и Карл II. Однако главная разница заключалась не в росте флота, а в модернизации существующих кораблей и улучшении морской инфраструктуры. Новая особая комиссия увеличила оклад морских офицеров, привела в хорошее состояние морскую артиллерию, увеличила морские запасы и сделала множество других исправлений и улучшений во флоте. Комиссия провела важные улучшения на морских верфях, следствием которых стал резкий рост соответствующих государственных отраслей промышленности во второй половине XVII века¹⁵.

Современники быстро оценили улучшение качества флота при Якове. К ноябрю 1686 года автор одного еженедельника отмечал, что «флот внезапно оказался в лучшем состоянии, чем был в течение многих лет». Бонрепо, не щедрый на похвалы, в 1687 году считал, что английский флот «совсем в другом состоянии по сравнению с предыдущим годом». Яков II имел самонадеянность похвастать перед французскими гостями, что его корабли теперь в лучшем состоянии, чем французские. Пепис смог позднее отстоять утверждение, что во время своего правления Яков помог поднять *«флот Англии от самого глубокого состояния слабости до самого высокого положения по пути к длительному и устойчивому процветанию... которое нация когда-либо вообще видела»*¹⁶.

Яков не только модернизировал свою армию в соревновании с Людовиком XIV, он искал, как использовать государственные рычаги для ограничения публичных дискуссий и публичных дебатов. Он хотел, как и Людовик XIV, диктовать свои условия общественному мнению. Яков и его последователи, как и их предшественники, считали, что публичное обсуждение политики и неуместно, и неконструктивно. Проповеди, пьесы и поэмы советовали людям избегать политических дискуссий. Читая проповедь в Вестминстерском аббатстве, Эдуард Пеллинг напомнил своей аудитории, что ранние христиане создали хорошую модель политического и религиозного поведения. Эти люди, указывал он, «были очень усердными и честными на своем поприще; они занима-

лись только своим делом, не вмешиваясь в дела, находившиеся вне сферы их интересов, особенно в дела своих правителей». Сэр Джордж Падзи, который заседал в парламенте при Якове II и оставался страстным сторонником короля во все время его правления, настаивал, что «журналы существуют для торговли и коммерции, а не для того, чтобы задавать вопросы о политике и тайнах правительства».

*Честный всем доволен и не дует щек,
Благодарно принимая, что пошлет ему Бог.
Думает, чем заплатить налог,
Не стараясь взлететь выше крыши,*

— рифмовал один популярный создатель баллад, потому что

*— Он дурак с любой стороны,
Раз мешается в дела своей страны.*

Эпилог пьесы, поставленной в 1685 году, утверждал, что каждый, «кто оставляет свои спицы, ножницы, молоток, шило / Чтобы, вмешиваясь, болтать о делах государства премило», должен быть милосердно отправлен в дом умалишенных¹⁷.

Но Яков и его сторонники могли не только превозносить добродетели монархии. Яков имел новые ресурсы и технологии, с которыми мог ограничивать политические дискуссии населения. Он использовал большое количество оплачиваемых правительством шпионов, чтобы находиться в курсе действий политической оппозиции. Политики использовали негласных осведомителей с незапамятных времен, но только к концу XVII века такие осведомители стали неотъемлемой частью английского государства. Между 1650 и 1670 годами суммы, выделявшиеся на сбор информации внутри страны, утроились. Яков почти наверняка еще расширил подобную деятельность. Барильон считал, что Яков сильно опирается на сеть своих шпионов «в среде раскольников». Один из таких информаторов утверждал, что «люди не могут быть слишком осторожны ни с той компанией, в которой они общаются, ни с тем, что они говорят». «Ад едва ли имеет больше доносчиков и шпионов, чем содержит в каждом углу этот подозрительный двор», — говорил один литературный герой о режиме Якова II¹⁸.

Новая почтовая система, давно контролируемая Яковом, стала еще одним устойчивым и эффективным средством надзора. Шпионаж на почте оказался еще эффективнее из-за необычайного развития почтовых услуг в конце XVII века. Все виды связи — деловая, личная и политическая — велись через почту. В то время как секретарь Оливера Кромвеля Джон Терло в 1650-х годах еще пользовался тогдашней ограниченной почтовой системой как средством политического надзора, эта практика прекратилась к 1670-м. Сэр Роджер Уитли, который служил заместителем почтмейстера с 1672 по 1677 год, утверждал, что «вскрытие почты — дело недозволенное». Только когда Яков утвердил свой контроль над почтой и новой лондонской «Пенни-Пост» в начале 1680-х годов, политический надзор стал нормой. В 1683 году Тайный Совет Карла II подтвердил монополию Якова на почту и запретил использование альтернативных средств отправки писем. В 1685 году новый король настоял на своих монопольных правах, сделав очевидным, что он будет преследовать писмоношцев без лицензий¹⁹.

Яков и его почтмейстеры по всей стране оказались удивительно эффективными в деле удушения обмена информацией через почту. Свидетельства лондонской «Пенни-Пост» предполагают, что Яков мог зависеть от политической надежности почтмейстеров при просеивании почтовых отправок. Писавшие письма жаловались, что почта в Престоне, Оксфорде, Грантоне, Глостестере, Дублине и Абердине приходила вскрытой. Никакое письмо не было в безопасности. Леди Сандерленд жаловалась, что «все письма вскрыты», о том же говорил официальный разведчик Уайтхолла Оуэн Уинн. Заморские письма были, безусловно, обязательны для досмотра. «Письма ко мне часто вскрываются, — сетовал граф Уинчелси, — что заставляет меня писать своим друзьям реже». В особенности же люди перестали писать своим друзьям о новостях. Заморские купцы, видные клирики, диссентеры и многие уважаемые люди страны заключали, что «было и неблагоразумно, и опасно писать о каких-либо новостях». Когда маркиз Галифакс получил письмо от сэра Уильяма Трамбулла в Париже, вероятно, полное свежих новостей, он пообещал «сжечь [его] после прочтения». Сын архиепископа Йоркского, Гилберт Долбен, сообщал, что частное письмо, содержащее новости, «теперь должно послужить для разжигания моей трубки, так как я не осмелюсь доверить его почте»²⁰.

Правительство Якова также подражало режиму Людовика XIV в Париже, проявляя активность в борьбе с коммерческой прессой, проявлявшей идеологическую ненадежность. Эти издания, которые, по убеждению мэра Ньюкастла, «отравляют так многих вассалов его величества и заставляют гаснуть их лояльность короне», были официально запрещены в начале 1686 года. Объявления напоминали потенциальным читателям страны, что «все новостные листки нелегалы». В результате даже католические сторонники короны были «лишены возможности получать и обсуждать какие-либо новости».

Режим, введенный Яковом, особенно ударил по кофейням, известным как прибежище для жадных поглотителей новостей. В начале 1686 года мэр Лондона приказал муниципальному совету проверять каждого хозяина кофейни в городе, не «получает ли он каких-либо газет или еженедельников», предупреждая всех, что «пришло время», когда горожане должны «все воздерживаться от получения и размещения любым образом новостных листов или газет». Тем летом по крайней мере один владелец кафе был наказан за «получение и распространение бунтарских и раскольнических новостных листов в своей кофейне».

По-видимому, размещением новой постоянной армии по кофейням, гостиницам и тавернам во всей стране Яков смог ограничить распространение прессы среди граждан. Однако листки новостей явно появились снова осенью 1688 года, когда распространились слухи о предстоящем десанте из Нидерландов, заставившие лорда-канцлера Джеффри предупредить хозяев кофеен в Лондоне и вокруг него, что они потеряют свои лицензии, если у них будут найдены новостные листки²¹.

Каковы бы ни были действия Якова относительно религиозной свободы, английский король не был настроен дружелюбно к тем, кто пользовался свободой слова, критикуя режим в печати. Специально созданная служба цензуры проверяла книготорговцев в поисках нелегальных книг. Нелегальная пресса изымалась. Яков даже поручил новому губернатору Новой Англии проверять, чтобы «никто не хранил никаких прессов для печати». Режим активно мешал изданию и распространению памфлетов вигов. Яков и его сторонники соблюдали особую бдительность, стремясь предотвратить обсуждение внешнеполитических дел. Антифранцузские трактаты задерживались уже в печати, а нидерландские

издания неизменно изымались. Правительство изъяло идеологически окрашенный рассказ Гилберта Бернета о его путешествии по католической Европе. В 1687 и 1688 годах Яков со своими контролерами прессы прилагали все усилия, чтобы королевским указом заставить замолчать самых красноречивых критиков его политики терпимости. Авторов травили. Печатников запугивали. А склады книготорговцев конфисковывались²².

К популярным политическим мероприятиям Яков тоже был не более лоялен, чем к высоколбой полемике в печати. Были запрещены празднования с кострами в день Гая Фокса и в день рождения королевы Елизаветы, чтобы разрушить «дьявольские планы личностей, нелояльных к правительству, которые обычно используют такие случаи для превращения этих сборищ в бунты и мятежи». Правительство Якова настаивало на жестком лицензировании лоточников и коммивояжеров, которые странствовали по стране, потому что многих из них считало «мятежниками», которые «тащат за границу и распространяют без проверки раскольнические и скандальные книги и клевету». Назначенный Яковом лорд-мэр Лондона зашел настолько далеко, что даже запретил петь баллады на улицах Лондона, потому что эти песни могут содержать «грязные сплетни о правительстве»²³.

Яков с самого начала продемонстрировал, что его правительство не намерено ограничиваться просто громогласными заявлениями — оно готово жестко применять силу для проведения в жизнь своих намерений. В своем дневнике лондонский виг и будущий директор Банка Англии Брук Бриджес описал ощущение плохих политических предзнаменований. Начиная с 1684 года, когда Яков был, по всеобщему мнению, главным министром у брата, и до конца 1685 года Бриджес аккуратно оставляет записи о следующих друг за другом судах над англичанами, сказавшими или написавшими что-либо, критикующее Якова и его правительство. В феврале 1684 года клирик радикальной англиканской церкви Сэмюэль Джонсон был оштрафован «по обвинению в антиправительственной агитации» за публикацию в 1682 году памфлета «Юлиан Отступник» — тонко завуалированной политической критики Якова. Двумя годами позднее Джонсона, все еще находившегося в тюрьме из-за неспособности заплатить штраф за предыдущее нарушение, судили снова и приговорили «за составление и публикацию двух скандальных клеветнических статей».

Через три дня после вынесения первого приговора Джонсо-ну Бриджес делает запись о вердикте виновности сэру Сэмюелю Бернардистону «за написание клеветнических и скандальных писем, бросающих тень на правительство». В мае Бриджес узнает об осуждении вига Джона Даттона Кольта по обвинению, выдвинутому самим Яковом. Преступление Даттона Кольта заключалось в публичном заявлении: *«Пусть лучше меня повесят на воротах собственного дома, чем такой проклятый папистский мошенник, как герцог Йоркский, унаследует когда-нибудь корону Англии»*. Вступление Якова в наследование престола ускорило драматическую развязку судебного преследования. В мае Тит Оутс, основной свидетель, чьи показания о папистском заговоре привели к голосованию за отстранение Якова от наследования трона в конце 1670-х и начале 1680-х годов, был признан виновным во лжесвидетельстве и приговорен к прогону хлыстом по улицам Лондона пять дней в каждом году до конца жизни. Рассудительный ученый пресвитерианец министр Ричард Бакстер, как узнал Бриджес, был оштрафован «за опубликование бунтарских комментариев к Новому Завету». На суде лорд главный судья Джеффрис кричал на Бакстера: «Если бы тебя плетью отучили писать сорок лет назад, это было бы счастьем!» Учитывая такое отношение Джеффриса, неудивительно, что правительство продолжало преследовать Бакстера даже после осуждения. В июне 1685 года другой свидетель по делу о папистском заговоре, Томас Дейнджерфилд, был осужден «за публикацию клеветы» на Якова в те времена, когда тот был герцогом Йоркским. Жестокий приговор к публичной порке превратился в смертный, когда фанатичный монархист Роберт Франсез в гостинице Грея «ткнул концом своей трости» в глаз Дейнджерфилду. За три дня до убийства Дейнджерфилда Бриджес записал о приговоре и наказании давнего вига-активиста Уильяма Диснея за «напечатание предательской бумаги, называемой декларацией герцога Монмута»²⁴. Как раз перед тем как блокнот закончился, Бриджес сделал запись о приговоре бывшему вигу Генри Корнишу за предполагаемое участие в заговоре Ржаной биржи 1683 года против наследования трона Карлом II и Яковом.

Хотя в 1685 году Брук Бриджес, судя по всему, перестал вести записи о преследованиях за опасные речи и клеветнические писания, ясно, что правительство не остановилось. Документация

местных судов по всей стране заполнена речами против простых англичан за публичную критику режима. В Норвиче, как и во многих других местах, те, «кто был пьян или сходил с ума от лояльности», шпионили за теми, «кто говорил или намекал, что мы находимся под угрозой папизма». Уильям Пенн добивался и получил от Якова разрешение «произвести действия» против главы англиканской церкви за то, что тот назвал его иезуитом. Два самых лояльных сторонника Якова, герцог Бофор и граф Питерсборо, обратили действия *scandalum magnatum* против людей, которые критиковали их политические действия. В 1686 году доктора Идса из Чичестера судили и осудили за «похвалы при обсуждении» за обедом антиабсолютистского текста Филиппа Хантона «Трактат о монархии» 1643 года²⁵.

Вскоре стало ясно, что Яков II создал и внедрил весьма эффективную систему государственного надзора. Как рифмовал один виг в 1686 году:

*Во времена былые
Не был криминалом свободный разговор,
Но наши удалые
Свое лицо сменили с недавних пор.*

Яков «так позаботился о прессе, — отмечал один памфлетист через несколько дней после высадки Вильгельма в 1688 году, — что недовольный человек в Англии не осмеливался даже на шепот». Джон Коттон считал, что жил в такие «опасные времена», когда небезопасно было даже иметь свою библиотеку. Джон Лодер был столь напуган, что «чувствовал обязательным спрятать» свою рукопись исторических наблюдений 1686 года «и прервать мои исторические заметки вплоть до революции в конце 1688 года». Ричард Бентли даже посоветовал своему другу Джону Эвелину не входить в список подписчиков на научную книгу «из опасения *scandalum magnatum*». Сэмюэль Мастерс, проповедник из Брайдвелл-Хоспитал и большой сторонник революции, вспоминал, что при Якове II англичане жили в «рабском страхе» и, как он считал, «почти потеряли... способность мыслить свободно»²⁶.

Точно так же как Яков был предан католицизму французского стиля, строил и свою регулярную армию, вдохновленный французскими военными методами, и избрал следование Кольберу

и Сенъелэ в своих реформах армии, так же он пытался реформировать судебную систему в стиле Людовика XIV. Людовик, как отмечал один исследователь, пытался «создать твердый костяк лояльных и опытных судей при каждом суде». Яков также воспользовался идеологическим контролем для назначения законников. В эпоху правления Карла II судьи назначались скорее по прихоти короля, чем в зависимости от их лояльного поведения. Это означало, что и Карл, и Яков были уверены в необходимости устранения из обычных судов тех судей, чье мнение расходилось со взглядами их венценосных повелителей. За четверть века своего эффективного правления Карл убрал по политическим мотивам двенадцать судей. Яков значительно развил эту традицию. Менее чем за четыре года он сместил с уже изрядно идеологически почищенной скамьи двенадцать судей²⁷.

Яков стремился назначать и содержать тех судей, которые разделяли его мнение о королевской власти и разделяли галликанскую идеологию поклонников Людовика XIV. Отказ большинства членов парламента в палате общин одобрить наем Яковом в армию католиков — Акт о проверке 1671 года сделал невозможным для короны нанимать католиков на любую государственную службу — подтолкнул Якова к стремлению утвердить свое право не признавать решения парламента. После парламентской сессии Яков оставил на службе семьдесят четыре вновь нанятых католических офицера, поставив их тем самым вне санкций закона о Проверке. Возмущение некоторых людей по поводу этого действия убедило Якова, что ему требуется законодательно прояснить объем своей власти. Он немедленно принялся за сбор правовых мнений. К концу ноября короля убедили, что он имеет право обходить законы против католиков в будущем и что «судьи объявят, что по законам Англии прерогативы короля дают ему право обходиться без санкций по законам и приостанавливать их исполнение».

Яков добивался получения письменных мнений о далеко идущих прерогативах своей власти. Он уволил четырех из двенадцати мировых судей — Уильяма Монтегью, сэра Джоба Чарлтона, сэра Томаса Джоунса и сэра Кресуэлла Левинса — за отказ принимать положение, что английские короли имеют право обходить парламентские законы, и заявление, что такое право «опрокинет английскую конституцию». Впоследствии Яков уволил еще трех судей — сэра Эдуарда Герберта, сэра Фрэнсиса Уайтенса и Ричар-

да Холлуэя за их отказ принять распространение закона военного времени на мирное время. Яков II четко прояснил, как заметил Поль Берильон, что он держит на службе только «людей, целиком преданных его интересам и не ставящих пределов его власти»²⁸.

Неудивительно, что Яков смог обеспечивать такое мнение судей, которое фактически подтвердило неограниченную власть короля. В апреле 1686 года кучер Артур Годен выступил против своего нанимателя, сэра Эдварда Хейлза, который получил должность полковника в армии, несмотря на свой открытый католицизм. В деле, получившем широкую известность, одиннадцать из двенадцати судей встали на защиту Хейлза на основании того, что он имел особое разрешение от короля. Для большинства наблюдателей было ясно, что это прецедент, устанавливавший, «что прерогативы или имевшиеся до настоящего времени мнимые свободы подданных не следует учитывать в первую очередь». Лорд главный судья Герберт не оставил присутствующим никаких сомнений по этому поводу. «Этот случай имеет большую значимость, — признал он, — но не слишком сложен, как и любой другой случай, который вызывает столь большие ожидания». Герберт вынес решение в пользу Хейлза и короля на основании того, что «законы Англии — это законы короля», посему «это неотделяемая прерогатива короля — обходиться без карательных законов без нужды и без крайней необходимости в конкретных случаях», и «что король является единственным судьей в определении этой необходимости».

Стиль управления, достигнутый путем зачистки судебной скамьи, имел важное значение. С точки зрения французского посла, вследствие отсутствия критики королевской власти «прерогативы, предоставленные королю Англии, полностью перевернули законы» и дали Якову «возможность делать много того, чего он не мог бы иначе сделать без согласия парламента»²⁹.

Яков также повторял Людовика XIV в своем настойчивом желании реформировать все уровни государственной власти и в центре, и на периферии. И Людовик, и Яков искали способ установить централизованный контроль над местным самоуправлением. Главной чертой современного управления Людовика XIV был его контроль над регионами. Он ограничил законную власть местных *парламентов*. Он привел к страху и повиновению французские провинциальные образования. Муниципалитеты, согласно одному

авторитетному источнику, «больше всего страдали от усиления королевской власти»³⁰. Ясно, что Яков следовал тем же путем.

Решение Якова полностью реформировать систему власти в Англии было порождено разочарованием, постигшим его в конце 1685 года. А это разочарование в существующих возможностях центрального правительства в конце концов привело Якова к наиболее радикальному набору политических реформ, какие когда-либо переживала Англия. Когда парламент не одобрил желание Якова нанимать в армию католиков, Яков решил, что настало время пересмотреть круг своих советников и приближенных политиков. Король отказывался искать совета у людей широкого спектра политических мнений. Он настаивал, что все проблемы Карла II возникали из-за «разногласия советчиков». Вместо этого, сообщал Яков французскому послу, он сохранит при дворе и в своих советниках только «тех, кто целиком разделяет его интересы».

Король предпринял весьма решительные и быстрые действия. Он сместил маркиза Галифакса, служившего лордом-президентом Тайного Совета, за его сопротивление отмене Актов проверки и усилиям Якова создать регулярную армию. В декабре Яков уволил Генри Комптона, епископа Лондона, с должности главы королевских часовен и вывел его из Тайного Совета за «более настойчивые, чем у других, речи против офицеров-католиков» в палате лордов. На следующий год герцог Куинсбери был убран из шотландского Тайного Совета и шотландского казначейства за его симпатии к голландцам и за «плохое поведение», так как он противился религиозной политике Якова. Когда осенью 1686 года архиепископ Кентерберийский Уильям Санкрофт был уволен из Тайного Совета, Берильон прокомментировал это просто: «Король Англии принял решение не терпеть на ведущих должностях никого из тех, кто не целиком на его стороне»³¹.

Вскоре стало ясно, что Яков желал добиться идеологической чистоты не только в центральных учреждениях, но вообще в каждом государственном учреждении. В конце концов, Яков уже превратил Тайный Совет в пустышку. Устранение умеренных политиков из этой беззубой организации имело лишь символическое значение. Что еще более важно — Яков начал кампанию индивидуальных «совещаний» или встреч с сопротивляющимися членами парламента, чтобы изменить их точку зрения на ключевые вопросы политики. Яков не считал, что его подданные должны

быть свободны в выборе — поддерживать ли его программу религиозной свободы.

Отказ обеих палат парламента поддержать Якова в его желании принимать в армию офицеров-католиков не только привел его к перестройке судебной системы, но также спровоцировал его на переформирование парламента. В конце 1685 года начали циркулировать слухи, что Яков намерен установить законы, терпимые к католикам и протестантским диссентерам, и что он не видит возможности достигнуть этого с теперешним парламентом. Чтобы сдвинуть политический баланс в парламенте, Яков провел тщательную кампанию личных встреч с членами обеих палат. В особенности он выбирал тех, кто имел государственные должности или был близок к королевской семье. Каждого человека опрашивали отдельно, согласен ли он на отмену ограничительных законов и аннулирование Актов о проверке. «У тех, кто не давал обещания, — объяснял тори из Уэстморленда, сэр Кристофер Месгрейв, сам встречавшийся с королем наедине, — но был готов дебатировать вопрос, реакция интерпретировалась как отрицательная, и они теряли работу». Результаты оказались драматическими. Многие выдающиеся политики и военные, включая графа Рочестера, потеряли свои места³².

И сторонники Якова, и его критики знали о новых методах короля. Предшественники Якова часто встречались с некоторыми лицами при подготовке к парламентской сессии. Для Якова была характерна всеохватность и эффективность такого подхода. Поль Барильон, обычно не особенно чувствительный к таким сантиментам, информировал Людовика XIV, что кампания индивидуальных собеседований казалась «многим людям... новшеством, которое угрожает их свободам и привилегиям»³³.

Несмотря на все усилия короля, к весне 1687 года стало ясно, что его кампания личных бесед не может дать желаемых результатов. Хотя Яков в течение всей кампании сохранял оптимизм — некоторые говорили про слепой оптимизм, — ему пришлось признать графу Перту, что «некоторые люди, от которых мне приходится зависеть при отмене Проверок и запретительных актов, не оправдали моих ожиданий». Яков окончательно и решительно отказался от этой кампании, когда Артур Геберт, контр-адмирал флота и человек, более известный своими любовными похождениями, нежели глубокой религиозностью, отказался согласиться

на отмену запретительных актов и проверок, потому что это «против его убеждений, сознания и рода деятельности». Поступок Геберта, очевидно, убедил Якова, что даже те, кто наиболее предан его интересам и его персоне, могут и желают разочаровать его. Яков нуждался в новых союзниках³⁴.

Провал кампании частных бесед привел Якова к двух новым идеям. Яков решил объявить свободу совести королевским указом и кардинально реформировать инфраструктуру английского правительства. Яков был твердо уверен в том, что все его служащие — будь то национальная политическая элита или офицеры на местных таможнях — полностью разделяют его политические стремления.

Решение Якова действовать сразу двумя путями — через поддержку наделяемых правами протестантских диссентеров и римских католиков и через королевскую декларацию вкупе с перестройкой национальной и политической жизни — не представляло собой кардинальной перемены королевского курса. Это было лишь изменением стратегии. Яков оставался предан своей основной идее: установлению системы правления французского типа и галликанскому направлению католицизма. Но теперь он решил делать это в союзе с другой ветвью протестантизма — лучше с английскими диссентерами, чем с англиканской церковью. Яков, как понимающе комментировал Берильон, достиг вершины власти, вводя свободу совести своей королевской властью³⁵.

Но гораздо большего усиления королевской власти Яков ожидал от воплощения своего масштабного плана реорганизации местного управления — плана, которым он занимался отчасти для того, чтобы сформировать парламент, который будет согласен отменить Акты о проверке и ограничительные законы для адептов негосударственной церкви, не дававшие диссентерам возможности поступить на королевскую службу или занимать место в парламенте. Чтобы достичь своих амбициозных (и очень современных) целей, Яков провел удивительный политический смотр. Губернаторам всех графств в Англии и Уэльсе было приказано задать всем заместителям губернаторов, мировым судьям и членам всех муниципалитетов внутри их подведомственных областей три вопроса:

1. В случае если он будет избран главой графства или членом парламента самоуправляемого города, когда король решит

- собрать парламент, будет ли он за отмену Карательных законов и Проверок?
2. Будет ли он помогать и содействовать выборам таких членов, которые будут за отмену Карательных законов и Проверок?
 3. Будет ли он поддерживать королевскую Декларацию о свободе совести, дружески живя со всеми другими носителями религиозных убеждений, как надлежит делать подданным одного правителя и добрым христианам?

Работу губернатора дополняла работа нескольких местных агентов, все они отчитывались центральному комитету, собиравшемуся в Лондоне. Хотя многие из проводивших работу на местности были пресвитерианцами, квакерами и баптистами, центральный комитет был составлен в основном из галликанских католиков. Этот комитет был организован юристом-католиком Робертом Брентом и включал католических дворян Поуиса и Каслмейна, недавно обращенного сэра Николаса Батлера, отца Эдварда Питра, крипто-католика Сандерленда и лорд-канцлера Джеффриса, единственного протестанта³⁶.

2 июля 1687 года Яков решил распустить свой первый парламент и приложить все усилия, чтобы получить парламент, готовый отменить Карательные законы и Акты проверок. Весь 1687 и 1688 год страна гудела от деятельности королевских агентов. Они развернулись по всей стране, устанавливали контакты с местными осведомителями, опрашивали тысячи чиновников и кандидатов в чиновники, собирали относящиеся к делу политические сплетни. Они вместе с губернаторами систематизировали записи результатов опросов. Результаты от губернаторов начали поступать в Лондон в октябре. К декабрю национальный комитет «ежедневно заседал по поводу упорядочивания муниципалитетов». Люди короля продолжали усердно работать весь новый год и до следующей весны. Хотя не было ясно, преуспее ли Яков в обеспечении парламентского большинства для отмены Карательных законов и Актов проверок, никто не сомневался, что регуляторы имели «настолько полный подсчет лиц и мнений по каждому муниципалитету и местечку, насколько к этому моменту было собрано сведений». Предприятие было примечательно аккуратным, бюрократическим и современным³⁷.

Вскоре городские муниципалитеты, мировые судьи и губернаторы графств были почищены по всей стране. Центральный комитет начал заменять священников высокой церкви и тори с диссентерами, католиков и вигов. Масштаб чистки был беспрецедентным. Комитет уволил 2199 членов муниципалитета в 103 городах — почти в пять раз больше, чем было уволено людей в великой всеобщей чистке во время Реставрации монархии в 1662–1663 годах. Это означало, что в 1687–1688 годах почти три четверти чиновников потеряли свои места. Отдельный комитет, возглавлявшийся католиками сэром Николасом Батлером, Робертом Брентом и Джоном Триндером, чистил лондонские организации. Этот комитет делал свою работу двумя волнами, первая из которых, по словам пресвитерианца Роджера Морриса, уничтожила «спившихся, прогнивших тори», вторая — «злонамеренных, разложившихся тори». Большинство новых имен, добавленных к черным спискам, явно принадлежали «диссентерам или римским католикам».

И опять масштаб перемен оказался поразительным. Более трех тысяч высоких должностных лиц, начальников и помощников были уволены. Это воистину была «великая перемена». Среди губернаторов цифры смотрелись скромнее, но результаты были равно впечатляющими. С сентября 1687 года по март 1688 года двадцать одно графство сменило руководство, что один ученый назвал «самой радикальной чисткой губернаторов из всех, когда-либо проходивших». Три вопроса также привели к увольнению более половины заместителей губернаторов. Бойня среди мировых судей была не менее драматичной. На примере девяти графств, исследованных одним историком, можно сказать, что между 1685 и 1688 годами более трех четвертей судей потеряли свои места — почти четыреста человек только в этих графствах³⁸.

Современникам нетрудно было поместить массовое вмешательство Якова в местное управление в соответствующий идеологический контекст. Наперсник Вильгельма Оранского, Сиур де Дийквельд, предсказал, что кампания по сбору парламента или страшно провалится, или создаст правительство по французской модели. Яков, вспоминая Джон Филиппс, племянник Джона Мильтона, своей массовой чисткой проложил «путь для образования французского парламента»³⁹.

Действия Якова не только копировали действия Франции, они были также удивительно современны. Акция Якова не требовала

сложных переговоров с местными властями. Яков и его комитет регуляторов явно имели превосходство в организации. Они полагались, по словам одного историка, на «явление профессионального бюрократа». Ни в Лондоне, ни в стране в целом Яков не зависел от «старого стиля смешанного союза». «Это, — комментирует его деятельность другой ученый, — было новым стилем мышления».

Яков не был реакционным искателем старого мира «парламентских выборов», где сила и опыт местных сообществ объединялись, чтобы прийти к соглашению по поводу кандидатур в парламент, а не вели раздирающие единство споры. Яков хотел создать надежное парламентское большинство сверху. Он больше заботился об идеологической чистоте, чем о местном влиянии. Делая так, он был удивительно современен. Ведь политика соперничества на местах, как утверждал один историк, не является «фундаментальной для современного участия в политике». Соперничество — это лишь одна форма, которую может принимать современная электоральная политика. Современная политика часто использует электоральные манипуляции сверху⁴⁰. Электоральная стратегия Якова была и французской, и очень модернистской.

Яков искал идеологическую чистоту даже в тех ветвях правительства, которые не имели прямого воздействия на парламентскую систему. Регуляторы Якова реформировали непарламентские муниципалитеты Базингстока, Донкастера, Кингстона-на-Темзе и Маклсфилда. Якову пришлось также создавать идеологически спаянную армию. В 1686 году он уволил большую группу «младших офицеров, которых он счел не до конца преданными ему». В 1687 и 1688 годах Яков заставил весь офицерский корпус отвечать на те же три вопроса, которые были поставлены перед губернаторами графств. Он попытался даже отдать под трибунал одного офицера, который ответил неудовлетворительно. Других просто уволили. В начале 1688 года распространились слухи, что «все офицеры» на флоте, которые не считают необходимой отмену Актов проверок и Карательных законов, будут уволены.

Тяга к идеологической чистоте на флоте настолько пронизывает все бумаги Адмиралтейства времен правления Якова, что один исследователь прокомментировал это так: «Даже для священника было необходимо быть политически надежным». Нидерландский посол весной 1688 года слышал, что любой постав-

щик напитков — вина, пива, эля или кофе, — который просил лицензию, чтобы заниматься своей торговлей, должен был положительно ответить на три вопроса, чтобы остаться в бизнесе. «Все офицеры таможни и акцизного управления» были проверены в начале 1688 года, чтобы выяснить, на какой стороне они в этих трех вопросах, — с четким подтекстом, что их работа зависит от их ответа⁴¹.

Яков значительно усилил английское государство в конце 1680-х годов. Недавний макроанализ развития финансового состояния Англии с 1485 по 1815 год продемонстрировал, что именно в 1680-х годах английские налоги начали «свое движение и почти постоянный рост». Хотя большинство исследователей все еще рассматривают именно период после 1688 года как период быстрого роста английского государства, свидетельства показывают, что разрыв с предшествующей традицией государственного строительства имел место еще во время правления Якова II.

Масштабный проект государственного строительства при Якове был очень дорогим. Годовой доход Якова, как заметил посол Берильон, был гораздо выше, чем при Карле II, и поэтому он смог создать гораздо большую армию и другие «зависящие от государства структуры». На деле годовой доход Якова составлял почти пятьсот тысяч фунтов — или на треть больше, чем в последние, самые комфортные годы правления его брата. Как Яков умудрился значительно увеличить свой доход, обеспечив замечательный рост государства? Ответ не в том, что парламент увеличил его обычный доход. Нет, годовой доход Якова вырос из-за роста таможенных налогов, акцизных сборов и налога на очаг. Рост годового налога на очаг приписывался возросшей эффективности налоговых служб, полученной благодаря административной централизации, проводимой Яковом. Большой рост акцизов и налогов был тесно связан с бумом в заморской торговле — новые налоги только на вино, табак, сахар и уксус дали рост годового дохода Якова более чем на триста тысяч фунтов. Другими словами, Яков смог выйти за пределы внутреннего производства — что тоже стало результатом массовых чисток муниципалитетов страны и лондонских торговых компаний, потому что он держался экономической политики, увязанной на колониальную торговлю. Именно быстрое социальное и экономическое развитие Англии в конце XVII века сделало возможным модернизацию Яковом II государ-

ства. Яков, как понимал Бонрепо, «увеличил годовой доход через коммерцию»⁴².

Но Яков также искал возможность проникновения королевской власти в самую частную жизнь англичан, чего никогда не было прежде. При чистке муниципалитетов, при проверке лондонских фирм, при инспектировании губернаторов и парламентских депутатов Яков не просто готовил парламент, который, как он надеялся, отменит Карательные законы и Акты проверок, — он создавал возможность появления такого парламента, который позволит ему проводить любую политику, какую он пожелает. Яков создавал положение, когда власть в Англии не будет больше договором между людьми и королем, между окраинами и центром. Воля исходила от короля и в теории, и на практике.

Современники хорошо понимали, что Яков правил новым образом, его новый стиль полностью копировал методы и практику Людовика XIV. И враги Якова, и его друзья изумлялись быстрому усилению королевской власти. «Власть Якова II разрасталась так быстро, — вспоминал виг-критик лорд Деламер, — что он мгновенно заставлял всех людей чувствовать невыносимую тяжесть своей неограниченной прерогативы». Берильон соглашался, что «королевская власть возрастает каждый день из-за твердого поведения короля Англии». Яков, заключали все, взял свои манеры у Людовика XIV. «Французскому примеру следовали слишком точно», — горевал один памфлетист в 1688 году. *«Наш король, подражая своему брату во Франции, — писал другой памфлетист, проводя ту же параллель, — старается привести всех чиновников и суды королевства, которые по закону всегда выбирались людьми, к безусловной и полной зависимости от его абсолютной воли»*. Джон Эвелин, который хорошо знал Якова, вспоминал, что этот «несчастный правитель» пытался «сделаться абсолютным, имитируя французов». То были мнения не только враждебных свидетелей. Ассон де Бонрепо сообщал о частых беседах с Яковом, в которых английский король хвалил «великие деяния» Людовика XIV, «его твердость, его поведение при осуществлении своих проектов и прекрасный порядок, который он установил в своем королевстве». Яков говорил многим людям, что «предпочел бы быть один месяц королем во Франции, чем двадцать лет быть королем Англии»⁴³.

Политика Якова не была ни безрассудной, ни глупой, ни ошибочной. И Яков вовсе не следовал политике, типичной для монархов конца XVII века. Наоборот, он аккуратно, методично и, кроме всего прочего, бюрократично проводил серию шагов по централизации — что было современно и оказалось успешным. Яков следовал плану, который был усовершенствован Людовиком XIV во Франции. Он не просто искал равного положения для людей, исповедовавших его религию. Его общее переустройство правительства Англии на всех уровнях было гораздо более амбициозным. Яков создавал централизованную современную государственную систему, не отличающуюся от тех, которые политики-ученые именуют электоральным авторитаризмом.

* * *

Яков, следуя примеру Людовика XIV, быстро построил современную армию и современный флот, сделал все ветви правительства подчиненными королевской власти и распространил власть центрального правительства глубоко на провинции. Ни политические амбиции Якова, ни его политические достижения не отличались скромностью. Но, как считают некоторые исследователи, Яков делал все это во имя весьма скромных идеологических целей. Он лишь хотел уравнивать в правах своих религиозных собратьев. Достичь этого в глубоко предубежденном обществе было нелегкой задачей. Яков хотел найти способы установить свободу совести. Другими словами, свобода совести требовала создания сильного государства. Но разве свидетельства поддерживают утверждение, что Яков просто искал гражданского равенства для римских католиков?

Сначала Яков ясно дал понять, что его двор будет открыто католическим. Католическая риторика, отточенная французским проповедником-капуцином, быстро сформировалась в Уайтхолле, где месса всенародно звучала каждое утро. Римские католики тут приветствовались. Трансформация религиозной культуры в центре власти проходила так быстро и драматично, что Джон Эвелин с отвращением нацарапал в дневнике, что «римляне [толпятся] при дворе с большей уверенностью, чем когда-либо наблюдалось в Англии со времени Реформации». Уже в этом году французский посол Берильон информировал своего августейшего хозяина, что публичное проведение мессы в Уайтхолле убедило многих при-

дворных, будто их предубеждения против католической веры были заблуждением⁴⁴.

Хотя публичный возврат католической литургии в королевский дворец шокировал одних и воспитывал других, только через два года после того, как Яков унаследовал трон, большинство в Англии начало осознавать перемены в их каждодневной жизни. Не раньше 1686 года большинство людей в Англии было поставлено перед римско-католической религиозной практикой. Но трансформация оказалась драматичной, хоть и подбиралась медленно. До 1685 года английские мужчины и женщины по всей стране, без сомнения, хорошо знали, что кое-кто из соседей не посещает церковный приход. Но католическое неповиновение по необходимости было тихим и осмотрительным. Католические капелланы прятались в своих дырах. Католических священников никогда не видели в сутанах на улицах. Не было ни католических колледжей, ни публичных католических церквей. С 1686 по 1688 год впервые за период более века Англию наводнили католические часовни, католические книги, католические проповеди, католические школы, католические монахи и амбициозные католические строительные программы.

Яков возглавил продвижение своей религии в Англии. Немедленно после восшествия он освободил всех римских католиков, находящихся в тюрьме за неподчинение или за участие в папистском заговоре. Вскоре королевские часовни в Сент-Джеймском дворце, Сомерсет-Хаусе и часовни иностранных послов в столице открылись лондонцам для посещения служб. В 1686 году по приказу Якова на Линн-стрит была открыта пышная католическая церковь, чтобы оказывать услуги купцам-католикам. Яков смог также отпраздновать несколько красочных обращений видных людей. Графы Питерборо и Солсбери; Томас Чедли, бывший посланник в Объединенных Провинциях; Джон Драйден, поэт, увенчанный лавровым венком; доктор Роберт Сибболд, ведущий шотландский натурфилософ; Чарльз Триндер, регистратор из Глочестера; и Эдвард Склатер, священник из Патни — все прошли через публичное обращение. Яков и его галликанские католические друзья ожидали, что это только начало. Яков, как и многие другие, испытывал уверенность, что при предоставленной свободе выбора многие неизбежно вернуться к вере своих предков⁴⁵.

То, что это была скорее струйка, а не поток обращенных Римом, убеждало многих современников протестантов и многих более поздних наблюдателей, что Яков заблуждается в своих надеждах обратить Англию. Попытки двора содействовать обращению, как вспоминал Гилберт Бернет, «провалились в большинстве инстанций». «Паписты очень заняты, они жаждут новообращенных, — насмеялся Джон Лейк, епископ Чичестера, — но, слава богу, с мизерным успехом»⁴⁶.

Эти пессимистичные оценки эффективности усилий католических миссионеров во время правления Якова II не должны, однако, приниматься за чистую монету. Они были, вообще говоря, мнением тех англичан, что хотели продемонстрировать, будто, несмотря на поддержку монархии, католическое наступление разбилось об англиканское сопротивление. Куда более важно, что эти пессимистические оценки отражали взгляд элиты общества на обращение. Утверждения этих комментаторов, что Яков не смог добиться второго и третьего круга обращения в среде элиты, соответствуют реальности. Однако эти рассказы мало что раскрывают в воздействии и распространении усилий католиков вне двора и за кругом аристократии.

Католические источники и источники, не так сильно сфокусированные на дворе, рассказывают совсем другую историю. Папский викарий после тура по Англии в 1667 году пришел к заключению, что «миряне, в общем, не задержатся со взаимодействием после такой набожной и необходимой работы»⁴⁷. Спокойная уверенность Джона Лейбурна была основана не на его вере во врожденное превосходство католической апологетики, а на знании широты и тонкости католических миссионерских усилий.

Уже вскоре после восшествия Якова на престол католические священники начали вливаться с континента на Британские острова. Число иезуитов, действовавших в Англии, между 1681 и 1685 годами утроилось. Сам Яков призвал всех местных шотландских священников «немедленно, без всяких отлагательств» помогать в работе миссионерам. По жалобам епископа Лондона на размах усилий католических священников среди английских диссентеров можно предположить, что Яков послал такое же требование и английским католикам за границей⁴⁸.

Когда Генеральная Ассамблея белого английского духовенства в 1687 году единогласно решила «поставить часовни для усиления

веры и ее пропаганды», это движение уже шло вовсю. Подбодренные вновь обретенным воодушевлением священников, многие католические миряне «теперь были совсем свободны в деньгах при возведении маленьких часовен в нескольких частях королевства». В Вустере, например, католическая часовня была открыта уже в конце 1686 года. На следующее лето «огромное число людей» посещало там службы, заставив антикатолического главу Вустера Джорджа Хикса признать, что католики «очень ревностны и весьма заняты тем, что спасают души еретиков». Иезуиты поставили часовню в Норидже, в ней отец Чарльз Гейдж «проводил замечательные обращения своими проповедями». В Йорке муниципалитет был превращен в католическую часовню, а феодальное поместье, ранее бывшее аббатством Святой Марии, было преобразовано в бенедиктинский монастырь. В Фишуике, как раз возле Престона в Ланкашире, амбар был переделан в католическую часовню, а в Бристоле возвели часовню уже заново. Трансформация английского архитектурного ландшафта была очевидна для всех. «По всему королевству, — записал иезуит, — видно, как святые сооружения поднимаются в большинстве основных городов»⁴⁹.

Католическая община не только создала внутреннюю структуру религиозного поклонения, она также сделала надежной интеллектуальную и духовную жизнь католиков, получавших достаточную подпитку. Богословские труды католиков, катехизис католиков, апологетика католиков, история католиков и католические Библии — все это изверглось из вновь созданных католических типографий в Лондоне и Оксфорде. Яков поддерживал распространение и раздачу этих работ. Всего через один месяц двор бесплатно распространил более ста тысяч книг. По всей стране открылись католические школы. При всемерной поддержке Якова II в мае 1687 года иезуиты открыли школу в Савое в Лондоне. Эта школа была так популярна, что иезуиты постоянно увеличивали число учителей, поскольку туда рвалась записаться толпа желающих. К новой иезуитской академии в Савое прибавилась и школа для девочек в Сент-Мартин-Лейн, и частная школа Джона Гоуда на Пиккадилли.

Католические школы и колледжи не были явлением лишь столицы. Мэри из Модена помогла финансировать открытие иезуитского колледжа в Уигане в Ланкашире. Другие иезуитские школы и колледжи открылись в Понтефракте, Гейтсхеде, Бери-Сент-

Эдмондсе и Уолверхэмптоне. Английское белое духовенство, вероятно, тоже открывало школы и колледжи. Наверняка существовали планы создать академию в Стаффордшире. Виг-протестант и полемист Джеймс Уэлвуд не преувеличивал, когда заявил, что «иезуитские школы и семинарии возникли в большинстве значительных городов»⁵⁰.

Католические книги, католические часовни и католические школы обеспечивали инфраструктуру для интенсивных миссионерских усилий по всей Англии. Без сомнения, с таким приложением усилий, убеждал своего короля политический арифметик Уильям Петти, количество английского католического населения может быть быстро и существенно увеличено. Хотя при воцарении Якова католики представляли крохотный процент английского населения — подсчеты Петти, похоже, основывались на переписи Комптона (1676 год), оценивавшей число католиков менее чем в 14 000, — Петти был уверен, что это можно быстро исправить. Он говорил Якову, что с «настоящей свободой в Англии» число католиков «может в один год увеличиться в сотню раз».

Петти, быть может, был слишком оптимистичен — но он не был смешон в своих расчетах. Иезуит отец Джон Пенкет один между 1685 и 1688 годами обратил в католическую веру около пятисот человек. Джон Лейберн, папский викарий, во время путешествия по северу Англии лично допустил к причастию почти двадцать одну тысячу человек — или 150% числа католиков, которые, как считалось, жили в Англии в 1676 году. Эти цифры вполне соответствуют утверждению Джона Пола Джеймсона от 1685 года, что «в Лондоне становится так много католиков, что невозможно найти священников, чтобы принять их всех». Неудивительно, что английские иезуиты перед самым отречением Якова докладывали, будто «обильный урожай их трудов сильно увеличивал ожидания реставрации древней религии в Англии»⁵¹.

Яков не обманывался, считая, что, в конце концов, Англия могла стать страной гораздо более глубокого католицизма. Ревизионисты имеют основания заявлять, что такие далеко идущие миссионерские успехи были обязаны не только королевской поддержке. Это все еще была кампания убеждения, а не принуждения. Яков, могли бы возразить они, отчасти был верен свободе совести, потому что верил, что на свободном рынке религий англичане выберут возврат к своей древней вере. Однако, как показывают

свидетельства, Яков вовсе не был сторонником свободной и открытой дискуссии о религии. Его понимание свободы совести на деле было очень ограниченным.

Яков никогда не предлагал своим подданным свободную и открытую территорию, на которой можно обсудить и поспорить о своих религиозных верованиях. Король, и это правда, дважды издавал Декларацию об индульгенции, в 1687 и в 1688 годах, заявляя о своем обязательстве позволить подданным «свободное отправление своих религий в будущем». Эти декларации широко распространялись многими путями, разъясняя, что английских мужчин и женщин никоим образом больше не будут преследовать за отказ от посещения англиканской церкви. Однако Яков все-таки наложил жесткие рамки на способы выражения, допустимые на религиозных сборах. На любом религиозном сборе, настаивали авторы Декларации, *«нельзя ничего проповедовать и нельзя учить ничему, что могло бы любым образом вести к отвержению сердец наших людей от Нас или от Нашего правительства»*⁵². Это ограничение интерпретировалось Яковом и его галликанскими сторонниками очень широко.

С того момента, как он стал королем, Яков II сделал ясным, что критика его религии будет интерпретироваться как критика его режима. В сентябре 1685 года граф Сандерленд предупредил архиепископа Кентерберийского, что священники, критикующие религию короля, будут «считаться выступающими против него лично», и в таком случае «священник должен быть наказан». Гилберт Бернет узнал, что при дворе много говорили о введении закона, по которому «все сказанное к бесчестию религии короля» считалось бы изменой. Весной 1686 года Яков взбесил многих протестантов, когда пообещал наказать семьдесят проповедников, если они будут касаться вопросов, которые «возбуждают дух» протестантов против католиков⁵³.

Яков настаивал, что Декларация об индульгенции не означает допущения антикатолической пропаганды. Два памфлетиста, тесно сотрудничавшие с двором, опубликовали широко разошедшиеся трактаты о границах дозволенности религиозных речей. Джон Готер, знаменитый католический полемист, написал трактат, опубликованный королевским печатником Генри Хиллсом, в котором предлагал «Добрый совет церковному красноречию». Хотя Готер начал с призыва к вежливости, прося, чтобы проповедники «воз-

держивались от грубого шутовства, богохульства, непочтительных выражений и комичных речей», говоря о других религиях, вскоре стало ясно, что главной его заботой был гораздо более специфический идеологический момент. Любой, кто «поносит» религию суверена, настаивал Готер, «не выглядит добрым подданным». Критика католицизма «отражается на правительстве суверена», потому что неясно, будут ли подданные Якова II «сердечно слушать» своему государю, как от них требует закон.

Чтобы подкрепить свою точку зрения, Готер обострил свой памфлет ссылкой на проповеди, которые должны быть запрещены. Готер отобрал именно тех евангелистских церковников, которые были наиболее критичны к королевскому абсолютизму — именно тех людей, которые станут епископами вигов в 1690-е годы: Томаса Теннисона, Эдварда Фаулера, Гилберта Бернета, Джона Тиллотсона и Эдварда Стиллингфлита. Аргументы Готера и его тонкие намеки были разъяснены англиканским епископом Честера Томасом Картрайтом. «Если вы учите толпу презирать религию верховного лица, — предупреждал он, — недолго почтительность к его персоне или власти продлится ваша». Притом что король является действующим римским католиком, указывал Картрайт, было бы «опрометчиво» для любого члена англиканской церкви проповедовать, что «святой Петр никогда не был в Риме, или что папа — Антихрист; или что ни один человек в здравом уме не станет папистом». Поэтому критика папства, заключал Картрайт, это осыпание презрением самого короля, «к которому в конечном счете возвращаются все словесные выпады против его религии»⁵⁴.

Современники понимали, что Декларация об индульгенции отнюдь не приглашала к искренней и открытой дискуссии по поводу религиозных и гражданских вопросов. Действительно, подданные Якова хорошо понимали, что свобода совести короля служила средством положить конец политическим дискуссиям, а также религиозным гонениям. Когда пресвитерианец Винсент Олсоп приветствовал Декларацию об индульгенции Якова в 1687 году, он сделал это с обещанием, что он и его товарищи *«не претендуют на исключительную истину, не допускают философствований о делах правительства, как и не суют нос в дела государства»*. Яков ответил Олсопу, настаивая, что «тут нет порицания древнего правительства этого народа, как нет нелицеприятных выражений в ваших

собраниях». Поэма за поэмой, славившие декларацию, повторяли ту же тему.

«Считать благословением ее, посланием небесным, / Чтоб наши споры завершить и нас навек объединить в любви, прямой и честной», — рифмовала одна популярная баллада, добавляя, что диссентеры, которые не воспользовались любезным даром свободы совести «для устранения злобности», заслуживают розги⁵⁵.

Яков хотел не только ограничить ненавистные проповеди с церковных кафедр, но и положить конец религиозным спорам. Ожидалось, что протестанты всех направлений воздержатся от дискуссий и разъяснений своих расхождений с римским католицизмом. Это резко сокращало дозволенные темы для протестантских священников. Англиканское духовенство, священники-диссентеры, по мнению Якова и его сторонников, должны были ограничиваться. *«Пока кафедры используются для исправления пороков их конгрегаций, обучая вести добротпорядочную жизнь, не используя ни подделки, ни обмана, ни лжи, ни ругани, ни богохульства, чтобы избежать всех эксцессов, — объяснял Джон Готер, — я аплодирую им»*.

Далее перечислялось то, что выходило за рамки допущенного. *«Практикующие проповедники должны помнить, что церковь предназначена для службы, а не для полемики»*, — соглашался Картрайт, подразумевая тех, кто учил свою аудиторию «улучшать свою жизнь и становиться лучшими подданными».

Яков не создал пространства для открытого и свободного обсуждения различных религиозных позиций. Вместо этого Яков создал ситуацию, в которой галликанские католики имели свободу публиковать и проповедовать полемические толкования своей веры, в то время как протестантам было позволено проповедовать лишь хорошую мораль. Протестантам, вспоминал Джеймс Уэлвуд, было запрещено *«защищать свою религию с кафедры, когда в то же самое время их со всей возможной энергией атаковали римские священники и в проповедях, и в книгах»*⁵⁶.

Как всегда, Яков подстраховался, чтобы его идеологические деяния были воплощены на практике. Протестанты быстро узнали, что у них будет мало свобод в религиозном выражении во время его правления. Хотя ученые верно указывают на жестокую роль, которую доносчики играли среди диссентеров в начале 1680-х годов, было бы ошибкой считать, что Яков прекратил эту практику. Яков и его правительство также полагались на религи-

юзных шпионов. Яков создал широкую сеть своих «эmissаров» среди разных религиозных фракций, сообщал Берильон, и они производили «огромное впечатление на его душевное состояние». Яков значительно расширил рамки деятельности осведомителей. «Эти ребята были разосланы во все конфессии», — вспоминал друг Якова граф Эйлсбери. Многие англиканские священники подтверждали, что католики «имеют своих шпионов в наших церквях». Есть все основания верить сообщению, которое говорит о том, что в Англии и Уэльсе была выделена группа католических священников *«и распределена в каждый церковный приход по одному-два человека, чтобы видеть и слышать, как люди могут совершить моральные ошибки, и информировать свое руководство о том, что найдут стоящим внимания»*⁵⁷.

Летом 1686 года Яков создал новый институт — Комиссию духовных дел, которая имела главной своей целью «предотвращение неблагоразумного проповедования», потому что «увещевания» Якова «оказывались неэффективными». Эта официальная формулировка причин возникновения комиссии в точности совпадает с другими свидетельствами. В течение 1686 года Якова все больше раздражало распространение антикатолических проповедей в его королевстве. Когда пришли известия об антикатолическом мятеже в Эдинбурге в конце января 1686 года, Яков немедленно написал графу Перту, что он надеется *«использовать эти беспорядки, указав некоторым епископам, что теперь они могут видеть результат неблагоразумия на кафедрах»*. Увы, Яков не смог повлиять на англиканских епископов. К началу лета Поль Берильон передал Людовику XIV отчет о быстро растущем раздражении Якова по мере роста интенсивности антикатолических проповедей. К началу июля король потерял терпение и решил создать комиссию по образу той, что была создана Генрихом VIII, чтобы наказывать *«священников, которые злоупотребляют своим положением и которые проповедуют слишком активно против римского католицизма»*. Целью Якова, пояснял Берильон, было «обуздать рьяных протестантов и поддержать тех, кто симпатизирует католицизму»⁵⁸.

Духовная комиссия продемонстрировала свои идеологические позиции с первого же заседания, на которое был вызван Генри Комптон, епископ Лондона. В результате члены комиссии отстранили Комптона от обязанностей епископа за отказ наказать док-

тора Джона Шарпа, который прочитал пламенную антикатолическую проповедь. Комптон давно уже возмущал Якова. Вначале Яков надеялся, что сможет через епископа Лондона заставить утихнуть антикатолические проповеди в городе. Но вскоре король понял, что эта надежда грубо попорана. В начале марта 1685 года Яков обвинил Комптона в откровенности, с которой лондонские проповедники проводят «службы против тех, кого они называют папистами». В ответ Комптон на осенней парламентской сессии выступил против офицеров-католиков. В апреле 1686 года Яков узрел руку Комптона в яростной оппозиции многих лондонцев открытию католической часовни в Сити. Это стало достаточной причиной, чтобы Комптон оказался «испуганным», как сказали о нем, когда была создана духовная комиссия. Известность Комптона и быстрота, с которой комиссия атаковала его, убедили многих протестантских защитников своей религии, что Яков намерен заставить их молчать перед лицом натиска католической апологетики. Архиепископ Кентерберийский заявил на суде, что духовная комиссия была «создана единственно, чтобы разрушить протестантскую религию». Гилберт Бернет позднее прокомментировал, что намерением комиссии было «очень жестко преследовать» некоторых, чтобы «это могло уstrasшить остальных»⁵⁹.

Комиссия по духовным делам продолжала бороться с антикатолическими проповедями и после того, как был отстранен епископ Лондона. Будущий первый лорд казначейства Чарльз Монтегю сообщал, что одного магистра искусств из Кембриджа «заставили отречься от порицания папистов, что наделало тут много шума». В январе 1687 года комиссия отстранила доктора Бевершема из Норфолка за «использование с кафедры недопустимых выражений, касающихся короля». Томас Картрайт, который сам был членом комиссии, записал в своем дневнике, что некоего Меррелза предостерегли по поводу «очень опрометчивого выражения, которое тот употребил в отношении религии короля». Некто Саутолл из Педмора возле Стаурбриджа был уволен в апреле того же года в связи с отказом епископа Вустера допустить двух католических священников в приходы англиканской церкви. Фанатичный англиканский священник Энтони Вуд позднее вспоминал, что члены духовной комиссии «наказывали тех служителей, которые действовали и проповедовали против католицизма». Виг и военный моряк капитан Роберт Паркер соглашался, что «на

этот суд епископы и священнослужители вызывались за каждое слово, сказанное ими против папства как с кафедры, так и еще где-либо»⁶⁰.

Королевское указание и духовная комиссия не были единственными средствами, которые Яков использовал для борьбы с протестантской реакцией на бешеный натиск католических апологетов. Известно, что военные Якова брались на местах заставить замолчать проповедников, которые слишком активно критиковали католицизм. В Стеттон-он-Фосс в Уорикшире группа солдат предупредила одного священника, что «он будет призван к ответу» за «проповедь против папства». Один памфлетист прокомментировал, что опыт и Англии, и Франции заставляет сомневаться, «озабочены ли драгуны хартиями или аргументами» и будут ли войска защищать свободу религии, когда правительство столь очевидно склоняется к католизации⁶¹.

Количество и накал теологических памфлетов в последние годы правления Якова II увеличились до такой степени, что Яков и его правительство теперь желали любой ценой удушить такие дискуссии. Яков стремился развивать католическую апологетику и выпускать трактаты, защищающие отмену Карательных законов и Актов проверок — но одновременно делал все возможное, чтобы заставить замолчать противоположные мнения. Например, в марте 1686 года лорд-мэр Лондона, без сомнения, по инструкции из Уайтхолла попытался подавить дискуссию о причинах обращения Карла II на смертном одре. В сентябре 1686 года Торговая компания конфисковала все какие только смогла найти копии «Епископалии» — книги писем, написанной уволенным епископом Лондона, в которой он подчеркивал важные различия между английской церковью и церковью Рима. В итоге ее печатник и переплетчик были арестованы. Как и ожидал Эдвард Стилингфлит, отвечая на памфлет, написанный Сэмюелем Паркером и защищающий церковь Рима от обвинения в идолопоклонстве, Яков дал знать, что он «в высшей степени негодует». А когда Уильям Уэйк, будущий архиепископ Кентерберийский, взялся ответить Паркеру, он позволил себе сделать это анонимно. На деле Яков желал, чтобы случайным читателям было как можно сложнее доставать протестантскую литературу. Согласно Уэйку, он запретил «указывать в каталогах книги, направленные против папизма»⁶².

Хотя Яков предпринимал все усилия, чтобы представить своим подданным самую последнюю версию французской католической апологетики, он в то же время не желал, чтобы эта апологетика начала свободную и открытую дискуссию о сравнении религий. В то время как католическая пресса была разрешена, католические часовни открылись для публики, а католические миссионеры и проповедники снова допускались в Англию, Яков и его правительство прилагали все усилия, чтобы подавить протестантский полемический ответ. Любая критика католицизма диссентерами или англиканами интерпретировалась как потенциальное предательство короля. Для Якова свобода совести явно означала свободу выражения для католиков — и резко ограниченную свободу богослужений для кого-либо еще. Хотя Яков мог использовать поддержку столь утонченных защитников религиозной терпимости, как Уильям Пенн, Генри Кэр и Ричард Бертогг, сам он не разделял их взглядов. Яков явно не был расположен к религиозной терпимости.

Яков не только искал возможности дать католическим полемистам любое преимущество в их идеологическом сражении со своими протестантскими противниками — он стремился обеспечить англичанам-католикам максимум преимуществ в соревновании за рабочие места в Англии конца XVII века. Он не просто использовал свои prerogatives для препятствования существующим законам, запрещавшим католикам занимать официальные должности; он также делал все от него зависящее, чтобы обеспечить максимум мест и должностей своим единоверцам.

Продвижение Яковом своих единоверцев началось с тех, кто был к нему ближе всего. Он не только создал католический совет министров, на политические советы которого полагался, — он также начал создавать себе католический двор и круг приближенных. Яков отстранился от прежних друзей, графов Фивершема и Дартмута, потому что оба были протестантами, а Дартмут к тому же «всегда противился всему, что могло принести выгоду католической религии». Увеличивающаяся откровенность, с которой Яков демонстрировал, что «невозможно быть лояльным подданным и называть его религию идолопоклонством», создавала некомфортную ситуацию для многих протестантов. «Католическое рвение короля» заставляло многих чиновников как и при дворе, так и в других местах приходиться к выводу, «что в конце концов

им придется или объявить себя католиками, или отказаться от места».

Общее ощущение внутри королевского дома было однозначным: Яков намерен нанимать только тех слуг, которые «объявляют себя католиками или открыто обязуются делать в парламенте все от них зависящее, чтобы продвигать католическую религию». Неудивительно, что в 1689 году шестнадцать бывших членов королевского двора подали прошение о финансовом пособии, потому что при Якове были «убраны с их уважаемых мест (на некоторые из них были взяты паписты) без какого-либо содержания и без обсуждения».

Яков не сохранил никаких особых симпатий даже к самым близким своим знакомым. Он оказывал значительное давление на обеих своих дочерей, Анну и Марию, чтобы обратить их в католицизм. Один комментатор, дружественный Якову, обоснованно заключал, что английский король «никого не считал полностью разделяющим его интересы, если они не разделяли его веры»⁶³.

Во все время своего правления Яков способствовал занятию римскими католиками государственных должностей во всех областях. В армии, одном из наиболее могущественных институтов современного государства галликанского типа, Яков прилагал все усилия, чтобы увеличить процент католиков как среди офицеров, так и среди солдат. Показательный процесс «Артур Годдем против сэра Эдварда Хейлза», который подтвердил прерогативу короля в освобождении от Проверочных актов и Карательных законов, когда король считает это уместным, был лишь необходимым первым шагом в гораздо более масштабной программе обращения в католицизм. Яков добился, чтобы ко времени летних маневров в Хаунслоу-Хит его современная армия имела как центральное католическое управление, так и контроль католиков на местах. Каждый из разбросанных по стране гарнизонов получил место для проведения католических богослужений.

Яков сделал важный шаг и в католицизации офицерского корпуса. К октябрю 1688 года римские католики составляли около 11% офицерского корпуса — примерно в десять раз больше этой пропорции у всего населения, и в полтора раза больше, чем у джентри и аристократии. Это количество вовсе не выглядит поразительным, но следует помнить, что оно все-таки ограничивалось желанием Якова иметь профессиональную армию. В стра-

не просто не было нужного числа католиков с необходимым военным опытом. Однако Яков демонстрировал непропорциональное доверие к своим единоверцам. «Все значительные места, требующие доверия», повсюду должны быть отданы в руки римских католиков, — писал один свой человек из Уайтхолла. — Важные гарнизоны Халла, Бервика и Портсмута, так же как и Лондонский Тауэр, были отданы под командование римским католикам. Сэр Мартин Бикман был уволен с должности, несмотря на «великую доброту» к нему Якова, потому что, как объяснил отец Питр, король «принял решение, что главным инженером армии должен быть римский католик»⁶⁴.

Среди рядовых английской армии доля католиков тоже была высока. Согласно одной достаточно надежной оценке, к октябрю 1688 года в Англии имелось от пяти до шести тысяч солдат-католиков, многие из которых явно происходили из Ирландии. Эти цифры предполагают, что католики составляли от 12 до 15% армии Якова II — в то время как число католиков среди населения было чуть более одного процента. Таким образом, католики были представлены в армии Якова II в куда большей степени. Похоже, что Яков учитывал мнение сэра Эдварда Хейлза, католика и коменданта Тауэра в Лондоне, который советовал, что без католической армии «все наши труды будут напрасны и пусты»⁶⁵.

Многие считали, что Яков хочет сделать католическим и правительство. Бывший тори, лорд-мэр Лондона сэр Джон Мур предупреждал после частной встречи с Яковом, что «существует намерение ввести папизм». «Папизм катят в гору с огромной силой и многими механизмами», — комментировал ситуацию один из друзей сэра Уильяма Трамбулла. Эти чувства нельзя отнести просто как политическую паранойю или обычный пессимизм. К 1688 году тринадцать губернаторов Англии, то есть более трети всех, были римскими католиками. Это было замечательное количество — учитывая, что до восшествия Якова католики были отстранены от столь высоких должностей. Яков сообщил Берильону, что «решил поставить мировыми судьями в графствах католиков». Исследования показывают, что Яков держал свое слово. В 1687 и 1688 годах он повсеместно вел чистку судей, которые не симпатизировали политике обращения в католицизм, и в то же время наполнял коллегии мировых судей римскими католиками. Около 64% новых членов парламента,

выбранных в 1687 и 1688 годах, были католиками, а их общий процент дошел почти до 25⁶⁶.

... Политика обращения в католичество распространялась по лестнице правительственных назначений все ниже. В конце 1686 года новая казначейская комиссия с большим количеством католиков и под руководством умелого юриста, римского католика сэра Роберта Брента в качестве своего секретаря, начала систематическую чистку местных таможенных и навигационных чиновников. Хотя широту чисток нельзя определить со статистической точностью, множество католиков, потерявших свою работу в 1689 году, говорят, что здесь тоже были приложены значительные усилия. Яков искал, как сделать католическими юридические корпорации, готовые адвокатов — вершину английской юридической профессии. В то же время прикладывались все усилия, чтобы назначать римских католиков в большие жюри присяжных⁶⁷.

Усилия Якова по обращению в католичество всех уровней правительства производили впечатление из-за их повсеместности и эффективности. Однако он был ограничен наличием квалифицированных католиков. После полутора веков протестантизма находилось немного католиков, которые подходили для общественной работы. Это положение Яков думал исправить обращением в католицизм древних университетов.

Яков начал свою атаку на два столпа английского образования в начале 1687 года. В январе король настоял, чтобы главой колледжа Сидней-Сассекс в Кембридже был назначен недавно обращенный католик Джошуа Бассет. Назначение известного нетерпимостью католика, как говорили, «взбудоражило весь университет». В июле духовная комиссия отправила членам совета колледжа Сидней-Сассекс документ о пересмотре их статусов, приказывая «выбросить всех, кто выступает против папства и давая ректору власть принимать людей без согласия остального сообщества». Сидней-Сассекс стал Англией в миниатюре, с абсолютно нетерпимым католическим ректором. Даже при том, что к октябрю 1688 года Бассет назначил здесь всего одного католика, было ясно, в каком направлении дует конфессиональный ветер. Колледж перестал быть «яслями англиканской церкви», жаловались протестанты архиепископу Санкрофту. «Месса и другие папские службы в нашем колледже проводятся публично»⁶⁸.

В апреле 1687 года духовная комиссия вмешалась в конфессиональную политику Кембриджского университета. В начале мая члены комиссии уволили с должности вице-канцлера университета доктора Джона Пичелла и отстранили его от руководства колледжем Магдалены за отказ присудить степень магистра искусств бенедиктинскому монаху Альбану Френсису. В то время как отстранение вице-канцлера стало серьезным сигналом, что Яков не потерпит сопротивления своей воле, приближенные ко двору поняли, что решения комиссии имеют гораздо более широкое значение. «Постановление это вызвало сенсацию, — информировал Берильон Людовика XIV, — потому что утвердило королевскую прерогативу ставить католиков во все религиозные учреждения»⁶⁹.

Яков также достиг существенных успехов в обращении в католицизм Оксфорда. В начале 1686 года английский политический мир был оскорблен, когда широко известный и повсюду уважаемый глава университетского колледжа Оубедая Уолкер* перешел в католицизм. Хотя те, кто хорошо знал его, считали, что Уолкер испытывал давнюю и глубокую симпатию к Римско-католической церкви, остальные были в шоке. Джон Эвелин, например, жаловался, что он рекомендовал Уолкера, «лицемерного скрытого паписта» на роль воспитателя своим сыновьям. То, что Уолкеру позволили сохранить свое выдающееся положение в Оксфорде, публично проводить в своем колледже мессу и иметь в Оксфорде типографию, из которой ныне исходили защищающие католицизм работы, убедило Эвелина, что «запущены все механизмы, позволяющие быстро насаждать папизм»⁷⁰.

Университетский колледж Уолкера был не единственной католической твердыней в Оксфорде. В октябре 1686 года Яков назначил Джона Масси новым настоятелем церкви Христа. В течение нескольких месяцев Масси обращал в католичество, создал католическую молельню и назначил капелланом иезуита. Назначение Масси, записал Бернет, «было сделано для максимальной

* Оубедая Уолкер (1616–1699) — английский академический деятель, сотрудник Университетского колледжа в Оксфорде и его глава с 1676 года. Убежденный монархист и сторонник Стюартов. В декабре 1688 года заключен в тюрьму по обвинению в смене религии и содействии католицизму, в 1690 году освобожден. Наиболее известный труд — «Об образовании, в особенности для молодых джентльменов» (1673). (Прим. ред.)

поддержки всех обращенных». И Уолкер, и Масси вскоре были назначены мировыми судьями, что позволило им наказывать всех виновных в антикатолическом поведении.

Хотя глава университета и настоятель церкви Христа являлись самыми выдающимися и могущественными католиками в Оксфорде, они тут были не одни. Натаниэль Бойз и Томас Дин, два сотрудника университета, также стали выдающимися новообращенными католиками. Стив Хант из Тринити-колледжа, Роберт Чарнок из колледжа Магдалены, Мэтью Тиндалл из колледжа Всех Душ и Джордж Сларк из Бейльхайла, все вновь обращенные, а также Джон Бернард из Брейзноса, были известны активными своими выступлениями «в интересах папизма» в оксфордских кофейнях. Иезуит отец Томас Фэйрфакс, которого знали также как доктора Беккета, назначенный профессором философии в Оксфорд, был известен своими исследованиями восточных языков⁷¹.

Хотя по стране распространились слухи, «будто оксфордские обращенцы приходят целыми толпами и весь университет готов» объявить себя римскими католиками, было ясно, что католицизм в университете столкнулся с сопротивлением. Уолкера «оскорбляли в лицо люди, встречавшие его на городских улицах и переулках, о нем распевали песенки». Вместо посещения лекций, проводимых новообращенными, как сообщал Эссон де Бонрепо, студенты осыпали их «словами насмешек». Немногие приходили послушать мессу в университетском колледже. Оппозиция была настолько резкой, что Оубедадя Уолкер с того момента, как объявил о своем согласии с римской церковью, вынужден был ходить по улицам Оксфорда с охраной⁷². Тем не менее публичные насмешки не могли остановить медленное, но устойчивое продвижение католицизма в Оксфорде.

Именно в этом контексте медленного, но упорного обращения в католицизм в Оксфорде Яков направил свое внимание на колледж Магдалены. В марте 1687 года Генри Клерк, прежний президент колледжа, умер в Готорп-Холле в Ланкашире, так и не оставив своих предложений о наследнике. Яков хотел, чтобы новым президентом был кто-нибудь из «симпатизирующих его религии». Глава университетского колледжа рекомендовал Якову назначить новым президентом новообращенного Энтони Фармера. Единственной рекомендацией для Фармера оказалось его недавнее обращение. Его моральный облик вызывал сомнения. О нем го-

ворили, что он «целовал женщину, а потом болтал о ней», «совал руки под платье порядочным леди», а когда его просили объяснить свое обращение в католицизм, он признал, что сделал это «лишь для продвижения по службе».

В таких обстоятельствах члены совета колледжа Магдалены отвергли распоряжение Якова и выбрали президентом одного из своих членов, Джона Хафа. Этот шаг спровоцировал реакцию духовной комиссии. Все лето члены комиссии выслушивали свидетелей против Фармера и в итоге отставили его кандидатуру. В августе Яков издал новый указ, назначавший президентом колледжа Сэмюеля Паркера, епископа Оксфорда. Сотрудники колледжа ответили, что у них уже есть президент и что Паркер по статутным требованиям не может быть членом совета колледжа Магдалены или Нового колледжа⁷³. Яков отреагировал поручением епископу Томасу Картрайту из Честера посетить колледж.

С этого момента история получила всенародную известность. «Все глаза и уши повернуты в ту сторону», — записал Оуэн Уинн из колледжа Магдалены в октябре 1687 года. Каждая стадия процедуры детально описывалась в еженедельниках, которые перепечатывались в широко циркулировавших отдельных оттисках и охотно обсуждались англичанами по всей стране⁷⁴. Интерес к этому случаю был двойным: это была проверка как возможностей короля обойти закон, так и мера пределов, заложенных в политику Якова по обращению в католицизм.

В конце концов Яков доказал, что теоретических пределов его власти нет. Сотрудники колледжа не смогли отстоять свое право определять членство в совете вопреки воле короля. Еще один колледж превратился в центр католического обучения.

Яков ясно показал всем, кто готов был слушать его, что судьба колледжа Магдалены — это вопрос его суверенной власти. Французы Берильон и Бонрепо вспоминали, что, встретившись с членами совета в Оксфорде, Яков «завелся до необычайной ярости, и в состоянии гнева он заявил им, что хорошо знает, как сделать их послушными».

«Я унижен и оскорблен, как никогда прежде не унижали короля, — бушевал он в беседе с королевским советником доктором Чарльзом Хеджесом, — и буду отстаивать свою честь». Это был как раз тон, принятый епископом Честера в речи перед членами совета во время его визита. «Вы обращаетесь с Его Святейшим

Величеством, как будто он правит только учтивостями, и вы решились подмять короля под себя, так нет же!» — заявил членам совета Картрайт. Он ясно указал, «что низость их преступления почти равна мятежу». Члены совета под началом Джона Хафа поначалу стояли на своем, но вскоре приняли свою неизбежную судьбу. Прибывшие в Оксфорд члены духовной комиссии велели Хафу прекратить деятельность в качестве президента, поставив на его место Сэмюеля Паркера. К середине ноября двадцать пять членов совета Магдалены ушли в отставку⁷⁵.

История с колледжем Магдалены продемонстрировала пределы поступков Якова II по отношению к свободе совести. Члены совета колледжа Магдалены явно защищали свой отказ назначить президента по выбору короля на основе того, что не могут сделать этого «без насилия над своей совестью». Томас Картрайт ответил, что «принципы — всегда предлог к мятежу, ими следует жертвовать»⁷⁶. Члены совета защищали свои права придерживаться имеющегося статута и существующих принципов конфиденциального общества. Их позиция была аналогичной позиции церкви, настаивающей на своем праве назначать собственных чиновников и дисциплинировать своих членов. Яков, следуя предписаниям французской августинианской апологетики, настаивал на своем праве определять, что правильно по его мнению. Принцип свободы совести оказался отброшен, когда вошел в конфликт с властью Якова и его планами обращения в католичество.

Колледж Магдалены вскоре стал, как и боялись члены его совета, «католической семинарией». Когда в марте 1688 года Сэмюель Паркер умер, новым президентом был назван окончивший Сорбонну католик Бонавентур Гиффард. Часовня колледжа Магдалены была быстро перестроена, мессы служились теперь ежедневно. К августу 1688 года все преподаватели колледжа, кроме двух, уже были римскими католиками⁷⁷.

Историю с колледжем Магдалены нужно воспринимать не как отдельный случай ущемления англикан, но как неотъемлемую часть программы Якова по обращению в католицизм. Именно так современники и понимали ее. «Паписты уже получили церковь Христа и университет, настоящая схватка идет за Магдалену, — писал Джон Хаф, — и через небольшое время запугиваний они получат остальных». Это не была обычная паранойя со стороны потерпевшего поражение. В ноябре 1687 года духовная комиссия

провела всеобщую проверку всех статусов в колледжах Оксфорда и Кембриджа. То, что это произошло немедленно после завершения конфликта в колледже Магдалены, предполагает, что комиссия имела планы дальнейшего обращения студентов в католицизм. Неудивительно, что «все главы и сотрудники колледжей», и Оксфорда, и Кембриджа, как говорили, «дрожали»⁷⁸. Яков неумолимо двигался к превращению Кембриджа и Оксфорда в католические центры обучения.

Яков преследовал широкомасштабную цель обращения Англии в католицизм. Он не просто желал облегчить католикам их положение и ждать, что при справедливом разделе игрового поля правда католических аргументов восторжествует. Нет, король был намерен сделать максимум возможного, чтобы поставить галликанских католиков в центр политической власти и обеспечить католицизму максимум возможностей на всех уровнях правления, сколько возможно. Яков следовал проекту, созданному Людовиком XIV.

Но тогда почему Яков приветствовал гугенотов, бежавших от преследований во Франции? Почему он предложил убежище тем протестантам, которые сопротивлялись отмене Людовиком XIV Нантского эдикта? Тысячи гугенотов прибыли в Англию за время правления Якова II; скорость прибытия новых эмигрантов, судя по всему, в 1687 и 1688 годах даже возросла. К 1687 году только в одном Лондоне существовало семь активных гугенотских конгрегаций⁷⁹. Логично предположить, что именно английский король поддерживал такую массовую иммиграцию.

На деле Яков делал все политически возможное, чтобы обуздать французских беженцев. По крайней мере дважды он разъяснял французскому послу Берильону, что необходимо различать его личные чувства к преследуемым французским протестантам — и то, что он может заявлять публично. Гугеноты, заявил он, «дурно расположены» к английскому королю, и «то, что они остаются в его королевстве, не нравится ему» — но «он не хочет публично говорить на эту тему». Частным образом Яков и его ближайшие советники настойчиво осуждали гугенотов. Яков считал их «своими врагами» и желал, чтобы они ушли из королевства. Супруга Якова разделяла его взгляды. Мария Моденская открыто заявляла французскому агенту Бонрепо, что «она считает всех протестантов республиканцами, особенно же тех, кто сбежал из

Франции». Католический совет министров Якова считал гугенотов «опасными для правительства». Лорд-канцлер Джеффрис, единственный протестант, сохранявший расположение Якова во все время его правления, был хорошо известен как критик гугенотов, обвинявший их в том, что «большая часть их принципов мешает... правительству»⁸⁰.

Яков и его правительство предпринимали против гугенотов действия, созвучные с их лично выраженными чувствами. Яков пресек публичную дискуссию о преследовании гугенотов во Франции. «Лондон газетт», как отметил Джон Эвелин, «никогда за все это время не напечатала ни слова об этих выдающихся событиях во Франции». Это умолчание, как прекрасно знал французский агент Бонрепо, исходило из прямого «приказа короля Англии». На следующий год Яков настоял, чтобы «История преследований и притеснений французских протестантов» Жана Клода была сожжена палачом — многие считали, что этот акт продемонстрировал одобрение «всего, что было сделано во Франции против протестантов»⁸¹.

Яков со своим двором не только пытался ограничить дискуссии о преследовании протестантов — он также предпринимал действия, чтобы заставить гугенотских беженцев чувствовать себя нежелательными в его стране. Яков искал возможность запретить гугенотские церкви в Лондоне на основе того, «что они все пресвитерианские и, как и голландцы, действуют против него и правительства». Яков отказал в натурализации «огромному числу» беженцев-гугенотов. Хотя король не мог предотвратить организацию помощи беженцам, он ограничил распространение сведений о тех, кто признавал авторитет англиканской церкви. Те, кто жертвовал в фонд помощи гугенотам, зарабатывали гнев своего суверена. Яков ничего не сделал, чтобы остановить Эссона Бонрепо, который отыскивал семьи гугенотов и доносил на них, чтобы их возвращали во Францию. Далекие от демонстрации религиозной терпимости в поступках, действия Якова по отношению к беженцам-гугенотам показывают пределы его обязательств в отношении свободы совести⁸².

Яков II, как показывают свидетельства, упорно осуществлял проект католической модернизации. Он далеко продвинулся на пути трансформации английского государства в централизован-

ную и эффективную бюрократическую машину. Яков добился того, что и английская армия, и английский флот имели самое современное оружие и были обучены на самой современной технике. И, как во многих модернизационных режимах, Яков распространил щупальца государства гораздо шире и глубже в общество, чем любой из его предшественников.

Как и у Людовика XIV за Каналом, программа модернизации Якова имела религиозную направленность. Он разделял презрение французских католиков к протестантам. Хотя политически для Якова было невозможно в протестантской стране подавить господствующую религию, он делал все, что мог, чтобы добиться возврата влияния католицизма. Он все больше полагался на галликанских католических советников, морских и армейских офицеров-католиков. Он насаждал католические школы, помогал распространению католической апологетики и делал все, что мог, чтобы сковать протестантскую реакцию. Яков не только принял галликанскую религиозную идеологию — он делал все возможное, чтобы создать режим во французском стиле и вернуть в Англию католицизм именно галликанского типа.

Глава седьмая

Соппротивление католической модернизации

Экстенсивная и амбициозная программа католической модернизации Якова II была обязана спровоцировать ответ. Ни один правитель не может запустить программу радикального преобразования английского государственного устройства — и ожидать полного спокойствия. Тем не менее Яков абсолютно не ожидал, что спровоцирует революцию. Он был опытным и сформировавшимся государственным деятелем ко времени, когда унаследовал трон в 1685 году. Почему же англичане так неожиданно и так решительно отвернулись от него?

Историки не замедлили с ответом. Ученые, разделявшие воззрения вигов, стали утверждать, что иррациональная и антианглийская политика Якова объединила страну против него. Национальные лидеры Англии отбросили в сторону свои партийные разногласия и решили разрушить реформационную политику своего короля. Поэтому Яков был обречен потерпеть неудачу.

В противоположность им историки-ревизионисты утверждают, что, кроме всего прочего, произошло отчуждение от Якова нетерпимого англиканского истеблишмента, что и вызвало потерю им трона. Такое понимание привело некоторых ревизионистов к мнению о том, что во второй половине 1688 года произошла «Англиканская революция», под которой они подразумевали мятеж, организованный в основном религиозными деятелями исключительно по конфессиональным причинам. Эти ученые считают, что на деле цели Якова были ограниченными и благонамеренными и что его пределы терпимости одобряло большинство вигов, включая круг Джона Локка из Вест-Кантри. Они следуют

за утверждениями самого Якова II и некоторых современников-тори, считая, что Яков потерял поддержку англиканских священнослужителей, именно поддерживая религиозную терпимость. «Именно свобода совести», как говорил Яков II своему ирландскому парламенту в 1689 году, спровоцировала его врагов «восстановиться против меня», боясь, что, когда такая свобода будет установлена законом, англичане «станут слишком счастливы, а я... слишком великим».

Тори, намекал Яков, были религиозными фанатиками, которые не могли и не позволили бы другим быть терпимыми к тем, кто верил и исполнял службы не так, как они. С точки зрения ревизионистов и их ранних современных предшественников именно тори и сторонники англиканской церкви свергли Якова, защищая не закон и английское государство, а лишь свою церковь. Ведь тори, как вспоминал их великий лидер XVIII века и полемист виконт Болингброк, «возглавили революцию». Именно тори, соглашался государственный деятель конца XVII века сэр Джозеф Уильямсон, не могли вынести мысли о *«жизни под папским королем. Никто не исполнял своих обязанностей с большим мужеством, чем эта группа людей»*¹. Ревизионистские историки следовали по стопам ранних тори, настаивая, что англичан в конце XVII века вели идентичные политические идеи. Ревизионисты приняли эту партийную политическую интерпретацию революции за оценку самой революции.

На деле стратегия модернизации Якова была более последовательной, чем раскрывает историография вигов, и эта глава продемонстрирует, что оппозиция этой стратегии была политически куда больше распространена, чем это утверждали ревизионисты. Англичане всех политических направлений осознавали (или начали осознавать), что Яков II имеет свой амбициозный план перестройки английского государства. Этот план, как быстро поняли они, подразумевал принесение в жертву гражданских свобод для создания более мощного государства.

Многие тори отвернулись от Якова — но, как утверждают ревизионисты, они сделали это потому, что считали, будто его план модернизации государства и обращения страны в католицизм нарушает английский закон. Хотя многих, без сомнения, беспокоили религиозные вопросы политики Якова, большинство тори опирались на более мирские позиции. Многие виги были глубоко

благодарны Якову за то, что именно он в конечном счете положил конец практике религиозных преследований, начавшейся в начале 1680-х годов. Но — в противоположность заявлениям историков-ревизионистов — не многие хотели принять политику Якова. Действительно, многие виги, включая круг Джона Локка, считали, что гражданская свобода была *необходимой прерогативой* реальной религиозной свободы. В 1687 и 1688 годах огромное большинство вигов и диссентеров по всей стране ясно показали, что не хотят работать с Яковом II. В 1688 году виги, как и многие тори, совместно действовали, чтобы сбросить короля.

Когда в июне 1688 года была сделана попытка королевским указом объявить семь англиканских епископов мятежными клеветниками после представления ими петиции против Декларации об индульгенции Якова, виги и тори, англикане и диссентеры интерпретировали это событие как великую угрозу английским свободам. Бурные празднования, которые последовали за оправданием епископов, указывали на рост народного недовольства проектом католической модернизации Якова. Но они не стали началом англиканской революции. На деле, когда Яков II, узнав, что англо-голландский флот готовится отплыть в Англию, дал торжественное обещание демонтировать свое модернизируемое государство, огромное большинство англичан отвергло его уловку как неудовлетворительную. Не многие верили, что консервативная «англиканская революция», реставрация гегемонии церкви Англии и простой демонтаж бюрократического режима Якова смогут гарантировать английские религиозные и гражданские свободы. Традиционного политического устройства Англии было недостаточно, чтобы сдержать амбиции проводящего модернизацию монарха. Вот почему многие англичане надеялись на революционные перемены.

* * *

Масштабная программа государственной модернизации Якова II, широко распространившаяся по стране и глубоко проникавшая в английское общество, вызывала столь же широкое сопротивление. Хотя ревизионистские историки последнего времени склонны придавать особое значение реорганизационной политике Якова II в 1686 и 1687 годах, показательному повороту от поддержки нетерпимой англиканской церкви к политике религиозной

снисходительности, большинство населения Англии приняло последовательный и согласованный проект государственной централизации и модернизации. В этот период Яков и его внутренний круг обратились к новым политическим союзам — но они никогда не колебались в своих попытках трансформировать английское государство. Когда подданные короля пришли к пониманию его абсолютистских замыслов, многие из них отреагировали с яростью.

Активная модернизация армии и усилия Якова по охране государственной монополии на использование силы закономерно спровоцировали большое количество комментариев со стороны его подданных. Когда после мятежа герцога Монмута в июне и июле 1685 года Яков продемонстрировал, что не только будет нанимать на службу католических офицеров, но также намеревается создать регулярную армию, он спровоцировал сильную и непредвиденную враждебность в обеих палатах парламента. В палате общин оба указа вызвали страстные речи членов с самых различных сторон идеологического спектра. Тори в течение всей своей жизни, сэр Томас Кларджес, «очертил важные последствия роспуска милиции и создания регулярных сил», добавив, что решение Якова нанимать католических офицеров «незаконно». Политический диссидент сэр Томас Мерес, ряд армейских офицеров и служащих королевского двора вскоре присоединились к Кларджесу в сопротивлении организации регулярной армии. Сэр Джон Томпсон, типичный виг, «очень сильно» возражал против «содержания регулярной армии». В палате лордов виги виконт Мордант, Чарльз Полер, граф Винчестера Уильям Кавендиш, граф Девоншира умеренный Джордж Савил, маркиз Галифакс — все выступали против найма офицеров-католиков и создания регулярной армии. Обе палаты открыто вступили в оппозицию планам Якова создать современную армию. «Ни один человек не поддержал создание регулярной армии», — сообщал Гилберт Долбен².

Указ о католических офицерах спровоцировал широкие дебаты и был явно непопулярен. Те, кто возражал против найма католических офицеров, делали это отнюдь не из соображений антикатолического фанатизма. «Их сердца заботит не наличие тридцати-сорока католических офицеров в армии, — объяснял французский посол Поль Берильон, всегда ясно понимавший английскую внутреннюю политику, — но то, что их появление в армии прямо противоречит законам». Этот указ, пояснял Берильон своему королю,

демонстрирует, что если Яков может игнорировать законы против приема католиков в военные и гражданские структуры, то он может «изменять любые законы по своему желанию». Следствием этого, как были уверены многие в парламенте, стала бы «полная трансформация правительства, за которой могла вскоре последовать полная смена религии». Именно в этом заключалась суть противостояния английского общества инновациям в военной области — что убедило Якова назначить перерыв в работе парламента и в конечном счете распустить его³.

Вне парламента многие также опасались современной армии Якова. Как только король развернул свои новые военные силы, англичане восприняли их как иностранное вторжение. В городах, где расквартировывались войска, организовывались гарнизоны или через которые эти войска просто проходили, жители пылали возмущением. Размещение по квартирам было очень обременительным делом. Молодые мужчины, ставшие основой новой армии, зачастую оказывались неуправляемы. Вдобавок для многих присутствие армии сигнализировало о новом политическом порядке.

Вскоре войска расположили в Эйлсбери в Бэкингемшире, «к огромному горю очень многих». В Лидсе и в Карлайле местные жители стнали, что «они погибают из-за размещения солдат». В Халле было очевидно, что горожане «ненавидят солдат», в то время как в Йорке люди жаловались на навязывание им военных законов. Оппозиция таким законам стала одной из причин протестов жителей острова Гернси. Горожане Бристоля и Честера громко возмущались своими гарнизонами. Солсбери был лишь одним из многих мест в Вест-Кантри, где армия вела себя грубо и жестоко, в котором звучали громкие жалобы на «свободно расквартированные» войска. В столице показное размещение войск в Хаунслоу-Хит «бесило людей Лондона» — в частности, конечно, потому, что «они были компанией беспокойных наглецов и мошенников». Но ярость частично также отражала, как хорошо понимал французский посол, глубокое осознание лондонцами, что их новая армия гарантирует направление политического развития их страны⁴.

Народная антипатия к новому военному режиму вскоре стала яростной. Начались уличные стычки между солдатами и горожанами в столице, в Оксфорде — тори и в Ярмуте — вигов. Особенно острой была напряженность между солдатами и горожанами

в Йорке. В 1686 году более пятисот учащихся и «здоровых молодых парней», вооруженных «огромными дубинами под пальто», атаковали местный гарнизон «самым ужасным образом», крича: «Выбьем мозги черной гвардии». В начале 1688 года военные, чтобы противостоять нападающей толпе, «били ее саблями и расстреливали из мушкетов, заряженных пулями». Нападения на военных происходили настолько часто, что Томас Комбер, тори и регент хора в Йорке, чувствовал необходимость читать проповеди против жестокого поведения нападавших⁵.

Многие англичане ненавидели и боялись современную армию Якова II. За несколько месяцев новая регулярная армия стала национальным бедствием. Политически умеренный Джон Эвелин записал о «серьезных жалобах» на армию, раздававшихся «по всему королевству», указав, что лагерь в Хаунслоу-Хит вызывал в особенности «много подозрений и разговоров [о] том, каков смысл размещения тут войск». Молодой йоркширец Абрахам де ла Прим записал, что «все говорят, будто регулярная армия разрушит Англию». «Регулярная армия в мирное время», доказывал виг Гилберт Бернет в широко распространявшемся памфлете, не может не «восприниматься нами как грубо претендующая на имущество всего народа в целом»⁶. Французский посол Берильон в 1687 году считал, что армия стала величайшим горем нации. *«Те, кто привязан к законам и установленному правительству в Англии, — докладывал он Людовику XIV, — более шокированы и глубже встревожены появлением регулярной армии, нежели всем остальным, что было сделано в угоду римским католикам»*⁷.

Армия была не единственным непопулярным элементом программы католической модернизации Якова II. С момента восшествия Якова II французский посол предвидел, что рано или поздно возникнет оппозиция действиям короля по усилению, регулированию и модернизации налогов. Когда Яков заявил о своем намерении собирать акцизные пошлины и годовые налоги до получения парламентского согласия, один комментатор предупредил, что это демонстрирует пренебрежение нового короля к своему обещанию «защищать собственность каждого человека». Когда Яков предпринял шаги для регулирования каминного сбора и акцизных пошлин, когда он принял меры, чтобы добиться идеологической чистоты налоговых чиновников, народное напряжение еще более усилилось. Отобранные для модернизации доверенные

лица Якова, сэр Николас Батлер, сэр Джон Бакворт и сэр Дадли Норт были людьми, которых «Сити действительно не любил». На практике новая система налогов Якова была настолько непопулярна, что стала поводом для пространного парламентского запроса в 1689 году⁸.

Использование Яковом судов для ослабления своих врагов и утверждения своих инноваций вызвало столь же враждебную реакцию. Когда Яков поставил вига пэра Генри Буда, лорда Деламера, по обвинению в измене перед особым судом, составленным из специально подобранной группы лордов-тори, он получил удивительно малую поддержку общественности. Несмотря на хорошо известную деятельность лорда Деламера как вига, тот факт, что Яков ищет возможность осудить его на основе неподтвержденных доказательств, обеспечил Деламеру единодушное освобождение. Неудивительно, что диссентер Генри Ньюкем рассматривал освобождение Деламера как «неожиданное милосердие».

Менее предсказуемым и поэтому гораздо более тревожным для Якова II и его режима была реакция других, куда менее расположенных к Деламеру политиков. Придворный Уильям Хейуард сообщил Деламеру, что тот «вел себя очень грамотно и осмотрительно, вызвав уважение друзей и недовольство врагов». Когда объявили о его оправдании, «этим вечером в нескольких местах звонили колокола от радости из-за такого приговора». Генри Кавендиш, герцог Ньюкастла и тори на протяжении всей своей жизни, ранее один из самых лояльных сторонников Якова, услышав о результатах суда над Деламером, признавался товарищу по партии тори сэру Джону Рересби: «Я очень рад»⁹.

Похожая тревога возникла несколько месяцев спустя, когда суд Королевской скамьи подтвердил право короля обойтись без Акта о проверке в случае «Артур Годден против сэра Эдварда Хейлза». Притом что никто «открыто не оспаривал решение», посол Берильон едва ли был единственным, считавшим, что «многие были глубоко против этого решения». Берильон и виг-изгнанник Гилберт Бернет, который мало с чем вообще соглашался, считали решение Королевской скамьи угрозой «аннулирования всех наших законов», делая их зависимыми «от королевской воли»¹⁰.

К 1688 году стало ясно, что многие англичане утратили доверие к английской судебной системе. Они стали считать, что Яков вместо справедливого использования верховенства закона исполь-

зует судебную систему как политический инструмент. Лорд-канцлер Якова и главный его юридический советник Джордж Джеффрис был люто ненавидим вигами за то, что руководил судом над заговорщиками Ржаной биржи и осуществлял надзор за жестоким процессом над мятежниками Монмута. Однако его энергичная поддержка программы католической модернизации Якова сделала его «ненавидимым повсеместно». Один житель Бэкингемиша выразил широко распространенное чувство, когда заявил, что протестант Джеффрис — самый большой «папист».

Вероятно, еще более выразительным был поворот народного внимания к выдающемуся негодяю Титусу Оутсу. Лживые заявления Оутса возбудили шум вокруг фальшивого «Папистского заговора» 1678 года, что, в свою очередь, привело к попытке вигов исключить Якова из числа наследников трона. Осужденный за лжесвидетельство в мае 1685 года, Оутс был приговорен к пожизненному заключению и к стоянию у позорного столба пять раз в году до конца жизни*. Когда он впервые появился у этого столба в 1685 году, его «закидали яйцами», а толпа орала «отрезать ему уши» и «повесить слишком хорошо для него». Но Оутс оставался героем у скомпрометировавших себя вигов даже в 1685 году — Джон, лорд Лавлейс, обнял его по пути к позорному столбу. А к 1687 и 1688 годам он стал символом несправедливости режима Якова. Когда он появился у позорного столба в августе 1687 года, «толпа вовсе не была груба с ним». Следующим августом Оутс стоял у позорного столба в Вестминстере, у Черинг-Кросс и Темпл-Бар «без какого-либо наносимого ему вреда». Многие в Англии явно пришли к согласию, что «король — обманщик, он не соблюдает законов, как обещал делать»¹¹.

Амбициозный план Якова II по модернизации и централизации английского государства путем перестройки английских корпораций также встретился с широким сопротивлением. По всей стране множество людей из обеих политических партий активно сопротивлялось требованиям своего короля. Понимая, как и французский посол Берильон, что Яков имеет целью путем реформы корпораций сделать всю Англию более «зависимой» от него, многие хотели помешать королю. Виг лорд Лавлейс был, по-видимо-

* В 1688 году, взойдя на престол, Вильгельм Оранский помиловал Оутса и назначил лжесвидетелем, ответственному за казнь как минимум 15 невинных, ежегодную пенсию. (*Прим. ред.*)

му, необычен лишь в своей резкости, когда отвечал на извинения двух вновь назначенных судей-католиков, говоря, что у них, как у католиков, нет законной власти, и что они «по закону неспособны действовать», и что поэтому он «вытрет задницу» предложенными ему извинениями.

И в Честере, и в Кембридже горожане противостояли сильному давлению короны и отвергали кандидатов двора на место глав. Многие религиозные диссентеры, которых внедряли в корпорации королевские регуляторы, отказывались служить. Городские магистраты, и виги, и тори, давали знать, что они «не только не изберут» тех, кто заявлял о поддержке политики Якова, но и не примут к себе «тех, о ком они точно знают, что никогда прежде они не заявляли» о поддержке партий. Свидетельства со всей Англии показывают, что широкий ряд корпораций сопротивлялся маневрам Якова на каждой их стадии. Один исследователь высказал мнение, что «к началу сентября 1688 года корпоративное руководство по всей стране глухо бурчало; но во многих местах, особенно там, куда были разосланы новые уставы, это полностью прекращалось»¹².

Но даже больше, чем активное сопротивление, звучал гул от множественных жалоб. Созывом элиты из графств и городов для выяснения их политических намерений Яков II и его советники создали множество местных арен для политических дебатов. И в отличие от политической болтовни, звучащей в кофейнях, тавернах и на рынках, эти собрания состояли из тех людей, кто имел политический вес. В Англии на таких ассамблеях, как хорошо знал Берильон, люди «собирались вместе, договаривались и образовывали политические союзы, которые иначе они образовать бы не смогли».

И виги, и тори соглашались, что попытка Якова модернизировать и централизовать английское государство, распространяя его щупальца еще глубже в регионы, создает новое политическое сознание. «Проверка умов знати и джентри показала такое единение», — заметил тори граф Данби, что советники Якова II «начали терять надежду вытеснить его жесткими мерами, и они наверняка не могли сделать это другими средствами». Замечательная «машина» государства Якова II, «как кажется, движется слишком быстро», соглашался умеренный маркиз Галифакс — но итоговый результат всех опросов и чисток оказывался таким, что «люди

становились более едиными» в противостоянии желаниям короля. «Метод опросов злил и объединял нацию», — заявил радикал виг Джеймс Джонстон в ноябре 1687 года. На следующий месяц он уточнил, что *«посылка представителей судебной и исполнительной власти, дабы узнать мнения среди джентри, не только излечила наши болезни, объединив людей, но оказалась удачайшим моментом, чтобы показать людям, что они снова едины»*¹³.

Именно это сопротивление на периферии, проявившееся как в виде политической оппозиции, так и в виде сформированного общественного мнения, убедило многих, что план Якова II создать послушный парламент провалится. В письме за письмом и французский посол Берильон, как и французский особый посланник Бонрепо — два человека, которые вопреки всему надеялись, что Яков преуспее в своих стараниях, — сообщали о трудностях, с которыми регуляторы Якова сталкиваются в провинциях. Бонрепо был напуган незначительным числом сторонников Якова в графствах; в одном графстве их было шесть, в другом три, а в «некоторых не было ни одного». «Существуют все признаки, что парламент не будет делать того, что хочет его величество», — соглашался Берильон. После просеивания имевшихся свидетельств от регуляторов имперский посланник Филипп Хоффманн написал, что «нет ни надежды, ни видимости, что события пойдут по пути, который воображал себе двор». «Знать и народ категорически против» планов английского короля, докладывал польский посол в Нидерландах Антуан Моро в декабре 1687 года. Весной 1688 года он заявил, что «король Англии дальше, чем когда-либо, от достижения своих идей» относительно послушного парламента¹⁴.

Иностранные наблюдатели сомневались в жизнеспособности созванного парламента по двум причинам. Во-первых, те, кто должен был выполнять распоряжения короля, не хотели делать этого перед лицом демонстрируемой ненависти народа. Роберт Ярл, свой человек в Уайтхолле, считал, что из-за *«наличия странного настроения среди людей в стране... многие из тех, кто прежде был за отмену Карательных законов и Проверок, теперь имеют совершенно противоположное мнение»*. «Те, кто обещал столь много» Якову, считал скептик-осведомитель из Дербишира тори граф Хантингдон, *«не могут выполнить этого — и, как я уверен, некоторые из них никогда и не планировали исполнять что-либо подобное, а лишь желали угодить королю в настоящий момент»*. Виг

с хорошими связями Роджер Моррис считал, что если двор верит, будто новый парламент будет выполнять их приказания, «то они наверняка введены в заблуждение». Как рассуждал виг Джеймс Уэллвуд, «в конце концов, вопрос состоит в том, будет ли парламент, который король Яков созвал как образцовый, отвечать его ожиданиям, когда все займут свои места, потому что глаза людей открываются все больше и больше каждый день; благородные принципы английской свободы начали снова загораться в народе — несмотря на долгие попытки загасить их».

И французские, и голландские дипломаты соглашались, что, несмотря на все чистки Якова, несмотря на широту его пропагандистской кампании и все прочие усилия, оказалось, что даже с уступчивым парламентом «король Англии не достиг ничего»¹⁵.

Во-вторых, не было никакой уверенности, что отобранные королем кандидаты добьются избрания. Так же как на самих кандидатов влияло общественное мнение, так же и выборщики в графствах и вольных городах, хоть и тщательно отобранные, могли колебаться. Один осведомитель Вильгельма Оранского сообщал, что он ожидает «огромные беспорядки» и «проявления неистовства» во время избирательной кампании, потому что выборы «будут неправильными». «Я слышала, что добрые люди в каждом графстве выдвинутся в члены парламента», — писала Кэри, леди Гардинер, из Лондона летом 1688 года, и она имела веские причины верить, что, несмотря на множество придворных «турок», многие из этих «добрых людей» все-таки будут избраны. Сторонник двора, Теофил Брукс из Лестершира, подтверждал, что его графство «полно страхов и проектов, подготовленных для оказания противодействия при выборе парламента». «Люди и в городе, и на селе», и в самом Кентербери, и вокруг него были «настроены решительно, чтобы противостоять» выдвинутому двором кандидатам — по словам полковника Джона Хэйлза, который считал, что будет «очень мало» тех, кто подчинится требованиям короля. Та же история имела место и в Оксфорде, где, как предполагалось, будут избраны два оппонента короля¹⁶.

Именно потому, что Яков и его советники не могли быть уверены в получении послушного парламента, столь много хорошо информированных обозревателей разных политических убеждений вообще сомневалось, что парламент будет заседать осенью

1688 года. «Сумасшедшие огромные суммы» были вложены летом 1688 года, чтобы предотвратить сбор парламента, отмечал политически информированный человек, Джеймс Фрейзер, который и сам сомневался, что парламент соберется в ноябре. Маркиз Галифакс не верил в возможность сбора парламента в 1688 году. «Я едва могу поверить, что мы будем иметь хоть какой-то парламента», — соглашался тори из Дербишира сэр Уильям Будби¹⁷.

Проект амбициозной государственной модернизации вызвал широкое сопротивление по всей Англии. Это произошло, как предполагают историки вигов, не потому, что планы Якова II были близорукими или нереальными. Скорее англичане противостояли Якову и его сторонникам потому, что осознавали, сколь серьезной и реалистичной была стратегия Якова по построению государства. Радикальные действия Якова спровоцировали возмущение многих — и следовало ожидать, что спровоцируют еще.

* * *

По-видимому, Яков II понял, что не сможет достичь своих целей, работая с традиционными союзниками монархии Стюартов — партией тори и англиканской церковью. Но решение Якова привлечь к союзу вигов и диссентеров не получило взаимности. Виги и диссентеры не испытали благодарности. Вместо этого открытая и тревожащая коалиция вигов и тори стала сопротивляться каждому начинанию Якова II и его внутреннего круга. Не Яков вызвал реакцию консервативных англикан — в чем ревизионистские ученые видели повторение «Англиканской революции» — настолько, чтобы создать революционную ситуацию. И англикане, и диссентеры понимали, что режим модернизации Якова угрожал свободам всех английских мужчин и женщин.

Проект модернизации Якова II не был чисто светским. Он надеялся использовать свою вновь созданную комиссию по духовным делам, чтобы ослабить церковь Англии. Яков отменил монополию на публично допущенные религиозные дискуссии, которыми протестанты пользовались со времен правления королевы Елизаветы, наняв личного королевского печатника Генри Хиллза для печати французской католической апологетики. Но он и его советники хотели гораздо большего, нежели просто создать среду для свободного обсуждения религиозных идей. Они хотели заставить замолчать антикатолические проповеди и пуб-

ликации. Они надеялись создать обстановку, в которой католические школы будут доминировать на поле образования.

Яков создал Совет министров, в котором звучали лишь мнения франкофилов католиков, крипто-католиков и симпатизирующих католикам. Каждое движение, которое Яков и его советники совершали для осуществления своего проекта католической модернизации, делало их намерения все более очевидными, провоцируя все больший уровень протеста и возмущения. Несмотря на величайшие усилия, прилагаемые для использования противоречий среди своих английских оппонентов, позитивные действия Якова, его желание развернуть вооружение модернизируемого государства заставляли его противников сторониться личной политической деятельности.

С самого начала духовная комиссия вызывала огромный интерес и размышления по всей Англии. К лету 1686 года документ о создании нового суда Якова II можно было купить «во всех кофейнях» за одно пенни. Результатом, как заметил придворный Оуэн Уинн, стало то, что «все свободно строили свои предположения и реагировали по этому поводу». Одним таким мыслителем был Джон Эвелин, который мрачно отметил, что власть новой комиссии больше, чем у распущенного средневекового суда высокой комиссии, и что ее «главная цель — подавить рьяные проповеди». Другим комментатором был Кэри Гардинер, который подслушал, как адвокат сказал: «Им дана огромная власть, большая, чем могут выразить слова»¹⁸.

Такой спорный судебный орган не мог не вызвать интереса, лишь только он взялся за заметный случай. Это случилось в августе, когда члены духовной комиссии устроили суд над епископом Лондона, Генри Комптоном, за отказ отстранить Джона Шарпа после его ядовитой антикатолической проповеди. Новость об этом деле почти немедленно распространилась по всей Англии. Случай Комптона обсуждался в газетах, еженедельниках, личной корреспонденции, о нем болтали в кофейнях. Это была «великая дискуссия в городе», писал вест-индский купец Кристофер Джеффрсон. Случай превратился в «разговоры по всей Англии». Сэр Ральф Верней обсуждал это дело в Бэкингемшире. Сэр Ричард Ньюдигейт, как и многие другие, хранил переписанную рукопись дела среди своих бумаг в Уорвикшире. Когда Комптон был уволен, как узнал Берильон по своей обширной сети контактов,

это «произвело много шума не только в Лондоне, но и в графствах тоже». В такой глуши, как Алеппо, юный доктор Джон Гиз узнал о смещении епископа Лондона и забеспокоился, что же «из этого последует»¹⁹.

Неудивительно, что смещение Комптона, выдающегося англиканского епископа, ученика высокого священника Джона Фелла, непогрешимого роялиста из семьи тори, разъярило широкий круг англикан. Во время работы комиссии тори сэр Томас Кларджес не мог удержаться от выкрика «громким голосом» в поддержку епископа, настаивая перед всеми, что «мой Господь говорит лишь здравые вещи». Убежденный англиканин сэр Роберт Саутвелл написал из своего дома возле Бристоля, что «мое сердце болит по доброму епископу Лондона». Когда Комптон был уволен судом, Джон Эвелин действительно не преувеличивал, заявив, что этот вердикт «встретил повсеместное негодование» среди единомышленников. Один более поздний памфлетист ухватил суть душевных чувств англикан, когда заявил, что вердикт духовной комиссии «поставил наше духовенство в тупик и наполнил наши кафедры теми же жалобами, которые прежде вылетали только из уст мирян»²⁰.

Однако было бы неверным заявлять, что лишь высокопоставленные англикане и тори были в ярости из-за отстранения Комптона. Каково бы ни было прежнее отношение Комптона к протестантским диссентерам, он был отстранен в 1686 году за защиту прав протестантского священника резко ответить на новый град апологетики со стороны французских католиков. Как следствие, диссентеры восприняли его дело как свое собственное. К своему ужасу, француз Берильон вскоре был вынужден признать, что «гугеноты-изгнанники и пресвитерианцы, которые походили на них, необычайно расстроены, увидев самого ярого врага католиков приведенным в суд и в опасности». Действительно, лондонский пресвитерианец Роджер Моррис заметил, что «все диссентеры согласны» с епископом Лондона. «Никогда не случалось за последние годы, — заявил он, — чтобы столь общими стали интересы священников. Оппортунисты и диссентеры шли одной дорогой». Это произошло из-за понимания, что «все они находятся под ударом» духовной комиссии. Имеющиеся свидетельства предполагают, что Моррис почти наверняка был прав. Уэстморлендский виг сэр Джон Лаудер лишь высказался громче других, когда заявил, покидая духовную комиссию: «Я не боюсь и не

стыжусь оправдывать моего епископа в его деле перед членами комиссии»²¹.

На следующий год комиссия духовных дел снова издала манифест, расширявший программу католической модернизации Якова. Когда комиссия решила принудить непокорных членов совета колледжа Магдалены принять выбранного королем президента, многие увидели в их действиях важный шаг по захвату католиками контроля над английскими образовательными учреждениями. Создание видных и успешных католических школ по всей стране и так было достаточно угрожающим событием — но этот новый шаг предполагал, что Яков хочет идти далеко, вплоть до деспотизма, чтобы захватывать собственность в форме членства в советах колледжей и, таким образом, продвигать дела своих единомышленников.

При такой высокой ставке случай быстро стал «делом всех», «темой разговора всего города» и речами всей нации. И снова новая инициатива государства заставила отреагировать всю страну. Опять католический подтекст политических действий Якова II спровоцировал ответ, который ударил по конфессиональной составляющей. Случай колледжа Магдалены, как заметил Берильон без тени неуважения, спровоцировал англичан по всей стране вспомнить о «своих привилегиях и их свободах». Этот случай, как вспоминал один памфлетист, «разжег такой огонь ненависти в народе, который невозможно было потушить». Так как сотрудники колледжа Магдалены не только лишились места членов совета колледжа, но также были «лишены средств к существованию», соглашался другой более поздний комментатор, действия духовной комиссии «поставили каждого англичанина в положение истца»²².

Священники были в ярости от действий своего короля. И англиканин, главный судья лорд Эдуард Герберт, и епископ Рочестера Томас Спрат, прежде лояльные слуги короля, разошлись во мнениях с духовной комиссией. Когда Томас Кен, епископ Бата и Уэльса и высокий священник, услышал об этом решении, он спросил своего друга Уильяма Уэйка — есть ли основания думать о «незаконности комиссии». Другие высокие священники и тори с волнением приглашали смещенных сотрудников Магдалены в свои семьи и предлагали им существенную финансовую помощь. Яков сказал сэру Эдварду Сеймуру, тори из Вест-Кантри, что, если слухи о помощи уволенным от священнослужителей окажут-

ся правдой, «он будет смотреть на это как на союз против него». Случай с колледжем Магдалены «так воспламенил партию церкви и священников, — сообщал Гилберт Бернет, находившийся при дворе Вильгельма в Нидерландах, — что они отослали очень настойчивые послания об этом принцу Оранскому, желая, чтобы тот вмешался и поддержал дело церкви». Если Яков II откажется, уточняли священники, они надеются, что Вильгельм «порвет» с Яковом II и объявит войну²³.

Хотя колледж Магдалены был англиканским учреждением в сердце Оксфорда, тори, виги, диссентеры и даже католики, не принадлежащие к профранцузской партии, были одинаково разгневаны действиями Якова против президента и членов совета колледжа. Они тоже воспринимали случай как часть программы католической модернизации Якова II. «С делом колледжа Магдалены, — информировал Джеймс Джонстон Вильгельма и его круг в декабре 1687 года, — потеряно [Яковом II и его сторонниками] огромное число диссентеров». «Увольнение президента и членов совета колледжа Магдалены», произошедшее так быстро после «незаконного судебного разбирательства против епископа Лондона, — высказался Чарльз Сизар, — открыло глаза всем сословиям и быстро предупредило диссентеров, чего им ожидать... раз такое открытое наступление произведено на церковь, которая твердо была основана по закону». «Глава и члены совета колледжа Магдалены являются достаточным доказательством» планов Якова II модернизировать государство за счет всех англичан, настаивал пресвитерианец Даниэль Дефо, так как сотрудники колледжа «были лишены своей собственности самым деспотичным приговором суда». Последствия, заметил Дефо, заключались в том, что «этот приговор потряс все наши состояния и владения»²⁴.

Виги и католики, противостоявшие французской и иезуитской партиям, также осудили несправедливость процесса против колледжа Магдалены. Недавние действия против Магдалены, доказывал радикал-виг духовник Сэмюэль Джонсон, «сотрясают всю систему собственности в Англии». *«Вы все помните колледж Магдалены, — подстрекал свою аудиторию виг из Вест-Кантри, сэр Ричард Кокс в 1690-х годах. — Этого достаточно, чтобы оправдать нас и показать миру, что только сила, и ничто, кроме силы, не может уговорить последнего короля восстановить нам наши законы, свободы, церкви, собственность, хартии и колледжи».* Этот

взгляд разделял один из самых выдающихся противников иезуитов и французского католицизма, епископ Джон Лейберн. Он возражал против использования часовни колледжа Магдалены для служб римских католиков после изгнания членов совета, заявлял, что действия духовной комиссии в колледже Магдалены «были захватом имущества, и что владение, которым теперь располагают римские католики, — это акт насилия и незаконности»²⁵.

Шестью месяцами позднее Яков II снова привел в ярость множество англичан, обвинив семь английских епископов в бунте и клевете. Снова Яков и его советники нашли способ заставить замолчать своих политических оппонентов по религиозному вопросу — на этот раз англиканских священников заставляли читать с кафедры вторую Декларацию Якова об индульгенции. И снова Яков и его советники продемонстрировали, что каково бы ни было их отношение к свободе совести, эта свобода не означает свободу быть несогласным, а тем более — свободу критиковать короля. Снова решение Якова мобилизовать все больше ресурсов и власти в модернизируемом им государстве вызвало широкий общественный гнев.

После издания в апреле 1688 года второй Декларации об индульгенции, обещающей свободу совести, Яков II на совете 4 мая решил заставить всех священников англиканской церкви читать Декларацию вслух в их приходах. Удивительно, но это взбесило не только англиканское духовенство, но и многих вигов и диссентеров. Решение Якова II обязать священников озвучивать его политический шаг привело к вспышке негодования по всей стране. Многие англиканские священники были сторонниками большей религиозной терпимости, но далеко не все. Однако лишь очень немногие ощутили, что терпимость по королевскому указу законна или желанна. Вероятно, многие разделяли чувства бэкингемширского священника Уильяма Баттерфилда, который по секрету сообщил сэру Ральфу Уэрни, что священство «не может быть инструментом в продвижении идеи, которую мы не одобряем». В результате 7, 8 и 9 мая несколько лондонских священников провели ряд встреч, чтобы определиться с курсом действий. Было решено проверить пульс лондонских клириков и снова встретиться с несколькими англиканскими епископами. В конце концов на встрече, проведенной в кентерберийской резиденции архиепископа в Ламбете, священники решили, что будут сопротивляться чте-

нию декларации в своих церквях, и что семь из восьми присутствующих епископов подадут королю петицию. Известия об этих встречах быстро распространились среди лондонских пресвитерианцев, и Ричард Бакстер «похвалил церковь Англии за то, что она сделала»²⁶.

Петиция, представленная «в самой покорной и уважительной манере» Якову II Уильямом Санкрофтом, архиепископом Кентербери; Уильямом Ллойдом, епископом Сент-Асафа; Фрэнсисом Тернером, епископом Или; Джоном Лейком, епископом Чичестера; Томасом Кеном, епископом Бата и Уэльса; Томасом Уайтом, епископом Питерборо; и Джонатаном Трелони, епископом Бристоля, подчеркивала скорее политические, чем теологические возражения против действий Якова II. Этот отказ зачитывать королевскую декларацию, о котором епископы заявляли в своей петиции, поднимался не из «желания проявить расположение к диссентерам». Нет, они возражали декларации, потому что она «основывалась на таком распределении сил, которое часто объявлялось незаконным в парламентах»²⁷.

Петиция семи епископов, тайно напечатанная, немедленно стала сенсацией и «духовным предметом рассуждений среди людей всех слоев». Когда сэр Роберт Саутуэлл получил ее копию дома, в Вест-Кантри, он не смог «удержаться и послал ее» своему другу виконту Уэймоту, так как «ужасно разволновался, читая ее». Томас Смит из Карлайла сообщил, что «все мудрые и добрые люди аплодировали» тому, что сделали епископы. Но Яков II отреагировал совсем по-другому. «Как! Церковь Англии идет против моей воли! Церковь Англии! Те, кто всегда проповедовал за нее!» — воскликнул король. По его словам, *«это звучит как глас Шебы, и даже бунтарские проповеди пуритан в сороковом году не имели столь дурных последствий, как этот поступок»*. Яков немедленно объявил, что «он хорошо знает, как заставить их быть послушными»²⁸.

Если петиция семи епископов была голосом мятежа, этот голос был услышан далеко и широко. Англиканское духовенство в Лондоне и в остальном королевстве в подавляющем большинстве отказывалось читать в церквях королевскую декларацию. Малая горстка священников читала декларацию в Лондоне, а в одном приходе, где она была прочтена, «люди массово вышли из церкви». Похожее единодушие перед лицом давления со стороны короля придало храбрости лондонцам. «С этого дня, — признался своему

дневнику Уильям Уэстби, — люди стали свободно и с абсолютной прямой выступать против навязываемого властью». Как согласнo сообщали все, вскоре «деревня последовала примеру города». Большинство духовенства отказалось читать королевскую декларацию, графство за графством. Даже в тех нескольких епархиях, в которых местный епископ отказался поддержать петицию епископов, «младшее духовенство следовало примеру лондонцев, отказавшихся зачитывать» Декларацию об индульгенции²⁹.

Перед лицом такого очевидного народного сопротивления его политике католической модернизации Яков применил другое оружие государства, чтобы заставить замолчать оппозицию. Он обвинил епископов в бунтарской клевете. Это решение и последующий суд прояснили всем вопрос, поставленный на карту. Оба, и Уильям Санкрофт, и Уильям Ллойд, намеревались произнести на суде речи, чтобы разъяснить свои позиции. Санкрофт претендовал на открытие, что декларация короля «похоже, стремится изменить всю структуру правительства и ввести новую конституцию». Он был уверен, что «духовными делами» король намеревался сделать так, чтобы «все законы», стоявшие «в оппозиции к необоснованной и несправедливой узурпации папой и римской церковью», были бы «приостановлены, а на деле отменены». «Последствия [этого дела], — собирался сказать в открытом суде Уильям Ллойд, — распространяются на протестантскую религию и все законы Англии. Счастье этого и будущих веков зависит от него»³⁰. Вероятно, два епископа не продемонстрировали своего ораторского искусства, потому что это не понадобилось. Аргументы, которые они были намерены выдвинуть, звучали уже повсеместно.

Англичане повсюду обсуждали те же вопросы, которые Санкрофт и Ллойд готовились поднять на своем суде, длившемся более года. «Все королевство заполнилось памфлетами, которые появлялись ежедневно, касаясь распределения власти и отмены Проверок и других карательных законов», — вспоминал один католический историк. Шла «война слов», считал французский посол; интенсивные «дебаты», соглашался пропагандист короля Генри Кэр. Замечательным успехом у населения пользовались некоторые личные вклады в эту войну памфлетов. Сэмюель Паркер, епископ из Оксфорда и один из самых стойких сторонников Якова II, обнаружил, что его подробная полемика «Причины для отмены Проверок» продана в декабре 1687 года в количестве более

двух тысяч копий за два дня. Но некоторые работы королевских оппонентов оказывались еще более популярными. «По крайней мере двадцать тысяч копий» «Письма диссентеру» маркиза Галифакса разошлись, попав в каждый «уголок земли» в конце 1687 года. Некоторые, подобно католику Генри Невиллу Пейну, считали его работу самой «нелояльной и опасной» из всех публиковавшихся трудов. Другие заявляли, что Галифакс написал «одну из самых замечательных работ по стилю, точности доказательств и выражениям из всех появившихся за границей за долгое время». Джеймс Джонстон впоследствии заявил, что памфлет оказал делу оранжистов «большую услугу», чем что-либо другое. Гилберт Бернет также написал ряд популярных трактатов, критикующих Декларацию об индульгенции Якова II³¹.

Два других памфлета, опубликованных за месяц до суда над епископами, также вызвали настоящий переполох. В январе 1688 года Гаспар Фейгель, важный голландский пенсионарий, опубликовал свои «Письма», конкретно направленные на планы Якова аннулировать Карательные законы и Проверочные акты. Было хорошо известно, что Фейгель представляет взгляды принца и принцессы Оранских — вероятно, поэтому «тысячи копий» трактата с готовностью были развезены «по всему королевству». Трактат «сильно оскорблял двор», в основном потому, что, по мнению шотландского католика Луи Иннеса, он наделал «много зла». В результате через несколько дней «Раздумья о письмах господина Фейгеля» перегнали коммерческий и полемический успех самих «Писем». Этот памфлет, «циркулируя в городах и селах даром», заставил графа Сандерленда повсюду искать его автора и издателя. Ко времени, когда Яков II решил отдать семь епископов под суд за бунтарскую клевету, мало кто в Англии не знал упомянутых изданий. И в Лондоне, и в провинциях существовало «разнообразие памфлетов с обеих сторон». «Самому широкому обсуждению в этом году, — заметил Уильям Уэстби, говоря о стране в целом, — подвергался вопрос о расхождении власти короля с законом»³².

Англичане не только насыщались памфлетами о королевской власти, расходящейся с законами через декреты — многие из них по всем признакам начали примыкать к противникам короля. В 1687 и 1688 годах все растущее число людей в Англии настаивало, что действия Якова II были не только незаконны, но и равносильны заявлению, будто в Англии нет другого закона, кроме сло-

ва короля. Любой, кто высказывался за Декларацию об индульгенции, доказывал маркиз Галифакс, выглядел «как адвокат, подерживаемый прерогативой против вашего старого друга Великой хартии». «Если король может дать индульгенцию против действий парламента, — уверяли некоторые сосланные в Нидерланды англичане, — тогда пора ждать деспотичного правления и папства». Гилберт Бернет решил «служить революции» весной 1688 года. Это случилось, как он вспоминал позднее, из-за второй Декларации об индульгенции Якова II, в которой многие законы были отменены по прихоти», а также из-за настаивания короля на найме тех, «кто находился под законным запретом», на политические должности в государстве. Бернет уверился, что *«происходит тотальное свержение нашей конституции; которая из законной превратилась в ненадежную, стала предметом простой воли и желания»*.

Другой англиканец соглашался, что чтение второй Декларации об индульгенции Якова II вслух прихожанам «показывает отделившуюся власть, которая меняет то, что ранее считалось неизменяемой конституцией этой церкви и государства». Во время самого суда над семью епископами советы для подсудимых «часто резко повторяли, что неподконтрольная власть — это перемена правительства». Один обозреватель определил сбор тысячных толп у Черинг-Кросс рядом с Уайтхоллом и перед дворцом архиепископа Кентерберийского как празднование поражения «слишком убежденных сторонников отделившейся власти» и победу «незыблемых законов» Англии³³.

Епископы не только озвучили широко повторяемые страхи, что Яков II хочет стать беспрецедентной политической силой и разрушает английскую конституцию, — они делали это на национальной платформе. В конце мая и в июне 1688 года всех в Англии беспокоили мысли о семи епископах и суде над ними. Огромные толпы людей выстроились вдоль пути, когда епископов отправили в Тауэр. Многие из знати, джентри и «громadной массы» более скромного люда посещали епископов в Тауэре. Оказалось, что все они были убеждены, что епископы страдают, «защищая религию, свободу и собственность». Мэри Вудфорд в Бинстед на острове Уайт, сэр Ральф Верни в Миддл-Клейдоне в Бэкингемшире и сэр Уильям Бадби в Эшбурне в Дербишире — все молились за освобождение епископов. «Мужчины, женщины и дети» по всей стране горячо рассуждали о епископах и суде над ними.

Новости, надежные и ненадежные, широко распространялись в печатных газетах, рукописных еженедельниках, частной корреспонденции и через разговоры в кофейнях. Друг Джона Локка, Энн Григ, считала, что «многие сотни тысяч» «постоянно» думают или говорят о деле епископов. Самые выдающиеся представители знати и джентльменов Англии приехали со всех концов страны, чтобы посещать суд над епископами. Но не только присутствовавшие ловили каждое слово, звучавшее в помещении суда. Например, когда 18 июня епископов отпустили под залог, по всей земле, в городах и деревнях, разожгли костры. Когда сторонники Якова II попытались подавить празднование в кафедральном соборе в Личфилде в Миддленде, «произошло громадное буйство»³⁴.

Энтузиазм был даже еще большим и более общим в тот момент, когда суд Королевской скамьи объявил епископам 29 июня 1688 года оправдательный приговор. Когда вердикт объявили, в помещении суда «раздался самый прекрасный вопль, от которого, можно было подумать, лопнут стены зала», — пришел в восторг свидетель, граф Кларендон. Как только зрители покинули здание суда, новость *«была подхвачена лодочниками и через мгновение, как по зажженной пороховой цепочке, мчалась вверх и вниз по реке и по улицам»*. Масса людей, от знати до «испытывающей головокружение толпы», на целых два дня объединилась в буйном, хриплом праздновании на улицах Лондона. Кто-то разжигал костры, другие звонили в колокола, и, казалось, почти все безостановочно кричали. Толпы безжалостно атаковали сторонников Якова II, которые отказывались присоединяться к празднованию. Когда новообращенный католик Джеймс, граф Солсбери, попытался избавиться от костра перед своим домом, «толпа» открыла стрельбу и «убила сторожа церковного прихода, который пришел, чтобы потушить костер»³⁵.

Празднования разлетались по всей стране вместе с новостью об освобождении. В Бэкингеме «было великое множество костров». В Бристоле в знак радости происходили «такие вещи, каких никогда не случалось до того». «Огромная часть ночи была проведена в веселье» в Питерборо, вспоминал будущий епископ Симон Патрик. Люди, «богатые и бедные», военные и гражданские, англикане и неконформисты, праздновали» по всему королевству³⁶.

Комментаторы всего политического спектра позднее заявляли, что после случая «семи епископов» вся политическая нация от-

вернулась от Якова II и его режима. Как только «семь глашатаев революции» были освобождены из лондонского Тауэра, с горечью вспоминал якобит Джон Стивенс, они стали распространять мятежные настроения среди *«не только своего малозначимого быдла, обычно известного как сторонники церкви Англии, но и по всем стадам диких животных, которые бродят по обширному лесу англиканской ереси и раскола»*. Последствием, был уверен Стивенс, стало то, что страна «опьянела от запаха мятежа». «Последнее дело, касавшееся епископов, имело такое огромное воздействие, которое с трудом можно вообразить», соглашался умеренный маркиз Галифакс; «оно собрало всех протестантов и увязало их в узел, который нелегко было развязать». Июньский суд 1688 года, вторил ему виг Джеймс Уэллвуд, «разбудил народ Англии, чтобы он сбросил свои цепи»³⁷.

Англичане были в ярости от действий своего короля летом 1688 года. Процесс семи епископов убедил многих, что Яков II намерен разрушить религиозные и политические свободы в Англии. Но суд не был, как заявляют ревизионистские ученые, триумфом англиканизма. Не он начал консервативную «Англиканскую революцию». Нет сомнений, что многие высокие священники праздновали оправдание епископов как триумф фанатиков. Нет сомнений, что популярность теологически ориентированных газетных эпитетов, именовавших епископов «семью столпами мудрости», отражала взгляды многих из тех, кто эти газеты покупал. Но диссентеры, как и высокое священство, были одинаково рады вердикту. Так как епископы представили свое дело как защиту закона против королевской прерогативы, как свободу выступать против деспотичного правительства, большинство английских диссентеров воспринимало битву епископов как свою собственную.

Один квакер из Уэльса предложил внести залог за Томаса Кена, епископа Бата и Уэльса. Множество других вигов, включая графа Бедфорда, графа Шроубери, графа Манчестера, графа Карлайла, графа Клэра, графа Раднора, виконта Ньюпорта, лорда Паджета и лорда Грея из Уорка на самом деле внесли залог за епископов. Великий пресвитерианский лидер Ричард Бакстер «высокими словами» похвалил «рвение епископов» перед своими прихожанами. Диссентеры с энтузиазмом приветствовали оправдание епископов. «Духовенство и миряне, диссентеры и церковь

Англии» были «единодушны в выражении своей радости по поводу освобождения епископов», — заметил очевидец в Лондоне. Ланкаширский глава диссентеров Генри Ньюкам выразил, вероятно, чувства многих, когда заявил, что он «не сожалел», когда слышал об оправдании епископов³⁸.

Каждый шаг, которым Яков II и его советники хотели консолидировать власть и продвинуть свою программу католической модернизации государства, встречал растущее сопротивление. Но в то время как многие противники Якова II мотивировались глубокими и давними антикатолическими предубеждениями, большинство из них публично оправдывали свои действия светскими и правовыми аргументами. «О религии нет никакого разговора», — верно отмечал сэр Роджер Л'Эстрандж³⁹. Яков, снова и снова повторяли они резким тоном, разрушает английскую конституцию в церкви и в государстве. И это было совершенно верно, потому что противники Якова II применяли скорее язык свободы, чем язык спасения, чаще выдвигали на первый план угрозу английскому правовому истеблишменту, нежели истинной церкви, и поэтому нет смысла обсуждать их победу как англиканскую революцию. И англикане, и диссентеры подвергали суровой критике духовную комиссию, осуждали процедуру против колледжа Магдалены и высоко ценили оправдание семи епископов. Они желали английской революции, а не узкоангликанской.

* * *

Стратегия католической модернизации Якова II провоцировала широкое сопротивление. Многие по всей Англии избрали путь демонстрации своей оппозиции. Однако те исследователи-ревизионисты, которые заявляют, что противники Якова были движимы прежде всего религиозным фанатизмом, не фокусируются исключительно на врагах Якова. Наоборот, они доказывают, что лица, наиболее симпатизировавшие религиозной терпимости, были одновременно и самыми яркими сторонниками короля. Яков II, заявляют эти ученые, стремился к религиозному плюрализму, и большинство английских вигов и диссентеров понимало этот пункт очень хорошо.

Поддержали ли виги и диссентеры Якова II? Стал ли Яков II королем вигов в глазах тех, кто пытался отстранить его от власти в конце 1670-х и начале 1680-х годов?

Диссентеры определенно имели веские причины принять Якова II. Когда он начал поворачиваться к ним в конце 1685-го и в 1686 годах и в конце концов издал свою Декларацию об индульгенции в 1687 году, он закрыл один из самых ужасных периодов религиозных преследований в истории Англии. Со времени провала попытки вигов отстранить Якова от трона в 1681 году тории начали «великие жестокости против диссентеров». Их «повсеместно преследовали», их сборы «еженедельно расстраивали». «Какой протестантский век и какая церковь могут сравниться с таким варварством и жестоким преследованием?» — задавал вопрос лидер квакеров Джордж Уайтхед. Лидеры сборной церкви в Аксминстере в Вест-Кантри выразили подобные же чувства. «Ярость противника растет больше и больше», — отмечали они в 1683 году, поэтому «сердца трудящихся людей готовы потерять мужество». Только в 1685 году государственные власти посадили в тюрьму более четырнадцати сотен квакеров. Правительство создало густую сеть информаторов, которые терроризировали собрания диссентеров по всей стране. После провала мятежа Монмута летом 1685 года государственные преследования диссентеров поднялись на новый уровень. Евангелистский клирик Гилберт Бернет не был одинок, заявляя, что режим Якова II, «похоже, получает удовольствие от крови»⁴⁰.

Когда Яков II прекратил преследования и протянул руку диссентерам, многие решили, что перемена могла быть лишь результатом божественного вмешательства. Йоркширский пресвитерианец Оливер Хейвуд не был единственным, кто вскричал: «Что сотворил Господь!» «Я считал бы диссентеров совсем глупыми существами, нуждающимися даже в эмоциях, — писал один памфлетист, — если бы они не были благодарны Якову II за освобождение от страданий, столь же бесчисленных, сколь и невыносимых».

Католические наблюдатели и сторонники высокой церкви — все говорили об энтузиазме, с которым диссентеры приняли Якова II и его новую политику. «Наша свобода совести очаровала всех старых фанатиков», — утверждал один англиканский обозреватель. «Все существо нонконформистов» теперь с энтузиазмом поддерживает Якова II, писал католик маркиз д'Албевилль. Другой католик записал, что «фанатики стали теперь лояльными подданными короля»⁴¹.

Немедленно после того, как Яков в апреле 1687 года издал Декларацию об индульгенции, виги и неконформисты *сразу же* показали, что они поддерживают его режим. Выдающиеся диссентеры, такие как квакеры Уильям Пенн и Роберт Барклай, пресвитерианцы Винсент Олсоп и сэр Джеймс Стюарт, а также независимый Стивен Лобб вскоре зачастили во внутренние круги власти и схватились за свои запрещенные ранее перья, защищая политику своего короля⁴².

Неудивительно, что более восьмидесяти адресов с благодарностями за Декларацию об индульгенции выплеснулось из конгрегации диссентеров. Выдающиеся полемисты вигов вскоре начали создавать хвалебные оды Якову и его политике. Генри Кэр, чьи резкие и общеизвестные атаки на Якова и тори в начале 1680-х убеждали, что он «идентифицируется в умах людей с диссентерами и вигами», написал ряд памфлетов, защищающих политику Якова и опубликованных в поддерживаемой правительством еженедельной газете «Паблик Оккурренсез». Когда в августе 1688 года Кэр умер, Эльканэ Сеттл, другой старый полемист вигов, принял «Паблик Оккурренсез». Джеймс Вернон, который не только представлял вигов в парламенте в 1679 году, но служил также личным секретарем герцога Монмута перед его казнью, писал в другую заметную правительственную газету — «Лондон Газетт». Ричард Бертогг, «который не отставал от фанатиков», написал теоретически сложную работу «Уважительные причины для отмены Карательных законов» (1687) и был награжден должностью мирового судьи в Девоне. Многие осужденные виги, включая Джорджа Спика, Джона Тренчарда, Джона Хэмпдена, Джона Даттона Коулта и Сэмюэля Бернардистона, приняли королевское прощение. Другие виги все еще оставались активными. Несколько человек приняло высокие должности. Виг юрист сэр Уильям Уильямс в декабре 1687 года принял должность заместителя генерального прокурора. Силий Тит, «один из самых ярых вигов», часто посещал суд начиная с сентября 1687 года. В июле 1688 года Тит примкнул в Тайном Совете Якова II к вигу Кристоферу Уэйну, сыну цареубийцы, сэра Генри Уэйна-младшего⁴³.

Яков II явно обратился к вигам и диссентерам за политической поддержкой. Огромное большинство диссентеров было возбуждено тем, что годы преследований и попаданий в тюрьму закончились. Несколько известных диссентеров и вигов на деле

тесно стали сотрудничать с Яковом II и его режимом. Ну а как большинство диссентеров и вигов поверили, что Яков действительно стал королем вигов? Предоставили ли они Якову II твердую политическую базу поддержки?

Свидетельства, хотя и запутанные, предполагают, что многие диссентеры и виги с самого начала опасались Декларации об индульгенции Якова II. Хотя они приветствовали свою вновь обретенную свободу верования, они недоумевали, что вызвало эту уступку Якова. Затем, с каждым шагом, который Яков делал для осуществления своей программы католической модернизации, с каждым шагом, который делал Яков для консолидации и централизации своей политической власти, диссентеры начали отстраняться от его режима. В течение 1687 и 1688 годов диссентеры более и более ясно показывали, что они понимают: религиозная свобода ничего не стоит без свободы гражданской.

Вначале многие диссентеры сомневались, как отвечать на Декларацию об индульгенции Якова II. Когда в среде диссентеров стали циркулировать слухи, что Яков намерен издать свою Декларацию индульгенции, многие начали говорить о своих предчувствиях. Правда, некоторые были «сильно обрадованы ею», сообщал свой человек в Уайтхолле Оуэн Уинн, «но другие восторгались меньше, чем в 1672 году и, похоже, не могли решить, то ли принять ее, то ли отказаться от ее выгод». Немедленным следствием декларации явилось то, что многие диссентеры остались в недоумении. Возникло глубокое «разделение среди пресвитерианцев». И французский, и испанский послы, которые мало в чем соглашались между собой, оба считали, что среди пресвитерианцев «большинство разумных и тех, кто вел за собой остальных, оказались в союзе с английской церковью» против Якова II. Берильон даже заявил, что «почти все секты» считали, что декларация Якова была «средством укрепить католическую религию и разрушить все остальные»⁴⁴.

Диссентеры были не более активными сторонниками новой политики Якова в графствах, чем в столице. «Единственными диссентерами, которые, похоже, были рады новой терпимости, оказались квакеры и независимые, но число и тех и других незначительно», — докладывал сэр Джон Рересби из Йорка. Диссентеры испытывали глубоко засевшее недоверие к намерениям Якова II и его режиму, считал Сэмюэль Сандерс из Нормантона

в Вест-Йоркшире. «По их лицемерным адресам», писал один из диссентеров, видно, что «какая бы возможность ни была предложена», эти же самые люди будут «действовать согласно их признанным принципам цареубийц». Джонатан Трелони, епископ Бристоля, больше симпатизировал диссентерам. «Лучшие даже среди пресвитерианцев», убеждал он, «были в ярости, что их имена присоединили к адресам помимо их согласия, они отказывались вносить взносы на построение новых молитвенных домов. «Самые известные диссентеры в этом городе», — как заметил Джон Лейк, епископ Чичестера, выбирали посещение англиканских служб вместо построения новых домов для собственных богослужений после того, как Яков издал свою декларацию. «Если король ожидает, что пресвитерианцы будут помогать ему, он обнаружит, что сильно ошибается», — записал герцог Гамильтон из Шотландии, где двойственное отношение походило на положение в Англии⁴⁵.

Многие диссентеры, особенно видные пресвитерианцы, немедленно выразили озабоченность большим политическим проектом Якова II. Пресвитерианцы и независимые «были врагами высокой прерогативы, которую взял на себя король», вспоминал Гилберт Бернет, поэтому, в то время как они «в основном склонялись к принятию милости короля», их мнения не «совпадали в вопросе отмены Проверок». «Самая большая часть диссентеров», неохотно признавал пресвитерианец и полемист Даниэль Дефо, была «настолько чувствительна к злу», запланированному Яковом II, *«что, хотя они совсем недавно тяжело страдали под плетью Карательных законов, они все-таки скорее решатся на их продолжение, чем ринутся в опасности разрушения самой сути и существования нашей протестантской религии»*. Декларация об индульгенции Якова II, из-за того что дарит свободу совести «прерогативой», не «пойдет тем путем, каким бы мы желали», соглашался квакер Джон Уайтинг. Хотя Яков II делал все, что мог, чтобы ознакомить людей с огромным числом пришедших к нему адресов благодарности за Декларацию об индульгенции, многие известные лидеры, определяющие мнение диссентеров, такие как Ричард Бакстер, Джон Хоув и Уильям Бейтз, публично выразили свои возражения этим адресам. И, как сделал ясным пресвитерианец Роджер Моррис. «большинство из тех, кто отправил адрес, не обладают возможностью распоряжаться властью»⁴⁶.

Хотя диссентеры и были благодарны за религиозную свободу, многие из них выражали свое беспокойство по поводу планов Якова II по отмене также и Актов проверки, которые обеспечивали англиканской церкви сохранение возможности занимать государственные посты, а также Карательных законов, которые наказывают тех, кто не посещает англиканские службы. «Люди в основном согласны, — писал один хорошо информированный обозреватель, — что отменить все Карательные законы оптом означает срубить под корень Реформацию и оставить в силе лишь старые папистские корни». Вместо программы католической модернизации Якова, подразумевавшей уничтожение законодательства, которое сделало Англию протестантской, диссентеры предлагали «создать новый закон для освобождения личности человека и его владений от наказания по причине религии и совести».

Хотя исследователи приложили немало усилий, чтобы найти по всей стране тех, кто соглашался работать с Яковом II, анализ результатов, поступавших на распространяемый Яковом и его чиновниками запрос, предполагает, что основная масса диссентеров и вигов отказывалась сотрудничать. По крайней мере в Ланкашире восприятие ситуации хорошо информированными англичанами было именно таким. «Пресвитерианцы... и квакеры к югу от Ланкастера», считал сэр Даниэль Флеминг из Райдала, все отвечали на первые два из трех вопросов Якова отрицательно⁴⁷.

В течение 1687 и 1688 годов диссентеры и виги все выше поднимали голос против проекта католической модернизации Якова. В то время как некоторые диссентеры и часть вигов радостно приветствовали конец преследований в 1686 году и Декларацию об индульгенции в 1687 году, через несколько месяцев большинство из них отвернулось от Якова II и его режима. Виги и диссентеры начали понимать — вероятно, под влиянием расползающейся повсюду новой армии Якова, явных намерений духовной комиссии заставить смолкнуть религиозные споры и очевидного желания Якова II переломить английский закон в колледже Магдалены, — что в лучшем случае Яков собирался предложить им ограниченную религиозную свободу в обмен на отказ от свободы гражданской. «Пресвитерианцы и независимые отходили от восторгов, которое они поначалу испытали по отношению к терпимости», — сообщил один из английских информаторов Вильгельма Оранского. Многие говорили эmissарам Якова, что они «за отмену

испытаний», обещая в то же время «свои голоса людям, которые говорили им, что никогда не согласятся на это». Натаниэль Джонстон, который был очень тесно связан с внутренним кругом Якова и был нанят Яковом в качестве пропагандиста, в январе 1688 года волновался, что «диссентеры могут охладеть» к проекту короля. «Наиболее мудрые из диссентеров» всегда подозрительно относились к планам Якова II, вспоминал Даниэль Дефо в 1689 году — и «большинство за короткое время» стало разделять их тревоги. «Замысел» Якова II, соглашался баптист Уильям Киффин, «приняли некоторые диссентеры — но их было совсем немного». «То была великая несправедливость», соглашался приверженец низкой церкви Гилберт Бернет, судить всех диссентеров по «опрометчивым речам Олсопа или Кэра».

Два человека, враждебные по отношению к диссентерам и вигам, имели такое же мнение. «У наших диссентеров не так легко выманить лестью прощение тому, от кого они страдали столь недавно», утверждал Эдмунд Бохун, который в свое время был судебским «молотом диссентеров», являясь мировым судьей в Саффолке, поэтому когда представилась «возможность, они сделали... смелые намеки в своей резолюции, расстроившие ожидания» Якова и его католических советников. Диссентеры, которые, казалось, «проявили огромную симпатию к его величеству», соглашался эксетерский пребенда Томас Лонг, бывший плодовитым критиком диссентеров в печати, «самыми первыми объединились против него»⁴⁸.

К весне 1688 года ни у кого не осталось сомнений, что основная масса диссентеров отвернулась от Якова II. Диссентеры, писал нидерландский посланник Ван Ситтерс, который имел прочные связи с их сообществом, открыто заявляли, *«что они, видя намерения [своего короля], предпочитают, как раньше, оставаться преследуемыми по Карательным законам — в надежде и ожидании получить через должный период некоторые послабления, чем путем отделения от англиканской церкви... наверняка уйти один за другим в землю»*⁴⁹.

Яков II и его помощники тоже почувствовали, что диссентеры и виги отворачиваются от них. «Расположение, которое мы испытывали к диссентерам, значительно ослабло», — докладывал Джеймс Фрейзер в феврале. Так как Яков II и его соратники по католической модернизации не нашли «ожидаемого ответа дис-

сентеров», сообщал маркиз Галифакс Вильгельму в апреле, «они подумывают о возвращении к своим старым друзьям из высокой церкви». К маю Джеймс Джонстон узнал, что «двор повсюду увольняет пресвитерианцев и независимых, которых недавно ввели в корпорации»⁵⁰.

Эти повсеместные свидетельства того, что диссентеры и виги не приняли режим Якова II, подтверждаются изучением особых случаев. Учитывая некоторые заметные и хорошо известные исключения, диссентеры не верили, что Яков II предлагает им единственный и лучший вариант религиозной свободы. С замечательным мужеством эти глубоко набожные мужчины — хотя есть подозрения, что существовало не меньше замечательных женщин, которые разделяли их взгляды, — отвергли условия, на которых им предложили окончание религиозного преследования.

Пресвитерианские лидеры были особо заметны в своей оппозиции Якову и его политике. Еще до того как Яков издал свою декларацию, Ричард Бакстер ясно дал понять, что не имеет намерения посылать королю благодарности. Джона Хау, который считался в своем кругу выдающимся представителем низкой церкви, как и будущих епископов Гилберта Бернета, Ричарда Киддера и Эдварда Фоулера сам Вильгельм Оранский уговаривал не писать Якову. Хау считал, что, если Яков осуществит свои идеи, это будет иметь «фатальные последствия». Он не только выполнил инструкции принца, но также использовал «свое огромное влияние, чтобы удержать других». Линкольнширский пресвитерианец Джон Растрик в 1687 году отказался подписать благодарственный адрес Якову II, смутно намекнув, что ему «смысл и план декларации очень хорошо понятен». Джордж Тросс из Эксетера начал «проводить прелатские встречи с огромной частотой», когда узнал о Декларации об индульгенции Якова II. Он обосновал свое решение двумя соображениями. Он считал, что декларация «противозаконна», и он подозревал, что «план короля — *уводить людей от общества и тем самым ослаблять партию англиканской церкви Англии, которую, если он когда-либо приведет к неуважению, диссентеры легко раздавят*». Неудивительно, что Тросс был гораздо больше доволен Актом о веротерпимости 1689 года, который обеспечивал статутное право на свободу религии. Эти чувства были похожи на чувства Уильяма Рагшоу из Дербишира, который «*был далек от возможности участвовать в распределении власти, на*

чем была основана индульгенция короля Якова, но разглядел в ней эту мысль». Проповедь, произнесенная перед студентами диссидентской Академии Ричарда Франкланда в Аттерклиффе возле Шеффилда, предостерегала от «обоснования претензий на абсолютную власть»⁵¹.

В своей книге Роджер Моррис длинно и подробно описал неприязнь к религиозной политике Якова и причину своей оппозиции. В мае 1688 года он воспроизвел англиканский документ, обвиняющий Декларацию об индульгенции в утверждении «превосходства власти над законом» и называвший ее прелюдией к проведению своей собственной кампании по запрету священникам-диссентерам читать декларацию своей пастве. Даже Томас Роузвелл из Родерхита на южном берегу Темзы, который публично благодарил Якова II за Декларацию об индульгенции, не особенно чтит Якова и его политику. «Ни один человек не радовался больше в то время, чем он», — вспоминал его сын и биограф. Несколько пресвитерианских священников, «которые пользовались личным и особенным выказанным им расположением, оказались втянутыми в западню», — писал Эдмунд Калами, который был очень близок к ряду ведущих клириков того времени; однако «их было очень немного... гораздо большее количество не сдавалось» и противостояло политике короля⁵².

Независимые (или конгрегационалисты) также встретили политику Якова с недоверием. «Ни один член» сборной церкви в Аксминстере в Девоне не согласился подписать благодарственный адрес Якову II. Хроникер этой конгрегации записал, что *«для таких понимающих людей, которые имели все права разбираться в своих делах, было слишком очевидно, что под всеми справедливыми и правдоподобными формулировками власти все еще из всех сил протаскивается папская конструкция»*. Независимый глава Свободной школы в Эссексе Захария Мейн, без сомнения, использовал все преимущества индульгенций Якова II — но был все-таки «очень доволен великой революцией», которая началась в 1688 году. «Хотя никто в Ланкашире не страдал больше от Карательных законов в области религии, чем я», писал независимый священник Томас Джолли, он все-таки считал, что новая политика короля «приносит вред». Он глубоко верил в «свободную волю для всех убеждений», но ошетиניвался при мысли об отмене Проверочных актов⁵³.

Даже группы, которые современники тесно связывали с поддержкой политики Якова II в 1687 и 1688 годах, баптисты и квакеры не оказались надежными политическими союзниками. Лондонский лидер баптистов преподобный Уильям Киффин не только отказался стать членом городского управления — он делал также все, что «мог, чтобы отговорить всех диссентеров из моих знакомых» от службы режиму. Киффин был одним из более двадцати ведущих баптистов, которые отказались работать с Яковом и его режимом. «Всего несколько персон (по своим собственным соображениям)» выступили «за снятие Карательных законов и Проверок» — но, как писал один баптист в начале 1689 года, целиком ни одна баптистская конгрегация не сделала этого. Действительно, некоторые баптистские конгрегации *«не только поощряли тех своих членов, кто был привлечен к работе на короля, но систематически в дальнейшем предпринимали меры против них»*⁵⁴.

Квакеры тоже сохраняли осторожность в поддержке Якова после первого всплеска энтузиазма по поводу индульгенции. Сам Уильям Пенн, по-видимому, пришел к мнению, что лучше «иметь Карательные законы отмененными, но Проверки оставленными». Конечно, такой план сделал бы невозможным для Якова продолжать стратегию католической модернизации — вероятно, это и объясняет, почему Пенн и отец Питр стали яркими политическими врагами к июню 1688 года. Тем временем Пенн из-за того, что до некоторой степени все же поддерживал политику Якова II, потерял поддержку многих квакеров. «Его собственные люди» начали «видеть теперь только, как французская группа поддерживает свободу в своих интересах», писал о Пенне один информатор Вильгельма, «за терпимость, которую, как они осознают, они должны отдать собственности». Пенн, соглашался особый французский посланник Бонрепо, «сильно осуждался в своей собственной партии». Карлайлский квакер Томас Стори был одним из тех, кто подвергал суровой критике людей, «приближавшихся ежедневно все ближе и ближе к папистам», потому что он и «значительная часть» сохраняли свои «ужасные опасения»⁵⁵.

Известные политики и полемисты виги подобным же образом противились Якову II и его программе католической модернизации. Несмотря на все усилия Якова II, и ближайшие советники короля, и иностранные наблюдатели считали вигов его основными оппонентами в 1687 и 1688 годах. Когда агент Вильгельма Эве-

рард ван дер Вееде хеер ван Дийквельд приехал в 1687 году в Англию, чтобы организовать поддержку своему патрону, многие наблюдатели отметили его близкие контакты с лидерами вигов. Летом и осенью 1687 года, много времени спустя после того, как Яков II издал свою Декларацию об индульгенции, «секретные группы заговорщиков» из числа вигов продолжали организовывать противодействие королевской политике.

Неудивительно, что большинство современников было гораздо менее оптимистично, чем некоторые ученые, по поводу шансов Якова на получение парламентской поддержки от вигов. Маркиз Галифакс сомневался, что парламент вигов «подчинится так, как ожидалось» двором. *«Разумно было бы ожидать, что те диссентеры, которые будут выбраны [в парламент], не будут в наших настоящих обстоятельствах соглашаться на отмену»*, — подтверждал тори граф Ноттингем. Пресвитерианский священник Роджер Моррис, который был так же хорошо осведомлен о чувствах вигов, как и любой другой, считал, что самое большее — они «отменят Карательные законы только относительно явных вопросов религии, но это не соответствует нуждам короля». Опытные политические обозреватели пришли к тому же заключению. «Двор начинает уставать от своих новых друзей, так как не находит их такими уж активными в поддержке своих планов», — записал свой человек в Уайтхолле, Джеймс Фрейзер. У Якова II не было причин «для довольства тем, как выглядят его дела», записал один оранжист после наблюдения за поведением вигов во время путешествия Якова II по стране в 1687 году. Польский посол Антуан Моро считал открытым вопрос, поддержат ли на самом деле Якова те, на кого он рассчитывает. «Никто из основных оппонентов двора не хочет изменить свое поведение или свои чувства», — сделал заключение француз Берильон в декабре 1687 года⁵⁶.

Большинство известных вигов были закоренелыми врагами Якова II и его политики. В то время как Яков и его министры «рассыпали похвалы и восхищение» графу Шроузбери, он оставался тверд в своей оппозиции. Шроузбери ездил в Гаагу консультироваться с Вильгельмом, он организовал тайные собрания заговорщиков в своем доме в Лондоне и считался многими «усердным» в разворачивании своих значительных талантов против Якова. Граф Девоншир не делал секрета из своего неуважения к политике Якова II, уверяя Вильгельма в мае 1687 года, что «ты-

сочи» разделяют его чувства. Томас Уортон, автор революционной песни «Лилибулерио»*, «презираемой» Яковом II, был известен как человек, «очень нерасположенный к королю Англии». Другой виг-аристократ, граф Стэмфорд, считался «одним из ведущих противников Якова II из-за своего духа и талантов»⁵⁷.

Несколько прошлых и будущих членов парламента от вигов были столь же последовательны в своей оппозиции программе католической модернизации Якова II. Том Фоули из Вустершира, хотя к нему и обращались несколько раз агенты выборщиков Якова II, отвечал, что три вопроса короля не «годятся для постановки, а также для ответа» на них. Другой житель Уорвика, Томас Маритет, который более тесно взаимодействовал с баптистами и квакерами, нежели склонявшийся к пресвитерианцам Фоули, советовал Уильяму Пенну на всплеске попыток Якова укомплектовать парламент, потому что «нет другого средства исцелять» нацию, только через «свободно и законно выбранный парламент». Корнуэльский виг Хью Боскоуэн ответил на сближение Якова II с вигами увольнением всех священников-диссентеров, которые склонялись к сотрудничеству с королем. И поэтому не следует удивляться, что он взял в руки оружие против своего короля в Труро в 1688 году.

«Ничто лучше не было известно при дворе, чем то, что король числит» яркого драматурга и вига, политика сэра Роберта Говарда, среди своих самых ярых врагов, потому что *«его невозможно заставить пожертвовать религией и законами своей страны ради деспотичного воцеления тирана над властью священников»*. В Суррее эксклюзивист Джордж Эвелин, по записям его брата, пообещал стоять за графство в 1688 году, чтобы «сохранить наши религию и собственность сейчас, когда они в такой опасности». Известный натурфилософ Исаак Ньютон, который будет заседать в палате общин от вигов в 1689 году, записал за два года до этого, что поддержка индульгенций Якова означает «отказ от всех законов о свободе и собственности».

В начале января 1688 года радикалы-виги по обе стороны Северного моря сделали свою оппозицию Якову очевидной. Несмотря на попытки двора привлечь их на свою сторону, и Ричард

* Считается, что текст стихотворения был написан в 1686 году, а в 1688-м выдающийся композитор Генри Пёрселл положил его на музыку. Фактически знаменита именно эта очень характерная и запоминающаяся мелодия, а не само стихотворение. (Прим. ред.)

Хэмпден, и его сын Джон заявили протест отмене Карательных законов и Проверочных актов. Более молодой Хэмпден, Генри Невилл, как «и все старые республиканцы», заявили о своей поддержке Вильгельма против Якова, потому что он *«восстановит английскую честь, обращаясь с Францией, как его предки обращались с Испанией, восстановит европейскую свободу и терпимость к различным мнениям в делах религии»*. Несколькими неделями позднее в Амстердаме в покоях Джона Уайлдмена собралась «группа заговорщиков». Участниками были виги Роберт Фергюсон, Джон Старки, который только что помогал при публикации «Писем» Гаспара Фейгеля, и бывший участник мятежа Монмута Джон Манли⁵⁸.

К таким книготорговцам и книгопечатникам, как Джон Старки и Оншем Черчилль, присоединились виги-полемисты. Писатель «страстного виговского» альманаха Джон Партридж никогда не упускал случая критиковать Якова II и его режим. Его «*Annus Mirabilis*» 1688 года весело предсказывала и подстрекала падение Якова II. В 1688 году Джон Филипс, племянник Джона Мильтона, возобновил свою плодотворную полемическую карьеру, опубликовав убедительный критический выпад против применения прерогативы Якова II, а затем переведя «Ежемесячный вестник», который предупреждал англичан об ужасных международных последствиях политики Якова. Даниэль Дефо, который как раз начинал свою долгую карьеру влиятельного политического писателя, тоже показал, что принципы вигов неизбежно влекут к противостоянию Якову. Тем, кто заявлял, будто «это всегда было убеждением его величества, что сознание нельзя подавлять», он указывал, что «мы знаем, чья рука больше всего участвует в проведении и исполнении Карательных законов во время последнего правления». Яков, говорил Дефо, «типичный римско-католический правитель, чье сознание направляется иезуитами» — а их действия в Англии будут наверняка похожи на «мягкое и нежное обхождение с французскими протестантами короля, чья политика тоже направляется мягкосердечными иезуитами»⁵⁹.

Хотя историки часто придают большое значение тем вигам и диссентерам, которые соглашались работать с Яковом и его режимом, они обращали куда меньше внимания на тех, кто или отказывался служить королю, или служил с огромными оговорками. Одним из первых вигов, приближенных Яковом, был герцог Бэ-

кингом. Несмотря на личные мольбы старого товарища Уильяма Пенна, Бэкингом отказался служить с лицемерным заявлением, что он «теперь заблудший деревенский джентльмен». В 1688 году Яков смог привлечь ряд бывших радикалов в свой Тайный Совет. Но один из них, Силий Тайтус, уже сделал явными свои подозрения относительно политики короля. Тайтус информировал Джеймса Джонстона, что, когда он подставил «ухо под их предложения», он понял, что Яков II и его французские католические советники намерены *«всеми правдами и неправдами установить свою религию и создать армию для достижения этого; и если этого будет недостаточно, призвать на помощь Францию»*. Другие, включая полковника Ричарда Нортон, сэра Томаса Ли, сэра Чарльза Вулсли и, вероятно, лорда Уортона, просто отказались войти в Тайный Совет Якова⁶⁰.

Круг друзей Джона Локка отреагировал на политику Якова, как и многие другие виги. Первоначально некоторые из них испытали подъем. Изабелла Дьюк из Оттертона в Девоне восторженно писала Локку про декларацию Якова, что «это самое радостное время в Англии, какое я только помню». Приглашая Локка вернуться из нидерландской ссылки в Англию, Джеймс Тиррелл заявлял, что он «найдет странные перемены в настроении людей»; не только «люди высокой церкви... чрезвычайно раздражены» направлением политики. Но, как многие диссентеры и виги, круг Локка быстро умерил свой энтузиазм. Точнее будет сказать, их сомнения по поводу Якова быстро опередили их надежды на его действия относительно религиозной свободы.

Сам Локк наотрез отказался от предложенного Яковом прощения. Только когда Яков был свергнут, друг Локка Филипп ван Лимборк решил, что полемисту-вигу можно «вернуться в страну без опасений». Друзья Локка пришли к такому же мнению. В том же письме, в котором Тиррелл приглашал Локка в Англию, Ли восхищался «Письмами» Гилберта Бернета — трактатом, который пояснял опасности католицизма французского стиля и поэтому был запрещен для ввоза в Англию. Осенью 1687 года дело колледжа Магдалены наполнило Тиррелла «страхом». Когда регуляторы Якова задали в феврале в Бакингемшире самому Тирреллу три вопроса, он отказался отвечать на первые два. Неудивительно, что не прошло и двух недель, как его «убрали» с поста мирового судьи. Кузены Тиррелла, виги сэр Питер и сэр Томас, оказались в лучшем

положении, но все-таки дали понять, что они, «подобно огромному числу честных джентльменов», не будут «притворяться».

Близкий друг Локка, Эдвард Кларк из Тонтона, который имел с ним деловой контакт в области производства шерсти, долгое время был политиком-вигом. Кларк считал графа Шафтебери и Джона Тренчарда своими друзьями и был арестован в связи с мятежом Монмута. Он поддерживал тесные контакты с Локком и посещал его в Нидерландах летом 1688 года — как раз когда Вильгельм готовил свои англо-голландские силы к вторжению в Англию. Как и сам Локк, после 1688 года Кларк был активным сторонником нового режима и делал все возможное, чтобы осложнить жизнь якобитов. «Титулованный друг» Локка, Томас Херберт, граф Пембрук, «отказался от предложения выбирать таких членов, которые отменяют Карательные законы и Проверки», когда к нему прибыли регуляторы из Уайтхолла.

Друг Локка доктор Дэвид Томас, который тоже посетил Локка в Нидерландах в 1688 году, отказался от должности олдермена Солсбери. Дорсетский виг Джон Фрик, хотя и считался регуляторами умеренным сторонником режима, не мог более ясно продемонстрировать свою нелюбовь к программе католической модернизации Якова. Он задумывался об отъезде в ссылку в феврале 1687 года, он категорически отверг три вопроса и отказался принять предложения своего кузена Уильяма Пенна. Другой друг Локка, сэр Уолтер Йонг, не смог притворяться, когда был назначен в королевскую комиссию по дознаниям в Девоне. Доктор Чарльз Гудолл, который сохранял имущество Джона Локка, пока тот находился в ссылке, считал, что события ноября и декабря 1688 года вполне могут «освободить наше несчастное и страдающее королевство от папства и рабства»⁶¹. Некоторые виги, друзья Локка, как и множество других диссентеров и вигов, первоначально приветствовали конец преследований, обещанный Яковом II, но быстро перешли к страху потерять гражданскую, а в конце концов и религиозную свободу, к чему наверняка привела бы его политика.

Виги и диссентеры на местном уровне отреагировали на заманивания Якова таким же образом. Лондон оказался самым показательным случаем. Когда Яков и его регуляторы решили заметить основную массу англиканского политического руководства вигами и диссентерами, они встретились с активным и пассивным сопротивлением. Виг-протоколист сэр Джон Холт был уволен.

«потому что он не поставил своей подписи за отмену Испытаний». В конце ноября Яков пригласил бывшего виг-протоколиста сэра Джорджа Треби, чтобы тот выполнял свои старые обязанности. Треби отказался, используя возможность доложить Якову при личной аудиенции, что политика короля беспокоит людей, «вызывая опасения потерять свою религию», а также «свои усадьбы и земли, как и жизни».

Виги больше не рвались служить шерифами. Хотя Яков и его регуляторы в конце концов назначили одного виг-губернатором, а ряд независимых, пресвитерианцев и баптистов олдерменами, перечисленные едва ли доказали, что являются уступчивой командой. Баптист и губернатор сэр Джон Шортер отказался содействовать внедрению Декларации об индульгенции, настаивая, что «по закону принял присягу верности и признал власть короля», согласно ритуалу английской церкви. Но Якова и его сторонников бесили не только его настойчивость в желании «ходить на причастие и подвергаться Проверке», но и то, что он стал эталоном для огромного большинства диссентеров, членов городского управления. Многие диссентеры делали все возможное, чтобы избежать службы. Квакер Уильям Мид, который должен был стать литературным душеприказчиком Джорджа Фокса, отказался от места, заявив, что «он станет инструментом и собственностью ничтожества». Другие вроде пресвитерианца Хэмфри Эдвина и баптиста Уильяма Киффина отложили принесение клятвы олдермена примерно на шесть недель, пока в конце концов не уступили.

Чтобы сделать свое противостояние Якову и его политике очевидным, новые олдермены-виги сразу же проголосовали за празднование традиционно антикатолического дня 5 ноября*. Попытки двора отрегулировать лондонские дилижансные компании были не более успешны. Диссентеры противились службе в орга-

* То есть дня неудачного «Порохового заговора» или «Заговора Гая Фокса» — попытки католических заговорщиков в ответ на массовые преследования и казни католиков взорвать здание парламента во время тронной речи Якова I. В Англии этот день до сих пор является национальным праздником, «Ночь Гая Фокса» отмечается фейерверками и сожжением чучела Гая Фокса. Однако со временем, особенно после появления в 2006 году фильма «V — значит вендетта», традиционная маска Гая Фокса и сама строка из стихотворения «Помни пятое ноября!» («Remember, remember the Fifth of November») приобрели противоположное значение, став символом борьбы против государственного насилия над меньшинством. (Прим. ред.)

низациях, подвергшихся чистке, — например, они выступали против назначения одного из них олдерменом Сити. Свидетельства показывают, что в Лондоне «к весне 1688 года кампания Якова в попытке завоевать политическую поддержку неконформистов лишилась сил»⁶².

Яков откровенно попытался уговорить вигов и диссентеров поддержать его режим. Для короля этот жест представлял не столько сдвиг в его политических целях, сколько изменение политической стратегии. На протяжении всего своего правления Яков сохранял намерение неотступно следовать политике католической модернизации. Замечательно то, что даже после многих лет в политической пустыне и десятилетий нарастающих жестоких преследований, многие виги и диссентеры не бросились обнимать своего освободителя. Да, некоторые из них приняли предложенные должности, но весьма немногие применили свои значительные литературные и политические таланты в интересах короля. Большинство вигов и диссентеров этого не сделали.

Виги и диссентеры в основной своей массе сочли, что Яков предлагает религиозную свободу в обмен на ограничение гражданских свобод. Виги не испытывали никакого энтузиазма по отношению к декларации Якова, считал тори сэр Джон Дагдейл, потому что они получали «свободу только играть со своей совестью — благо весьма воздушное и мало их удовлетворяющее». Диссентеры не могли быть удовлетворены просто религиозными свободами, предполагал вице-ректор колледжа Магдалены Чарльз Олдуорт, потому что эти свободы *«для правительства слишком детализированны и ограничены, а истинное удовлетворение может дать только свобода и сила делать добро... конец такого правительства пойдет во благо обществу»*. Виги и диссентеры совершенно ясно формулировали свое мнение по этому вопросу. Во время сбора друзей и соратников на Боденских водоппадах в ноябре 1688 года для призыва поднять оружие против Якова II, лорд Деламер предупредил, что, «если король одержит победу, нам придется распрощаться со свободой совести». Эта обещанная свобода была неизбежно небезопасной, объяснял он позднее, потому что не основывалась на гражданских свободах. Как доказывал лорд Деламер, вспоминая ситуацию в Англии перед революцией, *«нельзя отрицать, что свобода — это великая защита для свободного исповедования религии; но если наши гра-*

жданские права под угрозой, я не вижу, по какой причине религия сможет спасти нас от жестокой руки, потому что существует много инстанций, где религия используется как прикрытие для введения рабства».

Джон Хоув заявил в 1687 году, что пресвитерианцы «в основном» верили, что *«страдания, с которыми они встретились, происходили скорее из-за их твердой приверженности гражданским интересам нации в противоположность планам тори, чем из-за их религиозных принципов»*, — подразумевая, что нет причины отказываться от этих принципов. «Их заявленные принципы», соглашался Роджер Моррис, всегда склоняли диссентеров «упорно держаться принципа установления и отстаивания веры, свободы и собственности». Виг Гилберт Бернет говорил принцу Оранскому в 1686 году, что *«я настолько друг свободы, что не могу удовлетвориться только одной религией, если она не сопровождается безопасностью по закону»*⁶³.

В конце 1687 года и весь 1688 год виги в памфлете за памфлетом доказывали, что они и протестанты, и англичане; что они хотят и религиозной, и гражданской свободы. Они отказывались соблазняться политикой религиозной идентичности. Как утверждал некий диссентер в популярном в 1688 году диалоге «Heraclitus Ridens Redivivus» Томаса Брауна:

«Результаты моих размышлений таковы, что я считаю себя и англичанином и протестантом; и если я пойму, что что-то может напрямую или со временем принести вред моей религии или моим гражданским правам, я считаю себя обязанным не соглашаться на это, так как отвечаю за свои поступки перед Богом и перед своей страной».

Многих раздражали утверждения Уильяма Пенна и самого Якова, что декларация о свободе совести станет новой Великой хартией вольностей. Англичане должны «внимательно следить за любым вторжением в наши гражданские права, на что бы оно ни претендовало», — предупреждал автор трактата 1687 года по поводу Великой хартии. Диссентеры «не могут не видеть, что новая Великая хартия для свободы совести не будет для них законной, потому что с новой декларацией можно обходиться по своему усмотрению», заявлял другой автор. Если англичане поступят

своими законами для обретения свободы совести, предсказывал еще один писатель, тогда Яков и его сторонники «вскоре отберут... наши обожаемые свободы». Англия, управляемая Вильгельмом, предпочтительнее Англии, управляемой Яковом, настаивал автор вырвавшегося из-под цензуры бестселлера «Ответ на письма монсеньора Фегеля», потому что принц Оранский знает, что «в его интересах устроить дела дома, а это можно сделать только при помощи узаконенной терпимости или понимания в делах религии; а также восстановлением гражданских свобод нации, на которые в последнее время так много посягали»⁶⁴.

Якова нужно понимать не только как покровителя католической модернизации; скорее он выступал как преждевременный защитник религиозной свободы. Но политические действия Якова постепенно убедили тех, кто получал выгоду от его Декларации об индульгенции, что это опасный случай. Хотя некоторые диссентеры и виги продолжали считать, что религиозная свобода первична для гражданской свободы, опыт жизни под правительством Якова II постепенно заставил большинство из них думать иначе. Большинство вигов и диссентеров в 1687 и 1688 годах действовало вне узких рамок своей религиозной идентичности. Они вовсе не считали, что религия не важна, — но и виги, и диссентеры пришли к мнению, что религиозная свобода невозможна без защиты со стороны закона. Должна быть гарантирована гражданская свобода, считали они, прежде чем можно будет наслаждаться свободой религиозной.

* * *

Диссентеры и англикане, виги и умеренные тори — постепенно все они все более отрицательно относились к программе католической модернизации Якова II. Большинство англичан различных социальных слоев по всей стране отвернулись от короля и его правительства. Яков взбесил гораздо более широкую массу людей, а не просто священников.

Но тогда, может быть, правы историки-виги, которые верят, будто действия Якова, более сложные, чем они считали, объединили протестантов-англичан против своего короля? Вправе ли были сторонники вигов принять, что к июню 1688 года консервативная и протестантская революция стала неизбежной?

Есть две мощные причины для сомнения в этих доводах. Первое: критики Якова не выражали своей враждебности в конфессиональных терминах; они не описывали свои действия как возобновление борьбы между силами протестантизма и католической Реформации. Второе: события, достигшие кульминации на суде семи епископов в июне 1688 года, никак не означали неизбежности падения Якова II.

Притом что множество протестантов — и диссентеров, и англикан — в основном боялось, что политика Якова II означает восстановление гегемонии католицизма в Англии, они отлили символы своей борьбы на языке английских свобод, а не в терминах защиты истинной религии. Многие, без сомнения, боялись и ненавидели римский католицизм. Многие действительно придерживались старых антикатолических предрассудков. Но большинство критиковало новую регулярную армию, рост централизации государства, назойливую духовную цензуру и Декларацию об индульгенции Якова как посягательство на нарушение английской конституции. Виги и тори, диссентеры и англикане высказывали свое недовольство скорее в понятиях закона, нежели в конфессиональных. Когда они критиковали католиков, они делали это особым образом: давая понять, что винят в своих проблемах не всех католиков, а лишь иезуитов и католиков французского типа. Англичане хорошо понимали, что именно иезуиты и воспитанные во Франции католические апологеты, а совсем не все подряд католики, защищают абсолютную власть государей и настаивают на применении силы для обращения еретиков.

Так как оппоненты Якова защищали скорее английские свободы, чем истинную религию, они создали возможность для критиков режима со стороны католиков присоединиться к ним. Это происходило массово. Даже при дворе существовала «очень значительная» партия, противостоящая политике Якова, она включала Джона, лорда Беласиса из Уэрлеби; Роберта Брудерелла, 2-го графа Кардигана; папского нунция; епископа Джона Лейберна. Беласис позднее признавался, что *«он, хотя и являлся папистом, был совсем не расположен к средствам, используемым этим режимом для превращения этой религии в основу власти в государственных и местных учреждениях, корпорациях и судах, ущемляя права протестантов Проверками и Карательными законами»*.

Вне двора недовольство католицизмом было распространено куда шире. Многие из тех, «кто сам был римскими католиками, — вспоминал один памфлетист, — так сильно ненавидели правительство священников, что, в конце концов, покидали двор из чувства отвращения к нему». «Умеренная» католическая партия — те, кто считал, что Яков «слишком уж превратился в творение иезуитов», хотели только свободы для отправления своей религии, боясь, что «опасный курс» короля может стоить им их «поместий и будущего». Английские католики, считал нидерландец ван Ситтерс, были «более склонны к умеренности». Многие католики «отказывались быть шерифами или заместителями губернатора», докладывал Джеймс Джонстон — а те, кто соглашался служить, открыто заявляли, что они не будут принимать участие в составлении «лживых отчетов» для формирования более сговорчивой палаты общин. Страх абсолютизма настолько овладел «духом нации», сообщал особый французский посланник Бонрепо, что даже католики «возражали против отмены Проверочных актов»⁶⁵.

Многие католические священники вслед за епископом Лейберном приветствовали вновь обретенную возможность учить и преподавать катехизис, но в то же время питали отвращение к политике Якова II, находящейся под французским влиянием. «Многие принципиальные католики», включая кардинала Говарда и его родственников, были удивлены и рассержены, когда отец Питр был сделан членом королевского Тайного Совета. Сделав своего иезуитского духовника членом Тайного Совета, считали они, Яков продемонстрировал людям свое стремление «создать деспотическую власть». Пласидус Флеминг, аббат Ратисбона, имевший большие связи в высшем свете, не был одинок, предупреждая, что действия франкофилов братьев Драммонд при дворе Якова II «разрушат религиозные дела в нашей стране». Два крупных антииезуитских католических полемиста, Джон Серджент и Питер Уолш, не желали иметь ничего общего с Яковом II и его двором — в основном потому что возражали против политической стратегии Якова⁶⁶.

Многие английские (и шотландские) католики испытывали опасения по поводу нового католицизма французского типа. Они принимали понятия английских гражданских свобод, поэтому

столь многие из них стремились к отстранению Якова и, в конце концов, извлекли пользу из этого. Когда Диджквельд посетил Англию в 1687 году, частично, чтобы оказать поддержку оппозиции режиму Якова, он не только установил контакты с вигами и некоторыми отстраненными англиканами, но сблизился также с рядом католиков. К своему ужасу, французская дипломатическая группа из Берильона и Бонрепо вскоре выяснила, что многие «видные католики» работают совместно с агентами Вильгельма. К лету 1687 года они были уверены, что некоторые из них уже предприняли «секретные шаги» с принцем Оранским. Ко времени, когда напряжение между папой Иннокентием XI и королем Людовиком XIV стало столь велико, что папа вознамерился отлучить его христианское величество от церкви, было уже неудивительно, что многие английские католики были готовы поиграть в государственную измену, чтобы предотвратить захват французскими католиками их страны.

После революции многие английские католики на деле почувствовали, что были правы, когда противодействовали своему католическому монарху. «Римские католики» никогда не «чувствовали себя лучше и менее взволнованными за все время, что я наблюдал за ними, чем ныне», — написал Джон Эвелин католичке леди Тук в 1693 году. Английские католики служили в армии Вильгельма и приветствовали его правительство не только потому, что послереволюционный режим был сдержан в применении Карательных законов против них, но также, по-видимому, потому, что новый режим не был заинтересован в поддержании религиозности французского стиля. Вот почему некоторые католики подписали Ассоциацию 1696 года, обвинявшую якобитский заговор 1696 года в попрании «законов природы и народов»⁶⁷.

Но историки-виги не только ошибаются, утверждая, что против Якова выступала узкоконфессиональная оппозиция, выражавшая свои претензии исключительно в религиозных понятиях. Они также ошибаются, утверждая, что конец режима Якова к лету 1688 года был неизбежен. Яков и его советники, быть может, действовали с неуверенностью и некоторыми колебаниями после суда семи епископов — но они не прекращали действовать.

Яков наверняка был ошеломлен реакцией на суд над епископами, но он и его советники прекрасно понимали, что все еще имеют в своем распоряжении огромный государственный аппарат.

Почти немедленно комиссия по духовным делам начала собирать имена тех священников, которые отказывались зачитывать вторую королевскую Декларацию об индульгенции. К августу они начали действовать. Епископы Честера и Дарема отстранили большое число духовников-англикан в своих епархиях. Некоторые мировые судьи и армейские офицеры взяли на себя наказание тех, кто праздновал освобождение епископов. Когда судьи разъехались по стране на летние выездные сессии, они не выказали признаков тактического отступления. По словам архиепископа Кентерберийского Уильяма Санкрофта, епископы были «заклеймены» судьями Якова II «как мятежные клеветники в своих округах по всей Англии». В Лестере и Нортхэмптоне сэр Роберт Хит заявил, что *«епископы были виновны в раскольнической мятежной клевете, но были настолько хитрыми, что позаботились об отсутствии свидетельств против себя»*. Другой деятель, работник казначейства сэр Джон Родерем, назвал епископов на судебном разбирательстве в Беркшире «болванами» и агитировал за отмену Проверок и Карательных законов. В Глостершире римский католик, член парламента Уильям Роджерс сообщил на квартальной сессии, что «епископы-раскольники» были «оправданы тенденциозно подобранным жюри». Немало отдельных личностей было «вызвано, чтобы объяснить в округах за непочтительные высказывания о Декларации об индульгенции»⁶⁸.

Летом 1688 года многие хорошо информированные наблюдатели призывали к немедленным действиям против Якова II. Но сам режим Якова не был настолько шаток, чтобы рухнуть под своей тяжестью. Скорее, если бы его противники не действовали активно, положение короля осталось бы непоколебимым. Джон Хэмден и сэр Томас Ли соглашались, что «король в двухлетний срок доделал бы свое дело», поэтому именно «это лето» было временем для действия. Их соратник, виг граф Девоншир подтверждал, что положение Якова становилось лишь сильнее и что друзья принца Оранского могли «вполне пострадать». Не было «других средств, кроме силы», чтобы бороться с Яковом II, записал чеширский виг лорд Деламер, оправдывая свои надежды на оружие в 1688 году; альтернативой было «решился связать Левиафана словами». «Скорее я готов потерять свою жизнь на поле брани, чем жить под деспотической властью и видеть, как наши законы и религия изменяются», — написал граф Данби соратнику-

тори в сентябре 1688 года — а это, «как теперь видно, и составляет намерение короля»⁶⁹.

Противники Якова понимали, что у короля достаточно много сторонников. Лучше всего для Якова II было бы, если бы он смог собрать послушный себе парламент, но Яков не хотел созывать парламент для достижения цели. Маркиз Поуис предполагал, что Яков мог использовать «деньги и армию», чтобы добиться от уступчивого парламента изменения религиозного статуса и законов о выборах. «Было вполне вероятно», что Яков решился бы использовать «французские силы», чтобы получить парламент по своему вкусу, если бы провалились другие его меры — так высказался один из информаторов Вильгельма. Другие предпочитают считать, что Яков как король был готов обойтись вообще без парламента. «Если бы оказалось невозможным обеспечить удобный парламент, — рассуждал французский посол Берильон, — его британское величество все еще мог многого достичь собственной властью». Отец Питр и его группировка в апреле 1688 года хотели представить королю план урегулирования ситуации как последней попытки, и они были убеждены, что, если бы он провалился, целей короля можно было бы достичь «экстремальными и жестокими методами». Пресвитерианец Роджер Моррис пересказывает ходившие в августе 1688 года слухи, будто *«его величеству абсолютно безразлично, подчинится этот парламент или нет»*, потому что, если выборные депутаты не поддержат его, он будет счастлив *«приступить к управлению без парламента — с теми силами, что у него имеются дома, или с теми, которые можно получить из-за границы»*⁷⁰.

Оправдание семи епископов в июне 1688 года не было триумфом англикан, как и не стало моментом, когда английские протестанты объединились, чтобы сбросить католика Якова с трона. Современники воспринимали суд над семью епископами как один из многих шагов, предпринятых Яковом для его программы католической модернизации. Так как программа Якова одновременно, как считали, продвигала религию короля и власть короля, она оскорбляла тех из его единоверцев, кто не разделял его сорбоннские взгляды на королевскую власть.

Оппоненты Якова были объединены своей антипатией к королевскому абсолютизму. Именно это широко распространившееся противодействие сделало Якова и его режим уязвимыми в 1688 году. Власть Якова, как и всех модернизирующих режимов,

находилась в самом своем слабом состоянии как раз во время переходной фазы. И виг сэр Томас Ли, и тори граф Данби прекрасно понимали это положение.

Но революция не была неизбежной. Яков не зависел от народной поддержки. Скорее король поставил свою судьбу на карту модернизации государства. И ему, по всей вероятности, удалось бы удержаться, если бы осенью 1688 года его внутренние оппоненты не смогли воспользоваться международным кризисом.

* * *

В 1688 году Яков находился в процессе модернизации английского государства. То, что он оказался способен достигнуть столь многого даже без послушного парламента и несмотря на широкое народное недовольство, показало, что методы правительства изменились. Английская система управления в конце XVII века больше не опиралась на договоренности и взаимодействие с местными властями столь сильно, как это имело место ранее. Яков имел в своем распоряжении новые средства, новые технологии управления и новую иностранную модель — Людовика XIV, на которого равнялся. Яков вполне мог, используя ресурсы, институты и традиции, которые унаследовал, слепить современное государство. Именно благодаря достижениям Якова, которые многие в Англии понимали, было недостаточно просто уничтожить модернизируемое якобитское государство. Англия, понимали противники короля, нуждалась в новой форме правления. Виги не имели в 1688 году готового плана, но было немало тех, кто понимал необходимость создания такового.

Именно потому что Яков оказался способен сделать столь много для модернизации и преобразования английского государства, эти немногие были удовлетворены, когда он в конце сентября 1688 года резко изменил курс. Лицемерно заявив, что «ничего из этого не сделано», после известия о том, что Вильгельм собирается отплыть с огромным флотом, оплаченным нидерландскими Генеральными штатами и недовольными англичанами, Яков бросается уничтожать большую часть созданного им же государственного аппарата. Он восстанавливает должность епископа Лондона, Совет колледжа Магдалены, уничтожает духовную комиссию и восстанавливает муниципальные права по всей стране. Он решает, как написал нидерландский посол ван Ситтерс, «что дис-

сентеры слишком бессильны или слишком безвольны, чтобы обеспечить ему подходящий парламент». Согласно Роджеру Моррису, Яков решил повернуться к тори⁷¹.

Хотя резкий разворот Якова вызвал у некоторых недолгий энтузиазм, он почти никого не убедил. Почти все понимали, что Яков предпринимает временные и безрассудные действия, чтобы предупредить революцию. Не было ничего, что помешало бы ему быстро воскресить старый государственный аппарат, как только кризис пройдет. Яков лишь делал вид, что разворачивает курс, «не давая удовлетворения людям», записал Джон Эвелин в своем дневнике. Притом что король выполнил почти все требования тори, Эвелин позднее заметил, что англичане «казалось, страстно желали высадки принца Оранского, на которого смотрели как на освободителя от папской тирании». Нидерландский посол слышал, как люди говорили, «что как только закончится шторм, король сможет от всего отказаться». Как соглашался француз Берильон, почти все в Англии «заключили, что Яков поставил свою веру выше английского народа»⁷².

Яков склонился перед силами реакции, но это почти никого не обрадовало.

Большинство людей в Англии понимали, что недостаточно просто заставить Якова переделать свое государство, чтобы защитить религиозные и гражданские свободы. Поэтому неудивительно, что многие начали составлять проекты нового английского государства. Некоторые из них сохранились донныне. Если бы Яков согласился на переговоры, от него бы потребовали принять «реформацию государства в гражданских делах». Джон Эвелин, бывший чиновник обоих режимов, и Карла II, и Якова II, в ноябре 1688 года представил именно такой проект революционной трансформации. Эвелин надеялся навсегда предотвратить создание такого типа государства, который конструировал Яков. Он требовал свободных выборов, парламентской реформы, контроля парламента над армией и флотом и уничтожения неограниченной власти.

Но Эвелин хотел не просто разрушить государство Якова II; он желал на его месте воздвигнуть современное здание. Он надеялся на создание англо-голландского союза для борьбы с Францией, введения нового налога на землю, введения института гражданских служащих и создания нового комитета для продвижения общественных проектов. Эвелин предложил, чтобы англиканская

церковь сохранялась — но с терпимостью к «здравомыслящим диссентерам» и римским католикам. Он также призывал к осуществлению широкого плана по реформации английских нравов, включая распространение социальной помощи бедным и создание публичной библиотеки в каждом графстве⁷³.

Другие выдвигали менее глобальные планы. Член палаты пэров лорд Деламер, виг из Чешира, понимавший, что рискует жизнью, подняв оружие против Якова, создал несколько меморандумов, которые в комплексе звучали как призыв к революции. Деламер был увлечен трансформацией государства, но в 1688 году стал выражаться менее конкретно относительно природы своего воображаемого нового правительства. Кроме того, в сентябре 1688 года он напомнил своим детям: «Бог всемогущий намеренно позволил изменить законы Израиля», показав, что, «если какой-то народ считает свои дела не в порядке, ответственность лежит на нем, если он их не изменит».

Деламер не был защитником древней конституции. Он тоже надеялся на новое государство, в котором священники будут отстранены от политики, «так как нет более слепых поводырей, чем они, и ничто не принесло больше горя своему народу, чем их политика». Деламер давно считался приверженцем религиозной терпимости, однако в 1688 году он не определял ее природу. Он требовал свободных и регулярных созывов парламента, «так как правительство не может долго работать успешно, когда пренебрегает парламентом». Правительство, настаивал он, создано «на благо» людям, и любой король, который «отказывается руководствоваться законами», не стоит того, чтобы ему подчинялись. Только когда Деламер потерял уважение к правительству тори при Вильгельме и Марии, он решил, что необходимо точнее определить, что он подразумевал под «благом» для людей⁷⁴.

Пресвитерианец Джон Хамфри был более детальным и четким в своем видении постреволюционного государства. Англия, считал Хамфри, имела уникальную и беспрецедентную возможность. *«Государство, в котором мы находимся, — писал он, — это государство, которое отдает высшую власть в руки народа, чтобы устроить его как он хочет: и поэтому связать и ограничить себя, как нужно для общественной пользы; и если люди не сделают этого сейчас, последующие века получают возможность обвинить их навеки»*. Как большинство вигов и диссентеров, Хамфри ставил гра-

жданскую свободу выше религиозной. «Освобождение людей от рабства должно быть первичным, это редко можно сделать эффективно и радикально, лишь в благоприятный момент». По контрасту он указывал, что «определение нашей религии» — это «работа огромной длительности» и «скорее входит в сферу парламента».

Хамфри верил, что единственный путь не дать будущим королям вернуться к политической программе Якова II — это вложить контроль над армией и судебной системой в руки законодательной власти. Кроме того, Хамфри отстаивал замену существующей регрессивной налоговой схемы на новую систему прогрессивного налогообложения. Он хотел «учета поместий» для подготовки земельного налога на самых богатых англичан вместе с отменой «каминных денег» — это было не только неудобным, но и обеспечивало тяжелые налоги на промышленный сектор. Он хотел создания более эффективного государства «с условиями, не допускающими покупки и продажи должностей» и «установки правил для Вестминстер-холла». Наконец, Хамфри надеялся на «свободу от ущемлений (по Актам о проверке и Декларации об индульгенции) в области религии»⁷⁵.

Большая часть революционной программы Хамфри вскоре стала широко народной.

* * *

Яков II был сосредоточен на программе католической модернизации. Он видел, что Европа быстро меняется. Чтобы стать основным игроком на европейской сцене, Англии нужно было развиваться в крупное, мощное государство. Яков осознавал, что Англия удобно расположена и может воспользоваться преимуществами новых экономических реалий. В особенности он считал (это детально описано в главе 11), что Англия может потеснить Объединенные провинции Нидерландов в их контроле над Ост- и Вест-Индиями. Яков и его страна могли черпать ресурсы из этих новых и расширяющихся владений, чтобы создавать правительственное здание не хуже, чем у Людовика XIV.

Яков считал, что лучший шанс Англии для обеспечения имперского величия — это создать современное абсолютистское правительство. Предпочтение абсолютизма было глубоко внедрено в его сознание системой французской католической веры. Он не только был воспитан в лоне католицизма французскими иезуита-

ми — он принял само их представление о современном католическом государстве. Как и Людовик XIV, он глубоко верил, что католическая теология требует абсолютного суверенитета государей и что иногда необходима сила, чтобы подавить стремления еретиков и привести их к истинной вере. Яков II был привержен идее абсолютной монархии и восстановления католицизма в Англии.

Яков проделал огромную работу, чтобы выстроить современную католическую монархию в своем понимании. Он не был неумелым, фанатичным и безнадежно далеким от реализма королем, каким описан в историографии вигов. Он много сделал для централизации политической власти в Англии. Он реформировал бесчисленные корпорации, он создал идеологические тесты для политических должностей по всей стране, он трансформировал и модернизировал английскую бюрократию и в столице, и в графствах, он создал современную регулярную армию и более современный флот, он проделал огромную работу по централизации и рационализации управления империей.

Однако, как и большинство модернизаторов, Яков II породил и подстегнул широкую оппозицию. Виги и тори, англикане и диссентеры, да и многие католики возмущались появлением нового навязчивого и агрессивного государственного аппарата. Почти наверняка большинству англичан не нравились меры Якова II. Они бунтовали против них. Они аплодировали политическим неудачам Якова II. Они отказывались поддерживать назначенные им кандидатуры на местные и национальные должности.

Однако окончательный анализ показывает, что они оказались не в состоянии противостоять модернизированному государству Якова. Политические противники Якова II, сколько бы много их ни было, не были достаточно сильны, чтобы победить современную военную машину и современную бюрократию, которые создал их король. Консервативная реакция была невозможна. Поэтому революция осталась единственным вариантом.

Яков II был сметен, потому что его действия имели широкое международное значение. Он не был смещен ни по местному соглашению, ни иностранным вторжением. Яков II был сброшен с трона сочетанием выступлений английского населения и англо-голландской военной силы — потому что многие в Англии, как и многие в Европе, имели другое мнение по поводу современного государства.

Глава восьмая

Народная революция

Англичане «всегда были склонны к мятежу и междоусобным волнениям», заметил немецкий правовед, мыслитель и сравнительный историк Самюэль Пуфендорф. Роберт Фергюсон, который имел огромный личный опыт в этом деле, отмечал, что «во всей истории Великобритании мы ни с чем не встречаемся чаще, чем со собраниями и бунтами». Восторженный приверженец революции 1688–1689 годов Джеймс Веллвуд соглашался, что «редко какое-либо королевство из тех, что мы знаем на земле, страдало от такого огромного числа таких различных конвульсий», как Англия. Англичане — это «нация, склонная к мятежу», сокрушался один посвященный якобит.

Из-за того, что так много людей в Британии и Европе было убеждено в английском политическом непостоянстве, стала неизбежной спекуляция некоторых по поводу более широких последствий революции 1688–1689 годов. Шотландский член Епископата Роберт Кирк написал фразу, которая вскоре стала общим мнением. «Англия, — написал он, — стала, похоже, отныне и далее прецедентом для всех государств и армий при защите своего правителя во время нужды, если он правит не по законам»¹.

Этот начальный образ современной Англии не мог дальше отстоять от нашего современного понимания революции 1688–1689 годов как «нереволюционной революции». Утверждается, что в революции 1688–1689 годов отсутствовало три стандарта, отвечающих настоящим революциям. Во-первых, она не была народной революцией. Социологи соглашаются, что «социальные трансформации, идущие сверху вниз, не квалифицируются как

революции». За время более двух веков ученые следовали обоснованию вигов, настаивая на политической пассивности английского народа. «Кажется несомненным, — утверждает Томас Даблдей в 1847 году, — что революция в этот период не осуществлялась каким-то усилием со стороны английского народа». Эта оценка только усиливается более близкими к нам по времени учеными. «В 1688 году Славная революция была популярна настолько, что все, кроме католиков, аплодировали ей», — заключает Робин Клифтон. «Для политической нации 1688 год действительно оказался славным именно благодаря тому, что он был так далек от принадлежности к народному мятежу». Оба, и Джон Вестерн, и Джонатан Скотт, настаивают на «относительной пассивности английского» народа в 1688–1689 годах. «События 1688 года не являлись революцией, — соглашается Стивен Саундерс Вебб. — Они не были даже мятежом — ни пэров, ни парламента, ни народа»².

Многие ученые заключают, что революция 1688–1689 годов была аристократическим государственным переворотом. Для Г.М. Тревельяна «революция стала демонстрацией силы землевладельческих классов», она проводилась под «руководством аристократии и аграриев». В этом Кристофер Хилл полностью соглашается с Тревельяном. «Революция 1688 года, — пишет он, — продемонстрировала всеобщую солидарность имущего класса».

«Революция ни в каком значимом смысле не представляла подъем народа против Якова, — заключает Дэвид Хосфорд, описывая свидетельства, которые он собрал в северной Англии. — Это было движение высшего класса, начатое и всецело руководимое членами знати и отпрысками аристократических домов». Провинциальные восстания в 1688 году, соглашается Дж. Р. Джонс, *«были заключительной демонстрацией социальной связи и политического единства (по общему признанию, временного) классов землевладельцев, которые имели явный интерес в сохранении порядка»*³.

Для других историков революция 1688–1689 годов представляла собой в первую очередь иностранное вторжение. Джонатан Израэль указывает, что Вильгельм Оранский вторгся в Англию с армией из не менее 21 000 человек. Северные мятежи, согласно Израэлю, не имели воздействия. *«Большинство английской знати и джентри испытывали такое глубокое уважение к регулярной армии Якова и практической стороне его власти, — предполагает Израэль, — что они предпочли занимать нейтральную позицию,*

отказавшись действовать... Следовательно, революция на северных и срединных землях оказалась просто побочным продуктом». Падение режима Якова не имело ничего общего с местным сопротивлением. «Простой факт заключался в том, что оно было вызвано действием принца Оранского при тайном сговоре с крохотной группой лордов... что заставило короля бежать», — утверждает Израэль. Тезис вторжения стал теперь просто общепринятым. «Армии, а не люди, решали дело» в 1688 году, звучит в другом стандартном изложении этой истории⁴.

Во-вторых, утверждается, что революция 1688–1689 годов была бескровной, не дотягивая и в этом аспекте до стандарта великих революций. «Политическая перемена средствами жестокости составляет единственную определяющую характеристику революции, наиболее часто цитируемую в литературе» о революции, отмечает Исаак Крамник. Рассказы о революции 1688–1689 годов почти неизбежно отмечают ее бескровный характер по сравнению с Французской или Русской революциями. «Эта революция из всех революций наименее жестокая, — высказывается Томас Бабингтон Маколей о революции 1688–1689 годов, — она из всех революций была самой благотворной». «Истинная слава Англии, — замечает Г.М. Тревельян с безоговорочным кивком в сторону Французской революции, — что катаклизм смещения Якова не сопровождался пролитием английской крови ни на поле боя, ни на эшафоте». Джонатан Скотт также прославляет бескровность 1688–1689 годов — по контрасту на этот раз с английскими переворотами середины века. «В течение пяти месяцев события перевернули все дело с успешного вторжения (как в 1640 году) на реставрацию (1660), — указывает Скотт, — пропустив большую часть кровопролития и революцию между ними». Тим Харрис, подробно исследуя активность лондонской толпы в 1688 году, заключает, «что неистовство зачастую было сдержанным»⁵.

В-третьих, в то время как современные революции обычно наполнены разногласиями, революцию 1688–1689 годов принято считать единодушным делом. По Маколею, и виги и тори согласились на сдержанное решение относительно английского политического кризиса. Во время Английской революции, по контрасту с событиями на континенте, «экстремальные мнения обычно вызывали неприятие». «В нашей революции, — соглашается Тревельян, рисуя полный контраст с континентом, — две большие

партии у церкви и у государства объединились, чтобы спасти законы по земле от уничтожения их Яковом». Революция 1688–1689 годов была поэтому неизбежно «победой умеренности, а не победой страстей вигов или тори». Более современные ученые пришли к схожим заключениям. «Уверенность, что короля нужно удерживать, родила подходящую сдерживающую силу, чтобы держать движение до того, как будет решен вопрос финального исхода», — замечает Хосфорд. Джон Вестерн сопоставляет разброд мнений в Шотландии в 1688 году с «единодушием» в Англии. Для Джона Моррилла «здравомыслящая революция 1688–1689 годов была консервативной революцией» именно потому, что «она не создала новых разрушающих трещин в английской нации»⁶.

Возражая этим традиционным взглядам, я предполагаю, что революция 1688–1689 годов в действительности вполне отвечает теоретическим стандартам революции. Ученые существенно недооценивают степень вовлеченности английского населения в революцию. Тысячи людей взяли в руки оружие, чтобы поддержать Вильгельма. По всей Англии прошли народные восстания — как и в Шотландии и в части Ирландии. Многие англичане отправились в ссылку, чтобы присоединиться к силам вторжения Вильгельма. Другие вкладывали финансы, чтобы сбросить режим Якова. Хотя многие аристократы на деле играли важную роль в этих действиях, массы, которые взялись за оружие, не считали, что принимают участие в баронском мятеже. Активность толпы в 1688–1689 годах была вполне похожа на активность в других революциях. «Революции, — напоминает нам Крейн Бринтон, — не начинаются бедняками и угнетенными». Во Франции, указывает Джордж Рюде, *санкюлоты* «не имели разногласий и не были изолированы от тех или иных социальных групп». На деле они вполне были способны «ассимилировать и идентифицировать себя с новыми политическими идеями, выдвинутыми либеральной аристократией и буржуазией». Ни в случае Франции, ни в случае Англии эта направленность не делала политическую активность населения неуместной. В Англии, как и во Франции веком позднее, народные массы выступали в сотрудничестве с более высокими классами. Отчасти именно из-за далеко идущей народной активности в 1688–1689 годах революция вовсе не была бескровной. В конце 1688 года присутствовало обширное неистовство толпы по всей Англии — неистовство, которое пугало население и при-

водило к масштабным актам уничтожения имущества и людей. Это озлобление существовало на том же уровне, как и озлобление толпы во Франции после июля 1789 года⁷. Это правда, что ожидавшаяся гражданская война не случилась в Англии из-за быстрого краха армии Якова. Вместо этого Яков решил вести свою войну в Шотландии и Ирландии — это надо рассматривать как часть кровавой Девятилетней войны против Франции.

И наконец, последнее. Показное единодушие 1688–1689 годов было при ближайшем рассмотрении миражом. С самого начала против революции действовала не только идеология якобитов — присутствовали также и идеологические разногласия среди противников Якова. Революционное решение было не единодушным компромиссом, а результатом глубоких разногласий и предметом политических интерпретаций. Решение это ни к чему не привело. Отъезд Якова только переформатировал дебаты, которые продолжались и в XVIII веке и далее.

Революция 1688–1689 годов не была ни государственным переворотом, ни иностранным вторжением — она была народной революцией. Как и в случаях Французской и Русской революций, в ней проявилась обширная и неистовая активность толпы. И точно так же как в других современных революциях, революционные события привели не к согласию и к компромиссу, а к глубоким идеологическим расколам.

* * *

В начале июня 1688 года Яков казался в безопасности на троне и успешным в попытке модернизировать Британское государство. Он успешно реформировал городские корпорации и сельские магистраты по всей Англии и Уэльсу. Он и его приближенные четко дали понять, что все будущие парламенты будут безоговорочно выполнять приказания короля. Он трансформировал два старинных университета Англии — так чтобы они теперь воспитывали не только англиканских служителей, но также и католических священников. Он имел талантливых и преданных людей, управляющих правительствами в Ирландии и Шотландии. Яков также много сделал для создания современной и эффективной регулярной армии. Совместно со своим опытным морским секретарем Сэмюэлем Пеписом Яков прошел долгий путь по созданию флота мирового класса. Кроме этого, Яков состоял в весьма дру-

жеских отношениях с самым могущественным монархом Европы — Людовиком XIV.

И все-таки меньше чем через полгода англичане изгнали своего короля с семьей из Англии. Контраст между событиями 1688 года и провалом вторжения Монмута в 1685 году был ошеломительным. В 1685-м Яков легко подавил мятеж, возглавленный популярным и харизматичным герцогом Монмутом. В 1688 году именно Яков и его армия оказались обращены в бегство.

Различие заключалось не в том, что Вильгельм Оранский был с более могущественным войском, нежели Монмут, а в том, что в 1688 году англо-голландскую армию Вильгельма поддержали массовые выступления населения по всей Англии.

Когда в августе 1688 года через различных дипломатов Якова и международных осведомителей начали просачиваться новости, что его зять Вильгельм Оранский планирует наглое вторжение, Яков II представлялся готовым к этому. По всей Англии обозреватели комментировали «великие приготовления». Джон Верней восхищался тем, что правительство Якова «много работает, в воскресенье, как и в рабочие дни, чтобы вывести флот, а драгуны направляются к морскому побережью вместе с прочими полками». Сэр Джон Лоутер вспоминал, что «ничто не осталось несделанным из того, что помогло бы королю защитить себя»⁸.

Ко времени, когда Вильгельм высадился в Торбее в ноябре 1688 года, Яков имел в своем распоряжении грозную боевую машину. Регулярные полки были усилены рекрутами. Первоклассные войска прибыли из Шотландии и Ирландии. Авторитетные современники сообщали, что «гарнизоны повсюду обеспечены, а король имеет теперь 40 000 человек в английских регулярных силах, включая войска, прибывшие из Шотландии и Ирландии».

«Я с каждым днем увереннее стою на земле благодаря шотландцам и ирландцам, прибывающим в город, и вводу в строй моих полков, конных и пеших, — написал уверенный Яков II своему другу и командующему флотом графу Дортмуту. — Всего через несколько дней я буду много сильнее, чем сейчас». Когда Яков разбил лагерь в Солсбери, он имел в своем распоряжении примерно тридцать тысяч обученных солдат вдобавок к рекрутам, обучаемым в гарнизонах⁹. Эта армия была заведомо сильнее сил, имев-

шихся в распоряжении Вильгельма по самым оптимистичным оценкам.

Новости с флота тоже были обнадеживающими. «Подготовка флота идет успешно», — рапортовал Роберт Ярд из министерской канцелярии. «Теперь мы начали выглядеть серьезно, — информировал короля Дортмут, — и хотя наши люди не настолько хороши, как должны быть, они все-таки в основном в массе соответствуют тем, кого я видел при первом снаряжении кораблей». Сам Яков внутренне верил, «что весь флот проявит неимоверную отвагу»¹⁰.

Существовали веские причины верить, что, несмотря на слухи, люди трех королевств с энтузиазмом поддержат своего короля перед лицом иностранного вторжения. «Я не сомневаюсь, — признавался Роберт Ярд маркизу д'Ибервиллю, — что люди в данном случае проявят свежие доказательства их преданности королю и их готовности служить ему против всех как иностранных, так и внутренних врагов». «Англичане настроены более решительно, чем всегда, сражаться за своего короля, — сообщал другой. — А когда эти три народа объединены, чего бояться королю?»

«Те, кто столь верно держался короны при подавлении мятежа Монмута, все еще придерживаются своих истинных принципов долга и лояльности и будут стараться снова выступать с максимальной энергией против любого иностранного захватчика, какими бы правдоподобными ни были его претензии», — убедительным сравнением доказывал один автор еженедельника. Рассказ графа Сандерленда — даже если он играл двойного агента — соответствовал другим свидетельствам: «Все оппозиционеры удовлетворены, и церковь Англии сохранит лояльность, хотя она может оказаться неблагоразумна. Но я верю, что в Англии никогда не существовало меньше мыслей о мятеже»¹¹.

Большинство сторонников Якова II было уверено, что голландское вторжение 1688 года окажется еще одним этапом в длинной цепи провалившихся акций против правления Стюартов. «Я не сомневаюсь, — писал в сентябре Томас Блай из Лондона, — в том, что, если голландцы действительно придут, Его Величество и лояльные ему тут люди смогут отбить их нападение к их вечному позору». Элизабет Герберт сообщила своему сыну, что Нидерланды атакуют, «но будут разбиты». Сэр Ральф Верней, который не был дружественно расположен к режиму Якова II, писал леди Бриджмен, что «беспорядочный шум голландцев никогда не был

в состоянии нарушить мой сон, и я не верю, высадутся ли они на самом деле, потому что силы короля достаточны, чтобы отразить их». В ноябре Томас Братуэйт из долины Солсбери написал своему земляку, сэру Даниэлю Флемингу, что он вскоре вышлет ему «рассказ о втором успехе Монмута»¹².

И все-таки в 1688 году для Якова II события получили совершенно другой исход, нежели в 1685-м. Хотя сейчас король гораздо лучше подготовился для встречи вооруженного врага, исход для Якова обернулся полнейшим несчастьем. В течение месяца после высадки Вильгельма регулярная армия Якова растаяла. Его флот не сделал ни одного залпа против голландского флота. К концу декабря сам Яков сбежал из страны. В феврале 1689 года Вильгельм и Мария были коронованы королем и королевой. Что же случилось? Почему сильный с виду режим Якова пал так быстро?

Ответ на эту загадку состоит в том, что Яков потерял поддержку большого числа своих подданных. Многие противостояли его программе модернизации и централизации государства. Некоторые беспокоились из-за его симпатий к католицизму французского типа и попыткам внедрить его. Совсем немногие противостояли предлагаемой им свободе совести. Другие были озабочены использованием им королевских prerogatives для навязывания этой свободы. Еще кое-кого беспокоило нежелание Якова твердо и открыто противопоставить свое королевство экспансионизму Франции.

К середине 1688 года большинству комментаторов стало ясно, что в Англии бурлит недовольство. Уже этой весной один обозреватель предсказывал, что политические шаги Якова — просто «паутина... которая заключает в себе больше искусства, чем прочности», и которая вскоре «будет порвана». Епископ Карлайсла считал, что этот гарнизонный город «стал необычайно угрюмым и трудно поддающимся контролю». Якобитский солдат Джон Стевенс позднее вспоминал, что в Уэльсе летом 1688 года *«трудно было не заметить, насколько все склонны ворчать по поводу нарушения законов и наступления религии; и легко было разглядеть, что многие из тех, кто говорил хорошо, на деле думали дурно»*. Как писал восторженный поклонник Вильгельма северянин Колли Киббер, *«это почти невероятно, с какой свободой и презрением (хотя розга деспотической власти всегда висела над нами) простые люди в конце правления короля Якова говорили на улицах о его диких*

попытках превратить всю протестантскую нацию в папистов; и все-таки с высоты нашей безопасности и безответственного пренебрежения ею мы из-за плебейства не имели понятия о каком-либо другом средстве противостояния дурному, кроме убежденной самонадеянности, что наше количество слишком велико, чтобы можно было управлять нами его волей и желанием».

Обычно осторожный Джон Эвелин считал в августе, что «вся нация недовольна и пребывает в опасениях». «Вся нация отвернулась от правительства с его намерениями», — соглашался радикал Ричард Хэмпден¹³.

Угроза появления Вильгельма осенью не смогла повернуть расположение народа к Якову. В Лондоне «большинство мужчин или носили выражение измены на своих лицах, или оправдывались словами». Граф Бат находил, что Эксетер «безобразно разделен и возбужден». Сэр Кристофер Масгрейв с северо-запада сообщал о «большом раздражении». «Волнения в королевстве очень велики», — писал опытный политический обозреватель сэр Чарльз Коттерелл. Другой обозреватель не мог сдержать жалобы, что «Англия необычайно разобщена». Один католический комментатор жестко критиковал неблагодарность «толпы и людей королевства», которые «разносят в печати множество отвратительных скандалов». Маркиз д'Элбевилль не мог поверить в «энтузиазм или, скорее, сумасшествие английской нации... [где] люди отказываются от свободы совести — единственной вещи, которая может увеличить их богатство и спокойствие, [и] безудержно несутся к гражданской войне; их действия неизбежно скажутся на них самих и на их потомках»¹⁴.

Большинство комментаторов считало, что Англия «созрела для революции». Один обозреватель вспоминал, что «среди некоторых людей появился удивительный страх». «Большинство желало освобождения от него любыми средствами, — писал архиепископ Кентерберии Уильям Санкрофт в январе 1689 года. — Многие мечтали, чтобы иностранные силы вторглись в Англию»¹⁵.

Ободрение англичан сыграло решающую роль при выработке смелого плана вторжения Вильгельма Оранского в Англию в ноябре 1688 года. Вильгельм и его советники проделали почти сверхъестественную работу, убедив часто разделявшиеся во мнениях голландские провинции поддержать военную авантюру осенью

1688 года. Один опытный европейский дипломат объяснил, что «он никогда не видел голландцев такими твердыми в решении и не боящимися войны». Александр Данбар, враждебный католический обозреватель, удивлялся «самому крупному морскому предприятию из всех случившихся на нашей памяти». Но важно помнить, что попытка Вильгельма никогда не представлялась голландским вторжением. Вильгельм не отплыл бы в Англию без заверений в решительной поддержке местного населения. Вильгельм не собрал бы армию в двадцать тысяч человек без британской помощи¹⁶.

Вильгельм был заинтересован в точной оценке отношения англичан, а не в создании фальшивых надежд, на которых обосновывалось бы обреченное вторжение. В 1687 и 1688 годах Вильгельм послал двух своих доверенных людей, герра ван Дийквельда и графа Цвильштейна, прозондировать политическое мнение на Британских островах. Сам Вильгельм настаивал на формальном приглашении его «несколькими самыми заинтересованными людьми, наиболее уважаемыми в народе», в качестве необходимой предпосылки для того, чтобы он взялся за оружие. Но внимание Вильгельма к формальным обращениям аристократии не должно обмануть нас относительно глубины народных настроений, направленных против Якова II и его режима. Граф Цвильштейн докладывал, что «вся нация испытывает сильное брожение». Английские современники эхом повторяли сведения о степени народного недовольства. Джеймс Веллвуд утверждал, что именно «народ Англии» настаивал «на неизбежной необходимости призвать принца Оранского, чтобы вернуть утерянные свободы их страны». «Что же мы обсуждали повсюду друг с другом, как не единственно основания для наших надежд на свободу и освобождение», — риторически спрашивал Даниэль Дефо, обращаясь к принцу Оранскому. *«Нет оснований сомневаться, но [Вильгельм III] поддерживали и пригласили ведущие личности церкви и государства в армии и на флоте, — восклицал пресвитерианин Роджер Моррис, — те, что всегда порицали принцип взятия в руки оружия для защиты своей религии или гражданских прав, а теперь посчитали это и законным, даже весьма похвальным, и абсолютно необходимым»*. Оппозиция, включая самого Роджера Морриса, тоже оказалась в первых рядах, давая выход своим недовольствам режимом. Предательский список обещавших поддержку Вильгельму в 1688 году, находившийся у графа Шрусбери, архиепи-

скопа Кентерберийского «и некоторых других выдающихся персон», включал лишь крохотную долю народной поддержки¹⁷.

Приглашение от 7 июня 1688 года — авторы которого сами были разношерстной группой джентльменов и аристократов — сделало больше, чем просто заверило Вильгельма, что «гораздо большая часть знати и джентри также не удовлетворена», как и подписавшиеся, и что «наиболее важные из них рискнут собою для Вашего Высочества сразу при вашей высадке». Они также считали важным более широко информировать об общественном мнении в государстве. Они понимали, что необходимо гораздо большее, чем поддержка нескольких аристократов, чтобы свергнуть сильный режим Якова.

«Люди в большинстве настолько недовольны настоящим поведением правительства в отношении их религии, свобод и имущества, и находятся в таком напряжении из-за того, что их перспективы будут становиться хуже день ото дня. Ваше Высочество может быть уверено, девятнадцать человек из каждых двадцати по всему королевству жаждут перемен, и они, как мы верим, охотно будут содействовать вам, если получают такую защиту и моральную поддержку при мятеже, которые обезопасят их от поразения, прежде чем они станут в состоянии сами защитить себя»¹⁸.

Это не был взгляд чрезмерно оптимистичных революционеров. Дипломаты по всей Европе пришли к одинаковым заключениям о состоянии английского общественного мнения. Австрийцы уверены, сообщал граф Карлингфорд, что Вильгельм «уже имеет огромную фракцию в Англии, сформированную и готовую принять его, что по намерениям две части из трех уже на его стороне». В Испанских Нидерландах слышали разговоры об «огромном мятеже в Англии, который вспыхнет, как только голландский флот появится у наших берегов». Дипломатические контакты обосновавшегося в Гамбурге Питера Уайча давали понять, что партия принца Оранского в Англии «обещала помощь и зашла слишком далеко, чтобы могла отступить». Джордж Этеридж услышал в Ратисбоне, но весьма сомневался, что «великие революции состоятся в нашей стране и может разразиться не менее чем гражданская война». В Париже «совершенно открыто» говорили, «что у принца Оранского в Англии множество друзей, которые могут служить

ему и выскажутся за него, если он появится когда-либо среди них». Голландец, маркиз д'Албевилль, знал, что заключались письменные пари о поддержке британского населения. Голландцы рассчитывали на «большую помощь в Англии и Шотландии», недоброжелателям которых «нельзя встречаться на улицах, но они кричат, обнимая друг друга». «Всеми миру известно, что английская нация давно ропщет, — заявляли Генеральные штаты Соединенных провинций, основываясь на опыте своей дипломатической сети, — ничего, кроме общего беспорядка и смятения, нельзя ждать в таком королевстве»¹⁹.

Современные обозреватели внутри Англии осенью 1688 года отмечали безмерное расположение к Вильгельму и малую поддержку правительству Якова. «После того как стало известно, что силы принца уже на кораблях и все готово, — записал сэр Роберт Саутвелл, — люди тут в основном стали с нетерпением ждать их прибытия». Один «остроумный джентльмен» заметил, «что люди разделились на тех, кто надеялся, что принц прибудет, и тех, кто боялся, что он не прибудет». Когда Самюэль Кларк опрашивал своих земляков на предмет прибытия голландцев, он обнаружил «всего несколько меланхолических лиц». «Люди говорили об этом с улыбкой», — записал Уильям Уэстби об угрозе прибытия голландского флота. В Йоркшире сэр Джон Рересби записал, что «ни джентри, ни простые люди, похоже, не выглядели испуганными». «Многие были бы рады услышать о высадке», — соглашался посол граф Ван Киттерс, — разговоры на эту тему стали обычным делом среди всех классов общества, кроме римских католиков и придворных»²⁰.

Но англичане сделали большее, они не ждали пассивно добра от голландцев. Английский народ активно разрушал режим Якова II еще до ноября 1688 года и рисковал своими жизнями, чтобы поддержать предприятие Вильгельма. В прибытии Вильгельма следовало видеть не столько голландское вторжение, сколько объединенное англо-голландское предприятие против режима Якова II. Последовательность событий, которые начались осенью 1688 года, нужно понимать не как четвертую англо-голландскую войну XVII века, а как центральное событие в революционном веке Англии.

Летом и осенью 1688 года английское руководство находилось в состоянии кризиса — кризиса, который стал лишь острее из-за перспективы англо-голландского вторжения. К середине августа

Роджер Моррис заметил, что, «похоже, общественные дела оказались теперь в нетвердом положении — судя по всему, не существует партии, заинтересованной в короне». Когда Яков в панике развернул свой курс действий, восстановил корпоративные хартии, отменил церковные полномочия, отказался от своих проектов реформирования университетов и попытался снова обратиться к тори за поддержкой, он все равно уже не смог поставить правительство на более твердую опору²¹.

Милиция графств и муниципальные обученные команды во время кризиса 1688–1689 годов отказывались действовать в интересах своего короля. Когда герцог Ньюкасла созвал знать трех административных единиц Йоркшира, чтобы попросить их поддержки против предстоящего прибытия Вильгельма и его людей, те вместо этого *«собрались на выпивку — дав первый тревожный знак для католиков и благоприятный для протестантской религии и тех, кто ее придерживался; наконец-то почувствовалось доброе веяние с востока»*. Многие, если не большинство, отказывались служить в милиции с теми, кто не был определен делать это по закону. Лорд Фэйрфакс был не единственным в Йоркшире, кто жаловался, что «мы тут просто в безумном положении, будучи не в состоянии поддержать или напасть на врага самостоятельно». «Несколько других графств последовали примеру Йоркшира и отказались служить офицерами вместе с католиками», — вспоминал сэр Джон Лаудер. В Стаффордшире «милиции не было вовсе». В Ланкашире некоторые соглашались служить, но многие отказывались, говоря, что «это против закона и они не могут этого делать по совести — никто не может нести службу, не дав клятвы». В Лестершире сбор «закончился ничем», потому что там, как и в Дербишире, *«наиболее заинтересованные джентльмены, будучи исключенными из нескольких комиссий, настолько разозлились в это трудное и опасное время, что те, кто не собирался выступить против короля, затихли и не выступили за него»*. В Чешире, где граф Дерби принял должность главы судебной и исполнительной власти только после консультации с принцем Оранским, милиция не смогла собрать необходимых денег.

Не лучше обстояли дела на западе. В Сомерсете «в настоящее время нет ни представителя правительства, ни главного офицера милиции в этом графстве», сетовал граф Бристоля. Когда герцог Бьюфорта прибыл в Бристоль в ноябре 1688 года, он «нашел ми-

лицию этого города настолько не желающей противостоять принципу, что покинул его и уехал домой в собственный дом в Бедминтоне». С острова Уайт сэр Роберт Холмс сообщал, что «часть милиции уже становится мятежной и отказывается следовать приказам своих командиров». Такая же картина сложилась возле Лондона. Сэр Ральф Верни не был оригинален, посоветовав своему гарнизону избегать служить в милиции Букингемшира. Из Кента лорд Тейнхэм сообщил о «больших трудностях, с которыми я наверняка столкнусь, то же ожидает и комиссии»²².

Не только в провинции Англия отказывалась служить своему королю. Существуют признаки, что английское городское население проявляло такое же нежелание. Английские города проявляли административный застой. Восстановив лондонскую хартию в октябре 1688 года, Яков не смог вернуть доброе расположение лондонцев. Когда лорд-канцлер Джордж Джеффрис приехал в город, чтобы восстановить хартию, *«люди не кричали „ура“ при предъявлении документа, но некоторые при виде его смотрели на карету и говорили: „Это тот парень, который забрал хартию, от него нельзя ожидать ничего хорошего“*. «Старые добрые олдермены», которых просили править городом, «не хотели поступать на службу». Вновь назначенный лорд-мэр сэр Уильям Причард отказался от должности на основании того, что не был избран должным образом. Многие выдающиеся лондонцы, как виги, так и тори, одинаково отказывались от места. Джеффриса печалил тот факт, что «город остается теперь без какой-либо хотя бы формальной магистратуры и может долго оставаться в таком положении». Сэр Джон Чапман, которого прочили принять должность мэра в ноябре, «создал трудности королю» — предвещая еще большие акты сопротивления после прибытия Вильгельма²³.

Чуть лучше была ситуация в Эксетере. Там между королем и корпорациями возникла столь яркая «враждебность», что даже после восстановления городской хартии «не многие джентльмены приближались к городу; наиболее значимые купцы покидали его; произошел упадок торговли, разруха росла». Свидетельства отовсюду по стране показывают, что последняя попытка Якова II задействовать традиционных сторонников короны лишь создала политическое замешательство²⁴.

Летом 1688 года Яков II и его правительство были настолько непопулярны, что, несмотря на явную внешнюю опасность, режим

испытывал трудности в вербовке моряков и солдат. «Барабаны били по всему Веппингу, зазывая моряков, но мало кто являлся», — сообщал Джон Верни. Пришлось мобилизовать на флот лодочников с Темзы, «потому что приходило мало волонтеров». Проблема явно становилась общенациональной. «Едва ли кто-либо добровольно поступит на службу к королю, — отметил нидерландский посол ван Киттерс, — особенно когда может разразиться война с Голландией». К началу октября «большинство моряков и огромное число лодочников» бежали в глубь страны, чтобы избежать все более отчаянного давления правительственной мобилизации. В сухопутную армию также не наблюдалось большого наплыва людей. Хотя армия Якова действительно выросла в размерах, это происходило скорее по принуждению, чем из-за проявления чувств лояльности. Энтони Хейфорд считал, что Норфолк был «самым плохим графством в Англии по сбору наших войск». Его суждение, вероятно, отражало скорее его отчаяние, чем объективную сравнительную оценку. В других районах повторилась ситуация Эксетера, где агитаторы «уговаривали людей не записываться на службу Его Величества»²⁵.

Англичане были далеки от сплоченности перед лицом иностранного вторжения осенью 1688 года. Цены на уголь стремительно поднялись из страха, что объем каботажных перевозок сократится. Произошел всеобщий набег на банки. Деньги стали дефицитом. Большинство соглашалось, что произошла «общая остановка во всех отраслях торговли». Выдающиеся лондонские банкиры Кент и Данком многозначительно отказались одолжить деньги Якову II в час нужды. Перед лицом явной непопулярности короля едва ли было удивительно, что Уайтхолл оказался полон «смятения и растерянности». В начале октября Роджер Моррис считал, имея на это причину, что «правительство теперь выглядит как лодка, которую бросает вверх-вниз море и которая готова утонуть»²⁶.

Степень враждебности и раскола в английском обществе осенью 1688 года должна предостеречь от интерпретации революции 1688–1689 годов как результата прежде всего голландского вторжения. Активная роль, которую англичане, шотландцы и ирландцы играли в помощи предприятию Вильгельма, еще больше ослабляет положение тезиса о Вильгельме. Нидерландцы в общем и Вильгельм в частности оказались успешны в сборе средств

и в создании боевой силы в 1688 году — но они сделали это в союзе со значительной частью английского населения.

Разные слои англичан финансово вложились в предприятие Вильгельма. «Огромное количество денег ежедневно приходило из Англии», чтобы поддержать нидерландское предприятие, сообщал маркиз д'Албевилль лорду Миддлтоу в конце лета 1688 года. Информация Даниэля Петита была более определенной. Он узнал, что «около 200 000 фунтов стерлингов было послано ему из Лондона за месяц или шестинедельный срок» — поразительная цифра, если учесть, что, по грубой оценке, годовой доход, собранный Яковом и его правительством за 1687–1688-й финансовый год, составил менее двух миллионов фунтов. Один датчанин после того, как был допущен осмотреть военную казну Вильгельма, заметил, что он увидел «огромные груды английского золота, которые, по его подсчетам, превосходили количество золота, остававшегося в королевстве». Другой правительственный информатор слышал, что Нидерланды имели «миллионы испанской монеты, которая была привезена из Англии»²⁷.

К несчастью, у нас нет полного списка британцев, сделавших вклад в усилия Вильгельма. Тем не менее есть серьезное свидетельство, что Джон Черчилль, граф Шрусбери и граф Денби заложили свои имения, чтобы перевести тысячи фунтов на дело Вильгельма через Банк Амстердама. Сэр Хью Оуэн послал «восемь сундуков серебра» из Уэльса в Роттердам, чтобы поддержать Вильгельма и его англо-голландские силы. Можно подозревать, что намного большее количество людей сделало более скромные финансовые вклады²⁸.

Как только Вильгельм прибыл в Англию, сотни людей пожертвовали деньги на его дело. Виг из Вест-Кантри Хью Спик заявил, что пожертвовал «больше тысячи фунтов». Сэр Джон Морган, который позднее стал управителем замка Честер, напоминал графу Шрусбери, что он тоже «внес в последнюю революцию значительную сумму из собственного кармана, оказав поддержку большей части тех мужчин, которых мы затем вооружили». Граф Ратленд внес тысячу фунтов. Граф Девоншир собрал более четырнадцать тысяч фунтов в Ноттингеме, Лейчестере и Ковентри. Граф Бристоль призывал жителей Дорсета поддержать «Его Высочество» и «славное предприятие». Посол Нидерландов ван Ситтерс узнал, что «некоторые частные лица в этом городе и большинство

знати Уилтшира из чистого расположения передали несколько сумм денег и предложили еще для поддержки» Вильгельма и его армии²⁹.

Отчеты за ноябрь и декабрь 1688 года показывают степень и глубину народной финансовой поддержки мятежу против Якова. В то время как некоторые важные джентльмены, такие как сэр Уильям Будби и Джастис Кандолл из Лейчестера, пожертвовали больше ста фунтов каждый, большинство вкладывало гораздо меньшие суммы. Некто Генри Кандиш из Лоубриджа пожертвовал тридцать фунтов, а сэр Томас Грагели из Ноттингема дал пятнадцать. Однако чаще встречались анонимные и более мелкие взносы. «Маленькая кожаная сумка» из Дерби содержала лишь чуть более девяти фунтов, почти сто фунтов пришло «в какой-то сумке» из Ноттингема, а «два мальчика принесли из Мельборна» 120 фунтов. Джон Райт собрал почти тысячу фунтов с семи человек. Более поздняя оценка члена шотландского епископата Роберта Кирка, сообщавшего, что англичане в ноябре и декабре 1688 года заплатили восемьдесят тысяч фунтов, кажется несколько умеренной³⁰.

Деньги продолжали течь в казну Вильгельма и после того, как Яков бежал из страны — но до того, как Вильгельм был коронован. В январе 1689 года муниципальный совет Лондона согласился подписать принцу заем, чтобы поддержать временное правительство. Люди *«толпились, чтобы внести пожертвования, ни одно из которых не было ниже пятидесяти фунтов; Гильдии не хватало рук, чтобы получать притекающие суммы денег»*. В течение двух дней в Сити было собрано более 150 000 фунтов, и считалось, что в конечном счете «пожертвований будет в три раза больше». Естественно, существовали и очень большие взносы — крупные купцы виги сэр Пейшенс Уорд, сэр Роберт Клейтон, сэр Уильям Ашхерст и Джон Джоллиф подписались на тысячу фунтов каждый — но большинство жертвовало пятьдесят или сто фунтов. Всего пожертвования принесли более тринадцати сотен мужчин и женщин, жителей Лондона. Королевская Африканская компания открыто преподнесла Вильгельму подарок в одну тысячу фунтов³¹.

Экспедиция Вильгельма не только снаряжалась частично на упомянутое британское серебро — она имела в своем составе множество британцев. Многие выдающиеся люди присоединились к Вильгельму в Нидерландах и пришли с его флотом. Граф Шрусбери способствовал обеспечению «экстраординарных гарантий».

Доверенные виги лорд Мордант, граф Макклесфильд, сэр Джон Гиз, сэр Роберт Пейтон, сэр Джон Ходем, Джон Уайлдман и Роберт Фергюсон уже долго находились в Объединенных провинциях, ожидая возможности вернуться с триумфом. В 1688 году многие сыновья выдающихся знатных персон присоединились к Вильгельму, среди них были сыновья графа Винчестера, графа Линдси, графа Денби и маркиза Галифакса. Многие известные шотландцы также присоединились к силам Вильгельма, их имена включали графов Сазерленда, Флорфара и Левена, а также лордов Кардросса, Лорна, Эльфинстона и Мелвилла, а также длинный ряд менее титулованных персон.

Два видных английских морских офицера также присоединились к Вильгельму. Эдуард Расселл, племянник графа Бедфорда, был среди подписавших приглашение, он присоединился к Вильгельму осенью. Артур Герберт, опытный морской офицер, имевший давние связи с Яковом II, прибыл в Нидерланды в июле 1688 года. Невозможно представить более наглядного подтверждения англо-голландской природы предприятия Вильгельма, нежели тот факт, что Герберт служил адмиралом в его флоте, а Расселл являлся секретарем экспедиции³².

Те, кто присоединился к Вильгельму в Нидерландах, имели более разнообразное происхождение, чем предполагают обычные списки знати и джентри. Англичане и шотландцы прибывали в огромных количествах, чтобы служить в англо-голландских силах. Польский посол докладывал своему королю, что англичане прибывали «*en foule*» (в большом количестве), чтобы погрузиться на только что подготовленные корабли. Маркиз д'Албевилль, едва ли дружественный свидетель, признавал, что «невозможно сделать ни шага в Гааге и в Роттердаме, не встретившись с группами англичан». Многих британских волонтеров просто отвергали. Даниэль Петит хорошо знал, что на флоте, готовящемся тогда в нидерландских портах, есть «много англичан». Среди этих грузившихся находилось почти четыре тысячи человек, которые являлись частью регулярных шотландских и английских полков, стоявших в Нидерландах. Так как эти люди в январе 1688 года отказались реагировать на требование Якова вернуться в Англию, они почти наверняка связывали свое будущее со свержением режима Якова. Д'Албевилль с некоторой долей истины называл этих людей «кромвелианцами». То были люди, которые

«предпочли эту службу службе своему королю и смело пренебрегли его призывом... решившись на мятеж». К этим людям добавилось почти пять тысяч британских волонтеров. Число британцев, находившихся под ружьем в Голландии в ноябре 1688 года, составляло почти половину от численности «Новой армии» Кромвеля. Англичане (и, по-видимому, шотландцы) не только делали значительные финансовые вложения в предприятие Вильгельма — на деле почти половина его «сил вторжения» была британцами³³.

Яков много делал, чтобы его армия и флот, предназначенные для сражения с голландцами, имели профессиональное оснащение. Но в 1688 году у него не было достаточно времени, чтобы создать по-настоящему независимые боевые силы. В результате осенью 1688 года часть военных также отвернулась от Якова. Тем не менее было бы неправильно придавать слишком большое значение измене в армии и недовольству на флоте. Ни то ни другое не сыграло бы своей роли, если бы не существовало народного недовольства режимом по всей Англии. Недовольство народа в гораздо большей степени, нежели протест военных, разрушило режим модернизации Якова II.

В то время как многие люди считали, что Англия боялась и ненавидела регулярную армию Якова II, внутри самой армии тоже существовала некоторая неудовлетворенность. Все лето циркулировали слухи, что «наша армия самая замечательная из всех возможных». Семь деятелей, которые пригласили Вильгельма в июне, были, вероятно, чрезмерно оптимистичны, когда заявляли, что армия «развалится сама» и что существует «огромная вероятность появления большого числа перебежчиков, которые появятся, как только возникнет такая возможность». Но это преувеличение основывалось на зернах фактов. Оба, и герцог Графтон, и Амброз Нортон, позднее вспоминали, что решение Якова провести летом 1688 года перепись офицеров-католиков возобновило скрытые страхи чисток до уровня необычайного возбуждения. Эти страхи еще более возросли, когда несколько офицеров и солдат в полку герцога Бервика были уволены со службы за отказ служить вместе с ирландскими католиками. «Ропот» после этого случая, вспоминал сэр Джон Лаудер, превратился во «всеобщий». Как считал Френсис Гуин, среди солдат и офицеров в Уорминстере в ноябре 1688 года существовали «огромная ревность и подозрения», что,

если Яков победит Вильгельма, «он уничтожит протестантскую религию и в первую очередь англиканскую церковь»³⁴.

Именно в контексте этого недовольства среди армейских офицеров развилась двойная конспирация. Вильгельм и его сторонники в Голландии вели «частые и секретные переговоры» с группой «старших армейских офицеров». Это были ветераны кампании Карла в Танжере Джон Черчилль (будущий герцог Мальборо), Чарльз Трелони и Перси Кирк. Совершенно иная группа собиралась в клубе «Государственная измена» в Роуз-Таверн в Ковент-Гардене. Она возглавлялась вигом Ричардом Сэвиджем, виконтом Колчестером, включала также полковника Чарльза Годфри, Томаса Уортона и «многих других из их партии». В то время как опыт Танжера определял характер первой группы, эта «ассоциация» вигов базировалась на опыте нидерландского ополчения.

Действия этих двух групп, как и многих других, играли свою роль вкупе со страхами, что Яков заключил антипротестантский альянс с Людовиком XIV. Многие в армии также начали поговаривать, что Яков «уничтожил конституцию». Даже среди шотландских войск Якова циркулировала пропаганда оранжистов. Во время выступления из Шотландии в ноябре солдаты «в нескольких местах пили за здоровье принца Оранского». Без сомнения, на знании об этих конспирациях основывались ожидания Вильгельма, что «армия короля по большей части перейдет на его сторону», под влиянием которых он отказывался принимать многих волонтеров в Эксетере³⁵.

Однако дезертирство из армии в ноябре и декабре 1688 года было не таким большим, как надеялся Вильгельм. В ноябре лорд Корнбери и виконт Колчестер ушли к Оранскому с большим количеством своих людей. Вскоре к ним присоединились перебежчики — лорд Черчилль, герцог Графтон, герцог Ормонд и принц Георг Датский. Сэр Генри Шир был не единственным, кто протестовал против «мошенников», которые предпочли дезертировать от короля «в его беде». Военные историки и некоторые современные военные видели в этом отступничестве центральное событие революции. Однако военная значимость дезертиров на деле не была такой уж большой. Бесспорно, Яков воспринимал дезертирство в армии очень тяжело. *«Никогда никакой правитель не заботился больше о своих моряках и солдатах, чем это делал я, и при этом, Дарт, они так дурно мне отплатили»*, — писал он Дартму-

ту. Но он прекрасно знал, что фактическое число перебежчиков было совсем небольшим. *«Трудно сказать, что более удивительно — видеть дезертирство офицеров от короля, который хорошо им платил и так лелеял их, или такую преданность среди обычных солдат, когда почти все их офицеры дали им столь плохой пример»*, — позднее говорил он. И лояльный сэр Джон Рересби, и враждебный критик Якова лорд Деламер считали, что менее двух тысяч человек перешли к Вильгельму³⁶. Даже с учетом дезертиров Яков имел значительное военное преимущество над силами Вильгельма, приведенными из Голландии. Яков в отличие от многих историков хорошо знал, что Вильгельм был не единственным его врагом. Перед ним стояло, как ядовито заметили два лондонских купца, «всеобщее отступничество всей нации — знати, джентри и простолюдинов»³⁷.

Ситуация во флоте Якова была такой же, как в армии. Яков взбесил многих моряков, когда рационализировал сбор годовых доходов. Это «жесткое вымогательство», которое зашло «много дальше того, что практиковалось в прежние времена», наделало немало вреда Якову в решающие месяцы 1688 года. Многие моряки были недовольны судебным преследованием семи епископов. Когда опытный морской офицер и недавно обращенный католик сэр Роджер Стрикленд просил каждого командира корабля по отдельности подписать адрес Якову с осуждением епископов, он не нашел поддержки, а один капитан «грязно выругался и угрозил избить его».

Сам эффектный взлет Стрикленда до чина контр-адмирала был частью отчаянной попытки Якова внедрить католический элемент в корпус морских офицеров. Но, как и в армии, это скорее спровоцировало сильное недовольство в среде моряков. Яков, похоже, предотвратил восстание на флоте в июле, согласившись позволить протестантским капелланам присутствовать на кораблях вместе с римскими католическими священниками. Общее настроение на флоте было невеселым. Сэр Роджер Стрикленд вызвал «всеобщую нелюбовь» среди моряков — похоже, недовольство еле удерживалось под самой поверхностью. Утверждение, представленное Вильгельму, что «не найдется и одного среди десяти» моряков, кто будет служить Якову II в морском конфликте, было, конечно, преувеличением — но оно действительно ухватывало настроения флота³⁸.

Противники Якова приложили все усилия, чтобы усилить это недовольство на флоте. Герцог Графтон после краткого визита в Голландию в октябре 1688 года «сделал своим занятием обхождение многих офицеров и моряков». Яков II позднее заявил, что старания Графтона «развратить командиров» были успешны, и «две трети из них дали слово присоединиться к принцу Оранскому». Графтон действовал не один. Мэттью Эйлмер и Джордж Бинг встретились в Лондоне с несколькими армейскими конспираторами и пообещали уговорить ключевых офицеров флота. Во флоте широко циркулировали памфлеты и информационные бюллетени, как и «в Уорринге и других морских местах».

Оба, и сам Вильгельм, и Артур Герберт, имели памфлеты, напечатанные и циркулировавшие среди моряков, предупреждая их о приближающемся «крушении законов и свобод Англии» и «протестантской религии», если Яков не будет повержен. Адмирал Герберт, который послал личные копии письма своим друзьям на флоте, разъяснял, что это не должно считаться иностранным вторжением. Он обращался к флоту «как истинный англичанин», который беспокоится, что продолжение правления Якова только «больше поработит вас»³⁹.

Тем не менее английский флот так и не получил шанса сыграть решающую роль в ноябре 1688 года. Погода не позволила флоту выйти в море и встретить англо-голландские силы на пути от Нидерландов в конце октября и начале ноября. 5 ноября, когда действия в море стали возможны по метеорологическим условиям, Военно-морской совет «анонимно заявил», что вражеский «флот намного превосходит наш и «неразумно атаковать или давать ему бой». Это решение — явно основанное на переоценке морских сил Вильгельма — совершенно точно не было заговором. Католик сэр Роджер Стрикленд, человек, наиболее лояльный Якову во флоте, «честно надавил» на графа Дартмута, уговаривая его не рисковать и не атаковать голландцев⁴⁰.

Ни в армии, ни во флоте заговор не стал решающим событием осенью 1688 года. Максимум две тысячи солдат перебежало к Вильгельму, это была незначительная часть сил Якова. Недовольство на флоте вполне могло распространиться шире — Яков оказался неспособен изолировать моряков от мнения гражданского населения, — но военные моряки так и не получили возможно-

сти предпринять политические действия. Однако заговорщики и там и там продемонстрировали степень народного недовольства правительством Якова II. Даже вооруженные силы, где Яков имел все причины рассчитывать на полную и безусловную лояльность, дали ему повод для подозрения. Заговорщики на флоте и в армии, как оказалось, были лишь малой частичкой более крупного общенационального бунта против Якова.

Тех, кто поднял оружие против Якова в Англии, Шотландии, Ирландии и в колониях, было количественно меньше, чем тех, кто присоединился к Вильгельму в Нидерландах или действовал в его пользу внутри армии и флота Якова. Многие в Англии давно знали об англо-голландской экспедиции, запланированной на осень 1688 года. Это были не только те несколько избранных, кто пригласил Вильгельма, но и гораздо большее количество тех, кто финансово вложился в экспедицию. К лету 1688 года проект вторжения был секретом Полишинеля. Роджер Моррис узнал, что «северная знать и джентри, очень многие из них посвящены в факт прибытия принца». Ожидание прибытия англо-голландских сил было так широко распространено, что капитан Хэмфри Оуковер в конце августа слышал предсказание, «что при их высадке все королевство будет в страхах и волнениях»⁴¹.

Многие современники верили, что только регулярная армия Якова предотвращает начало волнений. Несмотря на глубокое народное недовольство, доказывал виг лорд Деламер, «нация так долго была несвободна, что почти ничего не осталось от старого английского духа». Тори граф Дартмут тоже считал, «что многие будут довольно осторожны, позволяя своим желаниям быть тем, что будет». И Джон Уитгл, и сэр Роберт Саутуэлл ощущали огромный страх в Вест-Кантри из-за того, «что могли последовать такие же казни через повешение, какие прошли в этих землях после поражения герцога Монмута». Для некоторых современников заключение было неизбежным. Как заявил автор «Политической конференции», *«очевидно, что люди были придавлены страхом перед сильной регулярной армией, поэтому до того, как принц Оранский успел дойти до них, они поднялись во всех углах королевства и, безусловно, поступили таким образом, потому что как король заявил о своей полной власти сделать все законы о земле ничтожными и недействительными, если они могли спокойно сделать то же самое»*⁴².

И англичане действительно поднялись. Подготовка мятежа к осени 1688 года в Йоркшире и Дербишире уже значительно продвинулась вперед, граф Миддлтон узнал, что «огромное число лошадей закупили недавно» в качестве подготовки к восстанию в Йоркшире. Как узнал сэр Джон Рересби, сэр Генри Беласиз, опытный офицер английской бригады, размещенной в Соединенных провинциях, «тайно действовал» в Йоркшире от имени принца Оранского. Граф Данби, как позднее заявил Яков II, «принял на себя труд объехать страну, чтобы подготовить и склонить джентри на сторону этого вторжения». Графы Девоншир и Данби встречались с Уаттингтоном в Дербишире и с сэром Генри Гудриком в его доме в Йоркшире, чтобы скоординировать их действия⁴³.

Эти подготовительные шаги помогли поднять мятеж в Йоркшире еще до получения сведений о каких-либо дезертирствах в армии. 22 ноября несколько джентльменов собрались в Ратуше Йорка на предмет составления петиции в свободный парламент. Когда слух о выступлении католиков против джентри графства распространился по залу, люди, действуя по оговоренному ранее сигналу, бросились за своими лошадьми. Милиция графства «пришла в город без приказа», чтобы присоединиться к восставшим.

То не было делом лишь аристократов и джентри. Один современник описал это действие как поддержанное «разозленной толпой». Другой записал, что по крайней мере три тысячи вооруженных людей в тот день захватили контроль над Йорком. В течение двух дней комендант гарнизона, сэр Джон Рересби, был схвачен, горожане присоединились к петиции с требованием свободного парламента, а католическая церковь в городе была «разрушена». «Почти весь город... или из страха, или из-за объявленных ими намерений» оплакивал смещенного коменданта Рересби. Мятежные силы «ежедневно увеличивались в Йорке», позволив восставшим захватить соседний замок Скарборо. Это было не только движением горожан, как отметил один обозреватель, «все графство встало под ружье»⁴⁴.

Несколькими днями ранее, 17 ноября, лорд Деламер — прекрасно понимая, что рискует своей жизнью и судьбой, — возглавил тысячу всадников в Боден-Даунс в Чешире, объявив им, что «великая опасность угрожает нашим жизням, религии и свободам при настоящем положении дел», и заявив, что «он рискнет своей

жизнью за принца Оранского». К ним присоединилось «огромное число пеших жителей... и еще больше к ним обращалось, но они сдерживали народ, и все-таки, несмотря на это, там собралось несколько тысяч». Из Боден-Даунс Деламер проследовал в промышленный город Манчестер. Там,

*...хотя опасность грозила им со всех сторон
И гордый Молиньюкс не считал ворон,
они поклялись разделить риск с Деламером.*

Хотя Деламер получил поддержку по крайней мере 280 «джентльменов и купцов очень высокого положения», он снова вынужден был не брать избыток «обычных людей», потому что у «принца Оранского было достаточно пехоты, ему нужны были конные». По-видимому, в этот момент капитану Томасу Беллингхэму было приказано — может быть, виконтом Молиньюксом — поднять ланкаширскую милицию и выступить против Деламера.

В течение недели Деламер собрал, по некоторым подсчетам, две тысячи, по другим — четыре тысячи лошадей. Их число росло по мере того, как они продвигались через Стаффордшир и Уэрвикшир, намереваясь остановиться возле Бирмингема в Эдгбастон-Холле, чтобы захватить «огромное количество оружия». Говорят, Деламер имел также серьезных сторонников в Дербишире. «Благоразумие, смелость и подготовленность плана вкупе с примерным личным мужеством привлекли к нему столь большой интерес в Дербишире», что он мог поднять «столько, сколько захотел бы». Тем временем в его родном графстве Чешир лорд Молиньюкс грозился сжечь дом Деламера, «но в графстве восстали от четырех до пяти тысяч человек, вооруженные всем, что у кого было, чтобы защитить его дом»⁴⁵.

Получив базу в Дербишире, граф Девоншира не имел проблем при мобилизации вооруженных сил, чтобы противостоять Якову II и поддерживать свободный парламент. Он прибыл в Дерби 21 ноября с пятью сотнями человек, которые заявили, «что они сделают все возможное, чтобы защитить протестантскую религию, законы королевства и права и свободы подданных». Хотя сам Дерби проявил осторожность, дербиширцы тоже влились в этот день в ряды девонширских сил. Среди них была группа дербиширских оппозиционеров, возглавляемых Филипом Принсом.

Когда эта группа достигла Ноттингема, их встретило большое количество людей отовсюду из центральных графств. Одна группа прибыла из Нордхэмптоншира, она выступила 10 ноября — задолго до того, как получила реальные известия от принца Оранского на Западе. К ним присоединилась дочь Якова, принцесса Анна, епископ Лондона и граф Дорсета⁴⁶.

Хотя историки следовали современникам в особом внимании к участию при сборе в Ноттингеме аристократии и джентри, видно, что вовлеченные в мятеж принадлежали ко всему социальному спектру. Каменщик Кай Габриель Киббер, который в это время был всецело занят работой по превращению Чатсворт-Хауз «из католической в греческую церковь», был среди тех, кто вооружился в Ноттингеме, чтобы добиться «восстановления наших погранных законов и свобод». Вскоре к нему присоединился его старший сын Колли, описавший себя как *«одного из тех отчаявшихся тысяч, которые после проявления исключительного терпения взяли в руки оружие под стягом необходимости — естественного родителя всех человеческих законов и правительств»*. Среди этих тысяч был «сборщик каминных денег Ноттингема», который «присоединился к солдатам, нося с собой свои книги и деньги, собранные с них». Другой сборщик каминной таксы Ноттингемшира, Джон Боррадейл, «был первым человеком, который записался» в отряд радикального вига Скрупа Хау «и привел несколько других человек, которым он предоставил лошадей и снаряжение». Эта огромная толпа революционеров, несмотря на присутствие аристократов, едва ли была благонаправной и мирной. Известно, что она «захватила нескольких священников и многое из того, что принадлежало акцизному управлению»⁴⁷.

В Ноттингеме к Девонширу присоединились не только принцесса Анна, граф Нордхэмптон и его брат Генри Комптон, епископ Лондона, но и тысячи волонтеров. Оба, и Комптон, и Девоншир, были в восторге от народной поддержки, которую они получили. «Здесь значительное количество людей, и ежедневно прибывают новые из всех частей», — докладывал Комптон. Девоншир подсчитал, что он имеет в своем распоряжении свыше тысячи лошадей и что он мог бы набрать «огромное количество пехотинцев, если бы мы имели оружие». Ко времени, когда Девоншир вышел из Ноттингема, число лошадей дошло до нескольких тысяч⁴⁸. По всем признакам Девоншир мог собрать столько пехотинцев —

мужчин более низкого происхождения, — сколько пожелает, но он был ограничен количеством имеющегося оружия. Свидетельства четко предполагают, что сбор тысяч людей в Ноттингеме был не степенным съездом аристократов, а встречей революционеров из широкого ряда социальных пластов.

Наряду с загадочной активностью графа Дерби простой народ наносил решительные удары по режиму Якова II в Ланкашире и Чeshire. Активность Дерби была настолько осмотрительной, что один житель Ланкастера, ссылаясь на нежелание прежнего графа Дерби участвовать в сражении, которое определило судьбу Ричарда III в 1485 году, предсказал, что «он будет таким же коварным, как и его предок Ричард Горбатый*». На деле Дерби заявил, что уже предпринимал шаги против Якова II. 24 ноября он стоваривался с комендантом замка Честер, сэром Питером Шакерли, поднимать местную милицию. Когда католический полк под командованием полковника Гейджа прибыл в город несколькими днями позднее, их «не приняли ни в одни казармы». Жители Честера, вдохновленные военным комендантом, поднялись против регулярной армии Якова. В результате «столкновения в Честере между горожанами и людьми полковника Гейджа» войска лоялистов ушли на север, в Ланкашир.

Граф Дерби был убежден, что Кейдж и его люди планировали покушение на его жизнь — они, безусловно, угрожали «поджечь несколько домов в графстве», — и бежал в Уиган. Там он нашел источник поддержки не только от своих друзей, но «от всего города»; собралось три тысячи человек, «которые перекрыли все подъезды и подходы к городу».

И в Уигане, и в Честере Дерби играл роль оппозиции регулярной армии Якова, но в каждом случае именно горожане на деле поднимались в ружье против режима. Действительно, в Честере меньше чем через две недели *«жители и некоторые войска страны разоружили полк полковника Гейджа и два отряда ирландских драгун, которые находились в гарнизоне, и выставили их из города, после чего зачитали Декларацию и заявили, что они готовы умереть за то же самое»*⁴⁹.

Город за городом, графство за графством англичане восставали против режима Якова II. Немного более чем через неделю по-

* То есть Ричард III, которому оппоненты (и Шекспир) приписали множество злодейств. (Прим. ред.)

сле того, как Вильгельм прибыл в Англию, доверенный человек Якова, герцог Бофор, сообщил ему, что *«не может отвечать за город Бристоль, если у него не будет достаточно войск, чтобы держать людей в повиновении, так как большинство, похоже, желает избрать партию его высочества»*. Менее чем через две недели жители Бристоля запустили петицию за свободный парламент, «означающую, что люди в основном склоняются к этому пути». Тогда едва ли удивительно, что граф Шрусбери смог взять город лишь с пятью сотнями солдат и одной сотней кавалерии, уверенный в «лояльности» горожан. Шрусбери выступил перед публикой, обещав защищать «протестантскую религию, их свободы и имущество». Сэр Эдвард Харли и Томас Фоли возглавляли революционную партию, которая захватила контроль в Уорчестере при широкой поддержке по всему графству. В Херефорде к отряду из четырехсот джентльменов из Уэльса, агитирующему за принца Оранского, вскоре присоединилась местная «толпа», которая «разрушила множество домов и, к нашему огромному сожалению, испортила и разворовала огромное количество [товаров]», а еще захватила замок Ладлоу⁵⁰.

В самом Уэльсе имела место обширная народная революционная деятельность. Граф Миддлтон достоверно узнал, что «сэр Роуланд Гуинн направился или уже пришел [в Уэльс], чтобы попытаться устроить беспорядки». Задача Гуинна была явно несложной. Якобит-лоялист Джон Стевенс «нашел основную массу людей» в Уэльсе с «открытыми сердцами» и «вовсе не против принца Оранского и его планов». К середине ноября по всему Уэльсу люди «готовили лошадей и оружие под предлогом подготовки милиции к восстанию». Лорд Герберт из Чербери и сэр Джон Прайс поднялись в ружье и *«вскоре стали получать подкрепления со всех частей страны; отцы посылали сыновей, а хозяева — своих слуг с лучшими лошадьми и вооружением, объявляя на случай неуспеха, что те сбегут от них»*. Сэр Уиллогби Астон чересчур обнаружил свою социальную позицию, когда заметил 21 ноября, что «джентри в Уэльсе [уже] под ружьем»⁵¹.

Активность народа в Норфолке не сильно отличалась от Запада или Уэльса. Герцог Норфолк, несмотря на семейные длительные и глубокие связи с католицизмом, «не был доволен графством». Хотя Норфолк заверил графа Сандерленда, что он и графство *«по-настоящему преданы королю и покажут это в настоящий*

момент или в любом другом случае, как и любое другое графство в Англии», и сам герцог, и народное мнение в Восточной Англии склонялись к другому направлению. К середине ноября впоследствии отказавшийся принять присягу епископ Норвича Уильям Ллойд сообщал, что в Норфолке требование свободного парламента стало «общественным мнением, и люди начали говорить, что мало надежды на безопасность без парламента». Именно на этот народный глас отозвался герцог Норфолк, объявив восторженным толпам сначала в Норвиче, а затем в Кингс-Линн, что он «встанет рядом со всеми, дабы защищать законы, свободы и протестантскую религию и... обеспечивать решения в церкви и в государстве в согласии с лордами и джентльменами на Севере и соответственно с „Декларацией” принца Оранского»⁵².

Народная поддержка стала основой для действий Вильгельма, когда он высадился в Вест-Кантри в ноябре 1688 года. Когда он 5 ноября прибыл в Торбей, «огромное количество людей приветствовало его высочество с берега громкими возгласами радости». Не желая оставаться в стороне, местное население обеспечило Вильгельма и его силы «огромным количеством провизии», когда те выгрузились. Когда армия двинулась к Эксетеру, «различные компании молодых людей с дубинками в руках встречали ее»; а когда армия приблизилась, они кричали различные приветствия и здравицы, желая «Божьего благословения принцу Оранскому и победы над его врагами».

Когда Вильгельм вошел в Эксетер под «радостный звон литавр и бой барабанов», ему оказали такой же прием. Горожане «громко аплодировали, звонили в колокола, жгли костры и издавали такие громкие крики радости, какие только приличествовали месту и были доступны взрослым обитателям». Один свидетель вспоминал, что «окна каждого дома были забиты людьми и украшены». Толпа оказалась настолько многочисленной, отметил другой наблюдатель, что «стало невозможно проехать по улицам на лошади»⁵³.

Народная поддержка Вильгельма в Эксетере вылилась в гораздо большее, чем просто вежливые аплодисменты и добрые пожелания. «Как только принц вошел в Эксетер, — заметил сэр Роберт Саутвелл, — простой народ высыпал в огромных количествах, предлагая записать себя в солдаты». «Простые люди», сокрушаясь лояльный граф Хантингдона всего через два дня после прибытия Вильгельма, рвались присоединиться к англо-голландской

армии. «Люди прибывали в город со всех сторон, чтобы записаться в войско, — вспоминал другой свидетель. — Они были в таких количествах, что капитаны могли отбирать себе солдат»⁵⁴.

Не возникало сомнений, что в основном нижние слои рвались присоединиться к Вильгельму и англо-голландской армии. Сам Вильгельм сетовал на тот факт, что, несмотря на «бурное одобрение народа» в Эксетере, «ни джентльмены, ни священники, ни мэр города» не присоединились к нему. *«Когда принц Оранский высадился в Торбее, никто из джентри не явился к нему, большинство их сбежало из своих домов»*, — соглашался сэр Роберт Саутвелл. Даже ликующему Гилберту Бернету пришлось вместе с другими свидетелями признать, что «джентри страны первоначально находились немного позади»⁵⁵.

Только 10 ноября, почти через неделю после того, как Вильгельм и его силы высадились в Торбее, джентри начали прибывать в Эксетер. Виг Томас Уортон прибыл первым с двадцатью своими друзьями «и нашел, что мало кто обогнал его». После Уортонa сюда уже хлынул поток поддержавших Вильгельма джентри и аристократов. Ко времени, когда Вильгельм покинул Эксетер, сообщал сэр Роберт Саутуэлл, к нему приехали «почти все джентри Девоншира и несколько джентри из Корнуолла, а также различные люди из Дорсета и Сомерсета».

Те, кто присоединился к Вильгельму в эти первые дни, включали умеренного сэра Уильяма Портмена из Тонтонa, вига Наркисса Латтрелла, тори Эдварда Сеймура и будущего якобита сэра Копплстона Бампфилда. Вскоре последовали клирики Вест-Кантри, как сообщил Гилберт Бернет Эдварду Герберту, и начали «агитировать за петицию по поводу свободного парламента, которая будет понята всеми, будучи заявкой о нас». К концу ноября англо-голландская армия имела столько волонтеров, что Вильгельм «отказался набирать еще». Ост-Индская компания отразила социальный баланс, если не хронологию поддержки Вильгельма на Западе, когда ее директора сообщили губернатору и совету в Бомбее, что «очень много английской знати и джентри перебежало к нему с массой простых людей»⁵⁶.

Яков, наоборот, почти не получал поддержки ни от народа, ни от джентри, ни от аристократии. Граф Миддлтон жаловался из Солсбери, что никто из джентри этого или соседних графств «близко не подходят к суду, а простолюдины шпионят на врага».

«Очень мало джентльменов страны готовы» поддержать Якова, соглашался граф Ноттингем, «так как в действительности большинство из них перешло к принцу Оранскому». Существовало всего несколько «сектантов», которые поторопились помочь королю, который столь долго стремился изменить их сознание — но Роджер Моррис был уверен, что на деле коллаборационистов с такими убеждениями было «совсем немного». Когда Яков вернулся в Лондон из Солсбери, его посетили всего несколько знатных персон, но большая их часть перешла к принцу Оранскому⁵⁷.

Ответ на Западе кардинально отличался от реакции на высадку герцога Монмута летом 1685 года. В 1685 году Монмут и небольшая группа его сторонников получили слабую поддержку народа, и эта поддержка шла исключительно от тех, кто хотел заменить католического короля Якова на протестантского короля Монмута⁵⁸. Ближайшее окружение Монмута включало несколько радикальных вигов, ветеранов эмиграции, но в основном поддержка ему шла от конфессиональных противников Якова II. Народная поддержка и в конечном счете поддержка джентри, которую получил Вильгельм в первые несколько недель после высадки, оставили далеко позади количество тех, кто встал под ружье за Монмута в 1685 году.

Джон Тренчард был, вероятно, типичным политическим радикалом, который избежал вовлечения в дела Монмута в 1685 году, но с энтузиазмом встретил революцию 1688–1689 годов. Тренчард бежал из Вест-Кантри в Нидерланды еще до экспедиции Монмута в 1685 году. Весной 1688 года он имел встречу с Вильгельмом в Лоо. В июле 1688 года Тренчард вернулся в Англию, принял прощение и поцеловал руку короля. Но как многие, принявшие прощение Якова в 1687–1688 годах, Тренчард не стал сторонником режима. В начале декабря 1688 года Вильгельм назначил Тренчарда вместе с его товарищами-радикалами Уильямом Харбордом и Джоном Роу наблюдателями за сбором ежегодных налогов на Западе — едва ли такую работу он поручил бы тому, кто не пользовался бы его доверием в политической и деловой сфере. Неудивительно, что сэр Уильям Портмен хвалил Тренчарда за «его раннее и сердечное содействие делу принца Оранского»⁵⁹.

Пока англо-голландская армия двигалась к Лондону, поддержка населения постоянно возрастала вплоть до восстания. Как писалось в одной брошюре в начале декабря, «в дело принца вовлек-

лись все корпорации Запада, ратующие за свободный парламент и протестантскую религию». Когда англо-голландская армия вошла в Солсбери, недавно покинутый Яковом и его регулярной армией, *«окна нигде не были так забиты лицами обоих полов, чем тут; никогда колокола не звонили более мелодично, чем теперь в Саруме; никогда люди не кричали приветствия сильнее, чем теперь»*⁶⁰.

Группа верховых бойцов очень разного социального происхождения под командой лорда Лавлейса присоединилась к основным англо-голландским силам. Было хорошо известно, что Лавлейс, который являлся одним из подписантов июньского приглашения, поддерживал тайные отношения с Вильгельмом. Он часто пересекал Северное море, когда замышлял «тайно поднять людей и заставить других сделать это». Лавлейс действительно поднял мятеж в Сиренчестере, но был быстро схвачен и отправлен в Глочестерскую тюрьму. Толпа оранжистов освободила его, дав возможность собрать новые силы, которые направились к Оксфорду. Тут повторилась знакомая картина событий. Лавлейс прибыл в Оксфорд примерно с двумя сотнями верховых и был с энтузиазмом принят «выстроившимися горожанами, которые единодушно поднялись в его честь, но холодно поддержан пассивно покорными людьми» из окружения мэра. По свидетельству сэра Ральфа Верни, горожан поддержку Лавлейсу вынудили оказать «приезжие». Степень народной поддержки в Оксфорде, которую один из участников назвал «бунтом», можно оценить по тому факту, что силы Лавлейса вскоре выросли с двух сотен до более чем двух тысяч⁶¹.

Пока англо-голландские силы прокладывали свой путь к Лондону, революционеры брали гарнизон за гарнизоном, пользуясь широкой поддержкой народа на каждом этапе. 26 ноября граф Бат, неделей раньше пообещавший Вильгельму свою поддержку, захватил графа Хантингдона и зачитал «Декларацию» принца Оранского офицерам и солдатам, стоявшим в Плимуте. Они, в свою очередь, «единогласно заявили о своей готовности действовать сообща» в «благородном великом плане защиты протестантской религии, наших законов и свобод, и древней конституции Англии». Хантингдон, чей полк почти целиком присоединился к делу оранжистов, смог только стенать, что «король предан, его намерения преданы, и я предан»⁶².

1 декабря в Халле подполковник сэр Джон Ханмер и капитан Лионель Копли, действуя «при помощи горожан с одинаковыми

склонностями», захватили коменданта гарнизона лорда Лангдейла и нескольких его лояльных офицеров-католиков. Когда Лангдейл заявил о своем праве командовать, основываясь на штатном расписании, капитан Уильям Карвелл ответил, что он «не имеет права по законам страны». На следующий день все магазины Халла «закрылись, и все колокола в городе начали звонить, знамена принца Оранского вывесили на высокой церкви и в других местах». Более века народная революция в Халле праздновалась как «день взятия города»⁶³.

Менее чем через неделю замок Дувра и сам город признали принца Оранского. В этом случае военная твердыня пала исключительно перед толпой горожан. Замок, как информировал Самюэль Пепис графа Дартмута, был взят для принца Оранского «толпой черни этого города, не возглавляемой никаким начальником, как я слышал, ни гражданским, ни военным». По контрасту в Бервике офицеры гарнизона решили объявить «свободный парламент и помочь принцу Оранскому». На островах Силли губернатора сэра Френсиса Годолфина захватил его заместитель, действовавший совместно с «жителями». Затем они немедленно «признали принца Оранского и зачитали его “Декларацию”»⁶⁴.

Картина народного восстания была похожей и в других графствах и землях Якова. В Шотландии, записал сэр Уильям Карстарес, так же как и в Англии, уговоры Яковом диссидентов дали противоположные результаты. «Знать, джентри и народ южных и западных частей усердствуют в интересах протестантских наследников». Как он узнал, и это рвение поддерживалось «инакомыслящими министрами». Карстарес добавлял, что многие из тех, кто недавно вернулся из Голландии, «оказали значительные услуги».

Его информация оказалась удивительно надежной. Когда Яков решил в октябре направить свои шотландские силы на юг для поддержки сопротивления надвигающемуся прибытию англо-голландских сил, Шотландия как королевство оказалась жестоко ослабленной. «Партия пресвитерианцев и диссидентов» вскоре прибыла в Эдинбург, где *«они сняли маски и образовали несколько клубов, где обсуждали все, что необходимо сделать, так свободно, как будто это было позволено властями»*. Народные мятежи быстро вспыхнули во многих частях Шотландии. На юго-западе Даниэль Кер из Керсленда появился из места в горах, где он прятался, соединился «с несколькими сотнями вигов» и «опустошил

все королевство» — включая смелую атаку на Траквэйр-Хаус в приграничье. Он «в нескольких местах захватил коронные по-
доходные налоги и изгнал священников из их церквей». В Эдин-
бурге ведомые студентами процессии, сжигающие католическую
символику, вскоре разрослись до «некоего карнавала свободы», где
горожане позволили себе «излить две свои страсти — радость и ре-
ванш — в общих беспорядках, которые стали праздником толпы». В Глазго Вильгельм был объявлен жителями «защитником протес-
тантизма». Жители Дамфриса «схватили и посадили в тюрьму
настоятеля кафедрального собора с некоторыми другими паписта-
ми и священниками и охраняли свой город шестью группами каж-
дую ночь». Яков, считал сэр Джон Клерк из Пениквика, спрово-
цировал «народный мятеж». «Нельзя было также допускать, —
комментировал другой шотландец после того, как сравнил
активность толпы в Лондоне и Эдинбурге, — чтобы желание такой
перемены достигло даже Шотландии, где дела и враждебные го-
лоса были ничуть не менее шумными, чем в Англии»⁶⁵.

В Ирландии также вспыхнули народные восстания. В декабре
1688 года *«жители Лондондерри заперли свои ворота перед графом
Тирконнелем и ирландскими силами и вместе с несколькими граф-
ствами в Ольстере и Коннахте высказались за его высочество,
тогдашнего принца Оранского»*. Существовали планы таких же
мятежей в Дублине и Лимерике. В феврале 1689 года население
Бандона в Корке «выставило прочь королевских драгун и закры-
ло ворота»⁶⁶. То, что виконт Маунткастл смог быстро вернуть Бан-
дон и что Тирконнель смог снова восстановить политический
и военный контроль над всей Ирландией, не должно обманывать
нас относительно революционного пыла у многих жителей Ир-
ландии. Предполагается, что очень разный революционный опыт
в Англии, Шотландии и Ирландии во многом объясняется тем,
что Яков решил сражаться и с местной демографией. Но все три
королевства разделяли революционный пыл народа.

Народные революционные чувства возникли также в Север-
ной Америке. В Бостоне в апреле 1689 года пять тысяч человек
вышли на улицы, «захватив и отведя в тюрьму» своих политиче-
ских противников, «отбросив там все правительственные порядки
и поставив своих людей». Риторика бостонцев и их сторонников
была все той же: они жаловались на несправедливое пренебреже-
ние их свободами и как результат — «осуществление над ними

незаконной и деспотичной власти» сэром Эдмундом Андросом. Современники отмечали параллели с развитием событий в Британии. «Захват и содержание под охраной губернатора» жителями Новой Англии, — записали два бостонца, — не выходило за рамки того, что произошло в Англии — в Халле, Дувре, Плимуте и других местах».

В Нью-Йорке революционерам потребовалось больше времени, чтобы достичь своих целей. В середине мая губернатор провинции Френсис Николсон предупреждал о наличии *«плохих настроений и беспокойства духа, а также использовании всех возможных средств для возбуждения у жителей этого города анти-правительственных настроений и желания мятежа»*. В графствах Куинн, Вестчестер и Саффолк на Лонг-Айленде «все чиновники магистратов и офицеры армии были изгнаны народом или приведены к назначенной им клятве». Революционеры в Нью-Йорке также жаловались на «произвольную власть» губернатора, в том числе на *«сбор денег без созыва ассамблеи; в целом наши жизни, как и состояния, являются предметом произвольного желания губернатора, что противоречит известным законам Англии»*. К середине июня Николсон бежал из города, и ньюйоркцы «образовали свое правительство, как и в Новой Англии».

В Мэриленде восстание возглавил радикал Джон Куд, что неизбежно привело к смещению наместника, лорда Балтимора. Среди других проблем мятежники жаловались на *«абсолютную власть над нами, как и над большей частью жителей, с подавлением их личности, конфискации и утрату имущества, болтовню, захват земли и наследства»*⁶⁷.

Осенью 1688 года и зимой 1689 года народные мятежи распространялись по всей Англии, Уэльсу, Шотландии, Ирландии и Северной Америке с обескураживающей скоростью. В некоторых случаях горожане поднимались против своих правителей; в других аристократы и джентри объединялись со своими арендаторами и местными мелкими землевладельцами, чтобы бросить вызов монархистам. Народная поддержка превратила англо-голландские силы Вильгельма в крупную армию. Пока революционная деятельность принимала различные формы в различных регионах, ход событий в течение декабря 1688 года вел к возникновению единой национальной поддержки тому, что явно становилось революцией — «Ирландским пугалом».

Ирландские события декабря 1688 года имели потрясающее сходство с «Большим террором» 1789 года во Франции, который последовал за падением Бастилии. Точно так же как во Франции веком позднее, слухи о боях, учиняемых королевскими войсками, растекавшиеся по всем дорогам и через почту, заставляли местных мужчин и женщин вооружаться по всей стране. В обоих случаях тревога, вызванная устрашающей и деспотичной властью агентов распадающегося режима, соединялась с пониманием того, что больше нет центральной власти, направляющей деятельность этих агентов, что создавало чрезвычайно нестабильную изменчивую ситуацию. Историк «Большого террора», чувствуя это, отмечал, что ситуация во Франции летом 1789 года была точно такой же, как ситуация в Англии в декабре 1688 года⁶⁸.

Как и во Франции, появлению «ирландских головорезов» в декабре предшествовало широко распространившееся беспокойство. Когда поступили сведения, что Яков призывает войска из Шотландии и Ирландии, чтобы усилить свое положение, возникли опасения, что армия короля попытается силой восстановить контроль за страной. Те зверства, которые ирландские войска учинили в Портсмуте и о которых было хорошо известно, взвинтили напряжение еще больше. В сентябре и октябре 1688 года размещение ирландских войск в королевском гарнизоне в Портсмуте заставило ряд английских офицеров отказаться от своих постов, за чем последовали «серьезные жалобы на грубость ирландцев, которые заставили многие семьи покинуть эти места».

Конфликт между ирландскими солдатами и местным населением достиг кульминации после гибели сорока человек, когда какие-то ирландские солдаты начали «стрелять по церкви во время службы». Широко распространенная в конце ноября «Третья декларация» принца Оранского, которая на самом деле была написана без всяких на то полномочий Хью Спиком, предупредила, что «огромное число вооруженных папистов недавно отправилось к Лондону и Вестминстеру» с намерением сделать «отчаянную попытку» сжечь эти города или подвергнуть их население «внезапной резне». Разговоры об ужасах резни ирландскими, шотландскими или французскими войсками звучали в Лондоне, Сток-он-Тренте, Карлайсле, Манчестере, Уигане и Киллалое в Ирландии. В общем, записал сэр Чарльз Коттерелл в конце октября, именно ирландцы провоцировали «огромную ненависть и недовольство».

Эти страхи были поддержаны, когда после первой попытки Якова II бежать за море, граф Февершем, командующий королевской армией, распустил свои войска, не разоружив их⁶⁹.

Как раз в этот момент начали распускаться слухи, что мародерствующий отряд ирландских солдат численностью примерно в восемь тысяч человек движется с намерением «резать английские протестантские глотки». Утонченные методы, с помощью которых распространялись эти слухи, являются прообразом современных кампаний «черного пиара». Хью Спик, который считался виновником распространения слухов по Англии и Шотландии, открыто хвастался, что он использовал свои громадные знания об *«экипажах, вагонах и почтальонах, которые могли перевозить товары, посылки и письма, и о времени и днях их отправки в Лондон и из Лондона»*. Маршал Шомберг, который также много сделал для распространения слухов, истратил шесть тысяч фунтов на то, чтобы почта пересылала анонимные письма с деталями угроз⁷⁰.

Воздействие слуха оказалось драматическим и общенациональным. Рано утром 13 декабря «ужасная всеобщая тревога охватила весь Лондон и Вестминстер из-за страха и полной уверенности, что французы и паписты перережут им всем горло». Вскоре весь город пылал свечами, зажженными в каждом окне. Немедленно более ста тысяч мужчин «оказались вооруженными» в эту ночь, чтобы защищать своих сограждан. Из Лондона страх ужасной расправы быстро распространился путем очень развитой системы дорог и хорошо работающей почты. На следующий день тревога вызвала «ужас» сельских жителей в Херефордшире и Дербишире. Здесь сэр Уильям Бадби из своего дома в Эшборне, похоже, сыграл замечательную роль в распространении новости о том, что «ирландские войска идут в эту часть графства, уничтожая все на своем пути».

15 декабря люди вооружились в Оксфорде, Честере, Ланкастере, Уигане и Уаррингтоне. Страх распространился по Йоркширу и севернее Бервика и в конце концов дошел до южной Шотландии. Точное содержание слуха варьировалось от местности к местности — в некоторых районах силы мародеров насчитывали восемь тысяч, в других доходили до двадцати тысяч; в некоторых районах мародеры были ирландцами, в других французами; а еще в других они идентифицировались просто как католики. Эта нестабильная идентификация позволила католику Теофилу Бруксу

подавить страхи в Дербишире. Несмотря на различные версии слуха, реакция на него повсюду была одна: англичане везде брались за оружие. Сообщение сэра Кристофера Масгрейва о том, что три тысячи находились под ружьем в Карлайле и более четырехсот вооружились в Кокермуте, было типично для всей страны⁷¹.

Хотя страхи быстро пошли на убыль, в степени и последствиях присутствия «ирландских головорезов» сомневаться не приходится. «Невидимые страхи овладели большей частью королевства», — вспоминал Роджер Моррис; слухи *«циркулировали настолько активно по всему королевству, что нет смысла называть отдельные графства, но нигде их не было больше, чем в Букингемшире, Нормэптоншире, Лестершире и особенно Стаффордшире, Дербишире и Ноттингемшире»*. Хью Спик в виде исключения, вероятно, не преувеличивал, когда заявил, что массовая мобилизация в результате действий «ирландских головорезов» убедила многих якобитов в отсутствии шанса на базирующуюся в Англии контрреволюцию⁷².

18 декабря Вильгельм вошел в Лондон, уверенный во всеобщей народной поддержке. Он не разочаровался. Его путь на протяжении «нескольких миль» окаймляла толпа энтузиастов, многие из которых «накололи апельсины* на мечи, пики и т. п.». В Лондоне «огромное количество народа всех сортов и рангов» приветствовали революционного героя. Одна женщина возле Людгейт *«раздавала корзинки, полные апельсинов, офицерам и солдатам принца, когда они проходили мимо, чтобы выказать им свое обожание»*. Роджер Моррис также стал свидетелем, как «разные простые женщины на Флит-стрит», поздравляя марширующих солдат Вильгельма, кричали: «Привет, привет, Господь вас благослови, вы пришли возвратить нам нашу религию, законы о свободе и наши жизни».

«Радость и толпа людей» проявлялись «свободно и без принуждения», — заметил один современник. Другой воспринял чувства с энтузиазмом «благодаря восстановлению всех пунктов, кроме разврата». *«Колокола и костры демонстрировали огромную радость, так как эти [люди] смогли стать теми, кто увидел так много перемен и революций, будучи не в состоянии предсказать, как все это в конце концов завершится»*, — осторожно записал

* *Orange* — апельсин или оранжевый цвет. Этот цвет был гербовым цветом герцогов Оранских. (Прим. ред.)

Джон Эвелин. «Звонящие колокола, блеск костров и все публичные демонстрации радости, все вообразимо», — считал другой свидетель, указывая на народное «удовлетворение от такой огромной революции». А другой изумлялся «повторяющимся ура и громким выкрикам жителей, которые не проявляли иного отношения к революции, кроме чувств удовлетворения и одобрения»⁷³.

Современники были убеждены, что они стали свидетелями народной или национальной революции. Мятежи вспыхивали «во всех графствах», жаловалась графиня Хантингдон в начале декабря. В Париже Джозеф Хилл слышал, что «некоторые графства, такие как Чешир, Дербишир, Йоркшир и Ланкашир, целиком встали под ружье». Диссидент Генри Ньюсем называл события «великим бунтом», в то время как другие говорили о «великой революции» и повсеместности мятежа. Левантская компания информировала сэра Уильяма Трамбулла, что «вся нация» повернулась против Якова II. Колли Киббер, который присоединился к мятежу в Ноттингеме, отметил и ширину, и глубину социального ряда революционеров в его колонне, движущейся на юг. *«В каждом городе, через который мы проходили, люди выходили, будто по какому-то приказу, с любым имевшимся у них допотопным и ржавым оружием, чтобы встретить нас с приветственными криками и добрыми пожеланиями»*, — с удовольствием вспоминал он. Якобит Джон Стивенс меньше тосковал в своих воспоминаниях о том, как *«дух колдовства или мятежа (что, как говорит нам Библия, одно и то же) овладевал сам по себе и закреплялся в сердцах большинства лицемерно восторженных подданных его величества»*. Сам Яков свидетельствовал о всеобщности и социальном охвате революции. *«Зараза распространилась настолько повсеместно, — с горечью записал он, — так что все части Англии предоставляли одни и те же новости о мятежах и отступничестве, единственной борьбой оказалось то, кто станет первым в отказе от своего короля»*⁷⁴.

Все данные однозначно говорят, что события 1688–1689 годов не являлись результатом нидерландского вторжения. Силы Вильгельма включали большое число британских эмигрантов и частично были снаряжены на британские деньги. Хотя не приходится сомневаться, что прибытие Вильгельма со значительным войском многим придало мужества для участия в мятеже, современники не были убеждены, что только англо-голландские силы могут

положить конец правлению Якова. Действительно, один комментатор в начале 1689 года настаивал, что считать революцию вызванной вторжением — это «безумие»⁷⁵.

Современники всех политических направлений утверждали, что свержение Якова являлось результатом деятельности народа. Диссидент и тори сэр Ричард Темпл заявил, что прибытие Вильгельма было желательным «вообще для всех людей (кроме новообращенных папистов)». Якобит Джон Стивенс считал, что возникло «всеобщее согласие» по поводу мятежа. Средиземноморские купцы Томас и Роберт Болл сообщили, что Яков «совершенно покинут всеми». *«Даже те, кто был воспитан в русле пассивного послушания, в основном восставали и поднимались»*, — отметило несколько человек. «Тех, кто встал на сторону принца Оранского, оказалось, в конце концов, большинство всего королевства», заметил другой писатель. «Почти все люди всех рангов и состояний в нации» восстали против Якова и его политики», — сообщил Филип Уорр из Уайтхолла. «Массе людей невозможно противостоять», — признал друг Якова граф Хантингдон. Как полагал «Dilucidator»*, *«это одно из самых великих событий нашего века, в котором английская нация вновь проявила всегда выдерживаемую силу взгляда на сохранение своего правительства в экстраординарных и критических ситуациях»*. Другой автор еженедельника отметил:

«Эта революция может, вероятно, выглядеть удивительной для постороннего, но для тех, кто знал, что в течение нескольких лет волновало тут людей из числа знати, священнослужителей, джентри и других, она вовсе не было удивительна. Эти люди хорошо знают, что такое всеобщее недовольство и что оно не может иметь другого выхода, как только представится возможность».

Народное недовольство правительством Якова II было столь велико и так сильно было желание революционных перемен, что один опытный международный обозреватель считал, что народный мятеж все равно произошел бы и без принца Оранского. «Все

* «Dilucidator, или Размышления о современных действиях посредством писем от человека в Амстердаме его друзьям в Лондоне» — журнал сторонников Вильгельма Оранского, выпускавшийся в 1688–1689 годах Джеймсом Уэллудом. (Прим. ред.)

большие люди одинаково и в городе, и в провинциях» согласились с претензиями Вильгельма к правительству Якова», — отмечал беглый гугенот Пьер Журо. Но, добавлял он многозначительно, *«если бы принц отказался оказать помощь нации, она бы и без него совершила то же самое, что сделала под его знаменами; а отсюда неизбежно последовало бы падение монархии»*⁷⁶.

Хотя историки фактически продолжают проводить мысль, что революция 1688–1689 годов не была народной — либо утверждая, что это был мятеж аристократов, либо характеризуя ее как голландское вторжение, — два высокопоставленных современника из противостоящих политических лагерей видели события иначе. Лорд Деламер глубоко верил, что именно те, кто «вышел вперед, чтобы присоединиться к армии принца» — подразумевая всех, поднявшихся против правительства, — заставили Якова бежать из страны. Эти британцы, заявил Деламер, «были решительно настроены не оглядываться, или победить, или умереть». Это были те самые люди, которые *«не смягчали свою речь, а простым английским языком высказывались об английском короле Якове, а также о нашем состоянии и посредством этого оживляли страну по мере продвижения, оставляя за собой полную уверенность. Так что чем дальше они продвигались, тем большую работу они проделывали; для 500 человек,двигающихся таким образом, появилась возможность за короткое время поднять в ружье 40 000 человек»*.

Вскоре стало ясно, что они или урежут «права короля Якова до каких-то пределов, или выдворят его из королевства». Именно эта вспышка недовольства, был уверен Деламер, «удивила короля Якова и привела его к известному концу».

Важно, что сам Яков согласился с этим. В своих мемуарах он пишет, что в критические дни после его отъезда из Солсбери он не слышал «ни о чем, кроме мятежей, дезертирств и предательств». Он сказал своему другу графу Фавершаму, что не ожидал оказаться в положении, когда вынужден был «сопротивляться иностранной армии и отравленной нации». К середине декабря *«общая измена знати, джентри и священничества, а также других в армии... давала мало смысла верить тем, кто еще оставался; никакой другой Совет не мог быть избран разумно, приходилось покидать королевство с максимально доступной секретностью»*⁷⁷.

Глава девятая

Насильственная революция

В начале декабря 1688 года лондонский пресвитерианец Роджер Моррис обнаружил почти невероятное — «что решение этого восхитительного дела», под которым он подразумевал революцию 1688–1689 годов, проходит без кровопролития»¹. Очевидно, свидетельство Морриса обеспечило поддержку современниками идеи бескровности и порядка во время революции 1688–1689 годов. Очевидно, не только Моррис, но и большинство в Англии и в других местах имеют все основания верить, что прибытие Вильгельма развяжет гражданскую войну, не отличимую от той, что разрывала на части германские земли с 1618 по 1648 год, или такую, что опустошила Англию в середине XVII века.

Тотальная гражданская война в масштабах Тридцатилетней войны не случилась. Но события 1688 и последующих годов были далеки от мирных. Хотя историки долго подчеркивали, что события в Шотландии и Ирландии едва ли были бескровными, они недооценивали, как много жестокостей наполняло каждодневную жизнь в самой Англии. В 1688 году да и потом Англию, как Шотландию и Ирландию — а затем большую часть Европы — терзали беспорядки, мятежи и акты уничтожения собственности, которые были жутко похожи на события, следовавшие за падением Бастилии в следующем веке.

В Англии в 1688–1689 годах не было масштабных и спланированных сражений. Однако здесь произошло много жестокостей с участием армии Якова и тех, кто остался в его милиции. Первое кровопролитие в процессе революции имело место в Чиренчесте-

ре на Западе, когда милиция графства задержала лорда Лавлейса. Последовала жаркая битва, в которой Лавлейс и семьдесят его спутников были захвачены после того, как убили капитана милиции и его сына. Менее чем через две недели революционная толпа освободила Лавлейса из Глочестерской тюрьмы, настояв, чтобы шерифа Глочестершира лишили должности.

Другая короткая, но кровавая стычка имела место в Винкентоне в Вест-Кантри, на этот раз между приверженцами Вильгельма и королевскими войсками. В начале декабря возле Ридинга имело место более крупное сражение. Тут около двухсот драгун Вильгельма столкнулись с отрядом ирландских драгун Якова. Королевские силы были разбиты, а затем атакованы при отходе людьми из Ридинга. Хотя современники отнеслись к этому событию как к «легкой стычке», в столкновении было убито более шестидесяти солдат — много больше, чем парижан в известной «битве при Champ de Mars (Марсовом поле)» в июле 1791 года².

Неистовство толпы против регулярной армии Якова было гораздо более частым, чем происходившие в конце 1688 года сражения. В начале ноября «некоторые жители Шербурна в Дорсете атаковали и серьезно ранили несколько солдат из отряда под командованием капитана Каунтеня». В конце ноября группе только что собранных солдат Якова под командованием капитана Джонса сообщили, что Аксбридж, где их расквартировали, — «город вигов, поэтому они должны соблюдать благоразумие». Вскоре горожане взбунтовались и крепко поколотили солдат. «Говорят, что были убиты по пятьдесят с лишним (а другие, что по сто) человек с обеих сторон», — сообщил один лондонец. Скандал закончился «множеством разбитых голов» и переходом города под полный контроль революционно настроенных горожан.

В Бьюри-Сент-Эдмундз в Саффолке «пришедшие разоружили несколько вновь созданных армейских отрядов, а остальные были убиты» — этот сценарий повторился в «различных других частях» Англии. Похожей сцены едва удалось избежать в Брентфорде, рядом с Лондоном. В этом случае «сельские жители явились в большом количестве, чтобы отомстить ирландскому полку», но сэр Джон Эджуэрт смог убедить неуправляемую толпу, что отряд состоит из ирландских протестантов, ярых противников Якова и его режима. Тогда толпа и солдаты слились в общем крике «принц Оранский навсегда»³.

Отношения военных и гражданских оставались напряженными в гарнизонных городах все время правления Якова II. Поэтому едва ли удивительно, что в конце 1688 года насилие прорывалось в городе за городом. Народные восстания в Йорке, Халле и Карлайле добились быстрой победы. Честер бурлил недовольством. Семнадцать отрядов пехоты и два отряда драгун, расквартированных там, так часто подвергались оскорблениям и нападениям горожан, что многие военные «хотели бы оказаться дома». Портсмут переживал еще более острые вспышки конфликтов. В начале декабря уже циркулировали слухи, что горожане объединяются с «английскими» солдатами и «убивают и разоружают ирландцев, выступая за принца». Вероятно потому, что этот слух был основан на некой доле правды, вице-губернатор Портсмута, сэр Эдвард Скотт, пригрозил горожанам «грабежами и резней в случае приближения любых сил принца Оранского», зайдя так далеко, что наказал мэра города. Зная обстановку конца 1688 года, можно догадаться, что ответ был быстрым и яростным. Горожане в союзе с группой моряков, «выбили солдат и закрыли ворота»⁴.

Солдаты Якова стали не единственными слугами государства, оказавшимися объектом яростных атак в конце 1688 года. Только что реформированная и эффективная система сбора годового налога и ее агенты тоже находились в фокусе народной ярости. Люди повсюду забирали «все деньги, которые оказывались в руках королевских сборщиков», жаловался Филип Уорр из Уайтхолла. Джон Стевенс, агент правительства Якова в Уэльсе, хорошо знал, «что мятежники захватывают королевские деньги везде, где находят их». Это были не просто жалобы деморализованных якобитов. Сборщики подоходного налога получали детальные отчеты «из большинства частей Англии, сообщавшие, что акцизным офицерам мешает в их работе чернь». Как рассказывали казначеи, *люди вмешиваются при сборе акциза и налога на очаг, иногда силой отбирают у офицеров то, что уже собрано, иногда налоги собирают назначенные ими самими офицеры*⁵.

В конце 1688 года имели место не только яростные выпады против символов и офицеров якобитского государства, но проходили также повсеместные антикатолические выступления. Революция 1688–1689 годов, безусловно, не осталась бескровной и в историографии католицизма, и в народной памяти. Однако не нужно считать, что этот всплеск антикатолицизма дает опреде-

ленное свидетельство поведения досовременной толпы — не только потому что ярая паранойя является характерной чертой поведения толпы во многих современных революциях, но также потому, что направляясь на католиков, гнев народа часто атаковал самые видимые символы и самые высказываемые намерения абсолютистского государства Якова II. В конце концов, Яков, строя свое модернизированное абсолютистское государство, в большой степени опирался на своих единомышленников. Он назначил французских католиков на должности после чистки корпораций, он поставил много католиков на различные должности в налоговой службе, он набрал много католиков на службу в свои только что увеличенные армию и флот. Кроме того, Яков при оправдании своей политической практики опирался на французское католическое искусство полемики.

В итоге для противников абсолютизма, как и для противников католицизма, возникла веская причина нападать на иезуитские школы, католических армейских офицеров и недавно обращенных людей. Безусловно, многие нападения на католиков и католические институты, особенно со стороны толп сторонников тори, являлись проявлением религиозного фанатизма. Но свидетельства не дают основания предполагать, как не могут и продемонстрировать, что религиозный фанатизм являлся исключительной мотивацией для антикатолического поведения и в Англии, и в Шотландии.

Ни одна религия в Англии не избежала антикатолической ненависти в 1688–1689 годах. В Англии в 1688 году практически не «осталось графств, — писал один католический историк XVIII века, — где чернь не оставила бы знаков своего негодования». *«Народная ярость стала теперь бесконтрольной и выражалась против всех католиков и святых сооружений, некоторые из которых были ободраны и ограблены, некоторые фактически разрушены, а некоторые полностью сровнены с землей»*, — соглашались авторы «Ежегодного послания иезуитов» за 1688 год. Сэр Ричард Булстрод узнал от высланных в Брюссель католиков, что большинство домов католиков в стране «снесены», что многие практикующие католики убиты и что совершались «такие дерзкие деяния, от которых сердце обливалось кровью при описании их»⁶.

Антикатолические бесчинства разразились в Лондоне еще до того, как англо-голландский флот прибыл в Торбей в начале ноя-

брю. Яков, вероятно, почувствовал затаенную враждебность к своей политике обращения в католицизм, когда католические соборы на Лайм-стрит и Баклерсбери в начале октября закрылись. В день лорд-мэра, 29 октября 1688 года, Лондон взорвался неистовством. По всем рассказам, толпа, которая собралась отпраздновать присягу нового лорд-мэра, прошла три квартала от Ратуши до иезуитского колледжа и церкви на Баклерсбери. Люди наметили его целью, поскольку здесь находился лондонский штаб группы, наиболее тесно ассоциировавшейся с абсолютистской риторикой и самой твердой в обращении Англии в католицизм. «Бунтовщики», «громადной толпой» ворвались в церковь, *«вытащили много церковных свечей, риз, церковной утвари и украшений, некоторые говорят, на сумму не менее 400 фунтов, и сожгли все»*. Священников, которые по-видимому, не обратили внимания на приказ Якова, «потревожили, когда они отправляли церковную службу у алтаря». Вскоре даже прихожан «забросали» камнями. К концу дня церковь и колледж сожгли и сровняли с землей⁷.

Через неделю после высадки Вильгельма чернь снова захватила улицы Лондона. Более чем тысячная толпа разбила окна и угрожала гораздо худшим дому королевского католического печатника Генри Хиллза в Блэкфрирз. «Каждый день подмастерья учиняют всяческие беспорядки в большом количестве», — докладывал граф Ноттингема. Действительно, большие толпы атаковали новое бенедиктинское аббатство в Сент-Джеймском дворце — цех, который переводил французские католические брошюры для англичан, — и спустила с цепи «свою ярость» против новой церкви, недавно построенной католиком лордом Беркли. В конце концов королевская конная гвардия раскидала толпу, убив при этом несколько человек. Указ Якова прекратить деятельность всех католических церквей в Лондоне, кроме принадлежащих королевской семье и иностранным сановникам, на время утихомирил толпу⁸.

Первый побег Якова из Лондона утром 11 декабря 1688 года всколыхнул новую вспышку ярости толпы, хуже любой предыдущей. В этот вечер группа из более двадцати тысяч человек, собравшаяся в Линкольн-Инн-Филдз, сначала разрушила новую римско-католическую церковь возле арки. Затем толпа направила свою ярость на Уайлд-Хауз, дом испанского посла, также расположенный на Линкольн-Инн-Филдз. Хотя было хорошо известно, что посол — ярый критик Якова и давно ходили слухи, что он явля-

ется сторонником планов Вильгельма, также было известно, что он связан финансовыми отношениями со многими выдающимися католиками, которые поддерживали режим Якова. Может быть, из-за этого, а может быть, потому, что он, как было хорошо известно, не оплачивал свои долги лондонским купцам, «чернь порвала и разграбила там все». «Они отыскивали, разбивали и сжигали все внешние и внутренние церковные украшения», они «утащили из дома посла тарелки, ювелирные изделия, деньги, дорогие вещи и прочее». Хуже всего в глазах антиквара Джона Обри было то, что они «жгли манускрипты и антикварные ценности, каких не осталось больше в мире». По одному рассказу, урон, нанесенный только библиотеке, был оценен выше пятнадцати тысяч фунтов. Вся добыча, захваченная чернью, оценивалась выдающейся суммой в пятьдесят тысяч фунтов⁹.

Затем «толпа черни» стала передвигаться с места на место, с ликованием «снося и сжигая папистские церкви и общественные здания с иконами и крестами». Рассказывают, что одна группа, размером «в много тысяч», разрушила католическую церковь Святого Якова возле Смиффилда. Другая собралась перед типографией Генри Хилла в Блэкфрирзе, чтобы завершить разрушения, начатые в предыдущем месяце. «Толпа черни» разбила шесть печатных прессов и жгла книги воз за возом. Личные слуги Якова в Уайтхолле «разграбили его церковь, при этом хлопали в ладоши и свистели вслед всем домохозяевам-католикам». Еще одна толпа собралась в Хаммерсмите, чтобы снести здешнюю римско-католическую школу. Только у дома флорентийского резидента в Хеймаркете толпа неожиданно встретила сопротивление. Тут милиции Миддлсекса под командованием торговца молочными продуктами, капитана Дугласа было приказано открыть огонь по толпе. Однако, как это происходило много раз в революционных ситуациях, милиция развернулась к своему командиру и застрелила его. Тогда толпа приступила к сносу католической церкви и сожгла имущество резидента¹⁰.

Лондон в ночь 11 декабря освещался революционными кострами. «Чернь осветила несколько мест в этом городе необыкновенным образом», — сообщил один наблюдатель. Почтмейстер Филипп Флауд изумился, что «небо [оказалось] таким красным, что я смог увидеть это из комнат тут, на почте». В эту ночь, считал Эдмунд Бохан, «чернь Лондона» была «в таком возбуждении, какое едва

ли когда-либо еще возникало». После этой ночи «сноса, сожжения и разрушения» католических сооружений и символов, записал другой, «лондонская чернь» просто «не оставляла камня на камне»¹¹.

Было бы неверно думать, что антикатолическая ярость в 1688 году имела место в основном в столице и окрестностях. «Простые люди врывались и ломали места, обустроенные недавно для публичного поклонения [католицизму] в большинстве мелких и в самых крупных городах», — узнал Эдмунд Пули, английский консул в Гамбурге. Этот отчет и риторически и фактически преуменьшает широту народного негодования в английской глубинке. Настроение в Кенте не отличалось от настроения в Лондоне. «Люди Кента, — вспоминал сэр Роберт Саутвелл, — вышли на дороги, ведущие к Дувру, и в лодках в устье Темзы, чтобы не дать сбежать католическим священникам».

Неудивительно, что толпа в Кенте не удовлетворилась лишь предотвращением бегства католических священников. В Кентербери «вооруженная толпа, по крайней мере из трехсот человек» обыскала гостиницу, где, по слухам, остановились иезуитские священники. Когда подтвердился факт, что священники действительно тут, «несколько тысяч» собрались, чтобы убедиться, что иезуиты схвачены. Рассерженная толпа ворвалась на борт судна Якова II в Февершеме, предотвратив первую попытку короля сбежать во Францию. В то время как с Яковом, сбросившим маскировку, толпа обращалась уважительно, с его спутником, сэром Эдвардом Хейлзом, все обстояло иначе. *«Когда сообщили, что Хейлз захвачен, сброд напал на его дом в местечке под названием Сент-Стивен и очень сильно испортил его, полностью уничтожив библиотеку и все, что было еще ценного»*. В Нортгемптоншире большая группа «плебеев» пришла к дому графа Питерборо, уничтожила его церковь и почти всю мебель, а затем держала его управляющего привязанным к столбу, пока он не сообщил, где его хозяин прятал в тайнике оружие. В Хэмпшире «огромная толпа с шумом атаквала» замок Бертон и схватила отца Энтони Селосса, иезуита, который служил там капелланом. Толпа моряков сожгла «все папистские безделушки» в часовне судьи Кристофера Мильтона, младшего брата поэта Джона Мильтона, в Рашмере, Сент-Эндрю, возле Ипсвича¹².

Оба английских университетских города тоже пострадали от волн антикатолического неистовства. Как только Оксфорда до-

стигло известие о высадке Вильгельма, «оскорбления толпы» заставили бежать известного преподавателя университетского колледжа и новообращенного католика Оубедайю Уолкера. Ситуация быстро ухудшалась даже после прибытия войск лорда Лавлейса. Иезуита Томаса Беккетта из Магдалены «бросили в сточную канаву, топтали ногами и убили — не единственного, кто вышел на шум со свечой». Вскоре всех членов Общества Иисуса, которые всего месяц назад праздновали, получив поддержку в трех выдающихся колледжах, вынудили бежать, спасая свою жизнь. В Кембридже «толпа черни» таким же образом нападала на католиков, протаскивая многих новообращенных «через грязь», и публично сожгла пурпурную мантию бывшего католического мэра. Именно толпа в Кембридже отважилась напасть на дом члена Тайного Совета Якова II, лорда Дувра, в Шевели-парк возле Ньюмаркета, разрушив католическую церковь и воздержавшись от совершения того же с домом только когда им предложили солидные отступные¹³.

По всей стране англичане нападали на людей и имущество католических сторонников режима Якова и делали все, что могли, чтобы почти повсеместно снести новые католические сооружения. «Толпа черни» в Глочестере «разнесла дом для мессы, сожгла кафедру и все украшения и материалы, уничтожила несколько домов папистов», а затем некоторые вышли из города, чтобы разрушить церковь джентльмена-католика из Глочестершира. Посол Якова в Риме, граф Каслмейн, «надеялся спастись от гнева лондонских толп, уехав в Монтгомеришир, но там он попал в руки сброда» и был заключен в тюрьму в Озуэстри более чем на семь недель. В дни высадки Вильгельма огромное «множество» людей «сожгло новый дом для мессы в Бирмингеме и взяло под стражу папистов». В Стаффорде, в сердце уже развивающейся индустрии керамики, иезуит отец Филипп Филмотт «был схвачен толпой» и брошен в тюрьму. Затем «огромная толпа, числом добрых пять тысяч», возвращалась к тюрьме три раза, требуя немедленного правосудия по отношению к незадачливому священнику. Иезуитская школа и церковь в Линкольне были одинаково разрушены «сбродом». То же произошло в Понтефракте в Йоркшире, где местный иезуитский священник отец Гамертон явно оказался счастливым и смог спасти свою жизнь.

Даже те католики и священники, которые оказались в тюрьме, не могли чувствовать себя в безопасности. На Рождество в Йорке

толпа собралась посмотреть на то, как горит портрет отца Эдуарда Питра, когда кто-то «выкрикнул, что нечего ждать, нужно сжечь несколько живых иезуитов». За этим последовало несколько попыток захватить тюрьму и иезуитских священников, заключенных там. В Дареме в начале декабря «многочисленная и неистовая толпа ворвалась в церковь с такой яростью, что через несколько мгновений все было разрушено сверху донизу». Не довольствуясь разрушением центра католического обряда, «толпа обратилась к домам католиков, где она грабила почти с равным неистовством». Иезуит отец Клемент Смит счастливо спасся от толпы почти в триста человек, которая атаковала его дом в Фернесе, Ланкашир. Новая иезуитская церковь и школа в Уигане оказались не такими удачливыми. Эти тщательно организованные поджоги должны были «до основания уничтожать» столпы католицизма руками «дикой и возбужденной толпы»¹⁴.

Толпы по всей Англии и Шотландии с яростью сносили католические церкви, грабили собственность католиков и угрожали насилием многим католикам, ассоциируемым с режимом модернизации Якова II. В начале 1689 года Эдмунд Боган в своей молитве перечислил места разрушений: *«Папистские церкви в Йорке, Бристоле, Глочестере, Уорчестере, Шрусбери, Стаффордe, Уолверхемптоне [Бирмингем], Кембридже и Бери Сент-Эдмундсе к этому времени почти снесены»*¹⁵. Подавая этот список нейтральным голосом, Боган гасил активную ненависть, проявлявшуюся тысячами англичан и шотландцев обоих королевств. Это не были действия только плохо или неверно информированных людей. Студенты колледжа в Эдинбурге, Абердине, Оксфорде и Кембридже едва ли были представителями низов общества. Используя слова «чернь» и «сброд», современники характеризовали скорее совершаемые действия, чем социальный статус тех, кто их совершал*.

Не нужно воспринимать антикатолическую ненависть конца 1688-го и начала 1689 года как простую демонстрацию религиозных предубеждений. Без сомнения, религиозный фанатизм действительно мотивировал некоторых в толпе. Однако то, что так много ненависти было направлено на иезуитские институты и на отдельных людей, тесно ассоциируемых с режимом Якова II в Англии, предполагает скорее политическую интерпретацию этой

* Или же просто пытались переложить вину за эксцессы с уважаемых джентльменов на абстрактную «чернь». (Прим. ред.)

ненависти. Эта интерпретация подкрепляется и проявлениями ненависти, направленной также и против протестантских столпов государственного аппарата Якова. Недовольство режимом Якова II шло поперек конфессиональных направлений.

Политический экстремизм в Англии 1688 года был скорее правилом, чем исключением. В своей недооцененной работе «История всех сборищ, буйств и мятежей в Великобритании» Роберт Фергюсон, который сам был вовлечен в ряд мятежных выступлений с 1660-х годов до начала XVIII века, вспоминал, что *«кроме известий, что принц Оранский высадился, странные беспорядки мгновенно распространились по всему королевству. Чернь поднялась в огромных количествах в нескольких графствах»*. Это не были мирные демонстрации. *«Без конца можно перечислять множество вспышек, которые происходили, прежде чем нация смогла прийти к некоторому терпимому регулируемому состоянию»*, — сообщил Фергюсон своим читателям.

Хотя Фергюсон остро чувствовал силу политического экстремизма, его оценка не оказалась необычной. Мэри Вудфорд поведала своему дневнику, что «с самого момента» высадки Вильгельма «нас окружили звуки войны, и запустение воцарилось на нашей земле». Графиня Хантингдон предупредила своего мужа-протестанта, что «бродящие группы настолько неуправляемы во всех местах, что чрезвычайно опасна та предумышленная ложь, которая стряпается для них». Менее чем через три недели после высадки Вильгельма лорд Деламер горестно жаловался на «пролитие крови» и «гражданские войны», которые уже имеют место. Французский посол Поль Берильон, который явно боялся за свою безопасность, жаловался на «гражданскую войну, которая вспыхнула в Англии»¹⁶.

В середине декабря волна революционного неистовства провалилась в Лондон. Хотя город без отдыха уничтожался и до этого времени, основная ярость до отъезда Якова имела антикатолическую природу. Это привело современников и более близких нам комментаторов к «радости», что «кровавые и жестокие жертвы не достигли тех значительных» количеств, которые свойственны улице. Но ликование оказалось относительно коротким. Через два дня после того, как тори Филип Месгрейв восхитился покоем в Лондоне, он горько пожаловался, что «наглость, проявляемая сбродом, невыносима». После отъезда Якова из столицы лондон-

ские толпы изменили свою политическую повестку. Огромное количество людей «промаршировало по Стренду с апельсинами на палках», ясно демонстрируя свои политические предпочтения. Солдаты безучастно стояли рядом с горожанами, когда те разносили Уайтхолл, восклицая «против дурного, вредного и иезуитского Совета [при короле]». Сэр Эдмунд Кинг пожаловался своему другу, клирику высокого ранга виконту Хаттону, что «толпы черни необыкновенно дерзки и неуправляемы и еще их не подавить». Пресвитерианец Роджер Моррис тоже сетовал, что «многие дерзкие наглости» совершаются толпой, выдвигающей на первый план «посягательства на их свободу и имущество»¹⁷.

Хотя толпы не прекратили своих нападений на католические культовые здания, самый ожесточенный гнев в декабре 1688 года был направлен на вековые — и в основном протестантские — инструменты якобитского абсолютизма. Лорд-канцлер Джордж Джеффрис, человек, ответственный за кровавые судебные разбирательства в Вест-Кантри и известный как член внутреннего круга Якова II, был захвачен в морской форме в таверне «Надежда и якорь» в Уэппинге*. Огромная и разъяренная толпа доставила Джеффриса к мэру Чипсайда, называя его «самым большим негодяем из всех», «отступником от законов и предателем людских свобод». Люди были настолько злы, так очевидно было их желание «распотрошить» Джеффриса и «вытащить из кареты», что лорд-канцлер сказал стоявшему рядом человеку, что «он считает его уже мертвецом и не возражает, если толпа сейчас же разорвет его на куски». В тот же день «чернь разграбила дом» личного советника Якова II, инспектора корпораций и начальника сборщиков налогов сэра Николаса Батлера. Несколькими днями позднее сэр Роджер Л'Эстрандж, один из главных идеологических защитников абсолютизма Стюартов, был захвачен и передан в Ньюгейт, потому что «его писания» угрожали правительству. Лондон стал революционным городом. Его горожане пренебрегли традиционными средствами безопасных политических перемен. Вместо этого они вышли на улицы и повергли столицу в «неистовые потрясения»¹⁸.

Политическое неистовство в этот революционный период распространилось не только по Лондону, но и по всей Англии. В Гло-

* До начала XX века район Уэппинг на левом берегу Темзы заселялся преимущественно моряками, там находились лондонские доки. Сейчас он находится практически в центре Лондона. (Прим. ред.)

честершире, например, ходили слухи, что несколько сторонников принца Оранского сожгут Бадминтон — роскошный дом лояльного к Якову II протестанта герцога Бофора. Спустя некоторое время «возбужденная чернь истребила большую часть леса Дина и огороженных земель герцога Бофора». Эти действия вполне можно сопоставить с действиями толпы горожан в самом Глочестере, которая заставила отказаться от должности мэра Ансельма Фоулера и заменила его в конце ноября сторонником Вильгельма. Дальше на запад, в Уэльсе, Джон Стивенс сообщил, что «все графство вокруг в декабре охвачено мятежом», «люди взяли оружие, разграблено несколько домов». В Эксетере в Девоне «чернь» была в такой «ярости» против мэра-лоялиста, что отрезала бы ему конечность за конечностью — «припоминая ему участие в одном напечатанном отчете» — если бы его не заключили сначала в тюрьму. В Чешире имела место серия ожесточенных нападений на сторонников режима Якова II. В конце ноября Роджер Уитли стал свидетелем стычки между полком полковника Гейджа и «городскими чиновниками», в котором «произошел обмен высокими словами», приведший многих горожан к «смерти от их руки». Городские улицы вскоре «заполнились чернью и возникли огромные беспорядки».

Решение Якова в начале декабря распустить свою армию не успокоило народной враждебности. Уильям Флеминг сообщил в середине декабря, что «парни» Честера, как только *«встречали какого-либо офицера на улице после того, как армия была распущена, лезли в его карманы и забирали все, что там лежало»*. В соседнем Нантвиче схватили доктора Ардена, протестантского декана Честерского собора и преданного последователя абсолютизма, епископа Честера, Томаса Картрайта. Его поместили в «деревянную клетку», провезли через город и угрожали жестокой «расправой», пока его не освободили более «умеренные личности»¹⁹.

Жестокость была не менее редкой в районах, расположенных дальше от места высадки Вильгельма на западе. В Кембридже «многие студенты», взяв оружие, действовали так, что вице-канцлер Джон Ковел посчитал их «очень опасными для всего университета, как и вредными для всех хороших манер». Активность студентов реально была опасна для абсолютиста епископа Сент-Дэвида, доктора Томаса Уотсона, который был схвачен «кембриджской толпой». В часовне Сент-Эдмундс в Саффолке «груп-

пы бедняков, которым нечем было рисковать и нечего терять», вышли на улицы, атаковали дома «римско-католического и протестантского олдерменов, налагавших пошлыны». Похоже, эту толпу мотивировала скорее ненависть к якобитскому государству, чем конфессиональный фанатизм. «Толпа черни» в Норфолке действовала так же неразборчиво в конфессиональном отношении, «совершив множество отъявленных нарушений и краж». В конце ноября в Йорке «волонтеры не трогали ничьего имущества, лишь имущество короля и папистов» — хотя включили в королевское имущество то, что принадлежало губернатору сэру Джону Рересби²⁰.

Ожесточение не закончилось с созывом Конвенционного парламента и коронацией Вильгельма и Марии. Серия сражений имела место в Англии, в Шотландии, Ирландии и Уэльсе, в Северной Америке и Западной Индии и, вдобавок ко всему, на континенте. Период 1689–1697 годов лучше воспринимать как эру революционных войн. Мнение, что революция закончилась с коронацией Вильгельма и Марии, несостоятельно. С 1689 года Британские острова раздирались событиями, которые один историк правильно назвал «два года горькой гражданской войны». За ними последовала жестокая борьба на континенте за усиление революционного режима и его принципов против абсолютизма французского типа — борьба, которая прерывалась серией более или менее серьезных жестоких попыток сбросить режим дома²¹. Английский революционный режим конца XVII века, подобно большинству современных ему революционных режимов, был установлен только после долгого периода социальных, политических и военных конфликтов.

В Англии политическая элита в Вестминстере мало что предпринимала для успокоения бурлящих чувств или ожесточенных действий. Ожесточение было лишь подкреплено в январе 1689 года, когда Вильгельм распорядился распустить и реорганизовать регулярную армию Якова. «Смена офицеров и назначение их в Голландию и Ирландию», объяснил лорд Йестер своему отцу, графу Твиддейлу, дала повод к *«нескольким случаям беспорядков и почти мятежей среди солдат; и многие сбежали, и были опасения, что будут бежать еще»*. В отличие от жестокости, проявляемой регулярной армией Якова на местах, постреволюционная ненависть вызывалась нерегулярной оплатой и снабжением провизией, вы-

званными быстрым изменением режима. Неподчинение полка полковника Генри Уортона, расквартированного в Донкастере, было абсолютно типичным. В одном городе за другим они брали все, что им нравилось, из еды и питья, и часто «уходили за шесть-семь миль от своих казарм, ломали и грабили все, что могли»²².

Люди по всей стране использовали возможности, предоставленные изменением режима, чтобы обратиться против старых политических оппонентов. В феврале на графа Аррана, который служил офицером в армии Якова и был тверд в поддержке короля, напали в Лондоне «в его собственном портшезе» шесть человек, которые «прокололи портшез и пробили ему горло». После того как Арран бежал, он доложил, что нападавшие были «англичане и он слышал, как они обзывали его „папистской собакой“, хотя он вовсе не принадлежал к этой религии». «Толпа напала на дом министра» в Кентербери в июне, «разбила окна и забрала все ценные вещи, какие смогли найти», потому что люди подозревали его в симпатиях к якобитам. «Городской сброд» Честера атаковал две дюжины солдат распущенного гарнизона и угрожал забить их камнями до смерти, прежде чем они сумели спастись. В Ланкашире и Стаффордшире дела обстояли так плохо, что лорд Массарен, ирландский протестант, заявил, что он видел не «лицо правительства, а частые беспорядки по всей стране». Лондонский пресвитерианец Роджер Моррис подтвердил, что знает о многочисленных действиях «толп черни в Ланкашире и Стаффордшире», направленных против местных католиков²³.

Большая толпа в Ньюкасл-он-Тейн приняла участие в типичном акте революционных беспорядков. 11 мая капитан Киллегру взобрался на помост перед «огромным количеством собравшегося народа», указал на статую Якова II, стоявшую поблизости, и прокричал, что «наши законы, свободы и имущество отбираются, и все во имя этой куклы». Вскоре «человек в красном плаще» подошел к статуе, «накинул веревку на шею статуе, и ее стащили». Затем толпа сорвала статую Якова со спины лошади, и потом люди видели, как они «били ее камнями и разламывали на куски». Затем «сброд» дал понять, что он не считает революцию оконченой; статуя Якова II была не просто исторической причудой. Толпа оставила Сэндхилл и «разбила несколько окон недовольных людей в этом городе»²⁴. Толпа в Ньюкасле хорошо понимала, что революция не закончилась, что борьба против идеологии якобитов

не завершена, раз не осуществлены конституционные преобразования.

Хотя многие случаи неистовств в 1689 году были направлены против символов и сторонников режима Якова, было бы неверно думать, что мнение англичан оставалось невысказанным. Во время своего длительного пребывания в Лондоне епископальный священник Эберфула из Троссачса отмечал острое идеологическое напряжение в столице. В особенности он свидетельствовал о чуть ли не скандалах между «вильгельмитами на арене» и якобитской знатью при представлении «Комитета» сэра Роберта Говарда. В Ланкастере конфликт между сторонниками короля Якова и короля Вильгельма раскрылся, когда «правящая партия нашего города» провела яростный «спор» с «толпой черни», которую поддержал полковник Киркби. Уже в начале 1689 года пошли разговоры, что некоторые якобиты ищут реванша за революционную жестокость, проявленную по отношению к ним. Уильям Харборд сообщил в палату общин, что слышал, будто католики в Норвиче в марте подожгли дом. Месяцем ранее Уильям Банкс узнал, что в Ланкашире «паписты в нашей стране требуют сообщить, кто именно сносил или портил их церкви» с намерением взять реванш²⁵.

После бегства Якова в конце декабря перспектива открытого военного столкновения в Англии отступила сама собой. Однако военная фаза революции не закончилась. Яков и его союзник Людовик XIV решили вести битву на другой территории. Военная борьба в Шотландии, Ирландии и на континенте, вместе взятая, одновременно решала два вопроса: выживет ли революционный режим, и сможет ли этот режим распространить свое видение европейской свободы на континент. Таковы были английские революционные войны.

Степень ненависти к агентам и символам правительства якобитов в Шотландии отмечает глубину политического противостояния и масштаб вооруженной поддержки Якову II. Режим Вильгельма утвердился в Шотландии только после нескольких лет вооруженной борьбы. Католические информаторы уверенно сообщали, что «Хайленд и Север — в руках законного короля». Чарльз Уайтфорд добавлял: «Очень вероятно, что вся страна выскажется за короля, если люди услышат, что он высадился в Ирландии». Сам Вильгельм признавался маркизу Галифаксу в конце

декабря 1688 года, что «Шотландия своим разделением во взглядах доставляет ему больше тревог, чем что-либо другое». Другие, точно отражая народные чувства, которые выразились в выборах, проведенных по всей Шотландии, считали, что шотландская *«знать разобщена — некоторые люди за короля Вильгельма и королеву Марию, а некоторые за короля Якова. Но народ в основном решил следовать примеру Англии»*.

Так или иначе, выборы, проведенные в шотландскую Конвенцию сословий, показали большую поддержку вильямитов. Оценка Руперта Брауна из Уайтхолла, что «выборы оказались в большой степени в пользу Вильгельма», показала замечательную точность. При необычно большой активности в шотландских городах и графствах шотландцы избрали Конвенцию, продемонстрировавшую враждебность людей к режиму Якова и симпатии к революции. 4 апреля, менее чем через месяц после выборов, Конвенция подавляющим большинством заявила, что Яков потерял право на корону. Граф Шрусбери и сам Вильгельм имели достаточно причин быть «удовлетворенными рвением, выказанным многими лордами и джентльменами, собравшимися в Эдинбурге, сохранить свою религию и свободы»²⁶.

Приобретя контроль над Конвенцией в Шотландии, вильямиты выиграли важное сражение, но не войну. В отличие от Англии, где военная конфронтация предшествовала сбору парламента, в Шотландии именно политическое поражение якобитов создало условия для военных действий. Как только стало ясно, что вильямиты под руководством герцога Гамильтона выиграли этот день в Эдинбурге, многие лорды-якобиты, включая блестящего и харизматичного протестанта виконта Данди, покинули город. Тем временем сам Эдинбург все еще был жестко разделен между якобитами и вильямитами. Якобит герцог Гордон удерживал Эдинбургский замок для короля, время от времени делая небольшой залп по городу. Один выстрел «убил женщину, двух мужчин, двух лошадей и собаку». В Эдинбурге «несколько недовольных персон собрались вместе» 29 мая, чтобы выпить за здоровье короля Якова, герцога Гордона и виконта Данди, провоцируя уличную схватку между двумя конкурирующими толпами²⁷.

Действия якобитского лидера Данди оказались более угрожающими для вильямитов Шотландии. И якобитам, и вильямитам было известно, что Данди разъезжает по «всем северным ча-

стям, где он, словами одного католика-якобита, «поддерживал всех истинных шотландцев в их лояльности законному принцу». Данди, приверженец епископальной церкви, смог собрать поддержку ряда католических кланов горной местности. К маю Данди смог осуществить рейд за рейдом по территориям, удерживаемым вильямитами. Разозленный герцог Гамильтон в начале июля информировал графа Мелвилла, что «мы никогда не получим покоя», пока союз Данди и Глена Камерона не ослабеет, а в Айверлочи не расположится гарнизон». Только что возвращенный на прежнее место граф Аргайл жаловался, что «балансировка» между лидерами Северной Шотландии делает невозможным предсказать политическое будущее. В результате генерал-майор Маккей, сам пресвитерианец и житель Северной Шотландии, был послан на север с четырехтысячным войском, чтобы вступить в сражение с войском Данди в две тысячи человек, которые базировались в Блэр-Этхолле²⁸.

Для обеих сторон ожидание того, что станет известно как сражение при Килликрэнки, было серьезным. Не только задействованные силы были сравнительно крупными — ставки были еще больше. И якобиты и вильямиты имели причины верить, что контроль над Шотландией определится на поле боя. Хотя силы Данди, безусловно, были меньше, не было никого, кто считал бы вопрос о преимуществе заранее решенным. В конце концов 27 июля 1689 года Данди смог поймать силы Маккея в ловушку в узком проходе Килликрэнки, между Питлочри и замком Блэр. Его хайлендеры одержали великую победу, но дорогой ценой. По некоторым оценкам, более четверти войска Маккея было убито, а еще пятьсот человек взяты в плен. Армия якобитов потеряла треть своих сил. Величайшей потерей для якобитов стала гибель их командира Данди, который был смертельно ранен. Однако вильямит герцог Гамильтон смог заявить, что «наше преимущество больше, чем наши потери». Это мнение вильямитов подтвердилось на следующий месяц, когда наступающие силы якобитов были полностью разбиты войском пресвитерианцев у маленькой епископальной церкви в Данкельде²⁹.

В итоге битвы при Килликрэнки и затем при Данкельде отметили скорее начало, чем конец конфликта в Шотландии. Некоторые, вместе с лондонскими купцами Френсисом Бэррингтоном и Бенджамином Стилем, считали, что с момента, как виконт Дан-

ди «был убит в последнем сражении», а жители Северной Шотландии «потерпели столь много поражений», дела в Шотландии находятся «на верном пути к решению». Это было не так. Для ряда комментаторов вскоре стало ясно, что борьба за утверждение нового режима в Шотландии далека от завершения. Джеймс Хей заметил графу Твиддейлу, что еще нельзя говорить о «крушении партии Данди», якобиты «растут численно» после сражения при Килликранки. Роберт Кирк из Аберфойля считал, что, если бы Яков осуществил высадку после Килликранки, он мог бы установить контроль над Эдинбургом и организовать «гораздо лучшую игру», чем он осуществил в Ирландии. В действительности в декабре 1689 года Яков послал генерала Томаса Бакана на север Шотландии, где, как его заверили, «есть очень много друзей», на которых можно повлиять, чтобы они «встали за короля». К началу 1690 года большинство проникательных обозревателей придерживалось мнения, что хотя «в настоящее время в Шотландии тихо», всем «ясно, что там имеется сильное брожение и недовольство»³⁰. Жестокая борьба за утверждение революции в Шотландии, как и в Англии, не закончилась у Килликранки. Она лишь вошла в новую фазу.

Яков так и не смог исполнить свои многочисленные обещания возглавить якобитов в Шотландии, но он установил личный контроль над Ирландией. Именно в Ирландии, а не в Шотландии или в Англии, Яков и его сторонники хотели дать бой, чтобы восстановить его королевство. Сделав такой выбор, Яков превратил Ирландию в место яростного соперничества между вильямитами и якобитами.

Как только Ирландии достигли новости, что положение короля Якова в Англии терпит крах, заместитель генерал-губернатора Ирландии от Якова, граф Тирконнел, начал готовиться защищать Ирландию для своего короля. Еще до замены графа Кларендона в январе 1687 года Тирконнел многое сделал для модернизации и католизации армии в Ирландии. Во время короткого флирта с Вильгельмом, что, возможно, было вызвано стремлением выиграть время, Тирконнел ускорил пополнение своей армии. К концу декабря 1688 года он, как говорят, имел в армии двадцать тысяч человек. К середине января оценки подскочили до тридцати тысяч. В январе и феврале, как вспоминал один якобит, «знать и джентри со всех частей королевства слетелись в Дублин». Более

простые ирландцы испытывали такой же энтузиазм. Один якобит заявил, что «в течение двух месяцев более пятидесяти тысяч записались на войну». Английское правительство оценило, что после того как войска превратили в регулярные, Тирконнел имел под ружьем более сорока пяти тысяч человек³¹.

Военные приготовления заместителя генерал-губернатора быстро получили двойную поддержку. Во-первых, Людовик XIV решил сделать значительный вклад в военные усилия в Ирландии. В феврале в Лондоне стало известно, что Людовик намерен «срочно отправить» Тирконнелу «поддержку людьми и вооружением». Следующий месяц во всех «разговорах в английских кофейнях» обсуждались довольно точные слухи, что «французы вывели в море двадцать пять кораблей, посланных в Ирландию с людьми, деньгами и вооружением». Людовик XIV явно «использовал все свое искусство и умение», чтобы поддержать «мятеж в Ирландии»³². Французский король понимал, что конфликт в Ирландии был гораздо большим, чем британская проблема: ставкой оказались будущее революции на Британских островах и баланс в борьбе за европейское господство.

Во-вторых, Яков после подстрекательства самого Людовика XIV оставил Францию и возглавил Ирландский поход лично. Он прибыл в Кинсейл в середине марта 1689 года в сопровождении французского посла Жана-Антуана де Месме, графа д'Аво, нескольких французских армейских офицеров, двух своих сыновей, Джеймса и Генри, герцога Поуиса, графа Мельфора, епископа Честера и ряда шотландских, английских и ирландских сторонников. Из Кинсейла Яков и его свита переехали в Корк, где его встретили «с великой радостью и криками должностных лиц», которые сопровождали его в город «с большим количеством юных девушек, танцующих в белых одеждах». Из Корка Яков проследовал в Дублин с огромной триумфальной процессией. Как вспоминал один якобит, *«путь был похож на гигантскую ярмарку, такие собрались толпы жителей, ожидавших его величества, так что он ощутил комфорт после всех своих неприятностей при виде такой необыкновенной преданности и нежности к своей персоне со стороны католиков Ирландии»*³³.

Современники расходятся в оценках качества новой большой франко-ирландской армии Якова, но нет сомнений в ее первичных достижениях. К концу весны вся Ирландия — за исключением

Лондондерри и Эннискиллена — оказалась в руках якобитов. В начале января 1689 года протестантский архиепископ Армага Майкл Бойл беспокоился, что Ирландия «в короткое время... будет уменьшена до самой крайней степени». Один шотландский якобит хвастал из Дублина графу Перту о том, «что король полностью управляет тут». Обычно пессимистичный английский якобит Джон Стивенс записал в мае, что почти все королевство «проявило послушание его величеству», добавив, что «нечего и думать о скором завоевании препятствия» — двух оставшихся протестантских гарнизонов. С точки зрения ирландского беженца-протестанта лорда Массарина, Ирландия «насильственно разорвана и изнасилована и присоединена к французской короне»³⁴.

Вильямиты в Англии хорошо знали об отчаянной ситуации в Ирландии. В декабре 1688 года группа ирландских джентльменов представила Вильгельму адрес, умолявший его предпринять действия в Ирландии. Многие англичане разделяли их тревогу. Сэр Уильям Батби, который был равнодушен к революции, утверждал, что «очень волновался за бедных протестантов в Ирландии, раз им быстро не посылается помощь, они будут уничтожены». «Я хочу, — заявил более заинтересованный вильямит Кэри Гарднер, — чтобы в Ирландию была выслана своевременная помощь, так как задержка приведет к множеству смертей».

В начале января Вильгельм ответил на эти тревоги, попросив у города Лондона заем «на дела Ирландии». Два месяца спустя его государственный секретарь, граф Шрусбери, настоятельно попросил, чтобы «самой большой заботой его величества стала Ирландия». Тем не менее нехватка финансов и страх за лояльность войск постоянно оттягивали отправку помощи из Англии. В результате сообщения из Лондондерри становились все более отчаянными. В апреле 1689 года армия якобитов осадила город силами по крайней мере десяти тысяч человек. «Хотя Лондондерри еще не сдался, — горестно стenal Роджер Моррис в выражении типичных английских чувств весной 1689 года, — это обязательно произойдет, раз король Яков командует осадой; невозможно питать надежды на освобождение». Ситуация внутри осажденного города была поистине ужасной. «Наш гарнизон жил эти три дня на мясе кошек, собак и лошадей», — докладывали его руководители Джордж Уолкер и Джон Митчелберн в июле; «более 5000 наших людей уже умерли от нужды в пище, а те, кто выжил, так

слабы, что едва вползают на стены, где многие умирают каждую ночь прямо на посту»³⁵.

Так, заботясь об Ирландии, английский парламент и сам Вильгельм вступили в противоречия с традиционным британским мышлением. Они знали, что Ирландия остается главным полем боя в английских революционных войнах против Людовика XIV. *«Это больше, чем ирландская война, — сообщил Джон Хэмпден-младший в палате общин, — я считаю, что это французская война. Французский король втянул короля Якова в Ирландию; и нет приемлемого пути выдержать эту великую силу, только путем укрепления Ирландии»*. Ирландский беженец лорд Массарен радовался, когда обе палаты проголосовали за «энергичные действия» для оказания «всемерной помощи для контроля за Ирландией и противостояния французскому королю».

В 1690 году современники продолжали рассматривать битву в Ирландии как часть более крупного европейского конфликта и борьбу за установление революционного режима в Англии. *«Союзники и французы будут стоять и смотреть друг на друга, пока не поймут, что происходит и делается в Ирландии, — сообщил Поль Риколь из Гамбурга, — так как в зависимости от успеха тут действия будут предприняты по всему миру»*. «Наше будущее зависит» от «успешной кампании в Ирландии», — подтвердил Александр Стэнуп. Даже Уильям Кинг, декан Дублинского собора Святого Патрика, понимал конфликт в европейском, а не в узкобританском смысле. План якобитов, проповедовал он, заключается в «подведении всей Европы под тиранию французского короля». Многие якобиты разделяли это европейское видение. Джон Стивенс отметил, что многие в Ирландии с оружием в руках противопоставили себя революционерам, потому что они доверили свою судьбу «силе Франции». Еще один сторонник Якова считал, что Вильгельм знает, что он *«не может оказать большую помощь альянсу, пока не положит конец войне в Ирландии, которую ирландские католики ведут против его узурпации»*³⁶.

Именно с этим убеждением — что судьба революции и всей Европы лежит на весах — парламент послал генерал-майора Перси Кирка освобождать Лондондерри. После шести недель, 28 июля, Кирк наконец снял блокаду, послав корабли, чтобы разбить плавающий бон, заграждавший проход Лог-Фуле в Лондондерри. В течение нескольких дней армия якобитов оставила свои позиции,

окружавшие город. «Со всей радостью, какую только можно представить, — написал капитан Джордж Брук герцогу Гамильтону, — я сообщаю вам, что осада Лондондерри снята». В Престоне, как и во множестве мест по всей Англии, новость с энтузиазмом приветствовали «звоном колоколов и кострами». Празднования оказались настолько пламенными, возбуждение таким огромным, потому что освобождение Лондондерри восприняли как центральное для революционных событий. Именно упорное сопротивление Лондондерри, как вспоминал капитан Роберт Паркер, *«не позволило [Якову] пройти в Шотландию, как он намеревался, с пехотой из семи-восьми тысяч солдат, которую он привел с собой из Франции»*. Если бы армия Якова смогла соединиться с горскими шотландцами виконта Данди, весы наверняка склонились бы против революционеров. Как настаивал Уильям Кинг, *«если бы король Яков после высадки в Ирландии не обнаружил там сопротивления, а был бы полностью волен соединить свои силы с той частью, которая выступала за него в нашем соседнем королевстве, каждый бы понял, насколько фатально это событие могло бы обернуться не только для Англии, но также для свободы во всей Европе»*³⁷.

Вскоре после освобождения Лондондерри долгожданные силы Вильгельма под командованием маршала Шомберга прибыли в Ирландию и высадились возле Каррикфергюса. Силы под его командованием могли доходить до двадцати шести тысяч человек. Их первым действием стало взятие Каррикфергюса, причем пятнадцать сотням солдат было позволено выйти из города. Однако «шотландские протестанты страны» плохо обращались с заново окруженными горожанами, «разоружили и убили многих из них». Несмотря на предсказания, что прибытие Шомберга подтолкнет Якова «к совершению такого же количества опрометчивых поступков в этом королевстве, сколько он совершил в Англии», армия вильямитов мало чего достигла в следующие несколько месяцев. На деле ко времени, когда Шомберг ушел на зимние квартиры в Ольстере, его войска вымирали с тревожащей скоростью: по некоторым подсчетам, почти половина его экспедиционных сил умерла³⁸.

Якобиты сохраняли уверенность в победе всю зиму 1689–1690 годов. Пропаганда якобитов в Англии бесстыже прокручивала сказки о близкой кончине Шомберга. Из Дублина отец Макс-

велл утверждал, что «людские умы так обращены на свои занятия», что победа якобитов неизбежна. Так как армия Якова в Ирландии насчитывала теперь «тридцать пять тысяч вооруженных людей* и теперь имела хорошую дисциплину», лорд Уолдгрейв не «сомневался, что королевство в хорошем состоянии, чтобы его защитить даже против значительных сил»³⁹.

Парламент, континентальные союзники Англии и сам Вильгельм понимали срочность разрешения ситуации в Ирландии. «Все наши разговоры сейчас ведутся о том, что король собирается делать с Ирландией, — сообщил один лондонский еженедельник в январе 1690 года, — и поэтому проводятся крупные подготовки». Как писал из Гааги лорд Дерсли, для наилучшей подготовки «к войне против общего врага... нет ничего более необходимого, чем быстрота... по этой причине... его величество намерено поставить собственную персону во главе своей армии в Ирландии». В июне Вильгельм отплыл в Ольстер с пятнадцатью тысячами подкрепления. Состав сил Вильгельма проясняет европейскую природу борьбы в Ирландии. Вместе с семьей с лишним тысячами английских войск Вильгельм имел более десяти тысяч голландцев, семь тысяч датчан и тридцать пять сотен шотландских войск. Ряд немецких и французских гугенотов также вошли в армию. Все говорили, что в Ольстере летом 1690 года Вильгельм имел под своим командованием более тридцати пяти тысяч⁴⁰.

В июне 1690 года две большие армии встали в Ирландии друг перед другом. В ретроспективе ясно, что армия вильгемитов была и гораздо больше, и лучше обучена. Но для современников исход не был предопределен. «Все будет зависеть от успеха вашего величества» в Ирландии, написал маркиз Кармартен Вильгельму. «Боюсь, — записала королева Мария, которая правила Англией в отсутствие Вильгельма, — кроме лишения мужества множества людей, проигрыш в сражении станет таким ободрением для недобровольных, что может привести тут дела в беспорядок». Вместо того чтобы делать особое ударение на возможности восстания яко-

* В действительности в битве при Бойне у Якова II было всего 23,5 тысячи человек — то есть его армия в полтора раза уступала противнику. Его пехота в основном была плохо вооружена, основную ударную силу составляла ирландская конница из безземельных дворян-католиков — именно она наиболее ярко проявила себя в сражении и спасла войско Якова от полного разгрома. (Прим. ред.)

битов в Англии, английский посол при императоре Священной Римской империи выбрал подчеркнуть позитив. *«Бог посылает нам добрые вести из Ирландии, — написал из Вены Уильям, лорд Паджет. — Если дела пойдут хорошо там, когда наш славный хозяин вернется победителем оттуда, все пойдет хорошо и радостно»*⁴¹.

В конце концов дела пошли для Вильгельма действительно хорошо. 30 июня 1690 года армии вильямитов и якобитов встретились лицом к лицу у реки Бойн, недалеко от Дрогеды. Битва произошла на следующий день, и вильямиты одержали решительную, если не сокрушительную победу. В общей сложности погибло около тысячи якобитов и пятьсот человек со стороны вильямитов, включая маршала Шомберга. Яков и армия якобитов отступили, но в страшном беспорядке. Джон Стивенс ядовито вспоминал *«ужас разгромленной армии, только что, до сражения такой сильной и рвущейся в бой, а теперь разбитой врагом без особого усилия... Остался едва лишь полк, но и тот уменьшенный до очень незначительного числа более чем паническим страхом, если такое возможно»*.

Яков быстро уехал во Францию, а тем временем армия вильямитов продолжила свое победное шествие, направившись брать Дублин. Осенью Джон Черчилль, граф Мальборо, высадился в Мюнстере и быстро захватил Корк и Кинсейл. Хотя Лимерик продержался больше года, Вильгельм чувствовал достаточную уверенность в сложившейся ситуации, чтобы вернуться в Англию, оставив армию под командованием генерала Годарда ван Рида Гинкеля⁴². Так Вильгельм выиграл единственное сражение, в котором два претендента на британский трон сошлись друг против друга на поле боя.

Тысячи смертей на поле боя у Бойна и позднее при Огриме в 1691 году при осаде Лондондерри и у Лимерика только слегка напоминали разгул насилия в Ирландии в революционные годы. Страхи протестантов о гонениях, которые начались, когда граф Тирконнел занял пост наместника, возросли во время революции. Ходили слухи, что Тирконнел угрожал «дать армии волю делать что захочет», если какие-либо войска вильямитов высадутся в Ирландии. Роберт Паркер вспоминал, что многие считали, будто средневековая резня, «фатальная сцена сорок первого может быть повторена». Сотни, может быть, тысячи протестантов бросали свои дома и отплывали в Англию. Как только Тирконнел почув-

ствовал себя уверенно в своем военном и административном положении, он предпринял меры, чтобы разоружить протестантов страны и захватить их дома. В Дублине люди Тирконнела были расквартированы по домам протестантов, где, как говорили, они *«ежедневно совершали такие ужасные насилия, что заставляли хозяев бросать свои жилища и не спать всю ночь из страха быть убитыми в своих постелях»*. Без сомнения, ирландская протестантская пропаганда преувеличивала совершаемые зверства. Но степень опустошения была реальной. «Насилия, оскорбления, воровство и жестокость папистов, ежедневно совершаемые над протестантами, растут», — жаловался лорд Массарен, почти наверняка частично имея в виду разорения, совершаемые мародерствующими бандами. «Положение протестантов», записал естествоиспытатель Томас Аск, было «очень плачевным, их обычно сажали в тюрьму по всему королевству». Протестанты в Дублине имели больше свободы. Но в июне 1690 года, согласно Уильяму Кингу, «по крайней мере 3000 из них» были заключены в тюрьму — многие по иронии судьбы в протестантском Тринити-колледже, который захватили и превратили в казармы для гарнизона и тюрьму⁴³. В 1689–1690 годах Ирландия стала опасным местом для любого, кого могли заподозрить в симпатиях к вильямитам.

Война, прокатившаяся по ирландской земле в 1689–1691 годах, отразилась хаосом на местной экономике и ландшафте. Ольстер был опустошен. «Ирландцы извели и сожгли большую часть Северной Ирландии», — сообщил граф Мелвилл. Отчет, сделанный после осады, был гораздо более подробным. *«Я обнаружил землю почти безлюдной, деревенские дома и постройки сожжены, — записал Уильям Кинг, когда занял пост епископа Дерри. — По сделанному запросу, я узнал, что в епархии Дерри до волнений насчитывалось 250 000 голов коров, после снятия осады их осталось около 300; из 460 000 лошадей осталось 2 лошади, хромые и раненые, 7 овец и 2 свиньи и совсем нет птицы, отсюда ужасающее состояние провинции достаточно очевидно»*.

Деятельность вильямитов была не менее разрушительной. Дрогеда «после этого мятежа... полностью разрушена, — отметил якобит Джон Стивенс, — ее торговля потеряна, большинство жителей убежали, а здания готовы рухнуть на землю». Решение Якова чеканить медную монету, чтобы удержать на плаву свой режим, повысило стоимость ежедневной доли провизии выше возможно-

стей большинства жителей Ирландии. Эмбарго вильямитов лишили Дублин в особенности топлива, толкая многих солдат совершать многие «ночные вредительства», включая рубку деревьев и разбор заборов. Итоговым результатом стало запустение. Ирландия «так изведена двумя армиями разных сторон, — с сочувствием написал один англичанин, — что не менее века мира необходимо, чтобы восстановить ее»⁴⁴.

Несмотря на бедственное воздействие на Ирландию, победа вильямитов при Бойне и окончательный триумф революционеров у Орима стали поворотными моментами в укреплении революционного режима в Англии и в конечном счете в Европе. Когда новости о победе у Бойна достигли Лондона, город изверг «огромные демонстрации радости». Один политически информированный человек написал: «Наши страхи относительно Ирландии полностью исчезли». В Дербишире граф Честерфильд заявил, что новости «оживили поникший дух». Независимое собрание в Акминстере в Сомерсете было, без сомнения, типично для многих собраний оппозиционеров в своей «великой радости» от победы вильямитов «над этим злобным поколением людей»⁴⁵.

В среде союзников Англии на континенте реакция была такой же. «Невозможно выразить великую радость от последнего успеха, преподнесенного этим сторонам и, соответственно, всем союзникам», — написал Уильям Даттон Колт из Ганновера. В Гааге люди были «наполнены» радостью. В Амстердаме цена акций Ост-Индской компании — всегда в огромной степени мера общественного настроения голландцев — поднялась на «50% после новости о нашем счастливом успехе в Ирландии»⁴⁶.

Эта эйфория основывалась, без сомнения, на переоценке легкости, с которой армии Вильгельма завершат завоевание Ирландии. Но ликование вильямитов в точности соответствовало мрачности якобитов. Во Франции «король Яков уклоняется от охоты и хорошей еды и питья», написал один сторонник якобитов, так как после своего унижительного возвращения из Ирландии «он не видит, что можно сделать», чтобы вернуть свой трон, кроме французского вторжения. Новость из Бойна «совсем убила меня... Я болен еще до сих пор, — писал граф Мельфор Марии Моденской, — не думаю, что мое сердце когда-либо вернется на свое место снова». Спокойная жизнь якобитской армии зимой 1690–1691 годов не радовала якобитских лидеров во Франции. Сэр Эдвард Хейлз

написал Тирконнеллу, что «наша единственная надежда» на вторжение в Англию. «Короля, — соглашался Мельфор, — нельзя восстановить, только лишь силой» — под которыми, поясняет он, он подразумевает французские силы вторжения — «по крайней мере до тех пор, пока жив принц Оранский»⁴⁷.

В то время, когда вильямиты решительно разбили армию якобитов на земле Ирландии, французское вторжение в Англию морем было, однако, вполне реальной возможностью. Только из-за того, что Вильгельм со своими союзниками лучше, чем большинство историков, понимали, что революция 1688–1689 годов имела скорее европейское, чем узкобританское значение, они смогли предотвратить ожидаемое французское нападение. Только блестящий дипломатический маневр предотвратил успешное французское вторжение летом 1690 года.

Используя вновь построенные корабли, огромный французский флот жестоко разбил объединенные англо-голландские морские силы у Бичи-Хэд, как раз за несколько дней до сражения при Бойне. Победа обеспечила французскому флоту господство на море, сделав для него возможной высадку крупной армии в Англию и Шотландию. «Новость об этой акции повергла Англию в ужас», — верно заметил один якобит. Королева Мария после того как известие о Бичи-Хэд достигло ее ушей, согласилась, что «у нашего дела печальная перспектива». «Моя тревога о нашем неудачном морском сражении... так велика, — написал посол в Дании радикал Роберт Моулсворт, — что у меня не хватает сил идти ко двору или приложить перо к бумаге».

Логика событий и изобилие отчетов убедили маркиза Кармартена, лорд-президента Тайного Совета, что французы намерены высадиться «с мощными силами и к тому же очень скоро». Такие же слухи о французской подготовке к вторжению в Англию циркулировали в европейских торговых кругах, якобиты также ожидали французского вторжения этим летом. Зная, что «Англия осталась почти без солдат», — писал один якобит, Людовик XIV *«немедленно принял решение в отсутствие принца переправить компактную армию в Англию, что с помощью лояльной партии заставит это королевство стать послушным»*⁴⁸.

Люди по всей Англии затягивали пояса в ожидании французского вторжения. В Вест-Кантри этим летом ходили «частые новости, вызывающие огромные страхи» — о том, что нация «в опас-

ности от надвигающегося вторжения французов». Настроение в Лондоне было кислым «из-за опасения высадки французов». Элизабет Оксенден вспоминала, что в Хэмпшире «вторжение французов... ожидалось после того, как они разбили наш флот в прошлом году».

Страхи англичан оказались вполне основательными, когда вскоре после Бичи-Хэд «группа французов высадилась на западе Англии и сожгла несколько усадеб на берегу». Французы также высадили несколько человек в Нортамберленде «и разграбили дом лорда Уоддрингтона (паписта), сожгли надворные строения и два или три покрытых соломой дома в деревне». Эти предварительные рейды убедили правительство объявить в стране режим чрезвычайной тревоги. Кармартен сообщил Вильгельму, что «милиции по всей Англии приказано встать под ружье». «Почти вся нация объединена против» французов, записал один лондонец. Это не было преувеличением. Поразительно, но девяносто две тысячи английских ополченцев были подняты, чтобы отбивать французское вторжение летом 1690 года⁴⁹.

И все-таки французское вторжение не состоялось. К середине августа Кармартен почувствовал обстановку достаточно безопасной, чтобы «распустить» милицию⁵⁰. Что же случилось? Почему французы не вторглись? Ответ на этот вопрос открывает опасность попытки понимать революцию в узкобританском смысле.

Для Вильгельма, Людовика XIV и большинства на Британских островах революция 1688–1689 годов являлась частью европейской борьбы. Пока Вильгельм сражался в Ирландии, а французский и англо-голландский флоты стояли друг перед другом у Бичи-Хэда, участники альянса вели успешную дипломатическую кампанию на континенте. В конце мая дипломатические каналы гудели новостью, что герцог Савойский собирается присоединиться к конфедерации. Как написал один европейский обозреватель, ничто не может быть «более полезным нам и более опасным» для «бедной Франции». Лорд Дерсли излил свои эмоции маркизу Кармартену: *«Я никогда не смог бы начать при более благоприятном стечении обстоятельств и с более благоприятными новостями, чем при дружеском заявлении герцога Савойского при общей ситуации... Лучшего способа унижить гордость Франции никогда не могло представиться»*. Причину всего этого шума искать было недалеко. Поддержка герцога Савойского сделала для

альянса возможным атаковать напрямую Францию. Когда Уильям, лорд Паджет, узнал эту новость в Вене, он подчеркнул очевидную причину, а именно «теперь дверь во Францию открыта». Когда герцог Савойский приказал своей армии маршировать в сторону Франции, Людовику XIV пришлось *«отменить приказ армии, которую он предназначал для Англии... чтобы она напрямую направилась к Савою и противостояла упомянутой армии союзников»*. «Так, — сетовал один ирландский якобит, — лучшая возможность, когда-либо имевшаяся у Франции», восстановить Якова II на его троне, была утеряна⁵¹.

Революция 1688–1689 годов не была ни бескровной, ни быстрой. Революционная жестокость прокатилась по стране, и возможность для дальнейшей жестокости оставалась в Англии еще много времени, после того как Вильгельм и Мария были коронованы в 1689 году. Однако борьба за установление революционного режима в Англии распространилась на Шотландию, Ирландию и на континент. Только после того как Яков бежал из Ирландии и герцог Савойский предотвратил франко-якобитское вторжение в 1690 году, стало ясно, что новый режим можно свергнуть только силами Франции. Сэр Чарльз Коттрелл выразил чувства, типичные для симпатизирующих режиму. Наши дела *«никогда не казались мне такими обнадеживающими, как в настоящий момент, — написал он сэру Уильяму Трамбуллу после окончательного поражения якобитской армии в Ирландии в 1691 году, — так как Ирландия теперь полностью ослаблена и все спокойно, и тут, как и в Шотландии, король является мирным правителем трех королевств»*.

Тем не менее эти достижения были недостаточными для упрочения революционного режима. Чтобы быть уверенным в длительной стабильности, англичанам нужно было «образумить месье». Не прежде, чем в 1694 году был создан Банк Англии, Джеймс Бриджс, будущий герцог Чандос, смог уговорить своего склонявшегося к якобитам отца, что новый режим абсолютно на месте. Именно в этот момент, доказывал он, *«сложилось мнение большинства людей здесь, как и иностранцев за границей, что настоящее правительство вполне прочно, и, если даже оно обосновалось не особенно хорошо, тем не менее обосновалось настолько прочно, чтобы поддерживать короля Вильгельма, и нет никакой вероятности его смены в пользу короля Якова»*⁵².

Но только после 1694 года этот политический долгожитель с большими связями признал, что никакой внутренний мятеж не сможет быстро свергнуть революционный режим. Лорд Чандос лучше, чем большинство последующих историков, понимал, насколько хрупким был новый режим в 1690-х годах. Английская революция оставалась в опасности вплоть до момента, когда состояние Англии позволило отражать любые удары мощной французской монархии.

Режим вильямитов не был в безопасности, потому что, как большинство современных постреволюционных режимов, он пришел к власти на силе народного подъема и необыкновенной ненависти. Как при большинстве революций, число убитых людей было много меньше, чем количество испорченной собственности и разрушений. Большинство людей в Англии и Шотландии хорошо понимали, что любое спокойствие необычайно хрупко. С 1688 по 1691 год бесчинствующие толпы, распущенные и обозленные солдаты, а также якобитские заговорщики присутствовали повсеместно. Культура ярости распространилась повсюду. И в Шотландии, и в Англии Яков был сброшен с трона широкой народной ненавистью. В обоих случаях толпы атаковали сторонников режима Якова II как из числа католиков, так и приверженцев высокой церкви. В Ирландии история оказалась совсем иной. Там огромное большинство населения сохранило лояльность наместнику Якова, лорду Тирконнелу. Однако даже там революция началась с неуправляемых народных волнений, которые были в основном подавлены.

Однако во всех трех королевствах ненависть организовывали вокруг создания революционного режима. Ни в одном королевстве не осуществилась бескровная или мирная революция. По всем Британским островам проведение революции было частью более широкой борьбы за европейскую свободу.

Глава десятая

Разделяющая революция

Револуция 1688–1689 годов не являлась ни аристократической, ни бескровной. Не была она и единой. Это заявление нисходит к одному из центральных пунктов интерпретации событий 1688–1689 годов вигами. Сторонники этой точки зрения всегда поддерживали идею, что режим Якова II породил необычный период политического согласия в Англии. Для Маколея и его товарищей по партии вигов, интерпретаторов революции, англичане проявили в 1688 году свой исключительный национальный характер, отложив в сторону партийные расхождения и сместили Якова II, объединив свои голоса. События 1688–1689 годов стали победой не вигов и не тори; они стали победой англичан.

Ревизионисты, напротив, доказывали, что тори играли ведущую роль в 1688–1689 годах: они повели атаку на политику терпимости при защите доминирования одной церкви. Некоторые виги, намекали ревизионисты, многое вложили в режим Якова. Хотя тори ничего не ждали и не хотели от прибытия Вильгельма и его решения захватить корону, они быстро приспособились.

Свидетельства показывают противоречия обеих интерпретаций. В то время как враги Якова II имели реальный мотив образовать объединенный фронт перед лицом современной регулярной армии и современного государственного аппарата, революционеры не могли умолчать или хотя бы спрятать свои глубокие идеологические несогласия. Партийные политические различия — прежде всего вигов и тори — снова выявились еще до того, как Яков II покинул страну. И виги и тори хотели убрать католический модернизационный режим Якова II; но они глубоко рас-

ходились в вопросе о том, что должно сменить его. Тори надеялись, что революция просто уничтожит программу католической модернизации Якова II и вернет бурные дни политической гегемонии тори, характерные для последних лет правления Карла II. Они приняли, что изменение режима будет осуществляться силой, но не хотели преобразовывать европейскую политику. Они считали, что преодоление защиты Якова и его политических союзников может на короткий срок потребовать большого напряжения — но не фундаментального переустройства английского общества.

Виги, напротив, хотели революции для радикальной перестройки английской политики и общества. Они имели свой план модернизации. Реальное меньшинство, которое осталось лояльным к Якову, сделало это частично потому, что они симпатизировали современному правительству французского стиля.

События 1688–1689 годов не привели к веку политической стабильности, а еще меньше — к спокойствию. Партийная борьба доминировала на английской политической сцене с конца 1688 года. Партийные различия скорее, чем политическое согласие, характеризовали Английскую революцию 1688–1689 годов.

Многие современники удивлялись единодушию англичан в период 1688–1689 годов. Яков был настолько непопулярен, записала леди Сандерленд, что англичане «все как один» выступили против него. «Англия теперь вся единодушна», — жаловалась якобитка и лоялистка графиня Хантингдон в декабре 1688 года. Виг и пастор Олмера в Дорсете Джон Оллифф хвалил «единство всех партий», которое проявилось в 1688 году. В 1688 году, соглашался виг Колли Киббер, Англия «имела единую голову; виги, тори, принцы, прелаты, знать, священники, простые люди и регулярная армия были единодушны». Одна постреволюционная пьеса даже предположила, чтобы события 1688 года наконец-то примирили «старого роялиста» с прежними круглоголовыми¹.

Тем не менее единство осталось идеалом, так никогда и не реализованным. Многие в Англии могли прийти к согласию в своей оппозиции Якову — хотя даже в этой теме едва ли существовало единодушие, — но они глубоко расходились в том, что должно последовать после уничтожения его версии современного английского государственного устройства.

Вильгельм делал все от него зависящее, чтобы поддержать единство Англии. Он много работал, чтобы обуздать энтузиазм своих более активных сторонников-вигов. Он умерил язык и содержание своего официального манифеста «Декларация причин», чтобы он звучал умеренно и по тону, и по содержанию. «Декларация» Вильгельма узко сфокусировалась на ошибках при правлении Якова II, не предложив более широкой критики постреволюционной монархии, ожидаемой вигами. Ударение в документе было сделано на тех вопросах, которые относились к идеологическому спектру.

Вильгельм приложил героические усилия, чтобы «Декларация» определила события 1688–1689 годов. «Декларация» выдержала двадцать одно издание в 1688 году. Печатные дома в Амстердаме, Роттердаме и Гааге напечатали каждый по двадцать тысяч копий манифеста для распространения в Англии. Сторонники Вильгельма, такие как сэр Роуланд Гуинн, получили по три тысячи копий для распространения среди своих «друзей». Хотя некоторые копии были перехвачены, намного большее количество проделало свой путь в «руки большинства нации». Сторонники Вильгельма использовали новую почту Пенни-Пост, чтобы распространять «Декларацию» в Лондоне. К середине ноября ее копии можно было найти от Корнуэлла до Йоркшира и повсюду между ними. В городе и за городом революционеры зачитывали «Декларацию» Вильгельма. Когда принц двигался от Торбея, толпы праздновали его прибытие требованием прослушать «Декларацию» в аббатстве Ньютон, а затем в соборе Эксетера. Когда граф Бат сдал Вильгельму Плимут, он «заставил, чтобы „Декларацию“ принца Оранского зачитали в его присутствии». Когда революционеры захватили контроль над Йорком, они тоже «читали „Декларацию“ принца Оранского». Тому же образцу следовали по всей Англии. В Фалмуте, в Честере, в Мейдстоуне, в Кенте, в Лидсе и в Престоне в Ланкашире революционеры гордо зачитывали умеренный манифест².

Тем не менее, хотя многие были необычайно благодарны Вильгельму и разделяли большинство чувств, выраженных в «Декларации», англичане не отбросили свои давние партийные разногласия, чтобы смиренно следовать за нидерландским штатгальтером. Осенью 1688 года по всей стране произошло множество мятежей, а не только нидерландское вторжение. Во многих слу-

чаях речи, декларации и манифесты революционеров задавали партийную окраску политически более умеренному манифесту Вильгельма.

Группы, связанные с лордом Деламером и графом Девонширом, возглавившим народные восстания в центральных графствах, состояли в основном из вигов и диссентеров. Они утверждали, что верховная власть принадлежит людям, настаивали, что религия и гражданская свобода могут гарантироваться только через революционные перемены, и намекали, что англичане нуждаются в радикальной трансформации своего социального и общественного устройства. Сам Яков вспоминал, что деламеровские «интересы лежали в основном в среде пресвитерианцев». Войска Деламера проявляли свои виговские симпатии, проводя «свои часы развлечения», расстреливая изображения «епископа Честера и епископа Сент-Дэвиса», двух самых абсолютистских англиканских епископов, а также французского католика отца Питра.

Когда Деламер впервые собрал свои силы у Боден-Даунс, он сказал людям, что, если они не победят, «пусть распрощаются со свободой совести». Деламер, как вспоминал его кузен граф Элсбурри, был «человеком непримиримого духа против короля и короны». Это, должно быть, относилось ко всем из тех тысяч, которые собрались послушать Деламера в Боден-Даунс, где он настаивал, что «наше избавление должно быть достигнуто силой», и в Дерби, где он обличал Якова II и превозносил «права и свободы подданных». Характерным для Деламера было то, что по прибытии в Лондон он заявлял всем, кто хотел слушать, «что если король является королем, то он и его жена являются мятежниками». Смысл был ясен и явно был анафемой для тори. Революционеры уже свергли Якова II, и теперь вся власть перешла к «народу». Без сомнения, из-за того что принадлежность Деламера к вигам была столь откровенной, тори, 9-й граф Дерби отказался присоединиться к мятежу Деламера.

Политика графа Девоншира отличалась мало. В Ноттингеме он и его люди издали и распространили *«Декларацию»*, утверждающую, что Яков «всегда считался тираном», что делало его желание законом; и что сопротивляясь такому человеку, «мы справедливо осуществляем не мятеж, а необходимую оборону». Неудивительно, что «только один совершеннолетний тори присоединился к Девонширу»³.

Мятежи в северо-восточной Англии в основном были делом тори и высокой церкви; оба лидера и большинство участников оказались англичанами, которые ненавидели католицизм Якова, но не имели своей целью более широкие социальные и политические перемены. Люди, которые брали Йорк, Гулль и большую часть Йоркшира, были в основном тори. Один историк назвал события в Йоркшире «восстанием тори». В отличие от мятежей на северо-западе эти люди, например, оказывали особую поддержку «церкви Англии и стремились к падению папизма». Сам Денби постоянно повторял, что он «последний человек в королевстве», который прибегает к силе против своего законного суверена. Но не существовало другой надежды «спасти протестантскую религию», так как, «если король разобьет принца, на наши головы вернутся паписты». Сэр Ричард Темпл вспоминал, что в Йоркшире существовала «церковная партия» и только она «оказала сопротивление». Ко времени, когда эта группа прибыла в Ноттингем, можно было наверняка подтвердить, что эти люди создали «другую партию». Действительно, многие среди людей Данди вроде графа Честерфилда *«имели естественное отвращение к идее поднять оружие против своего короля, что закон справедливо определяет как замысел на убийство короля»*⁴. Невозможно вообразить политическую теорию, более далекую от того, что выдвинул лорд Деламер и его сторонники.

Оппозиция Якову была настолько разделена идеологически, что в Уэстморленде и Камберленде группы враждующих вигов и тори конкурировали друг с другом еще до того, как гарнизон Якова в Карлайле сдал контроль над регионом. Попытки сэра Даниэля Флеминга собрать для работы вместе вига сэра Джона Лаудера и тори сэра Христофера Месгрейва ни к чему не привели. Месгрейв и его союзник тори сэр Джордж Флетчер отказались подписать петицию вигов, призывающую к «свободному парламенту». Противостоящие друг другу виги и тори пошли на военный гарнизон в Карлайле, соревнуясь, кто примет сдачу командира и руководство городом. В конце концов тори установили контроль над гарнизоном. Но горькие чувства остались. Один приверженец Месгрейва, Бэзил Филдин, при вступлении в Карлайл сказал Лаудеру: «Бог проклянет его за вигов». Лаудер, который никогда не упускал возможности оспорить любое положение, занимаемое Месгрейвом в парламентских дебатах 1690-х годов,

с горечью записал в своих мемуарах, что Месгрейв и тори «уступили на этот раз» в правление Якова II⁵.

Сразу же после бегства Якова виги и тори по отдельности заявили, что они и только они ответственны за революцию. Ни одна сторона не заикнулась, что революция была моментом идеологического согласия. Во время дебатов в палате общин в декабре 1689 года тори, сэр Томас Кларджес, объявил, что «уверен, король приведен к власти Церковью Англии, ее пэрами, молитвами и страданиями». Кларджес просто сформулировал то, что уже стало для тори ортодоксальным. «Виги были полностью блокированы королем Яковом и не сделали ни малейшего вклада в перемены», — заметил бывший политический индивидуалист, перешедший в ортодоксы-тори, сэр Ричард Темпл.

Виги сохранили совсем другие воспоминания о событиях 1688–1689 годов. Виг сэр Джон Гиз, который в 1688 году вооружился и взял Бристоль «с шестью сотнями всадников», немедленно ответил, что Кларджес вовсе не находился «на месте, когда происходили перемены», потому что он знал, что «Церковь Англии сбежала от нас, а оппоненты остались». Один виг-памфлетист заявил, что «теперешняя счастливая перемена обязана вигам». Те же тори, которые действительно поддерживали движение против Якова II, делали это «в личных целях», в то время как виги действовали «ради народного блага»⁶.

Обе версии событий были в лучшем случае партийной правдой. И виги и тори в 1688 году взяли оружие. Важно то, что еще до того, как было принято решение об урегулировании сфер влияния, партийные боевые линии уже были созданы. Тори и виги не действовали совместно. Они так никогда и не отложили партийные различия. Вместо этого обе группы решили по очень разным причинам, что модернизационную систему Якова II нужно уничтожить.

* * *

В этом контексте едва ли удивляет, что англичане не отпраздновали отъезд Якова на континент общим весельем. Вместо этого огромное большинство комментаторов описали прискорбный раскол государства. Отъезд Якова II в декабре 1688 года никак не ликвидировал этого разделения. Глубоко расколотая нация стояла теперь перед обескураживающей задачей достижения итогового решения.

Выборы в Согласительный парламент, созданный в конце 1689 года, чтобы привести нацию к решению, были какими угодно, но не согласными. Английские графства и небольшие городки не могли иметь за собой партийной борьбы. Выборы были, согласно широкому ряду современников, «совершенно свободными, всех солдат убрали с мест, где они проводились». И все-таки «свободные выборы» не подразумевались свободными, мирными или единоклубными. По всей стране места их проведения мучительно раздирались между «теми, кто являлся тори, вигами или оппортунистами», — отметил сэр Роберт Саутвелл в своем рукописном рассказе о революции. Другой обозреватель прокомментировал, что при выборах в конвент «церковная партия была почти такой же оппозиционной, как и якобиты». Одна очень консервативная современная оценка предполагает, что в 1689 году имели место, по крайней мере, восемьдесят оспариваемых случаев — необычайно высокое, если не беспрецедентное число⁷.

Свидетельства с мест подтверждают эту общую оценку. В Дерби, например, сэр Уильям Батби побуждал «честных свободных людей нашей церкви» — то есть англиканской — сплотить ряды, чтобы противостоять кандидату от радикалов оппозиционеру Уильяму Сашеверелу. Виг сэр Уильям Каупер подготовил для выборов в Хертфорде обращение, в котором он лил яд и на «деспотичные магистраты», и на «выборщиков» тори, которые не допустили его в парламент в 1685 году, и на «папистских инспекторов», которые имели целью заполнить парламент для Якова II. Партийные распри между вигом сэром Джоном Лаудером и тори сэром Кристофером Месгрейвом окрашивали период кампании в Камберленде и Вестморленде. Лаудер планировал оседлать Карлайл для вигов, заставив сэра Кристофера Месгрейва оставить попытки возглавить графство Уэстморленд. «Сэр Джон Лаудер настолько груб с моим отцом, — жаловался Филип Месгрейв графу Дартмуту, — что он решил противостоять ему и его друзьям во всех местах, где он или любой из них задумает находиться». В этом Лаудер не преуспел; так как сэр Кристофер был избран от Карлайла, а Филип — от Эпплби.

Тонтон в Сомерсете был известен из-за яркой партийной озлобленности. В день выборов сторонники кандидатов-вигов, Джон Тренчард и Эдвард Кларк, встретились в гостинице «Ангел» в Тонтоне, где их осадила толпа тори, которая включала много солдат.

Некоторые сбежали «через стену», но другие, когда они попытались проголосовать, были «сбиты с ног и тяжело ранены». Согласно Тренчарду и Кларку, не менее тринадцати человек «получили серьезные телесные повреждения». После этого происшествия тори сэр Уильям Портман и Джон Санфорд вернулись в кресла, занятые по итогам выборов в 1685 году.

Без сомнения, петиция вигов преувеличила степень жестокости тори — но невозможно отрицать накаленности партийной вражды. В Лондоне, напротив, четыре вига возвратились в парламент. Тори здесь обидно поносили. Сэра Питера Даниэля открыто осуждали как «самого предприимчивого и хитрого тори во всем Сити». Могущественного тори и бывшего лорд-мэра сэра Джона Мура «освистали». В общем, тори обвиняли в том, что они «главные агенты предателей в Сити и в нации».

Эти партийные расколы в итоге оказались наглядно представлены в Совещательном парламенте. Он оказался далеко не единоклассным органом власти, выборы сделали палату общин почти равновесной между вигами и тори — виги имели, вероятно, преимущество менее чем в двадцать человек в палате, состоящей из более пятисот членов⁸.

Заседание Согласительного парламента мало что сделало, чтобы остудить идеологическую борьбу. Один лондонский еженедельник прокомментировал, что «все разглагольствования в городе касаются установления правительства» — и каждая группа предлагала свое собственное решение. Все говорили «в кофейнях, как и в более приличных местах, о том, что нам хорошо было бы сделать», — заметил виг Джон Мейнард. Английские и мужчины и женщины по всему королевству обсуждали массу вариантов, в которых так легко было запутаться. Некоторые, в основном высокопоставленные церковники-тори, считали незаконным изменять принципы наследования и поэтому хотели, чтобы Яков оставался королем с ограничениями, налагаемыми на его власть. Крупная и четко выделяющаяся группа выступала за республику. Другие настаивали, что принцесса Оранская должна стать королевой, а Вильгельм действовал бы как регент. Третьи считали, что Вильгельм и Мария должны совместно стать королем и королевой.

Это были бурные и непредсказуемые времена. Джон Локк наслаждался возможностью, которую предоставляли обсуждения, *«чтобы найти средства и создать конституцию, способную обес-*

печить безопасность гражданских прав и свобод и имущества всех субъектов нации». Как сказал Уильям Стейнфорт в своей проповеди в кафедральном соборе Йорка в конце января: «Общественные дела этого расстроенного королевства, похоже, доведены до кризиса. Как пойдут дела и что станет в результате — знает только Бог»⁹.

Сам Совещательный парламент резко разделился. В Лондоне и Вестминстере «плелось много интриг по поводу текущих дел». Группа оппозиционных министров встретилась, чтобы обсудить, «на чем следует остановиться по поводу церковных дел — и нам самим, и тем, кого нам нужно убедить», в то время как другие виги выдвигали свои предложения по конституционным пунктам. Тори, включая сэра Роберта Сойера, Хениджа Финча, сэра Томаса Кларджеза, сэра Кристофера Месгрейва, сэра Джозефа Треденхэма «и огромное количество других», вероятно, встречались в таверне «Дьябло» задолго до того, как пресвитерианец Роджер Моррис услышал об их сборах в середине марта. Тогда едва ли вызывает удивление, что дебаты быстро разделились по партийным линиям.

28 января партии вступили в горячие споры о состоянии нации. В конце концов, вероятно, под влиянием «общих разговоров» в пользу возложения короны на Вильгельма и Марию палата общин приняла резолюцию, заявляющую, что «трон свободен», потому что Яков *«пытался разрушить конституцию этого королевства, разбив первоначальный контракт между королем и народом; и по совету иезуитов и других испорченных персон»*, он «преступил фундаментальные законы», а потом «убрался из королевства; а также отказался от правления». Хотя многие торы в палате неистово агитировали в пользу регентства и против того, что трон вакантен, их, вероятно, успокоила неопределенность резолюции. Тори отчаянно не хотели признавать законность народного политического сопротивления.

Трон, безусловно, оказался свободным — но оставалось неясным, был ли Яков свергнут, или он просто бежал. Тори могли продолжать защищать идею, что в 1688 году не было политического сопротивления, что конституционный кризис был вызван добровольным и несчастливым оставлением королем нации. Так как было неясно, обращаться ли с отречением Якова как со смертью короля или как с результатом сопротивления монархии, оставалось также непонятно, следует ли занимать трон по обычным

правилам традиционного наследования, или Согласительный парламент получит право выбрать нового правителя.

Но даже при этом многие тори оставались неудовлетворенными. Только горстка их проголосовала против резолюции, но хорошо осведомленный шотландский священник епископальной церкви Роберт Кирк позднее заявил, что «160 были против воцарения короля Вильгельма и королевы Марии»¹⁰.

Тори сделали свою ставку на палату лордов. Лорд Йестер правильно предсказал, как только собрался Согласительный парламент, что «тут найдется немало среди знатных мужей, особенно среди пэров и священничества», кто выступит против любой попытки сменить Якова на Вильгельма и Марию. Вместо заявления, что трон свободен, ряд лордов под предводительством тори графа Ноттингема предложили, чтобы Англией управлял регент, пока Яков жив. Предложение было отвергнуто, «но только преимуществом в три голоса». В течение следующих двух дней лорды продолжали с «большой горячностью» обсуждать предложения, отвергая использование термина палаты общин «отречение» и отказываясь признать, что трон «свободен». Хотя разделение не строго следовало партийным линиям — к примеру, маркиз Галифакс, который был в то время умеренным тори, согласился, что Яков не может больше быть королем, — но основная идея оставалась той же. *«Виги оставались самыми ревностными поборниками идеи отречения и передачи короны королю Вильгельму; те, которые спорили об этом, придерживались своей позиции, что виги правы, в то время как другие ошибаются, в течение двух последних правлений»*, — вспоминал лорд Деламер. «С другой стороны... изо всех сил толкая в другом направлении, — отмечал он, — находились тори и партия высокой церкви»¹¹.

Согласительный парламент оказался в тупике. Виги и тори не приходили к соглашению по поводу самых основных моментов, первостепенных для урегулирования. Совещание между лидерами палаты общин и палаты лордов ни к чему не привело. Именно в этот момент жители Лондона и окрестностей действовали в манере, типичной для всех современных революций: они использовали давление как средство политического убеждения со стороны масс. Торопливо была создана петиция, требующая, чтобы Вильгельм и Мария были объявлены королем и королевой. Хотя трудно определить, кто стоял за составлением петиции, очевидно, что

это документ вигов. Сэр Джон Рересби слышал, что то были «лорды, которые стояли за немедленное утверждение короны за принцем» и которые «послали какие-то бумаги, чтобы расшевелить мобильные группы, те появились, возбужденные, с петицией».

Роджер Моррис, который имел гораздо лучшие источники в сообществе вигов в Лондоне, заявил, что Джеймс Хоублон, купец-виг, франкофоб и ярый критик Ост-Индской компании Джосии Чайлда, поддержал петицию «как единственный путь предотвратить войну». Единственная известная рукописная ее копия сохранилась в бумагах вига Уильяма Каупера. Петиция получила массовую поддержку. Когда «десять человек распространяли» петицию, они заявляли, что «каждый из десяти делегирован на это пятью тысячами других». Даже если эта цифра в пятьдесят тысяч преувеличение — другие источники сообщают, что было собрано только пятнадцать тысяч подписей — петиция вигов от февраля 1689 года была явно на том же уровне, что и петиция за лишение престола от января 1680 года, собравшая по меньшей мере столько же подписей, сколько и «Петиция о корне и ветвях» от декабря 1640 года. Возможно, петиция конкурировала по размаху с кампаниями петиций конца XVIII века. Неудивительно, что радикальный виг Энтони Роу представил «петицию от огромного числа персон» в палату общин, а виг лорд Лавлейс представил ее в палате лордов¹².

Хотя ни палата общин, ни палата лордов не согласились зачитывать петицию вигов, петиция имела бесспорное воздействие. Она была частью документа, поддержанного тысячами рассерженных английских мужчин и женщин. Многие находились в страхе, что «неофиты из Сити идут в Вестминстер, разъяренные против всех, кто голосовал против интересов принца Оранского». «Существует некоторый сорт людей, которые начинают угрожать епископам», — предупредил Уильям Банкс своего приятеля тори Роджера Кеньона. «Вчера толпа запугивала лордов, — жаловался тори сэр Эдвард Сеймур, — и она еще не разошлась». «Разношерстным людям, но не членам палаты» было указано находиться в «спикерской ложе и галерее». Членам палаты лордов «мешали» пройти в палату «экипажами, колясками и телегами». Граф Кларендон пожаловался, что «чернь» прибыла «в огромном количестве этим утром в Вестминстер, приведенная или приглашенная или лордом Лавлейсом, или Уильямом Киллегру». Пресвитерия-

нец Генри Ньюкам, должно быть, был не единственным в Англии, кто считал, что «в настоящее время все выглядит как тенденция к беспорядкам»¹³.

6 февраля палата лордов согласилась, что Яков II отрекся и что трон вакантен. Затем лорды согласились объявить Вильгельма и Марию королем и королевой Англии. Не могло быть сомнений, что последняя проведенная кампания по лоббированию возымела некоторое действие. Однако трудно вообразить, что рассерженные толпы, показавшиеся в Вестминстере и заявлявшие, что имеют поддержку еще тысяч людей, не смогли бы силой уговорить лордов. В революционный кризис, который уже достаточно проявился в политической ненависти, угроза, шедшая от толп вигов, действительно должна была напугать. Появившаяся много позднее история о том, что лорд Лавлейс угрожал размякшим лордам тори, что, *«если они не согласятся в течение двух-трех дней и не коронуют принца Оранского, он приведет в палату пятьдесят тысяч, которые заставят их сделать это»*, вполне правдоподобна. Некоторые современники считали, что общедоступная политическая активность вигов решила дело. 2 февраля Роджер Моррис предсказал, что тори «будут не в состоянии вынести это», потому что *«многие заинтересованные лорды, третье сословие и многие джентльмены, а также вся общность средних джентльменов и лучших земельных собственников, которые являются опорой королевства»*, — все «находятся в состоянии напряженного возбуждения». Хотя и не являясь сторонником «популистских петиций», он считал их гораздо «более допустимыми» в обстоятельствах вроде настоящих, когда «войну можно предотвратить»¹⁴.

Известие о победе вигов с энтузиазмом приветствовалось большей частью английского населения. Для все еще толпившихся у парламента это было «очень радостное голосование». В эту ночь зажгли «несколько костров и повсюду звонили колокола в честь такой великой радости, как счастливое согласие между лордами и палатой общин». Следующую неделю по всей стране прошли официальные празднования. Хотя большинство сохранившихся рассказов слишком общи, чтобы описать политический характер этих событий, существуют свидетельства, что виги казались особенно удовлетворенными. Одна группа лондонцев с «небольшими затратами и хлопотами» соорудила, а затем сожгла чучело «ужасного вига» лорд-канцлера Джорджа Джеффриса. В Нью-

касле «дух раздражительности» охватил большую часть города, но «все оппоненты в этом городе анонимно» праздновали «с великой радостью и торжественностью»¹⁵.

* * *

Партийные раздоры не закончились после того, как виги-политики и виги из толпы сменили Якова II на Вильгельма и Марию. Многие тори приспособились к новому режиму, но многие — нет. Почти сорок членов палаты лордов формально протестовали против объявления короны вакантной¹⁶. Более важно то, что стратегическое решение Якова покинуть Англию в конце 1688 года было принято не потому, что у него не было сторонников. На деле программа Якова католической модернизации возбудила в стране глубокие страсти. Не нужно забывать, что у нее существовали как страстные сторонники, так и страстные противники.

В случае с Яковом три группы оставались лояльными и активными. Первая, служащие модернизируемого государства Якова II, оставались преданными его режиму. В особенности это были солдаты регулярной армии Якова II, прекрасно доказавшие свою лояльность своему прежнему хозяину. Эти люди, которых приучали к лояльности в течение нескольких лет, имели множество поводов для недовольства новым режимом — от нерегулярных выплат до угрозы отправки в Ирландию или на континент. Вторая группа — множество священников англиканской церкви, люди, которые провели свою жизнь, прививая своим прихожанам ценности лояльности и пассивного послушания; им было трудно принять новый режим. Третья — религиозные группы, считавшие, что они извлекают пользу, в основном из правительства Якова. Это были католики французского образца и квакеры, лояльные в основном Уильяму Пенну, они активно поддерживали движение якобитов.

С того момента как Яков уехал из Англии, можно было подозревать, что его солдаты останутся лояльными свергнутому королю. В конце концов, Яков обращался с ними необыкновенно хорошо, он превратил английскую армию из кучки сброда в одну из самых обученных и дисциплинированных армий в Европе. К концу января 1689 года Роджер Моррис уже беспокоился, что «огромная часть» армии Якова предрасположена к «дезертирству». Якобит Чарльз Уайтфорд знал, что «в Англии огромное недовольство,

особенно среди солдат». Энтони Кэри, лорд Фолкленд, доносил в палату общин, что «старая армия недовольна». Многие командиры Якова, включая графа Аррана, Теофила Оглторпа и сэра Джона Фенвика, проявляли выдающуюся активность как якобиты. Солдаты, которые служили в гарнизоне Карлайла, часто встречались, чтобы обсудить планы противостояния режиму. Бывшие члены полка графа Данбартона, располагавшегося в Ипсвиче, восстали и провозгласили Якова, «заявив, что у них нет иного короля». Когда полку герцога Графтона приказали отправляться на континент, многие офицеры подали в отставку, а «многие солдаты дезертировали»¹⁷.

Отчеты о сопротивлении армии новому режиму приходили со всей страны. «Дерзкие» солдаты в Сайренсестре «объявили королем Якова» и «пили за проклятие королю Вильгельму и королеве Марии». Хью Боскоуэн доложил, что уволенные солдаты в Корнуэлле «столь же плохи, как и остальные»; в то время, как многие в провинции отмечали «счастливую смену» правительства, «солдаты убили человека». В Букингеме войска, как говорят, «заставили мэра пить за здоровье последнего короля Якова». На западе Англии уволенные солдаты «часто грабили почту». Джон Уайлдмен впал в ярость, когда солдаты «в Ньюберри, Абингдоне и в других местах... не позволяли глашатаю или звонарю произносить *«благослови, Господь, короля Вильгельма и королеву Марию»*. Рассказывали, как недавно уволенный в отставку капитан Мотли говорил в лондонской кофейне, что «через три недели король Яков овладеет Уайтхоллом и что король Вильгельм отречется через три месяца»¹⁸.

Солдаты оставались не только лояльными слугами Якова II. Два генерал-губернатора Якова, герцоги Бофор и Ньюкасл, участвовали в якобитских заговорах. Питер Шакерли, бывший губернатор Честера, был арестован в мае 1689 года в «папистском доме», при нем находилась пачка деклараций Якова II. Рассказывали, как бывший управитель замка Апнор в Кенте, некто капитан Минорз, пил за «здоровье короля Якова» и «посылал проклятия королю Вильгельму и королеве Марии». Бывший губернатор и почетный гражданин Дорчестера, Эдуард Лестер, обвинял Вильгельма в разрушении «судьбы нации», утверждая, что «нынешние времена похожи на сорок первый и сорок второй годы». Магистраты Эксетера, по-видимому, люди англиканской церкви, возвра-

щенные на должности Яковом II в октябре 1688 года, также проявляли «недовольство королем».

Отношение бюрократии нижнего разряда определить трудно. Но есть хорошая причина подозревать, что действия собирателей каменных денег не были атипичными. «Многие собиратели, — сообщали постреволюционные сборщики годового налога в ноябре 1689 года, — сбежали с большими суммами денег и с книгами о сборах»¹⁹.

Многие высшие церковные служители остались лояльными Якову — или как минимум необычайно критичными к новому режиму. Хотя Оксфорд оставался гнездом высокого духовенства и тех, кто не приносил клятву, люди колледжа Кембриджа проявляли большой энтузиазм по поводу нового режима. Служащие колледжа Сент-Джон отказались присоединиться к официальным молитвам за Вильгельма и Марию. Без сомнения, там находились «заводилы» — но большинство преподавателей колледжа и громадное большинство сотрудников различных колледжей не посетили официальную церемонию, провозглашавшую Вильгельма и Марию. Хотя большинство сотрудников в конечном счете принесли официальную клятву правительству, Уильям Уистон позднее вспоминал, что они «приносили ее с двойственным сознанием и противясь ее предписанию». Настоятель Столбриджа в долине Блэкмор в Дорсете, родине естествоиспытателя Роберта Бойля, в конце концов бежал — но не раньше, чем высказал «грубые обвинения против принца Оранского». Помощник приходского священника Саттон Колдфилд в Йорикшире отказался молиться за Вильгельма и Марию. «И в Йорке, и вокруг него» многие священники просто отказались молиться за новых монархов. Герцог Болтон жаловался, что священники в Винчестерском соборе в Хэмпшире «не молились за короля Вильгельма и королеву Марию». Священник в Стамфорде, Линконшир, работал с мэром, чтобы поощрить местную милицию «устроить бал» и прекратить празднование в честь провозглашения Вильгельма и Марии, а сам при этом «пил за здоровье старого джентльмена [Якова II]». В 1690 году священника признали виновным на судебном разбирательстве в Нордхэмптоне за «высказывание, что король Вильгельм и королева Мария не являются законными монархами» и за то, что он молился за Якова II. Когда Вильгельм обратился за ускорением помощи в военных усилиях в 1690 году, священник церкви Святой

Марии Милосердной в Фавершеме, в Кенте, сравнил его действия с действиями «этого жулика Оливера [то есть Кромвеля]». Якобитское священничество, которое собиралось в кофейне Сэма в Лондоне, было «многочисленной группой», которая, «как лягушки в марте, квакала против правительства». Хотя число священников, которые отказались дать клятву новому режиму, было относительно небольшим — они насчитывали примерно четыреста человек по сравнению с двумя тысячами, которые отказались подчиниться восстановленной церкви Англии в 1660–1663 годах²⁰ — их влияние не стоит недооценивать. Частично так произошло, потому что многие, подобно сотрудникам кембриджского колледжа, с ворчанием, но все же дали клятвы, а частично — потому что они «тянули за собой некоторое количество джентри и простолюдинов»²¹.

Католики — подразумеваются те, которые практиковали католицизм французского стиля — и некоторые квакеры образовывали третью группу якобитов. Даже если склонность Якова II к галликанскому католицизму заставила отвернуться от него многих английских католиков, политика католической модернизации Якова примирила многих других с католической церковью, а его политика католицизации сделала возможным для многих криптокатоликов открыто исповедовать свою веру. Поэтому едва ли вызывает удивление, что, когда Яков вернулся в столицу после первой попытки уехать в декабре 1688 года, лондонские католики «очень воспрянули духом и разжигали костры».

Антикатолическая ненависть народа, финальный отъезд Якова и коронация Вильгельма и Марии не уменьшили активности якобитов в Лондоне. Один лишь размер и разнообразие Лондона, без сомнения, делали легким выживание здесь католиков-якобитов. Несмотря на различные жестокие меры, постоянные донесения докладывали о католиках, «действующих в Лондоне в интересах короля Якова». В конце 1689 года некоторые лондонские католики предсказывали, что «до Михайлова дня они еще увидят огромные перемены в пользу короля Якова»²².

Активность католиков-якобитов не ограничивалась Лондоном. Харлис жаловался на «дерзость папистов» в Херефордшире и на их «уверенное ожидание возвращения своего короля весной [1690 года]». Из Чешира поступали похожие отчеты о «частых и больших сборищах римских католиков», некоторые из их участ-

ников тоже были уверены, что «король Яков вскоре окажется с ними» и сможет рассчитывать на значительную поддержку в их графстве. Ланкашир, который имел существенное католическое население и во время правления Якова являлся центром иезуитской активности, сначала был центром католического якобитизма. Задолго до раскрытия Ланкаширского заговора 1694 года и от вигов, и от тори приходили сообщения о частых встречах и слухи о готовящихся мятежах. Сэр Джонатан Дженнингс информировал палату общин, что в Рипоне, Йоркшир, «паписты очень сильны, группами разъезжают верхом и плетут интриги». Было известно, что почтмейстер-якобит распространял в этом графстве в больших количествах среди католиков «Декларацию» Якова. Католики-якобиты были активны также в Нортумберленде²³.

Некоторые квакеры, подобно их лидеру Уильяму Пенну, также были вовлечены в активные действия якобитов. Несмотря на его последующее отрицание, есть свидетельства, что сразу же после ухода Якова от власти Уильям Пенн оставался лояльным ему и проявлял активность в пользу своего старого короля. Некоторые из квакеров разделяли его чувства. Роберт Харли жаловался, что *«квакеры — полные ничтожества и хотя не заявляют публично, что они за короля Якова, но получают постоянные инструкции через письма»*. Якобит граф Мельфор хвастался кардиналу Говарду помощью, которую дело якобитов в Ирландии получает от посредников-квакеров²⁴.

Якобиты были весьма успешны при распространении своей резкой критики постреволюционного режима. Многие сохранившиеся записные тетради 1690-х годов заполнены якобитскими поэмами и плохими стихами. В дни когда Вильгельма и Марию объявляли королем и королевой, «одна непристойная бумажка была прикреплена к воротам Уайтхолла», она заявляла, что

*Этот дом опоганят, войдя:
Посмотрев в те окна, что слева —
Увидишь отвисший нос Короля
И толстый зад Королевы.*

Менее остроумными, но, вероятно, более важными политически стали энергичные усилия якобитов по выпуску памфлетов. «Появились листки, заставляющие людей пугаться из-за смены

правительства», — жаловался Джон Уайлдман в марте 1689 года. «Куда бы ты ни шел, — соглашался друг Уайлдмана, виг Джон Берч, — увидишь бунтарские памфлеты». А Эдвард Харли в следующем году жаловался на «злые репортажи, которые распространяют повсюду враги религии и общественных свобод». Эти страхи не были преувеличенными. Якобиты распространяли свои памфлеты повсюду. Некоторые, без сомнения, печатались во Франции и контрабандой привозились в Англию — но большинство, судя по всему, печаталось дома. В 1689 году якобиты успешно распространяли свои брошюры в Лондоне, Кембридже, Букингемшире, Йоркшире, Ланкашире и Шотландии. В июне 1689 года «Декларацию» Якова II, обращавшуюся ко всем англичанам, успешно распространили в Лондоне и дальше, вплоть до Корнуэлла и Ланкашира²⁵.

Существование якобитской сети и легкость якобитской пропаганды неизбежно дали свои результаты в виде высокой активности якобитов. Их мнение можно было услышать повсюду. Якобиты пользовались «большой свободой в кофейнях и церквях», — отметил Джон Хау. Роберт Харли записал, что они были «совершенно свободны в своих беседах». Слышали, например, что адвокат Джон Бейли говорил в «Розе и короне» в Чиппенхэме, Уилтшир, что «у него нет другого короля, кроме короля Якова». Солдат Томас Томпсон заявил в таверне «Белый олень» в Рочестере, что «он надеется увидеть сердце принца Оранского на самом высоком острие» на Лондонском мосту. В Лондоне известный тори, купец Томас Пейдж воскликнул: «Бог проклял его и убьет короля Вильгельма и королеву Марию». Другой якобит «вырезал корону и скипетр» из портрета Вильгельма в Лондонской ратуше. Другие якобиты звонили в колокола лондонской церкви 10 июня 1689 года — первый день рождения сына Якова II, Джеймса Френсиса Эдварда. Многие выражали свои якобитские чувства, выпивая за здоровье короля Якова и «неразбериху с их теперешними величествами»²⁶.

Есть основания верить, что якобиты участвовали в чем-то большем, нежели символические выпады против послереволюционного режима. С 1689 года и все 1690-е ходили постоянные слухи о якобитских планах. Еженедельники и газеты часто сообщали об арестах якобитов. Во многих случаях это, без сомнения, были лишь бутафорские проекты, политические фантазии или просто

преувеличения людей, испытывающих искренние якобитские симпатии. Тем не менее некоторые якобиты хотели предпринять серьезные действия против нового режима. В начале марта 1689 года правительство решило, что имеет смысл арестовать несколько человек из числа тех, кто собрался в Лондоне и строил тайные планы «против правительства в интересах короля Якова». В конце весны из Чешира, Гемпшира, Ланкашира, Ноттингемшира и Нортумберленда пришли сообщения о тайных военных приготовлениях якобитов. В июле правительство издало предупреждение, что оно располагает сведениями о реальном заговоре с базой в Лондоне. Затем в начале сентября правительство схватило две дюжины якобитов-конспираторов, которые тайно готовили план, включавший убийство Вильгельма и разжигание мятежа по всей стране.

Следующим летом последовало «серьезное открытие» еще одной попытки якобитов — которая, как считали многие, вызвала позорное поражение Англии на море у Бичи-Хэд. Далее последовал более серьезный заговор Эйлсбури 1691–1692 годов, организованный с континента графом Мэлфортом. Хотя достоверность обвинений в адрес каждого участника подобного заговора может быть под вопросом — без сомнения, имела место и паранойя, и ложные обвинения с политическим расчетом — современники не сомневались в реальности и серьезности угрозы со стороны якобитов. Тори сэр Генри Гудрик верил, что существовала «всеобщая конспирация». С этим, если даже и ни с чем больше, соглашался и виг лорд Деламер. Он считал, что пока Вильгельм сражался в Ирландии, в Англии вполне могли иметь место военные мятежи в пользу Якова, потому что существовало «слишком много тех, кто открыто признавал свою расположенность к нему»²⁷.

Насколько сильна была партия якобитов в Англии? Данные об этом сложны и противоречивы. В 1689 и 1690 годах многие полные энтузиазма якобиты и параноики-вильямиты считали, что стране угрожает восстановление Якова. «Власть узурпатора» будет «по всем признакам вскоре свергнута, а наш благородный суверен восстановлен», — написал Дэвид Нэри из Дублина весной 1689 года. При дворце Сен-Жермен в апреле 1689 года якобиты уверенно заявляли, что «не пройдет и трех месяцев, как король станет абсолютным монархом всех королевств». К концу года граф Тирконнел уверял, что «народ Англии никогда не был так настро-

ен свергнуть узурпатора и получить на этот раз своего собственного короля». Весной и летом 1690 года граф Мэлфорт сообщил ряду своих корреспондентов, что «это лето вернет нам счастье снова увидеть короля на его троне; все, похоже, работает на это».

Некоторые сторонники режима Вильгельма в 1689 и 1690 годах также чувствовали значительную угрозу от внутренней активности якобитов. Джон Берч одним из первых признал, что «страна во многих направлениях недовольна правительством». Эдвард Харли был другим, кто жаловался на «видимый рост партии короля Якова» в начале 1690 года²⁸.

Эти оценки силы якобитов уравнивались равно многочисленными заявлениями, что якобиты слабы и становятся еще слабее. Среди якобитов тоже имелись пессимисты. Почти сразу же после известия о свержении Якова Вальтер Лоренс Лесли написал из Рима, что «мы теряем надежду на что-либо в Англии без победы». Некогда оптимистичный Тирконнел весной 1690 года уже считал, что если Яков II не станет «хозяином Англии» к концу этого года, «боюсь, его друзья тут потеряют надежду на это и, следовательно, на собственную безопасность».

Некоторые сторонники революции также чувствовали, что сила якобитов уменьшается. Лорд Брендон, несмотря на собственный успех среди ланкаширских якобитов, считал, что его «страна единодушна за службу королю». Тори Эдмунд Боухан заявил, что число зафиксированных якобитов «невелико». Роберт Кирк, епископальный священник из Аберфойла, находил, «что в Англии и Шотландии некоторые священники и народ» в октябре 1689 года все еще поддерживали Якова²⁹. К 1691 году один обозреватель, симпатизировавший тори, заявил, что правительство тори *«устрашило все случаи недовольства, кроме как со стороны лорда Февершема, сэра Джона Феника и еще около двадцати особ, которые все еще рискуют из-за своего прежнего хозяина»*³⁰.

Разноречивость свидетельств современников делает трудным приход к твердому заключению о масштабах поддержки якобитов внутри страны. Однако похоже, что эта поддержка вовсе не была незначительной. Католическая модернизация Якова явно отталкивала серьезную часть политической нации. Большинство вигов и большинство тори в 1688 году хотели положить конец профранцузской и прокатолической политике Якова. Произошло широко распространившееся народное восстание. Но даже такой непопу-

лярный монарх, каким оказался Яков, почти наверняка имел определенное число приверженцев, хотя и находившихся в меньшинстве — тех, кто поддерживал его политику до самого конца.

Яков, как показывают свидетельства, имел прочную опору в среде военных, правительственной бюрократии и среди своих братьев по вере, католиков французского стиля³¹. С момента, когда Вильгельм и Мария взяли власть, каждый их политический шаг тщательно обсуждался политической нацией. Чем больше новый режим следовал своей собственной, совершенно иной программе политической модернизации, тем больше почвы она давала для якобитской оппозиции: и когда повторяла политику континентальных обязательств в войне против Людовика XIV, и когда искала радикально новый подход к политическим и экономическим проблемам, и когда пыталась трансформировать церковь Англии.

Оказавшись перед выбором между двумя альтернативными программами модернизации, консерваторы — основная часть тори — столкнулись с неудобным выбором. В те моменты, когда новый режим казался более радикальным, чем режим Якова II, многим хотелось пофлиртовать с якобитизмом. Когда Вильгельм и Мария повернулись к клирикам-тори и стали проводить более осторожную политику, поддержка якобитов опять уменьшилась.

Вплоть до заговора против Вильгельма в 1696 году, возобновившего широкий интерес к якобитизму, его истоку, случаи, когда революционный режим выглядел наиболее радикальным, совпадали с отмеченным современниками ростом популярности идеологии якобитов в народе. «Разрыв наследования и создание Совещательного парламента не согласовывались с суждением многих епископов, знати или джентри о нации», — записал Руперт Браун в марте 1689 года. «Повсюду идут огромные преобразования, — соглашался другой сочувствующий тори на вершине парламентского успеха вигов в 1689 году, — и некоторые весьма честные люди отворачиваются от них, не будучи довольны переменами». Именно это, как он считал, «создает много недовольных и все еще поддерживает надежды партии короля Якова»³². В таком случае едва ли удивительно, что с политическим триумфом тори, когда Вильгельм отвернулся от вигов, многие — особенно среди тори — могли поверить, что якобитизм слабеет. Когда революция стала менее революционной, недовольство сторонников якобитов стало меньше выделяться на общем фоне.

Несмотря на отливы и приливы симпатии к якобитам и вопреки противоречивым свидетельствам ясно, что революция не привела к политическому согласию, на котором настаивает историография вигов. Серьезное меньшинство в Англии оставалось преданным Якову II — и многие из него, без сомнения, оставались сторонниками свергнутого короля, потому что разделяли идеологию франко-католической модернизации. Другие поддерживали контрреволюцию, когда оказалось, что режим вильямитов делает то же, что режим Якова, но еще более радикально. События 1688–1689 годов, быть может, сделали рискованным прямое высказывание якобитских чувств — но они не привели к согласию в пользу революции.

* * *

Не существовало не только согласия в пользу смены режима, партийные раздоры продолжались, не ослабевая, и после коронации Вильгельма и Марии. Виги продолжали требовать радикальных перемен — в то время как тори доказывали, что замена Якова на Вильгельма и Марию была единственно необходимой переменной. Проще говоря, виги воспринимали свержение Якова II как первый необходимый шаг к революционной трансформации, в то время как тори считали отречение Якова несчастной, но необходимой корректировкой. Для тори революция закончилась со сменой режима.

Еще до того как парламент согласился, что трон свободен и что Вильгельм и Мария должны занять его, виги и тори начали новые межпартийные дебаты о том, какой должна стать «Декларация Прав»* — документ, в деталях перечислявший ошибки, совершенные правительством Якова II, и определявший права англичан, пределы которых ни один монарх не может преступить. «Декларация», как показала теперь наука, была компромиссом, но она не была делом двух партий. Ее «принципиальными сторонниками» стали «радикальные виги» — включая Джона Хэмпдена, Генри Поллексфена, Джона Сомерса, сэра Джорджа Треби, Томаса Уортона и сэра Уильяма Уильямса — которые хотели смягчить свои требования, чтобы умиротворить тори в палате лордов. То был тактический компромисс, а не идеологическое согласие.

* Так у автора. В исторических трудах более известна как «Билль о правах». (Прим. ред.)

В итоге часть из тринадцати пунктов «Декларации» определили новые ограничения королевской власти — например, запрещение иметь постоянную армию в мирное время, требование, чтобы парламенты созывались часто, и условие, чтобы с обвиняемого не могло требоваться избыточное поручительство. Притом что многое из перечисленного давно было принято вигами как часть древней конституции, лишь в 1689 году у них хватило сил и возможностей продвинуть эти ограничения власти монарха. Виги преуспели, добившись цели определить «вашу безопасность на будущее», как сказал сэр Уильям Уильямс. Именно в этом смысле некоторые говорили, что Вильгельм и Мария приняли корону «со многими ограничениями». Именно по этой причине Вильгельм требовал заверения, что пункты «не содержат в себе ничего иного, лишь известные законы»³³.

Принятие «Декларации прав» предвещало жестокие межпартийные войны, которые определяли баланс Совещательного парламента и направление его действий в 1690-х годах. К марту 1689 года уже стало ясно, что существуют глубокие партийные разногласия по поводу направления политики Англии, природы налогообложения и ориентации политической экономики страны. Также в марте начались печально известные партийные дебаты по поводу будущего характера Церкви Англии. Хотя почти все были за акт терпимости для тех протестантов, которые не могли присоединиться к какой-либо версии англиканства, произошло резкое партийное деление по обоим вопросам: в понимании билля о расширении Церкви Англии и по поводу предложения отменить ограничение — известное как Акт о проверке — на занятие государственных должностей лицами, не принимающими причастие в Церкви Англии.

К началу апреля стало ясно, что будущее решение больше придется по вкусу тори, чем вигам. В тесте на причастии не делалось никаких изменений, и появилась «лишь очень слабая перспектива на понимание». В конечном результате обсуждение билля о Проверках вынесли из парламента и передали совету священнослужителей, где он в конце концов и умер. Хотя тори не добились всего, на что они надеялись — тори граф Ноттингем предложил принять узкий законопроект о понимании, — было ясно, что «тори сейчас у власти». Принятие Акта о веротерпимости без пересмотра Акта о проверке или добавления сюда закона

о понимании, хотя и приветствовалось их многими оппонентами как огромное улучшение предыдущего режима, оказалось партийной политической победой тори³⁴.

Расхождения между сторонниками вигов и тори по поводу изменения режима в 1689 году не ограничивались Вестминстером. Когда Согласительный парламент подтвердил в апреле 1689 года требование, чтобы все гражданские и духовные чиновники приняли клятву верности королю Вильгельму и королеве Марии, это вызвало острые дебаты и появление массы памфлетов, что продолжалось, по крайней мере, шесть лет. Вопрос стоял не только в том, нужно ли давать клятву новому режиму, но и в том, при каких условиях возник этот режим. Был ли Яков смещен народом? Нарушил ли он первоначальный контракт? Или Яков просто сбежал, создав вакансию, которую следовало заполнить, чтобы Англия обрела правителя? Один историк насчитал почти двести полемических памфлетов, опубликованных в течение этого периода. Число читателей составило, вероятно, от сорока до ста тысяч. В Оксфорде дебаты по поводу клятв были «обычными беседами». Тори сэр Уильям Будби из Дербишира проявил «огромное любопытство» и собрал «все сброшюрованные памфлеты», имевшиеся по теме. Уильям Уэйк, который был готов принести клятву новому режиму, посвятил «большую часть [своих] свободных часов» прочтению «большей части» имевшихся у него работ.

Неудивительно, что при широте интересов и масштабах публикаций согласие не достигалось. Чуть менее половины памфлетов принадлежали вигам, а остальные примерно поровну делились между тори, сторонниками революции и ее противниками-якобитами. Не существовало общего согласия насчет того, что имело место сопротивление прежнего режима. Не было также общего согласия о том, что Яков нарушил свои обязательства. Публичные дебаты о природе революции так же упорно шли по партийным линиям, как и мнение о том, свободен ли трон³⁵.

* * *

Политические дразги, не ослабевая, продолжались и в 1688 году, и после него. Но после свержения Якова природа партийных разногласий изменилась. События 1688–1689 годов сдвинули политический центр тяжести. К примеру, после 1688 года неко-

торые тори противились гражданскому освобождению, но защищали гражданские права протестантских диссидентов. Это означало драматический отход от той позиции тори, которая возникла сразу после восстания Монмута в 1685 году. В любом случае англичане желали расширить границы законной субъектности (subjecthood), если еще и не требовали полных гражданских прав.

Полемика о вассальной зависимости, хотя и вызвала резкие разногласия, также раскрыла два тонких, но важных поворота в природе английских политических дебатов. Во-первых, полемисты, тори или виги, гораздо больше, чем до сих пор, стремились подать дебаты как противостояние партийной принадлежности общенациональным интересам — в противоположность противостоянию универсализма и конфессиональности. Основание для политического действия твердо покоится на английском законе или на английской политической традиции, а не на универсальных и вневременных истинах, заключенных в Библии. Библия, жаловался шотландский член епископата Роберт Кирк, осталась всего лишь еще одним источником в политических дебатах. По его словам, получалось *«будто бы всем подданным больше неинтересно обсуждать ее, и религия стала не более священна, нежели торговля, и все, что способствует настоящим целям и планам, можно использовать одинаково безопасно»*. Снова и снова участники полемики о вассальной зависимости настаивали на национальном базисе политики в противоположность универсальному. *«Особые формы определяются не Богом или природой, как обычно определяется форма правления, — доказывал автор «Краткого оправдания». — На долю каждой нации и страны остается выбрать такую форму правления, которая им нравится больше»*. Как написал Самюэль Мастерс в одном из самых цитируемых памфлетов революционного периода:

«Верховный Владыка мира не находит подходящим предписывать одну форму правления для соблюдения повсюду, он позволил каждой нации свободу составления себе такой конституции, какая может быть наиболее полезна и приемлема; и так как невозможно, чтобы все нации сговорились о платформе правления, абсолютно неразумно искать в Иудее, Италии или Франции меры или свойства английского правления, которое было создано дома, и поэтому му может быть обнаружено только здесь»³⁶.

Во время революции церковники и законники, англикане и диссиденты, настаивали на национальном разнообразии форм правления. Ричард Кларидж, пастор из Вустершира, заявил: *«Все-могущий Господь не определил в своем слове модель для нашего гражданского правления — но оставил нам, как и всем другим нациям, такую форму, которая согласовывалась бы людьми»*. «План правления взят от Бога и природы, — настаивал церковник консервативной церкви Томас Лонг, — но его различия, одно или более, идут от человека». Тори Ричард Букер, пастор церкви Всех Святых в Иклигхэме в Саффолке, заложил это *«в основание, чтобы не быть опровергнутым, заявив, что бог оставил всем нациям и людям необходимость быть управляемыми таким правительством и такими законами, которые наиболее удобны для конституции и темперамента людей*. Люди с более радикальными родословными и репутациями делали подобные же заявления о национальной основе политической власти. *«Насколько я понимаю, — заявил Даниэль Дефо, — власть, которую наш Спаситель предоставляет королям, — это то, на что люди первоначально согласились, а потому по закону обязаны придерживаться: но не может существовать универсального правила, потому что законы варьируются согласно различному устройству правления у различных народов»*. Виг и богослов Даниэль Уитби считал, что раз Бог дал только *«общее определение или план, что все нации должны иметь над собой какое-то правительство»*, никто не может заявить, что правит по священному праву. Джон Уилдман в январе 1689 года настаивал, что *«хотя одни правительства кажутся построенными на более прочных и не допускающих изменений основаниях, нежели другие, все-таки не остается ничего другого, как подстроиться к обстоятельствам и склонностям подчиненных людей и в результате осуществлять ежедневно перемены, чтобы правительство поворачивалось и изменялось с людьми, чтобы оно могло лучше соответствовать необходимым и изменяющимся обстоятельствам тех, для кого оно первоначально было создано»*³⁷.

Во-вторых, виги, заинтересованные в полемике о форме правления, чувствовали свободу формулировать те позиции, которые были незаконны до революции. В большинстве случаев виги не развивали новых идей — возникло несколько тонких инноваций

и было воскрешено некоторое количество старых понятий, но в основном они оказались столь непопулярны, что почти угасли. Снова и снова полемисты заявляли, что подданные должны пассивно слушаться правителей, даже когда те нарушают законы этой земли. *«Доктрина пассивного повиновения и непротивления, которую некоторый тип людей создал за последнее время, когда они считали, что мир никогда не изменится, выдвигалась как священная правда, — заметил один современник. — Но у некоторых наций она сброшена посредством удачной революции, и защита ее становится нелепой»*. Граф Бриджуотер отметил просто: «Священничество отступило от своей доктрины пассивного послушания». Теперь многие виги доказывали, что люди имеют право, а в некоторых случаях и обязанность сопротивляться противозаконному правлению. Когда Роберт Харли на заседаниях в Херефордшире услышал высказывание, «что короля делает народ», он заметил: «Эти слова считались бы государственной изменой еще восемнадцать месяцев тому назад!» «Как изменились времена!» — воскликнул диссентер Генри Ньюкем. «Мнения, отвергнутые» в Оксфордском университете в уложении 1683 года, как раз и были «именно теми принципами, которые действовали во время этой революции». Когда юрист-тори Уайтлок Балстрод в своей приходской церкви прослушал службу, восхвалявшую сопротивление, имевшее место прошлой осенью, он никак не реагировал, лишь *«наблюдал, сколь отлична эта доктрина от наших прежних молитв десяти- или двенадцатилетней давности, которые учили, что власть короля неизбежна, что король ответственен только перед Богом и что у народа, как у верных христиан, нет другого оружия, кроме молитв и слез»*. Джон Локк опубликовал свою работу «Два договора правительства» анонимно, как считает его друг и биограф Жан Леклерк, потому что «принципы, которые он там устанавливал», «противоречили тем, которым обычно учили в Англии до революции». *«Многие придворные богословы и писатели угождали королю Якову пассивным повиновением, непротивлением, допуском к абсолютной власти без оговорок, освобождением от исполнения законов»* и другими моментами, вплоть *«до полного их разрушения, — подытожил приехавший шотландский посланник Роберт Кирк, — но теперь они же придерживаются идеи, что подданные имеют долю в правительстве и могут критиковать плохое управление и монарха, и министров государства»*³⁸.

Решение парламента короновать Вильгельма и Марию королем и королевой не завершило партийных дебатов в Англии. Виги и тори в парламенте и по всей стране продолжали страстно спорить о природе английской монархии, влиянии англиканской церкви и о базисе, на котором произошла революция. Во многом эти споры вытекали из разногласий, появившихся в начале 1680-х годов. Тем не менее было ясно, что революция высекала искру важных перемен в партийной полемике и в английской политической культуре. По конституционным и религиозным вопросам политический центр тяжести сдвинулся.

* * *

Достижения февраля, марта и апреля 1689 года — вступление на трон Вильгельма и Марии, объявление войны Франции и отмена регрессивного каминного налога — представляли собой высшую точку политических достижений вигов сразу после бегства Якова. С конца весны 1689 года через парламентские выборы следующего года и большую часть 1693 года тори одержали ряд политических и идеологических побед. Эти победы, в свою очередь, разозлили вигов. Никак не соглашаясь с тори по целям и принципам революции, множество вигов верили, что, отдав политическую власть тори, Вильгельм и Мария подвергли революцию риску.

К концу марта 1689 года ряд наблюдателей уверяли, что тори приобретают преимущество в парламенте. Умеренный приверженец шотландской епископальной церкви лорд Йестер отметил, что их успешная обструкция пересмотру Акта о проверке и более широкие планы в области религии продемонстрировали, «насколько сильна церковная партия», и проверили «их враждебность к диссентерам». «Англиканская церковь имеет большинство в обоих парламентах, — согласился английский обозреватель. — Тори в парламенте все еще в большинстве», — вторил первого апреля сэр Эдвард Харли.

Лондонский неконформист Роджер Моррис был убежден, что тори, успешно устроившиеся в таверне «Дьявол», прочно стояли на пути к своей цели возвращения «всего в церкви и в государстве к состоянию, в котором все находилось в 1662 году (и еще до того)». Моррис боялся, что обструкционизм тори в 1689 году позволил им восстановить англиканское роялистское доминирование 1660-х годов и периода политической гегемонии тори с 1681

по 1686 год. «Партия церкви в парламенте стала такой ревнивой, что они без толку тормозят и топят все резолюции», — жаловался в мае шотландец-виг сэр Джон Далримпл. Может быть, тори и не добились всего, чего хотели, за оставшиеся месяцы Совещательного парламента, но они все-таки смогли остановить дальнейшие революционные перемены вигов³⁹.

К лету 1689 года Вильгельм начал полагаться на министров-тори. Он стал считать, что виги не способны или не желают содействовать его делу. Вместо приведения в порядок страны виги, как он обнаружил, слишком озабочены исправлением старых ошибок. Они, как он считал, тратят ценное время, занимаясь реформами церкви и государства, вместо того, чтобы поддерживать его военные усилия. Убежденный, что страна нуждается скорее в опытном администрировании, чем в политических вывесках, Вильгельм отвернулся от своих министров-вигов и обратил свое доверие к опытным тори: государственному секретарю графу Ноттингему и лорду-президенту Тайного Совета, только что произведенному маркизу Кармартену (бывший граф Денби)⁴⁰.

К концу января 1690 года Вильгельм решил, что он не может больше работать с Согласительным парламентом, который он сначала отложил, а затем распустил. Приходится мало сомневаться в том, что Вильгельм надеялся, что новые выборы дадут большинство тори. Гилберт Бернет вспоминал, что после «великой борьбы по всей Англии» тори доказали «превосходство партии по количеству в новом парламенте». На деле, хотя тори и получили большинство, оно было очень незначительным. Тем не менее при поддержке короля тори явно оказались доминирующей силой. Тори сэр Джон Тревор был назначен спикером палаты общин «многими сотнями голосов, по чему все могли судить об общей цели и состоянии парламента».

Кармартен вскоре получил репутацию как «чрезвычайно активный человек» и в палате лордов, и в Тайном Совете. В палате общин тори сэр Томас Кларджев «и вся эта сторона старались добиваться всех задач, что поставили перед собой». Виг и будущий создатель Банка Англии Чарльз Монтегью подсчитал, что «тори имели превосходство по крайней мере в пятьдесят человек и протаскивали все, что хотели». В последующие месяцы тори еще больше консолидировали свою хватку власти⁴¹. После лета 1689 года политическая нация оставалась глубоко разделенной — но теперь

политическая инициатива и в палате общин, и во внутреннем кругу Вильгельма оставалась в руках тори.

Такое развитие событий повлияло на вигов. Не только радикалы-виги, и не только те, кто предпочел республику монархии в 1689 году, обеспокоились, что революция пошла прахом. Виги были убеждены, и отчасти справедливо, что это именно они избавились от Якова и заменили его Вильгельмом и Марией. При этом тори казались довольно равнодушными к новому режиму: как отметил лондонский виг Роджер Моррис в начале марта: «все виги и все фанатики работают на короля Вильгельма — совершенно искренне, одинаково и абсолютно верно». Отсюда раздражение вига Эдварда Харли, который отметил *«продвижение по службе на доверенные места некоторых людей, которые были слугами тирании, и пренебрежение теми, кто всегда противостоял ей»*. Моррис был убежден, что флот находится «в руках тори», что армия «под командованием тори», что «список членов исполнительной власти» состоит «в основном из тори» и что «гражданская власть» находится «в руках тори». Как срифмовал какой-то поэт-виг в 1689 году,

*Почему, скажите, мы лучше рабов, когда
Мы сменили Короля, сохранив мошенников навсегда*⁴².

В конце мая 1689 года лондонские виги искали, как разбить политику бездействия тори. Убежденные, что «духовная власть, гражданская власть и военная власть» находятся в руках врагов режима — то есть под контролем тори, — городские виги организовали петицию, жалуюсь, что они *«до сих пор не нашли своих поводов для возмещения недовольства или людей для приведения их в суд, которые были инструментом введения того тиранического правительства, под которым мы стонем»*. В три дня они смогли собрать «несколько тысяч» подписей. В конце концов петиция так и не была представлена. Вторая петиция вигов была подготовлена позднее в том же месяце, она требовала аннулирования Проверок при найме на гражданскую службу⁴³.

От иллюзий освободились не только лондонские виги. Их политики, от радикалов до умеренных, стали все больше беспокоиться из-за пассивности тори в 1689 и 1690 годах. Виг Джон Skeffington, второй виконт Массерин, жаловался в конце 1689 года,

что «дела идут неверно». После выборов 1690 года, которые по убеждению вигов были испорчены «фальшивыми отчетами», жалобы стали настойчивее. Друг старого вига Джона Суинфена прокомментировал после выборов, что «беспокойство нашего народа выглядит весьма мрачно». Мэри Кларк, активистка вигов из Вест-Кантри, саркастически написала своему мужу в апреле 1690 года, что «мужчины делают так мало хорошего» и после отъезда Вильгельма на войну в Ирландии королева Мария «наверняка создаст парламент из женщин, и посмотрим, не договорятся ли они лучше». «Виги развернулись против Кармартена», — верно охарактеризовал Джеймс Джонстон отношение своей партии к тори, лорду-президенту Тайного Совета. Джон Хэмпден нашел «самым грустным и обескураживающим» то, что Вильгельм и его советники не только приблизили к власти тори, но и начали повторять их мнения о «безопасности церкви; ни епископа, ни короля». В декабре 1689 года граф Шрусбери предупредил Вильгельма, «что ваше величество и правительство в гораздо большей безопасности, зависят от вигов», потому что многие тори «вернули бы короля Якова, а самые упрямые из них, подозреваю, все еще держат в головах вопрос о регентстве». Партия тори имела «такое неразумное почтение монархии, что не может одобрить то, на чем построено ваше обоснование». Когда Вильгельм отказался обратить внимание на его совет, Шрусбери понял, что у него нет выбора. Он стал столь непреклонным в своем убеждении, что принципы тори и действия министров тори Кармартена и Ноттингема несовместимы с революцией, что отказался от поста государственного секретаря⁴⁴.

Следующие годы политического бездействия только углубили недовольство вигов. Даже умеренный виг сэр Джон Лаудер вскоре ушел на пенсию и уехал в Лаудер «в некоторой досаде». Капитан Гарри Мордант высказал мнение большинства вигов, когда в 1692 году пожаловался, что «большинство людей, которых король Яков оставил после себя, остаются на доверенных и доходных местах».

*Но мы пришли, чтобы понять приобретения,
Нашли же цети, лишь другие, мы в смятении,*

— зарифмовал виг врач Джон Лоуэр. «Весь мир в настоящее время с печалью размышляет о жалком состоянии, в которое мы впа-

ли после счастливых и радужных перспектив, которые мы строили в 1688 и 1689 годах», — написал другой недовольный виг в 1690-х годах. «Причина несчастной смены состояния дел. — заключил этот автор, происходит «от доверия тем и правительству в целом, кто оказался существами и инструментами двух последних режимов». Виг историк Джон Олджиксон позднее вспоминал, что «всплеск» всех политических проблем Вильгельма произошел из-за его слепой веры в «его команду в Англии во время революции, которая не имела на языке ничего, кроме мажорности и умеренности, которая забыла, кто был инструментом в отстаивании хартии в Англии, забыла о высвобожденной силе, о смертях лучших патриотов и о тиранических практиках прежних режимов»⁴⁵.

Поворот Вильгельма к тори разочаровал огромное большинство вигов. Для них революция была гораздо большим, чем просто сменой короля. Они надеялись на смелое новое начало. Они надеялись, что несправедливости не просто режима Якова II, а всей политики Стюартов со времен Реставрации будут исправлены. Разочарование вигов было столь горьким и всеобщим, что два выдающихся вига, люди, известные скорее как идеологический центр, а не экстремистский край своей партии, в начале 1690-х годов написали письма, полные горького политического разочарования.

Лорд Деламер, который в 1690 году был произведен в графа Уоррингтона, не мог скрыть своего недовольства поворотом событий к этому времени года⁴⁶. За некоторое время до смерти в начале 1694 года он написал эссе, осуждающее разворот Вильгельма к тори. Согласительный парламент, считал он, был «на верном пути». Парламентарии хотели наказать дурных советников, были восторженными сторонниками войны с Францией и делали «то, что было тогда необходимо для поддержания власти, которую они установили». И все-таки этот многообещающий парламент «был отослан прочь до того, как закончил свою работу». Причиной тому, как был убежден Уоррингтон, стала «претензия иметь парламент другого типа». Эта цель была достигнута при помощи интенсивной «грязной игры» — столь широкой, что «едва ли половина членов палаты общин вернулась на свои места».

«Нет ничего в последнем веке, что было бы столь же замечательным, — издевался Уоррингтон, — как обращение Вильгельма с вигами, и в особенности с самыми выдающимися из них, либо теми, кто пострадал от какой-либо из предыдущих властей». Убежденный, «что те, кто дал ему корону, действовали по принципам вигов», Уоррингтон поражался, что Вильгельм «прилагает теперь столько стараний, чтобы уничтожить репутацию всех тех людей, которые придерживаются этих принципов, и изменить доктрину, что короли держат свои короны лишь на определенных условиях». «Вигам и тем, кто пострадал из-за этого принципа при двух последних властях, — заметил он с горечью, — нечем похвастаться после революции, кроме того, что они стали намного беднее из-за расходов, которые понесли, сделав в нее свой вклад».

Сделав такое заявление, Уоррингтон постарался прояснить свое понимание основных принципов вигов. Проблема Англии, писал он, началась задолго до того, как на трон воссел Яков II. По этой причине он с вигами требовал радикальных перемен, так как «если не отрубить корень, он со временем принесет такой же плод снова». Заявление о том, что он и его товарищи виги были за «республику», в лучшем случае «притянута». Таким же спорным был и аргумент, что события 1688 года стали просто антикатолическим мятежом. *«Если бы король Яков согласился с употреблением своей религии для себя и тех, кто придерживался его мнения, и дал остальным возможность спокойно пользоваться их религией и их свободами, — настаивал он, — очень немногие возразили бы на это».* Проблема заключалась в том, что Яков не проявил интереса к свободе совести. Для Уоррингтона было ясно, что *«деспотическая власть насаждалась бы теми же самыми средствами, какими создавался папизм — и нас должны были сначала лишить наших гражданских прав, прежде чем папизм стал бы доминировать в Англии».* Вот почему для Уоррингтона, а также для основной массы вигов гражданская свобода стала более ценной, чем свобода религиозная⁴⁷.

Чувства Уоррингтона оказались почти идентичны ощущениям Томаса Уорта, который стал одним из самых выдающихся вигов на службе у короля. Когда Вильгельм прибыл в Англию в ноябре 1688 года, Уортон сказал королю: «Ваши друзья обожают вас, а ваши враги тают перед вами». Однако годом позднее Вильгельм растратил этот политический капитал. «Вы потеряли сердца

огромной части ваших людей», «многие тысячи высказываются против вас во всех общественных местах», и «дух, который поднялся против вас, распространился по Англии, как и по городу», — предупреждал Уортон.

Почему это произошло? Уортон и большинство вигов были уверены в ответе. Вильгельм, «который пришел, придерживаясь одного принципа», выбрал «нанимать на службу людей, исповедующих другую». *«В Казначействе, Адмиралтействе, на таможне, во флоте и акцизе — в каждом месте вы найдете тех, по поводу кого вся Англия удивляется, видя их на службе и в доверенных лицах у вас».* Словом, Вильгельм решил полагаться на старых слуг Карла II и Якова II, «тори и высшее духовенство», вместо того чтобы поддержать «интересы честных старых вигов». Именно по этой причине *«те, кто двенадцать месяцев назад пролил бы кровь своего сердца, чтобы служить вам, принести в жертву ради вас свое будущее и все надежды своих семей, теперь жалеют о каждом пенни, отданном на необходимую защиту вашего правительства, и раскаиваются в своем слишком поспешном рвении ради человека, который презирает своих лучших и единственных друзей и ошибается в выборе верного пути для достижения собственной славы и славы своего народа»*⁴⁸.

С середины 1689 года до конца 1693-го тори доминировали в постреволюционной политике. Они занимали важнейшие места не только на самых высших уровнях, но и во всей разрастающейся правительственной бюрократии. Как во всех современных революциях, так и в Англии после 1688 года за вытеснением старого режима политическое или идеологическое согласие последовало не мгновенно. Как во всех современных революциях, наступили политический упадок и раскол между теми, кто просто хотел отменить модернизационную программу изгнанного лидера — и теми, кто хотел осуществить альтернативную программу модернизации. Из-за этих политических компромиссов, а также потому что тори были у власти с 1689 по 1693 год, было бы ошибкой мерить революцию достижениями 1689–1691 годов или даже 1689–1694 годов. Полное влияние английской революции начало реализовываться, только когда большинство в Англии убедилось, что просто политически и идеологически невозможно уничтожить все, чего достиг Яков.

Некоторые современники сохраняли иллюзию, что революция 1688–1689 годов стала результатом — или порождением — политического согласия в Англии. С момента отъезда Якова страну захлестнули политические дискуссии. *«Последние народные революции в этих местах захватили и действительно поглотили мысли людей, их беседы и перья — и в печати в последнее время очень редко появляется что-либо, за исключением памфлетов и других трактатов о политических делах»*, — написал видный естествоиспытатель Роберт Бойль. Это излияние вовсе не означало точку зрения одного человека. Все были поражены глубиной раскола Англии. Хотя в 1689 году существовало «общее желание избавления», как написал сэр Чарльз Коттрелл сэру Уильяму Трамбуллу в начале 1689 года, сразу же «люди начали расходиться во мнениях относительно путей разрешения ситуации». «Мы теперь разделенный народ», — соглашался сэр Уильям Уильямс. «Все тут полно интриг, зависти и слухов всех типов», — заметил шотландец лорд Йестер. «Похоже, недовольство растет каждый день», — заметил неприсягнувший* Чарльз Трамбулл.

Политические страсти были такими яростными, записал один из друзей сэра Ральфа Верни, что некоторые члены парламента чуть не «дрались в здании парламента». Ничто из того, что происходило в текущих годах, не охлаждало этих разногласий. Якобиты, виги и тори — все соперничали за власть. «Во всех компаниях говорили о наших разногласиях», — заметил Уильям Сашеверел в начале 1690 года. Победа Вильгельма при Бойне в 1690 году не прекратила эти диспуты. «Как я понимаю, — написала королева Мария мужу в конце июля 1690 года, — они [политические разногласия] возрастают тут ежедневно»⁴⁹.

Большинство современников хорошо понимали, что политические страсти обнажают глубокие партийные разногласия. «Партии вигов и тори, — вспоминал Роберт Паркер, — вели нацию к неразберихе». «Печально видеть такую сильную ярость духа, какая присутствует в обеих партиях», — соглашался один из друзей Абигайля Харли. Лорд Дерсли не мог сдерживать сожаление по поводу «глупых прозвищ, которые мы даем друг другу в Англии, виги и тори». То, что «существуют раздоры и эти раздоры являются

* То есть клирик, отказавшийся присягать Вильгельму и Марии как главам англиканской церкви. (Прим. ред.)

гангреной государства», давало якобиту графу Мельфору надежду, что «Англию придется сильно разорвать на части, прежде чем она избавится от них». Хотя сразу же после падения Якова партии могли выглядеть как религиозные секты, большинство обозревателей понимало, что причины противостояния были гораздо шире, чем узкоконфессиональная политика. Именно из-за иностранной политики возникла ситуация, когда один из осведомителей сэра Уильяма Трамбулла заявил, что «названия „виг” и „тори” в конце концов изменятся на „английский” и „голландский”»⁵⁰.

Каковы бы ни были происхождение и природа разногласий, большинство обозревателей было убеждено в беспощадной реальности идеологической и политической враждебности вигов-тори. «Нам не повезло с партийным продолжением борьбы без возможности встать на одну платформу», — сожалел Поль Фоли. «То, что существуют партии, хорошо известно», — сухо утверждал факт один памфлетист. «Виги и тори» обращались к различным аудиториям, чтобы «сформировать свои партии», — заметил голландский резидент Л'Эрмитаж. Джон Хау был более беспристрастным, чем большинство, когда высказал мнение, что «противостояние двух неистовых партий одинаково искренне — и одинаково проблемно для правительства»⁵¹.

Эти партийные разногласия не ограничивались парламентом или узкой группой политической элиты. «Почти в каждом церковном приходе есть личности различных убеждений», — написал представитель высокой церкви Томас Лонг, имея в виду различия в политических взглядах после бегства Якова. Виг сэра Джон Гиз считал вероятным, что в «каждом графстве и в каждом городке в Англии» политические различия провоцируют «грубые слова и резкие осуждения». Маркиз Кармартен просто заключил, что «раздоры очень характерны для нас». Тори, член парламента от Дорсета Уильям Эттрик был не одинок, утверждая что «без всяких дверей мы разделены на партии». То, что «вся страна разделена на вигов и тори», являлось мнением огромного большинства обозревателей-современников⁵².

Что же тогда разделяло вигов и тори? Многие историки приняли версию, что политические партии в эпоху Вильгельма и Марии были обеспокоены лишь вопросами предыдущих лет — проблемами религиозных расхождений и меры королевской власти. Эти вопросы действительно играли важную роль. Однако после-

революционный партийный раскол имел более широкое основание. Оглядываясь на раскол 1690-х годов, виконт Болингброк отметил, что вдобавок к расхождению по поводу «нашего устройства в церкви и в государстве» виги и тори расходились в «делах континента» и в области политической экономии. Тори настаивали, что дело революции — лишь ликвидировать модернизационный режим Якова II. Вот почему принадлежащие к тори директора Королевской Африканской компании написали в феврале 1689 года о «внезапной революции в нашем правительстве, которое теперь благодаря Богу уже в большой степени восстановлено». Раз Яков бежал и его реставрация стала почти невозможной, революция, по мнению тори, окончена. Однако для вигов, таких как граф Уоррингтон, смещение Якова было *«первым шагом»* к починке наших брешей». Виги хотели вести собственную программу модернизации. Они желали «нового неба и новой земли, даже очистительной реформации государства, чтобы никакая старая ржавчина на нем не осталась»⁵³. Факт, что вигам в конечном счете удалось провести модернизацию, приведшую к такой «реформации государства», которая объясняет, почему Болингброк описал партийное разделение 1690-х годов гораздо более умеренными терминами.

* * *

Историки редко включали революцию 1688–1689 годов в список великих современных революций. Они не делали этого, потому что развитие революции 1688–1689 годов оказалось крайне не похожим на драматическое развитие революций во Франции, России или Китае. Английская революция была неревolutionционной, потому что она была аристократической, бескровной и единой. Это описание революции 1688–1689 годов, как оказалось, более является принадлежностью исторического романа, чем исторического исследования. В XIX и XX веках британцы, и левые, и правые, настаивали, что английская история мало похожа на континентальные образцы. Большинство британцев исповедовали некую версию британской исключительности. Это идеологическое согласие затруднило реконструкцию английской социально-политической истории конца XVII века. Однако архивные записи рассказывают совсем иную историю. Исторические свидетельства предполагают, что на деле революция 1688–1689 годов была и народной, и жестокой, и разделяющей — как большинство революций Нового времени.

Часть III

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

Глава одиннадцатая

Революция во внешней политике

Англичан в конце XVII века беспокоили европейские дела. Огромное большинство отчаянно хотело, чтобы их короли остановили высокомерную власть Франции. «Англия тридцать с лишним лет не перестает стонать после войны с Францией, — отметил один памфлетист, — и дружба между нашими двумя последними королями и Луи Четырнадцатым не что иное, как повод для недовольства их режимами». Другой автор после того, как Яков II был свержен и война Франции снова была объявлена, соглашался, что «протестантские священники наконец-то открыли глаза и подумали об избавлении себя и заодно всей Европы от цепей, которые ковались для них»¹.

То, что англичан заботили европейские дела и английская международная политика была центром внимания революционеров 1688 года, плохо согласуется с большинством рассказов о Славной революции. Историки не сомневаются в утверждении Крейга Роуза, что после 1688 года «в английской международной политике произошла радикальная переориентация»². Тем не менее они отрицают, что англичане намеревались раздуть эту радикальную перестройку. Произошла, как утверждают ученые, коренная смена ориентации на уровне высокой политики — но не существовало долговременных причин для этой перемены, не было также трансформации контуров осуществляемой политики. По существу, революция в международной политике состояла в том, что англий-

ская монархия впервые со времен Реставрации 1660 года приняла антифранцузскую направленность.

Существовали две различные оценки вовлечения Англии в Десятилетнюю войну против Франции (1689–1697). Обе они, по сути, описывают английскую политику до и после революции 1688–1689 годов в досовременных терминах. Первый подход описывает революцию в международной политике с точки зрения интересов двух различных монархов. С этой точки зрения международная политика лежала вне конституции и оставалась исключительно заботой монарха. Английская политическая нация, если таковая вообще существовала, не испытывала интереса к международным делам. Англичане, как говорят нам историки этого направления, гораздо больше интересовались местными делами, чем развитием Европы. Членами парламента могли стать «люди значительного местного значения и влияния» — но они «часто имели ограниченный интеллектуальный и политический горизонт». К 1685 году, как писали, «политики в общераспространенном смысле больше не существовало». Следовательно, когда нидерландский штатгальтер Вильгельм III обратился к Европе за поддержкой в своем европейском крестовом походе против Людовика XIV, он не ощутил сочувствия народа. Англичане, видимо, не находились под впечатлением от многочисленных и ярких побед Людовика XIV. Сохранилось расхожее мнение «печально несведущий». Даже те, кто приглашал Вильгельма вторгнуться в английскую политику, смотрели «на дела со строго островной точки зрения», утверждает Джонатан Израэль. По его словам, они надеялись, что нидерландский штатгальтер повернет внутреннюю политическую ситуацию в их пользу, но мало знали и еще меньше заботились о европейской ситуации³.

Большинство ученых, принимающих эту точку зрения, следуют за Томасом Бабингтоном Маколеем во мнении, что Яков II не осуществлял конструктивной или последовательной политики. После мятежа герцога Монмута в 1685 году Яков II «имел видения о владычестве и славе», видя себя «посредником Европы, защитником многих государств, притесняемых одним слишком сильным монархом». Но вскоре, когда стало ясно, что парламент не собирается смиренно уступать его внутренним целям, Яков II оставил «все мысли об арбитраже между континентальными нациями», превратившись «в монарха третьего или четвертого класса». Яков

не имел идеологического сочувствия к Людовику XIV, и его «профранцузские наклонности преувеличивались», — соглашается большинство современных ученых. Нехватка средств и внутренние проблемы делали Якова настолько перегруженным, что, с точки зрения многих, «Карл II и Яков II отвернулись от Европы»⁴.

Когда Вильгельм Оранский сел на трон, согласно этой точке зрения, он просто навязал свою франкофобскую политику индифферентной английской нации. Вильгельм принес свою европейскую войну против Людовика XIV в Англию. Вильгельм III, доказывает Джереми Блэк в духе Маколея, «мог навязывать свои взгляды», потому что английская «политическая нация чувствовала себя обязанной следовать за Вильгельмом» — в качестве неизбежной платы за голландское вторжение в английскую внутреннюю политику. Именно «действия Вильгельма в 1689 году... обозначили резкий разворот в превалирующих тогда тенденциях британской международной политики», — записал Гиббс. Именно Вильгельм, доказывает Джонатан Израэль, «вверг Англию и (отдельно) Шотландию в войну против Франции»⁵. С точки зрения этих ученых, война против Франции могла вызвать общественные дебаты — но английское общественное мнение не волновала война или революция, которая могла сделать войну возможной.

Вторая группа ученых, ревизионисты, доказывает, что международная политика резко изменилась в 1688–1689 годах и что эта трансформация могла иметь долговременные причины. Эти причины, однако, были конфессиональные, а не в модернизации. Один из критиков Вильгельма III, Тони Клайдон, настаивает на понимании революции «как части международного протестантского крестового похода». Протестантские верования нуждались в «возврате в концентрированное состояние» в нашем понимании революции, потому что невозможно сомневаться в «настойчивом влиянии раннего протестантского мировоззрения». Англичане периода Реставрации вели ту же борьбу, какую вели их предки периода Елизаветы, какую безуспешно вели гугеноты во Франции. Людовик XIV просто заменил Филиппа II как препятствие для международного дела Реформации. Религиозные войны против Испании ускорили политические кризисы елизаветинской эпохи, кризис начала правления Стюарта стал прямым результатом конфессионального раздора, известного как Тридцатилетняя война, и потребовалась священная война против Людовика XIV, которая

ускорила бы финал борьбы со Стюартами, папством и деспотическим правлением. Крейг Роуз, широко известный в постреволюционной литературе, соглашается, что «для многих» Девятилетняя война казалась «религиозной»⁶.

В противовес этим взглядам я утверждаю, что среди широкого ряда англичан различных социальных классов происходили оживленные и жизненно важные дискуссии о роли Англии в европейской политике. Англичане вовсе не были изолированными от международных дел или индифферентны к ним. Содержание дебатов отражало сложное и хорошо информированное понимание тонкостей европейской политики и культуры. Хотя некоторые предметы, о которых велись дебаты — например, об универсальной монархии или о войне, — были устаревшими, значение, в котором они использовались, бесспорно было новым. Далекие от нейтралитета или занятия другими делами, Карл II и особенно Яков II, имели весьма точное понимание европейской политики — понимание того, что Нидерландская республика представляет самую большую угрозу монархии, стабильности, торговле и европейскому миру. По контрасту многие в политической нации, если не большинство, пришли к пониманию, что абсолютистская и империалистическая Франция представляет самую большую угрозу миру в Европе. Эти люди стали революционерами — частично чтобы перевернуть политическую позицию Англии на европейской сцене.

Яков II, его сторонники и его противники вели вполне современную международную политику, анализируя мир в рамках национальных и групповых интересов, а не в терминах стабильности или религиозной идентичности. Историки-виги не правы, предполагая, что Вильгельм навязал Англии свою европейскую программу. Наоборот, это англичане пригласили Вильгельма, потому что они знали, что он поддержит их видение национальных интересов.

По моему мнению, ревизионистские историки также не правы, когда предполагают, что революционное большинство соглашалось насчет природы войны с Францией. Виги очень сильно чувствовали, что необходимо сражаться с Францией — и сражаться на континенте, пока можно еще спасти свободы Европы. Они сражались против гегемонии абсолютизма. В противоположность им тори считали, что цели войны должны заключаться просто в гарантии переворота вильямитов на Британских островах. Тори

хотели ограничить французский империализм континентом, оставив Англию под прикрытием моря. Они защищали морскую политику. Хотя французская пропаганда решила изобразить эту борьбу как конфессиональную, большинство в Англии — и особенно те, кто был наиболее тесно связан с режимом, — настаивали, что это была война не религий, а новый род войны — война для защиты свобод, английских или европейских, против империализма⁷.

* * *

Англичане в конце XVII века имели беспрецедентный доступ к информации о международных делах. В 1640-х и 1650-х годах у английских мужчин и женщин развился интерес к международным и внутренним новостям. Развитие новых институтов, подобных широкому распространению почты, все чаще встречающихся кофеен и повсюду распространившихся палат торговых компаний обеспечивали англичан доступом к информации, новостям и слухам из-за границы, как никогда прежде. Быстро растущий торговый флот привозил богатую информацию, книги и зарубежные товары в переживающие бум старые портовые города, на причалы и в доки новых. Оттуда расширяющаяся сеть дилижансов, карет и фургонов все скорее развозила информацию по быстро развивающейся сети дорог. К концу семнадцатого века англичане получали доступ к утонченному ряду материальной дискутирующей европейской политики, культуры и географии.

Средние и высшие классы по всей Англии считали необходимым давать своим детям солидную основу европейского образования. К 1670-м годам сэр Даниэль Флеминг смог записать о джентри Ланкашира: «Большинство из них хорошо образованны, и многие из них побывали за морем». «Почти все» англичане, которых встречал в 1660-х годах Лоренцо Магалотти, «говорят по-французски и по-итальянски и готовы к изучению последнего языка из расположения, которое они испытывают к нашей нации». Молодой Ральф Торсби был послан отцом, торговцем одеждой из Лидса, в Нидерланды, «чтобы я узнал голландцев». Неудивительно, что группа книготорговцев считала, будто «иностранные книги» «хорошо раскупаются» массой людей в Англии⁸.

Более широкий ряд людей искал информацию о международных делах. Молодой Томас Айшем из Лампорта в Нортгемптон-

шире охотно собирал новости о европейской политике в 1670-х годах. Амброз Барнз, торговец из Ньюкасла, отметил, что «беды Богемии и долин Пьемонта отзываются в его сердце». Сэр Джон Лаудер хранил в своем доме на северо-западе Англии большую коллекцию книг о европейских делах. Джон Верни быстро передавал самые последние новости из голландских газет своему отцу в Букингемшир. Леди Дамарис Масем имела самые последние французские газеты, в то время как сэр Вальтер Йонг получал ежемесячно «*Mercure Politique et Historique*» («История торговой политики»), присылаемый к нему домой в Вест-Кантри. В Йоркшире сэр Джон Рересби испытал большую «радость» от военной победы польского короля над турками в 1683 году. Джеймс Бриджес «рассуждал о мире и преемственности Испании» со своими друзьями в шоколадном домике в Вестминстере. Десятью годами ранее граф Берлингтон охотно распространял в провинции сплетню об испанском наследовании. Джон, лорд Ашбернхем, ужасно рассердился на своего корреспондента, когда тот задержал на несколько недель отправку ему домой в Суссекс амьенских и парижских газет. «Какой шум стоит сейчас тут (и в некоторых других местах) по поводу новостей о „великих деяниях, происходящих теперь в Европе“»⁹.

Английские мужчины и женщины не должны были полагаться только на частные письма или собственные копии книг и журналов, чтобы собрать самую свежую информацию о европейских делах. Местные кофейни служили настоящими информационными центрами по обмену информацией о континенте. Иностранцы, как и местные, новости были легко доступны и с охотой распространялись потом. Люди постоянно рассуждали о «разграблении городов, порубке в куски доблестных войск, приближающихся катастрофах народов, бедах выдающихся государственных деятелей, фантастических кризисах, от которых стонут могущественные монархи». «Не секрет, что для мира лишь двор, / а в лагере спрятан войны топор, — срифмовал один иностранец в кофейне, — но искренни тут люди, открытые и понятные; / мужчины тут мудры, и простые, и знатные». Игроки в карты в кофейнях и тавернах могли даже рискнуть, читая политические комментарии к европейским делам, делая ставки на свои тузы и валеты. Действительно, кофейни стали такими экспертами при сборе новостей о европейских делах, что одному официальному автору бюллетеня при-

шлось признать в 1677 году, что потребители кофеина имеют информацию, в которую он еще не посвящен¹⁰.

В конце семнадцатого века, как соглашается большинство обозревателей, англичане были необычайно хорошо информированы об иностранных делах. По контрасту с ирландцами англичане, записал Уильям Кинг, настоятель собора Св. Патрика в Дублине, «имели преимущество в получении справок и корреспонденции» и отсюда были «вполне знакомы» с планами иностранных королей. В Англии было много таких, соглашался французский посол Поль Берильон, «кто необычайно умело различал истинные интересы сил Европы». «Мудрость нации», соглашался Джордж Филипс, состояла в том, чтобы не «игнорировать ни международное, ни внутреннее состояние дел в том, что касается ее чести, безопасности и пользы»¹¹.

Какие новости об иностранных делах заставляли хозяев кофеен и деревенских таверн, читателей газет и высокомерных памфлетистов, завсегдатаев лондонских блошиных рынков и деревенских базаров собирать их с такой охотой? Как они понимали пути развития, о которых так энергично сплетничали? Вместо того чтобы проявлять внутреннюю нелюбовь к иностранцам, ко всему иностранному, англичане эпохи Реставрации ставили новости, которые они получали, в утонченные идеологические рамки. Они охотно собирали информацию о европейских политических силах, потому что понимали Европу и считали, что она существенно влияет на их жизни.

Англия, самая политизированная из всех известных наций, провела лучшую часть последнего века, пытаясь удержать испанских королей от достижения их давней мечты — всеобщей монархии или мирового владычества. Однако к концу XVII века могущество Испании давно уже было на спаде. Хотя английские комментаторы яростно спорили о природе упадка Испании, реальность была неоспоримой. «Испанская монархия и Австрийский дом, чьи огромные наследственные территории породили всю политику последнего века, — без колебаний писал автор *«Europae Modernae Speculum»**, — заканчиваются увяданием, и сейчас они находятся лишь в позиции обороны»¹². Теперь возникла проблема идентифицировать и предотвратить следующего претендента на ту же роль. Англичане идентифицировали двух возможных кандидатов:

* «Зеркало европейской современности» (лат.).

Нидерландская республика и Французское королевство. В 1660-х и начале 1670-х годов англичане занимались горячими спорами о том, какая страна более опасна. Но к концу 1670-х годов большинство, хотя, конечно, и не все, соглашались, что Луи XIV уже готовится сделать свой новый дворец в Версале центром мирового владычества.

Самые ярые сторонники восстановленной монархии, английские роялисты и будущие тори, быстро уверились, что Нидерландская республика думает о всемирном господстве через коммерческую гегемонию. Повторяющиеся банкротства испанцев во время нидерландского мятежа и очевидная финансовая несостоятельность как испанской, так и австрийской ветвей семьи Габсбургов на последней стадии Тридцатилетней войны убедили многих наблюдателей, что стабильные финансовые источники, а не первоклассные войска являются теперь ключом к военному успеху. «Торговля и коммерция стали теперь единственной целью и заботой всех королей и властителей», — заявил юрист-тори и любитель Якова II Чарльз Моллой, так как только они могут гарантировать «богатство и величие такого королевства или государства».

К концу XVII века англичане твердо ощущали, что самая выгодная коммерция — это далекая заморская торговля. Таким образом, контроль за морем стал основой мировой монархии. В конце концов, открытие Колумбом Нового Света и в результате монополия испанцев на серебряные шахты Южной Америки заставили Габсбургов задуматься «не менее чем о всемирной монархии». К 1670-м годам стало «абсолютной максимой, что тот, кто является хозяином моря, держит в своих руках ключи от мира». «Люди, которые могут владеть мировой торговлей, — соглашался экономический обозреватель времен правления Якова II, — могут спокойно, не повторяя тяжкого труда Цезаря и Александра, быть (на деле) хозяевами своих соседей и диктовать свои законы миру»¹³. Ясно, что контроль за морем воспринимался как первый шаг к всемирной монархии.

Нидерландская республика, эта скромная коллекция не слишком сильно связанных между собой провинций в Европе, к середине XVII века благодаря своей морской силе построила громадную и могущественную заморскую империю. Как писал один памфлетист во время второй англо-голландской войны (1665–1667), «*Нидерланды с начала своей торговли в Индиях, не доволь-*

ствуясь обычными методами справедливой и свободной коммерции, вторглись на различные острова, захватили несколько фортов, построили другие и осуществляли не что иное, как завоевание стран и получение нового владычества».

Как рассуждал Уильям Эглионби, *«едва ли чьи-либо подданные имели больше свободы и ума, чем люди в необыкновенный период расцвета этого маленького государства, которое на протяжении почти ста лет... выросло до высот, не только бесконечно превышающих достижения древней Греческой республики, но не сильно уступающих в некоторых вопросах самым великим монархиям последних веков»*¹⁴.

Для многих тори Нидерландская республика была не только коммерческим соперником, но также моделью политического беззакония. Нидерландское восстание против испанского суверена представляло ужасный прецедент. Елизавета хорошо понимала, что хотя независимая Нидерландская республика будет «поддерживать позиции королевы; и все-таки это не могло не разрушать крепость королевской власти, показав подданным, какими путями можно смещать своих королей и не проиграть в этой партии». Памфлетист-тори вывел очевидные заключения. Голландцы, которых на жаргоне XVII века часто называли «лягушками», были «преступно антимонархическими»; их республика стала «академией мятежа», активно «осуществляя подстрекательства к мятежу среди нации»; голландский политический лидер 1660–1670-х годов, Ян де Витт, был не кем иным, как библейским «Ахитофелем»¹⁵.

Англиканские роялисты и тори считали, что раз Голландия контролирует моря, она может создать универсальную монархию. «Вы считаете, что Ла-Манша и Ирландского моря слишком много для нас, — жаловался один поэт во время второй англо-голландской войны, — но весь глобус для Голландии сейчас слишком мал». Стало общим местом, что Нидерланды

*рвутся захватить столько власти, как у Древнего Рима,
Стремясь прибрать всю торговлю скорей
И сделать весь мир добычей своей.*

Если голландец в таверне спрашивал, почему англичане называют его соотечественников словом «butterbox» (масленка), ему

обычно объясняли, что «вы склонны просачиваться повсюду и ваше нахальство необходимо выжигать». Впрочем, умеренный англиканский роялист сэр Филипп Уорик настаивал, что *«ни одна нация не может разбогатеть, если не владычествует где-нибудь благодаря судоходству или не занимается торговлей... это не политика — стремиться захватить власть или стать в ней монархом. Это было с Голландией какое-то время, когда она сосредотачивала в своих руках власть над морем с таким страстным желанием, как это делали Карл Пятый или Франциск Первый, создавая сухопутную монархию»*¹⁶.

Для англиканских роялистов и тори — в совете торговой компании или в деревенской таверне — с голландцами нужно было бороться не только потому, что они являлись самыми крупными экономическими соперниками Англии, но и потому, что они угрожали свергнуть все, за что выступала в Англии Реставрация. Их республиканизм был раком, который съедал монархию. Их религиозный плюрализм угрожал заменить религию на атеизм и властные амбиции. Нидерланды, которые больше не извлекали пользу из результатов монархии и истинной религии, стали экономическими макиавеллианцами. Для большинства тори Нидерланды были и самыми вероятными претендентами на всемирное владычество и самой большой угрозой английскому образу жизни. В противовес англиканским роялистам и тори, заявляющим, что религиозно плюралистические и антиабсолютистские Нидерланды добиваются всемирного владычества, виги и протовиги утверждали, что именно абсолютист и нетерпимый галликанец французский король Людовик XIV пытается создать новую всемирную монархию.

Далекие от того, чтобы принять заявление тори, что Нидерландская республика есть политический рак, будущие виги хвалили голландцев как защитников свободы и людей, развивающих свою промышленность. Нидерланды, доказывал автор работы «Современные интересы Англии», являлись «первичным инструментом в предотвращении огромного желания Австрийского дома в установлении всемирной монархии». Необычайное богатство Нидерландов было «лишь результатом их промышленности и изобретательности». Все голландские «преимущества в сфере торговли, которые мы определяем как несправедливость, — свидетельствовал Роберт Мак-Уард, — происходят с их стороны непосред-

ственно от их умеренности и производства, а с английской стороны — от нашей лени и любви к удовольствиям»¹⁷.

Три англо-голландские войны (1652–1654, 1665–1667 и 1672–1674) были не просто большой удачей для французов — они стали частью их широкой стратегии по приобретению контроля над морями. Автор книги «Французские интриги раскрыты» удачно подвел итог убеждению вигов и протовигов, что это именно французы подстрекали все три войны, *«ничего не боясь больше, чем длительной и твердой дружбы между двумя нациями; раздувая непримиримую вражду с обеих сторон, делая вид, что примут сторону каждой, что они могут с меньшим сопротивлением вторгнуться к своим соседям, и увеличивали свои морские силы, но не для участия в боях с обеими, а имея тот же план ослабления обеих противных сторон, так как слабость врага — ваша сила»*.

Французы хорошо понимали, чего они хотят: «ничто не способствовало их всеобщему плану больше, чем интересы в Северных морях». В результате Людовик XIV и его великий министр Жан Батист Кольбер придумали всеобъемлющую экономическую систему. Чтобы сделать своих подданных «сплошь купцами всех видов», Людовик XIV использовал *«все возможные способы отбить охоту к работе для иностранных фабрик, а торговцам через трудности с отправлениями, отсрочками в судах, делая их предметом иностранных пошлин и наложений ареста, не позволяя им быть комиссионерами у французов или у любой другой нации, кроме своей собственной, и в случае смерти забирая их имущество как у чужестранцев»*.

Действие этих мер оказалось предсказуемо разрушительным для английских купцов. Англия, которая продолжала импортировать французские предметы роскоши без больших защитных налогов, которые Людовик XIV наложил на английские товары, начала испытывать громадный торговый дефицит. В результате «за несколько лет (если бы какие-то соответствующие меры не были приняты) все деньги нации утекли бы во Францию». Заключение стало неизбежным: «Французы поступают с нами гораздо более недобро, чем голландцы»¹⁸.

В то же время, когда Людовик XIV подрывал иностранную коммерческую активность, он делал все, что было в его силах,

чтобы поддержать французскую торговлю. Он подбивал французскую знать участвовать в индийской торговле. Что еще важнее, Людовик использовал свои огромные богатства, чтобы построить громадный торговый и огромный военный флот. «Если какая-нибудь теперешняя сила не будет применена против этой морской силы Франции, — волновался один памфлетист, — разрушение Европы может произойти прежде, чем мы станем немного старше». «Франция достаточно опасна для остальной Европы, пока она не имеет кораблей», — с дрожью написал автор «Рассуждений о современных делах Европы»; похоже, ничто теперь не остановит их от перехода «к этому амбициозному плану создания всемирной монархии, который уже так долго кружит им головы». Теперь ни у кого не оставалось сомнений, что они «осуществляют всемирную монархию коммерции»¹⁹.

Виги в один голос заявляли, что всемирная монархия на деле была единственным намерением и целью французской политики. Они, как многие по всей Европе, видели «великий план Франции, которая теперь замахнулась не меньше чем на попытку претворить тот же план всемирной монархии и направления дел, что однажды проделывала Испания». «Со всех сторон соглашаются, — памфлет за памфлетом настаивал лондонский виг Слингсби Бетел, — что французы претендуют на всемирную монархию». Это «крайняя степень сумасшествия» — не противостоять растущей мощи Франции, воскликнул будущий виг и мученик Элджернон Сидней.

«Франция может испытать много трудностей, прежде чем она станет достойна такой монархии; но все-таки их король в настоящее время имеет многие преимущества, которые могут обеспечить ему более высокие ожидания в этом направлении, чем любому другому правителю в Европе. Имея ум равный его фортуне, он, похоже, не упустит такой возможности».

Как заметил бывший французский посол и будущий виг Дензил Холлес, французы — «начинающие гении, которые тем опаснее для Европы, чем больше цель, которую они поставили, а она состоит не менее чем в установлении единой монархии в Европе». Людовик XIV, заявлял Эндрю Марвелл, был «господином абсолютного владычества, предполагаемым монархом всего христианского мира»²⁰.

С точки зрения вигов, не подлежало сомнению, что Франция стремилась ко всемирной монархии. Французские армии не только грабили Европу — экономическая политика Кольбера сделала Людовика XIV богатейшим правителем в христианском мире. Протестантизм превратил Францию из морского карлика в истинного Левиафана на морях. Это стало возможным, потому что Франция в отличие от предыдущих претензий на мировое господство преуспела в разделении двух больших морских сил, добившись, чтобы они вцепились друг другу в горло. Франция смогла сделать это, заявляли виги, околдовав Англию двумя грехами — папством и деспотичным правительством. Вместо того чтобы играть свою роль силы, обеспечивающей равновесие в Европе, Англия стала зависимым от Франции государством.

* * *

Что касается Реставрации, то пока память об анархии и беспорядках конца 1650-х годов еще была жива в памяти большинства англичан, доводы англиканских роялистов и тори против Объединенных провинций оставались особенно сильными. Большинство умеренных политиков, включая тех, кто противостоял королю в 1640-х годах или приспособился к протекторату, были убеждены, что угроза от радикальных сект и от республиканцев требовала на международной арене бороться с их европейскими союзниками — Нидерландами. Однако вторжение Людовика XIV в Объединенные провинции в голландский год чудес, 1672-й, изменило их мнение. Образ Нидерландов, вынужденных затопить свою собственную страну в отчаянной попытке предотвратить опустошение республики французскими войсками, отодвинул в сторону впечатление, что голландцы ищут мирового господства. Но важнее было то, что в Нидерландах пал республиканский режим — великий пенсионарий Голландии Ян де Витт и его брат Корнелис «были разорваны на куски дикой чернью Гааги, им отсекли члены, их тела протаскивали по улицам и вздернули на виселицы»*. Последовавшее затем присвоение Вильгельмом III долж-

* Ян де Витт (1625–1672) — великий пенсионарий (выборный глава) Голландии, законовед, математик и статистик, один из крупных ученых своего времени, талантливый администратор, убежденный сторонник республиканского способа правления. Заметим, что смещение и зверское убийство демократически избранного главы Голландской республики было ор-

ностей генерал-капитана и штатгальтера смягчило беспокойство многих умеренных политиков²¹.

Нидерландская политическая революция 1672 года с несдерживаемым энтузиазмом приветствовалась средней частью английской политической нации. Для этих мужчин и женщин, многие из которых позднее станут умеренными тори, Людовик XIV представлялся самой большой возможной угрозой для Англии. Их неприязнь к Франции, как и у их более радикальных соотечественников, была не столько идеологической, сколько геополитической. Франция представляла угрозу не потому, что она была абсолютистской и нетерпимой — а потому, что являлась империалистической и агрессивной с военной точки зрения.

ганизовано людьми Вильгельма Оранского. Личное участие принца в подготовке убийства братьев де Витт не доказано — но его организаторы позднее получили от Вильгельма высокие должности и награды.

Для полноты картины стоит упомянуть, что именно реставрация Стюартов в Англии позволила отменить Акт об исключении, запрещавший представителю Оранской династии занимать пост штатгальтера (наследственного правителя) Нидерландов. Несмотря на действия сторонников династии («оранжистов»), Ян де Витт препятствовал занятию Вильгельмом наследственной должности штатгальтера (главы исполнительной власти) и в 1667 году объявил Голландию республикой «на вечные времена». Вслед за этим еще четыре провинции (из семи) объявили себя республиками и отменили должность штатгальтера. Однако в 1672 году, после англо-французского нападения, Вильгельм Оранский был провозглашен капитан-генералом (главнокомандующим) и штатгальтером всех Нидерландов. Его сторонники обвиняли де Витта в том, что он предательски ослабил оборону страны, финансируя флот за счет сухопутной армии: армия была опорой оранжистов, а флотом командовал знаменитый адмирал де Рюйтер, близкий друг семейства де Виттов (его зятем был капитан морской пехоты Ян де Витт, сын Корнелиса де Витта). Однако в итоге столицу спас именно флот: еще до гибели братьев де Витт адмирал де Рюйтер разгромил превосходящий флот англо-французов в битве при Солебее, а затем летом 1673 года добился выдающихся успехов в серии морских сражений при Схоонвелте. Это не помешало фанатикам-оранжистам обвинить адмирала в предательстве и преступных связях с де Виттами: его дом едва не был сожжен разъяренной толпой.

После убийства Яна де Витта и воцарения Вильгельма последовала череда тяжелых поражений и общий кризис, завершивший голландский «золотой век». В стране, когда-то считавшейся в Европе очагом либерализма и свободомыслия, воцарились террор и религиозные преследования. В течение следующего века Нидерланды постепенно скатились к положению третьестепенной европейской державы. (*Прим. ред.*)

Франция для этих англичан представляла собой реальную и серьезную угрозу для Британских островов. Одновременно Объединенные провинции перестали быть идеологической угрозой. Больше не казалось, что Нидерландская республика исповедует агрессивный радикальный экспансионизм. «Составители захватнического плана были достаточно наказаны, хотя и беспорядочным образом, но эта нерегулярность была компенсирована народной пользой», — писал Стивен Темпл из Объединенных провинций своему дяде, сэру Ричарду; «огромные и рациональные надежды строятся тут на союзе с Австрийским домом и некоторыми королями Германии, которые боятся плана французского короля относительно главной монархии христианского мира». После третьей англо-голландской войны большинство умеренных присоединилось к протовигам, считая, что самый серьезный претендент на мировое господство — Людовик XIV, а вовсе не руководимая оранжистами Нидерландская республика²².

Французская экономическая политика, французские военные победы и очевидное вероломство французов убедили умеренных вигов и умеренных тори, что Англии нужно присоединиться к европейской борьбе против планов Франции установить всемирную монархию. Все 1670-е годы антифранцузские настроения складывались в мощный хор ненависти. Уильям Гарроуэй сообщил в палате общин, что «наш страх перед Францией летит из каждого рта». «Девяносто из ста по всей Англии настроены против Франции», — соглашался виг полковник Берч. Лондонские ткачи, как говорят, были «настроены против французов». Действительно, хорошо известно, что судьбоносную последнюю сессию роялистского парламента в 1677 году принципиально называли «французской тревогой». «Не было других разговоров тут, лишь о войне» против Франции, — сообщал граф Хантингдон из Лондона зимой 1678 года. Весьма информированный граф Денби писал графу Эссексу, что «действительность представляется мне больше в виде войны с Францией, чем по-иному».

Не то чтобы англичане не представляли себе расходы, связанные с борьбой с самой могущественной силой мира. «Похоже, по всей стране не боятся ни войны, ни неизбежно сопутствующих ей налогов, — информировал лорда Галифакса Томас Тини, — таков их всеобщий страх перед подъемом Франции». Действительно, как совершенно определенно высказался один армейский офицер,

война с Францией будет, и он уже подготовил и опубликовал вдохновляющую речь для своих войск. В этом контексте не кажется, что Мархамонт Недхам так уже сильно преувеличивал, когда восклицал, что, «если дойдет до голосования, воевать с Францией или нет, спорю на один к тысяче — результат будет за войну»²³.

Однако Карл II никогда не собирался идти войной против своего кузена и друга Людовика XIV. Король, хорошо понимал Данби, «не намеривался ссориться с Францией». Это было показателем его политической ловкости — он умудрился избежать войны и при этом одновременно разбить своих политических противников. Карл доказал, и весьма эффективно, что кризис 1679–1681 годов вокруг Исключения, во многом вызванный страхом восстановления политического абсолютизма, сделал невозможным для него начать войну против самой большой европейской силы. Расколничество вигов способствовало национальной разобщенности, и нация, не ладящая сама с собой, оказалась не в состоянии начать войну против великой силы Франции²⁴.

Полемическая стратегия Карла II оказалась примечательно успешной. Глубокий раскол в результате жаростных дебатов по поводу лишения трона Якова, герцога Йоркского, реально стал угрожать новой гражданской войной. В этом контексте тори — даже те тори, которые, как предполагалось, верили, что угроза от Франции очень реальна и ее нужно остановить, — настаивали, что английское единодушие было предпосылкой для вмешательства в европейские дела. При этом Карл II смог избежать войны против Людовика XIV, утверждая, что он очень хочет присоединиться к борьбе — но ему не позволяет политическая бескомпромиссность вигов.

* * *

Яков II взошел на трон в 1685 году при следующем идеологическом раскладе. Более двух десятилетий англичане занимались оживленными дебатами о правильном месте Англии в европейских делах. Англичане вовсе не были изоляционистами или ксенофобами. Они весьма интересовались этим вопросом и были хорошо информированы о развитии дел на континенте. Для англичан всех социальных слоев в конце XVII века международные дела не являлись периферийными вопросами. Англичане не были настроены оставлять решения по иностранной политике королю

и узкому кругу специалистов политиков. Так сложилось, потому что взаимоотношения Англии с Европой имели отношение к каждодневной жизни людей. Англичане понимали, что цена одежды, которую они изготавливали, неразрывно связана с европейскими и колониальными рынками. Они знали, что предметы роскоши, имевшиеся на их местных рынках — от шелков до специй, от вина до бумаги, — определялись капризами европейской политики. Они также знали, что культура, которую они разделяют — от их танцев до книг, которые они читают, — является частью широкого европейского обмена.

Может быть, еще важнее было понимание англичан, что в континентальной Европе идет великая борьба за политическую гегемонию. То была борьба, в которой, как чувствовало большинство умеренных тори и почти все виги, англичане должны играть более серьезную роль. Англичане в 1680-х годах, как и многие предреволюционные народы, описанные в социально-исторической литературе о революциях, были крайне озабочены тем, что становились силой второго порядка.

Большинство в Англии отчаянно надеялось, что новый король — король, который имел, в конце концов, длинную историю военных достижений — поведет объединенную нацию на войну против Франции. Поэмы, листовки, монеты и памфлеты, изданные в первые месяцы правления нового короля, трубили о военной репутации Якова. Сэр Джон Лаудер являлся одним из многих, кто вспоминал, что «сообщения о непонимании между французским королем и Яковом II» «усердно распространялись за границей, забавляя несведущих», чтобы «дать людям надежду на то, чего они так долго желали» — на войну для ослабления Франции, которая «стала теперь ужасом христианского мира».

Современники жадно передавали слухи, что новый король «настроен против французских интересов, что, если это правда, мы смеем надеяться увидеть становление великолепной и грозной нации, как было в прежние века». Лондонский пресвитерианец Роджер Моррис в 1685 году верно отметил, что «главный вопрос заключается в том, с Францией или с Голландией мы войдем в тесные отношения»²⁵.

Несмотря на политические сплетни и народные надежды, никогда не было особых сомнений, в каком европейском направлении повернется Яков. Яков обучался во французской армии, он

был наставляем в религии французским иезуитом, он женился по выбору Людовика XIV, его торговля постоянно конкурировала с голландской, и он был большим и искренним поклонником современного абсолютистского государства, созданного Людовиком XIV. То, что современники и многие последующие историки сомневались в ориентации внешней политики Якова, демонстрирует понимание королем франкофобии английского населения. Яков слишком хорошо знал, что его обожание французской политики и культуры не согласуется с чувствами большинства его подданных²⁶.

В течение долгого времени Яков оставался самым ярым защитником близкого союза между Англией и Францией. В 1681 году он посоветовал своему брату, Карлу II, «союз с Францией, который является единственным средством поддержать короля и престиж монархии, и даже саму Церковь Англии, путем утверждения ассигнований без парламента, который явно грозит гибелью им всем».

«Обстоятельства назрели так, — советовал Яков, — что монархия должна стать или более абсолютной, или совсем исчезнуть», и он был убежден, что «Франция пожалеет, увидев Англию республикой, Испания хочет этого, а Голландия не испытает разочарования от этого».

Однако Яков был необычайно утонченным политиком. Он понимал, что не может оставить документальных следов своей привязанности к Франции и Людовику XIV. Вот почему он вел в Лондоне все важные дела лично. Сэр Уильям Трамбулл, который был назначен послом Якова в Париже, вспоминал, что «все дела на этот момент должны были вестись Берильоном, французским послом тут [в Лондоне]». Поль Берильон был послом в Англии с 1677 года и ко времени восшествия Якова на трон хорошо знал всех английских политиков. Так как он также пользовался покровительством маркиза де Лувуа, могущественного военного министра Людовика XIV, едва ли стоит удивляться, что «Берильон знал все секреты [Якова II] и выполнял его прихоти — а король, без сомнения, передавал Берильону все, что сам знал»²⁷.

С момента восшествия на престол Яков II подтвердил свою тесную привязанность к Франции и Людовику XIV. Французские католические сети информаторов немедленно сообщили, что Яков, в отличие от своих возможных наследников, никогда не начнет

войны с Францией. Яков подтвердил свою искреннюю преданность в свой самый черный час, пообещав Берильону в декабре 1688 года, что «он никогда не согласится пойти войной против [Людовика XIV]».

Снова и снова Яков повторял, что его связь с Францией включает и личную привязанность, и политический интерес. С момента своего восшествия на престол он старался подчеркнуть, что его связи с Людовиком XIV проистекают из «его сердца». Он говорил Берильону, что «король, его брат, чуть было не был погублен, когда позволил себе оторваться от союза» с Людовиком XIV. После долгих многочисленных разговоров — разговоров, которым завидовали все другие иностранные посланники при дворе Якова, — Берильон убедился, что Яков хочет «искренне примкнуть к интересам [Людовика XIV] на всю жизнь». Особый посланник Людовика XIV Юссон де Бонрепо, который также имел необычный доступ к Якову, сообщал, что английский король «считает Людовика XIV своим старшим союзником и самым надежным из всех имеющихся». Самый могущественный министр Якова, граф Сандерленд, уверял обоих, и Берильона, и Бонрепо, что король Англии намерен сохранять «прочный союз» с Людовиком XIV. Эти нити привязанности, без сомнения, заставили Якова II публично отпраздновать выздоровление Людовика XIV от серьезной болезни в апреле 1686 года и взять его в крестные отцы принца Уэльского в 1688 году²⁸.

Яков был современным королем, для которого личные привязанности означали очень много — но в конечном счете гораздо меньше, чем то, что он понимал как национальные интересы Англии. Яков, как понимали французы, был тесно привязан к ним именно из-за своих политических интересов. Когда Яков обсуждал свою связь с Людовиком XIV, он часто подчеркивал свою «нерушимую преданность интересам» французского короля. Берильон был убежден, что «проекты и планы короля Англии обязательно заставят его оставаться в великом союзе» с Людовиком XIV. В особенности тесные взаимоотношения Якова с Римом, когда он пытался превратить Англию в католическую, толкали его к более прочным связям с Францией. Так же важно то, что Яков не разделял озабоченности многих своих подданных и многих континентальных обозревателей по поводу баланса сил. Яков говорил Берильону, что «он не стал бы рисковать введением [католиче-

ской] религии, чтобы заработать тщеславную честь установления баланса равенства среди европейских сил». «Те люди, которые искренне привязаны к королю Англии, — докладывал Берильон, — считают эту идею баланса дел в Европе некой химерой». Учитывая эти мнения, ясно, что Яков II вовсе не был озабочен ростом мощи Франции — французы же мало боялись роста власти Якова внутри Англии²⁹.

Вместо того чтобы уравновесить растущую мощь Франции, Яков вообразил, что он и Людовик XIV могут поделить мир между собой. Точную природу планов Якова II трудно установить, потому что о них сохранилось очень мало документов. Однако Яков имел «частные и длительные заседания» с политическим статистиком Уильямом Петти в 1686 и 1687 годах, чтобы наметить возможные договоренности. Петти начал составлять различные бумаги, предполагающие альянс, включающий Францию, Данию и Англию. Франция, предполагал Петти, вскоре при помощи этого альянса завоюет и Объединенные провинции, и Испанские Нидерланды, а также половину Германии и Италии, что не «смутит Англию». Благодаря Англии при возврате Франции господства в Европе и на Средиземном море установится английская гегемония в Восточных и Западных Индиях и «в перевозке норвежских бревен и досок».

По представлению Петти, которое Яков и его ближайшие советники почти наверняка разделяли, Англия не будет в опасности подчинения Франции — потому что «территории английского короля — это острова, годящиеся для кораблей, моряков и торговли в полном равновесии с выгодой французов»³⁰. Яков не представлял, что он может зависеть от Франции — скорее Людовик приобретет гегемонию на суше, а он станет превосходящей силой на море. Короче, Яков имел очень современные империалистические представления.

Яков не просто рассказывал представителям Людовика XIV то, что они хотели слышать, или рисовал утопические имперские мечты. Наоборот, все его действия подкрепляли его слова. Точно так же как Яков сформировал круг своих советников, как он продвигал свои приоритеты во французском стиле внутри страны, так же он поддерживал тех, кто являлся самым активным сторонником союза с французами. Маркиз Галифакс, который был лордом президентом Тайного Совета при восшествии Якова, и граф

Дартмут, один из самых старых друзей Якова, — оба потеряли его расположение из-за их известной оппозиции Франции³¹. В противоположность этому граф Сандерленд, который обладал «глубокими знаниями о намерениях и планах своего короля», настаивал, что «интерес к католической религии станет основанием для более прочного союза [с Францией] в ближайшем будущем». Отец Питр, приобретавший растущее влияние при дворе Якова II, откровенно и настойчиво утверждал, что «интересы короля, его хозяина, и тех, кто принадлежит католической религии, требуют прочного союза и прекрасного взаимопонимания» с Людовиком XIV³².

Хотя Людовик XIV и Яков II всегда оставались очень аккуратными, защищая свои интересы в совместных делах, существует множество свидетельств, что они всегда относились друг к другу как друзья и союзники, а не как потенциальные враги. Во время правления Якова II французы и англичане участвовали в переговорах, считая, что они разделяют идеологические взгляды и имеют схожие интересы.

Как только умер его брат, Яков вступил в переговоры на высоком уровне с французами по поводу новых субсидий. Яков немедленно послал своего бывшего распорядителя гардероба, Джона Черчилля, договариваться в Париж. Черчилль, который еще в ссылке был лояльным советчиком Якова, «уже знал о секретном тесном союзе» между Яковым и Людовиком. Как оказалось, субсидия уже находилась в Лондоне. Яков, по словам Берильона, был неописуемо рад щедрому дару Людовика XIV в полмиллиона фунтов³³.

В первый год Якова у власти он сделал несколько дружеских жестов французскому королю. В июне 1685 года он издал приказ для Тайного Совета «уничтожить» надпись на монументе, обвиняющую французов в поджоге Лондона в 1666 году. Яков, «получив большую возможность поддержать дружбу с французским королем», заверил, что парламент аннулировал запрет на импорт французских товаров. Результатом, по одной оценке XVIII века, стало «наводнение Англии французскими предметами потребления на сумму более четырех миллионов стерлингов в течение менее трех лет». Наконец Яков отказался вмешиваться в дела своего зятя, Вильгельма Оранского, который требовал компенсацию за разрушения, нанесенные французскими войсками его родовому княжеству Оран. То, что Яков не «вступился за Оран», доказывал посланник Якова в Копенгагене Габриэль де Сильвиус,

показывает, что «существуют слишком хорошие отношения между [Яковом II] и королем Франции»³⁴.

В то же самое время Яков делал все возможное, чтобы успокоить затяжную англо-французскую напряженность в Северной Америке. Французское вторжение угрожало и Новой Англии, и доходной торговле мехами, которую вела принадлежавшая тори Компания Гудзонова залива. Несмотря на растущее напряжение и то, что на кону стояли огромные доходы, а также надежды на приобретение единоличного контроля над Северной Америкой и Вест-Индией, Яков дал понять французским участникам переговоров, что он хочет мирного урегулирования. Он надеялся «ублажить» английские торговые компании и отдельных купцов «обсуждением дел их компаний в целом» до заключения договора о нейтралитете. Яков дал понять, что считает более ценными свои взаимоотношения с Людовиком XIV, чем потерю потенциальных доходов от годовых пошлин за торговлю в Новом Свете.

Договор был обговорен в основном весной и опубликован в ноябре. Он оказался настолько благоприятным для Франции, что быстро появились слухи, будто секретный союз тоже был подписан. Компания Гудзонова залива позднее объявила, что договор ничего не сделал, чтобы предотвратить планы Компании Новой Франции «истребить» ее. Капитуляция Якова, считали торговцы, тесно связана с его «огромным расположением к иезуитам, которые одни получают доход от этой торговли и интерес в Канадской компании». В XVIII веке Адам Андерсон заявил, что этим договором «французский король обманул простофилю Якова». Берильон не ошибался, сказав Людовику XIV, что договор ему «полностью понравится»³⁵.

Договор о нейтралитете от 1686 года не положил конца конфликтам в Северной Америке и поддержке Яковом интересов французского короля. Вскоре Европы достигли новости, что французы отобрали еще три английских форта в глубине Гудзонова залива, стоивших сто тысяч фунтов. Яков обеспокоился значительным падением своего годового дохода, а инвесторы пришли в ярость по поводу свинцовых акций. Англичане, как сообщали Бонрепо и Берильон, необыкновенно «разгорячены из-за потери трех фортов». Работу по оценке компенсации и возвращению фортов осуществлял лорд Джон Черчилль, бывший наперсник Якова и теперешний директор Компании Гудзонова залива.

И все-таки Яков и его правительство в конечном итоге позволили оставить три форта во французском владении. Яков дал понять, что это произошло, так как он видит во Франции жизненно важного союзника. Его первым предложением команде французских участников переговоров в июне 1687 года прозвучало так: он «объявит войну голландцам», если французы пообещают пойти на компромисс по поводу Компании Гудзонова залива. В конце 1687 года Сандерленд сообщил делегации от Компании Гудзонова залива, возглавляемой самим Черчиллем, что Яков «не начнет войну с Францией по такому ничтожному вопросу» — по делу, которое не выдерживает сравнения по важности с захватом Бен-тама голландцами³⁶. Яков не был человеком, который легко жертвовал английскими интересами. Но в конце концов, он предпочитал позволить ускользнуть английским торговым интересам перед лицом требований, выдвинутых политическим и идеологическим союзником, чем уступить злейшему врагу.

Яков и Людовик XIV продолжили переговоры — и в конце концов за последующие два года правления Якова пришли к согласию по областям обоюдного интереса. В октябре 1687 года Яков, граф Тирконнел и граф Сандерленд предложили, чтобы Людовик XIV поддерживал и финансировал полк английских католиков на французской земле, заявив, что учреждение такого полка «принесет великую пользу католической религии». Хотя Людовик не хотел принимать это предложение, он согласился платить за содержание двух полков по тысяче человек каждый в Англии — давая возможность Якову рассмотреть возможность отзыва британских полков, стоящих в Объединенных провинциях.

Вдобавок к этим субсидиям французский король пообещал Якову, что «когда бы тот ни попросил помощи», он может быть уверен, что достаточное количество французских войск будет в его распоряжении, чтобы «подавить его врагов и сделать подданных послушными». В конце концов Людовик XIV доказал, что почти выполняет свое слово. В отчаянные дни ноября и декабря 1688 года Людовик XIV пообещал и отправил помощь. Дела на континенте не позволили ему послать войска, но он отправил пятьдесят тысяч экю золотом, хотя деньги, судя по всему, уже никогда не попали в казну Якова³⁷.

У Якова была причина и поддерживать тесный союз с Людовиком XIV, и хранить это в секрете. Он знал, что его интересы, его

видение будущего Англии зависят от хороших отношений и поддержки Людовика XIV. Он также хорошо понимал, что такое положение дел приведет в ярость умеренных тори и вигов. Связь Якова с Францией не была, безусловно, изобретением пропаганды вигов или последующих чрезмерно легкомысленных историков. Вся европейская дипломатическая общность подозревала о существовании такого союза. Они просто не имели свидетельств о его существовании.

Информированные обозреватели европейской дипломатической сцены, не важно, каковы были их политические ориентиры, были уверены, что существуют личные связи между Яковом II и Людовиком XIV. Сразу после восшествия на престол Якова II шотландские иезуиты в Риме уже знали о денежной поддержке Якову II от Людовика XIV и тайно переговаривались, что «существует обширная переписка между королем Франции и нашим королем». Гуляя с сэром Уильямом Трамбуллом по Тюильри в 1686 году, месье Водейль, гувернер родных сыновей Якова от Арабеллы Черчилль, признался, «что существует секретный договор и союз между нашим королем» и Людовиком XIV. Папский нунций при дворе Людовика XIV также был осведомлен, что к началу 1686 года существовал оборонительный и наступательный союз между Францией и Англией. Политические сплетни по всем германским землям утверждали, что «его величество размышляет с французским королем об истреблении [протестантов]».

В Объединенных провинциях слухи об опасной связи между королями Франции и Англии циркулировали и в официальных кругах, и на улицах Амстердама. «Мы уверены, — записал один поставщик королевского двора из Гааги с хорошими связями в сфере дипломатических новостей, — что союз между королями Франции и Англии создан, чтобы развязать войну против этого государства». Яков II, со своей стороны, продолжал он свое повествование, никогда не мог «управлять по своему усмотрению», пока его подданные не «обратились» за помощью к Нидерландам³⁸.

Многие дипломаты с более прямыми связями при английском дворе были уверены в существовании англо-французского союза. Испанский посол в Англии, дон Педро де Ронквилло, заключил, что «даже если секретного договора и формального альянса не существует, интересы и планы его [Людовика XIV] и короля Англии настолько схожи, что это производит тот же результат, как

если бы точно существовал определенный союз». «Франция продолжает пользоваться своим огромным и длительным влиянием при этом дворе», — написал имперский посол Филипп Хоффманн из Лондона в начале 1688 года. Лондонский резидент великого герцога Тосканского, Франческо Террьези, также высказывался о «великой дружбе между его величеством [Яковом II] и Францией». В Стамбуле французский посол уверенно утверждал, что «теперь заключен союз» между Людовиком XIV и Яковом II. Может быть, именно это заявление «о дружбе между двумя королями скреплено планами продвижения папизма», — как определенно уверял сэр Уильям Трамбулл, который затем был назначен в Стамбул. Так, когда французский посол в Объединенных провинциях Жан-Антуан де Месме, граф д'Аво, объявил о существовании англо-французского альянса, это почти никого в Европе не удивило³⁹.

Несмотря на растущую в Англии франкофобию, Яков II сохранял близкую личную и политическую привязанность к Людовику XIV. Яков глубоко верил, что они с Людовиком XIV совпадают по геополитическим и идеологическим интересам. Прекрасно зная, что его подданные боятся и ненавидят французского короля, Яков делал все, что мог, чтобы избежать оставления документального следа. Тем не менее его действия, его разговоры, как и поступки французского короля, убедили почти всех в Европе — и католиков, и протестантов — в реальности англо-французской связи.

Яков, следует подчеркнуть, не рассматривал французский союз в традиционных терминах католического универсализма. Он действительно верил, что союз поддержит дело истинной веры. Но Яков также верил, что англо-французская связь позволит Англии развивать огромную морскую империю. Таким образом, Яков был убежден, что он действует сугубо в национальных интересах.

* * *

Яков не только искал союза с Францией — он следовал агрессивной политике по отношению к Объединенным провинциям. Он не старался держать нейтралитет в европейской политике. Яков также не надеялся удержать баланс сил. Английский король вел активную и воинственную международную политику. Как и многие из его современников, он воспринимал европейскую политику в терминах великой борьбы между двумя соревнующи-

мися моделями современного государства. Большинство в Англии верило, что Людовик XIV имел доведенное до совершенства абсолютистское и нетерпимое к чужому вероисповеданию государство, которое сфокусировано на континентальной власти. С другой стороны, Объединенные провинции представлялись многим современным народным или смешанным государством, поддерживающим религиозную терпимость и коммерческую экспансию. Яков в 1680-х годах представлялся необычным не из-за особенностей его европейской борьбы, а из-за его представления, будто английские интересы заключаются в поддержке Франции и в подавлении Нидерландской республики. Короче, Яков считал, что англо-голландские войны его брата велись из правильных принципов.

Английский монарх сделал ясной свою нелюбовь к Нидерландам задолго до того, как вззошел на трон в 1685 году. Он был активным и как лорд-адмирал, и как один из командующих во время англо-голландской войны 1665–1667 годов. Переход Якова в католическую церковь в 1669 году произошел тогда, когда готовились планы «объединения с Францией, чтобы вести войну с Голландией».

Хотя Яков не являлся активным сторонником третьей англо-голландской войны, он возражал относительно времени, а не относительно самого события. Он «боялся», признавался Яков своему старому другу графу Дартмуту, что война «введет [Карла II] в долги и, соответственно, поставит его под власть парламента». К началу 1680-х годов Яков дал понять, что не может доверять своему зятю Вильгельму, потому что его «столь далеко завела лесь партии [вигов]». Неудивительно, что, когда кризис вокруг дебатов об Исключении прошел и Карл II снова почувствовал безопасную возможность иметь младшего брата рядом, англо-голландское напряжение значительно возросло. За несколько недель до смерти Карла и он, и Яков подтвердили, что их «настоящий интерес» заключается в противостоянии Вильгельму Оранскому и Нидерландам — рассудив, что примирение с Вильгельмом «бесполезно» и «может только нанести вред их делам»⁴⁰.

Почему Яков так сильно ненавидел Нидерланды и своего зятя Вильгельма Оранского? Почему он развернул политические и идеологические взгляды такого огромного числа своих подданных? Ответ заключается в том, что Яков воспринял взгляд на

Нидерландское государство, столь широко разделяемый громадным большинством англиканских роялистов до политической революции 1672 года и все еще разделяемый честолюбцами-тори. Яков верил, что Нидерландская республика далека от понятия «безопасный сосед». Для Якова и его внутреннего круга советников Нидерланды представляли собой величайшую угрозу будущему Англии.

Яков глубоко верил, что Нидерландская республика является опасным источником политической нестабильности. К концу сентября 1685 года он делал публичные и «частые» заявления, что Нидерланды «являются врагами вообще для всей королевской власти, и в особенности для королевской власти Англии». Это естественная позиция для восприятия Нидерландов, доказывал Яков, потому что «весь мир знает», что Нидерландская республика сама была основана путем мятежа против законного суверена Филиппа II Испанского. Политическая культура Северных Нидерландов была настолько опасной и такой заразной, что Яков считал, будто любой, кто «провел долгое время в Голландии», становился мятежником⁴¹.

Осуждение Яковом Нидерландов, которые были местом зарождения идеологического мятежа, только усилилось после открытия, что многие его политические оппоненты принимаются в Нидерландской республике. Яков, как и его советники и дипломаты, часто жаловался, что голландцы принимают его самых мятежных подданных. Он говорил голландскому послу в Лондоне, что «все английские купцы, которые обосновались» в Амстердаме, «отвратительно расположены по отношению к его величеству и королевской семье, что они все республиканцы». Посол Якова в Объединенных провинциях, Бевил Склтон, жаловался любому, кто хотел его слушать и на континенте, и в Англии, что Нидерланды предлагают «безопасность нашим английским мятежникам» и они становятся их «дорогими злодеями». Один из множества агентов Склтона в Нидерландах, Эдмунд Эверард, докладывал, что Амстердам превратился в «заповедник для всех врагов короля и бессовестную кузницу всевозможных бунтовщиков и безнравственных планов». Преемник Склтона в Гааге, маркиз д'Альбевиль, пришел к той же оценке отношения голландцев к английским оппозиционерам. Д'Альбевиль пожаловался Якову, что эти «государства открыто предлагают приют и защиту вашим мятежным

подданным и предателям». На деле, отмечал он, «с вашими подданными, у кого наихудшие намерения и кто живет на этих территориях, обращаются лучше... чем с теми, кто известен как преданный вашему величеству»⁴².

Яков и его советники были реалистами. На деле реально существовала большая и все еще растущая английская (и шотландская) колония людей, высланных в Нидерланды. Радикалы Джон Уилдман и Роберт Фергюсон, книготорговцы Джон Старки и Оншем Черчилль, как и автор альманаха Джон Партридж, находились среди огромного числа тех, кто проводил время в Амстердаме в конце 1680-х годов. «Много изгнанников», включая виг и философа Джона Локка, находилось в Роттердаме, откуда один правительственный агент сообщал, что «человек, не известный как виг», не мог считать здесь «свою жизнь в безопасности».

Гаага привлекала тех изгнанников, которые могли положить-ся на защиту Вильгельма и Марии. В Утрехте жила большая группа тех, кто и ненавидел Якова II, и «выражал сильное недовольство тем, что Монмут заставил собрание мятежников провозгласить себя королем». Среди порядка полутора сотен шотландских и английских семей, живших в Утрехте, были богатый купец сэр Томас Папиллон, бывший шериф Лондона Слингсби Бетел и бывший виг и генерал-губернатор Лондона, саркастичный франкофоб сэр Пейшенс Уорд. Вдобавок к этим сообществам скорее среднего уровня в Нидерландах существовала традиция ношения английской одежды. Эмигранты создали крупные фабрики в Леувардене во Фрисланде, в Гронингене и за границей — в Люнебурге возле Гамбурга. Правительство Якова II знало, как в Англии «несколько англичан использовали свободу, чтобы чернить его величество в общественных кофейнях и бросать тень на правительство». Ссылные часто посещали кофейню Несбита и Кольбера в Роттердаме, кофейню в Делфте и кофейню Крума Элбоу в Амстердаме. Так как Питер Кидд, который посещал печально известную в Лондоне кофейню вигов «Амстердам», осел в Утрехте, вскоре и он, вероятно, усердно работал, также организовав там прежнюю деятельность⁴³.

Не только власти Провинций приветствовали английских и шотландских мятежников — голландская пресса сама проводила ядовитые атаки на правительство Якова II. Вскоре Амстердам стал «источником всех бунтарских и изменнических памфлетов

против Англии». Подстрекательский антиабсолютистский трактат Самюэля Джонсона «От магистратуры» почти наверняка был напечатан там и тайно переправлен в Англию. По мере того как идеологическая напряженность в Англии в 1687 и 1688 годах росла,росло и число политически важных памфлетов, публикуемых в Нидерландах.

Яков выходил из себя от шквала памфлетов, написанных Гилбертом Бернетом, который не только пользовался защитой Вильгельма Оранского, но и печатал свои работы в Нидерландах, распространяя их в Англии. Работы Бернета, вероятно, были наиболее выдающимися — но они не составляли общей суммы работ, критикующих Якова II и изливающихся из голландской прессы. Существовали «несколько бунтарских памфлетов и пасквилей», включая такие, которые «не могли принадлежать самому Джону Мильтону», были «напечатаны в Голландии и тайком провезены сюда плохими людьми».

Среди этой голландской печатной продукции встречались «недостойные рисунки, которые они рисовали на нас и раньше, и позднее». «Голландцы того времени, — написал лондонец Уильям Уэстби летом 1688 года, — стремились все преувеличить и усугубить в своих памфлетах, которые привозили тайком и продавали за большие деньги, они непочтительно намекали на правительство и старались погасить преданность людей и уничтожить их любовь к своему королю».

Развратила или нет голландская печатная кампания англичан — а есть хорошие основания верить, что памфлеты широко читались и обсуждались — так или иначе, нет сомнения, что Яков II был сильно раздражен. Эти «кислые пилюли» из Нидерландов, информировал Берильон своего короля, вскоре могли вывести Якова II «на длинную дорогу», чтобы положить им конец⁴⁴.

Яков был также убежден, что именно голландское политическое вмешательство, в особенности со стороны Вильгельма и его круга, питает политическую нестабильность в Англии. Яков II соглашался с французским послом Берильоном, что «намерениями» принца Оранского было полное противостояние его намерениям, и что Вильгельм надеется «спровоцировать беспорядки» в Англии. К весне 1688 года Яков уверился, что планом Вильгельма «всегда» было «вызывать проблемы в Англии». Разные советники Якова, включая Берильона, Бевила Скелтона и графа Гран-

нарда, постоянно предупреждали английского короля, что Вильгельм представляет собой постоянную опасность для его трона. Один придворный меморандум, почти наверняка циркулировавший в католическом внутреннем круге, предупреждал, что напряжение между Яковом и принцем и принцессой Оранскими представляет собой самую большую «угрозу для безопасности его величества, которая останется, покуда он жив». Это напряжение, заявлял автор меморандума, «делает все старания его величества для католиков и для национальных интересов слабыми и неэффективными и служит для его постоянного раздражения и уменьшения его славы».

Понятно, что вскоре сам Яков объявил, что именно голландское вмешательство сделало его первый парламент непокорным, расстроило его тактику личных контактов и угрожает его планам собрать новый парламент. Якову было также ясно, что голландский посол ван Ситтерс вместе с принцем и принцессой Оранскими делают все возможное, чтобы расстроить планы короля отменить Акты о присяге, которые не давали ему нанимать римских католиков и протестантских диссидентов. В этом контексте неизбежной политической и идеологической конфронтации можно только предположить, что Яков верил слухам, будто голландцы стоят за планами сменить его на троне в 1686 году и выкрасть принца Уэльского в 1688-м⁴⁵.

Яков тревожился не только о политическом вмешательстве голландской идеологической ориентации — он также видел в Нидерландах крупного политического и экономического соперника Англии. Не волнуясь по поводу французских территориальных притязаний, Яков глубоко переживал из-за голландской экономической политики. Он разделял мнение тех, кто заявлял, что Нидерланды претендуют на мировое доминирование в торговле или создание морской империи. Яков всегда был активным в лондонских торговых кругах, и его давно убедили аргументы, выдвинутые его друзьями из Ост-Индской и Королевской Африканской торговых компаний, что Нидерланды хотят руководить англичанами с моря — как достойными средствами, так и грязными. В 1681 году Яков говорил своему другу Дартмуту, что голландцы «сделают все, чтобы захватить мировую торговлю». В 1687 году он признался Бонрепо, что боится, как бы Нидерланды «не поставили себя в положение хозяев всей коммерции» в Ост-Индии.

Сандерленд, который играл доминирующую роль во внутреннем круге приближенных Якова до ноября 1688 года, также считал, что Нидерланды «сделают себя хозяевами всей торговли и что вскоре они приобретут абсолютный контроль над всей торговлей перцем». Один меморандум, который циркулировал при дворе в 1685 году, утверждал, что голландцы — это «люди, чьи планы создаются торговцами и составляют такие же обширные последовательные схемы для добычи единственной уступки в любой иностранной коммерции, какие делают амбициозные монархи для расширения своего господства». Нидерланды, предупреждал автор этого меморандума, почти достигли «господства в обеих Индиях». Летом 1687 года при дворе вовсю ходил слух, что голландцы «не упустят ни одного шанса и больше не отрицают, что они хотят полностью вытеснить англичан из торговли с Индиями».

Яков и его советники считали, что Англии нужно действовать быстро и решительно. Целью английской политики, утверждал Уильям Петти в двух документах, написанных по распоряжению Якова, было «отобрать торговлю у Голландии и ее компаний и перевести ее в Англию». Петти разрабатывал стратегии, включая «разрешение на свободу религии», посредством чего «главная суть поглощения торговли» — то есть захвата «у голландцев торгового фрахта, рыболовства и товаров Ост-Индии» — может быть достигнута⁴⁶.

Наконец, Яков опасался внешней политики, проводимой нидерландскими Генеральными Штатами и их руководителем, Вильгельмом Оранским. С момента восшествия на престол Яков и его советники понимали, что английский «парламент, принц Оранский и Австрийский дом» имеют «неразрывные интересы». Яков считал, что все трое твердо намерены ограничить его власть в Англии, разрушить английскую торговлю и сдерживать силу Франции. Нидерланды преследовали эти цели, чтобы сохранить то, что, по мнению Якова, было несбыточным европейским балансом сил. Он был уверен, что Вильгельм делает все от него зависящее, чтобы «нарушить покой Европы». Нидерланды и их агенты, как верили многие на Уайтхолле, подстрекали войну на севере» между скандинавскими королями, агитируя за мир между оттоманским султаном и императором Священной Римской империи Леопольдом I, чтобы он мог начать войну против Франции, и соблазняли электоров Бранденбурга в антифранцузский союз.

Яков, нужно признать, часто выражал свои беспокойства в конфессиональных терминах. Вильгельм, говорил он, «серьезно работает» в надежде «начать религиозную войну». Но Яков не подразумевал «религиозную войну» в традиционном ее смысле. Он не думал, что Вильгельм поддерживает мировоззрение раннего протестантизма. Яков хорошо знал — и часто говорил об этом французскому послу, — что эта «протестантская лига» включает «Австрийский дом и его приверженцев»⁴⁷. По существу, Яков боялся союза всех тех, кто был против галликанской версии католицизма, лиги, а множество их включало и ряд самых могущественных католических королей.

Ясно, что Якова мало интересовало сохранение европейского баланса сил. Он просто не воспринимал французскую активность в Европе как угрозу английским национальным интересам. Напротив, Нидерландская республика и ее политический лидер Вильгельм Оранский представляли собой ужасную опасность для Якова II. Политика Нидерландов в понимании Якова основывалась на наборе самых гнусных принципов. Нидерландцы верили в народное правительство, коммерческий империализм на морях и баланс сил в Европе. Следствием этих представлений наверняка станет то, что Нидерланды сделают все, что в их силах, чтобы дестабилизировать Англию, будут искать пути убрать англичан из Индии — и Восточной, и Западной, и разожгут революционный пожар по всей Европе. По всем этим причинам, чувствовал Яков, голландцев — а не французов — нужно остановить.

* * *

Идеологическая антипатия Якова к Нидерландам не переходила автоматически в агрессивную антиголландскую внешнюю политику. Конечно, существовало громадное отличие — даже в XVII веке — между холодной войной идеологического антагонизма и горячей войной военной конфронтации. В конце концов, Яков всегда ненавидел нидерландское государственное устройство. И все-таки он скептически смотрел на третью англо-голландскую войну только потому, что понимал: английское богатство еще не в состоянии поддержать полномасштабное противостояние, которого требует такая война⁴⁸.

Тем не менее к концу 1687 года Яков пришел к желанию — и страстному желанию — войны против Нидерландов. Хотя боль-

шинство исследователей единодушно во мнении, что Яков был или слишком занят своими домашними проблемами, чтобы обращать внимание на международные дела, или его единственной целью вне Британии было установление баланса сил в Европе, ими упускается из виду сильная профранцузская ориентация Якова. Ученые ошибочно приняли введение Яковом финансовых ограничений сразу после мятежа Монмута за его идеологические и политические обязательства. На деле Яков всегда знал, что пойдет войной на Нидерланды. Оставался единственный вопрос: когда он посчитает необходимым сделать это.

К концу 1687 года Яков решил, что больше ждать не может. Он сделал свои желания начать войну такими прозрачными, что Вильгельму и голландцам пришлось отреагировать. Политические шаги Якова, а не рождение его сына спровоцировали военные действия в 1688 году. Произошли они, потому что английские революционеры, голландские политики и большинство остальной Европы понимали: то, что стоит на кону, не является узким вопросом наследования английского трона, это более широкий вопрос — политической, экономической и идеологической ориентации Северной Европы.

Существует множество свидетельств, позволяющих предположить, что первые два года своего правления Яков считал, что установление мира в Европе, безусловно, в его интересах. В 1685 году Берильон рапортовал Людовику XIV, что Яков верит, будто «иностранная война создаст огромные препятствия для осуществления всех его планов, касающихся английских домашних дел». Это было не потому, что Яков отдавал приоритеты внутренним делам или потому, что Яков хотел оставаться нейтральным в европейских делах. Яков понимал, и что он еще не может позволить себе англо-голландскую войну без того, чтобы не отдаться на милость парламента, и что такой конфликт сделает для Нидерландов слишком легким раздувание мятежа у него дома⁴⁹. Яков принял, что конфликт с Объединенными провинциями неизбежен. Он просто хотел подождать, пока станет достаточно богат и достаточно силен для удара.

Свидетельства в подавляющем большинстве случаев предполагают, что политические расчеты Якова медленно менялись после каждого нового голландского оскорбления, каждого нового события, указывающего на бесчестные результаты голландского поли-

тического вмешательства, каждого нового шага, который предполагал, что ни один внутренний процесс не может совершиться без учета международной ситуации⁵⁰.

Летом 1686 года, несмотря на английские финансовые ограничения, Яков и его внутренний круг советников серьезно обсуждал возможность объявления англо-голландской войны. В начале августа и испанский посол Ронквилло, и голландский посол ван Ситтерс слышали от «различных персон и среди других от католиков, достойных внимания», что готовятся серьезные планы «объявления войны» вместе с Францией «против Нидерландов». Внутренний круг Якова из католических советников и, можно предположить, представителей в основном французской католической партии, делал все, что в их силах, чтобы убедить Якова, «что Нидерланды — источник и рассадник всех препятствий, которые встают перед ним в вопросе религии, прежде всего необходимо уничтожить». «Один из самых заслуживающих доверия министров» предупреждал голландского посла, что Яков готов «применить все возможные меры», чтобы заставить Нидерланды изгнать британских высланных и восстановить территории, захваченные у английской Вест-Индской компании.

Именно в этот период совет министров обсуждал предложение, призывающее к «войне с целью уничтожения Нидерландов». Авторы этого меморандума, который впоследствии широко циркулировал в европейских дипломатических кругах и, вероятно, дошел до папы Иннокентия XI, доказывал, что «вред и несправедливости, совершенные Нидерландами», являются «нестерпимыми». Заявлялось, что Нидерланды «подстрекали последнее восстание и давали убежище мятежникам его величества». «Мы никогда не дождемся конца их интриг, — настаивал автор, — пока не уничтожим республику». Время действий пришло. «Никогда еще не предоставлялась такая возможность уничтожить их, как в настоящий момент, когда все силы, которые могли помогать им [то есть Священная Римская империя и ее союзники], заняты войной против турок»⁵¹.

Совет министров Якова выступал не только жестко — он принял провокационные действия. Яков и Самюэль Пепис провели морскую подготовку, «до какой степени, полностью еще неизвестно». К середине июля 1686 года более пяти тысяч человек лихорадочно работали в морских доках. Этим летом Яков II «по-

стыдно подбадривал» алжирских пиратов, которые находились в состоянии войны с Нидерландами, позволив им свободно пользоваться английскими портами и продавать их голландскую добычу в Англии. Чтобы точно знать, что никто из журналистов не упустит этой темы, Яков вручал награду за наградой самому едкому из антиголландских полемистов, Чарльзу Моллоу. В апреле Моллоу возвели в рыцари, а в сентябре он стал регистратором* Лондона⁵².

Сплетники и в Англии, и в Нидерландах начали серьезно обсуждать возможность войны. В начале января 1686 года Роберт Харли слышал «какие-то шепотки о войне против Н.». За следующие месяцы эти шепотки постепенно выросли в рев. В июне один придворный наблюдатель с хорошими связями записал, что «о войне с Нидерландами сообщают уверенно». К августу и сэр Роберт Холмс, и герцог Графтон соперничали за получение желательных полномочий во время возможной войны. В Северном море в начале января голландцы уже начали «волноваться» по поводу намерений Якова. Весной эти тревоги быстро переросли в морскую подготовку, так как Нидерланды ожидали нападения или от французов, или от англичан, или от обоих. Именно эти убедительные слухи «преобладали в Голландии и повсюду» и заставили в конце концов датского посла ван Ситтерса предстать перед Яковым, чтобы выяснить его намерения⁵³.

Яков решил не объявлять войны против Нидерландов летом 1686 года. Он и его внутренний круг советников, очевидно, заключили, что Англия еще не готова в настоящий момент⁵⁴. Не только английский флот не набрал еще полной силы — Яков, должно быть, боялся уступок, которых потребует скептический парламент. Поняв, что не сможет обеспечить безопасный лояльный парламент личным убеждением, Яков, вероятно, надеялся, что планируемые реформы этой корпорации обеспечат ему более покладистых членов парламента в будущем. Однако он хорошо знал, что такой

* Регистратор Лондона (*recorder of London*) — старинная юридическая должность, существующая до сих пор. Регистратор назначается короной с согласия лорд-канцлера и выполняет функции старшего окружного судьи в Центральном уголовном суде (Олд Бейли). Однако список регистраторов Лондона не содержит Чарльза Моллоу: в 1685–1687 годах эту должность занимал сэр Джон Холт, впоследствии — лорд Главный судья Королевской скамьи. (Прим. ред.)

парламент нельзя созвать немедленно. Нидерландская республика должна быть уничтожена — безусловно, рассуждал Яков, — но не в этом году.

До конца 1687 года Яков не осмеливался принять решительные действия против Нидерландской республики. Теперь он захотел отозвать из Объединенных провинций шесть британских полков, находящихся на службе Нидерландских Генеральных Штатов. Хотя позднее историки преуменьшили важность этого решения Якова, современники не испытывали подобного заблуждения. Они все понимали, что действия Якова были сигналом о желании идти войной на Нидерланды. Голландец ван Ситтерс отреагировал на новость об этом отзыве восклицанием, что «это определенный знак войны против Генеральных Штатов».

На следующей неделе ван Ситтерс сказал своим «самым близким» друзьям, что «существует проект для ведения войны против Генеральных Штатов, созданный» Яковом II и Людовиком XIV. Испанский посол Ронквилло убеждал, что «по крайней мере» этот поступок указывает на «прочный альянс между [королем Франции] и королем Англии». Когда он спросил графа Сандерленда, будут ли англичане «воевать с Генеральными Штатами», ему ответили, что Яков II «настроен начать войну». Многие из «ведущих католиков» при дворе Якова «считали этот отзыв войск разрывом с Генеральными Штатами и в первую очередь — с принцем Оранским». Вот почему умеренные католики, такие как маркиз Поуиса и граф Арундела, а также все больше становящийся франкофобом Джон Черчилль так твердо воспротивились этому перемещению. Вот почему одновременно расположенные к Франции католики вроде отца Питра с таким энтузиазмом поддержали решение Якова⁵⁵.

Почему Яков, который молчал о начале войны с Нидерландами еще недавно, летом 1686 года, решил рискнуть спровоцировать конфликт? Ответ в том, что Яков убедился: голландцы поставили непреодолимый барьер для достижения обеих его целей, и внешней, и внутренней. Еще в середине 1686 года казалось, что англо-голландская война затруднит Якову обеспечение безопасности его внутренних и зарубежных позиций, то к концу 1687 года Яков почувствовал, что Нидерланды нужно уничтожить, если он хочет чего-нибудь достичь. С точки зрения Якова и его внутреннего круга советников, политические провокации Нидерландов оказались достаточно успешными, и цена отказа от развязывания вой-

ны становилась больше, чем затраты на полномасштабный морской конфликт.

Решение против немедленного начала войны летом 1686 года мало подействовало на ослабление англо-голландской напряженности. К ноябрю 1686 года возникла еще одна волна слухов, всплеснувшая частично из-за знания людьми о морском строительстве Якова. «Большинство говорит о возможности войны с Голландией на следующий год», — гласил один слух. Другой сообщал, что «ходят разговоры, и уже длительное время о войне с Голландией следующей весной». В Нидерландах тоже ходило много разговоров о войне. «Люди сильно обеспокоены», — записал Даниэль Пети в Амстердаме. «Как велики тут опасения людей о войне с Англией», — восклицал Джеймс Кеннеди из Делфта⁵⁶.

Эту новую волну слухов разожгло беспокойство о голландском империализме в Ост-Индиях. В 1682 году Корнелис Спилман, генерал-губернатор Голландской Ост-Индии, опустошил султанат Бантам и разрушил там английскую факторию. Так как Бантам играл значительную роль в английской торговле специями с Явой и Суматрой и так как Яков был большим другом Английской Индийской компании, такое развитие событий долго считалось «очень важным». На деле Нидерланды отказались платить 1,3 миллиона фунтов репарации за Бантам, что стало значительным источником напряжения в первые месяцы 1686 года. Два события осенью 1686 года возобновили вспышку страха из-за англо-голландской вражды. Английский двор получил «свежие жалобы» об успешных голландских попытках полностью вытеснить англичан с территории, которая теперь стала Индонезией. Яков в ответ приказал новому католическому посланнику в Объединенных провинциях маркизу д'Албевиллю усилить давление на Нидерланды путем не только требования сатисфакции, но также путем «реституции» Бантама. «Голландцы не дали этой сатисфакции, как от них ожидали и требовали, — прокомментировал лондонский купец Кристофер Джефферсон, — чего можно было ожидать». Когда свежие доклады о новых вторжениях просочились в Англию в 1687 году, Яков сохранил умеренное поведение, но стало известно, что он был «в ярости». Граф Сандерленд в июне 1687 года зачитал французскому послу Берильону ноту, что, «если Англия и Франция ничего не сделают, чтобы остановить наглость Нидерландов в Индиях», голландская коммерческая геге-

мония даст им достаточную силу, «чтобы начать войну или заблокировать все планы» королей Англии и Франции⁵⁷. Яков со своим правительством были готовы реализовать план короткой войны, так как оказались не в состоянии остановить гегемонию Нидерландов в Ост-Индиях.

Яков не только уверился, что Нидерланды представляют собой непреодолимый барьер к достижению его имперских и коммерческих планов — он решил также, что голландское политическое подстрекательство угрожает самому существованию его режима. В 1686 и 1687 годах действия Нидерландов помогли расстроить попытки Якова обхаживать непокорных членов парламента, когда он лично просил их о поддержке. Издаваемые Нидерландами пропагандистские материалы отвернули многих людей Якова от его Декларации об индульгенции, а лоббирование со стороны голландцев создало большие трудности для перестройки английских корпораций.

К концу 1687 года Яков был сыт по горло. Он сообщил всем, что ненавидит Нидерланды. Перед римскими католиками при дворе и снова перед своим советом министров Яков подробно изложил «с большой силой» историю англо-голландских отношений с момента его восшествия на престол. Он осветил попустительство Нидерландов в деле Монмута, «дело Бантама и другие моменты, которые имели место в Восточных Индиях», поток унижительной голландской пропаганды и защиту, «которую Штаты оказывают мятежникам и особенно [Гилберту] Бернету». Яков не скрывал гнева, как он делал прежде. Имперский посол Филипп Хоффманн вскоре прослушал ту же самую литанию о голландских оскорблениях, добавив, что «особенно неприятным королю» казался тот факт, что принца Оранского, генерала Штатов, даже голландские бюргеры «подстрекали в нетерпимой для английской политики манере и, кроме всего прочего, в религиозных вопросах». Гневные обвинения Якова достигли ушей роттердамского квакера Бенджамина Ферлея. «Король Англии публично заявил, что Нидерланды нарушили договор с ним, защищая его мятежников», — сообщил он своему хорошему другу Джону Локку. Польский посол в Гааге Антуан Моро в самом деле суммировал действия Якова с января 1688 года, когда заявил, что английский король «не прекращал угрожать этому государству... с момента восшествия на трон»⁵⁸.

Итак, в то время как некоторые современники считали решение отозвать полки, находившиеся на голландской службе, импульсивным ответом на публикацию работы великого нидерландского государственного деятеля Гаспара Фагеля, пресловутых «Писем», критиковавших желание Якова отменить Акты о присяге, решение Якова было более взвешенным и более широкомасштабным. Глубокая идеологическая антипатия Якова к Нидерландской республике росла с каждой новой провокацией. Уже с лета 1686 года голландский посол ван Ситтерс отмечал, что, хотя «король не в состоянии начать международную войну» в этом году, лихорадочное строительство английского морского флота за безмерные деньги «заставляет многих прозорливых персон беспокоиться, что намерения относительно весны могут оказаться совсем другими».

На следующий год Бонрепо и Берильон — которые были самыми твердыми в утверждениях, что Англия не готова к войне в 1686 году, — резко изменили свои оценки. В июне 1687 года Берильон бросился в покои Бонрепо посредине ночи, чтобы объявить, что ярость Якова против принца Оранского такова, что «невозможно избежать открытого разрыва с Нидерландами». Хотя Бонрепо оставался настроенным более скептически относительно желания Якова немедленно начать войну в Европе, оба, и Берильон, и Бонрепо, соглашались, что Яков «настолько разозлился на принца Оранского и настолько не удовлетворен тем, что происходит ежедневно в Индиях», что война на Востоке между странами вполне может начаться, причем Яков охотно поддержит претензии английской Ост-Индской компании. В течение нескольких недель обсуждений Яков вел серьезные дискуссии с Берильоном об объединении «католических сил» против международных усилий принца Оранского. Когда Людовик XIV пообещал финансировать возвращенные из Нидерландов полки, тяжелое чувство Якова, должно быть, рассеялось⁵⁹.

Война стала неизбежной с того момента, когда Яков решил отозвать британские полки из Нидерландов. Действия Якова привели в движение спираль эскалации напряжения, которую ни одна сторона не могла и не хотела прервать. Первоначально голландцы отказались возвращать полки Якову, заявив, что «люди свободны и они имеют право выбирать, в какой стране они хотят жить». В конце концов, вернулась только треть солдат. Каждая сторона

подала огромное количество резких жалоб против пропагандистских машин своих оппонентов. Английский посол в Нидерландах обвинил принца Оранского в подстрекательстве «беспорядков в Англии». Нидерландцы, в свою очередь, горько жаловались на официально санкционированный памфлет «*Parliamentum Pacificum*» («Мирный парламент»), который перечислял все грязные аргументы, найденные против Нидерландской республики⁶⁰.

Вскоре памфлетные войны превратились в гонку опасного оружия. Яков, подбадриваемый на каждом шагу Людовиком XIV, в феврале 1688 года ускорил морскую подготовку. Нидерландцы ответили таким же образом, спровоцировав Якова на ремарку ван Ситтерсу, что, «видимо, они намерены развязать войну». Вскоре французский двор уловил ветерок слухов о массовой мобилизации в Нидерландах, чтобы обороняться против «военных угроз англичан из-за реституции Бантама». Вероятно, на основе этих сведений Берильон предупредил графа Сандерленда, чтобы тот был готов иметь дело с возможностью голландского вторжения.

Якова и его ближайший круг советников не требовалось убеждать. Они были уверены, что Генеральные Штаты и принц Оранский просто ищут повод для войны. Снова начали циркулировать слухи о совместном англо-французском нападении на Нидерланды. Но вероятно, важнее было то, что граф Сандерленд больше не отрицал английского интереса в таком конфликте. Он заявил Берильону, что, если Людовик XIV посчитает верным пойти войной против Нидерландов, Яков II «примет необходимые меры, чтобы довести до конца этот важный проект». На деле, добавил Сандерленд, если бы Нидерланды можно было изобразить агрессором, то «вся Англия» наверняка поддержала бы «корону в справедливой войне»⁶¹.

Ясно, что Яков II со своим ближним кругом хотел не просто сохранить баланс сил в Европе. Он не так уж был озабочен домашними делами, чтобы пренебрегать делами Европы. Просто Яков со своими ближайшими наперсниками лелеяли глубокую и непоколебимую ненависть к Нидерландской республике. Первоначально они надеялись модернизировать английское государство, упорядочить Британскую империю и утвердить католическую религию до начала неизбежной конфронтации с Нидерландской республикой. Однако Яков, Сандерленд, отец Питр и другие поняли, что Нидерланды стали фундаментальным препятствием для

достижения как внутренних, так и империалистических целей. Они заключили, что Нидерланды следует уничтожить.

Быстро растущее англо-голландское напряжение сделало конфликт к концу 1687 года неизбежным. Англо-голландские силы, которые отплыли к Англии осенью 1688 года, ожидалось задолго до того. Действительно, воинственные действия Вильгельма III и британских эмигрантов в координации с Нидерландскими Генеральными Штатами нужно было понимать как превентивный удар против равно агрессивной английской политики. Нидерланды считали, что успех предприятия, как писал Антуан Моро из Гааги в октябре 1688 года, есть единственный способ «сохранить свою религию, свою свободу и единственное средство восстановить свою коммерцию»⁶². Яков преуспел в провокации Нидерландской республики.

* * *

Яков и его советники не смогли убедить большинство англичан разделить их оценку международной ситуации. По мере того как Яков и его внутренний круг стали все больше убеждаться во вредоносности Генеральных Штатов и Вильгельма Оранского, большинство англичан все больше убеждалось, что Франция Людовика XIV представляет самую большую идеологическую и геополитическую угрозу, перед какой Англия когда-либо стояла. На деле большинство англичан пришло к пониманию своих проблем в примечательно современных и националистических терминах, даже если этот национализм — как я покажу позднее — никогда не содержал идеологического согласия о целях и направлениях английской внешней политики⁶³.

Многие в Англии ненавидели и боялись Людовика XIV из-за его стремления стать всемирным монархом. В конце XVII века англичане, в отличие от своих предков, не имели намерений заменять католического всемирного монарха на протестантского. Наоборот, они осуждали стремление к мировому господству как архаичное в мире, устроенном теперь по национальному признаку.

Несмотря на попытки короны ограничить распространение антифранцузской пропаганды, Англию ко времени революции наполняло франкофобское чувство. «Каждый имеет свободу осуждать действия короля Франции», — записал один лондонский обозреватель. Диссидент Генри Ньюкам, министр от района Ман-

честера, едва сдерживал свое презрение к «тирану Франции». «Во всех слоях существует согласие, — утверждал другой комментатор, — что французы претендуют на мировую торговлю так же, как на мировую монархию». «Ни один человек в своем уме не будет отрицать, что французский король все прошедшие годы, да и сейчас, продолжает» представлять величайшую угрозу Англии, напоминал один консервативный англиканский графман в 1685 году — потому что Людовик XIV предается «своим долго вынашиваемым планам мировой монархии». Букингемширский джентльмен Эдмунд Верни считал, что Людовик XIV «никогда не перестанет требовать, претендовать, истреблять и брать все насильно, пока дьявол не заберет его». В октябре 1688 года один журналист заявил, что Людовик XIV намерен «воевать со всей Европой». Берильон, который, безусловно, был чрезвычайно чувствителен к общественному мнению в этом вопросе, считал, что большинство в Англии, те, кто является «добрыми англичанами и протестантскими фанатиками», считают, что это и есть «истинный интерес Англии — противостоять великолепию» Людовика XIV. Вот почему «общность людей», на которых французский посол навесил ярлык «раскольники и недовольные», всегда «ждали войны с Францией»⁶⁴.

Англичане хорошо понимали, что Людовик XIV представлял угрозу национальной целостности не только своего государства, но и всей Европы. Людовик XIV, утверждал один полемист, является «старым врагом английской нации, не желающим ничего, кроме как уничтожать и губить людей; менять и ниспровергать их законы и религию». Людовик XIV, объяснял автор работы «Истинные интересы христианских королей», имел привычку «плохо обращаться с суверенами и королями» Европы. Англичане в 1680-х годах с жаром комментировали каждое покушение на национальный суверенитет по всей Европе. Французы, жаловался Габриэль де Сильвиус, пытаются «втянуть всю Германию во внутренние ссоры». Людовик XIV бесстыдно вмешивался при определении электора Кёльна и, что еще хуже, пригласил оттоманских турок вторгнуться в Священную Римскую империю с конечной целью приобрести «или титул императора, или такой кусок империи самому, какой устроил бы его». Другие беспокоились, что французские агенты усиленно работают, подстрекая подданных различных испанских территорий «сменить своих хозяев».

Джентльмен из Вест-Кантри (графства западнее Лондона) Уильям Лоуренс подвел итог чувствам англичан, когда объяснил, что *«французский король считает, что для человека послушание другим королям все равно что попробовать запретный плод, и поэтому своим пламенным мечом он изгоняет целые нации из рая мира и достатка; он равно убивает и сжигает, никакой довод не может остановить его ярость, никакая сила пока не отразила его амбиций. Аттила, который лишь являлся flagellum Dei (бичом Божьим), не был большим тираном — он лишь стирал нации, а этот ненасытный монарх планирует вечное рабство»*⁶⁵.

Лоуренс прекрасно схватил национальную основу английской оппозиции французскому универсализму в 1688–1689 годах. Людовик XIV был опасен не только из-за своего тиранического типа правления, но также, безусловно, и потому, что он отказывался признавать законность отдельных национальных правительств и личностей.

Многие английские мужчины и женщины по необходимости пришли к истолкованию — и до некоторой степени справедливо — политической деятельности своего короля в контексте растущей мощи Людовика XIV и удивительной бездеятельности Якова II перед лицом этой угрозы мирового владычества. Англичане в конце XVII века видели свою политическую ситуацию отнюдь не в блестящей изоляции, а в контексте французской деятельности в Европе и вне ее.

Яков II, как стали понимать англичане, стремился заменить английскую национальную политическую культуру французской. Многие в Англии воспринимали программу католической модернизации Якова II как попытку заменить английское правительство на французское правительство. Яков II следовал «прекрасному образцу... управления всем лишь одной волей суверена» своего французского кузена, предупреждал один поэт летом 1688 года. Другой был уверен, что «притеснители» Англии были «вскормлены жестоким прецедентом во Франции». «Пример и помощь французского короля вдохновляли» Якова II «на громадное мужество», — написал тори Уайтлок Балстроуд в июне 1688 года. Автор Оправдания всех поступков считал, что Яков II выбрал «невыносимую тиранию, просто моделируя французский фасон». «Король Яков в большой степени поработил эти нации», — позднее вспо-

минал Джеймс Уэлвуд, и «совместно с Луи Четырнадцатым» он планировал «научить нас французскому типу покорности»⁶⁶.

Ощущение англичан, что их политическая культура офранцуживается, оказалось и хорошо развитым, и тонким. С начала 1680-х годов многие английские умы жаловались, что *«французские советники и проститутки, французское образование изменили нашу природу и поработили нацию — внимание!»*.

Яков II настолько активно продвигал французскую моду, французские путешествия и французское образование, считал один поэт, что «этим воспитанием он нацию не сплотил — он нацию развратил». Конечно, французское присутствие при дворе было очевидно из-за франкофильских тайных советников и иезуитских консультантов. Именно по этой причине англичане возлагали вину за все свои национальные «неудачи в течение многих лет на французские советы». Советники Якова, сердился Даниэль Дефо, *«были книжными политиками и никогда не принимали во внимание гений и юмор тех людей, с которыми им приходилось иметь дело. Может быть, они считались очень мудрыми людьми и великими политиками в других странах — но они не могут ожидать в Англии ничего, кроме репутации самых неблагоприятных и не относящихся к политике людей»*⁶⁷.

Политика, ведущаяся Яковом и его франкофильскими советниками, была, естественно, французской политикой. Регулярная армия Якова — чей центральный лагерь в Хаунслоу-Хит определенно был устроен по образцу военных лагерей Людовика XIV — как считалось, превратила «гражданское правительство в военное; и это не правительство Англии». Английский закон превратился в пародию французского. Свергая «гражданское правительство и созданные законы, — заявил один рассерженный английский полемист, — слишком точно следуют французскому прецеденту», настолько, что «вполне можно сказать, что методы, наблюдаемые тут, полностью совпадают с теми, какие использовались во Франции». Другой полемист излил свой гнев, заявив, что «во всех своих делах» Яков II *«подошел к фундаментальной установке для английского монарха совершенно от обратного: вместо поддержания наших законов он узурпировал власть, чтобы приостановить и лишить их законной силы: вместо сохранения верного курса*

устройства суда он назначил таких судей и юристов, которые являются врагами конституции»⁶⁸.

Попытки Якова II отменить Проверочный акт и Карательные законы через Декларацию об индульгенции, а также собрать новый лояльный парламент, широко интерпретировались во французском контексте. «Так делается во Франции» научило англичан остерегаться, «насколько ничтожными оказываются все эдикты, коронации-клятвы, законы и обещания, повторяемые снова и снова». Сначала личными беседами с советниками и членами парламента, а затем подчинением всей страны своим пресловутым трем вопросам, касающимся Проверочного акта и Карательных законов, Яков II угрожал «свободе и самому существованию нашего парламента — точно так, как французский король впервые вторгся в верховную законную власть Франции, которой был наделен Ассамблеей Сословий». «Король своей неограниченной властью, — гремел сэр Джордж Треби на Согласительном парламенте 1689 года, — может назначать членов парламента так же, как в Париже, где парламент существует лишь в качестве канцелярии, члены которой записывают волю и желания короля». Яков II, вспоминал один историк вскоре после революции, «принял решение о полном разгоне английского парламента», дабы «расчистить путь для введения парламента французского типа, что сразу же передавало все старые свободы королевства и всю власть правительства в его руки»⁶⁹.

По поводу курса режима Якова II англичане также решили, что любовь их короля к французским вещам полностью соответствует его стилю правления. Французское управление, как они знали, не принесло народу ничего, кроме страданий. Как предупреждал в 1685 году тори Джейкоб Бьюри, *«в королевстве Франция (где народом управляет только королевская власть) действительно живут в великих страданиях и рабстве; там удовольствие короля заключается в насилии над законом — по этой причине их короли по своему усмотрению меняют законы, создают новые законы, казнят парламенты, обременяют своих подданных расходами»*.

«Когда я назвал Францию, — выступал виг Гилберт Бернет несколькими годами позднее, — я сказал все, что необходимо, чтобы дать вам полное представление о самой черной тирании над

человеческим сознанием, личностями и владениями, какую только можно вообразить»⁷⁰. Ярость английских националистов поднялась потому, что в глазах многих Яков II стал имитировать эту тиранию.

Большинство англичан в конце 1680-х годов знали, что им нужно выбирать между двумя определенными национальными политическими культурами. Народная политическая активность по всей Англии оставляла мало сомнений о тенденции общественного мнения по поводу этого вопроса. В июне 1687 года, например, лидер одной группы заговорщиков из Вест-Кантри, Уильям Херефорд из Бернхэм-он-Си, объявил о своем эфемерном успехе заявлением, что «теперь Голландия... завоевала Францию». В декабре 1688 года английские прибрежные города постоянно заполнялись слухами о французских высадках в поддержку Якова II. Когда французское торговое судно выбросило на берег в Уэймуте во время шторма, народ вообразил, что собираются высаживаться французские солдаты, «они помчались на берег моря и, ничего не спрашивая, убили большинство людей»⁷¹.

И вот когда английская народная политическая франкофобия была на величайшем взлете, англичане стали считать, что их правительство находится в прямом союзе с национальным врагом. В августе 1688 года англиканский богослов, доктор Уильям Дентон, был «уверен, что король ожидает под свое командование эскадру французских кораблей». Роджер Моррис слышал сплетню, что «французы вышлют сюда силы, чтобы запугать парламент и заставить его делать, что они укажут, а именно: отменить тут конституцию и помешать принцу и принцессе Оранским получить корону». Почти сразу же, как д'Аво, французский посол в Объединенных провинциях, сообщил о существовании англо-французского союза, в это охотно поверили английские «потребители кофе». «Все говорили о священной лиге» между Яковом II и Людовиком XIV, утверждал лондонец Уильям Уэстби в конце сентября⁷².

В конце 1688 года англичане знали, что они должны действовать немедленно, если хотят сохранить свою национальную самостоятельность. Сэр Ричард Кокс позднее суммировал выбор, стоящий перед английским народом в 1680-х годах, в самых решительных выражениях. Как говорил он в лекции 1694 года, *«это правление, которое основано на воле, предубежденной в пользу*

интересов лишь одного хрупкого человека, является деспотическим тираническим правлением; мышлением, которое ненавидит англичанин. Это правление французского образца, когда воля короля является законом, здравым умом и религией людей. Таковы замечательная добродетель и великолепие наших законов и статусов, что они не только дают нам жить честно и справедливо друг с другом, но также обеспечивают нам защиту и безопасность от амбициозных планов и болезненных склонностей того, кто стоит над нами».

Епископальный клирик Роберт Кирк вспоминал, что именно «близость Якова II с французским королем и повторение его методов» — вот что «охладило сердца многих из тех, кто хотел добра королю Якову». И именно потому, что гораздо больше людей в Англии, чем «крохотное, далеко смотрящее меньшинство», осознавали связь между франкофильством Якова и его стилем правления, адмирал Герберт смог уверенно обратиться за поддержкой от имени «всех истинных англичан» к Вильгельму по прибытии того в Торбей⁷³.

Националистические революционеры свергли Якова II в конце 1688 года частично потому, что английский народ — от радикалов-вигов до умеренных тори — отчаянно желал ликвидировать все французское в английской политической культуре. В 1690-х годах и позднее они станут резко расходиться во мнениях по поводу содержания этой английской политической культуры. Но в 1688–1689 годах англичане всего политического спектра соглашались, что центральным аспектом английских национальных интересов стала война с Францией.

* * *

Английские мужчины и женщины стали активными участниками долгих народных дебатов о правильной ориентации английской международной политики. Эти дебаты — больше похожие на холодную войну во второй половине XX века — наполняли дискуссии почти по каждому аспекту политической и социальной жизни. К концу 1688 года стало ясно, что большинство политизированной нации предпочитает противостоять растущей силе Франции силой оружия. Тогда едва ли удивительно, что для большинства революционеров свержение Якова II мотивировалось

в том числе его франкофобской внешней политикой. Вильгельму не требовалось навязывать свою международную политику не желающей ее нации⁷⁴. Наоборот, английская политическая нация выбрала поддержку принца Оранского в 1688 и 1689 годах именно потому, что он был готов вести страну к долго ожидаемой войне против Людовика XIV.

Еще до того как Вильгельм и его свита достигли Лондона в декабре 1688 года, английские мужчины и женщины по всей стране были убеждены, что они наконец-то начнут войну против Франции, наконец-то вступят в бой против стремящегося к мировому господству Людовика XIV. Новости о революции *«станут самыми опасными во Франции, — считал сэр Роберт Саутвелл, — и все наши удары молний попадут туда, кроме того, что может попасть из остальной Европы. Она переживала огромные опустошения и бесчеловечное обращение, о которых нам рассказывали, и все выглядело так, будто Небеса теперь собрались наслать на нее месть»*. «Эта внезапная революция поступков, — информировала Левантская компания сэра Уильяма Трамбулла, — может послужить поводом, чтобы вскоре оказаться в заднице вместе с Францией».

Ясно, что война с Францией соответствовала желаниям политической нации. Голландский посол ван Ситтерс узнал, что «Сити в следующем парламенте будет очень упорно настаивать на войне с Францией». Сэр Эдмунд Уоркап, вовсе не виг, надеялся, что *«парламент блестяще поможет в отстаивании интересов протестантов и ослабит Францию, которая слишком сильно угрожает спокойствию христианского мира и слишком велика для всех своих соседей»*. Директора Ост-Индской компании в начале декабря 1688 года сообщали, что «война против Франции» является «самым большим стремлением английских протестантов всех уровней и рангов»⁷⁵.

Споры по поводу устройства конституции ничуть не уменьшили энтузиазм населения относительно войны в новом году. Джон Локк считал, что никто в Англии «не может спать», пока «не увидит, что нация втянулась в нормальные действия, и поставит себя в оборонную позицию, и поддержит общие интересы в Европе». Старый виг эмигрант Генри Поул сразу же напомнил своим землякам «об укреплении Франции и растущих надеждах ее беспокойного монарха». Англичане, считал он, должны приго-

товиться не только к обороне против такой мощной силы, но также сражаться на континенте, «чтобы вспомнили наши прежние завоевания во Франции, и вернуть провинции, формально принадлежащие короне Англии»*. Купцы, базировавшиеся в Ливорно, Томас и Роберт Боллы выразили свои горячие надежды, что члены Согласительного парламента «объединятся для обеспечения общей безопасности при столь большой угрозе на пороге и присоединятся к войне против Франции». Один парламентский наблюдатель прокомментировал в начале февраля 1689 года, что «наши старомодные герои... много говорят, как они нанесут удар Франции». Антифранцузские излияния потекли из вновь неконтролируемой английской прессы. Людовик XIV вскоре обнаружит, объявил автор одной дешевой газетки, «что его кларет «Бордо» не совсем одурачил дух англичан, что живо еще поколение мужчин, которые осмелятся нанести ему смелый визит»⁷⁶.

Огромное количество баллад и плохих стихов — жанра, нацеленного на менее образованную аудиторию с меньшим литературным вкусом, — которое появилось сразу же после революции, призывало к войне против Франции. Один писака призывал, чтобы «английское оружие под мощным предводительством династии Нассау»

*Разбило долгие союзы с Магометом из адской обители;
И с грабителем мира, европейским монстром-душителем.*

«Кольни французскую гордость, сбрось к черту Луи, их лорда», — советовал другой поэт. А еще один рифмоплет обещал:

*Если выпадет счастливый тот миг
С монсеньором схлестнуться в бою,
Мы оцетинимся лесом пик
И собьем с головы корону твою.*

«Пусть Галлия остережется смертельного удара», — предупреждал склонный к классике современник.

* Отметим, что эта «народная» претензия являлась вполне экспансионистской. Можно предполагать, что она была далеко не единственной — хотя английской пропаганде (как того времени, так и более поздней), обличавшей в экспансионизме именно Францию, было куда выгоднее апеллировать к более высоким материям. (Прим. ред.)

*Наш храбрый принц и мы объединимся для войны,
Чтобы выбросить из Франции короля Луи,*

— предсказал, срифмовав, башмачник Ричард Ригби. Автор поэмы «Civil Orange»* («Гражданский апельсин») пообещал, что

*Блестящие флоты голландцев с англичанами,
Как только справятся с былыми ранами,
Выйдут в море против французов рядом,
Хоть владей те силой испанской армады.*

«Наши британские львы», ведомые теперь Вильгельмом Оранским, предсказывал виг политик сэр Уильям Каупер опять же стихами,

*Сквозь Францию снова прошествуют маршем,
Их поражая яростью нашей.*

Генри Поллексфен уловил этот народный дух, когда агитировал за войну против Франции, он призывал «мир увидеть, что к нам вернулся наш разум, мы снова истинные англичане»⁷⁷.

Английские мужчины и женщины в конце 1688-го и начале 1689 года были полны решимости остановить мировые планы Людовика XIV. Революционеры всего широкого спектра политических направлений в единый голос требовали войны против Франции. Те, кто взял в руки оружие, чтобы защищать церковь, и те, кто хотел полных гражданских прав для диссидентов, те, кто просто желал заменить королей, и те, кто стремился к радикальному ограничению исполнительной власти, — словом, почти все, кто хотел смены режима, хотели также бороться с растущей силой Франции. Вильгельм не смог бы навязать антифранцузские настроения не желающей их нации. Англичане в 1688–1689 годах так же точно вались присоединиться к борьбе с Людовиком XIV, как и принц Оранский.

* * *

Революция 1688–1689 годов стала успешным актом английской политической нации по смене управления, которое все боль-

* Игра слов: Orange — и апельсин (точнее, цитрус), и обозначение Оранского дома; отсюда его сторонники — *оранжисты*, так до сих пор именуются протестанты Ольстера. (Прим. ред.)

ше воспринималось как французское, только с английским правительством. То была протестантская революция в том смысле, что английская народная религия искренне являлась одним из элементов — возможно, самым важным элементом — английской национальной идентичности, которой стал угрожать Яков. Однако эта война не была религиозной, она не являлась войной за отстаивание абсолютной религиозной истины. Борьба против утверждающейся французской мировой монархии — вот одна из центральных целей английских революционных монархистов, поэтому в лозунгах националистов идеология играла более значимую роль.

Англичане — включая сюда и пропагандистов Вильгельма — понимали, что война против Франции как война для защиты национальных интересов против растущей мировой монархии не является религиозной войной. Действительно, английские полемисты постоянно указывали, что именно пропагандисты Людовика XIV поднимают знамя крестового похода в отчаянной, но безуспешной попытке обрести союзников. Однако конфессиональный аргумент, каким бы эффективным он ни был в XVI и начале XVII века, больше не являлся убедительным мотивом. Европу более не разъединяли два тщательно разделенных конфессиональных лагеря католиков и протестантов. Католики обидно разделились на сторонников папы и защитников галликанского католицизма. Североевропейские протестанты тоже все больше разделялись на лагеря лютеран и кальвинистов⁷⁸. Оппоненты французского католического универсализма в конце XVII века повернулись не к альтернативному универсализму, а к общей защите партикуляризма. Религия не перестала быть важной; но она перестала быть единственной движущей силой в осуществлении международной политики. Для большинства европейцев, и особенно для Англии, война противопоставляла все сообщество европейских наций величайшему нарушителю национальной идентичности, Людовику XIV.

В этом националистическом контексте Вильгельм и Мария, король и королева Англии, обратили свое внимание на призыв своих подданных к войне против Людовика XIV. Война, к которой революционеры призывали английскую нацию, не была, как еще недавно заявляли историки, религиозной войной. Наоборот, Вильгельм, защитники его режима и революционеры в более широком смысле старались тщательно определить войну как международ-

ную борьбу против Людовика XIV — тирана и усиливающегося мирового монарха, который равно угрожал и католикам, и протестантам. Для нового английского режима война против Франции представлялась войной, которая противопоставит многоконфессиональный альянс европейских наций тирана, что угрожает существованию каждого отдельного человека.

Вильгельм, Нидерландские Генеральные Штаты и внутренний круг советников принца Оранского тщательно старались никогда не описывать революцию конфессиональными терминами. Даже флот вторжения приплыл под крестом Святого Георга, с английским оружием и под внеконфессиональным девизом *Pro Libertate et Libero Parlamento* — «За свободу и свободный парламент». Еще до отправки Вильгельм запретил печатать в Роттердаме голландского памфлетиста, заявлявшего, что антианглийские действия нужно принимать «под флагом религии». Вильгельм говорил всем, кто хотел слушать, что он намерен улучшить условия для английских католиков*. Генеральные Штаты со своей стороны инструктировали своих представителей при католических дворах и заявляли дипломатам-католикам в Гааге, что «их намерения не в том, чтобы принц преследовал людей за религию»; наоборот, они заключаются в «религиозном союзе, который они хотят установить»⁷⁹.

Не прошло и недели после коронации, как палата общин под председательством вигов Джона Сомерса и Джона Хэмпдена направили адрес своим новым монархам, призывая к войне с Францией. *«Мы рассмотрели беды, принесенные в христианский мир за последние годы французским королем, — сообщали они, — который без всякого уважения к суду, обманом и силой старался подчинить его произволу и мировой монархии»*. Не опуская аргументов «о стратегических и коммерческих опасностях, связанных с позволением Франции доминировать в Европе», комитет палаты общин делал ударение на этих пунктах. Людовик XIV, заявлял комитет, проводит в жизнь ряд мер, чтобы разорить и ослабить Европу в целом и Англию в частности. *«Вся серия действий французского короля за множество прошедших лет выстроена так, будто в его намерения входит не только создать необычайные беды своим собственным людям, — утверждали они, — но равным же образом*

* Заметим, что этого обещания он не выполнил. (Прим. ред.)

держат все силы соседей в постоянной тревоге и вынуждают их тратить на содержание армии и флота, дабы они были в состоянии оборонить от агрессора свои безопасность и свободу».

Людовик XIV «постоянно прибегает к самым подлым и низким действиям, чтобы погубить тех, кого он выбирает, подчинить своей воле и силе». Именно такими «интригами против Англии» Людовик XIV смог при Карле II и Якове II «подорвать управление и истинные интересы этого цветущего королевства». Кроме того, заявлял комитет, Людовик XIV развернул «другое искусство», чтобы «ослабить Англию и подчинить ее своим разрастающимся планам» — это искусство заключалось в том, чтобы «не позволить достичь равновесия в торговле, не соглашаться ни на какой договор или урегулирование в коммерции, посредством чего он продвигал наше разорение за наш же собственный счет». Вовсе не будучи мотивирован религиозным рвением, далекий от осуществления этого из-за «усердия в католической религии», Людовик XIV использовал язык религии только как «перекрытие для своих непомерных амбиций».

Думающие мужчины и женщины не обманывались этим, утверждал комитет, «так как во время самых страшных гонений на протестантов во Франции были перехвачены (и опубликованы) его письма к [протестанту] графу Теккелею с самыми глубокими словами подбадривания и обещанием величайшей помощи в войне, которую вместе с турками он ухитрился направить против первого и величайшего из всех римских католических королей». Адрес завершался мольбами о войне, чтобы «остановить растущую силу французского короля, которая угрожает всему христианскому миру не менее чем абсолютным рабством». Лишь война могла служить защитой «справедливости и свободы... всей Европы в целом и нашей нации в частности»⁸⁰.

Месяцем позднее Вильгельм с энтузиазмом принял призыв простого народа вооружиться и объявить войну Франции. Его декларация объясняла, что Вильгельм не намерен вести религиозную войну. Документ открывался перечислением преступлений Людовика XIV против Священной Римской империи, которая была союзником Вильгельма. Эти вероломные действия Людовика XIV сделали ясным, что он вовсе не религиозный крестоносец, а «нарушитель спокойного существования и общий враг христианского мира». Людовик XIV долго разорял собственность ан-

глийских мужчин и женщин в Гудзоновом заливе, Нью-Йорке и на Карибских островах. Эти действия, удвоенные из-за протекционистских мер Людовика XIV, заявили Вильгельм и Мария, *«являются достаточными свидетельствами его планов разрушить торговлю и в итоге нарушить мореплавание, от которого весьма сильно зависит богатство и безопасность нашей нации»*.

Когда новые монархи подошли к обсуждению нападения Людовика XIV на протестантов, они не упомянули о его религиозном рвении, о его желании вернуть Европу в католицизм или даже о его гонениях на гугенотов во Франции; они только посетовали, что нападения Людовика на «наших протестантов, английских подданных во Франции» «противоречило закону наций и четко сформулированным договорам». Людовик XIV нарушил права английских мужчин и женщин. Вильгельм и Мария подняли необычайно популярный меч национализма — а не религиозной войны и крестового похода⁶¹.

Инструкции и официальная корреспонденция дипломатического корпуса Вильгельма демонстрируют, что постреволюционное английское государство вело национальную войну против мировых французских претензий, а не религиозную войну. Дипломатам, посылаемым в протестантские государства, ничего не говорилось о великой межконфессиональной борьбе. Когда Вильгельм и Мария посылали Томаса, графа Пемброка, в Генеральные Штаты в мае 1689 года, его инструктировали работать «на общее благополучие христианского мира, а также в особенности на благополучие нашего господства»*. Посланник нового режима в Да-

* Безусловно, Вильгельм, имея католических союзников, должен был всячески демонстрировать им, что ведет войну не религиозную, а «антиимпериалистическую». Но сама Англия вела не менее «империалистическую» политику, нежели Франция или Голландия, а выше автор наглядно показал, что голландцы угрожали английским колониям едва ли не больше французов. Вдобавок, заявляя о внеконфессиональности своей борьбы, Вильгельм Оранский отбрасывал аргументы французов, объявивших эту войну походом против протестантизма.

Тем не менее в предыдущих главах ясно показано, что внутренние пружины Славной революции были именно религиозными — предубеждение англиканского большинства против других конфессий и нежелание предоставлять равные гражданские права как католикам, так и протестантам. И если первое можно было хоть как-то оправдать боязнью французского

нии, Роберт Моулсворт, был проинструктирован подчеркивать, что «мы теперь разделяем одни общие интересы взаимопомощи и обороны, как и общего благополучия христианского мира». Чарльзу Баркли, виконту Дерсли, который заменил Пемброка в Гааге, было сказано «соглашаться на все меры, которые наилучшим способом способствуют благополучию христианского мира», включая «вхождение в союз, заключенный императором» с Нидерландами.

Неудивительно, что в инструкциях лорду Паджету в качестве посланника при католическом дворе империи Вильгельм также подчеркнул, что война против Франции — это не религиозная война. Ему было приказано «надавить» на императора, чтобы тот послал миссию в католические кантоны Швейцарии, «дабы они приняли участие с нами и нашими союзниками для общего блага против вторжений и непомерных планов Франции». Снова и снова английский дипломатический корпус напоминал союзникам, что, несмотря на французскую и якобитскую пропаганду Девятилетняя война не является конфессиональной борьбой. При переговорах с герцогом Савойским виконт Дерсли предупредил: «Мы должны позаботиться, чтобы привлечь наших папистских союзников», будучи уверенными, что не «проявили следов пристрастия к нашей религии». Пол Райкот писал из Гамбурга о своем чувстве, что не только протестанты, но и «весь христианский мир теперь объединился» против Франции как «общего врага». «Что это не религиозная война, ясно из того, что французы поддерживают турок», — настаивал английский посланник сэр Уильям Даттон Коулт⁸².

Официальные короткие службы — этим стилем англичане ярче всего продемонстрировали роль религии в войне против Франции — проведенные по всей стране 5 июня 1689 года, усилили националистическую природу войны. В выступлении перед палатой общин Томас Тенисон подчеркнул, что англичане собираются воевать против Людовика XIV, «которого даже глава римской

влияния, второе, по сути, являлось проявлением религиозного фанатизма, а вдобавок опровергало пропагандистские заявления противников Якова о стремлении к соблюдению «конституционных свобод». Впрочем, в дальнейших описаниях нельзя не отметить, что «внеконфессиональная» религиозная демагогия также использовалась британской пропагандой весьма активно. (Прим. ред.)

церкви считает... общим врагом всей Западной Европы». *«Мы воюем с тем, — проповедовал Тенисон, подчеркивая универсалистскую природу борьбы, — кто (если только он не князь мира) возвел себя на трон Бога, наметив личный нимб своей окончательной целью».* Для Тенисона война против Франции стала свидетельством того, что постреволюционный режим поставлен для «исправления злоупотреблений» прежней эры. Вместо преследования политики, основанной на собственном интересе или интересе отдельной группировки, новый режим *«имеет целью установление верного правления, добра для всей страны; поднятие образа нации и превращение нас в то, чем мы способны стать благодаря нашему гению и преимуществам нашего положения — в великий и процветающий народ».*

В тот же день Уильям Уэйк, один из новых капелланов монарха, повторил многие из тех же тезисов перед простым народом. Уэйк призывал англичан стать «карой и ужасом мирового врага правды, спокойствия, религии, природы — короче говоря, всех простых законов божеских и человеческих». Эта война против Франции, пояснил он, не была ни религиозным крестовым походом, ни войной светского расширения. Эту войну хотели вести «не только за вашу нацию, но за все нации вокруг нас». Не только фортуна «вашей собственной страны и религия» на кону. «Это пагубный кризис, — предупреждал Уэйк, — который должен навсегда либо обезопасить, либо низвергнуть их или нас»⁸³.

Выдающиеся священнослужители, особенно из низкой церкви, поддержали распространение этой многоконфессиональной и универсалистской интерпретации на всю войну. Французский «план был всемирным и имел целью поработение всех королевств и государств Европы: не важно, протестантов или папистов», — вещал декан собора Святого Патрика и будущий архиепископ Дублинский в ноябре 1690 года. Тот факт, что папа, император Священной Римской империи и король Испании выступили в союзе с Вильгельмом против Франции, представляется доказательством «нелепости претензий на священную войну». Первый послереволюционный архиепископ Кентерберийский, Джон Тиллотсон, доказывал в проповеди, произнесенной перед Вильгельмом и Марией в Уайтхолле, что война включает «необходимую оборону» протестантизма от антиеретического крестового похода Людовика XIV. Но, пояснял он, Девятилетняя война — это не

старинная конфессиональная борьба. Война, постоянно подчеркивал он, ведется «за защиту народных прав и свобод почти всей Европы»; она ведется ради «общих свобод человечества, против тирании и подавления».

К середине войны ее многоконфессиональное и националистическое понимание стало общим местом среди церковников, наиболее тесно связанных с режимом. Так Джон Петтер просто повторил то, что английская армия уже очень хорошо знала, когда проповедовал перед конным полком во Фландрии, говоря, что Людовик XIV является «общим врагом христианского мира». В Эльзасе, в Каталонии и везде, где Людовик XIV столь плохо обращался с римскими католиками, «они все громко обвиняли его в деспотизме и несправедном суде». Вот почему *«это касается и папистов, и протестантов — рискнуть своей частной силой и интересом ради одной общей решимости противостоять ему и помешать упорному стремлению к осуществлению его проекта мировой монархии»*⁸⁴.

Необычайно эмоциональные обсуждения войны против Франции — которые имели место в провинциальных приходских церквях, в кофейнях, в бюллетенях, в периодической печати и в сотнях памфлетов — в основном делали акцент на непривычной природе этой войны. В то время как предыдущие выступления против возникающих кандидатов в мировые монархи стремились заменить ложного претендента на настоящего наследника Римской империи, эта борьба вообще отрицала приоритет мирового владычества. Это была не религиозная война, не борьба за смену католической мировой монархии на протестантскую, а война за национальные интересы каждого европейского государства. Хотя англичане постоянно подчеркивали, что протестантизм являлся неотъемлемой частью их национальной идентичности, которой угрожала Франция, они также доказывали, что Франция угрожает всем национальным идентичностям. Именно потому, что эта война не была религиозной, не была антикатолическим крестовым походом, режим вильямитов прилагал максимум усилий, чтобы перевести и опубликовать всю имперскую, папистскую, а подчас даже испанскую антифранцузскую пропаганду, а также материалы, написанные протестантскими полемистами. По контрасту с воздействием со стороны Якова II Людовику XIV за границей и имитацией его правления, постреволюционный режим — как доказы-

вали его защитники, — следовал английской националистической политике и дома, и за рубежом.

Пока французские пропагандисты лихорадочно строчили трактаты, научные труды и проповеди о том, что Людовик XIV ведет религиозную войну против протестанта Вильгельма III, только английские якобиты и некоторые тори поддерживали их мнение. К концу декабря 1688 года Людовик XIV, Яков II и их союзники-иезуиты при всех дворах Европы объявляли о начале религиозного крестового похода. Но католические европейские государства быстро дали понять о своем несогласии с французской интерпретацией международной политики. Дон Мануэль Колома, испанский посланник при Генеральных Штатах, в ноябре 1688 года напоказ молился в своей часовне о «счастливом исходе предприятия принца Оранского». Католический курфюрст Баварии Максимилиан II Эммануэль одним из первых отправил посланника в Англию, чтобы «поздравить принца с успехом». Император Священной Римской империи также не отстал с пожеланием Вильгельму «успеха в его экспедиции в Англию»⁸⁵.

Почти так же быстро полемисты и из католической, и из протестантской Европы — чьи работы широко распространялись в Англии, часто по заданию правительства — стали настаивать на предательской и лживой природе заявлений французского короля по поводу ведения религиозной войны. Чистая правда, разъясняя один испанский полемист, и это очевидно, что «самый христианский король» [Франции] насмехается над религией и христианством; и заодно смеется над всей Европой». «Нельзя скрывать, — писал сам император Священной Римской империи в опубликованном письме, — что самый большой вред, который был нанесен нашей религии, проистекал именно от самих французов». *«Просто удивительно, — возмущался другой памфлетист, — что французы, которые являлись виновниками стольких бед и напастей для католических королей и католической религии, решили убедить мир, что теперешняя революция в Англии — это война по причине религии».* «Не религия толкает французского короля», а страх, что поток обернется против него, настаивал английский автор работы «Средства освободить Европу». Если бы великий монарх когда-либо одержал верх *«после того, как сбросил бы Вильгельма III [и] одолел протестантских королей, он поступил бы как все римские католики, один за другим, и стал бы владыкой Европы»*⁸⁶.

Глубокая антипатия между Людовиком XIV и лидерами европейского католицизма сделала посмешищем его заявление, что он возглавит общекатолическую борьбу против протестантизма. Для большинства англичан в 1680-х годах было ясно, что Иннокентий XI не поддерживает галликанский тип католицизма и не воспринимает европейскую политику в конфессиональных понятиях. Иннокентий XI, пришла к пониманию английская нация, ограничивает свой универсализм духовной сферой. Сэр Роберт Саутвелл слышал, что «император и некоторые другие папистские короли, и даже сам папа» хорошо информированы о предстоящем вторжении Вильгельма и далеки от присоединения к католическому альянсу против революции, они «желают ей добра», надеясь, что она приведет Англию «к единению с ее союзниками против Франции».

Папа совместно с новыми правителями Англии принял общий курс, настаивая, что назревающая европейская война не является войной религиозной. Один папский полемист, переизданный в Англии, обозвал Людовика XIV «христианским турком и таким же врагом Европы, как магометане». Якобитский дипломат Джон Литсотт признался из Рима, что папа не намерен помогать Якову II против Вильгельма, потому что «при условии, что Францию можно будет сдержать», папа «хочет пожертвовать всеми другими соображениями и интересами». О поддержке папой войны против Франции и отказе Иннокентия «послать что-нибудь королю Якову» было широко известно в Лондоне. Роджер Моррис слышал в Лондоне, будто папа объявил по всей Италии, что «французский король замышляет не... войну за религию, а войну лишь за то, чтобы тиранировать соседей и увеличить свои собственные владения»⁸⁷.

Англичане были равно хорошо информированы о своем союзе со Священной Римской империей и о твердой позиции католического императора, что война против Франции не является войной религий. Франция, как они знали, делала все возможное, чтобы заставить императора изменить свою позицию. Настаивая на истреблении ереси дома, Людовик XIV скрытно поддержал протестантский мятеж в Венгрии. Он подталкивал турок отказаться от мирного договора с австрийскими Габсбургами, давая сэру Джону Лаудеру возможность отметить, что религия вовсе не важна там, «где в соревнование вступает интерес».

На пороге революции даже человек Якова II в Вене, Томас Лейн, должен был признать, что империалисты «устремились в протестантскую партию, которую они принимали за энергичного врага Франции». Двор в Вене уже настолько не считал себя живущим в веке религиозных войн, что «никто [тут] так не популярен, как принц Оранский». Эдмунд Бохан считал, что поддержка императором Вильгельма против католика Якова II имеет здравый смысл. Яков, как знали Габсбурги, «принял план», который «поднял бы Францию до такой мощной силы, что ее невозможно было вернуть в прежнее состояние». Он писал: *«Император Германии — столь же религиозный и ревностный приверженец римской католической религии, как и все отпрыски этой семьи. Но он, в конце концов, не намерен расставаться с жизнью, со своей империей и своей свободой; он скорее останется еретиком в Германии, чем будет страдать от того, что французский король станет посылать ему своих апостольских псов, чтобы обратить и отправить его в ссылку»*⁸⁸.

Для большинства англичан борьба против Франции — борьба, которая так много сделала для формирования мышления революционеров 1688–1689 годов, была борьбой по защите европейских и английских национальных свобод против крепнущего мирового монарха, а не религиозной войной. Англо-голландский союз, ставший возможным благодаря революции, позволил обеим нациям «превратиться в реставраторов свобод Европы». Революция 1688–1689 годов и международный союз против Франции, ставший благодаря ей возможным, заявил еще один комментатор, подтвердил, что «французский проект всемирной монархии христианского мира будет повержен в прах». Революция поставила Вильгельма III в положение, которое его предки традиционно занимали, чтобы «избавлять Европу от притеснителей и ставить правительства на простое и бессмертное основание свободы и имущества»⁸⁹.

Большинство людей в Англии хорошо понимали, что союз против Людовика XIV многоконфессиональный; большинство знало, что они не вовлечены в войну религий. *«Наверняка несходство религии всегда оставалось большой и бездонной пропастью между католическими и протестантскими королями, — уступал один памфлетист, — но жестокость и вероломство французов заполнили эту пропасть и сровняли дорогу между ними, и все труд-*

ности настоящего момента отложены в сторону». «Кто будет настолько глуп, чтобы попасться в эту ловушку?» — начав считать, что текущий конфликт является религиозной войной, скептически спрашивал один журналист. *«Можно ли вообразить, что эта война станет религиозной войной и что эти три властелина [папа, император и король Испании] вместе с протестантскими королями сговорятся разрушить католическую монархию?»* Как объяснял сэр Ричард Кокс перед высоким жюри: *«Эта война — для защиты законов, свобод, обычаев и религии как папистской, так и протестантской, от варварской и алчной тирании и вторжения французского короля. Император, король Испании, короли-конфедераты, сторонники Римского престола — спаси и помоги»*⁹⁰.

Современники прекрасно понимали, что национальность определяется различными факторами и интересами. Религия была одним из них. «Четыре основных интереса нации — это религия, репутация, мир и торговля», — теоретизировал один революционный писатель. Притом что все поступки Людовика XIV угрожали репутации, миру и торговле Англии, нет признаков, что вера играла какую-либо равную роль в повестке дня французского короля. Природа амбиций Людовика XIV вместе с многоконфессиональной природой союза против него, убедила автора книги, что «теперь стоит вопрос об общности государств, а не веры»⁹¹.

Существовала, конечно, лига протестантских королей. Но эти союзы интересовались предотвращением религиозной войны, а не ее началом. *«Не похоже, что протестантские нации, англичане и голландцы, тоже имеют или могут иметь какие-то планы по завоеванию или какие-то иные интересы, чем общественная безопасность и сохранение свободы Европы»*, — написал один прагматичный комментатор. Памятное издание курфюрста от Бранденбурга стремится доказать, соглашается другой, *«что союз протестантских владык никоим образом не имеет в виду религиозной войны, как хотела убедить мир Франция, он только защищает свои интересы, общие с другими католическими королями»*. Протестантские короли «удовлетворенно отдыхали, утвердившись в обладании своими правами», — заявлял журнал «*Dilucidator*»:

«Ни их чувства, ни их интересы не толкали их думать о вторжении или притеснении католических государств; наоборот, в могущей случиться войне они поддерживали здравую позицию императора и папы, отстаивая выборы и утверждение принца Бавар-

ского, и стояли в оппозиции к вторжению Франции, которая не сможет в таком случае прикрыться претензией на религиозность, будучи на ножах со Святым Престолом»⁹².

Многие английские комментаторы доказывали, что религиозное многообразие неизбежно, и по этой причине международные отношения должны были быть организованы по принципу интересов, а не конфессий. Как определил один мыслитель, в альянс против Франции не следовало входить *«без уважения к многообразию религий, из которых складывался союз; никакие различия не должны были вступать в противоречия с их интересами — так как среди христиан существовало и всегда будет существовать множество мнений, касающихся религиозных дел, так же как среди евреев существовал ранее вопрос, что можно сделать, чтобы обязать всех людей придерживаться одной религии»*.

«Различие [религиозных] чувств никогда не должно превалировать над общими понятиями, с которыми согласен весь мир, — советовал один голландский писатель, печатавшийся в Англии, — и не должно служить впоследствии основанием или предлогом для попрания национальных или гражданских прав». Виг Роберт Моррис был убежден своими наблюдениями за современной политикой, что даже *«те, кто имеет противоположные церковные интересы, могут прийти к сердечной привязанности при продвижении своих гражданских интересов»*. *«Его последнее величество, похоже, единственный король в христианском мире, который составил свой огромный и почти единственный план продвинуть интересы Римской Церкви вопреки своему собственному светскому интересу»*, — восклицал тори Эдвард Боган, хотя *«остальные короли и их советники, прежде всего, обращают внимание на свои собственные заботы дома и за границей и подчиняют дела религиозные другим своим планам»*⁹³.

В XVII веке европейцы не растеряли своих глубоких религиозных верований — но большинство прекратило призывать к религиозным войнам. Рвение ранней Реформации и Контрреформации не было утеряно, оно смягчилось. Опыт почти двух веков бесконечных, кровавых и опустошительных религиозных войн сделал большинство европейцев настроенными более скептически при анализе призывов к крестовым походам. Они старались най-

ти базис политических взаимоотношений, которые избегали бы неизбежных и неразрешимых конфликтов.

Национализм предлагал как раз такое решение. Подталкиваемые к действию универсалистскими политиками и культурными стремлениями Людовика XIV, многие европейцы склонялись к многоконфессиональным союзам, основанным на взаимных национальных интересах, чтобы противостоять французской общеевропейской угрозе. Многие из тех в английской политической нации, кто долго надеялся вступить в войну против Франции, приняли революцию и возможности, которые она предоставила им. Они сделали это, потому что восприняли свою революцию и ее последствия в националистических терминах.

Английская революция конца XVII века оказалась националистической революцией. Европейцам не нужно было ждать индустриальной революции или событий во Франции конца XVIII века, чтобы увидеть массовое политическое движение в защиту связанной общности, разделяющей общую культуру. Коммерческая природа английского общества означала, что информация и идеи удивительно быстро распространялись по всему обществу, позволяя английским мужчинам и женщинам от Престона до Дорчестера, от Дартмута до Ньюкасла, от Лондона до Карлайла ощущать себя частью общих национальных черт.

Именно эти культурные, политические и экономические национальные черты, которые Гилберт Бернет, постреволюционный епископ Солсбери, выделил в своей работе «Призыв к миру и единению», читавшейся в проповедях и напечатанной в ноябре 1689 года. «Мы, англичане, — сообщал он своей аудитории и своим читателям, — одна нация под одинаковыми законами и одинаковой защитой».

«Наш климат, это правда, не из лучших; мы имеем слабое солнце, и продукты нашей земли нельзя сравнить с дарами более южных регионов, — признавал он, — но наши порты и реки дают нам такое преимущество, что мы рассылаем и наши поселения, и наши товары по всему миру и привозим домой богатую отдачу; так что имеем и безопасность, и богатство по сравнению с любым из наших соседей».

Что отличало англичан, говорил Бернет, это их промышленность, а не сельское хозяйство. Они — промышленная нация. Они также нация с особой удачной формой управления. «О! Различие

между нами и некоторыми живущими в более удачном климате в том, что имущество и свободы людей, а часто и их жизни находятся во власти просто юмора и страсти», — фонтанировал Бернет. «Разрушенные дома, порванная одежда, их голодные взгляды и их полуголые дети, очевидно, указывают на тиранию их правительств, которые платят людям необыкновенными бедами, несмотря на изобилие, которое природа дала им. В то время как миллионы людей изнемогают от потребностей и нищеты, некоторые пресыщаются от избыточного обилия и порока». Именно по этой причине Бернет был уверен, что англичане «имеют высшее благословение, которое можно в настолько высокой степени найти в правительстве, какое только могут желать мудрые люди». Англичане прекрасно знали, что они составная нация — Бернет говорил, что они реально объединились лишь в «начале этого века» — и поэтому подчеркивал скорее их общую культуру, чем какие-либо расовые особенности. Как результат, каждый мог стать англичанином. «Кем бы они ни были ранее, — свидетельствовал Керу Рейнелл, — если они когда-то пришли сюда, чтобы жить по нашим законам, обычаям и под нашим управлением, они вскоре становятся одним из нас»⁹⁴.

Этим общим национальным чертам — культурным, экономическим и политическим — основательно угрожала растущая сила Людовика XIV и принятие Яковом II французского политического стиля. Это не была ненависть к Франции, но лишь любовь к собственной нации, которую так волновала английских мужчин и женщин.

«Должен сказать вам, — волновался сэр Ричард Кокс, — я имею в виду, что не потребление нашего пива или поедание английской кукурузы и дыхание английским воздухом с самого детства делает человека англичанином: нет, это память, а также принципы и поступки, согласующиеся с этими принципами. Я рождаюсь там, где захотела моя мать, это абсолютная случайность. Но мое место жительства, моя любовь к тому или другому месту или стране — это мой собственный выбор и суждение. Я принимаю человека за англичанина, если он разделяет наше отношение к собственности и поддерживает свободы Европы против французского короля... Я принимаю его за француза, паписта, иностранца или еще кого-то, если он, рожденный тут и пользующийся свободой

англичанина, проявляет симпатию к французскому королю или тирану последних лет».*

Маркиз Галифакс — одна из самых влиятельных политических фигур 1680-х годов — далекий от поклонения другим вещам, в одном подошел близко к этому мнению; его страна в некоторой степени является его идолом: он не обожает солнце, потому что оно есть не что-то особенное для нас, оно бродит по миру и менее добро к нам, чем к другим странам, но в земле Англии, хоть, может быть, она хуже многих мест за границей, для него есть что-то святое, и он «скорее умрет, чем увидит, как поросль английской травы топчут иностранные завоеватели». Галифакс верил, что культурная привязанность англичан к своей природе такова, что «прежде того, как французская кровь вольется в наши тела, каждая капля нашей собственной крови выльется из них»⁹⁵.

Это глубокое националистическое чувство, которому так сильно бросили вызов политика и поступки Якова II, привело англичан к утверждению высшего политического авторитета в понятии нации — хотя они и расходились во мнениях, то ли нация есть парламент, то ли это люди в более широком смысле. Они заявляли, что их преданность принадлежит английской свободе, английской религии и английскому закону, а не конкретному королю. И англичане всех социальных классов совершили политический поступок, основанный на их убеждениях. Те, кто был вигами в своих взглядах, объявили о праве сопротивляться Якову II, защищая свою нацию. В отличие от прежних протестантов, которые оказывали сопротивление своему правительству, англичане в 1688 году заявляли о сопротивлении Якову не из-за того, что он был ужасным королем, а потому, что он был неанглийским королем. Другие сторонники тори по политическим убеждениям доказывали, что Яков II развенчал себя сам, отрекся от нации, так как управлял во французском стиле, а не в английской манере. Конвенция 1689 года просто зафиксировала это отречение. Обе группы мужчин и женщин оправдывали свои действия обращением к нации.

* Таким образом, принадлежность к английской нации, по мнению сэра Кокса, определялась не конфессией или этнической принадлежностью, но *политическим единомыслием*. И это «правильное» единомыслие, буквально по Оруэллу, именовалось свободой и должно было отличать англичан от несвободных наций! (Прим. ред.)

Именно из-за того, что англичане осознали и оценили национальное многообразие в самом начале превращения Европы в современную, они смогли доказать, что желанная война против Франции — желание это было настолько же причиной, насколько и следствием революции — не является религиозной войной. Англичане поддерживали императора Священной Римской империи, короля Испании и самого папу, потому что понимали, что вовлечены в отчаянную борьбу за защиту национальной неприкосновенности, в том числе своей собственной против усиливающегося мирового монарха — Людовика XIV.

Так как различные нации имели разные религиозные культуры, ни одна нация не имела права навязывать свои верования другим. Здесь пропаганда правительства и национальные чувства оказались в полном согласии: век религиозных войн закончился. В интересах всех европейских наций, какими бы ни были их профессиональные практики, стало объединение против Франции.

* * *

Сказать, что в иностранной политике произошла националистическая революция, что широкое желание народа воевать против Франции возникло задолго до призыва Вильгельма к такой войне — значит умолчать о том, что существовало согласие по поводу иностранной политики во время революции. Виги и умеренные тори, и даже некоторые консервативные тори, смогли согласиться, что внешняя политика Якова II была губительной, но при этом расходились, и весьма сильно, по поводу вида и формы ошибок Якова. Почти с того момента, когда Яков покинул Англию в 1688 году, стало ясно, что виги и тори имеют радикально расходящиеся предпочтения относительно направления постреволюционной внешней политики.

Виги были убеждены, что Людовик XIV является крупным и могущественным врагом, которого можно остановить лишь предотвратив его континентальную экспансию. Для них Людовика XIV и распространение абсолютизма требовалось остановить и развернуть назад на континенте. Виги были намерены защитить и европейскую, и английскую свободу. Словом, они рассматривали Англию как европейскую силу.

Тори соглашались, что с Людовиком XIV нужно бороться. Но по их понятиям первичной целью является удерживать силы Лю-

довика XIV внутри континентальной Европы. Будущее Англии, доказывали они, лежит в защите Британских островов и в экспансии на море. Поэтому они отстаивали морскую политику для сдерживания французов и доминирования на море. Тори, подобно многим современным историкам, рассматривали революцию в узкобританском понимании. Целью иностранной политики вильямитов должна была стать, по их мнению, защита революции на Британских островах и в заморских владениях Англии. После 1690 и 1691 годов тории стали доказывать, что английским интересам лучше всего послужит отказ от европейских обязательств Англии⁹⁶.

Для тории-вильямитов целью войны была защита от смены режима на Британских островах. Борьба на континенте оставалась для них периферийной заботой. Для таких тории, как полковник Джон Гранвилл, было ясно, что «из всех ваших врагов наиглавнейший — Яков». Неудивительно, учитывая такую оценку, что тории всегда больше интересовались ходом борьбы в Шотландии и Ирландии, чем континентальной и колониальной войной с Людовиком XIV. Уважаемый тории сэр Томас Кларджес выразил их общее мнение, заявив, что «если король не станет хозяином в Ирландии этим летом, мы не надеемся долго удерживать Англию».

Такой набор приоритетов объяснял, почему в апреле 1689 года тории отрицательно отнеслись к длинному, подробному адресу, выдержанному в типичном духе вигов и призывавшему к войне против Франции. Именно группа депутатов-тории, которую диссентер и виг Роджер Моррис глумливо назвал «французскими интересами», «сосредоточила все свои усилия в палате общин на том, чтобы отложить этот длинный адрес в сторону, и они так и отложили его». На деле тории в палате преуспели лишь в том, что напечатанного адрес пригласили в палату общин, чтобы задать вопросы.

К середине лета некоторым вигам стало ясно, что оппозиция заключению Великого альянса исходит из страха, что континентальная война «разрушит интересы тории в Англии». Несколькими годами позднее Даниэль Дефо попытался заострить полемику, из чего стала ясна точка партийного спора. Оппонентами континентальной войны, которые теперь «выступали как патриоты», обвинял их Дефо, стали те самые люди, которые при прежних режимах «жертвовали нашей религией и нашими гражданскими правами»⁹⁷.

Тори быстро ухватились за безмерную стоимость войны, массовое прекращение английской торговли и слабость европейских союзов Англии для участия в войне на море — в противовес континентальной военной стратегии. Девятилетняя война на деле была дольше, чем любая предыдущая английская военная операция. Армия выросла почти вдвое по сравнению с той, что была при Якове II, морские силы стали тоже гораздо более многочисленными. Всего во время Девятилетней войны Англия имела под ружьем более 115 000 человек. Среднегодовой военный расход составил почти 5,5 миллиона фунтов, или около 74% годового государственного бюджета. Средний годовой сбор налогов во время войны вырос примерно вдвое по сравнению с тем, что был до 1689 года.

Подобные цифры заставляли тори и их союзников заявить, что страна просто не может позволить себе крупную континентальную войну. «Если вы не положите конец войне в этом году, — настаивал выдающийся тори сэр Джон Тревор в ноябре 1689 года, — я не знаю, как мы будем обеспечивать следующий». «Я понимаю, что мы можем снабжать войну еще не больше года», — выступил в унисон с ним старый и ловкий Уильям Гаррауэй, который опять согласился с тори. Консерватор сэр Эдвард Сеймур сообщил палате общин, что «ошибочно» верить, будто «Англия в состоянии тащить войну за себя и союзников»⁹⁸.

Не нужно было быть тори, чтобы понимать, что огромный груз налогов, вызванный войной, приводит к жестоким экономическим неурядицам. На этом виг из Вест-Кантри Мэри Кларк, которая находила, что «все жалуются на нехватку денег», сходилась во мнении с тори из Оксфордшира сэром Эдмундом Уоркапом. «Наши налоги так велики, — жаловался он, — что на все остальное мы испытываем недостаток денег». Это общее ощущение экономической усталости вскоре увеличило ряды тори. Старые тори вроде сэра Кристофера Месгрейва и сэра Томаса Кларджеса стали более резкими в своих предупреждениях о «бедности нации», налогах, которые «так велики, что мы едва живем под ними». К последовательным тори вскоре присоединились бывшие виги, чья оценка войны и политической экономии заставила их покинуть свою партию. Бывший виг Пол Фоули воскликнул, что «никогда так много не платили флоту и армии», как в ноябре 1691 года. Он посетовал в палате, что «не видит необходимости в таком огром-

ном количестве людей». Сэр Джон Томпсон, сын Мориса Томпсона, радикала середины века, также начал склоняться к тори из военных финансовых соображений. «Бедность нации не может привести к величию и твердости духа нашего короля», — объяснил он, почти извиняясь⁹⁹.

Тори также жаловались, что обязательность континентальной войны вредно влияет на результаты английской международной торговли. Вместо защиты английского торгового флота правительство направляло свои ресурсы на усиление континентальных армий и подготовку к военным операциям на море. Результаты, заявляли они, были бедственными. «Потеря торговли и богатства из-за отказа от контроля над морем», с точки зрения сэра Эдварда Сеймура, сильно сказывалась на «плохом состоянии» нации. Товарищ Сеймура, тори Кларджес, говорил в унисон, что «плохая работа правительства» по защите торговли имела страшные последствия: «если торговля будет потеряна, страна падет».

Тори смогли быстро возложить вину за упадок заморской торговли на военную стратегию правительства — но они не представляли себе реального положения дел. Из-за войны «никто» не знает, «как управлять или действовать самому в любом случае, касающемся морских дел», — замечали склонявшиеся к вигам средиземноморские купцы Баррингтон и Стил. «Военные времена перерезали все коммуникации по морю», — соглашался один из английских информаторов сэра Уильяма Трамбулла. Решение французов нападать на английские торговые корабли имело трагические результаты. В 1690 году сообщили, что было захвачено более тысячи английских кораблей. К 1693 году это число выросло более чем до пятнадцати сотен — пострадали «многие купцы, бакалейщики, торговцы мануфактурой, коммивояжеры, торговцы шелками и дамскими аксессуарами», а «многие тысячи вообще разорились». Один левантский купец слышал, что уже к концу 1689 года англичане потеряли «четверть нашего судоходства». Эти оценки подтвердило недавнее исследование, которое показывает 25-процентное падение от предвоенного уровня в английской торговле с Южной Европой, 60-процентное падение в реэкспорте в Северо-Западную Европу и огромное падение в торговле с Восточной Индией и Северной Америкой¹⁰⁰.

Тори все больше жаловались на поведение английских союзников в Великом альянсе. По существу, тори доказывали, что Ан-

глия оплачивает счета за европейскую войну против Людовика XIV. Многие англичане всех политических направлений находились в постоянном страхе, что тот или иной союзник уступит французскому дипломатическому оболъщению и подпишет сепаратный мир. Многие также плакались, что союзники не несут свою финансовую долю военной нагрузки. Но именно тори и их союзники в парламенте превратили эти тревоги в полномасштабную критику исполнения континентальных обязательств. «Хотя мы вошли в войну последними, мы будем платить за все», — изливал свой гнев сэр Томас Кларджес. «Наше вступление в войну стало более выгодным для союзников, чем для нас, — пояснял он. — Единственный способ противостоять Франции — это усилить себя на море». Все более надежный союзник Кларджеса и пылкий сторонник тори, Теодор Батерст из старой Ост-Индской компании, упорно требовал, чтобы «мы знали, какие суммы денег посылаются герцогу Савойскому, Нидерландам и попрошайкам из числа корошков Германии». Пол Фоули заявил в палате общин, что, если бы союзники были «единодушны в активных действиях» против Людовика XIV, «мы смогли бы вести дело с ним на наших условиях».

Государственный секретарь, тори граф Ноттингем, был более осторожен в своей критике — но его корреспонденция проясняет его уверенность, что, если бы союзники даже просто выполняли свою часть, это неумолимо привело бы «к установлению справедливого и почетного мира». В этом контексте ясно, что защиту Ноттингемом внезапного десанта на Францию в 1692 году нужно понимать не как проведение европейского мероприятия, а как попытку использовать морские силы для обеспечения быстрого мира и вывода Англии из европейских дел. Когда проект падения провалился, частично из-за того, что тори не пожелали поддержать полномасштабное вторжение, лидеры тори, такие как граф Рочестер и сэр Эдвард Сеймур, порекомендовали потребовать в обмен на обязательства поддерживать союзников во Фландрии большей помощи английскому флоту¹⁰¹.

Критика консервативными политиками поведения союзников не только предвосхищала риторику тори XVIII века — она также была связана с предреволюционными антиголландскими аргументами и с якобитскими взглядами на саму революцию. Якобиты первыми расценили события 1688–1689 годов как вторжение,

проводимое в голландских, а не в английских интересах. Делая такое заявление, они надевали все доспехи антиголландских аргументов из 1660-х и 1670-х годов. Нидерланды, доказывали якобы, были заинтересованы только в захвате английской торговли и обнищании страны, заставив ее платить за голландские войны.

Тори сэр Эдвард Сеймур быстро провозгласил те же самые тезисы в 1689 году. Невозможно, заявил он, «для Голландии и Англии находиться в сердечной связи — они ухаживают за одной и той же дамой: торговлей». К 1690 году тории — сторонники революции предъявили те же аргументы при осуждении военных усилий. Как слышал Роберт Кирк в лондонских кофейнях, тавернах и в новомодных дешевых закусовых, *«голландцы обожают только доход, мамону и торговлю (говорят некоторые), и они станут вести переговоры с Францией ради своих выгод или с любым общим врагом и бросят Англию в тяжелом положении защищаться самой или тонуть»*. Тории возражали против тягот континентальной войны, соглашался Даниэль Дефо, доказывая, что голландцы «опаснее», чем французы или турки из-за «силы их флота и их соперничества с нами в торговле»¹⁰².

Для тории все более ясным становился вывод: Англии следует разорвать свои континентальные дела и принять морскую политику. Такая стратегия, доказывали тории, будет намного дешевле, позволит Англии защищать свою торговлю и устранил необходимость полагаться на ненадежных и вероломных союзников. Сэр Томас Кларджес долго настаивал, что «сила Англии состоит в нашем флоте». В 1690-х годах он продолжал защищать морскую стратегию в войне против Франции. После отправки «всех наших сил во Фландрию», где Людовик XIV «непреодолим», остается единственный выход — «падение Англии». «Самый естественный способ» для Англии вести войну, предлагал Кларджес, был «морской». Англичане должны стать «хозяевами Америки», а не доминировать в Европе. *«Так как мы остров, — указывал он, — даже если французы захватят все семнадцать провинций*, а мы станем сильнейшими на море, мы сможем оставаться в безопасности»*. Безопасность Англии, соглашался сэр Эдвард Сеймур, «должна основываться только на флоте». Новый союзник тории Роберт Хар-

* То есть Нидерландскую республику и Испанские Нидерланды. (Прим. авт.)

ли соглашался, «что море должно стать первой нашей заботой, или мы окажемся пленниками нашего острова». Сэр Ричард Темпл, который после 1689 года стал активным тори, страстно верил, что «оно приносит власть и энергичную силу на море для обороны, наступления и коммерции». Сухопутная армия, считал он, не является необходимостью для Англии. Вместо союзов и завоеваний на континенте, доказывал Темпл, «расширение торговли и доминирование на море должно стать истинной целью нашей империи». Защита тори морской стратегии срослась с понятием, *«что Англия не особенно озабочена общей судьбой Европы», «что море, которое отделяет нас от остального мира, является нашей гарантией от всех опасностей из-за границы»* и *«что когда мы ввязываемся в какую-нибудь иностранную войну, это не столько помогает нашей безопасности, сколько является демонстрацией нашей силы»*¹⁰³.

Напротив, виги защищали континентальную внешнюю политику. Они страстно верили, что их революция является не только британским решением британской проблемы. Они понимали революцию как часть более крупной борьбы по защите свобод Европы от французских экспансионистских устремлений и абсолютизма французского стиля. Континентальные устремления вигов настолько же объяснялись идеологической оппозицией распространению абсолютизма, насколько и геополитическим противостоянием французскому империализму. В то время как тори доказывали, что Яков — главный враг Англии, виги вроде Томаса Папиллона и Джона Мейнарда настаивали, что «настоящий враг» — Людовик XIV, и что «король Яков — всего лишь инструмент в его руках». Тогда как тори делали все, что в их силах, чтобы смягчить франкофобскую риторику в начале 1689 года, именно виги Джон Сомерс и Джон Хэмпден являлись самыми активными в составлении Адреса и Декларации о войне против Франции.

Виги почти неизбежно описывали революцию и последовавшую за ней войну против Франции в европейских терминах. *«Что бы стало со свободой в Европе, если бы не произошла революция»*, — риторически вопрошал пожизненный виг Роберт Моулсворт. Ответ, как он знал, звучит так: «Император и все союзники... должны сидеть тихо и подчиняться французскому игу». Именно потому, что он сфокусировался на европейской свободе, а не на узкобританских проблемах, Моулсворт «хотел, чтобы трон [Ирландии]

ушел из-под наших ног», чтобы англичане могли бросить всю свою энергию на «общую проблему» в Европе.

Ясно, что сэр Джон Лаудер, который начинал как сторонник графа Шефтсбери и вигов во время Кризиса Исключения и взял в руки оружие против Якова II в 1688 году, поддерживал военные действия, потому что они являлись «не только заботой этой нации, но всей Европы». Сэр Уильям Даттон Коулт, один из трех активных братьев-вигов, дал понять, что он считает, что его роль посланника Англии в различные немецкие государства делает возможным существование Великого альянса для «освобождения Европы». Виг сэр Ричард Кокс из Глочестершира стал упорным сторонником войны, чтобы «сохранить свободы и достояние Европы от ужасной, алчной и варварской тирании французского короля». «Общая свобода Европы», а не «увеличение доминионов» было целью Англии в войне, — доказывал купец из Вест-Кантри, а также сын и тезка вига из Дорсета юрист Уильям Лоренс. Вильгельм и англичане, как пышно срифмовал виг сэр Чарльз Седли,

*никогда не согласятся на договор,
Пока каждая Корона соседних королей
Не получит справедливо принадлежащее ей.*

Неудивительно, что авторы виговского «Афинийского вестника», отвечая на вопрос, «почему англичане ненавидят французов», полагали, что *«они не хотят быть рабами сами и не хотят видеть рабами кого-нибудь из своих соседей, если у тех есть довольно ума не продолжать свое рабство»*¹⁰⁴.

Виги и не собирались отрицать, что война — дело дорогое и мешает торговле. Но они утверждали, что война необходима за любую цену. Сэр Джон Лаудер не мог не признать «необычайную цену» войны — но он указывал, что это из-за того, что Англия никогда прежде не участвовала в войне «с таким сильным королем, как французский король». «Я всегда придерживался мнения, что французский король — самый вероятный противник Англии, — с триумфом свидетельствовал старинный виг Уильям Сашеверел, — и я сомневаюсь, что кто-либо, кроме джентльмена, даст миллион на дело» поддержания военных действий. Виг из Глочестера и бывший политический ссыльный сэр Джон Гиз ответил на жалобы тори по поводу стоимости войны, подтвердив

в ноябре 1691 года, что «когда я голосовал за войну против Франции, я был честен, и я не стал менее честен после начала войны». «Налоги действительно тяжело ложатся на каждого, — записала Анна Пай, чей муж, сэр Роберт Пай, взял в руки оружие для защиты парламента и еще раз во время революции в 1688 году, — но учитывая, что мы освобождаемся от рабства, я удивляюсь, что люди жалуются». «Мы должны делать что-то, чтобы не становиться рабами французов», — издаലെка коротко убеждал барбадосский плантатор Эдвард Литтлтон¹⁰⁵.

В то время как тори защищали отказ от Европы — фокусировку исключительно на британских и атлантических проблемах — виги предупреждали, что свободные поводы для Франции на континенте будут иметь ужасные последствия для Англии. Снова и снова полемисты виги описывали эффект домино, который появится при прогрессе сил Франции. Каждый штат или провинция, которые падут под французами, дадут новую цель, еще больше уязвимую для французского насилия или грубого давления. Испанские Нидерланды, где происходило большинство сражений в Девятилетней войне, все больше выглядели как главный вопрос в проблеме. Если Франция намерена приобрести контроль над регионом, обсуждал один памфлетист, «ей следовало набрать значительное количество новых солдат, иметь больше портов, больше людей, отдавших войне, ей следовало абсолютно уничтожить мировую коммерцию; и богатства, приумноженные ее подданными, откроют ей путь к мировой монархии». Другими словами, «если Низовые Страны отойдут французам, французы окажутся в положении, позволяющем диктовать законы Англии». Если Испанские Нидерланды сдадутся французским силам, доказывал Даниэль Дефо, тогда Голландия «должна обязательно подчиниться», так как «они похожи на кегли, падение одной приводит к падению остальных». И «если у Франции не останется другого врага, кроме Англии, — предупреждал Дефо, — Англии не на что будет надеяться, она превратится в море крови». Если англичане оставят свои континентальные дела, доказывал виг сэр Джордж Треби в палате общин, «тогда вас не сможет защитить ни регулярная армия, ни регулярный флот»¹⁰⁶.

В противоположность морской политике виги защищали сохранение твердых обязательств перед континентальными союзниками и необходимость полномасштабного вторжения во Францию.

«Так как Франция лежит в основании всего рабства», доказывал радикал виг Джон Уайлдман, Англия испытывает «необходимость во всех союзниках против короля Якова и Франции». Сэр Джон Лаудер был настойчивым защитником «помощи вашим союзникам против общего врага, Франции». Вместо того чтобы позволить Людовику XIV разрушить Великий альянс подкупам и предложениями мира, считал Лаудер, Англия должна «энергично атаковать его в его собственной стране достаточными силами».

*Следующим летом во Франции
Мы смело двинем вперед,*

— предсказывал виг сэр Чарльз Седли в 1690 году. «Мы можем справедливо бояться последствий этого, если на море и на земле мы не встанем против них более энергично, чем всегда», — предупреждал один виг, критик морской стратегии военного времени. Другой виг более позитивно предполагал, что целью Англии не должно оставаться только утверждение империи на море, она должна иметь достаточные силы на континенте, чтобы «решить успех войны и обеспечить условия заключения договора на будущее»¹⁰⁷.

Сразу же после революции позиция Вильгельма и его внутреннего круга полностью совпала с позицией вигов по континентальным действиям. Первые дипломатические назначения Вильгельма были почти все вверены внешней политике вигов. Новый режим быстро «убрал всех иностранных посланников, которые служили прежнему режиму» и продемонстрировал, что революционеры будут «препятствовать найму на работу любого, кто назначался от имени короля Якова». Абсолютистов, католиков и криптокатоликов, которые составляли дипломатический корпус Якова II, заменили на доверенных вигов. В 1689 году Джону Локку и Джону Хэмпдену предложили дипломатические посты. Хотя они отказались, оба оказывали влияние на некоторые вопросы работы дипломатического корпуса. Первый постреволюционный посол в Объединенных провинциях, Томас Герберт, седьмой граф Пембрук, ездил за границу с Локком и проводил с ним после революции «еженедельные совещания».

Следующим после Пембрука послом в Гааге стал виконт Дерсли, которого Локк также считал «другом и бывшим учеником».

Дерсли, который также тесно дружил с вигом графом Шрусбери, помогал напитываться принципами «стойкого вига» своему сыну и наследнику Джеймсу. Именно по «рекомендации» Джона Хэмпдена вига Томаса Кокса послали представителем в Швейцарские кантоны. Во время Якова II Кокс находился в ссылке в Утрехте и был другом обоих радикалов середины века — Эдмунда Ладлоу и вига Джеймса Вернона. Кузен Гилберта Бернета, Джеймс Джонстон, который с удивительной прозорливостью предсказал приход Вильгельма еще в 1687 и 1688 годах, был внештатно назначен английским посланником к курфюрсту Брандербурга. Там Джонстон доказал, что он твердый защитник принципа вигов в том, что Англия обязана оставаться преданной союзу, потому что в случае Франции «спокойствие народа больше не обеспечивает честностью договоров», а «прочный мир будет сохранен только через войну».

Сэр Уильям Даттон Коулт, которого в 1689 году направили внештатным представителем в различные немецкие государства, включая Ганновер, происходил из радикальной семьи вигов Херефордшира. Первым посланником Вильгельма в Вену стал радикал виг лорд Уильям Паджет, который сновал туда и обратно в Объединенные провинции во время правления Якова II и быстро присоединился к революционерам в 1688 году. Роберт Моулсворт, который перешел на позиции радикальных вигов и взял в руки оружие для поддержки Вильгельма в 1688 году, был назначен первым посланником нового режима в Дании.

Одним из немногих должностных лиц, оставшихся от дипломатического корпуса Якова II, оказался сэр Уильям Трамбулл, чья патологическая франкофобия заработала ему до революции неприязнь в Париже и назначение на безопасный пост посла Оттоманской империи. В дальнейшем, как считают, он делал максимум, чтобы разорвать тесные связи между Францией и турками в пользу континентальной войны¹⁰⁸. За малыми исключениями общий характер постреволюционного дипломатического корпуса определялся исключительно вигами.

Понятно, что при таком идеологическом настрое английские дипломаты воспитывались в духе, решительно противоречащем прежнему духу тори. В итоге последние с 1690 по 1693 год оказались полностью отстранены от формирования внешней политики Англии. Первоначально многим вигам это представлялось так,

будто морские взгляды высокопоставленных тори сэра Эдварда Сеймура и сэра Томаса Кларджеса не имеют веса в палате общин или в министерстве. Но члены дипломатического корпуса недолго обманывались. Со своих различных постов в Европе они хором жаловались, что отсутствие у англичан установленной парламентом континентальной политики обходится им очень дорого. Письмо за письмом виги и сочувствующие им дипломаты сообщали, что англичан переигрывают и изматывают французы, которые недвусмысленно гордятся будущей победой на континенте. Французы старались поодиночке соблазнить немецких князьков уловками различного типа. Агенты Людовика XIV «ласками и сказками» соблазняли Швейцарские кантоны, но мы «не обращаем внимания и ничем им не отвечаем», — жаловался Томас Кокс, сокрушаясь, что «последствия легко угадать». Только преданность идее военной победы над Францией и обязательный подкуп «посланников, что является лучшей покупкой, какую только можно сделать», будут иметь действие в Швеции, предсказывали Уильям Данком и виконт Дерсли. Провал англичан здесь в двух графствах означал, что почти «все посланники Швеции продались Франции». Несмотря на то что в Стамбул убеждать турок договориться со Священной Римской империей посылались в основном дипломаты-виги, здесь вскоре тоже стало ясно, что действия французов, их обещания и угрозы удерживают султана в войне. В Нидерландской республике француз маркиз де Луво смог лишь взять под контроль новости, распространявшиеся по стране множеством газетчиков, пока другие силы были заняты — хотя и безуспешно — уговаривая «тайно заключить сепаратный мир». Ту же тактику явно и с гораздо большим эффектом Франция использовала в Северной Африке¹⁰⁹.

Притом что постреволюционные дипломаты-виги никогда не брезговали обвинить в отвратительной тактике своих врагов, они точно так же противопоставляли французские действия и французские ресурсы английской нерешительности и английской бережливости. Виконт Дерсли стал одним из первых, кто забил тревогу. Он был совершенно «убежден, что мы не можем стать достаточно сильными, чтобы сопротивляться Франции в одиночку». Чтобы «сохранять наш союз прочным» перед лицом частых французских искушений «деньгами для покупки ухода от нас», англичанам, особенно в палате общин, требовалось продемонстрировать

свою полную преданность объединению ради общего дела. Им нужно было подкрепить свое континентальное обязательство. Это обязательство, намекнул Дерсли не сочувствующему ему Кармартену, не совместимо с поддержкой морской стратегии. Вероятно, предполагал Дерсли, «я, может быть, и не полезен его величеству, выступая особенно перед членами парламента» о том, насколько «абсолютно необходимо» поддержать общее дело.

«Франция, — пожаловался Роберт Моулсворт, — обделывает свои дела гораздо более энергично и эффективно, чем мы». Растущее разочарование Моулсворта в неумелости проводить иностранную политику склонявшихся к тори посланников являлось частью ощущений его товарищей дипломатов-вигов. После морского поражения Англии у Бичи-Хэд в июне 1690 года Моулсворт предупредил, что *«если головы некоторых людей не слетят сейчас, ни один зарубежный король или государство не поверит, что в Англии существует король или королева»*.

Проблема, как знали Моулсворт и его дипломатические друзья, заключалась в том, что у них «не хватало поддержки» от защитников морского плана, находившихся тогда у власти в Англии. Бездействие Англии, равнодушие Англии и неспособность Англии продемонстрировать военные обязательства на континенте, — все вместе оказывало вредоносное действие на Большой Союз. *«Мы совершили прекрасные перемены своими усилиями и испытали огромную боль, потеряв при этом всех своих друзей и вашу сторону мира»*, — писал Моулсворт сочувствующему ему сэру Уильяму Даттону Коулту. Слабая решительность союзников, настаивал он, заключается не в «плохой фортуне», а в английском бездействии — и в первую очередь в бездействии тори. После поражения Монса в Испанских Нидерландах от французов весной 1691 года Моулсворт высказал то же мнение, что и современные историки, посчитав, что виной тому, по крайней мере, частично была нерешительность англичан. Англии следовало полностью посвятить себя войне на континенте, — считали все дипломаты-виги. «Самое время сделать что-то, чтобы показать, что мы можем быть энергичными и что мужество англичан не окончательно ослабело», — протестовал Моулсворт¹¹⁰.

Разочарование вигов в иностранной морской политике тори приводит к возможности опубликования чрезвычайно успешной работы Моулсворта «Датские заметки». После участия с оружием

в руках на стороне революции в 1688 году Моулсворт был направлен в Данию прямо во время революции. Он стал непосредственным свидетелем того, как здешняя протестантская монархия медленно продвигается от активного участия в Большом Союзе к французской сфере влияния. После дискуссии в дипломатической корреспонденции он пришел к пониманию, что Вильгельм развернулся к представителям тори и после 1689 года, несмотря на собственные желания, все больше имеет в виду отход от европейских обязательств. После возвращения в Англию в 1692 году Моулсворт резюмировал суть своих доводов в пользу континентального участия и свое понимание тенденций современной европейской политики. В конце 1693 года — вероятно, в тот момент, когда граф Ноттингем ушел от власти — он почувствовал, что настало время изменить тон публичных дебатов. Моулсворт изящно, колко и драматично выразил беспокойство дипломатического корпуса вигов, политиков-вигов и сочувствующих вигам, что внешняя политика тори будет иметь страшные результаты. Он высказал страстную мольбу о полномасштабном континентальном участии.

С момента выхода в 1693 году трактата «Датские заметки» он стремительно стал бестселлером. По словам издателя Моулсворта, убежденного вига Тимоти Гудвина, трактат пережил «три крупных издания... менее чем за три месяца». В конце 1693 года тысяча экземпляров книги была продана с поразительной скоростью за неделю, и более шести тысяч экземпляров разошлись за первые три месяца. Энтони Вуд осторожно утверждал, что книга «наделала большого шум в Лондоне». К 1700 году по крайней мере тринадцать изданий «Заметок» Моулсворта вышли во Франции, Нидерландах и Германии, а также в Англии.

Памфлет также вызвал множество ядовитых атак в Англии, Нидерландах, Франции и Германии — некоторые из них спонсировались датским правительством. Неудивительно, что датский посланник в Лондоне, Могенс Скеель, быстро разразился протестом против «чрезвычайной зловредности и вероломности» книги. Оценка Моулсворта вскоре обсуждалась дипломатами по всей Европе¹¹¹.

То, что оценка привлекла такое большое международное внимание, делает маловероятным то, что эта работа создана для британской аудитории об узкобританских проблемах. Тем не менее

так оценка Моулсворта долго воспринималась англо-американской исторической традицией, которая настаивала на замкнутости на английских делах. Согласно влиятельной классической работе историка Кэролайн Роббинс «Содружество партий XVIII века», книга Моулсворта «является как минимум критикой недостаточного влияния англичан в датском правительстве». Сам Моулсворт являлся членом группы «Реальные виги», которая *«работала на федеральную систему на Британских островах, исправление парламента, сокращение правительственных прерогатив, усиление терпимости и некоторую модификацию торговых правил»*. Ни они, ни их лозунги, к несчастью, «не получили поддержки или одобрения от вигов из кабинетов». Моулсворт с этой точки зрения был радикальной оппозиционной фигурой. Историк дипломатии Д. Б. Горн соглашается, что попытка Моулсворта «больше была направлена на Британские острова, чем на Данию». По мнению Кнуда Йесперсена, *«дипломат хотел отчасти бестактного — произвести впечатление на своих соотечественников неудачами в результате того, что свободные люди бросили свои права на самоопределение и доверили абсолютистскому режиму всю полноту политической власти»*¹¹².

На деле динамичный и важный трактат привлек столь много интереса и в Англии, и на континенте именно потому, что он стал частью отчаянной попытки вигов перехватить инициативу в английской иностранной политике. Моулсворт настаивал на сохранении политической важности Большого Союза в великой борьбе за европейскую свободу. Другими словами, он обвинял морскую внешнюю политику тори и требовал, как он вспоминал позднее, возврата иностранной политики, основанной на «принципах вигов». Он вновь подтвердил основную линию вигов, разделявшуюся теми, кто вернется к власти в 1694 году. Он настаивал, что не нападал на вигов или Вильгельма III. «Никак не могу понять, как некоторые поверили, что я все-таки сделал это», — смеялся Моулсворт¹¹³.

Моулсворт опубликовал свои «Датские заметки», чтобы оживить энтузиазм англичан по отношению к континентальной борьбе для защиты европейской свободы. «Благодаря ободрению и намерениям наших последних правителей», напоминал он своим читателям, Англия «слишком долго» не могла противостоять «нашему грозному соседу и врагу» — королю Франции. Однако,

начиная с революции, «мы стали более крупной фигурой в мире, чем прежде». Это произошло, как он объяснял, благодаря развитию центральной доктрины иностранной политики вигов, потому что «мы имеем больше иностранных союзников» и вместо продвижения традиционной конфессиональной политики англичане «встали во главе более чем протестантской лиги». Англичане теперь имеют «право вмешиваться в дела Европы больше, чем мы когда-либо намеревались в любом из предшествующих правлений»¹¹⁴. Моулсворт призывал товарищей-патриотов действовать на основании этого права.

Королевство Дания представило наглядный материал по изучению пагубных воздействий французской политической идеологии. До 1660 года датчане разделяли выгоды Готской конституции, которая когда-то превалировала «в большей части, если не по всей Европе». Именно благодаря ей, писал Моулсворт, Европа имела «подлинные парламенты» с «частыми заседаниями», на которых «регулировались все дела, касающиеся хорошего управления». Парламенты имели право выбирать своих королей и убирать «жестоких, злых, тиранствующих, алчных или расточительных» правителей. Затем в Дании «в одно мгновение суть дела изменилась», и короли стали «неограниченными и своевольными», «не оставив ни следа свободы для подданных».

Поворот Дании к абсолютизму не был уникален. Король Дании, подобно многим монархам в Европе, объяснял Моулсворт, стал «учеником» Людовика XIV. Следуя тому, что «практикуется во Франции», датские короли присвоили себе власть распоряжаться всем имуществом после смерти хозяина. Чтобы увеличить свои армии, датские короли, постоянно копируя «практику французского короля», искали, как сделать джентри бедняками и превратить торговлю в недоходное и бесчестное дело». Оказавшись в армии, «джентльмены и офицеры прекрасно выглядят в платье по французской моде». Видимыми последствиями этого нового абсолютизма во французском стиле стало то, что датчане «обожают французские модели, французских слуг и французских офицеров в армии»¹¹⁵.

Вместе с французским стилем абсолютизма пришел политический союз с французами. «Король Дании, — жаловался Моулсворт, — любит альянс с Францией и поддерживает более постоянную переписку с этой короной, чем с какой-либо другой».

Французский посол в Копенгагене, вспоминал он, был обласкан королем Дании и всем его двором». В своей дипломатической корреспонденции Моулсворт жаловался, что датчане стали «французами в сердце» и что они «сердечно желают» реставрации якобита¹¹⁶.

Причастность этого анализа к событиям Англии несомненна. Датская дружба с Францией не была просто избирательной близостью — она стала структурным следствием абсолютистской политики. Поворот к абсолютизму в Дании, как произошло и везде, обусловили «частые и произвольные налоги» для поддержки растущей военной машины. Это, в свою очередь, обедняло страну. «Цена поместья в большинстве частей королевства упала на три четверти». Более того, политика датских королей привела к «бедности в среде джентри, что, в свою очередь, обязательно вызывало крайнюю нужду крестьян», — которая, указывал Моулсворт, стала «постоянным результатом произвола в правлении в этой и во всех других странах, где абсолютизм одержал победу».

Эта угнетающая бедность, неизбежный результат абсолютистской политики, обязательно создавала нестабильность в международной политике. Те страны, *«которые считают военных единственными богачами, никогда не ограничивают увеличения их числа, пока не будут вынуждены кормить их, приходя или к столкновению с соседями, или к появлению враждебности с другими»*, что приведет к использованию их сил в качестве наемников. Абсолютизм бесконечно вскармливал гонку вооружений. Ни один лидер не рискнет разоружаться из страха, что его соседи только и ждут «возможности напасть на него, и не будет возможности оказать сопротивление». Таковы, заключил Моулсворт, «и не меньше, бедствия, которые французская тирания насадила в мире»¹¹⁷.

Его анализ дал четкое указание для английской иностранной политики. Единственным способом остановить распространение экономического опустошения и бесконечных военных действий стало прервать распространение французского абсолютизма. Это подразумевало как минимум постоянную бдительность и затруднительное положение в Европе — или, вероятнее всего, полномасштабное вторжение Франции.

Анализ Моулсворта сделал ясным, что век конфессионных войн закончился. Угрозой благоденствию Европы оказался абсолютизм, а не римско-католическая церковь. Дания, напоминал

Моулсворт своим читателям, была протестантской страной. *«Кто бы ни намеревался посетить протестантские страны за границей, — отмечал он, — будет уверен, что это не папистская страна как таковая. Но доктрина слепого послушания, в какой бы религии она ни проявлялась, есть разрушение свободы и, следовательно, счастья любой нации»* *.

Распространение «рабства» в большинстве протестантских, как и папистских стран», доказывал Моулсворт, происходит из-за того, что «дух людей» ослаблен священниками, которые проповедовали, «что подданные должны слушаться беспрекословно». Эта пагубная доктрина стала неизбежным следствием наличия священников, «которые зависели от короля» в средствах существования. Проблема заключалась не просто в священниках, а в священниках, которые зависели от абсолютистского государства. Опасность пришла не от распространения католической или лютеранской реформации, а от растущей власти абсолютистского государства. «Я хочу, чтобы каждый англичанин прочитал „Датские заметки“, — написал виг Уильям Филлипс из Ланкашира вигу Эдварду Кларку в Сомерсет, — потому что тогда они найдут раба в одном и том же, будь он папистом или протестантом»¹¹⁸.

Голос Моулсворта не был единственным гласом вопиющего в пустыне. Моулсворт выражал взгляд не разочарованной государственной оппозиции. Его оценка оказалась просто самым утонченным голосом в хоре жалоб вигов на направленность тори в английской иностранной политике. Действительно, «Заметки» были опубликованы как раз в тот момент, когда палата общин втянулась в резкие партийные дебаты об английской внешней политике. Многие из аргументов Моулсворта, развитые в его «Датских заметках», повторялись и в других работах, защищавших политику континентального участия.

В 1693 и 1694 годах виги в один голос жаловались на распространение абсолютизма на континенте. Самюэль Джонсон описывал схожую абсолютистскую политику, проводимую в Швеции,

* К сожалению, автор не приводит никаких экономических выкладок, подтверждающих тезис о падении национального благосостояния вследствие укрепления абсолютизма. В результате мы не можем судить — действительно ли это явление играло существенную роль в Европе конца XVII века или перед нами лишь политический прием, в реальности не основанный на экономическом расчете. (Прим. ред.)

Дании, Венгрии и Франции. «Мы видим, к чему приходят испанские кортесы, французские штаты», — предупреждал Джон Смит, который вскоре станет служить в политической фракции вигов в казначействе. *«В Швеции, а с недавних пор и в Дании люди, веря своей власти и своим королям в наиболее настоятельных случаях, теперь стали рабами своих страданий»*. Виг и лорд-шеф казначейства сэр Роберт Аткинс указывал, что Людовик XIV «стремится заставить всех остальных королей тоже искать в своих владениях пути для абсолютизма и деспотизма»¹¹⁹.

Моулсворт был не единственным вигом, который указывал, что современный абсолютизм можно найти в протестантских, как и в католических странах. В 1692 году Уильям Данком, английский посланник в Швеции, представил собственную оценку, совпадающую с изложением Моулсворта. Он тоже жаловался на отклонение от Готской конституции в северном королевстве. Карл XI «увеличил свою власть и силы своего королевства за пределы своих предшественников». Это было достигнуто *«уничтожением знати и джентри Швеции вместе с потерей свобод, принадлежавших подданным, и доли, которую они имели в правительственной администрации»*. Как в Дании, Франции и в ряде других стран, эффект от этого сказался в «общей бедности и в общем недовольстве и честном желании его излить».

Хотя Швеция первоначально участвовала в войне против Франции, с этого момента она *«упорно начала придерживаться нейтралитета, и с огромной тщательностью прекращала все наши попытки привлечь ее к общему делу»*. Поэтому неудивительно, что с французским абсолютизмом прибывало и французское политическое влияние. Действительно, «нелегко было найти в Швеции хоть одного человека», обученного искусству дипломатии и государственным делам, «который не настроился бы на интересы французов». Хотя отчет Данкома не был опубликован в 1680-х годах, выражением мнения его секретаря и преемника Джона Робинсона стали «Заметки» Робинсона, опубликованные издателем Моулсворта, Тимоти Гудвином. Они подробно освещали трансформацию шведского правительства в 1680-х годах, которая «заложила основания того абсолютного суверенитета, каким обладает любой король в Европе». Робинсон, как и Моулсворт, подчеркивал роль лютеранского духовенства, которое он в другом месте критиковал за нетерпимость — за то, что скло-

няли шведов, среди которых «священники имели большое и неконтролируемое влияние», принять новый абсолютистский режим¹²⁰.

Моулсворт также был не единственным вигом, который доказывал, что абсолютизм требует милитаризации и бесконечных военных действий. Виги указывали, что неизбежным последствием абсолютизма является обеднение народа. Во Франции, например, люди «так ужасно изнурены, ограблены и задавлены», что требуется «железное перо, погружаемое в кровь, чтобы описать это». «Ни одному абсолютистскому монарху, — соглашался епископ низкой церкви Уильям Ллойд, — не понравится, если его подданные разбогатеют на торговле». Эта бедность создавала двойной императив для военных действий. Во-первых, обедневшим абсолютистским государствам нужно богатство, чтобы кормить свои ненасытные военные машины. «Усилия, которые необходимы, чтобы обратить в рабство», требовали, чтобы абсолютистское государство участвовало в «частых войнах за границей». Во-вторых, широко распространенная нищета абсолютистских подданных, особенно во Франции, требовала разорения других государств, «чтобы рабы Франции не знали, что в мире существует более мягкое управление, чем тирания их владыки»¹²¹.

Именно этот вид анализа убедил вигов в 1693 и 1694 годах громко выступать против морской политики тори. Как признавался один виг-памфлетист, существовало много тех, кто отстаивал позицию, что «мы, сидя на острове, не должны возражать против своего флота». Такое мнение было, однако, близоруким. Если «мы откажемся от своих союзников и подвергнем их риску быть уничтоженными, мы будем уничтожены сами». Франция постепенно завоюет каждого союзника, «а затем, кто бы ни был королем Англии, мы окажемся под властью французского короля».

Снова и снова виги подтверждали свои континентальные обязательства в дебатах 1693 и 1694 годов. Снова и снова они доказывали, как и Моулсворт, необходимость постоянной поддержки союзников против французской агрессии. Оливер Кромвель, Карл II и Яков II «пренебрегали Европой» на свою беду, предупреждал виг сэр Джон Даррелл. «Или мы должны участвовать в свержении этого сильного монарха, или нет», — бушевал он. Если Англия оставит союзников, предсказывал виг сэр Томас Литтлтон, «французский король быстро соберет деньги и опусто-

шит нас всех». «Если Голландия будет уничтожена, следующей придет наша очередь», — согласно вторил сэр Чарльз Седли. «Мы не можем быть в безопасности без армии — ни безопасности дома, ни уважения за границей». Ричард Сэвидж, лорд Колчестер, был безусловно и предсказуемо сторонником вигов: «Если вы не увеличите свои силы, честь Англии будет утеряна»¹²².

Большинство тори ответило на новый вызов вигов в целом и от Моулсворта в частности заверениями своей приверженности морской стратегии. Но те полемисты, которые напрямую спорили с Моулсвортом, пытались не придавать особого значения его аргументам, обвиняя его в республиканском экстремизме. Они заявили, что вместо описания тревожного развития современного европейского политического ландшафта Моулсворт просто перечисляет затасканные классические приемы. Аргументы трактата, доказывал Уильям Кинг, который вскоре близко сошелся с кругом тори, окружающим принцессу Анну, «сильно припахивают всеобщим благосостоянием»¹²³. На пользовавшийся большим успехом памфлет тори ответили, объявив своего оппонента экстремистом. Именно из-за меры их полемического успеха ученые постоянно неверно истолковывали «Записки» Моулсворта как труд красноречивого, но политически несущественного защитника классических ценностей, а не как главное направление аргументации вигов в межпартийном споре об английской внешней политике 1690-х годов.

С момента, когда Яков покинул Англию, англичане почти в один голос призвали к войне против Франции. Большинство английских мужчин и женщин верили, что Яков II не следовал национальным интересам в погоне за союзом с Францией и в стремлении к войне с Нидерландами. Не многие призывали к возобновлению конфессионального раздора XVI и начала XVII века. Однако было бы ошибкой принять, что, хотя повсюду царил энтузиазм относительно войны, в этом существовало полное народное согласие. Наоборот, с 1689 года сложились два четких видения характера английской внешней политики. Обе стороны развернули страстные националистические доказательства. Тори доказывали, что в национальных интересах следовать морской политике. С Людовиком XIV нужно сражаться только до тех пор, пока он представляет реальную и немедленную угрозу Британским островам, и с вероятностью может уничтожить результаты

событий 1688–1689 годов. Англия не имеет интересов в финансировании континентальной войны против Франции, которая приносит пользу только слабым и ненадежным союзникам. Для защитников морской политики будущее Англии лежало в заморской империи, а не в европейских делах.

Напротив, виги доказывали, что Англии нужно быть сильной и на море, и на суше. Французская угроза была идеологической настолько же, насколько и геополитической. Англия могла быть в безопасности, только пока в безопасности находились европейские свободы. До тех пор пока государство продолжали соблазнять или принуждать принять абсолютистскую политическую модель, Европа и Англия будут втягиваться в безнадежную спираль огромных военных расходов и бесконечных войн. Недостаточно было просто защищать Британские острова — Англии нужно было смирить Францию и, таким образом, остановить распространение абсолютизма.

* * *

Революционеры 1688–1689 годов радикально трансформировали форму и направление английской внешней политики. Революционеры 1688–1689 годов имели цель изменить ориентацию иностранной политики Англии. Это было не случайным намерением, а центральной целью революционеров. Англичане в 1689 году требовали войны с Францией. Это не было политикой, навязанной Вильгельмом Оранским. Это происходило потому, что с середины XVII века английские мужчины и женщины по всей стране принимали участие в оживленных и возбуждающих дебатах о надлежащей роли Англии в европейских делах. В то время как многие преданные англичане и тори с пылом спорили, являются ли голландцы естественными врагами Англии из-за их вредного республиканизма и их распутного материализма, политические и военные достижения Людовика XIV в 1660–1680-е годы убедили многих людей в Англии, что Франция представляет большую угрозу, чем Нидерланды. Гораздо больше было похоже на то, что именно Франция стремится стать мировой монархией, основанной на континентальной гегемонии, а не Нидерланды рвутся приобрести мировую власть через коммерческую монополию. С конца 1670-х годов большинство англичан всех слоев общества с тревогой смотрели вперед, на войну против Франции — по край-

ней мере эта война сделала бы Англию арбитром в европейском балансе мира.

Однако Яков II понимал интересы Англии и европейскую политику отлично от большинства своих подданных. Он верил, что будущее Англии лежит в имперской силе, которая будет контролировать моря. Яков хотел превратить Англию в современную торговую империю. Франция, которая, по мнению Якова, являлась фундаментально сухопутной силой, представляла собой гораздо меньшую угрозу, чем Нидерланды, которые уже контролировали громадные районы в Ост- и Вест-Индиях. И конечно, Яков разделял с Людовиком XIV отношение к галликанскому типу католицизма. Именно по этой причине Яков был похож во многом на Людовика XIV и все больше осторожно продвигался к войне с Объединенными провинциями. Но он не следовал слепо своей религиозной склонности, жертвуя светскими интересами своей страны. Он проводил тонкую и приемлемую стратегию, стремясь превратить Англию в первоклассную современную силу.

Иностранная политика Якова раздражала большие группы политической нации. Это происходило из-за того, что они считали, будто Яков «полностью предан» своему союзу с Францией, объяснил один памфлетист, что «англичане считали себя вынужденными следовать в такие же затруднения, в какие попали их соседи». Революционеры освободились, чтобы «освободить также всю Европу от рабства, в которое та могла попасть». Страхи из-за союза с Францией, как записал склонявшийся к тори англиканец Уильям Шерлок, *«сделали очень много, чтобы заставить отвернуться умы подданных последнего величества и нанести в виде голландской армии сильнейший удар по его делам»*. Не было бы никакой революции, утверждал другой, если бы Яков II «только вынудил французского короля распустить свои армии или развернуть их, чтобы выдворить из Европы турок». При оценке самого бывшего короля еще один писатель говорил Якову, что «поддерживая союз с французской нацией, нашим старым и неизбежным врагом... вы отвернулись от Англии и предали ее старинные интересы», поэтому «нам пришлось отказаться от вас и оставить вас». Один автор бюллетеня настаивал, что Яков потерял все, «следуя действиям [Людовика XIV] и поддерживая его интересы». Виг Джейкоб Уэллвуд считал, что, если бы Яков хотел принять меры для «общей безопасности Европы», он бы «сохранил корону на своей голове».

Сэр Уильям Трамбулл позднее вспоминал, что он предупреждал Якова, что его дружба с Францией приведет к «обязательному краху». «Если ваше величество остановит своей силой и властью быстрое увеличение французских сил, — писал император Священной Римской империи Леопольд I, — то этими средствами вы в большой степени успокоите умы ваших людей». Это было мнение и французов тоже. Юссон де Бонрепо был уверен, что «англичане отдали бы Якову все нужные ему деньги без ограничений, если бы он только объявил войну против Франции». Когда режим Якова разваливался вокруг него в конце октября 1688 года, он признался Полю Берильону, что никогда не оставит Францию, хотя «и хорошо понимает, что это станет его крахом и уничтожением»¹²⁴.

Революционеры 1688–1689 годов не волновались лишь о «премущественности», конституции или о продвижении раннепротестантского мировоззрения¹²⁵. Наоборот, они имели гораздо более широкие, более общие и более современные цели. Как и организаторы более близких к нам революций, те, кто свергал Якова II в 1688–1689 годах, отчаянно волновались об униженном положении своей нации в мире. Они были в ярости, что Яков, как оказалось, лишь содействовал стремлению Людовика XIV к мировой гегемонии. Одной из их главных целей было кардинально изменить внешнюю политику Карла II и Якова II и наладить отношения с Нидерландами против растущей силы Франции. Они верили, что, делая так, они преследуют английские национальные интересы. Они верили, что смещают короля, который преследует скорее иностранные, чем национальные интересы.

Тем не менее даже те, кто считал, что Яков принес нацию в жертву Франции, не соглашались друг с другом и не соглашались фундаментально в вопросах правильного способа борьбы с Францией. Национализм не обозначал обязательного согласия. Патриоты могли спорить — и спорили. Тори разделяли с Яковом убежденность, что будущее Англии — это атлантическая сила, а не континентальная. Война была необходима, чтобы освободить Британские острова от влияния Франции. Но не было нужды вторгаться в континентальные дела. Тори придерживались морской политики. Напротив, виги были убеждены, что единственный путь остановить замашки Франции на мировое господство — это развернуть соскальзывание европейских государств к абсолютизму.

Виги верили, что революция представляла собой первый шаг к возврату европейских свобод. В результате, доказывали они, с Францией нужно сражаться и на суше, и на морях.

Виги и тори одинаково понимали, и понимали хорошо, что действия Якова по рекатолизации Англии бросают их в руки Людовика XIV. Вера Якова в католицизм французского типа и его любовь к католической абсолютистской монархии Людовика XIV делали двух королей естественными союзниками. В этом смысле религия все-таки играла важную роль в крутой ломке иностранной политики. Однако лишь крошечное меньшинство английских мужчин и женщин сопротивлялось развязыванию новой религиозной войны. Они узнали в конце предыдущего века, что религиозные войны опустошительны и в конечном счете не приводят к победе. Они также понимали, что Европа больше не разделяется на два четких конфессионных лагеря. Папа и король Франции стали врагами. Лютеране и кальвинисты на севере Европы презирали друг друга. Альтернативой католической внешней политике, как знали англичане, не стала протестантская внешняя политика. Вместо этого англичане вошли и были счастливы, что вошли, в многоконфессиональный союз против империализма Людовика XIV. И виги, и тори воспринимали свои международные политические действия в современных национальных понятиях.

Глава двенадцатая

Революция в политической экономике

«**К**акой большей демонстрации может требовать мир относительно преимуществ нашего национального правительства или особой власти и свободы этого города, чем Английский банк!» — изливался один англичанин конца XVII века. Этот новый институт, этот краеугольный камень так называемой финансовой революции так расхваливался, потому что он, «подобно храму Сатурна у римлян почитается таким священным хранилищем, что даже иностранцы считают, что их сокровища более безопасно отдавать туда, чем держать у себя дома; и это достигнуто не только подданными властных королей, где не может существовать места для какого-либо общественного доверия, но также жителями тех государств, где лишь такие банки до сих пор считаются безопасными».

Для вига Джона Толанда создание банка стало таким же событием, каким стало бы появление в Англии современной электростанции. Это событие, предположил Толанд, стало возможно только после того, как англичане быстро трансформировали свое государство и наладили отношения со своей собственной экономикой. Банк Англии был следствием предшествующей революции в политической экономике, трансформации — которая, по предположению Толанда, стала центральным лозунгом революционеров 1688–1689 годов¹.

По Толанду, торжество банка, предполагая, что такой институт стал возможен и желаем только после событий 1688–1689 годов, изменило политическое устройство Англии. Это поднимает ряд

вопросов о взаимоотношении между политической экономией и революцией 1688–1689 годов. Произошла ли в 1688–1689 годах революция в политической экономии? Если да, то что стало очертаниями дебатов по этому поводу до восшествия на престол Вильгельма и Марии в 1689 году? Что стало идеологическим в противоположность узкополитическому, фоном созданию Банка Англии? Какие отношения существовали между партией политиков и финансовой революцией?

Большая часть гуманитариев, следуя влиятельному мнению Джона Покока об отношении между политической экономией и Славной революцией, доказывает, что огромное большинство англичан не имело концептуальных инструментов, чтобы спорить о политико-экономических инновациях. Для Покока коммерческое общество, «утверждение коммерческого порядка» не являлось решающим вопросом в «английских идеологических дебатах» во время Славной революции. Действительно, истинно революционные последствия 1688–1689 годов — реорганизация «военной, финансовой и политической структур для достижения эффективного участия в континентальной и имперской войне» — не были «полностью предсказаны или желаемы теми, кто пригласил» Вильгельма в Англию. Именно потому, что Вильгельм ввел эти перемены извне, в нем видели «революционного деятеля в истории Британской монархии». Получается, что финансовая революция скорее стала результатом иностранного влияния, а не домашних идеологических дебатов. В лучшем случае она стала непреднамеренным, в худшем — нежелательным следствием событий 1688–1689 годов. Выходит, что англичане использовали изрядно изношенные идеологические инструменты для критики навязанного извне явления.

В такой интерпретации отношений между политической экономией и революцией 1688–1689 годов, англичане почти единодушно обратились против новых капиталистических институтов 1690-х годов. Действительно, по мнению Покока, каковы бы ни были различия между защитниками финансовой революции и ее критиками, «все аналитики политической экономии эпохи Августа принимают взаимозависимость земли, торговли и кредита»; и виги и тори *«разделяют не только толкование экономических факторов, но одинаково выделяют ценность системы, в которой единственным материальным основанием для гражданского досто-*

инства и индивидуальной морали берется независимость и недвижимость». Все группы в английской политической нации разделяли одни и те же экономические принципы. Все придерживались того, что позднее назовут торговым допущением. Другими словами, они все считали, что недвижимость исходит из права собственности на землю. Торговля — это просто обмен продуктами земли. В таком мире земельная собственность являлась обязательным базисом для политической власти².

Те несколько историков — а их было очень немного, — кто вторгнулся на территорию политэкономической мысли в 1690-х годах, в основном соглашались, что вместо революционного требования модернизации финансовых институтов существует идеологическое согласие против их создания в тот период. «В основном, — записывает П. Г. М. Диксон в своем изложении исходных трансформаций 1690-х годов, — реакция публики на финансовую революцию была враждебной, как позднее и на индустриальную революцию». Джон Бруэр подобным же образом доказывал, что революция в политической экономии не являлась целью английских революционеров 1688–1689 годов. Почти никто «не представлял себе трансформацию, которую войны вызовут в национальных институтах». У англичан не существовало идеологического побуждения создавать Банк Англии; скорее он «был создан» — пассивное наклонение — «после горьких политических битв в 1694 году».

При таком полном согласии не могло существовать идеологического объяснения для финансовой революции. Радикальная переориентация английской политической экономии не могла быть частью революционных идей 1688–1689 годов³.

В социальных науках, напротив, многие следовали за Дугласом Нормом и Барри Уэйнгастом в споре о том, что абсолютно современный капиталистический консенсус появился в Англии именно на волне Славной революции. В отличие от антикапиталистического консенсуса, выдвинутого гуманитариями, Уэйнгаст и Норт утверждали, что революция 1688–1689 годов создала новый идеологический климат, подходящий для капитализма и враждебный для государственного вторжения в экономику. В 1688–1689 годах заявляли они, коалиция интересов объединилась для решения английских «финансовых проблем» и оказала «соответствующее давление на корону».

Революция, развивает далее эту мысль Уэйнгаст, закрыла много старых противоречий, разделявших вигов и тори, и «привела к согласию по многим обсуждавшимся вопросам» — согласию, которое «привело в систему ряд конституционных перемен». Революция, по сути, создала «пакт элит». В особенности, предположили Норт и Уэйнгаст, это согласие заключалось в трех институциональных переменных: верховенство парламента, «центральная роль парламента в финансовых делах» и сокращение прерогатив короны. Все эти перемены стали долговременными, потому что революция «создала вероятную угрозу короне относительно будущего безответственного поведения».

Таким образом, с точки зрения Покока, революция 1688–1689 годов дала государству вновь обретенную власть для создания капиталистических институтов, против которых выступали английские политические мыслители — а с точки зрения Норта и Уэйнгаста революция создала политические институты, *«которые ограничили вмешательство власти в экономику и позволили частному праву и свободному рынку превалировать в большом сегменте экономики»*. Новые институты ограничивали непосредственное вмешательство правительства в экономику и «значительно увеличили предсказуемость управления». Делая так, революция создала условия, при которых Британия XVIII века «оказалась на краю индустриальной революции», в то время как ее континентальный соперник, Франция, балансировала «на грани банкротства». Норт и Уэйнгаст создавали убедительную схему политической истории вигов как результат экономической трансформации⁴.

Против этих взглядов — во-первых, что революция 1688–1689 годов создала интеллектуальный консенсус против капитализма; во-вторых, что политический консенсус склонил революцию в пользу неограниченного накопления — я выдвигаю идею, что в 1688–1689 годах революция произошла именно в политической экономии. Но я настаиваю, что радикальная трансформация стала следствием широких и глубоко политических споров между двумя соперничавшими современными экономическими программами. Не существовало движения за или против капитализма. Хотя англичане и соглашались, что они торговое общество, они громогласно спорили, должна ли Англия ставить своей целью

территориальные приобретения или должна стать промышленным обществом.

Этот спор, который все больше связывали с партиями тори и вигов в конце 1670-х и в 1680-х годах, начался задолго до революции и продолжался долго после нее. Создание Банка Англии и институтов финансовой революции не было ни навязано внешним нидерландским влиянием, ни стало результатом соглашения внутри английской политической элиты. Наоборот, Банк Англии был творением вигов вопреки сопротивлению тори.

Гуманитариям не хватало теоретического запаса и тонкости для этих дебатов о политической экономии, потому что они сфокусировались на «художественной литературе» и на «источниках интеллектуальной истории», вместо экономической практики и «программ купцов и политиков»⁵. Социологи не видели глубоких идеологических различий, сделавших в 1690-х годах политический консенсус невозможным, потому что они взялись анализировать некое измеримое экономическое поведение вместо массы письменных работ по политической экономии или свидетельств партийной политической активности.

Сфокусировав внимание на коммерческих дебатах и политических действиях до и после 1688–1689 годов, я покажу, как центральные политико-экономические темы стали причинами и следствиями революции. События 1688–1689 годов не привели ни к идеологическому, ни к политическому согласию. Наоборот, случилось жесткое противостояние между основанной на земельной собственности политической экономии тори и политической экономии вигов, поставивших в центр труд. Как раз когда и тори, и виги были втянуты в войну с Францией, обе стороны отчаянно хотели, чтобы государство вмешалось в экономику. Ни тори, ни виги не отстаивали принцип невмешательства государства. Наоборот, и те и другие хотели, чтобы именно постреволюционное государство развернуло свои ресурсы для поддержания их экономической программы.

* * *

Как минимум с 1650-х годов английские радикалы пользовались возможностями коммерческого общества. Марчмонт Нидхэм, Слингсби Бетелл, Генри Робинсон и Бенджамин Уорсли в числе других проявили глубокую заинтересованность в радикальной

политике государства. Все они защищали два предложения. Во-первых, они доказывали, что имущество — это прежде всего то, что создано человеком, а не природный дар. Во-вторых, они заявляли, что национальный банк будет играть жизненно важную и конструктивную роль в развитии национального процветания и в обеспечении национальной безопасности⁶.

Хотя банк, на появление которого они надеялись, не был создан в 1650-х годах, экономические идеи этих авторов запомнились и проявились после революции. Многие из этих экономических писателей, к которым присоединились различные более молодые памфлетисты, политики и купцы, повторяли свои идеи и предложения в 1660, 1670 и 1680-х годах.

Одна из самых красноречивых и развернутых апологий коммерческой политэкономии была предложена в 1685 году Керу Рейнеллом. Хотя Рейнелл не объявил явно свои партийные предпочтения, его заявления решительно принадлежали вигам. Он явно не был сторонником абсолютизма.

«И если его величество хочет развивать свою империю, нужно предоставить привилегии торговле и обеспечить личную безопасность людям и имуществу от деспотической силы и контроля, большие чем у его собратьев-королей; и ему не стоит пренебрегать привлечением к себе всех рук, сердец и кошельков соседних наций». Политические взгляды Рейнелла определялись его экономическими убеждениями. И критерием его экономической мысли являлось то, что «Англия подходящая нация для торговли»⁷.

Рейнелл верил, почти как все в конце XVII века, что «торговля и многолюдность нации — это ее сила». Однако основа этой силы, торговли и населенности, по Рейнеллу, составляет скорее труд, а не земля, производящая лишь сырье. *«Именно фабрики товаров для потребления, постоянно находящиеся в продаже, нанимают людей и дают большой доход — хотя исходных материалов в стране может и не быть, как, например, шелка; производством товаров занимается множество людей, и оно приносит нам другие вещи путем экспорта». «Именно фабрики должны выполнять работу, — восторгался он, — которая не только увеличит количество людей, но также обеспечит торговлю и ее развитие. Это сэкономит также деньги в наших кошельках при*

уменьшении импорта и принесет деньги стране благодаря экспорту».

Производство запустило в движение процесс, который бесконечно воспроизводил имущество; торговля не является игрой с нулевым доходом.

«Где много промышленного люда, там люди активно покупают, сметая все предметы потребления страны и изделия обычной розничной торговли: всевозможную провизию, одежду и другие необходимые товары и много используют ремесленные изделия из дерева и железа в виде инструментов, а также предметы своей профессии, и таким образом, поддерживают и повышают богатство земледельцев, лавочников и ремесленников всех сортов».

Рейнелл детализировал, «и они снова растут в числе, создают больше фабрик, и так они преуспевают один за другим, *ad infinitum*». «Хотя мы уже довольно крепкая нация, — заключил Рейнелл, — все-таки нам несложно стать в десять раз богаче»⁸.

В то время как Рейнелл был уверен, что массовый рост богатства в Англии и, соответственно, английской мощи легко достигим, он не думал, что это случится само собой. Он полагал важным, чтобы «из торговли убрали неразбериху» и чтобы «тайны обмена стали больше известны публике». Он надеялся этим поднять «дух народа», который «даст моральную поддержку активным действиям и трудолюбию людей, и беспокоился о деле торговли и о населении, так же сильно, как мы заботимся об удовольствиях и роскоши». Однако даже более важным, чем информирование публики о коммерции, является более склонное к коммерции государство. Действие правительства, к которому он призывал, заключалось не только в устранении приносящих вред законов и обычаев, но также в создании государством позитивных факторов для развития торговли. Рейнелл надеялся, что «нужно создать и придумать для ободрения торговли и производства» такие законы, в которых «самое главное для продвижения торговли и обеспечения ей процветания — это ее свобода, натурализация, массовость, [религиозный] охват и, естественно — свобода от арестов собственности и от произвола власти, малые налоги, все удобства и преимущества для торгового люда: ссуды, общественные места благотворительности для всех же-

лающих и бедствующих людей, а также готовые рабочие места для всех желающих».

Хотя Рейнелл симпатизировал производству и банкам, он не был капиталистическим критиком правительственного вмешательства в экономику. Он хотел, чтобы национальное государство работало на экономическое улучшение положения людей:

«Счастье и благополучие всех людей при наличии или создании индустрии, или как-то по-другому поднимается до такого жизненного уровня, который не только может уберечь их от нехватки и бедности, но предоставит им возможность приятного и дружеского общения друг с другом. Это сохраняется и у отдельных личностей, и в семьях, а также в группах проникательных людей: они лучше могут развиваться и процветать, по крайней мере, чтобы противостоять пагубности врагов и враждебности фортуны»⁹.

Действительно, Рейнелл в своем трактате аккуратно проводил различие между торговлей, которая занимается товарами народного потребления, и торговлей товарами, которые к ним не относятся. Важно, что в идеологическом контексте 1680-х годов он отмечал торговлю Ост-Индии как особо вредоносную, так как «в Ост-Индию мы привозим лишь реальные деньги и не вывозим назад ничего существенного, лишь специи»¹⁰. Для Рейнелла цель торговли заключалась в доставке сырых материалов, не имевшихся в готовом виде дома, для переработки. Так как торговля с Ост-Индией не обеспечивала этого, а только давала товары для реэкспорта, она потенциально приносила доход лишь отдельному купцу, а не пополняла баланс нации.

Рейнелл, может быть, и был необычайно красноречив — но его взгляды совпадали с голосами ряда других комментаторов конца XVII века. Многие придерживались мнения, что именно труд — а не природные дары — создает имущество, что фабрики — а не земля — являются ключом к богатству и могуществу. Ричард Блом, эксперт по Вест-Индии, поддерживал мнение, «которое совпадало со всех сторон», что именно «труд» нижних классов «совершенствует страны и, чтобы вдохновлять их, нужно повышать реальный доход народа». Ярый франкофоб Уильям Картер заметил, что «та страна, что не богата шахтами золота и серебра, не способна разбогатеть каким-либо другим способом, кроме сво-

их фабрик». Это утверждение привело Картера к заключению, что в интересах правительства поддерживать производство:

«Если только от наших фабрик произойдет богатство этой нации и если только благодаря нашему производству в основном будут заняты наши суда и потомки наших моряков, если только благодаря нашей торговле и нашим богатствам, которые приносит торговля, вырастут таможенные сборы его величества и на них будет построен и будет содержаться наш флот и обеспечиваться господство на морях, тогда лишь от нашего производства происходит — и должен происходить — наш золотой слиток, от которого зависит поддержание ренты наших знати и джентри. И поэтому мне можно верить, что не существует более высокого интереса у нации».

Джон Локк, который являлся одним из самых первых сторонников и инвесторов Банка Англии, был уверен, что, *«если мы верно оценим вещи, приходящие к нам на использование, и подсчитаем расходы на них, что в них лишь благодаря природе и что благодаря труду, мы обнаружим, что в большинстве случаев, 99 из 100 в них составляют расходы на труд»*. Поэтому неудивительно его убеждение, что для государств *«честное производство человека»* и *«количество людей должны оставаться предпочтительными величине владений»*¹¹.

Идея народного банка имела равно широкую поддержку в 1670-х и 1680-х годах. Английский национальный банк уже являлся объектом горячих диспутов «в общественных кофейнях» в конце 1670-х годов. Как писал Эндрю Яррантон, разумно глядя в будущее и ожидая помощи от вига, графа Англси:

«Если Богу угодно устроить Лондонский банк с фондом шестисот тысяч фунтов в качестве основы, из такого банка произрастет много филиалов и меньших банков, чтобы ускорить торговлю... я мог бы написать целый том о преимуществах, которые он обеспечит нашей английской торговле и развитию производства в нашем королевстве».

«Все люди удовлетворены, банк очень полезен для нации, особенно для торгового люда», — соглашался Марк Луис в 1678 году. В 1683 году, как вспоминал писавший о политической экономии

Адам Андерсон, *«Хью Чемберлен, врач, и некто Роберт Мюррей, оба великие выдумщики, вызвали большой переполох своим планом обращения кредитных векселей для банка под залог там товаров и отпуска в долг денег прилежным беднякам под шесть процентов интереса — но из этого ничего не получилось»*. Виг сэр Джон Лаудер описал народный национальный банк в своих «Правилах для увеличения торговли»¹².

При восшествии Якова II многие виги считали, что богатство и политическая сила определяются не землей, а трудом. Они настаивали, что богатство, потенциально безграничное, ограничивается не размером владений королевства, а только трудолюбием населения. Так как ключом к возникновению фабрик и эффективному разворачиванию труда при создании богатства являлась циркуляция денег для производящих областей экономики, многие продолжали защищать идею народного национального банка, впервые выдвинутую радикалами в 1650-х годах. Так как эти купцы, политики и мыслители конца XVII века были страстными защитниками коммерческого общества, они являлись не собственниками-индивидуалистами, а двигателями идеи благополучия национального сообщества. Они верили одновременно в капитализм и в необходимость для государства вмешиваться в экономику для направления ее на правильный путь экономического роста.

* * *

Однако Яков II принял политическую экономию тори, а не вигов. Так же как он никогда не вступил в желанную для сэра Джона Лаудера войну против Франции, Яков не воспринял и понимание Лаудером политической экономии. Король выбрал в экономические советники сэра Джосию Чайлда, а не Джона Локка или Керу Рейнелла. Он выбрал понимание собственности исключительно в виде земли и ограниченную — а не движимую и неограниченную. Вместо поддержки создания национального банка Яков II поддержал исключительную монополию привилегий английской Ост-Индской компании и Королевской Африканской компании.

В последние несколько лет правления Карла II, когда дебаты о политической экономии стали тесно связывать с появлением партий вигов и тори, тори сэр Джосия Чайлд, долгое время один из самых значимых купцов в королевстве, успешно установил

контроль над Ост-Индской компанией. В 1682 году «внезапно» Чайлд *«отказался от всех своих старых друзей, которые впервые с большими трудностями ввели его в [управляющий] Комитет [Ост-Индской компании] и затем подняли его до высокой чести стать губернатором, выбросив их полностью из управления»* — таких друзей-вигов, как сэр Самюэль Барнардистон, Томас Папиллон и майор Роберт Томпсон, — *«обратившись к новым советникам, абсолютно несведущим в этой торговле»*. Как оказалось, эти новые советники были пестрой коллекцией придворных католиков и тори. *«Чайлд полностью управляет долями своего зятя лорда Вустера и своего отца герцога Бофора, которых он подмял под себя, как и некоторых других вельмож через их слабости, а также некоторых судей, — сердито и точно описал раздраженный виг и ост-индский купец Натаниэль Чомли, — так что теперь [Чайлд] имеет всю власть, распоряжаясь их голосами и никто не в состоянии противостоять ему с другой стороны»*. «Сэр Джосия Чайлд и несколько его прилипал, — написал другой комментатор, — назначают и убирают членов комитета в зависимости от возможности использовать их в своих целях».

Кроме Вустера и Бофора, лояльных сторонников Якова II, этими «прилипалами» оказались фанатичный тори сэр Бенджамин Батерст, тори сэр Джозеф Херн и сэр Джон Мур, которого после революции признали «главной фигурой в поздних незаконных и деспотичных судебных разбирательствах при ниспровержении правительства Лондонского Сити»¹³.

Неудивительно, что с учетом природы удачного дела, которым руководил Джосия Чайлд, он и Ост-Индская компания вскоре стали любимцами при дворе Якова II. Исследователи показали, что Ост-Индская компания «стала тесно связана с монархией Якова II» и что «Чайлд и директорат Ост-Индской компании... присоединились к позиции тори в поддержке короны». Сам Яков владел в компании акциями на сумму не менее десяти тысяч фунтов.

Этот союз имел, конечно, свои идеологические последствия. Чайлд, по словам его врагов, *«поддерживался путем прибыльных заказов двора по высоким ценам, и эта поддержка была крайне важна для компании, чтобы считаться привилегированной»*. Как вспоминал другой комментатор, *«крупные посланники и большие люди при дворе льнули к сэру Джосии — не сомневаясь, что найдут*

достаточно денежных средств для проведения любых массовых мероприятий хоть для войны, хоть для чего-то другого».

Чайлда с его закадычными друзьями «культивировала, лелеяла и направляла рука тирании и деспотичной власти». Неудивительно, что Ост-Индская компания *«оказалась среди первых, кто послал адрес последнему королю с обещаниями рабского согласия на незаконное деспотичное требование продолжать поддерживать папство и тиранию и стала образцом для остальных более мелких компаний и отдельных купцов в покорном повиновении этому символу рабства, увеличивая деньги декларацией, и этим они публично и громко хвастали, тем самым чрезвычайно повышая себе цену».*

Компания Чайлда не только поддержала заявление Якова II об установлении налогов без согласия парламента — она дерзко претендовала для себя на «неограниченную деспотическую власть... беспредельную власть над товарами, свободами и имуществом англичан по своему желанию». Стоит ли удивляться, что Ост-Индская компания продолжала выделять огромные суммы денег Якову II и его двору и после революции¹⁴.

Джосия Чайлд почти полностью захватил контроль над Ост-Индской компанией с помощью и при поддержке Якова II и его придворных. Раз Чайлд и Ост-Индская компания безотказно оказывали финансовую поддержку королю, Яков II в ответ поддерживал экономическую политику и стремления Чайлда¹⁵. Но что же тогда Чайлд — расширяя, соответственно, его мнение на весь режим Якова II, — понимал под политической экономией?

В отличие от Джона Лаудера или Керу Рейнелла Чайлд был убежден, что *«торгующие купцы, пока они в деле и рвутся к осуществлению своей индивидуальной торговли, пусть даже они очень мудрые и вполне хорошие люди, не всегда остаются лучшими судьями в торговле, когда дело касается дохода или мощи королевства»*¹⁶. Короли должны выслушивать советы не простых торговцев, а людей, которые — как сам Чайлд — привыкли к жизни сельского джентльмена. Чайлд считал, что те, кто имеет в собственности землю, имеют наилучшее политическое суждение.

Чайлд был предан идее того, что собственность — ценность природная, а не созданная человеческими стараниями, и отсюда обязательно ограничена. Поэтому обладание землей являлось для него основой политической силы. Сначала первые люди жили

на не выращенные ими продукты земли, излагал Чайлд в истории, почти дословно повторенной главным судьей лордом Джорджем Джеффрисом, *«но потом человечество на земле начало увеличиваться и множиться; те, кто первыми завладел имуществом и приобрел для себя лично отдельную собственность и права на нее, не допускали наследования людьми племени из всех других средств к жизни и существованию того, что определяло субординацию и зависело от таких собственников, которые имели власть и средства, чтобы удержатъ их, и поэтому заявляли права на верховенство над остальными»*.

Так как верховенство основывалось на земле, Чайлд верил, что торговля была просто обменом плодов этой земли. «Главное преимущество и основа торговли в Англии выросло из богатства, которое собрано из продуктов земли», — спорил Чайлд. Где Рейнелл видел серию ошеломляющих воздействий производства, ведущих к возможности неограниченного экономического роста, Чайлд видел ограниченную экономику, полностью «происходящую из основного запаса доброго хозяйствования». Сельское хозяйство — и рыболовство как род сельского хозяйства на море — являются основами торговли, которая, в свою очередь, состоит просто из купцов, покупающих *«товары чисто для продажи снова или обмена товаров одной нации на товары другой с единственной целью получить свою личную выгоду или доход»*. Так как богатство не создано человеческим трудом, международная торговля неизбежно становилась игрой с нулевой суммой: «все, что ослабляет» Италию, Францию или Голландию, «обогащает и усиливает Англию»¹⁷.

Базисная предпосылка, что под собственностью можно понимать только землю и ее производные и что поэтому торговля неизбежно является порочным международным соревнованием за ограниченные ресурсы*, привела Чайлда к резкой критике капиталистического, коммерческого и городского общества, давно свя-

* Отметим, что это понимание торговли на деле было не так далеко от изложенного выше понимания вигов, озвученного Керу Рейнеллом. Как мы видим, виги также считали вредной продажу сырья или ввоз предметов роскоши; в этом смысле внешняя торговля для них точно так же была игрой с нулевой суммой — только выигрывал в ней не более сильный или ловкий, а тот, у кого была лучше развита промышленность. (Прим. ред.)

зываемого с классическим республиканизмом и политической культурой тори. Он был убежден, что «роскошь и расточительность очень пагубны и для королевств, и для отдельных семей». Так как земля, а не обмен или производство является реальным базисом для богатства Англии и для ее силы, Чайлд побуждал «джентри Англии оставить Лондон» и его «испорченный образ жизни» и вернуться в «собственные деревни», чтобы «обратиться к основам хозяйствования». Ост-Индская компания Чайлда предупреждала, что тех, кто нанимается на фабрики, должно быть ограниченное количество, потому что они «столь подвержены готовности к беспорядкам». Наконец, Чайлд считал, что правительство «для поддержания доверия и обеспечения безопасности тех привилегий, которыми по справедливости должна обладать земля», должно заменить «общественные налоги, возложенные на землю», «акцизом» или налогом на потребляемые товары — тем самым *«облегчив существование тех немногих, кто является собственником земли, и возложив их на тех многих, которые поднимают их имущество от продуктов земли»*¹⁸.

Понимание Чайлдом политической экономии, безусловно, разделяемое Яковом II и его двором, имело важное значение для организации торговли в Ост-Индии в частности и для английской внешней и имперской политики в целом. Понимание того, что торговля ограничена и что обязательно существует жесткое международное соперничество, заставляло Чайлда и его соратников, представителей политэкономии тори настаивать, чтобы внешняя торговля велась через монополию. Соревнование между английскими купцами могло быть лишь губительным для Англии. *«Наши дела в Индии находились в прекрасном, успешном состоянии в каждом месте, если бы не вновь появляющийся у некоторых единый интерес с голландцами»*, — жаловался Чайлд государственному секретарю Миддлону. Позднее, обращаясь к периоду до создания монополии Ост-Индской компании, Чайлд вспоминал, что англичане в Индии *«в эти времена натиска были разделены и соперничали друг с другом, как гвельфы и гибеллины, в соответствии с различиями старой и новой компаний, чье более позднее название вновь появившиеся присвоили себе и под этим именем заключали коммерческие контракты и союзы с принцами и губернаторами Индии, без какого-либо разрешения от своего суверена — что наши законы рассматривают как тяжкое преступление и что само по себе по*

опыту и признанию всех людей имеет самые разрушительные последствия для любого королевства и для государственной торговли с Восточной Индией»¹⁹.

Предпочтение, оказываемое Яковом II политэкономической схеме Чайлда, едва ли удивительно. Как директор и самый крупный держатель долей Королевской Африканской компании, Яков сам предоставил модель для Ост-Индской компании. С самого начала существования Королевская Африканская компания, основанная в 1672 году при сильной личной поддержке Якова (тогда герцога Йоркского), имела очень тесные связи с короной. Очень быстро компания приобрела узкопартийный профиль. Критики двора и будущие виги, такие как Джон Локк и граф Шефтсбурри, продали свои акции компании в конце 1670-х годов. К 1680-м годам руководство компании в подавляющем большинстве состояло из тори. Когда Яков получил шанс заполнить вакансии членов совета графств после упразднения Лондонской хартии в конце 1680-х годов, почти половина королевских кандидатов оказались держателями акций Королевской Африканской компании²⁰.

Королевская Африканская компания, столь тесно связанная с Яковом, имела экономические взгляды, сходные со взглядами руководства Ост-Индской компании. Аргументации компании неизменно начинались с предположения, что «рост и богатство всех государств всегда пополняются за счет иностранца». Торговля, как были убеждены Яков и его товарищи, члены руководства компании, — яростное соревнование, в котором проигрыш и выигрыш в сумме дают ноль. Так как это форма организованного международного соревнования, они считали, что представление, будто торговля в Африке может вестись без торговой монополии, является «хрупким и ошибочным». Опыт африканской торговли до создания предшественника Африканской компании в 1662 году оказался абсолютным провалом. Компания заявила, что купцы, не защищенные акционерным обществом, теряли тысячи фунтов. Это происходило, потому что торговля в Африке, как и в Ост-Индии, никогда не оставалась чисто коммерческим делом. «Долгим опытом выяснено», настаивал один представитель компании, что *«эта торговля не может вестись без постоянного содержания на месте фортов и без военных кораблей, чтобы защищать тор-*

говые суда; это вызвано природной вероломностью аборигенов, которые, будучи варварами и язычниками, не могут быть связаны договорами, их нужно держать в страхе постоянной и неизменной силой и частично тем, что нидерландцы, датчане, французы и другие нации, которые также торгуют в этих же странах, еще более бдительно следят за своими доходами, часто провоцируя местное население против нас, а также используя собственные силы, чтобы разрушить и истребить там английскую коммерцию»²¹.

В зловонном мире международной торговли Англия может соревноваться, только если ее акционерные компании пользуются властью суверена, чтобы усилить свои монополии и защитить свои исключительные торговые привилегии всеми необходимыми средствами.

На деле до 1685 года закон не стоял четко на стороне акционерных компаний против конкурентов. Только в январе 1685 года дело о «хартии Ост-Индской компании и власти короля раздавать такие хартии и запрещать другие предметы» было решено в суде Королевской скамьи по делу «Ост-Индская компания против Томаса Сэндза». Ост-Индская компания была признана обладающей всеми правами относительно Томаса Сэндза, пытавшегося внедриться в торговлю без лицензии. Сделав так, компания и ее юристы заложили в свой идеологический базис политэкономия, основанную на земельной собственности.

Сэр Джон Холт и Дэниел Финч — будущий граф Ноттингем — доказали, что эксклюзивные акционерные компании можно оправдать, несмотря на запрет на монополию, по трем причинам. Во-первых, так как «главной целью правительства» является «сохранение христианства», короли Англии сохраняют особый интерес к регулированию торговли с язычниками, такими как жители Ост-Индии. Религиозные практики купцов в особых торговых компаниях с королевскими хартиями легче отслеживались. Во-вторых, доказывали они, «королю необходимо иметь силу, чтобы сдерживать иностранную торговлю, потому что иностранная торговля при данном положении дел может быть неудобной и вредной». Поэтому необходимо, имея королевскую прерогативу, создавать ограниченные в самостоятельности торговые компании, которые существовали бы по воле короля. В-третьих, как доказывал Финч, ошибочная природа мировой торговли «по нулям» в Ин-

дях создает «абсолютную необходимость единой компании, чтобы управлять этой торговлей»²².

Возражая этой позиции, защитники излагали другое понимание политической экономии. Во-первых, оба юриста подсудимого, выдающийся виг сэр Генри Поллексфен и сэр Джордж Треби, отрицали, что пропаганда религии была первичной целью правительства. *«Я должен с вашего разрешения сообщить, — изливал свой гнев Треби, — что это убеждение христиан не иметь торговли с язычниками является самонадеянным, абсурдным, монашеским, фантастическим и фанатичным. Оно сродни **dominium fundatur in gratia**»* — это то же самое, что утверждать, будто такое политическое владычество основано на любезности. Поллексфен, более сдержанный, предупреждал, *«что религия слишком часто становилась маской и вуалью для других идей и целей. Так не должно быть, и я надеюсь, так использоваться не будет в этом случае»*.

Во-вторых, если истцы заявляли, что имущество основано на земле и что международная торговля есть неизбежно игра с нулевой суммой, то юристы ответчика определяли имущество совершенно по-другому. Имущество, заявлял ответчик, являлось созданием человеческого труда и, соответственно, потенциально не ограничено. *«Это естественная потребность, что каждый человек, чтобы жить, ест, и отсюда вытекает необходимость и обязательность труда, — доказывал Треби, — и в этом смысле имущество означает средство к жизни, а также и саму жизнь»*. *«Я не знаю большей собственности, чем свобода торговли и труда, — развивал он эту мысль далее. — Король не может отобрать добро, которое человек получил благодаря торговле, еще меньшее право он имеет отобрать всю его торговлю; если доход, который человек получает от своей торговли, будет его собственным, свобода, приобретаемая посредством его, является его собственной. Иначе все имущество торговцев сомнительно»*.

В-третьих, ответчики предлагали более ограниченное понимание прерогативы. *«Прерогатива — это отлично, — допускали они, — но она имеет общее и справедливое ограничение, с которым ничего не поделаешь: вредное или несправедливое отношение к подданному»*. Если бы королям позволили ограничивать торговлю прерогативой, *«они могли бы посредством этого создать неоспоримое право на такой годовой доход [основанный на налоговой торговле] без согласия палат лордов и общин»*²³. Другими

словами, если бы королям позволили ограничивать торговлю прерогативой, они могли бы обходиться без парламента.

После таких рассуждений правосудие Королевской скамьи оказалось на стороне истцов в каждой теме диспута. Оба судьи, и Уолкотт, и Холлоуэй, настаивали, что необходимо, чтобы король «защищал нас в нашей религии», что король является «защитником веры». Судьи также поддержали понимание истцом собственности. Что же касается фабрик и создания товара человеческим трудом, то главный судья Джеффрис высказал о нем свое наиболее откровенное мнение: «Общественное благосостояние имеет к этому мало отношения». Земля, а не фабрики или обмен — вот что имело значение для Джеффриса. «Король — вот единственная персона, по-настоящему озабоченная этим вопросом» Ост-Индской компании, доказывал Джеффрис, «так как наш остров много веков поддерживал своих жителей без какой-либо иностранной торговли, имея у себя все необходимое для жизни человека». Собственность и средства к жизни зависели от земли. Торговля давала роскошь, а не необходимое, и поэтому в сфере королевской прерогативы — регулировать всю иностранную торговлю, как ему удобно.

Судья Холлоуэй доказывал, что король «имеет исключительное право и власть над торговлей». Судья Уиткинз заключил, что король имеет право «контролировать всю торговлю вообще». Джеффрис многозначительно произнес необходимое верховное заключение этих рассуждений. Так как монархи могут регулировать торговлю, *«его величество и его предшественники всегда имели за границей несколько колоний, которые открывались или приобретались любым из их подданных и могли действовать на будущее, в случае если любая другая колония будет открыта или приобретена»*²⁴.

Если все было выражено таким образом, едва ли удивительно, что судьи оказались единодушны при заявлении о колоссальной важности дела «Ост-Индская компания против Сэндза» для королевской прерогативы. Джеффрис заявил, что случай *«такого большого значения и последствия, что, вероятно, столь значимого дела никогда не было (я уверен, что большего не было) в Вестминстер-Холле, где прерогатива короля была бы более важной с одной стороны, а свобода и собственность подданного — с другой»*²⁵. Джеффрис зашел так далеко, что предположил, что появление

в Ост-Индии торговцев без разрешения и возникновение радикальных мятежных принципов совпадает с их появлением в Англии. Таким же образом, заявил Джеффрис, юристы «в последние годы» завели привычку *«преуменьшать власть короля и значение, я чуть не сказал, прерогативу подданных... заставляя считать власть короля такой незначительной, будто он просто дож Венеции, полностью зависящий от парламента»*. Все это, настаивал он, должно закончиться.

Определяя собственность как природное создание, измеряемое только землей, Джеффрис смог показать, что английские короли обладают властью регулировать всю торговлю. Если юристы ответчиков волновались, как бы это не отстранило парламент от таких дел, Джеффрис упивался такой возможностью. Слава богу, воскликнул он, *«во власти короля собирать и распускать парламенты, когда и как он хочет; ведь он единственный судья этих ardua regni — а ему приходится думать, как приспособиться к парламенту при консультациях с ним»*²⁶.

Суд Королевской скамьи решил, что выдача хартий на эксклюзивную торговлю — это «несомненная прерогатива» короля. Другими словами, суд постановил, что собственность, безусловно, ограничена, что вся собственность потенциально принадлежит королю и что король может даровать монополию с неограниченными правами для ведения заморской торговли. Это постановление позволило Ост-Индской и Королевской Африканской компаниям незамедлительно предъявить обвинения всем пытающимся проникнуть в их специфические области торговли. Это также стало законным базисом для амбициозных имперских проектов при создании доминионов Новой Англии, Вест-Индии и Индии²⁷.

Решение Королевской скамьи в деле «Ост-Индская компания против Сэндза» проложило путь для развития территориальной империи в Индии во время правления Якова II. Не только у Чайлда — но и в более широком смысле у всей Ост-Индской компании — идеологические обязательства перед аграрной политэкономией требовали эксклюзивных торговых привилегий, но это требовало от компании и обладания собственностью, на которой базировалась бы ее торговля в Индии. Ост-Индская компания верила и надеялась, что *«все англичане, которые любят свою родную страну, так как вопрос этот был подробно разработан в де-*

батах и перед его величеством, и в других общественных местах... должны согласиться отдавать часть своего годового дохода, чтобы поддержать нашу власть и увеличить наши силы в Индии, или вскоре нам придется оставить свою торговлю в Индии голландцам». Чтобы достичь этого, Яков II отдал компании «все средства, какие мы только могли пожелать, и все, что есть у нидерландцев или на что они могут претендовать». Это позволило компании преобразовать себя из «кучки просто частных торговцев» в «грозное военное правительство в Индии». Компания сразу же назначила сэра Джона Чайлда губернатором Индии с «полным и абсолютным руководством» всеми английскими поселенцами в Индии. Ему было поручено создать «английское политическое правительство в Индии» вместе с «принудительными законами и правом наблюдать за строгим исполнением наших законов». Никому не было позволено обсуждать губернаторские «полномочия любого рода», так как *«только единство наших советов и полное подчинение вышестоящим может обеспечить английским делам в Индии твердое основание из политики, силы и справедливости»*²⁸. Компания разработала свою политэкономия с центральной идеей земельной собственности на основе понятий Якова II о непрерываемом авторитете суверена.

То не был полет фантазии чрезмерно амбициозного купца и его соратников в Лондоне, лишь просто мечтающих об империи на Востоке. Встающая на ноги Индийская империя быстро обрела форму. Яков II присоединил Бомбей, сделав из него, как подал это один автор брошюры, «английскую метрополию в Индии» — с мэром, архивариусом, шерифами, членами городского правления, дворцом правосудия и адмиралтейством. Действительно, хвастал Чайлд, компания превратила Бомбей из города четырех тысяч семей в город «пятидесяти тысяч семей, и все они подчинялись законам компании». Подобным же образом Мадрас стал *«одним из прекраснейших и самых больших городов в этой части мира, он охранялся хорошим гарнизоном и вмещал не менее сотни тысяч семей всех национальностей, которые жили в этом городе и на территории вокруг него; все они подчинялись тем законам общежития, которые компания считала благодаря своей хартии подходящими для наложения на них»*. С населением около ста тысяч Мадрас во время правления Якова II становился вторым по величине английским городом²⁹.

Под управлением Чайлда и при распространении на Ост-Индскую компанию и на двор Якова II политэкономической системы, основанной на земле и с нулевой суммой, и под новым управлением территориальной империей в Ост-Индии — неудивительно, что Англия и Ост-Индская компания проводили воинственную политику по отношению к своим соперникам — Нидерландам и империи Моголов. Чайлд, как и Яков со своими ближайшими советниками, долго боролся против влияния Объединенных провинций, варьируя между призывами к подражанию им и резким их осуждением. Чайлд часто призывал соотечественников подражать своим соседям за Северным морем и основать империю в Ост-Индиях, в то же время обвиняя голландцев в том, что разорили все пятнадцать областей английской торговли, которые он выбрал для анализа.

После того как голландцы в 1682 году захватили английский торговый порт Бантам на острове Ява, Чайлд еще больше убедился, что английские экономические соперники стоят на грани монополизации всей торговли в Ост-Индии. Если Нидерланды достигнут этой цели, был уверен Чайлд, «это сделает их непреодолимыми». *«Последствия построения единой империи Нидерландов в Индии настолько фатальны для этого королевства, — заклинал Чайлд лорда Миддлтона, — что эта национальная гангрена нуждается в более быстрых и более сильных средствах, чем может предоставить любой из отдельных купцов».*

После того как Яков II вззошел на трон, Чайлд и Ост-Индская компания настойчиво усиливали свои призывы о национальной поддержке. В своих обсуждениях при дворе, в разговорах с иностранными посланниками, в печатных памфлетах и в письмах в свои фактории в Индии Чайлд с друзьями постоянно выдвигали одни и те же аргументы об опасности голландской коммерческой гегемонии. Они хотели, чтобы президент и член совета в форте Сент-Джордж в Мадрасе подготовились к военной борьбе с «голландской тиранией в Индии». На следующий год они сообщили новому начальству в Бомбее, сэру Джону Чайлду, что ставкой войны в Индии станет гораздо большее, чем просто местный импорт. Лондонский совет так формулировал свой взгляд на отношения англичан с голландцами: *«Если теперешнее непонимание между двумя нациями перерастет в открытую войну, это будет считаться заурядной войной за перец, которая воспринимается*

несерьезно, поскольку каждая семья использует его сравнительно мало. Но в конце концов она окажется войной и за Британские, и за Индийские моря»³⁰.

Как раз когда в общественном мнении вне двора возникло неистовое франкофобское возбуждение, Ост-Индская компания вместе с Яковом II и его двором требовали войны против Нидерландов — войны оправданной, потому что коммерция стала неотделима от власти, и коммерция зависела от имперских земельных владений. При таком идеологическом видении торговля оставалась игрой с нулевой суммой, а английскими конкурентами в торговле были голландцы, а не французы. Действительно, Чайлд долго отстаивал организацию в Ост-Индии единого дела с французами против голландцев — призыв к координации усилий, на который Яков II ответил позитивно. К 1687 году стало известно и широко разрекламировано, что Яков II предложил свою «королевскую помощь» и послал нескольких тысяч человек», чтобы продвигать дела компании в Индии³¹.

Ост-Индская компания начала реальную войну в Индии. Но она оказалась войной против империи Моголов, а не войной против Нидерландов. Сэр Джосия Чайлд, по словам его критиков, посредством «огромных ежегодных подарков... мог добиваться у двора и Вестминстер-Холла всего, что ему нужно». А ему нужен был «огромный флот», полный «солдат и других средств ведения войны». Чайлд, Ост-Индская компания и Англия начали войну против императора Могола «по поручению его величества и под Большой государственной печатью Англии». Несмотря на крайние усилия компании и двора в рекламе английских успехов, вскоре через биржу стало известно, что война идет плохо. *«Сэр Джосия Чайлд готовит реляцию о своих последних успехах против Велико-го Могола, — глумился один автор лондонского бюллетеня летом 1688 года, — и все-таки его вымышленная риторика едва ли заслуживает дальнейшего доверия, так как наши активы [то есть цены на акции] упали до самого низкого уровня»*. Моголы крепко разбили англичан, угрожая самому существованию Английской империи в Индии. «Большинство людей считает, что торговля Ост-Индии вообще потеряна» в результате этой постыдной войны, написал другой³².

Яков II совершал политические и идеологические действия сообща с Джосией Чайлдом и его реорганизованной Ост-Индской

компаний. В этом тандеме они разделяли представления о богатстве как об игре с нулевой суммой, о территориальной имперской политике и об антиголландской внешней политике. Вместе они достигли подтверждения законом королевского права создавать эксклюзивные торговые монополии. Все это явно не нравилось значительному сегменту английского купеческого сообщества. Чайлд не только заставил отвернуться от себя своих бывших союзников в Ост-Индской компании, таких как Томас Папиллон и сэр Самюэль Бернардистон — его сотрудничество с режимом Якова II удручило широкий ряд купцов. Эксклюзивная природа торговых прав, которую он получил и на которой Яков II настаивал, лишила купцов по всему королевству, в особенности же еврейское купеческое сообщество, доступа к заморской торговле. Неудивительно, что купцы-виги так демонстративно отвернулись от режима. Неудивительно, что «в Сити сильно роптали против крупнейшего купца Ост-Индии, чье имя рифмовалось с Голиафом»³³. Неудивительно, что в 1688 году купцы-виги вливали деньги в сундуки Вильгельма Оранского. Неудивительно, что все купцы, и особенно виги, в бурные дни 1689 года так быстро начали поддерживать новый режим своими кошельками.

Яков II принял коммерческую политику Ост-Индской и Королевской Африканской компаний — политику, поддержанную сэром Джосией Чайлдом. Яков II проводил понятную и современную имперскую политику. Он являлся «зрелым империалистом»³⁴. Но коммерческая и имперская политика Якова II не совпадала с усиливающейся коммерческой традицией вигов — традицией, утверждающей, что имущество создается человеческим старанием и что банки могут многое сделать для роста богатства нации.

Смысл политики Якова, союз с Францией, война с империей Моголов и с Объединенными провинциями оказались созвучными собственным склонностям короля в иностранной политике, но поставили его в натянутые отношения с основной частью политической нации. Таким образом, Яков II заставил отвернуться от себя не только традиционных врагов Ост-Индской компании, но также тех могущественных купцов-вигов, которые отвергали взгляды Чайлда на коммерцию и империю. В результате большой сегмент английской купеческой общественности активно поддерживал вторжение Вильгельма и обеспечил финансовую поддержку режиму в самые важные первые месяцы.

Вопросы политической экономии играли решающую роль в осуществлении революции 1688–1689 годов. «Экономическим дискуссиям» не пришлось ждать время «после Славной революции», как утверждали гуманитарии, чтобы «стать политическими и конституционными дискуссиями»³⁵. Дискуссии о политической экономии играли кардинальную роль в формировании идеологической энергии, которая обеспечила всплеск революции 1688–1689 годов; интерес к политэкономии не был случайным следствием этих событий.

* * *

Революционеры 1688–1689 годов не только изгнали Якова II и его политический режим — они также покончили с удушением экономической идеологии со стороны тори. Вскоре разразилась какофония различных голосов. Идеология радикалов 1650-х годов, которая приобрела приверженцев скорее среди более политически умеренных, чем среди бравых критиков республики Оливера Кромвеля, быстро расцвела снова. Как заметил Николас Бербоун, тори и сын радикала 1650-х годов Прейсгода Бербоуна, *«несмотря на огромное влияние, которое торговля теперь имела как средство поддержания и процветания государств и королевств, все-таки нет ничего, что люди выделяли бы больше в своем мнении, чем истинные причины, которые поднимают и развивают торговлю»*³⁶.

Вновь набравшие силу дебаты о политической экономии, хоть и начатые теми англичанами, кто ясно понимал силу свободы, не опирались на классику или на свой Ренессанс и республиканских популяризаторов. Античные писатели стали уже просто неуместными в области коммерции. Как опять же заметил Бербоун, *«Ливий и те древние авторы, чей возвышенный гений поставил их во главе расследования случаев взлета и падения правительств, были очень точны в описании нескольких форм военных, хотя и жил в то время, когда семья Медичи продвигалась к верховной власти при помощи богатств, приобретенных торговлей, не упоминает торговлю как направление, имеющее важное значение в делах государства»*.

Однако военная революция XVII и начала XVIII века неизбежно изменила отношения между торговлей и политикой. *«Пока торговля не стала необходимой для производства оружия, — правильно понимал Бербоун, — она всегда считалась пагубной для*

роста империи, так как слишком расслабляет людей покоем и роскошью, которые делают их тела непригодными, чтобы переносить труд и лишения войны». Один полемист вигов позже записал, что «торговля в течение последних чуть больше ста лет считалась занятием презренным, как и до сих пор в некоторых могучих и знаменитых королевствах, и принята лишь современной политической системой, мало воспеваемой великими писателями и профессионалами этой науки» — потому что «с момента открытия Восточной и Западной Индий и развития мореплавания, состояние Европы в целом и каждой нации в ней в особенности, сильно изменялось, особенно в течение войны».

«Теперь, — отмечал этот полемист, — мы видим, что все уголки Европы забиты постоянными, дисциплинированными и регулярными армиями на жалованье, а так как их невозможно содержать без громадных денежных фондов и при нехватке древних владений королей, налоги повсюду выросли». «Внутреннее производство и иностранная торговля» стали необходимы, чтобы увеличить требуемый годовой доход. Времена изменились. Так, доказывал другой комментатор, «как бы низко ни ставил Аристотель или некоторые другие доктринеры торговлю в старые времена», их мнение неуместно при имеющемся «чувстве достоинства», которого «с тех пор достигла торговля»³⁷. Ни классическая, ни древняя конституция не обладала мудростью, достаточной, чтобы иметь дело с современными проблемами политической экономии.

Правительство Якова II приняло торговую идеологию тори, основанную на земле и положении о нулевой сумме богатства. После бегства короля виги заявили, что богатство потенциально безгранично и созданное человеческим трудом находится повсюду. Многие заявляли, что скорее фабрики, чем земля являются ключом к будущей силе и процветанию Англии. «Из опыта очевидно, — говорил Уильям Джеймс, повторяя мнение, высказанное Кару Рейнеллом полдюжины лет назад, — что где находятся фабрики и много людей в любой части страны, там земля не только занята, но и требует самых больших арендных плат и поэтому представляет собой высочайшую цену». Именно «производства», настаивал Даниэль Дефо, «являются сокровищницей этой нации и поддерживают экспорт для баланса нашего импорта; иначе это королевство стало бы бедным, как Испания, и изнеженным, как Италия».

Джеймс Уистон, который давно уже был известен своими публикациями списков торговых цен, считал, что «индустриальные жители», а не земля, являлись «первым богатством, а также силой нации». «Труд» людей мог бесконечно улучшать блага нации, считал автор «Славы Англии», так что именно человеческие усилия «являются действительными богатствами и силой нации; и чем они живее, как у пчел в улье, тем лучше и угощение». Сэр Френсис Брюстер был уверен, что те нации, которые добывают национальные ресурсы, «должны больше опасаться, чем те, которые имеют в изобилии дары природы, но хотят развивать индустрию». Потому что «количество людей — это первичная сила нации», — доказывал виг Роберт Кок, ведь бедная землей и богатая населением Голландия «гораздо богаче, чем Испания». Король — *«ничто, если у него нет подданных»*, — проповедовал священник низкой церкви и будущий епископ Симон Патрик, — *«но чем больше подданных он имеет, тем больше его сила и его великолепие дома, и его слава и репутация за границей; что очень сильно зависит от густонаселенности его страны»*. Виг, друг Локка и колониальный торговец Джон Кэри понимал, что «огромный интерес Англии заключается в развитии ее производств». Через производство *«мы не только займем работой наших бедных, таким образом убрав это бремя, которое иначе тяжело ложится на наши земли, но также станем богатеть благодаря торговле с зарубежными нациями, которым мы будем продавать наш товар по более высокой цене, чем стоит его производство — возвращая им их обработанные материалы, увеличив их стоимость на стоимость труда наших людей»*³⁸.

При новом настрое в политических экономических рассуждениях, при яростной нелюбви большинства купцов к политике Якова II, едва ли удивительно, что экономические теории, основанные на земле и нулевой сумме торговли, подвергались яростной критике.

Палата общин быстро поменяла направление английской налоговой политики. Вскоре после реставрации Карла II парламент без всякого давления короля и его двора выделил короне постоянное годовое содержание из нового налога на печные трубы. Из поступлений этого нового налога корона получала один шиллинг с каждого камина. Так как огонь играл важную роль на множестве стадий тогдашнего производства, новый налог на печные трубы

неизбежно вызвал негодование. Почти немедленно он спровоцировал жалобы, увертки и мятежи. Хотя многие случаи возмущения против такого налога стали частью общего протеста против оплаты налогов и вторжения налоговых инспекторов, общая картина недовольства в данном случае формировалась сектором производства. «Кузнецы в Бирмингеме и вокруг него» привлекли внимание правительства из-за их сопротивления налогу на печные трубы в 1672 году. Будущий виг сэр Джон Лаудер симпатизировал тоскливым жалобам «беднейших жителей», которые особенно пострадали от обложения налогом на камины кузнецов и частные печи. Главной целью выступлений ножовщиков из Халламшира все 1670-е и 1680-е годы была отмена налога на печные трубы, который душил зарождающуюся в Шеффилде и вокруг него торговлю ножами.

Во время правления Якова II волнения по поводу налога на печные трубы тесно увязывались с промышленными районами. В 1687 году «трубные мятежи» имели место в регионах Корнуэлла, производящих олово, и регионах Стаффордшира, производящих керамику. Было вполне предсказуемо, что в производящем одежду городе Лидсе и еще кое-где в Йоркшире, после прибытия Вильгельма быстро последовали мятежи против налога на печные трубы с сильной оранжистской окраской.

Немедленно после того как Вильгельм и Мария были объявлены новыми суверенами Англии, в палате общин прошел билль, отменяющий антипроизводственный налог на печные трубы. Виги, подобные полковнику Джону Берчу, праздновали его отмену, как удаление «клейма рабства». Некто записал во время дебатов, что не существовало ничего «более неадекватного», чем этот налог, потому что городские корпорации «должны были платить в сотни раз большую ренту за свои газовые горелки, чем мы платим за нашу землю». По контрасту, маркиз Галифакс, который склонялся к тори в вопросах политической экономии, опасался, что отмена налога на печные трубы — это слишком радикальный «план»³⁹.

Но новый режим, намеревавшийся развязать войну против самой крупной европейской державы, Франции, не мог снижать свои годовые доходы. Вскоре палата общин обеспечила Вильгельму и Марии новый источник поступлений. В декабре 1689 года она провела новый земельный налог, который имел больше общего с налоговой практикой в 1650-х годах, чем с любой другой после

Реставрации. Последовательные виги, такие как Джон Хэмпден и Джон Свайнфен, с энтузиазмом поддерживали это воскрешение прогрессивного налогообложения. Но восстановление налога на обладание землей спровоцировало острую критику со стороны тори, защитников политической экономии на базе земли и торговли с нулевой суммой. Один памфлетист жаловался, что джентри понесут «всю тяжесть» войны против Франции. «Я не хотел бы, чтобы мы следовали примеру Голландии», — мрачно предупреждал этот автор.

Сэр Ричард Темпл, который в 1670-х и 1680-х годах установил деловые контакты и с Ост-Индской, и с Королевской Африканской компаниями, стал еще одним активным и красноречивым критиком земельных налогов. Он объяснял происхождение этого налога гражданской войной и жаловался, что он «так тяжело ложится на знать и джентри, помимо всех остальных, что ослабляет и уменьшает их поместья, которые являются главной опорой монархии». Напротив, «богатый ростовщик или торговец» и «значительные фригольдеры» отделались легко и неизбежно образуют «подходящую базу демократии или республики». Неудивительно, что Темпл почувствовал, что земельный налог поддерживали «завистливые старания» членов парламента из промышленных областей страны. В речи за речью все годы после революции тори в парламенте выступали за отмену земельного налога. Земельный налог революционного режима быстро стал жупелом тори⁴⁰.

Налоговая политика, как знали англичане, стала центральной темой межпартийного политического спора. «Все нации время от времени переживают спад или процветание в зависимости от их должных или негодных методов обложения налогами», — объяснял один комментатор. Налогообложение стало столь важным в современной политике, что его «можно справедливо считать причиной самых известных мятежей провинций, порабощения свободных стран, резких смен правительства». В особенности постреволюционная налоговая политика произвела «большой шум», сообщил один якобит, именуя нового короля «очень популярным» среди некоторых — и создавая ему «бесчисленных врагов» в других местах.

Роль вигов в революционной трансформации английской налоговой политики почти немедленно стала предметом споров.

В Чешире виг сэр Роберт Коттон подвергся нападкам со стороны тори лорда Чомли за поддержку нового земельного налога, «который не в интересах северных областей». Виг Роджер Киркби также смог расстроить оппозицию тори в Ланкастере только путем поддержки земельного налога⁴¹.

Реорганизация английской налоговой политики — от привязки к земле до ориентации на производство — предвещала и новое отношение к Королевской Африканской и Ост-Индской компаниям. «Несколько собственников, посягавших на их права, чьи суда и товары были конфискованы в Гвинее», теперь собирались подать «иск по закону» против Королевской Африканской компании и ее монополии. В 1689 году в деле «Найтингейл против Бриджеса» главный судья Джон Холт поступил противоположно делу «Ост-Индская компания против Сэндза». Знаменитое постановление Джеффриса, которое обеспечило легальную основу для политэкономии тори, стало теперь «законно недействительным». Юрист-антимонополист сэр Бартоломью Шауэр успешно доказал за истца, что имущество не ограничивается землей, а включает также «товары, как и другие права и свободы, которые имеют субъекта». Шауэр утверждал, что имущество потенциально мобильно, косвенно создано человеческим трудом и, соответственно, необходимо для общего благосостояния. В результате *«изменение понятия собственности на товары субъекта требовало помощи парламента... и это самый подходящий путь для определения той фундаментальной собственности, которой субъект обладает в виде товаров, потому что каждый голос субъекта включается в то, что там делается: акт парламента дает разрешение многим людям в прошлом и настоящем и тем, кто придет позднее»*. Король не имеет права создавать эксклюзивные торговые монополии — такие как Ост-Индская компания и Королевская Африканская компания, — потому что вовлеченная собственность не принадлежит ему, чтобы ею управлять. «Короли Англии всегда заявляли, что монархия королевская не является монархией сеньюальной», — напомнил Шауэр. Этим он хотел сказать, что английский общий закон *«определяет законную собственность в отличие от управляемой власти, и по этой причине он проводит различие между поручителями, чьи поместья находятся во власти и распоряжении их хозяев, и полноправными гражданами, чью собственность никто не может захватить, изменить или отобрать, только с их*

собственного согласия; каждая собственность по определению абсолютно неприкосновенна»⁴².

Существенно, однако, что это поворотное решение не создало абсолютного права на свободную торговлю. Наоборот, оно определяло, что парламент как представитель народа, создавшего собственность своим трудом, может регулировать торговлю.

Решение Хольта разрушило законный базис централизованной авторитарной империи Якова II. Шауэр сделал ясными общеимперские последствия его аргументации. Тогда как Джеффрис при своем определении собственности настаивал, что все приобретаемые территории вне Англии должны управляться так, как сочтет нужным король, Шауэр очертил совсем другой режим собственности в империи. Так как приобретенная собственность была результатом труда английских мужчин и женщин, Шауэр принял *«за истину, что во всех частях мира, где англичане находятся под правлением какого-либо английского субъекта, их правилами должны стать законы этой земли, и если они станут наказывать без присяжных, они могут быть наказаны за это как за правонарушение, когда вернутся сюда; и это мы тут имеем на практике каждый день в виде оскорбительного высокомерия правителей в колониях — и в Восточных Индиях, и на Барбадосе»*.

«Они не могут действовать там иначе, чем методами, позволенными дома», — суммировал Шауэр в противовес высказанному Джеффрисом мнению и практике Ост-Индской компании. «Суд присяжных — это право каждого английского подданного по всему миру, где бы англичане ни правили от имени Короны Англии». Решение, представленное Хольтом в Найтингейле, как правильно заключил один современный комментатор, «уничтожило прерогативу контроля над экономикой»⁴³.

Принципы главного судьи Хольта прекрасно сочетались с «нашей теперешней модой на свободную торговлю». Роджер Коук, например, веско доказывал, что «все нации, как и их жители, путем равных прав или по законам природы могут поддерживать торговлю или коммерцию друг с другом». Африканские торговцы среди множества других перевозили товары вопреки эксклюзивным правам акционерных компаний, заявляя, что свободная торговля учетверяет экспорт английских товаров. Петиции, захле-

стывавшие палату общин со всех сторон, жаловались на вредоносное воздействие заморских торговых монополий. Королевская Африканская компания сопротивлялась законодательному надзору со стороны своих критиков-вигов — но вынуждена была признать, что ее монополия определялась парламентским актом, а не королевской прерогативой⁴⁴.

Более значительной целью вигов, которую стало еще легче преследовать после вердикта судьи Хольта, оставалась Ост-Индская компания. На фоне успеха Чайлда при освобождении компании от его наиболее влиятельных соперников-вигов, после провала кампании по сбору доходов для своих держателей акций и с учетом непопулярной идеологической ориентации политико-экономической программы Чайлда можно было ожидать, что Ост-Индская компания попадет под огонь сразу после революции. Так и случилось. «Какая громадная и неутомимая индустрия содержится на этой службе? Сколько мастерства и сколько средства используются, чтобы разрушить теперешнюю Ост-Индскую компанию, печально известно всем, кто или дает себе труд выслушивать клевету против них, ежедневно внушаемую во всех известных кофейнях или в бесплатных публичных изданиях, выдаваемых в вышеупомянутых кофейнях всем, кто берет их», — жаловался один из защитников Ост-Индской компании. Виги выдвинули широкий ряд аргументов для закрытия или по крайней мере реорганизации этой компании. Радикал Роджер Коук предположил, что единственный аргумент, оправдывающий существование эксклюзивной монополии, необходимость борьбы с имперскими амбициями Нидерландов, основан на нелепой раздутой оценке нидерландских сил в Индии. На деле, указал он, «самое большое опасение компании» заключалось в успехе желавших втиснуться на ее территорию английских купцов — что едва ли возможно при наличии нидерландской монопольной торговли.

Другие авторы поднимали критику на более высокий, теоретический уровень. «Нет ничего, что могло бы больше способствовать увеличению заселенности и богатства королевства или республики, чем свободная и открытая торговля», — доказывал один более ярый критик Чайлда. Однако этот антимонополист вовсе не являлся сторонником предоставления широких гражданских прав малой провинции. Он поторопился добавить, что из-за того,

что «морская торговля является принципиальным источником такого благополучия, она вполне может быть достойна самой тщательной заботы и старания правительства, чтобы развивать ее»⁴⁵.

Широкий ряд комментаторов доказывал, что импорт Ост-Индской компании оказывает глубокое негативное воздействие на английское производство. Джон Кэри указал, что любой экономист, признающий приоритет труда над землей и производства над сельским хозяйством, должен сохранять необычайный скепсис по отношению к торговле Ост-Индской компании. Набивные ситцы Ост-Индии и изготовленные там шелка конкурируют с изготовленной дома одеждой и, как считал Кэри, *«делают нас более предубежденными к нашему производству, перевешивая все преимущества, которые они дают и предпринимателям, и нации в целом»*. Нидерланды в этом свете оказались плохим образцом, потому что их обстоятельства диктовали экономику, основанную на «покупке и продаже, [а] не на производстве». В результате Кэри заключил, что для Англии торговля была не «столь решительным вопросом, как для Восточных Индий». Индийские набивные ситцы, как отметил один памфлетист, быстро вытеснили английскую промышленную одежду и по авторитету, и по носкости. Ситцы, муслины и выделанные индийские шелка недавно стали «самой распространенной одеждой в Англии», заметил виг и торговец мужской одеждой Джон Бланч. Результат оказался губительным для английской экономики. Эта одежда, «полностью изготовленная за границей, причиняет нашей нации в настоящее время величайшее зло» из всех импортов, заключал Бланч. Ост-Индская компания «торгует в убыток нации», соглашался друг Джона Локка виг, член парламента от Тонтона, Эдуард Кларк. Это произошло потому, что, «привозя домой выделанные шелка ситцы и муслины», Ост-Индская компания уничтожила потребность в английской мануфактуре и дома, и в Европе. Фантастическое богатство, нажитое ведущими купцами Ост-Индии, заключил Кларк, было собрано за счет «наших соотечественников».

Во время правления Якова II промышленники в Глoucestershire, Саффолке и Эссексе горько жаловались на убытки и на безработицу людей, вызванные импортом Ост-Индской компании. В 1680-е годы их мольбы падали в глухие уши. Не так стало в 1690-е. В 1697 году Совет по торговле издал отчет, заключавший, что стоимость импортированных Ост-Индской компанией товаров

в десять раз больше, чем экспортированных⁴⁶. После революции виги из числа критиков Ост-Индской компании и сторонников политэкономии производства одержали идеологическую победу.

Эти критики Ост-Индской компании быстро предприняли политические действия. К февралю 1689 года Джон Чомли, не расположенный дружелюбно к компании Чайлда, был уверен, что «получит новую компанию или устав, как только наладятся дела государства». Он пообещал также, что «разногласия между нами и голландцами в Индии будут улажены и решены в дружественном ключе». Петиция за петицией против компании отсылались в комитет палаты общин, созданный для расследования состояния дел. Когда комитет обсуждал эти вопросы, заседания проходили «с горячностью».

На следующий год положение компании все так же оставалось ненадежным. Чомли констатировал, что *«теперешняя Ост-Индская компания все еще продолжает работать, но она дошла до своего нижнего уровня. Мы не сомневаемся, что на следующих сессиях парламента будет образована новая компания»*. Палата общин быстро просигналила о своем недовольстве Ост-Индской компанией, в том числе обложением ее акционерного капитала в подушном налоге и ростом обложений на товары из Ост-Индии. К осени 1691 года виги, критиковавшие Ост-Индскую компанию, упорядочили свои встречи, чтобы *«наметить лучший путь для обеспечения правил и законных оснований торговли в Ост-Индии при новой оценке национальных интересов, очищенной от всех прпятствий»*.

Эта самодостаточная новая Ост-Индская компания, без сомнения, просто перенявшая название компании 1680-х годов, следовала обстоятельной стратегии, включавшей предложенное ей законодательство, прошения в парламент, публикацию и распространение трактатов и научных трудов, критикующих прежнюю Ост-Индскую компанию, лоббирование среди членов парламента и в Вестминстере, и в кофейне Гаррауэя в Сити. Враги Ост-Индской компании вполне имели причины ожидать ее успеха. Как с некоторой долей справедливости утверждал один из самых отчаянных критиков, *«ропуск прежней акционерной компании и создание новой национальной — вот то, на чем соглашается дух самой значительной части нации в эти дни, и в общественных формах обычно кажется целесообразным для мудрых парламентов»*.

возобновить и использовать такие методы, которые являются самыми подходящими для конституции нации: законов земли, прав подданных и созвучия с духом лучшей и наиболее думающей части людей, которые оказываются абсолютно противостоящими под-держанию любого незаконного или привитого извне, грубо сляпанного, глупого, слабого, сомнительного, неудержимо падающего номинального акционерного капитала»⁴⁷.

Несмотря на повторяемые и хорошо известные предсказания кончины компании, она выжила и в конце концов была юридически узаконена в 1698 году. Компания явно была обязана своим долгожительством сочетанию успешной пропаганды, более эффективной коррупции и важных тактических уступок⁴⁸. Ост-Индская компания выжила как временное исключение из крепнущего антимонопольного принципа. Хотя виги, оппоненты компании, не смогли уничтожить монополию, которую они ненавидели, они все-таки преуспели в разрушении мертвой хватки тори на экономической политике государства. Вместо бесконечного парламентского сражения против компании виги атаковали прежнюю политическую экономию на новой территории.

Хотя Ост-Индская компания, ее политика и ее политическое влияние играли большую роль при режиме Якова II, после революции основной темой в политической экономии быстро стал вопрос финансирования войны. В течение года после бегства Якова II тон парламентских дебатов по поводу финансов стал отчаянным, если не сказать истеричным. Невозможность борьбы на два фронта с самой большой силой Европы при опоре на прежние принципы собственности была очевидна. Вильгельм III и его правительство стояли перед двумя возможностями: ослабить противостояние с Людовиком XIV, как страстно хотели тори, или принять радикальное виговское понимание политической экономии. Выбор стоял между стратегией ограниченной европейской войны, что являлось целью тори, или осуществлением радикальных структурных реформ, давно отстаивавшихся вигами, оппонентами политической экономии Чайлда. В 1694 году Вильгельм стал готов присоединить свой голос к вигам.

Стартовой точкой этой реорганизации для вигов явилась реформа финансов. Не земля или добродетель оказалась движущей силой этой войны. К февралю 1689 года виги нижней палаты уже

приняли без споров заявление, что «деньги — вот движущая сила войны». *«Определенно невозможно при настоящем положении дел, чтобы это правительство прокормило всех, и еще гораздо менее оно способно нести свою часть в союзе против общего врага, если не появится громадных сумм выделенных денег»*, — утверждал виг Джон Хэмпден. «Деньги — движущая сила войны и остального бизнеса». Этот трюизм был так хорошо известен, что Уильям Джеймс упомянул чуть ли не вскользь, что «безопасность короля, королевы и королевства состоит в количестве и богатстве людей»⁴⁹.

Понимание отношений между богатством и силой, столь чуждое писателям классической Античности и итальянского Ренессанса, стало прямым результатом изменения характера европейской войны в XVII веке. Автор хорошо расхоронившейся работы «Беспорядочные письма другу» замечал: *«Как обычно говорил честный Уоллоп, война — это чередование сражений с едой, питьем и маршами. Чтобы вести новый тип военных действий, я уверен, наверняка нужны деньги»*. «Короли не выходят на поле боя, как в древние времена, чтобы решать свои споры», — заметил Роберт Моулсуорт: теперь они ведут свои войны на экономическое истощение. Джеймс Уинстон предложил почти идентичную трактовку, добавив только, что «открытие богатств Индии», как и развитие военной техники, внесли свой вклад в ведение войны, определяемой «скорее как расход денег, чем людей». Поэтому он считал, что ничего нет «более бросающегося в глаза, чем выгоды торговли» для превращения «короля и народа в счастливых дома и значительную силу за границей»⁵⁰.

Те, кто после революции настаивал на продолжении антикапиталистических рассуждений, отметили вездесущность понятия о том, что деньги считаются движущей силой войны — не приходя к возможности понять радикальный смысл этого наблюдения. Если богатство являлось предпосылкой для политического выживания в современном мире, тогда заботы о роскоши и добродетели, главные темы в античных и ренессансных антикапиталистических дискуссиях, обязательно станут вторичными.

Действительно, замечательно, как редко тема роскоши встречается в свирепых политико-экономических дебатах начала 1690-х годов. Когда этот термин снова появился к концу 1690-х годов — в период, которому гуманисты посвятили почти все свое внимание — он уже не представлялся важным и не играл ту решающую

роль, какую играл раньше. Но теперь, как показали современные исследования, лишь немногие выдвигали классические или ренессансные аргументы. Даже полемист-тори Чарльз Давенант, один из первых представителей гуманистов, считал опасности бедности намного перевешивающими риски от роскоши. Даже он считал, что невозможно вернуться к более простому миру древних добродетелей. И виги, и тори понимали, что новая экономика требует от государства кардинально иных норм политики⁵¹.

Именно в новом идеологическом контексте виги — сторонники политической экономии, основанной на труде и производстве, столкнулись с проблемой финансирования войны против Франции. Их главным решением стало создание национального банка. Предложения и листовки о банках можно было найти везде в Англии сразу после Славной революции. «Банки не хотят ни просителей, ни авторов от своего имени», — преуменьшал один памфлетист. Хью Чемберлен и Уильям Патерсон стали самыми выдающимися сторонниками банков, хотя часто раздавались менее известные голоса, хвалившие качества «публичного банка». Для Николаса Бурбона вопрос стоял не в том, нужен ли банк, а в том, почему Англия до сих пор еще не создала таковой. Он изумлялся: *«Стоит удивления, что в то время как лондонское Сити является самым крупным, богатым и важнейшим в мире торговым обществом, где доступно такое спокойствие, быстрота отправки и безопасность банковского дела и где уже имеются такие огромные потери из-за задержки с его открытием, купцы и торговцы Лондона давным-давно уже не обратились к правительству с вопросом о создании национального банка».*

Ответ на вопрос Бурбона оказался политическим.

«Это правда, что в полностью деспотичном правительстве, опирающемся целиком на военную силу; где торговля не входит в область забот государства [и] не приносит годового дохода, может возникнуть опасение, что такой банк представит искушение для короля захватить его [тут не остается сомнений, что автор подразумевает режим Якова II] — но в Англии, где правительство не деспотично, а люди свободны и имеют большую долю в законодательной власти суверена, как имеют подданные любого государства или когда-то имели... и где процветание торговли в такой

же мере в интересах короля, как и подданных, там не может существовать такой причины для страха. Поэтому какие возражения может выдвинуть человек по поводу своих денег в банке, разве они не в такой же безопасности под охраной закона, как и его собственность?»⁵²

К концу напряженной сессии 1694 года парламент провел закон, создав Банк Англии. Главные защитники банка были идеологически предсказуемы. Уильям Паттерсон и радикальный виг Майкл Годфри, «человек крупных дел и производства, хорошо известный при дворе и в палате общин», были объединены «несколькими последними адвокатами против Ост-Индской компании». В число первых подписчиков банка вошли ряд критиков Ост-Индской компании Чайлда, включая Джона Чомли, сэра Джона Чардина, сэра Роберта Клейтона, Джеймса и Абрахама Хаублонов, Джона Уарда, Томаса Питта и Джона Пейджа.

Хотя сторонники банка выдержали жестокую битву в Вестминстере, они гораздо легче вписались в Сити и в народ в целом. Уильям Паттерсон вспоминал, что первичная подписка в банк «была завершена примерно за десять дней», и «основная часть нации» вскоре выказала «желание щедро рискнуть своими деньгами»⁵³. Виги, противники земельной политэкономии с нулевой суммой — члены парламента, купцы и заметная часть нации, — отвернули свои надежды от перспектив создания новой Ост-Индской компании и развернулись к созданию национального банка.

Сторонники банковских схем и защитники Банка Англии не скрывали идеологических допущений, которые поддерживали их энтузиазм. Один из первых сторонников заявлял, что национальный банк облегчит для короля финансирование его войн, а также облегчит для граждан осуществление обычных плат. И *«так как Лондон вырос и имеет равную долю в торговле (если не большую) с такими городами, как Амстердам, Гамбург, Генуя и Венеция, где национальные банки уже созданы, он должен иметь такую же поддержку от [нашего] правительства»*. По всем перечисленным причинам этот автор сделал заключение без малейшего налета либерального притворства, что «раз теперь заботой и интересом правительства стало развитие благоденствия и торговли нации, такой банк будет создан». Виг Гилберт Бернет вспоминал, что многие в то время спорили о банке, потому что «кредит должен

увеличить торговлю и оборот денег». После создания банка, как восторгался один сторонник, он понизит процентные ставки, «будет способствовать обращению денег» и поможет финансированию войны. Важно, что объем оборота денег поможет направлять их туда, где они могут быть продуктивны, то есть в производство⁵⁴.

Самым красноречивым сторонником Банка Англии был Х. М., автор «Славы Англии». Банк, указывал Х. М., может дать «готовые деньги» в случае «внезапной срочности», чтобы «снабдить армады, обеспечить поставки армиям, собрать солдат». Когда *«есть свободное время для обсуждения и... парламент с королем посчитают это необходимым, банки, может быть, смогут снабжать корону какими-то необходимыми деньгами по разумным ставкам»*. Эта возможность поддержать правительство финансово «приведет к уничтожению наших врагов на море и на земле». Банк также будет способствовать богатству и власти. «Деньги в национальной торговле — как кровь в венах, если она циркулирует по всем органам, тело здоровое; если ее не хватает в каком-то органе, он слабеет», — отмечал Х. М. Банки гарантировали обращение денег, *«которое будет стимулировать торговлю и людей, а они породят богатства... Богатства — это удобства нации: а торговля и люди — слава и сила королевства»*. Автор был уверен, что банк запустит те же процессы, которые обсудил Керу Рейнелл в связи с банком: *«количество людей вырастет, потому что торговля задействует людей, а также богатство нации: где есть торговля, там будут рабочие места; где есть рабочие места, там появляются люди, там появится потребление новых товаров»*. Роскошь, считал Х. М. по контрасту с антикапиталистическими мыслителями Ренессанса, не является серьезной проблемой. *«Когда люди, как в яйце желток белком, обволакиваются миром и достатком, — отмечал он, — это делает их довольными под таким покровом, а не стремящимися скинуть его. Если кто-то получит избыток и начнет беспутничать, большинство людей (испытывающих удовлетворение своим состоянием) наверняка удержит их в страхе»*. По всем этим причинам Х. М. оптимистично заявлял, что «все люди, удовлетворенные банком, будут очень полезны для нации, особенно торговый люд»⁵⁵.

Другие виги, защищавшие производство и созданную трудом собственность, тоже испытывали энтузиазм по поводу банков. Джон Кэри заявлял, что банки служат для того, чтобы «*позволить*

такому большому количеству магазинов выдать деньги, за которые они получают такую безопасность и на такое время, сколько нужно на удобство торговли, и поэтому чем больше, тем лучше». «Самое привлекательное средство, чтобы сохранить в этих королевствах их торговлю и мореходство, — советовал сэр Френсис Брюстер, — это устройство национального банка». Эта позиция являлась настолько очевидной, что Брюстер предположил, будто «польза банков в Англии теперь не оспаривается». Джон Локк, который вместе со своим печатником Оншемом Черчиллем был одним из первых подписчиков Банка Англии, считал его «весьма важным» и для того, чтобы подписчиком стал его друг Эдвард Кларк, «и для Англии»⁵⁶.

Виги — защитники новой политической экономии, идеологические потомки радикалов 1650-х годов, вынесли заключения, радикально отличные от выводов Джосии Чайлда и адептов политэкономии с нулевой суммой. Там, где Чайлд считал, что самыми большими врагами Англии являлись Нидерландцы, потому что они были главными соперниками для коммерческой империи, защитники новой политической экономии видели самую большую угрозу Англии во французском и центральноевропейском империализме, основанном на земле. Тогда как сторонники аграрной политической экономии становились или якобитами, или тори, адептами морской политики, защитники производства демонстрировали необычайный энтузиазм, поддерживая континентальные обязательства в Девятилетней войне против Франции. Один оппонент налогов на производство, Джон Хэмпден, бахвалился, что «ни один человек в Англии не ощущает больше, чем я, необходимости ведения этой войны». Он был уверен, «что свобода нашей нации, сохранение этого правительства и безопасность протестантских интересов по всей Европе» зависят «от успеха этой войны». *«Есть всего два варианта, победа или рабство, — настаивал Джеймс Уистон. — Для нас не остается возможностей договора о мире, лишь возможность закрепить вечное бесславие на имени Англия. Короче, величие Англии и Франции сейчас несовместимы. Если поднимутся они, мы падем»**. Джон Кэри заявил, что един-

* Кроме подобных идеологических аргументов, автор так и не приводит объяснений — зачем Англии нужна была война с Францией? По сути, присоединение Англии к Аугсбургской лиге и вступление ее в войну было в интересах лишь Вильгельма Оранского как правителя Нидерландов, которым

ственной целью его трактата о торговле является продвижение военных усилий. От успеха этой войны, как он знал, «зависит безопасность религии, свободы и собственности, и подданных [Вильгельма III], и протестантских интересов в Европе». Френсис Брюстер был в такой же мере настойчив, говоря, что французы нуждаются в поражении. *«Опасность, которая висит над нами более тридцати лет для нашей торговли, идет от французов, — записал он, — и по правде ни одна нация в мире не может так удачно оспаривать ее у Англии, как могут они»*⁵⁷.

Славная революция произвела, и многие намерены были произвести, революцию в политической экономии. Яков II был сторонником экономики, которая ставила имущество на место природного дара. При таком понимании богатство мира обязательно являлось ограниченным, а империи создавались захватом земли у других государств. Ост-Индская компания была, таким образом, идеально сбалансирована для создания огромного нового английского имперского владения путем войны с Нидерландами и империей Моголов. После революции, особенно после 1694 года, виги и их понимание политической экономии одержали политический верх. Виги считали, что будущее Англии лежит скорее в производственном, нежели в сельскохозяйственном обществе. Виги, многие из которых поддерживали купцов, самовольно проникающих в Ост-Индию, считали, что богатство создается человеческими усилиями и, таким образом, потенциально бесконечно.

В то время как эти политико-экономические мыслители, писатели и политики первично фокусировали свою энергию на уни-

угрожало наступление французов (корпус Гюмьера) во Фландрии. Безусловно, Франция Людовика XIV была абсолютистским и экспансионистским государством — но декларации о свободе и правах человека плохо сочетались с репутацией самого Вильгельма Оранского, ликвидировавшего республику в Нидерландах и ответственного за убийство Яна де Витта.

В итоге война Аугсбургской лиги спасла от разгрома Голландию, кончилась ничьей для Франции — и не дала Англии ничего, кроме огромных военных расходов. Континентальную гегемонию Франции ликвидировала только Война за испанское наследство (1701–1713), но одновременно она окончательно подорвала экономику и торговлю Нидерландов. Именно после нее, формально числясь в победителях, Нидерланды перестали быть европейской политической силой и торговым конкурентом Англии — то есть Анна Стюарт фактически смогла завершить политику своего отца, Якова II. (Прим. ред.)

чтожении торговых монополий, в особенности Ост-Индской компании, они быстро обратили свое внимание на создание национального банка. Таким образом, революция в политической экономии стала предшественницей финансовой революции. Вместе с созданием национального банка пришло время привлечь знания купцов для формирования национальной политики — и понимание, что налоговая политика должна быть пересмотрена в пользу самой ценной области экономики, то есть производственного сектора.

С этой точки зрения истинными соперниками Англии становились не государства, подобные Объединенным провинциям, которые специализировались на ведении торговли, а большие страны, подобные Франции, которые могли соревноваться с англичанами в производстве и делали это подлыми политическими средствами. Сторонники этой новой политической экономии гораздо больше заботились о создании богатства, чем о развешивающем воздействии роскоши. Они не преследовали, как некоторые классические и ренессансные мыслители, увязывания политической личности с реальной собственностью. Вместо этого они считали, что оборот богатства в неограниченном цикле производства и потребления жизненно важен для утверждения в Англии идеи национальной тождественности.

* * *

Новая политическая экономия не достигла полной идеологической гегемонии. Защитники старой Ост-Индской компании не только добились частичного успеха в сохранении компании как оплота тори, пусть на другой конституционной базе — они организовали долгую и мощную кампанию против Банка Англии. Однако идеологическое содержание этой кампании не основывалось на прежней политэкономии. Тори не спорили относительно того, что банки и капитализм несовместимы с принципами всеобщего благоденствия. Взамен они объединили значение аграрной экономики с яростной критикой политической роли банков. Не обвиняя банки в опасности, которую они представляли для государств, тори доказывали, что национальные кредитные учреждения поощряют республиканский строй.

Как заметил один из защитников нового института, *«есть три типа людей: те, кто, насколько бы ни отличались их интересы*

и склонности... единодушно объединяют свои разногласия под гарантии [банка]... и якобиты, которые, понимая это, могут сделать вклад во вред своему монарху и в пользу Франции и чужих ростовщиков и брокеров, и третий тип — обычно те, кто зарабатывает не торговлей». Хотя это объяснение было излишне резким и преувеличенным, оно имело под собой некоторую почву. Тори и якобиты немедленно начали критиковать новый банк. Граф Ноттингем оказался одним из наиболее громких голосов со стороны тори, он определил значение нового банка как «пагубное, не на пользу публике». Виг, епископ Солсбери Гилберт Бернет, пылко заметил «горячность усердия», с которой «все враги правительства поднялись» против банка. Тори явно следовали за сэром Эдвардом Сеймуром, веря, что англичане «никогда не возложат на себя ношу, которой никогда не знали наши предки»⁵⁸.

Банк Англии принимал депозиты в любом виде, выплачивал проценты и оказывал поддержку производителям, его появление заставило оппонентов действовать. Тори, всегда неохотно поддерживавшие инициативы в пользу людей с ликвидным капиталом, теперь направили свою поддержку проекту земельного банка. Национальный земельный банк в противовес Банку Англии искал клиентуру исключительно среди землевладельцев. Важно, что четверо ведущих фигур, связанных с земельным банком, были не кто иные, как сэр Джосия Чайлд, его зять сэр Томас Кук, тори и ост-индский купец сэр Джозеф Херн и тори-финансист Джон Бриско.

Писатель-экономист XVIII века Адам Андерсон был уверен, что схему Земельного банка «принципиально вдохновляла» «партия тори». Когда инициаторы Земельного банка знакомили со своей идеей министерство финансов, они выбрали докладчиком тори сэра Томаса Мереса, который «произнес очень витиеватую речь». Один исследователь показал, что Банк Англии в глазах его врагов был «врожденно антиаграрным, слишком сильно связанным с коммерческими интересами растущей буржуазии. Похоже, он оказался на острие финансовой революции, следовавшей за переходом от земельной к коммерческой экономике. Он имел целью снизить цену на землю, увеличить долю дохода, а также добавить аристократическую поддержку военным усилиям, все более эффективно осуществляя контроль и над национальными финансами, и над политикой в пользу заинтересованных в войне».

Неудивительно, что сторонники Земельного банка, в свою очередь, стояли за «мирную политику». Не приходится сомневаться, что виг Чарльз Монтегю был убежден, что сторонники Земельного банка «имеют в виду нечто еще кроме исполнения дел короля». Тори вместе со всеми сторонниками старой Ост-Индской компании могли в 1696 году получить статутное одобрение Земельного банка. Но эта схема очень скоро «полностью развалилась», так как сообщество купцов отказалось подписываться⁵⁹. Хотя аграрная политическая экономия все еще имела своих сторонников в парламенте, за дверями парламента их осталось гораздо меньше.

Классические и ренессансные критики капитализма вполне могли бы поддержать базирующийся на сельском хозяйстве Земельный банк как политически надежную альтернативу Банку Англии и путь сдерживания разъедающего воздействия развивающейся коммерческой экономики. Но они так и не поддержали вторую линию атаки на Банк Англии. Когда предложение об организации банка обсуждалось в палате лордов — мы имеем лишь отрывочные рассказы о дебатах в палате общин, — тори Галифакс, Ноттингем и Рочестер оказались «среди самых громких» его критиков. Главным возражением стало то, что «он подорвет королевское влияние на банки, которые подходят только для республик». То не было странное мнение нескольких могущественных, но идеологически наивных аристократов. Пропагандистская кампания тори без конца повторяла тот же самый аргумент против Банка Англии. Лишь перечисление имен «фанатичных защитников банка и некоторых основных попечителей в его управлении», заметил один критик, демонстрирует группу людей, о «которых можно сказать, не будучи к ним несправедливым, что их предубеждение к королевскому титулу никогда не было слишком удивительным». Используя для критики вигов традиционную метафору тори, другой оппонент банка описал его сторонников как часть «группировки, преследующей личную выгоду». Враги банка нашли этот социальный союз предсказуемым, так как банки всегда неизбежно привязаны к республиканским формам правления. Как беспокоился другой полемист, *«не выглядит слишком удобно для устройства правительства то, что все национальные банки до сих пор особо относятся к республикам, и модели не могут изменяться,*

даже когда республики хорошо взаимодействуют с коронованными головами или оказываются совместимыми с монархической конституцией — все равно или король стерпит банк, или банк вытеснит короля».

Многие противники банка, преисполненные политической важности, сразу после Славной революции некорректно заявляли, что его модель «пришла из Голландии» — республиканской родины Вильгельма Оранского. Ассоциация банков с республиканизмом не являлась чем-то новым. *«Природа и использование банков и общественных фондов были темой обсуждений и ожиданий многих лет, — с большой долей справедливости вспоминал один сторонник банка, — но все это при том, что наши рафинированные политики заверяли нас, будто мы никогда не должны и думать об образовании банка в Англии без республики: и это мнение стало настолько всеобщим, что превращало в предмет осмеяния любого, кто казался придерживающимся противоположного»*. Все еще привычно говорят, что *«само создание банка в Англии, конечно же, изменит наше управление, так как доверит фонды нации в руки субъектов, которые естественно стоят и будут стоять на стороне населения и станут постепенно влиять на церковь и государство»*. Защитники банка почти ничего не предпринимали, чтобы смягчить эти традиционные опасения тори. Некто с горечью ответил, что *«те политики, которые не допускают у нас банки (из-за того, что тут не республика), весьма неверно понимают конституцию Англии — так как до времен Карла Второго никто не стыдился называть ее республикой»*⁶⁰.

Просмотр полемических откликов на появление банка позволяет сопоставить суждения и дает странную картину. Оппоненты, далекие от ясной классической или ренессансной критики капитализма, использовали двусторонний подход. Во-первых, они доказывали, что национальный банк переместит основу английского общества с опоры на землю к опоре на производство. Необычайно важно отметить, что этим аргументом на первом этапе оперировали не виги вроде Роберта Моулсуорта или Джона Тренчарда, которые оба присоединились к идее Банка Англии и активно поддержали план ведения континентальной войны, а Джосия Чайлд и его друзья-тори из Ост-Индской компании.

Во-вторых, враги банка постоянно настаивали, что национальный банк развернет Англию к республике. Эта линия рассуждений

шла вразрез с классической и ренессансной республиканскими традициями. То есть классическая и республиканская модели мышления не могут дать ключ к пониманию постреволюционной политической экономии.

* * *

Англия в конце XVII века переживала феноменальный период экономического роста. При этом что большинство континентальной Европы в это время страдало от экономической рецессии и деурбанизации, английская экономика росла с удивительной скоростью. Именно в этот период она отклонилась от европейского образца. Стимулируемые развитием заморской торговли, английские города становились больше и более процветающими, экономическая инфраструктура — дороги, почта, сеть коммуникаций — активно развивалась. Англичане становились совершенно новым типом потребителей удобств. Эта трансформация английского общества и английской экономики давала английским политикам возможность намечать и проводить в жизнь масштабные модернистские проекты улучшений в государстве.

К концу XVII века Англия оказалась в периоде проектов государственного строительства. *«Прошлые века никогда не достигали до такой степени планирования и изобретательства, поскольку это дело крупной торговли, а также методов гражданского государства, которые мы видим применимыми в этом веке»*, — заметил Даниэль Дефо в своем «Опыте о прожектах»*. Дефо разъяснил, что под прожектами он подразумевал стремление к «общественному развитию через улучшение торговли и создание рабочих мест для бедных, а также через циркуляцию общественного запаса королевства и его рост». Это были не простые выдумки. *«Истинное определение прожекта, согласно современной версии, — объяснял Дефо, — это громадное дело, слишком большое, чтобы с ним справиться, и поэтому, достаточно вероятно, ни к чему не приводящее»*. Прожекты являлись политико-экономической схемой, продвигающей общественное благополучие, достижимое только в современном веке. Именно по этой причине Дефо смог *«проследить природу планируемого настроения, которое сейчас царит, но*

* У нас традиционно принято называть эту работу «Опыт о проектах» — поскольку на русский она полностью так и не была переведена и смысл названия ускользнул от критиков и литературоведов. (Прим. ред.)

не дальше в глубину, чем до 1680 года, определяя его рождение тогда как монстра, хотя со временем оно действительно стало жизненным во время последней гражданской войны»⁶¹.

Дефо увидел нечто фундаментальное в природе политических экономических дебатов в Англии XVII века. Примерно во времена Кризиса Исключения природа политических аргументов в Англии фундаментально изменилась⁶². Англия не стала светским обществом. Англичане не прекратили спорить по поводу наследования престола, о природе королевской власти, о правильных отношениях с государством и о спасении души. Но в 1680 году или около того к списку важнейших обсуждаемых тем политики добавился вопрос о светском благоденствии. Дефо был прав в понимании, что торговые проекты стали политическими темами уже в 1640-х и 1650-х годах. Но в эти десятилетия, как и в 1660-х и 1670-х годах, дебаты на политэкономические темы были необычайно изменчивы. Они нелегко переносились на другие политические достижения. Однако с середины 1670-х годов, когда будущие виги массово покинули Королевскую Африканскую компанию, а Джосия Чайлд в начале 1680-х годов очистил от вигов Ост-Индскую компанию, актуальные политико-экономические вопросы начали все чаще объединяться с другими партийными политическими проблемами. К 1680-м годам виги и тори разделились в своих политических и экономических представлениях, как это произошло с их взглядами на церковь и государство.

Историки, убежденные, что в основе революции 1688–1689 годов лежали проблемы наследования, конституции или религии, упускают из виду животрепещущую и важную дискуссию о политической экономии Англии конца XVII века. Эти дебаты, проходившие в комнатах комитета торговой компании на одном этаже с палатой общин и палатой лордов, на бирже, а также в тавернах и кофейнях по всей Англии, предвосхищали события 1688–1689 годов и глубоко влияли на них. Эти историки не смогли заметить революции в политической экономии, которая стала очевидным выходом для многих революционеров 1688–1689 годов.

Полемика о политической экономии в 1680-х и 1690-х годах шла не между сторонниками предоставления широких гражданских прав капиталистами и неоклассическими противниками капитализма, не между меркантилистами и сторонниками свободной торговли. Полемика с обеих сторон касалась общественного бла-

га, а не дохода частных предпринимателей. С обеих сторон полемисты были уверены, что общественное благо или национальный интерес концептуально отличаются от совокупности частных интересов населения Англии. Таким же образом и защитники, и оппонент Банка Англии пришли к убеждению, что правительство должно вмешиваться в экономику. Защитники свободной торговли XVII века оставались ярыми противниками эксклюзивных иностранных торговых компаний, созданных королевской властью — но оказывались такими же сторонниками поддерживаемого государством национального банка и прогрессивных налогов.

Дискуссия о политической экономии не оставалась, как утверждал один исследователь, узкой дисциплиной, которая «давала возможности описать и объяснить взаимоотношения между тремя королевствами». Первично политическая экономия не ограничивалась юридическим диспутом о «тройственных отношениях между Англией, Ирландией и Шотландией»⁶³. Дебаты о политической экономии посвящались именно экономической идентичности и отношениям Англии с Европой и Индиями, Восточной и Западной. Спор о сути взаимоотношений с Ирландией и Шотландией, безусловно, играл тут свою роль. Тем не менее эти дискуссии охватывали более широкий спектр тем: отношения Англии с Францией, с Соединенными провинциями, Ост-Индией и Америкой.

Дебаты, которые так глубоко повлияли на революцию 1688–1689 годов и оказывали свое воздействие позднее, на деле велись между теми, кто понимал собственность как природное создание — и теми, кто считал ее результатом человеческих усилий. Сэр Джосия Чайлд, двор Якова и многие тори оставались приверженцами аграрной политической экономии — той, которая закладывала в основу своих доводов принцип нулевой суммы коммерческого обмена. Естественным следствием такого подхода становилась поддержка территориального империализма в Индии и война против Нидерландов. После революции Чайлд и его союзники среди тори сопротивлялись созданию банка как из-за того, что он изменит Англию, превратив ее в производительное общество, основанное на мобильном богатстве, так и потому, что сама эта трансформация превратит Англию в республику.

Виги, которые противостояли такому аграрному пониманию политической экономии, дали равно изощренное описание своей социальной среды. Они доказывали, что поскольку собственность

является результатом человеческого труда, она потенциально безгранична. Производство, а не земля есть ключ к будущему богатству и силе Англии. Поэтому в целом они критиковали торговлю Ост-Индской компании за то, что она импортирует готовый продукт, который конкурирует с английскими товарами, и совершенно не экспортирует завершённые в производстве английские товары. Они также видели мало проку от военного конфликта с Нидерландами, так как потенциальной собственности у обеих стран по определению хватало, чтобы наслаждаться неограниченным экономическим успехом. И как самое важное — виги были готовы к созданию национального банка, основанного на мобильном богатстве, так как только такой банк мог и финансировать идеологически неизбежную войну с Францией, и обеспечивать верный расчёт средств. Только оборот денег, считали виги, может гарантировать развитие английских производств. Большинство сторонников вигов периода революции не приветствовало аморальный, искавший лишь дохода индивидуализм. Напротив, они восхваляли английскую нацию и за ее политику участия, и за ее богатую общественную культуру.

Партийно-политическая лояльность в 1690-х годах была необычайно изменчива, и все-таки именно эти два идеологических взгляда лучше всего соответствуют расхождениям между тори и вигами. Сторонники Ост-Индской компании и Земельного Банка были в подавляющем большинстве тори, критики старой Ост-Индской компании и подписчики Банка Англии — в основном вигами. Притом что сторонники аграрной политической экономии испытывали глубокий скепсис относительно усилий, связанных с континентальной войной* (предпочитая морскую стратегию), защитники производственной экономии являлись самыми вос-

* Закономерно встает вопрос: если экономика, основанная на производстве, эффективнее аграрной (а в этом сомнений нет), то в чем же была необходимость войны с Францией? Не лучше ли было вложить деньги в экономическое противостояние — которое государству с более отсталой экономической системой куда менее выгодно, чем война? Тем более что при равном оснащении и опыте, как правило, именно армии аграрных стран с традиционалистской моралью демонстрируют более высокий боевой дух и умения, чем армии торгово-индустриальных держав — а Англия еще и имела куда меньше опыта сухопутной войны. Напротив, контроль над морем и морская торговля давали значительно больше экономических выгод — в конце концов, именно за счет их Британская империя достигла

торженными сторонниками конфронтации с Людовиком XIV в Европе.

Политико-экономические достижения, которые стали известны как «финансовая революция», были достижениями вигов. Виги твердо намеревались уничтожить Королевскую Африканскую и Ост-Индскую компании не потому, что они были против вмешательства правительства в экономику — а потому что они считали, что эти институты вредны английскому производственному сектору. Виги хотели сменить налог на дымовые трубы налогом на землю не потому, что они жаждали ограничить налогообложение, а потому что они хотели, чтобы налоговый курс соответствовал производственному обществу. Тори же хотели создать территориальную империю и Земельный банк не потому, что являлись противниками капитализма, а потому, что думали, будто именно территория обеспечивает реальный экономический рост.

При столь глубоких идеологических различиях между вигами и тори в 1680-х и 1690-х годах исследователи-неовиги ошибочно утверждали, что постреволюционное политическое согласие создало институты, предназначенные гарантировать абсолютные права на собственность. Но на деле новых конституционных гарантий не возникло. Виг Колли Киббер был, безусловно, прав, когда предполагал, что события 1688–1689 годов не создали новых прав, не внесли новых конституционных гарантий, но обеспечили «реальность» тем, что уже существовали. Действительно, в Билле о правах 1689 года не было ничего, гарантировавшего права собственности, что не являлось бы частью Правительственного акта, созданного кромвелевскими протестантами в декабре 1653 года*.

такого могущества два века спустя. Но именно здесь основным конкурентом англичан в конце XVII века были не французы, а голландцы.

Приходится сделать вывод, что война с Францией для вигов (и шире — для сторонников англиканской церкви) имела не экономический, и даже не политический, а в первую очередь религиозный и идеологический смысл — подкрепляемый лозунгами о борьбе с тиранией «короля-солнца». Политический интерес в ней имел в основном сам Вильгельм Оранский, оставшийся штатгальтером Соединенных провинций, которым реально угрожала Франция. С другой стороны, в морской торговле (и в производственной экономике) Голландия благодаря совместным усилиям Вильгельма III и Людовика XIV уже переставала быть серьезным конкурентом Англии. (Прим. ред.)

* Правительственный акт (*The Instrument of Government*), созданный в 1653 году генерал-майором Джоном Ламбертом, считается первой английской конституцией. (Прим. ред.)

Документ, подобный Биллю о правах, последовал напрямую за свержением монарха, который в глазах его критиков был виновен в безответственном поведении.

То, что отличало 1650-е от 1690-х годов, не заключалось в наличии или отсутствии политических институтов или заслуживающих доверия обязательств — но реальность такова, что в 1690-х годах континентальная война против Франции получила полную поддержку партии вигов и ее коммерческих союзников, притом что в 1650-х Кромвель боролся за драгоценную поддержку своей войны против Испании от любого сегмента купеческого сообщества. Различие 1650-х годов от 1690-х заключалось в наличии к концу века политической партии, способной создать институты, необходимые для финансирования зарубежных войн. Партийная борьба, а не политическое согласие или рациональная сделка дали толчок финансовой революции Англии⁶⁴.

Революция 1688–1689 годов стала результатом жесткого и многослойного межпартийного конфликта. Виги начали экономическую программу 1690-х годов, так называемую финансовую революцию после всеобъемлющей и тяжело доставшейся победы над их политическими оппонентами. Их экономическая программа не была компромиссом. Они стремились уничтожить или обессилить экономические институты своих врагов — сначала старую Ост-Индскую и Королевскую Африканскую компании, а затем, в 1696 году, — Земельный банк. Это факт, что Банк Англии был создан и пользовался поддержкой вигов, что объясняет, почему периоды политического контроля вигов в Вестминстере вели «к увеличению вероятности оплаты долга»⁶⁵. Если бы тори преуспели в замене Банка Англии на Земельный банк в 1696 году, Англия, по всей вероятности, пошла бы совсем другим экономическим путем⁶⁶.

Между 1689 годом и взлетом к власти сэра Роберта Уолпола в 1720-м большинство вигов оставались преданными политико-экономической программе, которая понимала собственность как созданную человеческим трудом и стремилась к развитию промышленного сектора Англии. Именно потому, что в 1720-х и 1730-х годах Уолпол начал отказываться от политико-экономических принципов вигов, оппозиция вигов атаковала его с такой яростью. Для этих англичан Акцизный кризис 1733 года оказался не просто следствием политических просчетов. Оппозиция вигов считала,

что план Уолпола поднять годовой доход посредством налога на товары потребления, чтобы снизить земельный налог, стал отходом от политических и экономических принципов, утвержденных во время революции.

Революция в политической экономии, произошедшая после событий 1688–1689 годов, была работой политических и экономических радикалов. Их политические достижения лежат в сфере создания финансовых механизмов, которые позволили Англии вести континентальные войны в немыслимом ранее масштабе и против врага, более мощного и более амбициозного, чем любой встречавшийся ранее. Их идеологические достижения также оказались огромны. Они заставили выйти на первый план вопросы политической экономии. И тори, и вигам для подкрепления своих идеологических наработок пришлось пользоваться полномасштабным арсеналом финансовых и коммерческих средств. Для вигов это означало развитие финансовых институтов и использование налоговой политики, которая могла поддержать полномасштабную континентальную войну. Для тори это означало опору не только на морскую внешнюю политику, но также обязательства перед заморской территориальной империей, что позволяло Англии оставаться первоклассной мировой силой.

Революция 1688–1689 годов стала поворотной точкой в этой борьбе между двумя конкурирующими программами экономической модернизации. Виги одержали верх в политической схватке 1690-х годов, но они не добились гегемонии. Защитники политической экономии тори не исчезли навсегда. Фактически можно с большой долей истины сказать, что они взяли политический верх в 1760-х и 1770-х годах.

Глава тринадцатая

Революция в церкви

Чарльз Лесли, ирландец, сын епископа Клохера, отказавшегося давать клятву верности Вильгельму и Марии, и Гилберт Бернет, отпрыск шотландского юриста-пуританина и благочестивой пресвитерианки, редко в чем соглашались. Однако оба были уверены, что Вильгельм и Мария преобразовали английский епископат и идеологическое направление Церкви Англии. *«Мы видим среди вновь произведенных епископов тех, кто был ранее фанатичным проповедником, тех, кто меньше всего печется о церкви и наиболее терпимых к диссидентам, свободных от нашей литургии и дисциплины»*, — кипел Лесли в 1694 году. *«За срок в два года король назначил пятнадцать новых епископов; и они в основном выглядели самыми обученными, мудрыми и прекрасными людьми из всех приходивших в церковь»*, — вторил ему Бернет, священник-вильямит из Солсбери. Хотя новые люди были «умеренных принципов и спокойного темперамента», даже Бернет не мог отрицать, что послереволюционная церковь была жестоко «разорвана» на группировки «высокой и низкой церкви». Новые епископы, по оценке Бернета, были лидерами партии низкой церкви¹.

Современные рассказы о радикальной перестройке после 1689 года представляют собой абсолютный контраст с утверждением исследователей, что революция мало что сделала для изменения англиканской церкви. Если революция 1688–1689 годов дала лишь незначительные поправки в формальную конституцию, можно предположить, что она едва ли изменила Церковь Англии. Историческая школа, изучающая церковную историю конца XVII века, признает, что внутри англиканства существовал глу-

бокий раскол, но утверждает, что первые назначения епископов Вильгельмом и Марией не обеспечивали какого-либо отхода от идеологической или политической ориентации церкви. Новые монархи, доказывает Генри Хортиц, «все больше склонялись к совету [графа] Ноттингема в духовных делах». Предсказуемо, что тори и священник Ноттингем подбирали себе людей в соответствии с собственными склонностями. «За два года после революции в епископате и церковных округах появилась беспрецедентная серия вакансий», — записал церковный историк Г. В. Беннетт; в общем и целом «эти места заполнили умеренные тори, люди вполне высоких качеств и образованности»².

Другие исследователи отрицали, что существовали некие многозначительные идеологические различия внутри Церкви Англии. В итоге они подчеркивали неразрывность до- и послереволюционной церкви. С точки зрения англиканства, доказывает Джеральд Стрэйк, *«революция стала не нарушением, а реставрацией истинного божественного права протестантской монархии и возвратом к национальному единству великих дней Елизаветы»*. Недавно Тони Клейдон назвал послереволюционную программу религиозной реформации «умеренной теологической платформой» — позицией, равно привлекательной для вигов и для тори — которая зависела от «раннепротестантского видения мира»³.

Эта вторая группа исследователей обращает внимание на две важные области функционирования послереволюционной церкви. Во-первых, они настаивают, что не имелось резкого разрыва в политической позиции послереволюционной англиканской церкви. «Церковь Англии продолжали ассоциировать со святым правом королей в его самой экстремальной форме», — утверждает Дж. П. Кеньон. «Оппозиция политическому сопротивлению, отмечает Джонатан Кларк, позволила англиканским богословам занять умеренную позицию между кальвинистской и римско-католической позициями: *«Доктрина несопротивления Церкви Англии — сформулированная и до, и после революции — заняла среднее положение между теориями сопротивления, выдвинутыми вероисповеданиями обеих сторон. Именно из-за умеренной доктрины так много вигов и тори подписались на нее»*. Даже такие ученые, как Джон Маршалл и Крейг Роуз, которые отстаивали единство послереволюционного вероисповедания, считали, что с политической точки зрения новый епископат едва ли был чем-то особен-

ным. *«Англиканская иерархия целиком другая. Англиканская иерархия целиком враждебна изгнанию Якова, и очень мало клириков Церкви Англии открыто поддерживают изгнание»*, — утверждает Джон Маршалл. *«Почти все клирики Церкви Англии отрицательно относятся к любой форме вооруженного сопротивления»*. Веротерпимые люди, которых можно было бы подозревать в более радикальных политических взглядах, *«являлись энергичными проповедниками несопротивления»*. *«Новые епископы, — высказывает свое мнение Крейг Роуз, описывая их предпочтения после 1688 года, — не были вигами в любом смысле этого термина. Многие из них близко ассоциировались с графом Ноттингемом, поборником умеренного торизма, и разделяли его критику нападок вигов на истеблишмент»*⁴.

Те, кто доказывал единство, а не разделенность церкви, заявляли также, что послереволюционная церковь твердо выступала против религиозной толерантности. Предполагаемая веротерпимость многих послереволюционных епископов не должна обманывать нас по поводу их глубинной ненависти к инакомыслию, доказывали эти ученые. Даже расширение Церкви Англии с привлечением наиболее умеренных диссидентов сопровождалось осуждением раскола и защиты гонимых. *«В рамках реставрации, политика единения, осуществляемая англиканами, являлась частью борьбы против политики терпимости при узаконивании преследования за религиозное инакомыслие»*, — утверждал Ричард Эшкрафт. В этом контексте сторонники веротерпимости были просто «ударными отрядами преследования в войне против нонконформизма». Отмечая, что Джон Тиллотсон и Эдуард Стиллингфлит, оба известных своей веротерпимостью послереволюционных епископов, были «на словах оппонентами терпимости», Джон Паркин настаивает, что «понимание и терпимость оказались взаимно исключаящими друг друга концепциями». Согласно Тони Клейдону, Тиллотсон и Саймон Патрик, еще один выдающийся послереволюционный епископ, «объединились в совместной англиканской защите монопольной национальной церкви и особо не симпатизировали расколу»⁵. В понимании этих ученых послереволюционная Церковь Англии объединилась в своей нетерпимости и в преследовании диссентеров.

Вопреки этим взглядам — что Вильгельм и Мария первоначально приняли политику религиозной умеренности тори, обес-

печив себе поддержку внутри Церкви Англии, — я утверждаю, что в результате событий 1688–1689 годов произошла революция в идеологических и религиозных действиях епископата. Далекое от единства до революции, англиканское священничество глубоко расходилось по ряду вопросов, и такие различия все сильнее проявлялись еще во время режима Якова II. Эти различия делают невозможным описать предреволюционные религиозные группировки как простое разделение между диссидентами и англиканами. Существовавшие линии разделения делают также ясной недостаточность описаний этого периода в плане выявления внутренних невидимых религиозных связей и тождественностей.

Ряд первых епископских назначений Вильгельма и Марии и других акций с 1689 по 1692 год демонстрируют стремление новых монархов к поддержке одной конкретной идеологической группировки. Хотя «веротерпимость», вероятно, слишком сдержанное определение для послереволюционного епископата — эти люди не разделяли ни представления о кембриджском истоке, ни единых теологических взглядов — новые епископы определенно принадлежали к низкой церкви. Социальные связи, идеологические заявления и политические действия этих священников демонстрируют церковную иерархию, разделяющую политику вигов, их представление о понимании и терпимости⁶.

* * *

«Бедная Церковь Англии погублена снова», — жаловался Джо-зеф Хилл в начале 1689 года своему товарищу, умеренному клирику сэру Уильяму Трамбуллу. Период правления Якова II и его окончательного падения оказался трудным временем для англиканской церкви. Епископы упорно отстаивали права Якова, тогда герцога Йоркского, в тяжелые дни кризиса вокруг изгнания. После этого кризиса действия церкви и ее епископов определились. Комиссия духовных дел, созданная Карлом II в 1681 году и возглавляемая Уильямом Санкрофтом, архиепископом Кентерберийским, предпочитала назначать на епископальные престолы людей, которые были «законченными англиканами, пропитанными чувством *jure divino* (божественного права) монархии», а также симпатизировали жестко обрядовой и мало терпимой программе реформы церкви, задуманной Санкрофтом⁷. Это были люди типа Френсиса Тернера, только что назначенного епископа Эли — глу-

боко чтящие божественное право монархии и преданные активной, единой национальной церкви. Они были носителями политической и религиозной ортодоксии.

Хотя Карл II сделал все, чтобы подготовить Церковь Англии к приходу на трон Якова II, вскоре стало ясно, что епископальная скамья, так долго и так убежденно противостоящая религиозному плюрализму, оказалась не готова поддержать Декларацию об индульгенции Якова II. Поэтому Яков вскоре вынужден был предпочесть новую группу клириков с иными идеологическими убеждениями. Томас Картрайт, который стал епископом Честера в 1686 году, *«стоял в центре группы богословов, чей теологический взгляд на правление оставлял мало места для роли позитивного закона или человеческих институтов в политической жизни государства»*. Склонявшийся к вигам клирик Уильям Дентон прокомментировал, что Картрайт «известен своими проповедями, восхвалявшими деспотическую власть до такой степени, что этим купил себе имя». Другими из тех клириков, что пользовались благосклонностью короля и неукоснительно поддерживали его политику, были Томас Уотсон, епископ Сенти-Дэвида, Натаниэль Кру, епископ Дарема, Самюэль Паркер, епископ Оксфорда и наследник Паркера в Оксфорде Тимоти Холл⁸. Это были люди, чья преданность королевскому абсолютизму не знала предела — но которые готовы были терпеть лишь ограниченную поддержку своим монархом свободы совести. Их поддержка как монархии, так и галликанских сторонников Якова II, апеллировала к активности, а не просто к пассивному послушанию.

Личные и идеологические расхождения между этими двумя группами богословов стали видимы почти немедленно. Когда епископы Честера, Оксфорда, Сент-Дэвида, Дарема и Рочестера (Томас Спрат) в апреле 1687 года решили послать своему королю адрес, благодаря за Декларацию об индульгенции, каролингские священники ответили яростным сопротивлением. *«Неизбежным следствием этого адреса, — писал Уильям Санкрофт, архиепископ Кентерберийский, — должен стать фатальный разлад среди священничества и либо рождение нового раскола, либо расширение старых трещин, что и так уже слишком прискорбно»*. Многие священники не соглашались со своим митрополитом и его обвинениями в расколе. *«Некоторые священники говорят, что те клирики, кто подписал адрес, — отступники от Церкви Англии, как*

и тори, и они не хотят иметь с ними ничего общего, — записал лондонский пресвитерианец Роджер Моррис. — *Я знаю, что все лондонские богословы не подписали его*». С другой стороны, Санкрофт и его друзья по скамье епископов выразили свою неприязнь к Картрайту, Кру, Паркеру и Уотсону в очень замысловатой форме. Когда семь епископов, включая самого Санкрофа, в июне 1688 года были доставлены в суд за сопротивление второй Декларации об индульгенции Якова, Картрайт, Кру и Уотсон не предложили своим братьям помощи. Эти реальные и глубокие разногласия перевесили и обязательства клириков перед абсолютной монархией, и их опасения раскола. Но ни сторонники Санкрофта, ни последователи Картрайта не хотели поощрять политическое сопротивление. И авторы адреса, и их оппоненты не хотели возникновения более широкой или более терпимой церкви⁹.

Свержение Якова II не принесло облегчения. Хотя епископы были очень довольны, что Вильгельм остановил политику распространения Яковом II католицизма, они не желали никаких реформ, признавая лишь пассивное послушание. Санкрофт, который «до того противостоял королю Якову, не признавая его сына и отказывая ему в вежливом подчинении», теперь отказался «выказывать хоть малейшее уважение принцу Оранскому». В то время как Санкрофт просто отошел от общественной жизни, большинство остальных епископов провели декабрь 1688-го и первые месяцы 1689 года, интригуя и агитируя против нового режима. Их «планом», как считал Роджер Моррис, было «вернуть все к состоянию, в котором дела находились в 1662 году». Епископы хотели вернуться к миру, в котором монополярная и нетерпимая церковь получала бы полную поддержку монарха, правящего по божественному и неотъемлемому наследственному праву. Ясно, что такого быть уже не могло. Как только Вильгельма и Марию объявили королем и королевой, Эдуард Харли заметил, что «многие епископы покинули палату лордов и продемонстрировали, что не дадут клятву» новому режиму. Достоверно известно, что лишь восемь из двадцати семи епископов Англии и Уэльса дали клятву верности Вильгельму и Марии¹⁰. За изгнанием епископов из палаты лордов вскоре последовал отказ еще четырехсот других клириков дать клятву.

Тем не менее моральная согласованность и литературные достижения не давших присягу клириков привели многих из них

к переоценке своей значимости. Огромное большинство из десяти тысяч английских клириков дали клятву — гораздо больший процент, чем подчинились в 1662 году. У большинства современников сложилось впечатление, что со стороны священничества имела место полная поддержка нового режима. «Очень мало клириков (один к двум) отказалось от клятвы», — доложил священник высокой церкви сэр Уильям Бадби из Дербишира. Как печалился отказавшийся давать присягу Чарльз Трамбулл, *«отказавшихся оказалось мало по сравнению с теми, кто поклялся, — наглядный пример нашей нетвердости и моральной неустойчивости. Вот сколь сильно любовь населения, оппозиция папству и плотский интерес могут властвовать над нами в противовес доктрине нашей церкви и прошлым публичным заявлениям столь многих наших собственных членов в их разговорах и проповедях»*. С более далекого расстояния и с меньшим личным раздражением можно констатировать, что отказ большинства английских клириков следовать примеру своих епископов открывает правдивость утверждения одного историка религии, что в 1680-х годах клерикальные «диссиденты никогда не отрывались далеко от поверхности церковной и кафедральной жизни»¹¹.

Окончательное отстранение отказавшихся, совпавшее со смертью ряда других епископов, дало Вильгельму и Марии возможность переформировать епископскую скамью и притушить инакомыслие, кипящее внутри церкви. С 1689 по 1692 год новые монархи назначили восемнадцать человек, чтобы заполнить вакантные места¹². Были ли эти люди умеренными тори, проводниками религиозной политики графа Ноттингема и его товарищей по умеренной высокой церкви — либо же они продолжали практику и политику своих отстраненных и умерших собратьев? Или эти новые епископы полностью приняли новый церковный стиль и в итоге трансформировали Церковь Англии?

* * *

Выдвинутый исследователями-ревизионистами тезис о том, что послереволюционные епископы придерживались политических взглядов умеренных тори, проверяется в основном анализом их социальных работ. Ассоциация многих назначений нового режима с убежденными тори и семейством Финч из высокой церкви, конечно, делает это утверждение правдоподобным. Однако при

подробном исследовании послереволюционных епископов мы получаем более широкий ряд личных ассоциаций — ряд, который указывает на весьма различные типы церковности.

Нет сомнений в широте и важности духовного покровительства со стороны Финча. Генеральный прокурор, генеральный адвокат, лорд-хранитель и со временем лорд-канцлер, Хенидж Финч обеспечил несколько церковных назначений. Полагаясь, видимо, на совет своего священника Джона Шарпа, Финч предложил свое покровительство Эдуарду Стиллингфлиту, Джону Тиллотсону, Ричарду Киддеру, Джону Муру, Томасу Тенисону и Саймону Патрику — все эти люди после революции стали епископами. После смерти Финча его сын Даниэль, граф Ноттингем, поддерживал связи с этими молодыми и все больше значимыми клириками. Однако идеологическая составляющая этих связей весьма различива. Например, когда лорд-канцлер Финч отдал Ричарду Киддеру пребенду* Норвича, он не был знаком с этим священником. Покровительство лорд-канцлера, похоже, больше определялось социальным кругом его священников, нежели его политическими склонностями. Гилберт Бернет, который преуменьшал значение наклонности лорд-канцлера к оправданию «двора во всех дебатах в палате лордов», находил возможным хвалить «огромную заботу» Хениджа Финча и «достойных людей», которыми он наполнял «церковные приходы, принадлежащие обету»¹³.

Многие послереволюционные епископы, вошедшие в круг Финча, активно участвовали также в других сообществах весьма различных религиозных и политических оттенков. «Введение» Эдуарда Стиллингфлита в Лондон произошло с назначения его на должность настоятелем в Роллс-Чепел**, этим назначением он обязан пресвитерианцу и бывшему парламентария, сэру Харботтлу Гримстоуну, который стал затем настоятелем капеллы. После отъезда Стиллингфлита Гримстоун на небольшой срок назначил

* Пребенда — право на получение дохода или каких-либо материальных благ с церковной должности. (Прим. ред.)

** Роллс-Чепел — «Капелла Свитков», с 1377 года использовалась как место хранения судебного архива. В 1856 году архив был перенесен отсюда в другое место и стал основой библиотеки Мон — из которой, в свою очередь, выросла библиотека Королевского колледжа. Само здание снесено в 1895 году, ныне от него остались только арка, три надгробия и часть мозаики пола. (Прим. ред.)

Ричарда Киддера на место проповедника в Роллс-Чепел. Затем Гримстоун назначил Гилберта Бернета заменить Киддера, несмотря на активные возражения представителя высокой церкви сэра Джозефа Уильямсона. Как позднее изливался Бернет, *«обязанности, которые [сэр Харботтл Гримстоун] возложил на меня, таковы, что благодарность и обязанность всей моей жизни — вот все, что я могу вернуть ему и сделать для него»*¹⁴.

Графы Бедфорд и Эссекс и их родственники, семьи, чьи имена тесно связаны с парламентаризмом и радикальным вигизмом, так же много делали для карьеры нескольких послереволюционных епископов. Граф Бедфорд в 1664 году предложил приход Сент-Пол в Ковент-Гардене Саймону Патрику. В том же году граф Эссекс, «который был известен как истинный друг церкви», представил Ричарду Киддеру проживание в Эссексе. Оба, и Джон Тиллотсон, и Гилберт Бернет, поддерживали тесный контакт с семьей Расселлов. Бернет хвалил Уильяма, лорда Расселла, за его *«усердие в истинной религии, и другие добродетели, которые с самого начала революции постоянно украшают эту знатную семью Бедфорда наряду со многими другими семьями королевства»*. Когда лорда Расселла приговорили к смерти за участие в заговоре Ржаной биржи, Тиллотсон и Бернет приводили его к причастию в его последние дни. Оба были близки со вдовой лорда Расселла, Рэйчел Расселл. Тиллотсон предложил леди Расселл слова утешения, а после революции часто беседовал с ней по поводу духовных дел. Частично благодаря рекомендации леди Расселл Бернет был представлен принцу и принцессе Оранским по своему прибытии в Объединенные провинции. Неудивительно, учитывая близкие отношения с семьями вигов, что Бернет представлял Роберта Бойля при вручении Бойлем леди Эссекс и леди Расселл первых копий манускрипта его будущего зятя, знаменитых «Путешествий»¹⁵.

Несколько послереволюционных епископов являлись близкими друзьями великого натурфилософа Роберта Бойля*. Бойль был глубоко религиозным человеком и всю жизнь принадлежал к Церкви Англии. Но «тем, кто расходился с нами», он также был хорошо известен как «умеренный». «Если он иногда выступал резко, — отмечал один из современников Бойля, — то только против гонений, которые он считал аморальными». Бойль не имел

* Это тот самый Роберт Бойль (1627–1691), в честь которого назван закон Бойля — Мариотта. (Прим. ред.)

близких связей с клириками высокой церкви. Он предпочитал общаться лишь с Бернетом, Киддером, Тенисоном и Стиллингфлитом, «чьим глубоким знаниям и основательным суждениям он всегда дарил величайшую оценку и уважение». Конечно, правда, что ближайший церковный знакомый Бойля, человек, «которого он называл духовником», был Томас Барлоу, епископ Линкольна. Барлоу, может быть, и старомодный теологически, глубоко вникал в политику вигов. Он являлся «жестким врагом» герцога Йорка во время Кризиса изгнания и таким восторженным сторонником революции, что поговаривали, будто «ни один епископ не готов больше его занять места тех клириков епархии, которые отказались от клятвы»¹⁶.

Джон Локк, бывший секретарь графа Шефтсбери и полемист-виг, также имел тесные связи с многими епископами-вильямитами. Локк всю жизнь оставался причастником Церкви Англии. Он завел дружбу с Ричардом Киддером и Уильямом Ллойдом. Хотя лично он стоял дальше от Бернета, он глубоко уважал склонность вильямитского епископа Солсбери к терпимости и мягкий стиль его посланий. Локк оказался особенно близок с Эдуардом Фаулером, вильямитским епископом Глочестера, который навещал философа в его последние дни. Локк обменивался книгами и посылал своих друзей к послереволюционному епископу Кентерберийскому, Джону Тиллотсону. После смерти Тиллотсона Локк оплакивал «этого великого и чистосердечного искателя правды», человека, который был для Локка «другом многих лет, твердым, чистосердечным и искренним»*. Теперь, как объяснил Локк своему наперс-

* Здесь автор опускает важный момент — взаимоотношения Локка с Эдуардом Стиллингфлитом, далекие от описываемой им идиллии. В 1690-х годах Стиллингфлит в своих памфлетах активно нападал на философские труды Локка, многие его пассажи стояли на грани политического доноса. Он обвинял Локка в религиозной ереси и отступлении от англиканства — что в эпоху нетерпимости к любым диссентерам угрожало если не жизни, то свободе философа. Локк в серии ответных памфлетов очень мягко старался опровергнуть эти обвинения и перевести их из религиозной в философскую плоскость. Заметим, что в отличие и от тори, и от вигов Локк был принципиальным сторонником свободы во всех ее смыслах, в том числе свободы совести — что совсем недавно стояло на грани государственного преступления. Более того, Локк указывал, что частная собственность с какого-то момента тоже начинает ограничивать свободу человека — в этом плане солидаризуясь с антикапиталистическими мыслителями Ренессанса. (Прим. ред.)

нику Филиппу ван Лимборху, «у меня нет никого, у кого бы я мог свободно проконсультироваться по поводу теологических неясностей»¹⁷.

Если многие вильямитские епископы пользовались покровительством семейства Финч и тори из высокой церкви, они по крайней мере имели неограниченное общение с видными вигами и защитниками религиозной терпимости. Действительно, то, что епископы-вильямиты поддерживали это общение с вигами, даже когда делать это стало абсолютно не в моде, больше раскрывает их идеологические склонности, чем их стремление получить повышение по службе от власти имущих при Карле и Якове.

Для большинства послереволюционных епископов самыми важными социальными и интеллектуальными связями оставались связи с братьями-клириками. Еще когда Бернет, первый произведенный Вильгельмом епископ, в 1662 году прибыл в Лондон из своей родной Шотландии, он «легко воспринял понимание веротерпимости». В то время как значение и выгода термина «терпимость» подвергались сомнению ученых, ясно, что Бернет понимал под ним самый свободный возможный путь. Там, где пресвитерианский богослов Ричард Бакстер описывал группу людей, получивших образование в Кембридже, как сторонников ряда универсальных теологических принципов — они, по его словам, были *«платонистами или картезианцами, а многие из них арминианцами с некоторыми дополнениями, имеющими больше, чем другие, милосердных мыслей о спасении варваров и неверующих; некоторые из них придерживались мнения Оригена о трактовке души»* — Бернет определял эту группу более неопределенно и менее теологически. Для Бернета группа определялась скорее личными взаимоотношениями, дружбой, чем набором доктрин или верований. Дружба прежде всего касалась Саймона Патрика, Эдуарда Стиллингфлита и Джона Тиллотсона. Их настроения, кроме всего прочего, были «очень умеренными» — умеренность, без сомнения, определялась по отношению к Акту о единообразии*, защищае-

* Обычно так называются четыре закона, принятые парламентом в 1549, 1552, 1559 и 1662 годах и унифицировавшие структуру и обрядность Церкви Англии. В 1643 году Акт о единообразии был отменен индепендентами, тем самым ликвидировалась вся Церковь Англии, преобразованная из епископальной в пресвитерианскую. В 1662 году англиканская церковь была восстановлена, вновь введена Книга общих молитв. В данном случае имеется в виду именно этот акт. (Прим. ред.)

тому тогда Гилбертом Шелдоном, епископом Лондона, ставшим вскоре архиепископом Кентерберийским. Друзья Бернета были людьми, которые, несмотря на то что «уважали устройство церкви и литургию... не считали противозаконным жить по другой форме». Они были людьми, которые «хотели, чтобы дела велись более умеренно» по отношению к диссидентам. И они были людьми, «которые продолжали поддерживать активную переписку с теми, кто отличался от них во мнениях, и допускали огромную свободу и в философии, и в богословии»¹⁸. Хотя Бернет, без сомнения, ценил преданность своих друзей философскому и религиозному плюрализму — пусть все они, конечно, страстно верили, что Церковь Англии лучшая из всех возможных церквей — их стиль и эмоции, безусловно, резко отличались от более горячих и негибких сторонников высокой церкви типа архиепископа Гилберта Шелдона.

Не все епископы-вильямиты вышли из Кембриджа. Также и круг общения этих людей в 1660-х годах не ограничивался обществом бывших студентов, кембриджских платоников. Например, еще одним другом молодых лет Бернета был Уильям Ллойд, которого Вильгельм III перевел из епархии Сент-Асаф в епархию Личфилда, а затем Вустера. Ллойд был помощником Джона Уилкинса, ректора лицея Уодем и епископа Честера. Уилкинс, хотя и «сам абсолютно преданный» Церкви Англии, был известен как «очень мягкий к тем, кто отличался от него». Он, как записал Энтони Вуд, выступал «за понимание и ограниченную индульгенцию для диссидентов в религии». Уилкинса не любили и Шелдон, и Джон Фелл, епископ Оксфорда и большой покровитель высокой церкви в этом университете. Неудивительно, что Уилкинс всю жизнь оставался другом Джона Тиллотсона, в чьем лондонском доме он умер. Уилкинс так же много делал для продвижения карьеры епископа Гилберта Айронсайда вильямита и своего студента, унаследовавшего место в Уодеме. Айронсайд, вероятно, дружил с другим врагом Джона Фелла и Гилберта Шелдона — лордом Пемброка и вильямитом, епископом Бристольским Джоном Холлом¹⁹.

Во время Реставрации враги Фелла и Шелдона усилили и распространили свои дружеские связи. Тиллотсон стал одним из «близких друзей» Джона Шарпа, позднее вильямита и архиепископа Йорка. Их дружба была настолько тесной, «углубляясь постоянно благодаря доверительным беседам в течение многих лет»,

что Шарп пригласил Тиллотсона совершить богослужение на его свадьбе. Тиллотсон имел еще одного почитателя в лице Ричарда Киддера. Кроме Тиллотсона Киддер «еще с их юности» близко знал Ричарда Камберленда, Эдуарда Фаулера и Саймона Патрика. Патрик, в свою очередь, знал Томаса Тенисона достаточно хорошо, чтобы в 1680 году рекомендовать его на место викария церкви Святого Мартина-в-Полях*. Во время трудного лета 1688 года Киддер укрыл Уильяма Ллойда, чтобы защитить его от ярости короля после суда над семьей епископами. Затем Ллойд оставался с Гилбертом Бернетом во время марша Вильгельма на Лондон. Вильямит Джон Мур, епископ Норвича, также считал Бернета «особым другом». Бернет настолько хорошо думал об Эдуарде Фаулере, что рекомендовал его Стиллингфлиту для Сент-Джайлс-Крипплгейта²⁰. Связь Бернета с Ллойдом и Тиллотсоном была настолько близкой, что он подчинял свои работы «их суждению во всем»²¹.

Эта группа друзей и собратьев по низкой церкви участвовала в нескольких конкретных планах. Во-первых, многие из них были вовлечены в проекты сближения и индульгенции, расширения количества членов церкви и терпимости к людям вне ее. Тиллотсон и Стиллингфлит являлись членами «клуба Джона Уилкинса по вовлечению и ограниченной индульгенции для диссидентов в религии». После смерти Уилкинса в 1672 году этот клуб продолжал встречаться в жилище *«этого великого оппортуниста и веротерпимца, доктора Езекии Бертона в Эссекс-Хаусе, за пределами Темпл-Бара, где проживал сэр Орландо Бриджмен, у которого Бертон был священником»*. Так как Ричард Камберленд был «близким другом» Бертона, как и священник сэра Орландо Бриджмена, он, похоже, состоял еще одним членом данного клуба. Действительно, Камберленд был, вероятно, одним из тех священников, чья «надменная и все-таки лстивая манера», по мнению Самюэля Паркера, убедила Бриджмена одолжить свой авторитет для планов расширения терпимости. В 1674 году эта группа работала

* Церковь Святого Мартина-в-Полях (*St. Martin-in-the-Fields*) — одна из самых знаменитых церквей Лондона. Находится в самом центре города, в северо-восточном углу нынешней Трафальгарской площади. Прихожанами ее традиционно являются обитатели Букингемского дворца, в том числе и королевская семья. Названа по имени святого Мартина Турского, известна с начала XIII века, когда находилась в полях между Лондоном и Вестминстером. Современное здание возведено в 1722 году, оно сохранило часть фасада от предыдущей церкви. (*Прим. ред.*)

с представителями диссидентов, чтобы разработать планы достижения взаимопонимания. Хотя этот проект ни к чему не привел, Ричард Бакстер позднее утверждал, что Стиллингфлит и Тиллотсон были «самыми подходящими людьми, чтобы участвовать в соглашении, если сделать попытку достигнуть такового». Хотя другие члены этого клуба терпимости и индальгенции остаются умозрительными, более позднее саркастическое замечание клирика высокой церкви Оксфорда Уильяма Джейна намекает, что сюда вовлечен был ряд других лиц, позднее ставших епископами-вильямитами²².

В конце 1670-х и начале 1680-х годов эта группа друзей более успешно довела до конечного результата свой второй проект, «Историю Реформации». Эта «История» имела конкретной мишенью версию высокой церкви о Реформации, созданную Питером Хейлином. Бернет заявил, что Хейлин в своем описании Реформации как исключительно клерикального движения был или «очень плохо информирован, или ведом своими страстями». Неудивительно, что высокая церковь никогда не любила «Историю». Архиепископ Санкрофт попытался заблокировать Бернету доступ к необходимым манускриптам, а неприсягнувшие подвергли критике опубликованные результаты.

Напротив, проект получил активную поддержку от вигов, Уильяма Расселла, Джорджа Савила (до его постепенного поворота к торизму) и республиканца Энтони Кека. Эта работа — «великий поступок», которому «повсюду аплодировали». Формально она являлась трудом Гилберта Бернета, но на деле это была работа группы священников низкой церкви. Томас Тенисон присоединился к Бернету при поиске нужных манускриптов в колледже Корпус-Кристи в Оксфорде. «Знаменитый и повсеместно известный доктор Стиллингфлит» снабжал Бернета манускриптами «великой важности». Уильям Ллойд, по словам самого Бернета, «привлек меня в основном к этой работе... снабдил любопытной коллекцией своих собственных наблюдений». Бернет представил на рассмотрение оконченную рукопись обеих частей своей «Истории» Ллойд, Стиллингфлиту и Джону Тиллотсону, которые тщательно обсудили текст до награждения его «своим сердечным одобрением»²³.

Провал попытки вигов свергнуть Якова и последующая реакция тори в начале 1680-х годов не остановили встреч и дискуссий

умеренных богословов. Самюэль Паркер в 1685 году сообщил, что Вильгельм Ллойд, епископ Сент-Асафа, занимал место «главы оппортунистической группы лондонских богословов». Эта группа, без сомнения, являлась продолжением предыдущего клуба, который встречался в кабинете Езекии Бертона, и состояла, вероятно, из тех же «обеспокоенных видных людей», которых Бертон хвалил за то, что они удержались от крайностей тори в 1680-х годах. Почетный перечень их включал много будущих епископов-вильямитов: среди других в нем можно найти Стиллингфлита, Тиллотсона, Ллойда, Томаса Тенисона, Джона Шарпа, Саймона Патрика, Эдуарда Фаулера и Джона Мура. Это, как позднее записал Титус Оутс, были трезвые и умеренные люди Церкви Англии, которых тори заклеили «кличкой оппортунистов»²⁴.

Гораздо более открытыми и публично известными, чем группа «оппортунистов» Ллойда, были лекции, дискуссии и общественные проекты, осуществляемые в Лондоне богословами низкой церкви. Джон Шарп «проводил свои вакации и часы досуга» в «частых регулярных собраниях и конференциях» с другими лондонскими богословами. На этих встречах, на которых, как вспоминал сын Шарпа, среди других присутствовали Тиллотсон, Патрик и Стиллингфлит, богословы обсуждали *«такие предметы, которые имели отношение к их собственным занятиям, или такие отрывки Библии, которые кто-нибудь из них предлагал рассмотреть на кафедре»*. Шарп и Тиллотсон были активными участниками лекций по вторникам и пятницам в соборе Сент-Лоренс-Джури в Сити. Эти лекции посещали «более ста богословов», которые затем сразу же встречались «обычно рядом, в Богословской кофейне, и вели друг с другом дела». Эти частые дискуссии и споры в среде богословов Сити формировали у них общий взгляд и идеологическую перспективу. Можно предположить, что, кроме этих отдельно упомянутых лиц, их участниками время от времени являлись также Роберт Гроув, Николас Стратфорд, Томас Тенисон, Ричард Камберленд, Эдуард Фаулер и Ричард Киддер.

Этот взгляд далее оформился публикацией популярных работ на темы, развивавшиеся в 1670-х годах, когда «несколько богословов в Лондоне собрались вместе на обед, намереваясь обсудить, как они могут наиболее эффективно поддержать законную религию своей деятельностью». Результатом стал план опубликовать серию «простых» и дешевых книг «по малопонятным темам».

Хотя эти книги появлялись анонимно, Киддлер и Патрик позднее признавались, что были в числе шестнадцати участвовавших в проекте богословов²⁵. Лондонские богословы оказались, таким образом, тесно связанным сообществом, посвятившим себя активному созданию богословских посланий задолго до свержения Якова II.

Перед лицом осознанной католической угрозы лондонские богословы просто повернули свои усилия от практического богословия к богословию дискуссионному. Ричард Киддер вспоминал, что «они встречались часто и дискутировали», создавая то, что Саймон Патрик назвал «несколькими малыми трактатами», пропагандирующими и защищающими Церковь Англии от римского католицизма. В подобном контексте едва ли удивительно, что лондонские богословы добились такого единодушия перед лицом второй Декларации об индульгенции Якова II. Это произошло благодаря их успешной пропагандистской работе, в рамках которой Уильям Санкрофт призвал высказаться Тиллотсона, Стилингфлита, Патрика, Тенисона, Роберта Гроува и Уильяма Шерлока — все они, кроме Шерлока, позднее стали епископами-вильямитами, — чтобы помочь епископам выстраивать свои ответы на требования короля зачитывать декларацию в их церквях²⁶.

Ясно, что выбранные и возвышенные Вильгельмом и Марией клирики были объединены социальными и интеллектуальными сетями, более широкими и более основательными, чем просто связи с семейством Финч. Действительно, новые монархи по поводу духовных дел советовались с целым рядом людей. Граф Ноттингем не обладал монополией. Вильгельм часто обсуждал церковные дела с маркизом Галифаксом — в частности, именно Галифакс стал спонсором «Истории Реформации» низкой церкви, преданным другом Гилберта Бернета, и в 1688 году, как было хорошо известно, «общался с епископами и предлагал их вниманию некоторых умеренных священников с самой высокой репутацией в Церкви Англии». С момента воцарения Вильгельм и Мария также консультировались по церковным делам с вигом лордом Джоном Сомерсом.

Но все-таки, без сомнения, наиболее важным оказывалось влияние Джона Тиллотсона. Вильгельм назначил Тиллотсона секретарем кабинета в апреле 1689 года — на должность, которая, как верно отметил его биограф Томас Берч, «требовала его часто-

го присутствия возле персон их величеств». Вильгельм оказывал Тиллотсону величайшее доверие, наметив его на пост архиепископской епархии Кентербери уже весной 1689 года. Список епископов Вильгельма читается как список ближайших друзей Тиллотсона — включая Джона Шарпа, за которого, как известно, Тиллотсон ходатайствовал — так новый секретарь кабинета использовал свое «частое присутствие» на пользу делу.

Еще одним человеком, который имел доступ к королевскому уху в первые месяцы нового правления, стал Уильям Ллойд, епископ Сент-Асафа. Ллойд, граф Кларендон, насмешничал, не давая Вильгельму «покоя», пока тот не назначил Гилберта Бернета епископом Солсбери. В конце лета именно Ллойд снова предложил, чтобы Саймона Патрика предпочли при отборе главы епархии Чичестера²⁷.

Однако самым важным покровителем церкви в период сразу после революции оказалась королева Мария: она оставила неизгладимый след на англиканской церкви. «Наполнение епископами, — записала Мария в своих мемуарах, — стало единственным делом, которым я занималась», когда Вильгельм был в Англии. После смерти архиепископа Тиллотсона и какое-то недолгое время до ее собственной смерти Мария «глубоко интересовалась епископом Линкольна [Томасом Тенисоном]; чтобы ему не могли отказать». Тенисона вскоре перевели в Кентербери как преемника Тиллотсона.

В религиозных делах Мария активно предпочитала низкую церковь. Ее опыт в Объединенных провинциях и замужество за кальвинистом Вильгельмом глубоко окрасили ее религиозные взгляды. Принцесса Оранская «высказывала мне не однажды, — писал в ноябре 1688 года посол Якова в Объединенных провинциях, — что существует мало или вовсе не существует различий между Церковью Англии и пресвитерианцами, и она постоянно ходит в обе церкви». Эдуард Фаулер, тогда епископ Глочестерский, позднее вспоминал «благотворительные деяния Марии умеренным диссидентам совместно с нами». Королева сама выражала «смирение» по поводу неспособности английских клириков договориться между собой в 1689 году, что усилило бы Церковь Англии и в то же время помогло установлению терпимости вне ее. По чувствам Мария была глубоко и непоколебимо привержена нижней церкви. Мария часто советовалась с Бернетом, Тиллотсоном и Ллойдом и чтала их работы. Напротив, Ноттингем, как

считала она, был «слишком предан своей партии». Она оплакивала свою сестру Анну, которая «сошлась» с «людьми высокой церкви и епископом Лондона» — людьми, которые вместе с Анной «похоже, стремились найти неполадки во всем, что делалось, и особенно смеялись над полуденными проповедями»²⁸.

Сети дружеских отношений, социальных связей и опекуинства у епископов-вильямитов были гораздо шире, чем обычно приписывали им умеренные тори. Их связи и публикуемые проекты, конечно, соответствовали явной идеологической позиции — которая оказалась более изощренной и глубокой, чем предполагалось теми историками, которые описывали их взгляды как «ранний протестантизм» или соглашательный англиканизм. Какими же тогда были политические и духовные приверженности вильямитских епископов? Были ли они группировкой низкой церкви?

* * *

Как бы ни расходились исследователи по поводу религиозных воззрений вильямитских епископов, они соглашались, что новые места заполнили люди, которые были противниками политического сопротивления. Епископская скамья, на которой воссели ученые клирики, оставалась привержена пассивному послушанию. Епископы считали, что революция была исключительно делом Божьего провидения. Новые епископы, как и их предшественники, не являлись в полном смысле вигами.

И епископы Карла, назначенные во время доминирования тори в 1680-е годы, и те, кто был возведен Яковом после 1685 года, какие бы между ними ни существовали разногласия по поводу широты прерогатив и отношения к индульгенции, соглашались, что не существует места для политического сопротивления монаршему правлению по неоспоримому божественному праву наследования. Как писал Джон Фелл, ответственный за образование, подготовку и карьерное продвижение многих священников высокой церкви: *«Я уверен, что бедная Церковь Англии безгранично заботилась о том, чтобы всевозможными путями преданности и исполнения религиозных обязанностей рекомендовать себя этой высшей власти и ее великодушию, от которых она вечно кормится»*. С этой точки зрения ни одна верно думающая личность не может задуматься об изменении монархии вне пути традиционного наследования.

«Ни один человек не мог быть изгнан, — написал ректор Ист-Аллингтона в Девоне Эдмунд Эллис, — если сначала он не преступил узы» Церкви Англии. Томас Спрат, епископ Рочестерский, в своем широко циркулировавшем осуждении заговора Ржаной биржи советовал, что, если кто-то в Англии почувствовал, что его религии или собственности угрожают действия Якова II, *«пусть вспомнит и серьезно обдумает, что стало причиной тех же ропотов и волнений против его благословенной памяти царственного родителя; не первые ли и наиболее видные инструменты свержения нашей на тот момент обновленной, но древней монархии были сами по себе превращены теми же методами в самое подлое рабство — и духовное, и мирское»*²⁹.

Неудивительно, что большинство епископов отреагировало на прибытие принца Оранского в 1688 году как на возможность снова утвердить свои принципы несопротивления и пассивного послушания. Френсис Тернер, епископ Эли, услышав, что Вильгельм действительно вышел в море, отслужил две службы в Кембридже «за непровиновение и послушание». Затем он организовал в монастыре Эли встречи, которые посетили несколько епископов и лондонских богословов. Целью этих встреч, как он сказал Санкрофту, было «возобновить замысел проработки предложений нашей доктрины против свержения, избрания или прерывания наследования». Большинство епископов отозвалось на мнение Тернера. Томас Кен, который позднее откажется давать клятву новому режиму, когда прибытие Вильгельма уже приближалось, пообещал своему старому другу графу Дартмуту, что *«я всегда буду готов служить моему суверену со всей данной мне силой до тех пор, пока смогу быть стойким в своем высоком служении Богу и той божественной религии, которую я исповедую»*. Джон Лейк из Чичестера проповедовал в Сити против мятежа. Епископ Уильям Томас из Вустера написал язвительное послание, письмо, предупреждающее клириков не давать клятву новому режиму. При таких идеологических делах неудивительно, что *«епископы стояли за восстановление [управления] в его прошлом виде, призывая короля вернуться и связывая его с церковью законами, таким образом, обеспечивая безопасность лояльности и епархиям»*³⁰.

Не только не принесшие клятву и будущие якобитские заговорщики избрали тактику пассивного послушания и признания

неоспоримого наследования божественного права. Многие из тех, кто дал клятву новому режиму, делали это с оговорками. Они признавали Вильгельма и Марию правителями де-факто, но настаивали, что Яков II все еще их король де-юре. Это была безусловная позиция, например, двух человек, которые могли стать епископами еще до вступления на престол Якова: Уильяма Джейна и Роберта Саута. Джейн в качестве профессора на кафедре богословия в Оксфорде, учрежденной королем, являлся главным поборником постыдного Оксфордского декрета 1683 года, осуждающего все книги, которые разрешали сопротивление принцу. После революции он участвовал в создании впечатляющей Церкви Христа — основавшей «сеть патронажа тори», набор связей людей, преданных старым принципам пассивного послушания и несопротивления.

Саут, которого рекомендовали в епископы во время правления и Карла II, и Якова II, также являлся протее сторонников высокой церкви в лице Джона Фелла. Всю свою жизнь он «продолжал усердно отстаивать prerogatives короны и был против развития промышленности, за ее сокращение». Когда его пригласили присоединиться к приглашению Вильгельма летом 1688 года, Саут отказался, настаивая, что *«его религия учит его стойко переносить всё и, как бы это ни порадовало Бога, что он не пострадает, он с божьей помощью продолжит терпеть и сохранять верность и не использует другого оружия, кроме своих молитв и слез за избавление своего суверена от грешных и неразумных советников, с которыми он связался»*³¹.

Притом что не подписавшиеся и высокие священники оставались тверды в своем неприятии сопротивления и убежденными в своем торизме, большинство епископов-вильямитов имели совсем другие идеологические убеждения. Несколько послереволюционных епископов имели длинную историю оппозиции абсолютизму; но куда большее их число стало защищать сопротивление и вовлеклось в политику вигов.

«Папистский заговор» и последовавший за ним кризис по поводу изгнания создали контекст, в котором большое количество священников смогло продемонстрировать, что они испытывают меньше энтузиазма по отношению к неотъемлемому священному праву монарха, чем многие ожидали. Уильям Ллойд, позднее викарий церкви Святого Мартина-в-Полях, оказался в центре па-

пистского заговора. Именно он вызвал у лондонцев неистовство страстной похоронной проповедью по своему убитому другу, сэру Эдмунду Берри Годфри*. Его уверенность, что иезуиты ответственны за смерть Годфри, была так глубока, что он повторил это обвинение архиепископу Кентерберийскому через много времени, когда тема уже давно стала немодной. Именно Ллойд дал решительные свидетельские показания о Майлзе Прансе, которые так много сделали, чтобы подтвердить разоблачения Титуса Оутса. Эти два поступка превратили Ллойда у вигов в героя. Самюэль Паркер, всегда резкий по отношению к вигам, заявил, что Ллойд и был *«основателем заговора и всех наших неприятностей, так как заговор никогда ни к чему бы не привел без убийства Годфри, как и убийство Годфри без свидетельства Пранса, как и свидетельство Пранса без епископа Сент-Асафа»*.

Не менее возбуждающим было «Письмо о раскрытии заговора», опубликованное под шумные народные приветствия близким другом Уильяма Ллойда, Гилбертом Бернетом. Джон Холл, впоследствии ректор колледжа Пемброк, таким же образом раздул пламя негодования вигов в Оксфорде, когда 5 ноября 1678 года прочел проповедь «резко и горько против папистов» в церкви Сент-Мэри. Эдуард Фаулер на пике Папистского заговора нарочито разбил «идолопоклонническое окно» в соборе Глочестера, и ходили упорные слухи, что он в числе друзей графа Шефтсбери. Джон Тиллотсон, в то время декан Кентерберийского собора, *«был так глубоко потрясен лишь предчувствием опасности папистского наследника как гражданских, так и религиозных свобод своей страны, что не смог удержаться от пожелания успеха Биллю об исключении»*. Действительно, его «усердие» по поводу билля было таково, что он делал все возможное, чтобы «отвлечь своего друга виконта Галифакса от согласия с противниками билля»³².

Несмотря на угрозу огромного давления со стороны двора и его сторонников в церкви, многие клирики низкой церкви продолжали выражать симпатию к курсу вигов даже в их самый тем-

* Годфри, член парламента и убежденный протестант, был убит 12 октября 1678 года. Это убийство подкрепляло обвинения Оутса — который 23 октября под присягой заявил в парламенте, что видел приказы о мятеже, отданные генералом иезуитов католическим офицерам армии. В итоге Карл II под давлением парламента был вынужден отдать распоряжение о высылке всех католиков на 20 миль от Лондона. Реальный убийца Годфри так и не был найден. (Прим. ред.)

ный час. Джон Холл, например, «несколько раз молился» с осужденным протестантом Стивом Колледжем в дни перед казнью Колледжа за государственную измену в 1681 году. Хотя Томас Спрат резко осудил заговор Ржаной биржи, попытку радикальных вигов убить Карла II и его брата Якова в 1683 году, Тиллотсон и Бернет совершили богослужение для заговорщика Уильяма, лорда Расселла, в его последние часы — акт, который явно заработал Бернету как минимум постоянную вражду со стороны герцога Йоркского. Ричард Киддер, человек менее смелый, заявлял, что веско намекал в проповедях и публикациях на свои дурные предчувствия во время реакции тори. То было время, вспоминал он, когда «мы, похоже, разрушали сами себя».

«Мы устали от наших льгот и свобод, — горевал Киддер явно интонациями вигов, — и добились цепей и рабства; мы прокладывали путь к деспотической власти и слишком сильно накликали приход папства. Мы чуть не отдали все свои хартии, хотя в то время мы были связаны клятвой защищать их... Мы сходили с ума от того, что мы называли лояльностью, хотя даже закон не мог наложить таких обязательств».

После свержения Якова Эдуарда Фаулера его прихожане обвинили в «вигизме». Еще в 1685 году Самюэль Паркер обвинил Саймона Патрика в том, что он «самый ожесточенный виг во всей нации». Джон Холл, отчаянно пытаясь «показать себя лояльным» во время коронационной службы Якова в соборе Сент-Мэри в Оксфорде, смог провести только «вялую, вымученную службу»³³.

В решающий последний год режима Якова II многие послереволюционные епископы глубоко связали себя с приготовлениями принца Оранского. Томас Тенисон зимой 1688 года состоял в частой секретной переписке с принцем и принцессой Оранскими. Этим летом он смог написать Саймону Патрику и его брату Джону письмо с «заверениями», что «принц Оранский, к нашему облегчению, намерен прийти с армией, спасая от опасности, в которой мы находимся». Эдуард Фаулер в этом году проводил «большую часть своего времени» в Хайгите с Уильямом Клаггеттом, который говорил своим друзьям, что сопротивление «в некоторых случаях» может быть «законным». За четыре дня до суда над семью епископами Уильям Ллойд предсказал священнику Санкроф-

та Генри Уортону, что «неправедность и тирания» Якова II и его правительства «так раздражает умы людей повсеместно, что последние скоро вышвырнут его из Англии». Он заключил, говоря Уортону, что «приближаются прекрасные перемены». Неудивительно, что друг Ллойда, Ричард Дэвис, вспоминал, как новости о высадке Вильгельма «вызвали огромное удовлетворение у епископа». Ричард Кеддер, с которым Ллойд оставался после суда, также, похоже, был хорошо информирован о надвигающемся прибытии Вильгельма летом 1688 года.

Гилберт Бернет, конечно, был активным революционером. По прибытии в Объединенные провинции после путешествия по Франции, швейцарским кантонам и Италии он извергал памфлет за памфлетом с нападками на Якова II, Людовика XIV и их политику. Он перевел «Декларацию причин» Вильгельма, оправдывая его вмешательство в английские дела, а накануне его отплытия молился богу о возведении принца Оранского «и принцессы в подходящее время на трон»³⁴.

Пропаганда позиции вигов во время кризиса изгнания, поддержка вигов и одобрение вторжения Вильгельма — все это предполагает, что послереволюционные епископы не были людьми пассивного повиновения и умеренными тори из тех, о ком пишет научная литература. Но все это еще не доказывает, что епископы-вильямиты действительно оправдывали сопротивление. На самом деле недавние исследования дебатов относительно послереволюционной клятвы верности подчеркивают консерватизм сторонников нового режима. Однако эти утверждения не следует принимать за то, чем они представляются. Дискуссии о верности в 1689–1694 годы имели целью уговорить непокорных клириков дать клятву верности новому режиму; то была попытка ослабить страхи консервативных членов политизированной нации. *«Я не думаю, что теперь, когда мы спокойны, удобно много писать о предмете, доказывающем право людей защищать себя, когда вся конституция в опасности быть перевернутой»*. Во время дебатов о верности Гилберт Бернет объяснял графу Шрусбери, что «какая бы новая возможность ни была предоставлена жестокостью правительства, всегда найдутся авторы и факты в ее поддержку». Многие англиканские богословы, как писал позднее Бернет, «обладают резервом сопротивления в случае полного ниспровержения... хотя они не считают, что нужно упоминать об этом»³⁵.

Епископы-вильямиты, как и многие не принесшие клятвы оппоненты высокой церкви, не отличаясь от большинства пуритан и сторонников раннего протестантизма, они питали отвращение к идее, что религиозные верования могут оправдывать мятеж. Соппротивление Якову II из-за того, что он являлся католиком, было проклятием. Джон Мур, вильямит и епископ Норвича, осуждал «тех, кто брал на себя отпущение греха целой нации за нарушение клятвы своему королю на основе религии». В речи, написанной в тюрьме в Тауэре, Уильям Ллойд настаивал, что наша «святая религия учит нас под страхом проклятия не восставать против нашего короля, хотя он и другой религии; и даже если он враг нашей религии». Даже в горькой ссылке Гилберт Бернет «отслужил целую службу в Гааге», в которой он говорил «о незаконности для подданных подниматься против суверена на почве религии». *«Я не знаю ни одного из богословов, кто поклялся бы настоящему правительству, — подвел он итог в 1690-х годах, — кто не сохранил бы до сих пор того же мнения, которого придерживался ранее, и кто не считал бы до сих пор сопротивление на почве религии незаконным»*³⁶.

Для священников низкой церкви единственным законным оправданием сопротивления 1688 года было политическое. Для них никогда не было приемлемым сопротивление законному государственному чиновнику лишь потому что он неверующий или еретик. Делать такое заявление — значило разрушать различие между церковью и государством. «Я все еще так же, как и всегда, тверд в убеждении, что христианская религия не дает основания защищать ее оружием, но, наоборот, — она запрещает любое сопротивление», — писал Бернет, когда готовился присоединиться к флоту Вильгельма осенью 1688 года. «Но, — и это определение истории долго не хотели включать в свой анализ, — *все-таки, нужно понимать, что если религия имеет закон на своей стороне, при законном правительстве, где прерогатива короля ограничена определенными пределами, то существует право открыто признавать, что религия становится одной из гражданских свобод. И когда король, нарушая все границы закона, приобретает власть, которой он не обладает, вследствие этого ему можно сопротивляться*».

Защита религии, созданная законом, оправдывалась не в качестве религиозного действия, а как политический акт при защи-

те гражданского общества. Это в точности соответствовало тому, как Эдуард Фаулер, епископ-вильямит из Глочестера, понимал революцию 1688–1689 годов. *«Была ли наша монархия абсолютной или ограниченной; или, если ограниченная, была ли она проявлением силы или правом верховной власти: насколько ограничение дает право сопротивления в случае нарушения его, — вопрошал он, — это прекрасные вопросы, но не для решения правилами Церкви; лишь нашей законной конституцией и общими соображениями человечества»*. Если, настаивал Фаулер, Яков II *«мог удовлетвориться, не покоряясь Тройной Короне, не подчиняясь руководству советников-иезуитов и не подчиняясь приказам самого большого врага, какой у нас есть [то есть Луи XIV]»*, так как все они нарушают английские законы, *«и позволил бы своему народу иметь свою религию и законы, он мог бы счастливо править, как и любой его королевский предок-протестант, несмотря на то что является сыном Римской Церкви»*. Священники низкой церкви, которые являлись восторженными сторонниками Вильгельма и Марии, не отступили от своего крайнего неприятия религиозных оправданий сопротивления. Как заметил вильямит, епископ Солсбери, они *«все еще придерживались своего прежнего мнения о том, что теологически в делах закона и политики»* они должны признать некоторые предыдущие «ошибки»³⁷.

Пока священники-вильямиты верили, что Славная революция была predeterminedной, они не замечали в ней вовлеченности Бога, устранивающего нужду в действиях человека. Как настаивал Джон Мур, тот факт, что все избавления идут от Бога, *«не предполагает, что Бог освободит нас, если мы ничего не будем делать сами для обеспечения своей безопасности; Он пообещал, что Его благосклонность посетит и продвинет наши честные старания — но не дает оснований ленивым и халатным надеяться на Его мощь, тех, кто не использует свою природную силу, отстраняют от Него на самостоятельное обеспечение своей сохранности»*.

«Недостаточно быть просто обласканным Провидением, — соглашался Эдуард Стиллингфлит, вильямит и епископ Вустерский, — но мы должны быть активными и полезными на своем собственном месте, чтобы продвигать общие интересы». Как объяснял он, *«я не пытаюсь отыскать право правительства стать самим Провидением, так как это означало бы отвержение всех*

законных конституций, если мятеж закончится успешно; и акты Провидения не определяют сами по себе правильное и ложное в таких случаях; но они оставляют это нормам, которые им подходят, а именно — общему праву наций и индивидуальным законам каждой страны»³⁸.

Именно на общем праве наций и на особых законах Англии епископы-вильямиты основывали свое оправдание сопротивления. Хотя они и были глубоко религиозными людьми, их оправдание сопротивления звучало политически, а не религиозно. Их споры о революции имели гораздо больше общего с идеями Локка, нежели Кальвина.

Архиепископа Кентербери вильямита Джона Тиллотсона часто ложно принимали за человека, твердого стоявшего в оппозиции к сопротивлению. Это заявление основано на его «Письме, написанном моему лорду Расселлу в Ньюгейт, двадцатого июля 1683 года», которое было опубликовано без его согласия и переиздано несколько раз врагами архиепископа и высокой церкви. Это правда, что Тиллотсон *«считал грехом сопротивление, основанное лишь на ревности и влиятельном положении, на каких-то незаконных актах и слабых страхах — но не считайте грехом сопротивляться, когда абсолютное свержение открыто объявлено и началось на самом деле»*. Это сопротивление, оправданное в случае полного свержения правительства, заверяет нас биограф Тиллотсона, было настолько глубоко укоренившейся позицией архиепископа, что *«он не уклонялся от высказывания в таком ключе в любом случае, когда предоставлялась для этого возможность»*. Его расхождения с другом, вигом и заговорщиком Ржаной биржи лордом Расселлом, не являлись теоретическими, но *«с учетом уже сделанных попыток вмешаться в конституцию»* в 1683 году. Тиллотсон сомневался, что Карл II разрушил конституцию — но был абсолютно убежден, что Яков II сделал это. В 1693 году он посоветовал своим аудиторам купаться в *«счастье, которым мы сейчас наслаждаемся под рукой теперешних величеств, при которых благодаря Богу мы избавились от ужасной и близкой опасности, угрожавшей нашей религии и законам и самой конституции нашего древнего правительства»³⁹*. Для Тиллотсона, который играл такую большую роль в формировании контуров духовности режима Вильгельма и Марии, действия Якова II полностью заслуживали сопротивления.

Три епископа, наиболее часто признававшиеся в симпатии к вигам, Фаулер, Холл и Хаф, настойчиво защищали право на политическое сопротивление, когда рождавшаяся абсолютная монархия активно искала, как свергнуть правительство. Фаулер, епископ Глочестерский, считал, что сопротивление в таких случаях до недавнего времени защищалось богословами Церкви Англии. Из трудов богословов до гражданской войны Фаулер заключил, что *«ясно, что тогда считали не только законным, но и обязательным предотвратить опасное усиление такой монархии, которая намечает подавлять религиозные и гражданские свободы; и не только оказывать помощь тем, кто присоединялся к тому же плану, но и молить Бога благословить его и благоприятствовать ему»*. Фаулер глубоко верил, что лишь благо людей обеспечивает меру покорности любому правительству. *«Ни одна клятва не свяжет больше, чем чувство долга, согласующееся и совместимое с **salus populi**, благополучием (духовным и мирским) людей, что есть единственная цель всего правительства»*, — доказывал он в 1689 году. Именно на этой основе Фаулер был уверен, что *«любой беспристрастный человек, который компетентно понимает такую природу государства»*, согласится *«лишить короля Якова его титула и права управлять этим королевством»*, согласится, что его действия *«аннулируют наши обязательства перед ним и передают право тому, кто теперь правит нами»*⁴⁰.

Джон Холл и Джон Хаф, два оксфордских ректора и епископы-вильямиты, были менее публичными и плодовитыми в своих заявлениях, а также менее твердыми в своих взглядах. Священник высокой церкви Томас Херн считал, что, несмотря на все его образование и таланты как проповедника, Джон Холл придерживался принципов *«совершенно последовательного кальвинизма и защиты республиканских доктрин»*. Хафа, уволенный ректор, ставший героем событий в колледже Мадлены в 1687 году, Томасом Картрайтом воспринимался как член *«народной»* партии — термин, который столь же описывал идеологические убеждения Хафа, сколь и меру его привязанностей. Так же как Фаулер сделает в печати после революции, Хаф основывал сопротивление Комиссии по развитию духовности в 1687 году на своих политических правах как англичанин, а не на осознании религиозного неуважения. *«Я — единственный пример из всех людей в Англии, которого лишили свободного владения землей, которую он законно купил*

и которой он спокойно владел без каких-либо претензий», — заявил Хоф. Так как это заявление было высказано в весьма трудных обстоятельствах, едва ли удивительно, что после 1689 года он «оказался человеком революционных принципов»; «неумеренным в своих волнениях по поводу чести короля Вильгельма», проводником «интересов вигов»⁴¹.

Саймон Патрик успешный епископ Чичестера и Эли, дошел до «кислых» виговских принципов уже во время революции. В декабре 1688 года он уже провозглашал, что прибытие Вильгельма «освобождает нас от рабства и тела, и души». Далее проповедь за проповедью Патрик повторял свой тезис, что Яков II и его близкие подорвали всю структуру английского государства. Его постоянным рефреном стало то, что *«мы видели, как наши законы бесстыдно нарушались и топтались ногами, что лишь боялись и теряли все наши свободы... Одним словом, мы видели, как саму основу нашего древнего государства разрушали до основания и в большой мере уничтожили»*. Хотя Патрик никогда не сформулировал до конца законченную теорию сопротивления, его упор на «всеобщее согласие» людей в 1688–1689 годах делал ясным, что он считает, будто сопротивление на деле оправдывалось действиями Якова II. Саймон Патрик защищал скорее радикальное, чем консервативное понимание революции. Он не соглашался с простым восстановлением конституции до той, которая существовала до восшествия Якова II на трон. Он надеялся *«увидеть наши и гражданские, и религиозные права и свободы обеспеченными для нас и нашего потомства, какими они еще не бывали со времени появления нашей нации»*⁴².

Джон Мур, вильямит, епископ Норвичский и предположительно один из самых близких к кругу умеренных тори Даниэля Финча, сделал свою позицию по защите сопротивления самой ясной на проповеди, произнесенной в день Карла-мученика*. Мур быстро дал понять смысл своей проповеди, обвинив тех, «кто будет склонять правителей управлять при помощи деспотической власти и не уважать законы и общее благо в своей администрации». Разогревшись на этой теме, Мур выбрал этот малообещающий момент, чтобы позволить всенародное сопротивление. Воз-

* То есть 30 января, в день казни Карла I. В 1660 году по решению соборов в Кентерберии и Йорке этот день был внесен в англиканский церковный календарь как день поминовения Карла-мученика. (Прим. ред.)

ложив высокие стандарты на тех, кто начнет революцию, епископ Норвичский сделал ясным свое мнение, что в некоторых обстоятельствах такое действие оправданно. *«Поэтому лишь присвоение права устранять законы, общее посягательство на собственность и попытка разрушить фундаментальную конституцию общества, — заявлял он в палате лордов, — может разрушить ситуацию и оставить людей свободными заботиться самим о себе»*. Конечно, именно это, как верил Мур, и случилось во время правления Якова II. «Во время последнего короля, — утверждал Мур, — законы, права и свободы нации были до некоторой степени разрушены». При таком идеологическом убеждении едва ли удивительно, что современники особо отмечали не связь Мура с кланом Финча, а «его тесные отношения с партией низкой церкви»⁴³.

Хэмфри Хэмфрис, вильямит и епископ Бангора, не получил никакого упоминания в дискуссиях о Церкви в 1690-х годах. Тем не менее его политические взгляды были явно взглядами вигов. В отличие от клириков высокой церкви, которые прославляли роялистский настрой 1640-х годов, Хэмфрис объявил сторонников Карла I в «слабости и неверии в Бога». Подобно Муру, он использовал возможность памятной службы на смерть Карла I, чтобы ясно сформулировать понимание вигами управления. Согласно мнению епископа Бангора, «главная цель управления — продвигать общественное благополучие и предотвращать любую неприятность, которая может угрожать общей безопасности». Эти утверждения прояснились, когда Хэмфрис поставил «свое знание британских древностей» на службу плодовитому вигу-полемисту Джеймсу Тирреллу. В результате появилась публикация многотомной «Общей истории Англии» Тиррелла, которая стала, по словам одного комментатора, «пропагандистской работой» вигов⁴⁴.

Другим литературным товарищем Тиррелла, который разделял его убеждения вига, был вильямит, епископ Питерборо, Ричард Камберленд. Крупный философский трактат Камберленда «*De Legibus Naturae*» («Законы природы», 1672) стал предметом глубокого научного изучения из-за серьезной связи с идеями Гоббса. Хотя Камберленд в своем трактате не защищал революцию открыто — что было совершенно исключительно в то время — он оставил необычайно много возможностей для обдумывания огра-

ничений королевской власти. Камберленд предложил, что можно или нельзя оправдывать сопротивление, вероятность такого исхода научит монархов не быть тиранами. То, что Камберленд одобрил перевод Джеймса Тиррелла и краткое изложение его доказательств в работе «Краткое описание законов природы» (1692), делает ясным, в каком направлении развивались его политические пристрастия. Согласно его научному биографу, «он позволил проявиться тому, что можно определить как экстремальный взгляд виг на революцию». Тогда неудивительно, что Камберленд страдал от «партийного жара» клириков, высокой церкви, которые находили «принципы» Камберленда и «максимы, по которым он действовал... раздражающими»⁴⁵.

Самым плодовитым и цветистым защитником права на сопротивление был Гилберт Бернет, вильямит и епископ Солсбери. Бернет, как он лично заметил прямо перед тем, как отправился с флотом Вильгельма в 1688 году, целиком оправдывал действия свои и своих товарищей в работе «Исследование пределов повиновения». Он начал свое изложение, как все добрые виги, с утверждения, что *«относительно закона природы все люди рождаются свободными: и их свобода должна предполагаться полной, если только не ограничивается соглашением об условиях и законах»*. В отличие от священников высокой церкви Бернет не верил, что Церковь Англии налагает или может наложить какие-то особые политические обязательства на своих членов. Хотя *«соображения религии действительно ставили подданных под жесткие обязательства платить своим королям соответствующими лояльностью и повиновением»*, он объяснял, что «они вовсе не распространяют эту лояльность дальше, чем велит закон». В результате в Англии становилось ясно, что подданные имеют неограниченное право сопротивляться.

«Нет ничего более очевидного, — восклицал будущий епископ Солсбери, — чем то, что Англия есть свободная нация, которая имеет свои права и собственность, сохраняемые ей многими положительными и четко выраженными законами; значит, если мы имеем право на свою собственность, тогда мы должны таким же образом иметь право сохранять ее: так как эти права по закону оберегают нас от вторжения прерогативы — и, как следствие, мы должны иметь право охранять ее от вторжений».

Если король *«собирается разрушить все основание управления, он разрушает то, на чем зиждется его собственная власть, и, следовательно, сам аннулирует собственную власть; а тогда он перестает быть королем, стремясь разрушить то, на чем основана его власть»*. Снова и снова в памфлете за памфлетом Бернет настаивал, что «прекращение действия законов ударяет по корню всего управления и полностью разрушает его». Неудивительно, что граф Кларендон нашел Бернета в январе 1689 года в состоянии «постоянного ожесточения по поводу смещения короля»⁴⁶.

Современники и ученые находили несообразности в этой позиции и более ранних предостережениях Бернета о сопротивлении, в его частом осуждении религиозного мятежа и его совете в последние минуты Уильяму Расселлу — но в действительности в мыслях Бернета не было противоречий. Он установил высокий стандарт для сопротивления — общее свержение правительства, и это условие было твердо политическим, а не религиозным. Это был «постоянный принцип» Бернета, как правильно подвел итог его сын: «сопротивление вследствие актов несправедливости или подавления незаконно, если при этом не наносится удар по основе конституции». Сам Бернет настаивал, что «принцип, на котором я вырос и от которого я никогда не отходил», заключается в том, «что в случае полного отвержения конституции королю можно оказывать сопротивление».

Бернет вовсе не отступал от своих принципов или принципов, изложенных в «Декларации причин», которую он перевел после того, как Вильгельм и Мария успешно были возведены на трон. В коронационной проповеди Бернет напомнил новым монархам, что их власть — «не абсолютное владычество». Наоборот, новые монархи должны «сделать закон мерой своих желаний», так как «на всех других тропах они часто могут разрываться между несовместимым разнообразием интересов и страстей»⁴⁷.

Близкий друг и литературный сотрудник Уильям Ллойд, который был переведен Вильгельмом и Марией в Личфилд из Сент-Асафа, был несколько более осторожным и проницательным — чтобы не сказать изворотливым, — защитником революционных принципов. Без сомнения, выдающаяся роль Ллойда в Кризисе изгнания убедила его, что идеологическое благоразумие необходимо во время правления Якова II. Ллойд говорил Уильяму Сан-

крофту, что «почти в каждой проповеди» он молится против «мятежа людей». Он планировал информировать правосудие на суде семи епископов, что «святая религия учит нас под угрозой проклятия не восставать против короля, будь он хоть другой религии, будь он хоть враг нашей религии». Однако это указание на недопустимость мятежа по религиозным причинам стало ключом для политических идей Ллойда. Епископ Сент-Асафа, как многие послереволюционные епископы, отрицал, что религия может оправдывать сопротивление. Однако политическая тирания — это другое дело. Поэтому Ллойд был абсолютно прав, настаивая в «Рассуждениях о путях Господа уничтожить королевства», памфлете, излагавшем революционные принципы, что «я не отстаиваю никакой другой доктрины, нежели та, которая получена и принята в Церкви Англии с момента Реформации»⁴⁸.

Ллойд был уверен, что если религиозные предпочтения государственных чиновников не дают основания для мятежа, то тиранические акты короля могут ослабить связи послушания до возможности разорвать их. *«Так как союз людей со своим королем хотя и невозможно разладить без божественного приговора, — доказывал он, — все-таки король собственными действиями может так его ослабить, что он почти исчезнет. Законы — это узы союза между королем и народом: как король удерживает ими свои привилегии, так и народ удерживает свои права и свободы»*. Как оскорбленная жена может обратиться к судье, чтобы расторгнуть брак, так же, утверждал Ллойд, притесняемые люди могут обратиться к иностранному освободителю. Если такой освободитель появится, то притесняемые люди «не только вольны защитить себя, но обязаны присоединиться к нему против своего притеснителя». При этом в глазах Ллойда революция недвусмысленно полезна для Англии. «Проводники сознания нашего короля» до революции «одобряли пример [Людовика XIV] и яростно настаивали, чтобы он следовал ему». Действия Якова II, был уверен Ллойд, вскоре «коснутся наших законов». События 1688–1689 годов, с другой стороны, «сделают нашего короля более справедливым и более склонным править по закону»⁴⁹.

Вильямит и епископ Вустера Эдуард Стиллингфлит с возрастом стал более политически и религиозно консервативным и не испытывал сомнений по поводу защиты права на сопротивление в 1688–1689 годах. Стиллингфлит применил свои обширные зна-

ния по истории и законам, чтобы решить вопрос лояльности. В Англии, был уверен Стиллингфлит, существует обоюдный договор между королем и людьми. «Там, где законы составлены по обоюдному согласию», как в Англии, утверждал он, «они имеют природу всеобщего соглашения между королем и людьми, и обе стороны должны их соблюдать». Таким же образом Стиллингфлит доказывал, что клятвы лояльности не абсолютны в своем обязательстве. «Правило и мера» клятвы лояльности должны проистекать «из общего благополучия», объяснял он, *«так как существует общее благополучие человеческого общества, которым человечество обязано прошлому, тем обязательствам, под которыми оно находится в виде отдельных личностей»*.

Если король правит тиранически, а его действия угрожают фундаментальной конституции, продолжал Стиллингфлит, клятва больше не связывает подданного, который тогда волен сопротивляться. *«Если соблюдение клятвы реально и действительно противоречит благу людей, разрушая фундаментальные законы, которые это благо поддерживают, — указывал он в 1689 году, — я не вижу, как такая клятва продолжает связывать»*. Как разъяснял епископ Вустера, *«хотя подобающее внимание должно оказываться личности королей, все-таки если они объявляют своевольное решение, а не отказываются от него, не следуя своим незаконным желаниям, то я не могу не признать, что при таких обстоятельствах нация свободна позаботиться о собственной безопасности способом, наиболее приемлемым, согласно ее древней конституции»*.

Конечно же, Яков II продемонстрировал именно такое «своевольное решение» при своей твердой защите распределения власти, власти, *«которую ни один богослов Церкви Англии не мог сознательно одобрить... потому что она разрушает законную конституцию нашего государства»*. Альтернатива сопротивлению в таких случаях была полна опасности. Стиллингфлит предупреждал, что *«если мы предположим, что короли действительно получают свою власть непосредственно от Бога, так что на них могут не действовать ограничения законов, и что они могут забирать у законов власть, когда хотят, последствия будут таковы, что не останется безопасности для людей, а следовательно, и для них самих: так как будут присутствовать постоянная зависть*

и недоверие с обеих сторон, что в целом всегда сопровождается фатальными последствиями».

Уступая неprisягнувшим, он соглашался, что Вильгельм и Мария монархи скорее де-факто, нежели де-юре — но он не допускал, чтобы Яков II оставался законным королем. Для Стиллингфлита «король *de facto* — это тот, кто приходит с согласия нации, а не по праву прямого наследования»⁵⁰. Для него королевство де-факто было скорее нормальным, чем исключительным явлением в прошлом Англии. Сопротивление имело освещенную веками историю Англии.

Рядом с этими явными защитниками сопротивления стояли три епископа, чьи взгляды ближе соответствовали ярлыку «умеренных тори», даваемому всем епископам-вильямитам исследователями-ревизионистами. Однако в каждом случае важно отметить, как далеки они были идеологически от пассивного послушания поздних назначенцев эпохи Карла или от активного абсолютизма якобитских предписаний. Томас Тенисон, вильямит и епископ Линкольна, а позднее преемник Тиллотсона в Кентерберии, был очень осторожен, когда дошло до политических заявлений. Но он явно не был абсолютистом. Его высказывание о «благотворных законах, которые являются нервами общества», гораздо более несдержанное, чем любое из произнесенных высокими церковниками. Его правовая критика Комиссии по духовным делам проложила идеологическую дистанцию между ним и такими священниками-тори, как Томас Спрат и Уильям Джейн. В течение 1690-х годов Тенисон все больше приобретал вполне справедливую репутацию сторонника «понимания» и «всего, что способствовало вигам и пресвитерианцам»⁵¹.

Роберт Гроув, назначенный епископом Чичестера в 1691 году, никогда не провозглашал теорию сопротивления. На деле в начале 1685 года Гроув посоветовал участникам парламентского голосования в этом году «быть очень осторожными, чтобы не отдать голос тому, кого вы подозреваете, как минимум, в заразе Билля об исключении». Тем не менее Гроув сохранял твердость и последовательность в своем мнении об абсолютизме. «Король, — заявлял он, — *проигрывает, когда подданный поработен; и он, по существу, имеет куда больше власти, когда располагает сердцами преданных ему людей, чем когда ступает по их спинам*». Он прославлял пар-

ламенты и Готские конституции, хваля Англию за противостояние европейскому стремлению к абсолютизму. *«Парламентский путь обсуждения общественного благополучия издревле использовался в этих частях Европы, и некоторые шаги все еще остаются у большинства наших соседствующих наций, — отмечал Гроув, — но свобода и достоинство этих ассамблей нигде не сохранились так полно, как тут».* В отличие от пассивно послушных людей Гроув настаивал на абсолютном праве иметь разные мнения и на праве на частную собственность. Он настаивал, что *«каждому человеку должно быть позволено высказывать собственное суждение и отличаться от кого пожелает... чувствуя угрозу и страх за эту невинную волюность, что из всех рабств является самым невыносимым».*

«Наилучшая поддержка личной инициативы каждого человека» в Англии, как утверждал Гроув — это уверенность, что *«что бы он ни приобрел в личную собственность, ни один фартинг не будет отнят у него без согласия благоразумных и достойных людей, свободно избранных и пользующихся доверием всей нации».* В начале 1685 года Гроув посоветовал своим согражданам отдать свою судьбу в руки Якова II, потому что тот пообещал сохранить прежнее управление в церкви и государстве. Он предложил, чтобы каждый, заботящийся о «свободе и собственности», справлялся «со своим собственным опытом».

Гроув составил ряд вопросов, которые каждый англичанин должен задать самому себе: *«Был ли он когда-нибудь незаконно посажен в тюрьму? Была ли часть его имущества бесчеловечно вырвана у него? Был ли его дом обстрелян? Были ли ограблены его амбары? Уводили ли скот с его земли? Пострадал ли он от чего-либо от имени власти, что не оправдывалось бы известными законами?»*⁵² Хотя ответы на эти вопросы, без сомнения, для большинства в Англии весной 1685 года были отрицательными, Гроув усиленно настаивал, что сопротивление не может считаться неразумным, если ответы вдруг станут иными. После бесчинств регулярной армии Якова II, чистки королем корпораций и его настойчивости при распределении власти можно предполагать, где лежали чувства Гроува. Но безусловно, Вильгельм и Мария не питали неразумные надежды, что Гроув выкажет лояльность и станет твердым сторонником их нового режима.

Единственный епископ-вильямит, чьи симпатии к тори были очевидны, — это Джон Шарп, архиепископ Йорка. В январе

1689 года Шарп предложил палате общин свои критические комментарии о «распределении власти». Сын Шарпа признавался, что архиепископа «чаще видели в основном одобряющим и признающим принципы [тори] и скорее следующим в их направлении, чем в другую сторону». Тем не менее даже Шарп ставил значительные ограничения на политическое послушание. В мае 1688 года, при рассмотрении второй Декларации об индульгенции Якова II, он доказывал, что «даже наше послушание королю должно распространяться не далее чем *licita et honesta* (дозволенная честность)». Шарп, по словам его биографа, «всегда закладывал законы земли в основание правил и меры послушания»⁵³. Идеологическая дистанция между большинством консервативных епископов-вильямитов и людьми, подобными Томасу Картрайту или Френсису Тёрнеру, была действительно огромной.

Огромное большинство священников-вильямитов не только выражало мнение вигов, они и действовали как виги. Эдуард Стиллингфлит и Джон Тиллотсон, к большому неудовольствию Френсиса Тёрнера, делали все, что было в их силах, чтобы «привести священников Лондона» к принесению клятвы новому режиму. Энтузиазм Тиллотсона относительно нового режима не знал пределов. *«Я благодарю Бога, что дожил до последнего своего желания в этом мире, до этой счастливой революции, — изливался он в письме Уильяму Бентинку в 1689 году, — и теперь я не мечтаю ни о чем больше, как только о ней упрочившейся»*. Граф Кларендон открыл, что Уильям Ллойд «занимался необычайно странным делом, уговаривая священников дать новую клятву». Николас Стратфорд бахвалился своими успехами в рассеивании сомнений людей «в их колебаниях». Саймон Патрик и его друзья взвалили на себя в 1689 году *«множество тревог... пытаюсь разрешить колебания людей по поводу их теперешнего состояния и путем уговаривания, и через написание писем»*. Доктор Гилберт Айронсайд, будущий епископ Бристоля, *«еще до того, как король Вильгельм стал претендовать на получение от конвента права надеть корону, распоряжался клятвой верности королю Вильгельму в Конгрегации в Оксфорде»*. Когда Генри Додуэлл активно выступал в оксфордских кофейнях против дачи клятв новому режиму, Айронсайд намеревался использовать свою власть вице-канцлера, чтобы заставить Додуэлла «убраться из Оксфорда»⁵⁴.

Записи голосования епископов-вильямитов в палате лордов — безоговорочно вигские. Гилберт Бернет, Ричард Камберленд, Джон Холл, Джон Хаф, Саймон Патрик и Томас Тенисон — все они в палате лордов регулярно отдавали голоса вигам. Ни один из назначенных вильямитов не представлял собой надежный голос тори. Николас Стратфорд, епископ Честера, в 1690 году присоединился к Гилберту Бернету и «вигам-пэрам», чтобы добиться отказа от клятвы Якову II от всех чиновников — чего не поддерживали те, кто верил, что Яков II останется королем де-юре⁵⁵. Почти во всех значительных случаях епископы-вильямиты оставались в своих политических взглядах сторонниками вигов.

Как мы видим, епископы-вильямиты весьма отличались от своих предшественников. Они не были умеренными тори; они не занимали умеренных позиций, которые могли бы выглядеть стремлением к соглашательству. Пятнадцать из восемнадцати, назначенных Вильгельмом, заняли позицию вигов. Одиннадцать из восемнадцати — ясно отстаивали право на сопротивление. Только Джон Шарп, Николас Стратфорд и Эдуард Джоунз не выступали явно на стороне вигов. Шарп, несмотря на все признаки, что он займет позицию вигов, стал лидером епископов-тори. Стратфорда и Джоунза оказалось трудно определить.

Политическая позиция епископов-вильямитов как сторонников вигов предполагает поворот во взглядах значимой с культурной точки зрения части священничества. Громкие обеты лояльности от людей пассивного послушания в 1680-е годы могли заглушать взгляды более молодых клириков. Конечно, Джон Гадбери в 1685 году определил, что «мы имеем нескольких настоящих протестантских иезуитов в Церкви Англии, как и в любой церкви во Франции, Италии, Испании» — людей, чьи политические взгляды настолько же опасны, как у «самых гнусных диссидентов». Но произошедшее с режимом Якова II убедило многих пассивно послушных людей пересмотреть свои политические взгляды. «Те английские богословы, которые проповедовали пассивное послушание и несопротивление, в основном осознали, что их убеждения были ошибочны», — записал в 1690 году член шотландской епископальной церкви священник Роберт Кирк после месяцев дискуссий с английскими богословами. Эти люди теперь понимали, что *«хотя, согласно вероисповеданию, никакие отличия в религии короля, его личных суждениях и практике не могут ан-*

нулировать связи подданных с ним, все-таки, когда король пытается разрушить управление и фундаментальные законы нации, он больше не выглядит как враг дьявола и защитник законов и своих подданных, а скорее как всеобщий разрушитель».

Теперь же партия вигов стала намного обширнее, чем партия диссидентов и их друзей. Революция продемонстрировала, что политические принципы многих англиканских клириков драматически трансформировались. *«Я могу лишь удивиться, что епископы Церкви Англии так изменились с дней благочестивого восхваления. Тогда это были покорность и послушание, теперь это сопротивление и мятеж»,* — стонал один высокий священник сразу после революции. Теперь стало ясно, *«что многие из них были вигами или республиканцами в государстве и это были именно люди Церкви Англии, а не обычные фанатики в делах духовных»⁵⁶.*

Многие клирики, вероятно, были убеждены, что они не понимали политических обязательств при Карле II и Якове II — но многие, что более вероятно, проявляли давно сложившиеся взгляды. Революция в политической власти оказалась больше огромного количества перемен в политических мнениях внутри Церкви Англии. Вильгельм и Мария откровенно предпочитали людей низкой церкви — клириков, чьи политические убеждения делали их подозрительными при режимах Карла II и Якова II. Эти люди, согласно словам Гилберта Бернета, который относил себя к ним, верили, *«что послушание и повиновение, которые устанавливают наши законы, люди наших королей должны давать им сознательно».* *«Но, — продолжал Бернет, — если введенный в заблуждение король решит разрушить нашу конституцию и вертеть законами в свое удовольствие, [священники низкой церкви] считают, что, раз Бог предоставляет лечебное средство, его следует принять со всей возможной благодарностью».* Товарищи Бернета, священники низкой церкви, были убеждены, что *«у законодательной власти существует право поставить Корону на место и обезопасить нацию».* В отличие от своих предшественников в высокой церкви эти священники *«знали, что право не неизменно или неоспоримо, так как оно основано на законе».*

При широте таких политических мнений в среде епископов-вильямитов едва ли удивительно, что их возвышение и новые назначения *«во многом служили, чтобы убрать ревность, так как*

некоторые другие шаги, которые предпринимал король, начали возбуждать ее в вигах и очень сильно смягчали плохое настроение, которое распространялось в их среде»⁵⁷. В итоге Вильгельм и Мария создали в значительной степени виговский епископат.

* * *

Те, кто подчеркивает соглашательную природу Церкви Англии до и после революции 1688–1689 годов, настаивают не только на политическом консерватизме священничества, но также на их духовной стойкости. Священники низкой церкви, как говорят нам эти исследователи, не симпатизировали диссидентам. Они хотели принудительной и единой национальной церкви. Понимание и компромисс с умеренными диссидентами внутри церкви стали кротким ликом англиканских гонений. В таком толковательном контексте эти священники были, согласно одному из указанных исследователей, «ударным отрядом» принуждения⁵⁸.

Внимание к содержанию религиозных дебатов и до, и после революции раскрывает нам большую идеологическую раздробленность церкви. Те представители низкой церкви, которые стали епископами-вильямитами, в подавляющем большинстве поддерживали и более открытую церковь, и большую терпимость вне этой церкви. Каково бы ни было их отношение к диссидентам в 1660, 1670 и 1680-х годах, большинство новых епископов уже к концу 1680-х годов пришли к решению поддерживать более спокойное отношение. Их позиция оказалась в полном противоречии с позицией высокой церкви, представители которой были предреволюционными епископами и отказывались принять какие-либо модификации в Церкви Англии и любое проявление терпимости к диссидентам, — и с умеренным торизмом некоторых революционных клириков, таких людей, как Джон Шарп и Генри Комптон, которые могли принять более широкую Церковь Англии, но были противниками терпимости.

Священники высокой церкви всегда презирали многообразие внутри церкви и терпимость вне ее. Хотя клирики эпохи Реставрации долго использовали эрастианскую* аргументацию для

* Эрастианство — направление в протестантизме, названное по имени немецкого теолога, философа и врача Томаса Эраста (1524–1583), согласно которому церковь не должна иметь никакой власти над своей паствой, помимо духовной, и во всех гражданских вопросах обязана подчинять-

доказательства того, что религиозный плюрализм неизбежно ослабляет государство, в 1670-х годах они начали развивать и теологические доводы против многообразия. Многие доказывали, что «принуждение — это позвольительный и эффективный инструмент образования и убеждения». Эта линия рассуждения «развивалась по мере существования режима Карла». Она стала «характерной» позицией «нового движения высокой церкви, которая достигла зрелости в десятилетие после 1675 года». Те высокие священники, которые стали доминировать в церкви и епископальных епархиях в 1680-х годах, не выносили более расширенной церкви; они сопротивлялись любой перемене в построении литургии. «Для высоких священников, — метко заметил один исследователь, — понимание было ханжеством, способствующим разрушению церкви». Хотя правда, что Уильям Санкрофт начал дискуссию о понимании в 1688 году, он сделал это с неохотой. Именно «лондонские клирики» — люди, подобные Тиллотсону, Гроуву, Фаулеру, Стиллингфлиту, Стратфорду, Киддеру и Тенисону, — «терпеливо оказывали давление на архиепископа и победили его, вынудив совершить серьезную попытку сформулировать программу понимания». Однако эта попытка могла оказаться, как по крайней мере заключил один комментатор, не «подготовленной для осуществления значительных уступок диссидентам»⁵⁹.

События 1688–1689 годов быстро и радикально изменили ситуацию. В январе 1689 года Стиллингфлит, тогда настоятель собора Сент-Пол, собрал встречу, «чтобы обсудить такие уступки, которые могли бы привести диссидентов в наше сообщество». Кроме Стиллингфлита во встрече участвовали Патрик, Тиллотсон, Ллойд, Тенисон и близкий друга Киддера, Эдмунд Придо. Все, кроме последнего из них, получили от Вильгельма и Марии повышение по службе. Их встреча закончилась составлением «десяти или одиннадцати пунктов» парламентского билля для включения религиозных диссидентов в Церковь Англии.

Тиллотсон и Стиллингфлит, конечно, имели долгую историю работы над планами достижения понимания. Патрик едва сдер-

ся государству. Эрастианство стало одной из основ англиканства — однако вовсе не таким образом, как желал Эраст. Вместо превращения церкви в один из общественных институтов, а религии — в частное дело граждан церковь была сделана государственным институтом, и подчинение ей также стало государственным делом. (*Прим. ред.*)

живал свой энтузиазм по поводу уступок диссидентам, заявляя, что «я не вижу, как мы можем провалиться и не прийти к успешному соглашению». К неудовольствию Кларендона, он обнаружил, что Тенисон очень «оптимистичен» по поводу «достигнутого понимания». Уильям Ллойд также был «глубоко погружен в этот проект понимания». Ричард Киддер, который был близок всем тем, кто совещался в доме Стиллингфлита в январе, утверждал, что «теперь внесение таких изменений, какие предложены, — абсолютно необходимый шаг, с которым нельзя было дольше медлить». Лорд Йестер был, безусловно, прав, сообщая своему отцу, что *«существуют большие расхождения среди всех рассудительных людей, даже среди лучших клириков, по поводу уступок во всем, что может стать рационально предложено, чтобы допустить всех протестантских диссидентов в церковь»*⁶⁰.

Однако сохранение идеологических расхождений внутри самой Церкви Англии разрушило план достижения понимания. «Некоторые из высоких священников», быстро осознал лорд Йестер, оставались твердыми противниками любого достижения взаимопонимания с диссидентами. В то время как клирики, наиболее тесно сотрудничавшие с кругом Финча, неотступно следовали великодушному плану понимания, граф Ноттингем сам составил билль, заключавший несколько уступок диссидентам, которые он хотел бы сделать «девять или десять лет тому назад». Ограниченный билль продемонстрировал убежденному диссиденту Роджеру Моррису, что «торизм уж очень распространен». После напряженных и глубоко фанатичных дебатов в обеих палатах парламент весной 1689 года не принял билль о понимании. В результате из двух запланированных биллей о понимании и веротерпимости только Акт о веротерпимости прошел как закон⁶¹. Таким образом, пока Ноттингем и тори разрабатывали ограниченный план для понимания, будущие епископы-вильямиты стремились к достижению гораздо более широкого взаимопонимания с диссидентами. Однако священники низкой церкви исполняли свои роли ударных войск преследования очень плохо.

Большие расхождения между клириками высокой и низкой церковью продолжали подтачивать планы по предоставлению места диссидентам внутри и вне Церкви. В попытке оживить планы достижения понимания до встречи Совета осенью 1689 года Вильгельм III уполномочил *«нескольких епископов и других людей рас-*

смотреть такие изменения в литургии и прочем, которые могли бы дать некоторое удовлетворение диссидентам». Хотя для участия в дискуссиях в Иерусалимской палате* был приглашен ряд клириков, между ними быстро выплыли глубокие расхождения. Высокие священники — включая Уильяма Джейна и Генри Олдрича, — «то не появлялись, то вскоре увели других своих собратьев, исходя из высоких соображений, что никаких изменений не может быть сделано или, по крайней мере, что сейчас не подходящее время делать их». Их действия заставили обычно мягкого Томаса Тенисона сурово осудить клириков высокой церкви за их «узколобость». Напротив, выдвиженцы Вильгельма оказались замечательно усердными и продуктивными в своих усилиях. Патрик, Гроув, Бернет, Стиллингфлит, Тиллотсон, Киддер, Стратфорд, Шарп, Тенисон и Ллойд активно работали и охотно участвовали в обсуждении плана⁶².

Собор, всеобщий съезд священничества Церкви Англии, обеспечил еще одну ступень для идеологического конфликта. Когда он начался 21 ноября 1689 года, председатель верхней палаты Генри Комптон в должное время призвал священников «принять во внимание изменение Общей молитвы в пользу диссидентов и выразился довольно открыто по этому вопросу». В нижней палате, однако, клирики избрали представителя высокой церкви Уильяма Джейна, несмотря на усилия Вильгельма III и Джона Шарпа продвинуть на это место Джона Тиллотсона. Результат оказался предсказуем. *«Несмотря на все усилия доктора Тенисона, Фаулера, Киддера и им подобных, — вспоминал один наблюдатель, — притворное радение о Церкви и химерические страхи опасностей, которые возникнут из этого желаемого союза, были таковы»,* что ничто не смогло заставить птиц высокого полета «отбросить свою неистовую злобу ради их христианских собратьев». Пожизненный придворный сэр Чарльз Коттрелл описал действия партии высокой церкви на Соборе такими же словами. *«Многие наши священнослужители [на Соборе] проявили себя такими негибкими, — возмущенно писал он своему другу сэру Уильяму Трамбуллу, — что не потрудились сделать ни малейших изменений, как будто церковь должна была немедленно пасть, если малейшая*

* Иерусалимская палата — покои в Вестминстерском аббатстве, выходящие на его западный фасад. Названы так из-за гобеленов, изображающих жизнь Христа в Иерусалиме. (Прим. ред.)

капелька ее обрядов будет изменена, хотя король дал все возможные заверения в своей верности Церкви Англии»⁶³.

Дебаты о понимании в парламенте, Иерусалимской палате и в Совете выявили глубокие расхождения между партиями высокой и низкой церковей. Высокие священники, включая Ноттингема, не желали вносить какие-либо существенные изменения в литургию, чтобы приспособиться к диссидентам. Низкие священники, включая почти всех тех, кто получил должности от Вильгельма и Марии, были рады изучить любые формы компромиссов с диссидентами.

Хотя многие епископы-вильямиты в 1670-х и 1680-х годах высказывались в пользу единообразия — большое их число, как подозревали, под сильным давлением власти — после революции они проявили замечательную склонность поддержать диссидентов, в частности, и религиозную терпимость, в общем. Для епископов-вильямитов взаимопонимание не являлось формой подавления: оно было частью программы одновременно и расширения Церкви Англии, и развития английской политической нации. Эти клирики низкой церкви хотели уничтожить доктринерские барьеры для членства в составе церкви, при этом фактически ликвидируя такие барьеры для членства в составе политической нации.

Многие епископы-вильямиты имели тесные связи с диссидентами. Даже те епископы, чья последующая репутация не особенно ассоциировалась с дружелюбностью к религиозному диссидентству, на самом деле имели старые и глубокие связи с диссидентским сообществом. Отец Джона Шарпа «ничуть не был склонен к пуританизму, согласно нраву тех времен, и не испытывал сильного расположения к парламентской партии» в гражданскую войну. Когда будущая теща Шарпа, пресвитерианка, спросила великого пресвитерианского проповедника Бакстера его мнения о предполагаемой партии, он ответил, что он испытывает к Шарпу такое «уважение», что, «если бы речь шла о его собственной дочери, он не отказал бы в ней Шарпу». Роберт Гроув был племянником выдающегося диссидента из Хэмпшира Томаса Гроува. Будучи капелланом епископа Лондона, Гроув оказался «единственным человеком», пожелавшим разрешить напечатать работы Бакстера во время режима Карла II. Гроув от сердца говорил про диссидентов «я люблю их как людей, и особенно как христиан» или указывал, что Эдуард Стиллингфлит находился среди пла-

кальщиков на «месте похорон жертвы изуверского убийства возле Артиллерийского двора» — Банхилл-филдз — в Лондоне, когда в 1682 году хоронили диссидента-богослова Джона Фэрклафа⁶⁴. Такой поступок в разгар реакции тори демонстрировал и общественный, и личный акт симпатии.

Связи других епископов-вильямитов с диссидентским сообществом удивляли меньше, но были не менее глубокими. Отец Эдварда Фаулера был изгнанным пресвитерианским священником из Уэстерли в Глочестершире. Дружеские отношения этой семьи, без сомнения, познакомили его с Ричардом Бакстером, с которым он переписывался и который считал его «очень талантливым рассудительным конформистом». Когда Уильям Ллойд стал настоятелем церкви Святого Мартина-в-Полях, Бакстер настолько одобрил его мнения, что пригласил Ллойда регулярно проповедовать в его собственной церкви на Оксенден-стрит.

При переводе в Сент-Асаф Ллойд расширил свое общение с диссидентами. Он провел дискуссии с рядом диссидентов в своей епархии и вскоре подружился с несколькими квакерами. Действительно, в своих мемуарах квакер Ричард Дэвис посчитал «стоящим упомянуть о нескольких добрых делах для наших страдающих друзей, которые совершил епископ Ллойд в некоторых своих епархиях». Мать Ричарда Киддера «имела прозвище Пуританка, которое прилипло к ней». Сам Киддер посещал знаменитый своим пуританством Эммануэль-колледж, где его обучал конгрегационалист, друг Новой Англии, Самюэль Крэддок. Отец Саймона Патрика тоже «получил прозвище Пуританин». Джон Холл, ректор Пембрук-колледжа, имел в Оксфорде репутацию пресвитерианца и после революции, как стало известно, позволил «Томасу Гилберту, независимому неконформисту» преподавать студентам в Пембруке⁶⁵.

Вильямит и архиепископ Кентерберийский Джон Тиллотсон имел долгие и глубокие связи с диссидентством. Отец Тиллотсона был пуританином и торговцем мануфактурой, который «очень рано» стал анабаптистом. Его «первое образование и впечатления, — вспоминал его близкий друг Гилберт Бернет, — получены среди тех, кого тогда называли пуританами». Учителем Тиллотсона в Клэр-Холле оказался пресвитерианец Дэвид Кларксон. В Кембридже будущий архиепископ «изучал Завет и считался прекрасным молодым человеком, подающим большие надежды на

исполнение добрых дел по благословенным поводам и для них». В конце 1661 года Тиллотсон все еще считался пресвитерианцем. Он пользовался покровительством диссидента сэра Самюэля Бернардиона и бывшего кромвелевского поверенного генерала Эдмунда Придо. Всю свою карьеру Тиллотсон «обычно» передавал «большинство публикуемых им отрывков мистеру Джону Хау», влиятельному пресвитерианскому священнику. Неудивительно, что высокий священник Оксфорда Томас Херн вспоминал Тиллотсона как «этого фанатичного прелата»⁶⁶.

Гилберт Бернет имел глубокие семейные связи с пресвитерианством. Мать Бернета была «горячей фанатичкой и дисциплинированной пресвитерианкой». Отец Бернета, шотландский юрист, хоть и не был пресвитерианцем, высказывался о своей не любви к шотландским епископам и «обычно его считали пуританином». Первая жена Гилберта Бернета, леди Маргарет Кеннеди, была женщиной, чьи «симпатии вполне склонялись к пресвитерианству». При таких шотландских корнях едва ли удивительно, что, когда Бернет приехал в Англию, он не только сошелся с клириками низкой церкви вроде Уильяма Ллойда, Эдуарда Стиллингтона и Джона Тиллотсона, но стал близок с Ричардом Бакстером⁶⁷.

Епископы-вильямиты не только поддерживали планы обеспечения взаимопонимания, которые предоставляли бы реальные уступки диссидентам, они не только имели близкие и прочные связи с диссидентской общиной — большинство епископов-вильямитов стали защитниками религиозной терпимости. Для них взаимопонимание не являлось лишь мягким лицом преследования, а было частью программы одновременного привлечения сколь можно большего числа диссидентов в Церковь и терпимого отношения к тем, кто избрал путь остаться вне ее.

Тиллотсон был искренним в своем противостоянии религиозным преследованиям. Он верил, что *«сознание каждого человека — это нечто вроде Бога для него... И поэтому мы должны проявлять величайшую осторожность, чтобы не погрешить против света и убеждения нашего собственного разума»*. Конечно, сознание нельзя изменять какой-то внешней силой. «Ничто не может выдать [наше сознание] из нас, хотим мы этого или нет», — заявлял Тиллотсон. В результате принудительное религиозное единообразие — это иллюзорная цель. Следствием преследования такой цели — во многом это была цель Гилберта Шелдона, Уильяма

Санкрофа и предшественников Тиллотсона — стало возникновение религиозных раздоров. Снова и снова Тиллотсон обвинял создателей религиозных партий. Существовали люди, которые «так завидовали всяким мелочам», что «отрицали более весомые вещи: закон, доверие, милосердие, рассудительность и любовь Бога». Существовали люди, которые «распалая наши ненужные расхождения в более мелких вещах, способствуют ослаблению религии». Проще говоря, эти люди возбуждают в нации «гнев и враждебность». Тиллотсон надеялся, что, раз религиозные расхождения оказывались такими разрушительными для *«мира и счастья этой церкви и нации, эти названия и отличительные особенности партий должны быть отложены и уничтожены навсегда»*. Эти соображения сделали Тиллотсона надолго защитником «понимания тех диссидентов, которых можно привести в церковь, и терпимости для остальных»⁶⁸.

Тиллотсон, который с начала 1689 года давал Вильгельму и Марии советы по поводу церковных назначений, задавал тон всей остальной скамье вильямитов. Нидерландский протестант Филипп фон Лимборх чувствовал «ту же убежденность» по поводу отношения Гилберта Бернета к терпимости, как было и с Джоном Локком. Именно опыт Бернета в Объединенных провинциях в 1660-х годах «научил» его «этому мощному принципу всеобщего милосердия и хорошего отношения к тем, кто отличался от него». Снова и снова всю свою переменчивую карьеру Бернет утверждался в этом сложившемся принципе. Поэтому он с чувством триумфа приветствовал Акт о веротерпимости 1689 года. *«Благодарю Бога за него, — вскричал он с кафедры в ноябре 1689 года, — положен конец всем преследованиям по поводу совести; а это первое и главное право человеческой природы. Следование велению сознания при службе Богу теперь безопасно для всех людей среди нас»*. Бернет оставался защитником «терпимости и мягкого обращения с диссидентами» — хотя и знал, как сильно бесят эти призывы высоких священников.

Уэльсец Уильям Ллойд имел такую же историю отношения к терпимости. Еще будучи лондонским приходским священником в то время, когда практиковалось оправдание религиозного насилия, Ллойд терпеливо объяснял, что *«совершенно неразумно заставлять человека менять свои суждения о вещах, которые не причиняют вреда никому, кроме него самого, и особенно в таком*

значимом деле, как религия». Ллойд гордо докладывал в палате лордов, что «ни наша религия, ни наша церковь не имеют духа преследования». Во время суда над семью епископами он сообщил священнику Санкрофта Генри Уортону, что его вынуждали *«добывать признания о здравомыслящих и благочестивых диссидентах в Церкви, чего хотели так сильно; увольнять даже тех, кто упорно отстаивал отмену Карательных законов»*. После принятия Акта о веротерпимости Ллойд дал понять, что он «удовлетворен им»⁶⁹.

Саймон Патрик, следующий епископ Чичестера и Эли, обычно используется в качестве примера сторонника понимания и противника терпимости. Но ранние работы Патрика показывают, что даже клирики низкой церкви не переносили диссидентов. Безусловно, необыкновенно популярная работа Патрика *«Дружеские дебаты между двумя соседями»* (1668) дает материал и для таких выводов. Однако опыт следующих двух десятилетий убедил Патрика «стать более умеренным». К 1688 году он начал необычайно скептически относиться к религиозным преследованиям. В одной проповеди он спросил свою аудиторию: *«Как может один тип людей по праву судить, осуждать и приговаривать всех остальных? Почему у других нет такой же власти над ними? Или тогда не останется ничего, лишь ругань и проклятия по всему христианскому миру?»* Патрик считал, что *«мы должны воздерживаться от того, чтобы судить тех, кто не придерживается нашего мнения или действует не так, как мы, если они делают что-то хорошо»*. Совесть человека должна быть свободной, так как «секреты людских сердец не подпадают под нашу компетенцию».

После революции он повернулся к терпимости более открыто. К несчастью, Патрик пришел к вере в иллюзорную и разрушительную цель: *«Люди не различаются больше своими лицами, чем рамками своего понимания, и потому мы не должны тратить наши усилия на то, чтобы заставить всех людей думать одинаково; потому что на это невозможно повлиять»*. Перед палатой лордов Патрик обвинил своих собратьев по Церкви Англии в «крайней жестокости по отношению к тем, кто отличается от них в некоторых деталях, хотя по большому счету они вполне приемлемы». Он стал защитником терпимости и на деле, и в речах. Во время правления королевы Анны он голосовал против «Билля о временном согласии», введившего наказание для диссидентов, которые

вошли в англиканское сообщество, но продолжали посещать свои диссидентские церкви, потому что это «являлось нарушением Акта о веротерпимости, принесшего нам долгий мир, покой и любовь»⁷⁰.

Огромное большинство епископов-вильямитов разделяло убеждения о терпимости, выражаемое Тиллотсоном, Ллойдом, Бернетом и позднее Патриком. Гилберт Айронсайд, следующий епископ Бристоля и Херефорда, всю жизнь являлся оппонентом священников высокой церкви и защитником единообразия Джона Фелла. На максимуме активности тори Айронсайд доказывал, что неизбежность религиозного многообразия может сделать терпимость «не только законной, но и необходимой». «Что касается церемоний и обстоятельств, — риторически вопрошал он, — кто будет настаивать на них, чтобы привести к расколу?» При таких убеждениях стало абсолютно предсказуемым отстранение Айронсайда от должности капеллана в церкви Всех Душ Джоунесом Простом, противником терпимости и врагом Джона Локка. Томас Тенисон всю жизнь защищал свободу совести. «Нельзя подвергать насилию сознание ни одного человека, — доказывал он, — так как это вне сил человеческого существа». Ричарда Киддера, вильямита и епископа Бага и Уэльса, Бернет считал «очень умеренным человеком» и поэтому подходящим для вига графа Бедфорда — несомненно, отчасти из-за оппозиции Киддера религиозному преследованию. «Святой Павел ясно говорит нам, что среди вас могут находиться еретики», — объяснял Киддер своим лондонским прихожанам; поэтому «бесполезно делать вид, что есть средство против этого дьявола, против которого не имел средства сам Бог». В другой лондонской проповеди Николас Стратфорд высказал одобрение ведущему дневник диссиденту Роджеру Моррису, посоветовав «церкви, так как это в истинных ее интересах, хорошо разобраться и воссоединиться с неконформистами-диссидентами».

Позиция Стратфорда заключалась в том, что, хотя диссиденты и «ошибаются, это не упорная ошибка... и весьма действенно внедряется правильное понимание». Эдуард Фаулер, еще один оппонент «Билля о временном согласии», будучи епископом Глочестера, оставался сторонником свободы совести. *«Я не могу до конца постигнуть, как любой хорошо думающий человек может допустить такую грубую мысль, что просто по чьим-то оценкам его ума он несостоятелен в полемических вопросах»,* — утверждал

Фаулер. Со своей обычной дерзостью он писал: *«Со своей стороны, я заявляю, и мне все равно, кто узнает об этом, что я всем сердцем люблю здравомыслящего и мирно настроенного нонконформиста — настолько, насколько конформист я сам»*⁷¹.

Еще два епископа-вильямита были несколько менее активными сторонниками терпимости. Джон Шарп, несмотря на дружбу с Тиллотсоном и общение с диссидентами в течение всей жизни, в 1690-х годах становился все более надежным союзником высокой церкви. В отличие от большинства назначенных Вильгельмом он «целиком был за введение акта о временном согласии и поддерживал его везде, где его предлагали». Эдуард Стиллингфлит, который создал свою репутацию публикацией трактата «*Irenicum*» («Миротворчество») — академического и сдержанного призыва к толерантности по отношению к диссидентам — также, похоже, отступил от своей прежней поддержки понимания и терпимости. Стиллингфлит сознательно отстранился от «*Irenicum*». Тем не менее его идеологическое отступление не было полным. Он выступал против «неограниченной терпимости», но оставлял место для более ограниченной индальгенции. После революции он все еще критиковал жесткую настойчивость высокой церкви относительно единообразия и доктринерской чистоты. «Дух любви и здравого ума, — утверждал он, будучи епископом Вустера, — состоит в том, чтобы отложить в сторону личную враждебность и раздражение ради общественного и общего блага»⁷².

Эти два исключения в списке епископов-вильямитов — если они действительно являются исключениями — лишь подтверждают правило. Когда Вильгельм и Мария предпочли этих двух богословов, они имели веские причины считать, что эти люди поддержат их программу внедрения веротерпимости. То, что Шарп и Стиллингфлит оказались умеренными консерваторами, показывает, что идеологические установки отдельных личностей не всегда предсказуемы — а не то, что Вильгельма и Марию вверили епископату умеренных тори или что новые монархи не смогли найти более толерантных священников.

Недавно исследователи осветили границы отношения нового режима к терпимости. Акт о веротерпимости, как часто указывают, не распространялся на римских католиков. Действительно, многие ученые настаивают, что сама революция основывалась на яростном антипапизме. Тем не менее есть достаточные основания ве-

рить, что при всех их риторических выпадах против «папизма» многие епископы-вильямиты не испытывали такой уж враждебности против римских католиков. Гилберт Бернет, обычно принимаемый за самого яростного английского оппонента католицизма, на деле выступал в своих молитвах за умеренность и терпимость. Накануне отплытия Вильгельма в Англию он отмечал в личных записках: *«Меня не одолевает злоба и не ведет дурное рвение против папства. Я люблю всех людей, которых любит Бог, и считаю, что так жить правильно. Я безгранично верю в доброту того Бога, которого я люблю, чье милосердие я никогда не ограничиваю до какой-то формы, партии или религии; и поэтому я не из тех, кто проклиная всех папистов — ведь я знаю очень многих добрых и религиозных людей среди них»*.

Действительно, известный рассказ Бернета о его путешествиях в Европу после высылки из Англии наполнен похвалами католическим правителям и умеренности папы и папской политики. Он сохранил свое презрение к иезуитам — сообществу, которое Бернет в другом месте отметил как «порицаемое в самом Риме за свою жестокость». Фактически во время Кризиса Исклучения Бернет делал все, что мог, чтобы предотвратить казни приговоренных римских католиков. В 1687 году в своем утверждении, настолько же предписывающем, насколько и описательном, он настаивал, что «прекращению всех строгостей» против католиков легко подчиняется огромное большинство англичан. И от этой позиции он не отошел, оказавшись у власти. На гребне победы, в декабре 1688 года, Бернет молился, говоря *«мы все христиане, и поэтому мы должны любить не только своих братьев, но и врагов и наших преследователей и, таким образом, побороть их зло добром»*. При особом отношении к римским католикам Бернет просил, что хотя *«мы открыто выступили против несправедливости и жестокости наших врагов, мы управляем, поступая по тем правилам, по каким мы хотели бы, чтобы поступали с нами»*⁷³.

Другой епископ-вильямит, Уильям Ллойд, которого Вильгельм и Мария перевели в Личфилд, обычно связывается с ярыми нападениями на римский католицизм. И все-таки он тоже делал различие между «папством» и католиками. Проблема, указывал Ллойд, состояла в том, что «среди невежественного простонародья ходит много фальшивых и грубых понятий о папстве». Для Ллой-

да «самой главной вещью в папстве» было утверждение политической и духовной власти папы в Англии. Так как он считал, что право папы смещать королей было уничтожено в Англии задолго до Реформации, Ллойд не разделял раннепротестантский взгляд на мир. Ллойд отрицал, что существовала какая-то великая эсхатологическая борьба между римскими католиками и протестантами, так как, по его собственным наблюдениям, многие католики *«признаются своими протестантскими соседями честными, благонамеренными людьми, так что с ними нельзя быть суровыми без крупной и очевидной причины»*. В Нидерландах, указывал Ллойд, римские католики были лояльными к государству, даже когда это государство сражалось с католическим врагом. В отличие от взгляда, развивавшегося Джоном Фоксом и повторенного в раннестюартовской полемике, Ллойд считал, что ни казни протестантов в Англии во время правления Марии Стюарт, ни Варфоломеевская ночь в Париже не являются свидетельством вероломства католиков. Это были политические акции. «Если бы все они принадлежали к одной религии, — настаивал Ллойд, — варварское насилие не было бы менее жестоким». Отсюда Ллойд предлагал, чтобы Англия обращалась с теми, кто предпочел католическую теологию, иначе, чем с теми, кто верит в политическую власть папы. Хотя те люди, что отрицают верховную власть папы, *«верят в те же самые ложные догматы и используют те же самые суеверные и идолопоклоннические обряды, что и паписты; соблюдают те обряды, которые придумал сам папа, и поэтому определенным образом связаны с ним, но эти догматы и ритуалы не совсем папские»*. Терпимость к таким католикам, заявлял Ллойд, *«согласовывалась с безопасностью королевства и с послушанием правительству, а также со справедливостью деловых связей и любовью соседей»*⁷⁴.

Хотя неудача с включением католиков в сферу действия Акта о веротерпимости обернулась реальным ограничением свобод, гарантированных революцией, идеологические обязательства епископов-вильямитов основательно изменили природу католического опыта. Уильям Ллойд хвастался, что римские католики «более свободны при короле Вильгельме, чем при любом протестантском короле со времени Реформации». Неудивительно, вероятно, что виг, историк и епископ Уайт Кеннет согласился с этим, заявив, будто *«не только с иностранцами, но и с англичанами-па-*

тистами обращались с такой мягкостью, как если бы они тоже реально приобрели что-то от революции». Когда француз Генри Миссон описывал английскую религиозную ситуацию 1690-х годов, он удивлялся «всеобщей терпимости», которой пользовались католики в Англии, несмотря на официальные ограничения. «Все миряне среди них имели полную свободу совести, торговли и проживания», — отметил Миссон. Эта ситуация смотрелась для него полным контрастом с условиями существования протестантов «во Франции, Испании или Италии».

Это не была просто партийная полемика. Генеральная ассамблея католического священничества в Англии записала, что после «неожиданной революции» они, к своему удивлению, обнаружили, что «правительство достаточно дружелюбно к католикам и к отправлению их религии». «Если мы отразим все обстоятельства, при которых» принимался Акт о веротерпимости, соглашался католический юрист конца XVIII века и сторонник активизма Чарльз Батлер, «мы должны признать, что главное дело гражданской свободы достигнуто в значительной степени им»⁷⁵.

Мнение о том, что священники низкой церкви, ставшие епископами после революции, были враждебны к диссидентам, не подтверждается свидетельствами. Подавляющее большинство назначенных Вильгельмом и Марией епископов были сторонниками и понимания, и терпимости. Они создали религиозный климат, в котором не только протестантские диссиденты, но даже римские католики пользовались религиозной свободой. Конечно, правда, что эта религиозная свобода была не столь значительна. Случались периоды, в которые клич, что церковь находится в опасности, раздавался с реальной силой. Но то был клич высокого священничества — духовной партии, отстраненной от высших постов в Церкви Англии при революции.

Глубокие расхождения, которые разделяли Церковь Англии внутри себя, стали очевидны еще во время правления Якова II. Хотя епископы, назначенные Яковом II и Карлом II, отличались по своему отношению к проблеме взаимоотношений королевской власти и церкви, они разделяли антипатию к политическому сопротивлению власти и к терпимости как внутри, так и вне церкви. Однако они не обладали полным контролем над церковью. Многие более молодые богословы внутри Церкви создали мощную социальную сеть и выработали кодекс идей, которые отличали их от

коллег. Эти клирики низкой церкви, люди, приобретшие значительный авторитет своими литературными ответами на бешеные атаки французской католической пропаганды во время правления Якова II, в общем и целом отстаивали законность и право на политическое сопротивление. Они призывали и к более доступной церкви, и к большей свободе для людей вне ее. Эти люди помогли выковать революцию и немедленно были вознаграждены Вильгельмом и Марией епископскими постами.

Революционеры, которые приняли участие в событиях 1688 года, обладали амбициями и проработанной системой ценностей. Они не отозвались догматически на неожиданный кризис. Наоборот, революционеры использовали возникший момент, чтобы осуществить альтернативную модернизацию вместо той, которую пытался проводить Яков II со времени своего восшествия на престол.

Революционеры преобразовали английскую иностранную политику, переориентировав экономические действия английского государства, они также радикально изменили идеологические и духовные приоритеты англиканской церкви. Однако их программа была партийной программой. Хотя виги и осуществляли общее дело с тори, свергая Якова II, тори не разделяли ни одного из их революционных пристрастий. Впоследствии революционные достижения вигов оказались хрупкими и были поставлены под сомнение в начале 1690-х годов. К счастью для вигов, Яков II и его союзник Людовик XIV в 1696 году дали им возможность консолидировать свои идеологические достижения. И виги активно ухватились за нее.

Часть IV

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Глава четырнадцатая

Заговор, ассоциация и консолидация революции

В девять часов вечера 14 февраля 1696 года какой-то человек потребовал срочно допустить его в комнаты к графу Портленду в Уайтхолле. Будучи допущенным, этот человек, ранее неизвестный фавориту Вильгельма III, стал умолять его «уговорить короля оставаться завтра дома, потому что, если он выедет из дома на охоту, он будет убит».

Портленд воспринял предупреждение серьезно. Информатор, Томас Прендерграсс, был не только человеком с безупречными рекомендациями якобита — его подвергли осмеянию за якобитский трактат 1689 года «Краткая история конвенции» — но его разоблачения в деталях подтверждались в сведениях, которые собирал Портленд. Континентальные информаторы намекали на подготовку французов и якобитов к грандиозному плану. Агентура дома подавала неясные отчеты о заговоре против короля. Еще днем раньше Френсис де ла Рю сообщил Портленду, что «Его Величество подвергнется нападению в Тернхэм-Грин по возвращении с охоты»¹. Конкретность и схожесть последних двух сообщений позволили Портленду убедить короля отложить его планы и спасти ему жизнь.

Хотя современники и историки долго спорили, был ли заказан «План убийства» Людовиком XIV и изгнанным Яковом II, все соглашались, что заговорщики ожидали гораздо большего, чем

просто убийство короля, которого они ненавидели. «В ту же минуту, как только удар будет нанесен», заговорщики намеревались поднять штандарты короля Якова I как знак для общего якобитского мятежа. Имел ли Яков II что-то общее с заговорщиками или же нет, но не приходится сомневаться, что в конце декабря 1695 года он отдавал приказ об общем восстании².

Яков II имел вескую причину считать, что страна созрела для мятежа. Англия повсеместно страдала от нехватки денег, поглощенных дороговизной войны против Франции. Широко циркулировали порченные монеты. Неуверенность в ответственности правительства создавала национальную панику. «В течение недели или двух... серебра не останется вовсе», — сообщал из Лондона Ричард Эдж в начале февраля 1696 года. Действия короля лишь усиливали страхи страны. Когда парламент в феврале обсуждал вопрос выпуска монет, «все холлы, расписанная палата, палата спикера и фойе, а также кофейни» были «полны людей», с нетерпением ожидавших исхода. «Состояние наших денег так близко подвело нас к разрухе, — информировал своего друга Джона Локка Уильям Молиньюкс, — что, пока план осуществится, он останется всеобщей темой разговора и всеобщей тревогой». Джон Толанд соглашался, что «все обсуждения последнего времени посвящены почти полностью монете». Антиквар из Йоркшира Абрахам де ла Прайм не преувеличивал, что монетный кризис, «без сомнения... пища для последнего громадного заговора»³.

Революционный режим встал лицом к лицу и с другими проблемами. Англо-шотландские отношения зимой 1695–1696 годов оставались необычайно напряженными. Создание шотландским парламентом новой Шотландской Ост-Индской компании взбесило английских тори. Новая компания пользовалась широкой популярностью в Шотландии. Но в Англии палата общин проголосовала, чтобы всех подписчиков компании, проживавших в Англии, «обвинили в тяжелых преступлениях и судебно наказуемых проступках»*. Шотландцы, в свою очередь, «пришли в ярость». Сам парламент, Яков II и его советники, как сообщалось, «начи-

* Это постановление парламента, а также превентивные аресты подозреваемых в сочувствии якобитам, о которых говорится ниже, свидетельствуют о том, что «Билль о правах», принятый парламентом в декабре 1689 года, не рассматривался как серьезный и к чему-либо обязывающий документ, всерьез соблюдать его никто и не собирался. (*Прим. ред.*)

нали дрожать от ярости при имени узурпатора» и «испытывали чрезвычайное отвращение». «В общем, обстановка складывается болезненная, нация тонет, люди в затруднительном положении и никакой реальной перспективы исправления», — сообщал в феврале 1696 года склонявшийся к якобитам граф Хантингдон⁴.

В таком контексте внутренней неудовлетворенности в январе Яков II послал своего незаконного сына герцога Бервика в Англию, чтобы организовать общее восстание. Те, с кем Бервик общался, настаивали, чтобы Яков II прибыл в Англию с армией. К тому же Бервик уверял обоих, и отца, и Людовика XIV, *«что король Яков имеет множество сторонников и в Англии, и в Шотландии, которые возьмут в руки оружие, как только они услышат, что он высадился»*⁵.

Нет сомнений, что планировалось и подготавливалось массовое французское вторжение. В Англию проникали слухи, что французские войска собираются на западе. «Мы получили информацию из Фландрии, — вспоминал граф Портленд, — что враг собрал огромную массу войск в Дюнкерке и Кале» — массу, насчитывающую от 20 до 100 тысяч человек, — *«а также громадное число транспортных средств и военных кораблей, и что войска или уже на борту или грузятся, и что хорошо известно, что они собираются для вторжения в Англию»*⁶.

Все соглашались, что в феврале 1696 года Британские острова находились на грани контрреволюции. Французский двор гудел надеждами на «крупный переворот». Якобиты «гордо хвастались по всей стране, что последний король Яков появится тут в течение месяца». Шпионы Вильгельма сообщали, что «сам король Яков действительно верит, что он будет восстановлен на своем троне и что нет ничего проще». *«Мы были на грани пропасти и уже готовы пасть»*, — признавался граф Портленда графу Лексингтона, — *«когда по очевидному вмешательству providения мы узнали об опасности, которая угрожала нам и всей Европе»*⁷.

Предупреждения Томаса Прендерграсса о заговоре с целью убить Вильгельма III изменили политический и идеологический пейзаж. Надежды якобитов быстро превратились в страхи. Как только Портленд убедил Вильгельма в серьезности заговора и в реальности угрозы вторжения, правительство предприняло быстрые и решительные меры. Якобитов и подозреваемых в симпатиях к ним вылавливали по всей Англии, Шотландии и Ирлан-

дии. Милиция графств и городские обученные группы находились в состоянии высшей готовности. В течение нескольких дней палата общин и палата лордов «проголосовали за объединение, чтобы защитить личность короля и отомстить за его смерть, если такое случится»⁸. Населенные пункты во всех трех королевствах быстро последовали за парламентом.

Замечательным в предупреждении покушения в феврале 1696 года стало даже не само существование заговора с целью убить короля — такие заговоры, и даже с участием высших сановников церкви и государства, являлись обычным делом на раннем этапе современной британской и европейской политики, — а то, что обвиняемые в нем признавали и оправдывали свои действия.

Правда, первоначально и французский двор, и некоторые британские якобиты «делали вид, что не верят в заговор, и хотели бы думать, что никто не намеревался совершать то, что не было исполнено». Однако вскоре стало невозможно отрицать реальность заговора, планов мятежа и намерений французского вторжения. Многие часы тщательного сбора данных и допросов свидетелей убедили Вильгельма и его советников, что существуют «неопровержимые доказательства» серьезной угрозы режиму.

Последующий ряд быстрых признаний заставил сэра Уильяма Трамбулла сделать заключение, что заговор «вполне имел место во всех его частях». Газетные репортажи, судебные стенограммы и опубликованные признания конспираторов вскоре сделали общеизвестным то, что уже знало правительство. К середине апреля клирики по всей Англии проповедовали своим прихожанам, что теперь есть «неопровержимые доказательства», которые «должны удовлетворить весь мир», что существовали планы убийства, мятежа и вторжения.

Даже якобиты и сочувствующие им признавали, что существовала серьезная угроза режиму. «Кроме прочего, дурные личности [якобиты] вознаграждают свидетелей, — утверждал Джеймс Вернон, — и они смягчают им определение как преступникам». Как заявлял граф Элсбери, который сам был арестован за соучастие в заговоре, правление Вильгельма III «было далеко от кровавого для тех, кто убил бы его в феврале 1695–1696 годов, исполняя свой кровавый замысел». Сторонники режима считали так же. «Никогда не существовало еще столь четко разработанного плана, как был разработан и был бы выполнен этот», — уверяла свою

подругу, леди Мэйшем, Марта Локхарт. *«Ни одно дело такого рода не было доказано и сделано явным столь быстро и ко всеобщему удовлетворению самых различных людей, так как показания давались свободно и добровольно, и полностью независимо от любых подозрений подкупа и подчиненности»*, — писал виг и поэт сэр Ричард Блэкмор в своей официальной истории заговора⁹.

Благодаря ясности свидетельских показаний и тому, что заговорщики оправдывали свои действия, а не отрицали их, разоблачения конца зимы и весны 1696 года породили широкую дискуссию во всех трех королевствах и в Европе. «Последний заговор в этом королевстве являлся в течение какого-то времени основным объектом любопытства публики», — заметил один из первых комментаторов. Когда новости достигли Йоркшира, вспоминал Абрахам де ла Прайм, это «повергло нацию в безмерный испуг». Марта Локхарт сообщила, что заговор стал «в настоящее время темой, которую все люди обсуждали с утра до ночи». Когда три неприсягнувших богослова предложили двум из признавшихся конспираторов причастие на эшафоте, Джон Эвелин отметил, что это «вызвало дикую ссору с обеих сторон»¹⁰.

Из-за того что заговорщики объяснили свою мотивацию, разоблачения февраля 1696 года вызвало идеологические дебаты, а также возбуждающие сплетни. Якобиты и вильямиты ввязались в широкую и энергичную дискуссию о значении и достижениях революции 1688–1689 годов. Эти дебаты, количественно такие же обширные и качественно такие же плодотворные, как и хорошо известные дебаты «полемики о лояльности», проводившиеся между 1689 и 1694 годами и посвященные тому, должны ли и на каких условиях гражданские и духовные чиновники давать клятву верности постреволюционному режиму, почти не удостоились внимания ученых. Заговор 1696 года исследовался не как идеологическая дискуссия, а как террористический акт.

Историки игнорировали дебаты 1696–1697 годов, потому что значение революции представлялось им вполне ясным. Почти все комментаторы вильямитской направленности следуют концепции вигов, отрицающей революционную природу нового режима. Большинство соглашается, что пока режим Якова II находился под угрозой в 1688–1689 годах, у него не существовало идеологической цензуры. Новый же режим защищался традиционной, консервативной и умеренной платформами. Революция 1688–1689 го-

дов оказалась не столько инновационной, сколько здравомыслящей. С точки зрения многих исследователей, центральной для демонстрации умеренности этой революции стала компромиссная формулировка, что Вильгельм являлся правящим монархом де-факто, в то время как Яков II оставался законным, хоть и отсутствующим королем. Эта теория позволила умеренным англичанам принимать Вильгельма в качестве своего короля, отрицая при этом, что Яков был свергнут. Джон Кеньон в своей влиятельной работе «Принципы революции» доказывал, что «строгая теория *de facto*» была «на поле битвы» в 1690-е годы; *«то есть теория, что революция, какова бы ни была ее истинная природа, в итоге создала неизбежную ситуацию, в которой король de jure [Яков II] без ущерба его длительным правам просто был заменен на короля de facto [Вильгельма III], которому полагалась смягченная и ограниченная лояльность, но который не пользовался законными правами»*.

Другими словами, защитники революции 1688–1689 годов отрицали, что Вильгельм III и его сторонники законно противостояли Якову II. Это, согласно Кеньону, объясняет, почему теории Джона Локка, которые оправдывают народное политическое сопротивление против тиранического правления, упоминались только чтобы «сыпать на них оскорблениями». Марк Гоулди таким же образом доказывал, что события 1688–1689 годов «едва ли являлись революцией „революционных принципов“». Подобно Кеньону, Гоулди находит теорию *de facto* преобладающей на идеологическом поле — хотя она откровенно отрицала, что Вильгельм является по праву законным королем.

Для Гоулди идеология вильямитов характеризуется «неопределенностью», умеренностью и стремлением к «доктринальному компромиссу», и именно эта умеренная идеологическая позиция «основательно повлияла на будущий рисунок их партийной философии». Последние исследования пропаганды вильямитов приводят к такому же заключению. Тони Клейдон открыл, что пропагандисты-вильямиты развертывали свою риторику «вежливой реформации», чтобы «помочь Вильгельму занять умеренную позицию». С точки зрения Клейдона, Вильгельм и его защитники смогли занять эту умеренную позицию, используя глубоко консервативную риторику, риторику «раннего протестантского видения мира»¹¹.

Дебаты о заговоре 1696 года и последующем объединении — это великолепная выгодная позиция и для оценки упомянутых заявлений, и для пересмотра значения революции. Большинство ученых использовали дискуссию о лояльности начала 1690-х годов для оценки революционных дебатов, но есть достойные причины верить, что дебаты, последовавшие за заговором, дали более точную картину понимания современниками революции. Во-первых, защитники режима во время дискуссии о лояльности пытались сохранять скрытность в поддержке революции. Немедленно после побега Якова II хрупкий новый режим был вынужден сохранять умеренность и консерватизм. Доказательства, выдвигавшиеся во время дискуссии о лояльности, обязательно делали упор на непрерывность и консерватизм, минимизируя глубину перемен. Один исследователь, сфокусировавший изучение англиканской реакции времен революции в основном на тех же самых ранних годах, замечает, что англиканская теория *«прежде всего интересна успокаиванием сознания не присягавших; на фоне озабоченности этим вопросом остальные группы верующих игнорировались»*.

Якобиты имели причину подчеркивать ошибки прошлого; вильямиты в этот начальный период имели причину упираться на единство. Во-вторых, политические историки описывали заговор 1696 года как «водораздел» и «драматическое изменение направления» событий. Изменения в политической направленности часто сопровождаются изменениями в политическом настроении и политическом мнении. В-третьих, революции не совершаются неожиданно. Изучение Славной революции примечательно своими узкими хронологическими рамками. Напротив, основные работы по прочим революциям вне Британских островов охватывают гораздо большие временные промежутки для исследования разворачивания всех революционных событий, связанных с падением одного режима и появлением нового¹².

Дебаты, последовавшие за заговором, открывают нам совсем иной идеологический пейзаж, чем открывался во время дискуссии о лояльности. Достоверность и широта якобитского заговора, состоявшегося в контексте масштабной европейской войны, выдавали тори из дебатов. Мнение тори, что в 1689 году произошла лишь незначительная конституционная корректировка, что война — это просто защита данной корректировки в Британии и что все оппоненты режима являлись католическими экстремистами,

как это ни невероятно, было распространено и в 1696 году. Тори приходилось выбирать между защитой двух равно неприятных им стратегий модернизации: стратегии якобитов и стратегии вигов. В 1696–1697 годах якобиты и виги согласились, что революция имела место; они абсолютно расходились во мнениях по другому поводу: была ли эта революция полезной?

В ходе широких дебатов выявились три первоочередные области несогласия между вигами и якобитами. Во-первых, якобиты доказывали, что никакого законного сопротивления против наследного монарха существовать не может и что Вильгельм поэтому не более чем узурпатор. Виги возражали им, что сопротивление законно в некоторых случаях и что Яков утратил свое легальное право на трон. Во-вторых, якобиты утверждали, что революция разрушила англиканскую церковь, а виги отвечали, что церковь стала приютом архаики и неверных доктрин. В-третьих, якобиты доказывали, что Вильгельм и Мария разрушили английскую (и британскую) экономику, в то время как виги и защитники режима заявляли, что, несмотря на дорогую войну, новые монархи приняли экономическую стратегию, более всего подходящую для коммерческой нации.

Доминирование в палате общин и в палате лордов группировок, которые настаивали на праве Вильгельма управлять в противовес мнению просто о его присутствии на троне, сделало невозможным защитить короля от неопределенности его политического титула, с которым согласилось большинство полемистов в дискуссии о лояльности. Это была та точка, которую современники хорошо понимали. Те, кто «считался недовольными правительством», не имели проблем с отказом приносить клятву верности, сообщал Уильям Стритер из Честера, но «теперь ни один из них не подпишет ассоциации»¹³. В то время как текст такой ассоциации, который циркулировал сначала в парламенте, а затем широко по стране, был явно составлен по модели елизаветинской Ассоциации 1584 года*, ассоциация 1696 года не имела ничего

* Имеется в виду «Неразрывная ассоциация» — созданный в 1584 году Тайным Советом документ, под которым должно было подписаться все английское дворянство. Документ гласил, что если на королеву Елизавету будет совершено покушение в интересах кого-либо из претендентов на трон, то не только права такового будут аннулированы, но и он сам будет немедленно казнен «любыми доступными средствами». (Прим. ред.)

общего со своей древней предшественницей. Ассоциация 1696 года была противоречивой из-за конфессиональных разногласий и не носила апокалипсического характера своей предшественницы. Распространение Ассоциации 1696 года — и кто подписал этот документ, и где документ был подписан — демонстрирует социальную пропасть, разделяющую политическую нацию эпохи Вильгельма и ее елизаветинских предшественников.

Заговор 1696 года и последующее создание ассоциации для защиты режима Вильгельма определяют идеологические и социальные контуры Славной революции. И защитники нового режима, и противники его были убеждены, что революция имела место. Аргументы за и против революции и активность политической нации, которая принимала участие в этой дискуссии, демонстрируют, что это действительно была первая современная революция.

* * *

Якобиты, не давшие присяги, как и прочие недовольные режимом Вильгельма, не исчезли с английского или британского пейзажа в ходе революции. После 1688 года они составляли культурно резонирующее и социально важное меньшинство на политической сцене. Хотя правительство пыталось держать под надзором их деятельность, они могли встречаться, обсуждать свои взгляды и распространять свое мнение. Критика правительства в 1690-е годы стала более открытой и меньше подвергалась репрессиям, чем в 1680-е годы. Как следствие, в годы, последовавшие за свержением Якова II, якобиты развили утонченную политическую идеологию. Эта идеология дала интеллектуальный базис для планов вторжения и для плана убийства 1696 года.

В 1695–1696 годах якобиты и их сторонники активно встречались в различных местах, что позволяло им обсуждать и совершенствовать свои взгляды. Якобиты и не дававшие клятвы собирались в ряде мест в Лондоне и Вестминстере, а также в их окрестностях. Кофейня Уилла в Ковент-Гардене, где светские сторонники герцога Йоркского встречались во время Кризиса Исключения, продолжала оставаться местом встреч сторонников Якова II. Правительство знало, что «несколько клубов собирают по четвергам эту дьявольскую команду» возле тюрьмы Кингз-Бенч. Другая группа «проводников интересов Сен-Жермена» еженедельно встречалась

в замке возле Ассоциации юристов. Было известно, что «Якобитская молельня» проводит регулярные службы в доме торговца сыром на Ньюгейт-стрит. Якобиты также собирались в Олд-Кинг-Хед на Лиденхолл-стрит и у миссис Маунтджой на улице Сент-Джеймс. Члены парламента, сочувствовавшие якобитам, включая сэра Эдварда Сеймура и сэра Кристофера Месгрейва, «входили в некий тип ассоциации», которая «обычно встречалась у последнего графа Арлингтона в Линдсей-Хаузе у Дворцовой площади». Самым известным якобитским местом встреч в 1695 году стала Собачья таверна на Друри-Лейн, где 10 июня вспыхнул полномасштабный якобитский мятеж во время празднования дня рождения принца Уэльского¹⁴.

Критика режима не оставалась исключительно столичным явлением. В Стаффордшире и Ланкашире «тайные группы заговорщиков» встречались на петушиных боях и на лошадиных скачках, где игроки делали ставки на дату прибытия Якова II в Лондон. Оливер Хейвуд был уверен, что он чувствовал «дух папистов и якобитов», когда работал в Ноттингемшире в конце декабря 1695 года. Вероятно, Хейвуд знал о «клубах и встречах неприсягнувших», регулярно проводимых в доме почтмейстера Таксфорда. Якобитское «братство» посещало пустую часовню возле Нориджа, где они слушали проповеди за «короля Якова». Находясь в городе, «все ведущие якобиты» Нориджа стекались в таверну «Козерог», где они встречались как «в тайном клубе». Якобиты в Бристоле, должно быть, имели несколько мест сбора, так как пользовались поддержкой двух заметных бывших членов парламента — сэра Ричарда Гарта и сэра Джона Найта. Там, в Дил-Касл, в Кенте, находился якобитский боулинг-клуб, «открытый не менее трех дней в неделю».

Оба университетских города были известными местами сбора почитателей Якова II. Епископ низкой церкви Оксфорда Джон Хаф предупреждал правительство, «что дух якобитизма слишком распространен в этом университете». Давний осведомитель и оксфордский преподаватель Джон Уоллис беспокоился, что многие «огромные толпы» иностранных студентов на деле являются агентами Якова, посланными, чтобы «оценить склонности королевства». Абрахам де ла Прайм сам посещал «раз или два» якобитские сборища в Кембридже, где *они часто превышали все пределы наглости и открыто высказывались против правительства, на что*

правительство смотрело сквозь пальцы из опасения возникновения суматохи». Томас Персиваль отмечал, имея на то веские основания: «Нет сомнений, что инфекция предательства в той или иной степени распространилась в большинстве частей наших королевств, среди главарей якобитских клубов и незаконных тайных собраний в городах и по остальной стране»¹⁵.

Однако якобиты и неприсягнувшие ограничивали свою активность игрой, выпивкой и ворчанием. Они не делали ничего большего — лишь пили за здоровье короля, который жил за морем, давили сгнившие апельсины, праздновали дни рождения и высмеивали постные дни вильямитов. Якобиты и их союзники формулировали идеологические доказательства против революции. Они распространяли пессимистические толкования текущих событий. Клирики, «и принесшие клятву, и не принесшие», проповедовали «очень дерзко об ужасном убийстве короля Карла Первого, исподволь намекая, что отречение Якова Второго, должно быть, имеет тот же вид» — и в то же время *«они пользовались возможностью высказаться против мятежа 1641 года и герцога Монмута, не упуская вдобавок представить параллельно блестящую экспедицию принца Оранского»¹⁶.*

Памфлеты якобитов и неприсягнувших широко циркулировали и в печатном виде, и в рукописном. После раскрытия заговора правительство обнаружило печатню Джона Редмондса, который, как говорили, «тискал всю клевету на правительство с момента революции». Другой «частный печатный станок возле Ассоциации юристов» накрыли с «тысячей ядовитых пасквилей против правительства» — тепленьких, прямо с пресса. В январе Ричард Кингстон обнаружил набор якобитских гравюр, которые «вышли из-под пресса в деревенской усадьбе одного дворянина». В марте «множество оскорбительных для правительства памфлетов распространяли по улицам».

Пока ассоциация проделывала свой путь по стране, «враги мирной жизни этих королевств» запустили памфлет, который «распространялся несколькими людьми, чтобы добиться отказа подписывать ассоциацию». После заговора якобиты смогли дополнить эти тайные публикации и сочувствующую им прессу официальными последними словами самих заговорщиков. В результате этих объединенных усилий вильямиты жаловались на «оскорбительную клевету и бунтарские памфлеты», которые «ле-

тали по всей земле», и на «предательские книги», которые «кише-ли во всех местах»¹⁷.

Чем же являлось дело якобитов? Какие доводы ложились в основу этих памфлетов, речей и проповедей? В действительности чрезвычайно трудно обсуждать *сами* якобитские доводы. Самые неожиданные различия разделяли якобитов столь же глубоко, как разделяли и колеблющийся режим Якова II. Ясно лишь то, что аргументы якобитов, выдвигавшиеся в 1695–1696 годах, не были конфессиональными, они не поддерживали и религиозные аргументы улытракатолической группировки графа Мельфора и сэра Эдварда Хейлза¹⁸.

Позиция якобитов, публично пропагандировавшаяся в Англии в 1695–1696 годах, в памфлетах, поэмах или в речах с эшафота, была утонченной и внутренне твердой. Она сообщала нации, что революция драматически изменила и деформировала политику Англии, ее религию и общество. Самая широкая версия якобитских принципов была изложена бывшим радикальным вигом и полемистом Робертом Фергюсоном в его пламенной работе «Краткое изложение последних разрушительных действий», написанной как раз в то время, когда Яков II решил поддержать якобитское восстание. Именно этот широко распространенный памфлет, как и соучастие в заговоре, привели Фергюсона в Нью-гейт весной 1696 года. Этот итог «его беспокойного духа, беглости языка, тонкого ума и дьявольской злобы» привел по крайней мере одного комментатора заговора к описанию Фергюсона как «великого подстрекателя и главного агитатора всего заговора»¹⁹. Это, конечно, слишком высокая оценка Фергюсона. Однако с уверенностью можно сказать, что его декабрьский памфлет 1695 года наделил голосом якобитские аргументы, публично выдвигавшиеся в 1695–1696 годах.

Якобитская полемика, как и многие политические аргументы конца XVII века, была обрамлена в общеевропейские термины. Якова II и его сторонников до 1688 года часто обвиняли в том, что они не англичане — теперь же роли относительно национализма поменялись. Якобитские поэмы, эпиграммы и памфлеты подчеркивали степень, до которой Англия стала жертвой «заговора голландских политиканов». Роберт Фергюсон в своем пользующемся влиянием трактате жаловался, что Англией теперь правит «голландский король, находящийся под влиянием голландских

советников». Яков II в 1696 году утверждал, что популярное мнение обернулось против его соперника, потому что теперь англичане *«сердечно сожалеют о потере мира, достатка и древних законов, [и] ничего не хотят более, лишь бы увидеть королевство свободным от голландского рабства»*²⁰. Англия и Британские острова в целом стали — в глазах якобитов — восьмой провинцией Нидерландов. Англичане, шотландцы и ирландцы потеряли свою национальную индивидуальность.

Обращение Вильгельма с Церковью Англии стало огромной печалью для якобитов. И все-таки сторонники Якова II в 1695–1696 годах не вели конфессиональную войну. Они не видели себя участниками борьбы между силами протестантской и католической Реформаций. Из девяти человек, казненных за участие в заговоре с целью убийства Вильгельма — 1696 год, пять — майор Роберт Лоуик, Роберт Чарнок, Амброз Руквуд, Томас Кайз и капитан Эдвард Кинг, — являлись римскими католиками. Еще один заговорщик, сэр Джордж Баркли, был известен «слепой приверженностью папистским убеждениям». Но и несколько самых важных правительственных информаторов также были католиками, включая Томаса Прендерграсса, Френсиса де ла Ру и Брайса Блэра. Оба, и Чарнок, и Кинг, настаивали, что «вся масса римских католиков» «и не подозревала о плане» убить короля²¹.

Участие протестантов в плане убийства и мятеже в целом было как минимум достаточно заметным. Сэр Уильям Паркинс, сэр Джон Френд, сэр Джон Феник и Чарльз Кранберн публично признавались на эшафоте в своей лояльности Церкви Англии. Три выдающихся неprisягнувших клирика, Уильям Снатт, Джереми Кольер и Шейдрек Кук, подняли «великий шум» во время казни Паркинса и Френда, когда «вопреки их долгу и верности» они вынесли «оправдательный приговор» двум осужденным предателям.

Участие протестантов в заговоре и мятеже, как было известно, распространялось гораздо шире, чем было представлено на эшафоте. К примеру, квакер Уильям Пенн подозрительно принял пятьсот фунтов от казначея заговорщиков, сэра Джона Френда, незадолго до его смерти. В Эдинбурге епископальные молитвенные дома хранили молчание, потому что «все священники» были арестованы за участие в заговоре. Неприсягнувший епископ Глочестера Роберт Фрамpton был публично допрошен Тайным Со-

ветом по поводу того, что жертвовал заговорщикам деньги. Джеймс Вернон был настолько уверен, что якобитская оппозиция ни в коем случае не конфессиональная, что громко жаловался графу Лексингтону на *«гадюк, которых мы лелеяли, когда они искали возможности предать свою страну и отдать ее под власть иностранца и настоящего врага»*. Склонявшийся к якобитам священник из Ричмонда Эбил Борфет вывел такое же заключение. Оппозиция якобитов правительству, сообщил он своей пастве, *«вызвана не зловредным влиянием на них их религии»*, а *«их предположением, что [Вильгельм] хочет законного права и титула, чтобы править нами»*²².

То, что Вильгельм не обладал законным правом на корону, было основным аргументом якобитов и их союзников. Они неоднократно и громогласно отрицали, что какое-либо легитимное сопротивление могло быть направлено против законного монарха, правящего по неоспоримому и священному наследственному праву. *«Наш монарх есть и всегда был наследственным монархом, а не выборным!»* — провозгласил Роберт Фергюсон, совершенно забыв о своей бывшей принадлежности к вигам. Поэтому *«принц Оранский не имеет наследственного права на корону, а получил ее только незаконно, просто по лицемерному выбору людей, то есть, другими словами, узурпировал ее»*. Отсюда Фергюсон делал логичное заключение, что *«мы связаны законом и сознательно поднимаем голос по поводу [Вильгельма III], и гоним его, и делаем его ответственным за все преступления, которые принесли ему имена вора короны его соседей и самозванца, узурпатора трона другого человека»*²³.

Представление, что политическое сопротивление всегда было и всегда будет незаконным, являлось центральным и для мировоззрения якобитов. *«Доктрина пассивного послушания не признается [новым режимом], — с презрением заявил неприсягнувший Джереми Колльер. — Вся революция возводится на руинах принципов»*. *«Эта доктрина, — напомнил он своим читателям, — есть характерная славная черта Церкви Англии. Она не только проповедуется людьми, но воздана властью и конституцией»*. Каждый, кто откинул принцип пассивного сопротивления, каждый, кто больше не поддерживает притязания Якова II, доказывал Колльер, не может оставаться ни англичанином, ни членом христианской церкви. Говорили, что освободивший Колльера неприсяг-

нувший Уильям Снатт сказал, «что убить принца и принцессу Оранских — это не большой грех, чем убить кошку или собаку». Менее кроважально по тону, но идентично по смыслу прозвучало заявление, сделанное бывшим пропагандистом Якова II Натаниэлем Джонстоном. «Если клятвы есть связывающие обязательства, — риторически спрашивал он, — то как же мы должны судить себя за отход от клятв, данных королю Якову?» Предложение новой клятвы вроде той, что призывает к новому убийству, будет ли «означать перемену в конституции»?

По мнению сторонников Якова II, клятва верности несла ограниченную политическую пользу перед лицом якобитского восстания. *«Я считаю, что люди обязаны помогать [королю] в продвижении торговли и коммерции, в управлении гражданскими делами, — доказывал не дававший клятвы влиятельный политик Джордж Хикс, — а также помогать против всех вторжений и восстаний, поднимаемых против него, поддерживая этим то, что делается законным сувереном, или служа»*²⁴.

Все одобравшие заговор постоянно выдвигали аргументы о том, что любое сопротивление наследному королю Англии незаконно, что Вильгельм III узурпатор и что клятвы, взятые революционным режимом, недействительны. Сэр Джон Френд, богатый лондонский пивовар и казначей якобитов, настаивал, что «законы земли... требуют твердых почтения и лояльности нашему суверену» и что «никакая иностранная, никакая внутренняя сила не может оттолкнуть нашу лояльность». Для Френда было «неразборчивостью» предполагать, *«что подданные короля могут сбросить его, лишит трона в любой ситуации или назначить кого-то, кто не имеет непосредственного права на его место»*. Именно поэтому «для нас законно и обязательно» помогать Якову II в восстановлении его прав.

Католик Роберт Чарнок, некогда служивший в колледже Магдалены, оказался еще одним сторонником заговорщиков, который предложил развернутое объяснение своих политических взглядов. «Настолько священно наследование нашей короны и ее древние наследные права в глазах нашего закона», утверждал Чарнок единодушно с Френдом, что «величайшее предательство» для «всей массы людей, совместно или порознь» — «допустить малейшую мысль заменить или лишит прав» своего законного короля. Поэтому Вильгельм III, которого Чарнок сравнил с Оливером Кром-

велел и Юлием Цезарем, не мог являться никем иным, лишь узурпатором. В таком случае, заключал Чарнок, *«обязанность каждого лояльного подданного, который обладает мужеством и возможностью сделать это, — избавить мир от врага общества, который разжег войну по всей Европе и принес в жертву своим ненасытным амбициям и во время узурпации больше жизней людей и денег, чем все ваши Марии и Суллы, Цезари и Помпеи, вместе взятые»*²⁵.

Френд и Чарнок, юрист и клирик, протестант и католик, сформулировали почти идентичные оправдания своих действий. По их мнению, король де-факто заслуживает послушания, только когда нет надежды на восстановление короля де-юре. Их обвинение революции было типичным для чувств якобитов и неприсягнувших.

Мало кто из других казенных заговорщиков 1696 года предложил такие же развернутые концепции для защиты своих позиций, но они сказали достаточно, чтобы определить свое общее мнение. Чарльз Кранбурн на эшафоте объявил, что он готов умереть «за лояльность своему законному королю». Амброуз Руквуд подчеркнул, что умирает за выполнение своего долга «в основном по отношению к моему истинному сюзерену королю Якову». «Я верю, что король Яков придет, чтобы утвердить собственное право». Майор Роберт Лоуик вспоминал: «и я сделаю, если получу поддержку, все, что в моих силах, чтобы помочь ему». Сэр Джон Феник настаивал, что правительство «займет верную позицию» только после того, как «истинный и законный суверен король Яков» снова воссядет на трон. Сэр Уильям Паркинс апеллировал к «принципам *Jure Divino* (божеского права), несопротивления и пассивного послушания». «Принимая законы и конституцию моей страны за руководство для себя», Паркинз считал, что Якова свергли с его трона «вопреки всем правам и справедливости», и поэтому «считал своим долгом и как подданного, и как англичанина помогать ему в возвращении его трона».

Якобитская медаль, отчеканенная в Париже, прекрасно отражала настроения якобитов по поводу политической законности. С одной стороны на ней изображена голова и надпись «Вильгельм Генрих Нассау, принц Оранский, тиран Великобритании»; на другой стороне изображена фигура, висящая на дереве, с надписью «Тут великий Авессалом»²⁶.

Вторая составная часть якобитской аргументации состояла в том, что революция разрушила англиканскую церковь. Роберт Фергюсон, бывший пресвитерианец, оплакивал «нетвердое состояние Церкви Англии». Церковь, считал он, безусловно, пострадала от «неуважения» из-за «влияния бельгийских советов и самодовольства *Юга-Магоговской* заграничной конституции». Голландский король принес с собой голландское отношение к религиозной терпимости и нашел теологов, находящихся под голландским влиянием, чтобы управлять Церковью Англии.

Джордж Хикс считал отвратительными широкие планы новых клириков Вильгельма. «Что касается наших пресвитерианских проповедников, — саркастически насмеялся он над человеком, который оказался его собственным братом-пресвитерианцем, — им следует заявить, что ни одна церковь в мире ранее не признавала таких низких расколов в своих порядках». Джереми Кольер обвинил новых церковников в пренебрежении церковью «многими пунктами морали». Для этого влиятельного неприсягнувшего политика «Новые принципы», предпочтенные Вильгельмом, разрушили Церковь. «Мы не готовы одобрять их уклончивость и присоединяться к ним в их неудаче», — настаивал он. «Мы что, действительно обязаны приносить раскол на алтарь, чтобы помочь мятежу, и молиться против нашего сознания и наклонностей?» — спрашивал он своих читателей. Еще один неприсягнувший мирянин, граф Кларендон, был убежден, что вильямитское правительство направляется или «откровенными врагами нашей церкви, или в лучшем случае [теми], кто равнодушен к любой церкви»²⁷.

Для многих якобитов и неприсягнувших пресвитерианская позиция Церкви относительно сопротивления власти сама по себе была греховной. Фергюсон подверг суровой критике «епископальных людей» за «их отступничество от доктрины Церкви Англии, от доктрины их церкви относительно гражданского управления и законных правителей». Вновь одобренная доктрина «свержения королей и освобождения от клятв, а также направление сознания на общественное благо» убедили Джереми Кольера, что постреволюционная церковь виновна в «воспламенении злословия», в котором «разграничение правильного и ложного неразборчиво». На этом основании Кольер объявил революции «раскольническими», поскольку «в результате них священноначалие смещено». Другой неприсягнувший спрашивал в 1695 году, «воз-

можно ли, чтобы человек, чья лояльность по закону Бога и его страны принадлежит его настоящему и законному суверену, королю, и еще крепче привязанный к нему торжественным обязательством клятвы, отступил и отказался бы от лояльности, не обидев Бога, добродетели и правды?»²⁸ Как полагал этот неприсягнувший, для церкви грешно отходить от своих клятв и своих доктрин, а для священника — сопротивляться своему суверену.

Эти взгляды разделялись рядом заговорщиков и их сторонников. Например, сэр Джон Феник настаивал, что *«моя религия учит меня лояльности... короне Англии в истинной и прямой линии ее происхождения, ничем не прерывавшейся»*²⁹. Френд и Паркинс подкрепили свои взгляды, появившись на эшафоте вместе с неприсягнувшими Кольером, Куком и Снаттом. Большие размеры пожертвований, собранных Уильямом Ллойдом и другими в пользу неприсягнувших клириков, демонстрируют масштаб оппозиции церкви вильямитов.

И наконец, якобиты осуждали политическую экономию режима вильямитов. Тут революционеров также обвиняли в импорте голландских традиций. Роберт Чарнок обвинял Вильгельма III в действиях, направленных на «порчу и разрушение английской нации в пользу своих дорогих соотечественников-голландцев». Роберт Фергюсон жаловался на *«грабежи, совершаемые в нашей торговле, и множество коварных фокусов, которые практикуются, чтобы поработить и довести нас до бедности, начиная с 1689 года»*³⁰.

Якобиты указывали на две экономические проблемы: дороговизну войны и разрушение акционерных компаний тори. Жалобы на дороговизну «войны короля Вильгельма» были особенно громкими во время монетного кризиса 1695–1696 годов. Роберт Чарнок оплакивал «многие миллионы английских денег, ежегодно посылавшихся в Голландию», — трагедию, которая закончилась бы лишь с реставрацией Якова II и «с миром, которым наслаждалось множество [англичан] во время его правления». Ричард Эдж слышал, как якобит, «большой негодай, которому я верил», воскликнул на пике нехватки английской валюты, «что деньги перемолола или перемалывает, вероятно, отправка их в Голландию». «Большинство людей видело, как неравно бремя разделено между голландцами и нами», — заметил Яков II о своих подданных. С точки зрения Якова и его придворных, Нидерланды добивались

«оттока английской монеты», потому что *«принц Оранский на деле был их агентом и никогда не служил им так хорошо, когда был их подданным, чем когда стал сувереном и заставил нас раболепствовать перед штатгальтером, приводя три королевства в состояние трех провинций вдобавок к семи, из которых пришел он»*³¹.

Якобитские экономические комментаторы также жаловались, что вильямиты разрушили великие английские акционерные компании. Гилберт Бернет знал, что это общая жалоба тех, кто следит за режимом с «ядовитой злобой» — что «он создан, чтобы мы пострадали в нашей торговле, чтобы голландцы смогли забрать ее у нас». «Азия и Африка видела, как [голландцы] торжествовали над нами и оскорбляли нас в этих удаленных частях вселенной; представляя нас бедными, слабыми и трусливыми людьми», — заявил Роберт Фергюсон, напоминая о трех англо-голландских войнах. Ост-Индской компанией «так долго пренебрегали во всех прошениях, которые она делала великому человеку в Кенсингтоне», потому что «нужно было поддерживать голландцев и помогать им заместить компанию и выдать ее из такой богатой торговли». Фергюсон понимал создание новой шотландской Ост-Индской компании как еще одну пагубную, воодушевляемую голландцами попытку уничтожить английскую Ост-Индскую компанию. Герцог Шрусбери слышал «тут чьи-то шепотки», что планы приостановить хартию Ост-Индской компании *«исходят от неких персон в Голландии, которые надеются своими средствами разрушить эту компанию, прежде чем появится какая-либо иная, и уничтожить английскую торговлю, чтобы завладеть ею самим»*. Издатель «Флаинг пост» узнал, *«что якобиты также сообщают из Англии, что люди там крайне недовольны из-за упадка их торговли и их громадных потерь, особенно Ост-Индской компании, Африканской компании, компании „Гудзонов залив“»*³².

Хотя опустошение Англии из-за войны необычайно сказывалось повсюду, якобиты решили поддержать области, созвучные с их собственной экономической идеологией. Стоимость войны, естественно, сильнее всего ударила по земельным классам. Однако более впечатляюще то, что компаниями, выбранными для сочувствия, оказались наиболее связанные с политической экономией Джоусафа Чайлда и его друзей, на земельной основе, с нулевой суммой. Ост-Индская компания, Королевская Африканская

компания и компания «Гудзонов залив» стали как раз такими компаниями, с самым высоким количеством инвесторов тори и как раз теми компаниями, которые выказывали максимальную степень симпатии к якобитам³³.

Тогда заговор убийства 1696 года становился гораздо большим, чем отчаянная попытка группы человек с санкции Якова II или без нее убить Вильгельма III. Заговор был выражением идеологии якобитов и возможностью продвинуть эту идеологию. Эта идеология подчеркивала, что Англия (как и Шотландия с Ирландией) осуществила революцию, революцию, о которой все пожалели. Якобиты и сочувствовавшие им утверждали, что английская конституция отрицает право подданных при любых обстоятельствах сопротивляться своему законному наследному королю. Конечно, люди не имели права выбирать своего короля. Вильгельм III с этой точки зрения был не более чем узурпатор — узурпатор, которому можно сопротивляться при любой возможности. Якобиты также настаивали, что Вильгельм и его новые епископы осквернили Церковь Англии. Они сделали это, защищая церковь до такой степени, что это снизило христианство до простой моральности, поддержав политику терпимости вне церкви и отбросив церковную доктрину пассивного послушания. Наконец, якобиты мощно доказали во время жестокого экономического кризиса, что политическая экономия вильямитов вредна для новых королевств Вильгельма. Война Вильгельма обеднила страну. Его коммерческая политика разрушила огромные торговые компании. Короче, якобиты доказали, что Вильгельм III навязывал на Британских островах голландские политику и практику с губительным эффектом. Голландская государственная политика, голландские практики религиозной терпимости и по-голландски окрашенная экономическая политика разрушили Англию.

* * *

Сторонники революции в 1696 году не искали промежуточного решения. Защитники правительства в целом не стремились манипулировать сознанием непокорных, как они делали во время дискуссии о лояльности. Взамен они предпочли встретить якобитов с поднятой головой. Вильямиты признали, что «наши расхождения по поводу масштаба революции... имеют очень трудные и опасные последствия». Хотя вильямиты надеялись

уговорить всех англичан поддержать революцию, они недолго пытались сгладить перемены, принесенные революцией, чтобы добиться промежуточного решения. Они больше не искали согласия путем идеологических уступок. «Кто знает или может указать, — риторически и по существу вопрошал один вильямит в 1696 году, — точную точку согласия на единое мнение огромной массы людей?»³⁴

Вильямиты постоянно и настойчиво подавали революцию и заговор против Вильгельма как часть большой европейской борьбы. Издатель «Пост-Мэн» информировал своих читателей, что «процветание Европы в целом зависит от жизни его величества, не меньше чем от безопасности его королевства». Именно из-за успехов якобитов состоялась французская победа. «Последствием» якобитской победы, предупреждал англиканский клирик Джеймс Гардинер, «станет профранцузское правительство». Если бы заговор удался, проповедовал епископ низкой церкви в Глочестере Эдуард Фаулер, «то оказалось бы серьезным преступлением быть англичанином». Неудивительно, что лондонский купец Ричард Лапторн отметил, будто «народ в большинстве частей Англии и Шотландии» отреагировал на заговор, стремясь «изо всех сил отстоять дело короля Вильгельма от французов». Неудивительно, что «простой народ» в Шрусбери отметил день благодарения за избавление, пронеся «изображение французского короля по улицам», а затем «бросив его в пламя под громкие восклицания „Боже, спаси короля Вильгельма“». Якобиты, как заключил сэр Ричард Блэкмор в своей официальной истории, «чтобы отплатить освободителю Англии, охотно поступились свободами Европы»³⁵.

Защитники революции восприняли заговор как часть стремления Людовика XIV к мировому владычеству. «Сила и влияние Франции» были направлены на «установление мировой монархии», — информировал Самюэль Бартон палату общин. «Ничто, меньшее чем мировая монархия, не сможет удовлетворить гордость и амбиции этого короля», — объяснял Уильям Тэлбот своей аудитории, собравшейся в соборе в Вустере. «План Людовика XIV заключается в том, чтобы сделать себя единственным императором Запада», — соглашался Френсис Грегори из Хамблдона в Бэкингемшире. В Корке Уолтер Нил описал Людовика XIV как «публичного врага христианства». «Вся Европа хорошо знает», —

отметил другой памфлетист-вильямит, — что конечная цель Франции состоит в «порабощении всех монархов, королей Европы».

*Гордый король, амбициозный Луи из своих роскошных покоев,
Прекрати досаждать человечеству и мир Европы беспокоить,*

— умолял молодой Джозеф Эдисон³⁶.

Для вильямитов, и особенно вильямитов-вигов, борьба против Франции, борьба за европейские, а также английские свободы стала центральным революционным принципом. Яков II, как они постоянно доказывали, поддерживал Людовика XIV за границей, при этом имитируя его стиль управления дома. *«Если бы родословная, которая сменила нашу великую королеву [то есть Елизавету], добросовестно следовала святой политике ее правления, — говорил Уильям Стивенс лорд-мэру Лондона, — Европа никогда бы не узнала о выросшем сверх меры величии Франции».* «Было время, когда Англия находилась в сфере интересов Франции, протягивая ей руку помощи, чтобы поработить народы Европы», — доказывал настоятель Вустера³⁷.

Яков II, по мнению защитников революции, стал французским королем. Он поставил Англию перед абсолютным, но простым выбором между английским и французским правлением. Яков II «отказался править нами сам, — настаивал один клирик, — но склонился перед Францией, чтобы получить путы и этим поработить нас до беспредельной тирании этого отвратительного короля». Джон Страйп, обычно выделяющийся своими социальными наблюдениями, считал, что, если бы Вильгельм III не прибыл в ноябре 1688 года, «общий враг христианского мира» уже, «без сомнения, сделал бы нас столь же жалким народом, как его собственный». Возврат назад к Якову II теперь стал бы выбором французского рабства вместо английской свободы. *«Необъяснимая глупость некоторых людей среди нас, — заявил один уэльский диссидент, — предпочесть чеснок и лук Египта манне небесной, которая снисходит на наши жилища; предпочесть английской свободе французское рабство, которое хуже турецкого».* «Вопрос сводится к краткой сути, — эхом отзывался Уильям Тэлбот в соборе Вустера, — или мы живем как свободные люди по нашим английским законам и с нашим управлением», или «меняем их на французское рабство»³⁸.

Революционеры отвергали профранцузскую политику и союз с французским государством, предпочитая альянс с Нидерландами. Поступая так, они ставили Англию в ряд с европейскими свободами. Как заявил один комментатор-вильямит: *«Все карты перемешаны; и последняя революция, которая выдвинула на трон Вильгельма, стала самым ужасным ударом, какой когда-либо был нанесен Франции»*.

«Революция 1688–1689 годов оказалась решающей не только для сохранения протестантской религии, прав и свобод Англии, — гремел Уильям Перс в Йоркском кафедральном соборе, — но также для восстановления прав и имущества большинства королей Европы, которых оккупировал и на которых покушался общий нарушитель мира и благополучия христианской цивилизации». На долгое время *«это королевство порвало с Францией и объединилось с другими королями христианского мира, защищая свои общие свободы и права и противостоя потоку, который непреодолимо топтит их всех»*³⁹.

Можно вполне испытать искушение посчитать этот поворот от французской ориентации к голландской конфессиональным поворотом. Франция была, конечно же, ведущей католической силой мира. Заговоры против короны и правительства в Англии со времен Елизаветы обычно связывались с папизмом. Некоторые вильямиты действительно описывали революцию и заговор в конфессиональных терминах. Диссидент Джон Шауэр настаивал, что заговор и сопровождающее его французское вторжение стали результатом *«не менее чем искоренения протестантской религии»*. Хотя упор на конфессиональные раздоры и был более обычным делом среди диссидентов, некоторые англикане, такие как Уильям Перс, тоже считали, что именно *«религия, если мы можем назвать ее таковой, оправдывает, позволяет и командует действиями определенных жестоких мошенников для продвижения интересов римской католической веры»*⁴⁰.

Однако этот традиционный раннепротестантский взгляд становился все более непригодным. Можно было отметить поворот в отношении к нему во время служб по поводу избавления от заговора, проведенных в День благодарения. Хэмпширский диссидент Чарльз Николеттс первоначально заявлял: *«Это тайный сговор папистов и обработанных папистами, стремящихся вырвать из земли протестантские корни»*. Но затем, признавая широкое

участие в заговоре неприягнувших, он признал, что *«это была тайна линси-вулси*»; странная смесь наций и столкнувшихся вместе партий (чувства которых ранее достаточно различались) для ниспровержения благоденствия нашего Сиона»*. Винсент Олсоп, который когда-то находился в числе нескольких диссидентов, поддерживавших Якова II, начал свою службу с обычного обвинения «Антихриста», ищущего возможности «вырвать с корнем само слово „протестант”». Однако к концу службы он пришел к «самому высокому порыву негодования» против протестантских заговорщиков и их священников, не давших клятву. Затем он посчитал необходимым озвучить примирительное замечание относительно римских католиков. «Я радуюсь, — сообщил он своим прихожанам при расставании, — что можно найти паписта, который раскроет государственную измену». Таким же образом Джон Мур произнес проповедь перед Вильгельмом III: «Там, где папизм имеет полное влияние на людей, он прорвется сквозь все связи, природные, гражданские или божественные, чтобы служить этим интересам». Но он пришел к признанию, что, хотя «это совершенно необъяснимо, как какой-либо протестант может участвовать» в заговоре, «все-таки нельзя отрицать, что некоторые из них принадлежали нашей религии и церкви»⁴¹. Для некоторых диссидентов и англикан неоспоримые свидетельства участия протестантских заговорщиков разрушали их веру в неизбежные и особые отношения между римским католицизмом, с одной стороны, и убийством короля, нетерпимостью и тиранией — с другой.

Большинство в Англии даже среди клириков уже отошли от конфессиональной политики и раннепротестантских предубеждений. Их не беспокоили доказательства многоконфессиональной природы заговора. Эдуард Фаулер напомнил палате лордов, что мятеж якобитов был организован силами «объединенных сил папистов и недовольных протестантов среди нас самих». Позднее он подчеркнул, что именно «недовольные соотечественники-протестанты... больше всего стремились к падению нашего правительства». Джеймс Смоллвуд хорошо понимал, что «Иисус и якобиты [— протестанты] были равно доброжелательными к своему правительству». «В этот плуг, таща этот заговор, — отметил Дьюэл Пид, — запрягли вместе быка и осла, паписта и про-

* Грубая полушерстяная ткань на льняной основе, этот термин также обозначает сочетание трудносочетаемого. (Прим. ред.)

тестанта». На деле многие комментаторы доказывали, что заговорщики-католики меньше заслуживают порицания, чем их протестантские сообщники. Как заметил один из ранних комментаторов:

«Я не сомневаюсь, что папистские священники столь же злобны, как и наши раскольники, но они имеют больше благоразумия и осторожности, и поэтому имеют своих людей для предоставления объяснения и для убеждения народа, что их церковь не такая темная, как мы себе ее представляем. Они не вертятся, чтобы оправдать свои действия принципами, как делали последователи Кука, Кольера и Снатта, используя свою доктрину»⁴².

Понимать заговор, вторжение и планы мятежа февраля 1696 года как традиционный «папистский заговор» просто не имеет смысла. Уильям Стивенс с большой долей основания, но малым историографическим предвидением доказывал, что *«тот, кто (придет время) прочитает историю последней погрузки французов на корабли для вторжения и узнает, что папистов в королевстве было всего двести человек... оценит, что французам пришлось подталкивать их, чтобы они шли завоевывать Англию»*. Действительно, вильямит и автор одного памфлета был прав, когда утверждал, что политические убеждения сторонников Якова II и Людовика XIV, а вовсе не «религия королей обеспечили возможность этих фатальных заговоров»⁴³.

Большинство вильямитов не только отрицали, что их оппоненты вдохновлялись в первую очередь старинными взглядами на конфессиональный раздор, — они настаивали, что война против Франции, служившая столь важным революционным лозунгом, вовсе не была частью протестантского крестового похода. Интересы *«всех добрых католических королей, — заметил один памфлетист вильямитов, — так тесно соединены с интересами протестантских королей, что они сражаются в наши дни по тем же причинам, чтобы освободить свои владения от тирании общего врага»*. Частичное оправдание якобитов сэром Джоном Феником побудило другого вильямита напомнить британцам, что *«большинство королей и государств христианского мира, реформированные и перереформированные, связаны в огромную и необычайную конфедерацию для общей взаимной поддержки своих владений»*. «Раз-

ве французское вторжение уже не объединило различные нации с различными религиями вместе в одну общую лигу для взаимной безопасности?» — спрашивал виг, клирик Уильям Стивенс⁴⁴.

В ответ на заговор вильямиты сделали больше, чем просто отставили в сторону былую сосредоточенность на конфессиональной политике. Они также решительно отвергли умеренную конституционную позицию, которой придерживались во время дискуссии о лояльности. Большинство вильямитов отреагировало на попытку убийства требованием гораздо большего, чем лояльность королю на практике.

Комментатор за комментатором, включая тех, кто придерживался полного одобрения правительства, настаивали, что Англия является ограниченной монархией по закону. Уильям Уэйк, который в это время был одним из священников Вильгельма III, напомнил своей аудитории в Сент-Джеймсе в Вестминстере, что английская монархия *«заключена в рамки и по конституции является ограниченной монархией; и создана не на имперских законах нескольких призрачных политиков, а на фундаментальных законах собственного сочинения или признания»*. Ход умозаключений был ясен: *«Я должен официально заявить, что или я не способен судить о смысле и причинах сущего, или отсюда должно следовать, что абсолютная монархия, король, не связанный законом, но правящий только по понятиям собственной воли, — это не король по нашим понятиям: наша конституция не признает такого монарха, и мы не обязаны слушаться такого короля»*.

Яков II, соглашались все, стал как раз таким королем. Один клирик напомнил своей аудитории, что при Якове II Англия была *«порабощена своевольной властью»*, а другой остро заклеил Якова как *«последнего Тарквиния»*. Самюэль Бартон, священник из палаты общин, доказывал, что Яков II навязывал англичанам *«новую конституцию управления, согласно образцу соседней нации»*. *«Захватом таможен и поднятием налогов без решения парламента, расправой с законами королевства, созданием и содержанием регулярной армии в мирное время и подобными ужасными ошибками»*, доказывал выдающийся виг, законник Уильям Этвуд, Яков II *«нарушил ту конституцию, которая сделала и удерживала его королем»*. В результате он *«явно перестал быть королем еще до его отречения»*⁴⁵.

Аргументы, что Англия является ограниченной монархией и что Яков II правил во французской и абсолютистской манере, конечно, не были новыми. Но примечательно, что на волне заговора более 80% тех, кто соблюдал политическую лояльность, отвергли пассивное послушание, понятие короля де-факто и поддержку политического сопротивления⁴⁶. Защитники постреволюционного режима, даже те, кто был наиболее тесно связан с ним, теперь избегали умеренной и двусмысленной интерпретации событий 1688–1689 годов.

Защитники постреволюционного режима теперь открыто отрицали доктрину пассивного послушания и неоспоримого священного наследственного права. Если Яков II действительно имел «священное и неоспоримое право на наше пассивное послушание», признавал Уильям Стивенс во время своей службы в День благодарения, проведенной перед лорд-мэром Лондона, то Вильгельм III не имел права на трон. Однако, гремел Стивенс, притом что *«пассивное послушание закону земли — это завет Иисуса; пассивное послушание воле короля — это завет Иуды; фальшивая и предательская доктрина, посредством которой все гражданские правительства и законные права предаются самовольной власти»*. Дьюэл Пид, священник герцога Ньюкасла, перечислил среди «пагубных доктрин», которых «вам следует избегать», «доктрину *jure divino* и следующую из нее освобождающую силу», а также «доктрину пассивного послушания и исходящее отсюда непротивление». Уильям Этвуд доказывал, что на деле именно сторонники *jure divino* являются идеологическими инноваторами и их доктрина возникла со вступлением на престол Якова I⁴⁷.

Далекая от владения всем политическим пространством, теория лояльности де-факто стала теперь целью пропаганды почти каждого проповедника и памфлетиста. Самой двусмысленной клятве верности, «с которой играло столь много якобитов», нельзя было больше позволять существовать, доказывал Генри Дей. Теперь стало «ясно как день, что доктрина *de facto* чуть не погубила не только корону и жизнь [Вильгельма III], но также нашу религию, законы и собственность». Уильям Стивенс надеялся, что «мошеннический аргумент о правлении *de facto*, который является краеугольным камнем позднее задуманного убийства, мятежа и вторжения», перестанет ассоциироваться с королевским титулом. Дьюэл Пид считал виновным в этом «неуклюжее понятие

короля *de facto*», указывая, что оно привело некоторых заговорщиков на эшафот. Те, кто «признает одного короля *de facto*, одного *de jure*», как зарифмовал поэт Ричард Буве,

*Политики эти должны быть в резерве,
Французские планы дополнят, усердствуя:
В угоду алчности, ненасытной стерве,
Европу сдадут и Англией пожертвуют*⁴⁸.

Вильямиты в 1696 году предпочитали теорию активного сопротивления концепции пассивного послушания. Они настаивали, что Вильгельм является королем и де-юре, и де-факто. Несмотря на очевидную поддержку Провидения Англии и ее королю, и в 1688, и в 1696 году, вильямиты не намеревались пассивно ждать божественного действия. Популярный проповедник и будущий архиепископ Кентерберийский Уильям Уэйк советовал своей аудитории *«не воображать, что раз мы велим верить в Бога, мы не должны больше ни о чем заботиться и не предпринимать никаких нужных мер для успеха наших дел»*. Одни аргументы Провидения, объяснял Самюэль Бартон в палате общин, «могут показаться очень опасным и неясным путем в споре»⁴⁹. Предусмотрительная политика требовала от политической нации активности, а не пассивности.

Аргументы обсуждений и утилитарные дискуссии апеллировали к общественному благополучию, дополненному историческими примерами политического сопротивления. Так как было бы *«абсурдно говорить, что все королевство может претендовать на свои законы и свободы и все-таки не иметь права защищать их, хотя они никогда столь намеренно и в таких масштабах не нарушались»* — рассуждал Уильям Уэйк, — *то это королевство имеет причину, чтобы подняться на защиту своих законов и своей религии, созданной этими законами»*. Издатель «Пост-Мэн» отсылал своих читателей за доказательствами справедливости политического сопротивления к европейским прецедентам и Джеймсу Тиреллу. Он доказывал, что как только король *«намерен убрать конституцию и фундаментальные законы и нарушить основные пункты своей коронационной клятвы, он отрекается ipso facto (самим фактом) от своей королевской власти, перестает быть королем и люди имеют право заполнить трон,*

*который теперь становится вакантным». Генри Дэй защищал политическое сопротивление, отсылая свою аудиторию к «Двум договорам» Джона Локка, заверяя, что тот «жестко» опроверг пагубные тезисы Роберта Филмера. Другой комментатор, наиболее утилитарный среди участников дебатов, привел еще одно историческое оправдание для правительства. «*Логично предположить, что каждый человек больше всего печется о собственных интересах, то есть можно считать, что интересы большинства имеют максимальную поддержку*», — утверждал этот памфлетист. Таким образом, понятие, что «мнение большинства лучше для всех», рассуждал он, является «гораздо более простым и твердым фундаментом для лояльности, чем те утонченные схемы государств и правительств, которые некоторые лицемерные коллекционеры античного хлама выкаблывают и отфильтровывают из старых таинственных неразборчивых манускриптов; или же те, которые переменчивая мысль некоторых казуистов предлагает нам под видом выгоды».*

Уильям Стивенс также высмеял понятия хорошего правления, основанного исключительно на «праве наследования». Взамен, доказывал он, «общественная свобода» должна быть главным стандартом, чтобы оценивать правителей. Когда правитель считает «своим делом разрушить религию, законы и свободы» своей страны, предполагал Стивенс, то «людям не только позволено, но обязательно по долгу перед своей страной, своим потомством и своими собственными душами, результативно, силой оружия убрать причину такого невыносимого бедствия»⁵⁰.

В 1696 году вильямиты не стеснялись объявлять, что народ сверг Якова II и сделал Вильгельма III своим королем. Народная поддержка стала легитимным мерилom для политической законности. Джеймс Смоллвуд напомнил в Вестминстере в Сент-Джеймсе, что Вильгельм III был «призван голосом народа». Более важно то, что протестантский поворот стал «в то время поворотом в сердцах людей настолько всеобщим, что заставлял даже тех, кого избрали стать инструментом для превращения нас в рабов, с такой готовностью переходить на другую сторону», — провозглашал Сэмюэль Бартон в палате общин. «Люди Англии призвали этого великого принца на помощь в тяжелую минуту, — утверждал другой комментатор, — потому что „самый христианский

король" правил в трех королевствах Великобритании не меньше, чем во Франции»⁵¹.

Народ не только пригласил Вильгельма в Англию, но он выбрал сделать его своим королем. Цитируя Джона Локка в части теоретического оправдания революции, Генри Дэй заявил, что «большинство людей выбрало своего доблестного представителя стать их королем». *«Государства нашего королевства и главы племен нашего Израиля по согласию всей нации, — писал лютеранин Дж. Е. Эдзард, — объявили [Вильгельма] своим королем и подтвердили вручение ему короны»*. Вильгельм стал королем по «народному согласию», что является «наилучшим основанием для лояльности», — утверждал один из заговорщиков, собеседник Джона Феника. «Деревенский джентльмен» отметил, что Вильгельм III «сделан и объявлен королем большинством» в парламенте, «а выборы такого рода подразумевают согласие каждого голосующего на все действия избранной таким образом личности». Френсис Грегори пытался укрепить право Вильгельма воображаемым плебисцитом. «Я убежден, — заявил он своим прихожанам, — что из двадцати религиозных и трезвых протестантов девятнадцать проголосовало бы за короля Вильгельма»⁵².

Вильямиты не только отринули все предреволюционные определения политической лояльности, выдвинутые якобитами, — они также заявили, что протестанты-якобиты и их сторонники желают видеть устаревшую и подчиненную Церковь Англии. Они утверждали, что постреволюционное религиозное урегулирование стало радикально отличным и существенно более совершенным. Постреволюционная Церковь стала выше, заявляли они, потому что она проповедовала терпимость, поставила пределы политической власти и настаивала на моральных основах политики.

И диссиденты, и англикане подчеркивали исчезновение религиозного преследования после революции. «Большим и широким стал разрыв в последних царствованиях между Церковью Англии и путями диссидентов», — с горечью вспоминал хемпширский диссидент Чарльз Николеттс. Но теперь «брешь полностью заделана». Николеттс вначале с энтузиазмом воспринял Декларацию об индульгенции Якова II, но потом остыл по отношению к ней, как случилось со многими диссидентами. Он различал свободу «разрешенную», как при прежнем режиме и свободу, «обеспеченную и жестко установленную законом». Действительно, это раз-

личие было настолько важным, что он считал, «не было бы никакого заговора» против Вильгельма и его режима в среде высокой церкви, не подпиши он Акта о веротерпимости.

Известный спорщик квакер Джордж Кейт также с печалью вспоминал ситуацию, когда «мы не могли ни встречаться, ни собираться вместе без огромного риска и переживаний». Поэтому он настоятельно советовал своему товарищу Френдсу отвергнуть пример Уильяма Пенна и активно поддержать режим вильямитов, при котором те, *«кто рассудителен, благочестив и чуткого сознания, могут пользоваться счастливыми вольностями и свободой служить и поклоняться Богу согласно их вере и убеждениям»*. «Мы не слышим больше о подбадривании доносчиков, — заметил другой диссидент. — Никто не имеет повода жаловаться на обиды по поводу религии»⁵³.

Представители Церкви Англии тоже праздновали наступление нового режима терпимости. «Преследование из-за мнения, благодарение Богу, я всегда ненавидел», — говорил своей аудитории священник Вильгельма III Уильям Уэйк в Сент-Джеймсе, в Вестминстере. «Истинная религия», та, что продвигалась постреволюционной церковью, «желает благополучия и счастья даже тем, кто находится на самом дальнем расстоянии от ее собственных убеждений». В такой же проповеди двумя неделями ранее Джеймс Смоллвуд отметил тот факт, что «теперь нет преследования из-за религиозных взглядов». Сила, проповедовал Уильям Стивенс перед лорд-мэром Лондона, может заставить человека «через лицемерие имитировать принадлежность к любой религии». Но гораздо лучше, предполагал он, согласиться с существованием множества конфессий, как сделал режим вильямитов. Он доказывал, что *«такие мнения, которые сводятся к моральной практике (истинной или фальшивой), сами по себе невинны и поэтому могут не давать причин для волнения»*⁵⁴.

Вильямиты также отвергали заявления неприсягнувших, что христианство запрещает сопротивление власти. Они не только провозгласили о теории сопротивления — они настойчиво доказывали, что не существует библейского оправдания для пассивного послушания. Генри Дэй упрекал священников за *«слишком далекий отход от их сферы деятельности с вмешательством в дела, которые их не касаются, принципиально государственные дела, при последних режимах»*. Доктор Ричард Кингстон также утвер-

ждал, выступая против сэра Джона Феника, что «наши законы, а не наша религия определяют нашу лояльность». В публикации «Декларации здравого смысла архиепископов и епископов», направленной против попыток Кольера, Снатта и Кука оправдать Паркинса и Френда, иерархия Церкви ясно продемонстрировала свой отказ от правила пассивного послушания. «Эти великие, видные и благочестивые епископы, которые теперь стоят во главе нашей Церкви», верно описывала «Пост-Мэн», верили, что когда король «идет на уничтожение всей конституции, как сделал король Яков, людей связывают благоразумие, честь и сознание, чтобы не повиноваться ему». И диссиденты, и англикане соглашались, что проходившее во время режима Якова II и Карла II просто не может быть оправдано⁵⁵.

Вильямиты поддерживали постреволюционную церковь также и по третьей причине. Тогда как Кольер и его неприсягнувшие собратья жестко критиковали новых епископов за сведение религии до простой морали, новый истеблишмент продолжал традицию низкой церкви, доказывая, что патологический страх ереси среди высоких священников разрушил сознательность внутри Церкви. Например, «Пост-Мэн» обвинила неприсягнувших в создании церкви, которая «не остановится ни перед чем, чтобы продвигать свои интересы», но обращается с «величайшими преступлениями», как будто «они совершили не более чем пустяковые проступки».

Напротив, истеблишмент Церкви Англии ставил моральное поведение выше доктрины религиозной чистоты. Джон Тиллотсон, недавно умерший архиепископ Кентерберийский, сильно гордился, приведя герцога Шрусбери «в нашу религию», обратив его от семейной католической традиции — и все-таки он считал гораздо более важным то, что Шрусбери «продолжит оставаться добрым и целомудренным человеком и не станет протестантом». Тиллотсон был убежден, «что невежество и ошибки найдут у людей прощение и понимание гораздо скорее, чем дефекты их желаний». Почти походя Джеймс Смоллвуд осудил любую религию, которая «приходит, чтобы вытеснить моральную честность». Он задавался вопросом, который стал частым среди священников низкой церкви, теперь доминировавших в англиканской иерархии: *«Для чего же тогда существует религия, если не для изменения манер и поступков людей, удерживания человеческой природы от*

насилия и жестокости, от фальши и предательства, от подстрекательства к мятежу и государственной измене?»⁵⁶

Переориентация европейских обязательств Англии, переопределение политической лояльности и перестройка Церкви Англии сопровождались тяжелой реорганизацией английских государственных экономических обязательств. В то время как якобиты указывали на экономический кризис 1695–1696 годов, чтобы доказать обнаруживающийся провал экономической политики вильямитов, сторонники революции винили в экономическом спаде инспирированные якобитами проблемы. Там, где якобиты жаловались на суровое обращение с Ост-Индской, Королевской Африканской компаниями и Компанией Гудзонова залива, вильямиты указывали на саботаж со стороны тори и их оппозицию по отношению к Банку Англии. В то время как якобиты оставались сторонниками экономики, основанной на земельной собственности, вильямиты являлись сторонниками производственной экономики.

Вильямиты отвечали на обвинения якобитов в плохом управлении экономикой настойчивыми заявлениями о том, что их противники не понимают реальности современной политической экономии. Ведение современной войны оказывает огромное давление на казну государств, требуя новейших экономических практик. Хотя военные налоги и потребовали национальных жертв, жертвы эти были увеличены заговором якобитов и их экономическими манипуляциями. Многие указывали, что война всегда оказывала неизбежное давление на экономику. Правительство, предполагал Джеймс Смоллвуд, не делало «ничего, что тяжело или горестно для подданных, но что неудачи войны в любом случае делают неизбежным». Уэльский диссидент Дж. О. убеждал свою аудиторию «весело платить наши налоги, какими бы тяжелыми они ни казались», потому что *«они абсолютно необходимы для ведения войны для защиты нашей религии и свобод, которые должны быть для нас дороже, чем наши поместья, чем наши жизни»⁵⁷*.

Однако вильямиты не только доказывали, что проблемы экономики страны стали неизбежным результатом революционной зарубежной политики. Они объясняли, что именно экономическая практика якобитов и тори привела к кризису. Людовик XIV и Яков II, заявлял Дьюэл Пид, «сговаривались, как они могут уговорить злонамеренных людей принизить достоинство и фаль-

сифицировать монету нации», надеясь, что вытекшее отсюда экономическое смятение «станет достаточным, чтобы втянуть нацию в неприятности и обеспечить возможности для вторжения, убийства и бойни». Аргументы Пиды теперь выглядят абсолютно смехотворными, но он был не одинок в своей вере в экономический заговор якобитов. Виг, член парламента и близкий друг Джона Локка, Эдвард Кларк, настаивал, что предложения тори по новому выпуску монеты, «дурные попытки навредить нашей монете», безусловно, являлись «частью заговора». Сэр Ричард Блэкмор в своем официальном изложении истории заговора, просмотренном вигами лордом Сомерсом и герцогом Шрусбери, сообщил подобную же историю. «Наша монета имеет многолетнее прошлое, постепенно уменьшалась или понижала достоинство — но за эти три последних года» была «чрезвычайно обрезана и фальсифицирована», — вспоминал Блэкмор. Хотя часть этого процесса, без сомнения, произошла благодаря «грязной алчности определенных персон», Блэкмор был уверен, что *«это происходило при усердной помощи наших врагов, которые таким образом пытались повлиять на наше правительство и подорвать его»*⁵⁸.

Почему вильямиты винили в монетном кризисе якобитов? Почему они не объясняли экономические трудности страны, просто указывая на необходимую дороговизну войны? Объяснение кроется в том, что политическая экономия стала центральной для значения революции. Экономические вопросы в общем и финансовые проблемы в частности стали фронтом и центром в фанатичных дебатах 1695–1696 годов. «Накал дебатов по поводу торговли» в палате общин в декабре 1695 года был настолько яростным, что какой-то комментатор заявил: «В любой палате парламента никогда еще не слышали таких речей с сорок первого года». Спорный и могущий далеко завести вопрос монетной массы стал темой межпартийных споров. Джон Локк, который глубоко погрузился в эту полемику, оценил ее в серии памфлетов и меморандумов в 1695 и 1696 годах. Для радикальных сторонников революции, таких как Джон Толанд, Джон Кэри и Джон Фрик, а также для вильямитов основного направления, таких как защитник Банка Англии Е. Н., генерал-губернатор Ирландии Генри Кейпел и Джон Эвелин, финансовые памфлеты Локка «не являлись достаточно ценными». Однако взгляды Локка, популярные в среде вигов, абсолютно не принимались их противниками. Его опубликованные работы кри-

тиковались шквалом возражений тори, включая сэра Ричарда Темпла и Николаса Барбона. Политическая экономия стала центральной для партийных разногласий в 1690-х годах⁵⁹.

Противники правительства достигли небольшого успеха в изменении виговской монетарной схемы Локка, но реальный успех пришел к ним при создании Национального Земельного банка. Хотя разные идеологические группы делали свои предложения по этому проекту, объединенный Земельный банк, основанный палатой общин, «управлялся в основном Фоули, Харли и тори». Идеологическая база его деятельности не могла быть яснее. Национальный Земельный банк отражал экономические взгляды, изложенные пропагандистами тори и якобитов в 1690-х годах, и проводил политику, принятую еще при дворе Якова II с 1685 по 1688 год. Это был парламентский проект многих, кого граф Эйлсбери вспоминал как «порожденных и воспитанных вигами», но теперь разделивших его «чувства».

Руководители Национального Земельного банка полностью разделяли мнение, что земля и только земля остается основой богатства. Сторонники Земельного банка верили, что собственность обязательно конечна и что экономическое выживание Англии зависит от поддержки правительством аграрной, а не промышленной экономики. «Национальный Земельный банк, — отмечал один из его основателей Джон Бриско, — назван верно, ибо фондом является земля, сообщество людей на земле, которые назначают людей от земли быть членами правления, губернаторами, казначеями». Этот банк в отличие от других схем земельных банков, настаивал Бриско, не имеет ничего общего с «денежными людьми». Сторонник тори и печально известной Ост-Индской компании сэр Долби Томас настаивал в своем описании Земельного банка, что «земля (и только она)» — вот «желаемое имущество королевства и *primum mobile** всего в нем». В этом контексте едва ли удивительно обнаружить, что Бриско, «ставивший Земельный банк на ноги», оказался вовлечен в якобитские планы приведения правительства в замешательство путем откровений Джона Феника. Неудивительно и найти двух родственников Феника в ранних списках подписчиков Национального Земельного банка⁶⁰.

* Первооснова движения (лат.).

При таком идеологическом подтексте легко понять, почему Уильям Стивен считал, что раскрытие заговора гарантирует «замораживание» Банка Англии — цель людей из Национального Земельного банка. Неудивительно, что Джон Локк был убежден, что «те, кто поднимал нашу монету, и подписчики Земельного банка» — тайные якобиты, а не сторонники режима Вильгельма. Банк Англии, указывал тори Томас, «не ответит целям людей от земли». Крупный сторонник Банка Англии, Джон Бриско, в идеологически важном отзыве на заявление якобитского памфлетиста Фергюсона о новой политической экономической программе режима упомянул «несколько одних и тех же джентльменов, которые несколько лет назад энергично противостояли созданию Ост-Индской и Африканской компаний».

Различие в экономических идеологиях вполне объясняет противостояние между двумя банковскими схемами, партийные раздоры в палате общин и экономическую полемику между вигами и тори/якобитами. В то время как люди Национального Земельного банка считали, что земля является основой богатства, защитники Банка Англии настаивали, что *«ничто не развивает больше и не расширяет так торговлю, чем быстрая продажа товаров от наших производителей, и ничто не делает это более эффективно, чем Банк»*. Друг Локка Джон Кэри считал, что лучшей экономической политикой было поддерживать не людей земли, а «наше производство, которое занимает наших людей, ведь богатство Англии растет в основном благодаря труду ее жителей».

Для вильямитов заговор и его последствия наносил финальный смертельный удар по якобитской экономике. Проект Национального Земельного банка стал экономическим контрударом сэра Джосии Чайлда и тех, кто разделял его политэкономические принципы. Провал банка при сборе необходимого числа подписчиков в большой степени мог произойти из-за экономических обстоятельств. Но нельзя не признать, что он был тесно связан с экономикой тори и якобитов и ему так мощно противостоял новый политический триумфатор — правительство вигов⁶¹.

Далеко не стремившиеся свести к минимуму последствия событий 1688–1689 годов, вильямиты после попытки убийства 1696 года стали подчеркивать идеологические различия. Они соглашались со своими оппонентами якобитами, что в Англии после 1688 года многое изменилось. Однако в отличие от якоби-

тов они настаивали, что эти перемены к лучшему. Они доказывали, что Англия освободилась от французского рабства. Революционеры не только начали долгожданную континентальную войну против французского абсолютизма — они сделали так, что английское государство не стало больше повторять централизацию «короля-солнца», систему бюрократического и автократического режима.

Вильямиты также защищали новое понимание лояльности. Теперь они отвергали доктрину пассивного послушания, непрекаемой наследственности по священному праву и положение короля лишь де-факто. Вместо этого они основывали свою лояльность на понятиях общественного благополучия и согласия. Вильямиты также защищали реорганизацию Церкви Англии и введение терпимости. Клирики, как доказывали вильямиты, должны в первую очередь внушать хорошие манеры, а не заботиться о доктринерской чистоте. Наконец, вильямиты отстаивали ту схему политической экономии, которая определяла Англию как производительную нацию. Они защищали Банк Англии в противовес Национальному Земельному банку. Они защищали домашних производителей от импорта готовых товаров Ост-Индской и Королевской Африканской компаний. Они определили собственность как создаваемую человеческим трудом, а не наследованием земли.

* * *

Виги, сторонники революционного режима, не только воспользовались заговором, чтобы отточить и сформулировать свое понимание значения произошедшей революции — они также использовали свой новый обширный политический капитал для формирования и определения своего видения современной английской политической нации.

Революционеры Англии, как и революционеры повсюду, стремились усилить идеологическую чистоту постреволюционного общества. Они настаивали, что англичане, сначала в парламенте, а затем по всей Англии, Шотландии и Ирландии, как и в колониях, создадут новое сообщество граждан, утвердив свои обязательства перед законностью и справедливостью перемен. Они хотели донести до общества свое понимание революции. Делая это, они определили качественные и количественные отличия государ-

ственного устройства от существовавшего при Тюдорах и в начале правления Стюартов.

Комментаторы заявляли, что раскрытие заговора и широкие споры о природе революции, вызванные этим раскрытием, решительно повернули общественное мнение в сторону вильямитов. Комментатор за комментатором отмечали, что «король Вильгельм завоевывает новые сердца каждый день». *«Совсем недавно я стал замечать, что мы полны неудовольствия, испорчены завистью и страхами и пресмыкаемся, ворча и жалуясь на множество вещей, на каждую в отдельности»*, — с намеком вспоминал Винсент Олсоп, но *«теперь ясно, что все эти беспокойства, это раздражение духа, которое делало людей тревожными, закопаны в могиле заговора»*. *«Люди никогда не были так тесно объединены, как сплотились сейчас, никогда они так страстно не выступали против французского короля и последнего короля Якова, а якобиты не опускались так низко и не впадали никогда в такое отчаяние»*, — возглашал издатель «Лондон Ньюс-Леттер»⁶².

Многие верили, что события и дебаты 1696–1697 годов переделают якобитов в вильямитов. Джеймс Грэхэм из Нью Йорка считал, что даже «самые большие враги» Вильгельма станут теперь его сторонниками. Джон Эвелин, который ненавидел весь якобитский план, заметил, что «многие раньше сочувствовали состоянию короля Якова» — но *«этот план убийства и ввода французской армии многих из его друзей заставил отвернуться и вроде бы создать более привлекательный образ короля Вильгельма»*. Другие тоже отмечали, «как много обманутых якобитов готовы теперь повернуться к нам» и хвалить режим Вильгельма. Похоже, даже Яков II считал, что «люди и парламент (который иначе начинал колебаться)» настроены теперь «больше чем когда-либо в пользу принца Оранского»⁶³.

Официальный День благодарения в Англии, 16 апреля 1696 года, дал во многих населенных пунктах возможность продемонстрировать обязательства жителей в отношении революционного режима. Тонтон, давний рассадник вигов, организовал буквально вселенский праздник. После «прекрасных служб», проведенных «в обеих наших церквях и всех отдельных конгрегациях», городская аристократия «всех убеждений» собралась в Ратуше, где «с большой любовью выпили за здоровье короля Вильгельма, своего освободителя». «Все ворота города, форт и верхушка колокольни

были разукрашены флагами. Все люди в этом городе Восточного Сассекса «демонстрировали свое рвение оборонить его величество», выпивая за здоровье короля и «желая ему победы над всеми его врагами, а также долгого и счастливого правления».

В Норвиче День благодарения отпраздновали «большей демонстрацией лояльности и преданности, чем я когда-либо наблюдал до того», — доложил оттуда корреспондент «Пост-Мэн». В Вустере объединенные компании этим утром прошли парадом до кафедрального собора. Вечер отметили кострами, звоном колоколов и *«демонстрацией лояльности со всевозможными проявлениями радости, а также крайнего отвращения к дворам Версаля и Сен-Жермена через черные и дьявольские их изображения»*. Шелдонский театр в Оксфорде был «необыкновенно запружен» людьми, которые несколько часов слушали «торжественные выступления и речи» и «в прозе, и в стихах», демонстрировавшие «наш долг и любовь его величеству». Жители и Дарема, и Большого Ярмута приняли участие в ярких и восторженных представлениях «преданности и лояльности» революционному режиму. В Лондоне и Вестминстере «устроили иллюминацию, костры и другие общественные увеселения»⁶⁴.

Многие другие события оставили впечатление поворота в политических чувствах по отношению к Вильгельму. Гилберт Бернет вспоминал, что «раскрытие заговора перевернуло мысли людей», так что в парламенте «все чувства злости отпали и сессия пришла к очень счастливым заключениям». «Сельские жители» в Уорикшире «снесли» дом сэра Уильяма Паркинса, «так как он больше не должен был быть вместилищем предателей». Люди Эршира в Шотландии приветствовали новости о заговоре, предложив «10 000 человек на службу его величеству на десять дней *бесплатно*, а затем за плату во время любой опасности». По всей стране *«многие храбрые моряки, видя, что нация находится в явной опасности, вышли из своих потайных нор, где они прятались от насильственной вербовки, и предложили свои услуги»*⁶⁵.

Эти впечатляющие и анекдотические свидетельства, хотя и предполагают изменения в настроении, могут указывать на что-то большее, чем кратковременный поворот в общественном поведении. Однако политическое развитие быстро заставило огромное большинство подданных Вильгельма принять твердую общественную позицию по поводу природы революции. 24 фев-

раля, в тот же день, в который Вильгельм открыл существование заговора в речи в палате лордов, палата общин составила ассоциацию, чтобы защитить своего короля «от последнего короля Якова и всех его приверженцев». Ассоциация, которая напоминала ту самую ассоциацию в защиту Елизаветы от 1584 года, созданную после того, как католический заговор Трокмортон стал угрожать ее жизни, была гораздо более строга в вопросе лояльности, чем клятва, дававшаяся после революции.

Палата общин настаивала, чтобы Вильгельм стал гораздо более чем королем де-факто — «полноправным, законным королем этих королевств». На следующий день членов палаты общин созвали, чтобы подписать ассоциацию. 27 февраля клерки собирали подписи, графство за графством. Результаты оказались предсказуемыми. Несмотря на всплеск общественных чувств к Вильгельму, около 20% палаты отказались ставить подпись, то есть признавать Вильгельма королем де-юре⁶⁶. Едва ли это свидетельство того, что теория «короля де-факто» работала лишь на войне. Однако в контексте реальной опасности французского вторжения и якобитского мятежа это голосование навело на мысль, что существует глубокое расхождение во мнениях, нужна ли была революция.

В палате лордов прошли более резкие и оживленные дебаты об ассоциации. В конце концов, формулировка ее стала несколько иной. Вместо утверждения Вильгельма «полноправным и законным королем» союз лордов заявил, что «его теперешнее величество король Вильгельм по закону имеет право на корону этих королевств и что ни последний король Яков, ни претендент принц Уэльский, ни какая-либо иная персона не имеет на это права». Хотя язык использовался менее традиционный, результат стал тем же. Никто из подписавших ассоциацию не мог провести различие между королем де-факто и королем де-юре. «Флаинг пост» была права, заявив, что «ассоциация палаты лордов была ничуть не менее ревностной по отношению к правительству, чем палаты общин». Результат подписки в палате лордов статистически оказался таким же, как и в палате общин. В обоих случаях, без сомнения, идеологическая позиция при отказе в подписи была ясна. Когда дипломат Джордж Степни услышал, что граф Ноттингема страстно выступал против ассоциации, этот английский виг прокомментировал, что Ноттингем стал «самым яро настроенным против интересов короля человеком в Англии». Степни надеялся,

что Ноттингем будет наказан наряду с осужденными заговорщиками, но считал, что бывший государственный секретарь «знает законы слишком хорошо и не заходит дальше, чем может поступать безопасно»⁶⁷.

Парламентские ассоциации вскоре стали образцом для аналогичных документов графств, городов, поселков и корпоративных союзов. Каждая местность, каждая группа, каждая компания в Англии, Уэльсе и вне их начала создавать и подписывать такие бумаги. В начале апреля палата общин приказала, чтобы ее ассоциация *«и все остальные ассоциации людей Англии подали сведения в Тауэр в качестве вечного памятника их лояльности и любви к их величеству»*⁶⁸.

Здравые елизаветинские идеи в дискуссии вильямитов об ассоциации привели некоторых историков к мысли о фундаментальной идеологической, социальной и политической непрерывности между концом XVI и концом XVII веков. Патрик Коллинсон говорил про концептуальное единство «на весь XVII век, которое, можно сказать, имело свои корни в конце XVI века». Елизаветинская связь ассоциации, предполагает он, имела «устойчивое продолжение в XVII веке». Эта ассоциация представляет собой образец, определяя «сущность протестантской политической нации» — «лояльность, определяемую и выражаемую конфессионально»⁶⁹.

Однако многие свидетельства 1696 и 1697 годов указывают на идеологический и социальный разрыв. Королевства, которыми правил Вильгельм III, и социально, и политически очень отличались от тех, которыми правила Елизавета I. Политическая нация стала ярче выраженной, более разнообразной и географически более обширной. Идеологические обязательства постреволюционного режима радикально отличались от предшествовавшего, не говоря уже о елизаветинском режиме. Распространить фундаментальное единство на весь XVII век — значит игнорировать некоторые аспекты революционных перемен.

Ни ассоциация, принятая в палате лордов, ни ассоциация, одобренная в палате общин, не определяли лояльности в конфессиональных терминах. Обе ассоциации обвиняли в заговоре «папистов и других дурных и предательских личностей», но ни одна из них не увязывала конфессиональную принадлежность с лояльностью. Действительно, было бы удивительно, если бы они сделали так. И палата лордов, и палата общин хорошо понимали, что

многие протестанты, как и многие католики, сочувствуют заговору. Все в парламенте, как и повсюду, также понимали, что они участвовали в многоконфессиональной борьбе против Людовика XIV — борьбе, которая велась за европейские свободы, а не конфессиональные цели⁷⁰.

Глубина социального разрыва между елизаветинским и вильямитским единством очевидна. В начале XVIII века Джон Олдмиксон заявил, что всевозможные многочисленные оценки в списках ассоциации имеют разброс в менее 10 процентов. Столь небольшое несовпадение не играет роли: более 450 000 человек подписали ассоциацию, признающую, что Вильгельм является полноправным и законным королем. Сравнение с елизаветинскими списками впечатляет. Два елизаветинских документа с подписями выделяются своими размерами. В Йоркшире, список которого не сохранился, как сообщалось, в 1584 году было 7,5 тысячи подписчиков. В 1696 году под ассоциацией вильямитов в Йоркшире подписались более 24 тысяч. В Вустере, который явно выделялся тем, что тут было позволено «присоединиться простым горожанам», в 1584 году более двух сотен подписчиков собрали. А в 1696 году он имел в списке Вильгельма более тысячи имен. Елизаветинский Корниш дает 115 имен. В 1696 году корнишские рабочие оловянных рудников собрали 5 тысяч. В 1584 году граф Дерби собрал 66 подписчиков из Ланкашира. В 1696 году «считалось, что число подписчиков составит около 100 000».

Обычно елизаветинские списки единения содержали десятки, максимум сотни имен. Вильямитские списки насчитывали тысячи и десятки тысяч. В большинстве случаев елизаветинские списки ограничивались «чиновниками и джентльменами». В 1696 году списки ассоциации подписывались во время судебных разбирательств, квартальных сессий и на собраниях компаний. В некоторых случаях подписи собирали, идя от двери к двери. В Норфолке, например, собиратели подписей прошли «через каждый церковный приход». Похоже, что почти каждому — или по крайней мере почти каждому мужчине — была предложена возможность подписать соглашение. В Йорикшире просили подписать «всех жителей-мужчин от 16 лет и выше». Таким же образом на Барбадосе соглашение предлагалось «абсолютно всем мужчинам от 14 до 60 лет»⁷¹. В 1690-х годах политическая нация стала гораздо шире, чем элита графств.

Простое сравнение числа подписчиков в двух эрах не объясняет разницы в социальном составе между елизаветинским и вильямитским обязательствами. В то время как елизаветинское обязательство было обращено к «более старшему священничеству», докторам и прокторам Арчского суда*, клятва вильямитов циркулировала в широких рядах профессиональных организаций. Замечательная широта этих организаций и их понимание значения единства политической нации демонстрируют огромный социальный разрыв, который отделяет елизаветинскую Англию от вильямитской⁷².

В отличие от елизаветинской эры, когда обязательство подписывали лишь несколько представителей церковного истеблишмента, в 1696 году священничество всех уровней стремилось к демонстрации единения. В Норфолке просили подписаться всех клириков архидьяконства Хэмфри Придо. Каждый дьякон и архидьякон по всей Англии и Уэльсу ответили такими же ассоциациями. Таким же образом представили ассоциацию всем *«носителям церковных и гражданских законов, а также законов государств, вместе с офицерами и другими людьми, принадлежащими к церковным и адмиралтейским судам»*⁷³. И опять же обязательство вильямитов циркулировало гораздо более широко в среде гражданских законников, чем его елизаветинский предшественник.

Религиозные ассоциации вышли далеко за пределы Церкви Англии. Группы диссидентов в отличие от елизаветинских времен не только устроили свою кампанию, но также отделили ее от кампаний с петициями периода Реставрации, где диссиденты и англикане вряд ли выступали на одной и той же стороне. В 1696 году, освобожденные Актом о веротерпимости, давшим им возможность проявить себя добрыми англичанами, диссиденты с жаром ответили своими перьями. Диссиденты в целом давно уже отбросили свое быстро прошедшее возбуждение по поводу Декларации об индульгенции Якова II. Как и на июньском суде семи епископов 1688 года, диссиденты встали рядом со своими англиканскими собратьями не ради конфессионального государства, а в защиту гражданской свободы на Британских островах, в континентальной Европе и вне ее.

* Высший церковный апелляционный суд Британии. Находится в Кентерберийской епархии, с конца XIII века заседал в лондонской церкви Сент-Мэри-ле-Боу; ныне собирается в Вестминстерском аббатстве. (Прим. ред.)

В начале марта пресвитерианец Джон Хау «с большим количеством священников-нонконформистов» выступил перед Вильгельмом III с «очень лояльным обращением» по выявлению заговора. Вторая группа священников-диссидентов обратилась к Вильгельму в Олторп-Хаузе, поддержав ассоциацию и заявив, что Вильгельм является их законным сувереном. Подбодренные этими публичными выступлениями, которые оказались вторичными по сравнению с наводнением диссидентских служб, совершенных 16 апреля, многие диссидентские собрания подписывали свои списки ассоциаций. Клирики-диссиденты в Лондоне, Эксетере и графстве Сомерсет представили собственные списки. Священники-диссиденты вместе со своими конгрегациями систематически собирали подписи и представленные списки из графств Хэмпшир, Уэстморленд и Камберленд. Усилиями этих графств добавились списки от отдельных конгрегаций по всей стране. «Несколько баптистских священников» решили подходящим представить собственные ассоциации.

Квакеры, которые были более лояльны к Якову II, чем любая диссидентская группа, и которые имели религиозные возражения относительно клятв, тем не менее в конце концов нашли способ присоединиться. Джордж Кейт составил заявление для подписи своей лондонской аудитории, настаивая, что Вильгельм «полноправный и законный король этих королевств». Квакеры из Хоулдернесса в Ист-Ридинге, Йоркшир, оказались, вероятно, единственными на многих митингах Френда, которые использовали преимущество парламентских условий, что квакерам нужно подписывать только Декларацию верности⁷⁴.

Диссиденты, естественно, были свободны подписывать списки единения и в своих гражданских корпорациях, и в своих графствах, и огромное большинство так и делало. Важность диссидентских ассоциаций 1696 года состоит в том, что теперь они демонстрировали себя как законные общности. После появления Акта о веротерпимости государство теперь признавало право на религиозную жизнь вне Церкви Англии. Диссиденты использовали это право, чтобы отстоять свое место в политической нации.

Само государство играло большую роль в усилиях по единению в 1696 году. В 1584 году не существовало созданных самим государством списков ассоциаций. Теперь же вооруженные силы, которые сильно выросли после гражданской войны в середине

века, представили ряд своих списков. Основное количество армейских офицеров в Англии и Фландрии представили свои отдельные ассоциации, созданные по образцу договора палаты общин. Все полки представляли отдельные ассоциации. Гарнизоны и в Англии, и в Нидерландах составляли ассоциации с приложением адресов⁷⁵. Недавно созданная артиллерийская служба представила собственный список.

Регулярная армия, как англичане весьма часто слышали несколько последних лет, была постелизаветинским добавлением в государство. Поэтому данные ассоциации, которые добавились к собранным более традиционным спискам от местной милиции графств, демонстрировали политическую и социальную важность вновь образованной сухопутной⁷⁶.

Елизаветинская Англия имела флот — хотя и не на постоянной основе. С середины XVII века профессиональный флот играл все более важную роль в английской политике и дома, и за границей. Поэтому вполне очевидно, что офицеры флота его величества готовили свои ассоциации и в Англии, и в Средиземном море. Эти документы дополнялись подчиненными, «комиссионерами, перевозившими силы его величества» к полям сражений в Европе⁷⁷.

Списки ассоциаций 1696 года отражали расширение государства вильямитов. И хранилище ценностей, и казначейство составили свои списки. Сборщики налогов, включая акцизных чиновников, чиновников, выдававших лицензии на продажу вина, а также сборщики налогов в графствах, представили списки ассоциации. Почта, которая с елизаветинских дней стала гораздо более обширной и выполняла гораздо больше операций, подписала собственную ассоциацию. Это сделали и работники монетного двора, находившиеся в центре политической дискуссии 1696 года, а также «мастера, ремесленники и другой рабочий люд, нанятый на службу его величества»⁷⁸. К 1690-м годам положение государства стало более чем просто заботой властей.

Многие профессиональные организации ремесленников также составили и подписали ассоциации в 1696 году — в отличие от 1584 года, когда о таком не шло и речи. Военный колледж и Королевский медицинский колледж также подписали ассоциации. По крайней мере три из четырех придворных гостиниц представили свои ассоциации. Чиновники дворов Вестминстера и суда

Королевской скамьи представили Вильгельму III списки ассоциаций⁷⁹.

Коммерческие и производственные ассоциации отражали возросшую важность этих секторов в английской политике. Все лондонские компании составили ассоциации по образцу ассоциации палаты общин. Тринити-хаусы* Дептфорда, Кингстон-он-Холла и Йорка, «будучи основой корпорации моряков Англии», все подписались и представили свои ассоциации. Торговцы мануфактурой Йорка, ткачи Норвича, минеры оловянных шахт Корнуолла и моряки Кента тоже составили ассоциации. Королевская Люстриновая компания и рабочие, занятые на восстановлении собора Сент-Пол, также посчитали важным объединиться для демонстрации лояльности. Даже многие купцы, жившие вне Англии, сделали то же. Купцы из Дордрехта и Роттердама в Объединенных провинциях и из Малаги в Испании составили и подписали свои списки, предполагая, что другие группы купцов составят такие же⁸⁰.

В то время как елизаветинские обязательства были ограничены Англией и Уэльсом, вильямитская ассоциация распространилась за реку Твид через Ирландское море и даже через Атлантику. Политическая нация стала более распространенной географически и более разнообразной социально. Представители палаты лордов и Ирландский Тайный Совет разработали для Ирландии модель ассоциации и приняли ее 23 марта. Ирландский парламент вскоре выступил со своим согласием. Вскоре ассоциации посыпались из городов, городков, деревень, графств и от профессиональных групп по всей Ирландии. В это же время в Англии они продолжали расти в количестве благодаря клирикам, налоговым чиновникам и тем, кто приходил из армии⁸¹.

Ассоциации в Шотландии, может быть, были чуть менее всеобъемлющими, чем в Ирландии. Снова центральное правительство захватило здесь лидерство. Шотландский Тайный Совет, Верховный суд по гражданским делам и Церковный комитет по колонизации подписали ассоциацию в начале апреля. За нею вскоре последовала ассоциация от «акцизных и таможенных сборщиков налогов его величества» в Эдинбурге и от отряда герцога Куинсберри. В конце марта, перед тем как состоялась официальная церемония, более семисот жителей Эдинбурга собра-

* Маячно-лоцманские корпорации. (Прим. перев.)

лись в церковном дворе Серых Монахов, чтобы записаться на королевскую службу и подписать ассоциацию. К середине апреля жители Эдинбурга все еще охотно подписывали ассоциации «для защиты своей религии, короля, законов, жизней, свобод и имений против общего врага всего христианского мира». Эти эдинбургские ассоциации добавились к ассоциации, организованной шотландским лордом-хранителем в Объединенных провинциях и подписанной «джентльменами, студентами, священниками и купцами», проживавшими в Нидерландах. Шотландская церковь в Роттердаме послала собственную ассоциацию, объявив Вильгельма «полноправным и законным» королем несколькими неделями позднее⁸².

В отличие от XVI века, когда географические пределы объединения были гораздо уже, ассоциации вильямитов охотно составлялись в Северной Америке и в Западных Индиях. В Нью-Йорке модель ассоциации приняли охотно — «все жители Сити единодушно изъявили согласие войти в нее», — написал Джеймс Грэхем Уильяму Блатуайту. Грэхем не преувеличивал: более пятисот человек подписали ассоциацию в Нью-Йорк-Сити — цифра более чем в два раза больше, чем городская поддержка Елизаветы. Барбадос, Вирджиния, провинция Нью-Йорк, Антигуа, Невис, Монтсеррат и Сен-Кристофер выслали свои списки ассоциации. Капитан Шейдрек Уолтон с усердием составил и подписал ассоциацию в Форте Вильгельма и Марии в Нью-Хемпшире задолго до того, как получил из Лондона какие-либо инструкции сделать это. Этот документ содержал больше подписей, чем пришедший из елизаветинского Ланкашира. Самой обширной и основательной ассоциацией оказался список с Бермуд, где, «кроме четырех квакеров», все жители подписали «с огромной готовностью и желанием». Квакеры Бермуд, как оказалось, вернули свою собственную ассоциацию⁸³.

Ассоциации вильямитов количественно и качественно находились на другом уровне по сравнению с елизаветинскими предшественниками. Размер политической нации вильямитов оказался более чем на порядок выше елизаветинской. В то время как елизаветинская политическая нация ограничивалась в основном аристократией и джентри, число подписчиков в 1696 году предполагает, что большинство мужчин-англичан и некоторые английские женщины признавали свою политическую роль⁸⁴. Списки

вильямитов регистрировали в политическом процессе важные профессиональные организации, группы купцов и людей ремесленного труда.

В то время как елизаветинские списки включали подписчиков только из высшего англиканского духовенства, вильямитские ассоциации предоставлялись на подпись всем священникам Церкви Англии и ряду священников и конгрегаций вне церкви.

К 1696 году государство обладало политическим и социальным положением, которым не обладало в 1584 году. Это отражается во многих списках ассоциации, представленных от армейских офицеров и полков, с флота, с почты и от широкого разнообразия сборщиков налогов.

Елизаветинские списки поступили из нескольких мест в Англии и Уэльсе. В 1696 году списки ассоциации приходили из каждого графства и самых крохотных деревень Англии и Уэльса. Однако в 1696 году и это не являлось пределом лояльности для революционного режима. Ассоциации составлялись и подписывались по всей Ирландии, и по крайней мере в некоторых частях Шотландии. Англичане в Европе подписывали собственные ассоциации. Так же делали люди, жившие в колониях Северной Америки и Вест-Индии.

Огромный социальный и промышленный разрыв отделял 1690-е от 1580-х годов. Различия между двумя наборами списков ассоциаций были поистине революционными. Но существовал ли идеологический разрыв, такой как социальный разрыв? Был ли ментальный мир эпохи Вильгельма таким же, как и эпохи Елизаветы? Находились ли они также в конфессиональном конфликте?

Многие идеологические разрывы не были, да и не могли быть зарегистрированы в списках ассоциаций. Ничто в любом варианте ассоциации не упоминало вопросы политической экономии или содержало бы оправдание сопротивления, которое отчетливо вырисовывалось в дебатах о смысле заговора. Тем не менее свидетельства единения сами по себе предполагают, что за возможным исключением Ирландии революцию не рассматривали в конфессиональных терминах. Язык, принятый и в палате лордов, и в палате общин, создал модель для последующих местных ассоциаций, профессиональных и клерикальных, подчеркивающих многоконфессиональную природу заговора против Вильгельма III.

Ассоциации 1696 года не были такими настойчивыми по отношению к международному католическому заговору, как елизаветинские. Поэтому неудивительно, что ответ на призыв стал многоконфессиональным. Правда, в Ирландии многие ассоциации заявляли о себе как идущие от «протестантской знати, джентльменов, фрихгольдеров и остальных подписавшихся протестантов». Однако этот язык нигде не обнаружен в ассоциациях, прибывших из Англии, Уэльса, Шотландии или различных колоний и от заморских купцов. Наоборот, многие свидетельства предполагают, что вне Ирландии ассоциация понималась в неконфессиональном духе. В них нет свидетельств навязывания мнения ранних протестантов. Решение парламента объединиться для защиты своего суверена последовало почти немедленно за заключением союза не только с Голландией, но и со всем конгрессом протестантских и католических князей. Эта конфедерация, включавшая католическую Священную Римскую империю и католического короля Испании, дала торжественное обещание *«не вкладывать меч в ножны, пока они не заставят французского короля перестать подстрекать заговорщиков и убийц против соседних королей и государств»*. Здесь не было даже намека на конфессиональные споры. Более того, ходили даже слухи о плане некоторых католических королей обратиться к папе, чтобы тот отлучил Якова II за его роль в заговоре⁸⁵.

Очевидно, что и английские католики не считали ассоциацию антикатолической. Лишь несколько католиков отказались от объединения. Газеты сообщали, что в Лондоне католики рвутся подписать списки ассоциации. Имперский посланник граф Орсперг работал совместно с баварским посланником бароном Скарлатти, *«чтобы уговорить английских и других папистов подписать декларацию их верности королю и правительству и об отвращении к одобрению убийства протестантского короля»*. Сэр Эдмунд Уоркап позднее узнал о «послании от массы папистов», утверждающем, что *«они принесут клятву правительству и дадут другие заверения в безопасности, которые могут прояснить, что они в этом заинтересованы и будут с открытым сердцем выступать за правительство против всех его врагов»*⁸⁶.

Так как большинство британских католиков так же, как и большинство протестантов, чувствовали, что заговор и план вторжения

не имеют конфессионального базиса, они были уверены, что ассоциации 1696 года не являлись частью конфессионального конфликта. Многие если не большинство католиков в постреволюционную эру ощущали, что они могут одновременно оставаться добрыми католиками и добрыми англичанами.

Готовность большого числа католиков подписать списки ассоциации дала возможность приоткрыть идеологические контуры постреволюционной Англии. Вероятно, ассоциация стала еще одним примером умеренности и стремления режима Вильгельма к обеспечению согласия. Без сомнения, те, кто продвигал ассоциацию в палате общин, палате лордов и по стране в целом, надеялись, что списки ассоциации подпишут все. Но вставка пункта «полноправный и законный» в большинстве списков ассоциации и близкие формулировки в остальных предполагает что угодно, только не умеренность. Чтобы подписать ассоциацию, недостаточно было просто признать, что Вильгельм является королем лишь де-факто.

Свидетельства предполагают, что значительное меньшинство англичан очень хорошо понимали идеологическую важность языка ассоциации и отказывались ставить подпись. Даже после того как в апреле подписание ассоциации стало по закону обязательным, существенное число людей отказалось делать это. Притом что современники говорили о единодушии, только 80% нации подписало ассоциацию. Сэр Эдуард Сеймур красноречиво объяснил свой отказ в палате общин. «Причина находилась недалеко от того, что он верил, будто королевство стало не наследным», — сообщил Сеймур своим коллегам. *«Есть большая разница между тем, что делалось при крайней необходимости и в трудном положении государства, и тем, что делается взвешенно, чтобы преступить конституцию королевства»*, — объяснял он. К пяти коллегам Сеймура в палате общин с отказом присоединилась такая же доля членов к палате лордов. В Норвиче, судя по всему, каждый из пяти горожан пытался подписать ассоциацию, которая опускала слово «полноправный» при описании короля Вильгельма. Газеты были полны рассказами о случавшихся отказах. Вероятно, гораздо больше людей просто уклонились. Среди духовенства, особенно нижних рангов, многие отказались ставить подпись. По оценкам Гилберта Бернета, около сотни клириков не стали подписывать церковные Ассоциации⁸⁷.

Многие в Англии не были сторонниками вильямитской революции. Как можно было бы ожидать, после революционной перестройки многие люди не приняли, не могли принять или не собирались принимать социальные, экономические, религиозные, институционные и идеологические трансформации, требуемые новым режимом. Большое количество людей потеряло свой бизнес и свое положение из-за невозможности для них ассоциироваться. Маркиз Норманби и граф Ноттингем были уволены из Тайного Совета. Сэр Уильям Уильямс разделил ту же судьбу, так как «доверие к некоторым подозреваемым джентльменам упало очень низко». Самое явное свидетельство значительной оппозиции к вильямитской революции поступило после парламентского акта, требующего ассоциации. Нежелание большого числа государственных служащих подписывать клятву привело к масштабным чисткам в местной администрации. По крайней мере 86 гражданских судей и 104 заместителя мэров потеряли свои позиции за неподписание списков. Это были люди, которые, несмотря на давление общественного мнения и угрозу потери своих мест, следовали своим принципам. Это были люди, которые не могли принять Вильгельма как полноправного и законного короля.

Два эксперта по политике Вильгельма отметили, сколь «полными» и «обширными» были эти чистки. Сэр Джон Лаудер, без сомнения, был прав, когда заключил, что ассоциация служила для «разделения нас», вовсе не создавая согласие. Ассоциация 1696 года сделала ясной степень политической лояльности, требуемой новым режимом. Уровень обязательств новому режиму и его идеологии понимался многими как революционный⁸⁸.

Широта кампании по ассоциации 1696 года социально и идеологически очень отличалась от елизаветинской модели. В 1690-х годах было собрано в десятки если не в сотни тысяч раз больше подписей по сравнению с 1580-ми. Широта участия стала свидетельством географической ширины и социальной глубины политической нации. Вильгельм III правил людьми совсем по-другому, чем правила Елизавета I. Ассоциация 1696 года предполагает, что эти люди понимали свою политическую ситуацию так же различно. В то время как люди елизаветинской эпохи, составляя и подписывая свои обязательства, рассматривали это в рамках конфессионального и, вероятно, апокалиптического противостояния, большинство вильямитов так не считало. Только в Ирландии

подписанты указывали себя «протестантами» в качестве знака отличия. Во всех других местах подписывающая сторона просто демонстрировала лояльность режиму Вильгельма.

Ничуть не настаивая на конфессиональном языке, ассоциации отмечали неконфессиональную природу заговора против Вильгельма III. Англия могла оставаться протестантской нацией — но это не была протестантская нация, которая отвергала участие католиков. Именно на такое более емкое определение национальной идентичности и ответили католики. По этой причине столь мало католиков отказалось подписать свои местные ассоциации. Именно по этой причине некоторые общины католиков решили составить свои собственные ассоциации. В английской политической культуре произошли революционные перемены.

* * *

Раскрытие плана убийства 1696 года и последующее политическое обострение заставило людей принимать какую-то сторону, прояснять свою позицию. Якобиты разработали утонченную и широко распространенную аргументацию против постреволюционного режима. Во многом это была более последовательная защита политики якобитов, чем что-либо циркулировавшее до ноября 1688 года. Якобиты доказывали, что Вильгельм на деле превратил Британские острова в голландскую колонию. Англией управляли голландцы. Для оправдания нового режима разрабатывались голландские политические идеи. Голландские понятия о религиозной терпимости и религиозной практике преобразовали и исказили Церковь Англии. Голландские экономические предпочтения убедили Вильгельма разрушить Английскую Ост-Индскую и Королевскую Африканскую компании, чтобы увеличить доходы голландцев.

Вильямиты, и особенно вильямиты-виги, отвечали с большей самоуверенностью и с меньшим беспокойством, чем проявлялось у них в годы дискуссии о лояльности. Время добиваться умеренности прошло. Многие вильямиты-виги использовали заговор 1696 года, чтобы продемонстрировать, что просто неопределенность и умеренность дают возможность врагам режима проявлять лояльность существующему «королю де-факто», на деле скрытно работая на своего «короля де-юре». Действительно, минимизируя имевшие место перемены вместо того, чтобы исключительно по-

лагаться на критику режима Якова II, вильямиты-виги защищали свою революцию.

Вильямиты-виги настаивали, что англичане стояли перед выбором: подчиниться французскому правлению и французской власти или поддержать новый режим. Они сделали выбор, и события 1688–1689 годов преобразовали Англию из фактически находящейся под французским вице-королем в лидера европейской конфедерации против французской тирании. Теперь англичане защищали европейские свободы против французской гегемонии. Англичане, говорили вильямиты, отвергли теперь абсолютизм французского типа, сменив его на ограниченную монархию. Ограниченная монархия, указывали они, сделала необходимым, чтобы люди укрепили эти ограничения. Ни английская конституция, ни Церковь Англии не устранили политическое сопротивление тирании.

Вильямиты-виги также доказывали, что истинная церковь — это терпимая церковь и открытая церковь. Постреволюционная церковь, заявляли они, видела в хороших манерах и моральном поведении более высокую человеческую добродетель, чем в чистой доктрине. Английской церкви приходилось сопротивляться французской практике религиозного принуждения путем применения войск.

Наконец, вильямиты-виги выступали в пользу такой политической экономии, которая придавала особое значение производству, а не основанному на земле сельскому хозяйству и импортным готовым товарам. Они поддерживали политическую экономию, которая провозглашала важность человеческого труда, а не важность владения землей. Они пропагандировали Банк Англии, который распределял экономические ресурсы в производственные секторы экономики — а не Земельный банк, который настаивал, что экономические ресурсы остаются у немногих землевладельцев.

В целом вильямиты-виги сделали свое дело. По следам заговора 1696 года и возможного французского вторжения они смогли убедить большинство необычайно разросшейся политической нации, что Вильгельм есть и должен быть их полноправным и законным королем. Они смогли уговорить многих, что лучший путь предотвратить французскую гегемонию — это полная и безусловная поддержка короля Вильгельма. Они смогли убедить многих на деле поддержать политику группы министров-вигов.

Это не была, конечно, долговременная победа. Английская публика не отвергла окончательно и навсегда политиков-тори вроде Роберта Харли или графа Ноттингема. Революции, как мы знаем, имеют свои радикальные, умеренные и реакционные моменты. Но заговор и намечавшееся французское вторжение еще долго играли свою роль. Во-первых, от всех чиновников и членов парламента теперь требовалось подписать ассоциацию, объявляющую право Вильгельма на корону, что стало решительным и юридически обусловленным отрицанием теории «короля де-факто», а также законным признанием сопротивления, которое имело место в 1688 году, и постулата, что английские короли не правят по неотъемлемому священному праву наследования. Теория «короля де-факто» навсегда потеряла позиции на политическом поле.

Во-вторых, после заговора была предопределена судьба схемы Земельного банка. Конечно, он образовался в неблагоприятный момент. Однако в контексте заговора инвесторы боялись, что поддержка его будет расцениваться как поддержка якобитов. В результате правительство сосредоточилось исключительно на политической экономии промышленности, сельского хозяйства, труда, а не земли.

В-третьих, заговор прояснил четкую позицию тори в Европе. Тори больше не могли жаловаться на проголландскую политику Вильгельма, не предлагая альтернативу, которая могла быть истолкована как профранцузская. На короткий период в конце 1690-х годов это не имело значения, так как в Англии царил мир. Но с началом Войны за испанское наследство, тори оживили свои внешнеполитические концепции, потребовав, чтобы англичане уделили особое внимание морям. В результате тори взяли на себя ответственность за сохранение океанов открытыми для коммерции, но при этом невмешательство в сохранение открытыми европейских рынков для английской мануфактуры или политику предотвращения распространения абсолютизма на континенте. Политическое возрождение тори зависело от провозглашения ими неякобитской альтернативы позиции вигов в Европе.

Заговор 1696 года сузил идеологический выбор, доступный для англичан. Тори, которые настаивали, что война против Людовика XIV необходима лишь ради укрепления незначительной поправки к конституции, ставшей необходимой из-за предательства Якова, были глубоко дискредитированы. Они хотели закончить

войну, чтобы предотвратить социальные, экономические и религиозные перемены. Они отделяли себя от якобитов, настаивая, что являются лояльными подданными Вильгельма и не связаны с римскими католиками.

Но заговор раскрыл и то, что Вильгельм никогда не окажется в безопасности до тех пор, пока Людовик XIV остается могущественной силой в Европе, и что якобизм не являлся конфессиональным движением. Заговор сделал возможным для вигов укрепить свою радикальную революцию.

Глава пятнадцатая

Заключение: первая современная революция

Просветители от Дэвида Юма и Вольтера до Джона Уилкса и монсеньора Навьера из Дижона понимали революцию 1688–1689 годов как событие, фундаментально перестроившее и английскую, и европейскую истории. Эта книга показывает причины, почему эти люди считали и имели основания так думать, что в конце XVII века в Англии случилось нечто радикальное, и при этом радикально новое. Но какова же основная мысль этой книги?

Английская революция 1688–1689 годов была первой современной революцией. Это была революция, которая происходила в течение нескольких лет, а не нескольких месяцев. Она имела и долговременные причины, и долговременные последствия. Многие революционеры желали радикально переделать английское государство и общество. И они преуспели в этом. Революция 1688–1689 годов решительно преобразовала английскую иностранную и имперскую политику, английскую политическую экономию и Церковь Англии — и была намерена трансформировать их дальше. Революция 1688–1689 годов вылилась в войну против Франции, создание Банка Англии и Акта о веротерпимости 1689 года, который получил широкую поддержку среди новых английских епископов.

Революция 1688–1689 годов стала первой современной революцией не только потому, что она перестроила Англию и ее общество, а также и потому, что, как и все современные революции, она была общенародной, ожесточенной и разделяющей. Революционеров 1688–1689 годов были тысячи. Это не была крошечная по-

литическая элита. Англия 1688–1689 годов разрывалась на части актами насилия против имущества и людей. Это не была бескровная революция. Еще тысячи людей потеряли жизни в эпизодических сражениях, которые происходили на континенте, в Ирландии и в Шотландии, став прямым следствием революционных преобразований в Англии.

Яков II и его режим смогли спровоцировать страстное сопротивление в широких слоях английского населения — но не они породили единодушную оппозицию. Крепкое меньшинство англичан сохраняло лояльность Якову и его политическим проектам. Глубокий разрыв существовал даже среди тех, кто брал оружие и расходовал свои ресурсы, чтобы избавиться от прежнего короля. Тори в общем и целом хотели только демонтировать государственные доктрины, возведенные Яковом. Виги не только верили, что политические проблемы Англии начались задолго до восшествия Якова на трон, но и горячо надеялись, что революция позволит им создать радикально другое и новое государственное устройство. Революция 1688–1689 годов вовсе не была аристократическим, бескровным и организованным мероприятием, как описывали виги в созданной ими историографии.

Революция 1688–1689 годов была, безусловно, народной, ожесточенной и разделяющей, потому что Яков II не был защитником традиционного общества. Он оказался радикальным модернизатором. Яков, используя терминологию Макса Уэбера, строил скорее современное бюрократическое, а вовсе не традиционное аристократическое государство. В отличие от наследственных режимов он вводил «обязательные нормы и правила» для своих сборщиков налогов в попытке создать «хорошо дисциплинированную бюрократию». Он хотел централизовать свою власть, заменив местных самонадеянных чиновников на «собственный социальный престиж внутри своего региона», опираясь на квалифицированных специалистов, известных своей идеологической надежностью.

Как минимум сразу после подавления мятежа герцога Монмута в 1685 году Яков не был чрезмерно озабочен тем, чтобы узаконить свои претензии, ссылаясь на «традиционную» власть английских правителей¹. Он следовал опыту французского «короля-солнца», Людовика XIV, пытаясь создать современное католическое государство. Это включало не только попытку навязать Англии

католицизм с галликанским уклоном, но также создание современного, централизованного и чрезвычайно бюрократического государственного аппарата.

Католицизм французского стиля, который любил и насаждал Яков, идеологически вполне подходил для создания современного государственного устройства. Акцент, делавшийся французскими католическими теоретиками, такими как Жак-Бенинь Боссюэ*, на идеологическом единстве и абсолютной верховной власти прекрасно подходил французской модели построения современного государства. Галликанизм давал идеологическую опору, необходимую для значительного расширения государственной бюрократии — от почты до сборщиков налога на очаг — и создания идеологических тестов, чтобы укреплять лояльность местной бюрократии центральному режиму.

Эффективность, действенность и единство этой гражданской бюрократии вместе с крупной новой регулярной армией гарантировали, что любая попытка свергнуть режим Якова II должна быть сильной. Но то, что Яков II (и его брат Карл II) запустили щупальца центрального государства гораздо глубже и дальше, чем делали английские короли ранее, поспособствовало и другому — тому, чтобы революция против католической модернизации государства стала глубоко народной. Хотя при этом отказ Якова от традиций и преемственности в пользу перемен разделил его оппонентов на тех, кто хотел восстановить старый порядок — и тех, кто лишь не соглашался с его концепцией модернизации.

В такой ситуации революция 1688–1689 годов, как все современные революции, в конечном счете вылилась в борьбу между двумя соревнующимися группами модернизаторов. Революция не поставила защитников традиционного общества против защитников модернизации. И виги, и якобиты были модернизаторами. Напротив, именно тори хотели защитить вариант старого порядка.

* Жак-Бенинь Боссюэ (1627–1704) — выдающийся французский теолог, проповедник, историк и писатель, ведущий идеолог галликанства, епископ Мо, один из духовных лидеров Франции. Пользовался всеобщим уважением за свои высокие моральные качества, был воспитателем Людовика Великого дофина — отца испанского короля Филиппа V и деда Людовика XV. Поднял искусство проповеди до уровня высокой литературы. Стремился найти пути примирения с протестантами, прославлял основанный на морали абсолютизм как единственный способ обеспечить выживание человечества в мире греха. (*Прим. ред.*)

В итоге тори были поставлены в неприятное положение выбора между двумя весьма нежелательными для них вариантами развития событий.

Тем не менее изначально не было ясно, что тори потерпят поражение. Сосредоточившись так внимательно на периоде сразу после бегства Якова, ученые переоценили степень политического успеха тори. Между серединой 1689-го и концом 1693 года тори выигрывали большинство политических стычек; эти победы бещили большинство вигов. Но с 1694 года и далее виги начали укреплять свои позиции. Они убедили изначально не сочувствовавшего им короля Вильгельма, что победа в войне против Франции требует от него принять их политическое и экономическое видение*. Они продемонстрировали, что являются единственной партией, полностью поддерживающей план континентальных военных действий. И, что наиболее важно, — после провала заговора 1696 года виги смогли продемонстрировать, что только их политическая идеология и их понимание англиканства могут гарантировать политическую стабильность в Англии.

В 1696 году виги почувствовали возможность активизировать революционные преобразования, к которым они стремились с 1688 года. Пока сторонники легитимности между 1689 и 1694 годами чувствовали себя вынужденными давать неопределенный ответ на вопрос, законно ли смещен Яков II, Ассоциация 1696 года недвусмысленно утверждала, что революция являлась законным актом политического сопротивления. Сотни тысяч подписчиков Ассоциации 1696 года формально признали, что события

* Очевидно, что дело здесь было не столько в войне с Францией, сколько в безвыходном положении Вильгельма. Вовсе не являясь сторонником либерализма, конституции и демократии (он узурпировал власть в Голландии, организовав мятеж против республики и убийство братьев де Витт), в Англии Вильгельм Оранский вынужден был сделать ставку на вигов, поскольку лишь они были готовы признать его королем не только де-факто, но и де-юре. Тори, куда более близкие ему политически, являлись сторонниками традиционного наследования и согласны были только на признание Вильгельма королем де-факто, да и то не слишком охотно. Кроме того, они были убежденными сторонниками морской экспансии и противниками континентальной войны, столь необходимой Вильгельму и Нидерландам. Опираясь на тори было крайне рискованно — при изменении ситуации их лидеры были готовы перебежать обратно к Якову, особенно если он пообещает им ограничить свою власть и католицизм. (*Прим. ред.*)

1688–1689 годов прозвучали похоронным звоном по теории неоспоримого и священного права наследования².

Революции требуют скорее лет, чем месяцев. Поэтому сосредоточенность на узком периоде, следовавшем немедленно за событиями 1688–1689 годов, осветила лишь радикальный смысл революции.

Почему все исследователи революции 1688–1689 годов так долго не понимали ее важности? Без сомнения, большая часть ответа лежит в политической выгоде утверждения, что английская история фундаментально отличается от истории всего остального мира. Но кроме того, историков сбивали с пути две фундаментально неверные оценки, основанные на созданных выгодах трактовке революции. Эти оценки выигрывали в основном были приняты также и исследователями-ревизионистами конца XX века.

Великое достижение прославленной третьей главы «Истории» Томаса Бабингтона Маколей не было таким уж открытием в области социальной истории — скорее она успешно раскрывает вопросы социальных и экономических перемен после религиозной и политической перестройки³. Настаивая, что социальное и экономическое развитие Англии началось только после революции, Маколей и его последователи смогли проигнорировать множество социально-экономических причин революции. В этой книге я доказал, что английское общество и английская экономика, напротив, отклонились от континентального образца именно в эти годы, и эти трансформации имели теснейшую связь с политикой более позднего периода. Рост английской торговли поднял сбор королевских пошлин и сделал корону менее зависимой от чрезвычайных парламентских грантов — а отсюда и от самого парламента. Развитие почты и расширение системы дорог вкупе с улучшениями в английской инфраструктуре облегчили географическое расширение управленческого аппарата модернистского государства Якова II.

Это развитие в инфраструктуре Англии, включавшее быстрое распространение кофеен по всей стране, радикально расширили и социально углубили возможности для народной политической дискуссии⁴. И быстрое превращение англичан в торговую нацию изменило саму природу политического спора. В конце XVII века английские политики впервые начали открыто и ясно обсуждать

темы политической экономии. К началу 1680-х годов тори и виги четко приняли различные подходы к экономическому будущему Англии.

Во-вторых, Маколей и последующие историки-виги описывали английскую внешнюю политику и деятельность Британии за морями вне истории революции 1688–1689 годов. С точки зрения большинства исследователей, лишь прибытие Вильгельма заставило англичан заглянуть за Северное и Ирландское моря. На деле, как мы видели, англичане и их правители активно интересовались иностранными делами. Ни Яков II, ни его оппоненты не отдавали приоритета внутренней политике перед внешней. И это едва ли удивительно. И Яков II, и его оппоненты соглашались, что одной из первых целей английской монархии является восстановление статуса королевства как важного игрока на европейской сцене.

Центральная функция государства, соглашались почти все раннесовременные комментаторы, заключается в ведении зарубежных войн. Из-за того, что так много людей соглашалось, что внешняя политика есть решающий вопрос искусства управления государством, именно иностранные дела оказывалось на переднем плане идеологических и политических споров. Решение Якова стать союзником Франции против Объединенных провинций открыло не только его выбор в пользу абсолютизма против более популярных форм управления, но также уверенность его правительства, что именно Нидерланды, а не Франция представляют наибольшую угрозу для процветания экономики Англии.

Так как в эпоху ранней современности масштаб войны драматически вырос по сравнению с концом XVI века, решение монархов конца XVII века выступать на мировой сцене потребовало от них задействования национальных ресурсов в беспрецедентном масштабе. Эта нужда в больших ресурсах, в свою очередь, вовлекла в политический процесс более широкие слои — от купцов метрополии до провинциальных потребителей. Все эти люди неизбежно задавали вопросы о том, что делает правительство с деньгами, которые собирают в качестве налогов на очаг или таможенных сборов. Упуская из внимания английскую иностранную политику и принимая за аксиому, что Яков не имел международной программы, ученые упускают центральную и динамичную область политического противостояния⁵.

Английская революция 1688–1689 годов стала первой современной революцией. Она перестроила англиканскую церковь, английское государство и через какое-то время само английское общество. Это было событие, которое вовлекло большие пласты английской нации в политическую жестокость и фанатичное политическое соперничество. Во многом революция 1688–1689 годов вдохновила последующих революционеров во Франции, в Северной Америке и в других местах в конце XVIII века. Это вовсе не была консервативная и реставрационная революция, описанная в созданной вигами историографии.

А как быть с эрудированной позицией ревизионистов? Как быть с заявлением, что основой революции 1688–1689 годов была межконфессиональная борьба, в которой католический король был сброшен недалекими протестантами, английскими мужчинами и женщинами? Как быть с заявлением, что тори, защитники Церкви Англии, избавились от Якова, потому что были против его политики веротерпимости? В основе этой ныне доминирующей интерпретации лежит убеждение, что Яков был умеренным политиком, который преследовал скромные цели. Он был свергнут не из-за его абсолютизма, а потому что он оскорбил традиционные религиозные чувства.

Якова II знали как преданного римского католика, еще когда он взшел на трон в 1685 году. Католицизм Якова и знание об антипатии англичан к папизму толкнули герцога Монмута на высадку в Вест-Кантри летом 1685 года. Монмут мог иметь союзников-радикалов, он мог разделять или не разделять их политические идеи — но ясно, что его армия была собрана из людей, которые были заинтересованы в замене католика Якова на короля-протестанта. Они гораздо меньше интересовались радикальной перестройкой монархии. На деле многие из радикальных революционеров 1688 года, даже из Вест-Кантри, не хотели тогда иметь ничего общего с Монмутом. Его мятеж провалился именно потому, что мало людей хотело участвовать в революционной деятельности исключительно по религиозным причинам.

То, что восстание против Якова II в 1688 году в Вест-Кантри и по всей Англии оказалось намного успешнее, во многом обязано природе режима. Режим Якова являлся не просто католическим; он был модернизационным католическим режимом. Его текущая идеология была взята из французской католической аргумента-

ции, направленной прежде всего не против протестантов, а против папы Иннокентия XI и его защитников. Современная католическая монархия Якова объединила понятие абсолютной верховной власти с кампанией по возврату католицизма в Англию. Бюрократическое государство Якова, создаваемое по галликанской модели, возмущало английских католиков так же, как и английских протестантов.

Яков был свергнут не в конфессиональной борьбе. Но политика Якова усилила и изменила религиозные расхождения внутри Англии. Предлагая свободу совести при жестком ограничении дискуссий, которые могли иметь место на религиозных собраниях, и одновременно усиливая королевскую власть в других областях, Яков расколол нонконформистскую общину. Некоторые вроде квакера Уильяма Пена испытывали благодарность за то, что Яков покончил с безжалостным периодом религиозного преследования. Однако большинство посчитало, что религиозная свобода имеет мало ценности без свободы гражданской. Большинство религиозных диссидентов к 1688 году отвернулись от Якова, стали активными революционерами и наиболее яркими сторонниками постреволюционного режима.

Англикане тоже оказались глубоко расколоты действиями Якова II. Некоторые клирики Церкви Англии и ряд юристов оправдывали твердое использование Яковом власти суверена. Гораздо большее количество людей испытывало глубокое беспокойство из-за политики введения католицизма, но ощущали себя парализованными своими собственными серьезными обязательствами перед англиканской доктриной пассивного послушания. Именно англиканский клирик низкой церкви с активной группой других лондонских клириков возглавил реакцию на массовый поток французских католических пропагандистов, хлынувших в Англию. Группа англиканских клириков разрабатывала все более обширную и принципиальную аргументацию относительно религиозной терпимости — и в конце концов пришла к убеждению, что политическое сопротивление, отдельное от религиозного сопротивления, иногда необходимо.

Изучение роли религии в начальном периоде современности находилось под влиянием ряда фальшивых противоречий. Ученые спорят, была ли Англия конца XVII века гражданским или религиозным обществом. Такой узкий набор толкований затрудняет

изложение, описание и анализ религиозных перемен. Итоговые интерпретационные схемы о том, что «религия перестала быть столь важным вопросом после 1660 года» или что «вопросы внутренней религии» представляются «основной проблемой», являются неудовлетворительными. В конце XVII века вопрос заключался не в том, что религия стала значить меньше для англичан, а в том, что она стала означать нечто иное⁶.

Недавние исследования продемонстрировали, насколько сложными и динамичными были религиозные диспуты в конце XVII века и как много в их ведении зависело от прежних дебатов. Но ничто не доказывает, что религия представляла для людей то же самое, что и век назад. Она стала чем-то иным. Религиозная неудовлетворенность стала необходимым, но не достаточным объяснением причин революции 1688–1689 годов.

Революция 1688–1689 годов не была борьбой между католиками и протестантами. Она не являлась одной из последних схваток между силами протестантской и католической реформаций. Это происходило частично потому, что двойное конфессиональное разделение, которое разорвало Европу в XVI и в начале XVII века, уже изменилось. В Северной Европе мечты о протестантском политическом единстве сменились реальностью горького раскола между кальвинистскими и лютеранскими государствами. Лютеранский король Швеции, например, больше волновался по поводу кальвинистского выборщика от Бранденбурга, чем по поводу короля Франции⁷. Людовик XIV также преуспел в расколе католической Европы на группировки, которые поддерживали Францию, и на те, что поддерживали папу. Император Священной Римской империи видел во французском короле не европейского монарха, а своего самого большого врага.

Не сумев поставить английские религиозные дебаты в контекст более широких европейских дискуссий, частью которых они являлись, историки настаивали на непрерывности в религиозной сфере. Они по ошибке приняли широкие и ожесточенные антикатолические выступления 1688–1689 годов за проявление традиционного антикатолицизма, тогда как эти акты куда яснее трактуются как выступления против методов и символов модернистского и галликанского государства Якова II. Таким же образом историки были слишком настроены понимать взятые на себя постреволюционным режимом фанатичные обязательства в войне

против католической Франции как реализацию протестантских мотивов начала XVII века. На деле англичане вели Девятилетнюю войну в прямом союзе с католической Испанией и Священной Римской империей. Англичане осознавали это и полностью понимали, что симпатии папы принадлежат Священной Римской империи, Испании, Англии и протестантским Объединенным провинциям Нидерландов, но не католической Франции. Это было объяснимо для англичан, потому что для большинства из них ранний протестантский взгляд на мир, в котором протестанты и католики схлестнулись в последней эсхатологической битве за религиозную гегемонию, больше не имеет смысла.

Исследователи-ревизионисты, которые видят революцию как борьбу протестантов против католического короля или борьбу англикан против веротерпимого короля, также ошибаются, столь сосредоточившись узко на религиозной теме. Хотя религиозные вопросы были важны и для Якова II, и для его оппонентов, они не оставались единственной темой, которая их будоражила. Защитники религиозной интерпретации революции разделили с вигами мнение, что англичане XVII века чувствовали себя слишком изолированными, чтобы интересоваться политическим и экономическим развитием вне Британских островов, и слишком консервативными, чтобы участвовать в политических спорах об экономике дома. На деле же вопросы, касающиеся и иностранной политики, и политической экономии, убедили множество английских мужчин и женщин в 1688 году рискнуть своими жизнями и удачей.

Революционеры 1688–1689 годов желали свергнуть Якова II и создать новую систему управления, потому что они беспокоились не только о своей религии, но также о международной политике Англии и английской политической экономии. Революционеров 1688–1689 годов двигал гораздо более широкий набор взглядов, чем позволяла любая религиозная интерпретация.

Если революция 1688–1689 годов оказалась первой современной революцией, где тогда осталась революция 1640–1660 годов, которая так будоражила поколения ученых? Это была та самая более ранняя революция, которую Перец Загорин называет «первой великой демонстрацией современного революционного характера». Это та революция, которую Кристофер Хилл описывает как «поворотную точку в человеческой истории». Это те события,

которые, согласно Джону Адамсону, закончили «военную эру зна-ти» в Англии. Это та «революция святых», которая имела место между 1640 и 1660 годами, которой Майкл Уолзер присваивает титул «решающей фазы в процессе модернизации».

На деле те, кто изучает две английские революции, 1640–1660 и 1688–1689 годов, давно сражаются за право дать им свою интерпретацию. Однако к началу XIX века «баланс симпатии» повернулся в сторону первого переворота. Именно ощущение этого соревнования и этого первенства заставляет Кристофера Хилла гнать от себя революцию 1688–1689 годов как «реставрацию власти традиционного правящего класса». Роберт Бреннер, испытывая больше симпатий к событиям 1688–1689 годов, воспринимает революцию как *«консолидацию определенной долговременной модели развития, которая уже отделила социально-политическую эволюцию Англии от большинства континентальных стран в начале современного исторического периода»*⁸. Согласно этой точке зрения, с 1640-х годов Англия решительно разошлась с европейскими образцами социального, политического и культурного развития. События 1688–1689 годов нанесли в основном окончательные штрихи на великие перемены, которые произошли в середине века и ранее.

На деле, как я предполагаю, многие огромные перемены, которые испытала Англия между 1640–1660 годами, оказались эфемерными. Начиная с Реставрации в 1660 году, и особенно после восшествия на трон в 1685 году Якова II, Англия не отклонялась от европейского образца политического развития. Она быстро становилась абсолютистским режимом. Между 1660 и 1688 годами последние Стюарты много сделали, чтобы обеспечить монархии монополию на политическую власть не только в теории, но и на практике⁹. Сначала Карл II, а за ним все больше и Яков II с фанатичной энергией занимались применением здесь французской политической модели. Современное абсолютистское государство восстановленной династии Стюартов и его попытки сохранить систему «старого режима» не были обречены на провал. В различные моменты в конце XVII века оба последних короля династии Стюартов даже пользовались широкой народной поддержкой в своих проектах государственного строительства. Они не страдали от плохих советников, провал стратегии которых был предопределен, как предполагали сторонники теории разрыва со

старым образом власти. Провал стратегии католической модернизации Якова вовсе не был неизбежным. Яков II потерял власть из-за случайного стечения двух факторов. Во-первых, он растратил политический капитал, который приобрел на волне мятежа Монмута, слишком форсируя модернизацию английского государства. Двигаясь слишком быстро и настойчиво, он спровоцировал широкую народную политическую оппозицию внутри страны. Во-вторых, кризис в Англии был усилен европейским политическим кризисом, который разжег союзник Якова, Людовик XIV. Одновременно этот кризис обеспечил Вильгельму широкую политическую поддержку в Объединенных провинциях и по всей Европе, дав ему возможность рискнуть и осуществить вторжение. Если бы Яков не спровоцировал политическую оппозицию, его мощная регулярная армия смогла бы без проблем сокрушить силы Вильгельма.

Действительно, без широкого политического недовольства в Англии Вильгельм получил бы наряду с финансовыми проблемами проблему пополнения людьми своих сил вторжения. Если бы англо-голландские силы не прибыли в Англию в ноябре 1688 года, также вероятно, что первоклассные войска Якова в конце концов смогли бы подавить множественные народные мятежи. В любом случае по итогам событий английское государственное устройство гораздо больше бы соответствовало французскому образцу. Итак, Яков почти наверняка преуспел бы в своих действиях — если бы не совпадение широких народных мятежей и англо-нидерландских сил.

Но говоря, что революция 1688–1689 годов не была неизбежной, не значит отрицать ее давние причины. Социально-экономические перемены, имевшие место в Англии в течение XVII века, сделали неизбежной фундаментальную трансформацию английского государства и общества. Вопрос состоял в том, пойдут ли реформы по пути, избранному Яковым, или по пути, выбранному его оппонентами-вигами.

Кризис середины века сыграл центральную роль в формировании представлений вигов об искусстве управления государством и о политической экономии. Фундаментальное представление вигов, что труд создает собственность и что собственность поэтому бесконечна, появилась как важная тема в радикальной критике протектората Оливера Кромвеля. Именно в 1650-е годы ряд

писателей впервые публично выдвинули экономические аргументы против политического режима. Тогда же многие из тех же критиков начали освещать опасность роста французского влияния и настаивать, что внешнюю политику следует рассматривать в рамках национальных интересов, а не интересов религиозных группировок¹⁰.

Так же важны трещины в церкви и государстве, берущие начало в елизаветинском периоде и открывшие простор для общественной дискуссии. Эти трещины расширились и усилились в эпоху кризиса конца Средневековья. Без такого развития, без кризиса Средневековья не было бы революции 1688–1689 годов.

Английская гражданская война и ее последствия имели радикальное и реформаторское воздействие. Эти события, как указал Майкл Уолзер, *«породили весь набор неотложных требований... по реорганизации церкви, государства и правительства; системы образования и изменения плохих законов»*. На эти годы приходится «формирование политических групп, конкретно и сознательно созданных, чтобы обеспечить эти требования». Именно в период между 1640 и 1660 годами в Англии появилась «политическая журналистика». И многие английские мужчины и женщины этого периода демонстрировали «осознание нужды в реформах и их возможности».

Но для всего этого требовались три перечисленных Уолзером революционных изменения: трансформация «самой природы монархии», «появление хорошо дисциплинированной армии из граждан» и усилие по «написанию и корректировке конституции». Все они были опрокинуты реставрацией монархии в 1660 году¹¹. Многие английские мужчины и женщины стали революционерами в середине XVII века. Но тогда революции не случилось.

Почему так произошло? Почему революционеры середины века не смогли закрепить все свои достижения? Существовал, конечно, ряд социальных, религиозных и политических причин для падения республики и кончины протектората. Однако то, что фундаментально отличает революцию конца XVII века от ее предшественницы середины века, заключено в природе самой монархии. Карл I, при всей его политической неумелости, хотел и мог фундаментально защищать традиционное общество и традиционное государственное устройство. Документ, который после смерти Карла I сделал больше, чем что-либо другое, для определения

роялистской идеологии, — это глубоко традиционалистский Eikon Basilike («Королевский портрет»)*, который, по существу, подтверждал духовные основы королевской власти, одновременно при этом рассказывая о святой жизни Карла I. Таким образом, для роялистов стало возможным и до, и после его смерти предложить англичанам политический выбор между традицией и модернизацией — в конечном счете между стабильностью и революционной нестабильностью. Каждая политическая ошибка правительств в 1650-х годах делала реставрацию более приятным вариантом для еще большей группы людей. «Люди не так легко выходят из своей старой формы», — проницательно заметил Джон Локк. Отсылая к событиям середины века он писал: *«Медлительность и нежелание людей оставлять свои старые формы, проявившиеся во многих революциях, что видно хотя бы по этому королевству как в нашей, так и в предыдущих эпохах, все еще держали нас или после некоторой серии бесплодных попыток все еще толкали нас снова назад — к нашим старым законным королю, лордам и палатам: и какие бы провокации ни устраивала наша корона, чтобы ее наконец-то сняли с головы короля, сами по себе они никогда не заведут людей настолько далеко, чтобы привести к другому курсу».*

Получив выбор, доказывал Локк, большинство людей предпочитает старое, несовершенное управление любой инновационной альтернативе. Локк предполагал, что в конце XVII века все изменится. Ни революционеры, ни король не защищали «старые фор-

* Полностью: *The Eikon Basilike. The Pourtrature of His Sacred Majestie in His Solitudes and Sufferings* («Портрет Его Священного Величества в Его одиночестве и страданиях») — автобиография, написанная якобы от имени Карла I и опубликованная 9 февраля 1649 года, через 10 дней после его казни. Текст написан в виде дневника и дает сентиментальный портрет Карла как мужественного и глубоко благочестивого человека, сознательно пошедшего на мученичество. Только в 1649 году книга выдержала 36 изданий и стала сильнейшим аргументом роялистской пропаганды — настолько, что Джон Мильтон по распоряжению парламента в том же году создал ее полемическое опровержение, памфлет *Eikonoklastes* («Разрушитель икон»), в котором не менее изящно показал, что слащавая апелляция к богу при игнорировании общественных нужд является собой идолопоклонничество и попирает божественные законы. Официально «Королевский портрет» никогда не признавался подлинным, уже после Реставрации в его авторстве признался Джон Гауден, епископ Вустерский. (Прим. ред.)

мы». Яков II по контрасту с отцом предпочел представить себя модернизатором. Он изменил инфраструктуру Англии, армию Англии, флот Англии, английское местное управление и английские политические технологии. Он и его полемисты отстаивали более современный, более экспансивный взгляд на королевскую власть и настаивали на ограничениях выражения политического мнения. Когда стало нужно защищать его идею религиозной свободы без гражданской свободы, Яков и его полемисты представили свои усилия в понятиях «новой великой хартии свободы совести»¹².

Уважая современность, принимая программу политической и социальной модернизации, Яков уничтожил консерватизм как жизнеспособный политический вариант. Именно поэтому не осталось возможности восстановления старого режима. В 1688 году в отличие от 1640-х и 1650-х годов, английские мужчины и женщины сосредоточились на выборе лишь между альтернативными путями вперед.

Революция 1688–1689 годов не была замкнутым событием, продлившимся только несколько месяцев. Понимать ее в таких узких хронологических рамках — значит упустить радикальную важность революции. Наоборот, лучше всего осмысливать революцию как процесс, запущенный в действие при широкомасштабном кризисе 1620-х годов, который развязал оппозиционное движение, развернувшее полемические варианты модернизации — и пришедшее к концу, только когда премьер-министр виг сэра Роберт Уолпол выбрал консолидацию своих сил, гарантировав, что революционные перемены не пойдут дальше. Решение Уолпола в 1720-х и 1730-х годах обратиться к умеренным тори путем понижения земельного налога и отказа расширять гражданские права диссидентам отметило конец революции вигов.

Революционные раскаты грома начались с дебатов о внешней политике, природе англиканской церкви и о роли государственных финансов в буйную декаду 1620-х годов¹³. К концу революционного века английское государство, общество, культура и религия окончательно перестроились. Англия отклонилась от континентального образца во всех направлениях.

Было ли это революционной трансформацией буржуазной революции? Нет — как минимум в том смысле, что обладающий самосознанием класс, буржуазия, не сбросила другой класс, чтобы привести себя к власти. Средний класс конца XVII и XVIII века,

как заметил один историк, характеризовался «конфликтами, ненадежностью и неопределенностью», а не единством и не был «единодушной группой». Не существовало сплоченного среднего класса для проведения буржуазной революции. На деле мятежи населения, которые в конечном счете свергли Якова II, вовлекли целый спектр английского общества, от скромных простолюдинов, которые добровольно вышли с вилами как со своим единственным оружием, до богатых дельцов и аристократов-землевладельцев, которые отдали делу свой значительный престиж и тысячи фунтов. Якобиты происходили из столь же разнообразных сословий. Неудивительно, что при таком социальном разнообразии революционеров они не трансформировали классовое основание английской политики. Процент купцов в палате общин вырос лишь незначительно — примерно с 9% в период с 1660 до 1689 года до 10,7% между 1690 и 1715 годами¹⁴.

Тем не менее я заявляю, что позволительно понимать революцию 1688–1689 годов как буржуазную революцию в культурном и политическом смысле. Англия в конце XVII века была, как соглашается широкий ряд комментаторов, традиционалистской нацией. «Очень хорошо известно, — заметил один комментатор, — что силу, богатство и благополучие этого королевства поддерживали и утверждали торговля и коммерция»¹⁵. «До гражданских войн в правление Карла I», вспоминал социолог комментатор Гай Майдж, знать устанавливала культурные стандарты в Англии; но теперь «положение изменилось». В конце XVII века Англия стала «одной из самых торгующих стран в Европе», где «самым крупным сословием являются торговцы или люди, которые живут, покупая и продавая». В Англии, согласно двум английским дипломатам, купцы играли основную роль в формировании общественного мнения¹⁶.

И Яков II, и его оппоненты хорошо знали, что Англия стала коммерческим обществом. Но программа модернизации Якова II при всех ее обязательствах перед торговлей и империей не приобрела буржуазной формы. Представители политической экономики Якова II критически относились к городскому населению и ставили территориальные приобретения в центр своей имперской программы. Купцы, по их мнению, не должны были иметь независимой политической роли. Действительно, социальный идеал купца, выраженный в экономических работах сэра Джосии

Чайлда, заключался в создании состояния, чтобы его наследники могли жить как джентльмены-землевладельцы. Идеологическим достижением Якова являлось привязывание коммерческого общества к земельным нормам. Его программа была одновременно и модернизационной, и антибуржуазной.

Если бы революционеры не преуспели в деле пресечения католической модернизации Якова II, трудно представить себе, что английские культура и общество развивались бы по пути, по которому они пошли. Яков не был заинтересован в реставрации культурного мира Карла I, мира, в котором *«английская аристократия и джентри жили в соответствующих пышности и великолепии; сохраняя обильный стол и многочисленную свиту с охраной; наслаждаясь забавами знати и показываясь за границей, согласно своему рангу и достоинству»*. Яков находил такой мир отвратительным именно из-за децентрализации, которую это предполагало. В этом мире каждый «дом лорда выглядел как хорошо централизованный королевский двор»¹⁷. Яков хотел, чтобы централизация шла исключительно от Уайтхолла. Яков также избегал открытой и свободной дискуссии, которую ценил городской средний класс. В то время как купцы желали мира, в котором экономическая, политическая и социальная информация была свободно доступна, Яков видел в информационной прозрачности политическую опасность¹⁸. Его культурное видение, что неудивительно, имело гораздо больше общего с видением Луи XIV и Жана Батиста Кольбера, чем с представлениями его отца.

Оппоненты Якова, революционеры 1688–1689 годов, напротив, тянулись к городской культуре, промышленности и экономическому империализму. Идеологические диссиденты, новые колониальные купцы середины XVII века, уважали коммерческую, а не территориальную гегемонию¹⁹. Эти люди не только хотели, чтобы Англия стала коммерческим обществом — они видели ее буржуазным обществом с городскими, а не с сельскими ценностями. Именно это стало культурной программой революционеров.

Таковы были принципы революции вигов. На волне революции 1688–1689 годов Англия все более становилась буржуазным обществом, потому что политико-экономическая программа революционеров предпочитала городские и коммерческие ценности.

Революционный триумф вигов принес с собой новую буржуазную культуру. Революция в политической экономии принесла

с собой революцию в культурных ценностях. Политэкономическая трансформация — новые налоговые структуры, новые институты и новые имперские лозунги — стала основой культурного господства городских средних классов. Даже хотя городские средние классы в 1700 году составляли не более 5% английского населения, в результате революции 1688–1689 годов они смогли навязать свою культуру всей стране. Виги, как указал один исследователь, преуспели в «определении „учтивости“ как культурного сопутствующего обстоятельства свободы после 1688 года». Новая культура вежливости, закреплённая учеником Локка, 3-м графом Шефтсбери и популяризовавшаяся великими журналистами вигами Джоозефом Аддисоном и Ричардом Стилом, в руках вигов приобрела «обладающий самосознанием модернизм». Несмотря на ее происхождение из придворной культуры, учтивость в конце XVII века и в XVIII веке стала буржуазной идеологией. *«Учтивость представляла собой альтернативу образу английского джентльмена как воплощение страны с выраженной привязанностью к своей экономической независимости, своей моральной автономии и своей добродетельной простоте».*

В течение XVII века, соглашается один литературный критик, комментируя менее элитные источники, Англия трансформировалась из *«сельской культуры в городскую — или, скорее, она из сельского прошлого превратилась в то, что смотрит в сторону современности с желанием и ожиданием».* «Средние классы создавали для себя совершенно новую культуру», — соглашался другой социальный историк. Эта культура была «буржуазной культурой, которой суждено было стать доминирующей национальной культурой»²⁰.

Революция 1688–1689 годов не превратила Англию в коммерческое общество, но продемонстрировала, что культурные ценности буржуазии станут преобладающими. Влияние буржуазии не зависит от ее доли в численности населения. Это стало верным в политике. Купеческие ассоциации смогли влиять на парламентскую деятельность несоразмерно их количеству в общем населении, «особенно после 1689 года». После революции, отметил недавно толкователь английской купеческой культуры, торговля стала «партийным вопросом», находящимся под «непрерывным давлением коммерческих классов». После революции «оценка успешности» для экономических законов в палате общин «драматически усилилась».

Наиболее впечатляющим результатом действий купцов-вигов и их политических союзников было создание Банка Англии в 1694 году и ликвидация Земельного банка в 1696 году. Без сомнения, благодаря этим успехам революция 1688–1689 годов представляла собой победу тех, кто поддерживал производство, городскую культуру и возможность неограниченного экономического роста, основанного на созидательном потенциале человеческого труда. Этот результат революции означал, что торговцы больше не испытывали стремления к культуре и поместьям земельной элиты. На деле даже аристократия и джентри после революции 1688–1689 годов начали действовать более буржуазно. Верни из Букингемшира наверняка не были единственной семьей джентри, которая «постепенно пропиталась ценностями городской культуры Лондона». Маргарет Хант, безусловно, права, что разглядела «глубокую двойственность среди торговых людей по отношению к обычаям высшего класса». Мощный городской средний класс, особенно те, кто разделял политические и идеологические озабоченности вигов, более не имели желания становиться аристократами²¹.

Революция 1688–1689 годов была первой современной революцией, потому что Англия уже до 1688 года быстро становилась современным обществом. Кризис середины XVII века создавал опасность не того, что Англия отклонится политически от континентального образца, а того, что английское управление могло остаться на наследственных принципах. И последние Стюарты, и их политические противники понимали это. Всем было ясно, что Англия могла стать основным игроком на европейской сцене, только используя свою коммерческую энергию, сконцентрированную в бюрократическом государстве.

Революционные перемены стали возможны, когда Карл II, а за ним Яков II использовали новые экономические и административные ресурсы, находившиеся в их распоряжении, для создания современного государства. Революционеры 1688–1689 годов предложили свою версию английской модернизации как могущественную альтернативу тому, что было создано Яковом II и его сторонниками. Обе группировки хотели, чтобы Англия стала первоклассной силой и в Европе, и во всем мире, обе группировки хотели модернизировать английскую религиозную практику, и обе группировки хотели, чтобы Англия стала коммерческим обществом²².

Они различались, и различались драматически, в предлагаемых средствах достижения этих целей. Модернизация в этой, как и во всех последующих революциях, были лишь причиной, а не следствием революции.

Первая современная революция радикально преобразовала Англию и в конечном счете помогла сформировать современный мир. Я по необходимости изложил сложную историю о трансформации общества, государства, церкви и империи. Центральным местом этого рассказа стало то, что гиперспециализация истории не только сделала исторические работы доступными более широкой аудитории, чем когда-либо — но что распад исторических процессов на социальную, религиозную, интеллектуальную, политическую, конституционную, военную и дипломатическую историю затрудняет выявление широких революционных изменений и идентификацию их причин. В эпоху ранней современности мужчины и женщины воспринимали свои жизни целостно. Настало время, чтобы историки просто вернулись к написанию истории.

Историческое повторение важно в другом смысле. Так как события как кризис середины XVII века и революция 1688–1689 годов была частью единого процесса, их следовало интегрировать в единую историю. Историки многое упустили, разделив историю на периоды, ограниченные 1640, 1660 или 1688 годами. Когда исследователи пишут о современном периоде, который начинается после 1688 года, они упускают ту степень, до которой радикальные перемены, ставшие причиной и следствием революции 1688–1689 годов, сформировали контуры современной британской и мировой истории.

Революция 1688–1689 годов завершила век революций в Англии. Революционеры изменили внешнюю политику Англии, реорганизовали ее экономические приоритеты и добились внутренних изменений в Церкви Англии. Как все революции, революция 1688–1689 годов вызвала конкуренцию взглядов на социальные, экономические и политические перспективы — эти взгляды сделались возможными только благодаря социальному и экономическому развитию второй половины XVII века.

Революция 1688–1689 годов стала кульминацией долгого и напряженного спора о том, как сделать Англию современной нацией. Глубина спора, напряженность идеологических различий

и широта социального охвата объясняют, почему революция вовлекла столь широкие слои английского общества, почему она была такой яростной и почему она оказалась такой разделяющей. Именно затяжной спор, а не быстрый дворцовый переворот, направленный против неуместного короля, превратил Англию, а затем и Британскую империю в великую европейскую и мировую силу.

Примечания

Аббревиатуры

- Add. Additional manuscripts (дополнительные рукописи)
- AWA Archbishop of Westminster's Archives
- Axminster* K. W.H. Howard, ed., *The Axminster Ecclesiastica, 1660–1698* (Sheffield: Gospel Tidings, 1976)
- Beinecke Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University
- Bodleian Bodleian Library, Oxford University
- BL British Library
- Campana Marquise Emilia Campana di Cavelli, ed., *Les derniers Stuarts a Saint-Germain en Laye*, 2 vols. (Paris: Librairie Academique, 1871)
- CKS Centre for Kentish Studies, Maidstone
- CSPD Calendar of State Papers, Domestic
- CSPV Calendar of State Papers, Venetian
- DWL Doctor Williams Library
- EIC East India Company
- Evelyn, *Diary* E. S. De Beer, ed., *The Diary of John Evelyn*, 6 vols. (Oxford: Clarendon Press, 1955)
- Foley Henry Foley, ed., *Records of the English Province of the Society of Jesus*, vol. 5 (London: Burns and Oates, 1879)
- FSL Folger Shakespeare Library, Washington, DC
- Grey Anchitell Grey, ed., *Debates of the House of Commons*, 10 vols. (London: D. Henry and R. Cave, 1763)
- HEH Henry E. Huntington Library, San Marino, CA
- HLRO House of Lords Record Office, London
- HMC Historical Manuscripts Commission
- HRC Harry Ransom Center, University of Texas
- Indiana Lilly Library, Indiana University, Bloomington
- IOL India Office Library (now in British Library), London
- Jeaffreson John Cordy Jeaffreson, ed., *A Young Squire of the Seventeenth Century: From the Papers (A.D. 1676–1686) of Christopher*

- Jeaffreson of Dullingham House, Cambridgeshire*, vol. 2 (London: Hurst and Blackett, 1878)
- JRL John Rylands Library, Manchester
- Life of James II* J. S. Clarke, ed., *The Life of James II* (London: Longman, Hurst, Rees, Orme and Brown, 1816)
- Locke Correspondence* *The Correspondence of John Locke*, 8 vols., ed. E. S. De Beer (Oxford: Clarendon Press, 1976–89)
- LPL Lambeth Palace Library
- MAE Ministère des Affaires Etrangères, Paris
- MSS Manuscripts
- NA National Archives, Kew Gardens
- NAS National Archives of Scotland, Edinburgh
- NLS National Library of Scotland, Edinburgh
- NMM National Maritime Museum, London
- Penn Papers* *The Papers of William Penn*, ed. Mary Maples Dunn and Richard S. Dunn, vol. 3: 1685–1700, ed. Marianne S. Wokeck et al. (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1986)
- PRONI Public Record Office of Northern Ireland, Belfast
- RO Record Office
- SCA Scottish Catholic Archives, Edinburgh
- Singer Samuel Weller Singer, ed., *The Correspondence of Henry Hyde, Earl of Clarendon, and of His Brother Laurence Hyde, Earl of Rochester*, 2 vols. (London: Henry Colburn, 1828)
- SOAS School of Oriental and African Studies, London
- Thoresby, *Diary* Joseph Hunter, ed., *The Diary of Ralph Thoresby*, 2 vols. (London: Henry Colburn and Richard Bentley, 1830)
- UL University Library
- WYAS West Yorkshire Archive Service, Leeds

Введение

1. Вся статистика, подчеркивающая кровопролитность Французской революции, неизбежно включает Наполеоновские войны: см.: Jack A. Goldstone, *Revolution and Rebellion in the Early Modern World* (Berkeley: University of California Press, 1991), 477; and Goldstone, «The Outcomes of Revolutions», in *Revolutions: Theoretical, Comparative, and Historical Studies*, ed. Goldstone (New York: Harcourt Brace, 1986), 207–8. Но если даже учитывать девять лет войны (1689–1697) в Ирландии и Шотландии — все они прямые последствия революции 1688–1689 годов — доля убитых и раненых будет не сопоставима с Францией.
2. Frederick Cooper, *Colonialism in Question* (Berkeley: University of California Press, 2005), 113–49; John D. Kelly, «Alternative Modernities or an Alternative to „Modernity”», in *Critically Modern: Alternatives, Alterities, Anthropologies*, ed. Bruce M. Knauft (Bloomington: Indiana University Press, 2002), 262–77.
3. John Evelyn to Evelyn Jr., 18 December 1688, BL, Evelyn Papers, JEJ 1.
4. За этот анализ я глубоко признателен Bernard Yack, *The Fetishism of Modernities: Epochal Self-Consciousness in Contemporary Social and Political Thought* (Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 1997), esp. 35–37; Bjorn Wittrock, «Modernity: One, None, or Many? European Origins and Modernity as a Global Condition», *Daedalus* 129 (2000): 1, 38.

Глава первая Уничтожение революции

1. Monsieur Navier, Address, 30 November 1789, printed in Richard Price, *A Discourse on the Love of Our Country*, 4 November 1789, 2nd ed. (London: T. Cadell, 1789), «Additions», 14–15. Французские револю-

ционеры не сразу оставили свое восхищение Славной революцией. В 1791 сторонник революции в Марселе писал Английскому Революционному обществу, что «мы восхищались вами века: в течение столетия мы завидовали вашему счастью». Revolution Society, Anniversary Meeting, 4 November 1791, BL, Add. 64814, fol. 48v; *The Correspondence of the Revolution Society with the National Assembly, and with Various Societies of the Friends of Liberty in France and England* (London, 1792). Американские революционеры 1776 года также заявляли, что действуют на принципах, установленных Славной революцией: James Wilson and John Dickinson, «Address to the Inhabitants of the Colonies», 13 February 1776, in *Journals of the Continental Congress*, vol. 4, ed. W.C. Ford (Washington, DC: GPO, 1906), 145.

2. David Hume, *History of England, from the Invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688*, vol. 6 (London: T. Cadell, 1841), 329; John Millar, *An Historical View of the English Government*, 4th ed., vol. 4 (London: J. Mawman, 1818), 95; Robert Viscount Molesworth, *The Principles of a Real Whig* (1711; London, 1775), 5–6; John Wilkes, «Introduction to Proposed History» in *The Correspondence of the late John Wilkes*, vol. 5, ed. John Almon (London: Richard Phillips, 1801), 161; Charles James Fox, *The History of the Early Part of the Reign of James the Second* (London: William Miller, 1808), 58; J. R. Dinwiddy, «Charles James Fox as an Historian», *Historical Journal* 12, no. 1 (1969): 23–34; Henry St. John, Viscount Bolingbroke, «Dissertation upon Parties», 1733–34, in *The Works of Lord Bolingbroke*, vol. 2 (Philadelphia: Carey and Hart, 1840), 27. См. похожие комментарии у Andrew Kippis, *A Sermon Preached at the Old Jewry*, 4 November 1788 (London, 1788), 2. Шестой герцог Девоншир мыслил в этой традиции, когда начертал над камином в Пайнтед-холле в Четсворт-хаусе, что он был «начат в год английской свободы, 1688-й». Личное общение с Чарльзом Ноблем, хранителем Девонширской коллекции в Четсворт-хаусе.
3. Molesworth, *Principles*, 13–14; Wilkes, «Introduction», 204; Henry Hunter, «Sermon III», 1788, in *Sermons*, vol. 2 (London, 1795), 102; Kippis, *Sermon*, 32; Price, *Discourse*, 31–32. В том же году Революционное Общество, как пишет Прайс, подчеркивало, что принципы британской революции укоренились в Америке и в настоящее время «проникают по всей Европе»: Revolution Society, 30 December 1789, BL, Add. 64814, fol. 27r.
4. Abstract of the History and Proceedings of the Revolution Society, 4 February 1789, BL, Add. 64814, fols. 12–13; Kippis, *Sermon*, 2–3. Kathleen Wilson, «A Dissident Legacy: Eighteenth-Century Popular

- Politics and the Glorious Revolution», in *Liberty Secured? Britain before and after the Glorious Revolution*, ed. J. R. Jones (Stanford, CA: Stanford University Press, 1992), 301–12; Caleb Evans, *British Freedom Realized*, 5 November 1788 (Bristol, 1788), 28; Hunter, «Sermon III», 101.
5. Blair Worden, *Roundhead Reputations: The English Civil Wars and the Passions of Posterity* (London: A. Lane, 2001), 228; Hugh Trevor-Roper, *From Counter-Reformation to Glorious Revolution* (Chicago: University of Chicago Press, 1992), 233; Barry Price (секретарь празднования трехсотлетия воцарения Вильгельма и Марии), «Some Observations on the Tercentenary», 25 June 1989, HLRO, WMT/2; Price, *Anglo-Netherlands Society Newsletter*, March 1988, HLRO, WMT/22/Pt. 2; John Rae, *Times*, 16 July 1987, HLRO, WMT/22/Pt. 2; Viscount Whitelaw, 27 March 1984, Lords Debates, HLRO, WMT/1/Pt. 2; Patricia Morrison, *Daily Telegraph*, 21 September 1988, HLRO, WMT/22/Pt. 2; *Financial Times*, 12 September 1988, HLRO, WMT/22/Pt. 2; *Daily Post* (Liverpool), 4 November 1988, HLRO, WMT/22/Pt. 2.
 6. Charles Tilly, *European Revolutions, 1492–1992* (Oxford: Basil Blackwell, 1993), 104; Crane Brinton, *The Anatomy of Revolution*, rev. ed. (New York: Vintage, 1965), 19.
 7. Gary S. De Krey, «Political Radicalism in London after the Glorious Revolution», *Journal of Modern History* 55, no. 4 (1983): 586–87. Я не согласен с J. P. Kenyon, «The Revolution of 1688: Resistance and Contract», in *Historical Perspectives: Studies in English Thought and Society, in Honour of J. H. Plumb*, ed. Neil McKendrick (London: Europa, 1974), 69; and H. T. Dickinson, «The Eighteenth-Century Debate on the „Glorious Revolution”», *History* 61 (February 1976): 44.
 8. Dickinson, «Eighteenth-Century Debate», 29; Peter N. Miller, *Defining the Common Good: Empire, Religion, and Philosophy in Eighteenth-Century Britain* (Cambridge: Cambridge University Press, 1994), 88.
 9. Worden, *Roundhead Reputations*, 162; Mark Goldie, «The Roots of True Whiggism, 1688–1694», *History of Political Thought* 1, no. 2 (1980): 197, 220–25; Goldie and Clare Jackson, «Williamite Tyranny and the Whig Jacobites», in *Redefining William III: The Impact of the King-Stadholder in International Context*, ed. Esther Mijers and David Onnekink (Aldershot: Ashgate, 2007), 178–79, 184–85.
 10. Henry Sacheverell, *The Perils of False Brethren, both in Church and State* (London, 1709). Я не согласен с утверждением Голди, что после 1690-х годов «мейнстрим вигов отмежевался от радикализма». Goldie, «Roots», 195.
 11. Nicholas Lechmere, *The Tryal of Dr. Henry Sacheverell* (London: Jacob Tonson, 1710), 7, 88, 94; Gilbert Burnet, *The Bishop of Salisbury's and*

- the Bishop of Oxford's Speeches in the House of Lords* (London, 1710), 2; Benjamin Hoadly, *The Foundation of the Present Government Defended* (London, 1710), 22, 26. В 1714 Уолпол был активным членом «Лояльного и дружеского общества Синего и Оранжевого» — радикальной группы, готовившей празднование революции. В ее состав вошли Уолтер Мойль, сын близкого друга Джона Локка сэра Уолтера Янга, а также виг из Уэст-Кантри сэр Фрэнсиса Генри Дрейк. BL, Egerton 2346, fol. 6r.
12. Lechmere, *Tryal*, 34. Ясность позиции Лечмера не позволяет согласиться с утверждением Дикинсона, что имелось «общее нежелание основать дело вигов на принципах Джона Локка». Dickinson, «Eighteenth-Century Debate», 35.
 13. Lechmere, *Tryal*, 36; Molesworth, *Principles*, 15–16, 21–22.
 14. J. P. Kenyon, *Revolution Principles: The Politics of Party, 1689–1720* (Cambridge: Cambridge University Press, 1977), 202; Dickinson, «Eighteenth-Century Debate», 36.
 15. Paul Langford, *The Excise Crisis: Society and Politics in the Age of Walpole* (Oxford: Clarendon Press, 1975), 32–35; Langford, *A Polite and Commercial People: England, 1727–1783* (Oxford: Clarendon Press, 1989), 9–44; *The True Principles of the Revolution Revived and Asserted* (London, 1741), 14–15; John Hervey, *Ancient and Modern Liberty Stated and Compar'd* (London, 1734), 45. Я думаю, что радикальная интерпретация сосредоточена на более широком спектре вопросов, нежели «принципы политической подотчетности и попечительства», которые подчеркивает Уилсон. Wilson, «Dissident Legacy», 300, 314.
 16. William Pulteney, *A Review of the Excise Scheme* (London, 1733), 50; Sir William Blackstone, *Commentaries on the Laws of England*, 4 vols. (Oxford: Clarendon Press, 1765–69), 4:433. Хотя Блэкстоун, возможно, был вовлечен в круги тори в Оксфорде, его «Комментарии» явно повторяли позицию вигов: *The Livery-Man* (London, 1740), 7–8, 13; Hunter, «Sermon III», 105–6.
 17. Pulteney, *Review of Excise Scheme*, 49–50. См. также George Coade, *A Letter to a Clergyman*, 2nd ed. (London, 1747), 38; and *Livery-Man*, 6. Готовность оппозиции вигов развернуть аргументы Локка или явно, как здесь и в обсуждении политической экономии, или косвенно, в ссылках на первоначальный контракт, не позволяет мне принять претензию Джона Данна, что «Два трактата» Локка «были лишены блеска» или что «это была только одна работа из большого количества других работ, изложивших революционную теорию вигов, и по своей значимости в этой группе она не являлась заметным событием, пока не были объединены общие контуры интерпретации». John

- Dunn, «The Politics of Locke in England and America in the Eighteenth Century», in *John Locke: Problems and Perspectives; A Collection of New Essays*, ed. John W. Yolton (Cambridge: Cambridge University Press, 1969), 57, 80. Я разделяю скептицизм Марка Голди относительно этой оценки: Goldie, «Introduction», in *The Reception of Locke's Politics*, 6 vols., ed. Goldie (London: Pickering and Chatto, 1999), i: xvii — lxxi. Caleb Evans, *British Freedom Realized*, 5 November 1788 (Bristol, 1788), 14–15; Committee of the Revolution Society, 6 October 1788, BL, Add. 64814, fol. 5v.
18. Kippis, *Sermon*, 26–27, 29; Bolingbroke, «Dissertation upon Parties», 71. Болингброкова «Диссертация» была написана в то время, как он сотрудничал с оппозицией вигов в «Крафтсмане»; Wilkes, «Introduction», 162, 200–201; Blackstone, *Commentaries*, 4:427; Hunter, «Sermon III», 108; *Examiner*, 6 November 1712 (no. 49), 237. У Вольтера есть подобный пункт в: *The Age of Lewis XLV*, 2 vols. (London: R. Dodsley, 1752), 1:238.
 19. Robert Wallace, *The Doctrine of Passive Obedience and Non-Resistance Considered* (Edinburgh, 1754), 34–35; G. B., *The Advantages of the Revolution* (London: W. Owen, 1753), 5; Wilkes, «Introduction», 189. Я рассматриваю историю Уилкса в качестве документа оппозиционных вигов, а не как «высокопарный» текст, описанный в Linda Colley, *Britons: Forging the Nation, 1707–1737* (New Haven and London: Yale University Press, 1992), III. Kippis, *Sermon*, 28; Committee of the Revolution Society, 16 June 1788, BL, Add. 64814, fol. 2r.
 20. Kathleen Wilson, *The Sense of the People: Politics, Culture, and Imperialism in England, 1715–1785* (Cambridge: Cambridge University Press, 1995), 140–65; Langford, *Polite and Commercial People*, 49–57; *The Late Minister Unmask't* (London, 1742), 14–15; Blackstone, *Commentaries*, 1:315; Wilkes, «Introduction», 186–87.
 21. Millar, *An Historical View of the English Government*, 3:1–2, 4:78, 102–3; Adam Anderson, *An Historical and Chronological Deduction of the Origins of Commerce*, 2 vols. (London: A. Millar et al., 1764), i: vii, 2:189.
 22. Hume, *History*, 6:336; Anderson, *Origins of Commerce*, i: viii; Blackstone, *Commentaries*, 1:311, 314, 4:426–27. Точку зрения на то, что английское общество и экономика были модернизированы без революции уже в XIX веке, высказывал Токвиль: Alexis de Tocqueville, *The Old Regime and the French Revolution*, trans. Stuart Gilbert (New York: Anchor, 1983), 18–19.
 23. *Some Thoughts on the Land Tax* (London, 1733), 9, 12; Nicholas Amhurst, *The Second Part of an Argument against Excises* (London, 1733), 55; Millar, *Historical View*, 4:106–7; G. B., *Advantages of the Revolution*, 8.

24. Millar, *Historical View*, 4:100; G. B., *Advantages of the Revolution*, 17; Anderson, *Origins of Commerce*, 2:195; Kippis, *Sermon*, 33.
25. Price, *Discourse*, 31–32, 34.
26. Edmund Burke, *Reflections on the Revolution in France* (1790; London: Penguin Books, 1968), 110–111, 117; Don Herzog, *Poisoning the Minds of the Lower Orders* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1998), 13–33.
27. Revolution Society Minutes, 4 November 1789, 4 November 1790, BL, Add. 64814, fols. 22v, 40–41. Центральная мысль Тука, что «мистер Берк должен быть взят под сомнение... возможно, он испытывал то же, что и мистер Гастингс», — ссылаясь на суд над Уорреном Гастингсом, генерал-губернатором Бенгалии, который начался в 1787 году и еще не закончился. Берк на нем играл ведущую роль в обвинении.
28. Worden, *Roundhead Reputations*, 226; Wilson, «Dissident Legacy», 324; Dickinson, «Eighteenth-Century Debate», 31; *North Briton* no. 30, 25 December 1762, 64; Joseph Towers, *Observations on Public Liberty, Patriotism, Ministerial Despotism, and National Grievances* (London, 1769), 5; Wilkes, «Introduction», 180; Price, *Discourse*, 35; Blackstone, *Commentaries*, 1:325–26.
29. John Cartwright, *The Legislative Rights of the Commonalty Vindicated*, 2nd ed. (London, 1777), 70. Берк обеспечил правдоподобие этому аргументу. Его объемистые жалобы на новых людей, пришедших с Георгом III, были вызваны тем, что они искали, как «избавиться от великого союза вигов» из аристократических кланов. Он стремился отрицать значение Уильяма Питта и его популистского патриотизма: Edmund Burke, *Thoughts on the Cause of the Present Discontents*, 3rd ed. (London: J. Dodley, 1770), 20; Catherine Macaulay, *The History of England*, vol. 8 (London, 1783), 330–34.
30. Thomas Paine, *Rights of Man* (London, 1791), 82; Paine, *Rights of Man; Part the Second*, 2nd ed. (London, 1792), 13–14, 52; John Callow, *King in Exile: James II, Warrior, King and Saint, 1689–1701* (Stroud: Sutton, 2004), 28; Ann Hughes, *Guardian*, 27 June 1988, HLRO, WMT/22, Pt. 2.
31. Thomas Babington Macaulay, *The History of England from the Accession of James II*, 5 vols. (New York: Harper and Brothers, 1849–61), 2:611–17.
32. David Cannadine, *G. M. Trevelyan: A Life in History* (London: Harper Collins, 1992), 85; G. M. Trevelyan, *The English Revolution, 1688–89* (1938; reprint ed., Oxford: Oxford University Press, 1965), 3–5, 129.
33. Последними исключениями из этого правила стали два исследователя, которые видят события 1688–1689 годов революционными: Melinda S. Zook, *Radical Whigs and Conspiratorial Politics in Late Stuart*

England (University Park: Pennsylvania State University Press, 1999), xv; and Tim Harris, *Revolution: The Great Crisis of the British Monarchy, 1685–1720* (London: Allen Lane, 2006), 15. Но в обоих случаях толкований акцент был сделан на свержение Якова II, а не на последствия революции. Зук рассматривает радикальных авторов конституции, Харрис заканчивает свое повествование 1690–1691 годами. Никто из них не сосредотачивает основное внимание на социально-экономических и внешнеполитических последствиях.

34. J. R. Jones, «The Revolution in Context», in *Liberty Secured?* ed. Jones, 12; John Morrill, «The Sensible Revolution», in *The Anglo-Dutch Moment: Essays on the Glorious Revolution and Its World Impact*, ed. Jonathan Israel (Cambridge: Cambridge University Press, 1991), 103; Jonathan Scott, *Algernon Sidney and the Restoration Crisis, 1677–1683* (Cambridge: Cambridge University Press, 1991), 27; Hugh Trevor-Roper, *Counter-Reformation to Glorious Revolution* (Chicago: University of Chicago Press, 1992), 246. См. также Eveline Cruickshanks, *The Glorious Revolution* (Basingstoke: Macmillan, 2000), 18–19; and Lionel K. J. Glassey, «Introduction» in *The Reigns of Charles II and James VII and II*, ed. Glassey (New York: St. Martin's, 1997), 9.
35. Dale Hoak, «The Anglo-Dutch Revolution of 1689» in *The World of William and Mary*, ed. Hoak and Mordechai Feingold (Stanford, CA: Stanford University Press, 1996), 26; David H. Hosford, *Nottingham, Nobles, and the North: Aspects of the Revolution of 1688* (Hamden, CT: Archon, 1976), 120; John Pocock, «The Machiavellian Moment Revisited: A Study in History and Ideology», *Journal of Modern History* 53, no. 1 (1981): 60; Mark Goldie, «The Political Thought of the Anglican Revolution», in *The Revolutions of 1688*, ed. Robert Beddard (Oxford: Clarendon Press, 1991), 104. Другие подчеркивают отсутствие «революционной идеологии» и относительную незначимость идей Джона Локка: J. R. Western, *Monarchy and Revolution: The English State in the 1680s* (London: Blandford, 1972), 283; Cruickshanks, *Glorious Revolution*, 37; J. P. Kenyon, *Revolution Principles: The Politics of Party, 1689–1720* (Cambridge: Cambridge University Press, 1977), 61; Gerald M. Straka, *Anglican Reaction to the Revolution of 1688* (Madison: State Historical Society of Wisconsin, 1962), viii–ix.
36. Western, *Monarchy and Revolution*, 1; Robert Beddard, *Kingdom without a King: The Journal of the Provisional Government in the Revolution of 1688* (Oxford: Phaidon, 1988), 11; W. A. Speck, *Reluctant Revolutionaries: Englishmen and the Revolution of 1688* (Oxford: Oxford University Press, 1988), 242; Jack A. Goldstone, *Revolution and Rebellion in the Early Modern World* (Berkeley: University of California Press, 1991), 318. Дж.

- К. Д. Кларк соглашается с тем, что не было социальной революции, но настаивает на том, что власть короны не ослабла после 1688 года: Clark, *Revolution and Rebellion: State and Society in the Seventeenth and Eighteenth Centuries* (Cambridge: Cambridge University Press, 1986), 89.
37. Howard Nenner, «Introduction», in *Politics and the Political Imagination in later Stuart Britain*, ed. Nenner (Rochester, NY: University of Rochester Press, 1997), 1; Dickinson, «Eighteenth-Century Debate», 29; Wilson, «Dissident Legacy», 299.
 38. Auberon Waugh, *Independent*, 2 April 1988, HLRO, WMT/22/Pt. 2; Tony Benn, 7 July 1988, *Hansards*, 1234, HLRO, WMT/22/Pt. 1; Sir Bernard Braine, 7 July 1988, *Hansards*, 1234, HLRO, WMT/22/Pt. 1. See the also *Times*, 18 July 1988, HLRO, WMT/22/Pt. 1; and John Crosland in the *Times*, 7 November 1988, HLRO, WMT/22/Pt. 2. Сэр Джеффри Хай, кажется, выразил аналогичное мнение — хотя это, возможно, было сделано для того, чтобы обеспечить финансирование Голландией трехсотлетия торжеств. Sir Geoffrey Howe to Sir Charles Troughton, 17 December 1984, HLRO, WMT/1/Pt. 2.
 39. Charles Wilson to Barry Price, 28 March 1988, HLRO, WMT/12/Pt. 2; Noel Annan, «Glorious It Was for British Liberties», *Times*, 22 August 1986, HLRO, WMT/12/Pt. 1; Sir Bernard Braine, 7 July 1988, *Hansards*, 1234, HLRO, WMT/22/Pt. 1; Address by Lord Hailsham, Banqueting House, 29 June 1988, HLRO, WMT/12/Pt. 2; Margaret Thatcher, 7 July 1988, *Hansards*, 1230, HLRO, WMT/22/Pt. 1. Лейборист из Ливерпуля Эрик Хеффер утверждал, что «она не была ни славной, ни революцией. Она не была революцией, потому что настоящая революция уже состоялась». Heffer, 7 July 1988, *Hansards*, 1242, HLRO, WMT/22/ Pt. 1. Генри Роузевир поднял одинокий голос против консультационного комитета историков. Он жаловался на «узкий и во многом неисторический акцент — из за того, что парламент превратил это в шоу: Roseveare to Charles Wilson, 5 January 1987, HLRO, WMT/12/Pt. 1. Празднование революции в Соединенных Штатах стало большим политическим достижением: Joint Resolution of the 99th Congress of the United States, 2nd Sess., 23 August 1986, HLRO, WMT/25; Speech of Senator John Warner, 25 June 1986, HLRO, WMT/25. Сенатор Уорнер был разочарован долгими задержками президента Рональда Рейгана в подписании совместной резолюции.
 40. В этом узком смысле я не согласен с Марком Найтом: Mark Knights, «The Tory Interpretation of History in the Rage of Parties», in *The Uses of History in Early Modern England*, ed. Paulina Kewes (San Marino, CA:

Huntington Library, 2006), 349. Найт правильно отмечает, что «историки всего раннесовременного периода» предпочитают «отвергать и методологию вигов, и их интерпретации». Но большинство историков и общественных мыслителей в целом оперируют именно «виговской концепцией» революции 1688–1689 годов.

Глава вторая

Переосмысление революции

1. Gilbert Burnet, *The History of the Reformation of the Church of England; First Part*, 2nd ed. (London: T. H. for Richard Chiswell, 1681), sig. (b)r; Alexis de Tocqueville, *The Old Regime and the French Revolution*, trans. Stuart Gilbert (New York: Anchor, 1983), 5; Theda Skocpol, *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China* (New York: Cambridge University Press, 1979), 8.
2. Samuel P. Huntington, *Political Order in Changing Societies* (New Haven: Yale University Press, 1968), 264. Хотя я разделяю опасения Чарльза Тилли по поводу истоков анализа в записях Хантингтона, я считаю его утверждение по поводу Хантингтона, что «по его логике разумно было бы утверждать, что ни одна революция никогда не происходила» чрезмерно резким: Tilly, «Does Modernization Breed Revolution?» *Comparative Politics* 5, no. 3 (1973): 433. Определение Хантингтона не слишком далеко от предлагаемого Томасом Пейном: см. Paine, *Rights of Man; Part the Second*, 2nd ed. (London, 1792), 5; Jeff Goodwin, *No Other Way Out: States and Revolutionary Movements, 1945–1991* (Cambridge: Cambridge University Press, 2001), 4; Isaac Kramnick, «Reflections on Revolution», *History and Theory* 11, no. 1 (1972): 31; Richard Price, *Observations on the Importance of the American Revolution* (London, 1784), 2; Guy Miegé, *The New State of England under Their Majesties K. William and Q. Mary*, 2 vols. (London: H. C. for Jonathan Robinson, 1691), sig. A2r; см. аналогичные комментарии в: John Evelyn to John Evelyn Jr., 18 December 1688, British Library, Evelyn Papers, JEJ 1; John Aubrey, *The Natural History and Antiquities of the County of Surrey*, 4 vols. ([1673–92]; London: E. Curll, 1719), 3:17; and Thomas Story, *A Journal of the Life of Thomas Story* (Newcastle-upon-Tyne: Isaac Thompson, 1747), 10.
3. Skocpol, *States and Social Revolutions*, 4. Классическая социальная интерпретация революции была заложена в: Georges Lefebvre, *The Coming of the French Revolution, 1789*, trans. R. R. Palmer (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1947); and by Albert Soboul, *The French Revolution, 1787–1799: From the Storming of the Bastille to Napoleon*,

trans. Alan Forrest and Colin Jones (New York: Vintage, 1975). О текущем состоянии дела см.: James Livesey, *Making Democracy in the French Revolution* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2001), 3–14; Steven Laurence Kaplan, *Farewell, Revolution: The Historians' Feud, France, 1789/1989* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 1995), esp. 99–108; and Rebecca Spang, «Paradigms and Paranoia: How Modern Is the French Revolution?» *American Historical Review* 108, no. 1 (2003): esp. 120–24. Один из первых залпов в атаке на интерпретацию через классовую борьбу был сделан британским академиком Колином Лукасом: Colin Lucas, «Nobles, Bourgeois and the Origins of the French Revolution», *Past and Present* 60 (August 1973): 84–126. Интерпретации Французской революции на основе классовой борьбы начинают появляться вновь, см. John Markoff, *The Abolition of Feudalism: Peasants, Lords, and Legislators in the French Revolution* (University Park: Pennsylvania State University Press, 1996); and Henry Heller, *The Bourgeois Revolution in France, 1789–1818* (New York: Berghahn, 2006).

4. Skocpol, *States and Social Revolutions*, 4; John Foran, *Taking Power: The Origins of Third World Revolutions* (Cambridge: Cambridge University Press, 2005), 8; Hannah Arendt, *On Revolution* (London: Penguin Books, 1963), 64. По моему мнению, этот анализ настолько узок, что больше говорит нам о политических симпатиях автора, чем о природе революций. Общество всегда резко изменялось в революциях. Но социальные изменения могут иметь множество вариантов. Замена одного господствующего класса другим — лишь крошечное подмножество куда более широкого спектра возможностей.
5. Huntington, *Political Order in Changing Societies*, 264–74; Tilly, «Does Modernization Breed Revolution?» 435. Об истории ранних модернизаций см. Chalmers Johnson, *Revolutionary Change* (Boston: Little, Brown, 1966), 61–62. Для знакомства с более широким набором вариантов модернизаций см. Goodwin, *No Other Way Out*, 17.
6. Skocpol, *States and Social Revolutions*, 13, 19, 23, 47.
7. Skocpol, *States and Social Revolutions*, 24. Тут я делаю тот же акцент, что и Гудвин: Goodwin, *No Other Way Out*, 19–20.
8. Huntington, *Political Order in Changing Societies*, 275; Skocpol, *States and Social Revolutions*, 5.
9. Jack A. Goldstone, *Revolution and Rebellion in the Early Modern World* (Berkeley: University of California Press, 1991), xxiv, 27, 37.
10. Goldstone, *Revolution and Rebellion*, xxv, 3.
11. Goldstone, *Revolution and Rebellion*, 318. Скокпол отклоняет эту революцию как «только политическую». Skocpol, *States and Social*

- Revolutions*, 141, 144, 294. Karl Marx, «The East India Company», in Karl Marx, *Surveys from Exile: Political Writings*, vol. 2, ed. David Fernbach (London: Penguin, 1973), 308; Sir William Blackstone, *Commentaries on the Laws of England*, 4 vols. (Oxford: Clarendon Press, 1765–69), 1:397–98, 4:435.
12. Jonathan I. Israel, *The Dutch Republic: Its Rise, Greatness and Fall, 1477–1806* (Oxford: Clarendon Press, 1995), 796–806; Pieter Geyl, *Orange and Stuart, 1641–1672*, trans. Arnold Pomerans (New York: Charles Scribner's Sons, 1939), 345–400; Herbert H. Rowen, *John de Witt, Grand Pensionary of Holland, 1625–1672* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1978), 840–84.
 13. Knud Jespersen, *History of Denmark*, trans. Ivan Hill (Houndmills: Palgrave, 1994), 40–46. Современники обращали внимание на это же. См. Robert Molesworth, *Account of Denmark* (London: Timothy Goodwin, 1692).
 14. A. F. Upton, *Charles XI and Swedish Absolutism, 1660–1697* (Cambridge: Cambridge University Press, 1998), 10, 31–89; Michael Roberts, *Essays in Swedish History* (London: Weidenfeld and Nicolson, 1967), 230, 2–33. 2–47–49.
 15. John Lynch, *Bourbon Spain, 1700–1808* (Oxford: Basil Blackwell, 1989), 37, 60.
 16. В третьей главе я обсуждаю социально-экономическую модернизацию, происходившую в Англии в конце XVII века. Эта модернизация проводилась в рамках программы государственной модернизации Якова II, описанной в шестой главе.
 17. Tilly, «Does Modernization Breed Revolution?» 432, 447. Следует отметить, что Скокпол заявляет о принципиальной совместимости между ее претензиями и мнением Тилли, потому что они разделяют убеждение, «что масса, представители низшего класса в революции, не могут превратить недовольство в эффективную политическую деятельность без самостоятельной коллективной организации и ресурса для поддержания их усилий». Theda Skocpol, *Social Revolutions in the Modern World* (Cambridge: Cambridge University Press, 1994), 241. Тем не менее доказательства, представленные Тилли в этой статье, кажется, поднимают более фундаментальные вопросы о связи между классовым самоопределением и революцией, чем это позволяет себе Скокпол.
 18. Tocqueville, *Old Regime*, viii–ix, 32, 57–58, 60, 171, 176–79, 188, 193–94, 201. Эта точка допускается Хеллером, наиболее резким современным защитником социальной интерпретации Французской революции. Проблема, отмечает он, была в том, что «попытка реформ сверху

оказалась слишком нерешительной, чтобы предотвратить окончательный экономический кризис и финансовое банкротство». Heller, *Bourgeois Revolution*, 67. Из последних исследований стремления Людовика XIV к государственной модернизации см.: Gail Bossenga, *The Politics of Privilege: Old Regime and Revolution in Lille* (Cambridge: Cambridge University Press, 1991); Michael Kwass, *Privilege and the Politics of Taxation in Eighteenth-Century France* (Cambridge: Cambridge University Press, 2000); and Stephen Miller, *State and Society in Eighteenth-Century France* (Washington, DC: Catholic University of America Press, 2008), 101–40.

19. Свидетельства об этом приведены в следующих главах.
20. Friedrich Katz, «Mexico: Restored Republic and Porfiriato, 1867–1910», in *Cambridge History of Latin America*, vol. 5, ed. Leslie Bethell (Cambridge: Cambridge University Press, 1986), 35, 38, 56, 64; Alan Knight, *The Mexican Revolution*, vol. 1 (Cambridge: Cambridge University Press, 1986), 15, 18, 23.
21. Nader Sohrabi, «Historicizing Revolutions». *American Journal of Sociology* 100 (1995): 1392.
22. Sheila Fitzpatrick, *The Russian Revolution* (Oxford: Oxford University Press, 1982), 15–16, 31–36.
23. Hamdan Nezir Akmese, *The Birth of Modern Turkey* (London: I. B. Tauris, 2005), 19–21; Sohrabi, «Historicizing Revolutions», 1391.
24. Jonathan D. Spence, *The Gate of Heavenly Peace: The Chinese and Their Revolution, 1895–1980* (London: Penguin, 1982), 90–91; Michael Gasster, «Reform and Revolution in China's Political Modernization», in *China's Revolution*, ed. Mary Claburgh Wright (New Haven: Yale University Press, 1968), 75, 81. Это мнение было также высказано у Скокпол: Skocpol, *States and Social Revolutions*, 77.
25. Said Amir Arjomand, *The Turban for the Crown: The Islamic Revolution in Iran* (Oxford: Oxford University Press, 1988), 191, 194, 206–7; G. Hassein Razi, «The Nexus of Legitimacy and Performance: The Lessons of the Iranian Revolution», *Comparative Politics* 19, no. 4 (1987): 454–56; Али Шариати, которого называли «идеологом восстания», смешивает «ислам с современными идеями». Nikki R. Keddie, *Modern Iran: Roots and Results of Revolution*, rev. ed. (New Haven and London: Yale University Press, 2003), 200, 227. Арьёманд высветил некоторые современные элементы иранской революции, проявленный меджлисом «живой интерес к технологиям» и «приверженность к развитию сельских районов и улучшению положения крестьянства». Тогда Скокпол признавалась, что иранская революция ставит некоторые фундаментальные проблемы с ее интерпретацией. Skocpol,

- «Rentier State and Shi'a Islam in the Iranian Revolution», in Skocpol, *Social Revolutions in the Modern World*, 240–43, 245–47.
26. Jorge I. Domínguez, «The Batista Regime in Cuba» in *Sultanistic Regimes*, ed. H. E. Chehabi and Juan J. Linz (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1998), 125; James O'Connor, *The Origins of Socialism in Cuba* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 1970), 29; Foran, *Taking Power*, 60.
 27. Carles Boix, *Democracy and Redistribution* (Cambridge: Cambridge University Press, 2003), 28.
 28. Huntington, *Political Order in Changing Societies*, 275; Skocpol, *Social Revolutions in the Modern World*, 241; Goodwin, *No Other Way Out*, 26.
 29. Было много споров о природе французского абсолютизма в XVII веке, но большинство комментаторов соглашаются, что именно при Людовике XIV государственная власть во Франции значительно усилилась. См. James B. Collins, *The State in Early Modern France* (Cambridge: Cambridge University Press, 1995), 79–124; and David Parker, *The Making of French Absolutism* (London: Edward Arnold, 1983), 118–36.
 30. Thomas M. Huber, *The Revolutionary Origins of Modern Japan* (Stanford, CA: Stanford University Press, 1981), 1; W. G. Beasley, *The Rise of Modern Japan* (London: Weidenfeld and Nicolson, 1990), 54–69; E. H. Norman, *Origins of the Modern Japanese State* (New York: Pantheon, 1975), 114–15. Губер описывает реставрацию Мэйдзи как вспомогательную революцию. Однако, как указывает Бизли, реставрация Мэйдзи никак не подпадает под стандартное определение революции. В ней не было никакого массового народного движения, отсутствовала новая концепция времени. Разговор о ней не касается создания нового политического порядка. Реставрация Мэйдзи кажется мне классическим примером радикальной модернизации от имени государства.
 31. Boix, *Democracy and Redistribution*, 93.
 32. Peter Burke, *The Fabrication of Louis XIV* (New Haven and London: Yale University Press, 1992).
 33. Barrington Moore Jr., *Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World* (Boston: Beacon, 1966), 3–155, 413, 418, 433.
 34. Буа модифицировал аргумент Мура путем разграничения политических результатов в слаборазвитых и сильноразвитых промышленных странах. Boix, *Democracy and Distribution*, 40. Хотя я считаю аргументы Буа с аналитической точки зрения еще более удовлетворительными, а также разделяю его энтузиазм в плане реанимирования вопросов, поставленных теоретиками модернизации, он задает

- принципиально более широкий вопрос, нежели я. Он говорит о «демократических переходах»; я же рассматриваю тему более узко: почему некоторые революции порождают более демократические режимы, и почему другие вызывают к жизни более авторитарные?
35. Arendt, *On Revolution*, 215.
 36. Arendt, *On Revolution*, 25, 92.
 37. Moore, *Social Origins of Dictatorship and Democracy*, 414; Arendt, *On Revolution*, 23; Steven Pincus, «Whigs, Political Economy, and the Revolution of 1688–89» in «*Cultures of Whiggism*»: *New Essays on English Literature and Culture in the Long Eighteenth Century*, ed. David Womersley (Newark: University of Delaware Press, 2005); T. H. Breen, *The Marketplace of Revolution: How Consumer Politics Shaped American Independence* (Oxford: Oxford University Press, 2004), xvi–xviii.
 38. Tocqueville, *Old Regime*, 12–13. Мартин Малия также утверждает, что «милленаристский импульс необходим для питания первоначального революционного порыва». Martin Malia, *History's locomotives: Revolutions and the Making of the Modern World* (New Haven and London: Yale University Press, 2006), 58.
 39. Первый подход сделал Thomas Paine, *The Decline and Fall of the English System of Finance*, 2nd American ed. (New York, 1796), 33. Это было продолжено в Foran, *Taking Power*, 18. Литература и вторичные источники кратко рассмотрены в Lawrence Stone, «Theories of Revolution», *World Politics* 18, no. 2 (1966): 164ff.
 40. Crane Brinton, *The Anatomy of Revolution*, rev. ed. (New York: Vintage, 1965), 39; Fitzpatrick, *Russian Revolution*, 16.

Глава третья

По голландскому пути

1. Томас Мечелл был одним из тех, кто жаловался, что Кэмден основывался на своих графских представлениях и полномочиях: Thomas Machell, Westmoreland, Cumbria SRO, Carlisle, D&C Machell MSS. 1:47; Edmund Gibson to Dr. Charlett, 31 March 1694, Bodleian, Ballard MSS5, fol. 23r. Эти планы были хороши в трактовке Стоу: Gibson to Charlett, 4 June, 4 August 1694, Bodleian, Ballard MSS5, fols. 44r, 60v; Edmund Gibson, *Camden's Britannia* (London: F. Collins for A. Swalle and A. and J. Churchill, 1695), sig. [A2r].
2. Thomas Babington Macaulay, *The History of England from the Accession of James II*, 5 vols. (New York: Harper and Brothers, 1849–61), 1:260, 262, 265 299–300, 333, 346, 352. Маколей считал, что «скорость»,

с которой велась переписка между отдаленными местами, может лишь возбуждать презрение настоящего поколения»: *History*, 359.

3. Как будет ясно из следующих страниц, социальные историки предлагают иную картину. Тем не менее социальные историки несут ответственность за многие собственные ошибки. Самое главное: подавляющее большинство «социальных историй» либо останавливается на 1640 году, либо же начинается с 1700 года, ограничивая себя либо вспышкой английской гражданской войны, либо началом промышленной революции. Вопрос с этими определениями разбирается ниже. Другие исследователи отметили ту же проблему: David Hey, *The Fiery Blades of Hallamshire: Sheffield and Its Neighbourhood, 1660–1740* (Leicester: Leicester University Press, 1991), 1; D. C. Coleman, *Economy of England, 1450–1750* (Oxford: Oxford University Press, 1977), 158. Эта группа включает в себя таких политических историков, как У. А. Спек, Дж. Р. Джонс, Эвелин Круикшанкс, Дж. М. Тревелиян и Джон Миллер.
4. J. C. D. Clark, *English Society, 1660–1832*, 2nd ed. (Cambridge: Cambridge University Press, 2000), 15, 446, 452. Это весьма схоже с представлением Маколея, что «в нашей собственной земле национальное богатство в течение по крайней мере шести веков почти непрерывно росло». Macaulay, *History*, 1:261. Jonathan Scott, *Algernon Sidney and the Restoration Crisis, 1677–1683* (Cambridge: Cambridge University Press, 1991), 6.
5. Jan de Vries and Ad van der Woude, *The First Modern Economy: Success, Failure, and Perseverance of the Dutch Economy, 1500–1815* (Cambridge: Cambridge University Press, 1997), 693.
6. Примеры в печатной памфлетной литературе слишком многочисленны, чтобы их упоминать. Купец из Ньюкастла Эмброс Барнс прокомментировал все эти темы: W. H. D. Longstaffe, ed., *Memoirs of the Life of Mr. Ambrose Barnes ...*, Publications of the Surtees Society, vol. 50 (Durham: Published for the Society, 1867), 46–48, 213 (далее цит. как *Memoirs of Barnes*). Лондонский диссентер Роджер Моррис собрал коллекцию памфлетов по сравнительной политической экономике: см. «A Catalogue of Roger Morrice's Books», DWL, 31 M, 14 May 1697, unfolioed. Джон Эвелин оформил свое введение в историю Третьей англо-голландской войны в явно схожих выражениях. John Evelyn, *Navigation and Commerce* (London: Benj. Tooke, 1674), esp. 7–8. John Houghton, «A Proposal for Improvement of Husbandry and Trade», BL, Sloane 2903, fol. 164v.
7. «An Essay on the Interest of the Crown in American Plantations and Trade», 1685, BL, Add. 47131, fol. 22. Некоторые не во всем совме-

- стимые объяснения упадка Испании см.: William Garroway, 15 November 1667, Grey, 1:40; Evelyn, *Navigation and Commerce*, 6–7, 15; P. B., *The Means to Free Europe from the French Usurpation* (London: R. Bently, 1689), 99; *A Discourse of the Necessity of Encouraging Mechanick Industry* (London: Richard Chiswell, 1690), 9–10; John Cary, *An Essay on the State of England in Relation to Its Trade* (London: Sam. Crouch, 1695), sig. [A5V]; *The Irregular and Disorderly State of the Plantation Trade* [London, 1695?], [1]. См. также Matthew Wren, *Monarchy Asserted* (Oxford: F. Bowman, 1659), 30; John Houghton, *England's Great Happiness* (London: J. M. for Edward Croft, 1677), 8; а также признанную классику: Sir William Temple, *Observations upon the United Provinces of the Netherlands* (London: Sa. Gellibrand, 1673). Про общую значимость Голландии в английской экономике см. Joyce Oldham Appleby, *Economic Thought and Ideology in Seventeenth-Century England* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1978), 73–98.
8. Guy Mieg, *The New State of England under Their Majesties K. William and Q. Mary*, 2 vols. (London: H. C. for Jonathan Robinson, 1691), 1:110, 158. Первая часть этого текста основана на путешествиях Мьежа в 1680-е годы. Gibson, *Camden's Britannia*, 439; Thomas Baskerville, «London and Dover Journey», *HMC Portland*, 2:280; Robert Lord Wenlock, ed., *Lorenzo Magalotti: Travels of Cosmo the Third* (London: J. Mawman, 1821), 11 April 1665, 147 (позднее цит. как *Magalotti: Travels*); Andrew Yarranton, *England's Improvement by Sea and Land* (London: R. Everingham, 1677), 48–49.
9. C. G. A. Clay, *Economic Expansion and Social Change: England, 1500–1700*, 2 vols. (Cambridge: Cambridge University Press, 1984), 1:60, 165, 2:102; Sir William Coventry, 27 February 1668, Grey, 1:97; Gibson, *Camden's Britannia*, 411–12, 509; Yarranton, *England's Improvement*, 50; Houghton, *England's Great Happiness*, 11–12; Evelyn, *Diary*, 30 August 1654, 1:135; John Edward Jackson, ed., *Wiltshire: The Topographical Collections of John Aubrey* [c. 1670] (Devizes: Wiltshire Archaeological and Natural History Society, 1862), 9–11; Carole Shammas, *The Pre-Industrial Consumer in England and America* (Oxford: Clarendon Press, 1990), 2, 17, 28; de Vries and van der Woude, *First Modern Economy*, 695; Я благодарю Кэти Конзен за предоставленные мне данные американской статистики, основанные на материалах US Bureau of the Census, *Historical Statistics of the United States* (Washington, DC: GPO, 1960).
10. Clay, *Economic Expansion*, 2:3, 80. О позднейших оценках и сопоставлениях XVII века см. Jacob M. Price, *Overseas Trade and Traders* (Aldershot: Variorum, 1996), 106; John M. Hatcher, *Before 1700: Towards*

the Age of Coal (Oxford: Clarendon Press, 1993), 419; and Coleman, *Economy of England*, 159.

11. Clay, *Economic Expansion*, 1:194, 2:99. Несколько подобных примеров я обсуждаю ниже. О Пик-Дистрикт см. Andy Wood, *The Politics of Social Conflict* (Cambridge: Cambridge University Press, 1999), 93, 97–98; о Хэллешире: Hey, *Fiery Blades*, 1; о Бирмингеме: William Hutton, *An History of Birmingham*, 2nd ed. (Birmingham: Pearson and Rollason, 1783), 19. Здесь мое мнение о региональных экономиках основано на Pat Hudson, «The Regional Perspective», in *Regions and Industries: A Perspective on the Industrial Revolution in Britain*, ed. Pat Hudson (Cambridge: Cambridge University Press, 1989), 5–38.
12. Miede, *New State of England*, 1:18–19, 2:7; Clay, *Economic Expansion*, 2:44; Coleman, *Economy of England*, 160.
13. John Joliffe, 18 November 1670, Grey, 1:292–93; *Reasons Humbly Offered to the Honourable House of Commons Why No Farther Duty or Excise Be Laid upon Wines* [1690s], [1]; *The Trade between England and Italy Truly Stated* [1690s], [1]; Shammas, *Pre-Industrial Consumer*, 96.
14. Clay, *Economic Expansion*, 2:15–16; петиция городских портных Ковентри 7 мая 1686 года, NA, SP 31/5, fol. 48r; Privy Council Minutes, 7 May 1686, NA, PC2/71, fol. 137r. Эта оценка повторяет мнение Яррантона: Yarranton, *England's Improvement*, 55, 100; Paul Slack, «Poverty and Politics in Salisbury, 1597–1666», in *Crisis and Order in English Towns, 1500–1700*, ed. Peter Clark and Paul Slack (Toronto: University of Toronto Press, 1972), 170–71; Peter Clark and Paul Slack, *English Towns in Transition, 1500–1700* (Oxford: Oxford University Press, 1976), 102–3; Miede, *New State of England*, 1:206; Gibson, *Camden's Britannia*, 152; Eric Kerridge, *Textile Manufactures in Early Modern England* (Manchester: Manchester University Press, 1985), 241.
15. Narcissus Luttrell, «Travells», 3 July – 21 September 1678, Beinecke, OSB Shelves b.314, 63; Miede, *New State of England*, 1:81, 157, 192–93; Clay, *Economic Expansion*, 2:17–18; *Magalotti: Travels*, 6–7 April 1669, 128, 132–33; Luttrell, «Travells», 1677, fol. ev; Maurice Exwood and H. L. Lehmann, eds., *The Journal of William Schellinks' Travels in England, 1661–1663*, Camden 5th Ser., vol. 1 (London: Royal Historical Society, 1993), 18 July 1661, 25 July 1662, 33, 111 (далее цит. как *Journal of Schellinks*); Henri Misson, *M. Misson's Memoirs and Observations in His Travels over England*, trans. John Ozell (London: D. Browne et al., 1719), 77; Обзорение Миссона базируется на его путешествии в Англию в конце 1680-х и начале 1690-х; Luttrell, «Travells», 22 July – 22 August 1679, 156; Thomas Baskerville, «Journeys», HMC *Portland*, 2:270; *Reasons Humbly Offered to the Honourable House of Commons*,

- by the Clothiers of Essex [1690s], [1]; Baskerville, «Journey to Essex», 1662, HMC *Portland*, 2:283. «Новая ткань» впервые появилась в восточной Англии и на юго-востоке в конце XVI века: Keith Wrightson, *Earthly Necessities: Economic Lives in Early Modern Britain* (New Haven and London: Yale University Press, 2000), 166–67; Clark and Slack, *English Towns*, 86–87; Peter Clark and Paul Slack, «Introduction», in *Crisis and Order*, ed. Clark and Slack, 32; Ralph Thoresby, *Ducatus Leodiensis* (London: Maurice Atkins, 1715), vi. Торесби начал работать над своей историей Лидса в 1680-е годы, но он отмечал изменение характера одежды в своем родном регионе намного раньше: Thoresby, *Diary*, 17 October 1680, 1:66; John Smail, *The Origins of Middle-Class Culture* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 1994), 22–23.
16. Ralph Thoresby, «Autobiography», WYAS, Thoresby MSS26, 64; Miede, *New State of England*, 1:48, 127, 237–38; Gibson, *Camden's Britannia*, 798–99. Говорилось, что в Манчестерском приходе в 1650 году имелось двадцать семь тысяч причастников: Clark and Slack, «Introduction», 30; John K. Walton, «Proto-Industrialisation and the First Industrial Revolution», in *Regions and Industries*, ed. Hudson, 46, 59; Sir Daniel Fleming, Lancashire, 1674, Cumbria SRO, Carlisle, D/Lons/Li2/2/18, fols. 2, 12r; Clay, *Economic Expansion*, 2:38; Thoresby, *Diary*, 19 September 1694, 1:266; The Case concerning the General Sessions in Westmoreland, ca. 1680s, Cumbria SRO, Kendal, WD/Ry, Box 35; Machell, Westmoreland, 2:27; Roger North, *Lives*, ed. Augustus Jessopp (London: George Bell and Sons, 1890), 1:183; Fleming, Westmoreland, Cumbria SRO, Kendal, WD/Cr/n/65, 4–5; C. B. Phillips, «Town and Country: Economic Change in Kendal, c. 1550–1700», in *The Transformation of English Provincial Towns, 1600–1800*, ed. Peter Clark (London: Hutchinson, 1984), 115–17.
 17. Kerridge, *Textile Manufactures*, 67; Luttrell, «Travells», 22 July – 22 August 1679, 189; Baskerville, «London and Dover Journey», 2:281; Miede, *New State of England*, 1:153; *Journal of Schellinks*, 12 October 1662, 160; Bonrepaus (London) to Seignelay, 1/11 February 1686, NA, PRO 31/3/164, fols. 39–40; Misson, *Memoirs*, 182.
 18. William Grey, *Chorographia, or a Survey of Newcastle-upon-Tyne* (Newcastle: S. B., 1649), 34, 37; Hatcher, *Before ijoo*, 68, 480–90; David Levine and Keith Wrightson, *The Making of an Industrial Society: Whickham, 1560–1765* (Oxford: Clarendon Press, 1991), 4–5; J. U. Nef, *The Rise of the British Coal Industry*, vol. 1 (Hamden, Conn.: Archon Books, 1966), 19–20; Catherine Glover and Philip Riden, eds., *William Woolley's History of Derbyshire* Derbyshire Record Society, 6 (1981), 46 (далее цит. как *Woolley's History of Derbyshire*); Luttrell, «Travells», 3

- July – 21 September 1678, 56; Gibson, *Camden's Britannia*, 82–248; Machell, Westmoreland, 1:67; Colonel Birch, 14 March 1670, Grey, 1:232. Так, кажется, на варварском северо-западе Маколея имело место десятикратное увеличение производства. Miede, *New State of England*, 1:20, 75, 77–78, 164–68; Misson, *Memoirs*, 192–93; John Conyers, Northern Journey, 11 September 1676, Essex SRO, D/DW Z6/2, 18–19; Thoresby, *Diary*, 11 November 1682, 1:141; Evelyn, *Diary*, 10 September 1677, 4:115–16; Richard Colman, 13 April 1671, Grey, 1:443. Кингз-Линн также извлек пользу и из транспортировки угля: *Journal of Schellinks*, 7 October 1662, 154; Craig Muldrew, *The Economy of Obligation* (New York: St. Martin's Press, 1998), 18–19.
19. John Evelyn, «A Character of England», 1659, in *The Writings of John Evelyn*, ed. Guy de la Bedoyere (Woodbridge: Boydell, 1995), 82; Evelyn, «Fumifugium», 1661, in *Writings of Evelyn*, ed. de la Bedoyere, 137; Evelyn, *Diary*, 28 May 1684, 4:380; Memoire de M. Robert, 27 December/6 January 1685/86, fol. 81r; Misson, *Memoirs*, 37–38, 81; Miede, *New State of England*, 1:33–34.
 20. W. H. B. Court, *The Rise of the Midland Industries, 1600–1838* (Oxford: Oxford University Press, 1938), 69; Hatcher, *Before 1700*, 450. Это знаменует некоторую модификацию датировки Нефа. Clay, *Economic Expansion*, 2:48.
 21. Clay, *Economic Expansion*, 2:57–58; Wood, *Politics of Social Conflict*, 89, 99; Gibson, *Camden's Britannia*, 78, 782–83; Miede, *New State of England*, 1:20, 47, 54–55, 188; Luttrell, «Travells», 3 July – 21 September 1678, 55–56; *Journal of Schellinks*, 22 July 1662, 108; Thoresby, «Autobiography», 46; Thoresby, *Diary*, 20 July 1681, 1:91; Evelyn, *Diary*, 8 July 1685, 4:451–52; Woolley's *History of Derbyshire*, 8, 24, 176–77, 196. Woolley's history is especially valuable because he had made his fortune as a lead merchant in London before retiring to his native Derbyshire to write his history.
 22. Clay, *Economic Expansion*, 2:58–59; Luttrell, «Travells», fols. Zv, aar; Miede, *New State of England*, 1:41; Magalotti: *Travels*, 3 April 1669, 119; *Journal of Schellinks*, 14 August 1662, 119–20.
 23. Thomas Baskerville, «Journey to the North», HMC *Portland*, 2:309; Conyers, Northern Journey, 19 September 1676, 25; Luttrell, «Travells», 18 August – 25 September 1680, 273; Baskerville, «Inland Towns», HMC *Portland*, 2:293–94; Thoresby, *Diary*, 20 September 1694, 1:269; Gibson, *Camden's Britannia*, 180, 245, 267, 509; Court, *Rise of Midland Industries*, 78; H. N., *The Compleat Tradesman* (London: John Dunton, 1684), 158; Gregory King, «Of the Naval Trade of England», 1688, in *Two Tracts by Gregory King*, ed. George E. Barnett (Baltimore: Johns Hopkins University

- Press, 1936), 69. Вырубка лесов в Оксфордшире после гражданской войны также могла быть вызвана нуждами металлургической промышленности: Robert Plot, *The Natural History of Oxfordshire* (Oxford: Theatre, 1677), 51; Yarranton, *England's Improvement*, 56, 58 (это не была позиция самого Яррантона; он являлся железным мастером в лесу Дин); Miede, *New State of England*, 1:20, 85, 149.
24. Clay, *Economic Expansion*, 2:55; Price, *Overseas Trade*, 113; *The Case of the Company of Cutlers in Hallamshire* [ca. 1680], [1]; Hey, *Fiery Blades*, 61, 94, 184; Misson, *Memoirs*, 171; Miede, *New State of England*, 1:235, 262; Gibson, *Camden's Britannia*, 723 (section written by Ralph Thoresby); Thoresby, *Diary*, 19 July 1681, 1:88; Yarranton, *England's Improvement*, 57–58; Court, *Rise of Midland Industries*, 70–71, 77, 147; Marie B. Rowlands, *Masters and Men in the West Midland Metalware Trades before the Industrial Revolution* (Manchester: Manchester University Press, 1975), 13, 149.
25. Clay, *Economic Expansion*, 2:37; Eleanor S. Godfrey, «The Development of English Glassmaking, 1560–1640» (PhD diss., University of Chicago, 1957), 3, 320; *An Answer to the Insinuations and Suggestions of the Commissions for Receiving the Duties on Glass-Wares* [1690s], [1]; Evelyn, *Diary*, 18 September 1676, 4:98–99; Alberti to Inquisitors of State, 6 January 1673, CSPV, 2; Alberti to Doge and Senate, 21 April 1673, CSPV, 38–39; Alberti to Inquisitors of State, 15 September 1673, CSPV, 116; Alberti to Doge and Senate, 15 June, 6 July 1674, CSPV, 265, 272; Court, *Rise of Midland Industries*, 121; Gibson, *Camden's Britannia*, 523, 579; Luttrell, «Travells», 18 August – 25 September 1680, 256, 272–73; Baskerville, «Inland Towns», 2:292, 294; Grey, *Chorographia*, 40; Yarranton, *England's Improvement*, 156; Charles Palmer, *The Glass-Makers Case* [1690s], [1]; *The Allegations of the Glass-Makers Examined and Answered* [1690s], [1]; *The Case of the Working Glass-Makers in England* [1690s], [1]; Alberti to Doge and Senate, 23 February 1674, CSPV, 222–223; *The Miserable Case of the Glass-Makers, Considered* [1690s], [1–2]; *The Case of the Poor Work-Men Glass-Makers* [1690s], [1]; Houghton, *England's Great Happiness*, 5–6.
26. Plot, *Natural History of Oxfordshire*, 250–51; *The Case of the Journeymen Potmakers* [1690s], [1]; Robert Plot, *The Natural History of Stafford-Shire* (Oxford, 1686), 122, 128; Hatcher, *Before 1700*, 454; Lorna Weatherill, *The Pottery Trade and North Staffordshire, 1660–1760* (New York: Augustus M. Kelley, 1971), 1–9; *The Deplorable Case of the Journeymen Potmakers* [1690s], [1]; *Reasons Humbly Offered to the Honourable House of Commons for Encouraging of the English Manufactures of Earthen-Wares* [1690s], [1].

27. *An Answer to the Sugar-Bakers or Sugar-Refiners Paper* (London, 1695), 1; *Irregular and Disorderly State*, [2–3]; *A State of the Present Condition of the Island of Barbadoes* (London: Tho. Northcott, [1690s?]), 2; Hatcher, *Before 1700*, 447; *A Reply to a Paper Entitled An Answer to the Sugar-Refiners Paper* [1695], 1; *The Case of the Refiners of England* [1690s], [1]; Richard B. Sheridan, *Sugar and Slavery: An Economic History of the British West Indies, 1623–1775* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1973), 395; John J. McCusker, *Rum and the American Revolution*, vol. 1 (New York: Garland, 1989), 42.
28. *Magalotti: Travels*, 4 May 1669, 197; Samuel Sorbieri, *A Voyage to England* (London: J. Woodward, 1709), 12 (Сорбьер путешествовал в 1664 году); Luttrell, «Travells», 3 July – 21 September 1678, 49, 113, 115; Gibson to Charlett, 12 May 1694, Bodleian, Ballard MSS5, fol. 35r; Gibson, *Camden's Britannia*, 132–33, 219, 229–30, 359; Clay, *Economic Expansion*, 1:197; David Harris Sacks and Michael Lynch, «Ports, 1540–1700», in *The Cambridge Urban History of Britain*, 3 vols., ed. Peter Clatrk (Cambridge: Cambridge University Press, 2000), 2:385–86; Clark and Slack, *English Towns*, 36–38; Thomas Baskerville, «Abingdon to Southampton», 1679, HMC *Portland*, 2:287; Memoire de M. Robert, 27 December/6 January 1685/86, fol. 94r; Miede, *New State of England*, 1:113–15; Baskerville, «London and Dover Journey», 2:276–78; Luttrell, «Travells», 30 April 1678, 36; *Journal of Schellinks*, 14 July 1661, 46; Luttrell, «Travells», 22 July – 22 August 1679, 184–85; Sainte Marie to Denz., 2 May 1685, in Georges Roth, ed., *Un Voyageur Francais a Londres en 1688: M. de Sainte-Marie* (Paris: Didier, 1968), 16.
29. Я воздержался от использования знаменитой и весьма спорной фразы Дж. У. Нефа о «ранней промышленной революции». Тем не менее очевидно, что рост производства в XVII веке был не чем иным, как трансформацией Англии — и в абсолютных значениях, и относительно других европейских стран. См. Nef, *Rise of the British Coal Industry*, 165–89; Peter Earle, *The Making of the English Middle Class* (Berkeley: University of California Press, 1989), 18. Я не согласен с характеристикой, предлагаемой Роллисоном: David Rollison, *The Local Origins of Modern Society: Gloucestershire, 1500–1800* (London: Routledge, 1992), 18.
30. Clay, *Economic Expansion*, 1:165; John Langton, «Urban Growth and Economic Change: From the Late Seventeenth Century to 1841», in *Cambridge Urban History*, ed. Clark, 2:462; Уильям Петти предполагает 33%: William Petty, «Essay about Analysis of Property», с. 1686, BL, Add. 72866, fol. 54r; de Vries and van der Woude, *First Modern Economy*, 60; US Bureau of the Census, *Historical Statistics of the United States*

- (Washington, DC: GPO, 1961), 14. Эти статистические данные сделаны на основе определения населения среднего города в 2500 человек, дают уровень урбанизации 26 процентов. Пол Гленни и Ян Уайт, используя примерно аналогичную основу, утверждают, что в 1700 году в Англии уровень урбанизации составлял 30–33 процента: Glennie and Whyte, «Towns in an Agrarian Economy, 1540–1700», in *Cambridge Urban History*, ed. Clark, 2:169; Peter Clark, «Introduction», in *Cambridge Urban History*, ed. Clark, 2:3. Даже Нидерланды после 1675 года пережили деурбанизацию: de Vries and van der Woude, *First Modern Economy*, 60.
31. Jeremy Boulton, «London, 1540–1700», in *Cambridge Urban History*, ed. Clark, 2:316; Clay, *Economic Expansion*, 1:169–70. О современных впечатлениях: Sorbriere, *Voyage to England*, 13; Misson, *Memoirs*, 177; Sainte Marie to Denz., 8 May 1685, in Roth, ed., *Voyageur Francais*, 45; Magalotti: *Travels*, 11 May 1669, 395; Evelyn, *Diary*, 12 June 1684, 4:382; Gibson, *Camden's Britannia*, 331.
 32. John Evelyn, *The State of France* (London: M. M., G. Bedell and T. Collins, 1652), 111–12; Miede, *New State of England*, 1:283–84, 332; Sainte Marie to Denz., 11 May 1685, in Roth, ed., *Voyageur Francais*, 69; Misson, *Memoirs*, 323; Petty, «Essay about Analysis of Property», fol. 53r. См. также Thoresby, *Diary*, 22 February 1678, 1:12.
 33. Clay, *Economic Expansion*, 1:169; Clark and Slack, *English Towns*, 38–40; Clark and Slack, «Introduction», 30; Paul Slack, «Great and Good Towns, 1540–1700», in *Cambridge Urban History*, ed. Clark, 2:351–352; Court, *Rise of Midland Industries*, 33, 47; Hutton, *History of Birmingham*, 41; Sacks and Lynch, «Ports, 1540–1700», 2:384; Fleming, Lancashire, 1674, fol. 9r; Thoresby, *Diary*, 8 June 1682, 1:124; Gibson, *Camden's Britannia*, 776, 797–798; Hey, *Fiery Blades*, 64, 304; Miede, *New State of England*, 1:264–65; Smail, *Origins of Middle-Class Culture*, 19–22; Conyers, Northern Journey, 28 August 1676, 6. Thoresby, *Ducatus Leodensis*, дает наиболее полную статистику впечатляющего развития Лидса. Касательно обсуждения проблематичной политики, в результате которой большая часть Лидса превратилась в знаменитый промышленный город, см. Derek Hirst, «The Fracturing of the Cromwellian Alliance: Leeds and Adam Baynes», *English Historical Review* 108 (1993): 868–94.
 34. *Memoirs of Barnes*, 90, 214; Sacks and Lynch, «Ports, 1540–1700», 2:384; Miede, *New State of England*, 1:167; Conyers, Northern Journey, 1 September 1676, 8; Gibson, *Camden's Britannia*, 871; Grey, *Chorographia*, 26; *Journal of Schellinks*, 11 October 1662, 158; Penelope Corfield, «A Provincial Capital in the Late Seventeenth Century: The Case of

- Norwich», in *Crisis and Order*, ed. Clark and Slack, 263–66; Baskerville, «Journeys», 2:268.
35. Sacks and Lynch, «Ports, 1540–1700», 2:384, 386, 404–5; Paul G. E. Clemens, «The Rise of Liverpool, 1665–1750», *Economic History Review*, n. s., 29, no. 2 (1976): 211–15; Gibson, *Camden's Britannia*, 801; Perry Gauci, *Politics of Trade: The Overseas Merchant in State and Society, 1660–1720* (Oxford: Oxford University Press, 2001), 55–62; Fleming, Lancashire, 1674, fol. 5r; Miede, *New State of England*, 1:50, 127; Gibson, *Camden's Britannia*, 801, 840–41; Sylvia Collier, *Whitehaven, 1660–1800* (London: HMSO, 1991), 2; J. V. Beckett, *Coal and Tobacco: The Lowthers and the Economic Development of West Cumberland* (Cambridge: Cambridge University Press, 1981), 39–40, 103–4, 120–181; Thoresby, *Diary*, 20 September 1694, 1:269; Sir Daniel Fleming, Cumberland, Cumbria SRO, Kendal, WD/Cr/11/65, 1; Thomas Denton, History of Westmoreland and Cumberland, 1687–88, Cumbria SRO, Carlisle, D/Lons/L/2/4/2/Box 1061, 29; Whitehaven Port Book, Exports, 1678–1685, Cumbria SRO, Carlisle, D/Hud/6/1; Sir John Lowther of Whitehaven, General Notebook, 1685–1694, Cumbria SRO, Carlisle, D/Lons/Wi/33, 19.
 36. Magalotti: *Travels*, [April] 1669, 121–25; *Journal of Schellinks*, 8 August 1662, 115; Clark and Slack, «Introduction», 31–32; Clark and Slack, *English Towns*, 47, 51–52; Luttrell, «Travells», 1677, 3 July – 21 September 1678, fols. 1, R-S, 73–74; Miede, *New State of England*, 1:43, 60–61; Memoire de M. Robert, 27 December/6 January 1685/86, fols. S2–S41; *Journal of Schellinks*, 21 August 1662, 125; Jonathan Barry, «South-West», in *Cambridge Urban History*, ed. Clark, 2:83; Slack, «Great, and Good Towns», 2:352; Sacks and Lynch, «Ports, 1540–1700», 2:384, 400; Earl of Bath (Plymouth) to Earl of Sunderland, 9 October 1688, NA, SP 31/4, fol. 107v.
 37. Sacks and Lynch, «Ports, 1540–1700», 2:384, 400–401; *Journal of Schellinks*, 14 July 1662, 102; Miede, *New State of England*, 1:87; Evelyn, *Diary*, 30 June 1654, 3:102; Luttrell, «Travells», 3 July – 21 September 1678, 47; Clark and Slack, *English Towns*, 52; Sir John Knight, 7 November 1670, Grey, 1:277; Memoire de M. Robert, 27 December/6 January 1685/86, fols. 80–81; North, *Lives*, 1:156.
 38. Sacks and Lynch, «Ports, 1540–1700», 2:384, 406; John K. Walton, «North», in *Cambridge Urban History*, ed. Clark, 2:114; Clark and Slack, *English Towns*, 12; Luttrell, «Travells», 22 July – 22 August 1679, 167; Miede, *New State of England*, 1:154–55.
 39. J. D. Marshall, ed., *The Autobiography of William Stout of Lancaster, 1665–1752* (Manchester: Chetham Society, 1967), 77; Carl Bridenbaugh,

Cities in the Wilderness: The First Century of Urban Life in America, 1625–1742 (New York: Alfred A. Knopf, 1964), 143.

40. Angus McInnes, «The Emergence of a Leisure Town: Shrewsbury, 1660–1760», *Past and Present* 120 (August 1988): 84; Sylvia McIntyre, «Bath: The Rise of a Resort Town, 1660–1800», *Country Towns in Pre-Industrial England*, ed. Peter Clark (New York: St. Martin's, 1981), 201; *Journal of Schellinks*, 19 July 1662, 105; *An Historical Account of Mr. Rogers's Three Years Travels over England and Wales* (London: J. Moxon and B. Beardwell, 1694), 25–26; Tweeddale (Bath) to?, 31 August 1685, NLS, 7026, fol. 7r; Luttrell, «Travells».
- 3 July – 21 September 1678, 43–45; Misson, *Memoirs*, 14; Sir John Floyer, *An Enquiry into the Right Use and Abuses of the Hot, Cold and Temperate Baths in England* (London: R. Clavel, 1697), sig. [A8r].
41. Gibson, *Camden's Britannia*, 216; James Fraser (London) to Sir Robert Southwell, 16 August 1687, FSL, V.b. 287 (29); Luttrell, «Travells», 29 July – 11 August 1680, 231–37; John Evelyn (Deptford) to John Evelyn Jr., 14 August, 13 August 1689, BL, Evelyn Papers, JEJ 1, unfolioed (c tex по перенумеровано); Miede, *New State of England*, 1:115–16; John Evelyn (Deptford) to Susanna, 14 August 1689, BL, Evelyn Papers, JE A2, fol. 63r; Roger Morrice, *Entering Book*, 13 August 1685, DWL, 31 P, 478.
42. John Aubrey, *The Natural History and Antiquities of the County of Surrey [1673–1692]* (London: E. Curl, 1719), 2:191–92; *An Exclamation from Tunbridge and Epsom against the Newfound Wells at Islington* (London: J. How, 1684), 1; Gibson, *Camden's Britannia*, 165, 306, 477, 732–33, 844; *Journal of Schellinks*, 5 June, 11 June 1662, 87, 91; Luttrell, «Travells», 29 May – 7 June 1680, 208–10; Miede, *New State of England*, 1:55, 222; Floyer, *Enquiry*, sig. A3V; Baskerville, «Journey to the North», 2:314; Gibson to Charlett, 4 August 1694, Bodleian, Ballard MSS5, fol. 60v; London Newsletter, 24 August 1686, FSL, L.c. 1699; Misson, *Memoirs*, 161.
43. *Magalotti: Travels*, 11 May 1669, 219; Miede, *New State of England*, 1:35, 140, 178; Gibson, *Camden's Britannia*, 379; Peter Borsay, *The English Urban Renaissance: Culture and Society in the Provincial Town, 1660–1770* (Oxford: Clarendon Press, 1989), 182, 187–88; McInnes, «Emergence of a Leisure Town», 75.
44. Houghton, *England's Great Happiness*, 19; Jackson, ed., *Wiltshire*, 14; Edward Chamberlayne, *Angliae Notitiae; or, The Present State of England*, 15th ed. (London: John Playford, 1684), 1:19; M. W. Barley, «Rural Building in England», in *The Agrarian History of England and Wales*, vol. 5, 2 vols., ed. Joan Thirsk (Cambridge: Cambridge University Press.

- 1984), 2:591–98; Hatcher, *Before 1700*, 451–52; Baskerville, «Journeys», 2:272; W. G. Hoskins, «The Rebuilding of Rural England, 1570–1640», *Past and Present* 4 (November 1953): 44–59; R. Machin, «The Great Rebuilding: A Reassessment», *Past and Present* 77 (November 1977): 37; Shammas, *Pre-Industrial Consumer*, 163; Borsay, *English Urban Renaissance*, 42; Mieke, *New State of England*, 2:31; Earle, *Making of the English Middle Class*, 292–93.
45. Evelyn, «Character of England», 1659, in *Writings of Evelyn*, 78–82; Sainte-Marie to Denz, 4 May, 8 May, 11 May, 14 May 1685, in Roth, ed., *Voyageur Francais*, 21, 46, 64, 76; Mieke, *New State of England*, 1:283–85; Misson, *Memoirs*, 134–35, 148; *Magalotti: Travels*, 11 May 1669, 394–95; «A Particular of New Buildings within the Bills of Mortality», 11 March 1678, NA, SP 29/402, fol. 54.
46. Conyers, Northern Journey, 21 September 1676, 28; Baskerville, «Inland Towns», 2:289; Gibson, *Camden's Britannia*, 441; Thoresby, «Autobiography», 12; Hey, *Fiery Blades*, 85; Woolley's *History of Derbyshire*, 23; *Memoirs of Barnes*, 214; Baskerville, «Journeys», 2:267; Borsay, *English Urban Renaissance*, 55; Luttrell, «Travells», 1677, 22 July – 22 August 1679, fols. Mr, 157, 167.
47. Borsay, *English Urban Renaissance*, 69; Evelyn, *Diary*, 31 July 1662, 3:328; Evelyn, *A Parallel of the Antient Architecture with the Modern* (London: Thomas Roycroft, 1664), sig. [b2r]; Mieke, *New State of England*, 1:335; Aubrey, *Natural History of Surrey*, 4:149; Fleming, Lancashire, 1674, fol. 17r; Luttrell, «Travells», 3 July – 21 September 1678, fol. 67; McInnes, «Emergence of a Leisure Town», 71; Conyers, Northern Journey, 1 September 1676, 8; Thoresby, *Diary*, 15 November 1682, 1:148–49; Luttrell, «Travells», 1677, fol. 1v.
48. Jonathan I. Israel, *Dutch Primacy in World Trade, 1585–1740* (Oxford: Clarendon Press, 1989), 357; Mieke, *New State of England*, 1:336; Misson, *Memoirs*, 172; E. S. De Beer, «The Early History of London Street Lighting», *History* 25 (March 1941): 311–24; Malcolm Falkus, «Lighting in the Dark Ages of English Economic History», in *Trade, Government and Economy in Pre-Industrial England*, ed. D. C. Coleman and A. H. John (London: Weidenfeld and Nicolson, 1976), 248–73; *An Act of the Common Council for Lighting of Streets*, 25 October 1695 (London: Samuel Roycroft, 1695); Borsay, *English Urban Renaissance*, 72.
49. Gibson, *Camden's Britannia*, 728, 783; Thoresby, «Autobiography», 61; Luttrell, «Travells», 22 July – 22 August 1679, 177; Slack, «Great and Good Towns», 2:367; Conyers, Northern Journey, 23 August 1676, 2; Sainte Marie to Deng, 8 May 1685, in Roth, ed., *Voyageur Francais*, 49–50; Mieke, *New State of England*, 1:287; *Journal of Schellinks*,

- 20 August 1661, 58; Borsay, *English Urban Renaissance*, 162–72; McInnes, «Emergence of a Leisure Town», 67.
50. *Some Considerations about the Most Proper Way of Raising Money in the Present Conjuncture* [1693], 28–29; Gibson, *Camden's Britannia*, 425; Jackson, ed., *Wiltshire*, 8.
 51. T. S. Willan, *River Navigation in England, 1600–1750* (Oxford: Oxford University Press, 1936), 133; Clay, *Economic Expansion*, 1:167–68, 181; Gibson, *Camden's Britannia*, 161; Court, *Rise of Midland Industries*, 10–11; Malcolm Wanklyn, «The Impact of Water Transport Facilities on the Economies of English River Ports, c. 1660–1760», *Economic History Review*, n.s., 49, no. 1 (1996): 25; Baskerville, «Inland Towns», 2:291; *Journal of Schellinks*, 11 July, 14 August 1662, 100–101, 120; Luttrell, «Travells», 16 March – 18 April 1678, 11, 22; Miede, *New State of England*, 1:180; *Woolley's History of Derbyshire*, 57–58, 177; Conyers, *Northern Journey*, 1 September 1676, 8; *Memoirs of Barnes*, 92.
 52. Sainte Marie to Deng, 2 May, 8 May 1685, in Roth, ed., *Voyageur Francais*, 18–19, 50; Miede, *New State of England*, 1:278; Misson, *Memoirs*, 21.
 53. Luttrell, «Travells», 22 July – 22 August 1679, 177–78; *Journal of Schellinks*, 20–21 July 1661, 11 October 1662, 20–21, 158; Thomas Baskerville, «Account of Some Remarkable Things in a Journey between London and Dover», *HMC Portland*, 2:276; T. S. Willan, *The English Coasting Trade, 1600–1750* (Manchester: Manchester University Press, 1938), 203–7; Wrightson, *Earthly Necessities*, 246.
 54. Sir John Lowther of Whitehaven, Notebook, ca. 1680s, Cumbria SRO, Carlisle, D/Lons/Wi/63, 1–2; Thomas Bradyll to Roger Kenyon, 27 October 1690, Lancashire SRO, DD/Ke/9/63/28; William Albert, *The Turnpike Road System in England, 1665–1840* (Cambridge: Cambridge University Press, 1972), 14–29; Dan Bogart, «Turnpike Trusts and the Transportation Revolution in Eighteenth-Century England», *Explorations in Economic History*, 42 (2005): 481–82.
 55. J. A. Chartres, «Road Carrying in England in the Seventeenth Century: Myth and Reality», *Economic History Review*, 30, no. 1 (1977): 78–80; George Chalmers, *An Estimate of the Comparative Strength of Britain* (London: C. Ditty and J. Bowen, 1782), 146; Nehemiah Grew, «The Means of a Most Ample Increase of the Wealth and Strength of England», 1707–8, HEH, HM 1264, 13; Miede, *New State of England*, 1:188, 280, 2:46; Luttrell, «Travells», 1677, 16 March – 18 April, 3 July – 31 September 1678, 22 July – 22 August 1679, fol. 11, 31, 43, 79, 105, in, 156, 166, 176; Evelyn, *Diary*, 19 April 1644, 2:135; Sainte Marie to Deng, 2 May, 4 May 1685, in Roth, ed., *Voyageur Francais*, 17, 23–24; Gibson, *Camden's Britannia*, 874; Machell, *Westmoreland*, 2:43; Sir John Lowther

- of Whitehaven, General Notebook, 1685–94, Cumbria SRO, Carlisle, D/Lons/Wi/33, 5; N. H., *Compleat Tradesman*, 1755ff; Baskerville, «Inland Towns», 2:291; Baskerville, «Journey to the North», 2:313.
56. *Reasons Humbly Offered to the Consideration of Parliament, for the Suppressing Such of the Stage-Coaches and Caravans* [1680s], 2–3, 11; H. N., *Compleat Tradesman*, 42; Jackson, ed., *Wiltshire*, 9; Miede, *New State of England*, 2:46–47; *City Mercury*, 4 July 1692; Clay, *Economic Expansion*, 1:182; Luttrell, «Travells», 1677, 16 March – 18 April, 3 July – 21 September 1678, 22 July – 22 August 1679, 29 July – 11 August, 18 August – 25 September 1680, fol. cv, 12, 17, 48, 101, 108, 113, 117, 183, 230–31, 257, 268.
57. *Magalotti: Travels*, 11 May 1669, 401; Sir Richard Temple, Insertion in Hackney Coach Bill, 1667?, HEH, STT Parliamentary Box 3(6); Sainte Marie to Deng, 11 May, 14 May 1685, in Roth, ed., *Voyageur Francais*, 69, 72–73; *The Case of the Hackney-Coachmen* [1690s], 1; Misson, *Memoirs*, 39.
58. Post Office Accounts, 1638–39, NA, E351/2757; Post Accounts of Stephen Lilly, 1685–1686, NA, E251/2758; Association of Officers Concerned in the Post Office, 1696, NA, C213/379. Валовой финансовый объем работы почты непосредственно после революции остался практически неизменным: Receipts of Public Money, 5 November 1688–30 June 1690, 27 June 1690–27 June 1691, NA, T 48/87, fols. 244, 248–49; J. P., *The Merchant's Daily Companion* (London: Tho. Malthus, 1684), 388; Lords of the Treasury's Order for the Increase of Salaries in the Post Office, 5 April 1688, British Postal Museum and Archive, POST 1/1, fol. 51r; Frank Staff, *The Penny Post* (London: Lutterworth, 1964), 22–33; Howard Robinson, *Britain's Post Office* (Oxford: Oxford University Press, 1953), 10–28; Kenneth Ellis, *The Post Office in the Eighteenth Century* (Oxford: Oxford University Press, 1958), 1–7.
59. Roger Whitley (London) to Mr. Bull, 21 December 1672, 1 January 1673, British Postal Museum and Archive, POST 94/12, unfolioed; Whitley (London) to Mr. Cole, 27 May 1673, British Postal Museum and Archive, POST 94/12, unfolioed; Whitley (London) to Mr. Rowlands, 5 June 1674, British Postal Museum and Archive, POST 94/20, unfolioed; Whitley (London) to Mr. Rows, 5 February 1676, British Postal Museum and Archive, POST 94/16, unfolioed; Whitley (London) to Mr. Lott, 30 March 1676, British Postal Museum and Archive, POST 94/16, unfolioed; Thomas Gardiner, Survey of the Post Office, 1677, British Postal Museum and Archive, Ref 1–10B, fols. 2–4, 9, i8r; Proposals for the Better Management of the Post Office, 1681 or 1682, Staffordshire SRO, D742/5/1/5; H. N., *Compleat Tradesman*, 41; Post

- Accounts of Stephen Lilly, 1686, NA, E351/2578; Sir Willoughby Aston, Diary, 19–20 January 1690, Liverpool SRO, 920 MD173.
60. William Myrcott, «An Account of Mr. Castleton», 1689, BL, Add. 61690, fol. 16r; Maurice Ashley, «John Wildman and the Post Office», in *For Veronica Wedgwood These*, ed. Richard Ollard and Pamela Tudor-Craig (London: Collins, 1986), 204–16.
 61. Robert Murray to?, 2 July 1680, printed in Staff, *Penny Post*, 157–58; William Dockwra, «Humble Memorial», 24 November 1682, Staffordshire SRO, D742/5/1/8; Post Accounts of Stephen Lilly, 1685–1686, NA, E251/2758; Post Accounts of Stephen Lilly, 1687–1688, NA, E351/2760; *The Practical Method of Conveyance of Letters* (1682); William Dockwra, *The Case of William Dockwra, Merchant* [1690s], 2; Miede, *New State of England*, 1:336–37; John Evelyn, *Numismata: A Discourse of Medals, Antient and Modern* (London: Benjamin Tooke, 1697), 164; Misson, *Memoirs*, 22. Докура был активным вигом: он тайно содействовал контрабанде диссидентов внутри страны и выступал против Королевской Африканской компании тори: to Sir John Gordon, 4 April 1684, Beinecke, OSB Shelves, Gordonstoun Papers, Box 1/Folder 14; *The Case of Edmund Harrison, William Dockwra, John Thrale and Thomas Jones of London, Merchants* [1690s], 1.
 62. *An Advertisement from the Insurance-Office for Houses*, 16 September 1681, 1; *Observations on the Proposals of the City to Insure Houses in Case of Fire* (1681), 1; Journal of the Court of Common Council, 15 November 1681, Corporation of London SRO, Journal 49, fol. 267r (including William Ashurst, Robert Clayton, Patience Ward, John Shorter, and Thomas Player); John Houghton, *An Account of the Bank of Credit in the City of London* (London: John Gain, 1683?), 2; Nicholas Barbon, *A Letter to a Gentleman in the Country* [1684], 2; Miede, *New State of England*, 1:337–38; Reasons Humbly Offered by Mr. Craven Howard and Others, ca. 1695, HEH, EL 9904; John Strype, *A Survey of the Cities of London and Westminster* (London: A. Churchill et al., 1720), 1:239; Robert Evans, «The Early History of Fire Insurance», *Journal of Legal History* 8, no. 1 (1987): 89–90; Andrea Finkelstein, «Nicholas Barbon and the Quality of Infinity», *History of Political Economy* 32, no. 1 (2000): 95; H. A. L. Cockerell and Edwin Green, *The British Insurance Business* (Sheffield: Sheffield Academic Press, 1994), 26–28.
 63. William Blundell, in *Crosby Records: A Cavalier's Notebook*, ed. Ellison T. Gibson (London: Longmans, Green, 1880), 127–28; Sir Edward Seymour, 27 October 1670, Grey, 1:271–72; Hoare's Bank Bonds, HB/8/B; Hoare's Bank Releases, HB/8/A; Hoare's Bank Money's Lent, HB/5/H/1; Hoare's Bank Letters to Customers, HB/8/8/T/1; Larry

- Neal and Stephen Quinn, «Networks of Information, Markets, and Institutions in the Rise of London as a Financial Centre, 1660–1720», *Financial History Review* 8, no. 1 (2001): 9; Coleman, *Economy of England*, 147; Earle, *Making of the English Middle Class*, 49; Stephen Quinn, «The Glorious Revolution's Effect on English Private Finance», *Journal of Economic History* 61, no. 3 (2001): 602; Stephen Quinn, «Goldsmith-Banking: Mutual Acceptance and Interbanking Clearing in Restoration London», *Explorations in Economic History* 34, no. 4 (1997): 411–13; Frank Melton, *Sir Robert Clayton and the Origins of English Deposit Banking, 1658–1688* (Cambridge: Cambridge University Press, 1986), 16–39, 207–27, 233–42. Мелтон идентифицировал более девяноста банкиров, работающих в Лондоне в 1670–1700 годах.
64. Houghton, *England's Great Happiness*, 19; *The Trade of England Revived* (London: Dorman Newman, 1681), 28, 42; Miede, *New State of England*, 1:334; Grew, «Meanes of a Most Ample Increase», 158–59; Nancy Cox, *The Complete Tradesman: A Study of Retailing, 1680–1820* (Burlington: Ashgate, 2000), 17–28, 75; Nancy Cox and Karin Dannehl, *Perceptions of Retailing in Early Modern England* (Burlington: Ashgate, 2007), 13–14, 47; Nancy Cox, «'Beggary of the Nation': Moral, Economic and Political Attitudes to the Retail Sector in the Early Modern Period», in *A Nation of Shopkeepers*, ed. John Benson and Laura Ugloni (New York: I. B. Tauris, 2003), 26–51; Shammas, *Pre-Industrial Consumer*, 235, 258.
65. *Journal of Schellinks*, 19 July, 13 August, 17 August 1661, n July, 24 July, 8 September, 17 October 1662, 34, 44, 53–54, 101, 110, 135, 162; *Magalotti: Travels*, 19 May 1669, 296; Baskerville, «Journeys», 2:265; Baskerville, «Journey to the North», 2:308–9; Luttrell, «Travells», 80; Sainte Marie to Deng, 11 May 1685, in Roth, ed., *Voyageur Francais*, 64–66, 69; Robert Kirk, «Sermons, Occurrences ...», 1690, Edinburgh UL, La. III.545, fol. 1159r; Miede, *New State of England*, 1:38, 299; Clay, *Economic Expansion*, 1:177–78.
66. *Coffee-Houses Vindicated* (London, 1675), 2–3; Evelyn, «Character of England», 82–83.
67. William Sachse, ed., *The Diurnal of Thomas Rugg, 1659–1661*, Camden Society, 3rd Ser., 91 (1961): 10; Robert Latham and William Matthews, eds., *The Diary of Samuel Pepys*, n vols. (London: Bell and Hyman, 1970–95) (далее цит. как *Pepys, Diary*); Henry W. Robinson and Walter Adams, eds., *The Diary of Robert Hooke, 1672–1680* (London: Taylor and Francis, 1935); R. T. Gunther, ed., *Early Science in Oxford*, vol. 10: *The Life and Work of Robert Hooke* (Oxford: Clarendon Press, 1935); William Matthews, ed., *The Diary of Dudley Ryder, 1715–1716* (London: Methuen, 1939); [Antoine Muralt], *Letters Describing the Characters and*

- Customs of the English and French Nations* (London, 1726), 82; Edward Hatton, *A New View of London ...*, 2 vols. (London: R. Chiswell, A. and J. Churchill, T. Home, J. Nicholson, and R. Knaplock, 1708), 1:30.
68. *Coffee-Houses Vindicated*, 3; Steve Pincus, «„Coffee Politicians Does Create”: Coffeehouses and Restoration Political Culture», *Journal of Modern History* 67, no. 4 (1995): 813; M. G. Hobson, ed., *Oxford Council Acts, 1665–1709* (Oxford: Oxford University Press, 1939), 16 July 1677, 98; Thomas Newey (Oxford) to James Harrington, 30 May 1688, BL, Add. 36707, fol. 28v; Peter Millard, ed., *General Preface and Life of Dr. John North* (Toronto: University of Toronto Press, 1984), 115; Baskerville, «Inland Towns», 2:295; Robert Newton, *Eighteenth Century Exeter* (Exeter: University of Exeter, 1984), 24; W. G. Hoskins, *Industry, Trade and People in Exeter, 1688–1800* (Exeter: University of Exeter, 1968), 24; Sir Richard Temple, Ledgerbook, 20 April 1687, HEH, ST 152, fol. 199v; Blake Tyson, ed., *The Estate and Household Accounts of Sir Daniel Fleming* (Kendal: Cumberland and Westmorland Antiquarian and Archaeological Society, 2001), 14 May 1698, 297 (далее цит. как Fleming, *Accounts*); Hey, *Fiery Blades*, 154; Sir Henry Brabant (Newcastle) to Earl of Sunderland, 14 November 1685, NA, SP 31/1, fol. 141; Luttrell, «Travells», 3 July – 21 September 1678, 49; Richard Bower (Yarmouth) to Joseph Williamson, 21 October 1667, NA, SP 29/220, fol. 93; Fleming, *Accounts*, 21 April 1690, 107 (Penrith); Diary of Lawrence Rawstorne, 6, 9, 10, 12, 13, 23 May 1687, Lancashire SRO, Rawstorne Diary, 36ff. (Preston); Aston, Diary, n April 1681 (Chester); John Rastrick, Life, HEH, HM 6131, fol. 53v (Stamford); William Le Hardy, ed., *County of Buckingham, Calendar of Session Records*, vol. 1 (Aylesbury: Guy R. Crouch, 1933), 7 October 1680, 61 (Buckingham); J. Cooper (Newark) to Williamson, 27 July 1667, NA, SP 29/211, fol. 28 (Nottingham); Brian Cowan, *The Social Life of Coffee: The Emergence of the British Coffeehouse* (New Haven and London: Yale University Press, 2005), 175 (York); The Declaration of the Gentlemen, Merchants ... of Boston, 18 April 1689, NA, CO 5/1905, fol. 52v.
69. Guy Miegge, *New State of England*, 2:42; James Van Horn Melton, *The Rise of the Public in Enlightenment Europe* (Cambridge: Cambridge University Press, 2001), 240; Brian Cowan, *Social Life of Coffee*, 30, 94, 177.
70. Jean Leclant, «Coffee and Cafes in Paris, 1644–1693», in *Food and Drink in History*, ed. Robert Forster and Orest Ranum (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1979), 89–92; Peter Albrecht, «Coffee-Drinking as a Symbol of Social Change in Continental Europe in the Seventeenth and Eighteenth Centuries», in *Studies in Eighteenth-Century Culture*, ed. John W. Yolton and Leslie Ellen Brown (East Lansing, MI:

- Colleagues, 1988), 94; [Muralt], *Letters*, 82–83; Ned Ward, *The London Spy: The Vanities and Vices of the Town Exposed to View*, ed. Arthur C. Hayward (New York, n.d.), 10; *Knavery in All Trades* (London, 1664), sig. D3r; Miege, *New State of England*, 2:42; Saint Marie to Deng, 1/11 May 1685, in Roth, ed., *Voyageur Francais*, 70; Dena Goodman, *The Republic of Letters: A Cultural History of the French Enlightenment* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 1994), 122.
71. Henry Peacham, *The Worth of a Penny* (London: Samuel Keble, 1687), 15; *Coffee-Houses Vindicated*, 3; Charles W Dawes, ed., *Samuel Butler, 1612–1680: Characters* (Cleveland, OH: Case Western Reserve University Press, 1970), 256–57; *The Character of a Coffee-House* (London: Jonathan Edwin, 1673), 3; *The Women's Petition* (London, 1674), 4; *A Description of the Academy* (London, 1673), 9; Sainte Marie to Deng, 1/11 May 1685, in Roth, ed., *Voyageur Francais*, 70; [Muralt], *Letters*, 2–4, 10, 82.
 72. Ralph S. Hattox, *Coffee and Coffeehouses* (Seattle: University of Washington Press, 1985), esp. 81, 94; John Houghton, «A Discourse of Coffee», *Philosophical Transactions*, 1699, 312; Cowan, *Social Life of Coffee*, 98; Anthony Wood, *Diary*, 1663, Bodleian, MSS Wood's Diaries, 7, fol. 4r; George Davenport to William Sancroft, 4 December 1666, Bodleian, Tanner 45, 125r; Leclant, «Coffee and Cafes», 89.
 73. Sir Benjamin Bathurst to Col. Hender Molesworth, 22 May 1686, BL, Loan 57/83, unfolioed; Moscovy Company Court Minutes, 15 November 1686, Guildhall Library, 11741/2, 77; Houghton, *A Collection for Improvement of Husbandry and Trade*, 6 April 1692; Henri Misson, *Memoires et Observations faites par un voyageur en Angleterre* (The Hague: Henri van Bulderen, 1698), 62; Yarranton, *England's Improvement*, 20; *Corporation Credit* (London: John Gain, 1682), 6; *The Factious Citizen; or, The Melancholy Visioner* (London: Thomas Maddocks, 1685), 10; *The Art of Getting Money* (London, 1691), 1; «An Essay on the Interest of the Crown in American Planrarians», 1685, BL, Add. 47131, fol. 25; *Coffee-Houses Vindicated*, 3–4; Misson, *Memoirs*, 39–40. Я не согласен с акцентом Брайана Коуэна на «непропорциональном влиянии виртуозов, небольшой субкультуры в английской социальной элите» в определении характера культуры английских кофеен. Я не согласен и с его утверждением, что с появлением культуры кофеен возникло резкое отличие от сюжета других «решений в современном мире». Cowan, *Social Life of Coffee*, 3, 261.
 74. *The Character of a Coffee-House* (London, 1673), 2–3; Thomas Sydeserf, *Tarugo's Wiles* (London, 1668), 24; *Magalotti: Travels*, 1668, 124; Misson, *Memoirs*, 203–4; [Muralt], *Letters*, 82; Thomas Jordan, *The Triumphs of*

- London (London: John Playford, 1675), 23; *A Letter to a Friend about the Late Proclamation* (London, 1679), 2.
75. Thomas Sheridan, *A Learned Discourse on Various Subjects* (London: H. Sawbridge, 1685), 10; Sainte Marie to Deng, 1/11 May 1685, in Roth, ed., *Voyageur Francais*, 70; Misson, *Memoirs*, 102; Henry Savile (Whitehall) to Weymouth, 25 November 1686, Longleat House, Thynne MSS35, fol. 63; James Brydges, Journal, 2 April 1697, HEH, ST 26/1.
 76. *The Transproser Rehears'd* (London, 1673), 35–36; Roger North, *Examen* (London, 1740), 140; Notes by Joseph Williamson, 18 February 1676, CSPD, 17, 563; *A Pacquet of Advice and Animadversions* (London, 1676), 6–7, 46; *Mr. Tho. Dangerfields Particular Narrative of the Late Popish Design to Charge Those of the Presbyterian Party with a Pretended Conspiracy against His Majesties Person and Government* (London, 1679), 16–17; Sir William Batten (Harwich) to Samuel Pepys, 14 May 1665, NA, SP 29/112, fol. 49; Tim Harris, *London Crowds in the Age of Charles II: Propaganda and Politics from the Restoration until the Exclusion Crisis* (Cambridge: Cambridge University Press, 1987), 170; Information to Secretary of State Bennet, 9 March 1665, NA, SP 29/114, fol. 90.
 77. Pepys, *Diary*, 3 February 1664, 37; F. N. L. Poynter, ed., *The Journal of James Yonge, 1647–1721, Plymouth Surgeon* (1678; Hamden, CT: Archon, 1963), 156–57; Ward, *London Spy*, 172; Thomas Duffet, *The Amorous Old-Woman* (London, 1674), sig. A4r; Thomas Otway, *Alcibiades* (London, 1675), sig. A3r; Henry Oldenburg to Robert Boyle, 6 October 1664, in Henry Oldenburg, *Correspondence*, vol. 2, ed. A. Rupert Hall and Marie Boas Hall (Madison: University of Wisconsin Press, 1965), 249; William Tong, *Some Memoirs of the Life and Death of the Reverend Mr. John Shower* (London: John Clark and Eben. Scadgel, 1716), 16; Aphra Behn, *The Emperor of the Moon* (London, 1687), sig. A3r; Brydges, Journal, 21 August, 24 September 1697; Houghton, «A Description of Coffee». *Philosophical Transactions* (1699): 312.
 78. Leclant, «Coffee and Cafes». 91; Larry Neal, *The Rise of Financial Capitalism: International Capital Markets in the Age of Reason* (Cambridge: Cambridge University Press, 1990), 21–22; John J. McCusker and Cora Gravesteijn, *The Beginning of Commercial and Financial Journalism* (Amsterdam: NEHA, 1991), 291. Существовал прайс-лист кофеен в Лионе, что прекратил публикацию в 1679 году. Alberti to doge and Senate, 12 January 1674, CSPV, 38, 195; Martin Lister, *A Journey to Paris in the Year 1698*, 2nd ed. (London, 1699), 22, 165; *Tatler*, 22 October 1709, 35–36; *Tatler*, 30 May 1710, 472. Голландская культура кофеен была гораздо ближе к английской, чем к французской: William Montague, *The Delights of Holland* (London, 1696), 164, 183–84, 192, 200.

79. Coleman, *Economy of England*, 92, 135, 200–201; Douglass C. North and Robert Paul Thomas, *The Rise of the Western World: A New Economic History* (Cambridge: Cambridge University Press, 1973), 109, 113, 118; Jan de Vries, *The Economy of Europe in an Age of Crisis* (Cambridge: Cambridge University Press, 1976), 17, 244–54; E. A. Wrigley, *Poverty, Progress and Population* (Cambridge: Cambridge University Press, 2004), 44–67; Clay, *Economic Expansion*, 1:3. С 1630-х годов народонаселение Англии устойчиво превысило 5 миллионов человек. Francois Crouzet, *A History of the European Economy, 1000–2000* (Charlottesville: University Press of Virginia, 2001), 74; Alberti to doge and Senate, 29 March 1675, 23 November 1674, CSPV, 380, 313–14; John Houghton, *A Collection of Letters for the Improvement of Husbandry and Trade*, 27 April 1682, 49; Houghton, *England's Great Happinex*, 20; Abstract of a Representation of the General State of Trade, 23 December 1697, HEH, EL 9874, 1; Report of the Board of Trade, 23 December 1697, BL, Add. 2902, fol. 171v; У.Э. Минчинтон заявил, что «Реставрация стала экономическим выходом из Средневековья, а период 1660–1688 годов — периодом коммерческой экспансии»: Minchinton, ed., *The Growth of Overseas Trade in the Seventeenth and Eighteenth Centuries* (London: Methuen, 1969), 11.
80. Такая замкнутость — не однозначно британский феномен: Paul Burton Cheney, «The History and Science of Commerce in the Century of Enlightenment» (PhD diss., Columbia University, 2002), 18–19; Price, *Overseas Trade*, 267; J. A. Chartres, *Internal Trade in England, 1500–1700* (London: Macmillan, 1977), 10–11, 65; Wrightson, *Earthly Necessities*, 181.
81. Daron Acemoglu, Simon Johnson, and James Robinson, «The Rise of Europe: Atlantic Trade, Institutional Change, and Economic Growth». *American Economic Review* 95, no. 3 (2005): 546–49; de Vries, *Economy of Europe in an Age of Crisis*, 154; Crouzet, *History of European Economy*, 91; de Vries and van der Woude, *First Modern Economy*, 172; Lionel Rothkrug, *Opposition to Louis XIV: The Political and Social Origins of the French Enlightenment* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1965), 264.
82. Coleman, *Economy of England*, 92, 134, 140–41, 146–47; Nuala Zahedieh, «Overseas Expansion and Trade in the Seventeenth Century», in *The Oxford History of the British Empire*, vol. 1, ed. Nicholas Canny (Oxford: Oxford University Press, 1998), 399, 407; Ralph Davis, «English Foreign Trade, 1660–1700», in *Growth of Overseas Trade*, ed. Minchinton, 78, 94; Court, *Rise of Midland Industries*, 76.
83. J. P., *Merchant's Daily Companion*, sig. A4, 363; King, «Naval Trade of England», 63. Комментаторы тогда и сейчас отмечают, что Канг зна-

чительно недооценил объем внешней торговли в конце XVII века: H. J., *A Letter from a Gentleman in the Country to His Friend in the City* (London: G. C. for William Miller, 1691), 11; Davis, «English Foreign Trade». 85; *State of Barbados*, 1, 3; William Blathwayt, «Reflections on a Paper». 1685, HEH, BL 416; Richard Blome, *The Present State of His Majesty's Isles and Territories in America* (London: H. Clash, 1687), sig. [A3]; Southwell to Nottingham, 23 March 1689, HEH, BL 418; *Certain Considerations Relating to the Royal African Company* (1680), 1; *Reasons Humbly Offered by the Persons Concerned to the Plantations* [1690s], [1]; *A Rambling Letter to a Friend* [1690], 1; Brethren of Trinity House to James II, 28 July 1688, NMM, SOU/8, fols. 120–21; Report of the Board of Trade, 23 December 1697, BL, Sloane 2402, fols. 173–74.

84. Davis, «English Foreign Trade». 80; Mieke, *New State of England*, 2:38; Misson, *Memoirs*, 311; Sir George Downing, 12 November 1670, Grey, 1:286; John Jones, 12 November 1670, Grey, 1:286; *Journal of Schellinks*, 17 August 1662, 121; Luttrell, «Travells». 1677, fol. Xv; Thomas Baskerville, «Morage to Winchcombe». HMC *Portland*, 2:303; Shammas, *Pre-Industrial Consumer*, 78: это было достаточно, чтобы половине населения выкуривать одну трубку табака в день.
85. Mieke, *New State of England*, 2:37; S. D. Smith, «Accounting for Taste: British Coffee Consumption in Historical Perspective», *Journal of Interdisciplinary History* 27, no. 2 (1996): 190; EIC to General and Council in Bombay, 6 December 1686, IOL, E/3/91, fol. 115v; Robert Balle (Livorno) to Thomas Goodwyn, 10 March 1688, NA, FO 335/7, fol. 3; EIC to general and council of Bombay, 27 August 1688, IOL, E/3/91, fol. 275v. Мой расчет потребления кофе сделан на основе цифр, почерпнутых из статьи Смита: потребление кофе составляло около одной десятой фунта на душу; одна унция кофе смешивалась с одной квартой воды. Я оцениваю четыре чашки кофе на квартиру.
86. Thomas Tryon, *Tryon's Letters upon Several Occasions* (London: Geo. Conyers, 1700), 219–21; Zahedieh, «Overseas Expansion and Trade». 410; Davis, «English Foreign Trade». 81; Russell R. Menard, *Sweet Negotiations: Sugar, Slavery, and Plantation Agriculture in Early Barbados* (Charlottesville: University of Virginia Press, 2006), 67–68; A Short Account of His Majesty's Plantations in America, 1695, BL, Add. 72572; Shammas, *Pre-Industrial Consumer*, 81–82.
87. Downing, 12 November 1670, Grey, 1:285; Sir Richard Ford, 14 March 1670, Grey, 1:231; Hugh Boscawen, 12 November 1670, Grey, 1:285; Zahedieh, «Overseas Expansion and Trade». 416; Hey, *Fiery Blades*, 172; Luttrell, «Travells». 22 July – 22 August 1679, 145; *State of Barbados*,

- [2]; Davis, «English Foreign Trade». 85; Coleman, *Economy of England*, 138; Clay, *Economic Expansion*, 2:21.
88. Zahedieh, «Overseas Expansion and Trade», 407; Price, *Overseas Trade*, 122; Acemoglu, Johnson, and Robinson, «Rise of the West», 550; Sir John Lowther, Notebook, 1680s and 1690s, Cumbria RO, Carlisle, D/Lons/Wi/63, 9; [Thomas Tomkins], *The Modern Pleas for Comprehension, Toleration ...* (London: R. Royston, 1675), 197.
89. Fleming, Lancashire, 1674, fol. 3r; Misson, *Memoirs*, 313; Miede, *New State of England*, 2:35; J. A. Chartres, «Marketing of Agricultural Produce», in *Agrarian History of England and Wales*, ed. Thirsk, 2:407; Shammas, *Pre-Industrial Consumer*, 259; Hey, *Fiery Blades*, 156; Hatcher, *Before 1700*, 453; Lorna Weatherill, *Consumer Behavior and Material Culture in Britain, 1660–1760*, 2nd ed. (London: Routledge, 1996), 32.
90. Price, *Overseas Trade*, 123; Zahedieh, «Overseas Expansion and Trade». 418–20.
91. Crouzet, *History of the European Economy*, 86; de Vries, *Economy of Europe in an Age of Crisis*, 122–23; Eli Heckscher, *Mercantilism*, trans. Mendel Shapiro (London: George Allen and Unwin, 1955), 81ff.; Sir Thomas Littleton, 27 February 1668, Grey, 1:95; House of Lords Committee Book, 30 October 1669, HLRO, Main Papers, 2, fol. 287r; Alberti to doge and Senate, 23 February, 23 November 1674, CSPV, 221–22, 314; *Trade of England Revived*, 15; J. P., *Merchant's Daily Companion*, sig. A3V; William Carter, *The Reply of W. C.* (London, 1685), 3–4; Bevil Skelton (Paris) to Sunderland, 25 January/4 February, 18/28 January 1688, NA, SP 78/151, fols. 138v, 134; J. Hill (Paris) to Sir William Trumbull, 19 November 1687, Berkshire SRO, D/ED/C33; James Johnston (London) to?, 6/16 February 1688, BL, Add. 34515, fol. 47r; Henry Ashurst (London) to Conrad Calkbarner, 25 October 1687, Bodleian, Don.c.169, fol. 60r.
92. Israel, *Dutch Primacy in World Trade*, 358; de Vries and van der Woude, *First Modern Economy*, 341–44, 458–62. Де Врис и ван дер Воуде отмечают, что объединенная VOC организовала экспорт некоторых голландских промышленных товаров, но их доля была невелика. Голландцы не смогли создать надежной Атлантической экономики для потребления голландских промышленных товаров. В 1680-е годы сэр Ричард Темпл попытался определить роль колоний в «An Essay upon Government». Bodleian, Eng.Hist.c.201, fol. 12r; Coleman, *Economy of England*, 197–98.
93. P. W. Hasler, ed., *House of Commons, 1558–1603*, vol. 1 (London: History of Parliament Trust, 1981), 8, 40, 56; D. Brunton and D. H. Pennington, eds., *Members of the Long Parliament* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1954), 54; Gauci, *Politics of Trade*, 199. На самом

- деле Гаучи показывает небольшое падение относительных объемов торговли в 1660–1690 годах с резким ростом после Славной революции. W. E. Buckley, ed., *Memoirs of Thomas, Earl of Ailesbury*, 2 vols. (Westminster: Nichols and Sons, 1890), 1:98 (далее цит. как Ailesbury, *Memoirs*); Benjamin Bathurst (London) to Col. Hender Molesworth, 2 November 1685, BL, Loan 57/83 unfolioed; Houghton, *England's Great Happiness*, 11; Pepys, *Diary*, 1 January 1668, 9:1.
94. Houghton, *Collection of Letters*, 8 September 1681, 21; Gibson, *Camden's Britannia*, 335, 813; Alberti to Inquisitors of State, 6 January 1673, CSPV, 2; Lowther of Whitehaven, Notebook, 1680s and 1690s, n; Memoirs of the Flemings, ca. 1690, Cumbria SRO, Kendal, WD/Ry/Box 25; Magalotti: *Travels*, 22 May 1669, 312; Alberti to doge and Senate, 15 June 1674, CSPV, 264; «A Short Character of King Charles the Second», 1680s, HEH, EL 8773a; Bonrepaus (London) to Seignelay, 28 December/7 January, 31 December/10 January 1685/86, NA, PRO 31/3/163, fols. 27–30, 47r; Ailesbury, *Memoirs*, 1:103; Albert to doge and Senate, 30 November, 23 November, 21 December 1674, CSPV, 317, 313, 324; Newsletter, 17 January 1685, Longleat House, Thynne MSS12, fol. 51; Owen Wynne (Whitehall) to Edmund Poley, 14 October 1687, Beinecke, OSB MSS1, Box 2/Folder 68; James Vernon (London) to Albeville, 30 March 1688, Indiana, Albeville MSS.
 95. Evelyn, *Diary*, 12 February, 1 September 1672, 3:602–3, 624; Lowther of Whitehaven, Notebook, 1680s and 1690s, 9; Evelyn, *Diary*, 22 June 1664, 3:374; Ralph Thoresby, «Autobiography», 44; Fleming, Lancashire, 1674, fol. 2r; Mieke, *New State of England*, 2:230; Sir Francis Brewster, *Essays on Trade and Navigation* (London: Tho. Cockeril, 1695), 76; Cary, *Essay on the State of England*, sig. [A6r]; Alberti to doge and Senate, 2 February 1674, CSPV, 206.
 96. *Memoirs of Barnes*, 48–49; Sainte Marie to Deng, 11 May 1685, in Roth, ed., *Voyageur Francais*, 71; Mieke, *New State of England*, 2:231; Richard Wolley, *The Present State of France* (London: Gilbert Cownty, 1687), 314; Andrew Yarranton, *England's Improvement by Sea and Land: The Second Part* (London, 1681), 3; Evelyn, *State of France*, 77; *Poperly and Tyranny; or, The Present State of France* (London: M. P. for Randall Taylor, 1689), 14.
 97. Houghton, *England's Great Happiness*, 19; Mieke, *New State of England*, 2:229; Jackson, ed., *Wiltshire*, 9; Dr. Charles Aldworth, Commonplace Book, Essex SRO, D/Dby Z56; Sir Edward Hales, Treatise on Government, 1692, AWA, Old Brotherhood Papers, Book 3/258; Sir Henry Capel, 2 December 1689, Grey, 9:469; *Memoirs of Barnes*, 213; «Essay on the Interest of the Crown», fols. 24–25.

98. J. P., *Merchant's Daily Companion*, sig. A4V; H. N., *Compleat Tradesman*, 2; Carew Reynell, *A Necessary Companion; or, The English Interest Discovered and Promoted* (London: William Budden, 1685), sig. Ayr; Sir John Cotton, «Concerning the Adding Sicily to the Address», 1670s, FSL, V.a. 343, fol. 17r; Slingsby Bethel, *An Account of the French Usurpation upon the Trade of England* (London, 1679), 4; Charles Molloy, *De Jure Maritimo et Navali*, 4th ed. (London: John Bellinger and John Walthoe, 1688), sig. [a8v].
99. Mieke, *New State of England*, 2:12.

Глава четвертая

Английская политика времен коронации Якова II

1. Evelyn, *Diary*, 6 February 1685, 4:407; Duke of Newcastle (Wellbeck) to Sir John Reresby, 17 February 1685, WYAS, MX 31/27; Colley Cibber, *An Apology for the Life of Colley Cibber*, ed. Robert Lowe (New York: AMS, 1966), 29–30; John Evelyn (Sayes Court) to Lord Godolphin, 11 February 1685, BL, JE A2, 2: fol. 29r (since recataloged); Henry Hunter (London) to Harry Wrotesley, 9 February 1685, Berkshire SRO, D/EHr/B2; John Curtois, *A Discourse* (London: Jo. Hindmarsh, 1685), 15–16.
2. Earl of Burlington (London) to Henry, Lord Fairfax, 2 February 1685, HRC, Pforzheimer im.
3. W. A. Speck, *Reluctant Revolutionaries: Englishmen and the Revolution of 1688* (Oxford: Oxford University Press, 1988), 233, 235; Jonathan Scott, «England's Troubles», *Politics of Religion in Restoration England*, ed. Tim Harris, Mark Goldie, and Paul Seaward (Oxford: Basil Blackwell, 1990), no; J. C. D. Clark, *The Language of Liberty, 1660–1832: Political Discourse and Social Dynamics in the Anglo-American World* (Cambridge: Cambridge University Press, 1994), 238.
4. Melinda S. Zook, *Radical Whigs and Conspiratorial Politics in Late Stuart England* (University Park: Pennsylvania State University Press, 1999), xii–xiii, xvii, xx; Richard L. Greaves, *Secrets of the Kingdom: British Radicals from the Popish Plot to the Revolution of 1688–1689* (Stanford, CA: Stanford University Press, 1992), 1, 332.
5. Zook, *Radical Whigs and Conspiratorial Politics*, xiii–xiv; Greaves, *Secrets of the Kingdom*, 290, 340.
6. Thomas Babington Macaulay, *The History of England from the Accession of James II*, 5 vols. (New York: Harper and Brothers, 1849–61), 1:436.
7. Thomas Cartwright, *A Sermon Preached upon the Anniversary Solemnity of the Happy Inauguration of Our Dread Sovereign Lord King James II*,

- 6 February 1686, 2nd ed. (London: Walter Davis, 1686), 15; John Towill Rutt, ed., *An Historical Account of My Own Life by Edmund Calamy, 1671–1731*, 2 vols. (London: H. Colburn and R. Bentley, 1829), 1:116; Burlington (London) to Reresby, 14 February 1685, WYAS, MX 31/30; Sir Robert Southwell (London) to Duke of Ormonde, 21 February 1685, Beinecke, OSB MSS41/Box 3. См. также Clarendon (Whitehall) to Abingdon, 10 February 1685, Bodleian, Clarendon MSS128, fol. 11v; George Halley, *A Sermon Preached in the Cathedral and Metropolitan Church of St. Peter in York*, 14 February 1689 (London: R. C., 1689), 14; *Dilucidator*, no. 4, February 1689, 87; *Mercurius Reformatus*, 31 July 1689, [1]; and *Quadriennium Jacobi* (London: James Knapton, 1689), 7.
8. Hunter (London) to Wrotesley, 9 February 1685, Berkshire SRO, D/EHr/B2; Phillip Madoxe (Whitehall) to Southwell, Bodleian, Eng. Lett.c.53, fol. 205r; *London Gazette*, 16 February 1685; Sir John Reresby, 10 February 1685, in *Memoirs of Sir John Reresby*, 2nd ed., ed. Andrew Browning (London: Royal Historical Society, 1991), 352 (далее цит. как Reresby, *Memoirs*); Southwell (Kingsweston) to Ormonde, 9 February 1685, Victoria and Albert Museum, Forster and Dyce Collection, F47.A.40, 2: fol. 112r; William Aubone (mayor of Newcastle-upon-Tyne) to Sunderland, 13 February 1685, NA, SP 31/1, fol. n; *London Gazette*, 19 February (Durham, Lyme Regis, Colchester), 2 March 1685; James Howard (шериф Нортумберленда) to Sunderland, 19 February 1685, NA, SP 31/1, fol. 27; *London Gazette*, 16 February 1685 (Winchester, Reading, Boston, Portsmouth, Plymouth, Stamford); Sir Henry Beaumont (Leicester) to Earl of Huntingdon, 14 February 1685, HEH, HA 656; Benjamin Canfield, *A Sermon*, Leicester, 10 February 1685 (London: Charles Brome, 1685), sig. A3r. См. также Strafford to Halifax, 18 February 1685, BL, Althorp C3 (Rotherham); Ezekiel Everest (Harwich) to Lord Middleton, 10 February 1685, BL, Add. 41803, fol. 152r; Earl of Gainsborough (Southampton) to Middleton, 10 February 1685, BL, Add. 41803, fol. 154r; and James Cross (Southampton) to Owen Wynne, 9 February 1685, BL, Add. 41803, fol. 138r.
9. Anthony Wood, 11 February 1685, in *The Life and Times of Anthony Wood*, 3 vols., ed. Andrew Clark (Oxford: Clarendon Press, 1894), 3:129–30; *London Gazette*, 16 February, 19 February 1685; *Supplex Recognitio et Gratulatio Solennis Universitatis Oxoniensis*, 21 February 1685 (Oxford: Sheldonian Theatre, 1685), sigs. A (Bertie), F (Wright), H1 (Wase); *Moestissimae ac Laetissimae Academiae Cantabrigiensis Affectus* (Cambridge: Joan. Hayes, 1685), sigs. T4r (Prior), Gg4 (Stepney), Bb3r–Cc1v (Montague).

10. John Whiting, *Persecution Exposed*, 2nd ed. (London: James Phillips, 1791), 267; Thoresby, *Diary*, February 1685, 1:180; Rutt, ed., *Life of Calamy*, 1:117; William Stout, 1685, in *The Autobiography of William Stout of Lancaster, 1665–1752*, ed. J. D. Marshall (Manchester: Chetham Society, 1967), 82; John Peobbles (London) to Reresby, 19 February 1685, WYAS, MX 30/2; Evelyn, *Diary*, 5 March 1685, 4:419; Sir John Lowther, *Memoirs of the Reign of James II* (London: H. G. Bohn, 1857), 450. См. также Thomas Penn (mayor of Bridgewater) to Sunderland, 10 February 1685, NA, SP 31/1, fol. 49; Thomas Ludlam (мэр Лестера) to Huntingdon, 18 February 1685, HEH, HA 8410; and Wood, 4 March 1685, in *Life and Times*, ed. Clark, 3:134.
11. Evelyn, *Diary*, 6 February 1685, 4:407–9; *London Gazette*, 9 February 1685.
12. James Fraser (Whitehall) to Southwell, 7 February 1685, BL, Add. 46961, fols. 216–17; Burlington (London) to Reresby, 10 February 1685, WYAS, MX 31/26; Robert Grave, *Seasonable Advice to the Citizens, Burgesses, and Free-Holders of England* (London: Walter Kettilby, 1685), 2. См. подобные воспоминания в: James Ellesby (викарий Чисвика, Миддлсекс), *The Doctrine of Passive Obedience* (London: William Crooke, 1685), sig. A2v; Christopher Jeaffreson (London) to Capt. James Phipps, 19 February 1685, in Jeaffreson, 170; Isaac Tyrwhitt (London) to Sir Richard Temple, 10 February 1685, HEH, STT 2436.
13. Sir Henry Coker (Warminster) to Sunderland, 11 February 1685, NA, SP 31/1, fol. 9; Sir Andrew Hacket (Moxhul near Colsil) to Sunderland, 3 March 1685, NA, SP 31/1, fol. 53; Henry Watkinson (York) to Sir William Trumbull, 11 February 1685, BL, Trumbull Misc. 23, unfolioed (since recataloged); Reresby (York) to?, February 1685, WYAS, MX 35/23; Reresby, *Memoirs*, 10 February 1685, 353; John Baber, *A Poem upon the Coronation* (London, 1685), 2–3. О подобных же поэтических сантиментах см. *A Loyal New-Years Gift* (London: George Croom, 1685); and *Suspiria, or Sighs on the Death of the Late Most Illustrious Monarch Charles the II King* (London: L. C, 1685).
14. February/March 1685, in P. Braybrooke, ed., *The Autobiography of Sir John Bramston*, Camden Society, 32 (1845): 166 (далее цит. как Bramston, *Autobiography*); Richard Thompson, *A Sermon Preached in the Cathedral Church of Bristol*, 21 June 1685 (London: Luke Meredith, 1685), 24; *London Gazette*, 2 March 1685. Графство Нортгемптон и города Ипсвич и Ньюарк-он-Трент были единственными другими найденными мной адресами, которые можно было бы прочесть как защиту абсолютизма. См. *London Gazette*, 16 February (Ipswich), 9 March (Newark), 16 March 1685. Наиболее полный обзор адресов можно найти в официальной газете.

15. *London Gazette*, 16 February, 16 March 1685.
16. *London Gazette*, 16 February (Canterbury), 26 February (Warwick, Chichester), 9 March (Hereford, Westbury), 12 March (Brackley), 16 March (Portsmouth), 30 March 1685 (Nottingham). Это лишь примеры, представляющие небольшую часть адресов от районов и корпораций.
17. *London Gazette*, 19 March (Devon, Essex, Hertfordshire), 26 March (Sussex), 6 April 1685 (Berkshire).
18. *London Gazette*, 19 March (Carmarthen), 30 March 1685 (Anglesey, Carnarvon).
19. William Turner (London) to Reresby, 12 February 1685, WYAS, MX 29/14; J. Adderly to high constable, 12 February 1685, BL, Add. 71691, fol. 52v. Это пересылка инструкций, отправленных из Уайтхолла.
20. Richard Lewis (Edington) to Sunderland, 21 February 1685, NA, SP 31/1, fol. 33; John Evelyn (Sayes Court) to George Evelyn, 23 February 1685, BL, Evelyn Papers, JE A2, fol. 29v (since recataloged).
21. Plymouth (Hull) to Sunderland, 18 February 1685, NA, SP 31/1, fol. 20; Newcastle (Welbeck) to Sunderland, 19 February 1685, NA, SP 31/1, fol. 23; Winchilsea (Eastwell) to Sunderland, 19 February 1685, NA, SP 31/1, fol. 26; Derby to Sunderland, 20 February 1685, NA, SP 31/1, fol. 28; Lewis (Edington) to Sunderland, 21 February 1685, NA, SP 31/1, fol. 33; John Evelyn (Sayes Court) to George Evelyn, 23 February 1685, BL, Evelyn Papers, JE A2, fol. 29v (since recataloged); Winchester (Castle Bolton) to Sunderland, 24 February 1685, NA, SP 31/1, fol. 41; John Lake (епископ Чичестера) to William Sancroft, 30 March 1685, Bodleian, Tanner 31, fol. 4r.
22. to Sir Richard Bulstrode, 10 April 1685, HRC, Pforzheimer (since recataloged); George Jeffreys (Bulstrode) to Sunderland, 5 April 1685, NA, SP 31/1, fol. 82; Everest (Harwich) to Sunderland, 26 March 1685, NA, SP 31/1, fol. 73; Robert Tazer (Chichester) to Sunderland, 17 February 1685, NA, SP 31/1, fol. 19; Thomas Penn (Bridgwater) to Sunderland, 10 February 1685, NA, SP 31/1, fol. 49; Penn to Sunderland, 28 February 1685, NA, SP 31/1, fol. 44.
23. Sir Charles Holt to Sunderland, 21 February 1685, NA, SP 31/1, fol. 30; Sir Edward Abney (Wellesley) to Huntingdon, 21 March 1685, HEH, HA 4; Gervase Jacques (Ashby-de-la-Zouche) to Huntingdon, 21 March 1685, HEH, HA 7743; Dr. John Guy (Sweepston) to Huntingdon, 20 March 1685, HEH, HA 3975; Sir Richard Newdigate (Arbury) to Sunderland, 21 February 1685, NA, SP 31/1, fol. 31.
24. W. E. Buckley, ed., *Memoirs of Thomas, Earl of Ailesbury*, 2 vols. (Westminster: Nichols and Sons, 1890), 1:100 (далее цит. как Ailesbury,

- Memoirs*); Sir William Boothby to George Vernon, 21 February 1685, BL, Add. 71691, fol. 57v; Elizabeth Adams (Baddon) to Sir Ralph Verney, 4 March 1685, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; John Mellington (Derby) to Halifax, 16 March, 23 March 1685, BL, Althorp C2. Подобное же событие имело место в Ньюкастле-под-Лаймом в Стаффордшире: Wood, 1 April 1685, in *Life and Times*, ed. Clark, 3:137; Beaumont (Leicester) to Huntingdon, 28 March 1685, HEH, HA 658; Dr. John Guy (Sweepston) to Huntingdon, 27 March 1685, HEH, HA 3976; John Grevil Verney (Alexton) to Huntingdon, 27 March 1685, HEH, HA 12967; Bath (Plymouth) to Sunderland, 28 August 1685, NA, SP 31/1, fol. 124; Henry Muddiman's Notebook, 16 May 1685, Longleat House, Muddiman MSS, unfolioed.
25. Rochester to William, 24 March 1685, NA, SP 8/1/Pt. 2, fol. 3v;? to Bulstrode, 30 March 1685, HRC, Pforzheimer (since recataloged); Edward Dering (London) to Sir John Percival, 31 March 1685, BL, Add. 46961, fol. 255; Sir Benjamin Bathurst to Col. Thomas Dungan, 11 May 1685, BL, Loan 57/83, unfolioed; Ailesbury, *Memoirs*, 1:98.
 26. Этот анализ основан на книгах «Истории парламента»: Basil Duke Henning, ed., *The House of Commons, 1660–1690*, 3 vols. (London: Seeker and Warburg, 1983).
 27. Здесь я следую линии анализа Марка Найта: Mark Knights, *Politics and Opinion in Crisis, 1678–81* (Cambridge: Cambridge University Press, 1994), 343–46.
 28. Reresby, *Memoirs*, 23 April, 22 May, 24 May 1685, 362, 366–67; Evelyn, *Diary*, 7 May 1685, 4:439.
 29. Robert Grove, *Seasonable Advice to the Citizens, Burgesses, and Free-Holders of England* (London: Walter Kettilby, 1685), 6–7, 11, 13–14, 18–19, 24. Аргументы и язык этой брошюры убеждают меня, что Энтони Вуд был не прав, считая, что автором этой брошюры был Джордж Хайкс, будущий неprisягнувший. О вариантах авторства см. Anthony Wood, *Athenae Oxonienses*, 3 vols., 2nd ed. (London: R. Knaplock, D. Midwinter, J. Tonson, 1721), 1004.
 30. *The Mischief of Cabals*, 7 May 1685 (London: Randal Taylor, 1685), 23–24, 34; Andrew Allam (London) to Anthony Wood, 5 May 1685, Bodleian, MSS Wood F.39, fol. 43r; Edward Chamberlaine, *England's Wants* (London: Randal Taylor, 1685), 31–32.
 31. Reresby, *Memoirs*, 23 April 1685, 362; Roger Morrice, *Entering Book*, 28 May, 4 June 1685, DWL, 31 P, 462, 465; Evelyn, *Diary*, 22 May 1685, 4:442–44.
 32. Reresby, *Memoirs*, 10 February 1685, 352–53; Wood, 12 February 1685, in *Life and Times*, ed. Clark, 3:130; John Fell (Oxford) to Lord Hatton,

- 12 July 1683, in *Correspondence of the Family of Hatton*, vol. 2, ed. Edward Maunde Thompson, Camden Society, n. s., 23 (1878): 27–28 (далее цит. как *Hatton Correspondence*).
33. John Dalrymple, *Memoirs of Great Britain and Ireland*, 2nd ed., 2 vols. (London: W. Strahan and T. Cadell, 1771), 1:115–16; Reresby, *Memoirs*, 11 June 1685, 373; Bramston, *Autobiography*, [June 1685], 184–85; Bathurst (London) to Col. Hender Molesworth, 17 July 1685, BL, Loan 57/83, unfolioed; John Marten (Lavington) to Rev. William Moore, 17 June 1685, BL, Add. 38012, fol. 2r; Southwell (London) to Percival, 23 June 1685, BL, Add. 46962, fol. 62v; Jeaffreson (London) to Colonel Hill, 5 August 1685, Jeaffreson, 220–21; Evelyn, *Diary*, 8 July 1685, 4:451–53; *An Elegy on James Scot, Late Duke of Monmouth* (London: C. W., 1685), [16 July 1685]; «The Late King's Farewell», 1685, NA, C104/63 (Rev. John Henry Cary Papers); Sir Edward Harley (Hereford) to Robert Harley, 9 July 1685, BL, Add. 70013, fol. 252v; Jacques (Ashby) to Huntingdon, 11 July 1685, HEH, HA 7747; *A Description of the Late Rebellion in the West* (London: P. Brooksby, 1685), MS in Wing copy: 10 September 1685.
 34. Ailesbury, *Memoirs*, 1:108.
 35. *Axminster*, 11 June 1685, 93; Rochester to William, 16 June 1685, NA, SP 8/1/Pt. 2, fol. 7r; Ailesbury, *Memoirs*, 1:108; Macaulay, *History*, 1:522–23.
 36. *The Declaration of James Duke of Monmouth* [1685], 1–2.
 37. *Declaration of Monmouth*, 2–6.
 38. *Declaration of Monmouth*, 5.
 39. Zook, *Radical Whigs and Conspiratorial Politics*, 135; Earl of Perth (Edinburgh) to Earl of Arran, 27 June 1685, NAS, GD406/1/3328; Bramston, *Autobiography*, [July 1685], 188; Monmouth to James II, 8 July 1685, in «Original Letters of the Duke of Monmouth», ed. Sir George Duckett, *Camden Miscellany*, 8, Camden Society, n. s., 31 (1883): 4; Reresby, *Memoirs*, 9 July 1685, 385; Evelyn, *Diary*, 15 July 1685, 4:455–56; Andrew Paschall, «Account of Monmouth's Rising», LPL, MS742/34, 10; Ailesbury, *Memoirs*, 1:116; Adam Wheeler, «Iter Bellicosum», 25 June 1685, in Henry Elliott Maiden, ed., *Camden Miscellany*, 12, Camden Society, 3rd Sen, 18 (1910): 160; Fell (Oxford) to Hatton, 25 June 1685, *Hatton Correspondence*, 56; Examination of Richard Goodenough, 20 July 1685, Examination of Nathaniel Wade, 28 September 1685, BL, Lansdowne 1152A, fols. 243r, 310r.
 40. Aaron Hodges (Rotterdam) to Middleton, 17/27 June 1685, BL, Add. 41817, fol. 179r; Peter Wyche (Hamburg) to Middleton, 9/19 June 1685, BL, Add. 41824, fol. 249v; Lois Schwoerer, «Propaganda in the Revolution of 1688», *American Historical Review* 82 (1977): 843–74; Macaulay,

- History*, 1:522r; Reresby, *Memoirs*, 15 June 1685, 374; Henry Booth, Lord Delamere, *The Works* (London: John Lawrence and John Dunton, 1694), 75. Деламер торжественно заявил, что никогда не распространял каких-либо копий «Декларации»: Examination of Henry, Lord Delamere, 26 July 1685, BL, Lansdowne 1152A, fol. 294r; *A Warning to Traytors*, 2 July 1685 (London: E. Mallet, 1685), 2; Andrew Weston, *The True Account of the Behaviour and Confession of William Disney* (London: George Croom, 1685).
41. Ford, Lord Grey, *The Secret History of the Rye-House Plot and of Monmouth's Rebellion* (London: Andrew Millar, 1754); *Life of James II*, 2:29; Edmund Everard (Amsterdam) to Bevil Skelton, 8/18 November 1685, BL, Add. 41812, fol. 235r.
 42. Skelton (Hague) to Middleton, 28 April/8May 1685, BL, Add. 41812, fol. 36r; «An Exact Relation», 11 June 1685, BL, Harleian 6845, fol. 254; Dalrymple, *Memoirs*, 1:121; Sir Hugh Cholmondley, 12 November 1685, DWL, 31 T 3, 31–32; Jeaffreson to Mr. Lewis, 18 July 1685, Jeaffreson, 211; Andrew Paschall, «Account of Monmouth's Rising», LPL, MS942/34, 2; *A Description of the Late Rebellion in the West* (London: P. Brooksby, 1685), MS in Wing copy: 10 September 1685; Notes from Mrs. Langford, 4 January 1686, BL, Add. 36988, fol. 246r.
 43. Edward Pelling, *A Sermon Preached at Westminster Abbey*, 26 July 1685 (London: Samuel Keble, 1685), 25–26; Shadrach Cooke, *A Sermon Preached at Islington*, 26 July 1685 (London: R. N., 1685), 11–12; Charles Hutton, *The Rebels Text Opened and Their Solemn Appeal Answered*, 26 July 1685 (London: Walter Kettibly, 1686), 2; S. Rich, *A Sermon Preached at Chard*, 21 June 1685 (London: R. N. for Charles Brome, 1685), 24; *The Countrey's Advice to the Late Duke of Monmouth* (London: T. M., 1685), MSS in Wing: 4 July 1685, [1].
 44. William Jenkyn to Mother, 29 September 1685, in *The Bloody Assizes*, ed. J. G. Muddiman (London: William Hodge, 1929), 75–76 (далее цит. как Muddiman); «The Behaviour and Dying Words of Mr. Roger Satchel», in Muddiman, 121; Examination of John Madden, 20 July 1685, BL, Lansdowne 1152A, fol. 240v; William Orme, ed., *Remarkable Passages in the Life of William Kiffin* (London: Burton and Smith, 1823), 53–54; *Axminster*, 93–94; «The Behaviour and Dying Speech of Mr. Joseph Speed of Culleton», in Muddiman, 82; Major Abraham Holmes, in Muddiman, 84; «An Account of those Executed at Sherborn», in Muddiman, 93; Joseph Tyler's Hymn, September 1685, in Muddiman, 89. Джон Татчин приводит по памяти его мартиролог через несколько лет после восстания. См. Robin Clifton, *The Last Popular Rebellion: The Western Rising of 1685* (London: Maurice Temple Smith, 1984), 235.

Тем не менее, Татчин сам был повстанцем, и он не понаслышке знал многие из главных собиравших информацию ресурсов. Наконец, в описании мотивации мятежников записи Татчина совпадают с другими свидетельствами. Где он выглядит ненадежным, как указывает сам Маддимен, это в своих описаниях Джеффриса. Следует отметить, что сам Клифтон воспринимал мятеж в первую очередь в религиозных терминах: «Религия в виде наследника-католика, очевидно, являлась центральным вопросом в шестилетней подготовке восстания». Clifton, *Last Popular Rebellion*, 284.

45. Deposition of Miles Musgrave and John Sherborn, 23 February 1685, NA, SP31/1, fol. 38; «Mr. John Hickes' Last Speech», 1685, in Muddiman, 107; Benjamin Keach, *Distressed Sion Relieved* (London: Nath. Crouch, 1689), 34; «Last Speech of Henry Boddy», in Muddiman, 104; Examination of Samson Lark, 16 July 1685, BL, Lansdowne 1152A, fol. 238v; Christopher Heyrick, *The Character of a Rebel*, 26 July 1685, Market Harborough (London: Samuel Heyrick, 1685), 27–28; Life of Sir John Fryer, Guildhall Library, 12017, fol. 14r; Nathaniel Gauden (Chelmsford) to Sir John Bramston, 11 June 1685, Essex SRO, D/Deb 25/24; J. H. E. Bennett and J. C. Dewhurst, eds., *Quarter Session Records with Other Records of the Justices of the Peace for the County Palatine of Chester, 1559–1760*, vol. 1 (Record Society of Lancashire and Cheshire, 1940), 12 July 1685, 186–87.
46. Skelton (Hague) to Middleton, 8/18 May 1685, BL, Add. 41812, fols. 58–59.
47. Skelton (Hague) to Middleton, 10/20 April 1685, BL, Add. 41812, fol. 17r; Grey, *Secret History*, 117;? (Utrecht) to Skelton, 24 April/4 May, 12/22 May 1685, BL, Add. 41812, fols. 43r, 77v; Skelton (Hague) to Middleton, 8/18 May, 7/17 July 1685, BL, Add. 41812, fols. 58–59, 138r.
48. Я расхожусь здесь с Ричардом Эшкрафтом: Richard Ashcraft, *Revolutionary Politics and Locke's «Two Treatises of Government»* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1986), 452–66, и отчасти со взглядом Марка Голди: Mark Goldie, «John Locke's Circle and James II», *Historical Journal* 35 (1992): 568. Показания, данные после восстания, позволяют предположить, что Локк, дававший деньги Аргайлу и Монмуту, был Николас Локк, торговец табачными изделиями: Nathaniel Wade's Information, 4 October 1685, BL, Harleian 6845, fol. 272r; Burton's Information, August 1685, Goodenough's Information, 25 July 1685, BL, Lansdowne 1152A, fols. 227r, 227v;? (Utrecht) to Middleton, 17/27 May 1685, BL, Add. 41812, fol. 85v; Jean Le Clerc, *An Account of the Life and Writings of Mr. John Locke*, 2nd ed. (London: John Clarke and E. Curll, 1713), 23.

49. Everard (Amsterdam) to Skelton, 15/25 November 1685, BL, Add. 41812, fol. 248; Everard (Amsterdam) to Skelton, 11/21 December 1685, BL, Add. 41813, fol. 15v; Slingsby Bethel to Skelton, 5/15 May 1686, BL, Add. 41819, fol. 95v; Greaves, *Secrets of the Kingdom*, 296; Information of Robert Cragg, 20 December 1689, HMC12th Report, appendix pt. 6, 395; Grey, *Secret History*, no. 122; Examination of John Jones, 16 August 1685, Examination of William Williams, 16 July 1685, BL, Lansdowne 1152A, fols. 303r; 237; Clifton, *Last Popular Rebellion*, 154; Nathaniel Wade's Confession, 29 July 1685, BL, Harleian 6845, fols. 264, 269; Everard (Amsterdam) to Skelton, n/21 November 1685, BL, Add. 41813, fol. 136; *The Life, Birth, and Character of John L. Haversham* (London, 1710), 3; *Memoirs of the Late Right Honourable John Lord Haversham* (London: J. Baker, 1711), 2–3; Thomas Burnet, «Life of Gilbert», in *Bishop Burnet's History of His Own Time*, ed. Burnet (London: A. Millar, 1753), xxxii; Examination of Robert Cragg, 15 December 1685, BL, Lansdowne 1152A, fol. 266r.
50. Examination of William Williams, 16 July 1685, Examination of Nathaniel Wade, 28 September 1685, BL, Lansdowne 1152A, fols. 237v, 310; Lady Rachel Russell (Southampton House) to Dr. Fitzwilliam, 21 July 1685, in *Letters of the Lady Rachel Russell; from the Manuscripts in the Library at Woburn Abbey* (London: Edward and Charles Dilly, 1773), 39.
51. Sir Charles Lyttleton (Whitehall) to Viscount Hatton, 6 March 1685, BL, Add. 29578, fol. 50r; Southwell (London) to Percival, 4 March 1685, BL, Add. 46961, fol. 226r; Ailesbury, *Memoirs*, 1:114. Хотя в то время граф Дартмут, один из ближайших доверенных лиц короля, утверждал, что Яков был «полностью доволен» поддержкой Вильгельма: Dartmouth (London) to Skelton, 9 June 1685, Staffordshire SRO, D(w) 1778/1/1/1114; Skelton (Hague) to Middleton, 23 June/3 July, 15/25 May 1685, BL, Add. 41812, fols. 130v, 76; J. Boscawen to John Evelyn, 29 June 1685, BL, Evelyn Papers, JE A9, unfolioed (since recataloged).
52. Pelling, *Sermon*, 26 July 1685, 14–15; Evelyn, *Diary*, 17 June, 15 July 1685, 4:449, 455–56; Charles Bertie (London) to Moore, 6 July 1685, BL, Add. 38012, fol. 25r; Bramston, *Autobiography*, 6 July 1685, 185–86; Reresby, *Memoirs*, 24 June, 2 July 1685, 381, 383; *The Rampant Alderman; or, News from the Exchange* (London: Randal Taylor, 1685), 13; Information from Henry Lee, 16 August 1686, BL, Add. 41804, fol. 210r; Sir Richard Temple, «The False Patriot Unmasked», ca. 1690, HEH, STT Lit (9), 9; Southwell (London) to Percival, 23 June 1685, BL, Add. 46962, fol. 62r; Andrew Paschall, «Account of Monmouth's Rising», LPL, MS742/34, 10. Далримпл позднее писал, что к Монмуту «не присоединились ни высшее дворянство, ни состоятельные джентри». Dalrymple,

Memoirs, 1:119–20. См. также William Hamilton (Whitehall) to Earl of Arran, 25 June 1685, NAS, GD406/1/3474. В этом месте я расхожусь с Перером Эрлом: см. Earle, *Monmouth's Rebels: The Road to Sedgemoor, 1688* (London: Weidenfeld and Nitolson, 1977), 134.

53. Clifton, *Last Popular Rebellion*, 244–45, 270; J. Boscawen to John Evelyn, 29 June 1685, BL, Evelyn Papers, JE A9, unfolioed (since recataloged). Кларендон выразился про них «плохо вооруженные и плохо управляемые»: Clarendon (Whitehall) to Abingdon, 4 July 1685, Bodleian, Clarendon 128, fol. 53r; William Lloyd (епископ Сент-Асафа) to Sir Robert Owen, 13 June 1685, National Library of Wales, Brogynton MSS no. 842; Southwell (London) to Percival, 13 June 1685, BL, Add. 46962, fol. 53v; William Dugdale (London) to Anthony Wood, 23 June 1685, Bodleian, Wood F.41, fol. 180r; Rochester to William, 16 June 1685, NA, SP 8/1/Pt. 2, fol. 7r; Sunderland (Whitehall) to Arran, 20 June 1685, NAS, GD406/1/7657; Melfort (Whitehall) to Arran, 20 June 1685, NAS, GD406/1/3308; Sir William Trumbull, 12 November 1685, Grey, 8:357.
54. Duchess of Beaufort (Chelsea) to Duke of Beaufort, 23 June 1685, HMC12th Report, appendix 9, 89; Boscawen to John Evelyn, 6 July 1685, BL, Evelyn Papers, JE A9, unfolioed (since recataloged); Marten (Lavington) to Moore, 1 July 1685, BL, Add. 38012, fol. 18r; Bertie (London) to Moore, 6 July 1685, BL, Add. 38012, fol. 25r; Clarendon (Whitehall) to Abingdon, 2 July 1685, Bodleian, MSS Clarendon 128, fol. 47v; John Speke (Amsterdam) to Skelton, 25 April / 5 May 1686, BL, Add. 41819, fol. 51r; *Axminster*, 97.
55. «Information of Robert Cragg», 20 December 1689, HMC12th Report, appendix part 6, 395.
56. Sir John Lowther, *Memoirs of the Reign of James II*, Cumbria SRO, D/Lons/L2/5; Burlington (London) to Reresby, 24 March 1685, WYAS, MX 31/21; J. Porter (London) to Bulstrode, 16 March 1685, BL, Egerton 3680, fol. 176r; Bathurst to Molesworth, 29 May 1685, BL, Loan 57/83, unfolioed.
57. William Petty (London) to Southwell, 22 August 1685, BL, Add. 72853, fol. 21v; Edmund Warcup (Northmore) to Hugh Jones, 14 September 1685, Bodleian, Rawl. Lett. 48, fol. 11v; *A New Song upon the Coronation* (London: James Dean, 1685), MS in Wing copy: 25 April 1685.

Глава пятая

Идеология католической модернизации

1. R. D. (London) to?, 27 December 1688, BL, Egerton 2717, fol. 418v; John Evelyn (London) to Countess of Sunderland, 12 January 1690, BL, Evelyn Papers, JE A2, fol. 64v (since recataloged).

2. Thomas Babington Macaulay, *The History of England from the Accession of James II*, 5 vols. (New York: Harper and Brothers, 1849–61), 2:5–6, 46, 60, 109, 333–34, 394, 418; G. M. Trevelyan, *The English Revolution, 1688–89* (1938; reprint ed., Oxford: Oxford University Press, 1965), 34.
3. Macaulay, *History*, 2:99, 193 218–36, 242, 393, 396, 402. См. также Gary S. De Krey, «Reformation and 'Arbitrary Government': London Dissenters and James II's Policy of Toleration, 1687–1688», in *Fear, Exclusion and Revolution*, ed. Jason McEllicott (Aldershot: Ashgate, 2006), 14.
4. Macaulay, *History*, 2:9–10, 58. Утверждения Джонатана Кларка о том, что «это были люди, настроенные наиболее решительно... которые оказались готовы действовать... в 1688 году», целиком созвучны с акцентом Маколея на сплочении англичан вокруг их общего «протестантизма»: J. C. D. Clark, *Revolution and Rebellion: State and Society in England in the Seventeenth and Eighteenth Centuries* (Cambridge: Cambridge University Press, 1986), 65.
5. Robert Beddard, *A Kingdom without a King: The Journal of the Provisional Government in the Revolution of 1688* (Oxford: Phaidon, 1988), 14; John Miller, *James II* (London: Methuen, 1978), 126, 128; Mark Goldie, «James II and the Dissenters' Revenge», *Historical Research* 66 (February 1993): 53; J. R. Western, *Monarchy and Revolution: The English State in the 1680s* (London: Blandford, 1972), 186, 190; Eveline Cruickshanks, *Glorious Revolution* (New York: St. Martin's, 2000), 19–21; Tim Harris, *Revolution: The Great Crisis of the British Monarchy, 1685–1720* (London: Allen Lane, 2006), 195; Lionel Glassey to Sir John Riddell, 7 July 1986, HLRO, WMT/12/Pt. I.
6. Sir Richard Temple, «The False Patriot Unmasked», ca. 1690, HEH, STT Lit (9), 9–10; Henry St. John, Viscount Bolingbroke, *A Dissertation upon Parties*, 3rd ed. (London, 1735), 78; Goldie, «James II and the Dissenters' Revenge», 54; Mark Goldie, «The Political Thought of the Anglican Revolution», in *The Revolutions of 1688*, ed. Robert Beddard (Oxford: Clarendon Press, 1991), 111; Mark Goldie, «John Locke's Circle and James II», *Historical Journal* 35, no. 3 (1992): 559, 569, 584; Western, *Monarchy and Revolution*, 226; Cruickshanks, *Glorious Revolution*, 18.
7. Harris, *Revolution*, 183–84, 199, 236; Goldie, «John Locke's Circle», 558, 579; Goldie, «Anglican Revolution», 107–8, 111, 117–18; Western, *Monarchy and Revolution*, 139–40, 266, 274. См. также Lionel K. J. Glassey, «Introduction», in *The Reigns of Charles II and James VII and II*, ed. Glassey (New York: St. Martin's, 1997), 9.
8. George Etherege (Ratisbon) to Sunderland, 9/19 January 1688, Harvard Theatre Collection, fMS THR11, 237; London Newsletter, 17 November,

- 22 December 1687, FSL, L.c. 1884, 1896; Bevil Skelton (Paris) to Sunderland, 4/14 January 1688, NA, SP 78/151, fol. 131r; Eugene Michaud, *Louis XIV et Innocent XI*, 4 vols. (Paris: G. Charpentier, 1882–83), 2:242–47; Skelton (Paris) to Sunderland, 10/20 December 1687, NA, SP 78/151, fol. 123r; London Newsletter, 3 January, 14 January, 28 January 1688, FSL, L.c. 1903, 1908, 1914; Peter Wyche (Hamburg) to Middleton, 3 February 1688, BL, Add. 41826, fol. 260v; Etherege (Ratisbon) to Albeville, 16/26 April 1688, Indiana, Albeville MSS.
9. Michaud, *Louis XIV et Innocent XI*, 3:168, 195–96; J. R. Jones, *The Revolution of 1688 in England* (New York: W.W. Norton, 1972), 206; Western, *Monarchy and Revolution*, 250;? to Thomas Felton, 18 August 1688, BL, Add. 39487, fol. 21v; Skelton (Paris) to Sunderland, 15/25 August 1688, NA, SP 78/151, fol. 200v; John Lytcott (Rome) to Sir Richard Bulstrode, 29 September/9 October 1688, BL, Egerton 3683, fol. 160r; J[ames] Fr[aser] (London) to John Ellis, 16 October 1688, BL, Add. 4194, fol. 382v; Pierre Blet, *Les Nonces du pape a la cour de Louis XIV* ([Paris]: Perrin, 2002), 159; *Mercurius Reformatus*, 26 June 1689, [1]; *The Intrigues of the French King at Constantinople* (London: Dorman Newman, 1689), 23–24; Edmund Bohun, *The History of the Desertion* (London: Ric. Chiswell, 1689), 4–5; *The Politicks of the French King Lewis the XIV Discovered* (London: Mat. Wotton, 1689), 2–3; W. E. Buckley, ed., *Memoirs of Thomas, Earl of Ailesbury*, 2 vols. (Westminster: Nichols and Sons, 1890), 1:166 (далее цит. как Ailesbury, *Memoirs*).
 10. William Leslie (Rome) to Louis Innes (?), 15/25 April 1687, SCA, Bl 1/105/8; Gilbert Burnet, «Reasons against the Repealing», 1687, in *A Collection of Eighteen Papers Relating to the Affairs of Church and State during the Reign of King James the Second* (London: John Starkey and Richard Chiswell, 1689), 3; Gilbert Burnet, *History of His Own Time*, 2 vols. (London: Thomas Ward, 1724), 1:595, 7⁶; Leslie (Rome) to Melfort, 3 March 1688, SCA, Bl 1/116/5.
 11. Raymond J. Maras, *Innocent XI: Pope of Christian Unity* (Notre Dame, IN: Cross Roads Books, 1984), 107–29; Joseph Bergin, *Crown, Church and Episcopate under Louis XIV* (New Haven and London: Yale University Press, 2004), 234–38; *The Present French King Drawn to the Life* (London: R. Baldwin, 1690), 71; *The Spirit of France and the Politick Maxims of Lewis XIV* (London: Awnsham Churchill, 1689), 14–15; M. Roux, ed., *Memoires de l'abbe Le Gendre* (Paris: Charpentier, 1865), 45; Wyche (Hamburg) to Middleton, 5 April 1687, BL, Add. 41826, fol. 96v; Newsletter from Rome, 12 May 1687, NA, SP 85/12, fol. 187r; London Newsletter, 29 November 1687, FSL, L.c. 1888; William Westby, *Memoirs*, 26 January 1688, FSL, V.a. 469, fol. 7v.

12. Louis O'Brien, *Innocent XI and the Revocation of the Edict of Nantes* (Berkeley, CA, 1930), 130; *Spirit of France*, 69.
13. Gilbert Burnet, *The History of the Rights of Princes* (London: J. D. for Richard Chiswell, 1682), 3, 34; James Fraser (London) to Sir Robert Southwell, 15 December 1687, FSL, V.b. 287 (39); Alexander Dunbar (Edinburgh) to Innes, 30 October 1688, SCA, Bl 1/111/8; Roger Morrice, *Entering Book*, 6 November 1686, DWL, 31 P, 650. Епископ Линкольна, военный сэр Чарльз Литтлтон и адвокат Уайтлок Балстроуд с нетерпением следили за франко-папским спором: Thomas Barlow (bishop of Lincoln) to Robert Boyle, 1 October, 22 November 1686, in *The Works of the Honourable Robert Boyle*, vol. 6, ed. Thomas Birch (London: W Johnston et al., 1772), 315, 317; Sir Charles Lyttleton (Richmond) to Hatton, 14 June 1684, in *Correspondence of the Family of Hatton*, vol. 2, ed. Edmund Maunde Thompson, Camden Society, n.s., vol. 23 (1878): 47; Whitelocke Bulstrode, *Commonplace Book*, January 1686, HRC, Pforzheimer, Misc. MS817, fols. 56–57. См. также *The True Interest of Christian Princes* (1686), 23–24. Когда Иннокентий XI умер, один протестант-англичанин написал в своей записной книжке, что «он был человеком большой храбрости и отваги, которую Людовик XIV, великий оскорбитель христианства, не смог преодолеть»: Whitelocke Bulstrode, *Meditations*, August 1689, HRC, Pforzheimer 2k. Джон Уолкер, клирик-виг из Уэст-Кантри, приобрел копию трактата Бернета в 1688 году: John Walker of Hadley, *Account Book*, 15 April 1688, Somerset SRO, DD/Whb/3185.
14. Father Francis Sanders, *An Abridgement of the Life of James II* (London: R. Wilson, 1704), 13; Foley, 5; Edward Gregg, «New Light on the Authorship of the Life of James II», *English Historical Review* 108 (1993): 959; Letter from a Jesuit of Liege to a Jesuit of Freiburg, 2 February 1688, Beinecke, OSB MSS2/Box 5/Folder 109. Гилберт Бернет привел веские доказательства, что в этом письме не было никакого подлога: Burnet, *History of His Own Time*, 1:712; Charles Dodd, *The History of the English College at Doway* (London: Bernard Lintott, 1713), 32; Geoffrey Scott, «The Court as a Centre of Catholicism», in *A Court in Exile: The Stuarts in France, 1688–1718*, ed. Edward Corp (Cambridge: Cambridge University Press, 2004), 242, 247; Michael A. Mullett, *Catholics in Britain and Ireland, 1558–1829* (New York: St. Martin's, 1998), 81; Skelton (Paris) to Sunderland, 19/29 November 1687, NA, SP 78/151, fol. 117v; Letter from a Jesuit of Liege, 2 February 1688. Эдуард Кольман, которого Яков назначил секретарем Марии Моденской, был в тесном контакте с Ла Шезом в 1670-х годах: НМС,

Report XIII, 89–94, 95–97. См. также Andrew Barclay, «The Rise of Edward Colman», *Historical Journal* 42, no. 1 (1999): 126–28; Morrice, Entering Book, 25 September 1686, DWL, 31 P, 628; Gilbert Dolben (London) to Sir William Trumbull, 2 January 1686, BL, Trumbull MSS54 (since recataloged); and «Over the Lord Dfover]’s Door», in *Lampoon* (1687). Это был также взгляд заинтересованных голландских наблюдателей: Barillon (London) to Louis XIV, 23 May/2 June 1687, NA, PRO 31/3/170, fol. 5v. «Континенталист» в этом случае также вспомнил суд Якова II: см. W. H. Quarrell and Margaret Mare, eds., *London in 1710 from the Travels of Zacharias Conrad von Uffenbach* (London: Faber and Faber, 1934), 14; and Voltaire, *The Age of Lewis XIV*, 2 vols. (London: R. Dodsley, 1752), 1:239.

15. James (Brussels) to Dartmouth, 8 May, 25 July 1679, Beinecke, OSB Shelves fb.190/11, fols. 40, 52; *Life of James II*, 1:441–42; Bonrepaus (London) to Seignelay, 11/21 March 1686, NA, PRO 31/3/169, fol. 66r; Barillon (London) to Louis XIV, 22 February/4 March 1686, NA, PRO 31/3/165, fol. 2r; Bonrepaus (London) to Seignelay, 24 December/3 January 1686, NA, PRO 31/3/163, fols. 20–21; Barillon (London) to Louis XIV, 26 April/6 May 1688, NA, PRO 31/3/177, fol. 7; John Sheffield, «Memoirs», in *Works*, 2 vols. (London: John Barber, 1723), 2:12. См. также Captain Robert Parker, *Memoirs of the Most Remarkable Military Transactions* (Dublin: Geo. and Alex Ewing, 1746), 4.
16. Barillon (London) to Louis XIV, 5 March 1685, NA, PRO 31/3/160, fol. 70r; Bonrepaus (London) to Seignelay, 1/11 February 1686, NA, PRO 31/3/164, fol. 36; Barillon (London) to Louis XIV, 9/19 February 1685, NA, PRO 31/3/160, fols. 39–40; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 13/23 September 1686, NA, PRO 31/3/167, fol. 11v; Barillon (London) to Louis XIV, 25 October/4 November, 8/18 November, 11/21 November, 29 November/9 December, 2/12 December 1686, NA, PRO 31/3/167, fols. 40r, 47–48, 50–51, 58v, 60r; Barillon (London) to Louis XIV, 23 December/2 January 1686/87, 13/23 January 1687, NA, PRO 31/3/168, fols. 1r, 15r; Bonrepaus (Windsor) to Seignelay, 11/21 July 1687, NA, PRO 31/3/171, fol. 67r; Bonrepaus (London) to Seignelay, 29 September/9 October, 14/24 November 1687, NA, PRO 31/3/173, fols. 22r, 124r; Barillon (London) to Louis XIV, 8/18 December 1687, NA, PRO 31/3/174, fols. 41–42; Bonrepaus, Report on the State of England, 1687, NA, PRO 31/3/174, fols. 80–86; Thomas Birch, *The Life of the Reverend Dr. John Tillotson* (London: J. and R. Tonson et al., 1752), 146; Sir Edward Hales, Treatise on Government, 1692, AWA, Old Brotherhood Papers, Book 3/258.

17. Barillon (London) to Louis XIV, 2/12 November, 3/13 December 1685, NA, PRO 31/3/162, fols. 10v, 44–45; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 13/23 September 1686, NA, PRO 31/3/167, fol. 12v; Bonrepaus (London) to Seignelay, 7/17 January 1686, NA, PRO 31/3/163, fol. 55r; Morrice, *Entering Book*, 9 April 1687, DWL, 31 Q, 87. Уорнер, в частности, никогда не «не упускал возможности высказать свое рвение и привязанность» к Людовику XIV: Barillon (London) to Louis XIV, 28 March/7 April 1687, NA, PRO, 31/3/168, fol. 63r; Placidus Fleming (Ratisbon) to Mr. Whyteford, 13/23 March 1688, SCA, Bl 1/111/9; Charles Dodd, *The Church History of England*, 3 vols. (Brussels, 1742), 3:415–16.
18. William Leslie (Rome) to Innes, 5/15 April 1687, SCA, Bl 1/105/18; Walter Leslie (Rome) to Mr. Whyteford, 23 August/2 September 1687, SCA, Bl 1/103/7; Barillon (London) to Louis XIV, 6/16 January 1687, NA, PRO 31/3/168; Etherege (Ratisbon) to Lord Taaffe, 2/12 1687, Harvard Theatre Collection, fMS THR n, 69; Morrice, *Entering Book*, 26 November 1687, DWL, 31 Q, 210; Van Citters (London) to States General, 1/11 May 1688, BL, Add. 34512, fol. 78r; John Miller, *Papery and Politics in England, 1660–1688* (Cambridge: Cambridge University Press, 1973), 236; James Johnston (London) to?, March 1688, BL, Add. 34515, fol. 58r.
19. Jones, *Revolution of 1688*, 81; Barillon (London) to Louis XIV, 11/21 November 1686, NA, PRO 31/3/167, fols. 50–51; Bonrepaus (London) to Seignelay, 1/11 February 1686, NA, PRO 31/3/164, fol. 36r; James II to the pope, 16 June 1687, Foley, 277–78; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 7/17 June 1686, NA, PRO 31/3/166, fol. 22r; Morrice, *Entering Book*, 8 January, 12 November 1687, DWL, 31 Q, 41, 200; London Newsletter, 12 November 1687, FSL, L.c. 1882; Ailesbury, *Memoirs*, 1:99, 121; Annual Letters of the Province, 1685–1690, Foley, 276; Ethelred Luke Taunton, *The History of the Jesuits in England, 1580–1773* (London: Methuen, 1901), 448; Barillon (London) to Louis XIV, 21 February/3 March, 28 February/10 March 1687, NA, PRO 31/3/168, fols. 37r, 40v; William Blathwayt (Whitehall) to Southwell, 12 November 1687, Nottingham SUL, PwV 53/57; Barillon (London) to Louis XIV, 22 November/2 December 1686, PRO, PRO 31/3/167, fol. 56r.
20. Bonrepaus, Report on the State of England, 1687, NA, PRO 31/3/174, fols. 78–80; Barillon (London) to Louis XIV, 19 February 1685, NA, PRO 31/3/160, fol. 40; Earl of Perth (London) to Hamilton, 10 December 1685, NAS, GD406/1/9223; Dolben (London) to Trumbull, 22 January 1686, BL, Trumbull MSS54 (since recataloged); Barillon (London) to Louis XIV, 26 December/5 January 1687/88, NA, PRO 31/3/175, fol.

- 5v; Bridget Croft to Huntingdon, 9 May 1687, HEH, HA 1791; Henry Thynne (London) to Earl of Weymouth, 30 June 1688, Longleat House, Thynne MSS14, fol. 234r; Morrice, Entering Book, 30 June 1688, DWL, 31 Q, 277; Van Citters (Windsor) to States General, 27 September/7 October 1687, BL, Add. 54512, fol. 62v; Bonrepaus (Windsor) to Seignelay, 25 May/4 June 1687, NA, PRO 31/3/170, fols. 18–19; Ronquillo (London) to Don Francisco Bernardo de Quixon, 5 April 1686, BL, Add. 35402, fol. 61v; Morrice, Entering Book, 19 June 1686, DWL, 31 P, 553; Barillon (London) to Louis XIV, 16/26 January 1688, NA, PRO, 31/3/175, fol. 14r.
21. Barillon (London) to Louis XIV, 8/18 December 1687, NA, PRO 31/3/174, fols. 41–42; Morrice, Entering Book, 17 September 1687, DWL, 31 Q, 169; Earl of Clarendon, Diary, 4 January 1688, Singer, 2:153; Blathwayt (Whitehall) to Southwell, 20 October 1687, Nottingham SUL, PwV 53/55; Van Citters (London) to States General, 14/24 October 1687, BL, Add. 34510, fol. 53v; John Oldmixon, *The False Steps of the Ministry after the Revolution*, 3rd ed. (London, 1714), 15;? (Whitehall) to Sir Richard Bulstrode, n April 1687, HRC, Pforzheimer/Box 10; Robert Yard (Whitehall) to Albeville, 12 April 1687, Indiana, Albeville MSS; London Newsletter, 12 April 1687, FSL, L.c. 1796; Roger North, *The Life of Sir Dudley North* (London, 1744), 162; Bonrepaus (London) to Seignelay, 17/27 October 1687, NA, PRO 31/3/173, fols. 59–60; Barillon (London) to Louis XIV, 17/27 October 1687, NA, PRO 31/3/173, fol. 64. Батлер сыграл немалую роль в гибели Рочестера: Barillon (Windsor) to Louis XIV, 8/18 July 1687, NA, PRO 31/3/166, fol. 39; Blathwayt (Windsor) to Southwell, 22 June 1686, Nottingham SUL, PwV 53/36. В результате профессиональной деятельности Батлера он имел большие интересы в Сити и предположительно в рамках сообщества диссентеров. Это объясняет его большую роль в проекте по реформированию корпораций Англии в 1687 и 1688 годах: Morrice, Entering Book, 5 May 1688, DWL, 31 Q, 254.
22. Barillon (London) to Louis XIV, 24 September/4 October 1685, NA, PRO, 31/3/161, fols. 53–54; Barillon (London) to Louis XIV, 1/11 March 1686, NA, PRO 31/3/165, fol. 4r; Duke of Hamilton (Hamilton) to Earl of Arran, 16 August 1686, NAS, GD406/1/7190; Miller, *James II*, 210; Bruce Lenman, «The Scottish Nobility and the Revolution 1688–90», in *Revolutions of 1688*, ed. Beddard, 144; Morrice, Entering Book, 8 December 1688, 2 March 1689, DWL, 31 Q, 339–40, 485; William Fuller, Autobiography, Beinecke, OSB Shelves fc.66, 15; Van Citters (London) to States General, 2/12 November 1688, BL, Add. 34510, fol. 1163r; Bonrepaus (Windsor) to Seignelay, 11/21 August 1687, NA, PRO

- 31/3/172, fol. 20r; Bonrepaus, Report on the State of England, 1687, NA, PRO 31/3/174, fol. 82r; Perth to Mme. de Crolly, 1685, in Ch. Urbain and E. Levesque, eds., *Correspondance de Bossuet*, vol. 3 (Paris: Librairies Hachette, 1910), 544; Francois Gaquere, *Vers L'Unite Chrestienne: James Drummond et Bossuet* (Paris: Beauchesnes, 1963), 22–28, 52–160; Perth (London) to Bossuet, 12 November 1685, in Urbain and Levesque, eds., *Correspondance de Bossuet*, 160; Robert Francis Strachan (Paris) to William Leslie, 16/26 November 1685, SCA, Bl 1/92/12; Innes to Perth, 13 November 1686, SCA, SM 2/12/II; Barillon (London) to Louis XIV, 14/24 January 1686, NA, PRO 31/3/163, fol. 12v; Bonrepaus (London) to Seignelay, 1/11 March 1686, 5/15 April 1686, NA, PRO 31/3/165, fols. 52r, 133r; Morrice, Entering Book, 7 July 1688, DWL, 31 Q, 283; Van Citters (London) to States General, 6/16 November 1688, BL, Add. 34510, fol. 167v. Мельфор и Питр вступили в конфликт в июне 1688-го, но их ссора, вопреки надеждам Сандерленда, не повлияла на франкофильскую политику. Perth to?, 10 June 1688, SCA, Bl 1/117/13; Morrice, Entering Book, 7 July 1688, DWL, 31 Q, 283.
23. James Fitzjames, Duke of Berwick, *Memoirs of the Marshal Duke of Berwick*, vol. 1 (London: T. Cadell, 1779), 1–2; Dodd, *Church History*, 3:493; Foley, 292. Видимо Яков первоначально надеялся, что Джеймс Фрэнсис Эдуард получит образование у иезуитов: Scott, «Court as a Centre of Catholicism», 257.
24. (Whitehall) to William III, 1 June 1686, NA, SP 8/1/Pt. 2, fol. 26; London Newsletter, 18 October 1687, FSL, L.c. 1871; Morrice, Entering Book, 18 February 1688, DWL, 31 Q, 239(3); Barillon (London) to Louis XIV, 11/21 March 1686, PRO, PRO 31/3/165, fol. 11r; Bonrepaus (London) to Seignelay, 8/18 February 1686, NA, PRO 31/3/164, fol. 57; Geoffrey Scott, «A Benedictine Conspirator: Henry Joseph Johnston», *Recusant History* 20, no. 1 (1990): 58–62; Francis Turner (епископ Эли) to Trumbull, 29 May 1686, BL, Trumbull 46 (since recataloged); William Clagett, *The Present State of the Controversy* (London: Tho. Basset et al., 1687), 13; Burnet, *History of His Own Time*, 1:673.
25. Father Peter Hamerton, An Account of the Beginning and Progress of Oates' Plot, Foley, 23; Barillon (London) to Louis XIV, 21/31 December 1685, NA, PRO 31/3/162, fol. 69r; James Wellwood, *Memoirs*, 3rd ed. (London: Tim. Goodwin, 1700), 181–82; Burnet, *History of His Own Time*, 1:707; Miller, *James II*, 152–53. Каслмейн не только связал себя с иезуитами, когда был в Риме, но также вступил в крайне франкофильский орден Мальтийских рыцарей: D. F. Allen, «Attempts to Revive the Order of Malta in Stuart England», *Historical Journal* 33, no.

- 4 (1990): 947; quoted in F. A. J. Mazure, *Histoire de la revolution de 1688 en Angleterre*, vol. 2 (Paris: Charles Gosselin, 1825), 241.
26. E. S. De Beer, «The Marquis of Albeville and His Brothers», *English Historical Review* 45 (1930): 397–408; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 13/23 September 1686, NA, PRO 31/3/167, fol. 14r; Bonrepaus (London) to Seignelay, 1/11 February 1686, NA, PRO 31/3/164, fol. 36r; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 23 August/2 September, 13/23 September 1686, NA, PRO 31/3/167, fols. 1v, 13–14; Barillon (London) to Louis XIV, 26 August/5 September 1686, NA, PRO 31/3/167, fol. 4r; Yard (Whitehall) to Albeville, 8 April 1687, Indiana, Albeville MSS; Barillon (London) to Louis XIV, 1/11 November 1686, NA, PRO 31/3/167, fol. 43; Barillon (London) to Louis XIV, 28 February/10 March 1687, NA, PRO 31/3/168, fol. 44v; Bonrepaus quoted in Mazure, *Histoire de la revolution*, 331–32; Wyche (Hamburg) to Albeville, 10/20 May 1687, Indiana, Albeville MSS.
 27. Barillon (Windsor) to Louis XIV, 26 July/5 August, 5/15 August, 9/19 August 1686, NA, PRO 31/3/166, fols. 48v, 53v, 54v; Fleming (Ratisbon) to Charles Whyteford, 11/21 January 1687, SCA, Bl 1/101/2; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 12/22 August 1686, NA, PRO 31/3/166, fol. 57v.
 28. Louis XIV to Barillon, 30 September 1688, in John Dalrymple, *Memoirs of Great Britain and Ireland*, 2nd ed. (London: W. Strahan and T. Cadell, 1771), 2: appendix/1:234.
 29. Об их набожности см. Scott, «Court as a Centre of Catholicism», 238–39. Я не согласен с мнением Майкла Маллета, что английский католицизм может быть понят только как «европейский профиль после 1688 года»: Michael A. Mullen, *Catholics in Britain and Ireland, 1558–1829* (New York: St. Martin's, 1998), 82; Scott, «Benedictine Conspirator», 62; Patrick Riley, «Introduction», in *Bossuet: Politics Drawn from Holy Scripture*, ed. Riley (Cambridge: Cambridge University Press, 1990), xli–lvii; Fraser (London) to Southwell, 31 December 1687, FSL, V.b. 287 (43); Джон Драйден в его переводе Maimbourg, *History of the League* (London: Jacob Tonson, 1684), postscript: 48. Бернет уже обратил внимание на абсолютистские последствия работы Maimbourg два года ранее: *History of the Rights*, 39–40; Louis Maimbourg, *A Discourse Concerning the Foundation and Prerogative of the Church of Rome*, trans. Archibald Lovell (London: Jos. Hindmarsh, 1688), 345, 347–48. 350–52.
 30. James Maurice Corker, *Roman-Catholick Principles* [1687], 4. О донесениях Коркера касательно Якова II см. Scott, «Benedictine Conspirator», 60; Charles Trinder, *The Speech*, 8 January 1688 (London: Randal Taylor,

- 1688), 4. For Trinder, see Dodd, *Church History*, 3:460; John Wilson, *Jus Regium Coronae* (London: Henry Hills, 1688), 7; Lex Coronae, ca. 1687, Centre for Kentish Studies, U386/Z8/5; *Some Reflections on the Bulls of Paul the Third and Pius the Fifth* (1686), 2; *A Letter in Answer to Two Main Questions* (London: M. T, 1687), 10.
31. *Some Reflections on the Bulls*, 2. Этот же трактат был опубликован под названием *The Bulls of the Popes* (1686); «The Case of Several English Catholics», ca. 1680s, Georgetown SUL, Milton House Archives, Box 3/Folder 10; Edward Scarisbrick, «Catholic Loyalty», 30 January 1688, in *A Select Collection of Catholick Sermons Preach'd before Their Majesties*, vol. 1 (London, 1741), 235. Скарисбрик настаивал на «истинно католической доктрине этого общества, членом которого автор имеет честь состоять» (226). On Scarisbrick, see Foley, 350.
 32. Dryden in Maimbourg, *History of the League*, 1684, postscript: 2. Драйден продолжал переводить французские католические тексты по воле короля и после воцарения Якова: см. James Anderson Winn, *John Dryden and His World* (New Haven and London: Yale University Press, 1987), 412, 421–22. Драйден был обращен в католицизм Коркером: Geoffrey Scott, *Gothic Rage Undone: English Monks in the Age of Enlightenment* (Bath: Downside Abbey, 1992), 13; Wilson, *Jus Regium Coronae*, 6–7; Scarisbrick, «Catholic Loyalty», 238.
 33. Philip Michael Ellis, Sermon, 5 December 1686, in *Select Collection*, 83. Эллис получил французское образование: Joseph B. Gavin, «An Englishman in Exile», *Recusant History* 15, no. 1 (1979): 11; Scarisbrick, «Catholic Loyalty», 252; *A Pastoral Letter from the Four Catholic Bishops to the Lay-Catholics of England* (London: Henry Hills, 1688), 6.
 34. *Pastoral Letter*, 7; Scarisbrick, «Catholic Loyalty», 254; Ellis, Sermon, 77.
 35. John Kettlewell, *The Religious Loyalist*, 28 August 1685 (London: Robert Kettlewell, 1685), 15, 27–28; Richard Thompson, *A Sermon Preached in the Cathedral Church of Bristol*, 21 June 1685 (London: Luke Meredith, 1685), 5. См. также John Curtois, *A Discourse* (London: Jo. Hindmarsh, 1685), 19, 30–31; James Ellesby, *The Doctrine of Passive Obedience*, 30 January 1685 (London: William Crooke, 1685), 16; Thomas Fysh, *A Sermon Preached... in Lyn-Regis in Norfolk*, 29 May 1685 (London: Sam. Smith, 1685), 27–28; John Scott, *A Sermon Preached at the Assizes at Chelmsford*, 31 August 1685 (London: M. Flesher, 1686), 2–3, 8–9; Erasmus Warren, *Religious Loyalty, or Old Allegiance to the New King*, 8 February 1685 (London: Robert Clavell, 1685), 26; John Petter, *A Sermon*, 5 July 1685 (London: Samuel Walsel, 1685), 19–20; Robert Almond, Account of Magdalen College, 19 October 1687, Magdalen College Archives, 908/26, 1; «An Account of the Magdalen College

- Vistation», 21 October 1687, NA, SP 8/1/Pt. 2, fol. 166r; «An Account of the Visitation of S.M. Magd. College», 21 October 1687, Bodleian, Tanner 29, fol. 93r; Thomas Cartwright, *A Sermon Preached upon the Anniversary Solemnity of the Happy Inauguration of Our Dread Sovereign Lord King James II*, 6 February 1686, 2nd ed. (London: Walter Davis, 1686); Cartwright, *An Answer of a Minister of the Church of England* (London: J. L., 1687), 10; and Burnet, *History of His Own Time*, 1:695–96. For Parker, see Bonrepaus, «Report on the State of England», 1687, NA, PRO 31/3/174, fols. 106–7; and Parker, *A Discourse of Ecclesiastical Politie* (London: J. Martyn, 1670). О прочем см. Morrice, *Entering Book*, 5 February 1687, DWL,
- 31 Q, 57; *Speech of the Right Honourable Thomas, Earl of Stamford* (London: Richard Baldwin, 1692), 6; and Memorandum on William's Descent, 1688, NA, SP 8/2/Pt. 3, fol. 67r. Примечательно, что в 1687 году Паркер, как известно, был занят минимизацией богословских различий между Церковью Англии и римским католицизмом: Nathaniel Johnston to Sir John Resesby, 18 December 1687, WYAS, MX/R50/54.
36. *A Proclamation*, 12 February 1687 (Edinburgh: Andrew Anderson, 1687); Gilbert Burnet, «Some Reflections on His Majesty's Proclamation», 1687, reprinted in *A Collection of Eighteen Papers Relating to the Affairs of Church and State during the Reign of King James the Second* (London: John Starkey and Richard Chiswell, 1689), 10–11. Эта брошюра широко переиздавалась во время правления Якова в Англии и Шотландии. В качестве одного примера см. Hertfordshire SRO, D/EP F 26.
37. Barillon (Windsor) to Louis XIV, 13/23 September 1686, NA, PRO 31/3/167, fols. 11–13; Ailesbury, *Memoirs*, 1:174–75; Dodd, *Church History*, 3:416. Хейлс был близким другом графа Мельфора. Hales, *Treatise on Government*. See Daniel Szechi, «A Blueprint for Tyranny? Sir Edward Hales and the Catholic Response to the Revolution of 1688», *English Historical Review* 116 (2001): 342–67; Hales to Melfort, 27 May 1692, AWA, Old Brotherhood Papers, Book 3/253.
38. James II's speech in Vincent Alsop, *The Humble Address of the Presbyterians* ([London]: J. W., 1687), 7; Robert Barclay, *A Genealogical Account of the Barclays of Urie* (Aberdeen, 1740), 56; James (Hague) to Dartmouth, 25 April 1679, NMM, LBK/49, 5; William Penn (London) to Thomas Lloyd, 16 March, ca. 18 May 1685, *Penn Papers*, 42, 45; J. Tucker to Arran, 19 April 1687, NAS, GD406/1/3445; London Newsletter, 19 April 1687, FSL, L.c. 1799; James II's answer to William Penn's speech, 24 May 1687, BL, Add. 5540, fol. 43; Ailesbury, *Memoirs*, 1:169.
39. John Marshall, *John Locke, Toleration and Early Enlightenment Culture* (Cambridge: Cambridge University Press, 2006), 396–417; Jacques

- Benigne Bossuet, *A Pastoral Letter from the Lord Bishop of Meaux* [London: Henry Hills, 1686], 2–3, 36; Maimbourg, *Discourse*, sigs. [A6r], a4v–[a5r]; Evelyn, *Diary*, 3 November 1685, 4:486. Эвелин сослался на «увещевание», с которым выступил Даниэль де Кознак в Версале 14 июля 1685 года: «Harangue», in *Memoires de Daniel de Cosnac*, ed. Comte Jules de Cosnac (Paris: Jules Renouard, 1852), 2:316–22; *The Proceedings of the Clergy of France* (Lille: I. Chrysostome Make, 1686), [ii]. Уильям Клагетт утверждал, что Боссюэ написал письмо, в котором «признавалось и оправдывалось преследование». Clagett, *Present State of the Controversy*, 24; Dominique Bouhours, *The Life of St. Ignatius* (London: Henry Hills, 1686), 1–2.
40. Joshua Basset, *Reason and Authority* (London: Henry Hills, 1687), 12. Неудивительно, что Бассет предотвратил празднование в своем колледже годовщины «Порохового заговора»: John Verney (London) to Sir Ralph Verney, 17 November 1687, Buckinghamshire SRO, Verney MSS. Я не согласен с тем, что Марк Голди описывает Бассета как одного из тех, кто отстаивал «тот принцип, которым дорожат современные либералы и атеисты: университет, открытый для плюралистического общества». Mark Goldie, «Joshua Basset, Popery, and Revolution», in *Sidney Sussex College Cambridge: Historical Essays*, ed. D. E. D. Beales and H. B. Nisbet (Woodbridge: Boydell, 1996), 119; William Darrel, *A Vindication of St. Ignatius* (London: Anthony Boudet, 1688), sig. A2r; Dryden, *History of the League*, postscript: 8; Trinder, *Speech*, 8 January 1688, 5–6; John Betham, Sermon, 6 January 1686, in *Select Collection*, 215.
41. Etherage (Ratisbon) to Mr. Maule and Mr. Wynne, 28 February/10 March 1687, Harvard Theatre Collection, fMS THR11, 83; Perth to Hamilton, 1687, NAS, GD406/1/9201; Lawrence Dowdall (Champagne) to James II, 22 June/2 July 1688, NA, SP 78/151, fol. 190r; Sir Edward Hales to Melfort, 27 May 1692, AWA, Old Brotherhood Papers, Book 3/253; Hales, Treatise on Government; *A Speech Spoken by Mr. Hayles, Student of University-College of Oxford* (London: A. M., 1687), 1–2; Burnet, *History of His Own Time*, 1:661.
42. Barillon (London) to Louis XIV, 31 January/10 February 1687, NA, PRO 31/3/168, fol. 24v; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 10/20 September 1685, NA, PRO 31/3/161, fol. 47r; Barillon (London) to Louis XIV, 11/21 March 1686, NA, PRO 31/3/165, fol. 10v; Barillon (London) to Louis XIV, 2/12 May 1687, NA, PRO, 31/3/169, fol. 26r. Яков делал подобные заявления Бонрепо: Bonrepaus, Report on the State of England, 1687, NA, PRO 31/3/174. fol. 75r; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 12/22 July 1686, PRO, PRO 31/3/166, fol. 40v; Barillon

- (London) to Louis XIV, 7/17 January 1686, NA, PRO 31/3/163, fol. 8v. В своем «Трактате об исправлении донатистов» Августин оправдывал применение силы против схизматиков и еретиков на том основании, что когда-то они были подвержены к истине. Поэтому все, кто упрямыштует в отступлении от нее, должны быть принудительно возвращены на верный путь. Донатисты IV века ставили под вопрос таинство покаяния и утверждали, что качество таинств более зависит от личного характера, нежели от сана священника. Августин взял на себя инициативу в подавлении этого движения. Как отмечает Голди, это были именно те аргументы, что в 1670-х годах выдвигала против веротерпимости Высокая англиканская церковь: см. Goldie, «Religious Intolerance in Restoration England», in *From Persecution to Toleration*, ed. Ole Peter Grell, Jonathan Israel, and Nicholas Tyacke (Oxford: Clarendon Press, 1991), 335–68. Голди отмечает, насколько активно этот аргумент о нетерпимости использовался во французской католической полемике 1680-х годов (338–39); Letter from Jesuit of Liege, 2 February 1687; Leon Lecestre, ed., *Memoires de Gourville*, 2 vols. (Paris: Librairie Renouard, 1895), 2:122.
43. Barillon (London) to Louis XIV, 19/29 October 1685, NA, PRO 31/3/161, fol. 66r; Ronquillo (London) to Quixon, 5 April 1686, BL, Add. 34502, fol. 61; Barillon (London) to Louis XIV, 21 September/1 October, 8/18 October 1685, NA, PRO 31/3/161, fols. 51r, 60v; Barillon (London) to Louis XIV, 4/14 January 1686, NA, PRO 31/3/163, fol. 7r. Хотя Яков официально приветствовал гугенотских беженцев из Франции, они могли получить поддержку, только если добровольно confirмуется в Церкви Англии: Jones, *Revolution of 1688*, 112–13; Sir William Trumbull, *Autobiography*, All Souls College, MSS317, [42]; Barillon (London) to Louis XIV, 10/20 May 1686, NA, PRO 31/3/166, fol. 8v; Jean Claude, *An Account of the Persecutions and Oppressions of the Protestants of France* (London, 1686); Barillon (Windsor) to Louis XIV, 1/11 October 1685, NA, PRO 31/3/161, fols. 57–58; Barillon (London) to Louis XIV, 25 March/4 April 1686, NA, PRO 31/3/165, fol. 17v.
44. Bonrepaus (London) to Seignelay, 11/21 January 1686, NA, PRO 31/3/163, fol. 63r; James (Edinburgh) to Dartmouth, 14 December 1679, Beinecke, OSB Shelves fb.190/11, fol. 70r; Hamilton (London) to Duchess of Hamilton, 4 October 1687, NAS, GD406/1/6236; Barillon (London) to Louis XIV, 19/29 April 1686, NA, PRO 31/3/165, fol. 30v; Innes (Paris) to William Leslie, 20/30 September 1686, SCA, Bl 1/94/10. Яков создал иезуитский колледж в резиденции правительства в Холируд-хаусе. О его усилиях по распространению католицизма в Шотландии и Ирландии см. Harris, *Revolution*, 127–29, 166–69,

- 179–81; Charles Scarburgh (Lisbon) to Sunderland, 11/21 April 1687, NA, SP 89/16, fol. 323; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 21 September/1 October 1685, NA, PRO 31/3/161, fol. 51v; William Stanley (Hague) to William Sancroft, 24 January/3 February 1688, Bodleian, Tanner 29, fol. 130v.
45. James II in Father Francis Sanders, *An Abridgement of the Life of James II* (London: R. Wilson, 1704), 174, 176–77.
 46. Eustache Le Noble, *The History of Father La Chaise* (London: H. Rhodes, 1693), 342; Ailesbury, *Memoirs*, 1:152, 165–66. См. также Edward Gregg, «France, Rome and the Exiled Stuarts, 1689–1713», in *Court in Exile*, ed. Corp, 17.
 47. *A Memorial of God's Last Twenty-Nine Years Wonders in England* (London: J. Rawlins, 1689), IJ6; Wellwood, *Memoirs*, 178, 180; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 14/24 June 1686, NA, PRO 31/3/166, fol. 25; London Newsletter, 31 May 1687, FSL, L.c. 1814; John Phillips, *The Secret History of the Reigns of K. Charles II and K. James II* (London, 1690), 195; John Warner, *The Origins of Government*, ca. 1694, University of Chicago, MSS416, 2:1325; White Kennett, *A Complete History of England*, vol. 3 (London: Brab. Aylmer et al., 1706), 444; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 17/27 June 1686, NA, PRO 31/3/166, fol. 26v; William Leslie (Rome) to Innes, 5/15 August 1687, SCA, Bl 1/105/18; J. Hill (Paris) to Trumbull, 15 February 1688, Berkshire SRO, D/ED/C33; Innes (London) to Whyteford, 17 February 1688, SCA, Bl 1/113/11; Ailesbury, *Memoirs*, 1:166.
 48. Barillon (London) to Louis XIV, 15/25 February 1686, NA, PRO 31/3/164, fol. 17v.
 49. Barillon (London) to Louis XIV, 26 November/6 December 1685, NA, PRO 31/3/162, fol. 38r; Barillon (London) to Louis XIV, 28 February/10 March 1687, NA, PRO 31/3/168, fol. 40v; Van Citters (London) to States General, 11/21 November 1687, BL, Add. 34510, fol. 61r; (London) to Dijkvelt, [January 1688], Warwickshire SRO, CR2017/C7, fol. 17r; Morrice, *Entering Book*, 25 September 1686, 6 November 1686, DWL, 31 P, 628, 650; «Father Hay's Memoirs of His Own Time», in *Genealogie of the Hayes of Tweeddale*, ed. Richard Augustin Hay (Edinburgh: Thomas G. Stevenson, 1835), 82; Wellwood, *Memoirs*, 179; Southwell (Kingsweston) to Weymouth, 16 January 1688, Longleat House, Thynne MSS15, fol. 219v; Ailesbury, *Memoirs*, 1:152, 165. Практика католической модернизации Якова обсуждается в шестой главе.
 50. Bonrepaus (London) to Seignelay, 21/31 January 1686, NA, PRO 31/3/163, fol. 78r; Bonrepaus (London) to Seignelay, 15/25 February 1686, NA, PRO 31/3/164, fol. 85r; Wellwood, *Memoirs*, 152; Barillon

- (London) to Louis XIV, 30 November/10 December 1685, NA, PRO 31/3/162, fol. 41; Barillon (London) to Louis XIV, 4/14 March 1686, NA, PRO 31/3/165, fol. 6v; «A Copy of a Letter», 1689, Bodleian, Rawlinson MSS, D91, 15–16; Edmund Bohun, *The History of the Desertion* (London: Ric. Chiswell, 1689), 35. Имперский посол продвигал аналогичную линию и после 1688 года: *A New Declaration of the Confederate Princes and States* (London: Tim. Goodwin, 1689), 19–20; Dr. Thomas Lane (Vienna) to Sunderland, 7/17 October 1688, BL, Add. 41842, fol. 144r.
51. Michael Questier, *Catholicism and Community in Early Modern England* (Cambridge: Cambridge University Press, 2006), 295, 509; Annual Letters of the English Province, 1678/89, Foley, 9–10; Father Peter Hamerton, «An Account of the Beginning and Progress of Oates's Plot», Foley, 19–23; Morrice, Enteting Book, 9 July 1687, DWL, 31 Q, 160; «Father Hay's Memoirs», 57–58; Tyrconnel (Dublin) to Mary of Modena, 2 April 1690, BL, Add. 38145, fol. 16v.
52. Barillon (London) to Louis XIV, 11/21 March 1686, NA, PRO 31/3/165, fol. 11r; Letter from a Jesuit of Liege, 2 February 1687; Van Citters (London) to States General, 24 January/3 February 1688, BL, Add. 34512, fols. 68–69; Cary Gardiner (London) to Sir Ralph Verney, 7 December 1687, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Wellwood, *Memoirs*, sig. [A8r]; Daniel Defoe, *Memoirs of Publick Transactions in the Life and Ministry of His Grace the Duke of Shrewsbury* (London: Tho. Warner, 1718), 12–13; Halifax to Weymouth, 21 February 1688, Longleat House, Thynne MSS15, fol. 53r; Halifax (London) to Prince of Orange, 12 April 1688, NA, SP 8/1/Pt. 2, fol. 203r; Morrice, Entering Book, 1 September 1688, DWL, 31 Q, 290; Van Citters (London) to States General, 18/28 November 1687, BL, Add. 34510, fol. 64r; Gardiner (London) to Sir Ralph Verney, 30 July 1688, Buckinghamshire SRO, Verney MSS.
53. John Irvine and Innes to Whyteford, Spring 1688, SCA, Bl 1/114/4; Burnet, *History of His Own Time*, 1:662; Thomas Nicholson (Padua) to?, 22 January/1 February 1687, SCA, Bl 1/96/2; Ailesbury, *Memoirs*, 1:148, 152; Morrice, Entering Book, 15 December 1688, DWL, 31 Q, 351; Privy Council Minutes, 10 July 1685, NA, PC2/71, fol. 62r; William Fuller, Autobiography, 15–16; *Memoirs of the Secret Service of John Mackey* (London: Nichols and Sons, 1895), 136; Bonrepaus, Report on the State of England, 1687, NA, PRO 31/3/174, fol. 83r. Миддлтон фактически не был обращен в католицизм до революции, однако его жена была католичкой: Barillon (London) to Louis XIV, 6/16 February 1688, NA, PRO, 31/3/175, fol. 33r; *London Mercury*, December 1688; Questier,

- Catholicism*, 324; Dodd, *Church History*, 3:466; Dodd, *The History of the English College at Doway* (London: Bernard Lintott, 1713), 28, 33; Morrice, *Entering Book*, 25 September 1686, DWL, 31 P, 628; Walter Leslie (Rome) to Whyteford, 17/27 April 1688, SCA, Bl 1/115/6.
54. Barillon (London) to Louis XIV, 3/13 December 1685, PRO, PRO, 31/3/162, fols. 44–45; Barillon (London) to Louis XIV, 16/26 March 1685, NA, PRO 31/3/160, fols. 95–96; Philanax Verax, *A Letter to the King When Duke of York* (London: Richard Janeway, 1688), 5–6; Ailesbury, *Memoirs*, 1:126; Sir Henry Hunloke (Wingermouth) to Huntingdon, 14 July 1688, HEH, HA 6949; Fuller, *Autobiography*, Beinecke, OSB Shelves fc.66, 16–17; Southwell (Kingweston) to Weymouth, 29 November 1686, Longleat House, Thynne MSS15, fol. 157v; Morrice, *Entering Book*, 6 November 1686, DWL, 31 P, 650; Van Citters (Westminster) to States General, 1/11 November 1687, BL, Add. 34512, fol. 65r; James Johnston (?) to?, 8 December 1687, Nottingham SUL, PwA 2112c; Van Citters (London) to States General, 3/13 January 1688, BL, Add. 34510, fol. 77v; Dodd, *Church History*, 3:420; *Reflexions on Monsieur Fagel's Letter*, 12 January 1688 (1688), 3; David Lindsay (London) to Innes, 28 May 1688, SCA, B11/117/1; Van Citters (London) to States General, 1/11 June 1688, BL, Add. 34510, fol. 123r.
55. P. Conne (London) to Innes, 29 November 1688, SCA, Bl 1/110/6; H. Hughes (Ratisbon) to Earl of Nottingham, 4/14 December 1690, PRO, SP 81/106, fol. 29r; Fleming (Ratisbon) to Innes, 8/18 December.

Глава шестая

Практика католической модернизации

1. J. P. Kenyon, «The Earl of Sunderland and the Revolution of 1688», *Cambridge Historical Journal* 11, no. 3 (1955): 277.
2. John Callow, *James II: The Triumph and the Tragedy* (Kew: National Archives, 2005), 16–18; James (Edinburgh) to Dartmouth, 5 January 1680, 1 November 1681, Beinecke, OSB Shelves fb.190, 2: fols. 76, 152r.
3. Van Citters (London) to States General, 10/20 July 1685, BL, Add. 34512, fol. 24r; Humphrey Prideaux (Oxford) to John Ellis, 9 July 1685, BL, Add. 28929, fol. 113v; Выступления тори сэра Эдварда Сеймура и индивидуалиста сэра Ричарда Темпла (который примкнул к тори в 1690-х): 12 November 1685, DWL, 31 T 3, 5–7. См. также Sir John Lowther, *Memoirs of the Reign of James II* (London: H. G. Bohn, 1857), 456–57; and Guy Miegé, *The New State of England under Their Majesties K. William and Q. Mary*, 2 vols. (London: H. C. for Jonathan Robinson, 1691), 1:195.

4. John Childs, *The Army, James II and the Glorious Revolution* (Manchester: Manchester University Press, 1980), 1–4, 204; William A. Shaw, ed., *Calendar of Treasury Books, 1681–1685*, 7:1, 8:1; «An Estimate of the Cost of the Expenditure for One Year», October 1688, NA, SP 8/2/Pt. 2, fol. 22.
5. List of Winter Quarters, 1687, HEH, HA Military Box 2 (19); Barillon (Windsor) to Louis XIV, 22 September/2 October 1687, NA, PRO 31/3/173, fol. 1r. Расходы на гарнизоны можно определить по: Shaw, ed., *Calendar of Treasury Books*, 8:1.
6. Thoresby, *Diary*, 1685, 1:181; Diary of Lawrence Rawstorne, 17 October 1688, Lancashire SRO, Rawstorne Diary, 91; C. Hatton (Carlisle) to Huntingdon, 16 May 1687, HEH, HA 6225; John Eames (Aylesbury) to Huntingdon, 23 July 1685, HEH, HA 2404; Sir Ralph Verney (Claydon) to John Verney, 2 August 1685, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Eames (Chester) to Huntingdon, 9 March 1687, HEH, HA 2407; William Blathwayt (Windsor) to Lord Langdale, 15 September 1688, NA, WO 4/1, fol. 50v
7. Barillon (Windsor) to Louis XIV, 27 August/6 September 1685, NA, PRO 31/3/161, fols. 36–37; Samuel Johnson, *Notes upon the Phoenix Edition of the Pastoral Letter* (London, 1694), 82–83; «Abstract of Particular Account of All the Inns, Alehouses in England», 1686, NA, WO 30/48; Charles Morgan (Hull) to Huntingdon, 26 September 1685, HEH, HA 9383; Petition of Marmaduke Ayscough, [1686/87], WYAS, MX 46/21; Roger Morrice, *Entering Book*, 6 August 1687, DWL, 31 Q, 164; Roger Kenyon, *Diary*, 27 October 1688, HMC *Kenyon*, 200; «Letter Sent to Every English Merchant in the United Provinces», 8/18 September 1686, BL, Add. 41820, fol. 3r; Childs, *Army*, 16.
8. Van Citters (London) to States General, 1/11 June 1686, BL, Add. 34512, fols. 36–37;? (Whitehall) to William III, 1 June 1686, NA, SP 8/1/Pt. 2, fol. 26; Miede, *New State of England*, 2:60; Childs, *Army*, 91–92.
9. Barillon (London) to Louis XIV, 31 October/10 November 1687, NA, PRO 31/3/173, fol. 8jr; Blathwayt to Sir William Trumbull, 25 January 1686, BL, Trumbull Misc. 24 (since recataloged). Они, вероятно, имели основания, о которых писал Блэтуайт в: Blathwayt, *His Majesties Orders for Regulation of the Musters* (London: Charles Bill, Henry Hills, et al., 1687). Учебное пособие для солдат, появившееся в 1686 году, явно было основано не на французских образцах — но в значительной мере опиралось на французские примеры: *The Soldier's Guide* (London: Benjamin Tooke, 1686); John Chichely (London) to Richard Legh, 6 March 1686, John Rylands Library, Legh of Lyme MSS, Box 2/ Folder 14; Blathwayt (Whitehall) to Sir John Reresby, 9 September 1686, WYAS, MX 43/16. Другие тоже отмечали французское влияние

- на армию Якова II: Robin Clifton, *The Last Popular Rebellion: The Western Rising of 1688* (London: Maurice Temple Smith, 1984), 95; Childs, *Army*, 84. Последние дискуссии относительно военных реформ Людовика XIV помещают их в контекст «создания современного государства», см. James B. Collins, *The State in Early Modern France* (Cambridge: Cambridge University Press, 1995), 93–95.
10. Journal of Samuel Atkins, 22 August 1685, NMM, JOD/173, fol. 236v; Charles Reresby (London) to Sir John Reresby, 3 July 1686, WYAS, MX 44/18; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 1/11 July 1686, NA, PRO 31/3/166, fol. 35v; London Newsletter, 8 July 1686, FSL, L.c. 1679; E. Resresby (Hounslow) to Sir John Reresby, 16 July 1687, WYAS, MX 49/24; Will Hay (London) to Tweeddale, 18 July 1687, NLS, 14407, fol. 116r; James Wellwood, *Memoirs*, 3rd ed. (London: Tim. Goodwin, 1700), 221; Thomas Nicholson (Padua) to William Leslie, 31 August 1685, SCA, Bl 1/91/20; Walter Lorenzo Leslie (Rome) to Leslie, 22 May/1 June 1686, SCA, Bl 1/95/6; Nicholson (Padua) to?, 23 July/2 August 1686, SCA, Bl 1/96/7; A Litany for the Holy Time of Lent, 1686 or 1687, Hertfordshire SRO, D/EP F27, fol. 10v.
 11. Henry Shere (Frome) to Dartmouth, 1 July 1685, Staffordshire SRO, D(w) 1778/1/1/1132; Sir Charles Lyttleton (Taunton) to Hatton, 7 October 1685, BL, Add. 29578, fol. 67r; John Wyndham of Salisbury, 16 November 1685, DWL, 31 T 3, 15 (speech in Parliament); Morrice, Entering Book, 23 January 1686, DWL, 31 P, 517; Information of William Martyn (Exeter), 18 February 1686, NA, SP 31/3, fol. 77r; John Wyndham, Diary, 1687, Somerset SRO, DD/Wy/Box 185; John Whiting, *Persecution Exposed*, 2nd ed. (London: James Phillips, 1791), 300–302; William Nicolson (Carlisle) to Sir Christopher Musgrave, 18 October 1686, Cumbria SRO, Carlisle, CB/ME/Box 32/6; C. Hatton (Carlisle) to Huntingdon 11 April 1687, HEH, HA 6224; John Tichell, *The History of the Town and County of Kingston upon Hull* (Hull: Thomas Lee, 1798), 578–79; Talbot Lascelles (Hull) to Huntingdon, 21 February 1686, HEH, HA 8156; Sunderland (Whitehall) to Legh, 6 October 1685, John Rylands Library, Legh of Lyme Box 3/Folder 22; William Hamilton (Whitehall) to Arran, 5 October 1686, NAS, GD406/1/3307; Packer (Chester) to Huntingdon, 29 November 1685, HEH, HA 9816; William Lloyd (bishop of Norwich) to William Sancroft, 2 December 1687, Bodleian, Tanner 29, fol. n6r; Morgan (York) to Sir John Reresby, 25 October 1686, WYAS, MX 43/49; Petition of Thomas Woodhouse, Serjeant at Mace City of York, [December 1686], WYAS, MX 45/13; Bryan Fairfax (York) to Sir John Reresby, 2 September 1687, WYAS, MX/R50/33; Edward Baldock (York) to Sir John Reresby, 26 February

- 1688, WYAS, MX/R50/68; George Prickett (York) to Sir John Reresby, 1 March 1688, WYAS, MX/R53/4; Baldock (York) to Sir John Reresby, 5 March 1688, WYAS, MX/R50/83; Sir John Reresby, *Memoirs*, ed. Mary K. Geiter and W. A. Speck (London: Royal Historical Society, 1991), 10 July 1688, 502; Louis Innes (London) to Whyteford, 25 April 1687, SCA, Bl 1/102/4; Hamilton (Whitehall) to Arran, 26 April 1687, NAS, GD406/1/3467; Barillon (London) to Louis XIV, 28 April/8 May 1687, NA, PRO 31/3/169, fol. 24v; Journal of Atkins, 10 July 1687, fol. 245v; James Vernon (London) to Albeville, 20 January 1688, Indiana, Albeville MSS; John Verney (London) to Sir Ralph Verney, 20 June 1688, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; John Verney (London) to Edmund Verney, 22 August 1688, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; John Strype, *A Survey of the Cities of London and Westminster* (London: A. Churchill et al., 1720), 1:77; Lloyd to Sancroft, 5 March 1688, Bodleian, Tanner 29, fol. 14v; John Verney (London) to Edmund Verney, 2 April 1688, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Baldock (York) to Sir John Reresby, 21 January 1688, WYAS, MX/R50/66; Dr. Henry Paman (London) to Sir Ralph Verney, 17 August 1687, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Sir Nicholas Slanning (Salisbury) to Blathwayt, 2 November 1686, Beinecke, OSB MSS2/Box 8/Folder 172; Blathwayt (London) to Sir Robert Douglas, 16 October 1686, NA, WO 4/1, fol. 18v; Memoire de M. Robert, 27 December/6 January 1685/86, NA, PRO 31/3/163, fol. 82r; George Bulle (York) to Sir John Reresby, 15 January 1686, WYAS, MX 43/29; David Hay (Batrie) to Tweeddale, 22 October 1688, NLS, 14405, fol. 179r; Charles Macarty (Guernsey) to Blathwayt, 12 September 1686, OSB MSS2/Box 6/Folder 121; Barillon (London) to Louis XIV, 27 May/6 June 1686, NA, PRO 31/3/166, fol. 16v.
12. *Axminster*, 110; George Whitehead, *The Christian Progress of That Ancient Servant and Minister* (London, 1725), 615; Henry Newcome, 15 March 1686, in *The Autobiography of Henry Newcome*, vol. 2, ed. Robert Parkinson, Chetham Society 27 (Manchester: Chetham Society, 1852), 262; Daniel Defoe, *The Advantages of the Present Settlement* (London: Richard Chiswell, 1689), 13–14. См. также Thomas Comber, *Three Considerations Proposed to Mr. William Pen* [1687], 3; *A Remonstrance and Protestation of all the Good Protestants ... with Reflections Thereupon* (London: Randall Taylor, 1689), 13; Edmund Bohun, *The History of the Desertion* (London: Ric. Chiswell, 1689), 1; Gilbert Burnet, «A Letter concerning Some Reflections», 1687, in Burnet, *A Collection of Papers Relating to the Present Juncture of Affairs in England* (1688/89), 26–27; Evelyn, *Diary*, 4 December 1685, 4:490; Sir David Nairne, Journal, April 1686, NLS, 14266, fol. 7v; Barillon (Windsor) to Louis XIV, i/n July

- 1686, NA, PRO 31/3/166, fol. 36r; Sir Ralph Verney (Middle Claydon) to Edmund Verney, 15 August 1686, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Sir Robert Southwell (Kingsweston) to Weymouth, 27 January 1687, Longleat House, Thynne MSS15, fol. 162r; and Duke of Hamilton (Hamilton) to Arran, 8 May 1688, NAS, GD406/1/7593.
13. Reresby, *Memoirs*, 30 May 1685, Geiter and Speck, 370; Geoffrey W. Symcox, «The Navy of Louis XIV», in *The Reign of Louis XIV*, ed. Paul Sonnino (Atlantic Highlands, NJ: Humanities Press, 1990), 130–36; Charles Woolsey Cole, *Colbert and a Century of French Mercantilism* (New York: Columbia University Press, 1939), 1:451–64; Bonrepaus (London) to Seignelay, 8/18 February 1686, NA, PRO 31/3/164, fol. 58r; Bonrepaus (London) to Seignelay, 11/21 June 1687, NA, PRO 31/3/170, fols. 120–21; Bonrepaus (London) to Seignelay, 18/28 July 1687, NA, PRO 31/3/171, fol. 87r.
 14. Samuel Pepys, Report of the State of the Navy, 31 December 1684, NMM, SOU/8, fol. 113; J. R. Tanner, ed., *Pepys' Memoires of the Royal Navy, 1679–1688* (Oxford: Clarendon Press, 1906), 12–13, 31 (далее цит. как Pepys, *Memoires*); Bonrepaus (London) to Seignelay, 8/18 February 1686, NA, PRO 31/3/164, fols. 58–59; Barillon (London) to Louis XIV, 29 April/9 May 1686, NA, PRO 31/3/166, fol. 4r; Journal of Atkins, 15 March 1686, fol. 237v;? (London) to Ellis, 23 March 1686, BL, Add. 4194, fol. 47v; Morrice, Entering Book, 16 October 1686, DWL, 31 P, 636; N. A. M. Rodger, *The Command of the Ocean* (New York: W. W. Norton, 2004), 110–11.
 15. J. D. Davies, *Gentlemen and Tarpaulins: The Officers and Men of the Restoration Navy* (Oxford: Clarendon Press, 1991), 198; D. C. Coleman, «Naval Dockyards under the Later Stuarts», *Economic History Review*, n. s., 6, no. 2 (1953): 136, 139–41; King James's Expenses, 1685–1688, HEH, EL 8583; C. Johnston (York) to Sir John Reresby, July 1686, WYAS, MX 43/9; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 19/29 August 1686, NA, PRO 31/3/166, fol. 60r; Barillon (London) to Louis XIV, 6/16 September 1686, NA, PRO 31/3/167, fol. 8r; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 13/23 September 1686, NA, PRO 31/3/167, fol. 14; London Newsletter, 23 September 1686, FSL, L.c. 1711; Thomas Harley to Sir Edward Harley, 19 October 1686, BL, Add. 70119, unfolioed; Barillon (London) to Louis XIV, 9/19 December 1686, NA, PRO 31/3/167, fol. 62r; Bonrepaus (Windsor) to Seignelay, 8/18 August 1687, NA, PRO 31/3/172, fols. 11–12; J. R. Tanner, «The Administration of the Navy from the Restoration to the Revolution, Part III (1679–1688)», *English Historical Review* 14 (1899): 49, 52; Tanner, «The Administration of the Navy from the Restoration to the Revolution, Part III (1679–1688)»,

- English Historical Review* 14 (1899): 266–68; Edward B. Powley, *The English Navy in the Revolution of 1688* (Cambridge: Cambridge University Press, 1928), 161–71; Charles Sergison, Abstract of Workmen in the Naval Yards, August 1686, August 1688, NMM, SER/131, fols. 6r, ior; Edward Bettine, «The Method of Building», 23 April 1685, BL, Harleian 4716, fols. 67–68.
16. London Newsletter, 6 November 1686, FSL, L.c. 1730; Bonrepaus (London) to Seignelay, 5/15 May 1687, NA, PRO 31/3/169, fol. 29r; Bonrepaus (Windsor) to Seignelay, 18/28 July 1687, NA, PRO 31/3/171, fol. 88r; Pepys, *Memoires*, 130–31.
 17. David Parker, *The Making of French Absolutism* (London: Edward Arnold, 1983), 132–36; Peter Burke, *The Fabrication of Louis XIV* (New Haven and London: Yale University Press, 1992), 151–58; Edward Pelling, *A Sermon Preached at Westminster Abbey*, 26 July 1685 (London: Samuel Keble, 1685), 24; *The Speech of Sir George Pudsey, Serjeant at Law, Recorder of the City of Oxford*, 30 September 1685 (London: Timothy Goodwin, 1685), 2; *The Reward of Loyalty* (London: J. Hazzey, 1685); *The Factious Citizen, or, the Melancholy Visioner* (London: Thomas Maddocks, 1685), epilogue. См. также Jacob Bury, *Advice to the Commons* (London: Henry Hills, 1685), 49; Edward Fowler, *The Great Wickedness and Mischievous Effects of Slandering*, 15 November 1685 (London: Brabazon Aylmer, 1685), 19; and Sir George MacKenzie, *Jus Regium* (London: Richard Chiswell, 1684), 55.
 18. James Walker, «The Secret Service under Charles II and James II», *Transactions of the Royal Historical Society*, 4th Ser., 15 (1932): 214–15; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 20/30 September 1686, NA, PRO 31/3/167, fol. 20r; Hudson (London) to Gilbert Burnet, 25 April 1687, BL, Add. 41804, fol. 2/8r; *The Late Revolution: or, The Happy Change* (London: Richard Baldwin, 1690), 12.
 19. Roger Whitley (London) to Mr. Williston, 29 April 1673, British Postal Museum and Archive, POST 94/12, unfolioed; Walker, «Secret Service», 230–32; John Lauder, «Historical Observes», 1683, NLS, Adv. 24.4.6, fol. 165r; Proclamation for Enforcing ... Post Office, 7 September 1685, NA, PC2/71, fol. 72; *London Gazette*, 5 March 1685. Об использовании альтернативной доставки писем: Francis Atterbury (Christ Church, Oxford) to Jacob Tonson, 15 November 1687, FSL, Cc1(3); Sir William Boothby (Ashbourne) to Anthony Horneck, 2 December 1688, BL, Add. 71692, fol. 56r.
 20. William Alchorne to William Atwood, 31 December 1686, NA, C109/23/1; James Lunn to John Wildman, 24 September 1689, BL, Add. 61689, fol. 90rn Meredith Bromhead and Robert Mason

(Westminster) to Wildman, 5 November 1689, BL, Add. 61689, fol. 106r; Sir Daniel Fleming (Rydal) to James Holies Jr., 16 July 1686, CRO Kendal, WD/Ry3019; S G (Oxford) to James Harrington, 6 May 1688, BL, Add. 36707, fol. 28r; John Covell (Grantham) to Sancroft, 1 December 1688, Bodleian, Tanner 28, fol. 270r; Robert Frampton, bishop of Gloucester (Gloucester), to William Wake, 18 December 1687, Chrisr Church, William Wake Papers, 250, fol. 14r;? (London) to Ellis, 27 February 1686, BL, Add. 4194, fol. 41; Robert Strachan (Edinburgh) to Louis Innes, 7 January 1687, SCA, Bl 1/107/8; Lady Sunderland (Windsor) to Henry Sidney, 11 September 1688, BL, Add. 32681, fol. 309v; Owen Wynne to Trumbull, 19 November 1685, BL, Trumbull Misc. 23 (since recataloged); Earl Rivers (London) to Sidney, 17 November 1687, Nottingham SUL, PwA 2097a; Katherine Gorye (Coggeshall) to her son, 6 July 1685, BL, Add. 41804, fol. 7r; Hudson (London) to Burnet, 25 April 1687, BL, Add. 41804, fol. 278r; Winchelsea (Richmond) to earl of Weymouth, 19 July 1688, Longleat House, Thynne MSS17, fol. 194r; Sir James Haye (London) to Tweeddale, 15 July 1686, NLS, 7010, fol. 117r; Mary Thynne to Weymouth, 8 June 1688, Longleat House, Thynne MSS32, fol. 181r; R. D. (London) to?, 3 November 1688, BL, Egerton 2717, fol. 411r; Richard Leigh (London) to Sir Richard Newdigate, 1 September 1688, Warwickshire SRO, CR136/B240A; Christopher Jeaffreson (London) to?, 29 January 1686, Jeaffreson, 269; Nathaniel Cholmly (Whitby) to?, 20 January 1686, North Yorkshire SRO, ZCG, unfolioed; Henry Hunter (London) to Alexander Jacobs et al., 26 June 1688, Berkshire SRO, D/EHr/B2; William Squire (London) to James Chetwood, 18 June 1686, NA, FO 355/15, fol. 4; George Hickes (Worcester) to Thomas Turner, 20 June 1687, Bodleian, Rawlinson MSS, Letters 91, fol. 50r; Paman (London) to Lloyd, 28 October 1686, LPL, 3898/4; Thomas Birch, *The Life of the Reverend Dr. John Tillotson* (London: J. and R. Tonson et al., 1752), 94; Jo. Hill to John Swynfen, 11 November 1686, BL, Add. 29910, fol. 206r; Lawrence Clayton (London) to Sir John Percival, 2 July 1685, BL, Add. 46962, fol. 69r; C. Reresby (London) to Sir John Reresby, 23 March 1686, WYAS, MX 46/39; John Stewkeley to Sir Ralph Verney, 6 October 1686 Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Sir Ralph Verney (Claydon) to John Verney, 31 October 1686, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Sir Charles Cotterell to Katherine Trumbull, 18 March 1689, BL, Trumbull MSS39 (since recataloged); Halifax to Sir William Trumbull, 22 March 1686, BL, Trumbull Misc. 24 (since recataloged); Gilbert Dolben (London) to Sir William Trumbull, 28 January 1686, BL, Trumbull MSS54 (since recataloged).

21. Bevil Skelton (Paris) to Sunderland, 28 February/10 March 1688, NA, SP 78/151, fol. 154v; Sir Henry Brabant (Newcastle) to Sunderland, 14 November 1685, NA, SP 31/1, fol. 141; Hen. De Puy (Whitehall) to Ellis, 19 January 1686, BL, Add. 4194, fol. 14r; Jeaffreson (London) to Colonel Hill, 20 January 1686, Jeaffreson, 261; Southwell (Kingsweston) to Weymouth, 12 March 1686, Longleat House, Thynne MSS15, fol. 125v;? (London) to Louis Innes, 5 November 1688, SCA, Bl 1/119/6; Proclamation of the Mayor, Journal of Common Council, 19 January 1686, Corporation of London SRO, Journal 50, fol. 151v; Morrice, Entering Book, 14 August 1686, DWL, 31 P, 599; London Newsletter, 9 October 1688, BL, Add. 4194, fol. 366r; Whitehall Newsletter, 12 October 1688, Beinecke, OSB MSS1/Box 2/Folder 90.
22. London Newsletter, 4 September 1686, 19 January, 14 February 1688, FSL, L.c. 1704, 1910, 1919; Instructions for Sir Edmund Andros, 12 September 1686, NA, CO 5/904, fol. 148r; Newsletter from London, 16 June 1686, NA, ADM 77/3/9; Newsletter, 17 June 1686, BL, Trumbull Newsletters (since recataloged); Morrice, Entering Book, 30 October 1686, DWL, 31 P, 646; *The Designs of France against England and Holland Discovered* [1686], 1; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 19/29 August 1686, NA, PRO 31/3/166, fol. 60v; Morrice, Entering Book, 19 November 1687, DWL, 31 Q, 207; James Fraser (London) to Southwell, 12 April 1688, FSL, V.b. 287 (59); Lyttleton to Hatton, 29 March 1687, *Correspondence of the Family of Hatton*, vol. 2, ed. Edward Maunde Thompson, Camden Society, n.s., 23 (1878): 67; Henry Fleming (Oxford) to Sir Daniel Fleming, 28 July 1687, CRO Kendal, WD/Ry3122; *A Letter in Answer to Two Main Questions* (London: M. T., 1687), 2; Examination of Richard Lambert, Bookseller of York, 14 September 1687, BL, Add. 41804, fol. 315v; London Newsletter, 24 September 1687, FSL, L.c. 1861; Van Citters (London) to States General, 27 December/6 January 1687/88, BL, Add. 34510, fol. 76v; Fraser (London) to Southwell, 29 December 1687, FSL, V.b. 287 (42); Van Citters (London) to States General, 20/30 January 1688, BL, Add. 34510, fol. 78v; Edward Harley (London) to Sir Edward Harley, 15 February 1688, BL, Add. 70118, unfolioed; Robert Yard (Whitehall) to Albeville, 15 May 1688, Indiana, Albeville MSS; James Johnston (London) to?, 4 April 1688, BL, Add. 34515, fol. 61.
23. Privy Council Minutes, 6 November 1685, NA, PC2/71, fol. 79v; Evelyn, *Diary*, 5 November 1685, 4:487; Lauder, «Historical Observes», 5–6 November 1685, fol. 133r; Owen Wynne (London) to Ellis, 13 November 1686, BL, Add. 4194, fol. 107r; Stewkeley (London) to Sir Ralph Verney, 18 November 1686, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Morrice,

- Entering Book, 10 December 1686, DWL, 31 Q, 33; Van Citters (London) to States General, 28 October/7 November 1687, BL, Add. 34510, fol. 58v; John Verney (London) to Sir Ralph Verney, 6 December 1687, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; *A Proclamation Inhibiting all Persons after the Four and Twentieth Day of June Next to Use the Trade of a Pedlar or Petty Chapman, Unless They Be Licensed*, 7 May 1686 (London: Charles Bill, Henry Hills, and Thomas Newcomb, 1686); Proclamation of the Mayor, 2 June 1687, Journal of Common Council, Corporation of London SRO, Journal 50, fol. 318r.
24. Brook Bridges, Notabilia, Beinecke, OSB Shelves b.333; Newsletter from Whitehall, 21 June 1686, BL, Trumbull Newsletters (since recataloged); Wynne to Sir William Trumbull, 21 June 1686, BL, Trumbull 46 (since recataloged); Evelyn Cruickshanks, Stuart Handley and D. W. Hayton, eds., *The House of Commons, 1690–1715* (Cambridge: Cambridge University Press, 2002), 3:661; Katherine Bromfield to Sir Edward Harley, 16 May 1685, BL, Add. 70013, fol. 236r; Edward Harley to Sir Edward Harley, 9 March 1686, BL, Add. 70013, fol. 332r; John Oldmixon, *The History of England during the Reigns of the Royal House of Stuart* (London: John Pemberton et al., 1730), 697; Robert Frances, *The Dying Speech of Robert Frances of Gray's Inn*, 24 July 1685 (London: George Croom, 1685), 3; *A Warning to Traytors*, 2 July 1685 (London: E. Mallet, 1685).
25. Это впечатление основано на беглом просмотре документации графств; Amy Edith Robinson, ed., *The Life of Richard Kidder, D.D. Bishop of Bath and Wells Written by Himself* Somerset Record Society, vol. 37 (Frome: Somerset Record Society, 1924), 38–39 (далее цит. как *Life of Kidder*); Newsletter, 1687, Lancashire SRO, DD/HK/19/3/80; Newsletter (Whitehall), 19 August 1687, Beinecke, OSB MSS1/Box 2/Folder 64; Gilbert Burnet, *History of His Own Time*, 2 vols. (London: Thomas Ward, 1724), 1:591; Robert Harley to Sir Edward Harley, 9 February 1686, BL, Add. 70013, fol. 322r; London Newsletter, 27 November 1686, FSL, L.c. 1739.
26. «Tunbridge Satyr», 1686, NLS, Adv. 19.1.12, fol. 178v; Edmond Willis (Lisburne) to Sir Arthur Rawdon, 4 March 1686, HEH, HA 14664; *A Letter to the Author of the Dutch Design Anatomized*, 8 November 1688 [1688], 1; John Cotton (Stratton) to Dr. Thomas Smith, 30 June 1687, Bodleian, MS Smith 48, 253; Lauder, «Historical Observes», April 1686, fol. 127r; Richard Bentley to John Evelyn, 4 September 1686, BL, Evelyn In-Letters 2, no. 155 (since recataloged); Skelton (Paris) to Sunderland, 6/16 June 1688, NA, SP 78/151, fol. 178v; Samuel Masters, *The Case of Allegiance in Our Present Circumstances Consider'd* (London: Ric. Chiswell, 1689), 2–3.

27. Collins, *State in Early Modern France*, 116; Parker, *Making of French Absolutism*, 121. Ревизионистская позиция относительно французского абсолютизма — Nicholas Henshall, *The Myth of Absolutism: Change and Continuity in Early Modern European Monarchy* (London: Longman, 1992), 35–60, она была опровергнута в Marie-Laure Legay, *Les états provinciaux dans la construction de l'état moderne aux XVIIe et XVIIIe siècles* (Geneva: Droz, 2001); Fanny Cosandey and Robert Descimon, *L'absolutisme en France: Histoire et historiographie* (Paris: Seuil, 2002); John J. Hurt, *Louis XIV and the Parlements: The Assertion of Royal Authority* (Manchester: Manchester University Press, 2002); Edward Foss, *The Judges of England*, 9 vols. (London: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1848–64), 7:4, 201. Были заменены двенадцать из двадцати шести судей. Фосс намекает, что после увольнения всех дореволюционных судей Вильгельм и Мария никогда не увольняли судей по политическим причинам.
28. Yard to Sir William Trumbull, 26 November 1685, BL, Trumbull Newsletters (since recataloged); Wynne to Sir William Trumbull, 21 December 1685, BL, Trumbull Misc. 23, unfoliated (since recataloged); Barillon (London) to Louis XIV, 23 November/3 December 1685, NA, PRO 31/3/162, fol. 36r; Barillon (London) to Louis XIV, 25 January/4 February 1686, NA, PRO 31/3/164, fol. 1v; Bonrepas (London) to Seignelay, 11/21 February 1686, NA, PRO 31/3/164, fol. 81r; Barillon (London) to Louis XIV, 31 December/10 January 1685/86, NA, PRO 31/3/163, fol. 4v; Barillon (London) to Louis XIV, 15/25 February 1686, NA, PRO 31/3/164, fol. 17r; Barillon (London) to Louis XIV, 19/29 April 1686, NA, PRO 31/3/165, fol. 33r; Barillon (London) to Louis XIV, 22 April/2 May 1686, NA, PRO 31/3/166, fol. 1r; Lionel Glassey, *Politics and the Appointment of Justices of the Peace, 1675–1720* (Oxford: Oxford University Press, 1979), 69; J. Tucker to Arran, 23 April 1687, NAS, GD406/1/3446; Barillon (London) to Louis XIV, 15/25 April 1686, NA, PRO 31/3/165, fol. 29r; Barillon (London) to Louis XIV, 22 April/2 May 1686, NA, PRO 31/3/166, fol. 1.
29. Yard (London) to Sir Richard Bulstrode, 30 April 1686, HRC, Pforzheimer Collection; (Whitehall) to William of Orange, 1 June 1686, NA, SP 8/1/Pt. 2, fol. 73v; Nathaniel Johnston (London) to Sir John Reresby, 29 June 1686, WYAS, MX 44/32; Newsletter from Whitehall, 21 June 1686, BL, Trumbull Newsletters (since recataloged); London Newsletter, 22 June 1686, FSL, L.c. 1674. Сэр Исаак Ньютон был одним из многих, кто делал тщательные записи по этому делу: King's College, Cambridge, Keynes MSS149; *The Case of Sir Edward Hales* (London: J. Watts, 1689), 9, 11; Barillon (London) to Louis XIV, 30 November/10

December 1685/86, NA, PRO 31/3/162, fol. 40; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 24 June/4 July 1686, NA, PRO 31/3/166, fol. 30v; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 13/23 September 1686, NA, PRO 31/3/167, fol. 17r. См. также Gilbert Burnet, «Reasons against the Repealing», 1687, in *A Collection of Eighteen Papers Relating to the Affairs of Church and State during the Reign of King James the Second* (London: John Starkey and Richard Chiswell, 1689), 4; and Henry Booth, Lord Delamere, «Speech of Corruption of the Judges», in Delamere, *The Works* (London: John Lawrence and John Dunton, 1694), 138.

30. Parker, *Making of French Absolutism*, 120–22; Collins, *State in Early Modern France*, 115–16.
31. Barillon (London) to Louis XIV, 19/29 October 1685, NA, PRO 31/3/161, fol. 66v; Barillon (London) to Louis XIV, 26 October/5 November, 30 November/10 December 1685, NA, PRO 31/3/162, fols. 3, 42r; Privy Council Register, 21 October 1685, NA, PC2/71, fol. 77v; J. Taylor (London) to Sir Robert Southwell, 22 October 1685, BL, Add. 28569, fol. \$6r; Robert Harley (London) to Sir Edward Harley, 24 October 1685, BL, Add. 70013, fol. 280r; Morrice, *Entering Book*, 24 October 1685, DWL, 31 P, 483; Privy Council Register, 23 December 1685, NA, PC2/71, fol. 93r; Blathwayt (Whitehall) to Southwell, 24 December 1685, Nottingham SUL, PwV 53/15; Barillon (London) to Louis XIV, 24 December/3 January, 28 December/7 January 1685/86, NA, PRO 31/3/163, fols. 1, 2; Barillon (London) to Louis XIV, 3/13 June 1686, NA, PRO 31/3/166, fol. 19v; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 24 June/4 July 1686, NA, PRO 31/3/166, fol. 30v; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 13/23 September 1686, NA, PRO 31/3/167, fol. 14v; Barillon (London) to Louis XIV, 7/17 October 1686, NA, PRO 31/3/167, fol. 29v.
32. Yard (Whitehall) to Sir Richard Bulstrode, 9 November 1685, HRC, Bulstrode Newsletters; Barillon (London) to Louis XIV, 3/13 December 1685, NA, PRO 31/3/162, fols. 46–47; Robert Harley to Sir Edward Harley, 15 December 1685, BL, Add. 70013, fol. 304r; Wynne to Sir William Trumbull, 21 December 1685, BL, Trumbull Misc. 23 (since recataloged); Barillon (London) to Louis XIV, 28 December/7 January 1685/86, NA, PRO 31/3/163, fol. 2r; Barillon (London) to Louis XIV, 17/27 January 1687, NA, PRO 31/3/168, fol. 16v; John de la Bere (London) to Kinnard de la Bere, 29 January 1687, NA, FO 335/15, unfolioed; Barillon (London) to Louis XIV, 31 January/10 February 1687, NA, PRO 31/3/168, fol. 24r; Musgrave to Sir Thomas Clarges, 25 February 1687, CRO Kendal, WD/Ry3098; Yard (London) to Bulstrode, 28 February 1687, HRC, Bulstrode Newsletters; C. Johnston to Sir John Reresby, 21 March 1687, WYAS, MX 47/17; Fraser (London) to Ellis,

- 22 March 1687, BL, Add. 4194, fol. 163r; Nathaniel Johnston (London) to Sir John Reresby, 9 April 1687, WYAS, MX 48/35.
33. Barillon (London) to Louis XIV, 6/16 January 1687, NA, PRO 31/3/168, fol. 11r. Это был также взгляд на вигов Гилберта Бернета и лорда Деламера: Burnet, «Reasons against the Repealing», 5; Delamere, «Some Observations on the Prince of Orange's Declaration», in Delamere, *Works*, 365.
34. James II (Whitehall) to Perth, 7 March 1687, NAS, GD160/369, fols. 86–87; Barillon (London) to Louis XIV, 31 January/10 February, 7/17 February, 17/27 February, 21/31 March 1687, 27 December/6 January 1686/87, NA, PRO 31/3/168, fols. 24r, 28v, 34, 58v, 4r; Lady Sunderland to William III, 7 March 1687, NA, SP 8/1/Pt. 2, fol. 34; Yard (Whitehall) to Albeville, 15 February, 15 March 1687, Indiana, Albeville MSS; Morrice, *Entering Book*, 12 March 1687, DWL, 31 Q, 81–82; Barillon (London) to Louis XIV, 14/24 1687, NA, PRO 31/3/168, fol. 53r.
35. Barillon (London) to Louis XIV, 21/31 March, 18/28 April 1687, NA, PRO 31/3/168, fols. 57v, 75v.
36. «The King's Instructions», in *Penal Laws and Test Act*, 2 vols., ed. Sir George Duckett (London: n. p., 1883), i: ix. Интересно, что сами вопросники использовал еще Жан Батист Кольбер в 1670-х годах: Collins, *State in Early Modern France*, 112; Ailesbury, *Memoirs*, 1:164–65; Morrice, *Entering Book*, 9 February 1688, DWL, 31 Q, 236; Southwell (Kingsweston) to Weymouth, 7 November 1686, Longleat House, Thynne MSS15, fol. 143v. О регуляторах см. «Report of the Regulators to James II», 19 April 1688, *Penal Laws and Test Act*, ed. Duckett, 2:218.
37. Van Citters (London) to States General, 3/13 June 1687, BL, Add. 34510, fol. 37; Edmund Verney (East Claydon) to John Verney, 12 June 1687, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Johnston (London) to Sir John Reresby, 12 June, 5 July 1687, WYAS, MX 48/17, 29; Fraser (London) to Ellis, 9 July 1687, BL, Add. 4194, fol. 202r; H. Aubrey (Hereford) to Ellis, 24 August 1687, BL, Add. 4194, fol. 218r; J. Fitzpatrick to William III, 1 September 1687, NA, SP 8/1/Pt. 2, fol. 147r; Samuel de Pay (Windsor) to Edmund Poley, 30 September 1687. Beinecke, OSB MSS1/Box 2/Folder 67; London Newsletter, 1 November 1687, FSL, L.c. 1877; Roger Kenyon, Note, December 1687. Lancashire SRO, DD/Ke/6/26; Barillon (London) to Louis XIV, 15/25 December 1687, NA, PRO 31/3/174, fol. 45r; T. Fairfax to Reresby, 21 February 1688, WYAS, MX/R51/56; Sir John Lowther of Whitehaven (London) to Sir Daniel Fleming, 4 October 1687, CRO Kendal, WD/R53/38; Nathaniel Johnston (London) to Sir John Reresby, 18 December 1687, WYAS, MX/R50/54. Как иллюстрацию различных

- мнений см. позицию оптимиста: Johnston (London) to Reresby, 3 January 1688, WYAS, MX/R51/3; Report of the Regulators to James II, 19 April 1688, *Penal Laws and Test Act*, ed. Duckett, 2:220–21. Мнение пессимиста: Bonrepaus (London) to Seignelay 17/27 October 1687, NA, PRO 31/3/173, fol. 57r; Van Citters (London) to States General, 3/13 February 1688, BL, Add. 34510, fol. 83v. Подробнее: «Memorandum for Those That Go into the Country», 1688, All Souls College, MSS257.
38. London Newsletter, 23 July 1687, FSL, L.c. 1834; Cotterell (London) to his daughter, 16 October 1687, BL, Trumbull MSS39 (since recataloged); Newsletter, 8 December 1687, BL, Add. 34515, fol. 38v; James Tyrell (London) to John Locke, 14 December 1687, *Locke Correspondence*, 3:311–12; Robert Harley to Sir Edward Harley, 25 February 1688, BL, Add. 70014, fol. 49r; Morrice, Entering Book, 3 March 1688, DWL, 31 Q, 243–44; Report of the Regulators to James II, September 1688, *Penal Laws and Test Act*, ed. Duckett, 2:235; Paul Halliday, *Dismembering the Body Politic: Partisan Politics in England's Towns, 1650–1730* (Cambridge: Cambridge University Press, 1998), 95, 238, 248; Paman (London) to Lloyd, 18 August 1687, LPL, 3898/6/1; London Newsletter, 18 August 1687, FSL, L.c. 1845; Morrice, Entering Book, 25 February 1688, DWL, 31 Q, 239 (4); Van Citters (Windsor) to States General, 7/17 October 1687, BL, Add. 34510, fol. 51v; Mark Knights, «A City Revolution: The Remodeling of the London Livery Companies in the 1680s», *English Historical Review* 112 (1997): 1158–62; William Nott (London) to Sir Joseph Williamson, 6 October 1687, NA, SP 31/3, fol. 146r; Victor L. Stater, *Noble Government: The Stuart Lord Lieutenancy and the Transformation of English Politics* (Athens: University of Georgia Press, 1994), 166, 169–72; Jo. Cooke (Whitehall) to Poley, 11 November 1687, Beinecke, OSB MSS1/Box 2/Folder 72; Glassey, *Politics and the Appointment of Justices of the Peace*, 84–91.
39. Barillon (Windsor) to Louis XIV, 29 September/19 October 1687, NA, PRO 31/3/173, fol. 9r; John Phillips, *The Secret History of the Reigns of K. Charles II and K. James II* (London, 1690), 193.
40. Halliday, *Dismembering the Body Politic*, 239; Knights, «City Revolution», 1176. Фраза о современной политике исходит из: Mark Kishlansky, *Parliamentary Selection: Social and Political Choice in Early Modern England* (Cambridge: Cambridge University Press, 1986), 9; Andreas Schedler, «The Logic of Electoral Authoritarianism», in *Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition*, ed. Schedler (Boulder, CO: Lynn Rienner, 2006), 1–3; Bernard Grofman, ed., *Race and Redistricting in the 1990s* (New York: Agathon, 1998).

41. Halliday, *Dismembering the Body Politic*, 248; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 29 July/8 August 1686, NA, PRO 31/3/166, fol. 33v (это письмо неверно датировано); Barillon (London) to Louis XIV, 30 August/9 September 1686, NA, PRO 31/3/167, fol. 5v; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 13/23 September 1686, NA, PRO 31/3/167, fol. 16r; Barillon (London) to Louis XIV, 6/16 January 1687, NA, PRO 31/3/168, fol. 10v; Yard (Whitehall) to Albeville, 18 February, 29 March 1687, Indiana, Albeville MSS; John Verney (London) to Sir Ralph Verney, 6 December 1687, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; James Johnston (London) to?, 16 December 1687, BL, Add. 34515, fol. 42v; London Newsletter, 8 March 1688, FSL, L.c. 1925; Tanner, «Administration of the Navy», 282; Van Citters (London) to States General, 18/28 May 1688, BL, Add. 34512, fols. 79–80; Andrew Newport (Exeter) to Lord Herbert of Cherbury, 19 May 1688, NA, PRO 30/53/8, fol. 60v; Commissioners of the Customs (London) to Noble Waterhouse, 15 March 1688, HEH, STT 882.
42. Patrick K. O'Brien and Philip A. Hunt, «The Rise of a Fiscal State in England, 1485–1815», *Historical Research* 66 (June 1993): 151. Это не много, но для наших целей вполне достаточно, чтобы пересмотреть утверждения Майкла Манна о том, что повышение произошло после 1688 года и в период войны. Mann, *States, War, and Capitalism: Studies in Political Sociology* (Oxford: Blackwell, 1992), 104–11. Barillon (London) to Louis XIV, 3/13 December 1685, NA, PRO 31/3/162, fol. 43r; C. D. Chandaman, *The English Public Revenue, 1660–1688* (Oxford: Clarendon Press, 1975), 256–61, 332–33. Сэр Николас Батлер и сэр Дадли Норт также пытались повысить эффективность таможенного сбора. После революции лишь Питер Костон напомнил, что Батлер и Норт утверждали, что их работой было «получить все, что они могли сделать для короля». Peter Coston, London Customs House Committee Minutes, 1689, Guildhall Library, 8493A, fol. 21v; Richard Grassby, *The English Gentleman in Trade: The Life and Works of Sir Dudley North, 1641–1691* (Oxford: Clarendon Press, 1994), 167–76; Bonrepaus (London) to Seignelay, 29 August/8 September 1687, NA, PRO 31/3/172, fol. 62r.
43. Delamere, «Some Observations on the Prince of Orange's Declaration», in Delamere, *Works*, 355; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 10/20 September 1685, NA, PRO 31/3/161, fol. 47V; *An Account of the Pretended Prince of Wales* (1688), 6; *An Account of the Reasons of the Nobility and Gentry's Invitation* (London: Jonathan Robinson, 1688), 7–8; Evelyn, *Diary*, 7 September 1701, 5:475; Bonrepaus (Windsor) to Seignelay, 25 May/4 June 1687, NA, PRO 31/3/170, fol. 8r; Phillips,

Secret History, 159. См. также John Partridge, *Mene Mene, Tekel Upharsin* (London: Richard Baldwin, 1689), 23–24; and Gilbert Burnet, *Reasons against Repealing the Acts of Parliament Concerning the Test* (1687), 4.

44. Evelyn, *Diary*, 18 February 1685, 4:418; John Evelyn (London) to Mary Evelyn, 5 March 1685, BL, Evelyn Papers, ME2 (since recataloged); Evelyn, *Diary*, 5 March 1685, 29 December 1686, 4:419, 535; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 10/20 September 1686, NA, PRO 31/3/161, fol. 147r.
45. Barillon (London) to Louis XIV, 26 February 1685, NA, PRO 31/3/160, fol. 55v; Stewkeley to Sir Ralph Verney, 20 March 1686, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Barillon (London) to Louis XIV, 5/15 April 1686, NA, PRO 31/3/165, fol. 22r; Yard (Whitehall) to Albeville, 28 January 1687, Indiana, Albeville MSS; Thomas Booth (London) to Capt. John Booth, 24 March 1687, FSL, F.c. 28; Robert Francis Strachan (Paris) to William Leslie, 16/26 November 1685, SCA, Bl 1/92/12; Yard (London) to Bulstrode, 19 April 1686, HRC, Bulstrode Newsletters; Thomas Harley to Sir Edward Harley, 16 October 1686, BL, Add. 70119, unfolioed; Barillon (London) to Louis XIV, 21/31 October 1686, NA, PRO 31/3/167, fol. 37r; Henry Thynne (London) to Weymouth, 31 March 1687, Longleat House, Thynne MSS14, fol. 145r; Yard (Whitehall) to Albeville, 1 April 1687, Indiana, Albeville MSS; London Newsletter, 2 April 1687, BL, Add. 4182, fol. 67r; London Newsletter, 2 April 1687, FSL, L.c. 1792; Stewkeley (London) to Sir Ralph Verney, 7 April 1687, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Morrice, *Entering Book*, 16 April 1687, DWL, 31 Q, 93; Newsletter from Rome, 17 May 1687, NA, SP 85/12, fol. 187r; Barillon (London) to Louis XIV, 12/22 November 1685, NA, PRO 31/3/162, fol. 20r; Barillon (London) to Louis XIV, 25 January/4 February 1685/86, NA, PRO 31/3/164, fol. 1r; Barillon (London) to Louis XIV, 1/11 April 1686, NA, PRO 31/3/165, fol. 20v; Evelyn, *Diary*, 17 January 1687, 4:535; Van Citters (London) to States General, 1/11 April 1687, BL, Add. 34510, fol. 21r; Lyttleton to Hatton, 5 April 1687, BL, Add. 29578, fol. 99r.
46. Burnet, *History of His Own Time*, 1:683; John Lake, bishop of Chichester (Chichester), to Sancroft, 5 July 1685, Bodleian, Tanner 31, fol. 128r. См. также Cotterell to Sir William Trumbull, 26 March 1688, BL, Trumbull MSS39 (since recataloged); Halifax (London) to William III, 18 June 1687, NA, SP 8/1/Pt. 2, fol. 31; Joseph Hill (London) to Sir William Trumbull, 2 April 1686, 19 November 1687, Berkshire SRO, D/ED/C33.
47. John Leyburn to Vicars Foran, 23 June 1687, AWA, Ser. A, 35:8.

48. William Blundell, Note, in *Crosby Records: A Cavalier's Notebook*, ed. Ellison T. Gibson (London: Longmans, Green, 1880), 205; Journals, 1685, Foley, 90–91; Innes (Paris) to William Leslie, 20/30 September 1686, SCA, Bl 1/94/10; Henry Compton (епископ Лондона) to William III, 5 September 1687, NA, SP 8/2/ Pt. 2, fols. 146–47.
49. General Assembly Book of the Catholic English Clergy, 21 April 1687, AWA, Old Brotherhood Papers, 112; Leyburn to Foran, 27 June 1687, AWA, Ser. A, 35:7–8; Dodd, *History of the English College*, 31; Hickes (Worcester) to Turner, 31 December 1686, 20 June 1687, Bodleian, Rawlinson MSS, Letters 91, fols. 42r, 50; Annual Letters, 1685–1690, Foley, 526; *Life of Kidder*, 38; T. Musgrave (York) to Reresby, 20 June 1687, WYAS, MX/R50/16; A. B. (York) to Sir Daniel Fleming, 22 December 1687, CRO Kendal, WD/Ry3155; Baldock (York) to Reresby, 1 February 1688, WYAS, MX/R50/64; Foley, 394–95; Morrice, Entering Book, 8 May 1686, DWL, 31 P, 532; Supplement of the History of the English Province, 1688, Foley, 151–52; Dodd, *Church History*, 3:418.
50. Об этом процессе: Barillon (London) to Louis XIV, 15/25 March 1686, NA, PRO 31/3/165, fol. 12r; Morrice, Entering Book, 30 January 1686, DWL, 31 P, 520–21; Sunderland (Whitehall) to Sancroft, 16 November 1686, Bodleian, Tanner 30, fol. 143r; Cotterell to his daughter, May–June 1686, BL, Trumbull MSS39 (since recataloged); Tyrell (London) to Locke, 6 May 1687, *Locke Correspondence*, y.192. О содержании: London Newsletter, 4 March, 11 March, 30 September, 23 October, 14 December 1686, FSL, L.c. 1632, 1635, 1714, 1724, 1747; Sir William Coventry (London) to Weymouth, 27 February 1686, Longleat House, Thynne MSS16, fol. 420r; Sir Richard Temple, Ledgerbook, 27 February 1686, HEH, ST 152, fol. 18jr; James Johnston (London) to?, 23 May 1688, BL, Add. 34515, fol. 64v; Foley, 265–66; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 26 May/5 June 1687, NA, PRO 31/3/170, fol. 32r; London Newsletter, 26 April, 24 May, 24 September, 17 November, 31 December 1687, FSL, L.c. 1802, 1811, 1861, 1884, 1902; Wood, *Athenae*, 2:838–39; The Examination of John Taffe (Capuchin Monk), ca. 1690, BL, Add. 36913, fols. 177–78; Jesuit Annual Letters, 1685–1690, Foley, 319, 450, 526, 621, 662, 727; Rules for Catholic Clergy of Staffordshire, 1686, AWA, Ser. A, 34:1078–79; Wellwood, *Memoirs*, 195.
51. Sir William Petty, «Remedies for the King», 1687, BL, Add. 72866, fol. 59r; «Concerning the King's Wealth», 1685, BL, Add. 72866, fol. 19; «The Use and Application», 1686, BL, Add. 72866, fol. 35; «Intimations to the King», 1686/87, BL, Add. 72866, fol. 53; «Essay about the Analysis of Property», 1686/87, BL, Add. 72866, fol. 57; «Things to Be Done for

- the Public Good», 1687, BL, Add. 72866, fol. 153. For the Compton Census data, see Anne Whiteman, ed., *The Compton Census* (London: British Academy, 1986), ccxiii–ccxiv; Foley, 334; J. A. Hilton, *Catholic Lancashire* (Chichester: Phillimore, 1994), 44; John Paul Jameson (Rome) to Walter Leslie, 30 March 1685, SCA, Bl 1/91/3; Supplement of the History of the English Province, 1688, Foley, 152.
52. *His Majesties Gracious Declaration to All His Loving Subjects for Liberty of Conscience* (London: Charles Bill, Henry Hills, and Thomas Newcomb, 1687), 1–2.
 53. Sunderland (Windsor) to Sancroft, 4 September 1685, Bodleian, Tanner 31, fols. 198–99; Burnet, *History of His Own Time*, 1:639; James II to archbishops of Canterbury and York, 5 March 1686, CSPD, Ser. 4A, 2:57; Bonrepaus (London) to Seignelay, 11/21 March 1686, NA, PRO 31/3/165, fol. 79r; Newsletter to Bulstrode, 15 March 1686, HRC, Bulstrode Newsletters; Henry Thynne (London) to Weymouth, 18 March 1686, Longleat House, Thynne MSS14, fol. 109r; Barillon (London) to Louis XIV, 25 March/4 April 1686, NA, PRO 31/3/165, fol. 18r; Jonathan Trelawney to Sunderland, 21 May 1686, NA, SP 31/3, fols. 70–71.
 54. John Gother, *Good Advice to the Pulpits* (London: Henry Hills, 1687), 56–57, 67–68; Thomas Cartwright, *An Answer of a Minister of the Church of England* (London: J. L., 1687), 18, 22–23.
 55. Vincent Alsop, *Mr. Alsop's Speech to the King* [1687]; London Newsletter, 21 June 1687, FSL, L.c. 1823; «The Manifestation of Joy», April 1687, in *The Pepys Ballads*, 8 vols., ed. Hyder Edgar Rollins (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1929–32), 3:279; *A Poem Occasioned by His Majesties Most Gracious Resolution* (London: George Larkin, 1687); *The Dissenter's Description of True Loyalty* (London: Andrew Sowle, [1687]); Cartwright, *Answer of a Minister*, 22.
 56. Gother, *Good Advice*, sig. A2v; Cartwright, *Answer of a Minister*, 24; Wellwood, *Memoirs*, 196. См. также Burnet, «Letter Concerning Some Reflections», 1687, 29.
 57. Barillon (Windsor) to Louis XIV, 20/30 September 1686, NA, PRO 31/3/167, fol. 20; Jeaffreson (London) to Capt. J. Phipps, 8 September 1686, Jeaffreson, 316; Ailesbury, *Memoirs*, 1:161; *Life of Kidder*, 45; Thomas Newcome, ed., *The Life of John Sharpe*, vol. 1 (London: C. and J. Rivington, 1825), 73; Lloyd to Sancroft, 6 February 1688, Bodleian, Tanner 29, fol. 133r; James Harris to?, 22 January 1687, Bodleian, Clarendon MSS89, fol. 12r.
 58. Privy Council Minutes, 17 July 1686, NA, PC2/71, fol. 153v; J. P. Kenyon, «The Commission for Ecclesiastical Causes, 1686–1688», *Historical*

- Journal* 34, no. 3 (1991): 727–36; James II (Whitehall) to Perth, 10 February 1686, NAS, GD160/569, fol. 82r; Arundel of Wardour to Perth, 11 February 1688, NAS, GD160/529, fol. 25r. On the Edinburgh Riots, see Tim Harris, *Revolution: The Great Crisis of the British Monarchy, 1685–1720* (London: Allen Lane, 2006), 151–53. О некоторых примерах неформальных попыток подавить антикатолические проповеди см. Dolben to Sir William Trumbull, 8 February 1686, BL, Trumbull MSS54 (since recataloged); Frampton to Sancroft, 27 March 1686, Bodleian, Tanner 30, fol. 7r; Barillon (London) to Louis XIV, 3/13 June 1686, NA, PRO 31/3/166, fol. 19v; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 24 June/4 July, 1/11 July, 8/18 July, 22 July/1 August 1686, NA, PRO 31/3/166, fols. 30v, 35v, 39r, 46v.
59. Proceedings of the Ecclesiastical Commission, 3 August 1686, НЕН, HA Religious Box 2 (5); Evelyn, *Diary*, 24 June 1686, 4:516. Это дело получило широкую известность как «cause celebre». См., например, копию Джорджа Кларка среди его бумаг в Вустерском колледже, Оксфорд: Worcester College, MSS58; Barillon (London) to Louis XIV, 8 March 1685, NA, PRO 31/3/160, fol. 75v; Barillon (London) to Louis XIV, 29 March/8 April, 1/11 April 1686, NA, PRO 31/3/165, fols. 19r, 20v; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 26 July/5 August, 5/15 August 1686, NA, PRO 31/3/166, fols. 48–49, 53r; Burnet, *History of His Own Time*, 1:674.
 60. Charles Montagu (Trinity College, Cambridge) to George Stepney, 6 November 1686, NA, SP 105/82, fol. 5v; Yard (Whitehall) to Albeville, 14 January 1687, Indiana, Albeville MSS; London Newsletter, 15 January 1687, FSL, L.c. 1761; Diary of Thomas Cartwright, 31 January 1687, BL, Add. 24357, fol. 60v; Thomas Foley (Witley) to Robert Harley, 5 April 1687, BL, Add. 70226, unfoliated; (London) to Arran, 12 May 1687, NAS, GD406/1/3448; Bonrepaus (London) to Seignelay, 19/29 May 1687, NA, PRO 31/3/169, fol. 90r; Wood, *Athenae*, 2:1178; Captain Robert Parker, *Memoirs of the Most Remarkable Military Transactions* (Dublin: Geo. and Alex Ewing, 1746), 7.
 61. Morrice, *Entering Book*, 23 October 1686, DWL, 31 P, 640; Comber, *Three Considerations*, 3.
 62. London Newsletter, 4 March, 28 September, 7 October 1686, FSL, L.c. 1632, 1713, 1717; Henry Compton, *Episcopalia* (London: Timothy Westly, 1686); William Wake, *Autobiography*, 1687, LPL, 2932, fols. 22–23, 55–57; William Wake, *A Discourse Concerning the Nature of Idolatry* (London: William Rogers, 1688). It was published anonymously.
 63. Sir Leoline Jenkins (Whitehall) to Dartmouth, 4 April 1684, Beinecke, OSB Shelves fb.190, 3: fol. 223r; Cotterell to his daughter, 17 June

- 1686, BL, Trumbull MSS39 (since recataloged);? (London) to Ellis, 4 January 1687, BL, Add. 4194, fol. 130v; Dartmouth (London) to Clarendon, 31 January 1687, Glasgow SUL, MS Hunter 73 (T.3.11), fol. 25r; Bonrepaus, Report on the State of England, 1687, NA, PRO 31/3/174, fol. 84r; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 2/12 June 1687, NA, PRO 31/3/170, fol. 61r; Barillon (London) to Louis XIV, 23 December/2 January 1686/87, NA, PRO 31/3/168, fol. 1v; Thomas Booth (London) to Capt. John Booth, 8 January 1687, FSL, F.c. 25; Barillon (London) to Louis XIV, 4/14 April 1687, NA, PRO 31/3/168, fol. 66v; Daniel Defoe, *Memoirs of Publick Transactions in the Life and Ministry of His Grace the Duke of Shrewsbury* (London: Tho. Warner, 1718), 13; Petition of Four Gentlemen-Ushers, Quarter Waiters, c. 1689, CKS, U269/O73; For Anne: Barillon (London) to Louis XIV, 26 March 1685, NA, PRO 31/3/160, fol. 92v; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 17/27 June 1686, NA, PRO 31/3/166, fol. 27; Barillon (London) to Louis XIV, 3/13 March, 24 March/3 April 1687, NA, PRO, 31/3/168, fols. 48r, 61r; Edward Gregg, *Queen Anne* (New Haven and London: Yale University Press, 2001), 42–45. For Mary: William Stanley (The Hague) to Sancroft, 24 January/3 February 1688, Bodleian, Tanner 29, fol. 130; «Some Account of the Revolution», BL, Add. 9363, fol. 3v.
64. (Whitehall) to William III, 1 June 1686, NA, SP 8/1/Pt. 2, fol. 75v; Barillon (London) to Louis XIV, 27 May/6 June 1686, NA, PRO 31/3/166, fol. 16r; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 27 June/7 July 1687, NA, PRO 31/3/171, fol. 13r; Barillon (London) to Louis XIV, 14/24 October 1686, NA, PRO 31/3/167, fol. 33r; Childs, *Army*, 22–23, 193; Fraser (London) to Ellis, 9 July 1687, BL, Add. 4194, fol. 202r; Barillon (London) to Louis XIV, 9/19 June 1687, NA, PRO 31/3/170, fol. ujr; James Fitzjames, Duke of Berwick, *Memoirs of the Marshal Duke of Berwick*, vol. 1 (London: T. Cadell, 1779), 19–20; Sir Martin Beekman, «The Reasons Why I Have Been Accounted a Papist», December 1688, ed. N.B. White, *Notes and Queries* 170 (21 March 1936), 200; J. Cunningham (Cambrai) to?, 5/15 May 1688, NA, SP 8/2/Pt. 2, fol. 17.
65. Childs, *Army*, 20–21; Bonrepaus (London) to Seignelay, 12/22 September 1687, NA, PRO 31/3/172, fols. 90–91; Sir Edward Hales, Treatise on Government, 1692, AWA, Old Brotherhood Papers, Book 3/258.
66. Morrice, Entering Book, 19 February 1687, DWL, 31 Q, 71; J. Hill (Paris) to Sir William Trumbull, 15 February 1688, Berkshire SRO, D/ED/C33; Thomas Bligh (London) to his brother, 13 January 1687, PRONI, T2929/1/7; Stater, *Noble Government*, 166–67; Barillon (London) to

- Louis XIV, 25 October/4 November 1686, NA, PRO 31/3/167, fol. 40v; Glassey, *Politics and the Appointment of Justices of the Peace*, 70–77; John Miller, *Popery and Politics in England, 1660–1688* (Cambridge: Cambridge University Press, 1973), 219; Morrice, *Entering Book*, 20 November 1686, DWL, 31 Q, 10.
67. London Newsletter, 28 December 1686, FSL, L.c. 1753;? (London) to Ellis, 1 January 1687, BL, Add. 4194, fol. 126v; The Petition of His Highness Prince Rupert's Watermen, c. 1689, CKS, U269/O73; David Lemmings, *Gentlemen and Barristers: The Inns of Court and the English Bar, 1680–1730* (Oxford: Clarendon Press, 1990), 65; Goldie, «James II and the Dissenters' Revenge», 61; H.A. (Herefordshire) to Ellis, 2 August 1687, BL, Add. 28876, fol. 23r; London Newsletter, 1 November 1687, FSL, L.c. 1877.
 68. G. Reresby (Cambridge) to Reresby, 6 January 1687, WYAS, MX 49/15; T. Bedford (Trinity College, Cambridge) to Stepney, 22 July 1687, NA, SP 105/82, fol. 8r; Paman (London) to Sir Ralph Verney, 27 July 1687, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Fellows of Sidney Sussex College to Sancroft, 14 October 1688, Bodleian, Tanner 28, fol. 197r.
 69. Proceedings of the Ecclesiastical Commission, 7 April 1687, HEH, HA Religious Box 2(5); C. Reresby (London) to Sir John Reresby, 28 April 1687, WYAS, MX 49/1; Tyrrell (London) to Locke, 6 May 1687, *Locke Correspondence*, 3:192; Barillon (London) to Louis XIV, 9/19 May 1687, NA, PRO 31/3/169, fol. 62r.
 70. Bonrepaus (London) to Seignelay, 8/18 March 1686, NA, PRO 31/3/165, fols. 58–59; Evelyn, *Diary*, 5 May 1686, 4:510; Barillon (London) to Louis XIV, 6/16 September 1686, NA, PRO 31/3/167, fol. 9v; Thomas Barlow (bishop of Lincoln) to Robert Boyle, 4 January 1687, in, *The Works of the Honourable Robert Boyle*, vol. 6, ed. Thomas Birch (London: W. Johnston et al., 1772), 317; Dr. John Guise (Aleppo) to Turner, 3 March 1687, Bodleian, Rawlinson MSS, D60, fol. 94r.
 71. Gabriel Hastings (Oxford) to Huntingdon, 18 October 1686, HEH, HA 5267; Burnet, *History of His Own Time*, 1:696; Wood, *Athenae*, 2:934, 1028; R. A. Beddard, «James II and the Catholic Challenge», in *Seventeenth-Century Oxford*, ed. Nicholas Tyacke (Oxford: Clarendon Press, 1997), 921, 939; Foley, 822.
 72. Henry Aldrich, *A Reply to Two Discourses Lately Printed at Oxford* (Oxford, 1687), 2; Robert Harley to Sir Edward Harley, 12 March 1686, BL, Add. 70013, fol. 333r; Bonrepaus (Oxford) to Seignelay, 4/14 September 1687, NA, PRO 31/3/172, fol. 78r; London Newsletter, 28 September 1686, FSL, L.c. 1713; Wood, *Athenae*, 2:934.

73. Dr. Thomas Smith's Narrative, 28 March 1687, in *Magdalen College and King James II*, ed. J. R. Bloxam (Oxford: Clarendon Press, 1886), 4; London Newsletter, 9 April 1687, FSL, L.c. 1795; F. Overton to Sir Richard Temple, 2 August 1687, HEH, STT 1541; Diary of Cartwright, 22 June 1687, fol. 90v; Clarges (London) to Weymouth, 23 April 1687, Longleat House, Thynne MSS12, fol. 216v; Stewkeley (London) to Sir Ralph Verney, 9 June 1687, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Morrice, Entering Book, 11 June 1687, DWL, 31 Q, 152; London Newsletter, 14 June 1687, FSL, L.c. 1820; Thynne (London) to Weymouth, 23 June 1687, Longleat House, Thynne MSS14, fol. 163r; J. Fr. (London) to Ellis, 25 June 1687, BL, Add. 4194, fol. 200v; Samuel de Pay (Whitehall) to Poley, 29 July 1687, Beinecke, OSB MSS1/Box 2/Folder 63; Ralph Trumbull (Witney) to Sir William Trumbull, 5 October 1687, BL, Add. 72511, fol. 75v; «An Account of Magdalen College Visitation», 21 October 1687, NA, SP 8/1/Pt. 2, fol. 168v; «The Visitation of Magdalen College», 22 October 1687, Bodleian, Tanner 29, fol. 88r.
74. Wynne to Sir Robert Owen, 20 October 1687, National Library of Wales, Brogynton MSS, 860; Wynne (Whitehall) to Poley, 21 October 1687, Beinecke, OSB MSS1/Box 2/Folder 69; Magdalen College Plea, 22 June 1687, in the Newdigate Papers, Warwickshire SRO, CR136/B788; Sir Ralph Verney (Middle Claydon) to John Verney, 26 June 1687, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Thomas Ken (епископ Бата и Уэльса) to Wake, 12 August 1687, Christ Church, William Wake Papers, 250, fol. 21r; Stewkeley (London) to Sir Ralph Verney, 27 October 1687, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Wynne (Whitehall) to Poley, 28 October 1687, Beinecke, OSB MSS1/Box 2/Folder 70; Henry Holden (Oxford) to?, 31 October 1687, Magdalen College Archives, MSS421, fol. 1; London Newsletter, 28 January 1688, FSL, L.c. 1914.
75. Bonrepaus and Barillon (Oxford) to Seignelay, 4/14 September 1687, NA, PRO 31/3/172, fol. 77r; James II, Interview with Dr. Hedges, 14 October 1687, Magdalen College Archives, MSS249, fol. 91v; «Visitation of Magdalen College», 22 October 1687, fol. 88r; Thomas Cartwright, bishop of Chester, Speech to Magdalen College, [November] 1687, Beinecke, OSB Files 2854; Newsletter from London, 25 October 1687, BL, Add. 4182, fol. 70r; Bishop of Chester's Speech at Magdalen College, 16 November 1687, Warwickshire SRO, CR136/B735; London Newsletter, 25 October 1687, FSL, L.c. 1874; Henry Holden (Oxford) to?, 31 October 1687, Magdalen College Archives, MSS421, fol. 1; Angus Macintyre, «The College, King James II and the Revolution, 1687–1688», in *Magdalen*

College and the Crown: Essays for the Tercentenary of the Restoration of the College, 1688, ed. Laurence Brockliss, Gerald Harriss, and Angus Macintyre (Oxford: Printed for the College, 1988), 31–82.

76. Wynne (Whitehall) to Poley, 4 November 1687, Beinecke, OSB MSS1/Box 2/Folder 71; William Sherwin (Oxford) to Turner, 4 August 1687, Bodleian, Rawlinson MSS, Letters 91, fol. 62v; R. W. to?, November 1687, Bodleian, Tanner 29, fol. 112r.
77. Macintyre, «College, James II, and Revolution», 66; Thomas Newey (Oxford) to James Harrington, December 1687, BL, Add. 36707, fol. 17r; Edmund Verney (East Claydon) to John Verney, 4 December 1687, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Paul Foley (Oxford) to Sir Edward Harley, 20 February 1688, BL, Add. 70114, unfolioed; Moses Carter (Oxford) to Smith, 5 April 1688, Bodleian, MSS Smith 48, 47; Henry Fleming (Oxford) to Sir Daniel Fleming, 29 July 1688, CRO Kendal, WD/Ry 3230; Beddard, «James II and the Catholic Challenge», 945–47.
78. Dr. John Hough to?, 9 October 1687, LPL, MSS933/33; Proceedings of the Ecclesiastical Commission, 3 November 1687, HEH, HA Religious Box 2(5); John Freke to Locke, 3 June, 10 May 1687, *Locke Correspondence*, 3:210, 200–201.
79. Memoire de M. Robert, 27 December/6 January 1685/86, fol. 98r; Bonrepaus (London) to Seignelay, i/n March 1686, NA, PRO 31/3/165, fol. 47r; Edward Harley to Robert Harley, 8 March 1687, BL, Add. 70236, unfolioed; London Newsletter, 27 September 1687, 6 March 1688, FSL, L.c. 1862, 1924; Evelyn, *Diary*, 15 April 1688, 4:581; Burnet, *History of His Own Time*, 1:664.
80. Мне более симпатична интерпретация Роберта Гуинна: Robin Gwynn, «James II in the Light of His Treatment of Huguenot Refugees in England, 1685–1686», *English Historical Review* 92 (1977): 320–33, нежели Джона Миллера: John Miller, «The Immediate Impact of the Revocation in England», in *The Huguenots and Ireland: Anatomy of an Emigration*, ed. C. E. J. Caldicott, H. Gough, and J. — P. Pittion (Dublin: Glendale, 1987), 161–74; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 3/13 September 1685, NA, PRO 31/3/161, fol. 41v; Barillon (London) to Louis XIV, 28 January/7 February 1686, NA, PRO 31/3/164, fol. 8; Bonrepaus (London) to Seignelay, 28 December/7 January 1685/86, NA, PRO 31/3/163, fol. 31r; Bonrepaus (Calais) to Seignelay, 25 April/5 May 1686, NA, PRO 31/3/166, fol. 66; Robin Gwynn, «The Huguenots in Britain, the 'Protestant International,' and the Defeat of Louis XIV», in *From Strangers to Citizens: The Integration of Immigrant Communities in Britain, Ireland, and Colonial America, 1550–1750*, ed. Randolph Vigne and Charles Littleton (Brighton: Sussex Academic Press, 2001), 412–24;

- Sir William Trumbull, Diary, 21 September 1685, BL, Add. 52279, fol. 5r; Bonrepaus (London) to Seignelay, 24 December/3 January 1685/86, NA, PRO 31/3/163, fol. 22r;? (Whitehall) to William III, 1 June 1686, NA, SP 8/1/Pt. 2, fol. 26; Barillon (London) to Louis XIV, 19/29 April 1686, NA, PRO 31/3/165, fol. 32v.
81. Evelyn, *Diary*, 3 November 1685, 4:487; Bonrepaus (London) to Seignelay, 4/14 January 1686, NA, PRO 31/3/163, fol. 52r; London Newsletter, 13 April 1686, FSL, L.c. 1646; Barillon (London) to Louis XIV, 3/13 May, 6/16 May, 10/20 May 1686, NA, PRO 31/3/166, fols. 5r, 7v, 8r; Jeaffreson (London) to Phipps, 3 May 1686, Jeaffreson, 286. Как доказательство того, что неофициальная информация о страданиях гугенотов имела широкое хождение см. Barillon (Windsor) to Louis XIV, 21 September/1 October 1685, NA, PRO 31/3/161, fol. 51v; William Penn (London) to James Harrison, 25 October 1685, *Penn Papers*, 65–66; Lady Rachel Russell (Woburn Abbey) to Dr. Fitzwilliam, November 1685, in *Letters of the Lady Rachel Russell; from the Manuscripts in the Library at Woburn Abbey* (London: Edward and Charles Dilly, 1773), 50; Newport (London) to Herbert, 12 December 1685, NA, PRO 30/53/8, fol. 33r; Bonrepaus (London) to Seignelay, 11/21 January 1686, NA, PRO 31/3/163, fols. 63–64; Nathaniel Cholmley (Whitly) to John Evance, 18 January 1686, North Yorkshire SRO, ZCG, unfolioed; Tweeddale (London) to Lord Yester, 19 January 1686, NLS, 7026, fol. 33r; Henry Compton (bishop of London), Circular Letter, 2 April 1686, Bodleian, Tanner 30, fol. 10r; Will Haward (London) to Smith, 4 December 1686, Bodleian, MSS Smith 50, 57.
82. Van Citters (London) to States General, 1/11 June 1686, BL, Add. 34512, fol. 35v;? (Whitehall) to William III, 1 June 1686, NA, SP 8/1/Pt. 2, fol. 26; Barillon (London) to Louis XIV, 28 October/7 November 1686, NA, PRO 31/3/167; Barillon (London) to Louis XIV, 9/19 November 1685, NA, PRO 31/3/162, fol. 17; Barillon (London) to Louis XIV, 15/25 February 1686, NA, PRO 31/3/164, fols. 18–19; Newsletter, 8 March 1686, HRC, Bulstrode Newsletters; Francis Thompson (Whitehall) to Sir William Trumbull, 29 April 1686, BL, Trumbull Misc. 24 (since recataloged); Barillon (London) to Louis XIV, 9/19 November 1685, NA, PRO 31/3/162, fol. 17r; Barillon (London) to Louis XIV, 19/29 April 1686, NA, PRO 31/3/165, fol. 32v; John Verney (London) to Sir Ralph Verney, 13 April 1686, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Bonrepaus (London) to Seignelay, 29 March/8 April 1686, NA, PRO 31/3/165, fol. 101r; Bonrepaus (London) to Seignelay, 11/21 November 1687, NA, PRO 31/3/173, fol. 117r.

Соппротивление католической модернизации

1. James II's Speech to His Irish Parliament, 15 May 1689, HEH, EL 9882; Henry St. John, Viscount Bolingbroke, «Dissertation upon Parties», 1733–34, in *The Works*, vol. 2 (Philadelphia: Cary and Hart, 1841), 75; Sir Joseph Williamson, 26 April 1690, Grey, 10:86–87.
2. Яков был не только заинтересован в создании хорошо организованной и вооруженной армии — он также активно стремился разоружить английское гражданское общество: Sunderland to?, 6 December 1686, WYAS, MX 33/3; Daniel Fleming to constables in Kendal and Lonsdale Wards, 12 January 1687, Cumbria SRO, Kendal, WD/R Y Box 35; Robert Harley to Sir Edward Harley, 10 November 1685, BL, Add. 70013, fol. 290r; Owen Wynne to Sir William Trumbull, 9 November 1685, BL, Trumbull Misc. 23 (since recataloged); Sir Thomas Clarges, 12 November 1685, DWL, 31 T 3, 3; William Bridgeman (Whitehall) to Sir William Trumbull, 12 November 1685, BL, Trumbull Misc. 23 (since recataloged); Francis Cholmondley to Richard Legh, 16 November 1685, JRL, Legh of Lyme MSS, Box 2/Folder 17; Newsletter from Whitehall, 9 November 1685, BL, Trumbull Newsletters (since recataloged); Newsletter from Whitehall, 16 November 1685, BL, Trumbull Newsletters (since recataloged); Barillon (London) to Louis XIV, 23 November/3 December 1685, NA, PRO 31/3/162, fols. 35–36; *Memoirs of the Late Right Honourable John Lord Haversham* (London: J. Baker, 1711), 3; Newsletter from Whitehall, 19 November 1685, BL, Trumbull Newsletters (since recataloged); Barillon (London) to Louis XIV, 19/29 November, 23 November/3 December 1685, NA, PRO 31/3/162, fols. 32v, 34–35; Gilbert Dolben (London) to Sir William Trumbull, 12 November 1685, BL, Trumbull MSS54 (since recataloged).
3. Barillon (London) to Louis XIV, 3/13 December 1685, NA, PRO 31/3/162, fol. 44; Robert Yard (Whitehall) to Sir Richard Bulstrode, 20 November 1685, HRC, Bulstrode Newsletters; J. Tucker (Whitehall) to Sir William Trumbull, 23 November 1685, BL, Trumbull Misc. (since recataloged).
4. Sir Ralph Verney (Claydon) to John Verney, 2 August 1685, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; John Eames (Ailesbury) to Huntingdon, 23 July 1685, HEH, HA 2404; Eames (Ailesbury) to Huntingdon, 25 July 1685, HEH, HA 2405; Thoresby, *Diary*, 1685, 1:181; C. Hatton (Carlisle) to Huntingdon, 16 May 1687, HEH, HA 6225; Charles Morgan (Hull) to Huntingdon, 26 September 1685, HEH, HA 9383; Talbot Lascelles (Hull) to Huntingdon, 21 February 1686, HEH, HA 8156; William Blathwayt (Windsor) to Lord Langdale, 3 March

- 1688, NA, WO 4/1, fol. 50v;? (York) to Sir John Reresby, 29 February 1688, WYAS, MX/ R53/6; T. Fairfax (York) to Reresby, 3 March 1688, WYAS, MX/R54/1; Charles Macarty (Guernsey) to Blathwayt, 12 September 1686, Beinecke, OSB MSS2/Box 6/Folder 121; Macarty (Guernsey) to?, 11 June 1687, Beinecke, OSB MSS2/Box 6/Folder 121; Memoire de M. Robert, 27 December/6 January 1685/86, NA, PRO 31/3/163, fol. 82r; Eames (Chester) to Huntingdon, 9 March 1687, HEH, HA 2407; Sir Nicholas Slanning (Salisbury) to Blathwayt, 2 November 1686, Beinecke, OSB MSS2/Box 8/Folder 172; Roger Morrice, Entering Book, 6 August 1687, DWL, 31 Q, 164; Deposition of Robert Vesey, Jasper Green, and William Green, 2 March 1686, Staffordshire SRO, D(w) 1778/I/1/1158 B (отчет по сообщениям сэра Джорджа Мура); Barillon (London) to Louis XIV, 27 May/6 June 1686, NA, PRO 31/3/166, fol. 16v.
5. Blathwayt (London) to Sir Robert Douglas, 16 October 1686, NA, WO 4/1, fol. 18v; William Hamilton (Whitehall) to Earl of Arran, 26 April 1687, NAS, GD406/1/3467; Dr. Henry Paman (London) to Sir Ralph Verney, 17 August 1687, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; George Bulle (York) to Reresby, 15 January 1686, WYAS, MX 43/29; Thomas Comber (York) to William Sancroft, 15 January 1687, Bodleian, Tanner 30, fol. 176r;? (York) to Reresby, 29 February 1688, WYAS, MX/R53/6.
 6. Gilbert Burnet, «A Letter concerning Some Reflections», 1687, in Burnet, *A Collection of Papers Relating to the Present Juncture of Affairs in England* (1688/89), 26–27.
 7. Evelyn, *Diary*, 4 December 1685, 9 June 1686, 12 June 1687, 24 August 1688, 4:490, 514, 553, 596–97; Charles Jackson, ed., *The Diary of Abraham De La Pryme*, Publications of the Surtees Society, vol. 54 (Published for the Society, 1869–70), 1686, 8; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 29 September/9 October 1687, NA, PRO 31/3/173, fol. 9r. См. также Hamilton (Hamilton) to Arran, 8 May 1688, NAS, GD406/1/7593; Sir David Nairne, Journal, April 1686, NLS, 14266, fol. 7v; «A Letter Sent to Every English Merchant in the United Provinces», 8/18 September 1686, BL, Add. 41820, fol. 3r; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 1/11 July 1686, NA, PRO 31/3/166, fol. 36r; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 13/23 June 1687, NA, PRO 31/3/170, fol. 138r; Barillon (Bath) to Louis XIV, 6/16 September 1687, NA, PRO 31/3/172, fol. 151r.
 8. Barillon (London) to Louis XIV, 23 February/5 March 1685, NA, PRO 31/3/160, fol. 68r; R. L. to mayor of Bridgewater, 24 February 1685, NA, SP 31/1, fol. 40; Burnet, «Letter Concerning Some Reflections», 26; Morrice, Entering Book, 8 January 1687, DWL, 31 Q, 40; Richard Grassby, *The English Gentleman in Trade: The Life and Works of Sir Dudley North, 1641–1691* (Oxford: Clarendon Press, 1994), 162–76.

9. Henry Newcome, 17 January 1686, in *The Autobiography of Henry Newcome*, vol. 2, ed. Robert Parkinson, Chetham Society 27 (Manchester: Chetham Society, 1852), 261 (далее цит. как Newcome, *Autobiography*); William Haward (Scotland Yard) to Dr. Thomas Smith, 19 January 1686, Bodleian, MSS Smith 50, 45; Newcastle (Wellbeck) to Reresby, 22 January 1686, WYAS, MX 34/7.
10. Barillon (Windsor) to Louis XIV, 28 June/8 July 1686, NA, PRO 31/3/166, fol. 32r; Gilbert Burnet, *Reasons against Repealing the Acts of Parliament Concerning the Test* (1687), 5.
11. Dolben (London) to Sir William Trumbull, 22 January 1686, BL, Trumbull MSS54 (since recataloged); Henry Howard, Information against People of Buckinghamshire (George Danver), 3 December 1688, HEH, STT Manorial Box 6 (41); Thomas Legh (London) to Richard Legh, 14 May 1685, JRL, Legh of Lyme, Box 2/Folder 15; Letter from a Father in London, 18 May 1685, Foley, 77; Newsletter, 13 August 1687, BL, Add. 4194, fol. 213r; Newsletter (Whitehall), 17 August 1688, Beinecke, OSB MSS1/Box 2/Folder 88; Edward Scott (Guernsey) to Blathwayt, 2 April 1688, Beinecke, OSB MSS2/Box 8/Folder 170.
12. Barillon (London) to Louis XIV, 22 October/1 November 1688, MAE, CP/Angleterre 167, fol. 2v; Morrice, Entering Book, 25 February 1688, DWL, 31 Q, 239 (4); Newsletter [James Johnston], 27 February 1688, BL, Add. 34515, fol. 51r; William Westby, Memoirs, 2 March 1688, FSL, Va. 469, fol. 15r; London Newsletter, 24 September 1687, FSL, L.c. 1861; Henry Rowe (Wigan) to Richard Kenyon, 6 September 1688, HMC Kenyon, 196; London Newsletter, 12 January 1688, FSL, L.c. 1907; Van Citters (London) to States General, 3/13 January 1688, BL, Add. 34510, fol. 77; Paul Halliday, *Dismembering the Body Politic: Partisan Politics in England's Towns, 1650–1730* (Cambridge: Cambridge University Press, 1998), 248–49, 255.
13. Barillon (Windsor) to Louis XIV, 13/23 September 1686, NA, PRO 31/3/167, fol. 16r; Danby (London) to William, 27 March 1688, NA, SP 8/1/Pt. 2, fol. 198r; Halifax (London) to William, 12 April 1688, NA, SP 8/1/Pt. 2, fol. 203; James Johnston to? 25 November 1687, Nottingham SUL, PwA 2103; James Johnston to?, 8 December 1687, Nottingham SUL, PwA 2110a. For Tories, см. также: Bath (Stowe) to? Sunderland, 28 September 1688, NA, SP 8/2/Pt. 2, fol. 21. For Whigs, см. также: Sir John Lowther, *Memoirs of the Reign of James II* (London: H. G. Bohn, 1857), 459; Gilbert Burnet, «Reasons against Repealing», 1687, in *A Collection of Eighteen Papers Relating to the Affairs of Church and State during the Reign of King James the Second* (London: John Starkey and Richard Chiswell, 1689), 5; and «To the King», 1694, HEH, EL 9925.

14. Bonrepaus (London) to Seignelay, 12/22 September 1687, NA, PRO 31/3/172, fols. 91–94A; Bonrepaus (London) to Seignelay, 29 September/9 October 1687, NA, PRO 31/3/173, fols. 17–18; Bonrepaus (London) to Seignelay, 24 November/4 December 1687, NA, PRO 31/3/174, fols. 6–7; Barillon (London) to Louis XIV, 21 November/1 December 1687, NA, PRO 31/3/174, fol. 1; Barillon (London) to Louis XIV, 19/29 January, 16/26 February 1688, NA, PRO 31/3/175, fols. 17r, 56r; Barillon (London) to Louis XIV, 3/13 May 1688, NA, PRO 31/3/177, fol. 16r; Philippe Hoffmann (London) to Leopold, 6/16 January 1688, Campana, 1:160–64; Antoine Moreau (The Hague) to king of Poland, 29 November/9 December 1687, 27 December/6 January, 17/27 January, 17/27 April 1688, all in BL, Add. 38494, fols. 3r, 10v, 20r, 59r.
15. Yard (Whitehall) to Albeville, 20 July, 21 July 1688, Indiana, Albeville MSS; George Vernon (Derby) to Huntingdon, 6 August 1688, HEH, HA 12980; Morrice, Entering Book, 8 September 1688, DWL, 31 Q, 291; James Wellwood, *Memoirs*, 3rd ed. (London: Tim. Goodwin, 1700), 213–14; Bonrepaus (London) to Seignelay, 12/22 September 1687, NA, PRO 31/3/172, fol. 93r; Bonrepaus (London) to Seignelay, 10/20 October 1687, NA, PRO 31/3/173, fol. 39r; Barillon (London) to Louis XIV, 5/15 January 1688, NA, PRO 31/3/175, fol. tor; Van Citters (London) to States General, 2/12 March 1688, BL, Add. 34510, fols. 99–100; Moreau (The Hague) to king of Poland, 20/30 March 1688, BL, Add. 38494, fol. 51. См. также George Mackenzie (Edinburgh) to William, 29 June 1687, NA, SP 8/1/Pt. 1, fol. 44; Cary Gardiner (London) to Sir Ralph Verney, 8 August 1688, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Westby, Memoirs, 17 August 1688, fol. 34v; Clarendon (London) to William, 15 December 1687, NA, SP 8/1/Pt. 2, fol. 188; and Halifax (London) to William, 25 July 1688, NA, SP 8/1/Pt. 2, fol. 244r.
16. Information to William, 1688, NA, SP 8/2/Pt. 2, fol. 51; Gardiner (London) to Sir Ralph Verney, 30 July 1688, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Theophilus Brookes (Hormark) to Huntingdon, 8 August 1688, HEH, HA 1041; Col. John Hales (Canterbury) to Blathwayt, 9 September 1688, Beinecke, OSB MSS2/Box 4/Folder 92; Henry Fleming (Oxford) to Sir Daniel Fleming, 20 September 1688, Cumbria SRO, Kendal, WD/Ry 3258.
17. James Fraser (London) to Sir Robert Southwell, 7 July, 29 July 1688, FSL, V.b. 287 (77, 82); Halifax (London) to William, 25 July 1688, NA, SP 8/1/Pt. 2, fol. 244v; Sir William Boothby (Ashbourne) to Dr. Anthony Horneck, 23 September 1688, BL, Add. 71692, fol. 33v. См. также Van Citters (London) to States General, 7/17 September 1688, BL, Add. 34510, fol. 143v.

18. Lord Chancellor Jeffreys, «An Account of the Proceedings ... against the Lord Bishop of London», 4 August 1686, LPL, Fulham Papers/Compton MSS2, fol. 68v; Thomas Pennington to Earl of Strafford, 13 August 1686, BL, Add. 31141, fol. 9r; Wynne to Sir William Trumbull, 15 July 1686, NL, Trumbull MSS46, unfolioed (since cataloged); Evelyn, *Diary*, 14 July 1686, 4:519; Gardiner to Sir Ralph Verney, 4 August 1686, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; *The King's Power in Ecclesiastical Matters Truly Stated* [1686?], 8.
19. Christopher Jeaffreson (London) to Major Crispe, 8 September 1686, Jeaffreson, 307; Sir Ralph Verney (Middle Claydon) to Edward Verney, 15 August 1686, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Sir Ralph Verney (Middle Claydon) to Paman, 5 September 1686, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; «The Bishop of London's Own Defence», August 1686, Warwickshire SRO, CR136/B791; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 13/23 September 1686, NA, PRO 31/3/167, fol. 14v; Dr. John Guise (Aleppo) to Dr. Thomas Turner, 3 March 1687, Bodleian, Rawlinson MSS, D60, fol. 94r. См. также London Newsletter, 14 August 1686, FSL, L.c. 1696; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 9/19 September 1686, NA, PRO 31/3/169, fol. 10; and Huntingdon (Kempton Park) to Dr. Grey, 31 August 1686, HEH, HA 6055.
20. Jeffreys, «Account of the Proceedings», 9 August 1686, fol. 71r; Southwell (Kingsweston) to Weymouth, 10 August 1686, Longleat House, Thynne MSS15, fol. 139; Evelyn, *Diary*, 8 September 1686, 4:524; *A Letter to a Gentleman at Brussels*, 22 December 1688 (London, 1689), 14–15. См. также William Stanley (Dieren) to Compton, 16/26 August 1686, Bodleian, Rawlinson MSS, C983, fol. 101r; and Barillon (London) to Louis XIV, 26 August/5 September 1686, NA, PRO 31/3/167, fol. 3r.
21. Barillon (Windsor) to Louis XIV, 19/29 August 1686, NA, PRO 31/3/166, fol. 61r; Morrice, *Entering Book*, 14 August, 21 August 1686, DWL, 31 P, 602, 611, 613. Я не согласен с утверждением Дугласа Р. Лэйси о том, что это уникальный момент: Lacey, *Dissent and Parliamentary Politics in England, 1661–1689* (New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1969), 177; Sir John Lowther, 9 August 1686, in *A Complete Collection of State Trials*, vol. 11, ed. T. B. Howell (London: T. C. Hansard, 1811), 1160.
22. William Sherwin (Oxford) to Thomas Turner, 27 June 1687, Bodleian, Rawlinson MSS, Letters 91, fol. 58v; Henry Care, *A Vindication of the Proceedings of His Majesties Ecclesiastical Commissioners* (London: Tho. Milboun, 1688), 1–2; Gilbert Burnet, *History of His Own Time*, 2 vols. (London: Thomas Ward, 1724), 1:701; Barillon (Bath) to Louis XIV, 6/16 September 1687, NA, PRO 31/3/172, fol. 151r; Barillon (London)

- to Louis XIV, 21 November/31 December 1687, NA, PRO 31/3/174, fol. 1r; *A Memorial of God's Last Twenty-Nine Years Wonders in England* (London: J. Rawlins, 1689), no; *A Letter to a Gentleman at Brussels*, 22 December 1688, 15.
23. Southwell (Kingsweston) to Weymouth, 18 July 1687, Longleat House, Thynne MSS15, fol. 190; J. R. Bloxam, ed., *Magdalen College and King James II* (Oxford: Clarendon Press, 1886), 219, 222–23; Thomas Ken (епископ Бата и Уэльса) to William Wake, 28 December 1687, Christ Church, William Wake Papers, 250, fol. 28r; Barillon (London) to Louis XIV, 21 November/1 December 1687, NA, PRO 31/3/174, fol. 1r; Newsletter, 8 December 1687, BL, Add. 34515, fols. 39–40; Burnet, *History of His Own Time*, 1:701.
 24. James Johnston to?, 21 December 1687, Nottingham SUL, PwA 2120b; James Johnston (London) to?, BL, Add. 34515, fol. 43r; Charles Caesar, *Numerus Infaustus* (London: Ric. Chiswell, 1689), 114–15; Daniel Defoe, *The Advantages of the Present Settlement* (London: Richard Chiswell, 1689), 11.
 25. Samuel Johnson, *A Letter from a Freeholder* (1688), 3; Sir Richard Cocks, «A Charge», Michaelmas 1695, Bodleian, Eng.Hist.b.209, fol. 301; Bloxam, ed., *Magdalen College and James II*, 230, 253. См. также Wellwood, *Memoirs*, 206.
 26. *Life of James II*, 2:152; William Butterfield (Middle Claydon) to Sir Ralph Verney, 13 May 1688, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Simon Patrick, Autobiography, in *The Works of Symon Patrick*, vol. 9, ed. Alexander Taylor (Oxford: Oxford University Press, 1858), 510–11; Earl of Clarendon, Diary, 12 May 1688, Singer, 2:171. Епископ Лондонский тоже присутствовал, но ничего не подписал — предположительно потому, что он уже был объявлен временно отстраненным от должности. Епископы впоследствии отписали другим не присутствовавшим епископам, и все, кроме епископов Рочестера, Дарема, Честера и Сент-Дэвида — согласились поддержать ходатайство: Yard (Whitehall) to Albeville, 22 May 1688, Indiana, Albeville MSS; William Beaw, bishop of Llandaff, to Sancroft, 27 May 1688, Bodleian, Tanner 28, fol. 44r; Thomas Smith, bishop of Carlisle, to Sir Daniel Fleming, 2 June 1688, Cumbria SRO, Kendal, WD/Ry 3203; Smith to Francis Turner, 4 June 1688, Bodleian, Tanner 28, fol. 50r; James Johnston to Dr. John Hutton, 23 May 1688, Nottingham SUL, PwA 2161; Morrice, *Entering Book*, 19 May 1688, DWL, 31 Q, 255.
 27. W. E. Buckley, ed., *Memoirs of Thomas, Earl of Ailesbury*, 2 vols. (Westminster: Nichols and Sons, 1890), 170 (далее цит. как *Ailesbury, Memoirs*); Bishops' Petition, 18 May 1688, Bodleian, Tanner 28, fol. 35ar;

- Sir Charles Cotterell to Sir William Trumbull, 28 May 1688, BL, Trumbull MSS39 (since recataloged).
28. Yard (Whitehall) to Albeville, 25 May 1688, Indiana, Albeville MSS; Barillon (London) to Louis XIV, 21/31 May 1688, NA, PRO 31/3/177, fol. 42; Southwell (Kingsweston) to Weymouth, 21 May 1688, Longleat House, Thynne MSS15, fol. 235; Smith to Sir Daniel Fleming, 2 June 1688, CRO Kendal, WD/Ry 3203; Patrick, Autobiography, 511–12; William Sancroft, «Some Proceedings», 18 May 1688, Bodleian, Tanner 28, fol. 38v; Jo. Cooke (Whitehall) to Edmund Poley, 25 May 1688, Beinecke, OSB MSS1/Box 2/Folder 79; *Life of James II*, 2:155.
 29. Согласно имеющимся записям, декларация была прочитана как минимум в шести приходских церквях в городе и пригороде: A. M. (London) to James Harrington, May 1688, BL, Add. 36707, fol. 27r; Clarendon, Diary, 16 May 1688, 2:172; Van Citters (London) to States General, 18/28 May 1688, BL, Add. 34512, fol. 80v; Edward Harley to Sir Edward Harley, 19 May 1688, BL, Add. 70014, fol. 68r; Clarendon, Diary, 20 May 1688, 2:172–73; Yard (Whitehall) to Albeville, 22 May 1688, Indiana, Albeville MSS; John Horton (London) to Viscount Hatton, 22 May 1688, BL, Add. 29563, fol. 162r; Wynne (Whitehall) to Poley, 25 May 1688, Beinecke, OSB MSS1/ Box 2/Folder 79; Yard (Whitehall) to Albeville, 25 May 1688, Indiana, Albeville MSS; Morrice, Entering Book, 26 May 1688, DWL, 31 Q, 261; Yard to Albeville, 29 May 1688, Indiana, Albeville MSS; *A Letter from a Clergy-Man in the City to His Friend in the Country*, 22 May 1688, 8; Westby, Memoirs, 20 May 1688, fol. 21v; *An Answer to the City Ministers Letter from His Country Friend* (1688), 1; Westby, Memoirs, 27 May 1688, fols. 22–23; Van Citters (London) to States General, 15/25 June 1688, BL, Add. 34510, fol. 132v; Patrick, Autobiography, 512; Butterfield (Middle Claydon) to Sir Ralph Verney, 20 May 1688, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Thomas Newey (Oxford) to Harrington, 30 May 1688, BL, Add. 36707, fol. 28v; Brookes (Hormark) to Huntingdon, 2 June 1688, HEH, HA 1040; Smith to Francis Turner, 4 June 1688, Bodleian, Tanner 28, fol. 50v; Mary Thynne (Longleat) to Weymouth, 8 June 1688, Longleat House, Thynne MSS32, fol. 181v; Yard (Whitehall) to Albeville, 8 June 1688, Indiana, Albeville MSS; Willoughby, Lord Aston (Tiscall, Staffordshire) to Sunderland, 9 June 1688, NA, SP 31/4, fol. 42r; Andrew Newport (Exeter) to Lord Herbert of Cherbury, 9 June 1688, NA, PRO 30/53/8, fol. 63r; Sir Ralph Verney (Middle Claydon) to Edmund Verney, 10 June 1688, Buckinghamshire SRO, Verney MSS.
 30. Во внутренних королевских кругах имелись резкие разногласия по вопросу, как следует действовать. Однако сам Яков, судя по всему,

никогда не колебался: Barillon (London) to Louis XIV, 24 May/3 June 1688, NA, PRO 31/3/177, fols. 56–57; Clarendon, Diary, 14 June 1688, 2:177; *Life of James II*, 2:157–58; Minutes for His Grace of Canterbury to Have Been Spoken at the Trial, June 1688, Bodleian, Tanner 28, fol. 98r; Speech of Bishop of St. Asaph Not Spoken, 29 June 1688, BL, Add. 72426, fol. 103r.

31. Charles Dodd, *The Church History of England*, 3 vols. (Brussels, 1742), 3:420; Nathaniel Johnston (London) to Reresby, 9 April 1687, WYAS, MX 48/35; Albeville (The Hague) to Middleton, 29 July/8 August 1687, BL, Add. 41815, fol. 21r; Barillon (London) to Louis XIV, 20/30 October 1687, NA, PRO 31/3/173, fol. 65v; Paman (London) to Sir Ralph Verney, 21 November 1687, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Henry Care, *Draconica* (London: George Larkin, 1687), 2; *An Answer from the Country to a Late Letter to a Dissenter* (London: M. R., 1687), 5–6, 20; Samuel Parker, *Reasons for Abrogating the Test* (London: Henry Bonwicke, 1688); London Newsletter, 17 December 1687, FSL, L.c. 1896; Anthony Wood, *Athenae Oxonienses*, 3 vols., 2nd ed. (London: R. Knaplock, D. Midwinter, J. Tonson, 1721), 2:820; London Newsletter, 3 September, 15 September 1687, FSL, L.c. 1852, 1857; James Fraser (London) to Southwell, 18 September 1687, FSL, V.b. 287 (32); London Newsletter, 20 September 1687, FSL, L.c. 1859; Robert Harley (Witby) to Sir Edward Harley, 26 September 1687, BL, Add. 70014, fol. 41v; Sir Edward Harley (Brampton Bryan) to Robert Harley, 28 September 1687, BL, Add. 70253, unfolioed; Povey (Whitehall) to Southwell, 8 October 1687, Nottingham SUL, PwV 61/29; Barillon (London) to Louis XIV, 20/30 October 1687, NA, PRO 31/3/173, fol. 65v; Morrice, Entering Book, 29 October 1687, DWL, 31 Q, 182; James Johnston to?, 4 January 1688, Nottingham SUL, PwA 2124g; «Savliana», post-1695, BL, Althorp C8; Henry Care, *Animadversions on a Late Paper* (London: John Harris, 1687), 7–8; Edmund Elys, «The Third Letter to the Truly Religious and Loyal Gentry», 1687, Bodleian, Tanner 29, fol. 15v; Roger L'Estrange, *An Answer to a Letter to a Dissenter* (London: R. Sare, 1687), 47–48; *A Letter in Answer to Two Main Questions* (London: M. T., 1687), 1; Henry Neville Payne, *An Answer to a Scandalous Pamphlet* (London: N. T., 1687), 5; Lady Rachel Russell to Dr. Fitzwilliam, 1 April 1687, in *Letters of the Lady Rachel Russell; from the Manuscripts in the Library at Woburn Abbey* (London: Edward and Charles Dilly, 1773), 77; Yard (Whitehall) to Albeville, 1 April 1687, Indiana, Albeville MSS; Duke of Hamilton (London) to Duchess of Hamilton, 10 November 1687, NAS, GD406/1/7673; London Newsletter, 8 February 1688, FSL, L.c. 1918; Westby, Memoirs, 9 February 1688, fol. 12r.

32. Fraser (London) to Southwell, 7 January 1688, FSL, V.b. 287 (44); Hoffmann (London) to Leopold, 20/30 January 1688, in *Les derniers Stuarts*, ed. Campana, 1:166; On Monsieur Fagel's Letter, 1688, Georgetown SUL, Milton House Archives, Box 3/Folder 16; London Newsletter, 9 January 1688, HRC, Pforzheimer/Box 10/Folder 5; Letter from England, 12 January 1688, Nottingham SUL, PwA 2126 b-c; London Newsletter, 12 January 1688, FSL, L.c. 1907; Louis Innes (London) to Charles Whyteford, 16 January 1688, SCA, Bl 1/113/6; Albeville (The Hague) to Middleton, 24 January/3 February 1688, BL, Add. 41815, fol. 127r; Morrice, Entering Book, 28 January 1688, DWL, 31 Q, 234; George Etherege (Ratisbon) to Albeville, 20 February/1 March 1688, Indiana, Albeville MSS; Robert Banks (Hoston) to Reresby, 7 March 1688, WYAS, MX/R51/61; Sunderland to Reresby, 28 February 1688, CSPD, 3:153; Sunderland to mayor of Bristol, 15 March 1688, CSPD, 3:166; Newsletter, 4 April 1688, BL, Add. 34515, fol. 61r; Westby, Memoirs, 1688, January 1688, fols. 3r, 7v; London Newsletter, 24 January 1688, FSL, L.c. 1912; Sir John Lowther of Whitehaven (London) to Sir Daniel Fleming, 31 January 1688, Cumbria SRO, Kendal, WD/Ry 3175; Westby, Memoirs, February 1688, fol. 14r; Sir Daniel Fleming (Rydal) to Lowther, 6 April 1688, Cumbria SRO, Carlisle, D/ Lons/Li/33.
33. George Savile, Marquis of Halifax, *A Letter to a Dissenter* (London: G. PL, 1687), 5–6; Edmund Everard (Amsterdam) to Bevil Skelton, December 1686/January 1687, BL, Add. 41818, fol. 205r; Gilbert Burnet, *The Bishop of Salisbury His Speech in the House of Lords* (London, 1710), 12–13; *Letter from a Clergy-Man in the City*, 6; Letter to Viscount Hatton, 30 June 1688, BL, Add. 29563, fol. 207r; Newsletter from London, 2 July 1688, BL, Add. 34487, fol. 8r; Lowther, *Memoirs*, 467; H. Hall (London) to Justice Dawtrey, 2 July 1688, Essex SRO, D/DFa/F22. См. также Yard (Whitehall) to Albeville, 15 March 1687, Indiana, Albeville MSS; Wellwood, *Memoirs*, 210; and Barillon (London) to Louis XIV, 21/31 May 1688, NA, PRO 31/3/177, fols. 43–44.
34. Van Citters (London) to States General, 8/18 June 1688, BL, Add. 34510, fol. 126v;? (London) to Harrington, 9 June 1688, BL, Add. 36707, fol. 31r; Morrice, Entering Book, 9 June 1688, DWL, 31 Q, 268; Cary Stewkley (London) to Sir Ralph Verney, 12 June 1688, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Van Citters (London) to States General, 12/22 June 1688, BL, Add. 34510, fols. 129–30; Denton (London) to Sir Ralph Verney, 13 June 1688, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Dr. John Nalson to his wife, 14 June 1688, Bodleian, Tanner 28, fol. 64r; John Stewkley (London) to Sir Ralph Verney, 14 June 1688, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Southwell to Weymouth, 15 June 1688, Longleat

- House, Thynne MSS15, fol. 244; Clarendon, Diary, 15 June 1688, 2:177; Letter to Viscount Hatton, 16 June 1688, BL, Add. 29563, fol. 192r; John Verney (London) to Sir Ralph Verney, 20 June 1688, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Diary of Mary Woodforde, 8 June 1688, in *Woodforde Papers and Diaries*, ed. Dorothy Heighes Woodforde (London: P. Davies, 1932), 17; Sir Ralph Verney (Middle Claydon) to Edmund Verney, ca. 29 June 1688, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Boothby (Asbourne) to Horneck, 8 June 1688, BL, Add. 71692, fol. 9v; Westby, Memoirs, June 1688, fol. 23v; Yard (Whitehall) to Albeville, 1 June, 5 June 1688, Indiana, Albeville MSS; Fraser (London) to Southwell, 5 June 1688, FSL, V.b. 287 (68); Sir Ralph Verney (Middle Claydon) to Edmund Verney, 10 June 1688, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Wynne (London) to John Ellis, 16 June 1688, BL, Add. 4194, fol. 232r; Westby, Memoirs, 18 June 1688, fol. 27r; Anna Grigg to Locke, 22 June 1688, *Locke Correspondence*, 3:483–84; Yard (Whitehall) to Albeville, 15 June 1688, Indiana, Albeville MSS; John Le Neve, *The Lives and Characters of the Most Illustrious Persons British and Foreign, Who Died in the Year 1712* (London: S. Holt, 1714), no; Newsletter from London, June 1688, BL, Add. 34487, fol. 7r; James Johnston (London) to?, 18 June 1688, BL, Add. 34515, fol. 82v; Boothby (Ashbourne) to Mr. Horton, 19 June 1688, BL, Add. 71692, fol. 11r; Van Citters (London) to States General, 26 June/6 July 1688, BL, Add. 34510, fols. 137–38, 245; Aston to Sunderland, 30 June 1688, NA, SP 31/4, fol. 69r.
35. Lowther, *Memoirs*, 467–68; Abigail Prowse, «Memorandums concerning Bishop Hooper», LPL, 3016, fol. 5v; Clarendon, Diary, 30 June 1688, 2:179; Wynne (London) to John Ellis, 30 June 1688, BL, Add. 4194, fol. 247r; Robert Slater (London) to Edward Parker, [30] June 1688, Lancashire SRO, DD/B/85/9; John Shorter and B. Shower (London) to Sunderland, 1 [July] 1688, NA, SP 31/4, fol. 39r; Wynne (Whitehall) to Poley, 2 July 1688, Beinecke, OSB MSS1/Box 2/Folder 84; Newsletter from London, 2 July 1688, BL, Add. 34487, fol. 8v; Newsletter, 3 July 1688, BL, Add. 4194, fol. 250r; Van Citters (London) to States General, 3/13 July 1688, BL, Add. 34510, fols. 138–39; Jo. Cooke (Whitehall) to Poley, 3 July 1688, Beinecke, OSB MSS1/Box 2/Folder 84; Newsletter, 3 July 1688, BL, Add. 4194, fol. 250r; N. Gerrard to Edward Norton, 4 July 1688, BL, Add. 34487, fol. 9r.
36. Sir Ralph Verney (Middle Claydon) to Edmund Verney, 8 July 1688, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Southwell (Kingsweston) to Weymouth, [4] July 1688, Longleat House, Thynne MSS15, fol. 249v; Patrick, Autobiography, 512–13; Westby, Memoirs, 7 July 1688, fol. 30r; Boothby (Ashbourne) to Horneck, 7 July 1688, BL, Add. 71692, fol. 12v;

- Gerrard (Hertford) to Norton, 12 July 1688, BL, Add. 34487, fol. 13r; Moreau to king of Poland, 13/23 July 1688, BL, Add. 38494, fol. 83; Cotterell to Sir William Trumbull, 24 July 1688, BL, Trumbull MSS39 (since recataloged); Ailesbury, *Memoirs*, 1:171; Wellwood, *Memoirs*, 211.
37. Robert H. Murray, ed., *The Journal of John Stevens* (Oxford: Clarendon Press, 1912), 5; Halifax (London) to William, 25 July 1688, NA, SP 8/1/Pt. 2, fol. 244; Wellwood, *Memoirs*, 207–8. См. также Westby, *Memoirs*, 10 August 1688, fol. 34r; Barillon (London) to Louis XIV, 21/31 May 1688, NA, PRO 31/3/177, fols. 42–43; and Moreau to king of Poland, 4/14 September 1688, BL, Add. 38495, fols. 14–15.
38. Westby, *Memoirs*, 6 August 1688, fol. 33r; Boothby (Ashbourne) to Mr. Watts, 22 August 1688, BL, Add. 41692, fol. 21r; London Newsletter, 1 September 1688, BL, Add. 4194, fol. 356r; Van Citters (London) to States General, 15/25 June 1688, BL, Add. 34510, fol. 134v; Fraser (London) to Southwell, 16 June 1688, FSL, Vb. 287 (72); List of Bails for the Bishops, June 1688, Bodleian, Tanner 28, fol. 76r; Southwell (Bristol) to Weymouth, 31 May 1688, Longleat House, Thynne MSS15, fol. 239v; Hall (London) to Dawtrey, 2 July 1688, Essex SRO, D/DFa/F22; Gerrard to Norton, 4 July 1688, BL, Add. 34487, fol. 9r; Newcome, *Autobiography*, 2 July 1688, 267. См. также: MacKenzie to William Sancroft, [July 1688], Bodleian, Tanner 28, fol. 113r.
39. Sir Roger L'Estrange, *An Answer to a Letter to a Dissenter* (London: R. Sare, 1687), 4, 48–49.
40. Charles Thornton (London) to John Rawlinson, 21 March 1682, Lancashire SRO, DD/Sa/37/4; *Axminster*, 1683, 80; Edmund Calamy, *Memoirs of the Life of the Late Reverend Mr. John Howe* (London: Sam. Chandler, 1724), 113; George Whitehead, *The Christian Progress of That Ancient Servant and Minister* (London, 1725), 573, 608; Christopher Story, *A Brief Account of the Life, Convincement, Sufferings, Labours and Travels of... Christopher Story* (London: J. Sowle, 1726), 48; *Axminster*, 1682, 80; *Presentments at the Grand-Jury for the Town and Borough of Southwark* (London: Benj. Tooke, 1683); William Stout, 1864, in *The Autobiography of William Stout of Lancaster, 1665–1752*, ed. J. D. Marshall (Manchester: Chetham Society, 1967), 81; *Upon the Suppression of Conventicles* (London, 1685), [2]; Whitehead, *Christian Progress*, 570–71. Об отчетах одного из таких кругов информаторов см. Mark Goldie, «The Hilton Gang and the Purge of London in the 1680s», in *Politics and the Political Imagination in Later Stuart Britain*, ed. Howard Nenner (Rochester, NY: University of Rochester Press, 1998), 43–73; *Axminster*, 91–92, 96–97; John Whiting, *Persecution Exposed*, 2nd ed. (London: James Phillips, 1791), 265, 294, 322–23; Burnet, *History of His Own*

Time, 1:651. См. также Lowther, *Memoirs*, 450; Journal of Thomas Gwin of Falmouth, Friends House Library, MS Vol. 77, unfolioed; J. Fall (Paris) to Robert Wyllie, 31 January 1683, NLS, Wodrow Qu 30, fol. 139v; Thoresby, *Diary*, 10 February 1683, 1:153–54; Newcome, *Autobiography*, 11 August 1684, 256; and John Ashe, *A Short Account of the Life and Character of the Reverend Mr. William Bagshaw* (London: Tho. Parkhurst, 1704), 7.

41. Oliver Heywood, «Solemn Covenants», January 1688, in *The Rev. Oliver Heywood, B. A., 1630–1702: His Autobiography, Diaries, Anecdote and Event Books*, 4 vols., ed. J. Horsfall Turner (Bridghouse: A. B. Bayes, 1882), 3:227; Friends Newsletter, 25 July 1686, Friends House Library, Port 15/48; *A Letter to a Friend in Answer to a Letter to a Dissenter* (London: J. Harris, 1687), 1; Bridgewater (London) to Herbert, 11 April 1687, NA, PRO 30/53/8, fol. 45r; Andrew Paschall to John Aubrey, 23 April 1687, Bodleian, MS Aubrey 13, fol. 81r; Albeville (Hague) to Middleton, 29 April/9 May 1687, BL, Add. 41814, fol. 226; Mr. Scott (London) to Walter Leslie, 3 May 1687, SCA, Bl 1/107/6; Yard (Whitehall) to Albeville, 3 May 1687, Indiana, Albeville MSS; Ralph Trumbull to Sir William Trumbull, 5 October 1687, BL, Add. 72511, fol. 75r; J. Hill (Paris) to Sir William Trumbull, 10 October 1687, Berkshire SRO, D/ED/C33; Thomas Booth (London) to Capt. John Booth, 13 December 1687, FSL, Fc. 29. См. также Stephen Lobb, *A Second Letter to a Dissenter* (London: John Harris, 1687), 1–2; Newcome, *Autobiography*, 12 June 1687, 265; and Samuel Rosewell, *An Account of the Life and Death of the Reverend Mr. Thomas Rosewell* (London: John Clark and Richard Ford, 1718), 72.
42. For Penn and Barclay: William Penn (London) to Stephen Crisp, 28 February 1685, *Penn Papers*, 30; Penn (London) to James Harrison, 23 September 1686, *Penn Papers*, 123; London Newsletter, 22 March, 24 March 1687, FSL, Lc. 1787, 1788; Morrice, *Entering Book*, 26 March 1687, DWL, 31 Q, 86; James Fraser (London) to John Ellis, 5 April 1687, BL, Add. 4194, fol. 177r; Povey (Whitehall) to Southwell, 5 April 1687, Nottingham SUL, PwV 61/4; London Newsletter, 12 April 1687, BL Trumbull Newsletters (since recataloged); Barillon (London) to Louis XIV, 18/28 April 1687, NA, PRO 31/3/168, fol. 75r; Blathwayt (Whitehall) to Southwell, 28 April 1687, Nottingham SUL, PwV 53/50; Southwell (Kingsweston) to Weymouth, 4 July 1687, Longleat House, Thynne MSS15, fol. 188v; James Tyrell to Locke, 29 August 1687, *Locke Correspondence*, 3:257; James Hamilton (Edinburgh) to Arran, 15 September 1687, NAS, GD406/1/3421; Van Citters (Windsor) to States General, 4/14 October 1687, BL, Add. 34512, fol. 63v; J. Hill

(Paris) to Sir William Trumbull, 10 October 1687, Berkshire SRO, D/ED/C33; William Penn, *Advice to Freeholders and other Electors of Members to Serve in Parliament* (London: Andrew Sowle, 1687); Penn, *A Letter from a Gentleman in the City to a Gentleman in the Country* (1687); Penn, *Three Letters* (London: Andrew Sowle, 1688); Burnet, *History of His Own Time*, 1:694; Wood, *Athenae*, 2:1051. For Vincent Alsop: London Newsletter, 28 April 1687, FSL, L.c. 1803; Vincent Alsop, *The Humble Address of the Presbyterians* ([London]: J. W., 1687); R. A. Beddard, «Vincent Alsop and the Emacipation of Restoration Dissent», *Journal of Ecclesiastical History* 24 (1973): 178. For Sir James Stewart: James Hamilton (Edinburgh) to Arran, 15 September 1687, NAS, GD406/1/3421; Duke of Hamilton (Edinburgh) to Duchess of Hamilton, 17 September 1687, NAS, GD406/1/ 6231; James Stewart, «Reasons Why Protestant Dissenters Ought to Concur», 1687, NA, SP 8/1/Pt. 2, fol. 138r; Stewart, *James Stewart's Answer* (London: Andrew Sowle, 1688). For Stephen Lobb: Lobb, *Second Letter*: John Verney (London) to Sir Ralph Verney, 29 August 1688, Buckinghamshire SRO, Verney MSS.

43. Lacey, *Dissent and Parliamentary Politics*, 181; Care, *Draconica*; Care, *Animadversions on a Late Paper*; Care, *Vindication of the Proceedings*; London Newsletter, 20 September 1687, FSL, L.c. 1859; Lois G. Schwoerer, *The Ingenious Mr. Henry Care* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2001), 189–93; Phil Madoxe (Whitehall) to Southwell, 28 August 1688, Bodleian, Eng.Lett.c.54, fol. 97r; Morrice, Entering Book, 17 September 1687, DWL, 31 Q, 169; Lowther (London) to Sir Daniel Fleming, 9 October 1687, Cumbria SRO, Kendal, WD/Ry 3138; Wood, *Athenae*, 2:1009–10; Richard Burthogge, *Prudential Reasons for Repealing the Penal Laws* (London: Matthew Turner, 1687); Mark Goldie, «John Locke's Circle and James II», *Historical Journal* 35, no. 3 (1992): 579–84; Skelton (The Hague) to Middleton, 30 April/10 May 1686, BL, Add. 41813, fol. 122r; Yard (Whitehall) to Albeville, 15 March 1687, Indiana, Albeville MSS; London Newsletter, 14 April 1687, FSL, L.c. 1797; Morrice, Entering Book, 16 April 1687, DWL, 31 Q, 96; London Newsletter, 10 May, 10 December 1687, FSL, L.c. 1806, 1893; Thomas Halyburton, *Memoirs of the Life of the Reverend Mr. Thomas Halyburton* (Edinburgh: Andrew Anderson, 1714), 22; List of Those Pardoned by James II, 1686–1688, HEH, HA Misc. Box 1 (24); An Abstract of All Pardons, Temp. James II, HLRO, HL/PO/JO/10/1/414/154(p); Wood, *Athenae*, 2:1092. Уильямс, по слухам, был готов примириться с католической церковью: (Whitehall) to Sir Richard Bulstrode, 11 April 1687, HRC, Pforzheimer/Box 10; Morrice, Entering Book, 17 September.

- 29 October 1687, DWL, 31 Q, 169, 182; Denton (London) to Sir Ralph Verney, 9 November 1687, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Yard (Whitehall) to Albeville, 6 July 1688, Indiana, Albeville MSS; Clarendon, Diary, 6 July 1688, 2:180; Morrice, Entering Book, 7 July 1688, DWL, 31 Q, 281; Clarendon (London) to William, 7 July 1688, NA, SP 8/1/Pt. 2, fol. 236; John Verney (London) to Sir Ralph Verney, n July 1688, Buckinghamshire SRO, Verney MSS.
44. Barillon (London) to Louis XIV, 28 December/7 January 1686, NA, PRO 31/3/163, fol. 2r; J. Hill (London) to Sir William Trumbull, 6 May 1686, Berkshire SRO, D/ED/C33; Wynne (London) to John Ellis, 5 March 1687, BL, Add. 4194, fol. 1511; Wynne (London) to John Ellis, 19 March 1687, BL, Add. 4194, fol. 158r; Morrice, Entering Book, 26 March 1687, DWL, 31 Q, 85; Yard (Whitehall) to Albeville, 1 April 1687, Indiana, Albeville MSS; Burnet, *History of His Own Time*, 1:672–673; Ronquillo (London) to king of Spain, 7/17 March 1687, BL, Add. 34502, fol. 96; Barillon (London) to Louis XIV, 11/21 April, 18/28 April 1687, NA, PRO 31/3/168, fols. 70r, 75r; Yard (Whitehall) to Albeville, 19 April 1687, Indiana, Albeville MSS; Barillon (London) to Louis XIV, 25 April/5 May, 2/12 May 1687, NA, PRO 31/3/169, fols. 3v, 25r; Bonrepaus (London) to Seignelay, 12/22 September 1687, NA, PRO 31/3/172, fol. 9m
45. John Lake (bishop of Chichester) to Sancroft, 18 April 1687, Bodleian, Tanner 29, fol. 9r; Reresby (York) to Halifax, May 1687, BL, Althorp C2; H. A. (Hereford) to John Ellis, 27 June 1687, BL, Add. 28876, fol. 13; Jonathan Trelawney (bishop of Bristol) to Sancroft, 1 July 1687, Bodleian, Tanner 29, fol. 42r; Duke of Hamilton (Holyroodhouse) to Arran, 11 August 1687, NAS, GD406/1/6206; Samuel Sanders (Normanton) to Huntingdon, 19 December 1687, HEH, HA 10669.
46. John Howe, *The Case of the Protestant Dissenters* (London, 1689), 2; Defoe, *Advantages of the Present Settlement*, 8; Burnet, *History of His Own Time*, 1:702; Whiting, *Persecution Exposed*, 363; James Fraser (London) to John Ellis, 19 April 1687, BL, Add. 4194, fol. 179v; Robert Harley to Sir Edward Harley, 21 May 1687, BL, Add. 70014, fol. 5r; Morrice, Entering Book, 23 April, 11 June 1687, 29 December 1688, DWL, 31 Q, 102, 149, 391–92.
47. Ronquillo (London) to king of Spain, 7/17 March 1687, BL, Add. 34502, fol. 76v; Dr. Samuel Freeman (Clare College, Cambridge) to Lord Hatton, 7 July 1687, *Correspondence of the Family of Hatton*, vol. 2, ed. Edward Maunde Thompson, Camden Society, n.s., 23 (1878): 68; Letter from England, 8 December 1687, Nottingham SUL, PwA 2110; Edward Watson (Lancaster) to Sir Daniel Fleming, 25 November 1687, Cumbria

- SRO, Kendal, WD/Ry 3144; Sir Daniel Fleming (Rydal) to Lowther, 2 December 1687, Cumbria SRO, Kendal, WD/Ry 3149; Sir George Duckett, ed., *Penal Laws and Test Act*, 2 vols. (London, 1883).
48. Letter from England to Bentinck, 17 November 1687, Nottingham SUL, PwA 2099b; Nathaniel Johnston (London) to Reresby, 24 January 1688, WYAS, MX/R51/53; Defoe, *Advantages of the Present Settlement*, 6–7; William Orme, ed., *Remarkable Passages in the Life of William Kiffin* (London: Burton and Smith, 1823), 84; Gilbert Burnet, *An Apology for the Church of England* [Amsterdam, 1688], 2; Edmund Bohun, *The History of the Desertion* (London: Ric. Chiswell, 1689), 2; Thomas Long, *A Resolution of Certain Queries* (London: R. Baldwin, 1689), sig. A2r.
 49. Van Citters (London) to States General, 22 May/1 June 1688, BL, Add. 34512, fols. 82–83; *Letter from a Clergy-Man in the City*, 8; James Johnston (London) to?, 23 May 1688, BL, Add. 34515, fol. 65; Yard (Whitehall) to Albeville, 25 May 1688, Indiana, Albeville MSS; Wellwood, *Memoirs*, 220.
 50. Fraser (London) to Southwell, 18 February 1688, FSL, V.b. 287 (52); Halifax (London) to William, 12 April 1688, NA, SP 8/1/Pt. 2, fols. 203–4; James Johnston (London) to?, 23 May 1688, BL, Add. 34515, fol. 66.
 51. Yard (Whitehall) to Albeville, 29 March 1687, Indiana, Albeville MSS; London Newsletter, 31 March 1687, FSL, L.c. 1791; James Johnston (London) to?, 23 May 1688, BL, Add. 34515, fol. 66r; Lacey, *Dissent and Parliamentary Politics*, 180. Я не обсуждаю тут шотландскую пресвитерианскую оппозицию; там картина была, вероятно, очень похожей. См. William Carstares (The Hague) to Willem Bentinck, 1 August, 2 August 1687, NA, SP 8/1/Pt. 2, fols. 134, 141; Morrice, *Entering Book*, 14 May, 21 May 1689, 31 March 1688, DWL, 31 Q, 129, 132, 249; James Johnston (London) to?, BL, Add. 34515, fols. 78–79; *Memoirs of the Life of the Late Reverend Mr. John Howe* (London: Sam. Chandler, 1724), 5, 67, 127, 130–32; Burnet, *History of His Own Time*, 1:708; John Rastrick (Kirkton), «A Narrative», HEH, HM 6131, fol. 50r; A. W. Brink, ed., *The Life of the Reverend Mr. George Trosse* (Montreal: McGill-Queen's University Press, 1974), 125, 129–30; John Ashe, *A Short Account of the Life and Character of the Reverend Mr. William Bagshaw* (London: Tho. Parkhurst, 1704), 7; Joshua Sager's Sermon Notes, Frankland's Nonconformist Academy, 1687/88, BL, Add. 54185, fol. 59v. См. также Newcome, *Autobiography*, 264; and Thoresby, *Diary*, April 1687, 1:186.
 52. Morrice, *Entering Book*, 9 April, 14 May 1687, Paper of May 1688–16 June 1688, DWL, 31 Q, 88, 129, 257–58, 269; Rosewell, *Account of Thomas Rosewell*, 73; Calamy, *Memoirs of Howe*, 135.

53. *Axminster*, 128, 133; Wood, *Athenae*, 2:920–21; Thomas Jollie (Pendleton, Lancashire) to?, 10 December 1687, DWL, 12.78, unfolioed. Это письмо дополняет биографические подробности, описанные в H. Fishwick, ed., *The Note Book of the Rev. Thomas Jolly*, Chetham Society, n. s., 33 (1894). Свидетельства относительно Джон Беньяна сомнительны даже в лучшей работе: John Eston (Bedford) to Henry Mordaunt, Earl of Peterborough, 22 November 1687, in *Penal Laws and Test Acts*, ed. Duckett, 1:59; John Bunyan, *Grace Abounding* (London: W. Johnston?, 1750?), 171–73; Christopher Hill, *A Tinker and a Poor Man: John Bunyan and His Church, 1628–1688* (London: W. W. Norton, 1988), 319–20; Richard Greaves, *John Bunyan and English Non-Conformity* (London: Hambledon, 1992), 69.
54. Пресвитерианин Роджер Моррис был, пожалуй, характерным примером многих, кто подвергал резкой критике эти группы: Morrice, *Entering Book*, 14 August 1686, DWL, 31 P, 611; Morrice, *Entering Book*, 29 October 1687, DWL, 31 Q, 181; Orme, ed., *Life of Kiffin*, 84–85; *Innocency Vindicated* (London: J. Darby, 1689), 1–2; Morrice, *Entering Book*, n September 1688, DWL, 31 P, 623.
55. Letter from England to Bentinck, 17 November 1687, Nottingham SUL, PwA 2099c; Letter from England, 8 December 1687, Nottingham SUL, PwA 2112d-e; James Johnston (London) to?, 6/16 February 1688, BL, Add. 34515, fol. 47r; Clarendon, *Diary*, 23 June 1688, 2:178; Bonrepaus (London) to Seignelay, 12/22 September 1688, NA, PRO 31/3/172, fols. 91–92; Letter from England, 8 December 1687, Nottingham SUL, PwA 2112g; Burnet, *History of His Own Time*, 1:703; Thomas Story, *A Journal of the Life of Thomas Story* (Newcastle-upon-Tyne: Isaac Thompson, 1747), 3.
56. On use of the term «Whig»: Bonrepaus (London) to Seignelay, 11/21 June 1687, NA, PRO 31/3/170, fol. 124r; Bonrepaus (Windsor) to Seignelay, 23 June/3 July 1687, NA, PRO 31/3/171, fol. 6r. On Dijkvelt: Yard (Whitehall) to Albeville, 13 February 1687. Indiana, Albeville MSS; Barillon (London) to Louis XIV, 10/20 March, 28 March/7 April 1687, NA, PRO 31/3/168, fols. 51r, 63r; Halifax to William, 31 May 1687, NA, SP 8/1/Pt. 2, fol. 133v. Об оппозиционных организациях см.: Barillon (Windsor) to Louis XIV, 16/26 June 1687, NA, PRO 31/3/170, fol. 142; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 4/14 June 1687, NA, PRO 31/3/171, fol. 45; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 26 September/6 October 1687, NA, PRO 31/3/173, fol. 6v; Halifax (London) to William, 31 May 1687, NA, SP 8/1/Pt. 2, fol. 132; Nottingham (London) to William, 2 September 1687, NA, SP 8/1/Pt. 2, fol. 149v; Morrice, *Entering Book*, 4 June 1687, 15 August 1688, DWL,

31 Q, 190, 288. Один из последних комментаторов, кто расходится с общепринятой ныне точкой зрения: Halliday, *Dismembering the Body Politic*, 261; Fraser (London) to Southwell, 29 December 1687, FSL, V.b. 287 (42);? (Windsor) to Dijkvelt, 20 September 1687, Warwickshire SRO, CR2017/C17, fol. 19r; Moreau to king of Poland, 22 November/2 December 1687, BL, Add. 38494, fol. 1r; Barillon (London) to Louis XIV, 15/25 December 1687, NA, PRO 31/3/174, fol. 45v. Этот взгляд озвучивает Джеймс Уэллвуд: Wellwood, *Memoirs*, 214. Мои выводы в целом схожи с выводами Миллера, но опираются на более разнообразные свидетельства: John Miller, *Cities Divided: Politics and Religion in English Provincial Towns, 1660–1722* (Oxford: Oxford University Press, 2007), 230–37.

57. Bonrepaus, Report on the Stage of England, 1687, NA, PRO 31/3/174, fol. 116r; Shrewsbury (London) to William, 30 May 1687, NA, SP 8/1/Pt. 2, fol. 130; Halifax (London) to William, 25 August 1687, NA, SP 8/1/Pt. 2, fol. 143r; Daniel Petit (The Hague) to Middleton, 11/21 October 1687, BL, Add. 41815, fol. 60v; «To the King», 1694, HEH, EL 9925; Daniel Defoe, *Memoirs of Publick Transactions in the Life and Ministry of His Grace the Duke of Shrewsbury* (London: Tho. Warner, 1718), 9; Burnet, *History of His Own Time*, 1:712; Barillon (London) to Louis XIV, 25 April/5 May 1687, NA, PRO 31/3/169, fol. 4r;? (London) to Arran, 12 May 1687, NAS, GD406/1/3448; Devonshire to William, 31 May 1687, NA, SP 8/2/Pt. 2, fol. 10; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 22 September/2 October 1687, NA, PRO 31/3/173, fol. 1; Bonrepaus, Report on the State of England, 1687, NA, PRO 31/3/174, fol. n6r; Skelton (Paris) to Sunderland, 6/16 June 1688, NA, SP 78/151, fol. 178v; Morrice, Entering Book, 18 September 1686, DWL, 31 P, 627; Denton (London) to Sir Ralph Verney, 14 June 1687, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Bonrepaus, Report on the State of England, 1687, NA, PRO 31/3/174, fols. 117r, 116r; Wood, *Athenae*, 2:1057.
58. Thomas Foley (Witley) to Sir Edward Harley, 7 October 1687, BL, Add. 70026, unfolioed; Morrice, Entering Book, 22 October 1687, DWL, 31 Q, 177. Регуляторы Якова II рассчитывали, что он будет баллотироваться в качестве кандидата в судьи. Но Фоли не был твердым приверженцем короля. Он установил контроль над Вустером для Вильгельма во время революции; Thomas Mariet (Warwickshire) to Penn, early 1688, *Penn Papers*, 174; London Newsletter, 10 January 1688, FSL, L.c. 1906; Sir Robert Howard, *A Two-Fold Vindication* (London. 1696), 15, 174; George Evelyn (Wotton) to John Evelyn Jr., 16 September 1688, BL, Evelyn MSS, M2, unfolioed (since recataloged); Isaac Newton, 1687, King's College, Cambridge, Keynes MSS118, unfolioed; Letter

- from England, 4 January 1688, Nottingham SUL, PwA 2124c;? (Amsterdam) to Albeville, 29 January 1688, Indiana, Albeville MSS. On Starkey: (Amsterdam) to Albeville, 19/29 January 1688, Indiana, Albeville MSS; Albeville (The Hague to Middleton, 20/30 January 1688, BL, Add. 41815, fol. 124v.
59. Patrick Curry, *Prophecy and Power: Astrology in Early Modern England* (Cambridge: Polity, 1989), 79–80; John Phillips, *Sam, Ld. Bp. Of Oxon, His Celebrated Reasons for Abrogating the Test* (London, 1688); Wood, *Athenae*, 2:820, 1119; Daniel Defoe, *A Letter to a Dissenter from His Friend at The Hague* (Hague: Hans Verdraeght, 1688), 1–3; Maximillian E. Novak, *Daniel Defoe: Master of Fictions* (Oxford: Oxford University Press, 2003), 89–90.
 60. Penn (London) to Duke of Buckingham, 16 February 1687, NAS, GD406/1/10038; Buckingham to Penn, ca. February 1687, NAS, GD406/1/10037; James Johnston (London) to?, 6/16 February 1688, BL, Add. 34515, fols. 47–48;? to Herbert, 14 July 1688, NA, PRO 30/53/8, fol. 117r; Edward Verney (London) to Sir Ralph Verney, 11 July 1688, Buckinghamshire SRO, Verney MSS.
 61. Tyrell (London) to Locke, 6 May 1687, *Locke Correspondence*, 3:191–93; Isabella Duke (Otterton) to Locke, 3 October 1687, *Locke Correspondence*, 3:279; John Freke to Locke, 8/18 February 1687, *Locke Correspondence*, 3:135; Dr. David Thomas (London) to Locke, 29 November 1687, *Locke Correspondence*, 3:307; Philippus van Limborch to Locke, 27 January/6 February 1689, *Locke Correspondence*, De Beer, 3:542; Jean Le Clerc, *An Account of the Life and Writings of Mr. John Locke*, 2nd ed. (London: John Clarke and E. Curll, 1713), 22; Tyrell (London) to Locke, 6 May, 3 November 1687, *Locke Correspondence*, 3:193, 289; Lord Lieutenants' Return for Buckinghamshire, 29 February 1688, *Penal Laws and Test Act*, ed. Duckett, 1:147; Tyrell to Dr. David Thomas, 9 March 1688, *Locke Correspondence*, 3:410; Edward Clarke (London) to John Trenchard, 2 August 1679, Somerset SRO, DD/SF/3082;? (Utrecht) to Skelton, 8/18 July 1685, BL, Add. 41817, fol. 218v; To all JPs, mayors, constables, August 1685, Somerset SRO, DD/SF/285; Mary Clarke to Edward Clarke, 30 May 1687, Somerset SRO, DD/SF/4515/Pt. 1/3; *Locke Correspondence*, 3:494; Mary Clarke (Chiple) to Edward Clarke, 28 March 1690, Somerset SRO, DD/SF/4515/Pt. 1/6; Tyrell (London) to Locke, 14 December 1687, *Locke Correspondence*, 3:312; Freke to Locke, 19 March 1688, *Locke Correspondence*, 3:418; Report of the Regulators to James II, 19 April 1688, *Penal Laws and Test Act*, ed. Duckett, 2:221; Dr. Charles Goodall to Locke, 27 December 1688, *Locke Correspondence*, 3:530; Mark Goldie, «James II and the Dissenters'

- Revenge», *Historical Research* 66 (February 1993): 75; J. R. Jones, «James II's Whig Collaborators», *Historical Journal*, no. 1 (1960): 66.
62. Yard (Whitehall) to Albeville, 13 May 1687, Indiana, Albeville MSS; J. R., *Life of the Right Honourable Sir John Holt* (London, 1764), 3; Morrice, Entering Book, 3 December 1687, DWL, 31 Q, 213–14; London Newsletter, 24 December, 23 June, 30 June 1687, FSL, L.c. 1899, 1824, 1827; Fraser (London) to Southwell, 16 August 1687, FSL, V.b. 287 (29); Paman (London) to William Lloyd, bishop of Norwich, 18 August 1687, LPL, 3898/6/1; Morrice, Entering Book, 23 August 1687, DWL, 31 Q, 166; Ronquillo (London) to king of Spain, 5/15 September 1687, BL, Add. 34502, fol. 125; Bonrepaus (London) to Seignelay, 1/11 November 1687, NA, PRO 31/3/173, fol. 98r; Morrice, Entering Book, 15 October 1687, DWL, 31 Q, 174; Morrice, Entering Book, 5 November 1687, DWL, 31 Q, 189; London Newsletter, 8 November 1687, FSL, L.c. 1880; Wynne (Whitehall) to Poley, 11 November 1687, Beinecke, OSB MSS1/Box 2/Folder 72; Van Citters (London) to States General, 11/21 November 1687, BL, Add. 34510, fol. 61v; Morrice, Entering Book, 12 November 1687, DWL, 31 Q, 201; Ailesbury, *Memoirs*, 1:175; Povey (Whitehall) to Southwell, 17 August 1687, Nottingham SUL, PwV 61/23; Paman (London) to Sir Ralph Verney, 17 August 1687, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Paman (London) to Lloyd, 18 August 1687, LPL, 3898/6/1; London Newsletter, 30 August, 3 November, 5 November 1687, FSL, L.c. 1850, 1878, 1879; Povey (Whitehall) to Southwell, 12 November 1687, Nottingham SUL, PwV 61/35; Morrice, Entering Book, 22 September 1688, DWL, 31 Q, 293; Orme, ed., *Life of Kiffin*, Orme, 85–87; Morrice, Entering Book, 11 December 1686, DWL, 31 Q, 29; Van Citters (London) to States General, 21/31 October 1687, BL, Add. 34510, fol. 55r; Mark Knights, «A City Revolution: The Remodeling of the London Livery Companies in the 1680s», *English Historical Review* 112 (1997): 1164–67, 1177.
63. Sir John Dugdale (Coventry) to Dr. Thomas Smyth, 9 July 1687, Bodleian, MSS Smith 49, 183; Dr. Charles Aldworth, Commonplace Book, later 1680s, Essex SRO, D/DBY Z56; Henry Booth, Lord Delamere, Speech at Boden Downs, November 1688, Somerset SRO, DD/SF/3110; Henry Booth, *The Charge*, Chester, 25 April 1693 (London: Richard Baldwin, 1693), 5–6; Calamy, *Memoirs of Howe*, 135; Morrice, Entering Book, 14 May 1687, DWL, 31 Q, 129; Burnet, *History of His Own Time*, 1:691; Burnet, «Some Reflections on His Majesty's [Scottish] Proclamation», 1687, in Burnet, *Collection of Eighteen Papers*, 11.
64. Thomas Brown, *Heraclitus Ridens Redivivus* (Oxford, 1688), 8; Treatise on Magna Carta, 25 October 1687, Beinecke, OSB Shelves b.142,

- unfolioed; *Three Queries and Answers to Them* (1688), 3; *A Plain Account of the Persecution* (1688), 4; *Reflexions on Monsieur Fagel's Letter*, 12 January 1688 (1688), 1–2.
65. Morrice, Entering Book, 25 September 1686, DWL, 31 P, 628; Sir John Reresby, *Memoirs*, ed. Mary K. Geiter and W. A. Speck (London: Royal Historical Society, 1991), 3 March 1689, 561; R. L. to mayor of Bridgewater, 24 February 1685, NA, SP 31/1, fol. 40; Van Citters (London) to States General, 9/19 April 1686, BL, Add. 34512, fol. 28r; Bonrepaus (London) to Seignelay, 12/22 September 1687, NA, PRO 31/3/172, fol. 94r; James Johnston to?, 8 December 1687, BL, Add. 34515, fol. 39r; Abel Boyer, *The History of King William the Third*, XX vols. (London: A. Roper and F. Coggan, 1702–3), 1:59–60; Defoe, *Memoirs of Publick Transactions*, 13.
66. Duke of Ormonde (Hampton Court) to Southwell, 6 May 1686, Victoria and Albert Museum, Forster and Dyce Collection, F47.A.41, fol. 23v; Barillon (London) to Louis XIV, 24 October/3 November 1687, Bonrepaus (London) to Seignelay, 14/24 November 1687, Barillon (London) to Louis XIV, 14/24 November 1687, Barillon (London) to Louis XIV, 17/27 November 1687, all in NA, PRO 31/3/173, fols. 68v, 123–124, H9r, 133; Placidus Fleming (Ratisbon) to Mr. Whyteford, 12/22 July 1688, SCA, Bl 1/101/5; Morrice, Entering Book, 25 September 1686, DWL, 31 P, 628; Thomas Birch, *The Life of the Reverend Dr. John Tillotson* (London: J. and R. Tonson et al., 1752), 33. Герцог Гордон разделял оппозицию Флеминга и католических священников братьям Драммонд: John Drummond, Earl of Perth, to Innes, 10 June 1688, Aberdeen, MS2403, 13.
67. Barillon (London) to States General, 7/17 April 1687, NA, PRO 31/3/168, fol. 69v; Barillon (London) to Louis XIV, 25 April/5 May 1687, NA, PRO 31/3/169, fol. 3v; Bonrepaus (Windsor) to Seignelay, 11/21 July 1687, NA, PRO 31/3/171, fol. 18r; John Evelyn (Deptford) to Lady Tuke, 14 June 1693, BL, JE A2, fol. 89r (since recataloged); Robert Throckmorton (London) to?, 17 March 1696, HEH, EL 9423.
68. to Countess of Suffolk, 12 July 1688, BL, Add. 34487, fol. 11v; Proceedings of the Ecclesiastical Commission, 12 July 1688, HEH, HA Religious Box 2(5);? to Herbert, 14 July 1688, NA, PRO 30/53/8, fol. 117v; Newsletter (Whitehall), 20 July 1688, Beinecke, OSB MSS1/Box 2/Folder 86; Proceedings of the Ecclesiastical Commission, 16 August 1688; Newsletter to Countess of Suffolk, 9 July 1688, BL, Add. 34487, fol. 15v; Matthew Henry (Chester) to Philip Henry, 6 August 1688, Bodleian, Eng. Lett.e.29, fol. 80r; Westby, *Memoirs*, 20 August 1688, fol. 35r; London Newsletter to Thomas Holton, 21 August 1688,

- BL, Add. 34487, fol. 23r; John Verney (London) to Sir Ralph Verney, July 1688, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Oliver Le Neve (Norfolk) to Peter Le Neve, it July 1688, BL, Add. 71573, fol. 51r; (Astrop, Northamptonshire) to Harrington, 28 July 1688, BL, Add. 36707, fol. 38r; Pen Stewkley (London) to Sir Ralph Verney, 8 August 1688, John Verney (London) to Sir Ralph Verney, 8 August 1688, both in Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Southwell (Kingsweston) to Weymouth, 10 August 1688, Longleat House, Thynne 15, fols. 263–64; Newsletter from Whitehall, 24 August 1688, Beinecke, OSB MSS1/Box 2/Folder 88; Bishop of Rochester's Paper, 6 November 1688, Bodleian, Tanner 28, fol. 235r. Как пример квартальных сессий Миддлска см.: Recognizances, 31 July 1688: «Middlesex Sessions Rolls: 1688–9», *Middlesex County Records* (1892), 4:321–28, available at: <http://www.british-history.ac.uk/report.aspx?compid=66098>. Уильям Роджерс был псаломщиком Обедайи Уокера в Университетском колледже в Оксфорде, он пожертвовал деньги на статую Якова II, которая до сих пор сохранилась там: John Fendley, «William Rogers and His Correspondence», *Recusant History* 23, no. 3 (1997): 291–92.
69. James Johnston to?, 18 June 1688, Nottingham SUL, PwA 2173/1–2; Devonshire to William, 10 July 1688, NA, SP 8/2/Pt. 2, fol. 43r; Henry Booth, Lord Delamere, «Some Observations on the Prince of Orange's Declaration», in Delamere, *The Works* (London: John Lawrence and John Dunton, 1694), 366; Danby (Leicester) to Chesterfield, [September] 1688, in *Thomas Osborne, Earl of Danby and Duke of Leeds, 1632–1712*, vol. 2, ed. Andrew Browning (Glasgow: Jackson, Son, 1944), 135.
70. Morrice, Entering Book, i January 1687, DWL 31 Q, 38; Information to William III, 1688, NA, SP 8/2/Pt. 2, fol. 51; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 29 September/9 October 1687, NA, PRO 31/3/173, fol. 8r; Barillon (London) to Louis XIV, 5/15 January 1688, NA, PRO 31/3/175, fol. 10r; John Oldmixon, *The History of England during the Reigns of the Royal House of Stuart* (London: John Pemberton et al., 1730), 730; Morrice, Entering Book, 15 August 1688, DWL, 31 Q, 288–89.
71. Newsletter, 19 September 1688, BL, Add. 34487, fol. 29r; Van Citters (London) to States General, 21 September/1 October 1688, BL, Add. 344512, fol. 101r; William Longueville (London) to Viscount Hatton, 22 September 1688, BL, Add. 29563, fol. 268r; Yard (Whitehall) to Albeville, 25 September 1688, Indiana, Albeville MSS; Bath (Stowe) to Sunderland, 28 September 1688, NA, SP 8/2/Pt. 2, fol. 46r; Morrice, Entering Book, 29 September 1688, DWL, 31 Q, 296–97; J. Boscawen (Whitehall) to John Evelyn, 30 September 1688, BL, Evelyn MSS, JE

- A9 (since recataloged); Wynne (Whitehall) to Poley, 2 October 1688, BL, Add. 45731, fol. 7r; Clarendon, *Diary*, 5 October 1688, 2:193; Evelyn, *Diary*, 6 October 1688, 4:600; Newcome, *Autobiography*, 7 October 1688, 267–68.
72. Evelyn, *Diary*, 18 September, 6 October 1688, 4:597, 599–600; Van Citters (London) to States General, 25 September/5 October 1688, BL, Add. 34512, fol. 103r; Van Citters (London) to States General, 9/19 October 1688, BL, Add. 34510, fol. 15; Barillon (London) to Louis XIV, 14/24 December 1688, MAE, CP/Angleterre 167, fol. 227r.
73. Morrice, *Entering Book*, 26 December 1688, DWL, 31 Q, 401; Steve Pincus, «John Evelyn: Revolutionary», in *John Evelyn and His Milieu*, ed. Frances Harris and Michael Hunter (London: British Library, 2003), 185–219.
74. Delamere, «Essay upon Government», 1687, in Delamere, *Works*, 38, 89–91; Delamere, «Advice to His Children», 20 September 1688, in Delamere, *Works*, 6, 9–10, 12, 15; Delamere, «Some Observations on the Prince of Orange's Declaration», in Delamere, *Works*, 375.
75. John Humfrey, *Advice Before It Be Too Late* [1689], 3–4.

Глава восьмая

Народная революция

1. Samuel Pufendorf, *An Introduction to the History of the Principal Kingdoms and States of Europe*, 2nd ed. (London: M. Gilliflower, 1697), 153; Robert Ferguson, *The History of all the Mobs, Tumults, and Insurrections* ([London]: J. Moore, [1715]), 1–2; James Wellwood, *Memoirs*, 3rd ed. (London: Tim. Goodwin, 1700), 1; John T. Gilbert, ed., *A Jacobite Narrative of the War in Ireland, 1688–1691* (New York: Barnes and Noble, 1971), 39, 184; Robert Kirk, «Sermons, Occurrences ...». 1690, Edinburgh SUL, La.III.545, fol. 129v.
2. Charles Tilly, *European Revolutions, 1492–1992* (Oxford: Basil Blackwell, 1993), 9; Thomas Doubleday, *A Financial, Monetary and Statistical History of England* (London: Effingham Wilson, 1847), 61; Robin Clifton, *The Last Popular Rebellion: The Western Rising of 1688* (London: Maurice Temple Smith, 1984), 281; J. R. Western, *Monarchy and Revolution: The English State in the 1680s* (London: Blandford, 1972), 264; Jonathan Scott, *England's Troubles: Seventeenth-Century English Political Instability in European Context* (Cambridge: Cambridge University Press, 2000), 206; Stephen Saunders Webb, *Lord Churchill's Coup: The Anglo-American Empire and the Glorious Revolution Reconsidered* (New York: Alfred A. Knopf, 1995),

165. См. также Jonathan Israel, «Introduction», in *The Anglo-Dutch Moment: Essays on the Glorious Revolution and Its World Impact*, ed. Jonathan Israel (Cambridge: Cambridge University Press, 1991), 2; and William A. Speck, *Reluctant Revolutionaries: Englishmen and the Revolution of 1688* (Oxford: Oxford University Press, 1988), 73.
3. G. M. Trevelyan, *The English Revolution, 1688–1689* (1938; reprint ed., Oxford: Oxford University Press, 1965), 7; Christopher Hill, *The Century of Revolution, 1603–1714* (Edinburgh: T. Nelson, 1961), 276; David Hosford, *Nottingham, Nobles, and the North: Aspects of the Revolution of 1688* (Hamden, CT: Archon, 1976), 120–21; J. R. Jones, *The Revolution of 1688 in England* (New York: W. W. Norton, 1972), 301. См. также Speck, *Reluctant Revolutionaries*, 6.
4. Israel, «Introduction», 2, 5; John Morrill, «The Sensible Revolution, 1688», in *Anglo-Dutch Moment*, ed. Israel, 106; Craig Rose, *England in the 1690s: Revolution, Religion, and War* (Oxford: Blackwell, 1999), 8. См. также Scott, *England's Troubles*, 11; and Trevelyan, *English Revolution*, 4.
5. Isaac Kramnick, «Reflections on Revolution», *History and Theory* 11, no. 1 (1972): 28; Nikki R. Keddie, «Introduction», in *Debating Revolutions*, ed. Keddie (New York: New York University Press, 1995), ix; John Dunn, *Modern Revolutions: An Introduction to the Analysis of a Political Phenomenon* (Cambridge: Cambridge University Press, 1972), 2; Chalmers Johnson, *Revolutionary Change*, 2nd ed. (Stanford, CA: Stanford University Press, 1982), 1, 7; Thomas Babington Macaulay, *The History of England from the Accession of James II*, 5 vols. (New York: Harper and Brothers, 1849–61), 2:610–11, 614; Trevelyan, *English Revolution*, 4; Scott, *England's Troubles*, 216; Tim Harris, «London Crowds and the Revolution of 1688», in *By Force or by Default? The Revolution of 1688–89*, ed. Eveline Cruickshanks (Edinburgh: John Donald, 1989), 54.
6. Macaulay, *History*, 2:56; Trevelyan, *English Revolution*, 5, 129; Hosford, *Nottingham, Nobles, and the North*, 124; Western, *Monarchy and Revolution*, 376; Morrill, «Sensible Revolution», 103. Идея консенсуса 1688 года недавно была открыта для критики: Israel, «Introduction», 4–6. Robert Beddard, «The Unexpected Whig Revolution of 1688», in *The Revolutions of 1688*, ed. Beddard (Oxford: Clarendon Press, 1991), 11–101; Tim Harris, «London Crowds», 57. Eveline Cruickshanks, «The Revolution and the Localities: Examples of Loyalty to James II», in *By Force or By Default?* ed. Cruickshanks, 28–41.
7. Crane Brinton, *The Anatomy of Revolution*, rev. ed. (New York: Vintage, 1965), 3; George Rude, *The Crowd in the French Revolution* (Oxford: Clarendon Press, 1959), 232. Стоит отметить, что 156 человек были

убиты при осаде Бастилии, и 55 человек — в так называемой резне на Марсовом поле. Rude, *Crowd in the French Revolution*, 56, 81.

8. George Etherege (Ratisbon) to Albeville, 22 October/1 November 1688, Indiana, Albeville MSS; Robert Yard (Whitehall) to Albeville, 20 July 1688, Indiana, Albeville MSS; Daniel Petit (Amsterdam) to Middleton, 14/24 August 1688, BL, Add. 41816, fol. 157r; Newsletter to Earl of Suffolk, 16 August 1688, BL, Add. 34487, fol. 19v; Bevil Skelton (Paris) to Sunderland, 18/28 August 1688, NA, SP 98/151, fol. 201; Peter Wyche (Hamburg) to Edmund Poley, 21 August 1688, Beinecke, OSB MSS1/Box 2/Folder 88; Wyche (Hamburg) to Middleton, 24 August 1688, BL, Add. 41827, fol. 76v; James Fraser (London) to Sir Robert Southwell, 25 August 1688, FSL, V.b. 287 (86); Albeville (Hague) to Middleton, 28 August/7 September 1688, BL, Add. 41816, fol. 170v; Petit (Amsterdam) to Middleton, 28 August/7 September 1688, BL, Add. 41816, fol. 167; Albeville (Hague) to Middleton, 4/14 September 1688, BL, Add. 41816, fol. 177r; J. Stafford (Madrid) to Sunderland, 27 September/7 October 1688, NA, SP 94/72, fol. 248; Sir Richard Bulstrode (Brussels) to Sunderland, 8 October 1688, NA, SP 77/55, fol. 49r; James Fitzjames, Duke of Berwick, *Memoirs of the Marshal Duke of Berwick*, vol. 1 (London: T. Cadell, 1779), 22. Яков и его двор быстро выступили с отчетами: Roger Morrice, *Entering Book*, 15 August 1688, DWL, 31 Q, 288; Newsletter, 22 August 1688, BL, Add. 34487, fol. 25r; James II to Sir Roger Strickland, 23 August 1688, NA, ADM 2/1742, 143; William Westby, *Memoirs*, 24 August 1688, FSL, V.a. 469, fol. 36r;? (London) to John Ellis, 25 August 1688, BL, Add. 4194, fol. 311r; Sir John Reresby, *Memoirs*, ed. Mary K. Geiter and W. A. Speck (London: Royal Historical Society, 1991), 25 August 1688, 506; Sunderland (Windsor) to Skelton, 27 August 1688, NA, SP 104/19, fol. 95v; William Blathwayt (Windsor) to Captain Shakerley, 28 August 1688, NA, WO 4/1, fol. 47r; John Verney (London) to Edmund Verney, 29 August 1688, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Robert Fairfax (the Downs) to his mother, 30 August 1688, NMM, MS81/116; Newsletter, 25 September 1688, Bodleian, Don.c.38, fol. 295r. Данные, которые Яков получил о размере сил вторжения Вильгельма, были удивительно точными: Yard (Whitehall) to Albeville, 24 August 1688, Indiana, Albeville MSS; Newsletter (Whitehall), 7 September 1688, Beinecke, OSB MSS1/Box 2/Folder 89; Benjamin Bathurst (London) to John Allcock, 25 September 1688, BL, Loan 57/70, fol. 4r; Will Culliford (Customs House, London) to Ellis, 27 September 1688, BL, Add. 4194, fol. 347r; East India Company to General and Council of India, 8 October 1688, IOL, E/3/91, fol. 295v; Robert Balle (Livorno) to Goodwyn and Delabere, 28 October/

- 7 November 1688, NA, FO 335/7, fol. 3; Alexander Dunbar (London) to Louis Innes, 13 September 1688, SCA, Bl 1/111/7; Andrew Cotton to Hatton, 6 September 1688, BL, Add. 29563, fol. 2571r; Henry Hunter (London) to George Hales, 25 September 1688, Berkshire SRO, D/EHr/B2; Henry Fleming (Oxford) to Sir Daniel Fleming, 21 October 1688, Cumbria SRO, Kendal, WD/Ry 3290; *Axminster*, October 1688, 135; John Verney (London) to Edmund Verney, 29 August 1688, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Sir John Lowther, *Memoirs*, Cumbria SRO, Carlisle, D/Lons/L2/5, 94.
9. James II (Whitehall) to Dartmouth, 5 October 1688, Staffordshire SRO, D(w) 1778/V/1403, 116–17; Yard (Whitehall) to Albeville, 11 October 1688, Indiana, Albeville MSS; Reresby, *Memoirs*, 30 October 1688, 524;? (London) to Innes, 5 November 1688, SCA, Bl 1/119/6; James II (Whitehall) to Dartmouth, 20 October 1688, NMM, LBK/49, 143; John Childs, *The Army, James II and the Glorious Revolution* (Manchester: Manchester University Press, 1980), 4; Webb, *Churchill's Coup*, 141.
 10. Yard (Whitehall) to Albeville, 31 August 1688, Indiana, Albeville MSS; Dartmouth (Ouze Edge) to James II, 17 October 1688, NMM, DAR/17; James II (Whitehall) to Dartmouth, 8 October 1688, Staffordshire SRO, D(w) 1778/V/1403, 118.
 11. Yard (Whitehall) to Albeville, 25 September 1688, Indiana, Albeville MSS;? (London) to Albeville, October 1688, Indiana, Albeville MSS; Newsletter from Whitehall, 5 October 1688, BL, Add. 45731, fol. 11; Sunderland (Windsor) to Skelton, 27 August 1688, NA, SP 104/19, fol. 95v.
 12. Thomas Bligh (London) to his brother, 27 September 1688, PRONI, T2929/1/20; Nathaniel Molyneux to Roger Kenyon, 18 October 1688, HMC Kenyon, 204; Elizabeth Powis (St. James's) to Lord Montgomery, 30 October 1688, NA, PRO 30/53/8, fol. 129v; Sir Ralph Verney (London) to Lady Bridgeman, 4 October 1688, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Thomas Brathwait (Salisbury) to Sir Daniel Fleming, November 1688, Cumbria SRO, Kendal, WD/Ry, unfolioed.
 13. William Lawrence to Col. Henry Norwood, [April 1688], IOL, European MSS, E387/B, fol. 45; Thomas [Smith] (bishop of Carlisle) to Sir Daniel Fleming, 14 May 1688, Cumbria SRO, Kendal, WD/Ry 3198; Robert H. Murray, ed., *The Journal of John Stevens* (Oxford: Clarendon Press, 1912), 4 (далее цит. как Stevens, *Journal*); Colley Cibber, *An Apology for the Life of Colley Cibber*, ed. Robert Lowe (New York: AMS Press, 1966), 63; Evelyn, *Diary*, 24 August 1688, 4:597; James Johnston (London) to?, 18 June 1688, BL, Add. 34515, fol. 80v.
 14. Stevens, *Journal*, October 1688, 6; Bath (Plymouth) to Sunderland, 9 October 1688, NA, SP 31/4, fol. 107r; Sir Christopher Musgrave

- (Edenhall) to Sir Daniel Fleming, 4 October 1688, Cumbria SRO, Kendal, WD/Ry 3270; Sir Charles Cotterell to Sir William Trumbull, 25 October 1688, BL, Trumbull MSS39 (since recataloged); Westby, *Memoirs*, 15 October 1688, fol. 39v;? (London) to Innes, 5 November 1688, SCA, Bl 1/119/6; Albeville (Hague) to Middleton, 29 September/9 October 1688, BL, Add. 41816, fol. 226.
15. John Whiting, *Persecution Exposed*, 2nd ed. (London: James Phillips, 1791), 388–89; «Some Account of the Revolution», BL, Add. 9363, fol. 1r; William Sancroft, «The Present State of the English Government», January 1689, Bodleian, Tanner 269, fol. 1r.
 16. Count Lillieroot (Paris) to Sir William Trumbull, 8/18 September 1688, BL, Trumbull MSS8 (since recataloged); Dunbar (Edinburgh) to Innes, 30 October 1688, SCA, Bl 1/111/8; London Newsletter, 13 November 1688, Bodleian, Don.c.38, fol. 341r; Anthony Hewitson, ed., *Diary of Thomas Bellingham, an Officer under William III* (Preston: Geo. Toulmin and Sons, 1908), 13 November 1688, 27 (далее цит. как Bellingham, *Diary*).
 17. Jones, *Revolution of 1688*, 209–49; Western, *Monarchy and Revolution*, 249, 253–55; Stephen Baxter, *William III and the Defense of European Liberty* (New York: Harcourt, Brace and World, 1966), 230–34; Edward B. Powley, *The English Navy in the Revolution of 1688* (Cambridge: Cambridge University Press, 1928), 1–15; Gilbert Burnet, *History of His Own Time* (London: William Smith, 1838), 474, 479; Wellwood, *Memoirs*, 253; Daniel Defoe, *The Advantages of the Present Settlement* (London: Richard Chiswell, 1689), 26; Morrice, *Entering Book*, 6 October 1688, DWL, 31 Q, 300; Bellingham, *Diary*, 24 September 1688, 16; W Sandford (mayor of Harwich) to Owen Wynne, BL, Add. 41805, fol. 48r; Daniel Defoe, *Memoirs of Publick Transactions in the Life and Ministry of His Grace the Duke of Shrewsbury* (London: Tho. Warner, 1718), 19.
 18. Shrewsbury, Devonshire, Danby, Lumley, Compton, Sidney, and Russell to William, 30 June 1688, PRO, SP 8/1/Part 2, fols. 224–25.
 19. Carlingford (Vienna) to Middleton, 9/19 September 1688, BL, Add. 41842, fol. 136; Bulstrode (Brussels) to Sunderland, 12 October 1688, NA, SP 77/55, fol. 493r; Wyche (Hamburg) to Poley, 2 November 1688, BL, Add. 45731, fol. 40r; Wyche (Hamburg) to Albeville, 10/20 April 1688, Indiana, Albeville MSS; Wyche (Hamburg) to Middleton, BL, Add. 41827, fol. 86r; Etherege (Ratisbon) to Albeville, 18/28 June 1688, Indiana, Albeville MSS; Skelton (Paris) to Wynne, 24 August/4 September 1688, BL, Add. 41842, fol. 222v; Albeville (Hague) to Middleton, 18/28 September, 21 September/1 October, 26 September/

- 6 October 1688, BL, Add. 41816, fols. 202, 209v, 217v; Extracts of the Resolutions of the States General, 28 October 1688, PRO, C110/80/6.
20. Sir Robert Southwell, «A Short Account of the Revolution», FSL, V.b. 150, 1: fol. 2v; Samuel Clarke (London) to Joseph Dolling, 9 October 1688, Churchill College Cambridge, Erie 2/16/17; Westby, *Memoirs*, 14 October 1688, fol. 39r; Reresby, *Memoirs*, 17 October 1688, 522; Van Citters (London) to States General, 12/22 October 1688, BL, Add. 34512, fol. 112r.
21. Morrice, *Entering Book*, 18 August 1688, DWL, 31 Q, 286; Dunmore to Derby, 1 October 1688, HMC Kenyon, 198.
22. Van Citters (London) to States General, 12/22 October 1688, BL, Add. 34512, fol. H2r; E. W (York) to Sir Daniel Fleming, 12 October 1688, Bodleian, MSS Don.c.38, fol. 302r; Lord Fairfax (York) to Sunderland, 5 October 1688, NA, SP 31/4, fol. 91r; Walter Partridge (Scarborough) to Sunderland, 5 October 1688, NA, SP 31/4, fol. 94r; Lowther, *Memoirs*, 96; W. Lord Aston (Tixall) to Sunderland, 29 September 1688, NA, SP 31/4, fol. 82r; W. Molyneux (Croxteth) to Sunderland, 30 September 1688, NA, SP 31/4, fol. 83r; Caryll Molyneux (Wigan) to Sunderland, 5 October 1688, NA, SP 31/4, fol. 92r; Bellingham, *Diary*, 16 October 1688, 22; Caryll Molyneux to Sunderland, 19 October 1688, NA, SP 31/4, fol. 146r; Theophilus Brookes to Huntingdon, 17 November 1688, HEH, HA 1042; Huntingdon, *Autobiography*, 17 October 1699, HEH, HA Genealogy Box 1 (32); George Vernon and Henry Hamlocke (Derby) to Lord Preston, 1 November 1688, BL, Add. 63780, fol. 14; Sir Jeffrey Palmer (West Carlton) to Huntingdon, 26 October 1688, HEH, HA 9837; Robert Wilimot (Osmaston) to Huntingdon, 27 October 1688, HEH, HA 13420; Проект ходатайства с предоставлением сведений о тяжбе между графом Дерби и лордом Деламером, октябрь-декабрь 1688, HMC Kenyon, 205; Roger Kenyon, *Diary*, 3 November 1688, HMC Kenyon, 200; Bristol (Sherborn) to Sunderland, 29 September 1688, NA, SP 31/4, fol. 81r; Matthew Hole, *A Sermon Preached at Taunton*, 6 January 1689 (London: Randolph Taylor, 1689), sig. [A2r]; Morrice, *Entering Book*, 17 November 1688, DWL, 31 Q, 317; Sir Robert Holmes (Isle of Wight) to Viscount Preston, 6 November 1688, BL, Add. 63780, fol. 41r; Sir Ralph Verney (London) to Edmund Verney Jr., 31 October 1688, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Lord Teynham (Lodge) to Sunderland, 8 October 1688, NA, SP 31/4, fol. 103r.
23. Morrice, *Entering Book*, 13 October 1688, DWL, 31 Q, 302; Earl of Clarendon, *Diary*, 24 September 1688, Singer, 2:189–90; Philip Frowde (London) to Dartmouth, 4 October 1688, Beinecke, OSB Shelves fb.190. 3:342–43; London Newsletter, 4 October, 6 October 1688, Bodleian.

- Don.c.38, fols. 297r, 298r; George Jeffries to Sir William Turner, 5 October 1688, Guildhall Library, 5099, unfolioed; Van Citters (London) to States General, 5 October 1688, BL, Add. 34512, fol. 105r; Lady Gardiner (London) to Sir Ralph Verney, 29 November 1688, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; John Verney (London) to Edmund Verney Jr., 1 November 1688, Buckinghamshire SRO, Verney MSS.
24. Bath (Plymouth) to Sunderland, 9 October 1688, PRO, SP 31/4, fol. 107r. На предыдущей неделе он сообщил, что подобное происходило везде на западе страны: Bath to Dartmouth, 3 October 1688, Staffordshire SRO, D(w) 1778/1/1/1319; Paul Halliday, *Dismembering the Body Politic: Partisan Politics in England's Towns, 1650–1730* (Cambridge: Cambridge University Press, 1998), 258–60.
25. John Verney (London) to Sir Ralph Verney, 30 August 1688, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Jack Stewkley (London) to Sir Ralph Verney, 29 August 1688, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Van Citters (London) to States General, 14/24 September, 2/12 October 1688, BL, Add. 34512, fols. 95v, 108r; Anthony Heyford (Norwich) to Blathwayt, 24 September 1688, Beinecke, OSB MSS2/Box 5/Folder 98; Childs, *Army*, 3; Kitt Redman's London Letter, 16 October 1688, Bodleian, Don.c.38, fol. 312r.
26. Edward Merrye (London) to James Mellifort, 28 August 1688, HEH, STT 1470; Merrye (London) to Mellifort, 13 September 1688, HEH, STT 1471; Dean Montague (London) to Viscount Hatton, 2 October 1688, BL, Add. 29563, fol. 277r; Levant Company (London) to Trumbull, 13 October 1688, BL, Add. 72526, fol. 184v; Van Citters (London) to States General, 9/19 October 1688, BL, Add. 34510, fol. 153v; London Newsletter, 6 October 1688, Bodleian, Don.c.38, fol. 298r; J. Boscawen (Whitehall) to John Evelyn, 30 September 1688, BL, Evelyn MSS, JE A9, unfolioed (since recataloged); Morrice, Entering Book, 13 October 1688, DWL, 31 Q, 303.
27. Albeville (Hague) to Middleton, 28 August/7 September 1688, BL, Add. 41816, fol. 170v; Petit (Amsterdam) to Middleton, 17/27 August 1688, BL, Add. 41816, fol. 160r; C. D. Chandaman, *The English Public Revenue, 1660–1688* (Oxford: Clarendon Press, 1975), 260; Wyche (Hamburg) to Middleton, 18 September 1688, BL, Add. 41827, fol. 90r; Robert Hall (Rye) to Frowde, 30 September 1688, NA, SP 31/4, fol. 84r.
28. Defoe, *Memoirs of Public Transactions*, 18–19; W. E. Buckley, ed., *Memoirs of Thomas, Earl of Ailesbury*, 2 vols. (Westminster: Nichols and Sons, 1890), 1:129–30; Reresby, *Memoirs*, 15 October 1688, 520–21; Albeville (Hague) to Preston, 6/16 November 1688, BL, Add. 34517, fol. 9r. Интересно, что финансовая поддержка Вильгельму фигурирует в за-

- писях Ранке о революции, но не упомянута у Маколея. Относительно Ранке см. Leopold Von Ranke, *A History of England Principally in the Seventeenth Century*, vol. 4 (New York: AMS, 1966), 399–400.
29. Hugh Speke to William III, 1689, NA, SP 32/2, fol. 88; Sir John Morgan (Chester Castle) to Shrewsbury, 5 April 1690, NA, SP 32/3, fol. 4; Morrice, *Entering Book*, 22 December 1688, DWL, 31 Q, 370–71; Earl of Dorset's Dorset Proclamation, 30 November 1688, Churchill College, Cambridge, Erie MSS, 4/4/2; Van Citters (Reading) to States General, 9/19 December 1688, BL, Add. 34510, fol. 194r.
 30. A General Account of the Money Received of Lt. Col. Coke, 27 November 1688–20 February 1689, BL, Add. 69953, fol. 36r; Private Account of John Coke, [November–December 1688], BL, Add. 69953, fol. 57r; John Wright's Receipts, 28 November 1688, BL, Add. 69953, fol. 5r; Robert Kirk, «Sermons, Occurrences ...», March 1690, Edinburgh SUL, La. III.545, fol. 94v.
 31. Newsletter, 12 January 1689, Bodleian, Don.c.39, fol. 87r; London Newsletter, 12 January 1689, FSL, L.c. 1958; Morrice, *Entering Book*, 12 January 1689, DWL, 31 Q, 419; London Newsletter, 15 January 1689, FSL, L.c. 1959; Robert Dale (London) to?, 17 January 1689, BL, Egerton 2717, fol. 425r; Edmund Bohun, *The History of the Desertion* (London: Ric. Chiswell, 1689), 122; Corporation of London SRO, Loan Accounts, MS40/35; London Newsletter, 15 January 1689, FSL, L.c. 1959; *London Intelligence*, 15–19 January 1689.
 32. Alexander Stanhope (Madrid) to James Vernon, 7 June 1690, NA, SP 94/73, fol. 9v; Defoe, *Memoirs of Public Transactions*, 20–22; Albeville (Hague) to Middleton, 9/19 March 1688, BL, Add. 41815, fol. 183v; J. Cutts (Loo) to Middleton, 12 April 1688, BL, Add. 41805, fol. 23; Sir John Narborough to Lord Falkland, 4 May 1688, NMM, LBK/1, fol. 19v; Petit (Amsterdam) to Middleton, 15/25 May 1688, BL, Add. 41816, fol. 32v; Albeville (Hague) to Middleton, 31 July/10 August 1688, BL, Add. 41816, fol. 143r; Wyche (Hamburg) to Poley, 19 October 1688, BL, Add. 45731, fol. 22r; Morrice, *Entering Book*, 17 November 1688, DWL, 31 Q, 317; London Newsletter, 20 November 1688, Bodleian, Don.c.38, fol. 352v; *London Mercury*, 27–31 December 1688; E. S., *A Petition and Demand of Right and Justice by One of the Commons of England*, 19 January 1702 [1702], 2; Burnet, *History*, 483–87; G. Davies, ed., *Autobiography of Thomas Raymond and Memoirs of the Family of Guise of Elmore, Gloucestershire*, Camden Society, 3rd Ser., 28 (1917): 135–36; Winchester (Basingstoke) to William, 23 April 1688, NA, SP 8/1/Pt. 2, fol. 212v; Albeville (Hague) to Middleton, 8/18 June 1688, BL, Add. 41816, fol. 63r; Clarendon, *Diary*, 27 September 1688, 2:191;

Albeville (Hague) to Middleton, 8/18 May 1688, BL, Add. 41816, fol. 25r; Danby (London) to William, 29 March 1688, NA, SP 8/1/Pt. 2, fol. 199r; Antoine Moreau (Hague) to king of Poland, 2/12 October 1688, BL, Add. 38495, fol. 32r; Albeville (Hague) to Middleton, 20/30 March 1688, BL, Add. 41815, fol. 193v;? (London) to Innes, 5 November 1688, SCA, Bl 1/119/6; Francis Gwynn (Whitehall) to Blathwayt, 18 October 1688, Beinecke, OSB MSS2/Box 4/Folder 91; Moreau (Hague) to king of Poland, 13/23 July 1688, BL, Add. 38494, fol. 83v; Westby, *Memoirs*, 13 July 1688, fol. 31v; Yard (Whitehall) to Albeville, 13 July 1688, Indiana, Albeville MSS; H. Thynne (London) to Weymouth, 14 July 1688, Longleat House, Thynne MSS14, fol. 241r; Newsletter to Countess of Suffolk, 17 July 1688, BL, Add. 34487, fol. 15r; John Verney (London) to Sir Ralph Verney, 19 July 1688, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Israel and Geoffrey Parker, «Of Providence and Protestant Winds», in *Anglo-Dutch Moment*, ed. Israel, 354–55.

33. Захватывающий рассказ Маколея подчеркивает роль «авантюристов» из аристократии и джентри: Macaulay, *History*, 2:421–22; Catalogue of Nobility and Principal Gentry Said to Be in Arms with the Prince of Orange, December 1688, Beinecke, OSB MSS1/Box 4/Folder 189; Moreau (Hague) to king of Poland, 23 September/5 October 1688, BL, Add. 38495, fol. 26; Albeville (Hague) to Middleton, 27 September/7 October 1688, BL, Add. 41816, fol. 220r. Сюда включены такие люди, как лондонский купец и старейшина первого непрофессионального жюри Джон Уилмер: The Case of John Wilmer, HEH, EL 9614; Petit (Amsterdam) to Middleton, 17/27 August 1688, BL, Add. 41816, fol. 159r; Newsletter to Earl of Suffolk, 25 July 1688, BL, Add. 34487, fol. 17r; Israel and Parker, «Of Providence and Protestant Winds», 354; Albeville (Hague) to Middleton, 20/30 April 1688, BL, Add. 41815, fol. 258r; Ian Gentles, *The New Model Army in England, Ireland and Scotland, 1645–1653* (Oxford: Blackwell, 1992), 35–36; Webb, *Churchill's Coup*, 142.
34. Newsletter to Earl of Suffolk, 25 July 1688, BL, Add. 34487, fol. 17v; Theophilus Brookes (Formark) to Huntingdon, 8 August 1688, HEH, HA 1041; Childs, *Army*, 138–64; Shrewsbury, Devonshire, Danby, Lumley, Compton, Sidney, and Russell to William, 30 June 1688, NA, SP 8/1/Pt. 2, fols. 225–26; Morrice, *Entering Book*, 17 November 1688, DWL, 31 Q, 320–21; Ambrose Norton, «An Account of the Revolution in the Army in 1688», Bodleian, Rawlinson MSS, D148, fol. 3; Lowther, *Memoirs*, 106; Reresby, *Memoirs*, 10 September 1688, 510; Charles Gatty, ed., «Mr. Francis Gwyn's Journal», *Fortnightly Review*, n. s., 40 (1886): 363.

35. Gilbert Burnet, in H. C. Foxcroft, ed., *A Supplement to Burnet's «History of My Own Time»* (Oxford: Clarendon Press, 1902), 291; Annual Letters, 1688, Foley, 268–69; Van Citters (London) to States General, 20/30 November 1688, BL, Add. 34510, fol. 180r; Webb, *Churchill's Coup*, 130–33; Childs, *Army*, 148–50. Чайлдс переоценивает уровень сотрудничества между этими группами тори и вигов: *Memoirs of the Life of the Most Noble Thomas Late Marquess of Wharton*, 2nd ed. (London: J. Roberts, 1715), 19; Norton, «Account of the Revolution in the Army in 1688», fols. 3–4; William Penn to Dartmouth, 23 October 1688, *Penn Papers*, 3:211; Captain Robert Parker, *Memoirs of the Most Remarkable Military Transactions* (Dublin: Geo. and Alex Ewing, 1746), 9–10; Pen Stewkley (Norham, Leicestershire) to John Verney, 5 November 1688, Buckinghamshire SRO, Verney MSS. Впоследствии эти войска отказались воевать против сторонников принца: Henry Compton (Nottingham) to Danby, 2 December 1688, LPL, 1834, fol. 17v; Samuel Pepys (London) to Dartmouth, 10 December 1688, Beinecke, OSB Shelves fb.190, 4: fol. 645r; Letter from Exeter, 21 November 1688, BL, Add. 63780, fol. 101r; Henry Booth, Lord Delamere, *The Works* (London: John Lawrence and John Dunton, 1694), 62.
36. Delamere, *Works*, 6y, Reresby, *Memoirs*, 28 November 1688, 535.
37. Sir Willoughby Aston, Diary, 18 November 1688, Liverpool SRO, 920 MD173; Lord Berkeley (Spithead) to Dartmouth, 21 November 1688, Beinecke, OSB Shelves fb.190, 4: fol. 583; Middleton (Salisbury) to Preston, 24 November 1688, NA, SP 44/97, fol. 23; Sir Henry Shere (Hartly) to Dartmouth, 25 November 1688, Staffordshire SRO, D(w) 1778/III/123; Bellingham, *Diary*, 29 November 1688, 32; John Evelyn Jr. (Oxford) to John Evelyn, [12 December] 1688, BL, Evelyn MSS JE A4 (since recataloged); Norton, «Account of the Revolution in the Army in 1688», fol. 7; James II (Whitehall) to Dartmouth, 10 December 1688, Staffordshire SRO, D(w) 1778/V/1403, 134; James II (Whitehall) to Feversham, 10 December 1688, NAS, GD406/1/3401; Cotterell to Trumbull, [28 November 1688], BL Trumbull MSS39 (since recataloged); *Life of James II*, 2:225–26; Delamere, *Works*, 63; Reresby, *Memoirs*, 28 November 1688, 535; Francis Barrington and Benjamin Steele (London) to Goodwyn and Delabere, 11 January 1689, NA, FO 335/8, fol. 3.
38. *A Memorial of God's Last Twenty-Nine Years Wonders in England* (London: J. Rawlins, 1689), 118;? to Lord Herbert of Cherbury, 21 July 1688, NA, PRO 30/53/8, fol. 119r; J.D. Davies, *Gentlemen and Tarpaulins: The Officers and Men of the Restoration Navy* (Oxford: Clarendon Press, 1991), 202–3; London Newsletter, 21 July 1688, Longleat House, Thynne MSS15, fol. 253r; Albeville (Hague) to Middleton, 31 July/10 August

- 1688, BL, Add. 41816, fol. 143v; Dartmouth (Ouze Edge) to James II, 22 October 1688, Staffordshire SRO, D(w) 1778/V/1403, 159–60; Dartmouth (Ouze Edge) to James II, 22 October 1688, NMM, DAR/17; Shrewsbury, Devonshire, Danby, Lumley, Compton, Sidney, and Russell to William, 30 June 1688, NA, SP 8/1/Pt. 2, fol. 225v.
39. Norton, «Account of the Revolution in the Army in 1688», fol. 10v; Dartmouth (Ouze Edge) to James II, 22 October 1688, NMM, DAR/17; Roberr Price to Beaufort, [November 1688], Bodleian, Carte 130, fol. 313r; *Life of James II*, 2:208; John Knox Laughton, ed., *Memoirs Relating to the Lord Torrington*, Camden Society, n.s., 46 (1889): 27–28; Dartmouth (Ouze Edge) to James II, 17 October 1688, NMM, DAR/17; *The Prince of Orange's Letter to the English Fleet*, [1688]; Arthur Herbert, *Admiral Herbert's Letter to All Commanders of Ships and Seamen*, [1688]; William III to all the commanders of ships in the English navy, 29 September 1688, BL, Egerton 2621, fol. 13. О личных письмах см.: Herbert to Andrew Tucker, 6 November 1688, BL, Add. 63780, fol. 45r; Herbert to Colonel Strangways, 6 November 1688, BL, Add. 63780, fol. 47. См. также: Moreau (Hague) to king of Poland, 4/14 September 1688, BL, Add. 38495, fol. 15v; Albeville (Hague) to Middleton, 4/14 September 1688, BL, Add. 41816, fol. 177v; Albeville (Hague) to?, 6/16 November 1688, BL, Add. 34517, fol. 8r; Bulstrode (Brussels) to Sunderland, 12 October 1688, NA, SP 77/55, fol. 493r; Van Citters (London) to States General, 13/23 November 1688, BL, Add. 34510, fol. 172v; Wyche (Hamburg) to Poley, 27 November 1688, BL, Add. 45731, fol. 65v; Edward Russell (Exeter) to Herbert, 13 November 1688, BL, Egerton 2621, fol. 47r; Southwell, «A Short Account of the Revolution», 1: fol. 3r; and Memorial for the King about the Fleet, 28 July 1693, NA, CO 388/4, fol. 67r.
40. Dartmouth to Samuel Pepys, 5 November 1688, NMM, DAR/15, 80; Dartmouth to James II, 5 November 1688, NMM, DAR/17; Davies, *Gentlemen and Tarpaulins*, 215–17.
41. И Саймон Патрик, и Джон Эвелин сообщали, что они слышали о планах от своих английских друзей еще до конца августа 1688 года: Simon Patrick, *Autobiography*, in *The Works of Symon Patrick*, vol. 9, ed. Alexander Taylor (Oxford: Oxford University Press, 1858), 513–14; Evelyn, *Diary*, 10 August 1688, 4:592; Morrice, *Entering Book*, 24 November 1688, DWL, 31 Q, 321; Information of Captain Humphrey Okeover, 30 August 1688, BL, Add. 41805, fol. 43r.
42. Delamere, *Works*, 57; Dartmouth (Downs) to James II, 8 November 1688, NMM, DAR/17, 2r; Southwell, «A Short Account of the Revolution», 1: fol. 18v; John Whittle, *An Exact Diary of the Late Expedition* (London:

- Richard Baldwin, 1689), 40–41; *A Political Conference* (London: J. L., 1689), 50.
43. Middleton to Newcastle, 30 October 1688, NA, SP 44/97, fol. 9; Reresby, *Memoirs*, 28 November 1688, 530; *Life of James II*, 2:231; Thomas Osborne, Duke of Leeds, *Copies and Extracts of Some Letters* (London, 1710), vi–vii; Reresby, *Memoirs*, 4 October 1688, 514–15.
 44. Reresby, *Memoirs*, 28 November, 22 November 1688, 534, 528–31; Jeremy Mahony (York) to Thomas Ratcliffe, 22 November 1688, BL, Egerton 3335, fols. 80–81; Newsletter, 27 November 1688, Bodleian, Don.c.39, fol. 6r; Reresby, *Memoirs*, 531; Newsletter from London, 24 November 1688, Bodleian, Don.c.39, fol. 7r; Reresby, *Memoirs*, 24 November 1688, 532; Bellingham, *Diary*, 27 November 1688, 31; London Newsletter, 29 November 1688, FSL, L.c. 1941; *Life of James II*, 2:231; London Newsletter, 29 November 1688, FSL, L.c. 1941; William Longueville (London) to Viscount Hatton, 24 November 1688, BL, Add. 29563, fol. 336r;? to Lady Gerard, November 1688, NAS, GD406/1/8828.
 45. Aston, *Diary*, 18 November 1688; Newsletter, 24 November 1688, Bodleian, Don.c.39, fol. 11r;? to Charles Jackson, 17 November 1688, BL, Add. 63780, fol. 92r; J. Smithsby (London) to Huntingdon, 20 November 1688, HEH, HA 12450; Delamere, «Advice to His Children», 20 September 1688, in Delamere, *Works*, 1694, 1–2; Delamere to?, 1689, NA, SP 8/6, fol. 47; Morrice, *Entering Book*, 24 November 1688, DWL, 31 Q, 324; «The Glory of the Northern Parts of England», January 1689, in *The Pepys Ballads*, 8 vols., ed. Hyder Edgar Rollins (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1929–32), 4:58; Bellingham, *Diary*, 21 November 1688, 30; William Fleming (Lancaster) to Sir Daniel Fleming, 30 November, 24 November 1688, Bodleian, Don.c.39, fols. 23v, 3v; Robert Price (London) to Beaufort, 22 November 1688, Bodleian, Carte 130, fol. 307r; J. Coke to Francis Thacker, 24 November 1688, BL, Add. 69936, fol. 18r; Newsletter to Countess of Suffolk, 27 November 1688, BL, Add. 34487, fol. 38r; London Newsletter, 29 November 1688, Bodleian, Don.c.39, fol. 28r; Morrice, *Entering Book*, 22 December 1688, DWL, 31 Q, 371; William Fleming (Lancaster) to Sir Daniel Fleming, 30 November 1688, Bodleian, Don. c. 39, fol. 31v.
 46. D. P. Davies, *A New Historical and Descriptive View of Derbyshire* (Belper: S. Mason, 1811), 184; London Newsletter, 22 November 1688, Bodleian, Don.c.39, fol. 1r; Van Citters (London) to States General, 20/30 November 1688, BL, Add. 34510, fol. 182r; Devonshire (Nottingham) to Danby, 22? November 1688, BL, Egerton 3335, fol. 59r; A. Mildmay to David Barrett, November 1688, Essex SRO, D/DL/C43/2/101; Bligh (London) to?, 27 November 1688, PRONI, T2929/1/23; Morrice,

- Entering Book, 22 December 1688, DWL, 31 Q, 371; Mr. Andrews et al. to? Sir Richard Temple, 10 November 1688, HEH, STT 48; Newsletter from London, 24 November 1688, Bodleian, Don.c.39, fol. 6r; Anne (Cockpit) to William, 18 November 1688, NA, SP 8/2/Pt. 2, fol. 64;? to Lady Gerard, November 1688, NAS, GD406/1/8828; Aston, Diary, 30 November 1688; Compton (Nottingham), to Danby, 2 December 1688, LPL, 1834, fol. 17r; Anne (Nottingham) to Bathurst, 3 December 1688, BL, Loan 57/71, fol. 19r; *Life of James II*, 2:227.
47. Cibber, *Apology*, ed. Lowe, 58–62; Commissioners of His Majesty's Revenue to Lords of Treasury, 4 December 1688, NA, CUST 48/3, 226; Petition of Mary Borradaile, 13 November 1691, NA, CUST 48/4, 212; Newsletter from London, 27 November 1688, Bodleian, Don.c.39, fol. 21r.
48. Compton (Nottingham) to Danby, 5 December 1688, BL, Egerton 3336, fol. 34r; Compton (London) to William, 2 December 1688, NA, SP 8/2/Pt. 2, fol. 33; London Newsletter, 2 December 1688, HRC, Pforzheimer/Box 10/Folder 5; London Newsletter, 8 December 1688, Bodleian, Don.c.39, fol. 48r; Devonshire (Nottingham) to William, 2 December 1688, NA, SP 8/2/Pt. 2, fol. 32; Chesterfield, «Memoirs», in *Letters of Philip, Second Earl of Chesterfield* (London: E. Lloyd and Son, 1829), 48–49; *English Currant*, 12–14 December 1688; Lord Grey of Ruthen to Christopher Hatton, December 1688, BL, Add. 29563, fol. 395r.
49. R. Fleming to Sir Daniel Fleming, 22 November 1688, Bodleian, Don.c.39, fol. 2r; Draft of Petition, 24 November 1688, HMC Kenyon, 205–6; William Fleming (Lancaster) to Sir Daniel Fleming, 27 November 1688, Bodleian, Don.c.39, fol. 141; Aston, Diary, 20 November, 28 November, 30 November 1688; Bellingham, *Diary*, 23 November 1688, 31; Roger Kenyon, *Remarques upon the Change of Lieutenancy in Lancashire*, ca. 1689, Lancashire SRO, DD/Ke/4/9/; London Newsletter, 18 December 1688, Bodleian, Don.c.39, fol. 73r; Stevens, *Journal*, 8–9.
50. Van Citters (London) to States General, 13/23 November 1688, BL, Add. 34510, fol. 174r; London Newsletter, 4 December 1688, BL, Add. 34487, fol. 44r; Newsletter from London, 4 December 1688, Bodleian, Don.c.39, fols. 36–37; Row Tempest to Edmund Poley, 4 December 1688, BL, Add. 45731, fol. 69v; Jonathan Trelawney, bishop of Bristol (Bristol) to William, 5 December 1688, NA, SP 8/2/Pt. 2, fol. 35; Morrice, Entering Book, 8 December 1688, DWL, 31 Q, 343; Memoirs of Edward Harley, 11 December 1688, BL, Add. 34515, fol. 1; Samuel Saunders (Hereford) to Sancroft, 10 December 1688, Bodleian, Tanner 28, fol. 283r; Newsletter from Whitehall, 7 December 1688, HRC, Pforzheimer/Box 10/Folder 5; Morrice, Entering Book, 8 December 1688, 343.

51. Middleton (Whitehall) to Beaufort, 16 November 1688, NA, SP 44/97, fol. 18; Stevens, *Journal*, 6–7; Aston, Diary, 21 November 1688.
52. Reresby, *Memoirs*, 8 August 1688, 505; Norfolk (Norwich) to Sunderland, 15 October 1688, NA, SP 31/4, fol. 135v; Van Citters (London) to States General, 16/26 October 1688, BL, Add. 34512, fol. 115r; Charles Dodd, *The Church History of England*, 3 vols. (Brussels, 1742), 3:447; William Lloyd, bishop of Norwich (Norwich) to Sancroft, 19 November 1688, Bodleian, Tanner 28, fol. 258r; R. D. (London) to?, 6 December 1688, BL, Egerton 2717, fol. 414r; Duke of Norfolk's Speech at Lynn Regis, 10 December 1688, BL, Add. 22640, fol. 54v; *London Mercury or Moderate Intelligencer*, 15 December 1688.
53. Bohun, *History of the Desertion*, 39; *Quadrennium Jacobi* (London: James Knapton, 1689), 196; Whittle, *Exact Diary*, 45–46; *A True and Exact Relation of the Prince of Orange His Publick Entrance into Exeter* (1688); «Relation du Voyage d'Angleterre», 9/19 November 1688, Warwickshire SRO, CR2017/C8, fol. j6r.
54. Southwell, «Short Account of the Revolution», 1: fol. 18v; Huntingdon (Honiton) to Countess of Huntingdon, 7 November 1688, HEH, HA 6066; Whittle, *Exact Diary*, 50–51; Morrice, Entering Book, 17 November 1688, DWL, 31 Q, 316; *Quadrennium Jacobi*, 199. Среди них был владелец лондонской гостиницы Джордж Арнольд: Colchester, Manchester, and Sidney to lords of the Treasury, 1 May 1691, NA, CUST 48/4, 132.
55. William (Exeter) to Edward Herbert, 10/20 November 1688, BL, Egerton 2621, fol. 41r; Aikenhead (Edinburgh) to Tweeddale, 13 November 1688, NLS, 7011, fol. 119r; Southwell, «Short Account of the Revolution», 1: fol. 18r; Gilbert Burnet to Edward Herbert, 16 November 1688, BL, Egerton 2621, fol. 51r;? (Exeter) to John Candy, 21 November 1688, BL, Add. 63780, fol. 103r; Nottingham to Lord Hatton, 15 November 1688, BL, Add. 29594, fol. 131v; James (Whitehall) to Dartmouth, 9 November 1688, Staffordshire SRO, D(w) 1778/V/1403, 123; Dartmouth to Pepys, 11 November 1688, NMM, DAR/15, 95; Narcissus Luttrell, 14 *Brief Historical Relation of State Affairs*, vol. 1 (Oxford: Oxford University Press, 1857), November 1688, 474.
56. *Memoirs of Wharton*, 21; Southwell, «Short Account of the Revolution», 1: fol. 18r; Letter from Exeter, 17 November 1688, BL, Add. 63780, fol. 93r; Alexander Sampson (Exeter) to Frowde, 19 November 1688, BL, Add. 63780, fol. 99r; London Newsletter, 20 November 1688, FSL, L.c. 1937; London Newsletter, 20 November 1688, Bodleian, Don.c.38, fol. 361r; London Newsletter, 22 November 1688, FSL, L.c. 1938; Newsletter from London, 24 November 1688, Bodleian, Don.c.39, fol. 8r; Morrice,

- Entering Book, 24 November 1688, DWL, 31 Q, 322; Burnet (Exeter) to Edward Herbert, 16 November 1688, BL, Egerton 2621, fol. 51v; Bligh (London) to?, 27 November 1688, PRONI, T2929/1/23; Henry Fleming (Oxford) to Sir Daniel Fleming, 17 November 1688, Cumbria SRO, Kendal, WD/Ry 3324; Sir John Chichely to Peter Legh, 1 December 1688, JRL, Legh of Lyme MSS, Box 4/Folder 26; Cotterell to Trumbull, [28 November 1688], BL, Trumbull MSS39 (since recataloged); EIC to general and council of India at Bombay, 5 December 1688, IOL, E/3/91, fol. 297r.
57. Middleton (Salisbury) to Preston, 23 November 1688, NA, SP 44/97, fol. 22; Nottingham to Lord Hatton, 24 November 1688, BL, Add. 29594, fol. 835r; Morrice, Entering Book, 24 November 1688, DWL, 31 Q, 322; John Cowper (London) to [Thomas Dawtry], 27 November 1688, Essex SRO, D/Dfa/F22.
58. *A Letter to a Gentleman at Brussels*, 22 December 1688 (London, 1689), 5.
59. Albeville (Hague) to Middleton, 17/27 April 1688, BL, Add. 41815, fol. 249v; Morrice, Entering Book, 28 July 1688, DWL, 31 Q, 285; commissioners of His Majesty's revenue to lords of the Treasury, 4 December 1688, NA, CUST 48/3, 226; Morrice, Entering Book, 2 December 1688, 387; [Sir William] Portman (сад возле Тонтона) to Col. Thomas Erie, 19 December 1688, Churchill College, Cambridge, 2/50/2.
60. *Great News from Salisbury*, 6 December 1688 (1688); Whittle, *Exact Diary*, 61.
61. Albeville (Hague) to Middleton, 1/11 October 1688, BL, Add. 41816, fol. 230v; Sandford to Wynne, 26 September 1688, BL, Add. 41805, fol. 46r; London Newsletter, 6 October 1688, Bodleian, Don.c.38, fol. 298r; Southwell, «Short Account of the Revolution», 1: fols. 7–8; Sir Ralph Verney (Middle Claydon) to John Verney, 9 December 1688, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; London Newsletter, 8 December 1688, Bodleian, Don.c.39, fol. 40v; John Evelyn Jr. (Radley) to John Evelyn, 15 December 1688, BL, Eveleyn MSS, JE A4, 646 (since recataloged); Henry Fleming (Oxford) to Sir Daniel Fleming, 19 January 1689, Cumbria SRO, Kendal, WD/Ry 3426.
62. Bath to William, 18 November, 27 November 1688, NA, SP 8/21/Pt. 2, fols. 56r, 58r; Huntingdon, Autobiography, 17 October 1699, HEH, HA Genealogy Box 1(32); *English Currant*, 12 December 1688, [1]; Huntingdon (Plymouth) to Countess of Huntingdon, 26 November 1688, HEH, HA 6074.
- 63.? to Innes, 11 December 1688. SCA. Bl 1/119/2; London Newsletter, 8 December 1688, Bodleian, Don.c.39, fol. 48r; London Newsletter, 8 December 1688, BL, Add. 34487, fol. 46r; Reresby, *Memoirs*, 3 December

- 1688, 535–36; Devonshire (Nottingham) to Danby, 8 December 1688, BL, Egerton 3336, fol. 40v; *Life of James II*, 2:230–31; Childs, *Army*, 192–93; John Tichell, *The History of the Town and County of Kingston upon Hull* (Hull: Thomas Lee, 1798), 583; Newsletter from Whitehall, 7 December 1688, HRC, Pforzheimer/ Box 10/Folder 5; *English Currant*, 12 December 1688, [1].
64. Pepys (London) to Dartmouth, 10 December 1688, Beinecke, OSB Shelves fb.190, 4: fol. 644r;? to Innes, 11 December 1688, SCA, Bl 1/119/2; *English Currant*, 12–14 December 1688; Russell Billingsby (Berwick) to Sir Charles Porter, 16 December 1688, BL, Egerton 3336, fol. 77r; London Newsletter, 15 December 1688, Bodleian, Don.c.39, fol. 6^r; *English Currant*, 14–19 December 1688.
65. William Carstares to William, [summer – autumn] 1688, NA, SP 8/2/ Pt. 2, fol. 109r; Lord Lindsay, ed., *Memoirs Touching the Revolution in Scotland by Colin Earl of Balcarres* (Edinburgh: Bannatyne Club, 1841), 8–9, 11–12; Ginny Gardner, *The Scottish Exile Community in the Netherlands, 1660–1690* (East Linton: Tuckwell, 2004), 182–85; J. Aglionby to Sir John Lowther, 11 November 1688, Cumbria SRO, Carlisle, D/Lons/ Li/1/34/19; John Ker, *Memoirs of John Ker of Kersland* (London, 1726), 10; T. S., *The History of the Affaires of Scotland* (London: Tho. Salusbury, 1690), sig. A3r, 21–22; *Five letters from a Gentleman in Scotland* (London, 1689), 25 December 1688, 4, 8. Кер и его шайка захватили католические ритуальные предметы, спрятанные в Траквэйр-Хаусе 4-м графом, и сожгли их на кресте в Пиблз: см. mss letter, 1688, Traquair House, priest's room; Douglas Duncan, ed., *History of the Union of Scotland and England by Sir John Clerk of Penicuik* (Edinburgh: Scottish History Society, 1993), 81. Я расхожусь с Иеном Коуэном: Ian B. Cowan, «The Reluctant Revolutionaries: Scotland in 1688», in *By Force or By Default?* ed. Cruickshanks, 65ff. Я полностью согласен с Тимом Харрисом: Tim Harris, «Reluctant Revolutionaries? The Scots and the Revolution of 1688–89», in *Politics and the Political Imagination in later Stuart Britain*, ed. Howard Nenner (Rochester, NY: University of Rochester Press, 1997), 97–117.
66. Patrick Kelly, «Ireland and the Glorious Revolution», in *Revolutions of 1688*, ed. Beddard, 169; The Case of the Governor and Garrison of Londonderry, ca. 1700, Lancashire SRO, D/DK/1745; Gilbert, ed., *Jacobite Narrative*, 40–41; Petition of George Hause, 3 September 1689, NA, SP 32/2, fol. 3; Simon Digby (bishop of Limerick), Diary, 9 October 1688, LPL, 3152, fols. 7–8; Philip O'Regan, *Archbishop William King, 1650–1729, and the Constitution in Church and State* (Dublin: Four Courts Press, 2000), 22; Gilbert, ed., *Jacobite Narrative*, 42.

67. Mr. Riggs's Narrative of the Proceedings at Boston, 18 April 1689, NA, CO 5/905, fol. 47r; lieutenant governor and council of New York to Committee of Trade, 15 May 1689, NA, CO 5/905, fol. 45r; Webb, *Churchill's Coup*, 182–216; Address of the president and Council for Safety (Boston), 20 May 1689, NA, CO 5/905, fol. 60; Morrice, Entering Book, 29 June 1689, DWL, 31 Q, 583; E. R. and S. S., *The Revolution in New England Justified* (Boston: Joseph Brumay, 1691), 2; Edward Randolph, A Short Narrative, 29 May 1689, NA, CO 5/905, fols. 69–70; Stephen Lobb to Preston, 4 December 1688, BL, Add. 63773, fol. 197r; Lieutenant Governor Nicholson (New York) to Committee of Trade, 15 May 1689, NA, CO 5/905, fol. 45v; Petition of the New York House of Representatives, 15 May 1699, HEH, EL 9777; London Newsletter, 27 August 1689, FSL, L.c. 2056; The State of Lord Baltimore's Case, 1712, BL, Add. 70160, unfolioed; *The Declaration of the Reasons and Motives of the Present Appearing in Arms of Their Majesties Protestant Subjects in the Province of Maryland* (St. Mary's, MD: William Nuthead, 1689), 25 July 1689, 3.
68. Georges Lefebvre, *The Great Fear of 1789*, trans. Joan White (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1973), 56. В дальнейших пунктах я следую весьма информативной статье Адама Фокса «Слухи и паника в позднестuartовской Англии: „Ирландский кошмар” декабря 1688 года» (Adam Fox, «Rumour and Panic in Late Stuart England: The 'Irish Fright' of December 1688»). См. его более раннюю дискуссию в: *Oral and literate Culture in England, 1500–1700* (Oxford: Clarendon Press, 2000), 380–82; George Hilton Jones, «The Irish Fright of 1688: Real Violence and Imagined Massacre», *Bulletin of the Institute of Historical Research* 55 (November 1982): 148–53.
69. Lowther (London) to Mr. Tichell, 9 October 1688, Cumbria SRO, Carlisle, D/Lons/W2/1/234; Musgrave (Edenhall) to Sir Daniel Fleming, 11 October 1688, Cumbria SRO, Kendal, WD/Ry 3279; William Fletcher (Whitehaven) to Sir Daniel Fleming, 15 October 1688, Cumbria SRO, Kendal, WD/Ry 3284; Lawrence Rawstorne to Kenyon, 16 October 1688, HMC Kenyon, 203; Bellingham, *Diary*, 17 October 1688, 22; Aston, *Diary*, 20 October 1688; Parker, *Memoirs*, 8; Lieutenant Colonel Norton (Yarmouth) to Blathwayt, 10 September 1688, FSL, X.d. 436 (36); London Newsletter, 9 October, 11 October 1688, Bodleian, Don.0.38, fols. 298r, 299v; Van Citters (London) to States General, 30 October/9 November 1688, BL, Add. 34510, fol. 101r; *The Prince of Orange His Third Declaration*, [28 November 1688], 3; Morrice, Entering Book, 15 December 1688, DWL, 31 Q, 362; Bohun, *History of the Desertion*, 89; Luttrell, *Brief Historical Relation*, 8 December 1688, 485; Hugh Speke,

The Secret History of the Happy Revolution in 1688 (London: S. Keimer, 1715), 32–33; A. Pye (London) to Abigail Harley, 28 October 1688, BL, Add. 70014, fol. 115r; London Newsletter, 29 November 1688, Bodleian, Don.c.39, fol. 27r; London Newsletter, 29 November 1688, FSL, L.c. 1941; Edward Harley (Stoke) to Robert Harley, 9 December 1688, BL, Add. 40621, fol. 1r;? (Carlisle) to Lowther, to December 1688, Cumbria SRO, Carlisle, D/Lons/Li/1/34/21; William Fleming (Lancaster) to Sir Daniel Fleming, 24 November 1688, Bodleian, Don.c.39, fol. 3v; Kenyon to mayor of Wigan, 28 November 1688, HMC Kenyon, 209; Simon Digby, Bishop of Limerick, Diary, 26 October 1688, LPL, 3152, fol. 7v; Cotterell to Trumbull, 25 October 1688, BL, Trumbull MSS39 (since recataloged); Wellwood, *Memoirs*, 220–21; London Newsletter, 11 December, Bodleian, Don.c.39, fol. 54v; Ferguson, *History of Mobs*, 49.

70. Speke, *Secret History*, 42; Norton, «An Account of the Revolution in the Army», fol. 10v.
71. Morrice, Entering Book, 15 December 1688, DWL, 31 Q, 352; R. D. (London) to?, 13 December 1688, BL, Egerton 2717, fol. 416r;? (London) to James Harrington, 13 December 1688, BL, Add. 36707, fol. 51r; John Verney (London) to Sir Ralph Verney, 13 December 1688, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; London Newsletter, 13 December 1688, Bodleian, Don.c.39, fol. 72r; Luttrell, *Brief Historical Relation*, 13 December 1688, 487; Parker, *Memoirs*, 12; Martha Harley (Brampton Bryan) to Sir Edward Harley, 14 December 1688, BL, Add. 70118, unfolioed; Francis Holdsworth (Chesterfield) to Danby, 14 December 1688, BL, Egerton 3336, fol. 58r; Sir William Boothby (Ashbourne) to Mr. Wolley, 15 December 1688, BL, Add. 71692, fol. 59r; *London Mercury*, 15–18 December 1688; Roger Whitley, Diary, 15 December 1688, Bodleian, Eng. Hist.c.711, fol. 100r; Aston, Diary, 15 December 1688; *English Currant*, 21–26 December 1688; Thomas Shearson (mayor of Lancaster) to Sir Daniel Fleming, 15 December 1688, Cumbria SRO, Kendal, WD/Ry 3393; Draft of a Petition Giving Particulars of a Dispute between the Earl of Derby and Lord Delamere, 15 December 1688, HMC Kenyon, 206; Bellingham, *Diary*, 15 December 1688, 36; William Fleming (Lancaster) to Sir Daniel Fleming, 15 December 1688, Bodleian, Don.c.39, fol. 7r; Thoresby, *Diary*, 1:191; *English Currant*, 19–21 December 1688; *London Mercury*, 24–27, 27–31 December 1688; *Five Lettters from a Gentleman in Scotland*, 25 December 1688, 4; Speke, *Secret History*, 45–48; Thomas Halyburton, *Memoirs of the Life of the Reverend Mr. Thomas Halyburton* (Edinburgh: Andrew Anderson, 1714), 23; Annual Letters of the Residence, 1685–90, Foley, 729; Theophilus Brookes (Derbyshire) to Huntingdon, 19 December 1688, HEH, HA 1043;

- Musgrave (Edenhall) to Sir Daniel Fleming, 25 December 1688, Cumbria SRO, Kendal, WD/Ry 3409.
72. William Fleming (Lancaster) to Sir Daniel Fleming, 18 December 1688, Bodleian, Don c. 39, fol. 69r; Lowther (London) to T. Tichell, 25 December 1688, Cumbria SRO, Carlisle, D/Lons/W2/1/23; Morrice, *Entering Book*, 15 December 1688, DWL, 31 Q, 359; *Stevens, Journal*, 11; Annual Report, 1688, Foley, 731; Speke, *Secret History*, 44.
 73. *English Currant*, 19 December 1688, [2]; Whittle, *Exact Diary*, 71; Countess of Huntingdon (London) to Huntingdon, 18 December 1688, HEH, HA 4807; Thomas Carleton (London) to Huntingdon, 18 December 1688, HEH, HA 1227; Wyche (Hamburg) to Poley, 22 January 1689, BL, Add. 45731, fol. 99r; Morrice, *Entering Book*, 22 December 1688, DWL, 31 Q, 377–78. Оранжевые женщины, как известно, пели в декабре 1688 года апельсиновые баллады. См.: «Buy My Oranges»* [], 1688, Essex SRO, D/Dby Z5; «A Congratulatory Poem to His Royal Highness the Prince of Orange», «The Prince of Orange Welcome to London», «The Prince of Orange's Triumph», «A Third Touch of the Times», «A New Song of an Orange» and «The Rare Virtue of an Orange», all in *Pepys Ballads*, ed. Rollins, 3:319; Bohun, *History of the Desertion*, 105; John Evelyn to John Evelyn Jr., 18 December 1688, BL, Evelyn MSS, JEJ 1 (since recataloged); London Newsletter, 20 December 1688, FSL, L.c. 1949; Hamon London Newsletter, 20 December 1688, Beinecke, OSB Shelves fb.210; *Quadrennium Jacobi*, 252; R. D. (London) to?, 18 December 1688, BL, Egerton 2717, fol. 417r.
 74. Countess of Huntingdon (London) to Huntingdon, 3 December 1688, HEH, HA 4801; Joseph Hill (Paris) to Trumbull, 8 December 1688, Berkshire SRO, D/ED/C33; Henry Newcome, 30 November 1688, in *The Autobiography of Henry Newcome*, vol. 2, ed. Robert Parkinson, Chetham Society 27 (Manchester: Chetham Society, 1852), 269; Countess of Huntingdon (London) to Huntingdon, 20 November 1688, HEH, HA 4712; Thomas Legh (Norton) to Peter Legh, 22 November 1688, JRL, Legh of Lyme, Box 4/Folder 29; Levant Company to Trumbull, 15 December 1688, NA, SP 105/114, fol. 444; Cibber, *Apology*, ed. Lowe, 70; *Stevens, Journal*, 4; *Life of James II*, 2:230.
 75. Delamere, *Works*, 68; *A Dialogue between Dick and Tom* (London: Randal Taylor, 1689), 9.
 76. Sir Richard Temple, «Essay on Monarchy», ca. 1690s, HEH, STT Lit (17); *Stevens, Journal*, 98; Cotterell to Trumbull, 31 December 688, BL, Trumbull MSS39 (since recataloged); Thomas and Robert Ball (Leghorn)

* У автора — непереводаемая игра слов: «оранжевый», «цитрусовый» («апельсиновый») и «оранжистский». (Прим. ред.)

to Kinard de la Bere, January 1689, NA, FO 335/15, unfolioed; *A New Declaration of the Confederate Princes and States* (London: Tim. Goodwin, 1689), 24; *Reflections upon Our Late and Present Proceedings in England* (London, 1689), 5; *A Friendly Debate* (London: Jonathan Robinson, 1689), 11; Philip Warre (Whitehall) to Edmund Poley, 4 December 1688, BL, Add. 45731, fol. 71; Huntingdon (Plymouth) to Sir Edward Abney, 7 December 1688, HEH, HA 6078; *Dilucidator*, 5 March 1689, no; London Newsletter, 28 December 1688, HRC, Pforzheimer/Box 10/Folder 5; Pierre Jurieu, *Monsieur Jurieu's Judgment* (London: John Lawrence, 1689), 23–24.

77. Delamere, *Works*, 67–68; *Life of James II*, 2:233, 241–42; James II (Whitehall) to Feversham, 10 December 1688, NAS, GD406/1/3401; Reresby, *Memoirs*, 10 December 1688, 536;? to Sancroft, 30 January 1689, Bodleian, Tanner 28, fol. 336r.

Глава девятая

Насильственная революция

1. Roger Morrice, Entering Book, 8 December 1688, DWL, 31 Q, 343.
2. Samuel Rudder, *A New History of Gloucestershire* (Cirencester, 1779), 351; J. Keeling to Roger Kenyon, November 1688, HMC Kenyon, 210; Anthony Hewitson, ed., *Diary of Thomas Bellingham, an Officer under William III* (Preston: Geo. Toulmin and Sons, 1908), 18 November 1688, 29–30 (далее цит. как Bellingham, *Diary*); *Life of James II*, ii: xii John Verney (London) to Sir Ralph Verney, 29 November 1688, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Thomas Babington Macaulay, *The History of England from the Accession of James II*, 5 vols. (New York: Harper and Brothers, 1849–61), 2:473–74; London Newsletter, n December 1688, Bodleian, Don.c.39, fol. 54; Samuel Pepys (London) to Dartmouth, 10 December 1688, Beinecke, OSB Shelves fb.190, 4: fols. 644–45; Newsletter from Whitehall, 10 December 1688, HRC, Pforzheimer/Box 10/ Folder 5; George Rude, *The Crowd in the French Revolution* (Oxford: Clarendon Press, 1959), 89.
3. Middleton (Whitehall) to Bristol, 8 November 1688, NA, SP 44/97, fol. 14; John Verney (London) to Sir Ralph Verney, 28 November, 29 November 1688, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; London Newsletter, 6 December 1688, FSL, L.c. 1944; Capt. Robert Parker, *Memoirs of the Most Remarkable Military Transactions* (Dublin: Geo. and Alex Ewing, 1746), 12–13.
4. *English Currant*, 12–14 December 1688; London Newsletter, 8 December 1688, FSL, L.c. 1945; Dartmouth (Spithead) to Col. Richard Norton,

18 December 1688, NMM. DAR/17, 53; *English Currant*, 19–21 December 1688.

5. Philip Warre (Whitehall) to Edmund Poley, 4 December 1688, BL, Add. 45731, fol. 71v; Robert H. Murray, ed., *The Journal of John Stevens* (Oxford: Clarendon Press, 1912), 7 (далее цит. как Stevens, *Journal*); Commissioners of the Revenue to Lords of the Treasury, 26 December 1688, NA, CUST 48/3, 228–29.
6. Charles Dodd, *The Church History of England*, 3 vols. (Brussels, 1742), 3:435; Annual Letters, 1688, Foley, 269; *A Memorial of God's Last Twenty-Nine Years Wonders in England* (London: J. Rawlins, 1689), 138; Sir Richard Bulstrode (Brussels) to Poley, 9 January 1689, BL, Add. 45731, fol. 95v.
7. London Newsletter, 13 October 1688, Bodleian, Don.c.38, fol. 303r; Jesuit Annual Letters, 1688, Foley, 269; Supplement to the History of the Province, 1688, Foley, 271; Morrice, Entering Book, 3 November 1688, DWL, 31 Q, 310; London Newsletter, 30 October 1688, Bodleian, Don. c. 38, fol. 326v; John Verney (London) to Edmund Verney Jr., 1 November 1688, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Letter to Viscount Hatton, 1 November 1688, BL, Add. 29563, fol. 312r.
8. Middleton (Whitehall) to lord mayor of London, 13 November 1688, NA, SP 44/97, fol. 15; Nottingham to Hatton, 15 November 1688, BL, Add. 29594, fol. 131r; (London) to James Harrington, 13 November 1688, BL, Add. 36707, fol. 47r; William Longueville (London) to Hatton, 13 November 1688, BL, Add. 29563, fol. 323r; Humphrey Griffith (Whitehall) to Poley, 13 November 1688, BL, Add. 45731, fol. 5U; London Newsletter, 13 November 1688, BL, Add. 34487, fol. 35r; London Newsletter, 13 November 1688, FSL, L.c. 1934; Van Citters (London) to States General, 16/26 November 1688, BL, Add. 34510, fol. 177; London Newsletter, 17 November 1688, Bodleian, Don.c.38, fol. 353v; London Newsletter, 17 November 1688, FSL, L.c. 1936.
9. *English Currant*, 12–14 December 1688; Lady Cary Gardiner (London) to Sir Ralph Verney, 12 December 1688, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Jack Stewkley (London) to Sir Ralph Verney, 11 December 1688, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; London Newsletter, n December 1688, FSL, L.c. 1946; John Aubrey (London) to Anthony Wood, 22 December 1688, BL, Egerton 2231, fol. 120r; John Verney (London) to Sir Ralph Verney, 13 December 1688, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Sir Charles Cotterell to Sir William Trumbull, 31 December 1688, BL, Trumbull MSS39 (since recataloged); Morrice, Entering Book, 15 December 1688, DWL, 31 Q, 352; Thomas Carleton (London) to Huntingdon, 13 December 1688, HEH, HA 1226; London Newsletter,

- 13 December 1688, FSL, L.c. 1947; London Newsletter, 13 December 1688, Bodleian, Don.c.39, fol. 62r.
10. *An Account of the Proceedings at White-Hall, Guildhall, in the City of London and at the Tower*, 11 December 1688 [1688]; Morrice, Entering Book, 15 December 1688, DWL, 31 Q, 348, 361; *English Currant*, 12–14 December 1688; London Newsletter, 13 December 1688, Bodleian, Don.c.39, fol. 62r; Bulstrode (Brussels) to Poley, 9 January 1689, BL, Add. 45731, fol. 95v; *London Mercury*, 15 December 1688; Van Citters (Westminster) to States General, 14/24 December 1688, BL, Add. 34510, fol. 198; London Newsletter, 13 December 1688, Bodleian, Don.c.39, fol. 62r; John Chichely (London) to Peter Legh, 11 December 1688, JRL, Legh of Lyme MSS, Box 4/Folder 26.
 11. R. D. (London) to?, 11 December 1688, BL, Egerton 2717, fol. 415r; Philip Frowde (London) to Dartmouth, 11 December 1688, Beinecke, OSB Shelves fb.190, 4: fol. 649r; Edmund Bohun, *History of the Desertion* (London: Ric. Chiswell, 1689), 98; *Quadrennium Jacobi* (London: James Knapton, 1689), 245–46; «The Downfall of Popery», January 1689, in *The Pepys Ballads*, 8 vols., ed. Hyder Edgar Rollins (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1929–32), 4:74.
 12. Row Tempest to Poley, 11 December 1688, BL, Add. 45731, fol. 77r; Sir Robert Southwell, «A Short Account of the Revolution in England», 11 December 1688, FSL, V.b. 150, 1: fol. 10v; Supplement to the History of the Province, 1688, Foley, 271; Paul de Rapin de Thoyras, *The History of England*, 5th ed., vol. 12, trans. N. Tindal (London: T. Osborne et al., 1752), 164; *London Mercury*, 15–18, 18–22, 22–24 December 1688; London Newsletter, 22 December 1688, Bodleian, Don.c.39, fol. 75r; Annual Letters, 1688, Foley, 781; Van Citters (London) to States General, 23 October/2 November 1688, BL, Add. 34510, fol. 159v; Norfolk (Norwich) to Sunderland, 15 October 1688, NA, SP 31/4, fol. 135Ar; *English Currant*, 2 January 1689, [2]; London Newsletter, 6 December 1688, FSL, L.c. 1944. Насчет этого я не согласен с Маколеем: Macaulay, *History*, 2:521.
 13. Anthony Wood, *Athenae Oxonienses*, 3 vols., 2nd ed. (London: R. Knaplock, D. Midwinter, J. Tonson, 1721), 2:617; Father Henry Pelham to Father John Clare, 2 May 1690, Foley, 956; London Newsletter, 6 December 1688, FSL, L.c. 1944; Morrice, Entering Book, 29 December 1688, DWL, 31 Q, 410; *London Mercury*, 22–24 December 1688.
 14. *English Currant*, 14 December 1688; Dodd, *Church History*, 3:449. О прочей антикатолической активности в Уэльсе см. Foley, 893, 943; Andrews et al. to?, 10 November 1688, HEH, STT 48; Newsletter from London, 1 December 1688, Bodleian, Don.c.39, fol. 35H Annual Letters

of the College, 1688, Foley, 420, 447; Newsletter from London, 4 December 1688, Bodleian, Don.c.39, fol. 37r; Foley, 488, 621; Annual Letters of the Residence, 1688, Foley, 683; John Tickell, *History of the Town and County of Kingston upon Hull* (Hull: Thomas Lee, 1798), 582; Annual Letters of the Residence, 1685–90, Foley, 727–30; *London Mercury*, 15–18 December 1688; Annual Letters (Durham), 1688, Foley, 650; Annual Letters, 1688, Foley, 356; Annual Letters, 1685–1690, Foley, 319. Толпы по всей Шотландии также нападали на католических сторонников Якова II и на их культовые сооружения: Kitt Redman's London Newsletter, 16 October 1688, Bodleian, Don.c.38, fol. 312v; Charles Whyteford (Paris) to Walter Leslie, 7/17 January 1689, SCA, Bl 1/126/3; Tweeddale (Edinburgh) to Yester, 11 December 1688, NLS, 7026, fols. 81–82; John Clerk of Pennicuik, Journal, 10 December 1688, NAS, GD18/2090; «Diary of Andrew Haye», in *Genealogie of the Hayes of Tweeddale*, 60, 63; *London Mercury*, 18–22 December 1688; *Five Letters from a Gentleman in Scotland* (1689), 1–4; Paul Hopkins, *Glencoe and the End of the Highland War* (Edinburgh: John Donald, 1986), 120;? (Edinburgh) to Hamilton, 23 December 1688, NAS, GD406/1/3504; Clerk of Pennicuik, Journal, 25 December 1688; Charles Whyteford (Paris) to?, 5/15 February 1689, SCA, Bl 1/126/7; *English Currant*, 2 January 1689; Charles Whyteford (Paris) to Walter Leslie, 28 January/7 February 1689, SCA, Bl 1/126/6.

15. Bohun, *History of the Desertion*, 85.

16. Robert Ferguson, *The History of All the Mobs, Tumults and Insurrections in Great Britain* ([London]: J. Moore, [1715]), 48–49; Diary of Mary Woodforde, 5 November 1688, in *Woodforde Papers and Diaries*, ed. Dorothy H. Woodforde (London: P. Davies, 1932), 19; Countess of Huntingdon (London) to Huntingdon, 15 December 1688, HEH, HA 4806; *The True Copy of a Paper Delivered by Lord Delamere*, 21 November 1688; Barillon (London) to Louis XIV, 14/24 December 1688, MAE, CP/Angleterre 167, fols. 227–28.

17. William Westby, *Memoirs*, 30 November 1688, FSL, V.a. 469, fol. 52r; Samuel Clay (London) to Barbara Newton, 8 December 1688, Staffordshire SRO, D1344/2/1/20/27; Philip Musgrave (London) to Dartmouth, 11 December 1688, Staffordshire SRO, D(w) 1778/III/124; Philip Musgrave (London) to Dartmouth, 13 December 1688, Staffordshire SRO, D(w) 1778/III/127; *London Mercury*, 15 December 1688; London Newsletter, 11 December 1688, Bodleian, Don.c.39, fol. 54v; Sir Edmund King (London) to Hatton, 13 December 1688, BL, Add. 29585, fol. 140r; Nottingham to Hatton, 13 December 1688, BL, Add. 29594, fol. 117r; Morrice, *Entering Book*, 15 December 1688, DWL, 31 Q, 351.

18. London Newsletter, 13 December 1688, Bodleian, Don.c.39, fol. 62r; *An Account of the Flight, Discovery and Apprehending of George Lord Gejfries* [December 1688]; King (London) to Hatton, 13 December 1688, BL, Add. 29585, fol. 140r; London Newsletter, 13 December 1688, FSL, L.c. 1947; John Verney (London) to Sir Ralph Verney, 13 December 1688, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; *English Currant*, 14 December 1688; London Newsletter, 13 December 1688, Bodleian, Don.c.39, fol. 62r; London Newsletter, 18 December 1688, FSL, L.c. 1949; London Newsletter, 18 December 1688, BL, Add. 4182, fol. 71v; *London Courant*, 5–8 January 1689.
19. London Newsletter, 22 November 1688, Bodleian, Don c. 39, fol. 1r; Thomas Morgan (Deane Forest) to Ormond, 23 January 1689, BL, Add. 28876, fol. 176r; Molly McClaim, *Beaufort: The Duke and His Duchess, 1657–1715* (New Haven and London: Yale University Press, 2001), 178–88; Samuel Rudder, *History and Antiquities of Gloucester* (Cirencester, 1781), 149; *English Currant*, 12–14 December 1688; Stevens, *Journal*, 7–8; *English Currant*, 14–19 December 1688; Roger Whitley, *Diary*, 27 November 1688, Bodleian, Eng.Hist.c.711, fol. 99v; William Fleming (Lancaster) to Sir Daniel Fleming, 18 December 1688, Bodleian, Don.c.39, fol. 69r; *Orange Gazette*, 31 December 1688.
20. John Covel (вице-канцлер Кембриджа) to all masters and heads of colleges, 15 December 1688, Trinity College, Cambridge, MS R.4.43, fol. 1r; William Whiston, *Memoirs of the Life and Writings* (London, 1749), 23; *London Mercury*, 24–27 December 1688; *London Mercury*, 31 December 1688–3 January 1689; Hamon London Newsletter, 1 January 1689, Beinecke, OSB Shelves fb.210; Sir John Reresby, *Memoirs*, ed. Mary K. Geiter and W. A. Speck (London: Royal Historical Society, 1991), 22 November 1688, 531. Эта схема была типичной и для Шотландии: William Carstares to? William III, July 1688, NA, SP 8/2/Pt. 2, fol. 52;? (London) to Lewis Innes, 5 November 1688, SCA, Bl 1/119/6; Livingstone, Dunmore, and Dundee (Watford) to William, 11 December 1688, NA, SP 8/2/Pt. 2, fol. 37; Robert Dale (London) to?, 17 January 1689, BL, Egerton 2717, fol. 425r.
21. Daniel Szechi, *The Jacobites: Britain and Europe, 1688–1788* (Manchester: Manchester University Press, 1994). 49. 51–59.
22. Yester (London) to Tweeddale, 19 January 1689, NLS, 14404, fol. 7r; T. Vincent (Yorkshire) to Edward Brereton, 24 July 1689, Bodleian, Carte 79, fol. 239r.
23. William Banks to Kenyon, 21 February 1689, HMC Kenyon, 218; London Newsletter, 29 June 1689, FSL, L.c. 2034; Thomas Tobin (Lancashire) to Mrs. Throckmorton, 10 June 1689, NA, SP 32/1, fol. 71; Lord

- Massarene (Fishwick) to Sir Richard Newdigate, 8 May 1689, Warwickshire SRO, CR136/B293; Morrice, *Entering Book*, n May 1689, DWL, 31 Q, 551; London Newsletter, 7 May 1689, FSL, L.c. 2012.
24. Deposition of Allan Bateman, Merchant, Deposition of Benjamin Reay, Merchant, Deposition of Thomas Mortimer, Gentleman, Deposition of Robert Maddison, Yeoman, and Deposition of Francis Johnson, Merchant, Newcastle, 23 May 1689, all in NA, SP 32/1, fol. 53; Charles Fitzwilliam (Newcastle) to Col. John Coke, 14 May 1689, BL, Add. 69936, fols. 74–75.
 25. Robert Kirk, «Sermons, Occurrences ...». 28 November 1689, Edinburgh SUL, La.III.545, fol. 127r; James Fenton (Lancaster) to Sir Thomas Rawlinson, 11 October 1689, Bodleian, Rawlinson Letters D863, fol. 37r; William Harbord, 15 March 1689, Grey, 9:165; Banks to Kenyon, 21 February 1689, HMC Kenyon, 218.
 26. Charles Whyteford (Paris) to Walter Leslie, 25 February/7 March, 4/14 March 1689, SCA, Bl 1/126/11, 13; Halifax's Notes of Conversations with King William, 30 December 1688, BL, Althorp C9, fol. 26r; Hamilton (London) to Duchess of Hamilton, 21 September 1689, NAS, GD406/1/6344; A Brief Account, 7 March 1689, Bodleian, Rawlinson MSS, D1039, fol. 40r; Rupert Browne (London) to Sir William Trumbull, 17 March 1689, BL, Add. 72527, fol. 25r; Shrewsbury (London) to Hamilton, 13 April 1689, NAS, GD406/1/ 3521; Keith Brown, *Kingdom or Province? Scotland and the Regal Union, 1603–1715* (New York: St. Martin's, 1992), 172–73; Hopkins, *Glencoe*, 126–27; Derek J. Patrick, «Unconventional Procedure: Scottish Electoral Politics after the Revolution», in *The History of the Scottish Parliament*, ed. Keith Brown and Alastair J. Mann (Edinburgh: Edinburgh University Press, 2005), 2:208–44. Я благодарю Кита Брауна за отправку мне PDF-файла этого тома, когда я не смог отыскать его обычными способами.
 27. *An Account from Scotland and London-Derry* (London: George Groom, 1689), 7 June, 1; Sir John Lowther, 27 February 1689, Grey, 9:124; *An Account from Scotland and London-Derry*, 1689, 2.
 28. Charles Whyteford (Paris) to Walter Leslie, 27 May/6 June 1689, SCA, Bl 1/127/1; *An Account of Dundee's Rendezvous* (1689), 2; Hamilton (Holyrood House) to Melville, 8 June 1689, NAS, GD406/1/3581; *An Account from Scotland and London-Derry*, 7 June 1689, 2; Francis Cahane (London) to Major General Matthews, 10 June 1689, NA, SP 32/1, fol. 691; Hamilton (Holyrood House) to Melville, 2 July 1689, NAS, GD406/1/3587; Argyll (Inveraray) to Hamilton, 22 July 1689, NAS, 406/1/3564; Hopkins, *Glencoe*, 128–56; Szechi, *Jacobites*, 44.

29. *A Letter from a Friend in the City*, 27 July 1689; John T. Gilbert, ed., *A Jacobite Narrative of the War in Ireland, 1688–91* (New York: Barnes and Noble, 1971), 86; «On Lord Dundee», HEH, EL 8770, 25; Hamilton (Holyrood House) to Melville, 30 July, 1 August 1689, NAS, GD406/1/3596, 3597; Hopkins, *Glencoe*, 158–61, 178–90; Szechi, *Jacobites*, 44; Bruce Lenman, *The Jacobite Risings in Britain, 1689–1746* (London: Eyre Methuen, 1980), 31. Силы Данди составили около 0,2 процента населения Шотландии. Самоуверенное войско Маккея состояло в основном из шотландцев, а объединенные силы при Килликранки представляли 0,6 процента населения Шотландии. Это было приблизительно эквивалентно, к примеру, проценту от населения США в армии в 1945 году. Информации о доле мобилизации в США я благодарен Джиму Спарроу.
30. Francis Barrington and Benjamin Steele (London) to Goodwyn and Delabere, 8 September 1689, NA, FO 335/8, fol. 3; Robert Kirk, «Sermons, Conferences ...». September 1689, Edinburgh SUL, La.III.545, fol. 9v; James Hay (London) to Tweeddale, 13 August 1689, NLS, 14407, fol. 165r; Thomas Buchan (Dublin) to Innes, 12 December 1689, SCA, Bl 1/120/6; Phil Babington (London) to Francis Henry Cary, 9 January 1690, NA, C104/135, unfolioed.
31. John Miller, «The Earl of Tyrconnel and James II's Irish Policy, 1685–1688», *Historical Journal* 20, no. 4 (1977): 813–14, 817–19; J. G. Simms, *Jacobite Ireland, 1685–1691* (Dublin: Four Courts, 2000), 24–25, 32–34, 70; *London Mercury*, 22–24 December 1688; London Newsletter, 8 January 1689, FSL, L.c. 1957; Yester (London) to Tweeddale, 15 January 1689, NLS, 14404, fol. 5r; *London Intelligence*, 15–19 January 1689; Gilbert, ed., *Jacobite Narrative*, 36–38, 51–52; A List of King James's Army Clothed and Armed, 1689, NA, SP 8/2/Pt. 2, fol. 48; Harman Murtagh, «The War in Ireland, 1689–91», in *Kings in Conflict*, ed. W. A. Maguire (Belfast: Blackstaff, 1990), 62.
32. Morrice, Entering Book, 9 February 1689, DWL, 31 Q, 456; Ralph Palmer (London) to John Verney, 30 March 1689, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Martyn and Goodwyn (Adithe) to Goodwyn and Delabere, 12/22 March 1689, NA, FO 335/7, fol. 112; London Newsletter, 19 March 1689, FSL, L.c. 1990; Bellingham, *Diary*, 24 March 1689, 59; Simms, *Jacobite Ireland*, 60–63; Murtagh, «War in Ireland», 62; J. Hogan, ed., *Negotiations de M. le Comte d'Avaux en Irlande, 1689–1690* (Dublin, 1934); Sheila Mulloy, ed., *Franco-Irish Correspondence, December 1688 – February 1692*, 3 vols. (Dublin: Irish Manuscripts Commission, 1983).
33. Gilbert, ed., *Jacobite Narrative*, 46; William Bankes (London) to Peter Legh, 4 April 1689, JRL, Legh of Lyme MSS, Box 4/Folder 26.

34. There were those who thought it to be well trained and well armed: Gilbert, *ed.*, *Jacobite Narrative*, 47–48; Charles Whyteford (Paris) to Walter Leslie, 27 May/6 June 1689, SCA, Bl 1/127/1; Richard Doherty, *The Williamite War in Ireland, 1688–1691* (Dublin: Four Courts, 1998), 25, 37. Другие думали, что хуже подготовлены и плохо вооружены: Stevens, *Journal*, 17 May, 5 September 1689, 63–66, 78; Simms, *Jacobite Ireland*, 69–73; Szechi, *Jacobites*, 43; Michael Boyle (Dublin) to William Sancroft, 14 January 1689, Bodleian, Tanner 28, fol. 3228r; Bellingham, *Diary*, 27 March 1689, 60; London Newsletter, 28 March 1689, FSL, L.c. 1995;? (Dublin) to Perth, 28 March 1689, NAS, GD406/1/3513; Whyteford (Paris) to Leslie, [10/20 February], 13/23 May 1689, SCA, Bl 1/126/10, 23; Stevens, *Journal*, 17 May 1689, 60–61; Massarene (Fisherworth) to Newdigate, 8 May 1689, Warwickshire SRO, CR136/B293.
35. *London Mercury*, 22–24 December 1688; Sir William Boothby (Ashbourne, Derbyshire) to Dr. Anthony Horneck, 25 December 1688, BL, Add. 71962, fol. 64r; Cary Gardiner (Bucks) to Sir Ralph Verney, 8 February, 1689, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Hamon London Newsletter, 8 January 1689, Beinecke, OSB Shelves fb.210; Shrewsbury (Whitehall) to Robert Lundy, 8 March 1689, NA, SP 44/97, fol. 38; Robert Balle (Livorno) to Goodwyn and Delabere, 1/11 May 1689, NA, FO 335/8, fol. 2; Whyteford (Paris) to Leslie, 15/25 April 1689, SCA, Bl 1/126/18; Morrice, *Entering Book*, 29 June 1689, DWL, 31 Q, 582; Doherty, *Williamite War*, 51, 70; Ian McBride, *The Siege of Derry in Ulster Protestant Mythology* (Dublin: Four Courts, 1997), 18; Morrice, *Entering Book*, 4 May 1689, 548; London Newsletter, 30 April, 4 June 1689, FSL, L.c. 2009, 2024; George Walker and John Mitchelburne (Londonderry) to Maj. Gen. Percy Kirke, 19 July 1689, NAS, GD406/1/3527.
36. John Hampden Jr., 21 March 1689, Grey, 9:185; Massarene (London) to Newdigate, [March 1689], Warwickshire SRO, CR136/B297; *Mercurius Reformatus*, 21 August 1689, [1]; Paul Rycaut (Hamburg) to Clarendon, 8 April 1690, Bodleian, Eng.Lett.c.8, fol. 3–4; Alexander Stanhope (Groyne) to James Vernon, 1 May 1690, NA, SP 94/73, fol. 7r; William King, *Europe's Deliverance from France and Slavery* (London: Tim. Goodwin, 1691), 2; Stevens, *Journal*, 17 May 1689, 67; Gilbert, *ed.*, *Jacobite Narrative*, 74, 90.
37. Simms, *Jacobite Ireland*, 109–13; Murtagh, «War in Ireland», 65–69; McBride, *Siege of Derry*, 18–19; Szechi, *Jacobites*, 45–46; Doherty, *Williamite War*, 70; Capt. George Rooke (Cape of Kintyre) to Hamilton, 2 August 1689, NAS, GD406/1/3536; Bellingham, *Diary*, 7 August 1689, 78; Francis Barrington and Benjamin Steele (London) to Goodwyn and

- Delabere, 8 September 1689, NA, FO 335/8, fol. 3; Parker, *Memoirs*, 14; King, *Europe's Deliverance*, 16 November 1690, 18.
38. London Newsletter, 20 August 1689, FSL, L.c. 2053; Barrington and Steele (London) to Goodwyn and Delabere, 8 September 1689, NA, FO 335/8, fol. 3; London Newsletter, 3 September 1689, FSL, L.c. 2059; Doherty, *Williamite War*, 89–100; John De La Bere (London) to Kinard De La Bere, 24 August 1689, NA, FO 335/15, unfolioed; Capt. George Rooke to Hamilton, 9 August 1689, NAS, GD406/1/3539; Cary Gardiner (London) to Sir Ralph Verney, 18 September, 25 September 1689, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Simms, *Jacobite Ireland*, 120–35; Murtagh, «War in Ireland», 70–71.
 39. Dr. William Denton (London) to Sir Ralph Verney, 8 October 1689, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Father Ath. Maxwell (Dublin) to?, 27 November 1689, SCA, Bl 1/124/5; Lord Waldegrave (St. Germain) to Albeville, 15 February 1690, Indiana, Albeville MSS; Stevens, *Journal*, 1690, 101; Simms, *Jacobite Ireland*, 139–40.
 40. London Newsletter, 30 January 1690, FSL, L.c. 2069; Lord Dursley (The Hague) to Nottingham, 11/21 March 1690, Berkeley Castle, MSS36A, fol. 17v; Ralph Trumbull (Witney) to Sir William Trumbull, 16 June 1690, BL, Add. 72511, fol. 95v; *Szechi, Jacobites*, 46; Simms, *Jacobite Ireland*, 141–42; Numbers of Forces to Be Transported to Ireland, 1690, NA, SP 8/8, fol. 35; The Intended Disposition of All Their Majesty's Forces, 1690, NA, SP 8/8, fol. 36; Gilbert, ed., *Jacobite Narrative*, 90, 95.
 41. *Szechi, Jacobites*, 47–48; Simms, *Jacobite Ireland*, 147; Carmarthen (London) to William, 28 June 1690, NA, SP 8/7, fol. 68; Queen Mary (Whitehall) to William III, 24 June 1690, NA, SP 8/7, fol. 62; William, Lord Paget (Vienna), to Sir William Dutton Colt, 3/13 July 1690, BL, Add. 34095, fol. 54v.
 42. Parker, *Memoirs*, 20; Bellingham, *Diary*, 1 July 1690, 130–31; Gilbert, ed., *Jacobite Narrative*, 103–8; Simms, *Jacobite Ireland*, 148–52, 158–86; Doherty, *Williamite War*, 109–25; Murtagh, «War in Ireland», 73–82; Stevens, *Journal*, 1 July 1690, 123.
 43. При Огриме погибло около семи тысяч якобитов и две тысячи вильямитов: Murtagh, «War in Ireland», 89; Bellingham, *Diary*, 26 January 1689, 46; Parker, *Memoirs*, 6; Bellingham, *Diary*, 11, 13 December 1688, 35; *London Mercury*, 18–22 December 1688, 6–11 February 1689; Gilbert, ed., *Jacobite Narrative*, 42, 44; Simms, *Jacobite Ireland*, 49, 55, 125, 198–200; D. W. Hayton, *Ruling Ireland, 1685–1742* (Woodbridge: Boydell, 2004), 21–23; Bellingham, *Diary*, 4 March 1689, 55–56; *London Intelligence*, 15–19 January, 22–24 January 1689; Massarene to Newdigate, 8 February 1689, Warwickshire SRO, CR136/B291; Stevens,

- Journal*, 17 May 1689, 61–62; Thomas Aske to Oliver St. George, 30 September 1689, NA, SP 32/2, fol. 32; William King, June 1690, in *A Great Archbishop of Dublin, William King, D.D., 1650–1729*, ed. Sir Charles Simeon King (London: Longmans, Green, 1908), 28.
44. Melville (London) to Hamilton, 13 August 1689, NAS, GD406/1/3648; William King, March 1691, *A Great Archbishop of Dublin*, King, 32–36; Stevens, *Journal*, 90, 102–4, 109–10; Robert Heslip, «Brass Money», in *Kings in Conflict*, ed. Maguire, 122–35; Henry Mervyn (London) to Huntingdon, 9 August 1690, HEH, HA 9246.
 45. Upton and Martyn (Livorno) to Goodwyn and Delabere, 16/26 October 1690, PRO, FO 335/8/7; John Hartstope (London) to Sir Robert Southwell, 8 July 1690, BL, Add. 38015, fol. 353r;? (Westminster) to Henry Paget, 12 July 1690, SOAS, PP MS4/Box 17/Bundle 74; Chesterfield (Bretby) to Halifax, 20 July 1690, BL, Althorp C3; *Axminster*, July 1690, 142. См. также Sunderland (Althorp) to Dijkvelt, 29 August 1690, Warwickshire SRO, CR2017/C8/56; Gilbert Burnet, *A Sermon Preached before the King and Queen at Whitehall*, 19 October 1690 (London: Richard Chiswell, 1690), 24–25; and Rycaut (Hamburg) to Colt, 22 October/1 November 1690, BL, Add. 34095, fol. 155v.
 46. Colt (Hanover) to Richard Warre, 25 July 1690, NA, SP 81/159, fol. 308; Abraham Kick (Hague) to Nottingham, 18/28 July 1690, NA, SP 84/221, fol. 163; Dursley (Hague) to Nottingham, 18/28 July 1690, Berkeley Castle, MSS36A, fol. 56r; Simms, *Jacobite Ireland*, 144.
 47. Warre (Whitehall) to Colt, 8/18 July 1690, BL, Add. 34095, fol. 39r; Newsletter from London, 11 July 1690, BL, Add. 72528, fol. 81v; F. Overton (London) to Sir Richard Temple, 9 August 1690, HEH, STT 1545; Sir William Fawkenor (London) to Sir William Trumbull, 24 October 1690, BL, Add. 72528, fol. 183v; P. Barkman (London) to Huntingdon, 8 August 1690, HEH, HA 398; Melfort (Rome) to Mary of Modena, 30 August/9 September 1690, BL, Lansdowne 1163C, fol. 22r; Melfort to Innes, 8/18 July 1690, BL, Lansdowne 1163B, fol. 79v; Melfort (Rome) to James II, 26 August/5 September 1690, BL, Lansdowne 1163C, fols. 13v–14r; Sir Edward Hales (St. Germain) to Tyrconnel, 20 May 1691, AWA, Old Brotherhood Papers, Book 3/240; Melfort (Rome) to?, 24 March 1691, AWA, Old Brotherhood Papers, Book 3/239.
 48. Gilbert, ed., *Jacobite Narrative*, 121–22; Weymouth (Longleat) to Halifax, 20 July 1690, BL, Althorp C5; Levant Company to Sir William Trumbull, 17 July 1690, NA, SP 105/114, fol. 502; Queen Mary (Whitehall) to William, 3/13 July 1690, NA, SP 8/7, fol. 75; Henry Newcome, 5 July 1690, in *The Autobiography of Henry Newcome*, vol. 2, ed. Robert

- Parkinson, Chetham Society 27 (Manchester: Chetham Society, 1852), 272; Kick (Hague) to Nottingham, 11/21 July 1690, NA, SP 84/221, fol. 170r; Robert Molesworth (Copenhagen) to Colt, 22 July/1 August 1690, BL, Add. 34095, fol. 78r; Burnet, *Sermon*, 23; Petition of Diverse Mariners, July 1690, HEH, EL 9094; Carmarthen (London) to William, 13 July, 15 July 1690, NA, SP 8/7, fols. 95, 96; Queen Mary to William, 13/23 July 1690, NA, SP 8/7, fol. 94; William Aglionby (Hague) to Warre, 7 July 1690, NA, SP 84/221, fol. 158r; Balle, Henshaw, and Scudamore (Genoa) to Thomas Goodwyn, 1 July 1690, NA, FO 335/8, fol. 7; Craig Rose, *England in the 1690s: Revolution, Religion, and War* (Oxford: Blackwell, 1999), 122.
49. *Axminster*, 1690, 142; A. Pye (London) to Abigail Harley, 12 July 1690, BL, Add. 70014, fol. 333r; Elizabeth Oxenden (Deane) to Lady Trumbull, 31 August 1691, BL, Add. 72529, fol. 95r; Gilbert, ed., *Jacobite Narrative*, 109; G. Bradbury (London) to Tom Wharton, 25 July 1690, Bodleian, Carte 79, fol. 317r; Carmarthen (London) to William, 15 July 1690, NA, SP 8/7, fol. 96;? (London) to William Dunlop, 2 August 1690, NLS, 9250, fol. 186; Thomas Legh to Peter Legh, 29 June 1690, JRL, Legh of Lyme, Box 4/Folder 29; Melfort (Rome) to James II, 29 August/9 September 1690, Lansdowne 1163C, fol. 19r; The Numbers of the Militia in the Several Counties in England and Wales, 1690, NA, SP 8/8, fol. 51.
50. Carmarthen (London) to William, 12 August 1690, NA, SP 8/7, fol. 139; Edward Ridley to Huntingdon, 26 July 1690, HEH, HA 10491.
51. Memoire from Zurich, 31 May 1690, NA, SP 8/7, fol. 43; John Childs, *The Nine Years' War and the British Army, 1688–1697* (Manchester: Manchester University Press, 1991), 135; Dursley (Hague) to Carmarthen, 13/23 June 1690, Berkeley Castle, MSS36A, fol. 39v; Carmarthen (London) to William, 23 June 1690, NA, SP 8/7, fol. 61; William, Lord Paget (Vienna), to Colt, 3/13 July 1690, BL, Add. 34095, fol. 54; Gilbert, ed., *Jacobite Narrative*, 122–23.
52. Cotterell (London) to Trumbull, 24 November 1691, BL, Trumbull MSS39 (since recataloged). Под «месье» здесь подразумевался Людовик XIV; James Brydges to his father, 8 July 1694, HEH, STT 57, 1:20.

Глава десятая

Разделяющая революция

1. Lady Sunderland (Windsor) to Henry Sidney, 3 September 1688, BL, Add. 32681, fol. 309v; Antoine Moreau (The Hague) to king of Poland, 4/14 September 1688, BL, Add. 38495, fol. 14v; Sir Charles Sedley, «To the King on His Birth-Day», 1690, in Sedley, *The Miscellaneous Works*

(London: J. Nutt, 1702), 91; Countess of Huntingdon (London) to Huntingdon, 15 December 1688, HEH, HA 4806; Tregonwell Frampton (Morton) to Thomas Erie, 6 December 1688, Churchill College, Cambridge, 2/25/1; Levant Company (London) to Sir William Trumbull, 14 December 1688, BL, Add. 72526, fol. 192r; John Ollyffe, *England's Call to Thankfulness*, Preached 14 February 1689 (London: Jonathan Richardson, 1689), 15; Colley Cibber, *An Apology for the Life of Colley Cibber*, ed. Robert Lowe (New York: AMS, 1966), 62; *The Late Revolution: or, The Happy Change* (London: Richard Baldwin, 1690), 55.

2. Lois G. Schworer, *The Declaration of Rights, 1689* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1981), 109–16; Daniel Petit (Amsterdam) to Middleton, 5/15 October 1688, BL, Add. 41816, fols. 236–37; Albeville (The Hague) to Middleton, 18/28 October 1688, BL, Add. 41816, fol. 263; London Newsletter, 23 October 1688, Bodleian, Don.c.38, fol. 314v; Earl of Clarendon, Diary, 31 October 1688, Singer, 2:248;? (London) to James Harrington, 1 November 1688, BL, Add. 36707, fol. 45r; London Newsletter, 1 November 1688, Bodleian, Don.c.38, fol. 330r; William Sancroft, «A Journal of What Passed between the King and Some of the Bishops», 2 November 1688, Bodleian, Tanner 28, fol. 219v; Van Citters (London) to States General, 2/12 November 1688, BL, Add. 34510, fol. 164r; Sir John Reresby, *Memoirs*, ed. Mary K. Geiter and W.A. Speck (London: Royal Historical Society, 1991), 3 November 1688, 524; Roger Morrice, *Entering Book*, 3 November 1688, DWL, 31 Q, 310; London Newsletter, 3 November 1688, BL, Add. 4194, fol. 369r;? (London) to Lewis Innes, 5 November 1688, SCA, Bl 1/119/6; John Reresby to Lord Preston, 10 November 1688, BL, Add. 63780, fol. 68r; Newsletter (Whitehall) 20 November 1688, Beinecke, OSB MSS1/Box 2/Folder 91; Bath (Plymouth) to William, 1 December 1688, NA, SP 8/2/Pt. 2, fol. 30; *Quadrennium Jacobi* (London: James Knapton, 1689), 212; John Whittle, *An Exact Diary of the Late Expedition* (London: Richard Baldwin, 1689), 43, 48; Huntingdon (Plymouth) to James II, 29 November 1688, HEH, HA 6075; Huntingdon (Plymouth) to Countess of Huntingdon, 26 November 1688, HEH, HA 6074; Bath (Plymouth) to William, 27 November 1688, NA, SP 8/2/Pt. 2, fol. 27; London Newsletter, 27 November 1688, Bodleian, Don.c.39, fol. 19r; Thoresby, *Diary*, November/December 1688, 1:188; Anthony Hewitson, ed., *Diary of Thomas Bellingham, an Officer under William III* (Preston: Geo. Toulmin and Sons, 1908), 9 December 1688, 34 (далее цит. как Bellingham, *Diary*); Sir Willoughby Aston, *Diary*, 14 December 1688, Liverpool SRO, 920 MD173; *London Mercury*, 15–18 December 1688; *English Currant*, 14–19 December 1688.

3. *Life of James II*, 2:232; Morrice, Entering Book, 12 January 1689, DWL, 31 Q, 421; Lord Del[amere]'s Speech, in *A Collection of Papers Relating to the Present Juncture of Affairs in England* (1688), 23–24. The speech was circulating in manuscript in November 1688: Aston, Diary, 23 November 1688; Roger Kenyon, Diary, 16 November 1688, HMC Kenyon, 201; W. E. Buckley, ed., *Memoirs of Thomas, Earl of Ailesbury*, 2 vols. (Westminster: Nichols and Sons, 1890), 1:133; *The True Copy of a Paper Delivered by the Lord De[lamere] to the Mayor of Derby*, 21 November 1688 (London: John Goodman, 1688); G. S. (South Lambeth) to Harrington, 27 December 1688, BL, Add. 36707, fol. 54r; Halifax's Notes of the Debate of the Assembly of the Lords, 24 December 1688, BL, Althorp C8; Kenyon, Diary, 30 October, 1 November 1688, HMC Kenyon, 200; Delamere to Derby 10 December 1688, HMC Kenyon, 206; *The Declaration of the Nobility, Gentry and Commonalty at the Rendezvous at Nottingham, Nov. 22 1688* [1688]; Edmund Bohun, *History of the Desertion* (London: Ric. Chiswell, 1689), 78; John Miller, «Proto-Jacobitism? The Tories and the Revolution of 1688–89», in *The Jacobite Challenge*, ed. E. Cruickshanks and J. Black (Edinburgh: John Donald, 1988), 13.
4. J. R. Western, *Monarchy and Revolution: The English State in the 1680s* (London: Blandford, 1972), 276; Miller, «Proto-Jacobitism», 12. Причиной тому почти наверняка были контакты Данби. Его собственный политический манифест был политически неоднозначным: Thomas Osborne, Earl of Danby, *The Thoughts of a Private Person: About the Justice of the Gentlemens Undertaking at York* (1689), 9, 11, 14, 19–21; Newsletter from York, 17 November 1688, Bodleian, Don.c.38, fol. 349v; Reresby, *Memoirs*, 15 October 1688, Geiter and Speck, 521; Danby (York) to Sir John Hanmer, 30 November 1688, BL, Egerton 3335, fol. 92; Sir Richard Temple, «The False Patriot Unmasked», 1690, HEH, STT Lit (9), 10; Sir Richard Bulstrode (Brussels) to Edmund Poley, 9 January 1689, BL, Add. 45731, fol. 96r; Chesterfield to Danby, November 1688, in *Letters of Philip, Second Earl of Chesterfield* (London: E. Lloyd and Son, 1829), 338–39.
5. Sir Daniel Fleming (Rydal) to Sir John Lowther, 20 August 1688, Cumbria SRO, Carlisle, D/Lons/Li/33; Lowther to Fleming, 5 December 1688, Cumbria SRO, Kendal, WD/Ry 3371; Petition of the Gentlemen of Cumberland and Westmoreland, 1 December 1688, Cumbria SRO, Kendal, WD/Ry 3363; John Agliony (Carlisle) to Lowther, 16 December 1688, CRO Carlisle, D/Lons/Li/1/34/unnumbered; Sir John Lowther, *Memoirs*, October/November 1688, CRO Carlisle, D/Lons/L2/5, 97–98; Clark Stuart Colman, «The Glorious Revolution of 1688 in

Cumberland and Westmoreland», *Northern History* 40, no. 2 (2003): 237–58.

6. Sir Thomas Clarges, 14 December 1689, Grey.9:483. Согласно доктрине тори именно Суд Семи епископов стал причиной революции: Daniel Defoe, *The Englishman's Choice, and True Interest* (London, 1694), 28. Современную трактовку этой точки зрения см. Mark Goldie, «The Political Thought of the Anglican Revolution», in *The Revolutions of 1688*, ed. Robert Beddard (Oxford: Clarendon Press, 1991), 102–36; Temple, «False Patriot Unmasked», 10; Godfrey Davies, «The Political Career of Sir Richard Temple (1634–97) and Buckinghamshire Politics», *Huntington Library Quarterly* 4, no. 1 (1940): 80–81. Сам Темпл оказался слишком медлительным, чтобы поддержать Вильгельма в 1688 году: Sir John Guise, 14 December 1689, Grey, 9:483;? (London) to Lowther, 1 December 1688, Beinecke, OSB Files 9245; A *Smith and Cutler's Plain Dialogue about Whig and Tory* (1690), [2].
7. Sir Charles Cotterell to Sir William Trumbull, 14 February 1689, BL, Trumbull MSS39 (since recataloged); Bohun, *History of the Desertion*, 122; *Mercurius Reformatus*, 24 July 1689, [2]; Schwoerer, *Declaration of Rights*, 138–39; J. H. Plumb, «The Elections to the Convention Parliament of 1689», *Cambridge Historical Journal*, no. 3 (1937): 248; Sir Robert Southwell, «A Short Account of the Revolution in England», 31 December 1688, FSL, V.b. 150, 1: fol. 13r; Basil D. Henning, ed., *The House of Commons, 1660–1690* (London: History of Parliament Trust, 1983), 1:106–7, 125–522; Henry Horwitz, «Parliament and the Glorious Revolution», *Bulletin of the Institute of Historical Research* 17 (May 1974): 40–41. Маколей был не прав, считая, что «выборы прошли быстро и гладко, было едва ли много соперничества»: Thomas Babington Macaulay, *The History of England from the Accession of James II*, 5 vols. (New York: Harper and Brothers, 1849–61), 2:554; «Some Account of the Revolution», Bodleian, Eng.Hist.b.205, fol. 106r.
8. Sir William Boothby to Mr. Adderley, 9 January 1689, BL, Add. 71692, fol. 69r. Как ни странно, даже этот отчет был предметом партийных разногласий. Виг Эдвард Харли потребовал от Сашеверелла «не выступать против принца»: Edward Harley (London) to Robert Harley, 19 January 1689, BL, Add. 40621, fol. 3; Sir William Cowper, *The Case of the Ancient Borough of Hertford*, [January 1689], Hertford Borough Archive, vol. 23, no. 331, 2; Lowther to Sir Daniel Fleming, 5 December 1688, Cumbria SRO, Kendal, WD/Ry 3371; Sir Christopher Musgrave (Edenhall) to Sir Daniel Fleming, 25 December 1688, Cumbria SRO, Kendal, WD/Ry 3409; Philip Musgrave (London) to Dartmouth, 26 December 1688, Staffordshire SRO, D(w) 1778/III/143; Sir

Christopher Musgrave (Edenhall) to Sir Daniel Fleming, 11 January 1689, Cumbria SRO, Kendal, WD/Ry 3420; Sir Daniel Fleming (Rydal) to Earl of Thanet, 12 January 1689, Cumbria SRO, Kendal, WD/Ry 3419a; Petition of John Trenchard and Edward Clarke, 1689, Somerset SRO, DD/SF/1084; Roger Morrice, *Entering Book*, 12 January 1689, DWL, 31 Q, 419; Plumb, «Elections», 240–41, 249–50; Schwoerer, *Declaration of Rights*, 152, 172. Данные свидетельствуют о том, что опасения тори и якобитов, что «большинство выбранных членов окажутся фанатиками», были весьма преувеличены. Об этих опасениях см. Charles Whyteford (Paris) to Walter Leslie, 14/24 January 1689, SCA, BL 1/126/4; Boothby (Ashbourne) to Sir Gilbert Clarke, 2 February 1689, BL, Add. 71692, fol. 76v; and Temple, «False Patriot Unmasked», 10–11.

9. London Newsletter, 26 January 1689, FSL, L.c. 1964; John Maynard, 29 January 1689, Grey, 9:32; Dartmouth, «Reasons about the Succession», 1688 or 1689, Staffordshire SRO, D(w) 1778/V/117; *Better Late than Never* [1689], [1]; Boothby (Ashbourne) to Sir Gilbert Clarke, 2 February 1689, BL, Add. 71692, fols. 76–78; Whyteford (Paris) to?, 5/15 February 1689, SCA, BL 1/126/7;? (London) to Harrington, 22 December 1688, BL, Add. 36707, fol. 52r; Halifax's Notes of Conversations with William, 30 December 1688, BL, Althorp C9, fol. 27r; «A Brief Account of Matters of Fact», 30 January 1689, Bodleian, Rawlinson MSS, D1079, fol. 5r; Morrice, *Entering Book*, 2 February 1689, DWL 31 Q, 449; Cotterell to Sir William Trumbull, 14 February 1689, BL, Trumbull MSS39 (since recataloged); Sir Robert Southwell (Kingsweston) to Beaufort, 14 December 1688, HMC12th Report, app. 9, 94; Whyteford (Paris) to Walter Leslie, 7/17 January, 28 January/7 February 1689, SCA, BL 1/126/3, 6; John Chichely (London) to Peter Legh, 5 February 1689, JRL, Legh of Lyme MSS, Box 4/Folder 26; Schwoerer, *Declaration of Rights*, 144–48, 153–54; J. R. Jones, *The Revolution of 1688 in England* (New York: W. W. Norton, 1972), 313–15; Keith Feiling, *A History of the Tory Party, 1640–1714* (Oxford: Clarendon Press, 1924), 247–50; Locke to Edward Clarke, 29 January 1689, *Locke Correspondence*, 3:545–546; William Stainforth, *A Sermon Preached in the Cathedral and Metropolitan Church of St. Peter in York*, 30 January 1689 (London: Walter Kettilby, 1689), 37.
10. Yester (London) to Tweeddale, 31 January 1689, NLS, 14404, fol. 14r; Morrice, *Entering Book*, 12 January 1689, DWL, 31 Q, 423–24; Douglas R. Lacey, *Dissent and Parliamentary Politics in England, 1661–1689* (New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1969), 225–26; Morrice, *Entering Book*, 16 March, 27 April 1689, DWL, 31 Q, 504–5,

- 542; Horwitz, «Parliament and the Glorious Revolution», 40; Yester (London) to Tweeddale, 22 January 1689, NLS, 14404, fol. 8r; *Journal of the House of Commons*, 28 January 1689, 10:14; Southwell, «A Short Account of the Revolution in England», 28 January 1689, 1: fol. 13v; London Newsletter, 29 January 1689, FSL, L.c. 1965; Sir Christopher Musgrave (London) to Sir Daniel Fleming, 31 January 1689, Cumbria SRO, Kendal, WD/Ry 3435; Southwell, «A Short Account of the Revolution in England», 6 February 1689, i: fol. 14v; Robert Kirk, «Sermons, Occurrences ...». 1690, Edinburgh SUL, La.III.545, fol. 101r; *Smith and Cutler's Plain Dialogue*, 1.
11. Yester (London) to Tweeddale, 22 January, 29 January 1689, NLS, 14404, fols. 8, 12v; *Journal of the House of Lords*, 29 January 1689, 14:110; Beddard, «Unexpected Whig Revolution», in *Revolutions of 1688*, ed. Beddard, 80; Horwitz, «Parliament and the Glorious Revolution», 44–45; Morrice, Entering Book, 22 December 1688, DWL, 31 Q, 382; Hamon London Newsletter, 31 January 1689, Beinecke, OSB Shelves fb.210; Edward Harley to Robert Harley, 2 February 1689, BL, Add. 40621, fol. 11r; Earl of Warrington (6. лорд Деламер), Essay, ca. 1690, Beinecke, OSB File 15756.
 12. *London Intelligence*, 2–5 February 1689; *London Mercury*, 6 February 1689; «The Humble Petition», Hertfordshire SRO, D/EP F 26; Morrice, Entering Book, 2 February 1689, DWL, 31 Q, 454; Reresby, *Memoirs*, 2 February 1689, 548–49; William Banks to Roger Kenyon, 2 February 1689, HMC Kenyon, 216; Mark Knights, «London's 'Monster' Petition of 1680», *Historical Journal* 36 (1993): 40; Knights, *Representation and Misrepresentation in Later Stuart Britain* (Oxford: Oxford University Press, 2005), 119; Robert Brenner, *Merchants and Revolution: Commercial Change, Political Conflict, and London's Overseas Traders, 1550–1653* (London: Verso, 2003), 325; David Cressy, *England on Edge: Crisis and Revolution, 1640–1642* (Oxford: Oxford University Press, 2006), 183–84; Anthony Rowe, 2 February 1689, Grey, 9:45; Clarendon, Diary, 2 February 1689, 2:258; Beddard, «Unexpected Whig Revolution», 82–84; Schwoerer, *Declaration of Rights*, 130, 211.
 13. «Some Account of the Revolution», BL, Add. 9363, fols. 13–14; Banks to Kenyon, 2 February 1689, HMC Kenyon, 216; Sir Edward Seymour, 2 February 1689, Grey, 9:45; *Journal of the House of Commons*, 2 February 1689, 10:18; *Journal of the House of Lords*, 2 February 1689, 14:114; Clarendon, Diary, 2 February 1689, 2:258; Henry Newcome, 5 February 1689, in *The Autobiography of Henry Newcome*, vol. 2, ed. Robert Parkinson, Chetham Society 27 (Manchester: Chetham Society, 1852), 269 (далее цит. как Newcome, *A utobiography*).

14. *Journal of the House of Lords*, 6 February 1689, 14:118–19; Beddard, «Unexpected Whig Revolution», 86–91; Schwoerer, *Declaration of Rights*, 219–20; Horwitz, «Parliament and the Glorious Revolution», 45–46; *Revolution Politicks* (London, 1733), 4 February 1689, 8:38; Morrice, Entering Book, 2 February 1689, DWL, 31 Q, 446, 454. Я не согласен с мнением Де Крея, что «организаторы Петиции осторожно стремятся избежать возникновения какого-либо принуждения парламента со стороны народа»: Gary Stuart De Krey, *A Fractured Society: The Politics of London in the First Age of Party, 1688–1718* (Oxford: Clarendon Press, 1985), 56. Де Крей следует установившейся интерпретации вигов: Gilbert Burnet, *Reflections upon a Pamphlet* (London: R. Chiswell, 1696), 123; Macaulay, *History of England*, 2:646.
15. Morrice, Entering Book, 9 February 1689, DWL, 31 Q, 459, 462; «A Brief Account», 6 February 1689, Bodleian, Rawlinson MSS, D1079, fol. 13r; Southwell, «A Short Account of the Revolution in England», 13 February 1689, 1: fol. 16r; London Newsletter, 14 February 1689, FSL, L.c. 1976; Yester (London) to Tweeddale, 14 February 1689, NLS, 14404, fol. 19r; *London Mercury*, 14 February 1689; Cotterell to Sir William Trumbull, 14 February 1689, BL, Trumbull MSS39 (since recataloged); Thoresby, *Diary*, 14 February 1689, 1:191; *Orange Gazette*, 15 February 1689, [1–2]; Morrice, Entering Book, 16 February 1689, DWL, 31 Q, 467; William Chaplyn (Buckingham) to Sir Richard Temple, 17 February 1689, HEH, STT 413; Aston, *Diary*, 18 February 1689; Bellingham, *Diary*, 18 February 1689, 52; Isaac Newton (London) to John Covel, 21 February 1689, Trinity College, Cambridge, MS R.4.43, fol. 7r; Ralph Trumbull (Witney) to Sir William Trumbull, 23 February 1689, BL, Add. 72511, fol. 84r; Whyteford (Paris) to Walter Leslie, 25 February/7 March 1689, SCA, Bl 1/126/11; Moses Carter (Oxford) to Dr. Thomas Smith, 5 March 1689, Bodleian, MS Smith 48, 43; *London Mercury*, 14 February 1689; «A Brief Account», 21 February 1689, Bodleian, Rawlinson MSS, D1079, fol. 25v.
16. *Journal of the House of Lords*, 6 February 1689, 14:119; London Newsletter, 7 February 1689, FSL, L.c. 1973.
17. Morrice, Entering Book, 26 January 1689, DWL, 31 Q, 432; Whyteford (Paris) to?, 5/15 February 1689, SCA, Bl 1/126/7; Anthony Cary, Lord Falkland, 1 March 1689, Grey, 9:133–34; Hamilton (London) to Duchess of Hamilton, 3 September 1689, NAS, GD406/1/6339; London Newsletter, 9 March 1689, FSL, L.c. 1986; Whyteford (Paris) to Walter Lorenzo Leslie, 25 March/4 April 1689, SCA, Bl 1/126/16; Lowther to Shrewsbury, n August 1689, NA, SP 32/1, fol. 129; Nottingham (Whitehall) to William, 24 June 1690, NMM, SOU/12; Jeremiah Bubb

- (Carlisle) to Lowther, 25 March 1689, NA, SP 32/1, fol. 13; William Harbord, 15 March 1689, Grey, 9:164–65; Aston, Diary, 15 March 1689; London Newsletter, 16 March 1689, FSL, L.c. 1989; Morrice, Entering Book, 16 March 1689, DWL, 31 Q. 503; Rupert Browne to Sir William Trumbull, 17 March 1689, BL, Trumbull Misc. 26 (1688–89) (since recataloged); Sir Edward Harley (London) to Robert Harley, 12 March 1689, BL, Add. 70014, fol. 178r; London Newsletter, 12 March 1689, FSL, L.c. 1987.
18. John Howe, 25 February, 26 February 1689, Grey, 9:110, 112; Hugh Boscawen, 1 March 1689, Grey, 9:131; London Newsletter, 5 March 1689, FSL, L.c. 1984; Robert Harley to Sir Edward Harley, 15 March 1689, BL, Add. 70014, fol. 181r; John Wildman, 15 March 1689, Grey, 9:168; Mr. Bowtell (witness to House of Commons), 21 March 1689, Grey, 9:183.
 19. Reresby, *Memoirs*, 1 January 1689, 544–45; Tyrconnel (Dublin) to Mary of Modena, n March 1690, BL, Add. 38145, fols. 12–13. Современный биограф Бофора сомневается в правдивости претензий: Molly McClain, *Beaufort: The Duke and His Duchess, 1657–1715* (New Haven and London: Yale University Press, 2001), 192–93. Эти свидетельства мне кажутся неубедительными: то, что Бофорт отказался подписать ассоциацию 1696 года, предполагает определенный якобитизм. Matthew Henry (Chester) to Philip Henry, 23 May 1689, Bodleian, Eng. Lett.e.29, fol. 88r; Morrice, Entering Book, 18 May 1689, DWL 31 Q. 556; Examination of Joan Wood, 16 September 1689, NA, SP 32/2, fol. 17; Robert Howson (настоятель Всех Святых, Дорчестер) to Shrewsbury, 30 September 1689, NA, SP 32/2, fol. 35; Charles Herbert Mayo, ed., *The Municipal Records of the Borough of Dorchester* (Exeter: William Pollard, 1908), 409; Morrice, Entering Book, 8 June 1689, DWL, 31 Q. 570; Paul Halliday, *Dismembering the Body Politic: Partisan Politics in England's Towns, 1650–1730* (Cambridge: Cambridge University Press, 1998), 259; Commissioners of the Revenue to Lords of the Treasury, 8 November 1689, NA, CUST 48/3, 280–81.
 20. Compare: J. H. Overton, *The Nonjurors* (London: Smith, Elder, 1902), 471–96, with John Spurr, *The Restoration Church of England, 1646–1689* (New Haven and London: Yale University Press, 1991), 43.
 21. Overton, *Nonjurors*, 179–84; Moses Carter (Oxford) to Dr. Thomas Smith, 23 February 1690, Bodleian, Smith 48, 53. Charles Ellis (Christ's College, Cambridge) to John Ellis, 21 February 1689, BL, Add. 28931, fol. 27r; William Davies to Hilkiah Bedford, 13 May 1689, Bodleian, Rawlinson MSS, Letters 42, fol. 9r; London Newsletter, 22 June 1689, FSL, L.c. 2031; William Whiston, *Memoirs of the Life and Writings* (London, 1749),

- 30; Dr. Thomas Hyde (Oxford) to Robert Boyle, 23 February 1689, in *The Works of the Honourable Robert Boyle*, 6 vols., ed. Thomas Birch (London: W. Johnston et al., 1772), 577; Sir Richard Newdigate, Diary, 1689, Warwickshire SRO, CR136/A/23, fol. 47r; Morrice, Entering Book, 29 June 1689, DWL, 31 Q, 582; Bolton to Shrewsbury, 27 September 1689, NA, SP 32/2, fol. 25;? (Stamford) to Earl of Stamford, 13 April 1689, NA, SP 32/1, fol. 21; Tamworth Newsletter, 22 March 1690, HEH, HM 30659/5; William Amies and John Baker (Churchwardens at Faversham) to James Vernon, 29 April 1690, NA, SP 32/3, fol. 15; *The Character of a Jacobite* (London, 1690), 7, 20; Yester (London) to Tweeddale, 24 April 1689, NLS, 14404, fol. 39v. См. также John Berners (Hull) to Thomas Wharton, 13 May 1689, Bodleian, Carte 79, fol. 216r; Robert Harley (Hereford) to Sir Edward Harley, 20 February 1689, BL, Add. 70014, fol. 159r; Morrice, Entering Book, 23 February 1689, DWL, 31 Q, 476; Robert Harley (Brampton) to Sir Edward Harley, 5 March, 29 March 1689, BL, Add. 70014, fol. 170r, 196r.
22. Hamon London Newsletter, 18 December 1688, Beinecke, OSB Shelves fb.210; Cotterell to his daughter, 31 December 1688, BL, Trumbull MSS39 (since recataloged); Israel Fielding (Pembroke) to Shrewsbury, 1 June 1689, NA, SP 32/1, fol. 57; London Newsletter, 14 September 1689, FSL, L.c. 2063; Cary Gardiner (London) to Sir Ralph Verney, 4 September 1689, Buckinghamshire SRO, Verney MSS.
23. Robert Harley (Brampton) to Sir Edward Harley, 12 March 1689, BL, Add. 70014, fol. 176; Abigail Harley (Brampton) to Sir Edward Harley, 14 December 1689, BL, Add. 70014, fol. 276r; Edward Harley to Sir Edward Harley, 27 January 1690, BL, Add. 70014, fol. 281v; Col. Charles Trelawney (Chester) to Shrewsbury, 2 September 1689, NA, SP 32/2, fol. 1; Sir John Morgan (Chester Castle) to Shrewsbury, 29 March 1690, NA, SP 32/2, fol. 113; Derby to Kenyon, 28 February 1689, HMC Kenyon, 219; Banks to Kenyon, 9 March 1689, HMC Kenyon, 219; Bellingham, *Diary*, 12 March 1689, 57; London Newsletter, 30 March 1689, FSL, L.c. 1996; Col. Edward Matthews (Preston) to Shrewsbury, 15 June 1689, NA, SP 32/1, fol. 80; Brandon (Preston) to Shrewsbury, 15 June 1689, NA, SP 32/1, fol. 81; Morrice, Entering Book, 22 June 1689, DWL, 31 Q, 578; W. Hammond (Parkhead) to Kenyon, 15 February 1690, Lancashire SRO, DD/Ke/9/63/6; Sir John Morgan (Chester Castle) to Shrewsbury, 26 March 1690, NA, SP 32/2, fol. 111; Sir Jonathan Jennings, 15 March 1689, Grey, 9:165; Christopher Tankard (Whitby) to Danby, 29 June 1689, BL, Egerton 3335, fol. 10r; Lumley to Shrewsbury, 17 June 1689, NA, SP 32/1, fol. 86; Col. Rupert Billingsley (Berwick) to Shrewsbury, 12 June 1689, NA, SP 32/1, fol. 73.

24. Этот вопрос был предметом многочисленных дискуссий, но большинство недавних исследований представляют доказательства: Mary K. Geiter, «William Penn and Jacobitism: A Smoking Gun?» *Historical Research* 73 (June 2000): 213–18; Geiter, *William Penn* (London: Longman, 2000), 66–72; William Penn to Halifax, 28 June 1689, BL, Althorp C8; London Newsletter, 29 June 1689, FSL, L.c. 2034; Morrice, Entering Book, 29 June, 6 July 1689, DWL, 31 Q, 584, 585. Об этой трактовке см. Mary Maples Dunn, *William Penn: Politics and Conscience* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1967), 161; Vincent Buranelli, *The King and the Quaker: A Study of William Penn and James* // (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1962), 172–73; Robert Harley (Worcester) to Sir Edward Harley, 19 April 1689, BL, Add. 70014, fol. 219v; and Melfort (Rome) to Cardinal Howard, 3/13 May 1690, BL, Lansdowne 1163A, fol. 115r.
25. Paul Kleber Monod, *Jacobitism and the English People, 1688–1788* (Cambridge: Cambridge University Press, 1989), 47; «A Brief Account», 2 March 1689, Bodleian, Rawlinson MSS, D1079, fol. 35v; Melfort (Rome) to Mary of Modena, 12/22 March 1690, BL, Lansdowne 1163A, fol. 37r; Edward Harley to Sir Edward Harley, 22 February 1690, BL, Add. 70014, fol. 291r; Wildman, 15 March 1689, Grey, 9:168; John Birch, 6 April 1689, Grey, 9:209; R. Clerke (Calais) to Innes, 6 August 1689, SCA, Bl 1/120/9; *Dilucidator*, 5/15 March 1689, 115; Oxford (London) to Shrewsbury, 7 June 1689, NA, SP 32/1, fol. 65; *Mercurius Reformatus*, 24 July 1689, [1]; John Verney (London) to Sir Ralph Verney, 28 August 1689, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Nottingham (Whitehall) to Southwell, 11 June 1690, NMM, SOU/12; William Chaplyn (Buckingham) to Temple, 17 March 1689, HEH, STT 424; Humphrey Gower (St. John's College, Cambridge) to Covell, 2 May 1689, BL, Add. 22910, fol. 307r; Robert Buckett (Wressle) to Shrewsbury, 29 September 1689, NA, SP 32/2, fol. 30; Belingham, *Diary*, 30 March 1689, 60–61; [James II], *A Declaration of His Most Sacred Majesty James II to All His Loving Subjects in the Kingdom of England*, 8 May 1689 (1689); London Newsletter, 13 June 1689, FSL, L.c. 2028; William Bankes (London) to Legh, 13 June 1689, JRL, Legh of Lyme MSS, Box 4/Folder 26; Col. Henry Trelawney (Plymouth) to Shrewsbury, 14 June 1689, NA, SP 32/1, fol. 79; Morrice, Entering Book, 15 June, 22 June 1689, DWL, 31 Q, 573, 577; Brandon (Ormskirk) to Shrewsbury, 25 June 1689, NA, SP 32/1, fol. 99; Sir John Morgan (Chester Castle) to Shrewsbury, 12 June 1689, NA, SP 32/1, fol. 74.
26. Howe, 25 March 1689, Grey, 9:189; Monod, *Jacobitism and the English People*, 244–47; Robert Harley (Stoke) to Sir Edward Harley, 22 March

1689, BL, Add. 70014, fol. 186r; Information of Thomas Chappell of Chippenham, 31 July 1689, NA, SP 32/1, fol. 106 (ii); Information of Davies Noble of Chippenham, 31 July 1689, NA, SP 32/1, fol. 106 (i); Examination of John Newton, 16 September 1689, NA, SP 32/2, fol. 17; Affidavit of Nathaniel Chamberlaine, Citizen of London, 4 July 1689, NA, SP 32/1, fol. 104; Cotterell (Hadly) to Sir William Trumbull, 23 December 1689, BL, Trumbull MSS40 (since recataloged); Morrice, Entering Book, 15 June 1689, DWL, 31 Q, 573; London Newsletter, 9 July 1689, FSL, L.c. 2038; Bridget Croft to Huntingdon, 5 July 1690, HEH, HA 1795.

27. Paul Hopkins, «Sham Plots and Real Plots in the 1690s», in *Ideology and Conspiracy: Aspects of jacobitism, 1689–1759*, ed. Eveline Cruickshanks (Edinburgh: John Donald, 1982), 89–110; John Hampden, 1 March 1689, Grey, 9:129–30; London Newsletter, 2 March 1689, FSL, L.c. 1983; Anthony Heyford (Newcastle) to Shrewsbury, 20 April 1689, NA, SP 32/1, fol. 33(a); London Newsletter, 11 May 1689, FSL, L.c. 2014; Morrice, Entering Book, 1 June 1689, DWL, 31 Q, 561; London Newsletter, 1 June, 18 June 1689, FSL, L.c. 2023, 2030; Brandon (Preston) to Shrewsbury, 15 June 1689, NA, SP 32/1, fol. 81;? to Monmouth, 19 July 1689, NA, SP 32/1, fol. no(i); London Newsletter, 23 July 1689, FSL, L.c. 2044; John Verney (London) to Edward Verney, 24 July 1689, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Abigail Harley (London) to Sir Edward Harley, 7 September 1689, BL, Add. 70014, fol. 258; London Newsletter, 7 September 1689, FSL, L.c. 2060; Massarene (London) to Sir Richard Newdigate, 10 September 1689, Warwickshire SRO, CR136/B294; Abigail Harley (London) to Sir Edward Harley, 11 September 1689, BL, Add. 70014, fol. 259v; Information of Thomas James, 23 December 1689, NA, SP 32/2, fol. 63;? (London) to William Dunlop, 1 July 1690, NLS, 9250, fol. 158r; Cotterell to Sir William Trumbull, 22 July 1690, BL, Trumbull MSS39 (since recataloged); Jo. Knight (London) to Charles Fox, 7 August 1690, BL, Add. 51335, fol. 16v; Daniel Szechi, *The Jacobites: Britain and Europe, 1688–1788* (Manchester: Manchester University Press, 1994), 54–55; Sir Henry Goodrick, 14 May 1690, Grey, 10:140; Delamere to?, 1689/90, NA, SP 8/6, fol. 97.
28. George Middleton (Kilkenny) to Maj. Robert Middleton, 25 March 1689, NAS, GD406/1/3510; D. Nairne (Dublin) to Laird of St. Foord Nairne, 29 March 1689, NAS, GD406/1/3507; James Lincoln (Paris) to Albeville, 5 April 1689, Indiana, Albeville MSS; Whyteford (Paris) to Walter Leslie, 15/25 April, 6/16 May, 13/23 May 1689, SCA, Bl 1/126/18, 21, 23; Robert H. Murray, ed., *The Journal of John Stevens* (Oxford: Clarendon

- Press, 1912X15 October 1689, 94; Innes (Paris) to William Leslie, 28 October/7 November 1689, SCA, Bl 1/122/14; Tyrconnel (Dublin) to Mary of Modena, 12/22 December 1689, BL, Add. 38145, fol. 5; Rene Grahame (St. Germain) to Huntingdon, 6 January 1690, HEH, HA 4087; Melfort (Rome) to Bevil Skelton, 25 March/4 April 1690, BL, Lansdowne 1163A, fol. 56v; Melfort (Rome) to Innes, 6/16 May 1690, BL, Lansdowne 1163A, fol. 119r; Melfort (Rome) to Mr. Ployden, 27 May/6 June 1690, BL, Lansdowne 1163B, fol. 13v; Melfort (Rome) to Mr. Nelson, 26 July/5 August 1690, BL, Lansdowne 1163B, fol. 112r; Birch, 25 June 1689, Grey, 9:362; Edward Harley (London) to Sir Edward Harley, 26 April 1690, BL, Add. 70014, fol. 322r. См. также Massareene (Fisherwick) to Newdigate, 8 May 1689, Warwickshire SRO, CR136/B293; Jo. Dalrymple (London) to Hamilton, 16 May 1689, NAS, GD406/1/3545; A. [Pye] (London) to Abigail Harley, 16 May 1689, BL, Add. 70014, fol. 227v;? to Robert Harley, 5 June 1689, BL, Add. 70014, fol. 231r; and Richard Cromwell to Oliver Cromwell, 4 October 1689, Beinecke, Osborn Files 19385.
29. Robert Kirk, «Sermons, Occurrences ...». October 1689, Edinburgh SUL, La.III.545, fol. 26r.
 30. Walter Lorenzo Leslie (Rome) to Whyteford, 19 February/1 March 1689, SCA, Bl 1/123/4; Tyrconnel (Dublin) to Mary of Modena, 10/20 May 1690, BL, Add. 38145, fol. 23v; Brandon (Preston) to Shrewsbury, 23 June 1689, NA, SP 32/1, fol. 94; Brandon (Ormskirk) to Shrewsbury, 25 June 1689, NA, SP 32/1, fol. 99; Bohun, *History of the Desertion*, sig. [A4]; J. Hill (London) to Sir William Trumbull, 26 October 1691, Berkshire SRO, D/ED/C33. См. также Melfort (Rome) to Mary of Modena, 27 February/9 March 1690, BL, Lansdowne 1163A, fol.:6v; Ralph Trumbull (Witney) to Sir William Trumbull, 8 July 1689, BL, Add. 72511, fol. 86r; Cotterell to Sir William Trumbull, 14 December 1689, BL, Trumbull MSS39 (since recataloged).
 31. Наличие такого «минимального уровня поддержки» описывается в: Szechi, *Jacobites*, 60.
 32. Browne to Sir William Trumbull, 17 March 1689, BL, Trumbull Misc. 26 (since recataloged); J. Hill (Venice) to Trumbull, 20 August 1689, Berkshire SRO, D/ED/C33. Напротив, когда тори взяли под контроль министерства, некоторые виги стали говорить тоном, который ранее звучал в устах как минимум некоторых видных якобитов.
 33. Schwoerer, *Declaration of Rights*, esp. 43–101, 283–85; Sir William Williams, 29 January 1689, Grey, 9:30; Robert and Thomas Balle (Livorno) to Goodwyn and Delabere, 12/22 March 1689, NA, FO 335/8, fol. 2; Morrice, *Entering Book*, 9 February 1689, DWL, 31 Q, 464–65.

34. Yester (London) to Tweeddale, 9 April 1689, NLS, 14414, fol. 37r; Morrice, *Entering Book*, 23 March 1689, DWL, 31 Q, 507–11; Henry Horwitz, *Revolution Politicks: The Career of Daniel Finch, Second Earl of Nottingham, 1647–1700* (Cambridge: Cambridge University Press, 1968), 86–95; Horwitz, *Parliament, Policy and Politics in the Reign of William III* (Manchester: Manchester University Press, 1977), 23–26; Edward Harley (London) to Robert Harley, 26 March 1689, BL, Add. 70014, fol. 194r; *Axminster*, 1689, 141.
35. George Fleming (Oxford) to Sir Daniel Fleming, 16 August 1689, Cumbria SRO, Kendal, WD/RY3602; Boothby (Ashbourne) to Mr. Smith, 26 February 1689, BL, Add. 71692, fol. 86r; William Wake, *Autobiography*, 1689, LPL, 2932, fol. 66v; Mark Goldie, «The Revolution of 1689 and the Structure of Political Argument», *Bulletin of Research in the Humanities* 83 (1980): 473–564.
36. Claire McEachern, *The Poetics of English Nationhood, 1590–1612* (Cambridge: Cambridge University Press, 1996), 9. Мне более близка оценка идеологии ранних Стюартов, сделанная Дж. П. Сомервиллом, нежели партикуляристская история Дж. Г. А. Покока: J. G. A. Pocock: J. P. Sommerville, *Politics and Ideology in England, 1603–1640* (London: Longman, 1986), esp. 9–111; J. G. A. Pocock, *The Ancient Constitution and the Feudal Law* (Cambridge: Cambridge University Press, 1987), esp. 30–69; Kirk, «Sermons, Occurrences ...».
- 1690, fol. 115v; *A Brief Vindication of the Parliamentary Proceedings against the Late King James II* (London: Randall Taylor, 1689), 5–6; Samuel Masters, *The Case of Allegiance in Our Present Circumstances Consider'd* (London: Ric. Chiswell, 1689), 8.
37. Richard Claridge, *A Defence of the Present Government* (London: R. Baldwin, 1689), 2; Thomas Long, *A Resolution of Certain Queries* (London: R. Baldwin, 1689), 4; Thomas Long, *A Full Answer to All the Popular Objections* (London: R. Baldwin, 1689), 8–9; Richard Booker, *Satisfaction Tendred to All That Pretend Conscience* (London: Richard Janeway, 1689), 4; Goldie, «Revolution of 1689», 532; Daniel Defoe, *Reflections upon the Late Great Revolution* (London: Richard Chiswell, 1689), 56–57; Defoe, *The Advantages of the Present Settlement* (London: Richard Chiswell, 1689), 4 July 1689, 19–20; Daniel Whitby, *Considerations Humbly Offered for Taking the Oath of Allegiance* (London: Awnsham Churchill, 1689), 35; John Wildman, *Some Remarks upon Government* [London, 1689], January 1689, 12–13. См. также *Four Questions Debated* (London, 1689), January/February 1689, 6; William Denton, *Jus Regiminis: Being a Justification of Defensive Arms in General* (London, 1689), 15, 17; Algernon Sidney in *The Dying Speeches of Several*

Excellent Persons, Who Suffred for Their Zeal against Popery and Arbitrary Government (London, 1689), 19; *Dilucidator*, no. 4, February 1689, 86; and Elizabeth Lane Furdell, «Dilucidating the *Dilucidator*», *Quaerendo* 30, no. 1 (2000): 51–63.

38. *The Revolution in New England Justified* (Boston: Joseph Brunning, 1691), 1; Bridgewater, Notes, ca. 1690, HEH, EL9842; Robert Harley (Hereford) to Sir Edward Harley, 27 July 1689, BL, Add. 70014, fol. 241T; Newcome, *Autobiography*, 19 January 1690, 271; Whitelocke Bulstrode, *Meditations*, 28 April 1689, HRC, Pforzheimer 2k; Jean Leclerc, *An Account of the Life and Writings of Mr. John Locke*, 2nd ed. (London: John Clarke and E. Curll, 1713), 29–30; Kirk, «Sermons, Occurrences ...». October 1689, fol. 25.
39. Yester (London) to Tweeddale, 26 March 1689, NLS, 14404, fol. 32v; A. M. (London) to Harrington, 21 March 1689, BL, Add. 36707, fol. 62r; Sir Edward Harley (London) to Robert Harley, 1 April 1689, BL, Add. 70014, fol. 203; Morrice, *Entering Book*, 30 March 1689, DWL, 31 Q, 515; John Dalrymple (London) to Duke of Hamilton, 16 May 1689, NAS, GD406/1/3545; Lionel K. J. Glassey, *Politics and the Appointment of Justices of the Peace, 1675–1720* (Oxford: Oxford University Press, 1979), 100–108; Halliday, *Dismembering the Body Politic*, 265–91; Morrice: *Entering Book*, 16 March, DWL, 31 Q, 503, 508.
40. Horwitz, *Revolution Politics*, 99–107; Craig Rose, *England in the 1690s: Revolution, Religion, and War* (Oxford: Blackwell, 1999), 71–76. Одним из показателей сдвига в этом отношении была позиция относительно радикала и цареубийцы 1640-х и 1650-х годов Эдмунда Ладлоу. В феврале 1689 группа вигов «уверяла, что он может с безопасностью вернуться домой», и Вильям был согласен с ними «всем своим сердцем». Но когда Ладлоу вернулся, тори в палате общин с молчаливого согласия Вильяма заставили его отправиться обратно в изгнание: Morrice, *Entering Book*, 23 February 1689, DWL, 31 Q, 480; John Verney (London) to Sir Ralph Verney, 7 November 1689, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Barbara Taft, «Return of a Regicide: Edmund Ludlow and the Glorious Revolution», *History* 76 (June 1991): 219–20.
41. John Evelyn (London) to Countess of Sunderland, 12 January 1690, BL, Evelyn MSS JE A2, fol. 64v; Tamworth Newsletter, 30 January 1690, HEH, HM 30659/4; Nottingham to Hatton, 15 February 1690, BL, Add. 29594, fol. 196; William Hamilton (London) to Arran, 20 February 1690, NAS, GD406/1/3462; Edward Harley to Sir Edward Harley, 25 February 1690, BL, Add. 70014, fol. 294r; Robert Kirk, «Sermons, Occurrences ...». March 1690, Edinburgh SUL, La.III.595, fols. 92–95; Edward Warcup (Northmoor) to Hugh Jones, 3 March 1690, Bodleian, Rawlinson

- MSS, Letters 48, fol. 26r; Edward Beresford (London) to Legh, 11 March 1690, JRL, Legh of Lyme, Box 4/Folder 32; Edward Harley (London) to Sir Edward Harley, 11 March 1690, BL, Add. 70014, fol. 3031; Cotterell to Katherine Trumbull, 11 March 1690, BL, Trumbull MSS39 (since recataloged); Melfort (Rome) to Mary of Modena, 25 March/4 April 1690, BL, Lansdowne 1163A, fol. 55r; Charles Montagu to George Stepney, 6/16 October 1690, NA, SP 105/82, fol. 21v; Gilbert Burnet, «History», BL, Add. 63057B, fol. 143v; D. W. Hayton, «Introductory Survey», in *The House of Commons, 1690–1715*, vol. 1, ed. D. W. Hayton (Cambridge: History of Parliament Trust, 2002), 218; Cotterell to Sir William Trumbull, 1 April 1690, BL, Trumbull MSS39 (since recataloged); Tom Foley (London) to Sir Edward Harley, 5 April 1690, BL, Add. 70014, fol. 316r; Montagu to Stepney, 27 May 1690, NA, SP 105/82, fol. 17r; Gilbert Dolben to Sir William Trumbull, 8 December 1691, BL, Trumbull MSS54 (since recataloged).
42. Morrice, Entering Book, 2 March 1689, DWL, 31 Q, 487; Edward Harley to Robert Harley, 5 March 1689, BL, Add. 70014, fol. 169r; Morrice, Entering Book, 23 March 1689, DWL, 31 Q, 507; «A Dialogue betwixt the Ghosts of Sidney and Russell», 1689, HEH, EL 8770, 43; Richard Hampden (Westminster) to Tom Wharton, 15 June 1689, Bodleian, Carte 79, fol. 228r; Macclesfield to Shrewsbury, 23 July 1689, NA, SP 32/1, fol. 112.
43. Morrice, Entering Book, 8 June 1689, and Petition of Gentlemen, Citizens, and Inhabitants of London, 1 June 1689, DWL, 31 Q, 566–68, 566; *A True Account of the Proceedings of the Common Hall*, 24 June 1689 (London: George Larkin, 1689), [2]; De Krey, *Fractured Society*, 56–57.
44. Massareene (London) to Newdigate, 10 October 1689, Warwickshire SRO, CR136/B296; «A Brief Account», 1690, Bodleian, Rawlinson MSS, D1079, fol. 95v;? to John Swynfen, 9 May 1690, BL, Add. 29910, fol. 256r; Mary Clarke (Chipley) to Edward Clarke, 28 April 1690, Somerset SRO, DD/SF/4515/Pt. 1/8; James Johnston to Sir William Dutton Colt, 4 June 1690, BL, Add. 34095, fol. 9r; Sir John Thompson, 14 May 1690, Grey, 10:143; John Hampden (Farringdon) to Sir Edward Harley, 9 November 1690, BL, Add. 70014, fol. 353v; Cotterell to Katherine Trumbull, 13 May 1690, BL, Trumbull MSS39 (since recataloged); Cotterell to Sir William Trumbull, 2 October 1690, BL, Trumbull MSS40 (since recataloged); Gilbert Burnet, «History», BL, Add. 63057B, fol. 143v; Shrewsbury to William, 22 December 1689, in *Private and Original Correspondence of Charles Talbot, Duke of Shrewsbury*, ed. William Coxe (London: Longman, Hurst, Rees, Orme, and Brown, 1821), 15; Horwitz, *Parliament, Policy, and Politics*, 57.

45. John Pulteney (Whitehall) to Sir William Dutton Colt, 27 March 1691, BL, Add. 34095, fol. 295r; Henry Mordaunt, 21 November 1692, Grey, 10:265; John Lower, «A Familiar Epistle to King William», 1692 or 1693, Worcester College, Clarke MSS, 267/2, fol. 31r; Beinecke, OSB Shelves fb.207; «To the King», 1694, HEH, EL 9925; John Oldmixon, *The False Steps of the Ministry after the Revolution*, 3rd ed. (London, 1714), 6.
46. Melfort (Rome) to Cardinal d'Este, 15/25 March 1690, BL, Lansdowne 1163A, fol. 41v; Kirk, «Sermons, Occurrences ...». March 1690, fol. 99r.
47. Warrington, Essay, Beinecke, Osborn File 15756. Я приношу исключительную благодарность профессору Марку Найту за то, что привлек мое внимание к этому документу.
48. Thomas Wharton to William, 25 December 1689, BL, Add. 4107, fols. 78–88. Это письмо перепечатано в: Christopher Robbins, *The Earl of Wharton and Whig Party Politics, 1679–1718* (Lewiston, NY: Edwin Mellen, 1991), 297–309; в контексте дискуссии на стр. 69–72.
49. Robert Boyle (London) to Leclerc, 30 May 1689, *Works*, ed. Birch, 3:61; Cotterell to Katharine Trumbull, 18 March 1689, BL, Trumbull MSS39 (since recataloged); Yester (London) to Tweeddale, 3 April 1689, NLS, 14404, fol. 34r; Williams, 6 April 1689, Grey, 9:207; Elizabeth Adams (London) to Sir Ralph Verney, 14 May 1689, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Charles Trumbull (London) to Sir William Trumbull, 6 May 1689, BL, Add. 72513, fol. 14v; J. Hill (Rome) to Sir William Trumbull, 10 November 1689, Berkshire SRO, D/ED/C33; Ralph Trumbull (Witney) to Sir William Trumbull, 14 December 1689, BL, Add. 72511, fol. 88r; *Advice to English Protestants*, 5 November 1689 (London: J. D. for Awnsham Churchill, 1689), 2; Halifax (London) to Sir William Trumbull, 14 February 1690, BL, Add. 72527, fol. 167r; Cotterell to Sir William Trumbull, 22 January 1690, BL, Trumbull MSS39 (since recataloged); William Sacheverell, 17 April 1690, Grey, 10:55; Queen Mary (Whitehall) to William, 30 July 1690, NA, SP 8/7, fol. 118.
50. Parker, *Memoirs*, 51; A. Pye to Abigail Harley, 25 February 1690, BL, Add. 70014, fol. 295r; Dursley (The Hague) to Carmarthen, 22 August/2 September 1690, Berkeley Castle, MSS36A, fol. 68v; Melfort (Rome) to Innes, 11/21 February 1690, BL, Add. 37660, fol. 125v; Evelyn, *Diary*, 16 February 1690, 5:6; Francis Lane (Glendon) to Sir William Trumbull, 26 December 1689, BL, Add. 72527, fol. 143r; J. Hill (Venice) to Sir William Trumbull, 20 August 1689, Berkshire SRO, D/ED/C33; Hill (The Hague) to Sir William Trumbull, 1/11 October 1691, BL, Add. 72529, fol. 140v.
51. J. H. (Rotterdam) to Southwell, 2/12 June 1690, BL, Add. 38015, fol. 347r; John Dutton Colt to Robert Harley, 22 March 1690, BL, Add.

- 70014, fol. 311r; Paul Foley, 23 November 1692, Grey, 10:275; *The State of Parties and of the Publick* [London, 1692], 1; L'Hermitage (London) to States General, 1/11 September 1693, BL, Add. 17677NN, fol. 226r; Howe, 13 November 1693, Grey, 10:316.
52. Long, *Resolution of Certain Queries*, 8 April 1689, sig. A2v; Guise, 2 May 1690, Grey, 10:109; Carmarthen (London) to William III, 2 August 1690, BL, Add. 78919, fol. 49r; William Ettrick, 14 May 1690, Grey, 10:144; *Smith and Cutler's Plain Dialogue*, 1.
53. Henry St. John, Viscount Bolingbroke, *A Letter to Sir William Windham*, 2nd ed. (Dublin: Richard Watts and James Potts, 1760), 13–14; African Company (London) to Sir Nathaniel Johnston, 26 February 1689, NA, T 70/57, fol. 39v; Henry Booth, Lord Delamere, «Some Observations on the Prince of Orange's Declaration», in Delamere, *The Works* (London: John Lawrence and John Dunton, 1694), 367; Warrington, Essay, ca. 1690s, Beinecke, Osborn File 15756.

Глава одиннадцатая

Революция во внешней политике

1. *The Last Years Transactions Vindicated* (London: Richard Baldwin, 1690), 14; P. B., *The Means to Free Europe from the French Usurpation* (London: R. Bently, 1689), 36–37.
2. Craig Rose, *England in the 1600s: Revolution, Religion, and War* (Oxford: Blackwell, 1999), 105; G. C. Gibbs, «The Revolution in Foreign Policy», in *Britain after the Glorious Revolution, 1689–1714* ed. Geoffrey Holmes (Basingstoke: Macmillan, 1969), 59–79; Robert McJmsey, «Shaping the Revolution in Foreign Policy: Parliament and the Press, 1689–1730», *Parliamentary History* 25, no. 1 (2006): 17–31.
3. J. R. Jones, *Britain and the World, 1649–1815* (Glasgow: Fontana, 1980), 12; Ronald Hutton, *The Restoration: A Political and Religious History of England and Wales, 1658–1669* (New York: Oxford University Press, 1985), esp. 157; J. R. Jones, *Charles II: Royal Politician* (London: Allen and Unwin, 1987), 6; Jones, *The Revolution of 1688 in England* (New York: W. W. Norton, 1972), 187; Jonathan Israel, «The Dutch Republic and the 'Glorious Revolution' of 1688/89 in England», in *1688: The Seaborne Alliance and Diplomatic Revolution*, ed. Charles Wilson and David Proctor (London: National Maritime Museum, 1989), 32. Частичным исключением из этого правила является Джонатан Скотт. Хотя он идеально вписывается в лагерь религиозных интерпретаторов, Скотт даже предполагает, что «нет, пожалуй, ни одного аспекта европейской истории этого периода, более обеспечившего

вступление в современность, нежели Реформации, Контрреформация и их последствия»: Scott, *England's Troubles: Seventeenth-Century English Political Instability in European Context* (Cambridge: Cambridge University Press, 2000), 353–54.

4. Thomas Babington Macaulay, *The History of England from the Accession of James II*, 5 vols. (New York: Harper and Brothers, 1849–61), 2:1–3; W. A. Speck, *James II* (London: Longman, 2002), 131–32, 134; Jeremy Black, *A System of Ambition? British Foreign Policy, 1660–1793* (London: Longman, 1991), 25–26, 120; J. D. Davies, «International Relations, War and the Armed Forces», in *The Reigns of Charles II and James VII and II*, ed. Lionel K. J. Glassey (New York: St. Martin's Press, 1997), 230–31; Tim Harris, *Revolution: The Great Crisis of the British Monarchy, 1685–1720* (London: Allen Lane, 2006), 185; Wout Troost, *William III, the Stadholder-King*, trans. J. C. Grayson (Aldershot: Ashgate, 2005), 174; John Miller, «William III: The English View», in *The Last of the Great Wars*, ed. Bernadette Whelan (Shannon: University of Limerick Press, 1995), 18; Gibbs, «Revolution in Foreign Policy», 60; Rose, *England in the 1690s*, 105.
5. Black, *System of Ambition*, 29, 119; Macaulay, *History of England*, 3:96; Gibbs, «Revolution in Foreign Policy», 59; Gary De Krey, *Restoration and Revolution in Britain: Political Culture in the Era of Charles II and the Glorious Revolution* (London: Palgrave, 2007), 295; Jonathan Israel, *The Dutch Republic: Its Rise, Greatness and Fall, 1477–1806* (Oxford: Oxford University Press, 1995), 852; Troost, *William III*, 239; Miller, «William III», 17–18; Daniel Szechi, *The Jacobites: Britain and Europe, 1688–1788* (Manchester: Manchester University Press, 1994), 41; Henry Horwitz, *Parliament, Policy, and Politics in the Reign of William III* (Manchester: Manchester University Press, 1977), 20.
6. Tony Claydon, *William III and the Godly Revolution* (Cambridge: Cambridge University Press, 1996), 5, 139, 229; Claydon, *William III* (London: Longman, 2002), 137. В более поздней работе Клейдон смягчил свой язык: теперь он считает, что «антикатолицизм был использован наряду с другими дискурсами, пропагандировавшими войну». Это не был «лишь просто протестантский крестовый поход», говорит он. Claydon, *Europe and the Making of England, 1660–1760* (Cambridge: Cambridge University Press, 2007), 155. Тем не менее, он утверждает, что «нация по-прежнему рассматривает внешнюю политику в религиозном плане» (160); Jonathan Scott, *Algernon Sidney and the Restoration Crisis* (Cambridge: Cambridge University Press, 1991), esp. 8, 16, 30, 39–41, 106; Scott, «Radicalism and Restoration: The Shape of the Stuart Experience», *Historical Journal* 31 (1988): esp.

458–62; Scott, «England's Troubles: Exhuming the Popish Plot», in *The Politics of Religion in Restoration England*, ed. Tim Harris, Mark Goldie, and Paul Seaward (Oxford: Basil Blackwell, 1990), 110; Davies, «International Relations», 215. Скотт обвинил меня несправедливо, обобщая свою позицию: *England's Troubles*, 351–52. Я по-прежнему не уверен, как стоит расценивать фразу «это было беспокойство по поводу религии, а не о политике или экономике». Я считаю, что выборы не были узкоконфессиональными — но лежали между современной католической внешней политикой и современной многоконфессиональной политикой. Rose, *England in the 1690s*, 106.

7. Для определения консенсуса: Claydon, *William III*, 135. Я не согласен с утверждением Роуза, что «морская стратегия» была «жилами яростного вигизма»: Rose, *England in the 1690s*, 118.
8. Sir Daniel Fleming, Lancashire, 1674, Cumbria SRO, Carlisle, D/Lons/L12/2/18, fol. 3r; Robert Lord Wenlock, ed., *Lorenzo Magalotti: Travels of Cosmo the Third* (London: J. Mawman, 1821), 11 May 1669, 397; Thoresby, *Diary*, 1 August 1678, 1:19; *The Case of the Booksellers Trading beyond Sea* [1690s], II.
9. Sir Gyles Isham, ed., *The Diary of Thomas Isham of Lamport* (Farnborough: Gregg International Publishers, 1971), 25 November 1671, 3 February 1672, 67, 81; W. H. D. Longstaffe, ed., *Memoirs of the Life of Mr. Ambrose Barnes ...*, Publications of the Surtees Society, vol. 50 (Durham: Published for the Society, 1867), 138; Sir John Lowther's Books, April 1698, Cumbria SRO, Carlisle, D/Lons/L2/6, 42–66; John Verney (London) to Sir Ralph Verney, 24 November 1686, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Lady Damaris Masham to John Locke, 3 October 1687, *Locke Correspondence*, y.2jS; Sir Walter Yonge to Locke, 6 September 1687, *Locke Correspondence*, 3:264; Sir John Reresby, *Memoirs*, ed. Mary K. Geiter and W. A. Speck (London: Royal Historical Society, 1991), 21 October 1683, 316; James Brydges, Journal, 7 August 1697, HEH, ST 26/1; Burlington (London) to Sir John Reresby, 10 February 1685, WYAS, MX 31/26; John, Lord Ashburnham (Ashburnham), to James Mackburnye, 22 February 1696, East Sussex SRO, ASH/840, 35;? to Sir Joseph Williamson, 24 March 1678, NA, SP 29/402, fol. 133.
10. *Remarques on the Humours and Conversations of the Town* (London: Allen Banks, 1673), 126–27; *The Character of a Coffee-House* (1665), 3–4; see, e.g., the 1670 deck of cards in the Huntington at HEH 47507; and Henry Brome, *Geographical Playing Cards* (London, 1676); Francis Benson to Leoline Jenkins, 11 September 1677, Huntington MSS HM 30314.
11. William King, *Europe's Deliverance from France and Slavery*, Preached 16 November 1690, St. Patrick's, Dublin (London: Tim. Goodwin, 1691).

- sig. [A4v]; Barillon (London) to Louis XIV, 28 February/10 March 1687, NA, PRO 31/3/168, fol. 42r; George Philips, *The Interest of England in the Preservation of Ireland* (London: Rich. Chiswell, 1689), sig. A2r.
12. *Europae Modernaе Speculum* (London: T. Leach, 1665), 4, 103; Edmund Everard, *Discourses on the Present State of the Protestant Princes in Europe* (London: Dorman Newman, 1679), 37; *The French Intrigues Discovered* (London: R. Baldwin, 1681), 8; Charles Davenant, *Essays upon I The Ballance of Power II The Right of Making War, Peace, and Alliances. Ill Universal Monarchy* (London: James Knapton, 1701), 259.
 13. *The Character and Qualifications of an Honest loyal Merchant* (London: Robert Roberts, 1686), 13; Charles Molloy, *De Jure Maritimo et Navali* (London: John Bellinger, 1676), sigs. A2–A3, A6r; *French Intrigues Discovered*, 23; William Aglionby, *The Present State of the United Provinces of the low Countries* (London: John Starkey, 1669), 154; «A Letter from a Gentleman in Holland to a Worthy Member of the House of Commons», 13/23 December 1677, BL, Add. 28092, fol. 11r. См. также Jacob H. Hollander, ed., *Samuel Fortrey on England's Interest and Improvement, 1661* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1907), 7; Sir Walter Raleigh, *Judicious and Select Essays and Observations* (London: A. M., 1667), 20. John Evelyn, *Navigation and Commerce, Their Original and Progress* (London: Benjamin Tooke, 1674), 15–17; Roger Boyle, Earl of Orrery, «The Black Prince», in *The Dramatic Works of Roger Boyler Earl of Orrery*, ed. William Smith Clark (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1937), 1:372; Edmund Waller, 5 February 1678, Grey, 5:90–91; and Sir William Temple, «A Survey of the Constitutions and Interests», May 1671, in Sir William Temple, *The Works*, vol. 2 (London: F. C. and J. Rivington et al., 1814), 210. Я более подробно развил эту тему в: *Protestantism and Patriotism* (Cambridge: Cambridge University Press, 1996).
 14. *A True Relation of the Unjust, Cruel, and Barbarous Proceedings against the English at Amboyna*, 3rd ed. (London: Tho. Mabb for William Hope, 1665), sig. A4v; Aglionby, *Present State of the United Provinces*, sig. A4, 163–64, 236. См. также *Europae Modernaе Speculum*, 66–67; and Henry Coventry, 7 February 1673, Grey, 2:10–11.
 15. Charles Molloy, *Holland's Ingratitude: or, A Serious Expostulation with the Dutch* (London: T. J. for Fr. K., 1666), 4; *The Glorious and Living Cinque-Ports of Our Fortunate Islands* (Oxford: H. M., 1666), 1; *Hogan-Moganides: or, The Dutch Hudibras* (London: William Cademan, 1674), 7–8. См. также *The Frog, or The Low-Country Nightingale, Sweet Singer of Amsterdam* (?1672), 3; and John Ogilby, *The Fables of Aesop* (London: Thomas Roycroft, 1665), 206–11.

16. John Crouch, *The Dutch Imbergo upon Their State Fleet* (London: Edward Crowch, 1665), 7; Robert Wild, *A Panegyricke Humbly Addressd to the King's Most Excellent Majesty* (London: A. P. for Philip Brooksby, 1673), 3; *The Complaisant Companion*, 2 vols. (London: H. B., 1674), 2:32; Sir Philip Warwick, «Of Government», 28 August 1679, Huntington Library, MSS HM 41956, 182.
17. *The Present Interest of England Stated* (London: D.B., 1671), 30–31; Robert MacWard, *The English Balance* (1672), 14–15, 30.
18. *French Intrigues Discovered*, 5–6, 15; Slingsby Bethel, *Observations on the Letter Written to Sir Thomas Osborne* (London: J. B., 1673), 11, 19; *Popery and Tyranny: or, The Present State of France* (London, 1679), 13; Slingsby Bethel, *An Account of the French Usurpation upon the Trade of England* (London, 1679), 6; *Englands Glory by the Benefit of Wool Manufactured Therein, from the Farmer to the Merchant; and the Evil Consequences of Its Exportation Unmanufactured* (London: T. M., 1669), 8; *The Reply of W. C.* (1685), 3–4, 6–7, 9–10; *The Ancient Trades Decayed, Repaired Again* (London: T. N., 1678), 14–15. См. также William Sacheverell, 31 October 1673, Grey, 2:202; Joseph Hill, *The Interest of These United Provinces* (Middelburg: T. Berry, 1673), sig. N4v; Francois de Lisola, *The Buckler of State and Justice against the Designs Manifestly Discovered of the Universal Monarchy, under the Vain Pretext of the Queen of France Her Pretension* (London: Richard Royston, 1673), 13; *A Relation of the French King's Late Expedition into the Spanish Netherlands* (London: John Starkey, 1669), sig. A3r; «Marquis de Fresno's Memorial», 20 December 1673, HEH, EL 8457; Roger Coke, *A Discourse of Trade* (London: H. Brome, 1670), sig. B1v; *A Free Conference Touching the Present State of England both at Home and Abroad* (London: Richard Royston, 1678), 48–49; Ludlow, «A Voyce», Bodleian, Eng. Hist.c.487,1052; and *The Emperour and the Empire Betray'd* (London: B.M., 1681), 68, 71–72. Полемика вигов в значительной степени опиралась на общеевропейскую литературу: Hubert Gillot, *Le regne de Louis XIV et Topinion publique en Allemagne* (Nancy: A. Crepin-Leblond, 1914); P. J. W. Van Malssen, *Louis XIV d'apres les pamphlets repandus en Hollande* (Amsterdam: H. J. Paris, [1937]).
19. *Popery and Tyranny*, 9, 11; *Free Conference*, 38–39, 49–50; *French Intrigues Discovered*, 4–5; Bethel, *French Usurpation*, 4, 6–7; Bethel, *Observations*, 13; *Discourses upon the Modern Affairs of Europe*, 3; *Europae Modernae Speculum*, 91–92.
20. M. Appelbome to chancellor of Spain, 6/16 October 1665, Bodleian. Clarendon MSS83, fol. 251r; Slingsby Bethel, *The Present Interest of England Stated* (London: D. B., 1671), sigs. A2–A3; Slingsby Bethel, *The*

Present State of Christendome and the Interest of England (London: J. B., 1677), 11, 15; Bethel, *French Usurpation*, 1–2; Slingsby Bethel, *Interest of Prince and States of Europe* (London: John Wickins, 1680), sigs. A3–A4, A6; Algernon Sidney, «Court Maxims», 1666, Warwickshire SRO, 152, 155; «Lord Holies's Letter to Van Beuningen at Amsterdam, 1676», in *State Tracts Being a Collection of Several Treatises Relating to the Government Privately Printed in the Reign of K. Charles II* (London, 1693), 458; Andrew Marvell, *An Account of the Growth of Popery and Arbitrary Government in England* (Amsterdam, 1677), 16. См. также *The Fortune of France* (London: Jonathan Edwin, 1678), 3–4; *A Letter from the States General of the United Provinces of the Low Countries to the King of Great Britain*, 9/19 December 1673 (The Hague, 1673), 5; *Free Conference*, 8–9; Hill, *Interest of These United Provinces*, sig. C3v; *French Intrigues Discovered*, 11; *Discourses upon the Modern Affairs of Europe*, 1; *The French Politician Found Out* (London: Robert Harford, 1680), 2:11; and *French Intrigues; or, The History of Their Delusory Promises since the Pyrenean Treaty* (London: W. Hensman, 1685), 1.

21. *The Designs of France against England and Holland Discovered* [1686], 7; [Johann Grueber], *China and France* (London: T. N. for Samuel Loundes, 1676), 201–2.
22. Richard Mountagu to Danby, 18 January 1678, in Thomas Osborne, Earl of Danby, *An Explanation of the Lord Treasurer's Letter* (1679), 10; Danby, Memorandum, December 1673, «Memorandum to the King». 4 April 1677, «Memorandums for the King, June 1677, «Memorandums about the Duke of York», September 1679, all in *Thomas Osborne, Earl of Danby and Duke of Leeds, 1632–1712*, vol. 2, ed. Andrew Browning (Glasgow: Jackson, Son, 1944) 63–64, 67–68, 70–71, 89–90; Stephen Temple to Sir Richard Temple, 11/21 October 1672, HEH, STT 2201; Steven Pincus, «From Butterboxes to Wooden Shoes: The Shift in English Popular Sentiment from Anti-Dutch to Anti-French in the 1670s», *Historical Journal* 38 (1995): 333–61.
23. William Garroway, 19 April 1675, Grey, 3:8; Col. John Birch, 10 May 1675, Grey, 3:127; «Letter from a Gentleman in Holland», fol. 15r; Henry Thynne to Francis Parry, 20 December 1677, FSL, V.b. 285; Huntingdon to John Geary, 24 January 1678, HEH, HA 5943; Huntingdon to Geary, 10 January 1678, HEH, MSS HA 5942; Birch, 14 March 1678, Grey, 5:238–39; Danby to Essex, 4 December 1677, *Osborne*, ed. Browning, 62; Francis Benson to Leoline Jenkins, 15 February 1678, Huntington Library, MSS HM 30314; Newsletter from Whitehall, 22 February 1678, Huntington Library, MSS HM 30314; Thomas Thynne to Halifax, 9 December 1677, BL, Althorp MSS C5, unfolioed; *Advice to a Souldier*

- (London: John Shadd for John Gay, 1680); Marchamont Nedham, *Pacquet-Boat Advice* (London: Jonathan Edwin, 1678), 6; Nedham, *Christianissimus Christianandus* (London: Henry Hills, 1678), 72.
24. Reresby, *Memoirs*, 11 May 1677, Geiter and Speck, 115; «A Short Character of King Charles the Second», ca. 1685–90, HEH, EL 8773a; Charles II's Paper, 27 March 1678, House of Lords Journal, 13:196; Charles II's Speech, 28 January 1678, House of Lords Journal, 13:130; Coventry, 28 January, 4 February 1678, Grey, 5:7–8, 75.
 25. George Plaxtone, *The Loyal Speech* (Edinburgh: Heir of Andrew Anderson, 1685), 2; *A Poem on the Coronation of Our Most Illustrious Sovereign K. James II* (London: Nathaniel Thompson, 1685), 5; *A New Song upon the Coronation* (London: James Dean, 1685); *England's Second Happiness* (London: James Dean, 1685), [February]; *The Reward of Loyalty* (London: J. Hazzey, 1685); «The Happy Return», November 1685, in *The Pepys Ballads*, 8 vols., ed. Hyder Edgar Rollins (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1929–32), 3:181; William Basset, *A Panegyrick on the Coronation of King James II* (London: Walter Davis, 1685), 2; Roger Morrice, Entering Book, 12 March 1685, DWL, 31 P, 457; Sir John Lowther, *Memoirs of the Reign of James II*, Cumbria SRO, Carlisle, D/Lons/L2/5; Gilbert Burnet, *History of His Own Time*, 2 vols. (London: Thomas Ward, 1724), 1:624; *Mercurius Reformatus*, 31 July 1689, [1]; James Fraser to Sir Robert Southwell 7 February 1685, BL, Add. 46961, fol. 217r; John Evelyn (London) to May Evelyn, 8 February 1685, BL, ME2; Charles Davenant (London) to Sir John Reresby, 12 February 1685, WYAS, MX 29/27; Christopher Phillipson (London) to Sir Daniel Fleming, 14 February 1685, Cumbria SRO, Kendal, WD/Ry 2852; William Petty (London) to Southwell, 22 August 1685, BL, Add. 72853, fol. 21v; Edmund Warcup (Northmoor) to Hugh Jones, 14 September 1685, Bodleian, Rawlinson MSS, Letters 48, fol. nv; Thomas Chichely to Sir Richard Legh, 17 February 1685, JRL, Legh of Lyme, Box 2/Folder 13; Benjamin Bathurst (London) to Colonel Hender Molesworth, 5 September 1685, BL, Loan 57/83, unfolioed; Charles Reresby (London) to Sir John Reresby 22 September 1685, WYAS, MX 39/49; Gerard Reresby (Cadiz) to Sir John Reresby, 24 December 1685, WYAS, MX 42/35; Thomas Durfey, *An Elegy upon the late Blessed Monarch King Charles II* (London: Jo. Hindmarsh, 1685), 10; Dr. John Nalson, *The Present Interest of England*, 2nd ed. (London: Thomas Dring, 1685), 44; *To the King: A Congratulatory Poem* (London: R. Bentley, 1685), 6; T. R. d. L., *The All-Conquering Genius of the Most Potent and Most Serene Prince James II* (London: John Harefinch, 1685), 5; *A Poem on the Present Assembly of Parliament, November 9th 1685* (London:

George Powell, 1686), 4; Morrice, Entering Book, 12 October 1685, DWL, 31 P, 481.

26. «Sur le mariage de Jacques Stuart», MAE, MD/Angleterre 75, fol. 4r.
27. *Life of James II*, 1:659; Barillon (London) to Louis XIV, 16/26 November 1688, MAE, CP/Angleterre 167, fol. 103; Newsletter, 25 September 1688, Bodleian, Don.c.38, fol. 295r; Sir William Trumbull, Autobiography, All Souls College, MSS317, [21]; Morrice, Entering Book, 26 January 1689, DWL, 31 Q, 437. Свидетельства современников и обширная личная переписка Берильона свидетельствуют, что Вольтер был несправедлив к нему, когда высмеял Берильона как «человека удовольствия... лучше разбирающегося в интригах любовниц Якова, чем в делах Европы»: Voltaire, *The Age of Lewis XIV*, 2 vols. (London: R. Dodsley, 1752), 1:236–37.
28. (Chantilly) to Albeville, 9 March 1685, Indiana, Albeville MSS; Barillon (London) to Louis XIV, 1/11 December 1688, MAE, CP/Angleterre, 167, fol. 173r; Barillon (London) to Louis XIV, 12/22 February, 16/26 March, 16/26 February, 23 February/5 March 1685, NA, PRO 31/3/160, fols. 48, 92r, 53r, 68v; Barillon (London) to Louis XIV, 9/19 April 1685, NA, PRO 31/3/161, fol. 16v; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 31 August/10 September 1685, NA, PRO 31/3/161, fol. 39v; Barillon (London) to Louis XIV, 11/21 March 1686, NA, PRO 31/3/165, fol. 10v; Bonrepaus (London) to Seignelay, 3/13 December 1687, NA, PRO 31/3/174, fol. 29r; Bonrepaus (London) to Seignelay, 27 January/6 February 1686, NA, PRO 31/3/164, fols. 24–25; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 3/13 October 1687, NA, PRO 31/3/173, fol. 24r; Barillon (London) to Louis XIV, 1/11 April 1686, NA, PRO 31/3/165, fol. 21; Nathaniel Molyneux to Roger Kenyon, 18 October 1688, HMC Kenyon, 204.
29. Barillon (London) to Louis XIV, 16/26 March 1685, NA, PRO 31/3/160, fol. 88v; Barillon (London) to Louis XIV, 28 November/8 December 1687, NA, PRO 31/3/174, fol. 15; Bonrepaus, Report on the State of England, 1687, NA, PRO 31/3/174, fols. 75–76; Barillon (London) to Louis XIV, 8/18 February 1686, NA, PRO 31/3/164, fols. 13–14; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 10/20 September 1685, NA, PRO 31/3/161, fol. 47v; Barillon (London) to Louis XIV, 26 April/6 May 1688, NA, PRO 31/3/177, fol. 7r; Barillon (London) to Louis XIV, 16/26 March 1685, NA, PRO 31/3/160, fol. 94r; Barillon (London) to Louis XIV, 28 February/10 March 1687, NA, PRO 31/3/168, fol. 42r; Bevil Skelton (Paris) to Sunderland, 16/26 November 1686, NA, SP 78/151, fol. 116r; Sir William Trumbull to William of Orange, 4/14 January 1686, BL, Trumbull Misc. 24, unfolioed (since recataloged).

30. Petty (London) to Southwell, 30 September 1686, BL, Add. 72853, fol. 112r; Petty, «Matters in Transaction and Discourses», 1687, BL, Add. 72866, fol. 114r; Petty, «Of a Mare Clausum», 1687, BL, Add. 72866, fol. 122r; Petty, «Considerations upon Shipping and Seamen, Naval Force, Foreign Commerce», 1686, BL, Add. 72867, fol. 37r; Morrice, *Entering Book*, 11 September 1686, DWL, 31 P, 622; Evelyn, *Diary*, 12 September 1686, 4:524–25; Petty, «For an Alliance with the Ftench», ca. 1686, BL, Add. 72867, fol. 32r; Petty, «About Alliance with the French», ca. 1686, BL, Add. 78267, fol. 35; Petty, «Essay about Analysis of Property», ca. 1686, BL, Add. 72866, fol. 53v.
31. Trumbull, *Autobiography*, [8–9]; Barillon (London) to Louis XIV, 19/29 January 1685, NA, PRO 31/3/160, fol. 19r; Barillon (London) to Louis XIV, 29 October/8 November 168, NA, PRO 31/3/162, fol. 7r.
32. Barillon (London) to Louis XIV, 16/26 March 1685, NA, PRO 31/3/160, fol. 91v; Barillon (London) to Louis XIV, 16/26 November, 3/13 December 1685, NA, PRO 31/3/162, fol. 26v, 46r; Barillon (London) to Louis XIV, 21 November/1 December 1687, NA, PRO 31/3/174, fol. 2r; Bonrepaus, *Report on the State of England*, 1687, NA, PRO 31/3/174, fol. 80r.
33. Barillon (London) to Louis XIV, 9/19 February, 16/26 February 1685, NA, PRO 31/3/160, fols. 40, 52v, 54r.
34. Privy Council Minutes, 15 June 1685, NA, PC2/71, fol. 56v; Adam Anderson, *An Historical and Chronological Deduction of the Origins of Commerce*, 2 vols. (London: A. Millar et al., 1764), 2:182; Gabriel de Sylvius (Copenhagen) to Sir William Trumbull, 29 December 1685, BL, Trumbull Misc. 23, unfolioed (since recataloged); Hill (The Hague) to Sir William Trumbull, 1 April 1686, BL, Trumbull Misc. 24, unfolioed (since recataloged).
35. Edward Randolph (Whitehall) to Francis North, 3 December 1685, HEH, BL 232; Sunderland to Sir William Trumbull, 1 November 1685, BL, Trumbull Misc. 7, unfolioed (since recataloged); Bonrepaus (London) to Seignelay, 7/17 January 1686, NA, PRO 31/3/163, fols. 53–54; Bonrepaus (London) to Seignelay, 8/18 February 1686, NA, PRO 31/3/164, fol. 56r; Bonrepaus (London) to Seignelay, 22 February/4 March 1686, NA, PRO 31/3/165, fol. 36r; (London) to John Ellis, 27 February 1686, BL, Add. 4194, fol. 40r; Van Citters (London) to States General, 5/15 March 1686, BL, Add. 34512, fol. 26r; London Newsletter, 11 March 1686, FSL, L.c. 1635; Henry Savile (Whitehall) to Halifax, 13 April 1686, BL, Althorp C17, fol. 10v; Hill (The Hague) to Sir William Trumbull, 1 April 1686, BL, Trumbull Misc. 24, unfolioed (since recataloged); London Newsletter, 7 December 1686, FSL, L.c. 1744; Barillon (London) to Louis XIV, 29 November/9 December 1686,

- NA, PRO 31/3/167, fol. 58r; Bonrepaus (London) to Seignelay, 29 March/8 April 1686, NA, PRO 31/3/165, fol. 109r; Petition of the Hudson's Bay Company, 25 April 1689, NA, CO 135/1, fol. 69v; The Case of the Hudson's Bay Company, ca. 1697, HEH, EL 9824; Anderson, *Origins of Commerce*, 2:186; Barillon (London) to Louis XIV, 8/18 November 1686, NA, PRO 31/3/167, fol. 47r.
36. London Newsletter, 27 November 1686, FSL, L.c. 1739; Bonrepaus and Barillon (Windsor) to Louis XIV, 11/21 July 1687, NA, PRO 31/3/171, fol. 73r; Bonrepaus (Windsor) to Seignelay, 4/14 August 1687, NA, PRO 31/3/172, fol. 6r; Barillon and Bonrepaus (Bath) to Seignelay, 21/31 August 1687, NA, PRO 31/3/172, fol. 30r; Petition of the Hudson's Bay Company, 25 April 1689, NA, CO 135/1, fol. 69r; Barillon and Bonrepaus (Windsor) to Louis XIV, 2/12 June 1687, NA, PRO 31/3/170, fol. 49r; Bonrepaus (London) to Seignelay, 10/20 October 1687, NA, PRO 31/3/173, fol. 37r; Bonrepaus (London) to Seignelay, 24 November/4 December 1687, NA, PRO 31/3/174, fol. 5r.
37. Barillon (Windsor) to Louis XIV, 6/16 October, 7/17 November 1687, NA, PRO 31/3/173, fols. 26r, io6r; Barillon (London) to Louis XIV, 24 November/4 December, 28 November/8 December 1687, NA, PRO 31/3/174, fols. 13r, 15r; Barillon (London) to Louis XIV, 26 December/5 January 1687/88, NA, PRO 31/3/175, fol. 3v; Barillon (London) to Louis XIV, 31 October/10 November 1687, NA, PRO 31/3/173, fols. 85–86; Barillon (London) to Louis XIV, 1/11 November 1688, MAE, CP/Angleterre 167, fol. 49v; Barillon (Salisbury) to Louis XIV, 22 November/1 December 1688, MAE, CP/Angleterre 167, fol. 130v; Barillon (Andover) to Louis XIV, 25 November/4 December 1688, MAE, CP/Angleterre, 167, fols. 145–46.
38. John Paul Jameson (Rome) to Walter Leslie, 30 March 1685, SCA, Bl 1/91/3; Trumbull, *Autobiography*, [42]; Count Lillieroot (Paris) to Trumbull, 26 January/5 February 1686, BL, Trumbull MSS8 (Lillieroot Correspondence), since recataloged; George Etherege (Ratisbon) to Lord Godolphin, 30 December/9 January 1686, Harvard Theatre Collection, fMS THR11, 57; *Mercurius Reformatus*, 7 August 1689, [1]; Newsletter from the Hague, 7/17 December 1686, BL, Add. 41820, fol. 691; Bevil Skelton (The Hague) to Middleton, 14/24 May 1686, BL, Add. 41813, fol. 136v; Mr Hughes, «Account of What I Heard in Amsterdam», 14/24 October 1685, BL, Add. 41818, fol. 97r. См. также Speech of Daniel de Cosnac, 4/14 July 1685, Bodleian, Tanner 31, fol. 126v; and Gabriel-Jules Comte de Cosnac and Edouard Pontal, eds., *Memoires du Marquis de Sourches*, vol. 2 (Paris: Hachette, 1883), 23 January/2 February 1688, 132.

39. Barillon (London) to Louis XIV, 21/31 January 1686, NA, PRO 31/3/163, fol. 16; Barillon (London) to Louis XIV, 29 March/8 April 1686, NA, PRO 31/3/165, fol. 19v; Don Pedro de Ronquillo (London) to king of Spain, 2/12 August 1686, BL, Add. 34502, fols. 77–78; Philippe Hoffmann (London) to Holy Roman Emperor, 3/13 February 1688, Campana, 2:175; Francesco Terriesi (London) to Grand Duke of Tuscany, 31 May/10 June 1686, Campana, 2:108; Terriesi (London) to Secretary of State of the Grand Duke of Tuscany, 9/19 July 1686, Campana, 2:113; John Towill Rutt, ed., *An Historical Account of My Own Life by Edmund Calamy, 1671–1731*, 2 vols. (London: H. Colburn and R. Bentley, 1829), 1:70; Trumbull, *Autobiography*, [45], [53]. For Terriesi, see Stefano Villani, «Note su Francesco Terriesi (1635–1715)», *Nuovo Archivio Veneto*, n. s., 10 (2003). Бевил Скелтон, экстраординарный посланник Якова во Франции, который помог распространению меморандума д'Аво, провозглашающего существование альянса, был немедленно отозван из Парижа и заключен в Тауэр. Впрочем, столь же быстро он был освобожден и поставлен во главе полка, а затем назначен комендантом Тауэра. *An Account of... the Private League* (London: Richard Baldwin, 1689), 12.
40. *Life of James II*, 2:443; James (Edinburgh) to Dartmouth, 4 May, 5 July 1681, Beinecke, OSB Shelves 190/2, fols. 123r, 136r; Sir Richard Bulstrode, *Memoirs and Reflections* (London: N. Mist, 1721), 377; Lord Godolphin (Whitehall) to William, 18 April 1684, NA, SP 8/1/Pt. 1, fol. 96; Barillon (London) to Louis XIV, 5/15 January, 2/12 February 1685, 29 December/8 January 1684/85, NA, PRO 31/3/160, fols. 9r, 28, 5.
41. Barillon (Windsor) to Louis XIV, 7/17 September 1685, NA, PRO 31/3/161, fol. 46r; Barillon (London) to Louis XIV, 9/19 April 1688, NA, PRO 31/3/176, fol. 114v; Barillon (London) to Louis XIV, 3/13 November 1687, NA, PRO 31/3/173, fols. 99–100.
42. Barillon (Windsor) to Louis XIV, 12/22 July 1686, NA, PRO 31/3/166, fols. 40–41; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 13/23 September 1686, NA, PRO 31/3/167, fol. 15v; Barillon (London) to Louis XIV, 18/28 October 1686, NA, PRO 31/3/167, fol. 34r; Barillon (Bath) to Louis XIV, 13/23 September 1687, NA, PRO 31/3/172, fol. 155r; Van Citters (London) to States General, 9/19 June 1685, BL, Add. 34512, fol. 27r; Skelton (The Hague) to Sunderland, n/21 June 1686, NA, SP 84/220, fols. 18–19; Skelton (The Hague) to Sir William Trumbull, 12/22 June 1686, BL, Trumbull MSS46, unfolioed (since recataloged); Skelton (The Hague) to Sir William Trumbull, 15/25 June 1686, BL, Trumbull 46, unfolioed (since recataloged); J. Hill (The Hague) to Sir

William Trumbull, 22 March/1 April 1686, BL, Trumbull Misc. 24, unfolioed (since recataloged); Edmund Everard (The Hague) to [Daniel Petit], 29 July/18 August 1686, BL, Add. 41819, fol. 224v; Albeville, «Reasons to Recall Troops», 15/25 December 1687, NA, PRO 31/3/174, fol. 47r. См. также Everard (Amsterdam) to Skelton, 23 January/2 February 1686, BL, Add. 41818, fol. 229v; Henry Ball (Amsterdam) to Skelton, 28 May/7 June 1685, BL, Add. 41817, fol. 107r; and Owen Wynne to Sir William Trumbull, 6 May 1686, BL, Trumbull Misc. 24, unfolioed (since recataloged).

43. (Utrecht) to Skelton, 31 July/10 August 1685, BL, Add. 41817, fol. 265v; Skelton (The Hague) to Middleton, 12/22 June 1685, BL, Add. 41812, fol. 119r; Skelton (The Hague) to Middleton, 14/24 August 1685, BL, Add. 41812, fol. 174v; Petit (Amsterdam) to Skelton, 29 August/8 September 1685, BL, Add. 41812, fol. 199r; Skelton (The Hague) to Middleton, 31 August/10 September 1685, BL, Add. 41812, fol. 195r; Dr. Michael Carney (Amsterdam) to Petit, 31 August/10 September 1685, BL, Add. 41818, fol. 50r; Everard (Amsterdam) to Skelton, 22 September/2 October 1685, BL, Add. 41818, fol. 79; Hughes, «Account of What I Heard in Amsterdam», fol. 98v; Everard (Amsterdam) to Skelton, 25 November/5 December 1685, BL, Add. 41818, fol. 156v; (Utrecht) to Skelton, 19/29 December 1685, BL, Add. 41818, fol. 185v; Everard (Amsterdam) to Petit, 16/26 March 1686, BL, Add. 41818, fol. 281r; (Utrecht) to Skelton, 17/27 May 1686, BL, Add. 41819, fol. 104; Skelton (Amsterdam) to Middleton, 10/20 September 1686, BL, Add. 41814, fol. 8v; Skelton (Rotterdam) to Middleton, 30 June/10 July 1685, BL, Add. 41812, fol. 135r; Skelton (The Hague) to Middleton, 18/28 August 1685, BL, Add. 41812, fol. 177r; James Kennedy (Rotterdam) to Skelton, 13/23 October 1686, BL, Add. 41820, fol. 30v; William Hamilton (Whitehall) to Arran, 18 October 1686, NAS, GD406/1/3306; Kennedy (Rotterdam) to Skelton, 19/29 October 1686, BL, Add. 4180, fols. 45–46; Petit (The Hague) to Middleton, 22 October/1 November 1686, BL, Add. 41814, fol. 64r; Skelton (The Hague) to Middleton, 18/28 May 1686, BL, Add. 41813, fol. 138v; Halifax (London) to William, 18 January 1687, NA, SP 8/1/Pt. 2, fol. 92r; Albeville (The Hague) to Middleton, 17/27 May 1687, BL, Add. 41814, fol. 239; Gilbert Burnet, *The Citation*, 27 June 1687 [1687], 5; Skelton (The Hague) to Middleton, 7/17 July, 21 April/1 May, 24 April/4 May, 8/18 May 1685, BL, Add. 41812, fols. 138r, 33r, 34v, 58–59; (Utrecht) to Skelton, 13/23 August 1685, BL, Add. 41818, fol. 17; Skelton (The Hague) to Middleton, 1/11 September 1685, BL, Add. 41812, fol. 20; Skelton (Utrecht) to Middleton, 20/30 October 1685, BL, Add. 41812, fol. 208r; (Utrecht)

to Skelton, 8/18 March, 18/28 March 1686, BL, Add. 41818, fols. 273, 283; Skelton (The Hague) to Middleton, 30 March/9 April 1686, BL, Add. 41813, fol. 94v;? (Utrecht) to Skelton, 25 June/5 July 1686, BL, Add. 41819, fols. 177–78;? (Utrecht) to Skelton, 5/15 July 1686, BL, Add. 41813, fol. 179r; Skelton (The Hague) to Middleton, 6/16 July 1686, BL, Add. 41813, fol. 176r; Skelton (Nijmegen) to Middleton, 6/16 August 1686, BL, Add. 41813, fol. 228v; Skelton (The Hague) to Middleton, 13/23 August 1686, BL, Add. 41813, fol. 229; Albeville (The Hague) to Middleton, 5/15 April 1687, BL, Add. 41814, fol. 208r. O Jey-вардене: Everard (Amsterdam) to Skelton, 31 January/10 February 1686, BL, Add. 41818, fols. 234–35; Petit (The Hague) to Middleton, 5/15 February 1686, BL, Add. 41813, fol. 69r;? (Utrecht) to Skelton, 8/18 March 1686, BL, Add. 41818, fol. 274; Solomon Slater (Amsterdam) to Skelton, 19/29 April 1686, BL, Add. 41813, fol. 1141; Skelton (The Hague) to Sunderland, 20/30 April 1686, NA, SP 84/220, fol. 14; Benjamin Alsop (Leeuwarden) to Joseph Tiley, 21/31 May 1686, BL, Add. 41819, fol. 108r; Tiley (Amsterdam) to Skelton, 28 May/7 June 1686, BL, Add. 41819, fol. 122; Tiley (Amsterdam) to Slater, 18/28 July 1686, BL, Add. 41813, fol. 201v. For Groningen: Everard (Amsterdam) to Skelton, 6/16 March 1686, BL, Add. 41818, fol. 269v; Albeville (The Hague) to Middleton, 6/16 May 1687, BL, Add. 41814, fols. 229–30. For Lunenburg: Peter Wyche (Hamburg) to Middleton, 16/26 June 1685, BL, Add. 41824, fol. 253v; Wyche (Hamburg) to Middleton, 4/14 August 1685, BL, Add. 41825, fol. 7v; Skelton (The Hague) to Middleton, 2/12 April 1686, BL, Add. 41813, fol. 96v; Albeville (The Hague) to Middleton, 15/25 May 1688, BL, Add. 41816, fol. 34v; Henry Ball (Amsterdam) to Middleton, 8/18 January 1685, BL, Add. 41810, fol. 234v; G. Neale [Joseph Tiley] (Rotterdam) to? Harrison, 12/22 April 1685, BL, Add. 41812, fol. 40r;? (Utrecht) to Skelton, 12/22 May 1685, BL, Add. 41812, fol. 77r; Skelton (Rotterdam) to Middleton, 30 June/10 July 1685, BL, Add. 41812, fol. 134v; Hughes, «Account of What I Heard at Amsterdam», fol. 99r;? (Utrecht) to Skelton, 23 March/2 April 1686, BL, Add. 41818, fol. 285r; Richard L. Greaves, *Secrets of the Kingdom: British Radicals from the Popish Plot to the Revolution of 1688–1689* (Stanford, CA: Stanford University Press, 1992), 295–312.

44. Everard (Amsterdam) to Skelton, 8/18 November 1685, BL, Add. 41812, fol. 235r;? (Utrecht) to Skelton, 25 November/5 December 1685, BL, Add. 41812, fols. 260–61; Petit (The Hague) to Middleton, 24 February/5 March 1686, BL, Add. 41813, fol. 80v; Sir Richard Bulstrode (Brussels) to Sunderland, 7/17 September 1686, NA, SP 77/55, fol. 91r; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 18/28 July 1687, NA, PRO 31/3/171, fol. 78r;

- Van Citters (London) to States General, 19/29 July 1687, BL, Add. 34510, fol. 44r; London Newsletter, 16 August 1687, FSL, L.c. 1844; Dr. William Denton (London) to Sir Ralph Verney, 24 August 1687, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Barillon (London) to Louis XIV, 19/29 December 1687, NA, PRO 31/3/174, fol. 49v; Morrice, Entering Book, 6 August 1687, DWL, 31 Q, 162; Newsletter (Whitehall), 26 August 1687, Beinecke, OSB MSS1/Box 2/Folder 64; J. Hill (Paris) to Sir William Trumbull, 10 October 1687, Berkshire SRO, D/ED/C33; Petit (The Hague) to Middleton, 21/31 October 1687, BL, Add. 41815, fol. 66v; Newsletter to Earl of Suffolk, 16 August 1688, BL, Add. 34487, fol. 19v; William Westby, Memoirs, 10 August 1688, FSL, V.a. 469, fol. 34r; Barillon (London) to Louis XIV, 9/19 April 1688, NA, PRO 31/3/176, fol. 114v; Barillon (London) to Louis XIV, 21/31 May 1688, NA, PRO 31/3/177, fol. 44r.
45. Barillon (Windsor) to Louis XIV, 31 May/10 June 1686, NA, PRO 31/3/166, fol. 18r; Barillon (London) to Louis XIV, 25 November/5 December 1686, NA, PRO 31/3/167, fol. 57r; Barillon (London) to Louis XIV, 24 May/3 June 1688, NA, PRO 31/3/177, fol. 58v; Barillon (London) to Louis XIV, 16/26 April 1685, NA, PRO 31/3/161, fol. 25v; Barillon (London) to Louis XIV, 18/28 October 1686, NA, PRO 31/3/167, fol. 34r; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 23 September/3 October 1686, NA, PRO 31/3/167, fol. 22r; Court Memorandum, 9 November 1686, Beinecke, OSB MSS2/Ser. 2/Box 4/Folder 76; Barillon (London) to Louis XIV, 7/17 February 1687, NA, PRO 31/3/168, fol. z8v; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 11/21 August 1687, NA, PRO 31/3/172, fol. 135v; Barillon (Bath) to Louis XIV, 13/23 September 1687, NA, PRO 31/3/172, fol. 151r; Barillon (London) to Louis XIV, 2/12 January 1688, NA, PRO 31/3/174, fol. 9r; «An Essay on the Interest of the Crown in the American Plantations», 1685, BL, Add. 47131, fol. 26; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 30 May/9 June 1687, NA, PRO 31/3/170, fol. 33; Barillon and Bonrepaus (Windsor) to Seignelay, 20/30 June 1687, NA, PRO 31/3/170, fols. 151–52; Barillon (Bath) to Louis XIV, 10/20 September 1687, NA, PRO 31/3/172, fol. 153r. Яков также полагал, что оранжисты, в частности, вызвали неподчинение в шотландском парламенте: Barillon (Windsor) to Louis XIV, 21 June/1 July, 12/22 July 1686, NA, PRO 31/3/166, fols. 29r, 40r; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 30 May/9 June 1687, NA, PRO 31/3/170, fol. 33r; Barillon (London) to Louis XIV, 24 October/3 November, 27 October/6 November 1687, NA, PRO 31/3/173, fols. 69r, 76v; William Blathwayt (Whitehall) to Southwell, 20 February 1686, Nottingham SUL, PwV 53/23; Barillon (London) to Louis XIV, 7/17 May 1688, NA, PRO 31/3/177, fol. 22.

46. James (Edinburgh) to Dartmouth, 12 November 1681, Beinecke, OSB Shelves fb.190, 2: fol. 159r; Bonrepaus (London) to Seignelay, 19/29 May 1687, NA, PRO 31/3/169, fol. 90r; Bonrepaus (London) to Seignelay, 11/21 June 1687, NA, PRO 31/3/170, fols. 127–28; Bonrepaus (London) to Seignelay, 28 December/7 January 1685/86, NA, PRO 31/3/163, fol. 28r; «Essay on the Interest of the Crown», fols. 22–23; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 2/12 June 1687, NA, PRO 31/3/170, fol. 64r. Эти взгляды, несомненно, поддерживались историями, распространявшимися Ост-Индской компанией: Captain Goldsbrough (Gombroon) to East India Company, 10 June 1687, NA, CO 77/14, fol. 156r; Sir Josiah Child to Middleton, 31 August 1686, BL, Add. 41822, fol. 91r; William Petty, «The Weight and Force of the Crown of England», 1687, BL, Add. 72866, fol. 135r; Petty, «Of Ingrossing Trade», 1687, BL, Add. 72866, fol. 124.
47. Barillon (London) to Louis XIV, 6/16 April 1685, NA, PRO 31/3/161, fol. 12v; Barillon (London) to Louis XIV, 31 May/10 June 1686, NA, PRO 31/3/166, fol. 18r; Barillon (London) to Louis XIV, 15/25 November 1686, NA, PRO 31/3/167, fol. 52v; Barillon (London) to Louis XIV, 7/17 April 1687, NA, PRO 31/3/168, fol. 68r; Bonrepaus (Windsor) to Seignelay, 25 July/4 August 1687, NA, PRO 31/3/172, fol. 103r; Barillon (London) to Louis XIV, 5/15 March 1688, NA, PRO 31/3/176, fol. 33v; Barillon (London) to Louis XIV, 10/20 December 1685, NA, PRO 31/3/162, fol. 54r; Barillon (London) to Louis XIV, 25 April/5 May 1687, NA, PRO 31/3/169, fol. 3r; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 20/30 June 1687, NA, PRO 31/3/170, fol. 157.
48. *Life of James II*, 1:450.
49. Barillon (Windsor) to Louis XIV, 21 September/1 October 1685, NA, PRO 31/3/161, fol. 51r; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 5/15 August 1686, NA, PRO 31/3/166, fols. 52–53; Morrice, *Entering Book*, 23 October 1686, DWL, 31 P, 641; Barillon (London) to Louis XIV, 4/14 November 1686, NA, PRO 31/3/167, fol. 46r; Van Citters (London) to States General, 19/29 November 1686, BL, Add. 41820, fol. 61r; Barillon (London) to Louis XIV, 29 November/6 December 1686, NA, PRO 31/3/167, fol. 58r; Barillon (London) to Louis XIV, 7/17 February 1687, NA, PRO 31/3/168, fol. 28v; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 21/31 July 1687, NA, PRO 31/3/171, fol. 100v. См. также Barillon (London) to Louis XIV, 2/12 November 1685, NA, PRO 31/3/162, fol. 11r; Barillon (London) to Louis XIV, 8/18 March 1686, NA, PRO 31/3/165, fol. 8r; Barillon (London) to Louis XIV, 4/14 November 1686, NA, PRO 31/3/167, fol. 45r; Bonrepaus (London) to Seignelay, 31 December/10 January 1685/86, NA, PRO 31/3/163, fol. 47r; Bonrepaus

- (London) to Seignelay, 8/18 February 1686, NA, PRO 31/3/164, fol. 60r; Morrice, Entering Book, 23 October 1686, 641; and Barillon (Windsor) to Louis XIV, 12/22 August 1686, NA, PRO 31/3/166, fol. 57r.
50. Существовали, правда, и некоторые свидетельства компенсаций: Hoffmann to Holy Roman Emperor, 23 January/2 February, 9/19 March 1688, Campana, 2:168, 179. Сандерленд также заявил Берильону, что Яков не имел возможности атаковать Нидерланды в феврале, но он снова закидывал удочку, чтобы получить французское финансирование для войны: Barillon (London) to Louis XIV, 12/22 March 1688, NA, PRO 31/3/176, fol. 47v.
 51. Van Citters (London) to States General, 23 July/3 August 1686, BL, Add. 34512, fol. 41v; Ronquillo (London) to king of Spain, 2/12 August 1686, BL, Add. 34502, d. 77r; Van Citters (London) to States General, 17/27 August 1686, BL, Add. 34512, fol. 49r; Van Citters (London) to States General, 23 July/3 August, 30 July/9 August 1686, BL, Add. 35412, fols. 41–43, 46v; Court Memorandum, 2/12 August 1686, BL, Add. 34502, fol. 79; «Remonstrances Faites au Roy d Angleterre par Son Conseil Prive», 1686, BL, Add. 41820, fol. 93; Barillon (London) to Louis XIV, 26 August/5 September 1686, NA, PRO 31/3/167, fol. 3r; John Oldmixon, *The History of England during the Reigns of the Royal House of Stuart* (London: John Pemberton et al., 1730), 713.
 - 52.? (Whitehall) to William III, 1 June 1686, NA, SP 8/1/Pt. 2, fol. 26; London Newsletter, 15 April, 1 June, 8 June 1686, FSL, L.c. 1647, 1665, 1668; J. Fr. (London) to John Ellis, 21 July 1686, BL, Add. 4194, fol. 81v; Anderson, *Origins of Commerce*, 2:186; London Newsletter, 15 April, 28 September 1686, FSL, L.c. 1647, 1713.
 53. Robert Harley to Sir Edward Harley, 2 January 1686, BL, Add. 70013, fol. 311v; Lady Rachel Russell (London) to Dr. Fitzwilliam, 23 March 1686, in *Letters of the Lady Rachel Russell; from the Manuscripts in the Library at Woburn Abbey* (London: Edward and Charles Dilly, 1773). 57; J. Fr. (London) to John Ellis, 30 March 1686, BL, Add. 4194, fol. 175v; Morrice, Entering Book, 22 May 1686, DWL, 31 P. 540; Will Haward (Scotland Yard) to Dr. Thomas Smith, 26 June 1686, Bodleian, MSS Smith 50, 51; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 5/15 August 1686, NA, PRO 31/3/166, fol. 52v; Skelton (The Hague) to Middleton, 1/11 January 1686, BL, Add. 41813, fols. 53–54; London Newsletter, 18 February 1686, FSL, L.c. 1627; Everard (Amsterdam) to Skelton, 10/20 February 1686, BL, Add. 41818, fol. 248v; Bulstrode to Sunderland, 28 May 1686, NA, SP 77/55, fol. 37r; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 2/12 August 1686, NA, PRO 31/3/166, fol. 50.
 54. Morrice, Entering Book, 31 July 1686, DWL, 31 P. 587.

55. Barillon (London) to Louis XIV, 26 January/5 February, 13/23 February, 30 January/9 February 1688, NA, PRO 31/3/175, fols. 20v, 46r, 24v; Barillon (London) to Louis XIV, 3/13 November 1687, NA, PRO 31/3/173, fol. 99r; Barillon (London) to Louis XIV, 26 December/5 January 1687/88, NA, PRO 31/3/175, fols. 2–3, 18v.
56. Barillon (London) to Louis XIV, 8/18 November 1686, NA, PRO 31/3/167, fol. 47v;? (London) to John Swynfen, 13 November 1686, BL, Add. 29910, fol. 203r;? (London) to William Sherman, 18 November 1686, NA, SP 110/16, fol. 21r; Petit (Amsterdam) to Middleton, 23 November/3 December 1686, BL, Add. 41814, fol. 88v; Kennedy (Delft) to Middleton, 2/12 November 1686, BL, Add. 41820, fol. 52r. См. также London Newsletter, 21 October 1686, FSL, L.c. 1723; Petit (Amsterdam) to Middleton, 16/26 November 1686, BL, Add. 41814, fol. 83v; London Newsletter, 25 November 1686, FSL, L.c. 1738; Dr. William Denton to Sir Ralph Verney, [November] 1686, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Barillon (London) to Louis XIV, 4/14 November 1686, NA, PRO 31/3/167, fols. 45–46; London Newsletter, 11 November 1686, FSL, L.c. 1732; and Southwell (Kingsweston) to Viscount Weymouth, 15 November 1686, Longleat House, Thynne MSS15, fol. 145v.
57. Jonathan Israel, *Dutch Primacy in World Trade, 1585–1740* (Oxford: Oxford University Press, 1989), 334; Barillon (London) to Louis XIV, 16/26 March 1685, NA, PRO 31/3/160, fol. 94v; Morrice, Entering Book, 9 January 1686, DWL, 31 P, 509; Robert Harley to Sir Edward Harley, 9 January 1686, BL, Add. 70013, fol. 314r; Wynne to Sir William Trumbull, 4 March 1686, BL, Trumbull Misc. 24, unfolioed (since recataloged); London Newsletter, 27 March, 24 April, 27 April, 14 October, 16 October, 9 November 1686, FSL, L.c. 1640, 1651, 1652, 1720, 1721, 1731; Christopher Jeaffreson (London) to Colonel Hill, 8 September 1686, Jeaffreson, 314–15; Barillon (London) to Louis XIV, 11/21 November, 4/14 November 1686, NA, PRO 31/3/167, fols. 49v, 46r; Bonrepaus (Windsor) to Seignelay, 23 May/2 June 1687, NA, PRO 31/3/170, fol. 1r; Barillon (London) to Louis XIV, 23 May/2 June 1687, NA, PRO 31/3/170, fols. 5–6; Bonrepaus (London) to Seignelay, 11/21 June 1687, NA, PRO 31/3/170, fol. 128; Barillon (Windsor) to Louis XIV, 7/17 July 1687, NA, PRO 31/3/171, fol. 48v.
58. Barillon (London) to Louis XIV, 16/26 January, 19/29 January 1688, NA, PRO 31/3/175, fols. 14v, 16–17. Аргументам Якова впрямую следует маркиз д'Альбевиль в своих «Reasons to Recall the Troops», 15/25 December 1687, NA, PRO 31/3/74, fol. 47. Яков говорил Гофману, что голландцы «говорят, пишут, печатают и агитируют против отмены проверок больше, чем сами англичане»: Hoffmann (London)

- to Holy Roman Emperor, 23 January/2 February, 3/13 February, 9/19 March, 23 March/2 April 1688, Campana, 2:168–69, 171, 179, 181; Benjamin Furley (Rotterdam) to Locke, 12/22 February 1688, *Locke Correspondence*, 3:363; Antoine Moreau (The Hague) to king of Poland, 2/12 October 1688, BL, Add. 38495, fol. 29r.
59. Marmaduke Williams to Lovelace, 24 January 1688, BL, Add. 63465, fol. 15r; Van Citters (London) to States General, 23 July/3 August 1686, BL, Add. 34512, fols. 39–40; Barillon (London) to Louis XIV, 29 November/9 December 1686, NA, PRO 31/3/167, fol. 58v; Bonrepaus (Windsor) to Seignelay, 6/16 June 1687, NA, PRO 31/3/170, fol. 89r; Bonrepaus and Barillon (Windsor) to Louis XIV, 20/30 June 1687, NA, PRO 31/3/170, fol. 162r; Bonrepaus (Windsor) to Seignelay, 23 June/3 July 1687, NA, PRO 31/3/171, fol. 5r; Barillon (Bath) to Louis XIV, 23 August/2 September 1687, NA, PRO 31/3/172, fol. 141r; Barillon (London) to Louis XIV, 30 January/9 February 1688, NA, PRO 31/3/175, fol. 24r.
60. Barillon (London) to Louis XIV, 16/26 February 1688, NA, PRO 31/3/175, fol. 54v; Sir John Lowther of Whitehaven (London) to Sir Daniel Fleming, 13 March 1688, Cumbria SRO, Kendal, WD/Ry2482; Barillon (London) to Louis XIV, 12/22 March 1688, NA, PRO 31/3/176, fol. 50r. Яков сформировал из отозванных солдат три новых полка, назначив в каждый командира-католика: Barillon (London) to Louis XIV, 15/25 March, 19/29 April 1688, NA, PRO 31/3/176, fols. 64r, 136–37. Процент возвращенных офицеров, вероятно, был меньше: по одной оценке, возвращено было 33 из 180 офицеров, но пять из них являлись католиками: Lothar Hobelt, «Imperial Diplomacy and the 'Glorious Revolution'», *Parliaments, Estates and Representation* 11 (1991): 63; Barillon (London) to Louis XIV, 27 February/8 March 1688, NA, PRO 31/3/176, fol. 18r. Яков позднее объяснял упорство семи епископов поддержкой «партии принца Оранского». Barillon (London) to Louis XIV, 21/31 May 1688, NA, PRO 31/3/177, fol. 43v; Albeville (The Hague) to Middleton, 29 March/8 April 1688, BL, Add. 41815, fol. 211r; Barillon (London) to Louis XIV, 9/19 April 1688, NA, PRO 31/3/176, fol. 114r.
61. Morrice, Entering Book, 4 February 1688, DWL, 31 Q, 235; Letter from a Jesuit of Liege to a Jesuit of Freiburg, 2 February 1688, Beinecke, OSB MSS2/Box 5/Folder 109; Skelton (Paris) to Sunderland, 4/14 February 1688, NA, SP 78/151, fol. 146; Barillon (London) to Louis XIV, 23 February/4 March, 12/22 March, 20 February/1 March, 1/11 March 1688, NA, PRO 31/3/176, fols. 11–12r, 49v, 1r, 24r; Barillon (London) to Louis XIV, 14/24 May 1688, NA, PRO 31/3/177, fol. 32r; Cosnac and Pontal, eds., *Memoires du Marquis de Sourches*, 23 January/

- 2 February 1688, 132; Barillon (London) to Louis XIV, 13/23 February 1688, NA, PRO 31/3/175, fol. 45v; Barillon (London) to Louis XIV, 23 April/3 May, 3/13 May, 17/27 May 1688, NA, PRO 31/3/177, fols. 2, 16r, 38r; Morrice, *Entering Book*, 4 February 1688, DWL, 31 Q, 235;? (Whitehall) to Bulstrode, 6 April [1688], HRC, Pforzheimer/Box 10; R[obert] Y[ard] (London) to Bulstrode, 13 April 1688, HRC, Pforzheimer/Box 10; Barillon (London) to Louis XIV, 16/26 April 1688, NA, PRO 31/3/176, fols. 127–28.
62. Moreau (The Hague) to king of Poland, 2/12 October 1688, BL, Add. 38495, fol. 29v.
63. Я изложил эту проблему с более подробным обсуждением теоретических вопросов в «To Protect English Liberties: The English Nationalist Revolution of 1688–1689», in *Protestantism and National Identity: Britain and Ireland, 1688–1689*, ed. Tony Claydon and Ian McBride (Cambridge: Cambridge University Press, 1998), 75–104.
64. Mr. Leyenberg (London) to Sir W Trumbull, 17 May 1686, BL, Trumbull Misc. 24 (March–May 1686), unfolioed (since recataloged); Henry Newcome, *Autobiography*, 19 December 1686, in *The Autobiography of Henry Newcome*, vol. 2, ed. Robert Parkinson, Chetham Society 27 (Manchester: Chetham Society, 1852), 264; Longford (Dublin) to Dartmouth, 27 June 1685, Beinecke, OSB Shelves fb.190, 3: fol. 263r; *A Short Discourse upon the Designs, Practices and Counsels of France* (London: Randal Taylor, 1688), 8; *The Mischief of Cabals*, 7 May 1685 (London: Randal Taylor, 1685), 5–6; *Designs of France against England and Holland Discovered*, 2; Thomas Sheridan, *A Learned Discourse on Various Subjects* (London: H. Sawbridge, 1685), 115–16; Edmund Verney (East Claydon) to John Verney, 1 May 1686, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; *Modern History, or, The Monthly Account* 2, no. 1 (October 1688): 17; Barillon (London) to Louis XIV, 16/26 November, 3/13 December 1685, NA, PRO 31/3/162, fols. 23–24, 45–48; Barillon (London) to Louis XIV, 29 November/9 December 1686, NA, PRO 31/3/167, fol. 58r; Jeaffreson (London) to Colonel Hill, 19 February 1685, Jeaffreson, 167–68; Barillon (London) to Louis XIV, 13/23 April 1686, NA, PRO 31/3/161, fol. 20v. См. также Captain Robert Parker, *Memoirs of the Most Remarkable Military Transactions* (Dublin: Geo. and Alex Ewing, 1746), 1; *The True Interest of Christian Princes* (1686), 23; *French Intrigues*, 149–50; and *Reflexions on Monsieur Fagel's Letter*, 12 January 1688 (1688), 2.
65. *The Case of the People of England in Their Present Circumstances Considered* (London: Randall Taylor, 1689), 2–3; *True Interest of Christian Princes*, 12; Gabriel de Sylvius (Copenhagen) to Sir William Trumbull.

- 27 February 1686, BL, Trumbull Misc. 24, unfolioed (since recataloged); *French Intrigues*, 150–51; Morrice, Entering Book, 9 October 1686, DWL 31 P, 630; Barillon (London) to Louis XIV, NA, PRO 31/3/167, fol. 36v; Morrice, Entering Book, 6 November 1686, 649; Winchelsea (Richmond) to Weymouth, 18 November 1686, Longleat House, Thynne MSS17, fols. 144–45; Evelyn, *Diary*, 24 August 1688, 4:596; T. Yarborough (London) to Sir John Reresby, 12 March 1685, WYAS, MX 29/2; *True Interest of Christian Princes*, sig. A2r; *The Bounds Set to France* (London: Richard Baldwin, 1694), 56; William Lawrence to William Paulett, 27 October 1693, IOL, European MSS, E3871B, fol. 46r. См. также Richard Booker, *Satisfaction Tendered to All that Pretend Conscience* (London: Richard Janeway, 1689), 5; Sir William Coventry (London) to Weymouth, 9 February 1686, Longleat House, Thynne MSS16, fol. 412r; London Newsletter, 13 May, 10 June 1686, FSL, L.c. 1659, 1669; and Morrice, Entering Book, 9 October 1686, 630.
66. *A Discourse to the King* [Amsterdam, 1688], May/June 1688, 1; William Crofts, *Deliverance: A Poem to the Prince of Orange* (London: R. Baldwin, 1689), 3; Whitelocke Bulstrode, *Meditations*, 30 June 1688, HRC, Pforzheimer 2k; Maj. John Wildman, 2 November 1689, Grey, 9:391–92; Samuel Barton (chaplain of St. Saviors), *A Sermon Preached before ... the Lord Mayor and Aldermen of the City of London* (London: Thomas Cockerill, 1689), 23; «The Reason of the Suddenness of the Change in England», in *The Twelfth and Last Collection of Papers*, vol. 1 (London: Richard Janeway, 1689), 7; *A Justification of the Whole Proceedings* (London: Randall Taylor, 1689), 2; James Wellwood, *An Answer to the Late King James's Declaration* (London: Dorman Newman, 1693), 8. См. также «A Satyr», late 1680s, Bodleian, Eng.Poet.d.53, fol. 23; *A Congratulatory Poem to His Highness*, 19 December 1688, broadside; and *An Essay upon the Original and Design of Magistracie* (1689), January/February, 13.
67. «The Impartial Trimmer», ca. 1682, NLS, Adv. 19.1.12, fol. 15r; «England's Congratulation», 1690, FSL, M.b. 12, fol. 153v; *Monthly Account* 2, no. 3 (December 1688): 98; Daniel Defoe, *The Advantages of the Present Settlement* (London: Richard Chiswell, 1689), 4 July 1689, 16. См. также «England's Present State», 1685, in *Pepys Ballads*, ed. Rollins, 3:163; «Satyr on the Affairs of the Camp», 1686, NLS, Adv. 19.1.12, fol. 159r; and Richard Wolley, *Present State of France* (London: Gilbert Cownly, 1687), 17.
68. *A Friendly Debate* (London: Jonathan Robinson, 1689), 37; *An Account of the Pretended Prince of Wales* (1688), 6; *A Brief Account of the Nullity of King James's Title* (London: Richard Chiswell, 1689), 7.

69. «Reasons against Repealing the Acts of Parliament Concerning the Test», 1687, BL, Add. 69955, fols. 1–2; *An Account of the Reasons*, 1688, 7–8; Sir George Treby, 28 January 1689, Grey, 9:14; John Phillips, *The Secret History of the Reigns of K. Charles II and K. James II* (London, 1690), 193. См. также *History of the Late Revolution in England* (London: Thomas Salusbury, 1689), 2.
70. Jacob Bury, *Advice to the Commons* (London: Henry Hills, 1685), 44–45; Gilbert Burnet, *A Sermon Preached before the House of Peers*, 5 November 1689 (London: Richard Chiswell, 1689), 29.
71. The Information of John Tilly of Huntspell, 13 August 1687, Somerset SRO, Q/SR/169/2; *English Currant*, 12 December 1688, [1–2]; London Newsletter, 22 December 1688, FSL, L.c. 1951; Captain Thomas Plunket, *The Character of a Good Commander* (London: William Marshal, 1689), 6; William Westby, *Memoirs*, 26 November 1688, FSL, V.a. 469, fol. 49v.
72. Dr. William Denton (London) to Sir Ralph Verney, 29 August 1688, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; John Verney (London) to Edmund Verney, 8 August 1688, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Morrice, *Entering Book*, 15 August 1688, DWL, 31 Q, 288; Wynne (London) to Edmund Poley, 19 October 1688, BL Add. 45731, fol. 24v; John Verney (London) to Sir Ralph Verney, ca. 4 September 1688, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Westby, *Memoirs*, 24 September, 22 November 1688, fols. [36ar], 48r.
73. Sir Richard Cocks, «Charge Spoke at Midsummer Sessions 1694», Bodleian, Eng.Hist.b.209, fol. 28v; James Wellwood, *Memoirs*, 3rd ed. (London: Tim. Goodwin, 1700), 242; Robert Kirk, «Sermons, Occurrences ...», March 1690, Edinburgh SUL, La.III.545, fol. 98v; J. R. Jones, «Revolution in Context», in *Liberty Secured? Before and after 1688*, ed. Jones (Stanford, CA: Stanford University Press, 1992), 36; Arthur Herbert to Andrew Tucker, 6 November 1688, BL Add. 63780, fol. 45r.
74. Moreau (The Hague) to king of Poland, 9/19 April 1689, BL, Add. 34895, fol. 97r.
75. Southwell (Kingsweston) to Ormonde, 14 December 1688, Victoria and Albert Museum, Forster and Dyce Collection, F.47.A.41, no. 28 (folios illegible); Levant Company to Sir William Trumbull, 14 December 1688, BL, Trumbull MSS Misc. 26, unfolioed (since recataloged); Van Citters (London) to States General, 30 November/10 December 1688, BL, Add. 34510, fol. 192v; Sir Edmund Warcup (Oxford) to Hugh Jones, 22 December 1688, Bodleian, Rawlinson MSS, Letters 48, fol. 19r; EIC to general and council at Bombay, 5 December 1688, IOL, E/3/91, fol. 297r. См. также London Newsletter, 28 December 1688, HRC, Pforzheimer/Box 10/Folder 5.

76. Locke to Edward Clarke, 29 January 1689, *Locke Correspondence*, 3:546; Locke (Whitehall) to Charles Mordaunt, 21 February 1689, De Beer, *Locke Correspondence*, 3:575–576; Henry Powle in *An Account of the Proceedings of the Lords and Commons* (London: W. D., 1688), [22 January 1689]; Thomas and Robert Balle (Leghorn) to Kinard de la Bere, January 1689, NA, FO 335/15, unfolioed; J. Hill (Geneva) to Sir William Trumbull, 18/28 February 1689, Berkshire SRO, D/ED/C33; R. B. Walker, «The Newspaper Press in the Reign of William III», *Historical Journal* 17 (1974): 695; *Dialogue between Dick and Tom* (London: Randal Taylor, 1689), 18; «A Brief Account», 4 March 1689, Bodleian, Rawlinson MSS, D1079, fol. 36v.
77. *A Congratulatory Poem to His Highness*, 19 December 1688 [1688], broadside; *To the Most Illustrious and Serene Prince* (London: Thomas Salusbury, 1688), broadside; «The Prince of Orange's Triumph», December 1688, in *Pepys Ballads*, ed. Rollins, 3:328; *An Appendix to the Translation of Tully's Panegyrick on Julius Caesar* (London: Walter Kettily, 1689), January/February 1689, n; Richard Rigby, «A New Song», January 1689, in *Pepys Ballads*, ed. Rollins, 4:84; *The Civil Orange; or, The United Hearts of England* (London: J. Black, 1689); Sir William Cowper, «A Poem», 1689, Hertfordshire SRO, D/EP F49, fol. 9r; Henry Pollexfen, 14 March 1689, Grey, 9:163–64.
78. Daniel Riches, «The Culture of Diplomacy in Brandenburg-Swedish Relations, 1575–1697» (PhD diss., University of Chicago, 2007).
79. Moreau (The Hague) to king of Poland, 2/12 October 1688, BL, Add. 38495, fol. 31v; Albeville (The Hague) to Middleton, 18/28 September 1688, BL, Add. 41816, fol. 202v; Moreau (The Hague) to king of Poland, 25 December/4 January 1688/89, 8/18 January 1689, BL, Add. 38495, fols. 71r, 74r.
80. *An Address Agreed upon at the Committee for the French War*, 14 April 1689 (London: Richard Janeway, 1689), 1–6; «Humble Address», HRC, Pforzheimer/Box 10/ Folder 5; Claydon, *William III and the Godly Revolution*, 142.
81. *Their Majesties Declaration against the French King*, 7 May 1689 (London: Charles Bill and Thomas Newcomb, 1689); compare Claydon, *William III and the Godly Revolution*, 143; Isaac Newton (Westminster) to John Covell, 28 February 1689, Trinity College, Cambridge, MS R.4.43, fol. 8r; Francis Barrington and Benjamin Steele (London) to Goodwyn and Delabere, 11 March 1689, NA, FO 335/8, fol. 3; Sir Edward Harley (London) to Robert Harley, 16 April 1689, BL, Add. 70014, fol. 215r; Martyn and Goodwyn (Livorno) to Goodwyn and Delabere, 11/21 June 1689, NA, FO 335/7, fol. 13.

82. Instructions for Thomas, Earl of Pembroke, 30 May 1689, BL, Add. 34340, fol. 49v; Further Instructions for Robert Molesworth, 12 July 1689, BL, Lansdowne 1152B, fol. 155r; Additional Instructions to Viscount Dursley, 4 September 1689, BL, Add. 34340, fol. 54r; Instructions to William, Lord Paget, 4 September 1689, BL, Lansdowne 1152B, fol. 199r; Dursley (The Hague) to Carmarthen, 16/26 September 1690, Berkeley Castle, MSS36A, fol. 75v; Paul Rycaut (Hamburg) to Sir William Dutton Colt, 11 June 1690, BL, Add. 34095, fol. 16v; Colt (Cell) to Paget, 23 October 1690, SOAS, PP MS4/Box 8/Bundle 39.
83. Thomas Tenison, *A Sermon against Self-Love* (London: Richard Chiswell, 1689), 22, 25; compare Claydon, *William III and the Godly Revolution*, 144; William Wake, *A Sermon Preached before the House of Commons* (London: Richard Chiswell, 1689), 31–32.
84. King, *Europe's Deliverance from France and Slavery*, 9, 13–14; John Tillotson, *A Sermon Preached before the King and Queen at Whitehall*, 27 October 1692 (London: Brabazon Aylmer, 1692), 25, 32; compare Rose, *England in the 1600s*, 107; John Petter, *A Sermon Preached before Their Majesties, K. William and Q. Mary's Forces at Gant in Flanders* (London: J. H., 1694), 30, 33–34.
85. Morrice, *Entering Book*, DWL, 31 Q, 400, 410; Barillon (London) to Louis XIV, 22 October/1 November 1688, MAE, CP/Angleterre, 167, fol. 13v; *Reflexions upon the Conditions of Peace Offer'd by France* (London: Matt. Wotton, 1694), 7; Barillon (London) to Louis XIV, 5/15 November 1688, MAE, CP/Angleterre, 167, fols. 68–69; *London Intelligence*, 29 January – 2 February, 15–19 January 1689.
86. *The Detestable Designs of France Expos'd; or, The True Sentiments of the Spanish Netherlanders* (London: Robert Clavel, 1689), 16; *The Spirit of France and the Politick Maxims of Lewis XIV* (London: Awnsham Churchill 1689), 2, 68, [73]; *A Letter Written by the Emperor to the Late King James* (London: Ric. Chiswell, 1689), 5–6; Hobelt, «Imperial Diplomacy», 66; *A View of the True Interest of the Several States of Europe* (London: Thomas Newbourg and John Bullord, 1689), 54; *The Happy Union of England and Holland* (London: Richard Baldwin, 1689), 46; P. B., *Means to Free Europe*, 153, 160–61.
87. *Monthly Account* 2, no. 3 (December 1688): 91; Robert Southwell, «A Short Account of the Revolution in England», FSL, Vb. 150, 1: fol. 1v; Voltaire, *The Age of Lewis XIV*, 2 vols. (London: R. Dodsley, 1752), 1:233, 2:184; *The Intrigues of the French King at Constantinople* (London: Dorman Newman, 1689), sig. B1, 23–24; Jo. Lytcott (Rome) to Bulstrode, 11/21 May 1689, BL, Egerton 3683, fol. 173r; London Newsletter, 25 April 1689, FSL, L.c. 2007; Bohun, *History of the Desertion*, 10 April

- 1689, 4–5; Morrice, *Entering Book*, 8 June 1689, DWL, 31 Q, 569. Политика Святого Престола мало изменилась со смертью Иннокентия XI в августе 1689-го и избрания Александра VIII: Lytcott (Rome) to Bulstrode, 19 November 1689, Beinecke, Osborn Files 9358; Melfort (Rome) to Father Maxwell, 13/23 April 1690, BL, Lansdowne 1163A, fol. 84v; *Bounds Set to France*, 33; Perth (St. Germain) to William Leslie, 14 July 1697, Aberdeen, MS2403, 37.
88. *A Letter from a Roman Catholick* (London: R. Baldwin, 1689), 2; *Appendix to the Translation of Tully's Panegyrick on Julius Caesar*, 16–17; *Detestable Designs of France Expos'd*, 15; Sir John Lowther, *Memoirs of the Reign of James II* (London: H. G. Bohn, 1857), 470–71; *Dilucidator*, no. 2, [19/29 January] 1689, 48–49; Dr. Thomas Lane (Vienna) to Sunderland, 7/17 October 1688, BL, Add. 41842, fols. 144–45; Bohun, *History of the Desertion*, 10 April 1689, 5. См. также Melfort (Rome) to Mary of Modena, 11/21 February 1690, BL, Add. 37660, fol. 124v; *Dilucidator*, no. 1, 5/15 January 1689, 9; *Dilucidator*, no. 4, 4 February 1689, 91.
 89. *Happy Union of England and Holland*, 4; *View of the True Interest*, 45; *Popish Treaties Not to Be Rely'd On: In a Letter from a Gentleman at York* [London, 1688], 4. См. также *Spirit of France*, 4; «A Speech Made by a Member of the Convention of the States in Scotland», in *An Eleventh Collection of Papers* (London: Richard Janeway, 1689), 31–32; P. B., *Means to Free Europe*, 11–12, 50; and *The Detestable Designs of France Expos'd*, 18.
 90. *Means to Free Europe*, 154; *Monthly Account* 2, no. 4 (January 1689): 124; Sir Richard Cox, «A Charge», Michaelmas 1695, Bodleian, Eng. Hist.b.209, fol. 30r. См. также Bohun, *History of the Desertion*, 10 April 1689, 4; and Wellwood, *Memoirs*, 240.
 91. *A Short Discourse upon the Designs, Practices and Counsels of France*, 29 December 1688, 4–5.
 92. Bonrepaus (London) to Seignelay, 1/11 March 1686, NA, PRO 31/3/165, fol. 57r; *Detestable Designs of France Expos'd*, 18; *Dilucidator*, no. 1, 5/15 January 1689, 9; *Dilucidator*, no. 2, [19/29 January] 1689, 44.
 93. *The True Interests of the Princes of Europe in the Present State of Affairs* (London: Richard Baldwin, 1689), 35–36; *Dilucidator*, no. 1, 5/15 January 1689, 22–23; Morrice, *Entering Book*, 29 December 1688, DWL, 31 Q, 398; Bohun, *History of the Desertion*, 10 April 1689, 4.
 94. Gilbert Burnet, *An Exhortation to Peace and Union*, Sermon Preached at St. Lawrence-Jury, 26 November 1689 (London: Richard Chiswell, 1689), 5–9; Carew Reynell, *A Necessary Companion; or, The English Interest Discovered and Promoted* (London: William Budden, 1685), 60–61.

95. Sir Richard Cox, «Charge Delivered Easter Sessions 1694», Bodleian, Eng. Hist.b.209, fol. 27v; George Savile, Marquis of Halifax, «Character of a Trimmer», in *The Works of George Savile, Marquis of Halifax*, ed. M. B. Brown (Oxford: Clarendon Press, 1989), 237. О невероятной популярности памфлета см. J. F. (London) to?, 17 January 1685, BL, Add. 32095, fol. 214v; Letter to Dr. Hutton, 30 December 1687, Nottingham SUL, PwA 2122c; and Sir William Boothby (Ashbourne, Derbyshire) to Mr. Horton, 14 August 1688, BL, Add. 71692, fol. 18v. Только в 1689 году памфлет вышел по крайней мере тремя изданиями.
96. Daniel A. Baugh: см. Baugh, «Great Britain's 'Blue-Water' Policy, 1689–1815», *International History Review* 10 (1988): 40; Baugh, «Maritime Strength and Atlantic Commerce», in *An Imperial State at War*, ed. Lawrence Stone (London: Routledge, 1994), 188–203; and Baugh, «British Strategy in the First World War in the Context of Four Centuries», in *Naval History: The Sixth Symposium of the U.S. Naval Academy*, ed. Daniel M. Masteron (Wilmington, DE: Scholarly Resources, 1987), 86–90; compare: Henry Horwitz, *Revolution Politicks: The Career of Daniel Finch, Second Earl of Nottingham, 1647–1730* (Cambridge: Cambridge University Press, 1968), 129; and Horwitz, *Parliament, Policy and Politics in the Reign of William III* (Manchester: Manchester University Press, 1977), 317.
97. Col. John Granville, 29 April 1690, Grey, 10:96; Sir Thomas Clarges, 1 May 1690, Grey, 10:107; Morrice, Entering Book, 27 April, 8 June 1689, DWL 31 Q, 546–47, 568; Daniel Defoe, *The Englishman's Choice, and True Interest* (London, 1694), 3. См. также *A Smith and Cutler's Plain Dialogue about Whig and Tory* (1690), 1.
98. John Brewer, *The Sinews of Power: War, Money and the English State, 1688–1783* (London: Routledge, 1989), 29–40, 89; Sir John Trevor, 2 November 1689, Grey, 9:393; Garroway, 2 November 1689, Grey, 9:392; Sir Edward Seymour, 2 November 1689, Grey, 9:390.
99. Mary Clarke (Chiple) to Sir Edward Clarke, 17 December 1690, Somerset SRO, DD/SF/45/5/20; Warcup (Northmoor) to Jones, 23 June 1690, Bodleian, Rawlinson MSS, Letters 48, fol. 29r; Sir Christopher Musgrave, 9 November 1691, in *The Parliamentary Diary of Narcissus Luttrell*, ed. Henry Horwitz (Oxford: Clarendon Press, 1972), 10 (далее цит. как *Luttrell's Parliamentary Diary*); Sir Thomas Clarges, 9 November 1691, *Luttrell's Parliamentary Diary*, 9; Paul Foley, 9 November 1691, Grey, 10:168; Foley, 19 November 1691, *Luttrell's Parliamentary Diary*, 30; Sir John Thompson, 27 November, 19 November 1691, Grey, 10:187, 176. См. также Cary Gardiner (London) to Sir Ralph Verney, 6 November 1689, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; «Tarquin and

- Tullia», 1689, HEH, EL 8770, 60; Edward Harley to Sir Edward Harley, 14 December 1689, BL, Add. 70014, fol. 276r; Sir Charles Lyttleton (London) to Sir William Bruce, 9 January 1692, NAS, GD29/1927/30; and Charles Davenant, «Observations upon the State of the Value and Strength...», 15 July 1696, Beinecke, OSB Shelves b.153, 36.
100. Seymour, 13 November 1689, Grey, 9:413; Clarges, 24 November 1689, Grey, 9:449–50; Barrington and Steele (London) to Goodwyn and Delabere, 15 December 1690, NA, FO 335/8, fol. 9; John Bridges (London) to Sir William Trumbull, 31 March 1690, BL, Add. 72490, fol. 10v; Levant Company to Sir William Trumbull, 14 August 1689, NA, SP 105/114, fol. 459; John Verney (London) to Edward Verney, 4 December 1689, Buckinghamshire SRO, Verney MSS: [Thomas] Sheridan to?, 30 November 1689, NA, SP 32/2, fol. 56; Kirk, «Sermons, Occurrences ...», fol. 106v; Sherman (Aleppo) to William Sherman, 28 December 1689, NA, SP 110/16, fol. 59; Julian Hoppit, *A Land of Liberty? England, 1689–1727* (Oxford: Oxford University Press, 2000), 100; D. W. Jones, *War and Economy in the Age of William III and Marlborough* (Oxford: Basil Blackwell, 1988), 131, 158–59; Rose, *England in the 1690s*, 126; G. N. Clark, *The Dutch Alliance and the War against French Trade* (Manchester: Manchester University Press, 1923), 126–29.
101. Dursley (The Hague) to Carmarthen, 12/22 August, 1690, Berkeley Castle, MSS36A, fol. 63v; Dursley (The Hague) to Carmarthen, 11/21 November 1690, Berkeley Castle, MSS36B, fol. 5v; Edward Harley (London) to Sir Edward Harley, 3 December 1690, BL, Add. 70014, fol. 373r; Clarges, 19 November 1691, *Luttrell's Parliamentary Diary*, 31; Theodore Bathurst, 18 November 1691, *Luttrell's Parliamentary Diary*, 26; Foley, 23 November 1692, Grey, 10:274; Nottingham (London) to James Johnston, 12 August 1690, BL, Add. 21551, fol. 1v; Nottingham (The Hague) to Sir William Trumbull, 3/13 February 1691, BL, Add. 72529, fol. 4r; Horwitz, *Revolution Politicks*, 128–42.
102. *Fair-Warning to All English-Men* [1688 or 1689]; *England's Crisis; or, The World Well Mended* [September 1689]; *To the Brave Apprentices, Journey-Men, and Honest Porters, Labourers and Others* [September, 1689]; «Second Thoughts or A Caution to My Countrymen», 1689, BL, Egerton 2651, fol. 20or; Sir John Reresby, *Memoirs*, ed. Mary K. Geiter and W. A. Speck (London: Royal Historical Society, 1991), 1 February 1689, 547; Kirk, «Sermons, Occurrences ...», fol. 101r; «The Dutchess of York's Ghost», 1690, HEH, EL 8770, 79; Defoe, *Englishman's Choice, and True Interest*, 27.
103. Clarges, 16 November 1685, Grey, 8:366; DWL, 31 T 3, 17; Clarges, 19 November 1691, 21 November 1692, Grey, 10:177, 264; Seymour,

- 21 November 1692, Grey, 10:271; [Robert] Harley, 21 November 1692, Grey, 10:268; Sir Richard Temple, «An Essay upon Government», Bodleian, Eng.Hist.c.201, fols. 6–7, 13; *A Letter Written to One of the Members of Parliament* (London, 1692), 2. Автор резюмирует позицию критиков; Charles Leslie, *Delenda Carthago* (London, 1695), 1.
104. Thomas Papillon, 14 March 1689, 22 March 1690, Grey, 9:160, 10:7; John Maynard, 29 April, 5 May 1690, Grey, 10:96–115; White Kennett, *A Complete History of England*, vol. 3 (London: Brab. Aylmer et al., 1706), 526; *Journal of the House of Commons*, 19 April 1689, 10:93–95; London Newsletter, 16 April 1689, FSL, L.c. 2003; Robert Molesworth (Copenhagen) to Colt, 17/27 November, 29 July/8 August 1690, 18/28 April 1691, BL, Add. 34095, fols. 177, 78r, 339; Sir John Lowther, 22 March 1690, Grey, 10:4; Lowther, 19 November 1691, *Luttrell's Parliamentary Diary*, 29; «The Address of the JPs of Westmoreland», January 1695, война для защиты «общей свободы Европы»: Cumbria SRO, Kendal, WD/Ry4767; Colt (Zell) to Paget, 5 June, 13 July 1690, SOAS, PP MS4/Box 8/Bundle 39; Cocks, «Charge Spoke Midsummer Sessions 1694», fol. 28v; Lawrence to Sir Michael Hickeys, 29 March 1693, IOL, European MSS, E387/B, fols. 34–35; Lawrence to Paulett, 27 October 1693, IOL, European MSS, E387/B, fol. 46r; Sir Charles Sedley, «The Soldier's Catch», 1690, in Sedley, *The Miscellaneous Works* (London: J. Nutt, 1702), 68; *Athenian Mercury*, 25 August 1691, [1].
105. Lowther, 31 March 1690, Grey, 10:23; Sacheverell, 22 March 1690, Grey, 10:6; Sir John Guise, 19 November 1691, Grey, 10:176; Anne Pye to Abigail Harley, 14 June 1689, BL, Add. 70014, fol. 232r; Edward Littleton, *A Project of a Descent upon France* (London: Richard Baldwin, 1691), 24. Литтлтон также выпустил два других вигских памфлета о войне: *Descent upon France Considered* (London: Richard Baldwin, 1693) and *Management of the Present War against France Consider'd* (London: R. Clavel et al., 1690). Эбигейл Суинген высветил вигские аспекты в своих знаменитых «Вздохах плантаций»: Swingen, «The Politics of Labor and the Origins of the British Empire, 1650–1720», vol. 2 (PhD diss., University of Chicago, 2007), 271. См. также *A Remonstrance and Protestation of All the Good Protestants ... with Reflections Thereupon* (London: Randall Taylor, 1689), 15; *Advice to English Protestants* (London: J. D. for Awnsham Churchill, 1689), 22; and *The Fate of France* (London: Richard Baldwin, 1690), sig. A2v.
106. *True Interest of Christian Princes*, 1689, 14; P. B., *Means to Free Europe*, 1689, 117–18; *The Politicks of the French King Lewis the XIV Discovered* (London: Mat. Wotton, 1689), 3; Defoe, *Advantages of the Present Settlement*, 30; Thomas Manley, *Present State of Europe* (London: Richard

- Baldwin, 1689), 2; *Case of the People of England*, 2–3; George Phillips, *The Interest of England in the Preservation of Ireland* (London: Rich. Chiswell, 1689), 26; *Spirit of France*, 3, 18, 35; *Nero Gallicanus* (London: R. Taylor, 1690), 2; *King Lewis of France, the Hector of Europe* (London: Richard Baldwin, 1690), 2; John Tutchin, *Reflections upon the French King's Declaration* (London: Langley Curtis, 1690), [1]; *A New Discovery of the Private Methods of France* (London: J. Weld, 1691), 4; *A Brief Display of the French Counsels* (London: Randall Taylor, 1694), 44; Kirk, «Sermons, Occurrences ...», fol. 95r; Lawrence to Hickes, 7 October 1692, IOL, European MSS, E387/B, fol. 22; *A Letter Written to One of the Members of Parliament* (London, 1692), 4–5, 9–10; Defoe, *Englishman's Choice, and True Interest*, 11, 26–27; Treby, 19 November 1691, Grey, 10:179.
107. Wildman, 2 November 1689, Grey, 9:391; Lowther, 19 November 1691, *Luttrell's Parliamentary Diary*, 29; Sedley, «Soldier's Catch», 67; *Letter Written to One of the Members of Parliament*, 3; *Reflexions upon the Conditions of Peace*, 29.
108. Francis Barrington and Benjamin Steele (London) to Goodwyn and Delabere, 20 May 1689, NA, FO 335/8, fol. 3; Wyche (Hamburg) to Poley, 19 March 1689, BL, Add. 45731, fol. n6v; M. Lane, «The Diplomatic Service under William III», *Transactions of the Royal Historical Society*, 4th Ser., 10 (1927): 92. Политические позиции Альбесия, Скелтона и Каслмейна были обсуждены ранее в этой главе. Про сэра Ричарда Булстроуда, посланника в Брюсселе, см. Bulstrode, Misc. Notes, Beinecke, OSB Shelves fb.124; Bulstrode, *Memoirs and Reflections* (London: N. Mist, 1721), 395–96. О Джордже Этерере см. Etherage (Ratisbon) to Albeville, 23 February/4 March, 15/15 July 1688, Indiana, Albeville MSS. О Джоне Локке см. Locke to Mordaunt, 21 February 1689, *Locke Correspondence*, 3:573; Jean Leclerc, *An Account of the Life and Writings of Mr. John Locke*, 2nd ed. (London: John Clarke and E. Curll, 1713), 27–28. О Хэмпдене см. Henry Ashurst (London) to Richard Hampden, 9 March 1689, Bodleian, Don.c.169, fol. 71r, Greaves, *Secrets of the Kingdom*, 352; Instructions to Thomas, Earl of Pembroke, 30 May 1689, BL, Lansdowne 1152B, fol. 185v; Leclerc, *Life of Locke*, 30; Locke to Philippus Von Limborch, 7 June 1689, *Locke Correspondence*, 3:634–35; Pembroke (London) to William, 2 March 1684, NA, SP 8/1/Pt. 1, fol. 101; Instructions to Envoy Extraordinary Dursley, 31 August 1689, BL, Add. 34340, fol. 52r; Locke to Van Limborch, 10 September 1689, *Locke Correspondence*, 3:691; William Aglionby (The Hague) to James Vernon, 27 May/6 June 1690, NA, SP 84/221, fol. 137r; John, Lord Hervey, *Some Materials towards Memoirs of the Reign of King George II*, vol. 1, ed. Romney Sedgwick (London: KPE, 1931), 37;

Kennett, *Complete History*, 546; Thomas Coxe (Gravesend) to Shrewsbury, 14 August, 24 September/4 October 1689, NA, SP 96/7, unfolioed; Coxe (The Hague) to Vernon, 24 September/4 October 1689, NA, SP 96/7, unfolioed; Coxe (Zurich) to Shrewsbury, 6/16 November 1689, NA, SP 96/7, unfolioed; Instructions to James Johnston, 27 February 1690, BL, Lansdowne 1152B, fol. 218v; Johnston to Henry Sidney, 17 November 1687, Nottingham SUL, PwA 2097/1–3; James Johnston, *An Account of the Ceremony of Investing His Electoral Highness of Brandenburg with the Order of the Garter* (London: Ric. Chiswell, 1690), 16; Instructions to Sir William Trumbull, 5 August 1689, NA, SP 105/145, 155–56; Barillon (London) to Louis XIV, 15/25 February 1686, NA, PRO 31/3/164, fol. 18r.

109. John Freke to Edward Clarke, 26 February 1690, Somerset SRO, DD/SF/3110; Gilbert Burnet (Salisbury) to Colt, 14/24 October 1690, BL, Add. 34095, fol. 160. Кармартен в этот период бросил все свои силы на поддержку морской политики: ср. Carmarthen (London) to William, 18 July 1691, 22 March 1692, BL, Add. 78919, fols. 73, 83r; Horwitz, *Revolution Politicks*, 86–146; Hoppit, *Land of Liberty?* 145–51; Molesworth (Copenhagen) to Colt, 23 December/2 January 1691/92, BL, Add. 36662, fol. 263v; James Cressett (Zell) to Sir John Trenchard, 8 December 1693, Beinecke, OSB Shelves fb.239, 1:9; Cressett (Hanover) to Trenchard, 29 December 1693, Beinecke, OSB Shelves fb.239, 1:151; Coxe (Bern) to Paget, 20 January 1692, SOAS, PP MS4/Box 9/Bundle 45 (ii); *Mercurius Reformatus*, 15 May 1689, [2]; William Duncombe (Stockholm) to Colt, 3/13 July 1690, BL, Add. 34095, fol. 57r; Duncombe (Stockholm) to Paget, [July 1690], SOAS, PP MS4/Box 9/Bundle 40; Dursley (The Hague) to Nottingham, 27 May/6 June, 26 September/6 October 1690, Berkeley Castle, MSS36A, fols. 37v, 77r; Cressett (Hanover) to Trenchard, 7 November 1693, Beinecke, OSB Shelves fb.239, 1:1; Cressett (Zell) to Shrewsbury, 4 May 1694, Beinecke, OSB Shelves fb.239, 1:48; Colt (Zell) to Paget, 10 April, 122 May 1690, SOAS, PP MS4/Box 8/Bundle 39; Sir William Trumbull (Constantinople) to Paget, 5/15 May 1690, BL, Add. 8880, fol. 199v; Duncombe (Stockholm) to Paget, 10 January 1691, SOAS, PP MS4/Box 9/Bundle 40; Portland (Gemblous) to Paget, 4 July 1691, SOAS, PPMS4/Box 4/Bundle 26; Paget (Vienna) to?, 5 December 1691, SOAS, PP MS4/Box 1/Bundle 4; Aglionby (The Hague) to Richard Warre, 15/25 April 1690, NA, SP 84/221, fol. 101v; Dursley (The Hague) to?, 6/16 August 1690, Berkeley Castle, MSS36B, fol. 1r; Dursley (The Hague) to Nottingham, 12/22 August 1690, Berkeley Castle, MSS36A, fol. 61r; Nathaniel Loddington (Tripoli) to Shrewsbury, 18 July 1690, NA, SP 71/22/Pt. 1, fol. 84X.

110. Dursley (The Hague) to Carmarthen, 3/13 October 1690, Berkeley Castle, MSS36A, fol. 81v; Molesworth (Copenhagen) to Colt, 3/13 March 1691, 22 July/1 August 1690, BL, Add. 34095, fols. 268r, 73r; Robert Molesworth, *Memoirs*, c. 1712, BL, Add. 61639, fol. 3v; Molesworth (Copenhagen) to Dutton Colt, 17/27 March, 118/28 March, n/21 April 1691, BL, Add. 34095, fols. 285^v 299v, 333r; Troost, *William III*, 245. См. также Duncombe (Stockholm) to Paget, 12 April 1690, SOAS, PP MS4/Box 9/Bundle 40; Paget (Vienna) to Colt, 12/22 June 1690, BL, Add. 34095, fol. 31v; and Colt (Zell) to Paget, 23 October 1690, SOAS, PP MS4/Box 8/Bundle 39.
111. Timothy Goodwin's preface to John Robinson, *An Account of Sweden* (London: Tim. Goodwin, 1694), sig. A3r; Paul Ries, «Robert Molesworth's Account of Denmark': A Study in the Art of Political Publishing and Bookselling in England and the Continent before 1700», *Scandinavica* 7 (1968): 108–22; Anthony Wood, *Life and Times*, 13 January 1694, in *The Life and Times of Anthony Wood*, 3 vols., ed. Andrew Clark (Oxford: Clarendon Press, 1894), 3:441; Mogens Skeel (чрезвычайный посланник Дании), Premier Memoire, 18/28 December 1693, BL, Sloane 3828, fol. 172r; Nicholas Luttrell, *A Brief Historical Relation of State Affairs*, vol. 3 (Oxford: Oxford University Press, 1857), 23 December 1693, 4 January, 13 January 1694, 244, 250, 253; Rene Saunier de l'Hermitage (London) to States General, 22 December/1 January 1693/94, BL, Add. 17677, fol. 15v; Paul Rycaut (Hamburg) to George Stepney, 3/13 January 1694, BL, Add. 37407, fol. 13r.
112. Caroline Robbins, *The Eighteenth-Century Commonwealthman* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1961), 99; J. A. I. Champion, *The Pillars of Priestcraft Shaken: The Church of England and Its Enemies, 1660–1730* (Cambridge: Cambridge University Press, 1992), 178; Mark Goldie, «The Roots of True Whiggism, 1688–94», *History of Political Thought* 1, no. 2 (1980): 220, 235–36. Об одной оценке, которая подчеркивает «интернационализм» Моулсворта, см. Blair Worden, «Republicanism and the Restoration, 1660–1683», in *Republicanism, liberty, and Commercial Society, 1649–1776*, ed. David Wootton (Stanford, CA: Stanford University Press, 1994), 176, 187; D. B. Horn, *The British Diplomatic Service, 1681–1789* (Oxford: Clarendon Press, 1961), 286; Knud J. V. Jespersen, «Surviving in a World of Great Powers», in *The Last of the Great Wars*, ed. Bernadette Whelan (Shannon: University of Limerick Press, 1995), 57.
113. Robert Molesworth, *Memoir*, fol. 4r. Моулсворт признался, что он не находится на стороне «братских вигов» в регулярных дискуссиях о месте армии — возможно, потому, что он увидел момент для воз-

мощного реального европейского разоружения. Но он утверждал, что «в вигах нет бесчувственного преступления». Он, как говорил сам, стремился к реализации основной программы вигов: «относительно Ассоциации [1696 года], измены сэра Джона Фенвика, всех аспектов ассимиляции, свободы совести и всех усилий [для войны против Франции]». (fol. 4r). В своих «Датских заметках» Моулсворт отстаивал политико-экономические принципы, центральные для программы вигов, и выступал за создание Банка Англии. Эта программа была выявлена и подробно исследована Хью Майо в: Hugh Mayo, «Robert Molesworth's *Account of Denmark: Its Roots and Its Impact*» (PhD diss., University of Odense, 2000). Я благодарю Хью Майо за предоставленную мне возможность прочитать его чрезвычайно полезную диссертацию.

114. Robert Molesworth, *An Account of Denmark as It Was in the Year 1692*, 3rd ed. (London: Timothy Goodwin, 1694), sigs. br, a[7]r.
115. Molesworth, *Account of Denmark*, 38–43, 74–75, 86, 166–67, 146.
116. Molesworth, *Account of Denmark*, 205; Molesworth, *Memoir*, fol. 3v; Molesworth (Copenhagen) to Colt, 5/15 September 1691, 23 April/3 May 1692, BL, Add. 36662, fol. 153v, 380r.
117. Molesworth, *Account of Denmark*, 43, 118–19.
118. Molesworth, *Account of Denmark*, sigs. b2–b3, 235–36; William Phillips (Preston) to Edward Clarke, 22 January 1696, Somerset SRO, DD/SF/3833.
119. Samuel Johnson, *Notes upon the Phoenix Edition of the Pastoral Letter* (London, 1694), 5–6; A Speech Intended to be Given by Mr. John Smith, 1694, HEH, EL 9920; Sir Robert Atkyns, *The Lord Chief Baron Atkyns's Speech to Sir William Ashurst* (London: Richard Baldwin, 1693), 2.
120. J. F. Chance, ed., «William Duncombe's 'Summary Report' of His Mission to Sweden, 1689–92», *English Historical Review* 39 (1924): 576–77, 584–85. Прочие копии «Общего отчета» в BL, Lansdowne 1152B, fols. 171–75. Отчет Данкомба вполне согласуется с его дипломатическими донесениями, которые можно прочесть в: NA, SP 95/13; Robinson, *Account of Sweden*, 96–97, 11–12; John Robinson (Stockholm) to Shrewsbury, 8 December 1694, BL, Add. 72531, fol. 145r. В дальнейшей своей карьере Робинсон был умеренным то́ри — однако в 1690-х годах выступал твердым сторонником континентальных обязательств. В любом случае, очевидно, Гудвин опубликовал трактат без согласия Робинсона для своих партийно-виговских целей.
121. *Nero Gallicanus*, 3–4; *Bounds Set to France*, 73; William Lloyd, *The Pretences of the French Invasion Examined* (London: R. Clavel, 1692),

- 7–8; *Reflexions upon the Conditions*, 10–11; Evelyn, *Diary*, 5 February 1693, 5:130; King, *Europe's Deliverance from France and Slavery*, 11; Atkins, *Speech*.
122. *Descent upon France Considered*, 7; Sir John Darrell, 5 December 1693, Grey, 10:340–41; Sir Thomas Littleton, 5 December 1693, Grey, 10:342; Sir Charles Sedley, 5 December 1693, Grey, 10:341; Lord Colchester, 5 December 1693, Grey, 10:343.
123. Horwitz, *Revolution Politicks*, 149; Sir Thomas Clarges, 28 November 1693, Grey 10:332; Sir Christopher Musgrave, 5 December 1693, Grey, 10:340; Dr. Nicholas Barbon, 5 December 1693, Grey, 10:340; Col. Henry Cornewall, 11 December 1693, Grey, 10:358; Mayo, «Robert Molesworth's *Account of Denmark*» 12–13; Morrice, *Entering Book*, DWL, 31 Q, 597; Jodocus Crull, *Denmark Vindicated* (London: T. Newborough, 1694), sig. [A7r]; Thomas Rogers, *The Commonwealths Man Unmasqu'd* (London: Randal Taylor, 1694), 2–3; William King, *Animadversions on a Pretended Account of Denmark* (London: Tho. Bennet, 1694), sig. [A6v]. Этого автора не надо путать с его тезкой, вигом и деканом собора Святого Патрика в Дублине.
124. P. B., *Means to Free Europe*, 142–43; William Sherlock, *A Letter to a Member of the Convention* [January 1689], 4; *True Interest of Christian Princes*, 1689, 37–38; *A Brief Vindication of the Parliamentary Proceedings against the Late King James II* (London: Randall Taylor, 1689), sigs. A3–A4; Newsletter, 15 January 1689, Bodleian, Don.c.39, fol. 8gr; Wellwood, *Memoirs*, 257; Trumbull, *Autobiography*, 46–46bis; *A Letter Written by the Emperor to the Late King James* (London: Ric. Chiswell, 1689), 3–5; Bonrepaus (London) to Seignelay, 15/25 February 1686, NA, PRO 31/3/164, fol. 83r; Barillon (London) to Louis XIV, 22 October/1 November 1688, MAE, CP/Angleterre, 167, fol. 13v. См. также William Nicolson to?, May 1689, BL, Add. 34265, fol. 5r.
125. Об интерпретации преемственности как «центрального вопроса 1688–1689» годов, см. Edward Vallance, *The Glorious Revolution: 1688 – Britain's Fight for Liberty* (London: Little, Brown, 2006), 17.

Глава двенадцатая

Революция в политической экономике

1. John Toland, *The Oceana of James Harrington and His Other Works* (London, 1700), iii; compare J. G. A. Pocock, *Virtue, Commerce, and History: Essays on Political Thought and History, Chiefly in the Eighteenth Century* (Cambridge: Cambridge University Press, 1985), 233.

2. Pocock, *Virtue, Commerce, and History*, 108, 230; J. G. A. Pocock, *The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1975), 423–26; J. G. A. Pocock, «Early Modern Capitalism: The Augustan Perception», in *Feudalism, Capitalism and Beyond*, ed. Eugene Kamenke and R. S. Neale (London: E. Arnold, 1975), 68–71.
3. P. G. M. Dickson, *The Financial Revolution in England* (London: Macmillan, 1967), 17; John Brewer, *The Sinews of Power: War, Money and the English State, 1688–1783* (London: Routledge, 1989), 138, 153, 157. См. также Quentin Skinner, *Liberty before Liberalism* (Cambridge: Cambridge University Press, 1998), 96; and David Armitage, *The Ideological Origins of the British Empire* (Cambridge: Cambridge University Press, 2000), 156–68.
4. Douglass C. North and Barry R. Weingast, «Constitutions and Commitment: The Evolution of Institutions Governing Public Choice in Seventeenth-Century England», *Journal of Economic History* 49 (1989): 815–16, 819, 831; Barry R. Weingast, «The Political Foundations of Democracy and the Rule of Law», *American Political Science Review* 91(1997): 252–53; Weingast, «The Political Foundations of Limited Government: Parliament and Sovereign Debt in Seventeenth- and Eighteenth-Century England», in *The Frontiers of New Institutional Economics*, ed. John N. Drobak and John V. C. Nye (New York: Academic, 1997), 23. Эта история прекрасно вписывается в: С. В. Macpherson, *The Political Theory of Possessive Individualism: Hobbes to Locke* (Oxford: Oxford University Press, 1962), 1, 3, 258, 270.
5. Compare: Pocock, «Early Modern Capitalism», 72; Armitage, *Ideological Origins of the British Empire*, 3.
6. Steve Pincus, «Neither Machiavellian Moment nor Possessive Individualism: Commercial Society and the Defenders of the English Commonwealth», *American Historical Review* 103 (1998): 720–21.
7. Carew Reynell, *A Necessary Companion; or, The English Interest Discovered and Promoted* (London: William Budden, 1685), sig. A7r, 17–18, 71–72. Джон Локк был впечатлен работой Рейнелла, см.: Bodleian, MSS Locke, c.30, fols. 18–19.
8. Reynell, *Necessary Companion*, sigs. A5v–A7r (a1)v–(a2)r, 5, 17–18, 48.
9. Reynell, *Necessary Companion*, sig. A4, 1–2, 6, 16.
10. Reynell, *Necessary Companion*, 13–14.
11. Я не согласен с историками и экономистами, которые утверждают, что понятие устойчивого экономического роста еще не было доступно в XVII веке: D. C. Coleman, «Labour in the English Economy of the Seventeenth Century», *Economic History Review*, n.s., 8, no. 3 (1956):

- 287–88; Antony Brewer, «The Concept of Growth in Eighteenth Century Economics», *History of Political Economy* 28, no. 4 (1995): esp. 609–10. Я также не согласен с огромным количеством писателей, которые постулируют меркантилистский консенсус. Kenneth Morgan, «Mercantilism and the British Empire», in *The Political Economy of British Historical Experience, 1688–1914*, ed. Donald Winch and Patrick K. O'Brien (Oxford: Oxford University Press, 2002), 165, 168. Об одном необычном взгляде: Richard C. Wiles, «The Theory of Wages in Later English Mercantilism», *Economic History Review*, n. s., 21 (1968): 113–26; Richard Blome, *The Present State of His Majesty's Isles and Territories in America* (London: H. Clash, 1687), 127; William Carter, *The Reply of W. C.* (London, 1685), 49; John Locke, «Second Treatise of Government», in *Political Writings of John Locke*, ed. David Wootton (New York: Mentor, 1993), 281–82; Locke to Edward Clarke, 30 June 1694, and Locke to Clarke, 6 August 1694, in *The Correspondence of John Locke and Edward Clarke*, ed. Benjamin Rand (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1927), 395, 397.
12. Andrew Yarranton, *England's Improvement by Sea and Land* (London: R. Everingham, 1677), 20, 22–23; Mark Lewis, *Proposals to the King and Parliament* (London: Henry Million, 1678), sig. A2r; Adam Anderson, *An Historical and Chronological Deduction of the Origins of Commerce*, 2 vols. (London: A. Millar et al., 1764), i: vii, 2:189, 2:564; Sir John Lowther, Notes on Trade, ca. 1680, Cumbria Record Office, D/Lons/Wi/63, 1–2. См. также *The Mischief of Cabals*, 7 May 1685 (London: Randal Taylor, 1685), 35–36.
13. *Some Remarks upon the Present State of the East-India Company's Affairs* (London, 1690), 3, 6; Nathaniel Cholmley (Whitby) to Cholmely Stephens, 30 December 1684, North Yorkshire SRO, ZCG, unfolioed; Cholmley to John Heatfield, [January 1686], North Yorkshire SRO, ZCG, unfolioed; John Williams to Arthur Charlett, 20 March 1683, in Robert Beddard, ed., «A Whig View of Tory Oxford in 1683: Lord Herbert of Cherbury's Criticism of the University», *Bodleian Library Record* 15 (1995): 179; Sir William Coventry to Viscount Weymouth, [1685], Longleat House, Thynne MSS16, fol. 442v. Вполне возможно, что «великое отвращение» Жана Шардена связано именно с компанией и его решение о продаже трех четвертей его акций связано с этой чисткой. Bonrepaus (London) to Seignelay, 8/18 March 1686, NA, PRO 31/3/165, fol. 59r; Cholmley (Whitby) to Mr. Mohun, 30 December 1684, North Yorkshire SRO, ZCG, unfolioed; *Reasons Humbly Offered against Grafting and Splicing and for Dissolving This Present East-India Company* [London, 3 January 1690], 6; EIC to agent and council in

- Bengal, 9 June 1686, IOL, E/3/91, fol. 73v; EIC to genetal and council at Bombay, 3 August 1687, IOL, E/3/91, fol. 1631; Dr. John St. John, His Information Regarding India, 1685–1688, CKS, U269/O82; Roger Morrice, Entering Book, 23 March 1689, DWL, 31 Q, 509; William Letwin, *Sirjosiah Child: Merchant Economist* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1959), 22.
14. Bruce G. Carruthers, *The City of Capital: Politics and Markets in the English Financial Revolution* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1996), 146; Gary De Krey, *A Fractured Society: The Politics of London in the First Age of Party, 1688–1715* (Oxford: Clarendon Press, 1985), 24; Henry Horwitz, «The East India Trade, the Politicians, and the Constitution, 1689–1702», *Journal of British Studies* 17 (1978): 1; Sir William Wilson Hunter, *A History of British India*, vol. 2 (London: Longmans, Green, 1900), 247; K. N. Chaudhuri, *The Trading World of Asia and the English East India Company, 1660–1760* (Cambridge: Cambridge University Press, 1978), 116, 429; Letwin, *Josiah Child*, 23; W. J. Ashley, «The Tory Origin of Free Trade Policy», *Quarterly Journal of Economics* 11, no. 4 (1897): 353; James Mill, *The History of British India*, vol. 2 (1817; New Delhi: Associated Publishing House, 1972), 82; Morrice, Entering Book, 1 June 1689, DWL, 31 Q, 560–61; K. G. Davies, *The Royal African Company* (London: Longmans, Green, 1957), 103; Bonrepaus (London) to Seignelay, 14/24 January 1686, NA, PRO 31/3/163, fol. 67r; Cholmley (Whitby) to Richard Eliot, 30 December 1684, North Yorkshire SRO, ZCG, unfolioed; Cholmley to Heatfield, 1 January 1685, North Yorkshire SRO, ZCG, unfolioed; *Some Remarks*, 1690, 3–4; *Reasons Humbly Offered against Grafting*, 4–6; Christopher Phillipson (London) to Sir Daniel Fleming, 14 February 1685, Cumbria SRO, Kendal, WD/Ry 2852; Brook Bridges, Notabilia, 7–8 April 1685, Beinecke, OSB Shelves b.233; London Newsletter, 30 May 1689, FSL, L.c. 2022.
 15. Shafaat Ahmad Khan, *The East India Trade in the Seventeenth Century* (Oxford: Oxford University Press, 1923), 193.
 16. Sir Josiah Child, *A Discourse Concerning Trade and That in Particular of the East Indies*; Published with *A Supplement* (London: Andrew Sowle, 1689), 25 June 1689, 1. Споры о политической экономии постоянно шли в поздний период правления Стюартов. По крайней мере, Чайлд со временем изменил свой идеологический акцент. Поэтому после революции его враги публиковали его ранние сочинения, чтобы дискредитировать его, как ребенка, а защитники старой Ост-Индской компании, похоже, были бы рады переиздать ранние сочинения Томаса Папильона.
 17. Sir Josiah Child, *A Discourse of the Nature, Use and Advantages of Trade* (London: Randal Taylor, 1694), 2, 7–8, 10–11; *The Argument of the Lord*

- Chief Justice of the Court of King's Bench Concerning the Great Case of Monopolies* (London: Randal Taylor, 1689), 7; Child, *Discourse Concerning Trade*, 3. В 1669 году Чайлд сказал перед комитетом палаты лордов по торговле, что «вся торговля [это] вид оружия»: quoted in Letwin, *Josiah Child*, 28. Compare: Thomas Leng, «Commercial Conflict and Regulation in the Discourse of Trade in Seventeenth-Century England», *Historical Journal* 48 (2005): 954; Armitage, *Ideological Origins of the British Empire*, 166.
18. Child, *A New Discourse of Trade* (London: Sam. Crouch et al., 1694), sig. [A4v]; Child, *Discourse of the Nature*, 17, 27–28; EIC Memorandum, 1670s, NA, PRO 30/24/44/75, fol. 52r.
 19. Child to Middleton, 1 September 1683, BL, Add. 41822, fol. 25r; Child, *Supplement*, 2; president and council of Surat to EIC, 21 April 1685, IOL, E/3/45/5365.
 20. Яков имел три тысячи фунтов в капитале компании, они были переведены на сэра Джеймса Грэма в Рочестере только накануне его окончательного отъезда из Англии: «An Answer of the Royal African Company», 1690, PRO, T 70/169, fol. 76; William A. Pettigrew, «Free to Enslave: Politics and the Escalation of Britain's Transatlantic Slave Trade, 1688–1714», *William and Mary Quarterly*, 3rd ser., 64 (2007): 8; Davies, *Royal African Company*, 60, 65, 103–4, 156; Morrice, *Entering Book*, 6 August 1687, DWL 31 Q, 164.
 21. *Certain Considerations Relating to the Royal African Company of England* (1680), 1, 6–8; «Reasons of the African Company», August 1683, NA, CO 268/1, fol. 59r. Это была стандартная линия компании. После революции сэр Роберт Харли, новый лидер тори в палате общин, представил ходатайство Королевской Африканской компании, используя почти идентичный язык: *Petition of the Royal African Company*, 24 January 1694, NA, T 70/169, fol. 106v.
 22. Sir Benjamin Bathurst to Col. Hender Molesworth, 5 February 1685, BL, Loan 57/83, unfoliated; Barillon (London) to Louis XIV, 2/12 February 1685, NA, PRO 31/3/160, fol. 28r; Sir John Holt's Arguments, EIC v. Sandys, Bodleian, Rawlinson MSS, C130, fols. 34–35, 38; Daniel Finch's Arguments, 19 April 1684, EIC v. Sandys, fol. 84.
 23. Sir Henry Pollexfen's Arguments, 21 April 1684, EIC v. Sandys, fol. 128v; Sir George Treby's Arguments, EIC v. Sandys, fols. 50v, 59v, 74v.
 24. Justice Walcott's Opinion, 31 January 1685, EIC v. Sandys, fol. 220v; Justice Holloway's Opinion, 31 January 1685, EIC v. Sandys, Bodleian, fol. 223v; Chief Justice Jefferies's Opinion, 31 January 1685, EIC v. Sandys, in *A Complete Collection of State Trials*, vol. 10, ed. T. B. Howell (London: T. C. Hansard, 1811), 523, 526, 534; Roger North, *Lives*, vol.

- 1, ed. Augustus Jessopp (London: George Bell and Sons, 1890), 283; Justice Witkins's Opinion, 31 January 1685, EIC v. Sandys, fol. 229v.
25. Jefferies' Opinion, 31 January 1685, EIC v. Sandys, fol. 238v. См. также Witkins' Opinion, 31 January 1685, EIC v. Sandys, fol. 227r.
26. Jefferies's Opinion, 31 January 1685, EIC v. Sandys, in *Complete Collection*, ed. Howell, 522, 534, 550–51.
27. Richard R. Johnson, *Adjustment to Empire: The New England Colonies, 1675–1715*; (New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1981), 50–70; Stephen Saunders Webb, *Lord Churchill's Coup: The Anglo-American Empire and the Glorious Revolution Reconsidered* (New York: Alfred A. Knopf, 1995), 61–62; Viola Florence Barnes, *The Dominion of New England: A Study in British Colonial Policy* (New Haven: Yale University Press, 1923), esp. 5–46; Bathurst to Molesworth, 5 February 1685, BL, Loan 57/83, unfolioed; Committee of Trade and Plantations, Minutes, 3 March 1685, NA, CO 391/5, fol. 52r; London Newsletter, 30 March 1685, HRC, Pforzheimer/Box 10/Folder 6; John Freke to Locke, 28 June 1687, *Locke Correspondence*, 3:217–18; Philip S. Haffenden, «The Crown and the Colonial Charters, 1675–1688: Part II», *William and Mary Quarterly*, 3rd Ser., 15 (1958): 463–65.
28. EIC to general of India and president and council of Fort St. George, 25 January 1688, IOL, E/3/91, fol. 245r. После революции Чайлд по-прежнему настаивал на том, что Ост-Индская компания «противостоит голландским и другим иностранным государствам в Индии», поэтому ему требуется иметь «не менее чем абсолютную верховную власть в Индии»: Josiah Child (Wansted) to Sir Thomas Papillon, 22 October 1698, CKS, U1015/O17/2; EIC to president and council of Fort St. George, 24 February, 9 June 1686, IOL, E/3/91, fols. 54r, 70v; EIC's Commission for Establishing President and Council, [3 November 1686], IOL, E/3/91, fol. 113v; EIC to president and council of Surat, 23 March 1687, IOL, E/3/91, fol. 135v; EIC to general and council at Bombay, 28 September 1687, IOL, E/3/91, fol. 196r; EIC to president and council at Fort St. George, 28 September 1687, IOL, E/3/91, fol. 214v; EIC to general and council at Bombay, 27 August 1688, IOL, E/3/91, fols. 275–76.
29. London Newsletter, 14 January 1688, FSL, L.c. 1908; Child, *Supplement*, 7–8; Om Prakash, *European Commercial Enterprise in Pre-Colonial India* (Cambridge: Cambridge University Press, 1998), 148.
30. Child, *New Discourse of Trade*, 1; sig. [B3r], C6r; Child to Middleton, 1 September, 6 September 1683, BL, Add. 41822, fols. 25r, 28r; Child, *Supplement*, 1; Child, *A Discourse Concerning Trade*, 6–7; Child to Middleton, 6 September 1683, BL, Add. 41822, fol. 28v; Barillon

- (London) to Louis XIV, 14/24 December 1685, NA, PRO 31/3/162, fol. 66r; Bonrepaus (London) to Seignelay, 31 December/10 January 1685/86, NA, PRO 31/3/163, fol. 36r; Barillon (London) to Louis XIV, 8/18 April 1686, NA, PRO 31/3/165, fol. 23v; Barillon (London) to Louis XIV, 4/14 November 1686, NA, PRO 31/3/167, fol. 46r; Barillon and Bonrepaus to Louis XIV, 2/12 June 1687, NA, PRO 31/3/170, fols. 43–44; EIC to president and council of Fort St. George, 14 January, 22 October 1686, IOL, E/3/91, fols. 30v, 104; EIC to general and council at Bombay, 3 August 1687, IOL, E/3/91, fol. 160v; EIC to governor and council at York Fort at Bencoolen, 4 April 1688, IOL, E/3/91, fol. 258v; *An Impartial Vindication of the English East-India Company* (London: Samuel Tidmarsh, 1688), 90–96; EIC to president and council at Fort St. George, 22 October 1686, IOL, E/3/91, fols. 106–7; EIC to governor and council of India at Bombay, 3 August 1687, IOL, E/3/91, fol. 160r.
31. Child to Middleton, 6 September 1683, BL, Add. 41822, fol. 28v; Representation of the Deputies of Amsterdam, 1686, BL, Add. 41814, fol. 119v; EIC to general of India and council at Bombay, 27 August 1688, IOL, E/3/91, fol. 273r; Bonrepaus (London) to Seignelay, n/21 March 1686, NA, PRO 31/3/165, fol. 74r; London Newsletter, 9 July, 16 July 1687, FSL, L.c. 1821, 1831; Sir John Jacob to Huntingdon, 12 July 1687, HEH, HA7148.
 32. Mill, *History of British India*, 85–87; Secret Instructions to Capt. John Cribb, 9 July 1686, IOL, E/3/91, fol. 78r; Instructions for agent and council at Bengal, 14 January 1686, IOL, E/3/91, fols. 34–40; Bonrepaus (London) to Seignelay, 25 August/4 September 1687, NA, PRO 31/3/172, fols. 51–52; Dr. John St. John, His Information Regarding India, 1685–1688, CKS, U269/O82; Chaudhuri, *Trading World of Asia*, 117; Prakash, *European Commercial Enterprise*, 150; London Newsletter, 4 August 1688, Add. 4194, fol. 291v; Child, *Supplement*, 9; Newsletter addressed to Earl of Suffolk, 25 July 1688, BL, Add. 34487, fol. 17v; John Verney (London) to Sir Ralph Verney, ca. 24 July 1688, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; *Some Remarks*, 4, 6–7; Tamworth Newsletter (London), 29 May 1690, HEH, HM 30659/10.
 33. Cholmley (London) to John Aelst, 25 November 1684, North Yorkshire SRO, ZCG, unfolioed; Cholmley and Ambrose Isted to Aelst, November 1684, North Yorkshire SRO, ZCG, unfolioed; Newsletter from London, 14 August 1688, BL, Add. 4194, fol. 299. Это верно, что Декларация об индульгенции Якова упоминала ассоциацию труда и создателей богатства. Однако современники понимали, что это последнее дополнение к декларации было предназначено исключительно для

- борьбы с оппозиционными аргументами: Barillon (London) to Louis XIV, 3/13 May 1688, NA, PRO 31/3/177, fol. 16v.
34. Haffenden, «Crown and Colonial Charters», 452.
 35. Armitage, *Ideological Origins of the British Empire*, 166; Terence Hutchinson, *Before Adam Smith: The Emergence of Political Economy, 1662–1776* (Oxford: Basil Blackwell, 1988), 56; T. R. Malthus, *Principles of Political Economy* (London: John Murray, 1820), 2.
 36. Nicholas Barbon, *A Discourse of Trade* (London: Tho. Melbourn, 1690), sigs. A2–A3.
 37. Barbon, *Discourse of Trade*, sig. A3; *Considerations Requiring Greater Care for Trade in England* (London: S. Crouch, 1695), 1–2, 11–12; *The Character and Qualifications of an Honest Loyal Merchant* (London: Robert Roberts, 1686), 11. См. также Sit Francis Brewster, *Essays on Trade and Navigation* (London: Tho. Cockeril, 1695), 76.
 38. William James, *Englands Interest* (London, 1689), 2; Daniel Defoe, *Taxes no Charge* (London: R. Chiswell, 1690), 12; James Whiston, *A Discourse of the Decay of Trade* (London: Samuel Crouch, 1693), 3; H. M., *England's Glory; or, The Great Improvement of Trade in General by a Royal Bank* (London: Tho. Bever, 1694), 20–21; sigs. A2v–A3r; Brewster, *Essays on Trade*, 1; Roger Coke, *A Detection of the Court and State of England*, 2 vols. (London, 1694), 2:15; Simon Patrick, «Sermon Preached before the King and Queen», 16 April 1690, in *The Works of Symon Patrick*, vol. 8, ed. Alexander Taylor (Oxford: Oxford University Press, 1858), 431; John Cary, *An Essay on the State of England in Relation to Its Trade* (London: Sam. Crouch, 1695), sig. [A7], 2, 6, 12, 23; Locke to John Cary, 2 May 1696, in *Correspondence of Locke and Clarke*, ed. Rand, 472; Customs Officers to Lords of the Treasury, 5 January 1694, BL, Add. 72564, fol. 43r. См. также *A Discourse of the Necessity of Encouraging Mechanick Industry* (London: Richard Chiswell, 1690), 15, 21; Sir Richard Cocks, «A Charge», Michaelmas 1695, Bodleian, Eng.Hist.b.209, fol. 29v; and Bridgewater, «State Propositions», 1690s, HEH, EL 8443.
 39. C. D. Chandaman, *The English Public Revenue, 1660–1688* (Oxford: Clarendon Press, 1975), 77–81, 87–88, 93; Michael J. Braddick, *The Nerves of State: Taxation and the Financing of the English State, 1558–1714* (Manchester: Manchester University Press, 1996), 102, 158–59, 172–74; For resentment, see William Williamson to Secretary Nicholas, 3 July 1662, CSPD, 428; Information by A. Bradley, 1662, CSPD, 614;? to Charles II, 2 June 1664, CSPD, 604–5; Lord Treasurer Southampton and Lord Ashley to JPs for Lancashire, 8 November 1664, CSPD, 58; Proposal by Eady, 1664, CSPD, 148; Edward Bodham (King's Lynn) to Joseph Williamson, 5 December 1666, CSPD, 321; Case of the Borough of

Southwark, 1665, CSPD, 179; Petition of William Harwood (Yorkshire), 11 April 1666, CSPD, 346; Wives of the Shipwrights and Ropers of Woolwich to Arlington, 1670, CSPD, 633. Об уклонении от уплаты: Charles II to lord mayor and aldermen of London, 13 August 1662, CSPD, 459; Jonathan Ttelawney to Joseph Williamson, 11 December 1663, CSPD, 371; Daniel Fleming (Penrith) to Joseph Williamson, 7 January 1664, CSPD, 433; Thomas Dade (Tannington, Suffolk) to Charles II, 4 April 1664, CSPD, 544; Abraham Nelson (Garsdale, Yorkshire) to Charles II, 18 November 1664, CSPD, 78; George Williamson to Joseph Williamson, 4 March 1665, CSPD, 238. О беспорядках: Testimony of Capt. Robert Atkinson, 26 November 1663, CSPD, 352; Testimony of Dobson, 1 February 1664, CSPD, 464; Warrant to the Warden of the Fleet, 17 August 1666, CSPD, 48; Muddiman's Newsletter, 24 November 1666, CSPD, 285; Advice Received from Norwich, 30 January 1668, CSPD, 204; Henry Coventry to Sir Robert Holt, 17 September 1672, CSPD, 626–27; John Lamplugh to Joseph Williamson, October 1675, CSPD, 369; David Hey, *The Fiery Blades of Hallamshire: Sheffield and Its Neighbourhood, 1660–1740* (Leicester: Leicester University Press, 1991), 136–39; Deposition of Robert Johnson, 30 May 1687, NA, CUST 48/3, 1117 (Staffordshire); Samuel Hardwicke to commissioners of excise and hearth tax, November 1687, NA, CUST 48/3, 161 (Cornwall); Commissioners of His Majesty's revenue to lords of the Treasury, 4 December 1688, NA, CUST 48/3, 226; London Newsletter, 28 February, 1689, HRC, Pforzheimer/Box 10/Folder 5; *Journal of the House of Commons*, 5 March 1689, 10:42; Col. John Birch, 1 March 1689, Grey, 9:130; Isaac Newton (Westminster) to John Covel, 2 March 1689, Trinity College, Cambridge, MS R.4.43, fol. 9r; «Speech against the Hearth Money», ca. 1689, BL, Stowe 304, fol. 70v; Halifax's Notes of Conversations with King William, 28 July 1689, BL, Althorp C9, fol. 37r.

40. Henry Horwitz, *Parliament, Policy and Politics in the Reign of William III* (Manchester: Manchester University Press, 1977), 40; Braddick, *Nerves of State*, 98–99; Colin Brooks, «Public Finance and Political Stability: The Administration of the Land Tax, 1688–1720», *Historical Journal* 17 (1974): 281–300; John Swynfen, 2 April 1690, Grey, 10:37; John Hampden, *Some Considerations about the Most Proper Way of Raising Money in the Present Conjuncture* [1691], 34; *A Proposal for an Equal Land-Tax* (London: Randall Taylor, 1691), 3, 13; Sir Richard Temple, Ledgerbook, 23 December 1677, 4 December 1684, 13 May 1687, HEH, ST 152, fols. 172v, 201r; Sir Richard Temple, *An Essay upon Taxes* (London: Tim. Goodwin, 1693), 5, 8, 22; William Bankes (London) to Roger Kenyon, 28 February 1689, Lancashire SRO, DD/KE/92, fol.

- 19r; Simon Harcourt, 2 April 1690, Grey, 10:37–38; Sir Christopher Musgrave, 1 April 1690, Grey, 10:37; Sir Edward Seymour, 11 January 1692, Grey, 10:227; David Stasavage, *Public Debt and the Birth of the Democratic State: France and Great Britain, 1688–1789* (Cambridge: Cambridge University Press, 2003), 108, 120.
41. H. J., *A Letter from a Gentleman in the Country to His Friend in the City* (London: G. C. for William Miller, 1691), 8–9; Charles Whyteford (Paris) to Walter Leslie, 29 April/9 May 1689, SCA, Bl 1/126/20; Aston, Diary, 13 March 1690; James Finton (Lancaster) to Sir Thomas Rawlinson, 23 September 1689, Bodleian, Rawlinson MSS, D863, fol. 35r.
 42. «The Case of the Royal African Company», September/October 1689, NA, T 70/169, fol. 69v; Anderson, *Historical and Chronological Deduction*, 2:566; Шауэр позднее оставался адвокатом противников Ост-Индской компании: New East India Company Minutes, 24 November 1692, Bodleian, Rawlinson MSS, C449, unfolioed; Sir Bartholomew Shower's Arguments, Nightingale and others v. Bridges, in *The English Reports*, vol. 89, ed. Max A. Robertson and Geoffrey Ellis (London: Stevens and Sons, 1908), 498–500.
 43. Sir Bartholomew Shower's Arguments, 500; W. Darrell Stump, «An Economic Consequence of 1688», *Albion* 6 (1974): 28; Horwitz, «East India Trade», 3; Pettigrew, «Free to Enslave», 11.
 44. *The Interest of England Considered* (London: Walter Kettilby, 1694), sig. [A5r]; Roger Coke, *A Reply to an Answer from a Friend to the Apology for the English Nation* (London, 1692), 3; William Wilkinson, *Systema Africanum* (London, 1690), 5–6; Davies, *Royal African Company*, 46, 104, 129–30; Tim Keirn, «Monopoly, Economic Thought, and the Royal African Company», in *Early Modern Conceptions of Property*, ed. John Brewer and Susan Staves (London: Routledge, 1995), 427–66; Petition of the Royal African Company, 16 August 1689, PRO, T 70/169, fol. 63v.
 45. N. T., *A Modest and Just Apology for; or, Defence of the Present East India Company* (London, 1690), 1; Letwin, *Josiah Child*, 23; Coke, *Reply to an Answer*, 4; *Reasons for Settling Admiralty Jurisdiction* (1690), 1.
 46. Cary, *Essay on the State of England*, 47, 49, 52; Chaudhuri, *Trading World of Asia*, 96; Prakash, *European Commercial Enterprise*, 105, 119, 240; Bonrepaus, Report on the State of England, 1687, NA, PRO 31/3/174, fols. 113–14; *The Ancient Trades Decayed, Repaired Again* (London: T. N1678); John Blanch, *The Naked Truth* (London, 1696), 4–5, 13. Джон Бланч был другом вига Эдмунда Кларка: Blanch (London) to Edward Clarke, 15 June 1696, Somerset SRO, DD/SF/3839; Blanch, *The Interest of England Considered* (London: Walter Kettilby, 1694); Edward Clarke, Notes on the EIC, 1690s, Somerset SRO, DD/SF/ 2604a; Entries

Relating to Trade, 26 March, 7 May 1686, NA, CO 389/12, fols. 17–18, 21v. Эти жалобы возобновились после революции: L'Hermitage (London) to States General, 1/11 September 1693, BL, Add. 17677NN, fol. 227r; The Case of the Japanners, ca. 1690s, Lancashire SRO, DD/K/1745; Proofs before the Committee for a Free Exportation of the Woolen Manufactures, 1693, Somerset SRO, DD/SF/4515/4; Report of Board of Trade, 23 December 1697, BL, Sloane 2902, fol. 173v; Khan, *East India Trade*, 246, 257–73.

47. Cholmley (London) to Robert Freeman, 12 February 1689, North Yorkshire SRO, ZCG, unfolioed; Cholmley to John Heatfield, 16 February 1689, North Yorkshire SRO, ZCG, unfolioed; Cholmley to John Chardin and Salvador Rodriguez, [March 1689], North Yorkshire SRO, ZCG, unfolioed; London Newsletter, 23 April 1689, FSL, L.c. 2006; Letter from London, 10/20 June 1689, MAE, CP/Angleterre 170, fol. 112r; John Verney (London) to Sir Ralph Verney, 2 May 1689, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Cholmley to Richard Browne, 1690, North Yorkshire SRO, ZCG, unfolioed; *Journal of the House of Commons*, 4 April 1689, 10:79; «A State of All the Duties», 14 September 1694, BL, Add. 72564, fol. 51; New East India Company Minutes, 12 October, 22 October, 24 October 1691, 6 October, 9 November, 15 November 1692, Bodleian, Rawlinson MSS, C449, unfolioed; John Pulteney (Whitehall) to Sir William Dutton Colt, 30 October 1691, BL, Add. 36662, fol. 198r; L'Hermitage (London) to States General, 1/11 September 1693, BL, Add. 17677NN, fol. 226v; *Reasons Humbly Offered against Grafting*, 7; Child (Wansted) to Papillon, 22 October 1698, CKS, U1015/O17/2.
48. Cholmley to?, 14 January 1691, North Yorkshire SRO, ZCG, unfolioed; J. Hill (London) to Sir William Trumbull, 26 October 1691, Berkshire SRO, D/ED/C33; Horwitz, «East India Trade», 1–18; Chaudhuri, *Trading World of Asia*, 120. О пропаганде и лоббировании: *A Letter to a Friend Concerning the Credit of the Nation* (London: E. Whitlock, 1697), 14. О взяточничестве: Cholmley to?, 14 January 1691, North Yorkshire SRO, ZCG, unfolioed; Edward Clarke, Notes, 1690s, Somerset SRO, DD/SF/2604a; Joint Committee Report, 23 April 1695, HLRO, HL/PO/JT/1/1; Evelyn, *Diary*, 25 April 1695, 5:209; Sir Richard Temple, «The False Patriot Unmasked», ca. 1690, НЕН, STT Lit (9), 15. Джосия Чайлд был рекомендован компании, чтобы купить поддержку герцога Болтона и обеспечить его содействие в парламенте: Child (Wansted) to Sir Thomas Cooke, 5 December 1693, IOL, H/40, fol. 154r. Об уступке, что парламент не даст королю право участвовать в регулировании законов военного времени: EIC to Capt. Leonard Browne, 15 June 1689, IOL, E/3/92, fol. 30r.

49. *Orange Gazette*, 1 March 1689, [2]; Hampden, *Some Considerations*, 11; James, *Englands Interest*, 3. См. также Thomas, *Historical Account*, 1.
50. *A Rambling Letter to a Friend* [1690], 1–2; Robert Molesworth (Copenhagen) to George Stepney, 11 October 1690, BL, Add. 37407, fol. 6r; Barbon, *Discourse of Trade*, sig. A2; Whiston, *Discourse of the Decay*, 2–3; Whiston, *To the King's Most Excellent Majesty* [1693], [1].
51. Istvan Hont, «Free Trade and the Economic Limits to Modern Politics: Neo-Machiavellian Political Economy Reconsidered», in *The Economic Limits to Modern Politics*, ed. John Dunn (Cambridge: Cambridge University Press, 1990), 64–65. Чарльз Давенант присутствовал в платежной ведомости Ост-Индской компании в течение большей части 1690-х годов: Davenant, *Receipts of Payment from the East India Company*, Bodleian, Rawlinson MSS, D747, fols. 194–201. Давенант служил в качестве акцизного комиссара при Якове II: *Memoirs of the Secret Services of John Mackey* (London: Nichols and Sons, 1895), 91; Commissioners for the Excise to?, 11 March 1691, NA, CUST 48/4, 111.
52. *Some Useful Reflections upon a Pamphlet Called a Brief Account of the Intended Bank of England* [1694], 3; Jerry Squirt, *Some Account of the Transactions of Mr. William Paterson* (London, 1695), 1–2; *Proposals Humbly Offer'd to the Consideration of This Present Parliament* (London: W Pardoe, 1689), [1]; William Paterson, «An Inquiry into the State of the Union», 1717, in *The Writings of William Paterson*, 2nd ed., ed. Saxe Bannister (London: Judd and Glass, 1859), 2:63–64; John Dalrymple (The Hague) to Hamilton, 14/24 October 1691, NAS, GD406/1/3557; Barbon, *Discourse of Trade*, 29–31.
53. Squirt, *Some Account*, 4–5; Horwitz, «East India Trade», 6–7; *A List of the Names of All the Subscribers to the Bank of England* [1694]; D. W. Jones, *War and Economy in the Age of William III and Marlborough* (Oxford: Basil Blackwell, 1988), 12–13, 296–301. Эта группа, возможно, впервые собралась вместе в ходе агитации против французской торговли в 1670-х годах: см. «A Scheme of the Trade between England and France», 28 November 1674, BL, Add. 72890; Paterson, «Inquiry into the State of the Union», 64, 67.
54. *A Proposal to Raise a Million of Money by Credit on a Public Bank* [1692]; Gilbert Burnet, *History of His Own Time* (London: William Smith, 1838), 599; *A Brief Account of the Intended Bank of England* (London: Randal Taylor, 1694), 1–4.
55. H. M., *England's Glory; or, The Great Improvement of Trade in General by a Royal Bank* (London: Tho. Bever, 1694), sigs. A3r–A4r, 11–12, 18–19, 21–24, 31.

56. Cary, *Essay on the State of England*, 32; Brewster, *Essays on Trade*, 6, 109; Locke to Clarke, 6 August 1694, in *Correspondence of Locke and Clarke*, ed. Rand, 397; *A List of the Names*, 1694; Edward Clarke, Notes on the Bank, 1695/96, Somerset SRO, DD/SF/2764; Edward Clarke's Money Assets at the Time of His Death, 1710, Somerset SRO, DD/SF/1789; compare Craig Rose, *England in the 1690s: Revolution, Religion, and War* (Oxford: Blackwell, 1999), 135.
57. Hampden, *Some Considerations*, 31; Whiston, *Discourse of the Decay*, 9; Cary, *Essay on the State of England*, sig. A3r; Brewster, *Essays on Trade*, 1.
58. *Brief Account of the Intended Bank*, 16–17; Carruthers, *City of Capital*, 141–42; Extrait d'un Lettre de Londres, 9 February 1695, MAE, CP/Angleterre 173, fol. 35v; Burnet, *History of His Own Time*, 599; Sir Edward Seymour, 30 November 1689, Grey, 9:466; Paterson, «Inquiry into the State of the Union», 64.
59. Rubini, «Battle for the Banks», 697, 702, 712; Brewer, *Sinews of Power*, 153; Charles Montague to William Blathwayt, 3 July 1696, BL, Add. 34355, fol. 10v; Land Bank Minute Book, University of London, Senate House Library, MS61; Anderson, *Origins of Commerce*, 2:211; Montague to Blathwayt, 29 May 1696, BL, Add. 34255, fol. 1v; Peter Le Neve (London) to Oliver Le Neve, 23 January 1696, Beinecke, Osborn Files 8983/8; John Lord Ashburnham (Ashburnham) to Richard Hoare, 15 April 1696, East Sussex SRO, ASH/840, 48; Montague to Blathwayt, 17/27 July 1696, BL, Add. 34355, fol. 14v; Carruthers, *City of Capital*, 142.
60. Henry Horwitz, *Parliament, Policy and Politics*, 131; *Some Considerations Offered against the Continuance of the Bank of England* [1694], 2; *Observations upon the Constitution of the Bank of England* [1694], 1; John Briscoe, *A Discourse of the Late Funds of the Million-Act, Lottery-Act, and Bank of England*, 2nd ed. (London: R. Baldwin, 1694), 4; Paterson, «Inquiry into the State of the Union», 64; *A Brief Account of the Intended Bank*, 2, 8; Burnet, *History of His Own Time*, 599; *Some Useful Reflections upon a Pamphlet*, 3. Защитники Ост-Индской компании в то время обвиняли своих противников, многие из которых были вовлечены в создание банка, в «уравнительстве», неодобрительно сравнивая их устремления с «нашими английскими левеллерами и античными римскими трибунами»: «The Humble Answer of the East India Company». May 1692, IOL, H/40, fol. 176r.
61. [Daniel Defoe], *An Essay upon Projects* (London, 1697), 1–2, 10–11, 19–20, 24; Дефо проводил четкое различие своего обсуждения от вида прожектов, очерченного Джоан Тёрск в ее Joan Thirsk, *Economic Policy and Projects: The Development of a Consumer Society in Early Modern England* (Oxford: Clarendon Press, 1978), 1, 9.

62. Сэр Джон Лаутер аналогично воспринимал преобразования в политическом дискурсе того времени: Lowther, *Trade in General*, 1680s, Cumbria SRO, Carlisle, D/Lons/Wi/63, 11; Paul Slack, «The Politics of Consumption and England's Happiness in the Later Seventeenth Century», *English Historical Review* 122 (2007): 609–25.
63. Armitage, *Ideological Origins of the British Empire*, 148.
64. Colley Cibber, *An Apology* (London: John Watts, 1740), 40; Steve Pincus, «England and the World in the 1650s», in *Revolution and Restoration: England in the 1680s*, ed. John Morrill (London: Collins and Brown, 1992), 143–46; David Smith, «The Struggle for New Constitutional and Institutional Forms», in *Revolution and Restoration*, ed. Morrill, 21–23; Allan I. Macinnes, *The British Revolution, 1629–1660* (New York: Palgrave, 2005), 209–10; Robert Brenner, *Merchants and Revolution: Commercial Change, Political Conflict, and London's Overseas Traders, 1550–1653* (London: Verso, 2003), 648.
65. David Stasavage, «Partisan Politics and Public Debt: The Importance of the 'Whig Supremacy' for Briatin's Financial Revolution», *European Review of Economic History* 11 (2007): 124.
66. Бесомые аргументы в пользу того, что государственная политика формировала направление английской экономики после 1689 года см.: David Ormrod, *The Rise of Commercial Empires: England and the Netherlands in the Age of Mercantilism, 1650–1770* (Cambridge: Cambridge University Press, 2003), 342–46.

Глава тринадцатая

Революция в церкви

1. Charles Leslie, «Querela Temporum», 1694, in *A Collection of Scarce and Valuable Tracts*, 2nd ed., vol. 9, ed. Walter Scott (London: T. Cadell and W. Davies et al., 1813), 518; Melfort (Rome) to John Caryl, 12/22 March 1690, BL, Lansdowne 1163A, fol. 39r; Gilbert Burnet, *History of His Own Time* (London: William Smith, 1838), 569; Burnet, *The New Preface and Additional Chapter* (London: D. Midwinter and B. Cowse, 1713), 9.
2. Henry Horwitz, *Revolution Politicks: The Career of Daniel Finch, Second Earl of Nottingham, 1647–1730* (Cambridge: Cambridge University Press, 1968), 99; G. V. Bennett, «Conflict in the Church», in *Britain after the Glorious Revolution, 1689–1714*, ed. Geoffrey Holmes (Basingstoke: Macmillan, 1969), 161, 165; Bennett, «King William III and the Episcopate», in *Essays in Modern Church History*, ed. G. V. Bennett and J. D. Walsh (New York: Oxford University Press, 1966), 105, 122, 124–31; Gordon Rupp, *Religion in England, 1688–1791* (Oxford: Clarendon

- Press, 1986), 74; John Spurr, *The Restoration Church of England, 1646–1689* (New Haven and London: Yale University Press, 1991), 379.
3. Gerald M. Straka, *Anglican Reaction to the Revolution of 1688* (Madison: State Historical Society of Wisconsin, 1962), ix; Tony Claydon, *William III and the Godly Revolution* (Cambridge: Cambridge University Press, 1996), 44, 159–60, 229. В один момент Джон Спарр вообще отрицал перспективы веротерпимости: Spurr, «'Latitudinarianism' and the Restoration Church», *Historical Journal*, 31 (1988): 77, 82. Но с тех пор он изменил свою позицию в: Goldie and Spurr, «Politics and the Restoration Parish: Edward Fowler and the Struggle for St. Giles Cripplegate», *English Historical Review* 109 (1994): 572–96. Маршалл также указывает, что они стали менее характерны после 1689 года: John Marshall, *John Locke, Toleration and Early Enlightenment Culture* (Cambridge: Cambridge University Press, 1994), 39.
 4. J. P. Kenyon, *Revolution Principles: The Politics of Party, 1689–1720* (Cambridge: Cambridge University Press, 1977), 77; Straka, *Anglican Reaction*, viii; J. C. D. Clark, *English Society, 1660–1832*, 2nd ed. (Cambridge: Cambridge University Press, 2000), 84; Claydon, *William III and the Godly Revolution*, 58–59; Marshall, *Locke*, 284; Marshall, «John Locke and Latitudinarianism», in *Philosophy, Science, and Religion in England, 1640–1700*, ed. Richard Kroll, Richard Ashcraft, and Perez Zagorin (Cambridge: Cambridge University Press, 1992), 282; Craig Rose, *England in the 1690s: Revolution, Religion, and War* (Oxford: Blackwell, 1999), 182.
 5. Richard Ashcraft, «Latitudinarianism and Toleration: Historical Myth versus Political History», in *Philosophy, Science, and Religion in England, 1640–1700*, ed. Kroll, Ashcraft, and Zagorin, 154, 160; Jon Parkin, *Science, Religion and Politics in Restoration England: Richard Cumberland's «De Legibus Naturae»* (Woodbridge: Boydell, 1999), 29, 33; Claydon, *William III and the Godly Revolution*, 163. См. также Kenyon, *Revolution Principles*, 84.
 6. Другие также сделали шаги в направлении этого толкования: Mark Goldie, «John Locke, Jonas Proast and Religious Toleration, 1688–1692», in *The Church of England, c. 1689 – c. 1833*, ed. John Walsh, Colin Haydon, and Stephen Taylor (Cambridge: Cambridge University Press, 1993), 143–71; Goldie and Spurr, «Politics and the Restoration Parish», 572–73; G. M. Trevelyan, *The English Revolution, 1688–89* (Oxford: Oxford University Press, 1938), 87.
 7. Joseph Hill (Geneva) to Sir William Trumbull, 18/28 February 1689, Berkshire SRO, D/ED/C33; Andrew Swatland, *The House of Lords in the Reign of Charles II* (Cambridge: Cambridge University Press, 1996),

- 255; Bennett, «Conflict in the Church», 156; Robert Beddard, «The Commission for Ecclesiastical Promotions, 1681–1684: An Instrument of Tory Reaction», *Historical Journal* 10 (1967): 15, 39.
8. Beddard, «Bishop Cartwright's Death-Bed», *Bodleian Library Record* 11 (1984): 220–21; Dr. William Denton to Sir Ralph Verney, 25 August 1686, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Anthony Wood, *Athenae Oxonienses*, 3 vols., 2nd ed. (London: R. Knaplock, D. Midwinter, J. Tonson, 1721), 2:1170, 1173 1721; Thomas Birch, *The Life of the Reverend Dr. John Tillotson* (London: J. and R. Tonson et al., 1752), 149; Newcastle (Newcastle) to Sunderland, 4 October 1688, NA, SP 31/4, fol. 89r;? (Yorkshire) to James Harrington, March 1688, BL, Add. 36707, fol. 20v; Sir Charles Cotterell to Sir William Trumbull, 26 March 1688, BL, Trumbull MSS39, unfolioed; William Westby, *Memoirs*, 21 March 1688, FSL, V.a. 469, fol. 16v; White Kennett, *A Complete History of England*, vol. 3 (London: Brab. Aylmer et al., 1706), 491; «A Brief Account Concerning Matters of Fact Touching the Prince of Orange», Bodleian, Rawlinson MSS, D1079, fol. 1r.
9. William Sancroft, «Reason against Subscription», 1687, Bodleian, Tanner 29, fol. 13r; Morrice, *Entering Book*, 30 April 1687, 31 Q, 114, 107; Worcester (Oxford) to Thomas Turner, 31 May 1687, Bodleian, Rawlinson MSS, Letters 91, fol. 66r; Dr. Paman (London) to Sir Ralph Verney, 4 May 1687, Buckinghamshire SRO, Verney MSS; Jonathan Trelawney, bishop of Bristol (Bristol) to Sanctoft, 1 July 1687, Bodleian, Tanner 29, fol. 42v; Morrice, *Entering Book*, 10 November 1688, 312; Earl of Clarendon, *Diary*, 20 February, 12 May, 3 November 1688, Singer, 2:163–64, 171, 200; Francis Turner, bishop of Ely (Ely), to Sancroft, 6 June 1687, Bodleian, Tanner 29, fol. 34r; William Lloyd, bishop of St. Asaph, to Sancroft, 21 June 1687, Bodleian, Tanner 29, fol. 39v. Возможным исключением был Герберт Крофт, епископ Херефорда. Как раз если бы Ллойд не мог терпеть Картрайта, Паркера, Крея и Уотсона, он не должен был объединяться с ними как последователь Санкрофта. Он имел долгую историю симпатии к диссентерам и был готов к моральной поддержке сопротивления. Неудивительно, что он оказался единственным предреволюционным епископом, перемещенным после 1688 года.
10. «Some Account of the Revolution», Bodleian, Eng.Hist.b.205, fol. 98v; London Newsletter, 26 March 1689, FSL, L.c. 1994; Morrice, *Entering Book*, 26 January 1689, 29 December 1688, 5 January, 12 January, 16 March 1689, DWL, 31 Q, 433, 406–7, 415, 422, 503; Edward Harley to Robert Harley, 23 February 1689, BL, Add. 40621, fol. 26r; Birch, *Life of Tillotson*, 155; Kennett, *Complete History*, 517.

11. Rose, *England in the 1690s*, 154; Straka, *Anglican Reaction*, 29; Spurr, *Restoration Church of England*, 34–36, 83. В 1689 году около 4 процентов потеряли свои места за отказ принять новый режим: в 1662 году лишились своих мест около 20 процентов; Sir William Boothby (Ashbourne, Derbyshire) to Dr. Anthony Horneck, 9 July 1689, BL, Add. 71692, fol. 105; Robert Harley (Brampton) to Sir Edward Harley, n April 1689, BL, Add. 70014, fol. 211r; Charles Trumbull (Hadleigh) to Sir William Trumbull, 25 October 1689, BL, Add. 72513, fol. 17r; Isaac Newron (Westminster) to John Covel, 2 March 1689, Trinity College, Cambridge, MS R.4.43, fol. 9r.
12. These men were John Tillotson (Canterbury, 1691); Richard Kidder (Bath and Wells, 1691); Gilbert Ironside (Bristol, 1689; Hereford, 1691); John Hall (Bristol, 1691); Simon Patrick (Chichester, 1689; Ely, 1691); Robert Grove (Chichester, 1691); Edward Fowler (Gloucester, 1691); William Lloyd (Lichfield, 1692); Thomas Tenison (Lincoln, 1692); John Moore (Norwich, 1691); John Hough (Oxford, 1690); Richard Cumberland (Peterborough, 1691); Gilbert Burnet (Salisbury, 1689); Edward Stillingfleet (Worcester, 1689); Humphrey Humphries (Bangor, 1689); Edward Jones (St. Asaph, 1692); John Sharp (York, 1691); and Nicholas Stratford (Chester, 1689). Хотя данная глава основана на исследовании текстов всех этих епископов, я не смог обнаружить много информации об Эдуарде Джонсе.
13. Horwitz, *Revolution Politicks*, 262; Thomas Newcome, ed., *The Life of John Sharpe*, vol. 1 (London: C. and J. Rivington, 1825), 15 (далее цит. как *Life of Sharpe*); Timothy Goodwyn, *The Life and Character of That Eminent and Learned Prelate, the Late Dr. Edward Stillingfleet* (London: J. Heptinstall, 1710), 59; John Sharp to Nottingham, 1689, in *Life of Sharpe*, 104–5; Amy Edith Robinson, ed., *The Life of Richard Kidder, D.D. Bishop of Bath and Wells Written by Himself*, Somerset Record Society, vol. 37 (Frome: Somerset Record Society, 1924), 24–25 (далее цит. как *Life of Kidder*); Burnet, *History of His Own Time*, 241–42.
14. Goodwyn, *Life of Stillingfleet*, 19; David Underdown, *Pride's Purge: Politics in the Puritan Revolution* (London: George Allen and Unwin, 1971), 104–5; Richard Cust, «Politics and the Electorate in the 1620s», in *Conflict in Early Stuart England*, ed. Cust and Ann Hughes (London: Longman, 1989), 157; *Life of Kidder*, 21; Thomas Burnet, «Life of Gilbert Burnet», in *Bishop Burnet's History of His Own Time*, ed. T. Burnet (London: A. Millar, 1753), xxi–xxii; Gilbert Burnet, *The History of the Reformation of the Church of England; First Part*, 2nd ed. (London: T. H. for Richard Chiswell, 1681), sig. [(b)2r].

15. Simon Patrick, Autobiography, in *The Works of Symon Patrick*, vol. 9, ed. Alexander Taylor (Oxford: Oxford University Press, 1858), 438. Патрик позже поддерживал дружбу с леди Рэйчел Расселл: Lois G. Schwoerer, *Lady Rachel Russell: «One of the Best of Women»* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1988), 150, 194–95; *Life of Kidder*, 11–12; Gilbert Burnet, *History of the Reformation of the Church of England; Second Part*, 2nd ed. (London: T. H. for Richard Chiswell, 1683), sig. [a2r]; Birch, *Life of Tillotson*, 131; Burnet, «Life of Gilbert Burnet», xxxv; Gilbert Burnet (Hague) to Robert Boyle, 4 June 1686, in *The Works of the Honourable Robert Boyle*, ed. Thomas Birch (London: W. Johnston et al., 1772), 6:626 (далее цит. как Boyle, *Works*).
16. Thomas Dent to William Wotton, 20 May 1699, and Gilbert Burnet, «Memorandum», both in *Robert Boyle by Himself and His Friends*, ed. Michael Hunter (London: William Pickering, 1994), 105–6, 28; *Life of Kidder*, 17; Robert Boyle to Burnet, [June 1686], Boyle, *Works*, 6:626–27; Burnet to Boyle, 4 June 1686, in Boyle, *Works*, 6:625–26; Burnet, *History of the Reformation; First Part*, sig. [(b)2r]; Wood, *Athenae*, 2:877. Барлоу в отличие от Бойля пришел к отрицанию веротерпимости. См. Robert Beddard, «Tory Oxford», in *Seventeenth-Century Oxford*, ed. Nicholas Tyacke (Oxford: Clarendon Press, 1997), 884; Tyacke, «Religious Controversy», in *Seventeenth-Century Oxford*, ed. Tyacke, 605–6.
17. N. Toinard to Locke, 11/21 March 1689, in *Locke Correspondence*, 3:581; Marshall, *Locke*, 78, 80; Marshall, «John Locke and Latitudinarianism», 253; Locke (London) to Edward Clarke, 13 April 1689, *Locke Correspondence*, 3:603; Locke (London) to Philippus Von Limborch, 11 December 1694, *Locke Correspondence*, 5:237–38, 3:603; Mark Goldie, «John Locke, Jonas Proast and Religious Toleration», in *The Church of England, c. 1689 – c. 1833*, ed. John Walsh, Stephen Taylor, and Colin Haydon (Cambridge: Cambridge University Press, 1993), 144, 152, 157, 165.
18. Matthew Sylvester, ed., *Reliquiae Baxterianae*, 3 vols. (London: T. Parkhurst et al., 1696), 2:386; Burnet, «Autobiography», in *A Supplement to Burnet's History of My Own Time*, ed. H. C. Foxcroft (Oxford: Clarendon Press, 1902), 463; Spurr, *Restoration Church of England*, 47–49; Birch, *Life of Tillotson*, 60; Burnet, *History of His Own Time*, 128–29.
19. Burnet, *History of His Own Time*, 130; William Lloyd, *A Sermon Preached at the Funeral of the Right Reverend Father in God John Late Lord Bishop of Chester* (London: A. C. for Henry Brome, 1672), 34; Wood, *Athenae*, 2:506–7, 1184; Barbara Shapiro, *John Wilkins, 1614–1672: An Intellectual Biography* (Berkeley: University of California Press, 1969), 4, 151–52,

- 251–53; Birch, *Life of Tillotson*, 6; Beddard, «Restoration Oxford», in *Seventeenth-Century Oxford*, ed. Tyacke, 834.
20. Burnet, «Life of Gilbert Burnet», xxi.
21. *Life of Sharpe*, 28–29; *Life of Kidder*, 46, 48–49, 62; Patrick, *Autobiography*, 472; Clarendon, *Diary*, 14 December 1688, 2:225; William Whiston, *Memoirs of the Life and Writings* (London, 1749), 41; Burnet, «Autobiography», 487.
22. Philip Bliss, ed., *Athenae Oxonienses* (London: Lackington et al., 1820), 4:512–13; «Archdeacon Payne's Life of Cumberland», in *Richard Cumberland: A Philosophical Enquiry into the Laws of Nature*, ed. John Towers (Dublin: Samuel Powell, 1750), app., 71; Thomas Newlin, trans., *Bishop Parker's History of His Own Time* (London: Charles Purington, 1727), 323–24; Sylvester, *Reliquiae Baxterianae* 3:157; Kennett, *Complete History*, 302; William Jane, *A Letter to a Friend Concerning Some Quaeries* [1689], 2.
23. Burnet, *History of the Reformation; First Part*, sig. (b)v, [(b)2]; Dr. Thomas Barlow to R. S., in *The Genuine Remains of That Learned Prelate Dr. Thomas Barlow* (London: John Dunton, 1693), 181; Burnet, *History of the Reformation; Second Part*, sigs. av–[a2r]; Burnet, «Life of Gilbert Burnet», xxii–xxiii. James II hated the *History*: Daniel Defoe, *The Advantages of the Present Settlement* (London: Richard Chiswell, 1689), 13; Gilbert Burnet, *Reflections upon a Pamphlet* (London: R. Chiswell, 1696), 80; William Lloyd, *A Sermon Preached before the House of Lords* (London: M. C. for Henry Brome, 1680), 26; Birch, *Life of Tillotson*, 60–61; J. A. I. Champion, *The Pillars of Priestcraft Shaken: The Church of England and Its Enemies, 1660–1730* (Cambridge: Cambridge University Press, 1992), 64, 78–79; Sir Robert Howard, *A Two-Fold Vindication* (London, 1696), 95.
24. Samuel Parker to?, 1685, Bodleian, Tanner 31, fol. 173v; Burnet, *History of His Own Time*, 307; Titus Oates, *A Display of Tyranny, First Part* (London, 1689), sig. [A5]r.
25. *Life of Sharpe*, 30–31, 48–49; Robert Kirk, «Sermons, Occurrences ...», 1690, Edinburgh SUL, La.III.545, fol. 137r; Patrick, *Autobiography*, 454; *Life of Kidder*, 37.
26. *Life of Kidder*, 37; Patrick, *Autobiography*, 490, 509–10; Goodwyn, *Life of Stillingfleet*, 58–59; William Sancroft, «Some Proceedings», May 1688, Bodleian, Tanner 28, fol. 38r; John Tillotson (London) to Sancroft, [May 1688], Bodleian, Tanner 28, fol. 37r; James Johnston to?, 23, 27 May 1688, BL, Add. 34515, fols. 65v, 67v.
27. Morrice, *Entering Book*, 5 May 1688, DWL, 31 Q, 254; Burnet, «Life of Gilbert Burnet», xxx, xxxii; Burnet, *History of the Reformation; Second*

- Part, sig. [a2]; Halifax, «Spencer House Journals», in *The Life and Letters of Sir George Savile, Bart. First Marquis of Halifax*, vol. 2, ed. H. C. Foxcroft (London: Longmans, Green, 1898), 216, 226; Thomas Warton, *The Life and Literary Remains of Ralph Bathurst* (London: R. and J. Dodsley, C. Bathurst, J. Fletcher, 1761), 63; Birch, *Life of Tillotson*, 151; Kennett, *Complete History*, 642; *Life of Sharpe*, 109–10. Позднейший торизм Шарпа стал большой неожиданностью для многих, кто хорошо его знал: Burnet, «Original Memoirs», in *Supplement*, ed. Foxcroft, 359; Burnet, «Autobiography», 504; Clarendon, *Diary*, 11 March 1689, 2:269; Patrick, *Autobiography*, 520.
28. Richard Doebner, ed., *Memoirs of Mary Queen of England, 1689–169* (London: David Nutt, 1886), 14, 18, 21, 24, 37, 39, 43; *Memoirs of the Life and Times of the Most Reverend Father in God, Dr. Thomas Tennison*, 3rd ed. (London: J. Roberts, 1716?), 19, 23; Goldie, «John Locke, Jonas Proast and Religious Toleration», 163; Albeville (Hague) to Lord Preston, 9/19 November 1688, BL, Add. 34517, fol. 11v; Edward Fowler, *Memoirs of the Life and Death of Our Late Most Gracious Queen Mary*, 2nd ed. (London: B. Aylmer and J. Wyat, 1712), 12; Burnet, *New Preface*, 18.
 29. John Fell (bishop of Oxford) to Lord Hatton, 12 July 1685, in *Correspondence of the Family of Hatton*, vol. 2, ed. Edward Maunde Thompson, Camden Society, n. s., 23 (1878): 58–59; Edmund Elys, «The Third Letter of the Truly Religious and Loyal Gentry», 1687, Bodleian, Tanner 29, fol. 16v; Thomas Sprat (епископ Рочестера), *A True Account and Declaration of the Horrid Conspiracy against the Late King* (London: Thomas Newcombe, 1685), 159; Thomas Sprat to Sancroft, 11 April 1685, Bodleian, Tanner 31, fol. 22r.
 30. Morrice, *Entering Book*, 22 December 1688, DWL, 31 Q, 379, 381–82; Edward Harley to Robert Harley, 22 January 1689, BL, Add. 40621, fol. 5r; Francis Turner to Sancroft, [11 January 1689], Bodleian, Tanner 28, fols. 318–21; Lloyd to Bentinck, 17 December 1688, NA, SP 8/2/Pt. 2, fol. 91r; Thomas Ken (епископ Бата и Уэльса) to Dartmouth, 23 September 1688, Staffordshire SRO, D(w) 1778/I/1/1280; Morrice, *Entering Book*, 2 February 1689, DWL, 31 Q, 450; Wood, *Athenae*, 2:988.
 31. Beddard, «Tory Oxford», 893–97; G. V. Bennett, «Against the Tide: Oxford under William III», in *The Eighteenth Century*, ed. L. S. Sutherland and L. G. Mitchell (Oxford: Clarendon Press, 1986), 42; William Pittis, *Memoirs of the Life of the Late Reverend Dr. South* (London: E. Curll, 1721), 108, 114; Sancroft to James II, 29 July 1686, Bodleian, Tanner 30, fol. 93^; Beddard, «Restoration Oxford», 839.
 32. William Lloyd, *A Sermon at the Funeral of Sir Edmund-Bury Godfrey* (London: M. Clark for Henry Brome, 1678); Lloyd to Sancroft, 20 April

- 1686, Bodleian, Tanner 30, fol. 24r; A. Tindal Hart, *William Lloyd, 1627–1717* (London: SPCK, 1952), 30–34; Samuel Parker to?, 1685, Bodleian, Tanner 31, fol. 173r; Gilbert Burnet, *A Letter Written upon the Discovery of the Plot* (London: H. Brome and R. Chiswell, 1678); Wood, 5 November, 23 December 1678, in *Life and Times*, ed. Clark, 2:422, 428; Goldie and Spurr, «Politics and the Restoration Parish», 584; Birch, *Life of Tillotson*, 81–82.
33. Wood, [August 1681], 29 November 1684, in *Life and Times*, ed. Clark, 2:553, 3:118; Wood, *Athenae*, 2:994, 1029; *Life of Kidder*, 36; Goldie and Spurr, «Politics and the Restoration Parish», 572–96; Parker to?, 1685, Bodleian, Tanner 31, fol. 172r; Patrick, Autobiography, 451, 541; Wood, 9 April, 23 April 1685, in *Life and Times*, ed. Clark, 3:137, 141; J. T. (Oxford) to Philip Henry, 6 May 1685, Bodleian, Eng.Lett.e.29, fol. 8r.
34. William Stanley (Hague) to Sancroft, 24 January/3 February 1688, Bodleian, Tanner 29, fol. 132r; Patrick, Autobiography, 513; William Wake, Autobiography, LPL, 2932, fols. 55, 61–62; Birch, *Life of Tillotson*, 167–68; Richard Davies, *An Account of the Convincement, Exercises, Services and Travels of that Ancient Servant of the Lord Richard Davies* (London: J. Sowle, 1710), 243; *Life of Kidder*, 46; Van Citters (London) to States General, 24 February/5 March 1688, BL, Add. 34510, fol. 98; James Fraser (London) to Sir Robert Southwell, 7 April 1688, FSL, V.b. 287 (57); Southwell (Kingsweston) to Weymouth, 4 April 1687, Longleat House, Thynne MSS15, fol. 169v; Gilbert Burnet, «Meditations on the Impending Expedition», 1688, in *Supplement*, ed. Foxcroft, 522, 527.
35. Burnet to Shrewsbury, 7 September 1689, NA, SP 32/2, fol. 6; Burnet, *Reflections*, 38–39.
36. John Moore, *Sermons on Several Subjects* (London: W. Taylor, J. Hooke, and T. Caldecott, 1715), «Sermon 2: 27 January 1684», 69–70; William Lloyd, «Speech Prepared ... to Have Been Spoken at the Trial», June 1688, Bodleian, Tanner 28, fol. 101r; Gilbert Burnet, *The Citation*, 27 June 1687 [1687], 6; Burnet, *An Answer to a Paper Printed with Allowance* [1687], 6; Burnet, *An Enquiry into the Measures of Submission* [London, 1688], 5–6; Burnet, *Reflections*, 43.
37. Burnet, «Meditations on the Impending Expedition», 524; Edward Fowler (епископ Глостера), *An Answer to the Paper Delivered by Mr. Ashton at His Execution* (London: Robert Clavell, 1690), 21; Fowler, *Memoirs of the Life and Death of Our Late Most Gracious Queen Mary*, 2nd ed. (London: B. Aylmer and J. Wyat, 1712), 25; Burnet, *Reflections*, 45.
38. John Moore (епископ Норвича), *A Sermon Preach'd before the King* (London: Will. Rogers, 1696), 7; Edward Stillingfleet (епископ Бусте-

- pa), *Christian Magnanimity* (London: Henry Mortlocke, 1690), 36; Edward Stillingfleet, «Sermon not Preached», 1694, in *Miscellaneous Discourses on Several Occasions* (London: S. Buckley, 1735), 399–400.
39. Burnet, *Reflections*, 40, 42, 90–91; Birch, *Life of Tillotson*, 123; John Tillotson, «Sermon Preached 29 May 1693», in *The Works of the Most Reverend Dr. John Tillotson*, 10th ed., vol. 1, ed. Ralph Berker (London: J. J. and P. Knapton, 1735), 1:214.
 40. Fowler, *Answer to the Paper*, 18, 23; Fowler, *A Vindication of the Divines of the Church of England* (London: Brabazon Aylmer, 1689), 13–14. В конце царствования Карла II Фаулер находился под огромным давлением и старался очистить себя от обвинений в вигизме. В своих проповедях он крайне ограничивал право на сопротивление. Но даже тогда он оставил возможность для сопротивления в самых крайних случаях: Fowler, *A Sermon Preached at the General Meeting of Gloucestershire-Men* (London: T. B. for Brabazon Aylmer, 1685), 10.
 41. Thomas Hearne, 6 February 1710, in *Remarks and Collections of Thomas Hearne*, 2 vols., ed. C. E. Doble (Oxford: Oxford Historical Society, 1885–86), 2:343; «An Account of the Visitation of S. M. Magd. College», 22 October 1687, Bodleian, Tanner 29, fol. 97v; «An Account of the Visitation», 21 October 1687, Bodleian, MSS Tanner 29, fol. 94v; Hearne, 17 February 1706, in *Remarks and Collections*, ed. Doble, 1:187; William Nicolson, 16 December 1702, in *The London Diaries of William Nicolson, Bishop of Carlisle, 1702–1718*, ed. Clyve Jones and Geoffrey Holmes (Oxford: Clarendon Press, 1985), 146; Hearne, 16 September 1706, in *Remarks and Collections*, ed. Doble, 1:288.
 42. Morrice, *Entering Book*, 29 December 1688, DWL, 31 Q, 394; Simon Patrick, «A Sermon Preached before the Lords», 26 November 1691, in *Works*, vol. 8, ed. Taylor, 448–49, 460; Patrick, *A Sermon Preached at St. Paul's Covent Garden*, 31 January 1689 (London: Richard Bentley, 1689), 22, 24; Patrick, «A Sermon against Murmuring», 17 March 1689, in *Works*, vol. 8, ed. Taylor, 414–16.
 43. John Moore, *A Sermon Preach'd before the House of Lords*, 31 January 1698 (London: R. R. for W. Rogers, 169[8]), 7, 24; Moore, *Sermon Preach'd before the King*, 17; Hearne, 7 March 1706, in *Remarks and Collections*, ed. Doble, 1:200.
 44. Humphrey Humphreys (епископ Бангора), *A Sermon Preach'd before the House of Lords*, 30 January 1696 (London: John Everingham, 1696), 20, 27; Hearne, 14 April 1706, in *Remarks and Collections*, ed. Doble, 1:224–25; J. W. Gough, «James Tyrrell, Whig Historian and Friend of John Locke», *Historical Journal* 19, no. 3 (1976): 605.

45. Linda Kirk, *Robert Cumberland and Natural Law* (Cambridge: James Clarke, 1987), 18–19, 76; «Archdeacon Payne's Life of Cumberland», app. 74.
46. Burnet, «Meditations on the Impending Expedition», 522; Gilbert Burnet, *An Enquiry into the Measures of Submission* [London, 1688], [1], 2, 7, 9–10; Gilbert Burnet, «A Letter concerning Some Reflections», 1687, in Burnet, *A Collection of Papers Relating to the Present Juncture of Affairs in England* (1688/89), 4; Burnet, *Reflections*, 36–37; Burnet, *Reasons against Repealing the Acts of Parliament Concerning the Test* (1687), 6; Clarendon, Diary, 11 January 1689, 2:244.
47. Burnet, «Life of Gilbert Burnet», xxxii; Burnet, *Reflections*, 31–32; Gilbert Burnet, *A Sermon Preached at the Coronation*, 11 April 1689 (London: J. Starkey and Richard Chiswell, 1689), 5, 13. См. также Burnet, *An Exhortation to Peace and Union*, Sermon Preached at St. Lawrence-Jury, 26 November 1689 (London: Richard Chiswell, 1689), 9.
48. Lloyd to Sancroft, 1685?, Bodleian, Tanner 33, fol. 4r; Lloyd, Speech not Spoken, 29 June 1688, BL, Add. 74246, fol. 105; Lloyd, *A Discourse of God's Ways of Disposing Kingdoms* (London: H. Hills for Thomas Jones, 1691), sig. A2r.
49. Lloyd, *Discourse of God's Ways*, 64–66; Lloyd, *A Sermon Preached before Their Majesties at Whitehall*, 5 November 1689 (London: Robert Clavell, 1689), 27–29; Lloyd, *The Pretences of the French Invasion Examined* (London: R. Clavel, 1692), 12.
50. Stillingfleet, «Sermon not Preached», 403–4, 439; Stillingfleet, *A Discourse Concerning the Unreasonableness of a New Separation* (London: Richard Chiswell, 1689), 5, 30; Stillingfleet, «Case of Reading King James' Declaration 1688», in *Miscellaneous Discourses*, 369–70.
51. Thomas Tenison, *A Sermon Concerning Doing Good to Posterity* (London: Richard Chiswell, 1690), 21; Tension, *A Discourse Concerning the Ecclesiastical Commission Open d in the Jerusalem Chamber* (London: Richard Chiswell, 1689), 1; Clarendon, Diary, 7 January 1690, 2:300; Hearne, 23 June 1708, in *Remarks and Collections*, ed. Doble, 2:115.
52. Robert Grove, *Seasonable Advice to the Citizens, Burgesses, and Free-Holders of England* (London: Walter Kettilby, 1685), 6–7, 11, 13, 18–19, 32; Grove, *A Short Defence of the Church and Clergy of England* (London: J. Macock for Walter Kettilby, 1681), 78.
53. London Newsletter, 31 January 1689, FSL, L.c. 1966; Hamon London Newsletter, 31 January 1689, Beinecke, OSB Shelves fb.210; *Life of Sharpe*, 65, 95, 256.
54. Dr. Francis Turner (bishop of Ely) to?, 17 February 1689, in Robert Beddard, ed., «The Loyalist Opposition in the Interregnum: A Letter of

- Dr. Francis Turner, Bishop of Ely, on the Revolution of 1688», *Bulletin of the Institute of Historical Research* 40 (1967): 109; Burnet, *Reflections*, 49–50; Tillotson to Bentinck, 1689, in Birch, *Life of Tillotson*, 153; Clarendon, Diary, 23 May 1689, 2:277; Nicholas Stratford to James Harrington, 9 March 1689, BL, Add. 36707, fol. 61r; Patrick, Autobiography, 519; Hearne, 25 November 1705, in *Remarks and Collections*, ed. Doble, 1:97; Wood, 31 August 1689, in *Life and Times*, ed. Clark, 3:309.
55. Horwitz, *Parliament, Policy and Politics*, 56, 337.
 56. John Gadbury (London) to Sir Robert Owen, 16 May 1685, National Library of Wales, Brogynton MSS [841]; John Walker (советник в Норвиче) to W Sancroft, Bodleian, Tanner 28, fol. 323r; Kirk, «Sermons, Occurrences ...». 1690, fols. 142–43.
 57. Burnet, *New Preface*, 12–13; Burnet, *History of His Own Time*, 569–70.
 58. Фраза Ричарда Эшкрафта.
 59. Mark Goldie, «The Theory of Religious Intolerance in Restoration England», in *From Persecution to Toleration*, ed. Ole Peter Grell, Jonathan I. Israel, and Nicholas Tyacke (Oxford: Clarendon Press, 1991), 334; Bennett, «William III and the Episcopate», 111; Rose, *England in the 1690s*, 184, 298.
 60. Patrick, Autobiography, 516–17; Tillotson, «Sermon at the Yorkshire Feast», 3 December 1678, *Sermons on Several Subjects and Occasions*, 3 vols. London: R. Ware, et al., 1742), 25; Patrick, *Sermon Preached at St. Paul's*, 36; Clarendon, Diary, 25 April, 11 March 1689, 2:275, 269; Richard Kidder, *A Letter to a Friend Relating to the Present Convocation at Westminster* (London: Brabazon Aylmer, 1690), 2; Yester (London) to Tweeddale, 15 January 1689, NLS, 14404, fols. 5–6.
 61. Yester (London) to Tweeddale, 15 January 1689, NLS, 14404, fol. 6r; Boothby (Ashbourne) to Horneck, 3 September 1689, BL, Add. 71692, fol. 112r; Morrice, Entering Book, 16 March, 9 March 1689, DWL, 31 Q, 498, 493; Horwitz, *Parliament, Policy and Politics*, 23–25; Morrice, Entering Book, 13 April 1689, DWL, 31 Q, 527.
 62. *Life of Kidder*, 49; Patrick, Autobiography, 522–25; Morrice, Entering Book, 21 September 1689, DWL, 31 Q, 601; *Memoirs of Tenison*, 13; Kennett, *Complete History*, 551; Thomas Tenison, *A Discourse Concerning the Ecclesiastical Commission Open din the Jerusalem Chamber* (London: Richard Chiswell, 1689), 10; Birch, *Life of Tillotson*, 190–91; *Life of Sharpe*, 106.
 63. Wood. *Athenae*, 2:968–69; *Memoirs of Tenison*, 16–18; *Life of Sharpe*, 106; Cotterell to Sir William Trumbull, 14 December 1689, BL, Trumbull MSS39 (since recataloged), unfolioed.

64. *Life of Sharpe*, 5, 28; Sylvester, *Reliquiae Baxterianae*, 3:86; Grove, *Short Defence of the Church*, 5; Wood, 10 July 1682, in *Life and Times*, ed. Clark, 3:23–24.
65. Wood, *Athenae*, 2:1029; Sylvester, *Reliquiae Baxterianae*, 3:85, 179; Davies, *Account of the Convincement*, 207, 244; *Life of Kidder*, 1, 3; Patrick, *Autobiography*, 410; Wood, 31 December 1664, 24 May 1676, 6 January 1692, in *Life and Times*, ed. Clark, 2:26, 346, 3:379.
66. Birch, *Life of Tillotson*, 2–3, 15, 18, 65; Gilbert Burnet, *A Sermon Preached at the Funeral of the Most Reverend Father in God, John Tillotson* (London: Jacob Milner, 1694), 8; Anthony Wood, *Athenae Oxonienses*, ed. Philip Bliss (London: Lackington et al., 1820), 4:511–12; Hearne, 17 November 1705, in *Remarks and Collections*, ed. Doble, 1:85.
67. Burnet, «Life of Gilbert Burnet», iv–v, xvii; Burnet, «Autobiography», 463.
68. Tillotson, «A Conscience Void of Offence towards God and Men», 27 February 1691, *Sermons*, 3:86–87, 103; Tillotson, «The Care of Our Souls», 14 April 1689, *Sermons*, 2:432; Tillotson, «How to Keep a Truly Religious Fast», *Sermons*, 3:122–23; Tillotson, «The Way to Prevent the Ruin of a Sinful People», *Sermons*, 3:77–78; Birch, *Life of Tillotson*, 42; Burnet, *History of His Own Time*, 129.
69. Von Limborch (Amsterdam) to Locke, 2/12 April 1689, *Locke Correspondence*, 3:589; Burnet, «Life of Gilbert Burnet», xi; Burnet, *History of the Reformation; Second Part*, sig. [c2r]; J. Fall (Paris) to Robert Wyllie, 4 March 1683, NLS, Wodrow, Qu 30, fol. 144r; Thomas Burnet, *A Character of the Right Reverend Father in God, Gilbert Lord Bishop of Sarum* (London: J. Roberts, 1715), 7; Burnet, *Exhortation to Peace and Union*, 27; Burnet, *A Sermon Preached before the House of Commons* (London: John Starkey and Richard Chiswell, 1689), 22; Burnet, «Autobiography», 499; Burnet, *New Preface*, 9–10; William Lloyd, *Considerations Touching the True Way to Suppress Popery* (London: Henry Brome, 1677), 38; Lloyd, *A Sermon Preached before the House of Lords* (London: M. C. for Henry Brome, 1680), 20; Birch, *Life of Tillotson*, 168; Davies, *Account of the Convincement*, 243.
70. Patrick, «A Friendly Debate betwixt Two Neighbours», 1668, in *Works*, vol. 5, ed. Taylor, 253–691; Burnet, *History of His Own Time*, 130; Birch, *Life of Tillotson*, 214; Patrick, «Sermon against Censuring», 1688, in *Works*, vol. 8, ed. Taylor, 271–72, 282; Simon Patrick, *A Sermon Preached at St. Paul's Covent-Garden* (London: Richard Chiswell, 1689), 34–35; Patrick, «Sermon Preached before the Lords», 452; Patrick, *Autobiography*, 450, 554–55.
71. Wood, *Atfrenae*, 2:1184; Wood, 16 August 1687, in *Life and Times*, ed. Clark, 3:224; Gilbert Ironside, *A Sermon Peached before the King* (Oxford:

- Leonard Lichfield, 1685), 17–18; Hearne, 25 November 1705, in *Remarks and Collections*, ed. Doble, 2:97–98; Thomas Tenison, *An Argument for Union* (London: Tho. Basset, Benj. Tooke, F. Gardiner, 1683), 40; Gilbert Burnet to? Shrewsbury, 7 September 1689, NA, SP 32/2, fol. 6; Richard Kidder, *The Judgment of Private Discretion in Matters of Religion* (London: Brabazon Aylmer, 1687), 21; Morrice, Entering Book, 2 April 1687, DWL, 31 Q, 86; Edward Fowler, *The Principles and Practices of Certain Moderate Divines of the Church of England* (London: Lodowick Lloyd, 1670), 28.
72. *Life of Sharpe*, 304; Burnet, *History of His Own Time*, 119; Hearne, 17 April 1710, in *Remarks and Collections*, ed. Doble, 2:173; Spurr, *Restoration Church of England*, 144; Robert Grove, *An Answer to Mr. Lowth's Letter to Dr. Stillingfleet* (London: Randal Taylor, 1687), 5; Stillingfleet, «Case of Reading King James' Declaration, 1688», 371; Edward Stillingfleet, *Christian Magnamity* (London: Henry Mortlocke, 1690), 29.
73. Burnet, «Meditations on the Impending Expedition», 523–24; Gilbert Burnet, *Dr. Burnet's Travels* (Amsterdam: Peter Savouret and W. Fenner, 1687), 22, 34–35; Burnet, *Some Letters* (London: J. Robinson and Awnsham Churchill, 1689), 201–2; Burnet, «Reasons against the Repealing», 1687, in *A Collection of Eighteen Papers Relating to the Affairs of Church and State during the Reign of King James the Second* (London: John Starkey and Richard Chiswell, 1689), 3, 6; Burnet, «Life of Gilbert Burnet», xxix; Burnet, *A Sermon Preached in the Chapel of St. James's*, 23 December 1688, 2nd ed. (London: Richard Chiswell, 1689), 28–29.
74. William Lloyd, *Considerations Touching the True Way to Suppress Popery* (London: Henry Brome, 1677), 1, 4, 18, 25–26, 30; Lloyd, *A Conference between Two Protestants and a Papist* (1673), 15, 29.
75. Lloyd, *Pretences of the French Invasion*, 13; Kennett, *Complete History*, 532; Henri Misson, *M. Misson's Memoirs and Observations in His Travels over England*, trans. John Ozell (London: D. Browne et al., 1719), 204–6; General Assembly Book of the English Catholic Clergy, July 1694, AWA, Old Brotherhood Papers, Book 3/116; Charles Butler, *Historical Memoirs of the English, Irish, and Scottish Catholics*, 3rd ed. (London: John Murray, 1822), 3:132.

Глава четырнадцатая

Заговор, ассоциация и консолидация революции

1. Richard Kingston, *A True History of the Several Designs and Conspiracies* (London: Abel Roper, 1698), 186; Portland to Lexington, 3/13 March 1696, in *The Lexington Papers*, ed. H. Manners Sutton (London: John

Murray, 1851), 178–79 (далее цит. как *Lexington Papers*); Jane Garrett, *The Triumphs of Providence* (Cambridge: Cambridge University Press, 1980); Mark Goldie, «The Revolution of 1689 and the Structure of Political Argument», *Bulletin of Research in the Humanities* 83, no. 4 (1980): 499; John Gellibrand to Sir William Trumbull, 21 February 1696, HMC Downshire, 1: Pt. 2:625; Galway to Lexington, 3/13 February 1696, *Lexington Papers*, 163; Gilbert Burnet, *History of His Own Time* (London: William Smith, 1838), 622.

2. Примеры обвинений Якова II в планировании заговора с целью убийства Вильгельма: *London Gazette*, 5 March 1696; M. De Chenailles to Trumbull, 27 February/8 March 1696, HMC Downshire, 1: Pt. 2:628; Blancart to George Stepney, 27 March/ 6 April 1696, *Lexington Papers*, 200. В противоположность им — те, кто поддерживал заговорщиков: W. E. Buckley, ed., *Memoirs of Thomas, Earl of Ailesbury*, 2 vols. (Westminster: Nichols and Sons, 1890), 2:366 (далее цит. как *Ailesbury. Memoirs*); Ambrose Rookwood, «Paper», in *True Copies of the Papers Which Brigadier Rookwood and Major Lowick Delivered to the Sheriffs*, 29 April 1696 (London: John Lawrence and William Rogers, 1696); Robert Charnock, *Mr. Charnock's Letter, Writ to a Friend after His Condemnation* [1696], 2; «Mr. Charnock's Paper», in *A True Copy of the Papers Delivered* (London: William Rogers, 1696), [1]; Henry Crymes to Trumbull, 17 February 1696, HMC Trumbull, 1: Pt. 2:623; *Life of James II*, 2:547. Комиссия от 17/27 декабря 1695 года.
3. Richard Edge (London) to Roger Kenyon, 10 February 1696, HMC Kenyon, 402; John Lloyd (London) to Earl of Huntingdon, 9 January 1696, HEH, HA 8356; J. H. to Robert Harley, 8 October 1695, BL, Add. 70018, fol. 64r; Charles Jackson, ed., *The Diary of Abraham De La Pryme*, Publications of the Surtees Society, vol. 54 (Durham: Published for the Society, 1869–70), 2 January 1696, 77–78 (далее как *De La Pryme, Diary*); Edge (London) to Kenyon, 13 February 1696, HMC Kenyon, 403; William Molyneux to John Locke, 5 April 1696, *Locke Correspondence*, 5:594; John Toland, *A Discourse upon Coins* (London: Awnsham and John Churchill, 1696), 111 (Толанд датировал свое введение 1 марта 1696 года); De la Pryme, *Diary*, March 1696, 84; *Life of James II*, 2:531.
4. *Flying Post*, 7 March 1696; *Post Boy*, 19 March 1696; Edge to Kenyon, 21 January 1696, HMC Kenyon, 396; Locke to John Freke and Edward Clarke, 27 January 1696, *Locke Correspondence*, 5:525; *Life of James II*, 2:530; *Ailesbury, Memoirs*, 1:358; Jean Gailhard to Huntingdon, 20 February 1696, HEH, HA 3345; *Simeon and Levi: Or, Jacobite Villany and French-Treachery, Hand in Hand* (London, 1696), 17; *Flying Post*, 3 March 1696; Galway to Lexington, 20 February 1696, *Lexington Papers*,

- 167; John Evelyn, *Diary*, 26 February – 1 March 1696, 5:232–33; Sir Richard Blackmore, *A True and Impartial History of the Conspiracy* (London: James Knapton, 1723), 29–30; *Post-Man*, 7 March 1696.
5. James Fitzjames, Duke of Berwick, *Memoirs of the Marshal Duke of Berwick*, vol. 1 (London: T. Cadell, 1779), 129–35; *Life of James II*, 2:540–42; *Post-Man*, 2 March 1696;? (Paris) to Lexington, 20 February/2 March 1696, and Lexington to William Blathwayt, 23 February/5 March 1696, both in *Lexington Papers*, 170–72, 173–74; *An Account of a Most Horrid Conspiracy* (London: John Chaplin, 1696); *Post Boy*, 5 March 1696.
 6. Portland to Lexington, 3/13 March 1696, *Lexington Papers*, 179; J. Hill (Antwerp) to Trumbull, 20/30 January 1696, BL, Add. 72570, fol. 126r; Villiers (The Hague) to Trumbull, 24 February 1696, BL, Add. 72570, fol. 186; Edge to Kenyon, 27 February 1696, HMC Kenyon, 405; *Post-Man*, 18 April, 25 February 1696; Galway to Lexington, 10/20 February 1696, *Lexington Papers*, 166–67; *Post Boy*, 25 February, 3 March 1696; *The Flying Post*, 10 March 1696; Shrewsbury to Galway, 28 February/10 March 1696, in *Private and Original Correspondence of Charles Talbot, Duke of Shrewsbury*, ed. William Coxe (London: Longman, Hurst, Rees, Orme, and Brown, 1821), 283; Evelyn, *Diary*, 1 March 1696, 5:234.
 7. De Chenailles to Trumbull, 3/13 March 1696 HMC Downshire, 1: Pt. 2:636; Thomas Percival, *The Rye-House Travestie* (London: A. Bell, 1696), 7; *Flying Post*, 7 March 1696;? (Paris) to Lexington, 9/19 March 1696, and Portland to Lexington, 3/13 March 1696, both in *Lexington Papers*, 184, 177–78.
 8. George Fleming to Sir Daniel Fleming, 5 March 1696, in *The Flemings in Oxford*, vol. 3, ed. John Richard Magrath (Oxford: Oxford Historical Society, 1924), 271–73; William Gilpin (Whitehaven) to Sir John Lowther, 2 March 1696, in *The Correspondence of Sir John Lowther of Whitehaven, 1693–1698*, ed. D. R. Hainsworth (London: British Academy, 1983), 266; Richard Lapthorne (London) to Richard Coffin, 7 March 1696, in *The Portledge Papers*, ed. Richard J. Kerr and Ida Coffin Duncan (London: Jonathan Cape, 1928), 222; Daniel Bret (London) to Huntingdon, 27 February 1696, HEH, HA 955; Evelyn, *Diary*, 10 April 1696, 5:235; *Post Boy*, 25 February, 14 March, 17 March, 19 March, 21 April 1696; De la Pryme, *Diary*, 29 March 1696, 86; *Flying Post*, 25 February, 27 February 1696; *Life of James II*, 2:554; Lapthorne to Coffin, 28 February 1696, *Portledge Papers*, ed. Kerr and Coffin Duncan, 221; *London Gazette*, 12 March 1696; *Post Boy*, 3 March 1696.
 9. James Vernon to Lexington, 13 March 1696, and? (Paris) to Lexington, 16/26 March 1696, both in *Lexington Papers*, 186–87, 191; *Flying Post*, 3, 7 March 1696; de Chenailles to Trumbull, 12/23 March 1696, HMC

Downshire, 1: Pt. 2:641; *Post-Man*, 24, 26 March 1696; Vernon to Lexington, 3 March 1696, and Trumbull to Lexington, 3 April 1696, both in *Lexington Papers*, 181, 196; *London Gazette*, 27 February 1696; *Post-Man*, 25 February 1696; *Flying Post*, 10, 21 March, 4 April 1696; *Post Boy*, 7 March 1696; *London Gazette*, 20, 23 April 1696; *Flying Post*, 19 March 1696; J. Horsfall Turner, ed., *The Rev. Oliver Heywood, B. A., 1630–1702: His Autobiography, Diaries, Anecdote and Event Books*, 4 vols. (Bridghouse: A. B. Bayes, 1882), 28 February 1689, 4:154; John Ellis (Whitehall) to Matthew Prior, 20 March 1696, Longleat House, Prior MSS2, fol. 68r; Lapthorne to Coffin, 22 March 1696, *Portledge Papers*, ed. Kerr and Coffin Duncan, 224; Kingston, *True History*, 198; James Gardiner (rector of St. Michaels Crooked-Lane), *A Thanksgiving Sermon Preached at St. Michaels Crooked-Lane*, 16 April 1696 (London: B. Aylmer, 1696), 1–2; Edward Fowler (епископ Глостера), *A Sermon Preached before the House of Lords*, 16 April 1696 (London: B. Aylmer, 1696), 24; J. E. Edzard (служитель германской лютеранской конгрегации на Тринити-Лейн), *The Finger of God over His Anointed*, 16 April 1696 (London: F. Collins, 1696), sig. [A3r]; Evelyn, *Diary*, 12 April 1696, 5:235–36; Ailesbury, *Memoirs*, 1:2.79, 2:366; Martha Lockhart to Lady Masham, 21 March 1696, *Locke Correspondence*, 5:574; Blackmore, *True and Impartial History*, 27.

10. *The History of the Late Conspiracy against the King and the Nation* (London: Daniel Brown and Tho. Bennet, 1696), 1; De La Pryme, *Diary*, February 1696, 82; Lockhart to Masham, 21 March 1696, *Locke Correspondence*, 5:574; Evelyn, *Diary*, 19 April 1696, 5:236. Дебаты происходили также и в Европе: см. *Post-Man*, 18 April 1696.
11. J. P. Kenyon, *Revolution Principles: The Politics of Party, 1689–1720* (Cambridge: Cambridge University Press, 1977). Я цитирую по изданию 1990 года в мягкой обложке: 1, 32; Кенъон в издании 1990 года отмечает, что его аргумент «лишь перефразирует» вышеупомянутые толкования, «которые восходят еще к Маколею» (x); Goldie, «Revolution of 1689», 489–90, 513, 516–17, 519; Tony Claydon, *William III and the Godly Revolution* (Cambridge: Cambridge University Press, 1996), 157, 229.
12. Gerald M. Straka, *Anglican Reaction to the Revolution of 1688* (Madison: State Historical Society of Wisconsin, 1962), 122; Dennis Rubini, *Court and Country, 1688–1702* (London: Rupert Hart-Davis, 1967), 67; Henry Horwitz, *Parliament, Policy and Politics in the Reign of William III* (Manchester: Manchester University Press, 1977), 175; Thomas Babington Macaulay, *The History of England from the Accession of James II*, 5 vols. (New York: Harper and Brothers, 1849–61), 4:585; Craig

- Rose, *England in the 1690s: Revolution, Religion, and War* (Oxford: Blackwell, 1999), 92; Garrett, *Triumphs of Providence*, 262.
13. William Streeter (Chester) to Sir Willoughby Aston, 16 March 1696, BL, Add. 36913, fol. 246r.
 14. Ailesbury, *Memoirs*, 1:353, 359! Tim Harris, *London Crowds in the Reign of Charles II. Propaganda and Politics from the Restoration until the Exclusion Crisis* (Cambridge: Cambridge University Press, 1987), 170; Robert Young to William, 23 April 1696, BL, Add. 72535, unfolioed; William Fuller to Trumbull, 15 April 1696, BL, Add. 72535, unfolioed; [Richard Kingston] to Trumbull, 21 June 1695, BL, Add. 72570, fol. 8r; *Flying Post*, 7 April 1696; *Post-Man*, 17 April, 24 March 1696; Percival, *Rye-House Travestie*, 27; Paul Kleber Monod, *Jacobitism and the English People, 1688–1788* (Cambridge: Cambridge University Press, 1989), 167; De Krey, *Fractured Society*, 193.
 15. *Flying Post*, 14 March 1696; Oliver Heywood, *Diaries*, 27 December 1695, in Turner, ed., *Rev. Oliver Heywood*, 4:153–54; Henry Baker to Trumbull, 23 February 1696, BL, Add. 75270, fol. 185r; *Flying Post*, 10, 12 March 1696; Humphrey Prideaux (Norwich) to John Ellis, *Letters of Humphrey Prideaux*, ed. Edward Maunde Thompson, Camden Society, n.s., 15 (1875): 177; *Monad*, *Jacobitism*, 169–70; Richard Kingston, «A Journey into Kent», 9–27 July 1695, BL, Add. 72570, fol. 50v; Dr. Robert Gorge (Oxford) to Trumbull, 16 July 1695, HMC Downshire, 1: Pt. 2:509; William Hayley to Trumbull, 10 October 1695, HMC Downshire, 1: Pt. 2:561; De La Pryme, *Diary*, 3 October 1695, 70; Percival, *Rye-House Travestie*, 13; Blackmore, *True and Impartial History*, 17.
 16. *Post Boy*, 23 April 1696; De La Pryme, *Diary*, 70–71; Peter Newcome (vicar of Aldenham, Hertfordshire), *A Sermon Preached in the Parish Church of Aldenham*, 16 April 1696 (London: John Wyat, 1696), 15; Percival, *Rye-House Travestie*, 7–8.
 17. Capt. W. Courtenay to Sir Stephen Fox, 17/27 September 1696, HMC Downshire, 1: Pt. 2:690; *Post-Man*, 29 February 1696; Kingston to Trumbull, 4 January 1696, BL, Add. 72570, fol. 100r; *Post Boy*, 12 March 1696; William Atwood, *Reflections upon a Treasonable Opinion, Industiously Promoted, against Signing the National Association* (London: E. Whitlock, 1696), 1; Deuel Pead, *The Protestant King Protected* (London: T. Parkhurst, 1696), 19; Percival, *Rye-House Travestie*, 3.
 18. Daniel Szechi, «A Blueprint for Tyranny? Sir Edward Hales and the Catholic Response to the Revolution of 1688», *English Historical Review* 116 (2001): 346.
 19. James Ferguson, *Robert Ferguson, the Plotter* (Edinburgh: David Douglas, 1887), 267; Monod, *Jacobitism*, 23–24; Daniel Szechi, *The Jacobites*:

Britain and Europe, 1688–1788 (Manchester: Manchester University Press, 1994), 22; Kingston to Trumbull, 19 February 1696, HMC Downshire, 1: Part 2:623–24; *Flying Post*, 12, 14 March 1696; Edge to Kenyon, 12 March 1696, HMC Kenyon, 407; Lapthorne to Coffin, 22 March 1696, *Portledge Papers*, ed. Kerr and Coffin Duncan, 224; De La Pryme, *Diary*, 8 June 1696, 96; Garrett, *Triumphs of Providence*, 75–76; Percival, *Rye-House Travestie*, 16–17. Аргументы Фергюсона, выдвинутые в 1695 году, были несовместимы с идеологией вигов 1690-х годов.

20. «On the Promoted Bishops», 1691, in *Poems on Affairs of State: Satirical Verse, 1660–1714*, vol. 5, ed. William J. Cameron (New Haven and London: Yale University Press, 1971), 5:314; Robert Ferguson, *A Brief Account of Some of the Late Incroachments and Depredations*, 20 December [1695], 5; *Life of James II*, 2:531.
21. «Major Robert Lowick's Paper», *True Copies*, 29 April 1696 (broadside); *A True Account*, 29 April 1696 (broadside); Lapthorne to Coffin, 2 May 1696, *Portledge Papers*, ed. Kerr and Coffin Duncan, 229; Garrett, *Triumphs of Providence*, 28–32, 108–9, 118, 202; Kingston, *True History*, 171; *Post Boy*, 24 March 1696; «Mr. King's Paper», *True Copy*, William Rogers, 1696), [2]; «Mr. Charnock's Paper», [1].
22. «Sir William Parkyns's Paper» and «Sir John's Paper», both in *A True Copy of the Papers Delivered by Sir John Friend, and Sir William Parkyns*, 3 April 1696 (London: William Rogers, 1696), [2], [1]; *A True Account of the Dying Behaviour of Ambrose Rookwood, Charles Cranburne, and Major Lowick*, 29 April 1696 (London: R. Green, 1696); Sir John Fenwick, *A True Copy of the Paper*, 28 January 1697 (London: R. Bentley, [1697]), [1]; *An Answer to Mr. Collier's Defence* (London: R. Baldwin, 1696), 1; *Post-Man*, 2, 4, 9 April 1696; *Flying Post*, 4 April 1696; *Post Boy*, 4 April 1696; *London Gazette*, 9 April 1696; Lapthorne to Coffin, 4 April 1696, *Portledge Papers*, ed. Kerr and Coffin Duncan, 226; Burnet, *History of His Own Time*, 627; Whitehall Treasury Minute, 30 July 1696, Historical Society of Pennsylvania, Penn Papers, Ace. No. 2641; *Flying Post*, 9, 14 April 1696; Vernon to Lexington, 17 March 1696, *Lexington Papers*, 192; Abiel Borfet, *The Minister of Richmond's Sermon* (London, 1696), 2.
23. Ferguson, *Brief Account*, 23, 65–67.
24. Jeremy Collier, *A Perswasive to Consideration, Tender'd to the Royalists* (London, 1695), 5–6, 23; *Flying Post*, 25 April 1696; Nathaniel Johnston to Huntingdon, 4 February 1696, HEH, HA 7836; «Life of John Kettlewell», in John Kettlewell, *A Compleat Collection of the Works*, vol. 1 (London: D. Browne, et al., 1719), 21; George Hickes (Worcester) to Dr. Charlett, 8 July 1689, Bodleian, Ballard MSS12, fol. 29r. B 1696 ro-

ду Джонстон жил у якобита графа Питерборо: Johnston to Huntingdon, 18 February 1696, HEH, HA 7837.

25. *Post Boy*, 14 March 1696; *History of the Late Conspiracy*, 100; «Sir John Friend's Paper», [1]; *Post Boy*, 4 April, 7 April 1696; *Post-Man*, 9 April 1696; Finch to Trumbull, 2/12 February 1696, HMC Downshire, 1: Pt. 2:625; Vernon to Lexington, 13 March 1696, *Lexington Papers*, 187; Ailesbury, *Memoirs*, 1:352; Charnock, *Mr. Charnock's Letter*, 3–6; *Life of James II*, 2:555–56.
26. «Charles Cranburn's Speech», in *True Account*; *Post-Man*, 30 April 1696; Rookwood, «Paper»; «Major Robert Lowick's Paper»; Fenwick, *True Copy of the Paper*, [2]; *Flying Post*, 28 March 1696; «Sir William Parkyns's Paper», [2];? (Paris) to Lexington, 9/19 March 1696, *Lexington Papers*, 184.
27. Ferguson, *Brief Account*, 2–3; Hickes to Charlett, 6 September 1690, Bodleian, Ballard MSS12, fol. 38r; Collier, *Perswasive*, 14–15; Clarendon (London) to Abingdon, 16 February 1690, Newberry Library, CASE MS E5.5434.
28. Ferguson, *Brief Account*, 3; Collier, *Perswasive*, 15, 21; *A Letter from a Minister of the Church of England to a Gentleman in the Country* (London, 1695), 5.
29. Fenwick, *True Copy of the Paper*, [1].
30. Charnock, *Mr. Charnock's Letter*, 3; Ferguson, *Brief Account*, 2.
31. Charnock, *Mr. Charnock's Letter*, 6–7; Edge to Kenyon, 28 January 1696, HMC Kenyon, 398; *Life of James II*, 2:530–31.
32. Burnet, *History of His Own Time*, 621; Ferguson, *Brief Account*, 12, 16–17, 57; Shrewsbury to William, 24 August/3 September 1694, *Private Correspondence of Shrewsbury*, ed. Coxe, 71–72; *Flying Post*, 7 March 1696.
33. D. W. Jones, *War and Economy in the Age of William III and Marlborough* (Oxford: Basil Blackwell, 1988), 12–13, 274–75, 294–302; Gary Stuart De Krey, *A Fractured Society: The Politics of London in the First Age of Party, 1688–1715* (Oxford: Clarendon Press, 1985), 24–25; Bruce G. Carruthers, *City of Capital: Politics and Markets in the English Financial Revolution* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1996), 148–49, 154–55.
34. Deuel Pead, *Sheba's Conspiracy*, 29 March 1696 (London: T. Parkhurst, 1696), 26; *The Country Gentleman's Notion Concerning Governments*, 29 May 1696 (London: Eliz. Whitlock, [1696]), 3.
35. *Post-Man*, 27 February 1696; *London News-Letter*, 6 May 1696; Gardiner, *Thanksgiving Sermon*, 6; Fowler, *Sermon*, 31; Laphorne to Coffin, 7 March 1696, *Portledge Papers*, ed. Kerr and Coffin Duncan, 223; Locke to Clarke,

- 25 March 1696, *Locke Correspondence*, 5:579; *Flying Post*, 23 April 1696; Blackmore, *True and Impartial History*, 10–11. См. также Walter Neale, *A Sermon Preached in Christ-Church, Cork*, 23 April 1696 (London: Abel Swall and Tim. Child, 1696), 14; John Moore, *A Sermon Preach'd before the King*, 16 April 1696 (London: Will. Rogers, 1696), 11.
36. Samuel Barton (chaplain to the House of Commons), *A Sermon Preach'd before the House of Commons*, 16 April 1696 (London: Tho. Cockerill, 1696), 17; W Talbot (dean of Worcester), *A Sermon Preach'd at the Cathedral Church of Worcester*, 16 April 1696 (London: T. Bennet, 1696), 14; Francis Gregory, *A Thanksgiving Sermon*, 16 April 1696 (London: R. Sare, 1696), 14; Neale, *Sermon*, 15; *The Art of Assassinating Kings* (London: E. Whitlock, 1696), 6–7; Joseph Addison, *A Poem to His Majesty* (London: Joseph Tonson, 169[6]), 6. См. также James Smallwood (капеллан графа Ромни); *A Sermon Preach'd at St. James's Church Westminster*, 2 April 1696 (London: E. Whitlock, 1696), 27; and *Flying Post*, 7 May 1696.
37. William Stephens (rector of Sutton, Surrey), *A Thanksgiving Sermon Preach'd before the Right Honourable the Lord Mayor*, 16 April 1696 (London: B. Aylmer, 1696), 15–16; Talbot, *Sermon*, 15. См. также *Art of Assassinating Kings*, 19–20.
38. T. B., *David and Saul* (London, 1696), 26; John Strype (викарий Лоу-Лейтона, Эссекс), *David and Saul*, 16 April 1696 (London: B. Aylmer, 1696), 15; J. O., *Salvation Improved*, 16 April 1696, Preached at Oswestry (London: J. Salusbury, 1696), 16; Talbot, *Sermon*, sig. A2r. См. также Charles Nicholetts (minister at Havenet, Southampton), *The Cabinet of Hell Unlocked*, 16 April 1696 (London: William Marshall and John Marshall, 1696), 19–20.
39. *Art of Assassinating Kings*, 20; William Perse (rector of West Heslerton, chaplain to Earl of Feversham), *A Sermon Preach'd in the Cathedral of St. Peters in York*, 5 November 1689 (York: John Bulkley, 1689), 28–29; Talbot, *Sermon*, 15.
40. John Shower, *A Thanksgiving Sermon*, 16 April 1696 (London: B. Aylmer, 1696), 11; Perse, *Sermon*, 25. См. также Andrew Burnett, *A Sermon Preach'd at Barbican*, 16 April 1696 (London: Rich. Baldwin, 1696), 14; and Newcome, *Sermon*, 11.
41. Nicholetts, *Cabinet of Hell Unlocked*, 11–12; Vincent Alsop, *A Sermon upon the Wonderful Deliverance* (London: J. Barnes, 1696), 7, 32–33; Moore, *Sermon*, 13, 17.
42. Fowler, *Sermon*, 21–22, 28; Smallwood, *Sermon*, 19–20; Pead, *Protestant King*, 14; *True Copy*, 29 April 1696, [1]. См. также Talbot, *Sermon*, 12; Neale, *Sermon*, 17; Henry Day, *A Thanksgiving Sermon Preach'd at Sutton*

- in *Surrey*, 16 April 1696 (London: Richard Baldwin, 1696), 7–8; and Blackmore, *True and Impartial History*, 6.
43. Stephens, *Thanksgiving Sermon*, sig. [Ay/]; *Art of Assassinating Kings*, 72.
 44. *Art of Assassinating Kings*, 72–73; *Reflections on the Paper Deliver'd to the Sheriffs of London and Middlesex by Sir John Fenwick* (London: Richard Baldwin, 1697), 5; Stephens, *Thanksgiving Sermon*, 16, 21.
 45. William Wake, *A Sermon Preached in the Parish Church of St. James Westminster*, 16 April 1696 (London: Richard Sare, 1696), 10; A. S., *God Glorified and the Wicked Snared* (London: R. Baldwin, 1696), 24; *Simeon and Levi*, 10–11; Barton, *Sermon*, 17; Atwood, *Reflections*, 59. См. также Newcome, *Sermon*, 9; and J. O., *Salvation Improved*, 14–15.
 46. The only exceptions I have found are Abiel Dorset, *The Minister of Richmond's Reasons* (London: John Harris, 1696), 4; and Theophilus Dorrington, *The Honour Due to the Civil Magistrate Stated and Urg'd* (London: John Wyat, 1696).
 47. Stephens, *Thanksgiving Sermon*, 23–24; Pead, *Sheba's Conspiracy*, 25; Atwood, *Reflections*, 57. См. также Fowler, *Sermon*, 31–32; Gregory, *Thanksgiving Sermon*, 9.
 48. Day, *Thanksgiving Sermon*, 12, 18; Stephens, *Thanksgiving Sermon*, sig. [A3v]; Pead, *Sheba's Conspiracy*, sig. A2; Richard Bovet, *Poem* (London: Richard Baldwin, 1696), 9. См. также Atwood, *Reflections*, 62; and Percival, *Rye House Travestie*, 8.
 49. Wake, *Sermon*, 16; Barton, *Sermon*, 13.
 50. Wake, *Sermon*, 9–10; *Post-Man*, 7 April 1696; Day, *Thanksgiving-Sermon*, 10, 21; *Country Gentleman's Notion*, 3, 7; Stephens, *Thanksgiving Sermon*, 19, 22. См. также *Reflections on a Paper*, 1697, 14; *A Full Answer Paragraph by Paragraph to Sir John Fenwick's Paper* (London: Richard Baldwin, 1697), 9; *Post-Man*, 5 May 1696; Kingston, *True History*, 202; and Pead, *Sheba's Conspiracy*, 11.
 51. Smallwood, *Sermon*, 21; Barton, *Sermon*, 18–19; *Art of Assassinating Kings*, 28.
 52. Day, *Thanksgiving-Sermon*, 11; Edzard, *Finger of God*, 19; *Full Answer*, 25; *Country Gentleman's Notion*, 6; Gregory, *Thanksgiving Sermon*, 10–11. См. также Burnett, *Sermon*, 16; *Reflections on a Paper*, 5; and Pead, *Sheba's Conspiracy*, 15.
 53. Nicholetts, *Cabinet of Hell Unlocked*, 13; George Keith, *A Sermon Preached at the Meeting of Protestant Dissenters, Called Quakers, in Turners-Hall, London*, 16 April 1696 (London: B. Aylmer, 1696), 15; T. B., *David and Saul*, 18.
 54. Wake, *Sermon*, 25–26; Smallwood, *Sermon*, 28; Stephens, *Thanksgiving Sermon*, 10–12.

55. Day, *Thanksgiving-Sermon*, 8–9; Kingston, *True History*, 201–2; *A Declaration of the Sense of the Archbishops and Bishops*, 10 April 1696 (London: John Everingham, 1696); *Flying Post*, 14 April 1696; *Post-Man*, 5 May 1696; Pead, *Sheba's Conspiracy*, 13; T. B., *David and Saul*, 8, 13.
56. Mark Knights, «'Meer Religion' and the 'Church-State' of Restoration England», in *A Nation Transformed: England after the Restoration*, ed. Alan Houston and Steve Pincus (Cambridge: Cambridge University Press, 2001), 64; *Post-Man*, 5 May 1696; John Tillotson to Shrewsbury, 23 October 1692, Bodleian, Ballard MSS9, fol. 11r; Smallwood, *Sermon*, 17–18.
57. Smallwood, *Sermon*, 28; J. O., *Salvation Improved*, 25.
58. Pead, *Protestant King*, 20; Clarke to Locke, 31 March 1696, *Locke Correspondence*, 5:587; Blackmore, *True and Impartial History*, sig. A2v, 30.
59. J. Harvey to Mercier, 13 December 1695, HMC Downshire, 1: Pt. 2:597–98; E. H., *Decus and Tutamen* (London, 1696), 1; Freke to Locke, 5 December 1695, *Locke Correspondence*, 5:475; John Toland, *A Discourse upon Coins* (London: Awnsham and John Churchill, 1696), ii–iv; Edmund Bohun to John Cary, 31 July 1696, in *The Diary and Autobiography of Edmund Bohun*, ed. Wilton S. Rix (Beccles, 1853), 140; Steve Pincus, «John Evelyn: Revolutionary», in *John Evelyn and His Milieu*, ed. Frances Harris and Michael Hunter (London: British Library, 2003), 185–219; Molyneux (Dublin) to Locke, 24 December 1695, HRC, Pforzheimer 21; Patrick Hyde Kelly, «General Introduction», in *Locke on Money*, vol. 1, ed. Kelly (Oxford: Clarendon Press, 1991), 35.
60. Burnet, *History of His Own Time*, 625; Horwitz, *Parliament, Policy and Politics*, 163, 166–67, 327; *Post-Man*, 6 February 1696; Ailesbury, *Memoirs*, 1:359; John Briscoe, *Mr Briscoe's Reply* [1695 or 1696], 2; Dalby Thomas, *Propositions for General Land-Banks*. [1695], [1]; Vernon to Shrewsbury, 1 October 1696, Boughton House, Shrewsbury MSS, Vernon Letters, 4/3 (read on microfilm); *A List of the Names of the Subscribers to the Land-Bank*, 22 November 1695 (London: Thomas Cockerill, 1695). Современники отмечали тесную взаимосвязь между выдвигавшимися тори предложениями чеканки монеты и их схемой национального земельного банка: E. H., *Decus and Tutamen*, 1–3.
61. Stephens, *Thanksgiving-Sermon*, sig. [A4v]; Locke to Freke and Clarke, 28 March 1696, and Locke to Clarke, 4 August 1696, both in *Locke Correspondence*, 5:581, 674; Thomas, *Propositions*, [1]; John Briscoe, *Reasons Humbly Offered for the Establishment of the National Land-Bank*, 3 February [1696], [\\]; *A Letter to a Friend* (London, 1696), 5–6; Cary to Locke, 11 January 1696, *Locke Correspondence*, 5:515; Obadiah Sedgwick to?, 11 June 1696, Bodleian, Tanner 24, fol. 126r; Shrewsbury

- to William, 5/15 June 1696, *Private Correspondence of Shrewsbury*, ed. Coxe, 122; *Flying Post*, 1 August 1696; Shrewsbury to William, 29 May/8 June 1696, *Private Correspondence of Shrewsbury*, ed. Coxe, 120; *Flying Post*, 18 August 1696.
62. *Simeon and Levi*, 23; Shower, *Thanksgiving Sermon*, 15–16; Gregory, *Thanksgiving Sermon*, 11; Perse, *Sermon*, 27; Shrewsbury to Galway, 21 April/1 May 1696, *Private Correspondence of Shrewsbury*, ed. Coxe, 286;? to Lexington, 6/16 March 1696, *Lexington Papers*, 183; Alsop, *Sermon*, 33–34; *London News-Letter*, 6 May 1696. См. также Pawling to Locke, 14 March 1696, *Locke Correspondence*, 5:568.
 63. James Graham (Fontabell, New York) to Blathwayt, 31 May 1696, Colonial Williamsburg Foundation, William Blathwayt Papers, 10/ Folder 7; Evelyn, *Diary*, 26 February – 1 March 1696, 5:233; Nicholetts, *Cabinet of Hell Unlocked*, 16 April 1696, 21; *Life of James II*, 2:537. См. также Perse, *Sermon*, 16 April 1696, 28; and *Simeon and Levi*, 23.
 64. *Post Boy*, 23, 21 April 1696; Prideaux to Ellis, 17 April 1696, Thompson, 171; *Post-Man*, 23 April 1696; *London Gazette*, 23 April 1696; *London Gazette*, 27, 20 April 1696.
 65. Burnet, *History of His Own Time*, 621, 623; *Post-Man*, 5 March 1696; *Post Boy*, 17 March 1696.
 66. *Flying Post*, 27 February 1696; *Post Boy*, 31 March 1696; *Journal of the House of Commons*, 24, 25, 27 February 1696, 11:466–67, 468, 470–74; Freke and Clarke to Locke, 27 February 1696, *Locke Correspondence*, 5:549; Edge to Kenyon, 27 February 1696, HMC Kenyon, 405; *Flying Post*, 4 April 1696; Gailhard (London) to Huntingdon, 27 February 1696, HEH, HA 3346.
 67. *Journal of the House of Lords*, 26 February 1696, 15:683; *Flying Post*, 29 February 1696; Freke and Clarke to Locke, 27 February 1696, *Locke Correspondence*, 5:549–50; Stepney to Lexington, 11 April 1696, *Lexington Papers*, 198–99; Horwitz, *Revolution Politics: The Career of Daniel Finch, Second Earl of Nottingham, 1647–1730* (Cambridge: Cambridge University Press, 1968), 156–57; Daniel Bret (London) to Huntingdon, 27 February 1696. HEH, HA 955.
 68. *Journal of the House of Commons*, 3 April 1696, 11:544; *London Gazette*, 6 April 1696; *Flying Post*, 7 May 1696.
 69. Patrick Collinson, «The Elizabethan Exclusion Crisis and the Elizabethan Polity», *Proceedings of the British Academy* 84 (1994): 53, 64–65, 68–69. Другие отметили социальный разрыв, в то же время констатируя идеологическую преемственность: David Cressy, «Binding the Nation: The Bonds of Association, 1584 and 1696», in *Tudor Rule and Revolution*, ed. Delloyd J. Guth and John W. McKenna (Cambridge: Cambridge

- University Press, 1982), 227, 234; Edward Vallance, «Loyal or Rebellious? Protestant Associations in England, 1584–1696», *Seventeenth Century* 17, no. 1 (2002): 2, 16.
70. *Journal of the House of Lords*, 26 February 1696, 15:683; *Journal of the House of Commons*, 24 February 1696, 11:466–67; *Post-Man*, 5 March, 7 April 1696; *London Gazette*, 9 April 1696; *Post-Man*, 18 April 1696; *Flying Post*, 7 April 1696.
 71. John Oldmixon, *The History of Addresses* (London, 1709), 198; Cressy, «Binding the Nation», 222–24, 232–33; *London Gazette*, 4 May 1696; *Flying Post*, 25 April 1696; Patrick Collinson, «The Monarchical Republic of Queen Elizabeth», *Bulletin of John Rylands Library* 69 (1986–87): 414; *London Gazette*, 21 May 1696; *Flying Post*, 29 February 1696; *Post-Man*, 25 April 1696; *London Gazette*, 14 May 1696; *Flying Post*, 14 May 1696; Prideaux to Ellis, 8 April 1696, Thompson, 166–67; *London Gazette*, 30 March 1696; Francis Russell (Barbados) to Blathwayt, 22 July 1696, Colonial Williamsburg Foundation, William Blathwayt Papers, 31/ Folder 5.
 72. Collinson, «Elizabethan Exclusion Crisis», 64; Leah S. Marcus, Janel Mueller, and Mary Beth Rose, eds., *Elizabeth L: Collected Works* (Chicago: University of Chicago Press, 2000), 183.
 73. Prideaux to Ellis, 16 May 1696, Thompson, 174; *London Gazette*, 23 March 1696. Эти ассоциации подробно обобщались в «Лондон Газетт». См. следующие выпуски: 9 April, 30 April, 4 May, 14 May, 21 May, 25 May, 28 May, 4 June, 11 June, 15 June, 29 June, 2 July, 16 July, 30 July, and 20 August.
 74. *Post-Man*, 5 March, 28 March 1696; *Flying Post*, 2 April 1696; *London Gazette*, 4 May, 18 June, 13 April, 30 April, 25 June, 4 May, 7 May, 25 May 1696; *Flying Post*, 25 April 1696; «A Testimony of Our Faithful Obedience and Subjection», in Keith, *Sermon*, 29; *Flying Post*, 9 April 1696; *London Gazette*, 21 May 1696; Mary Geiter, «Affirmation, Assassination and Association: The Quakers, Parliament and the Court in 1696», *Parliamentary History* 16 (1997): 277–88.
 75. *London Gazette*, 26 March 1696; *Flying Post*, 14 April 1696.
 76. Steve Hindle, *The State and Social Change in Early Modern England, c. 1550–1640* (Basingstoke: Macmillan, 2000), 17; Thomas Cogswell, *Home Divisions: Aristocracy, the State and Provincial Conflict* (Manchester: Manchester University Press, 1998), 3; John Brewer, *The Sinews of Power: War, Money and the English State, 1688–1783* (London: Routledge, 1989), 7–9, 250; *London Gazette*, 23 April, 4 May 1696; *Post Boy*, 7 March 1696; *London Gazette*, 23 March, 26 March, 30 March 1696; *Flying Post*, 14 March 1696; *London Gazette*, 23 March, 6 April, 30 April, 17 May 1696.

77. Brewer, *Sinews of Power*, 10–11; *London Gazette*, 19 March, 30 April, 27 April 1696.
78. *London Gazette*, 30 April, 26 March, 2 April, 7 May, 11 May, 14 May, 27 April, 30 March 1696.
79. *London Gazette*, 23 April, 27 April, 6 July, 23 July, 7 May 1696.
80. *Post-Man*, 28 March 1696; *London News-Letter*, 1 May 1696; *London Gazette*, 13 August, 16 April, 20 April, 23 April, 7 May, 11 May, 18 May 1696; Prideaux to Ellis, 8 April 1696, Thompson, 167; Wallace Gandy, ed., *The Association Rolls of the British Plantations* (San Bernardino, CA: Borgo, 1993), 70–73.
81. *London Gazette*, 30 March, 6 April 1696; *Post-Man*, 9 April, 11 April 1696; *London Gazette*, 13 April, 27 April, 7 May, 18 May, 4 June, 11 June, 15 June, 18 June, 25 June, 2 July, 24 August, 27 August.
82. *Flying Post*, 18 April 1696; *London Gazette*, 23 April 1696; Tamworth Newsletter, 16 April 1696, HEH, HM 30659/66; *Post Boy*, 21 April 1696; *London Gazette*, 4 May 1696; *Flying Post*, 28 May 1696; *Post-Man*, 9 April, 18 April 1696; *Flying Post*, 21 May, 4 June 1696.
83. Graham (Fontabell, New York) to Blathwayt, 31 May 1696, Colonial Williamsburg Foundation, William Blathwayt Papers, 10/Folder 7; Gandy, ed., *Association Oath Rolls of the British Plantations*, 34–60; *London Gazette*, 27 August 1696; John Usher (Newcastle, New Hampshire) to Blathwayt, 6 October 1696, Blathwayt Papers, 12/Folder 3; J. Goddard (Bermuda) to Blathwayt, 9 November 1696, Blathwayt Papers, 36/Folder 4; Bridgewater's Notes, Board of Trade, 21 April 1697, HEH, EL 9691.
84. *London Gazette*, 2 April, 4 May 1696; *Flying Post*, 16 May, 21 May, 26 May 1696.
85. For Ireland: *London Gazette*, 6 April, 13 April, 14 May, 28 May, 13 August; *Flying Post*, 14 March 1696; *Post-Man*, 11 April 1696; *Flying Post*, 5 May, 28 March 1696.
86. Vallance, «Loyal or Rebellious?» 22; *Post Boy*, 21 March 1696; *Flying Post*, 7 April 1696; Blancart to Stepney, 27 March/6 April 1696, *Lexington Papers*, 200–201; Edmund Warcup (London) to Dr. Charlett, 16 May 1696, Bodleian, Ballard MSS11, fol. 74r.
87. *Flying Post*, 9 April 1696; Evelyn, *Diary*, 24–28 May 1696, 5:242–43; Burnet, *History of His Own Time*, 624–25; Horwitz, *Parliament, Policy and Politics*, 176; *Flying Post*, 26 March 1696; *Post Boy*, 4 April 1696; *Flying Post*, 27 June 1696; Prideaux to Ellis, 24 April 1696, Thompson, 172; De La Pryme, *Diary*, 17 June 1696, 99; *Post-Man*, 7 May 1696; Edzard, *Finger of God*, 19–20; Bovet, *Poem*, 10; Barton, *Sermon*, 16 April 1696, 21–22; John Gery to Huntingdon, 13 April 1696, HEH, HA 4005;

- Macaulay, *History*, 4:616; Daniel Bret (London) to Huntingdon, 27 February 1696, HEH, HA 955; Rev. George Fleming to Sir Daniel Fleming, 5 March 1696, Magrath, 3:269–71; Percival, *Rye House Travestie*, 51; *Post-Man*, 9 April 1696; Prideaux to Ellis, 29 April 1696, Thompson, 173; Prideaux to Ellis, 8 April 1696, Thompson, 168.
88. *Post Boy*, 10 March 1696; Vernon to Lexington, 17 March 1696, *Lexington Papers*, 192; *Flying Post*, 30 July 1696; De La Pryme, *Diary*, 30 July 1696, 109; Kenyon to G. Wentworth, 13 September 1696, HMC Kenyon, 411; Rubini, *Court and Country*, 67; Horwitz, *Parliament, Policy and Politics*, 179; Bret (London) to Huntingdon, 27 February 1696, HEH, HA 955.

Глава пятнадцатая

Заключение

1. Guenter Roth and Claus Wittich, eds., *Max Weber: Economy and Society* (Berkeley: University of California Press, 1978), 1:231–232, 2:1020, 1030, 1039–40; Julia Adams, *The Familial State: Ruling Families and Merchant Capitalism in Early Modern Europe* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 2005), 16–19, 175–87. Я не согласен с Адамсом по вопросу о долгосрочных последствиях революции.
2. Многие, конечно, продолжали отстаивать монархию на этой основе. Но ассоциация 1696 годы однозначно продемонстрировала, что это уже было мнение меньшинства.
3. Keith Wrightson, *Earthly Necessities: Economic Lives in Early Modern Britain* (New Haven and London: Yale University Press, 2000), 9–10.
4. Peter Lake and Steve Pincus, «Rethinking the Public Sphere in Early Modern England», *Journal of British Studies* 45, no. 2 (2006): 270–92.
5. Robert Brenner, *Merchants and Revolution: Commercial Change, Political Conflict, and London's Overseas Traders, 1550–1653* (London: Verso, 2003), 648.
6. Tim Harris, «Revising the Restoration», in *The Politics of Religion in Restoration England*, ed. Tim Harris, Paul Seaward, and Mark Goldie (Oxford: Basil Blackwell, 1990), 2, 11; Blair Worden, «The Question of Secularization», in *A Nation Transformed: England after the Restoration*, ed. Alan Houston and Steve Pincus (Cambridge: Cambridge University Press, 2001), 30–40; Keith Thomas, *Religion and the Decline of Magic: Studies in Popular Beliefs in Sixteenth and Seventeenth Century* (Harmondsworth: Penguin, 1985), 205–6.
7. Daniel Riches, «The Rise of Confessional Tensions in Brandenburg's Relations with Sweden in the Late Seventeenth-Century», *Central European History* 37 (2004): 568–92.

8. Perez Zagorin, *The English Revolution: Politics, Events, Ideas* (Aldershot: Ashgate, 1998), 25; Christopher Hill, «A Bourgeois Revolution?» in *Three British Revolutions*, ed. J. G. A. Pocock (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1980), 136; J. S. A. Adamson, «The Baronial Context of the English Civil War», in *The English Civil War*, ed. Richard Cust and Ann Hughes (London: Arnold, 1997), 98; John Adamson, *The Noble Revolt: The Overthrow of Charles I* (London: Weidenfeld and Nicolson, 2007); Michael Walzer, *The Revolution of the Saints: A Study in the Origins of Radical Politics* (New York: Atheneum, 1976), 19; Blair Worden, *Roundhead Reputations: The English Civil Wars and the Passions of Posterity* (London: A. Lane, 2001), 228; Christopher Hill, *The Century of Revolution, 1603–1714* (New York: W. W. Norton, 1980), 235; Brenner, *Merchants and Revolution*, 713.
9. Angus MacInnes, «When Was the English Revolution?» *History* 67 (October 1982): 384–87; Wrightson, *Earthly Necessities*, 228.
10. Steve Pincus, «Neither Machiavellian Moments nor Possessive Individualism», *American Historical Review* 103 (1988): 705–36; Pincus, «England and the World in the 1650s», in *Revolution and Restoration*, ed. John Morrill (London: Collins and Brown, 1992), 144–46; Pincus, «From Holy Cause to Economic Interest», in *Nation Transformed*, ed. Houston and Pincus, 272–98.
11. Peter Lake, «Wentworth's Political World in Revisionist and Post-Revisionist Perspective», in *The Political World of Thomas Wentworth, Earl of Strafford, 1621–1641*, ed. J. F. Merritt (Cambridge: Cambridge University Press, 1996), 266–69; Walzer, *Revolution of the Saints*, 10.
12. Lois Potter, *Secret Rites and Secret Writing: Royalist Literature, 1641–1660* (Cambridge: Cambridge University Press, 1989), 170–76; John Locke, *Two Treatises of Government*, ed. Ian Shapiro (New Haven and London: Yale University Press, 2003), 198–99; William Penn, *Three Letters* (London: Andrew Sowle, 1688), 10; Henry Neville Payne, *An Answer to a Scandalous Pamphlet* (London: N. T., 1687), 5; Stephen Lobb, *A Second Letter to a Dissenter* (London: John Harris, 1687), 11; *An Answer by an Anabaptist* (London: Andrew Sowle, 1688), 4.
13. Lawrence Stone, «The Results of the English Revolutions of the Seventeenth Century», in *Three British Revolutions*, ed. Pocock, 23; Thomas Cogswell, «'Published by Authority': Newsbooks and the Duke of Buckingham's Expedition to the Ile de Re», *Huntington Library Quarterly* 67 (2004): 1–25; Thomas Cogswell, «John Felton, Popular Political Culture and the Assassination of the Duke of Buckingham», *Historical Journal* 49 (2006): 357–85; Mark Knights, *Representation and Misrepresentation in Later Stuart Britain* (Oxford: Oxford University Press, 2005), 3.

14. Margaret R. Hunt, *The Middling Sort: Commerce, Gender, and the Family in England 1680–1780* (Berkeley: University of California Press, 1996), 14; Daniel Szechi, *The Jacobites: Britain and Europe, 1688–1788* (Manchester: Manchester University Press, 1994), 12–26; Basil D. Henning, «Introductory Survey», in *The Commons, 1660–1690*, vol. 1, ed. Henning (London: History of Parliament Trust, 1983), 10; David W. Hayton, «Introductory Survey», in *The Commons, 1690–1718*, ed. Hayton (Cambridge: History of Parliament Trust, 2002), 1:302; Perry Gauci, *The Politics of Trade: The Overseas Merchant in State and Society, 1660–1720* (Oxford: Oxford University Press, 2001), 198.
15. *Proposals Humbly Offered to the Honourable House of Commons* [1690s], [1].
16. Guy Miegé, *The New State of England under Their Majesties K. William and Q. Mary*, 2 vols. (London: H. C. for Jonathan Robinson, 1691), 2:218–19, 229; Barillon and Bonrepaus (Windsor) to Louis XIV, 2/12 June 1687, NA, PRO, 31/3/170, fol. 49r.
17. Miegé, *New State of England*, 2:218–19.
18. Miegé, *New State of England*, 2:218–19; Steve Pincus, «The State and Civil Society in Early Modern England: Capitalism, Causation and Habermas' Bourgeois Public Sphere», in *The Politics of the Public Sphere in Early Modern England*, ed. Peter Lake and Pincus (Manchester: Manchester University Press, 2007).
19. Compare Brenner, *Merchants and Revolution*, 713.
20. Peter Earle, *The Making of the English Middle Class* (Berkeley: University of California Press, 1989), 10, 335; L. E. Klein, «The Political Significance of 'Politeness' in Early Eighteenth-Century Britain», in *Politics, Politeness, and Patriotism*, ed. Gordon J. Schochet (Washington, DC: Folger Shakespeare Library, 1993), 84–87; Lawrence Klein, «Liberty, Manners and Politeness in Early Eighteenth-Century England», *Historical Journal* 32 (1989): 588; J. Paul Hunter, *Before Novels: The Cultural Contexts of Eighteenth-Century English Fiction* (New York: W W Norton, 1990), 97; Ian Watt, *The Rise of the Novel* (Berkeley: University of California Press, 1957).
21. Gauci, *Politics of Trade*, 94, 109–10, 209, 272; Julian Hoppit and Joanna Innes, «Introduction», in *Failed Legislation, 1660–1800*, ed. Julian Hoppit (London, 1997), 8–10; Susan Whyman, *Sociability and Power in Late-Stuart England* (Oxford: Oxford University Press, 1999), 80; Hunt, *Middling Sort*, 3.
22. Compare Linda Colley, *Britons: Forging the Nation, 1707–1737* (New Haven and London: Yale University Press, 1992), 135.

Использованные рукописи

University of Aberdeen, Special Libraries and Archives, Aberdeen

MS2126 Diary of James Gordon of Foveran

MS2403 Letters of James Drummond

MS2740 Ogilvie-Forbes Papers, Box 3/Bundle 12 Pittrichie Papers

MS2957 King Family of Tertowie

All Souls College, Oxford, Codrington Library

221–222, 257 Owen Wynne Papers

317 Sir William Trumbull, Autobiography

Bank of England Archives, London

AC27 Stock Ledgers

AC28 Stock Book Transfers

ADM 7 General Ledger

G4 Minutes of the Court of Directors

G7 Minutes of the General Court of Proprietors

M1 Museum Book and Document Collections

M5 Secretary's Department

M6 Museum Documents

M7 Miscellaneous Books

Beinecke Library, Yale University, New Haven

OSB Files

OSB MSS1 Edmund Poley Papers

OSB MSS2 William Blathwayt Papers

OSB MSS11 Birchall Papers

OSB MSS41 Southwell Papers
OSB MSS44 Temple Family Letters
OSB MSS60 Newsletters, 1691–1694
OSB Shelves b.33 Brook Bridges, Notabilia
OSB Shelves b.100 Sir William Dutton Colt Letters
OSB Shelves b.142 Treatise on Magna Carta, 1687
OSB Shelves b.153 Trade Tracts Late Seventeenth Century
OSB Shelves b.314 Narcissus Luttrell, «Travells»
OSB Shelves b.316 Henry Sidney Letters to Blathwayt
OSB Shelves b.317 Shrewsbury to Blathwayt Letters
OSB Shelves fb.27 Late Seventeenth Century Tracts
OSB Shelves fb.53 Parliamentary Collections
OSB Shelves fb.70 Political Poetry, 1680–1700
OSB Shelves fb.85 Lorenzo Magalotti Collection
OSB Shelves fb.124 Sir Richard Bulstrode Papers
OSB Shelves fb.190 Letters to Dartmouth
OSB Shelves fb.207 Poetical Commonplace Book
OSB Shelves fb.210 Newsletters to Lady Clopton, 1688–1689
OSB Shelves fb.239 James Cressett Correspondence
OSB Shelves fc.66 William Fuller, Autobiography
OSB Shelves Gordonstoun Papers
Gen MSS216 Chardin Papers

Berkeley Castle Muniment Room

MSS36A-B Diplomatic Correspondence of Earl Berkeley, 1689–1693

Berkshire Record Office, Reading

D/EHr Henry Hunter Papers D/ED Downshire Manuscripts

Bodleian Library, Oxford

Aubrey MSS

Ballard MSS

Carte MSS

Clarendon MSS

Don.b.16 Letters of Edward Tucker, 1662–1707

Don.c.38 – c.39 Fleming Newsletters

Don.c.169 Henry Ashurst Letterbook

Eng.Hist.b.193 Letters to Edward Fisher, 1688

Eng.Hist.b.205 Papers of John Warner

Eng.Hist.b.209 Sir Richard Cocks Papers

Eng.Hist.c.201 Sir Richard Temple Papers
Eng.Hist.c.476 Herrick Family Papers
Eng.Hist.c.487 Edmund Ludlow «A Voyce from the Watchtower»
Eng.Hist.c.711 Roger Whitley Diary
Eng.Lett.c.8 Paul Rycout-Clarendon Correspondence
Eng.Lett.c.28–29 Letters to Henry Dodwell
Eng.Lett.c.53–54 Philip Madoxe-Robert Southwell Correspondence
Eng.Lett.c.200 Letters to Benjamin Furley
Eng.Lett.e.29 Henry Family Correspondence
Eng.Poet.d.53 Misc. Poetry Locke MSS

Rawlinson MSS

A266 Sunderland letters to Ambassadors
A326 Papers on Foreign Affairs, 1686–1702
A336 Misc. Papers
B497 Letters of Dr. Robert Huntington, 1684–1688
C130 Proceedings and Judgment in East India Company v. Sandys
C417 Sylvius Despatches, 1685–1686
C449 Minute Book of New East India Company
C746 Royal Africa Company Letters, 1681–1699
C983 Misc. Letters D60 Miscellaneous Letters
D91 «A Copy of a Letter», 1689
D148 Colonel Norton's «Account of the Revolution in the Army 1688»
D747 East India Company Papers
D749 Sir Gabriel Sylvius Papers, 1685–1689
D863 Rawlinson Family Papers
D1079 Account of Revolution, 1688–1689
Lett. 42 Misc. Letters
Lett. 47–48 Edmund Warcup-Hugh Jones Correspondence
Lett. 91 Letters to Dr. Thomas Turner
Smith MSS
Tanner MSS
Wood F.39 – F.45 Anthony Wood Papers

British Library, London (BL)

Additional MSS (Add.)

2902 Collection of Papers: Trade
3828 Miscellaneous Legal and Historical Papers
4107 Birch Papers

4182 Newsletters, 1684–1695
 4194 Letters to John Ellis
 4236 Birch Collection: Tillotson Papers
 4292 Birch Collection
 4295 Toland Papers
 5540 John Cary Papers
 7080 Letters to R. Newport, 1689–1692
 8880 Paget Letters
 9363 Political Tracts
 9735 Blathwayt Papers
 9807 Letters of Sir W D. Colt
 11513 Sir George Etherege Letterbook
 11689 Scudamore Papers
 15857–15858 Sir Richard Browne and John Evelyn Correspondence
 15949 Evelyn Correspondence
 17677 Netherlands Transcripts (multiple volumes)
 18979 Fairfax Papers
 19254 James Drummond Letters
 21483 Letters to James II
 21494 Letters to Sir Robert Southwell, 1686–1705
 21551 Letters to George Stepney, 1690–1706
 22185–22186 Sir Henry Johnson Papers
 22640 John Greene's Verse Collection
 23722 Political Poetry Collection
 24357 Thomas Cartwright Diary
 27395–27397 Gawdy Family Correspondence
 27440 Charles Allestree Memoirs
 27447–27448 Paston Correspondence
 28079 Godolphin-Osborne Papers: Danby's Tracts Relating to Trade
 28087 Edward Osborne Letters
 28089 Papers Relating to Colonies in America
 28226 John Caryll Letters and Papers
 28227 Caryll Family Correspondence
 28569 Savile and Finch Correspondence
 28875–28876 Ellis Papers
 28929 Humphry Prideaux – John Ellis Correspondence
 28930–28931 Ellis Family Correspondence
 28955 Ellis Collection of Political and Satyrical Pieces
 29563 Hatton Family Correspondence
 29578 Sir Charles Lytleton-Christopher Hatton Correspondence
 29582–29583 John Fell-Christopher Hatton Correspondence
 29585 Sir Edmund King-Christopher Hatton Correspondence

29594 Nottingham-Hatton Correspondence
 29910 Swynfen Papers
 29911 Jervis Correspondence
 30277 Hugo Papers
 31141 Lord Strafford Correspondence
 31152 Political Verse
 32095 Malet Collection
 32681 Correspondence of Henry Sidney, 1681–1691
 34095–34096 Letters to Sir William Dutton Colt, 1690–1693
 34152 Kent Letters
 34340 Negotiations between England and the Netherlands
 34487 Mackintosh Collection – Newsletters
 34502 Mackintosh Collection – Ronquillo Letters
 34507–34512 Mackintosh Collection – Political Correspondence from
 Dutch Archives
 34515 Mackintosh Collection – Correspondence from Portland Collection
 34519 Charles Talbot-Shrewsbury Correspondence
 34730 West Papers
 36540 Paston Family Correspondence
 36662 Letters to R. D. Colt
 36707 Letters to James Harrington
 36988 Paston Correspondence
 37660 Letterbook of Earl of Melfort, 1689–1690
 38012 Letters to Rev. William Moore
 38013 Correspondence of Thomas Coxe, 1689–1692
 38052 Sir Robert Southwell Correspondence
 38329 Liverpool Papers
 38493–38495 Letterbook of Antony Moreau (Polish Ambassador at The
 Hague)
 33847 Hodgkin Papers
 38855 Hodgkin Papers
 38695 War Office Correspondence, 1688–91
 40060 Political Poems
 40160 William Lloyd's Commonplace Book
 40621 Harley Papers
 40629 Cassiobury Papers
 40771 Vernon Papers
 40794 Vernon Papers – Memoirs of James Vernon
 40800 Letterbook of Hugh Greg, 1694–1695
 41804–41805 Middleton Papers
 41809–41821 Middleton Papers – Letters to Secretaries from Foreign
 Envoys

41823 Middleton Papers – Middleton's Outgoing Letters
 41824–41827 Middleton Papers – Hamburg Correspondence
 41842 Middleton Papers – Miscellaneous Correspondence
 42586 Brockman Family Correspondence
 45731 Poley Papers
 46961–46962 Egmont Papers – Correspondence of Sir John Percival
 47022 Egmont Papers – Correspondence Re: Public Affairs
 47131 Egmont Papers – The Interest of the Crown in American Plantations,
 1685
 47840 Radclyffe Papers
 49605 Wilson Papers
 51319 Holland House Papers – Correspondence of Sir Stephen Fox
 51335 Holland House Papers – Papers of Charles Fox
 52279 Diary of Sir William Trumbull
 52475A BRA Papers – Letters to Sir Richard Temple
 54185 Joshua Sager Sermon Notes from Nonconformist Academy nr. Sheffield
 56245 Blathwayt Correspondence
 61689–61690 Blenheim Papers: Wildman Correspondence
 61903 Peter Le Neve Diary
 62081 Pythouse Papers – Bennett Family Correspondence
 62453 Sir Robert Clayton's Monmouth Rebellion Papers
 63465 Wentworth Papers
 63629 Albemarle Papers
 63765 Preston Papers – Letters from England
 63770 Preston Papers – Letters from Informants
 63773 Preston Papers – Elections and North America
 63776 Preston Papers – Newsletters and Political Verse
 64814 Revolution Society Minutes
 69936 John Coke Correspondence
 69943 John Coke Correspondence
 69953 Coke Papers – Devonshire Horse Regiment
 69955 Coke Papers – Test and Corporation materials
 70013–70014 Harley Papers
 70235 Sir Edward Harley – Robert Harley Letters
 70095 Harley Verses
 70112–70125 Sir Edward Harley Correspondence
 70140 Sir Edward Harley-Edward Harley Correspondence
 70158–70159 Harley Excise and Customs papers
 70225–70226 Foley-Harley Correspondence
 70289 Musgrave-Harley Correspondence
 70236 Edward Harley-Robert Harley Correspondence
 70358 Letters to Matthew Prior

70500 Cavendish Papers
70504 Earl of Clare Papers
71573 Oliver Le Neve Letters
71691–71692 Sir William Boothby Letterbooks
72481–72620 Trumbull MSS (some read before given Add mss numbers)
72853 Petty/Southwell Correspondence
72866 Petty Economic Papers temp. James II
72867 Petty Projects
72889 Petty Papers on Liberty of Conscience
72890 Petty Statistical Papers
78299 John Evelyn Letterbook, 1679–1698 (read before number assigned)
78919 Osborne Papers, 1690–1699

Althorp MSS

C2 Letters to Halifax regarding Yorkshire Elections
C3 Letters to Halifax from Strafford and Chesterfield
C5 Letters to Halifax from Weymouth and Sunderland
C8 Halifax Correspondence
C17 Miscellaneous Halifax Letters

Egerton MSS1169 Autograph Letters

1533 Autograph Letters
1717 Bentinck Papers
2231 John Aubrey Correspondence
2346 Papers of the Blue and Orange Society, 1714
2395 Papers Relating to English Settlements in America
2618 Historical Letters and Papers
2651 Barrington Papers
2717 Gawdy Family Papers
3335–3336 Danby Correspondence
3680 Bulstrode Papers – Letters to Sir Richard Bulstrode
3681 Bulstrode Papers – Letters from Skelton, Wyche
3683 Bulstrode Papers – Letters from Sir John Lytcott

Evelyn Papers

EL 3 John Evelyn's Library Catalogue, 1687
JE A2 Letterbook, 1679–1698
JE A4 Letters from Family, 1652–1705
JE A6 Letters from Family, 1636–1699
JE A9 Godolphin Correspondence

JE An Letters from Tuke Family and Lady Sunderland
JE A15 Letters from Ralph Bohun, Samuel Pepys, and Benjamin Tooke
JE A19 General Correspondence, 1680–1689
JE D7 Notes on Trades
JE F5 Sermon Notes
JE G1 Public Affairs
JEJ 1 John Evelyn Jr. Letters
ME2 Mary Evelyn's Letters from John Evelyn
UP 1–2 Autograph Letters of Nobility
UP 6–8 Autograph Letters of Writers and Antiquaries

Harleian MSS1283 Edward Battine, «The Method of Building,» 1685
4716 Thomas Baskerville Collections 6845 Historical Papers

Lansdowne MSS1152 A-B Bridgman's Collections
1163 A-C Earl of Melfort Letterbooks

Loan MSS57/1 Bathurst Papers
57/20 Bathurst Papers
57/70 Bathurst-Allicock Correspondence
57/71 Bathurst-Anne Correspondence
57/83 Bathurst Papers – Outletters as Sub-Governor of Royal Africa Company
57/84 Bathurst Outletters, 1692–1709

Sloane MSS2903 Philosophical Papers

Stotve MSS292 State of England, 1695
304 Sir Richard Temple Papers
746–747 Dering Correspondence

British Postal Museum and Archive, London

POST 1/1 Early Letter Book
POST 23/1 Early Documents
POST 94/12 Whitley Letter Book
POST 94/16 Whitley Letter Book
Ref 1–10B Thomas Gardiner, Survey of the Post Office, 1677

Buckinghamshire Record Office

Claydon House Papers (Verney MSS) (read on microfilm)

Centre for Kentish Studies, Maidstone

U23 Wykeham Martin MSS

U120 Filmer Papers

U133 Dering MSS

U145 Faunce-Delaune MSS

U269 Sackville Papers

U386 Darrell MSS

U951 Knatchbull Papers

F15 Diary of Philip Skippon

F46 Diary of Sir John Knatchbull

U1015 Papillon MSS

U1475 De Lisle MSS

U1500 Sidney MSS

U1590 Stanhope of Chevening Papers

Christ Church, Oxford

William Wake Papers

Churchill College, Cambridge

Thomas Erie Papers

Colonial Williamsburg Foundation, Williamsburg, Virginia

William Blathwayt Papers

Cumbria Record Office, Carlisle

CB/ME Purchased Musgrave Records

D/Hud Huddleston family papers

D/Lons Lonsdale Papers

D/Mus Musgrave papers

D&C Machell MSS Topographical notes of Thomas Machell

D&C Nicolson MSS Antiquarian materials of William Nicolson

Cumbria Record Office, Kendal

WD/CAT Curwen Archives Trust – Musgrave

MSS WD/Cr Crewdson Family Papers

WD/Ry Rydal Hall MSS (Fleming)

WSMB/A Borough of Appleby Records
WDX/1229 Tryon-Wilson Family Papers
WDY/165 Fleming Photocopies

Doctor Williams' Library, London

DWL 12.78 Thomas Jollie Papers
DWL 31 Roger Morrice Papers
 J Chronological Account of Eminent Persons
 M Miscellaneous MSS
 P, Q Entering Books
 T Debates in Parliament 1685
DWL 90.4 Sarah Savage's Letterbook
DWL 201.38 Stillingfleet Letterbook

Duke University, Special Collections Library, Durham, North Carolina

6th 16: A (sm. Brit. Coll., Box 4) Le Neve Letters

East Sussex Record Office, Lewes

ASH Asburnham Papers (Diaries and Letterbooks)

Edinburgh University Library

La.II.60 Gray Correspondence La.III.545 Diary of Robert Kirk, Minister of
Aberfoyle

Essex Record Office, Chelmsford

D/DP Petre Family Papers
D/DU Blyth Family Papers
D/DL Dacre Family Papers
D/Dfa Dawley and Cutler Family Papers
D/Deb Bramston Family Papers
D/Dby Braybrooke Papers
D/DW Z6/2 John Conyers' Northern Journey

Folger Shakespeare Library, Washington, DC (FSL)

F.c. 17-34 Thomas Booth Letters
L.c. Newdigate Newsletters

M.b. 12 Political Satires, 1672–1704
V.a. 343 Sir John Cotton Papers and Speeches
V.a. 399 Poetry Commonplace Book, 1675–1725
V.a. 469 William Westby Memoirs
V.b. 25 Sir T. Gresly-Sir John Moore Letters
V.b. 150 Sir Robert Southwell Papers
V.b. 287 James Fraser Letters
V.b. 294 Edward Southwell Papers
V.b. 305 Norfolk County Collections
X.d. 439 Blathwayt Papers
X.d. 451 Rich Papers

Friends House Library, London

MS Box C3 John Field Account of Life and Sufferings
MS Box E Swarthmore MSS
MS Box G1/6 Diary of Jonathan Burnyeat Port 8/163 Port 15/139
MS Vol. 77 Journal of Thomas Gwin
MS Vol. 268 A History of Joseph Pike of Cork by Himself

Georgetown University Library, Washington, DC

Jesuit Commonplace Book Milton House Archives

Guildhall Library, London

507 Sir John Moore Papers
3504 Sir John Moore Personal Papers
5099 London Charter Papers, 1688
7927 A New England Company Letterbook, 1688–1761
7932 New England Company Evidences, 1662–1780
7936 New England Company Original Correspondence, 1657–1714
7952 New England Company Loose Court Minutes, 1655–1816
7955 New England Company Correspondence from Boston, 1677–1761
7956 New England Company General Correspondence, 1664–1780
8493A Robert Clayton's Papers
10116 East India Company Chaplain Licensing Papers, 1685–1689
10823 George Boddington Commonplace Book
11741/2 Russia Company Court Minutes, 1683–1699
12017 Sir John Fryar Autobiography
17626 Sir John Shorter Papers

Hampshire Record Office, Winchester

63M84/235 Samuel Heathcote of Hackney Notebook

Harry Ransom Center, University of Texas, Austin (HRC)

HRC119 Oliver Freeman Diary Pforzheimer Collection

Harvard University, Theatre Collection, Cambridge, Massachusetts

FMS THR11 George Etherege Letterbook

Hertfordshire Archives and Local Studies

Cowper MSS

Hoare's Bank, London

HB/5/H/1 Money's Lent, 1696–701 HB/8/A Releases HB/8/B Bonds

House of Lords Record Office (Parliamentary Archives), London (HLRO)

HC House of Commons Papers

HL House of Lords Papers (including Main Papers)

WIL Willcocks Collection

WMT William and Mary Tercentenary Trust Papers

Huntington Library, San Marino, California (HEH)

Blathwayt Papers (BL)

Edmund Gibson Collection

Ellesmere Papers (EL)

Hastings Papers (HA)

HM 929 John Tillotson «Dialogue»

HM 1264 Nehemiah Grew «The Means of a Most Ample Increase of the
Wealth and Strength of England»

HM 6131 Life of John Rastrick

HM 30659 Tamworth Newsletters Parker Family Letters (uncataloged)

Shovell-Rooke Papers

Stowe-Grenville Papers (STG)

Stowe-Nugent Papers (STN)

Stow-Temple Papers (STT)

Stowe General Volumes (ST)

9 Royal African Company Papers

13 James Brydges' Notes, 1697
26 James Brydges's Journal, 1697–1702 (2 vols.)
31 Excise Papers, 1662–1718
57 Chandos Out-Letterbooks (vol. 2)
152 Sir Richard Temple's Ledgerbook, 1677–1688
153 Sir Richard Temple's London House Book, 1688–1691

India Office Library, London (IOL)

E/3 Correspondence with the East

/44 26 March 1684–24 March 1685
/45 29 March 1685–24 March 1686
/46 9 April 1686 – March 1687
/47 11 April 1687 – March 1689
/90 Despatch Book, 1682–1685
/91 Despatch Book 21 October 1685–10 December 1688

H/36 Home Out-Letters, 1688–1699
H/40 Josiah Child Letters, 1691–1694

European MSS

D1076 Thomas Bowrey Papers
E210 Sir Streynsham Master Papers
E387/B Lawrence Letterbook

King's College, Cambridge

Keynes MSS118, 119, 149 Newton MSS

Lambeth Palace Library (LPL)

Fulham Papers/Compton MSS
Fulham Papers/American Colonial Section
Gibson Papers
742/34 Andrew Paschall, «Account of Monmouth's Rising»
746 Accounts of Taxes, 1688–1698
933 Misc. Letters
1029 Tenison Letters
1834 Misc. Mss.
2932 William Wake Autobiography

3016 Abigail Prowse, «Life of Bishop George Hooper»
3152 Journal of Simon Digby, Oct. 1688–Feb. 1689
3894 Sancroft-Lloyd Correspondence, 1680–1692
3895 Frampton-Lloyd Correspondence, 1680–1703
3898 Lloyd Papers, 1687–88

Lancashire Record Office, Preston

DD/B Parker of Brownsholme Papers
DD/Ba Bankes of Winstanley Papers
DD/Bb Blundell of Halsall papers
DD/B1 Blundell of Little Crosby Papers
DD/HK Hawkshead-Talbot of Chorley Papers
DD/In Blundell of Ince Blundell
DD/K Derby Papers
DD/Ke Kenyon of Peel Papers
DD/M Molyneux, Earl of Sefton Papers
DD/Sa Sandys of Esthwaite and Graysthwaite Papers (Rawlinson Family Correspondence)
MSS of The Rawstorne Diary, 1687–1689 (edited by Richard D. Harrison)

Lichfield Record Office, Lichfield

B/A/19 Letterbook and Papers of John Husband

Lilly Library, Indiana University, Bloomington (Indiana)

Albeville MSS
Augustan MSS

Liverpool Record Office, Liverpool

920 MD172–174
Diary of Sir Willoughby Aston (1640–1702)
Diary Covers, 1680–1701

Longleat House, Wiltshire

Muddiman MSS
Prior MSS
Thynne MSS

Magdalen College Archives, Oxford

Ministere des Affaires Etrangeres, Paris (MAE)

Correspondance Politique (CP)

Angleterre

Hollande

Memoires et Documents (MD)

Angleterre

National Archives of Scotland, Edinburgh (NAS)

GD18 Clerk of Pennicuik Papers

GD29 Kinross House Papers

GD112 Breadalbane Muniments

GD124 Earls of Mar and Kellie

GD158 Hume of Marchmont Papers

GD160 Drummond Castle Papers

GD406 Hamilton Muniments

SP 3 Letterbooks of James Johnston, 1692–1694

SP 4 Warrant Books of the Secretary for Scotland

National Library of Scotland, Edinburgh (NLS)

Adv. 24.4.6 John Lauder, «Historical Observes»

974 Angus Papers

2781 Commonplace Book of Rev. John Hunter of Ayr, 1685–1711

2785 Late Seventeenth Century Commonplace Book

3807 Satirical Poems

5071 Erskine-Murray Correspondence

6141 Liston-Fowlis Correspondence

6409 Pitfirrance Papers

7010–14, 7026–27, 7035, 7104, 14403–4, 14407, 14414, 14417

Yester/Tweeddale Papers

9250 Dunlop Papers

17498 Fletcher of Saltoun Papers Wodrow Manuscripts

National Maritime Museum, London (NMM)

DAR/ Dartmouth Papers

JOD/6 Diary of Rev. Henry Teonge

JOD/173 Journal of Samuel Atkins
LBK/1 Sir John Narborough's Letterbook
LBK/3 Sir Anthony Deane's Letterbook
LBK/49 James II – Dartmouth Correspondence
MS81/116 Papers of Rear Admiral Robert Fairfax
GOS/9 Edward Randolph's Discourse on Pirates
PLA/ Phillips Collection
SER/ Sergison Papers
SOC/21 Royal Navy Club Minutes
SGN/A/2 Fighting Instructions, 1687
SOU/ Southwell Papers

North Yorkshire Record Office, Northallerton

ZCG:

Nathaniel Cholmley Letterbook, 1682–1691
John Cholmley Letterbook, 1664–1695

Nottingham University Library, Nottingham

PwA Willem Bentinck Papers/Portland Papers

PwV Portland Papers:

53 Blathwayt-Southwell Correspondence
60–61 Poverly-Southwell Correspondence

Pepys Library, Magdalene College, Cambridge

2869–2880 Miscellany of Matters Historical, Political and Naval

Provincial Archives of Manitoba, Winnipeg

Hudson's Bay Company Archives

HBCA A.1/8–10 Court and Committee Minutes

National Archives, Kew Gardens (NA)

ADM 2 Admiralty Out-Letters

ADM 77 Newsletters

C104 Chancery Master Exhibits

/63 Rev. John Henry Cary papers

C110 Chancery Masters Exhibits

/81–82 Thomas Pitt Correspondence

C213 1696 Association Rolls
 C214 1696 Association Rolls
 CO 1 Colonial Office General Series
 CO 5 Board of Trade
 /904 Reports, 1679–88
 CO 77 East Indies
 /14 1678–6
 /16 1689–1725
 CO 134 Hudson's Bay
 /1 1675–1689
 CO 135 Hudson's Bay Company
 /1 1670–1689
 /2 Anglo-French Negotiations re Hudson's Bay, 1687–1688
 CO 268 Ivory Coast
 /1 Africa Company Letters and Petitions, 1670–1691
 CO 388 Board of Trade
 /2 Petitions, 1662–1693
 CO 391 Board of Trade Entry Books
 /5 1684–1686
 /6 1686–1690
 CUST 37 Revenue Statistics
 /1 Gross and Net Produce of the Customs
 CUST 48 Excise Board Correspondence
 /3–4 1685–1692
 E351/1324 Excise General Accounts 1685
 E351/2757–2760 Declared Accounts: Post Office
 FO 95/ 573–574 D'Avaux Papers
 FO 335 Foreign Office Tunis Records
 PC2 Privy Council Minutes
 PRO 30/24 Shaftesbury Papers
 PRO 31/3 Baschet Transcripts
 SP 8/ King William's Chest
 SP 9/ Joseph Williamson's Papers
 SP 29/ State Papers, Domestic, Charles II
 SP 31/ State Papers, Domestic, James II
 SP 44/ State Papers, Entry Books
 SP 77/ State Papers, Foreign, Flanders
 SP 78/ State Papers, Foreign, France
 SP 79/ State Papers, Foreign, Genoa
 SP 80/ State Papers, Foreign, Germany Empire
 SP 81/ State Papers, Foreign, Germany States
 SP 84/ State Papers, Foreign, Holland

- SP 85/ State Papers, Foreign, Rome
- SP 89/ State Papers, Foreign, Portugal
- SP 92/ State Papers, Foreign, Savoy
- SP 94/ State Papers, Foreign, Spain
- SP 95/ State Papers, Foreign, Sweden
- SP 96/ State Papers, Foreign, Switzerland
- SP 98/ State Papers, Foreign, Tuscany
- SP 99/ State Papers, Foreign, Venice
- SP 101 Newsletters
 - /79 Rome. 1673–1705
- SP 103 Treaty Papers
 - /104 Grand Alliance, 1689–1702
- SP 104 Foreign Entry Books
 - /19 France, 1680–1689
- SP 105 British Legations
 - /82 Correspondence to George Stepney, 1686–1695
 - /83 Memorandum Book of George Stepney, 1689–1695
 - /145 Register Book of the Levant Company, 1668–1710
 - /155 Minute Book of the Levant Company, 1685–699
 - /343 Correspondence and Papers of Factory at Aleppo, 1687–1842
- SP 110 Aleppo Letterbooks
 - /16 Letterbooks of Factors at Aleppo, 1683–1690
- T 48 William Lowndes Papers
 - /35 Papers regarding Hearth Tax Collection, 1680–1689
 - /87 Miscellany /88 Miscellany
- T 64 Miscellaneous Records
 - /88 Journal of William Blathwayt, 1680–1697
 - /302 Papers of Gregory King
- T 70 Africa Company Papers
 - /11 Abstracts from Africa, 1683–98
 - /12 Abstracts from the Indies, 1683–1698
 - /57 Plantations Letterbook, 1687–1701
 - /81 Court of Assistants Minute Book, 1684–1687
 - /82 Court of Assistants Minute Book, 1687–1690
 - /163 Advice Books, 1685–1694
 - /164 Advice Books, 1694–1696 /169 Petitions
 - /1433 Reports/Complaints, 1685–1702
- WO 4
 - /1 General Letters, 1684–1690
- WO 30
 - /48 «Abstract of Particular Account of All the Inns, Alehouses in England», 1686

WO 89 Courts Martial
/1 1666–1697

Public Record Office of Northern Ireland, Belfast (PRONI)

T2929 Rossmore Papers

School of Oriental and African Studies, London (SOAS)

PP MS4 Paget Papers

Scottish Catholic Archives, Edinburgh (SCA)

Bl Blairs MSS
SM Scots Mission MSS

Sion College Library, London

L 40.2/E41 Thomas Bennet Notebook, 1686–1719

Somerset Record Office, Taunton

DD/L Luttrell Papers
DD/PH Phelps Papers
DD/SF Sanford Papers (Edward Clarke)
DD/SPK Speke Papers
DD/Whb Button-Walker-Heneage Muniments
DD/Whh Helyar of Coker Hall Papers
DD/WO Trevelyan Papers
DD/WY Wyndham Papers
Q/SR Quarter Session Records

Staffordshire Record Office, Stafford

D(w) 1734 Paget Papers
D(w) 1778 Dartmouth Papers
D742 Further Dartmouth Papers
D1366/2 Newton Papers

Trinity College, Cambridge

MS R.4.43 Newton-Covel Letters

University College, Oxford

P2 Anthony Wood Correspondence

Victoria and Albert Museum, London

Forster and Dyce Collection

F.47.A.40 Ormonde Papers

Warwickshire Record Office, Warwick

CR136 Newdegate of Arbury Papers

CR1998 Throckmorton Papers

CR2017 Fielding of Newnham Paddox Papers

Algernon Sidney «Court Maxims»

Westminster Diocesan Archives, London

Old Brotherhood Archives

Archbishops of Westminster Archives «A» Series

West Yorkshire Archive Service, Leeds (WYAS)

MX Mexborough MSS Thoresby MSS

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Научно-популярное издание

Стивен Пинкус

1688 год. Первая современная революция

Ответственный редактор *Н. Никитенко*
Технический редактор *Т. Полонская*
Компьютерная верстка: *Р. Рыдалин*

Наш электронный адрес: www.ast.ru.

E-mail: neoclassic@ast.ru

ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

ООО «Издательство АСТ»

129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, стр. 3, ком. 5

«Баспа Аста» деген ООО

129085 г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 3 құрылым, 5 бөлме

Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru

E-mail: neoclassic@ast.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;

E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 06.12.2016. Формат 60х90 1/16. Усл. печ. л. 58,0.

Страницы истории: тираж 1500 экз. Заказ 4509.

История в одном томе: тираж 1500 экз. Заказ 4510.



Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

www.oaompk.ru, www.oaompk.ru тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685



Английскую «Славную революцию» 1688 года, в результате которой был свергнут последний из королей династии Стюартов Яков II, принято считать не только мирной и бескровной, но и почти патриархальной — ведь ее поддерживали в равной степени все наиболее консервативные слои тогдашнего английского общества — от высшей аристократии до крестьянства.

Стивен Пинкус, анализируя перемены, которые принесла «Славная революция» не только Великобритании, ее заокеанским колониям, но и всей Европе, приходит к неожиданному выводу: именно эта первая современная революция положила начало обществу либерализма, терпимости, торжества закона, экономической и политической свободы.

ISBN 978-5-17-093349-5



9 785170 933495